

A digital illustration of a woman with long, dark, wavy hair, looking slightly to the right. She is wearing dark, metallic plate armor with a fur-lined cape. A sword with a braided hilt is visible behind her. The background is a dark, textured grey. A white banner with a black outline is positioned across the lower half of the image, containing the text 'song of the wind' in a white serif font.

song of the wind

Ладоням, что созданы для меча, не подходит изящное перо. Плечи, которым впору кольчуга, не лезут в шелковые платья. А душу, рожденную свободной, не удержать в золотой клетке из титула, регалий и богатства. Рада Тан'Элиан рвется на волю из душного плена брака, долга, происхождения. И судьба приходит за ней, судьба с глазами цвета штормового моря и арфой в тонких изящных пальцах. И теперь Раде придется разрушить все, чтобы последовать за ветрами перемен и зовом той, для кого она была рождена.

==== Глава 1. Компромисс =====

С бесконечной волнующейся стальной зыби океана поднялся ветер. Гребешки волн стремились и стремились на запад, перекатываясь, бурля, плюясь в небо белыми горстями брызг, и ветер подхватывал их и мчал вверх к стальным небесам, к далекому, темному берегу, утыканному острыми зубами скал. Перед преградой ветер разгонялся во всю мощь и швырял волны на скалы, и те разбивались о них с грохотом и шумом, обтачивая и обтачивая без конца остроконечные выступы. А ветер взвивался вверх, к молчаливым черным громадам гор, протискивался между ними, сметая с их склонов белоснежную порошу, и стремился все вперед.

Он мчался над бесплодной равниной, мимо одинокого черного утеса, от которого бежало прочь все живое, а воздух вокруг был тяжелым и дрожащим, словно желе. Мчался над водами отравленной черной реки, что так и прозвали Темноводьей, уныло тянущейся по бескрайней безводной пустыне. Он перепрыгнул через неприступные отроги гор и упал с их склонов на пустынные всхолмья, где земля была бурой и сухой, словно перемолотые в труху кости.

Но и здесь ему не было места, а потому он понесся дальше на запад, словно пытаясь обогнать лучи медленно встающего на востоке солнца. Через ручейки и реки, через холмы и травы, в земли, что носили печать заботливого прикосновения человеческих рук, через желтые поля, полные тугой, напитанной солнцем пшеницы, через деревни с запахом хлеба и заливистым лаем собак, через городки и города, все выше и выше растущие к чистому осеннему небу.

Играя, будто ребенок, ветер пронесся по улицам громадного города Латра, Столицы Мира, как называли его жители. Он взметнул пыль с широких вымощенных желтыми плитами проспектов, зашуршал листвой высаженных ровными рядами лип и ясеней. Он закрутил скрипучие флюгеры на крышах крытых черепицей домов, перемешал первые дымки над трубами, скрипнул калиткой громадного особняка, прорываясь сквозь тяжелую ажурную вязь металла — настоящее произведение кузнечного искусства. А потом ворвался в небольшую, утопающую в золоте спальню, взметнув белые занавески, заставив прижатые к столу бумажным прессом бумаги зашуршать по краям. И понесся дальше, сквозь огромный особняк, играя с бахромой портьер и дорогим шелком стальных панелей.

Белая занавеска, которую он всколыхнул, начала медленно опадать на место, провисая под собственным весом. Рада бросила на нее лишь один короткий взгляд, рассеяно подумав, что раннее утро достаточно свежо для того, чтобы прихватить с собой плащ. Впрочем, здесь, на юге, было гораздо теплее, чем там, откуда она совсем недавно прибыла, а потому и плащ она брала, скорее, по привычке, чем по острой необходимости.

Все это было не так уж и важно. Гораздо важнее сейчас был ее наряд, и от этого ей

хотелось выть. Никогда еще она не занималась таким бессмысленным делом, как переодевание, в течение как минимум получаса, и никогда еще ее жизнь не казалась ей настолько мерзкой, пустой и лживой, как сейчас.

Накрахмаленный белый воротничок откровенно душил ее, и Рада с мукой на лице оттянула его пальцем в сторону, надеясь, что это хоть как-то поможет. Вот только в высоком в человеческий рост золоченом зеркале было прекрасно видно, что если и поможет, то ненадолго. Казалось, проклятые служанки втерли в ее рубаху весь крахмал, который вообще имелся в Латре, и теперь та стояла колом, сжимая глотку почище рук старого наемника. Может, дождь пойдет, — с тоской подумала Рада. Однако за окнами было лишь высокое, начавшее багроветь по краю предрассветное небо, чистое-чистое, и дождя ожидать в такой ситуации не приходилось. Ладно, придется задыхаться.

Она еще раз одернула проклятый камзол, оглядывая себя со всех сторон. Ленар извел ее своими занудными комментариями и просьбами надеть платье, что она делать решительно отказалась, сообщив ему, что раз он так горит энтузиазмом, то может надеть его сам. После этого муж сдался и согласился на костюм в цветах его дома, и Рада выдохнула с облегчением. Вот только за те семь лет, что ее не было в городе, в моду вошли проклятущие оборочки и кружева. Сейчас они прямо-таки пенились у нее на груди и манжетах, и самой себе она больше всего напоминала большой куст хризантем, из которого торчали ноги и руки. Очередная идиотская затея идиотских разожравшихся и масляных от жира дворян, которые забыли даже, с какой стороны на коня влезать.

Просто потерпи. Ты обещала ему один единственный проклятый день. Один день. Потерпи.

Глубоко вздохнув, Рада внимательно присмотрелась к себе, стараясь игнорировать проклятущие кружева. Остальное было вполне сносно: черные сапоги до колена, натертые жиром до ослепительного блеска, как и нужно было, черные облегающие штаны (она вновь хмыкнула, представив, как будут шипеть все эти придворные змеи, упрятанные в кружева, глядя на ее длинные стройные ноги), черный камзол с длинными фалдами сзади и короткий спереди, по груди которого вверх взбирались вышитые золотой нитью вставшие на дыбы кони дома Тан'Элиан. Свои длинные золотые волосы Рада, как и всегда, увязала в толстую косу на затылке, чтобы не мешались и не лезли в глаза.

Морда вот, правда, подкачала. Здоровенный синяк на левом глазу, полученный ей с неделю тому назад в пьяной потасовке, конечно, почти что рассосался, но зеленоватые следы еще сохранились прямо под глазом и немного на виске. С другой стороны, они неплохо подчеркивали цвет ее бледно-голубых, льдистых глаз, и в этом была некоторая прелесть. Губа тоже поджила, но на ней совершенно ясно виднелся большой кусок коросты, который сдирать Рада не решилась. Уж лучше так, чем с кровавым ртом миленько улыбаться всем этим разряженным курицам и видеть, как бледнеют их лица даже под толстым слоем той бурды, которой они раскрашивались, чтобы их мужья не видели, насколько им повезло в жизни. Впрочем, исправить она уже ничего не могла, так что Ленару придется стерпеть и это. Ничего, как-нибудь переживет.

Оружие во дворец проносить не разрешалось, тем более ей, поэтому Рада лишь бросила один полный сожаления взгляд на собственный меч в ножнах, стоящий прислоненным к стене, а потом со вздохом прикрепила к поясу короткий кинжал, рукоять которого была просто улеплена золотыми завитушками. Использовать его как оружие можно было с величайшим трудом: гладкая золотая рукоять скользила в ладони похлеще, чем лоснящаяся

от жира задница короля по трону. Однако, Ленар в который раз уже сухо напомнил ей о том, что при дворе нужно «сохранять лицо», и Раде пришлось, скрепя сердце, взять этот проклятый кинжал как напоминание о ее статусе.

Еще раз критически оглядев себя в зеркале, она тяжело вздохнула. Взгляд сам потянулся к окну, и Рада вздохнула еще раз, глядя, как медленно наливается цветом высокое небо. С улицы тянуло прохладой, запахом приближающейся осени, ароматом первых хлебов, что уже начали выпекать в домах, и ветерок, что привольно врывался в комнату и играл занавесками, был бодряще свеж и сладок. Там было еще тихо, большой город только-только просыпался, открывая сонные глаза-ставни, зажигая первые огоньки, со скрипом распахивая накрепко запертые на ночь двери. И на широких проспектах еще не гроыхали телеги, не перекрикивались возницы, не гадили кони, вымешивая грязь копытами, не брехали собаки и не кudahтали торговки, переругиваясь из-за очередной цветной ленты. Город был еще тих, и Рада сейчас отдала бы почти что все, чтобы сесть на коня, да удрать отсюда поскорее, пока все это осиное гнездо не начало жужжать и шевелиться. Только этого нельзя было делать.

Один растреклятый бхарой драный день и все. Они все отстанут от тебя и, возможно, тебе даже найдется какое-нибудь дело, чтобы не пухнуть от тоски. Просто потерпи.

Вздыхнув, она подхватила с кровати аккуратно сложенный длинный черный плащ с золотыми конями дома Тан Элиан на стоячем воротнике и по подолу, а потом решительно вышла из своей комнаты. Это просто очередное сражение и ничего больше. Разница только в том, что тебе нельзя никого убивать. Это ведь не так сложно, правда? Даже когда очень хочется.

Золотая анфилада комнат, тянувшихся вдоль всего особняка, была освещена тусклым светом масляных ламп и светильников. Дневной свет был еще слишком серым и слабеньким для того, чтобы гасить лампы, а потому на резном золоте, дорогой поделочной кости, мраморе и полудрагоценных минералах играли отблески пламени. Тяжелые бархатные шторы свисали из-под самых потолков, таких высоких, что два человека встали бы друг другу на плечи и все равно не дотянулись; на постаментах у стен стояли драгоценные вазы из тончайшего фарфора, что привозили с далекого юга; бархат и шелк покрывали стены, мерцая загадочным рисунком объемной структуры ткани, какого так сложно, долго и дорого было добиться. Дом Тан'Элиан был одним из самых богатых домов Мелонии, и множество еще неоперившихся куриц рыдало в шесть ручьев, когда Ленар Тан'Элиан предложил руку и сердце не слишком-то родовой и давно всем намозолившей глаза эльфийке, а не им. Сама же Рада чувствовала себя так, словно продает свою свободу в обмен на золотую клетку. Вот только другого выхода тогда, долгие четырнадцать лет назад, у нее просто не было.

Сапоги гулко стучали по наборным паркетам из десятков пород дорогого привозного дерева, и Рада недовольно кривилась при каждом шаге. Красться здесь было просто невозможно, а ее походка всегда оставляла желать лучшего, как бы ни пытались при дворе ее приучить к чему-то иному. Ее ноги привыкли к грязи по колено и стремянам, к полупроходимым горным тропам, на которых приходилось скакать, словно козел, цепляясь за утесы когтями на ногах прямо сквозь сапоги, к весенне-осенней распутице и льду, намертво сковывающему многовековую грязь того, что в Северных Провинциях называлось высокопарным словом «дороги». К чему угодно, только не к наборным паркетам, представляющим собой произведения искусства, которые дважды в день регулярно натирала молодые служанки, поднося к небесам свою лучшую часть и причитая о своей тяжелой участи.

В такой ранний час эти стервятники уже не спали, и это тоже не приводило ее в доброе расположение духа. Порой Раде казалось, что в этом проклятом городе никто не делает вообще ничего, а потому и спать им просто не хочется. С видом крайне занятым и важным мимо нее по коридору прошел толстый Смотритель Света, глубоко поклонившись и едва не метя жидкой бороде пол. Смотритель Света, Боги! Этот бездельник всего лишь два раза в день наблюдал за тем, как еще с десятков точно таких же дармоедов зажигают и гасят все свечи во дворце. В нишах у стен, где хранился бесценный фарфор и миловидные статуи, молодые девчушки, украдкой позевывая, делали вид, что сметают пыль маленькими перьевыми щеточками. Еще издали заслышав тяжелую поступь Рады, они принимались с демонстративным усердием натирать тряпицей какое-нибудь невидимое пятно на золотой пилястре, а как только она уходила, снова приваливались к стене спиной и начинали дремать. Даже конюхи в этом поганом поместье, треклятые конюхи, которые должны были делать хоть что-то, имели заместителей конюшат, едва шевелившихся и ленивых до невозможности. Один из них, детина лет восемнадцати, весил больше Рады в два раза, и за его объемистым животом можно было спрятать чистокровного лонтронского жеребца, принадлежавшего Ленару. А возможно, еще и пару пони в придачу. Она вообще не понимала, каким таким чудесным образом получается, что стойла чистые и лошади не болеют, хотя грумы целыми днями прохлаждались во дворе, коротая время за бессмысленными разговорами ни о чем и лузганьем семечек.

Грозар, если и есть на свете милость твоя, то пусть все это одним куском провалится прямо под землю. А если нет, то ты уж все равно постарайся, ладно? Ее учили, что так думать не слишком-то хорошо: якобы Молодые Боги слушают думы смертных и исполняют все их желания не совсем тем образом, как им хотелось бы. Однако Рада смертной не была, это запросто могло означать, что Грозар вообще не слушал ее, ну или слушал через раз. И сейчас она не была уверена в том, чего ей больше хочется: чтобы он не услышал ни слова, или наоборот — расслышал все.

Мир, который окружал ее здесь, был таким наигранным, таким лживым и фальшивым, что иногда Рада от души не понимала, что же она все-таки здесь делает. Это началось уже очень давно, буквально с самого ее рождения, и никак не собиралось кончаться. Или хотя бы превращаться во что-то более-менее удобоваримое. Единственным светлым пятном за все это время была ее восьмилетняя ссылка в Северные Провинции, которая должна была стать наказанием за то, чего она не совершала, и всем это было прекрасно известно. Однако стала она лучшим временем в ее жизни, наполненным каким-никаким, но все-таки смыслом. И теперь ее милостиво «простили», разрешив (что примерно равнялось термину «приказав») вернуться ко двору, и вот это уже было самое настоящее наказание, от которого выть хотелось.

В Северных Провинциях все было просто как дважды два. Расположенные на берегу Северного моря, отделенные ото всей остальной Мелонии горами, Провинции эти были почти что сами по себе: то ли торговые порты государства, имеющего выход к морю, то ли притоны для пиратов, облюбовавших их едва ли не со времен Первой Войны с Кроном. В сущности, они представляли собой несколько десятков больших и маленьких поселений по береговой линии, достаточно богатых для того, чтобы содержать собственные наемные роты, однако недостаточно — чтобы окончательно отделиться от внутренней Мелонии и вести собственную политику. Восстания в них происходили с завидной регулярностью, примерно каждые три года, и заканчивались всегда одинаково: королевская армия прибывала на место,

вешала зачинщиков, отгоняла от берега пугливых, будто крикливые бакланы, пиратов, сжигала пару сараев с рыбой, чтобы неповадно было и впредь, а потом героически удалялась в закат, блистая ослепительно-начищенными доспехами без единой зазубрины от вражеского меча. За три последующих года деревни налавливали впрок рыбы, набивали карманы, а потом какой-нибудь очередной особенно крикливый паренек вновь провозглашал независимость и отделение, и все повторялось по кругу.

В год, когда Рада и напоролась на неприятности с королем, случилось нечто более серьезное. Самым расчудесным образом целых девять городков поморов объединились в единую коалицию, умудрившись не только не переругаться друг с другом, но даже выдвинуть собственного лидера и единую армию. Лорд Северных Провинций, чье звание являлось скорее номинальным, чем сколько-нибудь весомым, только услышав об этом, запаковал свои вещички и уехал в Латр, от греха подальше. От него весть о новом восстании и дошла до молодого Маркарда Тан'Ганда, только-только занявшего королевский трон. А пока в столице решали, что же делать, две трети Северных Провинций попали под контроль повстанцев, и ситуация накалилась до предела. Тогда-то пара предприимчивых молодых лордов и соорудила против Рады маленький заговор, в результате которого она возглавила состоящий из пяти сотен зеленых выпускников Академий отряд, гордо именуемый армией, и во главе этой «армии» и выступила на север, чтобы вернуть расположение трона и привести к руке Северные Провинции. Или сгинуть, как, собственно, и планировали ее недоброжелатели.

В результате все оказалось не так просто, как все они считали. Из своих новобранцев Рада быстро соорудила вполне себе боеспособную армию, а благодаря большому количеству золота и посулов сумела убедить оставшуюся лояльной треть Северных Провинций поддержать короля. Уже к концу первого года ее отряд вырос до полутора тысяч человек, а на побережье были освобождены целых три крупных города, оказывающих наибольшую материальную поддержку повстанцам. С пиратами тоже договориться оказалось достаточно легко: им было плевать, за кого воевать, их верность измерялась лишь в денежном эквиваленте, а корона предлагала больше повстанцев. Кампания, что должна была стать разгромной и закончиться почетными похоронами Рады, длилась всего два с половиной сезона, и в результате всех повстанцев перевешали, а сама Рада должна была возвратиться домой с триумфом. Вот только это не слишком-то укладывалось в планы ее недоброжелателей, и потому она застряла на севере еще на пять с половиной лет.

Впрочем, время это можно было назвать чудесным подарком, который сделали для нее эти двое недоумков, что так мечтали о ее гибели. Вернувшийся в Северные Провинции Лорд Тан'Легат, хорошенько приглядевшись к ней, поспешил ретироваться под высокие непробиваемые стены города Дера, закрывавшего ущелье между Северными Провинциями и внутренней Мелонией, и прислал довольно пространное письмо, суть которого сводилась к следующему. Рада должна была неопределенное время патрулировать побережье Северного моря на случай новых восстаний, а также приглядывать за полудикими обитателями северных хребтов, то и дело совершающих набеги на земли поморов. Денежное содержание ей выделили огромное, а никаких четких инструкций не предоставили, то есть просто и прямо откупились, что ее, естественно, порадовало до глубины души. И в итоге последние пять с половиной лет она занималась тем, что умела и любила больше всего на свете: тренировала себя и своих солдат, участвовала в мелких стычках и вылазках в горы, жгла пиратские корабли и пила с пиратами. И никто ее не трогал, пока Ленар, который все это

время хлопотал в Лагре о ее участии, не вымолил-таки для нее прощения и королевского помилования.

Этот поступок Рада считала главной ошибкой своего мужа. Ленар был человеком сухим, сдержанным, въедливым и педантичным, и имя его рода для него играло первостепенное значение, а это означало, что Раде все равно рано или поздно пришлось бы вернуться. Она знала, что Ленар рогом упрется, но добьется ее возвращения, и всячески пыталась отговорить его от этого в письмах, которые с большим опозданием, но все-таки переползали по разбитым вусмерть дорогам Северных Провинций. Однако, он оставался непреклонен. «Как Лорд Страны, я не могу допустить, чтобы моя жена прозябала вдали от столицы в обществе убийц и висельников, попавшая в него по ложному обвинению и несправедному навету. Потому я сделаю все, что только в моих силах, чтобы восстановить твое доброе имя и вернуть тебя сюда». Примерно такой ответ она получала на все свои вывороты и отговорки, и, в конце концов, ей пришлось смириться. Объяснить, что с висельниками и убийцами гораздо веселее и безопаснее, чем в набитом ядовитыми змеями дворце, у нее не получилось, а потому и спокойная свободная жизнь на чистом воздухе у моря закончилась, и началась зеленая тоска среди разноцветных рюшечек, напудренных щечек, золотых завитушек и полных ненависти речей, произнесенных приторно-сладким тоном. И вот как в такой ситуации можно не пить, а? Лично я не понимаю.

Выхолощенный слуга с лицом, которое, судя по виду, долго вылизывала до зеркального блеска языком соседская корова, поклонился ей в пояс и открыл дверь в небольшой зал, который Ленар отвел под обеденную комнату. Расположенный в угловой части дома, зал выходил окнами на север и восток, и сквозь колышущиеся на ветру занавески был виден небольшой сад с ровными дорожками деревьев и аккуратно подстриженными кустами. В этом садике Ленар любил гулять в свободное время, а Раду вид кустов, выстриженных в форме зверей и птичек, приводил в полнейшее уныние. Сейчас возле крайнего куста роз как раз ковырялся очередной бездельник, щелкая ножницами впустую и делая вид, что подравнивает ветви. Жалко, нельзя выплеснуть ему на голову таз с помоями. Это хотя бы немного развлекло его бесполезное существование.

Стены зала были обшиты бледно-зеленым бархатом, на котором висели небольшие акварели, изображающие пейзажи Северных Провинций и сцены из жизни поморов. Их заказал Ленар, стараясь угодить вернувшейся из ссылки супруге, и Раде оставалось только гадать, где их талантливый автор видел такие чистенькие дороги, ведущие через засаженные пшеницей холмы. Рада видела там только грязь и гальку, ничего кроме грязи, гальки и птичьего помета, ну, и иногда трупов каких-нибудь полудиких голозадых племенников с гор. И уж точно ничего похожего на дорогу. Однако, Ленар старался для нее. Несмотря на всю его несгибаемую веру в правильность ее возвращения, муж все-таки отдавал себе отчет в том, что ей нравилось на севере, а потому попытался создать для нее уютную атмосферу, полную привычных для нее вещей. Скрепя сердце, Рада должна была признать, что благодарна ему за такую заботу.

Сейчас Ленар уже ждал ее, сидя возле стола и не притрагиваясь к еде, пока она не присоединится к нему. Он всегда выглядел гораздо моложе своего возраста из-за сухого телосложения и мелких черт лица, потому в последние годы отпустил небольшую бородку, которая прятала недостаточно широкий, по мнению двора, подбородок. Его темно-карие глаза были чуть прикрыты, а на лице отсутствовало хоть какое-либо выражение. Впрочем, это лицо было таким всегда, с тех самых пор, как Рада впервые увидела его во время своей

учебы в Военной Академии. Лишь два раза в своей жизни она видела на нем что-то, похожее на нежность: в первый раз после рождения их дочери, во второй — сына. Все остальное время муж оставался сдержан и спокоен, как камень.

Сегодня его длинные по плечо каштановые волосы были туго зачесаны в хвост на затылке по последней моде Латра, а широкие, но костлявые плечи плотно обтягивал точно такой же черный камзол, как и тот, что был на Раде. Ленар во всем был аккуратен и педантичен, отслеживая свой внешний вид до мелочей в полном соответствии с видом жены. Раде вдруг стало ужасно интересно, что бы он сделал, увидев ее в драной коричневой куртке и состоящих из одних дыр штанах, с ног до головы вымазанной грязью, крадущейся ночью по улицам рыбацкого поселения под звучным именем Бакланья Топь в местный бордель, чтобы вырезать мертвецки пьяных бандюков, тревожащих все побережье. Заметил бы, что мне не идет коричневый цвет?

— Доброе утро, Рада, — голос у Ленара был густым и приятным, совершенно не вязавшимся с его худобой. — Надеюсь, ночь прошла спокойно.

— Доброе утро, Ленар, — кивнула она, отодвигая стул напротив мужа и присаживаясь к столу. — По мне, так слишком спокойно. Такое ощущение, что в Латре никто никогда никого не грабит.

— За преступностью следит стража Лорда-Протектора, а ты сама знаешь, что он отбирает только лучших, — негромко сообщил Ленар, беря со стола аккуратно свернутую салфетку и осторожно прикрепляя ее на грудь, чтобы не запачкать камзол. Аккуратнее Ленара ели, пожалуй, только придворные старые девы, однако он всегда повязывал салфетку. Всегда.

Рада скривилась, беря со стола и свою салфетку и кое-как пристраивая ее на коленях. Ленар этого тактично не заметил, отведя глаза в сторону. Он никогда не делал никаких комментариев, и за это она была ему донельзя благодарна.

Что же касалось самого Латра, то на вкус Рады ему не помешало бы парочку хороших ограблений и поджогов. Впрочем, это и происходило, но все больше в кварталах городской бедноты, куда стража Лорда-Протектора являлась только при свете дня и на очень короткое время, мечтая поскорее убраться оттуда подобру-поздорову. Местная шваль была достаточно активной и развеселой, чтобы громить лавки и лачуги друг друга, однако на кварталы князей не покушалась из-за слишком хорошей охраны, и это, на взгляд Рады, было их основным упущением. Всем этим отожранным на убой индюкам не помешала бы хорошая взбучка. Да и скучно здесь так, что впору удавиться. Может быть, если уж совсем немоготу будет, сама что-нибудь подпалю.

— Что вам подать, миледи? — над Радой склонился в поклоне сухой, словно прошлогодний камыш, камердинер, тщательно скрывая презрение к ней за бесстрастным лицом. Рада прекрасно знала, насколько сильно выделяется здесь, и как это раздражает окружающих, и просто не могла отказать себе в удовольствии поддержать игру.

— Холодной жареной баранины, ломоть хлеба и хорошего рома. — Лицо камердинера окаменело, и она добавила, наслаждаясь реакцией. — И еще, если можно, соленого чесночку.

— На завтрак у нас только свежая каша и домашний творог, миледи, — ледяным голосом сообщил камердинер.

— А вчера на обед у нас была баранина, и я уверена, что что-то еще от нее осталось. Так что принесите мне этот кусок, и я буду вам бесконечно благодарна.

— Слушаюсь, миледи, — поклонился камердинер. — Рома, к сожалению, тоже нет.

— А бренди? — вскинула бровь Рада. — Уж он-то должен быть.

— Сию минуту, миледи, — тонкие губы камердинера поджалась, и он деревянной походкой вышел из зала. Рада усмехнулась, глядя ему вслед.

— Я так вижу, тебя занимает издеваться над бедным Раденом, — проговорил Ленар, осторожно поднимая белоснежный фарфоровый чайник и наливая в свою чашку ароматный чай, над которым поднимался густой пар. — Каждый раз ты требуешь от него что-то такое, что полностью ломает его систему ценностей.

Муж почти что пошутил, и Рада с интересом взглянула на него. Обычно, Ленар не позволял себе таких вещей, а это означало, что сейчас он или изо всех сил старался ее поддержать перед унижительной процедурой «присяги» королю, или был в хорошем настроении. И то, и другое было для нее приятно неожиданно.

— Не вижу ничего страшного в том, чтобы есть на завтрак мясо, — пожалала она плечами, откидываясь на спинку стула и опираясь на нее локтем.

— Но не вчерашнее, — заметил Ленар.

— А что такого плохого во вчерашнем мясе? — удивленно вскинула брови Рада. Муж окинул ее ничего не выражающим взглядом и ничего не ответил.

Она уже успела отвыкнуть от его манеры поведения, да и неудивительно, за столько-то лет. Впрочем, эта манера никогда особенно сильно и не раздражала ее. Ленар не навязывал ей свою точку зрения, ни к чему не принуждал, даже замечаний не делал, а если и делал, то крайне редко и только тогда, когда они были наедине. В принципе, он вообще был идеальным мужем, во всяком случае, по меркам Рады, которую в их браке устраивало все, кроме, разве что, навязчивых попыток Ленара вытащить ее из ссылки.

Этот странный брак сложился сам собой, неожиданно для Рады, еще в те времена, когда она активно готовилась к выпуску из Военной Академии и созданию собственной наемной роты. Ленар учился вместе с ней на одном потоке, как и все остальные сыновья дворян, для которых обучение было обязательным. Девочки могли поступать в Академию по собственному желанию, и старший брат Рады, ее единственный родственник, прислушался тогда к ее просьбе и согласился оплатить ее обучение.

Закон Мелонии не запрещал детям эльфов, проживающих на территории страны, обучаться вместе с детьми смертных. Здесь вообще эльфов не слишком-то любили, если не сказать большего, и относились к ним с крайним недоверием. Однако терпеть их приходилось: именно с легкой руки одного из неудачливых мелонских королей древности пало Подгорное Эльфийское Княжество, и бессмертные вынуждены были выйти на поверхность и поселиться в окружающем Мелонию кольце гор. Так образовалась провинция совместного проживания людей и эльфов Рамасан, и детям бессмертных скрепя сердце разрешили обучаться в Военных Академиях, которыми так славилась страна, выпускники которых занимали высшие государственные и военные должности. Однако после Академий хода эльфам уже не давали, и Рада всегда думала, что после окончания обучения соберет собственную наемную роту и займется таким любимым ей воинским делом, однако судьба распорядилась иначе.

Сама она себя особенной никогда не считала, зато вот все остальные — считали. И отношение в Академии к ней тоже было особенным. Там, где другие дети проходили экзамены с минимальными знаниями по изучаемому предмету, Раде приходилось вкалывать по полной и еще больше, чтобы едва-едва наскрести необходимый для продолжения

обучения балл. Преподаватели были с ней холодны и жестки, остальные сокурсники — язвительны и жестоки. За все годы обучения подружиться ей удалось лишь с одной дворянкой очень низкого происхождения, которая в обществе высокородной знати тоже была изгоем, как и Рада, по рождению. Разве что не по крови. Но Рада не унывала: чем больше они ее гоняли, тем сильнее она становилась, чем меньше давали ходу, тем упрямее и наглее она боролась за себя. И в итоге преподаватели были вынуждены выставить ей высокие баллы на выпускном экзамене: благодаря всеобщей нелюбви она стала объективно лучшей на своем курсе.

Тогда-то, буквально за несколько дней до официального окончания Академии, к ней в комнату и постучался Ленар. Рада до сих пор помнила его спокойное лицо и холодный голос, а также то, как он смотрел на нее: без агрессии, прямо и открыто.

— Мы оба находимся в крайне сложной ситуации, миледи Киер. Вы эльфийской крови, а это значит, что военной карьеры, кроме как в наемной роте, вам не видать, несмотря на все ваши таланты. Однако, вы богаты, достаточно богаты, чтобы купить провинцию. Я — уважаемого и знатного рода, и, как только мой больной отец скончается, я буду вынужден занять его место в Совете Лордов Страны, потому что больше просто некому. Но у меня нет средств на то, чтобы совершить достаточные вложения в карманы нынешних Лордов и освободиться от их контроля и влияния над моим мнением. И я думаю, что в этой ситуации мы можем помочь друг другу.

Так оно все и сложилось. Сирота-эльфийка с огромным состоянием, попавшим в полное ее распоряжение после пропажи брата, стала женой представителя знатнейшего и старейшего рода Мелонии. И все придворные кошечки, облизывающиеся на звание миледи Страны, рыдали горючими слезами под торжествующий гогот Рады. Естественно, только у нее в голове.

Брак оказался удачным и подходящим для них обоих. Романтическая сторона их отношений Ленара не особенно интересовала. Буквально через месяц после свадебной церемонии его отец скончался, и Ленар целиком и полностью ушел в государственные дела, для которых, откровенно говоря, и был создан. Что касается Рады, то ей были интересны только битвы и воинское искусство, и, вместо того, чтобы сидеть дома и вздыхать в занавешенное тюлем окно, вывязывая детские носочки, как делали все ее сверстницы, она все-таки собрала наемный отряд и отправилась на запад Мелонии, где в горах и вдоль дорог пряталось достаточное количество швали, чтобы ей хватило надолго.

Дома она почти что и не появлялась, и первый год они с Ленаром друг друга и в глаза не видели. Потом муж тактично намекнул ей, что было бы неплохо родить наследника, и Рада, скрепя сердце, вернулась в столицу. Благо, Грозар смилостивился, и забеременела она почти сразу, только вот первой родилась девочка. Ленар взял ее воспитание на себя, заметив Раде, что хотел бы еще и сына, за что она попросила у него еще три года в наемной роте, и тот был вынужден согласиться. Сына она родила буквально за несколько месяцев до своей ссылки и даже понянчиться с ним не успела. Мальчика забрали сразу же, Ленар официально поблагодарил ее за наследника, и на этом их супружеские отношения окончательно закончились к вящему облегчению обоих.

Дверь в обеденный зал открылась, и окаменевший камердинер внес поднос, накрытый салфеткой. Крепкий запах баранины с чесноком послышался от самой двери, и Рада ощутила, как рот наполняется слюной. После вчерашней попойки есть хотелось зверски, да и день предстоял длинный и тяжелый. Поставив перед ней поднос, камердинер снял салфетку

и отклонялся.

На большой тарелке лежал внушительный ломоть баранины, прошпигованный чесноком и натертый черным перцем и травами, в окружении трех больших соленых чесночин и рассыпчатой золотистой картошки, над которой поднимался парок. Рядом в пузатом бокале темнел бренди. Рада скептически взглянула на бокал: там было максимум на два глотка, и это ее совершенно не устраивало. Она уже открыла рот, чтобы заявить, что так дело не пойдет, но ощутила на себе спокойный взгляд мужа. Он ничего не говорил, он просто посмотрел и отвел глаза, но Рада тяжело вздохнула и закрыла рот. Довольствуйся той победой, которую уже одержал, и не гонись за триумфом, иначе рискуешь потерять все. Так говорил ее учитель по стратегии, и весь жизненный опыт Рады доказывал, что он прав. Ну что ж, будем считать сегодняшней победой — баранину. А уж вечером я наверстаю со всем остальным, когда закончится весь этот цирк с присягой.

Взявшись за нож и вилку, она с удовольствием принялась за еду. В помещении настала тишина, которую нарушали лишь щелчки ножниц за окном, где садовник продолжал притворяться очень занятым, да звяканье приборов о тарелку. Муж сидел напротив, полностью занятый своим завтраком, а за спиной Рады, угрюмый, словно смерть, торчал тощий камердинер. Это слегка приподняло ее настроение, но не настолько, как если бы он принес ей полный бокал.

Прохладный ветерок вновь колыхнул занавески, и Рада ощутила его легкое прикосновение. Сердце опять сжалось от тоски. Вот бы сейчас к морю, где под подошвами сапог скользит склизкая от ила галька, а в воздухе пахнет солью. И чайка, расправив крылья, балансирует на воздушных потоках у самого берега, а там, дальше, на самом горизонте, серое небо сливается с такой же серой зыбью внизу, и не видно им ни конца ни края. А вечером ждет пропахшая ромом, дымом и людским потом таверна, полная гомона голосов и взрывов хохота, веселой бесшабашной музыки, портовых девок, что пляшут на столах, вскидывая многослойные юбки гораздо выше колен, матросов, что остервенело режутся в кости и то и дело хватаются за ножи. Там ром льется рекой, там пахнет морем, и сбитые костяшки на руках никогда не заживают. Там мое место, с тоской подумала она, а не в этом вызолоченном, пыльном и пустом гробу.

— Я тут подумал кое о чем, — негромко заговорил Ленар, и Рада рассеяно взглянула на него, поняв, что замерла, с не донесенной до рта вилкой в руке глядя в окно. Муж аккуратно отложил приборы и потянулся за чашкой чая. — Тебе, наверное, будет здесь немного скучновато после Северных Провинций.

Не то слово! — усмехнулась про себя Рада.

— Это значит, что нам нужно будет найти для тебя какое-то занятие. — Ленар пригубил чаю из чашки, осторожно поставил ее на маленькое белое блюдечко и взглянул на Раду. — Пока тебя не было, Лорд-Протектор занимался строительством Военной Академии в местечке Ремон, в десяти километрах к югу от Латра. Строительство только-только закончено, и они собираются набрать новых курсантов к Ночи Зимы. Учиться там будут дети высших сановников, и им не помешал бы хороший наставник. — Рада с надеждой взглянула на него, и муж проговорил: — Я мог бы поговорить с Лордом-Протектором о твоём назначении туда. Это не слишком далеко от дома, ты сможешь проводить время здесь, с сыном, да и дело у тебя будет.

— Ты думаешь, он согласится? — осторожно спросила Рада, боясь верить в собственное счастье.

— Мы с Тарвеном в хороших отношениях, — кивнул Ленар, и она ощутила, как губы сами расплзаются в улыбку. — Он согласился ходатайствовать за тебя на присяге трону, так что вряд ли будет против твоего назначения. Заодно и от двора будешь подальше. Гелат и Аспар всеми силами противились твоему возвращению и, думаю, постараются подстроить очередную неприятность в ближайшее время. Так что лучше будет, если в Латре ты будешь появляться как можно реже.

Рада сдержала свой язвительный комментарий на слова мужа. Можно было и не возвращать ее из Северных Провинций, она прекрасно себя там чувствовала и была при деле. Тогда и враги ее спали бы спокойно, и сейчас не пришлось бы выкручиваться и придумывать всевозможные ухищрения, чтобы никто не попытался зарезать ее во сне или подсыпать отравы в вино. Однако, дело было сделано, она уже была тут, и вряд ли после ее бурной деятельности на севере Провинции попытаются вновь восстать в ближайшее время. А это означало, что надо брать то, что давали, и не выделываться.

В какой-то мере она даже была благодарна Ленару. Он всеми силами пытался развлечь ее и пристроить так, чтобы ей не было скучно в городской черте. Одним словом: выстраивал компромисс между своими собственными нуждами и убеждениями и ее жизнью. И действовал исключительно из лучших побуждений. Грозар, почему за всю мою жизнь искреннюю радость и счастье мне приносили только те, кто собирался меня убить? А все остальные — головную боль и проблемы под соусом из лучшего будущего и добрых побуждений. В этом тоже выражается твое чувство юмора, Громовержец? Потому что иногда у меня ощущение, что ты, как и я, чересчур много пьешь.

— Благодарю тебя за заботу, Ленар, и с радостью принимаю твое предложение, — проговорила Рада, залпом выпивая содержимое своего бокала. — Я просто жду не дождусь того момента, когда смогу учить маленьких лорденышей страны стоять строем и стирать собственные парки. — Муж слегка нахмурил брови, глядя на нее, и Рада поспешно добавила: — Я серьезно! Спасибо тебе за это!

— В таком случае, мы договорились, — кивнул он, все же задержав на ней взгляд чуть дольше обычного. Потом снял с груди салфетку, бросил ее на стол и поднялся. — Пойдем. Пришло время покончить со всей этой присягой и вздохнуть свободно. Твое имя будет очищено от напраслины, и ты сможешь жить так, как и подобает жене Лорда Страны.

Возможно, здесь все-таки найдется поместье, которое недостаточно хорошо охраняют. Потому что дольше месяца в качестве жены Лорда Страны я просто не выдержу. Выдавлив из себя самую ободряющую улыбку из всех возможных на данный момент, Рада поднялась следом за мужем. Всего один проклятуший день. Потерпи.

===== Глава 2. Терпение =====

Утро только-только разгоралось на востоке, когда Рада вслед за Ленаром вышла из высоких дубовых резных дверей поместья, которые с поклоном открыл перед ней дворецкий, на улицу. Солнце вставало за домом, с его торцевой стороны, а потому перед парадным входом лежала густая прохладная тень, и воздух был свежим и бодрящим.

Мраморное крыльцо с высокими ступенями поддерживали массивные белые колонны, над которыми раскинулся портик, изукрашенный лепниной. В центре его располагалась эмблема дома Тан'Элиан: два золотых коня на дыбах копытами друг к другу на черном поле, выполненном из мрамора.

Дальше начинался большой парадный подъезд, усыпанный мелким каменным крошечком, сквозь которое не прорастала ни единая травинка, и дорога, с двух сторон

усаженная ровно подстриженными тополями, ведущая к массивной дворцовой решетке. Дом Тан'Элиан был достаточно родовит для того, чтобы иметь в квартале князей большую территорию под поместье, которое благодаря деньгам Рады приобрело едва ли не самый шикарный вид среди всех остальных родовых гнезд аристократов, располагающихся на окраинах города. Лучше бы я на эти деньги армию собрала. Ну, или создала собственное наемное сообщество. Да кто ж тогда об этом думал-то?

Двое конюхов в наглухо застегнутых черных ливреях подвели к крыльцу лошадей, и Рада довольно осклабилась, глядя на своего жеребца. К ее возвращению Ленар готовился, как и всегда, очень тщательно, предусмотрев все мелочи, чтобы обустроить быт жены как можно комфортнее. Специально для нее он отыскал вот этого пятилетка лонтронца, чистокровного, черного, как осенняя полночь, и злого, словно морской бес. Высокий, поджарый жеребец храпел, выбрасывая голову и нервно перебирая сильными ногами, косил выкаченным глазом на грумов и пытался ухватить их зубами, стоило им лишь на миг отвернуться. И характер у него как раз по мне: словно ржавая пила. Грива и хвост жеребца были аккуратно подрезаны и собраны в мелкие хвостики по последней моде Латра, и это придавало ему еще более безумный вид вкупе с выкаченными глазами и оскалом. Сейчас он кружил на месте, вырывая поводья из рук грума, и нетерпеливо рыл копытом мелкое крошево камня под ногами. Правильно, мальчик! Загадь им всю дорожку! Все равно ничего не делают целыми днями, пусть хоть гравий вылизывают.

Рядом с вороным спокойно стоял серый в яблоко, на котором ездил Ленар, не обращая никакого внимания на поведение своего собрата. Это был мелонский семилеток, не такой шикарный, как лонтронец, но с прекрасными статями и умеющий себя подать. Ленар отдавал предпочтение лошадям со спокойным нравом преимущественно мелонских пород и в этом до мозга костей был самым собой, как и во всем остальном. Он спокойно принял из рук грума поводья серого и остановился, поджидая Раду и аккуратно натягивая на руки черные перчатки.

— Миледи, он сегодня совсем бешеный! — с трудом сообщил конюх в ливрее, почти что всем весом наваливаясь на поводья вороного, который резво скакал на месте, пытаясь встать на дыбы. — Может, стоит привести другого жеребца? Только скажите, мы быстро все подготовим.

— Просто отдай поводья, — буркнула Рада, вырывая из его рук кожаные постромки. Жеребец на миг замер, неуверенно кося на нее диким глазом. Она хмыкнула, глядя в ответ. — Кто-то просто не умеет обращаться с лошадьми, вот и все. — Жеребец храпнул, и Рада намотала на кулак поводья, а потом обернулась к груму и негромко предупредила. — И если я еще хоть раз увижу эти потаскушные хвостики на его гриве, клянусь, я сама тебе шерсть на спине вот точно также перевяжу, причем не чем-нибудь, а розовыми лентами.

Грум побледнел, как полотно, глядя на нее расширенными глазами, открывая и закрывая рот в немом изумлении. Рада позволила себе несколько секунд понаслаждаться его реакцией и повернулась к жеребцу, который, несмотря на ее железную хватку, попытался незаметно куснуть ее в плечо.

— А с тобой, радость моя, мы отдельно поговорим.

Жеребец подозрительно прищурился, наострив уши и оглядывая ее так, словно прикидывал свои возможности. Хмыкнув, Рада шлепнула его по гнутой шее, обошла и взлетела в седло одним легким движением, устраиваясь поудобнее и перехватывая поводья. На ее взгляд, седло слишком сильно болталось, и с этим тоже приходилось смириться.

Обычно она сама седлала собственных лошадей, не подпуская никого не только из-за кривых рук желающих помочь, но и из-за дурного нрава той скотины, на которой она ездила. Однако Ленар в очередной раз промолчал и отвел глаза, когда она предложила оседлать вороного сама, а это означало, что муж не слишком радовался такому варианту развития событий. В конце концов, это же все-таки не так уж и сложно — позволить кому-то другому седлать тебе лошадь. Он старался для меня, искал этого лонтронца, да еще такого красавца. Вряд ли его купили на территории Мелонии, скорее всего, кто-то ездил в Лонтрон и выбирал на месте. Ну неужели же я не могу за это не выкаблучиваться и уступить ему?

Иногда ей казалось, что она только и делает, что кому-то в чем-то уступает. А может, дело было просто в контрасте с Северными Провинциями, где на протяжении восьми лет вместо того, чтобы разбираться, она просто была морду тому, чье поведение ее не устраивало, и все вещи сами собой образовывались так, как и должно было быть. Жаль, что в случае с этим городом, такой метод не работал.

Вместо того, чтобы успокоиться и подчиниться поводам, упрямая черная тварь, сверкнув на нее злым глазом, резко пошла в бок, мотая головой и храпя, а потом принялась скакать на месте, все сильнее и сильнее встряхивая тугим задом. Грумы вокруг зашумели, отбегая в сторону. Скорее всего, он тут знатного шороха навел, пока они его седлали. С каждой минутой ты мне все больше и больше нравишься, лапушка! Не дожидаясь того, как жеребец встанет на дыбы, Рада выпутала ноги из стремян, уцепилась каблуками сапог ему за круп и со всей силы сжала колени. Она была достаточно высока, а эльфийская кровь давала физическую силу вкупе с многолетней выучкой и тяжелыми тренировками. Жеребец недовольно затряс головой, тихо заржал, но скакать перестал, тяжело дыша и кося на нее злым глазом. Еще раз хорошенько зажав его коленями, Рада дождалась, пока он не остановился и не замер на месте, а потом нагнулась с седла и похлопала его по гнутой шее.

— Я назову тебя Злыдень, — доверительно сообщила она вороному, и тот в ответ вскинул голову, храпя.

Из-за дома на парадную дорожку выехало шестеро всадников в черно-золотом — охрана Лорда Страны, которую Ленар брал с собой везде. Горожане-то побаивались задираться к благородным, но всегда оставались наемники, которые брались за любое задание, лишь бы платили хорошо. Большая часть известнейших сообществ наемников, естественно, открыто не участвовала в большой политике и предпочитала тихонько травить одних дворян по заказу других вместо того, чтобы нападать на них толпой среди белого дня. Однако это еще не означало, что кто-то из мелких шаек не решился бы попробовать за кругленькую сумму, а потому все дворяне ездили в окружении охраны.

Рада, правда, считала такие предосторожности излишними. Она прибыла в город всего десять дней тому назад, однако здесь уже прекрасно знали, какое имя дали ей наемники и пираты севера, — Черный Ветер. Так называли чуму в Северных Провинциях, и Раду вполне устраивало ее прозвище. Наемникам Латра его было вполне достаточно для того, чтобы к ним с мужем не задирались, однако вот дворяне еще могли обмануться ее длинными ногами, голубыми глазками и золотой косой. Здесь, в столице шелков и кружев, напомаженных бородок и пудры, сладких духов, которыми одинаково перло как от мужчин, так и от женщин, словно они купались в них, длинные ноги и голубые глаза прочно ассоциировались с глупостью и слабостью, в чем, несомненно, была вина самих молодых дворянок, поступающих в Военные Академии лишь затем, чтобы поудачнее выйти замуж. А это означало, что женщин с оружием никто не воспринимал всерьез, и половина города была

абсолютно уверена в том, что все достижения Рады на севере на самом деле принадлежали ее талантливым любовникам из числа наемников, или слепому случаю, или даже страху пиратов перед короной. Последнее особенно смешило ее.

Перед отъездом с севера местные пиратские капитаны устроили ей своеобразные проводы. Обрядив самого запойного и заросшего бородищей мужичка Бакланьей Топи в розовое платишко и водрузив на его голову корону из куриных перьев, они объявили его Королем и Лордом-Протектором Мелонии, и Рада с хохотом присягала ему, для чего требовалось залпом выпить жбанчик крепкого южного эля, которого на севере благодаря контрабандистам было в избытке. А когда король «простил ее», пираты произнесли пламенную речь, суть которой сводилась к тому, что если в захолустном Латре она никому не придется ко двору, ее всегда ждет место на одном из их кораблей. До сих пор теплые воспоминания об этом заставляли ее улыбаться. Во всяком случае, мне есть, куда податься, если здесь дела примут скверный оборот.

— Ты готова? — негромко спросил Ленар. В седле он держался с легкостью опытного наездника, сдерживая коня лишь едва заметным касанием поводьев.

— Поехали, — кивнула Рада, понукая своего жеребца.

Злыдень сначала уперся, не желая сдвигаться с места, но второго настойчивого тычка пятками в бока хватило для того, чтобы он все-таки пошел вперед, продолжая недовольно трясти головой и то и дело коситься на нее. Впрочем, Рада прекрасно отдавала себе отчет в том, что с ним было гораздо легче справиться, чем с тем, что ожидало ее впереди, на проклятой церемонии присяги.

Копыта лошадей прошуршали по усыпанной гравием дорожке до кованой решетки ворот. Ее украшали два вставших на дыбы коня в человеческий рост, а возле самого входа стояла маленькая будка, в которой постоянно дежурил кто-нибудь из охраны и лакеи. Сейчас один из них распахнул перед ними створки ворот и склонился в низком поклоне, пока всадники выезжали на пустынную в ранний час улицу Латра.

Квартал Князей огибал весь город большим кольцом и представлял собой загородные усадьбы Лордов Страны и их клятвенников. Застраивался он, однако, с присущей мелонцам щепетильностью: участки различались по размеру в соответствии с родовитостью дворян, те, что победнее, селились ближе к городским кварталам, те, что побогаче — на самой окраине. Дальше дома Ленара по широкому проспекту находилась лишь усадьба Лорда Тан'Валора, а за ней расстилались поля, ограниченные на самом горизонте тонкой ниточкой далекого Ваэрнского леса.

Копыта коней звонко зацокали по пустынной дороге, выложенной широкими желтыми плитами, взметая пыль и опавшие листья. Они были первыми этим ранним утром на дороге, лишь далеко на юге медленно ползла через поля какая-то одинокая подвода. Вокруг тянулись высокие кованые решетки заборов поместий, изукрашенные фамильными гербами, а за ними виднелись регулярные сады с ровными, посыпанными гравием дорожками, ровными кустами и маленькими клумбами, на которых даже цветы стояли ровными рядами. Раде захотелось удавиться.

Особняки знати представляли собой настоящие произведения искусства, работы великих архитекторов, древних и современных. Колоннадам, портикам, всевозможным балконам и галереям не было числа. Каждый дом щеголял громадным гербом, вклепленном на любом видном месте, где только можно было прибить доску с изображением, над каждой крышей рядом со скрипучими флюгерами торчали тяжелые шесты со знаменами, провисшим

под своим весом и лишь слабо колеблющимися по самому краю на легком ветерке. Не хватало только глашатаев, которые вывешивались бы из каждого окна и драными кошками орали оттуда, перечисляя заслуги и достоинства рода своего нанимателя.

Рада сморщилась и отвернулась, когда ее взгляд вновь напоролся на зевающего во весь рот садовника, который изо всех сил ломал себе голову, что бы еще срезать с идеально ровного куста. В этом городе все были такими напряженными, словно им в исподнее напихали репьев, и у Рады от этого настроение только портилось.

От нечего делать, она повернулась к мужу.

— Ленар, а какого бес... то есть, зачем мы так рано едем во дворец? Даже потаскухи еще спать не легли. Неужто нас там кто-то встретит?

Лицо мужа не изменило выражения, но он окаменел. Рада знала, что он терпеть не может ее манеру выражаться, тем более, на людях. Но настроение было настолько поганейшим в этот прекрасный осенний день, что других слов она подобрать не могла.

— Король собирается устроить выезд на охоту в окрестные леса, приуроченную к твоему помилованию, — без выражения проговорил он. — Так что сама церемония пройдет довольно быстро, а потом мы все вместе отправимся в лес стрелять кабанов.

— То есть прошлого раза ему не хватило? — хмыкнула Рада, и на этот раз муж обернулся к ней. Пока еще гнева в его темных глазах не было, но они стали холодными, словно пролежавшее ночь на морозе железо.

— Рада, я прекрасно понимаю, насколько тебя раздражает все происходящее, и каким фарсом все это тебе кажется. Ты даже не представляешь, каких трудов мне стоило убедить Совет Лордов Страны и Лорда Протектора выдвинуть вопрос о твоём помиловании на обсуждение короля. И при дворе есть множество людей, которые желали бы лишь одного: чтобы ты и дальше гнила в том захолустье, откуда я тебя вытащил две недели назад. — Как и я, подумала Рада, но от комментариев воздержалась. Видимо, что-то отразилось на ее лице, потому что Ленар тяжело вздохнул, и в голосе его зазвучала усталость. — Я прошу тебя потерпеть всего один день. Это совсем скоро закончится, и нам больше не нужно будет об этом вспоминать. Так что воздержись, пожалуйста, от своих шуток хотя бы на некоторое время.

— Я тебя услышала, — неохотно буркнула в ответ Рада, и муж благодарно кивнул ей.

А шутка-то ведь действительно была вполне себе удачной. Как и та первая шутка, которую провернули проклятущие Гелат Тан'Камардан и Аспар Тан'Самар. Эти двое тоже учились с ней в Военной Академии, правда, на курс старше, и невзлюбили ее с самого первого момента их знакомства. Возможно потому, что она могла совершенно спокойно уложить их обоих на лопатки и намять им бока, и они об этом знали. Или потому, что денег у нее было примерно столько же, сколько у каждого из них, и это при том, что она была всего лишь жалким эльфийским отродьем, а они — сыновьями Лордов Страны. А может, только из-за последнего фактора или из-за всех вместе. Однако, сейчас это особенного значения не играло.

Одним словом, Рада мешалась им и мозолила глаза, особенно после того, как вышла замуж за Ленара. Тан'Элиан был домом крупным и значимым, и его голос на Совете Лордов стоил очень дорого. И именно этого голоса хватило Тарвену Тан'Амброну для того, чтобы быть избранным Лордом-Протектором Мелонии в обход отца Гелата Тан'Камардана. И по странному стечению обстоятельств буквально через месяц после этого Рада и была приглашена на свою предыдущую злополучную охоту, организованную как раз в честь

избрания нового Лорда-Протектора. И почему-то, по настоятельному требованию, почти что приказу, короля, который передал Раде Гелат Тан'Камардан безапелляционным тоном, стояла именно в том месте, в котором стояла. И в руках у нее был тяжелый лук, бьющий на дальнюю дистанцию, и кабан вышел как раз на нее. Только вот стрела, которую она совершенно точно всадила в широкую грудь разъяренной зверюги, скрывшейся в кустах, оказалась именно той стрелой, которая буквально в ту же минуту вылетела с ее стороны из зарослей и едва не убила короля. И сколько бы Рада ни пыталась доказать, что ее стрелу унес бхарский кабан, ей так никто и не поверил.

Вряд ли король Мелонии Маркард Тан'Ганд подстроил всю эту интригу или знал о ней. Вообще-то он был достаточно молод и не отличался слишком уж острым умом или злонравием, чтобы участвовать в интригах. Его больше интересовала охота, девки и вино. А потому и разбираться он не стал, сразу же приказав сослать ее на север за покушение на его жизнь и прибавив к этому, что ей еще очень повезло отделаться таким легким наказанием. Судя по всему, за прошедшие годы он так и не поумнел, раз решил вернуть ее обратно, да еще и устроить точно такую же охоту по случаю ее помилования, как та, на которой она его едва не убила восемь лет назад. Грозар, иногда мне кажется, что если бы у Мелонии не было бы столько денег, она бы давно уже стала захудалой вассальной провинцией того же Лонтрона. Потому что у меня просто в голове не укладывается, как полный идиот может управлять целой страной.

По мере их приближения к кварталам горожан, дорога становилась все более оживленной. По обе стороны от широкого проспекта, разграниченного на две полосы узкой полосой земли, на которой зеленели серебристые ясени, теперь поднимались усадьбы поменьше. Сады, что их окружали, тоже не были такими шикарными, как на самой окраине Латра, да и дома не расползались по огромной территории и не пестрели таким количеством золота, на которое можно было бы построить еще один такой же особняк. Здесь селились дворяне достаточно богатые, чтобы позволить себе иметь дом в столице, но недостаточно — чтобы толкаться и соперничать с Лордами Страны. Сейчас они тоже потихоньку выбирались из своих домов на проспект, спеша в сторону королевского дворца и низко кланяясь проезжающим мимо Ленару и Раде.

Верхами были только те дворяне, что помоложе, и, по большей части, мужчины. Все они восседали на шикарных холеных лошадях, одна другой краше, покрытых дорогими чепраками с цветами их домов, а за их спинами ехала раздутая от важности и жирка стража, закованная в сталь почти что с ног до головы, которую пираты севера, худющие и жилистые, презирающие доспехи и все, что с ними связано, перерезали бы меньше, чем за полминуты. За ними следом катились черные лакированные кареты, запряженные подобранными в масть лошадьми, на боку каждой из которых разноцветными красками горели гербы и цвета дворянских фамилий. Там за белыми занавесочками прятали свои лица от слишком яркого солнца (которое даже еще не показалось из-за домов) худющие волоокие барышни, похожие на затянутые в корсет скелеты, пышные матроны, от которых за версту разило чем-то приторно-сладким, сухие ископаемые неопределенного пола, с нарисованными лицами, искусственными волосами и трясущимися тонкими ручонками. И Рада прямо чувствовала, как все они неодобрительно поджимают свои губешки, выглядывая на нее сквозь тонкий тюль занавесей и фыркая. Грозар, ну почему ты позволил Ленару вернуть меня сюда? Неужели здесь есть место для меня? Я буду среди этих придворных дам, словно аист среди кур.

Наконец, квартал князей закончился, а вместе с ним — чопорная тишина, царившая тут в любое время суток, словно всех этих благородных ничтожеств с утра до ночи от непроходимой лени разбирала мигрень, и слуги их ходили на цыпочках, чтобы не издать ни звука. Потянулись кварталы горожан, и Рада вздохнула спокойнее, незаметно от мужа оттягивая пальцем высокий ворот стоечкой, который душил ее все сильнее с каждой минутой.

Дома в Латре строились добротнo, на века, и очень тесно, и все равно столица явно страдала от недостатка места для жилья. Многие каменные постройки, сохранившиеся еще с прошлых веков, год за годом надстраивались дополнительными этажами, и теперь нависали над головой, оставляя вверху лишь небольшой кусочек синего неба, перечеркнутого в узких вонючих переулках веревками, на которых сушилось белье и вешались неудачники. Здесь не было домов ниже трех этажей, а комнатушки в них были маленькими и темными. Однако, люди все равно стремились перебраться ближе к столице: здесь было гораздо безопаснее, к тому же, огромный город всегда испытывал нужду в рабочих руках.

Выходящие фасадами на центральную улицу дома были изукрашены лепниной и миниатюрными колоннами, чтобы не казаться такими унылыми и серыми по сравнению с кварталами князей. Горожане украшали резьбой и рисунками ставни на окнах, кое-кто даже мог себе позволить маленькие балконы с резными решетками на них, где сейчас в больших кадках с землей зеленели последние цветы и ползучие вьюны. На первых этажах домов располагались лавки торговцев, которые только-только начали открываться. Позевывающие хозяева выходили на улицу и отмыкали запертые на ночь засовы на больших ставнях, поднимали решетки над витринами, выставляли на улицу деревянные перекидные указатели со списком товаров, которые предлагали. Здесь закупались в основном богатые: в лавках предлагали шелка высокого качества, дорогие южные вина, фарфор и лепнину, стекло, ароматные масла и книги. Еду продавали дальше, на больших рыночных площадях в глубине города, где от гомона людских голосов, рева и бляенья животных, брехания собак и музыки бродячих музыкантов можно было оглохнуть. И, конечно же, лишиться своего кошелька.

Над городом плыл запах дыма, свежего хлеба, вонь отбросов и выгребных ям из переулков, и все это смешивалось с ароматом редких духов, благовоний и специй, вонью навоза из конюшен и людского пота. Рада должна была признать, что пахло здесь гораздо хуже, чем в Бакланьей Топи, хотя буквально месяц тому назад ей казалось, что более вонючего места на свете не сыскать.

Прямой как стрела проспект слегка сужался к центру города. Земляная насыпь в его середине пропала, как и ясени, и теперь всадников со всех сторон обступал камень. Город пересекало несколько каналов, служивших источникам питьевой воды для горожан, потому относительно чистых, через которые были переброшены широкие каменные мосты, украшенные скульптурами львов, лошадей, иногда людей. И повсюду виднелось схематическое изображение лисьей головы — государственного флага Мелонии.

Теперь на улицах было многолюдно и шумно. Кварталы горожан все тянулись и тянулись, и первые жители начали вылезать из своих кроватей, почесываться и выбираться на улицу, чтобы поглазеть на съезжавшихся во дворец дворян. Кто-то спешил по собственным делам, одаривая аляповатую кавалькаду всего одним взглядом, кто-то останавливался у обочины и таращил глаза с таким глупым видом, словно разглядывал что-то диковинное. И, естественно, большая часть этой толпы глазела на Раду, совершенно простодушно и не слишком-то стесняясь. Кое-кто перешептывался, отступая на шаг

подальше и как-то сжимаясь, словно она могла их ударить, другие хмурили брови и насуплено следили за каждым ее жестом, а третьи и вовсе плевали в пыль под ногами и демонстративно уходили прочь, не оборачиваясь.

И это тоже было неудивительно. Мелонцы ненавидели эльфов. Прежде всего, за то, что те жили на их территории, и жили там по вине мелонцев, которые были настолько глупы, чтобы сострять интригу, что привела в итоге к уничтожению Подгорного Эльфийского Княжества, а эльфам просто некуда было больше податься. Ненавидели и за то, что эльфы были достаточно богаты, чтобы почти что полностью игнорировать корону и ее приказы и существовать в Мелонии достаточно уютно и удобно для самих себя. Но больше всего, они ненавидели эльфов за их бессмертие, считая, что им и так достаточно повезло с вечной жизнью и молодостью, чтобы больше ничего хорошего их эту вечность не ожидало.

Однако Раду среди всех остальных эльфов они выделяли и ненавидели с особенным вкусом, как выскочку, что втерлась в доверие Лорда Страны, как тирана, который измывался над жителями Северных Провинций, и это при том, что она же их от севера и защищала. И, конечно, за то, что сама она плевала на их ненависть и умудрялась как-то существовать в их грешном мире, не собираясь никуда уезжать и вполне себе комфортно себя чувствуя при дворе. Это было особенно забавно, учитывая тот факт, насколько сильно ее воротило от всего, связанного с двором.

— Милорд Тан'Элиан, — послышался из-за спины густой приятный голос, и Рада обернулась. — Миледи. Доброго вам утра под светлыми очами Грозара.

Тарвен Тан'Амброн, Лорд-Протектор Мелонии, был, пожалуй, одним из немногих людей при дворе, к которым Рада питала теплые чувства. Ему было уже хорошо за пятьдесят, и седина высеребрила его аккуратно подстриженную бороду и волосы, собранные на затылке в тугий хвост. Однако плечи его оставались крепкими и полными силы, и держался он всегда подтянуто, спокойно, двигался плавно, четко выверяя каждое движение. Этот человек действительно был воином в отличие ото всех остальных выпускников Военных Академий, он умел обращаться с оружием и знал цену человеческой жизни, что выгодно выделяло его в глазах Рады на фоне всех остальных.

Смуглое лицо Тарвена испещряли морщины, однако карие глаза наполнились теплом и искрами смеха, когда он склонял голову перед Радой в поклоне, больше подошедшем какой-нибудь придворной даме. Когда-то именно будущий Лорд-Протектор, в те времена еще бывший наставником в Академии, знатно колотил ее шестом по плечам, обучая обращению с копьем, а потом еще и драл ремнем за попойки, которые во время обучения были строго запрещены. С тех пор они сохранили приятельские отношения, и то, что Тарвен стал Лордом-Протектором страны, частично было заслугой самой Рады. Когда-то она шепнула мужу на ухо, что он стал бы лучшей кандидатурой вместо захворавшего и не подающего признаков выздоровления Вирдара Тан'Самара, и, подумав, Ленар выдвинул его кандидатуру на Совете Лордов. Лорд-Протектор прекрасно знал, откуда дует ветер, и все эти годы держал сторону дома Тан'Элиан во всех мало-мальски важных вопросах. Они с Радой даже переписывались несколько лет, когда основная часть кампании в Северных Провинциях была уже закончена, переписывались как приятели, оставляя в стороне государственные дела и политику.

— И вам доброго утра, милорд Тарвен, — улыбнулась Рада, протягивая ему руку. Здесь, в Латре это было не принято, но Тарвен был военным, а Рада только что вернулась из Северных Провинций, где без подобного жеста приветствия тебя могли запросто проткнуть

мечом. Потому Тан' Амброн улыбнулся и крепко пожал протянутую ладонь.

— Лорд-Протектор, — слегка склонил голову Ленар, ровно настолько, насколько по своему положению должен был кланяться Тарвену.

Когда две тысячи лет назад Хорезмир, король государства Мелонъяр Тонал, что существовало здесь до последнего Танца Хаоса, умудрился переругаться со всеми, с кем только можно было, а потом еще и навлечь на себя гнев Аватар Создателя, в результате чего его государство пало, прямая передача царской власти от отца к сыну в Мелонии прервалась. Для того, чтобы в будущем избежать попытки захвата королевской власти одной из родовитых ветвей аристократов, власть во вновь созданном государстве была поделена: гражданская сосредоточилась в руках короля и Совета Лордов, военная осталась в полном распоряжении Лорда-Протектора Мелонии. И тот, и другой избирались путем прямого голосования из числа Лордов Страны на пожизненный срок без права передачи власти по наследству. Это создавало определенное равновесие в стране и открывало перед дворянами возможность вволю драться друг с другом за выгодные посты. А, следовательно, — народ мог вздохнуть спокойно, пока сильные мира сего были заняты своими собственными проблемами.

Войны в Мелонии случались редко, за исключением восстаний Северных Провинций, к которым все уже так привыкли, что не слишком реагировали на очередные попытки этого региона отделиться от внутренней Мелонии. Лорд-Протектор номинально считался ответственным за ситуацию на севере, однако по факту редко покидал Латр, предоставляя возможность проявить себя на ниве подавления восстаний своим подчиненным. Гораздо большее внимание он уделял внутренним делам страны: сдерживанием усиливающихся время от времени наемных сообществ, организацией Военных Академий и обучения в них, всевозможным смотрами армий, подготовке солдат и ополчения. Естественно, что не каждый Лорд-Протектор при относительно стабильной ситуации на внешних границах уделял свое время таким мелочам, как обстановка в стране. Большая часть из них вела точно такой же разгульный образ жизни, что и король, а также плела сеть интриг с тем же пылом, что и Лорды Страны.

Однако Тарвен выгодно выделялся на фоне всей этой толпы жадных до власти индюков тем, что в войне действительно что-то понимал, а свои обязанности выполнял тщательно и добросовестно.

Сейчас он тоже был верхом, а не в расписной карете, сидя в седле ровно и прямо, как и полагалось военному. Его гнедой не отличался особенно элегантным внешним видом: шерсть у него была тусклая, грудь и круп широкие, ноги мощные, да оно и не удивительно, учитывая рост и силу Лорда-Протектора. Однако опытный глаз сразу выделил бы твердые жгуты мышц, сильную спину и ноги, которые делали животное выносливым и достаточно быстрым.

За спиной Лорда-Протектора погромыживала железом стража из восьми человек, первый из которых вез в руках шест с маленьким флажком в рыже-черных тонах мелонского флага. Сам Лорд-Протектор был одет в цвета своего дома: красный камзол с серебряными стрелами, вышитыми по бортам, горлу и рукавам. За спиной его на круп коня спускался мягкий серебристый плащ, скрепленный на груди маленькой пряжкой в виде стрелы.

Улыбнувшись Раде и подведя своего коня поближе к ним, он взглянул на Ленара и негромко заговорил:

— Сегодняшнее заседание обещает быть интересным. Свое желание присутствовать на

нем изъявил посол речных эльфов.

— Собираются поглазеть на мое унижение, стервятники! — проворчала под нос Рада, кривясь.

Ровно в той же мере, как эльфы не любили ее саму, Рада не любила их в ответ. По ней, они были ничем не лучше людей, во всяком случае, те из бессмертных, что выросли вне Мелонии, в своих собственных государствах. И речные среди них были самыми худшими: напыщенными, самодовольными, кичащимися своей особой кровью, привнесенной, по их словам, из-за Кругов Мира еще на заре Этлана.

Ленар кашлянул, бросил на нее короткий предостерегающий взгляд, но Тарвен только рассмеялся и покачал головой.

— Вижу, язык у тебя за эти годы так мягче и не стал, Рада! Все тот же напильник.

— С чего бы ему стать мягче? — хмыкнула она. — Я восемь лет прожила с наемниками, пиратами и прочим сбродом. И они, уж поверьте мне, за своей речью не следят.

— А вот тебе бы стоило, — посерьезнел Тарвен, глядя на нее. — Сейчас не самое лучшее время для того, чтобы показывать зубы. Его величество не слишком-то охотно подписал твое помилование, и любое твое неверное движение может привести к повторной ссылке.

— Я регулярно напоминаю об этом своей жене, Лорд-Протектор, — негромко поддержал Тарвена Ленар. — Ей, к сожалению, еще сложно перестроиться. После возвращения оттуда прошло всего десять дней. К тому же, вы и сами прекрасно знаете, при каких именно обстоятельствах она оказалась в опале. Любой бы язвил на ее месте.

Ленар поддерживал ее, как всегда и во всем, и Рада укорила себя за мелькнувшую было мысль плеснуть королю в лицо вина и вновь за это прегрешение уехать на север. К тому же, это было глупо. Войны там сейчас не было, а новую пока что затевать никто не собирался. А здесь у нее было двое детей от Лорда Страны, и не стоило портить этим детям будущее, покрывая их имена позором. Им и так-то жизнь медом казаться не будет, ведь никто из окружающих не даст им забыть, какая именно кровь течет в их жилах. Так что ухудшать их и без того поганое положение не стоило.

Она вновь оттянула пальцем воротник рубашки и нахмурилась, глядя вперед и держа при себе свои комментарии. Ничего. Уж сегодня вечером я напьюсь, подерусь с кем-нибудь, отведу душу. Осталось потерпеть всего несколько часов, и все придет в норму.

— Никто не спорит с этим, Ленар, — спокойно проговорил Тарвен. Бросив короткий взгляд на лицо Рады, он перевел тему. — Я поговорил с леди Тайрен, и она согласилась поддержать честь Рады охотно и без обсуждений. К тому же, она выразила желание посетить вас на днях, так что ждите гостей. Думаю, она сможет рассказать много чего интересного, чтобы ввести Раду в курс новостей столицы.

О, да! Уж у кого-кого, а у леди Тайрен всегда было что порассказать, и чаще всего, эти ее рассказы вызывали у Рады мигрень. Сама по себе Тайрен была очень даже неплохой бабой, с достаточно острыми мозгами и крутым нравом, чтобы держать если не в страхе, то в опасении за свою репутацию половину двора. Вот уже долгие двадцать пять лет Тайрен возглавляла сообщество Благородных Мечей и, соответственно, имела очень большие связи в придворных кругах.

Так как вся дворянская верхушка обязана была служить, каждый год после выпуска из Академий образовывалась целая толпа дворян, имеющих право на ношение оружия и делающих вид, что умеют им пользоваться. Войны шли нечасто, и никакого рвення

участвовать в них эти пугала не проявляли, зато гораздо охотнее они мотались на бесчисленные охоты, состязания и прочую ерунду, которая могла быть интересна только в том случае, если у человека было много свободного времени и очень мало мозгов. Поэтому, чтобы иметь повод в очередной раз одеть на себя перевязь с мечом, все эти лоботрясы сбивались в воинские сообщества, как они это называли. Сообщества эти носили высокопарные пафосные имена, имели многовековую историю и длиннющие списки почетных членов, среди которых были Лорды Страны, Лорды-Протекторы и даже короли, а их нынешние участники раз в месяц съезжались в шикарные особняки и устраивали там воистину свинские попойки, которые называли «совещаниями членов сообщества».

Естественно, что девок, которым в голову все-таки ударило не пойми что закончить Военную Академию, они к себе не брали, заявляя, что война — дело мужчин. А потому еще в стародавние времена в самом центре Латра образовался настоящий цветник из этих выпускниц под названием Общество Благородных Мечей. Им-то и заправляла леди Тайрен до 'Ардор, женщина крайне амбициозная, властная и хитрая.

Большая часть выпускниц Военных Академий заканчивала их лишь для выгодного брака, а потому леди Тайрен была в курсе всего, что происходило в их жизни и постелях после выпуска. Фактически, она владела исчерпывающей информацией обо всех интригах, причудах, слабостях и романах дворян, крутящихся у трона, и периодически выгодно приторговывала ей, или использовала в целях собственного возвышения. Занималась леди Тайрен и филантропией: Благородные Мечи издревле поддерживали политику, проводимую Лордом-Протектором, наверное, только поэтому этот курятник до сих пор никто не разогнал.

Сразу же после окончания Академии, Рада была вынужденно почтена визитом Тайрен, которая долго и с придыханием мурчала, ходя вокруг да около, пока (часа через три) до Рады не дошло, чего она от нее хочет. Когда же она наотрез отказалась вступить в сообщество, леди Тайрен поджала узкие губы и удалилась. А потом гадила ей по мелочи в течение следующих нескольких лет, создавая при дворе не самое лучшее мнение о ней. Впрочем, Раде до этого дела не было никакого, и, в конце концов, Тайрен успокоилась, а потом и вовсе сменила гнев на милость, когда Ленар поддержал кандидатуру Тарвена, ее бывшего любовника, на пост Лорда-Протектора Мелонии.

Теперь она повсюду щебетала о том, какие они с Радой близкие подружки, и периодически заезжала к ней выпить, во всяком случае, так обстояли дела до ее ссылки. Впрочем, при ближайшем общении Тайрен оказалась достаточно интересной женщиной. Пила она как медведь, практически не хмелея, и была достаточно умна для того, чтобы прекрасно разбираться в политическом климате при дворе. И когда они оказывались наедине, а весь эпатаж и напускное веселье спадало с Тайрен, разговаривать с ней было приятно.

— Ну, думаю, вам сейчас обоим необходимо подготовиться к тому, что вам предстоит, а потому больше не буду стеснять вас своим обществом, — Тарвен слегка склонил голову, а потом ударил пятками коня. — Увидимся во дворце. Милорд. Миледи.

Рада поклонилась ему в ответ и рассеяно заморгала. Оказывается, погруженная глубоко в свои мысли, она даже и не заметила, как они выехали к дворцовой площади в центре города.

===== Глава 3. Золотая клетка =====

Королевский дворец располагался на большой вымощенной камнем площади,

отрезанный от всего остального города крепостной стеной. Каменные глыбы высотой с человека складывались в монолитную громаду около десяти метров высотой, и там, между зубцами, виднелись фигуры часовых, застывших через равные промежутки и охраняющих покой короля. Стена имела восемь караульных башен, каждую из которых украшали флаги Мелонии с лисьей головой в центре, а толщиной была едва ли не с проспект, по которому сейчас ехала Рада. Поговаривали, что возвели стену целых две тысячи лет назад, сразу же, как только Аватары Создателя покинули дымящиеся руины того, что когда-то было государством Мелоньяр Тонал, осмелившимся воспротивиться Танцу Хаоса и принять не ту сторону в войне. На взгляд Рады, надо было быть полным идиотом, чтобы не поддержать Аватар. В конце концов, они возрождались каждые две тысячи лет. Уж наверное это был не такой большой промежуток времени, чтобы полностью забыть, что именно ждет страну, которая не поддержит их в их войне. Впрочем, мелонцы никогда не отличались большим умом, ни в древности, ни теперь.

Тракт упирался в широкие ворота в крепостной стене, за которыми темнел длинный тоннель. Дубовые створки, обитые железом и покрытые резьбой с изображениями лисьих голов, были распахнуты настежь, и возле них выставили почетный караул королевской стражи, которая встречала прибывающих гостей. Эти солдаты хоть и держались прямо, словно вместо позвоночника у них в спинах были вбиты колья, все равно выглядели для нее игрушечными. Вряд ли хоть кто-нибудь из них хоть однажды участвовал в настоящем сражении. А гонять попрошаек на рынках, да учиться ходить строем мог любой дурак.

Ленар взглянул на нее, но так ничего и не сказал, когда они подъезжали к воротам в крепостной стене. Впрочем, он мог и не открывать рот, Рада и так прекрасно знала, какие у него будут аргументы. И успела уже вволю послушаться их.

Копыта коней застучали по мостовой, выбивая из нее гулкое эхо, что бродило под темными сырыми сводами тоннеля. Рада сощурилась, глядя вперед, туда, где рассветное солнце заливало своими лучами площадь перед королевским дворцом. Народа там было еще не слишком много, всего несколько карет медленно заворачивали к парадному входу, да прочь отъезжали два эскорта стражи из разных домов, стараясь держаться друг от друга на почтительном расстоянии. Это тоже было забавно: стражники разных домов могли сколько угодно пить по ночам в тавернах, обнимая друг друга за плечи и вопя пьяными голосами песни, но днем, когда они охраняли представителей разных домов, их контакты строго запрещались, а сами они держались холодно и подозрительно. Этот город просто пропитан ложью насквозь.

Площадь была просторной, со всех сторон ее окружала крепостная стена, а в самом центре размещалось три фонтана. Рада выехала из-под арки стены и выпрямилась, с наслаждением вдыхая прохладный утренний воздух.

Фонтаны были расположены цепью на небольшом расстоянии друг от друга. В центральном стоял высокий мужчина, опираясь на тяжелый двуручный меч. На его голове виднелся дубовый венок, а плащ на груди был сколот пряжкой в виде маленькой молнии. Лицо мужчины было спокойным, глаза из-под пушистых бровей смотрели вперед, на приезжих. А из-за его спины вверх взлетала струя пенящейся воды, опадая ему на плечи и разбиваясь на мелкие капельки. На взгляд Рады, это было не самое лучшее изображение Громовержца Грозара, да и вряд ли самому ему понравилось бы, что ледяная вода без конца долбит его по макушке. Но ее мнения, собственно, никто и не спрашивал. Да и памятник стоял здесь как минимум три века, и мелонцы всю драли глотки, утверждая, что за все это

время не было ни одной серьезной войны, а это означает, что Грозар покровительствует Мелонии. Рада готова была поклясться, что это означает нечто другое. А именно: что скоро Грозар все-таки услышит ее молитвы и позволит этому городу проваливаться прямо в бездну мхира. Но пока еще этого не случилось, к ее огромному сожалению.

В двух других фонтанах виднелись фигуры женщин, держащих большие чаши с водой, которые они на вытянутых руках подносили с поклоном Громовержцу. Струи воды взметались вверх из этих фонтанов в сторону Грозара и образовывали две большие арки, ослепительно сверкающие на солнце. Молодые дворяне обожали носиться под ними в жару, толкать девок в фонтаны или пытаться залезть на скульптуру Грозара. Рада каждый раз только ухмылялась и думала, что именно ждет тех, кто с пьяными хохотом раскачивался на макушке Грозара, вопя непристойные песни. Во всяком случае, если верить Жрецам Церкви Молодых Богов, — то ничего хорошего.

Сразу же за фонтанами в конце площади высился королевский дворец Мелонии. Здание было огромным, сложенным из белых мраморных глыб, причем преобладали прямоугольные, тяжеловесные формы. Могучий портик над входом поддерживали два ряда белоснежных мраморных колонн, парадная лестница под которыми казалась просто игрушечной. Четыре высокие башни по углам дворца тоже были прямоугольными, и из-за этого смотрелись ниже, чем были на самом деле. Центральная часть дворца скрывалась под высоким стеклянным ромбом, которым вся Мелония гордилась почти так же, как и своими Военными Академиями. Рада не спорила: ромб этот действительно был произведением искусства: еще бы, кусок стекла, накрывающий площадь в несколько десятков метров и при этом держащийся без опоры, лишь за счет собственного веса и формы. И да, через него прямо в центральный зал дворца падал солнечный свет, и лучи его заливали сидящего на троне короля. Все это было очень торжественно, очень красиво и хорошо, но снаружи смотрелось слишком громоздко и колюче на ее вкус. Может, я просто не люблю архитектуру. Или королевский дворец. Или вообще Мелонию.

Ленар повел коней так, чтобы по большой дуге объехать фонтаны, и ни одна капля воды из них не упала на его вычищенный и выглаженный камзол. Путь занял больше времени, чем если бы они ехали напрямик, и Рада смогла вдоволь налюбоваться торжественным мрамором, золотыми украшениями, высокими витражами окон и всем пафосным великолепием дворца. И не сдержала смешка, когда сидящий на золотых завитках над одним из окон голубь с громким курлыканьем нагадил прямо на лоб изображенного на витраже короля Мелонии Ирлана Тан'Самара, что правил здесь, когда она еще была ребенком.

Королевские конюхи поспешили им навстречу, чтобы принять лошадей, и Рада легко спрыгнула на землю, придерживая поводья Злыдня. Тот сразу же попытался цапнуть ее за плечо, и она отвесила ему шлепок прямо по носу. Жеребец удивленно наострил уши, глядя на нее: так с ним, видимо, никто раньше не обращался. Глядя ему в глаза, Рада доверительно сообщила:

— Поверь, лапушка моя, я твои выкрутасы терпеть не буду, так что лучше тебе научиться сотрудничать, ясно? И, к твоему сведению, я тоже умею кусаться.

Жеребец попытался фыркнуть, но Рада оскалилась, прямо в выкаченный глаз, демонстрируя клыки, и передала поводья подбежавшему с поклоном груму.

— Осторожнее с ним. Эта тварь кусается, причем сильно.

— Слушаюсь, миледи, — грум поспешно поклонился и отвел глаза, но плечи его

одеревенели.

Рада скривилась, чувствуя тоску. Она опять повела себя не так, как должно было дворянке, и этим в очередной раз уже напугала слугу. Теперь по всему дворцу опять будут судачить о ней и Ленаре, и это ему не понравится. Проклятье! Надеюсь, там, во дворце, есть хоть что-нибудь выпить. Иначе я тут просто умру.

Ленар спешил, сделав вид, что ничего не заметил, и подошел к ней, стягивая с рук тонкие перчатки для верховой езды и затыкая их за пояс.

— Не беспокойся, все будет хорошо, — негромко проговорил он, глядя на нее. — Тебе осталось выдержать всего несколько часов, и ты будешь вольна делать то, что тебе хочется.

Рада очень сомневалась, что дела обстоят именно таким образом, но кивнула, чтобы успокоить мужа. Для него все это было очень важным, а он сделал для нее в этой жизни гораздо больше, чем любой другой человек. И ей нужно было быть благодарной за его заботу.

Вдвоем они зашагали по широким беломраморным ступеням вверх, к распахнутым настежь дверям парадного входа. Возле створок стояли одетые в черно-рыжее стражники с алебардами в руках, вытянувшись по струнке и глядя прямо перед собой. Перешагнув через порог, Рада тяжело вздохнула. Здесь даже пахло пафосом: пылью тысячелетий, драгоценными вазами и статуями, золотом и шелком.

Длинный коридор с высоченными потолками, золотыми светильниками и резьбой, вел вглубь дворца, к парадной лестнице. На стенах вытянулись дорожные старинные гобелены с изображениями королей и Лордов-Протекторов Мелонии, с гордостью собирающие на себя пыль уже целых две тысячи лет. Полы застилали алые ковры без единого пятнышка грязи, и Рада представила себе, как по ночам их буквально языками вылизывают до кристальной чистоты сотни слуг. Ее отражение дробилось в пузатых боках золотых светильников, дрожало на завитушках позолоты под потолком. На отделку этого коридора можно было купить верность всех пиратов побережья Северных Провинций, да еще и на пару рыбацких деревенок осталось бы.

Эхо голосов и смеха дворян гуляло по коридору, Рада уже отсюда видела их, столпившихся впереди у парадной лестницы и о чем-то переговаривающихся. На один короткий миг ноги дрогнули, и она едва не развернулась на месте, чтобы сбежать отсюда, пока еще не поздно, но приказала себе шагать вперед. Внутри отчаянно молотилось сердце, и что-то тихонько шептало ей, что не здесь ей нужно сейчас быть, что это не ее место, что она не создана для этого. Да знаю я! — горько подумала она в ответ собственному сердцу. Но что ж теперь поделать-то? Пути назад уже нет. Да его, кажется, никогда и не было.

Ленар твердо кивнул ей и уверенно зашагал вперед, а Рада потащилась за ним следом. Коридор вывел их в большое просторное помещение, в конце которого начиналась полукруглая парадная лестница из белого мрамора и золота, ведущая на второй этаж, к парадным залам. Любой бы забыл обо всем на свете, глядя на роскошный плафон на потолке, где с белых облаков спускались Молодые Боги, неся корону мелонскому королю, на белоснежную лепнину, пушистыми завитушками спускающуюся со стен и буквально повторяющую изгибы облаков на плафоне, на золотые вазы-светильники, источающие сладкий аромат диковинных южных масел, на фарфоровые вазы, изукрашенные перламутром, каждая из которых представляла собой шедевр мирового искусства. Любой, но не Рада. Она видела лишь ложь, которая окутывала, пропитывала все здесь, начиная с людей и заканчивая тяжелым камнем стен.

Дворяне, что столпились у подножия лестницы, Раду не слишком интересовали, но она деревянно поклонилась в ответ на их приветствия. Лица и имена она уже успела подзабыть за время своего долгого отсутствия в столице, а цвета их домов пестрели в глазах одним размытым пятном. Ленар, взглянув ей в лицо, вздохнул и негромко прошептал:

— Иди, я сам здесь разберусь.

Благодарно кивнув мужу, Рада почти что взбежала по широким ступеням лестницы, спиной чувствуя все эти оценивающие взгляды, что жгли ей лопатки. Это оказалось гораздо хуже, чем она думала. Гораздо. Осознавать, что все эти змеи до единой, шипят и скалятся, смакуя каждый ее неверный жест, каждое неправильно и не к месту сказанное слово, было невыносимо. Я здесь как пугало посреди лавки торговца шелком. Внутри стало горько, и Рада лишь тяжело вздохнула, взбегая по второму пролету ступеней.

Два белоснежных льва на постаментах охраняли вход в тронный зал дворца. Сейчас все внутри него заливал розоватый свет раннего утра, а над головой Рады виднелось рассветное небо: проклятый стеклянный куб, которым так гордились мелонцы, предстал во всей своей красе. Окна в два человеческих роста высотой утопали в золотой резьбе и белом шелке занавесей. Полы из белого мрамора блестели так, что в них можно было смотреться, словно в зеркало. У дальней стены помещения на возвышении стоял большой тяжеловесный трон на золотых львиных лапах, бархатное сидение его было потертым. Именно здесь покоилась венценосная задница короля Маркарда во время официальных приемов, а потому подушку постоянно перетягивали, чтобы поддерживать ее парадный вид.

Сейчас короля на троне не было, да и сам тронный зал был почти что пуст. Над головой Рады навис гигантский плафон с изображением первого короля Мелонии — Адриана, который попирал ногой кого-то, крайне напоминающего внешне эльфа, которого в педантично прикрепленном к стене описании к плафону именовали просто «захватчик». В руках у Адриана было знамя Мелонии — черная лисья голова на рыжем поле, — и меч, едва ли не такой же огромный, как и он сам. Рада только фыркнула, глядя на его воинственное выражение лица. С такой рожей он мог, скорее, делать что-нибудь иное: подрезать ногти на пальцах ног или вытаскивать из ягодицы занозу, но уж точно не получать благословение от богов.

Народу в зале почти что не было, лишь пятеро дворян стояли небольшой группой у восточного ряда окон, справа от трона, где располагался один из столов с закусками. Он буквально ломился от еды, но не это привлекло внимание Рады, а несколько высоких пузатых кувшинов. Скорее всего, в них было вино или что-то покрепче, во всяком случае, она от души на это надеялась.

Не обращая внимания на обернувшихся к ней дворян, Рада прошагала к западным окнам и столу возле них и деловито поискала глазами бокалы. Они стояли на самом краю стола: дорожный сервиз на тысячу персон, тонкий хрусталь, изящно оформленный золотым тиснением. И вот это вот били пьянящие сынки лордов, нарезавшись в хлам и вывешиваясь из золоченых окон тронного зала Мелонии, чтобы поблевать. Неужто стоило тратить на этот сервиз столько денег?

Сунув нос в четыре высоких кувшина, Рада нашла-таки бренди и вздохнула с облегчением. Она принялась наполнять свой золоченый бокал, когда сзади прозвучал голос, который Рада совершенно не ожидала здесь услышать:

— Все как всегда. Солнце встало — Рада пьет. Мне кажется, это давно уже надо сделать поговоркой.

Рада обернулась, едва не выплеснув содержимое своего бокала прямо на грудь стоящему перед ней Алеору. А потом, плюя на то, что на нее смотрят дворяне, а также на кувшин и бокал в собственных руках, сгребла его в объятия.

— Грозар! И ты здесь! Но как?! — Алеор крикнул, когда кувшин все-таки хорошенько задел его по спине, и Раде пришлось выпустить его из рук. — Боги! Как же я рада видеть тебя! — выдохнула она, глядя в его смеющиеся синие глаза.

Все эти годы Алеор был для нее другом, и даже больше — единственным светлым солнечным лучиком во всей этой мерзкой однородной каше жизни в Мелонии. Они познакомились очень много лет назад, еще когда она только-только собрала свой первый отряд и воевала на западе Мелонии. Он тоже выполнял там свой очередной заказ и наделал множество шума, одним своим появлением разогнав большую часть бандюков, за которыми так долго и кропотливо охотилась Рада.

Алеор Ренон был наемником, но выделялся на фоне даже самых отъявленных из них словно бешеный волк на фоне мелких диванных собачек. Эльф по рождению, наследник трона Лесного Дома, единственный потомок Ирантира Солнце, великого эльфийского короля древности, живая легенда, Алеор был прямой противоположностью всему, чем собственно и являлся. Придворная жизнь не интересовала его, политику он откровенно ненавидел, как и собственных сородичей, как и вообще всех, кто окружал его на протяжении очень долгой, более полутора тысячелетней жизни. Он состоял во всех известнейших наемных сообществах и при этом никогда не участвовал в их внутренней жизни, не занимал никаких постов и должностей. Он брал только самые сложные, самые невыполнимые заказы, а за них назначал плату по собственному усмотрению, и ни один заказчик не смел отклонить его условия или даже поменять их. Алеор убивал королей и вельмож, брал крепости, которые до этого считались неприступными, сжигал города и крошил на куски монстров, держащих в страхе как минимум половину Этлана. Его имя давно уже стало нарицательным, и им пугали детей. Однако самому Алеору было плевать на все это, ровно в той же мере, как на невыполнимость поставленных перед ним задач. Он просто делал то, что было невозможно для других, делал за большие деньги, но больше потому, что самому ему этого хотелось. И он никогда ни перед кем ни на миг не унижался, а его свободу не ограничивало ничто в этом мире, даже его собственная королевская кровь, и это восхищало Раду в нем превыше всего.

Что касается ее собственной судьбы, то к ней Алеор всегда проявлял особое участие. Судя по всему, Рада импонировала ему, как единственная эльфийка Мелонии, посмевавшая наплевать на обычаи и жить так, как ей хотелось. Во всяком случае, он это так воспринимал. Потому, в отличие от своих сородичей, Алеор общался с ней, когда бывал в этих краях, заезжал на попойки, а иногда и предлагал неплохие задания, достаточно прибыльные и интересные, чтобы Рада согласилась участвовать в них. А еще — его терпеть не мог Ленар, и от этого в груди тоже становилось тепло. Не то, чтобы Рада делала что-то назло мужу, однако дружба с Алеором была единственным плотком свежего воздуха в путях долга и титула, которые пережимали ей глотку все эти годы.

Как и всегда, Алеор был одет во все черное, а плечи его закрывал длинный черный плащ, скрывающий фигуру. Он был на пол головы выше Рады, достаточно широк в плечах, но при этом жилист, словно ивовый прут. Его черные как вороново крыло волосы спускались на плечи, рассыпаясь волной по спине, и это тоже выделяло его на фоне всех остальных эльфов — он был единственным черноволосым эльфом во всем Этлане, сохранив линию

преимущества по внешности от самого Ирантира. Черты его были не слишком красивыми: длинный подбородок и заостренные скулы придавали ему хищное выражение, а синие глаза всегда оставались жгуче ледяными, и смотреть ему в лицо было непросто. Однако на самом их доньшке хранилось немного тепла для Рады, и это льстило ей с самого момента их знакомства.

Иронично ухмыльнувшись, Алеор отобрал у нее кувшин с бренди, не глядя, плеснул себе в бокал, и только после этого отозвался:

— Пришел поглазеть на то, как ты будешь лобызать полы пред стопами великого Маркарда Тан'Ганда. Надеюсь, ты, как хорошая девочка, потренировалась дома, чтобы все выглядело вдвойне натурально?

А еще он умел прекрасно портить настроение, и это, пожалуй, было самым сильным из всех даров, коими наградили его Боги. Впрочем, даже несмотря на всю его ядовитость, она была поистине рада его видеть. Если Алеор будет здесь во время всей этой клоунады, присяга королю пройдет гораздо легче, чем ей казалось поначалу.

— Потренировалась, — буркнула Рада, поймав на себе его смеющийся взгляд. — Можешь зайти и проверить, если на слово не веришь. Все полы в доме блестят, как новые.

— Оставлю честь принимать этот экзамен твоему муженьку, — хмыкнул он в ответ, отхлебывая из кубка. — Как кстати он поживает? Что-то я его здесь не вижу.

— Ленар внизу, общается с дворянами, — отмахнулась Рада.

— Не наговорился еще? — деланно вздохнул Алеор. — Ну ничего, ничего. Теперь у него будет предостаточно времени, чтобы почесать языком о государственных делах.

— Что ты имеешь в виду? — прищурилась Рада. За словами эльфа звучал невысказанный намек.

— Все, — пожал плечами тот. — Твое триумфальное возвращение в столицу, твою присягу. Тут просто до смерти уговориться можно, ты так не считаешь?

— Слушай, оставь свой яд при себе, — поморщилась Рада, — и говори по делу. Чего пришел? Я не питаю иллюзий: ты не потащился бы в это гадючье гнездо только для того, чтобы поддержать меня, расчудесную и распрекрасную, на этой присяге. Что-то случилось, и я хочу знать, что.

Алеор покрутил бренди в бокале, насмешливо глядя на нее, потом сделал еще один глоток. Из-под опущенных ресниц он внимательно наблюдал за дворянами, собравшимися в зале. Те держались на расстоянии, по правде, они боялись Алеора как огня, и никто из них не решился бы подслушивать. Однако эльф все равно был настороже, как и всегда.

— Да, мозги ты себе на севере не отморозила, и это уже радует. И естественно, я бы не потащился сюда только за тем, чтобы поддержать тебя, уж прости. — Рада нетерпеливо кивнула, ожидая продолжения. — Просто у меня появилось одно дельце, и мне нужен партнер, на которого я смогу положиться в нем.

— Что за дельце? — Рада постаралась говорить как можно спокойнее, однако сердце в груди застучало, как бешеное. Как и всегда Алеор появлялся из ниоткуда словно свежий ветер, появлялся лишь затем, чтобы вытащить ее из этого болота, в которое ее все глубже и глубже засасывало, и порой казалось, что выбраться наверх она уже никогда не сможет.

— Дельце что надо, поверь мне, — Алеор взглянул на нее, и в его глазах Рада углядела знакомые искорки азарта. — Достаточно серьезное, чтобы взяться за него основательно.

— Рассказывай.

— Если в двух словах, то прошу вас, миледи. Владыка Илион предложил мне собрать

команду и отправиться за Семь Преград к Неназываемому.

Рада, которая как раз делала глоток, подавилась бренди и закашлялась так, что слезы из глаз хлынули. Алеор по-отечески похлопал ее по спине, пока она прокашливалась, бросая хищные взгляды на разглядывающих их дворян. Как только способность говорить вернулась к ней, Рада вытаращилась на него и сбивчиво зашептала:

— Ты совсем ума лишился, что ли?! Ни один дурак не сунется в логово Неназываемого ни за какие деньги! Проще сразу же выпить яду и упокоиться с миром! Какая бхара тебя туда несет?

— Владыка Лесного Дома Илион, — оскалился Алеор. — А еще — приличный кусок земли к югу от Кевира со всеми доходами в мое полное распоряжение. Ну, и обещание не лезть ко мне как минимум тридцать лет.

Кусок действительно был лакомым, и Рада с трудом, но могла понять, почему Алеор на него польстился. Илион был его дальним родственником, причем бездетным, и не слишком-то с большой охотой отпускал наследника престола из Лесного Дома. Впрочем, тот и не особенно-то спрашивал, куда и когда ему уезжать, но у Владыки была прекрасная узда, сдерживающая его все эти годы, — титул самого Алеора. Как Светлейший Князь Лесного Дома, самый опасный наемник Этлана не имел права шляться там, где ему вздумается. Его место было в его стране, и Владыка использовал любые предлоги и поводы, чтобы задержать его там подольше. В общем-то, в какой-то степени Алеор был предоставлен сам себе еще меньше, чем Рада — ее-то, в конце концов, никакой трон не ожидал. Однако эльф всеми силами пытался игнорировать свое будущее и настоящее, выкручиваясь из цепких лап Владыки, и обещание Илиона не лезть к нему тридцать лет стоило едва ли не столько же, сколько доходы со всех южных земель Лесного Дома вместе взятых. Не говоря уже о славе, которая неминуемо ждала его после возвращения из-за Семи Преград, куда не ступала нога ни одного смертного с самого сотворения мира.

Однако, слава эта ожидала его только в том случае, если он сможет вернуться оттуда живым. За Семи Преградами спало зло, у которого даже не было имени, зло, подстегнувшее на бунт Крона многие тысячелетия назад, зло, породившее империю Сети'Агона и всех тех тварей, которых Алеор с таким прилежным упорством уничтожал последние полторы тысячи лет. Не он один, конечно, в этом участвовали и остальные государства, выставляя свои войска против нежити, ползущей с Востока, из Хмурых Земель и Страны Мрака за ними. Но были и такие твари, против которых отказывались выходить многотысячные армии, и тогда Алеор назначал за свою работу непомерную цену, улыбался своей гаденькой улыбочкой и уходил на время. А потом возвращался с уже подтухшей головой какого-нибудь очередного монстра и бросал ее к ногам бледных от ужаса заказчиков, которые желали лишь одного: чтобы он поскорее убрался с их глаз и никогда больше не возвращался. За такие подвиги ему и дали имя «Тваугебир» — Убийца Тварей, и это имя заставляло людей по ночам запирать ставни и двери, забиваясь поглубже в уютное тепло своих домов, и надеяться, что он никогда не придет к ним на порог.

Рада верила в то, что Алеор способен на все, ну, практически на все, но даже он не обладал достаточной силой, чтобы сунуться к Неназываемому. Никто из смертных и бессмертных ей не обладал.

Постаравшись звучать как можно увереннее, она взглянула на своего старого друга и заговорила:

— Никакие деньги, никакие обещания и слава не стоят того, чтобы лезть за Семь

Преград, Алеор. Ты сгинешь там. — Алеор фыркнул, и Рада настойчиво продолжила: — Неназываемый — это не какой-нибудь Страж Болот, это первородное зло. Что ты вообще собрался там делать? Убивать его? Но как?

— Тут выяснились кое-какие подробности, — Алеор придвинулся к ней, оглядываясь по сторонам и следя за тем, чтобы никто их не подслушал. — Говорят, в Роуре семь лет тому назад была большая заварушка. Якобы Сети'Агон попытался вырастить там армию и при помощи Неназываемого создать плацдарм для атаки на Срединный Этлан. Только у него ничего не вышло: местные скооперировались и разбили его в пух и прах.

— Местные? — удивленно вскинула брови Рада. — Там вообще кто-то обитает? Мне казалось, что там только дикари-лошадники, вот только вряд ли они смогли бы отбиться от Сета.

Роур находился на далеком западе материка, отделенный от основной части мира высокими непроходимыми горами, и вести оттуда до крупных городов доползали так медленно, что проще было ничего и не знать. Не говоря уже о том, что по дороге они обрастали невиданными подробностями, вроде баек о летающих на драконах мужчинах или женщинах, что жили отдельным народом, воюя против всего остального мира. Рада считала все это полнейшим бредом и выдумками заезжих менестрелей, однако послушать новости из тех дальних мест все равно было любопытно.

— Ты удивишься, но там есть народы и помимо лошадников, которые смогли дать отпор Сету, а уж поверь, он туда бросил достаточно сил для того, чтобы стереть их в порошок, — хмыкнул Алеор, отхлебывая из своего бокала. — Но да это неважно. Важно вот что: Илион говорит, что Неназываемый — это вовсе не то, что мы представляем, и не настолько опасен, насколько мы привыкли считать. Поручкой тому слово Илиона, и на этот раз я склонен ему верить. Потому я и согласился собрать команду и отправиться туда, чтобы завершить то, на что у дикарей не хватило сил.

У Рады в голове все перемешалось, и она сказала себе, что и не хочет ничего понимать. Слова Алеора о том, что Неназываемый не так опасен, как все предполагали, звучали для нее совершенной бессмыслицей, едва ли не откровенной ложью. Вот только сейчас у нее не было времени вникать во все это, не говоря уже о том, что Алеор ничего по делу в общем-то и не рассказал. А Рада привыкла делать выводы по факту, владея всей имеющейся информацией.

С другой стороны, Алеор никогда не врал, во всяком случае, когда речь шла о серьезных делах, и она склонна была прислушиваться к его словам. А коли так, и Неназываемый — не угроза (что отказывалось укладываться в ее голове), оставалось еще Семь Преград, через которые нужно было пройти. Железный Лес, где листья деревьев были острыми будто копья, огненная земля, где под ногами буквально бурлила лава, холмы червей, которые населяли твари похуже, чем то, о чем рассказывали детям на ночь страшилки... погоди! Ты что, серьезно задумываешься над его предложением?

Словно что-то вдруг вернуло Раду с небес на землю. Они стояли в золоченом зале королевского дворца Мелонии, где с минуты на минуту должна была начаться ее унижительная присяга на верность королю. Внизу, у парадного входа, ее муж общался с дворянами, прикладывая усилия к тому, чтобы на нее не смотрели, как на амбициозную жестокую чужеземку. Дома спал ее маленький сын, который вот-вот должен был поступать в Военную Академию Мелонии. А дочка, должно быть, уже встала и под приглядом дядьки сейчас штудировала книги по истории и культуре Мелонии. Она родилась и выросла в этой

стране, она вышла замуж за мелонца и родила ему двоих детей. Она принадлежала этой земле так же, как и ее проклятая эльфийская кровь принадлежала ее жилам. И она не могла взять и бросить все для того, чтобы убежать следом за Алеором на край света стяжать себе славу первой бессмертной, ступившей в логово Неназываемого.

Алеор смотрел на нее, и что-то в его глазах было таким... таким понимающим, таким насмешливым и язвительным, что Раде вдруг стало стыдно. А еще внутри полыхнул гнев. Стараясь подавить его и не дать зазвучать в ее голосе, она отвела глаза и покачала головой.

— Прости, но в этот раз я вынуждена отклонить твоё предложение.

— Почему? — открыто насмехаясь над ней, спросил эльф.

— Потому что у меня семья, — сказать это было так сложно, словно камней на плечи навалили. Возможно, так оно и было на самом деле. Рада подняла глаза на Алеора и встретила его взгляд, чувствуя себя так, будто сама собственными руками выкапывала свою могилу. — Мои дети здесь. Я не могу их бросить.

— Я знал, что ты так скажешь, — спокойно кивнул Алеор, — поэтому подготовился. За участие в экспедиции ты получишь часть земель к югу от Кевира, а также возможность проживать там вместе со своими детьми при условии, что они возьмут твоё родовое имя, отказавшись от имени отца. Мы с Илионом уже обговорили это.

Внутри что-то предательски заскреблось. Словно весенний ветер, ворвавшийся в душное, пыльное помещение, полный запаха цветов и надежды. Рада сжала зубы, прогоняя прочь эти чувства. Они не имели ничего общего с реальностью. Это были лишь глупые мечты, мечты девчонки, которая хотела дойти до самого края мира, завоевать все моря и страны, хотела докричаться до самого неба и вышить на его бархатной синеве своё имя рисунками из звезд. Но та девчонка давным-давно умерла.

— Нет, Алеор. Мои дети — мелонцы, и они останутся в Мелонии вместе со своим отцом.

— Ты — эльф, Рада, — улыбка пропала из глаз Алеора, сменившись твердостью и требованием. — Твоё место — в Лесном Доме, а не в этом захудалом сарае, полном чванливых разодетых петухов. Ты должна жить среди своих сородичей.

— Я живу там, где родилась, — упрямо покачала головой она. — Я живу в Мелонии, вместе с моей семьёй. А твои лесные братья не слишком-то стремятся меня принимать к себе, потому что родилась я среди людей. Мои дети будут изгоями в Лесном Доме, как и мой муж, если вы вообще собирались его туда пускать, в чем я очень сильно сомневаюсь. Да и я вместе с ними. Тогда какая мне разница, где быть изгоем: здесь или там?

— Разница есть, — Алеор смотрел на нее, и в его глазах на миг промелькнула печаль. — Разница в том, что ты не знаешь своего места. Ты здесь задыхаешься. Это как клетка, которая сдавливает тебя и мешает расправить крылья. — Его слова били наотмашь прямо по самому больному, проникая ей в грудь, но Рада пока еще упрямо держалась за своё, отказываясь отступить. Алеор вновь ухмыльнулся, глядя на ее реакцию. — В тебе слишком много огня для этого болота. И я не хочу, чтобы этот огонь в тебе окончательно угас.

А самое поганое было в том, что в очередной раз он был прав. Рада и сама прекрасно знала все, о чем он говорил, прекрасно чувствовала это. Мелония выпивала все ее силы, высасывала их, словно тысячи кровососов облепили тело и отнимали у нее жизнь, каплю за каплей. Ее место было не здесь, среди шелков, лживых взглядов и ядовитого шепота. Ее место было среди раздольных полей, полнящихся ветром и небом, среди бескрайних пушистых лесов с их прохладой и тенью, среди раздутых штормовыми порывами волн,

стальных и плюющихся ледяными брызгами, в тиши вековых скал, подпирающих белобрюхие тучи. Ее место было где угодно, но только не здесь.

Но у нее были дети. И Ленар, который старался сделать ее жизнь не такой поганой, какой она всегда была. Она не могла бросить это.

Как не смогла и ответить Алеору. Он лишь внимательно взгляделся в ее лицо, одним глотком допил свой бокал и поставил его на край стола. И тихо проговорил, глядя куда-то мимо нее.

— Я буду в городе еще месяц. Время терпит, а я хочу собрать команду достаточно сильную для того, чтобы не пришлось разворачиваться на полпути к Семи Преградам. Я буду ждать твоего решения. — Развернувшись, он зашагал к выходу из зала и бросил, не оборачиваясь. — Найдешь меня, когда я понадобится.

Рада с тоской проводила его глазами. Высокая фигура, которую обтекал длинный черный плащ, вышла из зала, и прочь от нее шарахнулось несколько дворян, дикими глазами глядя вслед и перешептываясь. А Рада отвернулась к столу и глубоко вздохнула, угрюмо всматриваясь в свой бокал. Алеор был прав во всем. Но это ничего не меняло.

На сердце стало еще тяжелее, и даже рассветные лучи солнца, дробящиеся в стеклянном куполе над головой и золотой мишуре зала, не могли улучшить ее настроения. Предстоящий день теперь стал только длиннее и тяжелее, а сама Рада чувствовала себя усталой и иссушенной до дна. Она хмуро потянулась за кувшином и наполнила свой кубок до краев, плюя на то, что при дворе хлестать бренди ведрами было неприято. Отойдя в сторонку и привалившись спиной к стене, Рада принялась потягивать напиток и вяло наблюдать за тем, как собираются придворные.

Пока они общались с Алеором, зал успел наполниться. Все не слишком родовитые семьи были уже здесь, как и двое Лордов Страны, Гелат и Аспар, те самые, что изо всех сил содействовали падению Рады. Сейчас оба они стояли у самого трона, отвернувшись от нее спинами и разговаривая с группой менее знатных дворян, но Рада буквально печенкой чувствовала все их презрение к себе. Эти двое никогда не успокоятся, пока не отравят ей жизнь окончательно, тут и к гадалке не ходи, так и будет. Оставалось только сделать так, чтобы их ненависть не перешла на ее семью. Ей уже даже приходили в голову мысли нанять убийц и решить проблему раз и навсегда, но вряд ли провернуть такое в центре Латра да еще и с двумя Лордами Страны было возможно. А сама она пачкать руки не могла: тогда ее детей уж точно затравят, как и Ленера. Золотая клетка, тут Алеор был прав. Золотая клетка с отравленными прутьями.

Перед ее глазами проходил целый калейдоскоп разноцветных платьев, камзолов, плащей. Дворянки почти что вываливались из своих тугих корсетов, а их сложные высокие прически и парики едва не сбивали висящие на толстых цепях под потолком хрустальные люстры. Мужчины щеголяли в коротких фраках с длинными фалдами за спиной и штанах, обтягивающих их до такой степени, что проще было бы явиться голыми. Вонь дорогих духов перемешалась, тугим облаком повиснув над залом, и Рада поняла, что задыхается в своем душном накрахмаленном воротнике. Уж лучше нюхать отбросы в Бакланьей Топи. Поморщившись, она осушила залпом бокал и направился к столу, чтобы налить еще. В голове только-только начинало приятно пощипывать, хотя Ленар ужаснулся бы, увидев, сколько она уже употребила за это утро. Но он не видел ее в Северных Провинциях, а потому и ничего не знал.

Направившись к столу за новой порцией бренди, Рада краем глаза заметила, как от

толпы отделилась высокая фигура и направилась в ее сторону. Настроение испортилось окончательно: это был посол Речного Дома.

Эльф был высок, того же роста, что и она, и на его каменном лице не отражалось даже проблеска эмоции. Кожа его была гладкой, как у ребенка, без единой морщины, черты лица — тонкие, изящные. Да и двигался он также, словно перетекая с места на место, не в пример Алеору, чью грацию опасного хищника вообще никто не мог повторить. Одет эльф был в какую-то серую хламиду, стекающую с его плеч потоками шелка, его пепельные волосы лежали на плечах так ровно, словно последние три часа он, высунув язык, прилизывал волосину к волосине, а фиалковые глаза смотрели на нее с равнодушным любопытством. Так смотрят обычно на лошадей, выставленных на продажу. Рада скривилась и отвернулась, ища глазами нужный кувшин.

— Миледи, Киер? — голос у эльфа тоже был что ледышка: звонкий, но полный силы. Рада с неохотой взглянула на него. — Я посол Речного Дома, Элоин Тириен.

— Рада Тан'Элиан, — буркнула она в ответ, неловко кивая. Совсем ничего не ответить на обращение посла было бы проявлением ужасающей грубости и опозорило бы ее дом, но он обратился к ней по родовому имени, а не по имени ее Дома. Что тоже было грубостью. Грозар, как же я устала от всего этого!

Бессмертный никак не отреагировал на ее слова, складывая руки в замок на груди. Он был Первопришедшим, из тех чванливых зазнаек, хвастающихся тем, что ведут свой род от самых первых эльфов, ступивших на земли Этлана. Первопришедшие были расистами еще похуже мелонцев, и Рада примерно догадывалась, что нужно от нее этому. Иначе он бы просто и в ее сторону не взглянул: ее-то род уже принадлежал Этлану.

— Рад знакомству, — эльф лишь чуть-чуть нагнул голову, что должно было сойти за поклон. — И от имени моего Владыки прошу принять поздравления с вашим триумфальным возвращением в Латр, миледи.

— Спасибо, — буркнула Рада, ставя кувшин на место и отхлебывая из бокала.

Если такой ответ и оскорбил эльфа, то вида тот не подал.

— Должен заметить, что я знаком с обстоятельствами дела, из-за которого вы попали в ссылку. Послы Речного Дома еще восемь лет назад пытались добиться от короля более тщательного расследования инцидента, однако наш голос не был услышан. — Элоин смотрел на нее без выражения, словно засыпающая змея, однако Раду этим было не обмануть. У эльфов всегда был свой интерес, всегда, а у Первопришедших все это принимало совсем уж невыносимые формы. — И теперь, когда вы доказали свое мастерство в военном деле и вернулись в Латр с победой, мы бы хотели несколько окупить последствия инцидента с королем.

— Каким же образом? — фыркнула Рада, не сдержавшись.

— Права эльфов в этом регионе попираются уже несколько тысячелетий, — проговорил Элоин, нарочито игнорируя ее раздражение. — Лесной Дом не предпринимает никаких шагов для решения вопроса с провинцией совместного проживания людей и эльфов Рамасан. Мы же не можем вмешиваться напрямую из-за некоторых разногласий с королем Маркардом. — Губы эльфа слегка поджалась, и Рада сдержала смешок. Разногласиями это можно было назвать с большой натяжкой. Маркард едва не взапой выталкивал послов Речного Дома из страны, а те под любыми предлогами отказывались уезжать. — Однако, мы можем поучаствовать в личной судьбе каждого нашего соплеменника.

Рада уже поняла, к чему он клонит. Примерно то же предложение Речной Дом делал ей

и десять лет назад, когда она ненадолго вернулась в Латр из своих поездок по стране. Шпионить при дворе для эльфов, а за это — жалкие туманные посулы каких-то неведомых имений на границах Речного Дома, и это при том, что Первопришедшие гнали прочь всех «низкородных» эльфов, не пуская их даже на порог своих городов, — именно этого хотел от нее посол много лет назад. Вряд ли теперь его намерения изменились.

Она уже открыла рот для того, чтобы нахамить Первопришедшему и избавиться от его общества, но тут к ним из толпы вывернул Ленар. С каменным лицом взглянув на бокал в руках Рады, он слегка поклонился Элоину и проговорил:

— Прошу простить меня, посол, но я слышал, что вот-вот прибудет король. И хотел бы перемолвиться парой слов со своей женой до того, как начнется церемония присяги.

— Конечно, милорд. Не смею задерживать вас более, — отозвался эльф, потом долгим взглядом посмотрел на Раду. — С вашего позволения, я найду время, чтобы закончить наш разговор.

Когда он отошел прочь, Рада поморщилась и негромко выругалась под нос.

— Что он хотел? — холодно вздернул бровь Ленар, глядя вслед уходящему эльфу.

— Как и всегда. Чтобы я шпионила для них за королем.

— А что хотел милорд Ренон? — голос Ленара не изменился, но плечи его одеревенели. — Ему опять нейдет втянуть тебя в очередную авантюру?

— Не беспокойся, ни во что он меня не втянет, — проворчала Рада, допивая залпом свой бокал и ставя его на край стола. — Пойдем. Я хочу только одного: чтобы все это поскорее закончилось.

Словно в ответ на ее слова, в двери тронного зала вошел герольд в рыже-черной ливрее и позвонил в вызолоченный колокольчик. Звук его был мерзким и высоким, точно таким же, как и голос самого герольда, объявившего:

— Милорды и миледи, его величество, король Мелонии Маркард Тан'Ганд!

— Грозар, дай мне пережить этот треклятый день, — проворчала Рада, глядя, как король торжественно входит в тронный зал, и придворные кланяются, расступаясь перед ним.

===== Глава 4. Первая песня =====

В душном помещении таверны было шумно и темно. Народу сюда под вечер набилось, словно селедок в бочку, и запах стоял соответствующий. Под закопченным, потемневшим от времени бревенчатым потолком висело густое облако дыма из трубок. Ревели два больших камина, прогревая и без того душное помещение. По усыпанному песком полу скрипели подошвы сапог, скрежетали ножки стульев.

Света от одной большой люстры на три десятка свечей было не слишком-то много, а потому за отдельную плату можно было купить у трактирщика свечу, чтобы иметь возможность разглядеть содержимое собственной тарелки. Впрочем, этой услугой здесь никто не пользовался: место было, конечно, не самым значным в городе, но и не из тех, куда заходили приличные люди, а потому о том, что ты ешь, лучше было и не знать.

В дальнем углу на небольшом возвышении танцевала полуголая деваха. Ей подыгрывали двое музыкантов, но за грохотом голосов, отдельных выкриков и грубого смеха, музыки почти что и не было слышно, разве что иногда долетали какие-то визгливые нотки, которые выдувал из своей флейты молодой паренек с вылезающими от натуги глазами. Деваха задирали юбки почти что до пупа и высоким визгливым голосом горланила всяческую непотребщину, которую завсегдатаи заведения встречали радостным дружным ревом.

Гардан, наемник, повсюду сопровождающий Раду в последние годы, сегодня пойти с ней не смог, отговорившись какими-то неотложными делами, но она подозревала, что все дело в его обыкновении под конец недели посещать бордели. Раду такие заведения не интересовали, она предпочитала бессмысленным телодвижениям и растрате энергии хороший крепкий алкоголь и драку, а потому не стала настаивать на совместном времяпрепровождении. По большому счету Гардан был ценен только тем, что мог выпить столько же, сколько и она, что делало его незаменимым компаньоном. А еще он умел молчать и драться, что также выгодно выделяло его на фоне остальных окружающих Раду людей.

Рада подобрала его где-то в далеком захолустье умирающего от ножевых ран, вылечить которые в том богами забытом местечке никто не мог. Ее лекари подлатали Гардана и быстро поставили его на ноги, а Рада предложила ему служить в своем отряде, и тот, подумав, согласился. Он также был одним из очень немногих, кто согласился вернуться вместе с Радой в столицу. Совсем одной ехать в этот гадюшник было тошно, и ей хотелось иметь рядом хотя бы пару человек, с которыми можно расслабиться и не чувствовать себя так, словно на нее напялили кольчугу на несколько размеров меньше, чем надо. Но никто из наемников севера не рвался сюда: большая часть скрывалась от преследующего их закона, другие просто находили Латр слишком большим и набитым стражей для того, чтобы чувствовать себя там комфортно. А вот Гардан согласился, и Рада была ему бесконечно за это признательна. Ленару, правда, пришлось наврать, что он ее личный телохранитель, но муж, судя по всему, в это не поверил и посматривал на Гардана с явным подозрением. Впрочем, сейчас Раде не было до этого никакого дела.

На замызганной столешнице перед ней стояла крутобокая бутылка с бренди, оббитый по краю бокал и тарелка с лежащими на ней маленькими солеными рыбками. По собственному опыту Рада знала, что в таких местах лучше заказывать продукты, которые не нуждаются в том, чтобы их резали, и уж тем более мясо. Иначе в своей тарелке можно было обнаружить незадачливого должника, давеча хорошенько проигравшегося в карты. Или соседского кота, что было немногим лучше.

Она сидела одна за маленьким круглым столиком, привалившись спиной к стене, чтобы никто не мог подобраться сзади и ткнуть ее ножом, и надвинув капюшон на глаза, чтобы золотистые волосы и красивое лицо не привлекали к ней внимание подвыпивших завсегдатаев. Несколько человек уже пытались подсесть к ней этим вечером и завязать пьяную беседу, но одного многозначительного взгляда из-под капюшона обычно было достаточно, чтобы они уходили. В Мелонии насчитывалось не слишком много женщин наемниц, но те, что были, считались отъявленными психопатками и головорезами, а потому их не рисковали беспокоить понапрасну. К тому же, в этой таверне ее знали. На прошлой неделе она тут голыми руками сломала спину зарвавшемуся громиле, который в пьяном угаре попытался порезать ножом ноги танцовщицы. И после этого хозяин таверны пообещал держать ее столик свободным в любое время, а ее саму — не беспокоить излишним вниманием и разговорами.

Рада плотнула из своего бокала и зажала зубами чубук трубки, затягиваясь густым, щиплющим глотку дымом. Ее чуткий эльфийский слух улавливал в оглушительном гомоне голосов отдельные шепотки. В правом углу помещения сговаривались двое контрабандистов, обсуждая возможности незаконного провоза в Латр дорогих южных специй. Еще чуть дальше закутанная в плащ фигура сулила хмурому громиле золото за убийство какого-то

мелкого лавочника. У самой стойки бара небритый детина горячо шептал на ухо дворовой девке скабрзости, тиская ее здоровенными лапищами, и та хихикала, притворно выкручиваясь из его рук. Гремели по столам кости, кулаки и кружки, шелестели карты, стучали по полу ноги и ножки стульев. Рада откинулась спиной на стену и прикрыла глаза, чувствуя, как медленно растекается по телу опьянение и дым. Здесь было хорошо, здесь было гораздо лучше, чем во дворце.

Утро хотелось забыть, как страшный сон. Унизительную присягу королю, калейдоскоп натянутых на масляные лживые лица улыбочек дворян, торжественный проезд через город на юг, в Ваэрнский лес на охоту, когда королевская стража кнутами подчевала зазевавшихся и не успевших убраться с дороги горожан. Да и саму охоту тоже, со всем этим бессмысленным топтанием на одном месте, собаками, загоняющими дичь, кабаном, которого вывели прямехонько на короля. Рада хмыкнула, качая головой и вновь отхлебывая бренди. В Северных Провинциях охотились иначе, с куском веревки и луком уходя в густые леса у подножий гор, чтобы добыть себе дичь. И без охотничьих рожков и перьев на задку.

Деваха допела свою песню, напоследок закинув юбку почти что себе на голову под дружный рев собравшихся вокруг нее мужиков, а потом легко спрыгнула вниз с помоста. Вместо нее туда забрался костлявый паренек и принялся ловко жонглировать разноцветными шариками. Его тоже встретили достаточно тепло, но не настолько, как его предшественницу.

Рада плеснула себе еще бренди и хмуро уставилась в свой бокал. Слова Алеора никак не шли у нее из головы, а внутри что-то предательски дрожало, ныло, изматывая и изматывая ее, словно загнившая под ногтем заноза. Этот проклятый эльф всегда знал, как зацепить ее, знал, что предложить, чтобы она потеряла сон и покой и, в конце концов, удрала вместе с ним куда-то на поиски очередных неприятностей.

Семь Преград. Эти простые два слова с детства пленяли умы ребятни, заставляя ее вылуплять глазенки из орбит и с восхищением и страхом слушать сказки матерей. Непроходимые преграды, за которыми спит древнее зло, спит до времени, чтобы однажды пробудиться и устроить Конец Мира. Бесчисленные герои сгинули по пути туда за долгие тысячелетия со времен Первой Войны, и об их подвигах слагали легенды, об одном только их желании дерзнуть сунуться на эти земли. Рада и сама помнила многие из этих сказок. Баэр Каменная Рука и битва в Пустых Холмах. Как Дамион Эльфийский гибель свою нашел. Песня о Пятерых героях и Семи Преградах.

Рада задумчиво покачала в пальцах бокал. Алеор был, пожалуй, единственным, кто смог бы добраться туда. Когда в начале Второй Эпохи Этлана Срединного Сети'Агон восстал во второй раз и нанес сокрушительный удар уже начавшему в те времена распадаться союзу Молодых и Старых рас, многим казалось, что настал давно предсказанный Конец Мира. Дермаки хлынули из Хмурых Земель настоящей лавиной, и остановить их удалось уже у самых границ Мелонии и Бреготта, которые в те времена отстояли на многие мили восточнее, чем теперь. По прошествии времени людям удалось скооперироваться и начать вытеснять темных тварей обратно в Хмурые Земли, откуда они и выбрались, однако Сет, как и всегда, ударил исподтишка, пока войска людей и эльфов были заняты на восточных рубежах. Он отравил Озерный Край своей скверной, превратив некогда прозванные Звездными Россыпями озера в смрадное болото, кишашее нечистью. Он разорил то, что когда-то было сердцем эльфийской цивилизации — Рощу Паломников, и она проросла черными перекрученными ядовитыми лозами и деревьями, в которых родилось зло. Он

отстроил на территории западных равнин Лонтрона крепость Гортенберг, гарнизон которой составляли наводящие на всех ужас закованные в латы всадники, молчаливые и смертоносные, не знающие страха и пощады. И получилось, что одержанная светлыми армиями на востоке победа над дермаками не стоила ничего. Пока они смотрели на восток, Сет отравил запад.

Союз Молодых и Старых рас разваливался на части. Дермаков отогнали обратно в Хмурые Земли, и там все затихло до времени, однако проблемы это не решило. Серая Топь, что когда-то была Озерным Краем, делила теперь весь Этлан с севера на юг ровно на две половины, прервав торговлю по дорогам и рекам. Оттуда во все стороны лезла нежить, там плодились дермаки и твари гораздо хуже них, а государства были отрезаны друг от друга непроходимыми преградами и стремились прежде всего обеспечить собственную безопасность и только после этого уже помогать соседям. Настали сумрачные времена, когда скверна Сети'Агона травила все, разрушала все, созданное когда-то Молодыми Богами. Тогда-то Алеор и начал свою карьеру.

Сам он о себе Раде никогда ничего не рассказывал, а если и говорил что-то, то мало и скупое. Потому о большей части его подвигов она знала лишь из легенд и сказок, которыми в детстве забавила ее кормилица. Алеор в одиночку сжег Гортенберг, разбив его стены, разнеся их на куски. Он вырезал большую часть заразы в Серых Топях, хорошенько проредил тварей на остатках эльфийской рощи, а уж в Хмурых Землях почти что жил, регулярно возглавляя набеги и рейды бернардинцев на восток, против дермаков. Он убил даже Стража Болот и нескольких драконов в Страшных Горах, тех немногих Драконов-От-Тьмы, что оставались еще в Этлане. И теперь именно он собирал поход против Неназываемого.

Семь Преград. Рада залпом допила свое бренди и плеснула себе еще. Заповедный край, нехоженный и дикий, созданный специально для того, чтобы остановить того, кто спал за ними, не дать ему выбраться, но и не подпустить к нему никого со стороны, кто захотел бы потревожить его сон. И величайший из наемников, легендарный Алеор Ренон Тваугебир, который возглавлял отряд из смельчаков, рискнувших отправиться вместе с ним на битву с Неназываемым.

Внутри зануло еще сильнее, и черная тоска стиснула когтями сердце Рады. Ты не можешь удрать туда с ним. Ты родилась в Мелонии, ты замужем за Лордом Страны, у тебя двое детей от него. Ты сама сделала этот выбор, и тебе самой платить за него. Ты не можешь все бросить. Она яростно запыхтела трубкой, чувствуя, как словно ножами изнутри режет глотку дым. Кажется, она курила уже третью или четвертую за вечер, не делая между ними особых перерывов, и раскаленная чашечка трубки, до которой уже больно было дотрагиваться, подтверждала это.

Паренек жонглер под свист и крики толпы сошел с помоста, и на него вернулась все та же деваха, на этот раз разодетая еще откровеннее, чем раньше. Теперь на ней было платье без плеч, и Рада вообще думать не хотела о том, на чем же оно держалось. Завсегдатаи дружно взвыли, засвистели, застучали о столы кружками, приветствуя ее, и деваха, подмигнув всем, затянула очередную пошлятину.

Хмуру глядя на все это, Рада закинула в рот маленькую соленую рыбешку. Есть не хотелось, но нужно было, иначе завтра с утра она захочет умереть. А разве ты уже не хочешь этого сейчас? Она хмыкнула и глотнула еще бренди.

Дверь в таверну открылась, и внутрь скользнула какая-то маленькая фигурка, закутанная в драный серый плащ. Фигурка сразу же наткнулась на какого-то пьяного детину,

тот рывкнул на нее, и она шарахнулась в сторону, в последний момент взмахнув руками, чтобы не упасть. Рада углядела только тонкие запястья, крепко сжимающие какой-то потертый кожаный футляр. Руки были совсем белыми, словно у ребенка или у юной девочки. Что такая забыла здесь?

Впрочем, у нее было полно собственных забот, чтобы отвлекаться на другие. Вернувшись к своему бокалу, Рада нахмурилась, вода пальцем по щербатому ободку и рассеяно глядя в никуда. Мысли тянули ее туда, на запад, в Роур. Что же за битва там была семь лет назад? Алеор сказал, что местные сумели отбиться от большой армии Сети'Агона которую он собрал, чтобы раздавить их. Но кем были эти местные? И если там жили не только лошади, то кто еще? В рассказе про крылатых баб и мужиков на драконах Рада не верила — это были побасенки для детей и ничего больше. Но там могло быть какое-то государство, людское государство, достаточно сильное для того, чтобы противостоять Сету. И как же тогда оно жило?

Из уроков истории она помнила, что где-то там, на юго-западе, должно было быть еще одно старое, почти что затерянное во времени эльфийское княжество. Говорили, что те эльфы отделились от основной ветви еще во времена Первой Войны, отказавшись вместе с Ирантиром Солнце сражаться против армий Крона. Могли ли они до сих пор еще жить в далеких, всеми забытых лесах? Или ветра времени уже источили их в пыль, и даже память о них рассыпалась, как старое трухлявое дерево?

Ты опять об этом думаешь! Прекращай! Рада со вздохом одернула себя. Ленар обещал ей пост главы Военной Академии. Она сможет учить всех этих маленьких лорденышей, как правильно сражаться, она сможет заставить их держать в руках оружие не только для того, чтобы поразить воображение малолетних прыщавых коз. Возможно, однажды придет день, когда Лорд-Протектор заметит ее успехи и даст ей возможность руководить даже целой армией... Какой армией, Рада? Игрушечными солдатиками, марширующими по площадям, смиренно держа копыта под одним углом? Мелония не ведет войн, и армия у нее — одно название.

Деваха, раскланявшись, слезла с помоста, и Рада скучающим взглядом проводила ее прочь. Вместо нее к помосту начала протискиваться маленькая фигурка, что еще совсем недавно вошла в таверну. Рада рассеяно наблюдала за ней, отметив, что та только что отошла от трактирщика, который хмурил брови и неуверенно потирал подбородок. Наверное, кто-то попросил разрешения выступить. Раду это не слишком занимало. Она вновь глотнула бренди и откинулась назад, уперевшись головой в стену и закрывая глаза. Хмель медленно полз по венам, делая голову тяжелой и горячей. Оставалось только дожидаться того, как он пропитает ее насквозь и сделает вязкой и тупой, и тогда черные когти тоски хоть немного отпустят.

Перед закрытыми глазами было темно, лишь иногда скользили слабые отблески огня. Гомон голосов превратился в одно сплошное расплывчатое пятно, как и весь мир. А потом вдруг прямо сквозь эту вязкую пелену прорвался серебристый, словно ручеек, нежный голос, и Рада на миг задумалась, не снится ли ей все это?

Что ты ищешь на этой земле, где нет лета, лишь сумрачные скалы?

Только хохот свинцовых волн вторит крику чаек и песням баньши,

Духи прячутся в зарослях бересклета, закат разливается алым,

На воде в пене пляшут и гаснут блики, невидимые раньше.

Ты уверен, что карта не врет, что компас не сломан,

Что дорога выбрана верно — подумай еще раз.

Если да, начинай полет, разгоняй мрак сонный.

Я тебя научу летать, не отводи глаз.

Песня текла и текла, звонкая, будто ручей, сильная, как морской ветер. Рада удивленно распахнула глаза и уставилась прямо на маленькую девчушку, что сейчас стояла на помосте в конце помещения и пела, вскинув голову и наигрывая себе на небольшой старой потертой арфе. И заморгала, не совсем понимая, что видит перед собой.

Девчушка была эльфийкой, в этом не было сомнений, причем не простой эльфийкой. Черты лица ее были совсем тонкими и сглаженными, а огромные серые глаза часто моргали, словно у перепуганного олененка. Мягкие каштановые кудряшки спускались на ее плечи, скрепленные чем-то на затылке, и в полутьме было хорошо видно длинную тоненькую шею и выпирающие ключицы. Кожа у нее была белой, почти что серебристой, и ярким пятном выделялась на фоне заплеванной прокопченной таверны, словно лунный лучик упал сквозь запотевшее, давно немытое окно. Да она же из Первопришедших! Рада была настолько удивлена, что выпрямилась, не сводя глаз с девчонки.

Выглядела та, словно давно не кормленный перемерзший воробей, но голос при этом ладно и сильно выводил незнакомую песню, а пальцы уверенно перебирали струны арфы, и Рада чувствовалась сила в ее музыке.

Я могу предложить тебе вместо крыш своды облаков,
Я могу предложить вместо звонкой монеты лунный свет,
Научу тебя улетать дальше птиц и серебряных ветров,
Обещай, что потом позабудешь меня, потеряешь мой след.*

Девчонка ударила по струнам, и музыка полилась, полилась со старенькой, расколотой, плохо настроенной арфы, прямо на головы усталых работяг, перепивших пьянчуг, картежников, воров и наемников. Рада не слишком-то понимала в музыке, но здесь было что-то, что-то дрожащее и сильное, что-то золотисто-летнее, отчего ее сердце словно отпустила пережавшая его рука тоски. Музыка лилась, и Рада слушала всем своим существом, замерев и широко открытыми глазами глядя на маленькую эльфийку среди пьяной толпы, казавшуюся здесь настолько не к месту, настолько чужой, настолько неподходящей всему этому. Откуда же ты взялась тут, девочка? Что ты забыла в этом засиженном мухами сарае?

Тонкие пальцы перебирали струны, и в них Рада слышала море. Северное море, которое она так хорошо знала, так любила, шумело где-то вдаль. Накатывали громадные волны, стальные и тревожные, накатывали на галичный берег, разбиваясь о камни, что задумчиво наблюдали проходящие мимо тысячелетия. Шуршало крошево песка и мелких камешков, ракушек и косточек, шуршало, накатывая вместе с волнами и просачиваясь между плоских камней, и вода отступала прочь, с натужным дыханием отходила, чтобы вновь броситься вперед в извечной тоске, словно женщина, тянущая руки к умирающему сыну. Кричали в небе чайки, висая на могучих потоках холодного ветра, расправив крылья прямо под низкими серыми облаками. Сумрачный край с холодными скалами и неприветливыми ветрами, край для сильных, где выживает лишь тот, кто способен покорить, подчинить себе море, усмирить его нетерпеливые вздохи и дурной нрав. Край соли, ветров и камней, край свободы.

В груди что-то предательски задрожало, а горло стиснуло, и Рада горько отхлебнула из своей кружки. Боги, как же я хочу вернуться туда! Как же я хочу остаться там навсегда! И не нужно мне никакое золото, никакие столицы, никакие люди. Только это море и свобода.

— Эй! Хватит ныть! Покажи ноги! — выкрикнул какой-то пьяный голос, и Рада

ощутила что-то, сродни потере. Словно это волшебное, красивое, тоскливое, созданное музыкой, ушло, разбившись в очередной раз о людскую тупость и равнодушие.

Девчушка и глазом не моргнула, продолжая играть, но взгляд у нее остекленел. Рада чувствовала, что теперь что-то уже совсем не так, по другому, что девчушка уже не будет петь, как раньше. И от этого внутри заворочался гнев. Она отдавала себе отчет в том, что большей частью он продиктован бренди и ненавистью к тому, что она застряла в этом поганом городе вместо того, чтобы сейчас уже мчаться с Алеором на запад, но так ли это было важно? Сегодня вечером она напивалась, напивалась затем, чтобы ввязаться в драку и забыть обо всем, а тогда какая разница, что станет поводом для этой драки?

Еще несколько голосов присоединились к первому, требуя, чтобы девчонка разделась, и та окаменела еще больше, вся как-то сжалась, но упрямо продолжала играть, хоть руки теперь уже скользили по струнам неохотно и скованно.

Рада залпом допила свое бренди и поднялась, разминая пальцы. Вещей у нее с собой не было, а за еду она уже заплатила, причем сполна, одарив золотым улыбающегося и подобострастно кланяющегося трактирщика. Пожалуй, этого золотого должно было с лихвой хватить и на покупку новых столов взамен тех, что сейчас будут сломаны, и на новые кружки, которые сейчас здесь перебьют. В принципе, можно было и подбросить еще пару золотых просто для возмещения морального ущерба, но это уже будет зависеть оттого, получит ли она удовольствие в грядущей драке или нет.

Окружающие помост слушатели зашумели, и первый смельчак уже полез на помост, пытаясь пьяными руками задрать подол девчушке. Она громко вскрикнула, прервав песню на полуслове, а потом с силой огрела его по голове арфой. Послышался громкий хруст, инструмент с натужным звуком треснул, полопались струны, а незадачливый пьянчуга как подкошенный упал на пол под громкий хохот остальных завсегдатаев.

Рада расстроено остановилась, глядя на то, как девчушка ловко спрыгивает с помоста и заворачивается в плащ. Она надеялась на хорошую свалку, а эта мелкая справилась и сама, умудрившись не только нейтрализовать соперника, но и насмешить всех остальных. Музыканты уже заиграли плясовую, и давешняя полуголая певичка вылезла на помост, ножкой спихивая с него бессознательного пьянчугу под общие крики одобрения.

Разочарование было таким сильным, что Раду затрясло. Этот день не задался с самого утра, но она-то надеялась на то, что он хотя бы закончится хорошо. Впрочем, Боги услышали ее молитвы. Как странно, что до вас доходят только такие идиотские мои просьбы, а когда по серьезному надо помочь, вы почему-то молчите.

Эльфийка попыталась выбраться из забитого людьми помещения незаметно, но какой-то детина ухватил ее за руку и с хохотом что-то сказал. Рада расслышала только окончание фразы, и даже ей, привычной к обществу пиратов, бандитов и шлюх, этого было достаточно для того, чтобы разбить ему лицо. Не постеснялась и эльфийка. Зашипев, как кошка, она ловко вывернулась из хватки детины и зарядила ему острым кулачком прямо под дых. Тот охнул и согнулся пополам, а Рада захихикала, пробираясь сквозь толпу к месту свалки.

Девчушка дернулась ей навстречу и врезалась в грудь, перепугано охнув, когда руки Рады крепко обхватили ее за талию, а губы прошептали прямо ей в ухо:

— Беги к дверям. Я тебя прикрою.

В следующий миг Рада отпустила ее и отодвинула себе за спину, поднимая руки. И когда детина с руганью разогнулся и занес кулак, его уже ждали.

Тепло разлилось по груди и телу, а хмель ударил в голову с такой силой, что Рада

покачнулась. Ей вдруг почему-то стало так весело, так легко, так славно, словно и не было всего этого тяжелейшего дня, всей этой тоски, всех этих дурацких мыслей. Рука так привычно сжалась в кулак, а потом выстрелила вперед, врезаясь в небритую твердую щеку и отзываясь таким родным толчком боли. Вот для этого вы создали меня, Боги! Вот для этого и не для чего другого!

Рада была эльфийкой, а потому получила от своих погибших при ее рождении родителей достаточную силу, рост и скорость, чтобы с лихвой скрутить любого забулдыгу. Девочка, взмахнув руками, опрокинулась назад, толкая при этом еще троих и опрокидывая стол, и в следующий миг началось. Со всех сторон на Раду посыпались удары, засвистели кулаки, загремели кружки, голоса, столы. Она сжалась в пружину и била, вертясь на месте волчком, нанося удары руками и ногами, уходя от чужих замахов, подныривая под кулаки и подсекая чужие ноги.

Музыканты по старой доброй традиции всех захудалых таверн мира заиграли плясовую, а девушка на помосте принялась горланить, с хохотом выбрасывая к потолку голые ноги, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся худыми, с обвисшей кожей и синяками. С грохотом летали над помещением кружки, а трактирщик по привычке укрылся за барной стойкой, подгребая к себе сундучок с деньгами, чтобы кто-нибудь не воспользовался свалкой и не подрезал всю дневную выручку.

Чей-то кулак влетел Раде в щеку, выбив из глаз фонтан искр, и она с наслаждением ударила в ответ, наотмашь, отчего обидчик как-то обмяк и медленно опустился на пол, зажимая обеими руками сломанный нос. Потом на голову обрушилась глиняная кружка, и затылок взорвался от боли, а осколки, кровь и ледяное вино полились за шиворот. Она взвизгнула, размахивая руками и круша уже все вокруг. В таверне началась свалка, где дрались абсолютно все, и никто уже не понимал, почему и зачем он это делает.

В запале Рада не успела заметить, как что-то холодное и острое проскользнуло между лезущих в нее со всех сторон рук и ног и резко вошло прямо в бок. Боль на миг парализовала все тело, и Рада содрогнулась, замерев. Чей-то хриплый голос шепнул в ухо, обдав ее запахом прогорклого бренди и чеснока:

— Сдохни, бессмертная шлюха!

Потом холодное лезвие выдрали из тела, но она не медлила ни минуты. Рада была слишком пьяна для того, чтобы разобраться, кто именно был подослан, чтобы убить ее, а в толпе он мог запросто сделать это в течение буквально каких-то мгновений. Потому она лишь сжала зубы и высоко выпрыгнула.

Тело подчинилось, но раненый бок буквально взорвался болью и водопадом алых капель, и она закричала, когда руки вцепились в раскачивающуюся над головой тяжеленную люстру. Повиснув на ней, Рада дала себе ровно один миг, чтобы хватануть ртом воздуха, а потом резко дернулась назад и, используя инерцию подвешенной на цепях люстры, прыгнула в сторону выхода. Сжавшись в комок в последний момент, она буквально выкатилась из таверны, почти что выбив при этом входную дверь. И, естественно, упала прямо в грязную лужу помоев посреди нечищенной улицы захолустного квартала горожан.

Боль в боку была невыносимой, да и при падении она умудрилась хорошенько приложиться головой и плечами о дверь, но при этом ее все равно разбирал смех. Это надо же! Миледи Тан'Элиан в первый же день после официальной присяги королю умудрилась не только надраться как скотина и устроить драку в городской таверне, но еще и схлопотать нож в бок, а потом еще и вывалиться в помоях! Хихикая и давясь болью, она кое-как

поднялась с колен и оглянулась на дверь. Вряд ли убийца будет преследовать ее теперь, когда они уже не в таверне. У него был шанс посмотреть на то, как она дерется, к тому же, напал он в толпе, а не один на один, что означало, что он в курсе ее способностей и силы. А это означало, что нужно просто добраться до дома и попросить лекаря подштопать ее, причем сделать это как можно тише, чтобы Ленар не услышал об этом ни шепотка. Вряд ли ему понравится все это.

Зажимая рукой бок, Рада сплюнула кровь изо рта и поплелась прочь от таверны, из которой доносился грохот и крики, а еще — обрывки музыки и гортанного пения полуголой девахи. Коня она благоразумно оставила в конюшнях к северу отсюда под присмотром двух здоровенных пареньков с дубинами, прекрасно зная, что здесь, в этих кварталах городской бедноты, его сведут за какие-то несколько минут, стоит ей только отвернуться. А это означало, что сейчас она заберет свою злобную скотину и поедет на ней домой, зализывать раны с чувством глубокого удовлетворения от вечерней прогулки.

На улице в такой поздний час уже никого не было, кроме ковыляющей Рады да облезлых худющих котов, шныряющих по помойкам. Ставни на окнах горожане на ночь плотно позакрывали, и лишь кое-где, под самыми крышами домов, виднелись скудные огоньки свечей. Там кто-то ужинал или готовился ко сну, и им не было никакого дела ни до нее, ни до ее состояния. И это было хорошо.

Рада прикрыла глаза, вдыхая бодряще холодный ночной воздух, полный вони сточных канав. Вот так пахло и в Бакланьей Топи, разве что там еще немного соли примешивалось ко всему этому. Она вскинула голову, глядя на темно-синий небосвод, усыпанный крохотными острыми звездочками. Отсюда было видно лишь небольшой его кусочек, ограниченный со всех сторон крышами жилых домов, но и это тоже было хорошо. Наступала осень, неся с собой черные ночи, льдистые звезды и запах прелых листьев, и это нравилось Раде.

Потом сзади послышался легкий шорох, но она не стала оборачиваться. Убийца не пошел бы за ней, и уж тем более не стал бы шаркать ногами, если преследовал бы ее. Да к тому же, убийца пах чесноком, а сейчас Рада улавливала в воздухе легкий-легкий аромат травяного мыла. И еще — шелест ткани и стук потертых башмаков о камень мостовой. И шмыганье чьего-то мокрого носа. Хмыкнув, она только покачала головой, а потом негромко спросила через плечо:

— Ну и чего ты плетешься за мной?

На миг позади повисла тишина, там очень удивились тому, что их услышали, и Рада вновь хмыкнула. И сразу же поморщилась: от резкого движения в ране кольнуло, и кровь потекла сильнее. Теперь уже вся ладонь, которой она изо всех сил зажимала пропоротый бок, была в крови.

Потом послышался топоток, и молоденькая эльфийка догнала ее бегом, пристраиваясь рядом. На Раду поднялись два огромных серых глаза цвета штормовых волн, в которых решимость так тесно переплелась с ужасом, что отделить одно от другого было уже просто невозможно.

— Вы спасли меня... — пискнула эльфийка. Взгляд ее не отрывался от ладони, которой Рада зажимала бок, а лицо прямо на глазах бледнело. — Вы ранены! Боги, сколько крови!

— Это просто от пьянки, — пожала плечами Рада. Девчушка дико взглянула на нее, и та пояснила: — Когда пьешь, пульс учащается, и если пораниться, кровь хлещет фонтаном. На самом деле все не так страшно.

— Но она даже на землю течет, — рассеяно проговорила эльфийка, оглядывая Раду. —

За вами след кровавый...

— Нда? — Рада неуверенно оглянулась. По чести, набралась она в этот вечер знатно, и в голове тоже хорошо шумело после нескольких выпитых литров бренди и стольких же ударов кулаками и кружками. А потому она вполне могла и не рассчитать собственные силы.

За ней действительно тянулся кровавый след из рубиновых капель, которые было видно даже в потемках, во всяком случае, для ее эльфийских глаз. Да и штаны на правой стороне тела были предательски мокрыми, липли к коже, что означало, что крови она потеряла больше, чем намеревалась в такой ситуации. Нахмурившись, Рада еще раз оглядела себя, а потом нехотя проворчала:

— Возможно, я несколько недооценила масштабы этой царапины. Ну да ладно. У тебя есть что-нибудь, чтобы перевязать это?

— Ой! — пискнула девчушка, принявшись копаться в маленьком поясном кошелье, скрывающемся под ее плащом. — Я сейчас!

Одежонка на ней была плохонькая, потертая и изношенная, но выстиранная. Все прорехи были аккуратно заштопаны, а большие дыры закрыты заплатами. Из вещей у нее имелась, судя по всему, только эта маленькая поясная сумка, а кожаный футляр с арфой сгинул в драке в таверне. Рада пробежалась взглядом по ее тощим плечам, на которых плащ, явно больший по размеру, чем девчушка, болтался словно простыня, по разбитым вдрызг тяжелым ботинкам, торчащим из-под подола чего-то темного, что должно было быть юбкой. Девчушка выглядела так, словно проделала долгий путь, а вся ее одежонка принадлежала кому-то другому и досталась ей в наследство через двадцать, а то и тридцать рук. Но она была эльфийкой, причем Первопришедшей эльфийкой, Рада готова была поспорить, что это так. А Первопришедшие никогда не позволили бы одной из них вот так выглядеть. И тем более — шляться ночью по городским кварталам Латра, да еще и не самым безопасным.

— Вот! Давайте, я помогу! — девчушка выудила из сумы аккуратно свернутый кусок белого полотна и потянулась к боку Рады, но та только, поморщившись, отпихнула ее, словно котенка, а потом забрала из ее рук бинт.

— Сама справлюсь, не впервой, чай, — буркнула она.

Здрав подол куртки и морщась от боли, игнорируя испуганный писк эльфийки, Рада сумрачно осмотрела мокрую от крови рубаху. Под ней оказалось маленькое отверстие, совсем тонкое, как от стилета, но достаточно глубокое. Кровь из него лилась тоненькой струйкой, а сама рана выглядела сквернее, чем ожидала Рада. Ругаясь сквозь стиснутые зубы, она туго перемотала бок полотном и стянула узел. Бинты на боку моментально намокли от крови, но так было уже лучше, чем просто зажимать рукой. Ладно, не самая страшная рана, бывало и хуже. Кое-как опустив куртку на место, Рада взглянула на девчушку.

Лицо у той было белым, но смотрела она уверенно, да и брови упрямо сошлись к переносице.

— Вам нужна помощь. Я помогу вам найти лекаря.

— Дитяtko, да в такой ночи нам никто и двери не откроет, тем более здесь! — усмехнулась Рада. — Я потерплю до дома, а там меня подлатают.

— Тогда я вас провожу! — решительно тряхнула копной кудряшек девчонка. — Одна вы в такой темнотище не дойдете, да и мало ли что еще может случиться.

— Ты меня защищать собралась? — усмехнулась Рада, выгибая дугой бровь.

Эльфийка вспыхнула, но с места не сдвинулась, все также упрямо глядя на нее. Вот ведь помойный котенок!

— Я вас провожу, — твердо повторила она. — Вы спасли меня, и это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

— Ну ладно, — пожала плечами Рада. Ноги как-то предательски подрагивали, да и тошнота начала подступать к горлу. Это означало только одно: большую кровопотерю, а, значит, в одиночку ей будет действительно сложно добраться до дома. Сама виновата! Надо было не кулаками махать с радостной рожей, а по сторонам глядеть! Тогда и не пропустила бы убийцу.

— Обопритесь на меня, — девчушка подставила плечо, аккуратно обнимая Раду за талию так, чтобы не потревожить рану. И та вынуждена была признать, что это весьма кстати: голова закружилась, и звезды над ней сделали первый, пока еще неуверенный кульбит вместе с домами.

Навалившись на ее плечо, Рада проворчала:

— Ладно, пошли. Как тебя звать-то хоть?

— Лиара, — отозвалась та, потом, спохватившись, добавила. — Лиара Морин.

— Ага, — кивнула Рада, морщась от боли. Квартал зашатался перед ней, но она пока еще шла. Впереди виднелась освещенная масляными фонарями центральная улица, откуда было всего два квартала на юг до конюшни, где сейчас кусал грумов Злыдень. А оттуда и до дома недалеко. Так что потерпеть оставалось совсем немного. Чтобы хоть как-то отвлечь себя, она поинтересовалась: — Первый день в Латре?

— Откуда вы знаете? — удивленно взглянула на нее девчушка. Рада лишь фыркнула в ответ, и та, потупившись, проговорила: — Да, я только сегодня пришла сюда из Дерана.

— Деран? — Рада покатила название на языке, потом помотала головой. Думать было сложно. — Это где-то на западе, да?

— Да, — кивнула Лиара. — Это провинция Карамон.

— Боги, так это ж даль какая! — поразилась Рада. — Чего тебя понесло оттуда в Латр?

— Ну... — замялась девчушка. — Мне исполнилось восемнадцать, а это значит, что в приюте мне уже делать было нечего, да и не хотелось там торчать. Они мне выдали денег на дорогу, и на них я купила арфу, чтобы заработать на жизнь. Думала, в Латре повезет...

— Здесь никому не везет, — буркнула Рада, ковыляя вперед. — Значит, сирота, да? Так что же Первопришедшая делает в провинции Карамон? Как тебя вообще туда занесло?

— Я ничего не знаю об этом, — пожала плечами эльфийка. — Я всю жизнь прожила в приюте, среди других подкидышей.

— И там тебя научили играть на арфе? — выгнула бровь Рада. Эльфийка замялась и не ответила, а та была не в состоянии расспрашивать, потому просто сказала: — Латр — не место для молодой девочки, тем более, эльфийки. Иди лучше в Рамасан. Там тебя не обидят.

Девчушка вновь ничего не ответила, глядя себе под ноги, но Раде было уже не до того. Тошнота подкатывала к горлу, все вокруг нее ходило ходуном, а рану жгло буквально огнем, и с каждым шагом силы утекали из нее вместе с кровью. Теперь это становилось по-настоящему опасным, и она уже не была уверена, что сможет дотащиться до дома по тихому, чтобы не тревожить Ленара.

— А вас как зовут? — вдруг спросила эльфийка, которой явно некомфортно было тащить Раду в тишине.

— Рада Тан'Элиан, — отозвалась та, но тут тошнота подкатила к горлу, и она вырвалась из рук девчушки, сгибаясь пополам и извергая из себя целое море бренди, в котором плавали крохотные соленые рыбки.

Прокашляться было сложно, во рту стало еще поганее, а голова закружилась так, что перед глазами потемнело. Не говоря уже о ране, что полыхала как пожар. Яд. Рада поняла, что смеется, тихонько хихикает сквозь зубы от ярости. Естественно, зачем ему меня преследовать? Там яд! Дура! Идиотка несчастная!

Она кое-как разогнулась, глядя на перепуганную насмерть девчушку, побелевшую, словно полотно.

— Миледи... — прошептала та одними губами.

— Миледи сейчас откинется, — доверительно сообщила ей Рада, ухмыляясь из последних сил. — Так что, девочка, беги-ка ты за стражей и прикажи везти меня в мой особняк. А то мы с тобой попрощаемся так же быстро, как и познакомились.

* отрывок из стихотворения Aelah «Иного пути нет»

===== Глава 5. Выученный урок =====

Из темноты медленно-медленно выплыло сморщенное лицо незнакомого деда с длинной козлиной бородкой, и Рада вяло отмахнулась, пытаясь прогнать его. Однако дед не исчез, все также нависая над ней и пристально разглядывая ее мутными голубыми глазками. Пахло от него пылью и чем-то кислым, и Раду затошнило.

Думать было сложно, она не понимала, где находится, что с ней. Только в боку словно торчал раскаленный шип, и этот треклятый дед что-то делал с ним, раскачивал его из стороны в сторону или ковырял узловатыми старческими пальцами. Рада содрогнулась от омерзения, глядя на то, как его тонкая бороденка болтается над дряблой шеей, а потом с трудом проворчала сквозь зубы:

— Пшел прочь, завшивыш! И без тебя тошно!

Мутные глазенки деда расширились, и он в негодовании запыхтел, раздувая покрытые старческими пятнами щеки. Я схожу с ума, подумала Рада, пытаясь оттолкнуть деда прочь, но руки не слушались ее, были ватными и слабыми.

— Да как она посмела?!.. — тонким дребезжащим голосом запротестовал дед, и откуда-то издали донесся примиряющий голос Ленара:

— Отче, прошу вас, у нее бред! Вы же видите, в каком она состоянии! Я совершенно уверен, что Рада никоим образом не стремилась задеть ваш статус или оскорбить вас.

— Возмутительно!.. — запыхтел дед, вновь поворачиваясь к ней и продолжая ковыряться у нее в пропоротом боку. Во всяком случае, ощущение было именно таким.

Спокойный голос Ленара остановил Раду от дальнейшего потока брани и попыток оттолкнуть от себя деда. К тому же, она чувствовала себя крайне странно: боль в ране пульсировала, словно раскаленную иглу туда-сюда дергали, но с каждым рывком становилась меньше. Да еще и ощущение в теле было необычно легким, спокойным, каким-то прозрачным. Ленар назвал его «отче»... Это Жрец, что ли?!

Осознание того, что она только что обхамила Жреца, моментально вернуло Раду в сознание. Она заморгала, оглядываясь по сторонам и пытаясь при этом не смотреть на крайне недовольного деда.

Над головой был алый бархатный балдахин ее кровати, который поддерживали резные дубовые подпорки. Постельное белье, которое подготовил к ее приезду Ленар, состояло из одних оборочек и кружев, которые многослойными рядами были нашиты друг на друга, и теперь Рада буквально тонула в этих рюшечках, а наружу торчал только ее нос. По комнате разливался полумрак, источник света находился где-то сбоку, и склоняющегося над ней Жреца окружал ореол света. Как в гробу, — подумалось ей. Лежу я вся такая красивая в

рюшечках, и сама смерть с козлиной бородкой лезет мне в лицо. За что, Грозар?

Во рту было противно горько, голова кружилась, а к горлу подкатывала тошнота. К тому же, Раду сжигал жар, выступивший на коже крупными градинами пота. Да еще и рана это в боку... Она смутно помнила сквозь туманное марево опьянения, что ее пырнули ножом в драке в таверне, а потом молоденькая эльфийка волокла ее по переулку в сторону центральной улицы. Дальше из памяти выплывали лишь мечущиеся масляные фонари, чьи смазанные следы скользили по зрачкам, и чьи-то встревоженные голоса. Потом была темнота, и Раде, честно говоря, совершенно не хотелось знать подробности того, как ее доставили домой.

Она еще раз взглянула на Жреца, который, недовольно поглядывая на нее и приглушенно ворча что-то в бороду, водил над ее телом руками. Он был похож на старую пересохшую сливу: на голове остались редкие пучки волос, бороденка прорастала на том месте, где у нормальных людей был подбородок, а у него — что-то, напоминающее попку младенца, тонкая трясущаяся шея торчала из воротника белоснежного балахона, и с пьяных глаз Рада поначалу приняла его морщины за все те же кружева, которых повсюду было просто видимо-невидимо. Но нет, это были именно морщины. Боги, как хорошо, что Жрецы не могут читать мои мысли! Иначе они давным-давно бы уже прокляли меня и весь мой род за всю ту ересь, что вечно крутится в моей голове. Словно в подтверждение ее слов, Жрец бросил на нее грозный взгляд, и Рада вжалась в подушки, опасливо поглядывая на него.

Сил на то, чтобы поднять голову и посмотреть, где же сидит Ленар, у нее не было, а потому пришлось разглядывать старческие пятна Жреца и ждать, пока тот закончит исцеление. Что это именно оно, Рада не сомневалась: уж больно быстро заживала рана на боку, да и жар спадал буквально с каждой секундой. А это означало, что Ленар не поспешил и умудрился-таки посреди ночи найти и привезти сюда Истинного Жреца, что стоило ему, скорее всего, баснословных денег. Также это означало, что теперь весь Латр будет знать о ее ранении: Жрецы были болтливее портовых потаскух и за кругленькую сумму выкладывали даже самые сокровенные секреты дворян, которые по всем правилам должны были оставаться тайной исповеди.

Хорошо еще, что это был Жрец Белой Руки. Если бы ее лечил Черный, пришлось бы выслушивать занудную лекцию о том, что шляться по тавернам и пить с ворами и прочей швалью могут только ведьмы, и что ей нужно раскаяться пред очами Грозара, пока еще не поздно. Жрецы Черной Руки были просто помешаны на ведьмах, таскаясь по деревням и селам и выискивая знахарок да ведунов, чтобы провести с ними «разъяснительную работу» — то есть просто хорошенько выдрать кнутами. Местные, впрочем, обычно прятали таких ведунов по лесам до тех пор, пока Жрецы не проедут мимо, а потом все вновь заживали спокойно. Рада не раз встречала этих ребят в Северных Провинциях, правда, все больше в области Дера — последнего города, который полностью контролировали королевские войска. В портовые поселения и городишки мятежников Жрецы почему-то ехать не рвались.

Сама она старалась держаться от Жрецов как можно дальше и контактировать с ними как можно меньше. Вообще-то она была эльфом, а это означало, что исповедовать веру в Молодых Богов не могла, согласно словам все тех же Жрецов. Зато те начисто забывали об этом маленьком забавном факте и набрасывались на нее, как стервятники на добычу, когда речь заходила о том, что она или ее солдаты не соблюдали каких-либо религиозных норм или обрядов, а чаще всего — отказывались делать «добровольные» пожертвования храмам, возвращаясь из очередной удачной экспедиции.

Да и вообще, Рада всегда считала, что вера в Молодых Богов и Церковь Молодых Богов — вещи совершенно разные, никаким образом друг с другом не связанные, а все попытки их связать — глупость. Ей, по крайней мере, не были нужны Жрецы для того, чтобы спокойно помолиться своему богу в тиши храмовых стен, для того, чтобы удачно провести военную компанию или благословить свадьбу кого-нибудь из ее солдат. Впрочем, Жрецы считали иначе, поэтому-то отношения между ними и не складывались.

Не говоря уже о том, что к услугам Истинных Жрецов, тех немногих, что действительно владели силой Богов и могли с ее помощью исцелять, Рада прибегала только тогда, когда находилась на грани жизни и смерти, и ни на миг раньше, предпочитая, чтобы ее раны штопали обычные врачеватели. Судя по всему, сейчас был именно крайний случай, и от этого на душе было еще гаже, чем обычно.

Впрочем, состояние ее улучшалось буквально на глазах, и через несколько минут Жрец со вздохом отнял от нее руки. Вид у него был кислый, словно он раскусил перезрелое яблоко. Брезгливо отерев руки прозрачным белым платочком, он сообщил сквозь поджатые губы:

— Все сделано. Миледи здорова.

Похмелье, гад, так и не убрал. Рада в ответ растянула губы в самой своей широкой и дружеской улыбке, на которую Жрец прореагировал неодобрительным хмыканьем.

Кое-как подтянувшись на руках, Рада села. На ней были лишь нагрудные бинты, прекрасно служившие ей в Северных Провинциях, и простые широкие хлопковые порты, какие носила под одеждой солдатня. Это белье было гораздо удобнее прозрачных пеньюарчиков с бахромой и бантиками, которые пользовались популярностью у столичных барышень, да и потеплее, особенно, учитывая промозглый климат побережья Северного моря. Однако у Ленара при взгляде на нее едва глаза из орбит не вылезли, а челюсти неодобрительно сжались. И в чем я, по его мнению, должна была бы по горам да скалам лазать? В шелковых чулках? Рада только фыркнула и отвернулась от мужа, изучая свой бок.

На смуглой коже, покрытой струпьями запекшейся крови, правее жестких кубиков пресса виднелся узкий белый рубец, оставшийся от лезвия стилета. Рада осторожно потрогала его подушечками пальцев: боли совсем не было, лишь неприятное ощущение, как от заживающей раны. Приходилось признать: Жрец поработал на славу, хотя она даже думать не хотела, сколько он за это попросит.

Подняв глаза на служителя Церкви, Рада поинтересовалась:

— Отче, что за яд там был?

— Похоже на кровавку, — помявшись и поджав губы, сообщил Жрец.

Эта маленькая змейка казалась совершенно безобидной и длиной была не больше ладони, но ее яд убивал долго и мучительно, парализуя жертву и вызывая невыносимые страдания. И водилась эта тварь только на далеком юге, где-то в землях Ильтони, а может, и еще дальше. Раде о ней рассказывали капитаны пиратских судов, без конца курсирующих вдоль побережья Срединного Этлана в попытке нажиться на честных торговцах. И она ни разу не слышала о том, чтобы кого-то из дворян травили этим ядом в Мелонии.

— О-па, кто-то хорошенько потратился на мою смерть! — ухмыльнулась она, заслужив еще один холодный взгляд Ленара.

Жрец помолчал, потом сухо добавил, будто слова из него клещами тянули:

— Миледи очень повезло, что она выпила этим вечером. Алкоголь замедлил действие яда, и благодаря этому я успел помочь.

Рада выразительно посмотрела на мужа, и тот еще больше потемнел, став похожим на грозовую тучу. Да что ж такое! Впервые в жизни выпивка спасла мне жизнь, а он все равно кривится!

Жрец поднялся с края ее кровати и поковылял в сторону двери. Белый шелковый балахон, подвязанный куском веревки, расшитой золотой нитью, болтался на его костлявых плечах так, словно был как минимум на три размера больше. И правда, что смерть в саване. Только косы не хватает. Ленар поспешно вскочил с места и поклонился Жрецу, негромко проговорив:

— Отче, мы приносим вам самые глубочайшие благодарности. Вы спасли жизнь моей жене, и я никогда не забуду этого.

— Главное, чтобы вы не забыли о Молодых Богах, — проворчал Жрец, хмуро глянув через плечо на Раду.

— Конечно, отче! — Ленар открыл перед ним дверь, пропуская его вперед. — Завтра же утром я приму участие в исповеди...

Закрывшаяся за ними дверь оборвала окончание фразы, но Рада и так прекрасно знала, что последует за словами мужа. Сейчас Ленар будет долго уговаривать Жреца принять денежный подарок, а тот точно также долго — отнекиваться от него и уверять, что служителю Церкви ничего не нужно, кроме его веры. Потом они попререкаются минут пятнадцать, и Жрец уйдет с тяжелой сумой денег за пазухой, а, возможно, и с обещанием выстроить очередной приход на деньги дома Тан'Элиан в какой-нибудь захудалой деревеньке, где служит кто-нибудь из его родни. Это уже совершенно не интересовало Раду сейчас. Ленар сам его пригласил, вот пусть сам и разбирается.

Кое-как спустив слабые, едва слушающиеся ноги с кровати, Рада с трудом встала, но все же поковыляла к столику у окна, на котором в большом графине стояло охлажденное вино. Проклятый блошинный корм сказал, что алкоголь помог ей не умереть от яда, и она не видела ни одной причины мешать ему и дальше сохранять себя в живых. А голова раскалывалась так, что она запросто могла в любую минуту умереть от похмелья. Проклятушие двойные стандарты! Неужели хрыч не мог и голову мне подлечить? Ему заплатили столько, что и его внукам хватит, а нет же.

Трясущимися руками наполнив свой кубок, она с наслаждением осушила его почти что залпом. Прохладное вино было легким, с тонкой яблочной ноткой, из того запаса, что она закупила у заезжих ильтонских торговцев еще до своего отъезда на север. Как раз то, что нужно, когда у тебя страшнящее похмелье. Наверное, я все-таки слегка переборщила вчера вечером. В следующий раз надо внимательнее следить за этим.

Поколебавшись, Рада подцепила кувшин за ручку и вернулась к кровати. Ноги дрожали так, что стоять было невозможно, да и все тело чувствовалось вялым и слабым. Так было всегда после исцеления, и за это тоже Рада терпеть не могла принимать помощь Истинных Жрецов. Коли они такие истинные, что же нельзя тогда вылечить сразу все, да еще и от слабости избавиться? Иначе глупость какая-то получается.

Но сейчас стоило подумать о другом, а именно: о том, какая скотина наняла головореза, чтобы убить ее. Плеснув себе еще вина, Рада с наслаждением отпила полбокала и нахмурилась, размышляя. Скорее всего, это были Гелат и Аспар, вряд ли кто-то другой решился бы убивать жену Лорда Страны, да еще и таким наглым способом. К тому же, заказчик знал, что она предпочитает шататься по самым злачным местам в городе, знал, где она сегодня будет. А еще — что с ней не будет Гардана, который повсюду таскался за ней

хвостом. И все вместе означало, что за домом следили.

Желудок громко заурчал, но Раде не было до него дела. Хмуро глядя в пол, она позволила себе помечтать, с каким удовольствием перерезала бы глотку обоим этим проклятым лорденышам, что преследовали ее много лет подряд. И ведь не было у них других дел, кроме как вредить ей!

Дверь открылась, и в комнату вошел Ленар. В свете масляной лампы, стоящей на столе, лицо его казалось еще более худым, чем было на самом деле, состоящим из одних только острых углов и линий.

— Ну и что он у тебя выклянчил? — поинтересовалась Рада, отхлебывая из бокала. — Какую-нибудь редкую вещицу? Или приличных размеров кусок земли?

— О чем ты вообще думала? — Голос Ленара дрожал от плохо сдерживаемой ярости. Он плотно прикрыл за собой дверь и повернулся к ней. Тени ложились на его лицо, и глаз Рада не видела, но чувствовала тяжелый взгляд мужа, от которого голова заболела еще сильнее. — Какого беса тебя понесло в ту часть города, да еще и сегодня? И где твой хваленый телохранитель?

— По бабам пошел, — пожалала плечами Рада, удивленно глядя на мужа. В таком гневе она его еще ни разу не видела. — А что касается городских кварталов, то...

— Не суйся туда, Рада! — муж остановился посреди комнаты, в упор глядя на нее. Голова трещала, и она видела не слишком хорошо, потому в тени Раде показалось, что у него даже борода топорщится от ярости. — Тебе дома пить нечего? У нас подвалы ломаются от вина, хоть по глаза залейся! Что тебя в город-то тянет?

— Ленар, я люблю таверны, — нехотя отозвалась она, отставляя в сторону кувшин. — Там всегда весело, играет музыка, полно народу и...

— И наемные убийцы! — прервал ее он. — Наемники, которые запросто могут подкрасться к тебе и перерезать глотку!

— Ну, это вряд ли, — хмыкнула Рада.

— Почему это? — муж склонил голову на бок, и даже в полумраке Рада разглядела, как от ярости у него дернулась щека. — Потому что ты неуязвима? Потому что ты — Черный Ветер? Потому что тебя охраняет лучший головорез севера? Открой глаза, Рада! Сегодня тебя уже пырнули ножом, и не умерла ты лишь по чистой случайности!

— Это не совсем случайность, — запротестовала она, — скорее, все-таки расчет.

Ленар несколько секунд молчал, глядя на нее и бессловесно двигая челюстью от ярости, потом шагнул вперед, и Рада недоверчиво нахмурилась. Судя по лицу мужа, он действительно был сильно испуган произошедшим. Это было ново для нее. Ленар никогда не проявлял своих эмоций, выражение его лица никогда не менялось. Сейчас же он выглядел так, словно готов был начать крушить мебель.

— Рада, — Ленар все-таки справился с голосом и заговорил спокойнее, но она видела, как побелели его пальцы, которыми он вцепился в собственный ремень. — Услышь меня. На этот раз тебе повезло. Там оказалась эта девчонка, что притащила тебя домой. Но в следующий раз ее может и не быть. В следующий раз ты просто свалишься под забором и умрешь, и я уже не успею вытащить тебя с той стороны. — Рада открыла рот, чтобы возразить, но муж вскинул ладонь, и она с громким стуком схлопнула челюсти. Вид у Ленара был совершенно необычным для нее, и как вести себя в такой ситуации она просто не знала. — Я прошу тебя, пожалуйста, ради меня, ради себя и наших детей, не подвергай себя больше такой опасности, — негромко заговорил Ленар, стараясь смягчить резкость

голоса. — Городские кварталы — не место для жены Лорда Страны. Неужели тебе мало нашего поместья для того, чтобы с комфортом для себя проводить время?

— Ленар, дело не в этом... — начала Рада, а потом замолчала, не зная, как продолжить.

И что мне ему сказать? Что мне скучно? Что меня воротит от этого дома, от этого быта и этой искусственной, лживой жизни? Что мне гораздо уютнее в компании колодников и убийц, чем в его обществе? И это после всего, что он сделал для меня? Ленар молча смотрел на нее, ожидая продолжения, и Рада поняла, что не может произнести ни звука из того, что лежало камнем на душе. А потому только глубоко вздохнула и пожалала плечами:

— Ладно. Я услышала тебя.

— Ты не будешь больше таскаться по тавернам? — негромко спросил Ленар, глядя ей в глаза.

— Не буду, — проворчала Рада, чувствуя душные когти тоски.

— Благодарю тебя, жена, — с облегчением проговорил он. Развернувшись, Ленар пошел в сторону двери, взялся за дверную ручку, но открывать ее не стал. Помедлив, он добавил: — Я ценю то, что ты делаешь для того, чтобы не порочить имя нашего рода. И знаю, чего тебе это стоит.

Когда дверь закрылась за ним, Рада еще некоторое время сидела на кровати, глядя ему вслед, будто оглушенная. Что-то в его словах причинило боль, гораздо большую, чем удар стилета. Что-то резало ее изнутри ножом, но она все никак не могла ухватить, что это. Ведь он действительно хотел ей добра. Всю ее жизнь он только и делал, что... Заткнись уже.

Тяжело вздохнув, Рада поставила на пол у кровати свой бокал и кувшин, а потом откинулась назад, едва не утонув в мягчайшей перине, расшитой толстыми слоями кружев и бахромы. Грозар, прошу тебя, пусть в следующий раз он не успеет привезти ко мне Жреца. И пусть я буду трезвой.

Гардан вернулся в поместье к полудню, как раз к тому времени, когда Рада успела хорошенько проспаться, отмыться от грязи и крови и поесть. Вид у наемника, когда он ввалился в обеденный зал, где она в одиночестве раскуривала трубочку и потягивала крепкий черный чай, был цветущим, совсем не таким, какой Рада ожидала увидеть после целой ночи пьянства и разврата. Впрочем, Гардан всегда выглядел одинаково невозмутимо, ничем не выдавая своей слабости или усталости.

Без стука открыв дверь, наемник ухмыльнулся щербатым ртом и картинно поклонился Раде в пояс.

— Доброго утра, миледи! Как изволили почивать?

— Хреново, — хмуро отозвалась Рада, убирая ноги с соседнего стула и кивая ему на него. — Садись. Разговор есть.

Взгляд у Гардана сразу же стал острым, и он плотно прикрыл дверь, напоследок бегло осмотрев коридор, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. Прошагав к столу, Гардан откинул в сторону полу своего коричневого замызганного плаща и почти что грохнулся на стул рядом с ней, далеко вытягивая под стол ноги в высоких, по колено, тяжелых кожаных сапогах. Одет он был, как и всегда, в коричневую куртку, плотно застегнутую на все пуговицы, и черные штаны, поддерживаемые широким ремнем, на котором с двух сторон висели два длинных кинжала в ножнах. Сальные темные патлы Гардана были собраны в хвост на затылке, но несколько прядей все же выбились из него и теперь падали на небритое лицо с не раз переломанным, скошенным набок носом и острыми, холодными глазами. Грубый выпуклый шрам от ножа пересекал его правую щеку,

и уголок рта всегда был чуть приподнят вверх, словно тот ухмылялся. Правого верхнего клыка у Гардана не было, поэтому он имел привычку периодически трогать это место кончиком языка, особенно часто делая так, когда глубоко задумывался о чем-то.

Сейчас наемник бесцеремонно подхватил со стола бокал Ленера, заглянул туда, дунул, сдувая невидимые пылинки, и плеснул себе из кувшина крепленого красного.

— Слышал что-нибудь? — спросила Рада, попыхивая трубкой. Голова уже почти прошла, но за правым глазом притаился назойливый шип боли, и густые клубы дыма помогали ей не замечать его.

— О твоих вчерашних похождениях? Слышал, — кивнул Гардан. — О них только глухой не слышал, уж поверь.

— И что говорят? — осведомилась она.

— Говорят, что ты затеяла драку в Приюте Пташек, поломала там столы и повыбивала зубы, а потом исчезла. Еще говорят, что не пристало так себя вести женошке лорда, — Гардан ослабилась, хитро глядя на нее своими темно-карими, почти черными глазами. — Думаю, последнее особенно понравится Ленару. Хотя, наверное, он уже слышал новости. Я видел, как он расхаживает по своему садику черный как туча.

— Да уж, — проворчала Рада, вспоминая окаменевшее лицо Ленера за их совместным завтраком. Она выпустила облачко дыма и поинтересовалась: — А про убийцу ничего не говорят?

— Убийцу? — вздернул бровь Гардан, бесцеремонно подтягивая к себе блюдо с толстыми ломтями нарезанного бекона.

— Ага. Того, который вчера меня пырнул стилетом в том самом Приюте Пташек в самый разгар веселья.

Гардан перестал жевать и сосредоточенно взглянул на нее. Что Раде всегда в нем нравилось, так это умение моментально перестроиться на серьезный лад.

Она быстро пересказала наемнику все события вчерашнего вечера. Его черные кустистые брови сошлись к носу, а вид стал задумчивым.

— Так вот почему с утра была перекрыта центральная улица, — негромко пробормотал он. — А я-то все думал, что же там такое оцепление выставили.

— Видимо, Ленар пытался скрыть, что меня привезли сюда раненной, — проворчала, поморщившись, Рада. — Ну да это неважно. Я пообещала ему не выходить из проклятого особняка и не шляться по тавернам, а это означает, что моего убийцу будешь искать ты. — Тот молчаливо кивнул, отхлебывая из своего кубка. Рада выпустила облачко дыма и проговорила: — Начни с Приюта Пташек. Потряси там хорошенько хозяина, повыспрашивай, что да как, не заметил ли он кого необычного. Золота не жалея, сам знаешь, в долгу не останусь.

— Сделаю, — кивнул Гардан.

— И еще по городу послушай внимательно, чего говорят. Может, откуда-нибудь слушок и донесется. — Рада затянулась дымом. — Также мне хотелось бы знать, где в Латре можно купить яд кровавки.

— Кровавки! — Гардан присвистнул. — Да они серьезные ребята! Те, кто хотел тебя отравить.

— Вот и я о том же, — сумрачно кивнула Рада. — И мне бы очень хотелось найти доказательства того, что убийцу наняли мои старые друзья. Так что ты уж постарайся, ладно?

— Дай мне два часа, и я возьмусь за дело, — кивнул Гардан, залпом допивая свой бокал и закусывая куском бекона. Громко отодвинувшись вместе со стулом, он небрежно отер жирные руки о край плаща и поднялся на ноги. — А ты в это время постарайся больше не влипнуть в неприятности. Судя по всему, мне нельзя оставлять тебя одну дольше, чем на пару часов.

— Ну, дома-то со мной вряд ли что-то случится, — усмехнулась Рада.

— Я бы не был так уверен, — покачал головой Гардан, направляясь к двери. — Это не город, а гадючье гнездо. Тут удара можно ждать откуда угодно, уж поверь мне.

Дверь за ним закрылась, а Рада осталась одна сумрачно допивать свое вино. В этом Гардан был абсолютно прав. Он как зверь еще издали чуял подвох и западню, и Рада верила этому чутью уже много лет. Если кто-то и мог найти ей убийцу, рискнувшего взяться за ее голову, то только он.

За окнами стоял яркий осенний день. Лето только-только закончилось, листва на деревьях отяжелела, сделавшись темно-зеленой и сочной. Ветерок задувал с востока, шелестя серебристыми листьями ясеней, высаженных в саду за особняком. Что я здесь делаю? Рада задумчиво посмотрела на синее небо, по которому медленно и лениво переползали на запад пушистые белые облака. Почему я здесь? Почему я вообще согласилась на то, чтобы вернуться с севера? Неужели же нельзя было просто сказать Ленару «нет»? Не ходить вокруг, да около, а просто заявить, что я не вернусь, как бы он этого ни хотел?

Впрочем, повернуть время назад она не могла. Со вздохом выколотив остатки табака в хрустальную пепельницу, Рада поднялась со стула, а потом зашагала через золотые коридоры в южное крыло особняка, где располагались комнаты ее сына.

Сапоги громко стучали по резным паркетам, и встреченные ею слуги низко кланялись, отводя в сторону глаза. Они вот тоже совершенно точно не понимают, что же я здесь делаю. Кажется, никто не понимает этого, кроме Ленара, для которого вещи всегда должны идти как должно.

Комната ее сына была просторной и светлой. Стены здесь закрывали простые деревянные панели, выполненные из лиственницы, большие окна были распахнуты, и ветер легонько колыхал край белых занавесок. За широким столом на резных ножках у окна сидел ее сын Далан, склонив русую головенку над книгой. Когда Рада распахнула высокие резные двери, мальчик вскинул голову и взглянул на нее. На лице его расплылась широкая радостная улыбка.

Далан был похож на своего отца как две капли воды, и от Рады ему достались лишь глаза: большие синие кристаллики в окружении густых черных ресниц. Волосы у него были темные, а телосложение худощавое, и даже сейчас уже в его внешности начали прорисовываться отцовские черты: небольшой подбородок, выступающие скулы, прямой без переносицы нос. Мальчик рос прилежным, спокойным и мягким, даже характером он полностью пошел в своего отца. Впрочем, чего тут удивляться? Я не успела с ним и года провести, как меня отправили на север.

— Матушка! — Далан, как воспитанный мальчик, поднялся со стула при ее появлении, вот только Рада видела, как горят его глаза.

Он говорил сдержанно и немного, как и учил его отец, но всем своим существом тянулся к Раде, словно маленький зеленый росток к солнцу. После ее возвращения мальчик не отходил от нее ни на шаг, все свое свободное время стремясь провести в ее обществе и огорчаясь, когда отец уводил его на занятия. Он все же немного боялся ее, держась скованно,

потому что они были почти что и незнакомы, однако в глазах его была такая тоска, такая жажда ее внимания, что в груди у Рады что-то тепло сжималось.

Она отдавала себе отчет в том, что мать из нее получилась не слишком хорошая. Воспитанием обоих детей занимался Ленар, уделяя им максимум своего времени и внимания, и они оба пошли в него, особенно старшая дочь, Мейра, в лице которой не было ни намека на участие Рады в ее создании. Ее Рада со времени своего возвращения так и не видела: Ленар увез девочку в поместье своего младшего брата, подальше от двора с его интригами и соблазнами, и там она получала домашнее образование под присмотром лучших преподавателей, которых только можно было найти в Мелонии. Предложение Рады отдать ее в Военную Академию Ленар сразу же отклонил, заявив, что девочке там не место, и настаивать она не стала. По чести сказать, Рада и сама считала также. Ее личная история в счет не шла: родителей у нее не было, а брат не особенно-то беспокоился о ее судьбе, занятый своими собственными сомнительными делами, которые в итоге и привели к его исчезновению многие годы назад.

Что касается маленького Далана, то его ждала судьба отца: Военная Академия, карьера при дворе и титул Лорда Страны в отдаленном будущем. Из-за его происхождения и эльфийской крови в его жилах Ленар уделял его обучению и воспитанию самое пристальное внимание, стараясь подготовить мальчика к будущим испытаниям и всеобщему недоверию при дворе. И мальчонка слушался его, прилежно учился и делал большие успехи в науках, готовясь поступить в Военную Академию.

Только вот что-то было в нем, что-то такое, что в его отце полностью отсутствовало, зато было знакомо Раде. Тщательно сдерживаемый огонь на глубине голубых глаз, улыбка, что неумолимо растягивала сжатые губы, любопытство в наклоне вихрастой русой головы. Далан был гораздо больше сыном Рады, чем холодная и сдержанная Мейра, и даже строгое воспитание Ленара не смогло выбить этого из него.

— Ну что? Корпишь над учебой? — Рада хмыкнула, останавливаясь над столом сына и глядя на разложенные перед ним книги.

Сегодня это была история Мелонии, хоть сама Рада и считала такое чтиво сложноватым для восьмилетнего мальчика. Однако, Далан занимался сам: учителю не было нужды стоять над ним и проверять, читает ли он. Его можно было спросить выученный урок в любой момент, хоть среди ночи, и он почти что слово в слово повторял то, что прочитал в книгах. Память у Далана была великолепной. Даже в этом — такой же, как я. Тепло разлилось в груди, такое долгожданное, такое необходимое. Рада не удержалась и положила ладонь на голову сына, и пальцы утонули в мягких непослушных вихрах, а тот зажмурился, словно кот, неловко принимая ее ласку. Лучше бы ты его обнимал почаще, а не заставлял зазубривать имена королей да лордов. Толку от них?

— Да, матушка! — паренек застыл, словно боясь, что она уберет руку, стоит лишь ему дернуться. — Отец сказал дочитать до конца эпохи правления Дамиана Тан'Вартана.

— Тебе нравится? — недоверчиво взглянула на него Рада, и мальчишка замялся, отводя глаза.

— Военные походы интересны, матушка. А вот его экономические реформы я не совсем понимаю.

Внутренний голос говорил ей, что она должна усесться рядом с ним за стол и начать разбираться в хитросплетениях внутренней политики Мелонских королей тысячелетней давности. Вот только теплый ветер из окна нес с собой запах отдаленных полей, а солнечные

лучи играли в пятнашки на зеленой траве под окном. И у мальчика, что смотрел на нее с затаенной тоской и надеждой, были ее собственные глаза. Да пошел в бездну мхира этот Ленар вместе со всей своей чопорностью!

Рада взъерошила волосы сына и опустила руку на его худое плечо.

— Да в этих его реформах без литра бренди не разберешься. — Паренек удивленно заморгал широко открытыми глазами, и Рада хмыкнула. — Давай-ка знаешь что? Одевай куртку и пойдём со мной.

— Куда, матушка? — в голосе сына зазвучала надежда.

— На лошадях кататься, куда ж еще? — хмыкнула Рада.

— Но отец разрешает мне ездить верхом только в своем присутствии...

— Ну а я — твоя мать, так что со мной ты в безопасности, не так ли? — Рада легонько хлопнула его по плечу — Пошли. От этой экономики удавиться можно.

Улыбка расцвела на лице паренька, словно весеннее солнце, неумолимо выглядывающее сквозь полотно дождевых туч. Он бегом метнулся к шкафу, распахнул створки и вытащил оттуда первую попавшуюся куртку, черную, со стоячим воротником и взбегающими по рукавам золотыми конями дома Тан'Элиан. Рада бросила мимолетный взгляд в шкаф: одежды попроще там просто не было.

— Готов? — спросила она, и паренек, задыхаясь от волнения, резко кивнул головой. — Ну тогда пошли.

Рада первой зашагала через широкие коридоры особняка, утопающие в золоте и поделочной кости, а сын пристроился рядом. Он то и дело бросал на нее восхищенные взгляды, но молчал, старательно делая вид, что совершенно не заинтересован поездкой. И смешно шагал рядом, изо всех сил стараясь подстроиться под ее широкий шаг. Рада улыбнулась: он был такой маленький, едва ли не по пояс ей. Мальчишки всегда мелкие в таком возрасте. Зато потом вырастет, в нем же эльфийская кровь, как и во мне.

Далан напряженно молчал, стиснув тонкие губы, и Рада видела румянец, выступивший на его щеках. То ли он тщательно сдерживался, чтобы не сказать ей какую-нибудь глупость, то ли, как и она, понятия не имел, о чем говорить. И это тоже было забавно. Наверное, нам обоим еще предстоит многому учиться. Ему, должно быть, так же тяжело, как и мне. Он ведь и не знает меня совсем, как и я его.

— А чему тебя еще учат, Далан? — он вопросительно взглянул на нее, и Рада пояснила. — Не только же одну историю Мелонии ты изучаешь!

— Нет, не только ее, — отозвался мальчуган. — Еще правописание, счет, немного эльфийский язык, — Рада удивленно вскинула брови: это ее удивило. Оказывается, Ленар воспитывал сына в уважении к культуре его матери. Сама-то Рада, правда, эльфийский знала из рук вон плохо, едва несколько слов могла связать между собой, но то, что муж не забыл об этом, когда нанимал ребенку учителей, было приятно. — Географию, литературу, основы культа... — принялся старательно перечислять Далан.

— А драться? — прервала его Рада.

— Драться? — мальчик посмотрел на нее, непонимающе моргая.

— Ну да, драться. Мечом, ногами, руками, стрелять из лука. Этому тебя учат?

— Нет, — растеряно покачал головой Далан. — Отец говорит, этому меня будут учить в Военных Академиях.

— Это правда, — кивнула Рада, мысленно в очередной раз проклиная Ленара. — Однако будет лучше, если ты поступишь туда, уже обладая некоторыми навыками. Ну да

ничего, теперь у нас с тобой будет много времени. И я обязательно поучу тебя.

— Правда? — два полных восхищения сияющих глаза поднялись на нее, и неуверенная улыбка осветила лицо сына, отметив щеки двумя глубокими ямочками.

— Правда, — мягко улыбнулась ему Рада. — Обещаю тебе.

Внутри плескалось раздражение на мужа, усталость и так и не отпустившее ее до конца похмелье, но Рада послала все это в бездну мхира следом за всеми своими бедами. Возможно, место ее было в Северных Провинциях. Возможно, ей не стоило возвращаться в этот город. Но здесь был ее сын, который нуждался в ней, любил ее, и возможно, именно сейчас пришло время исправить все те ошибки, что она уже наделала в своей жизни.

Вдвоем они вышли на залитое солнечным светом мраморное крыльцо. В золотых лучах колонны, поддерживающие массивный портик, казались почти прозрачными и мягкими. Взгляд Рады зацепился за шелестящие на ветру серебристые листья тополей, косые крылья ласточек, что купались в высоком небе, ныряя туда с головой. Лето кончалось, но оно еще не кончилось, у них было еще много времени перед тем, как Далан поступит в Военную Академию, и им вновь придется расстаться. А может быть, ей повезет еще больше, и она возглавит ту самую Академию, в которой он будет учиться. Ведь Ленар обещал попросить за нее Лорда-Протектора.

Хитро взглянув на сына, она поинтересовалась:

— Ты, небось, едешь только на пони пока, да?

— Да, — кивнул тот, тщательно скрывая в углах глаз разочарование. Проклятье, Ленар! Если дело пойдет так и дальше, то он станет скрытным и двуличным! Этого ты добиваешься все эти годы? И на что еще ты готов пойти, чтобы твоя семья была такой же, как у всех остальных? Видимо, Далан разглядел что-то на ее лице, потому что поспешно проговорил: — Но отец обещал мне, что на день рождения подарит мне коня и разрешит ездить на нем.

— Какой смысл ждать до дня рожденья? Ты взрослый мужчина, а взрослый мужчина должен ездить верхом. Он же не какая-нибудь разряженная в шелка разжиревшая свиноматка, — Далан хихикнул в ответ на ее слова, прикрыв рот ладонью, а Рада подмигнула ему: — Поедешь в седле со мной?

— Поеду, мама, — тихо ответил мальчик, восхищенно глядя на нее.

Тепло затопило всю ее грудь, словно кто-то укутал плечи в мягкий плед и обнял ее, пряча от бед. Кто-то же должен обучить мальчика тому, что действительно важно в жизни. Рада хмыкнула и проговорила:

— Вот и замечательно.

Она оглушительно свистнула в два пальца, заставив подрезавшего кусты садовника вздрогнуть всем телом, и крикнула ему:

— Эй ты! Вели седлать вороного лонтронца! Я собираюсь прогуляться.

В конце концов, может еще не все потеряно. Может, я не зря вернулась сюда.

===== Глава 6. Ветер с полей =====

В полях за городом было хорошо, гораздо лучше, чем в душных стенах Латра. Там Лиаре казалось, что камень обступает ее со всех сторон, сжимает в тиски, обваливается на грудь тоннами людской усталости, раздражения, равнодушия, неучастия. Там даже небо было стиснуто твердыми гранями крыш, и воздух был полон зловония, от которого трудно было дышать. В полях было легче.

Пыльная дорога рассекала густое травяное море, медленно колышущееся под ветром. Где-то далеко на самом горизонте поднималась зеленая полоса леса, и облака медленно

ползли прямо над ним, щекоча животы о пушистые кроны. Ветер с востока гнал и гнал их вдаль, носился между ними игривой ласточкой, толкал в бока, кружил. И солнце рассыпало золотые лучи прямо сквозь белоснежные громады вздымающихся небесных гор.

Травы кололись в спину сквозь потертый старый плащ, но полежать на земле было хорошо. Она еще хранила нежные прикосновения летнего солнца, она еще пахла летом, густо, сочно и пряно, хоть по ночам уже ложились первые туманы, оседая седой бородой капель на каждом стебельке и соцветии. Травы качались над головой Лиары, медленно и сонно, легонько щекотали ей щеки, и это было хорошо. Сладкая дремота лежала в их спутанных стеблях, пропитанная последним теплом лета, и ее клонило в сон от монотонного гудения толстых шмелей, что к осени становились деловитыми и торопливыми, пытаясь поскорее закончить сбор меда перед долгой зимней ночью, полной грез.

На румяной краюшке позднего лета,
Когда ветра беспокойны, а небо без дна,
В пронзительных копьях осеннего света
Рождается следующая весна.

Лиара улыбнулась, чувствуя сквозь закрытые веки, как танцует над ее головой тонкая тень раскачивающихся на ветру былок. Слова текли через нее первым весенним дождем, первым громом, сыростью мокрого сада, полного только что распустившихся цветов, когда на каждом крохотном листочке сверкают, будто алмазы, капли прошелестевшего над землей дождя. Слова приходили сами, впрочем, как и всегда, будто кто-то невыразимо красивый и добрый, кто-то, кто берег ее все эти годы, склонился к самому уху и тихонько нашептывал ей, а она лишь слушала и дышала. И с каждым выдохом этот тихий шепот внутри ее души обретал голос, краски, цвет, срывался с губ словами, которые казались мелкими и плоскими, слишком простыми, гораздо более слабыми, чем то, что звенело в груди. Только вот других слов у нее не было.

И почему этот кусочек пришел именно так? Грезы медленно отступали прочь, и Лиара пошевелилась, чувствуя, что плечи слегка озябли на сырой траве. Почему именно так? Почему весна — осенью? Только это казалось правильным, она была совершенно уверена, что так оно и происходит на самом деле. А потому лишь поудобнее устроилась на травяной подстилке и позволила мыслям вновь течь прочь, вдаль, к громадам белоснежных туч над головой и купающемуся в них солнцу...

Издали послышался стук копыт. Поначалу негромкий, он все нарастал и нарастал, и это окончательно согнало с нее сон. Казалось, что лошадь скачет прямо на нее, и копыта с силой выворачивают комья из сухой, проросшей жесткой травой земли. Открыв глаза и щурясь от яркого света, Лиара приподнялась на локтях, выглядывая из травы и пытаясь понять, кто же к ней приближается.

В следующий миг послышалось проклятие, и мимо пронеслась черная тень. Лиара вздрогнула, только сейчас осознав, что едва не попала под копыта, и резко подорвалась из травы, глядя вслед проскакавшей мимо лошади.

Высокий вороной, замедляясь и храпя, уходил в сторону по дуге, а на его спине сидела золотоволосая леди Тан'Элиан, которая вчера помогла Лиаре выбраться из беды. Громогласно ругаясь, она железной рукой держала поводья, пытаясь заставить жеребца остановиться, а тот в ответ ржал и бил задом, далеко выкидывая сильные ноги.

От удивления Лиара замерла на месте. Вот уж кого она тут не ожидала увидеть, так это как раз ее. Разве бывали такие совпадения? Ведь только сегодня на рассвете она покинула

особняк Тан'Элианов, покинула в спешке, стараясь поскорее убраться из-под холодного оценивающего взгляда Лорда Страны Ленара, смотрящего на нее так, будто она за пазухой уносила столовое серебро. Кошелек с золотом, который он едва ли не швырнул к ее ногам, разжав узкие губы и бросив краткое «благодарю», жег руки, и Лиара уже три раза порывалась выбросить его, но так и не решилась. Золота в нем должно было хватить на новую арфу взамен разбитой, причем можно было рассчитывать, что она сможет купить не настолько изношенный инструмент. Да еще и некоторое количество монет должно было остаться в кармане, и она рассчитывала на эти деньги снять себе хоть какую-нибудь комнатку, чтобы иметь крышу над головой. Во всяком случае, до тех пор, пока она не отыщет в Латре ту, что искала. Ну, или хотя бы не убедиться в том, что ее здесь нет.

И вот теперь она вновь видела перед собой миледи Тан'Элиан, которая буквально несколько часов назад умирала от яда, ту самую миледи Тан'Элиан, которая с проклятиями скакала верхом на черном жеребце. Может, я просто перегрелась на солнце?

Золото солнца блеснуло на ее густой косе, а потом миледи дернула поводья и с проклятием зажала бока коня коленями. Тот вскинул голову, заржал, пошел боком, но почти сразу же остановился, низко опустив морду и тяжело дыша. Выругавшись еще раз, она развернула коня, и Лиара вновь удивленно заморгала: в седле прямо перед ней, сжавшись в комок, сидел мальчишка, худенький и русоволосый, перепуганный, но с такой широкой улыбкой на лице, будто с ним сейчас случилось настоящее приключение.

— И кто там, раздери тебя бхара, валяется в траве? — хмуро окликнула ее Рада Тан'Элиан, легонько толкая пятками коня и заставляя его идти навстречу Лиаре. Лицо ее сразу же вытянулось от удивления. — Боги, опять ты!

— Прошу прощения, миледи, что напугала вашего коня, — Лиара потупилась, чувствуя себя неуютно. Она не очень-то хорошо умела общаться с людьми, да и ситуация сейчас складывалась не слишком приятная. Миледи Тан'Элиан могла решить, что Лиара следит за ней или, еще того хуже, преследует ее, чтобы выпросить еще денег. В Мелонии эльфов считали если не ворами, то уж точно попрошайками и негодьями, и Лиара не раз уже сталкивалась с подобным отношением к себе. Потому она низко опустила голову, не глядя на всадницу, и зачастила: — Мне некуда было идти, а в городе неуютно. Вот и я ушла в поля, чтобы немного отдохнуть после бессонной ночи.

— Ну, на самом-то деле это мне надо извиняться, — раздался над ней веселый голос, и Лиара подняла голову. Миледи Тан'Элиан подъехала уже вплотную и остановила коня в двух шагах от нее, разглядывая Лиару. В глазах ее было любопытство. — Это я ж тебя чуть не стоптала.

— Ну что вы... — Лиара вновь замялась, не зная, что сказать. Она никогда в жизни до этого утра не разговаривала с благородными. Она вообще не слишком-то часто общалась с людьми, только когда те сами заговаривали с ней.

Мальчишка с любопытством закутил в седле, поглядывая то на нее, то на миледи. У него были точно такие же пытливые синие глаза, что и у нее, и Лиаре подумалось, что, наверное, это ее сын. Лиара прищурилась. Она никогда еще не видела потомков людей и эльфов, в Мелонии смешанные браки не приветствовались, и таких детей, почитай, что и не было. Но в этом мальчишке звенело что-то такое знакомое, такое близкое. Неуловимое прикосновение вечности в тонких чертах лица и мягких волосах, которые сейчас гладил ветер.

— Вы — эльф? — вдруг спросил ее мальчишка, с интересом оглядывая с головы до ног.

— Да, милорд, — склонила перед ним голову Лиара, краем глаза наблюдая за тем, как Рада треплет его по макушке.

— Что же тогда вы делаете здесь? — паренек нахмурился, соображая. — Мне казалось, что все эльфы живут в провинции Рамасан.

— Не все, милорд, — покачала головой Лиара. С детьми ей всегда было говорить как-то легче, чем со взрослыми. Дети, по большей части, были еще чисты и принимали мир с любопытством, таким, какой он есть. Они умели смотреть, слышать и чувствовать, и в их обществе Лиара ощущала себя гораздо расслабленнее, чем в обществе их родителей. — Я пришла в Латр, потому что я ищу кое-кого.

— Кого? Может, мы сможем помочь вам его найти? — мальчик вопросительно взглянул на мать, и та вновь потрепала его по волосам, задумчиво глядя на Лиару. Взгляд ее пронзительных синих глаз был изучающим и очень цепким, подмечающим мельчайшие детали, и Лиара чувствовала себя под ним неуютно. Не плохо, как обычно, когда кто-то разглядывал ее в упор, но неуютно.

Она замялась, не решаясь говорить. В конце концов, она рассказывала об этом лишь один раз, и в итоге это вышло ей боком. Выслушать-то ее выслушали, но вместо того, чтобы поддержать, осмеяли, и это причинило боль. Впрочем, к этому Лиара тоже привыкла со временем: люди всегда смеялись друг над другом, находя в этом какое-то утешение собственным бедам, но смеялись не добро. Это чувствовалось неправильно, словно сочный дубовый лист, покрытый наростами болезни. Для нее смех всегда был драгоценностью, чем-то очень значимым, очень сокровенным, настоящим сокровищем, которое приходит так редко, но освещает всю жизнь, словно огонек свечи. И ей казалось настоящей бедой то, что люди могли примешивать к нему зло и зависть.

Молчание затягивалось, и Лиара ощутила себе еще более неуверенно, чем раньше, но миледи Тан'Элиан и на этот раз выручила ее, обратившись к мальчику:

— Ну, судя по всему, это не наше дело, Далан. А потому не будем в него лезть. — Взглянув на Лиару, она улыбнулась: — А я ведь так и не успела поблагодарить тебя за вчерашнее. Я так понимаю, что именно тебе я обязана своим спасением.

— А что случилось, матушка? — сразу же любопытно спросил Далан, и та откликнулась:

— Один будущий покойник вчера ткнул меня ножом, а эта женщина, Лиара, да? — Лиара кивнула, удивившись, что та запомнила ее имя. — Лиара помогла мне добраться до дома, — сообщила миледи Тан'Элиан, обращаясь к сыну. — И Истинный Жрец успел подлечить мои раны вовремя. Так что я вроде как обязана ей жизнью.

Далан еще более удивленно взглянул на Лиару, и та совсем смешалась, чувствуя себя так, словно ее как пугало выставляли на базарной площади. Боги, ну почему мне так сложно говорить? Она же ничего плохого мне не пытается сделать!

— Вы ничем мне не обязаны, миледи, — набравшись духу, Лиара вскинула голову и взглянула Раде в глаза. — Вы помогли мне уйти невредимой из той таверны и пострадали тоже из-за меня. Так что это скорее я вам обязана жизнью.

— Не глупи, — поморщилась та. — Ты же вроде эльфийка, должна быть поумнее, чем все эти разряженные в пух и прах индюшки.

Лиара заморгала, не зная, что ответить на это. Миледи Тан'Элиан кардинально отличалась ото всех людей, которых она видела в жизни. И не только потому, что была дворянкой. Или эльфом. Она говорила не так, смотрела не так, и в ней было что-то такое

странное, чего Лиара раньше никогда не видела ни в ком. Внезапно словно вспышка молнии пришло осознание: миледи Тан'Элиан не боялась улыбаться. Улыбка вообще не сходила с ее губ, а насмешки были колкими, но не злыми.

Одним плавным движением спрыгнув на землю, миледи придержала поводья коня в кулаке и взглянула на Лиару. И совершенно неожиданно протянула ей ладонь:

— Ну что ж, давай знакомиться еще раз! — ладонь повисла в воздухе, и Лиара, неуверенно моргнув, потянулась, чтобы пожать ее. Рука у миледи была крепкой, мозолистой и шершавой, но удивительно теплой. Откинув косу за плечо, та заговорила: — Меня зовут Рада, а эту свою «миледи» засунь себе поглубже в... карман, — она бросила быстрый взгляд на сына, поморщилась и продолжила. — А насчет той драки, то в том, что меня пырнули ножом, твоей вины нет. За это ответственны совершенно другие люди, и они еще получают по заслугам.

Лиара настороженно смотрела на нее, ожидая продолжения и понимая, что на самом-то деле даже представить себе не может, что произойдет дальше. Вчера жена Лорда Страны вступилась за нее в драке, сегодня жала ей руку и просила называть себя просто по имени. Что же тогда она собиралась сделать дальше?

— И теперь получается, что я должна тебе жизнь, — Рада сказала это так просто, словно речь шла о покупке пуда соли или новых ниток. — И, учитывая, что арфу твою ты вчера блистательно разбила о голову той пьяни, зарабатывать на жизнь тебе нечем.

— Не беспокойтесь, ми... — Лиара прикусила язык, заметив, как недобро блеснули синие, что летнее небо, глаза. — Я хочу сказать, что все в порядке, Рада. Ваш муж отблагодарил меня за все, и... — она замялась. Это звучало еще хуже, это звучало просто ужасно, и кошелек в ее поясной суме вновь стал таким тяжелым, что ее едва пополам не согнуло.

— Вот как! — хмыкнула Рада, складывая руки на груди. — И во сколько же он оценил мою жизнь?

— Пятьдесят золотых, — тихо отозвалась Лиара, не совсем понимая, правильно ли делает, что называет сумму.

Лицо Рады конвульсивно дернулось, взгляд стал тяжелым, и она, хмыкнув, сплюнула в траву, совсем как какой-нибудь пьянчуга-конюх.

— Ба! Да я стою дороже потаскухи! Вот оно как! — взглянув на Лиару, она оскалила белые зубы в широкой улыбке, ни следа которой не было в ее глазах. — Ну да ладно, ты же тут совершенно ни при чем, так?

— Вы играете на арфе? — с любопытством спросил Далан, держась обеими руками за переднюю луку седла. Он был совсем маленького роста и очень худощав, и на громадном коне Рады смотрелся еще меньше. Но то, как мальчик говорил и держал себя, позволяло предположить, что ему около десяти лет.

— Да, милорд, — отозвалась Лиара. Взглянув на мать, мальчишка важно помотал головой:

— Зовите меня Далан. В конце концов, вы же эльф, а эльфы не являются подданными мелонской короны и мелонских лордов.

Он сказал это очень серьезно и важно, и Рада громко хмыкнула, взглянув на сына.

— Вот это правильно! Счастливые эльфы! — обернувшись к Лиаре, она кивнула: — Значит, ты играешь на арфе? А что еще умеешь делать?

— Я знаю много историй и легенд... — начала перечислять Лиара.

— Легенд! — встрепенулся мальчик. — А про Ирантира Солнце знаете сказку?

— Знаю, — кивнула Лиара с улыбкой. Потом повернулась к его матери. — Умею шить, готовить, стирать...

— Нет, для этого у меня есть бестолковые курицы, причем сотни куриц, — поморщившись, отмахнулась Рада. — К тому же, негоже Первопришедшей прислуживать, словно обычной кухарке, разве не так? И мне очень любопытно, как же все-таки ты попала в Карамон и что там делала. Поэтому вот тебе мое предложение: пойдешь служить ко мне в дом? Будешь Далану сказки петь, байки рассказывать, а то он только и делает, что целыми днями всякую ерунду читает, от которой у приличных людей мозги спекаются.

— Миледи... — задохнулась от удивления Лиара, и хмурый взгляд Рады был ей ответом. Она ожидала чего угодно, но только не такого предложения.

— К бхаре твою «миледи». Давай, соглашайся! Все равно идти тебе некуда. Да и негоже такой, как ты, болтаться по тавернам и трактирам, где полно всякой швали. Поверь, я сделаю так, чтобы тебя не обижали в моем доме. И ты сможешь уйти в любой момент, если захочешь, я не буду тебя удерживать. — Пожав плечами, она вновь улыбнулась. — Согласись, это же лучше, чем валяться посреди поля и мокнуть под дождем.

Лиара смотрела на нее во все глаза, смотрела и совершенно не понимала, что происходит. Она, конечно, слышала, что в мире бывают добрые люди, об этом говорили сказки и легенды, об этом пели песни, но ей таковые в жизни не встречались никогда. Если уж по правде, то всю жизнь ее окружали обозленные усталые попрошайки, вынужденные подворовывать на базарах, чтобы иметь кусок хлеба. Корона выделяла деньги на содержание приютов, вот только из этой суммы до самих приютов доходили лишь жалкие медяки, а большая часть средств оседала в карманах лордов и чиновников на всех уровнях долгой лестницы от королевского дворца Латра до низкопробного захудалого городишки Дерана. А то, что оставалось в приюте, тратилось на худую одежонку и молоко для самых маленьких, остальные должны были обеспечивать себя сами.

Что касается Лиары, то одна мысль о том, чтобы воровать, претила всему ее существу, а краденый хлеб не лез в глотку. Потому, когда в возрасте десяти лет наставницы заявили им, что перестают их кормить, Лиара твердо решила для себя, что дальше будет честно отрабатывать, а не побираться. Она попробовала устроиться на постоянный двор мыть тарелки и стирать простыни, но там ее погнали прочь, заявив, что приبلуды им не нужны. Пробовала она и в конюшнях, предлагая помогать с уборкой стойл, и на рынке, и в городских лавках. Только повсюду встречала отказ и проклятья, брошенные сквозь стиснутые зубы. Да оно было и понятно: бесчисленные поколения подкидышей до нее только и делали, что воровали, почему тогда эти люди должны были верить в ее честность? Может, хотя бы потому, что я не человек? Но вслух Лиара старалась не говорить таких слов. В Мелонии ох как не любили эльфов, а одна единственная девочка без роду и племени, которую никто не будет искать, могла здорово пострадать, если попалась бы под руку не тому человеку.

Получив отказ везде, Лиара погоревала, но только голод как-то не способствовал долгому нытью. Выступав из рябиновой веточки простую дудочку, она встала на рынке, принявшись наигрывать на слух те мелодии, что пелись в тавернах и постоянных дворах, и дело туго, медленно, но пошло. Сначала были только медяки, да изредка перепадали яблоки от заезжих купцов, дивящихся на маленькую эльфийку, играющую на рынке. Потом, когда она с трудом скопила на более приличный инструмент, купив потертую флейту у хмурого неразговорчивого гнома, дело пошло лучше, и среди медяков стало попадаться и мелкое

серебро. Только вот об этом очень быстро прознали другие подкидыши, и жизнь стала сложнее. Теперь ей приходилось прятать как деньги, так и инструмент, чтобы другие ребята не украли его и не продали. А потом пришла и другая напасть: начала расти грудь, округлились бедра, и купцы на рынках, что еще вчера кормили голодную чумающую девчонку яблоками, теперь начали масляно скалиться и делать предложения, от которых Лиару бросало в дрожь, а руки тряслись и не держали флейту.

Тогда-то ее и заметил хозяин постоялого двора «Домик у дороги» Даврам Натар. Сначала он пытался пригласить Лиару работать к себе в заведение в качестве одной из дворовых девок, но, встретив жесткий отпор, смирился и предложил ей просто выступать у него по вечерам: играть на флейте, рассказывать сказки и легенды, а за это — стабильный заработок мелким серебром и кормежку. И Лиара согласилась.

Наверное, это ее и спасло. Во всяком случае, двое крепких ребят-вышибал всегда были неподалеку и осаживали тех, кому нравились не только ее сказки и истории. А Натар даже сжалился над ней и предложил хранить ее заработок в своем сундучке, чтобы другие попрошайки не могли до него добраться. Общась с другими музыкантами, Лиара подучилась играть получше, выучила новые песни и сказки, значительно расширила свой репертуар. Вот только это все равно закончилось, и закончилось вовсе не так, как ей бы хотелось.

Все-таки Натар был мужчиной, и глаза у него тоже были. И когда она подросла еще больше, он разглядел, кого приютил. И если первые несколько месяцев ей удавалось отнекиваться от его знаков внимания, то вывернуться из крепких рук, когда он зажал ее как-то под вечер в углу конюшни, было уже сложнее. Она все же убежала, наградив его пинком в голень, но о работе в «Домике у дороги» пришлось забыть. На следующий день Натар отдал ей скопленное ей серебро и сухо приказал убираться прочь. Она и ушла, но и в приюте ей тоже уже не были рады, потому что делиться заработанными деньгами она отказалась. Там сразу же вспомнили, что ей вот-вот исполнится восемнадцать, и больше никакой ответственности они за нее нести не должны. Так что пришлось ей уходить и оттуда, забрав свои скудные пожитки. И идти было больше некуда, кроме как в Латр.

В конце концов, все дороги вели в Латр, а для нее — особенно. Возможно та, кого она так безнадежно ждала все эти годы, была здесь?.. Ей подходил большой город, а все вокруг говорили, что Латр — самый большой и красивый город на свете. И где еще могла она быть? Лиара помнила, смутно помнила ее глаза, полные туманных дождливых волн, ее руки, самые нежные руки на свете, такие любящие и заботливые, ее улыбку, согревающую в темные длинные зимние ночи. Ее мать, что когда-то оставила ее, мать, которой она почти что и не помнила, от которой осталась лишь сладкая, щемящая сердце боль, да смутное воспоминание тонкого запаха с ноткой жасмина. За ней-то она и пошла через всю Мелонию, не веря, что найдет ее, но надеясь на это. И по дороге с ней тоже случилось много такого, что нельзя было назвать приятным. Как и в первой же таверне в Латре, где местный пьянчуга оказал ей «теплый прием», сразу же схватившись за край юбки.

И вот теперь напротив нее стояла Рада Тан'Элиан, жена Лорда Страны, златоволосая эльфийка с улыбкой, которой Лиара впервые в жизни верила, и с руками, кожа на которых была покрыта застарелыми мозолями. Женщина, предложившая ей кров и убежище. Почему? Что-то внутри нее отчаянно шептало Лиаре, что здесь есть подвох, что на самом деле ее опять хотят использовать, и она вся сжалась от испуга, как и всегда, когда люди смотрели на нее слишком долго и внимательно. Вот только наряду с этим едким шепотком был и другой.

Неумолимый голос ее сердца, стучавшего в ушах уверенно и ровно, теплое, робкое прикосновение надежды. Рада была непохожа на всех, кого она видела в своей жизни. Она выглядела иначе, говорила иначе, держала себя иначе.

— Это потому... что я эльфийка? — вдруг, набравшись храбрости, выпалила Лиара, и сразу же прикусила язык, кляня себя последними словами. В Мелонии таких вещей нельзя было говорить, за них можно было нарваться на очень большие неприятности, и несколько глубоких длинных шрамов от плети на спине нарочито напоминали Лиаре об этом. Только вот сейчас уже было поздно что-то менять, слова уже были сказаны, и обратно их загнать возможности не было.

А Рада вдруг совершенно неожиданно рассмеялась и пожала плечами. А потом просто ответила, глядя на нее:

— Да. Уж поверь, смертной девке я бы точно этого не предложила.

— Почему? — удивленно воззрилась на нее Лиара.

— Потому что она по-любому поперла бы столовое серебро, — хмыкнула Рада. — Или запустила свои ручонки в штаны к моему мужу, хотя последний факт меня не так уж и волнует. А также потому, что все смертные, кроме потаскух, тупы как куры, и кроме кудахтанья от них добиться ничего невозможно за очень редким исключением. А ты... Кажется, тебе и так уже в жизни досталось за то, кто ты есть. Как и мне. — Глаза ее потемнели, словно тучи на миг закрыли яркое солнце. Потом она встряхнулась, отгоняя прочь грусть, и кивнула, насмешливо разглядывая Лиару. — Ну так что, пойдешь ко мне?

— Пойду! — слова сами слетели с губ, и это было неожиданно для Лиары, которая привыкла молчать и не говорить ни слова, слетели, будто сорвавшиеся с ветки птицы. И внутри стало так тепло, так светло, так легко вдруг, что она улыбнулась. И сразу же опустила глаза, подумав о том, что не улыбалась, кажется, уже целую вечность. Она говорит так... прямо. И ничего не боится. Может... она не обманет меня?

— Ну вот и славно, — довольно кивнула Рада. — А раз так...

Договорить она не успела. Издали послышался приглушенный стук копыт и оклик. Рада обернулась через плечо, и Лиара заметила, как ее рука инстинктивно дернулась к поясу. Сейчас на черном ремне, перехватывающем талию Рады, оружия видно не было, но справа как раз была потертость, точно такая, как оставались от долгого ношения ножен с клинком. Так вот, почему у нее на руках мозоли, подумалось Лиаре.

По дороге через поля со стороны Латра к ним приближался отряд из пяти человек. Впереди на упитанном чалом коньке ехал худощавый седовласый человек в черной с золотом ливрее, за его спиной громыхали на гнедых жеребцах четыре стражника, затянутые в длинные кольчуги. Группа свернула с дороги прямо в поле, направляясь в сторону Рады.

— Сдал меня все-таки, стервятник, — проворчала она сквозь зубы, недобро глядя в сторону приближающейся стражи. — Ну погоди у меня! Я тебе твоими садовыми ножницами еще подровняю... — она осеклась, бросив косой взгляд на сына, а потом вновь хмуро уставилась на стражу.

Лиара отошла еще на шаг назад, неловко кутаясь в свой серый плащ под изучающими взглядами подъехавших мужчин. Тот, что был в ливрее, лишь мазнул по ней глазами и сразу же отвернулся к Раде, но вот скучающие стражники разглядывали ее с откровенным интересом.

— Миледи! — еще издали окликнул Раду скрипучим голосом мужчина в ливрее. — Вы покинули особняк очень быстро, забыв взять с собой стражу.

— Как будто я сама об этом не знаю, — буркнула Рада под нос и изобразила широкую приветливую улыбку: — Раден! Дружище! Как хорошо, что ты об этом помнишь! А то я совсем рассеянная стала!

Далан со спины высокого черного жеребца тихонько хихикнул, и Рада незаметно для мужчины в ливрее подмигнула ему.

Худощавый Раден поджал тонкие губы, неодобрительно глядя на нее, и деревянно поклонился.

— Рад служить вам, миледи!

— А уж я-то как счастлива! — Рада прижала к груди ладони с искренней улыбкой.

Несколько секунд Раден без выражения смотрел на нее, потом сухо проговорил:

— Осмелюсь заметить, миледи, что милорд не разрешает сыну кататься верхом. Далан еще недостаточно высок для рослого коня.

— Ну я же с ним, — пожалала плечами Рада. — И я ему разрешаю.

— Сейчас послеобеденное время, в которое милорд Далан обычно занимается своими уроками.

— А это тоже уроки — уроки верховой езды. Разве не так, Раден?

Мальчишка вновь захихикал, влюбленными глазами глядя на свою мать. Лиара вдруг подумала, что он очень похож на нее, хоть внешне почти ничего общего между ними и не было.

Раден несколько секунд молчал, глядя на нее, и без выражения заметил:

— Истинно так, миледи. Однако в это время милорд Далан обычно занимается с книгами. Уроки верховой езды у него позже, перед ужином.

— А ты, я смотрю, намеков не понимаешь все-таки, — тяжело вздохнула Рада, и плечи ее опустились. — Ну да ладно, не впервой. Будь по твоему, сегодня мы вернемся домой, чтобы милорд Далан мог позаниматься с книгами. Однако с завтрашнего дня в первой половине дня мы с ним будем выезжать кататься в поля. И я обещаю брать с собой стражу. Потрудись сообщить это моему супругу, договорились?

— Слушаюсь, миледи, — Раден вновь поклонился, хотя у Лиары возникло ощущение, что у него от этого едва спина не переломилась.

Рада повернулась к сыну. На лице Далана боролись эмоции: печаль оттого, что сегодняшняя прогулка так быстро завершилась, радость — что завтра будет еще одна. Подмигнув ему, Рада сказала:

— Ладно, милорд, вы поедете домой в седле, а я, как ваш верный слуга, поведу вашу лошадь. Пойдет?

— Да, мама! — мальчик весь засиял, будто начищенный медяк.

На щеках у него выступили красные пятна, и его буквально раздирало сказать что-то еще, но пока он молчал. Лиаре оставалось только гадать, что же за порядки царят у них в доме, что мальчишка так радуется обществу матери, но вслух высказать этого не может.

Повернувшись к худощавому мужчине, Рада вновь ослепительно улыбнулась:

— И вот еще что, Раден. Познакомься! — она указала на Лиару, и та вновь сжалась, когда пристальный взгляд мужчины обратился на нее. — Это Лиара Морин. С сегодняшнего дня она служит у нас. Будет рассказывать сказки и легенды милорду Далану, а заодно музицировать, развлекая мой слух. Отведи ей комнату и позаботься, чтобы она ни в чем не нуждалась. Также, закажи новую арфу... Ты ведь на арфе играешь? — обернулась к ней Рада.

— Да, — пискнула Лиара, совершенно обалдевшая от всего этого. События развивались

слишком быстро для нее, слишком стремительно. Эта женщина была словно ветер, свободный ветер полей, который ничто не могло удержать.

— Вот и славно. Значит, найди ей арфу, Раден, уж постарайся. — Взгляд Рады стал тяжелым. — Я хочу слушать музыку уже сегодня вечером, так что времени у тебя осталось не больно-то много. Думаю, ты уложишься в него, не так ли?

— Как прикажете, миледи, — проскрежетал слуга.

— Вот и славно, — довольно кивнула та.

— Осмелюсь спросить, миледи, — взгляд Радена метнулся к Лиаре, потом вновь вернулся к Раде. — А милорд знает...

— Узнает, — уверенно кивнула она. — И это уже не твои заботы, мой дорогой. Так что давай. Арфа ждет.

Слуга вновь поклонился, лицо его побелело, как полотно, но ни слова против он не сказал. Развернув коня, Раден сильно ударил его пятками, и чалый быстрой рысью пошел в сторону города. А Рада обернулась к ней и кивнула головой:

— Ну что, пойдём и мы? А ты по дороге расскажешь мне какую-нибудь сказку, чтобы убить время.

Она уверенно направилась вперед, а стражники стояли на месте, поджидая, пока Рада пройдет мимо. Лиара, бросив на них неуверенный взгляд, скользнула следом за леди Тан'Элиан. Рядом с ней было как-то надежнее, не так опасно. Во всяком случае, создавалось ощущение, что напугать или сбить с пути эту женщину не могло ничто, и возле нее Лиара чувствовала себя немного увереннее. А может, события сменялись с такой быстротой, что она просто не в состоянии уже была ничего воспринимать. Боги, это как будто не со мной! Как будто снится! Кану, Защитница, сделай так, чтобы это был не сон!

Рада шагала широко и энергично, и подстроиться под ее шаг было непросто, но Лиара справилась. Она украдкой взглянула на нее. Золотые брови женщины хмурились, а на лице застыло решительное выражение. Солнце золотом разливалось по ее косе, сползало загаром ей за шиворот, а черная куртка и штаны лишь подчеркивали матовую мягкость ее кожи. Странно, но на ее одежде не было видно ни одной золотой нити, никакого узора или рисунка, в отличие от одежды ее стражников или сына. А вчера она и вовсе была в каких-то невнятных тряпках, полностью скрывающих ее фигуру. Интересно, почему она не носит родовые знаки? Лиара с любопытством оглядела ее еще раз и отвела глаза.

Они выбрались на широкую пыльную дорогу, вымощенную камнем, и Лиара аккуратно отряхнула налипшие на подол юбки травинки. Раз теперь она будет жить в особняке Рады, нужно будет раздобыть себе какую-нибудь одежду получше. Не в таких же обносках ходить по двору Лорда Страны. Ей не хотелось своим внешним видом позорить эту женщину, предложившую ей кров и работу.

— Ну? Какие сказания ты знаешь? — обратилась к ней Рада, громко стуча каблуками сапог по вымощенной камнем дороге и не обращая ни малейшего внимания на охрану, ехавшую за ее спиной. Ее сын тоже наострил уши, любопытно приподнимаясь в седле и поглядывая на Лиару.

— Всякие... — замялась Лиара, лихорадочно пытаясь собраться с мыслями. Ей никогда еще не приходилось попадать в такие ситуации, и уж тем более никто не требовал у нее прямо сходу рассказать какую-нибудь легенду. Поэтому она принялась перечислять наобум все, что пришло на память: — «Как Адриан первый камень заложил», «Битва на Дерском перевале», «Как Ильда жадного Жреца облапошила»...

— А вот это хорошо! — расхохоталась Рада. — Такого я не слышала!

— Еще «Черный Ветер на прибрежных скалах» знаю, — приободрившись, добавила Лиара, и лицо Рады отчего-то стало жестким, а на губах появилась кривая ухмылка.

— Боги, они уже успели об этом песню сложить? Только этого не хватало!

— Простите, я... — Лиара неуверенно взглянула на нее, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Это про Северные Провинции? — Рада быстро глянула на нее и вновь посмотрела вперед. Кажется, ей было любопытно, хоть брови и недовольно хмурились.

— Да, про то, как наемница по имени Черный Ветер сражалась с пиратскими капитанами и одолела их, — кивнула Лиара, осторожно подбирая слова. Что именно задело ее новую знакомую, оставалось для нее загадкой, и сейчас нужно было говорить осторожно, чтобы не навлечь на себя ее гнев. Характер у нее, судя по всему, был вспыльчивый, а решения она принимала стремительно. Пока еще ни одно из них не принесло Лиаре зла, но это еще не означало, что такого вообще не может случиться.

— Вот как? И что, они в очередной раз поливали меня помоями и рассказывали о том, как я люблю пить кровь человеческих младенцев по утрам? — взгляд Рады стал тяжелым, будто камень, а Лиара вмиг обмерла.

Все вдруг встало на свои места, резко и быстро, как вспышка молнии: и странное поведение Рады, и манера себя держать, и повадки при любом резком звуке хвататься за нож, и мозоли на руках, и отсутствие золотой нити ее дома на черной одежде. Лиара споткнулась, едва не упав на пыльные плиты, и буквально с открытым ртом воззрилась на нее.

— Вы — Черный Ветер?!

— А ты что, не знала этого? — удивленно вскинула брови Рада.

Несколько секунд они с одинаковым недоумением рассматривали друг друга, а потом Рада первой расхохоталась, похлопав теперь уже по-настоящему перепуганную насмерть Лиару по плечу:

— Да уж, мы с тобой явно друг друга стоим! Первопришедшая-подкидыш из Дерана и Высокая, ставшая женой мелонского лорда! — она со смехом покачала головой и вновь взглянула на Лиару. — Да не бойся ты меня, не кусаюсь я! А большая часть всех этих рассказней про меня — всего лишь чьи-то хвастливые байки и не более того.

Однако для Лиары это все равно было иначе. Подумать только, сама Черный Ветер! Даже до их захолустья доносились десятки рассказов о ней, и Лиара подозревала, что вранья в них было столько же, сколько и правды, если не больше. Чего только не было в этих рассказах, начиная от яда и ненависти и заканчивая искренним восхищением. Вот только Лиара считала, что Черного Ветра и на свете не существует, что это очередная байка из числа тех, что так любят выдавать за правду менестрели. И теперь вот она: шагает рядом с ней, жмурится на солнце и периодически сплевывает в пыль себе под ноги. Живая, золотоволосая, одетая в черное, совсем как в сказаниях, только — совершенно не такая как в них.

— Кану Защитница! — выдавила-таки из себя Лиара, слегка отойдя от первого шока. — Да боюсь, мне и вовсе нечего будет рассказать вам, если хотя бы половина историй о вас, что я слышала в жизни, правда! Может, это вы мне что-нибудь расскажете, чтобы я могла написать об этом песню?

— Ты еще и пишешь? — Рада недоверчиво вскинула бровь, и Лиара ощутила, как краска

бросается в лицо. Говорить об этом было непривычно и тяжело, но она все-таки, потупившись, негромко сообщила:

— Та песня, которую я вчера пела в таверне... Это я написала.

— Ничего себе! — присвистнула Рада, задумчиво глядя на нее, словно впервые видела. — А она очень даже неплоха, если не сказать больше! Кажется, нам обеим есть, что друг другу порассказать, ты так не считаешь?

Лиара только неуверенно улыбнулась ей в ответ. Эта женщина не пугала ее, хотя и должна была, ой как должна была! Кану Защитница, сама Черный Ветер! Боги! Как же вь переплели наши дороги? Как же так получилось?

Пушистые белые облака над головой все также тянулись за горизонт, и если боги и слышали ее, то отвечать не торопились. Зато широко ухмыльнулась Рада, вновь хлопнув ее по плечу:

— Ну что ж, значит, начало положено. Надеюсь, ты любишь выпить. Потому что от долгих разговоров у меня просыпается дикая жажда.

Лиара совершенно не была уверена в том, что делает, но внутри тихонько затеплилась надежда. Может, меня и не прогонят отсюда. Может, на этот раз все будет хорошо?..

===== Глава 7. Нарушенное обещание =====

...Белогривые кони мчались навстречу закату,
И шумливое море дышало, волной наползая на берег.
Паруса раздувались ладей, наполнялись северным ветром,
И скользили ладьи к прибрежным оскаленным скалам.
То спешил навстречу судьбе коронованный роком,
Тот, чье имя вписали в века Одноглазые Марны,
Сын свободных ветров, молодой Король Солнце,
Ирантир, в чьих ладонях горел Фаишаль, рассыпающийся искры...

Рада прикрыла глаза, наслаждаясь золотым перебором струн и тихим голосом Лиары, что выводила, выплетала, буквально наполняла жизнью картинки из ее далекого детства. Рада почти что помнила приглушенный свет лампы, запах пыли и нафталина, жесткие, теплые руки кормилицы, что чесала ей волосы и скрипучим голосом рассказывала сказки о Короле Солнце и том, как Боги подарили ему Фаишаль, древнее оружие, единственное оружие, что могло уничтожить Крона.

Наверное, все дети мира, забравшись под свое одеяло и укрывшись с головой от холодного воя зимней вьюги за окном, с замиранием сердца грезили о том, что именно они и есть — Дети Солнца. И что придет день, когда весь мир падет на колени в страхе, возопит от отчаяния, и жестокие ветра Конца Мира подуют с севера, неся с собой бесконечную ночь. И тогда свет с небес падет именно им на голову, а с темных туч спустится сам Грозар Громовержец, осеняя их своим знаменем и провозглашая их Детьми Солнца. А потом они добудут разбитый на осколки и давно уже потерянный в веках Фаишаль, объединят разрозненные народы и поведут их на последнюю битву против Тени и Смерти.

Грезила об этом и Рада, считая, что у нее-то уж точно побольше шансов, чтобы быть Чадам Солнца, чем у всех остальных. В конце концов, кровь в ее жилах текла эльфийская, своих родителей она не знала, а брат всегда загадочно улыбался, когда она спрашивала его о своем происхождении. Естественно, что все это давало ей весьма веский повод для того, чтобы считать, что легенда написана уж точно про нее, и долгие зимние ночи напролет она мечтала о том, как придет день света, день надежды и силы, когда именно она возглавит

коалицию армий Старых и Молодых рас, чтобы наконец-то разбить Сети'Агона и его черные полчища. А потом установит вековечный мир, в котором все будут счастливы.

Судьба, оказавшаяся не такой героической, как ей рисовалось в детстве, а скорее жестокой желчной мегерой с вечной мигренью, распорядилась иначе, и все последующие годы из Рады с завидным терпением и упорством выбивали все ее глупые детские мечты и переживания. И чем упрямее она за них цеплялась, тем сильнее ее били, пока, в какой-то момент совсем не переломали пополам. И это светлое, детское, живое, ушло куда-то внутрь, глубоко-глубоко, уснув, как ей казалось, навсегда. И вот теперь, много лет спустя она сидела в кресле у открытого окна, закрыв глаза и всем своим существом слушая, а в груди медленно, осторожно, словно перепуганный олененок, неуверенно открывало огромные доверчивые глаза ее детство.

Голос Лиары плыл вместе с теплым осенним ветром, тихим шуршанием занавесок, метущих по полу, шелестом листьев за окном. Золотые переливы струн арфы казались колокольчиками на ветру, а может, журчанием ключевых ручьев в далеких горах, или шумом дождя. Порой они наполнялись силой, и Рада слышала в них воюющие ветра, грозные ураганы, несущие с собой громады туч, жонглирующие волнами, ломающие вековечные деревья. Порой они шептали тише утренних туманов, бесшумно опадающих на сонные, поседевшие лесные поляны. А порой в них вплеталось что-то такое дрожащее, такое звонкое и надрывное, что в груди у Рады сжималось, болезненно и остро, и тихонько пело, вторя голосу струн.

...Что ты голову клонишь в сомненье, о солнца избранник?

Что печалит твой взгляд, насылает тревожные думы?

Ты же слышал глас божий и чувствовал неба знаменье,

На ладонях твоих, замирая, заря трепетала.

Подними же глаза, соколиные зоркие очи,

Выходи же на бой, не боясь ни врага, ни невзгоды,

За тобой мощь богов, а в руках твоих пламя святое.

Ты одержишь победу, ведь так предначертано небом...

Рада вновь усмехнулась, расслабляясь все больше и позволяя музыке течь прямо сквозь нее. Лиара совсем иначе пела эту балладу, уж точно не сравнить с хриплым голосом старой кормилицы Рады. Наверное, так пели барды при королевских дворах: сама она не особенно-то бывала на дворцовых приемах, поэтому и слушать их ей не приходилось. Кажется, судьба послала ее мне, чтобы хоть как-то развлечь мое бесцельное существование. Во всяком случае, еще неизвестно, кто с большим восторгом слушает все эти сказки: Далан или я.

Сын сейчас занимался: читал историю Мелонии и что-то по географии. Ленар сухим голосом сообщил Раде, что расписание крайне важно для образования и воспитания ребенка, а потому его не следует нарушать или менять. Однако она настояла на утренних прогулках верхом, и мужу пришлось смириться. Теперь каждое утро они с сыном катались по полям к югу от города в сопровождении четырех стражников, со скучающим видом таскавших следом за ними. Впрочем, на стражу Раде было плевать. Гораздо важнее было то, что они с Даланом проводили вместе время.

Паренек совсем обвыкся в ее присутствии, перестал отмалчиваться и сдерживаться, и его прямо как прорвало. Целыми днями он трещал, рассказывая ей все, что успел выучить во время своих занятий, а сверху добавлял то, что слышал от слуг, свои собственные мысли и совсем уж несусветную кашу из своих снов, мечтаний, грез и всего остального, чем были

забиты головы детей в раннем детстве. Рада жалела лишь об одном: что у мальчика не было друзей-сверстников, с которыми он мог бы заниматься всяческой ерундой, но общение сына с детьми прислуги Ленар не поощрял, а между семьями лордов такое общение было не принято. Мне повезло, что я росла в семье эльфа, которому не было до меня дела. У меня-то, во всяком случае, друзья среди слуг были.

Впрочем, приближалось время, когда Далан должен был поступить в Академию, а там-то у него точно появится нормальное общение. Несмотря на свое происхождение, мальчик рос сметливым, дружелюбным и открытым, так что Рада предполагала, что отношения со сверстниками у него сложатся. Сейчас же он изо всех сил тянулся к ней, а еще, как ни странно, к Лиаре.

Судя по всему, Далан воспринимал ее, как старшую сестру: в конце концов, разница лет у них была не такая уж и большая. Эльфийка провела в особняке всего три дня, но за это время Далан успел уже показать ей все свои игрушки, рассказать все мало-мальски значимые события из своей жизни, даже познакомить ее с собственным пони. Она же только и делала, что пела ему и рассказывала сказки, от которых паренек приходил в бурный восторг. Раду это только радовало: мальчику явно не хватало простого общения, а Ленар не мог дать ему ничего, кроме сухих цифр и разговоров об учебе. Пусть лучше сказки слушает. Для него это гораздо актуальнее сейчас, чем внутренняя политика Мелонии.

Мужу не слишком-то понравилась идея Рады пригласить эльфийку на службу, однако, сильно противиться ее решению он не стал. Судя по всему, он готов был сделать что угодно, лишь бы заставить Раду держать обещание и не сбегать из особняка в таверны, а для этого мог смириться и с присутствием еще одной эльфийки под своей крышей, пусть и Первопришедшей. Впрочем, в этом вопросе мнение Ленара Раду не интересовало. Своё окружение и своих людей она всегда подбирала сама, не подпуская мужа к этому, а ее Лиара вполне устраивала. На том и порешили.

Девчонку отмыли, переодели, накормили, и из грязного помойного котенка она превратилась в красивую молодую женщину. Цвета дома Тан'Элиан были слишком темными для нее, о чем та, запинаясь и краснея, сообщила Раде, так что ей было дано персональное разрешение ходить в том, что нравится. Так что Лиара умудрилась раздобыть где-то простое платье из светлого хлопка, а потом — расшить его по подолу, рукавам и горлу маленькими коричневыми цветочками. Волосы она подстригла, превратив их в аккуратную кучерявую шапочку до плеч, и теперь они теплой волной пружинок стекали на ее тонкие ключицы. Да и вся она казалась Раде совсем тоненькой, маленькой, хрупкой, будто перышко: дунет ветер, так и унесет ее.

Однако характер там, за перепуганными глазами и зажатыми плечами, все-таки был твердый, к искреннему удивлению всех обитателей поместья. Пару дней назад Лиара отшила начавшего приставать к ней молодого конюшонка, а вчера выплеснула в лицо стражника, попытавшегося зажать ее в углу, ведро с помоями. Да и перед камердинером Раденом она не слишком-то робела, сразу же сообщив ему, что наняла ее Рада, а потому и подчиняться она будет только ей. Впрочем, никакой агрессии от нее не исходило: только уверенный отказ прогибаться под остальных, а потому в особняке к ней отнеслись настороженно, но без предубеждения. Во всяком случае, пока дело обстояло так, и Рада очень надеялась, что со временем все изменится только в лучшую сторону.

Кажется, иначе быть и не могло. Девчушка оказалась очень внимательной, чувствительной, хоть и слегка пугливой, словно молодой олененок. Ну, оно и неудивительно,

учитывая, сколько она пережила.

Ее чуткий слух еще издали уловил тяжелую поступь сапог по паркету. В Латре все ходили тихо, крадучись, воровато оглядываясь через плечо, словно собирались подрезать кошелек или подглядеть за кем-то в замочную скважину. Так топотать мог только один человек, и Рада удовлетворенно вздохнула. Гардана не было в особняке несколько дней кряду, он исчез сразу же, как она отправила его за сведениями, и больше не появлялся, и Рада начала уже волноваться, не случилось ли с ним чего.

Она выпрямилась, глядя на дверь, и Лиара, сразу же уловив ее движение, оборвала песню на полуслове, вопросительно глядя на нее. Двери в покои открылись, и внутрь просунулась небритая физиономия наемника.

— Я уж думала, ты не вернешься, — сообщила ему Рада, кивая заходить.

— Здесь слишком хорошо кормят, — осклабился наемник. Взгляд его с интересом скользнул по Лиаре, и та вся сжалась, отводя глаза. — А что это за маленькая певчая птичка?

— Эта птичка теперь служит в доме и развлекает меня и моего сына, — сообщила Рада, пристально глядя на Гардана. — Надеюсь, тебе хватит мозгов понять, что именно это означает.

— Можешь не объяснять, — кивнул Гардан, проходя в комнату и плотно закрывая за собой дверь.

У них с давних пор еще было правило: Гардан мог сколько угодно шляться по борделям и другим сомнительным заведениям, но он никогда не дотрагивался до ее прислуги и окружения. Больше всего на свете Рада ненавидела склоки, вызванные тем, что кто-то с кем-то спал или, наоборот, не спал, и не терпела этого в своем доме. Гардан с легкостью принял ее правила и гулял на стороне, как настоящий драный кот. Однако еще один его долгий взгляд, брошенный на Лиару, говорил о том, что наемник заинтересовался. Да тут любой заинтересовался бы на его месте: девчонка и правда была исключительно хороша собой, а эльфийская кровь придавала ей в глазах окружающих еще большей привлекательности.

Сейчас Лиара подорвалась со своего кресла, собираясь уйти, но Рада остановила ее.

— Поиграй еще. Ленару не слишком-то нравится, когда я провожу время в обществе Гардана, так что, если ты будешь громко петь, может, никто и не заметит, что он ко мне заходил.

— Как прикажете, Рада, — скованно кивнула Лиара, глядя прямо перед собой.

Ее пальцы вновь принялись перебирать струны арфы, но вид при этом был напряженный. Может, кто обидел ее, потому так и дергается, подумалось Раде. Лихих людей в Мелонии хватало, особенно ближе к постоянным дворам и тавернам, а Лиара недавно обмолвилась, что какое-то время играла в одном таком месте, выступая перед гостями заведения. Потому-то эльфы и не стремились покидать провинцию Рамасан, в которой никто не осмеливался их и пальцем тронуть. И одинокой девушке где-то в глуши Карамона должно было быть туго отбиваться от назойливых слушателей. Ну да с этим можно было разобраться и позднее, сейчас Раду интересовал Гардан.

Она хлопнула по стулу рядом с собой, и наемник уселся, бросая задумчивые взгляды на эльфийку, но не говоря ни слова.

— Рассказывай, где был и чего узнал. — Рада по столу пододвинула к нему кiset, и Гардан, кивнув, полез за пазуху за трубкой.

— Сначала я сунулся в «Приют Пташек», — Гардан принялся рассказывать, устало

потирая переносицу. Вид у него, и правда, был не слишком-то хороший: от одежды разило дымом и перекишим вином, лицо под недельной щетиной осунулось и потемнело. Судя по всему, спал он за это время только урывками. — Потеря там некоторое время, поспрашивал и послушал. Под описание, которое ты мне дала, подходят три человека, которые были там в ту ночь, когда тебя ранили. Все трое — наемники, из не слишком знатных сообществ, знаменитых тем, что берутся за любую работу, какая только попадется под руку, вне зависимости от ее качества. Первый — из Южных Кротов.

— Если я правильно помню, это сообщество Дентора, да? — прищурилась Рада. Дентор был городом рудокопов и столицей провинции Камардан, как раз той самой, которой заправлял ее старый приятель Гелат. Могло ли это быть простым совпадением? Про Южных Кротов Рада никогда в жизни не слышала, а Гелат все-таки не был дураком, чтобы нанимать для ее убийства представителей сообщества, у которого не было достаточно веской репутации.

— Да, денторцы, — кивнул Гардан, — но я сомневаюсь, что это он. С ним самим я пообщаться так и не смог, зато поговорил с главой Кротов, и тот показался мне человеком крайне амбициозным, но при этом трусливым. Я представился заказчиком и разузнавал об убийстве лордов, и если на мелких тот еще соглашался, то когда я намекнул на кого-нибудь из Лордов Страны, они меня из своей лавочки едва взащей не вытолкали.

— Я бы не стала списывать его со счетов, — с сомнением покачала головой Рада. — Ты же знаешь, иногда наемники берутся за задания самостоятельно, надеясь хорошо заработать и выкупиться у сообщества, чтобы перейти в другое. Он мог действовать в одиночку.

— На вряд ли, ну да это тоже можно выяснить, — кивнул Гардан. — Мне удалось проследить, где он ночует, так что если есть желание, можешь прогуляться туда сегодня вечером вместе со мной.

Рада заколебалась. Желание было, и ооочень сильное, за три дня, безвылазно проведенных в особняке (поездки с сыном в поля не в счет), она уже пухла от тоски и совершенно не знала, куда себя деть. Однако данное Ленару обещание пока еще маячило в воздухе, а больше всего на свете Рада не любила врать.

— Посмотрим. Что с остальными?

— Второй — из Северных Чаек, — Гардан зажал в зубах чубук трубки и принялся прикуривать от тлеющей в стойке рядом лучины, затягиваясь и выпуская дым сквозь дырку в верхнем ряду зубов. — Прибыл в город буквально неделю назад, остановился в приличной гостинице, однако по ночам бродит по самым захудалым тавернам.

— Северных Чаек я, кажется, помню, — Рада задумчиво затянулась дымом. — Они откуда-то из Ламелле, да?

— Нет, восточнее. Из Кандора, — уточнил Гардан. — Однако мне очень интересно, что же кандорец делает здесь, в Латре? Я попытался разузнать о нем, знатно рассовал золота по карманам прислуги в гостинице, где он поселился, и один паренек-конюх шепнул мне, что видел у него в комнате кое-что интересное. Якобы на столе у него лежал конверт, запечатанный сургучом, на котором четко просматривалась стрела.

— Стрела? — удивленно вскинула брови Рада. — Это же герб Лорда-Протектора!

— Вот и я о том же, — кивнул Гардан.

— Но зачем Лорду-Протектору может быть нужна моя смерть? — непонимающе заморгала она. — Ленар дружен с Тарвеном. Вряд ли тот нацелился убивать меня.

— Это еще ничего не значит, — покачал головой наемник. — Мало ли какие дела были

у Лорда-Протектора с твоим муженьком. Может, они чего не поделили, а ты и не знаешь об этом.

— Может быть, — задумчиво проворчала Рада. Она никогда не лезла в дела мужа и, тем более, в политику, и действительно не была в курсе бесконечных хитросплетений интриг дворян, поэтому в словах Гардана был резон. Правда, образ Тарвена в роли человека, заказавшего ее жизнь, никак не укладывался в ее голове, однако это еще ничего не значило. — И раз он приехал из Кандора, то и яд кровавки мог привезти с собой.

— Вот и я о том подумал, — кивнул головой Гардан, выпуская сизое облако дыма.

— А что третий? — прищурилась Рада.

— Третий — самый интересный из них из всех. Местный, сообщество Лезвия. Работают в Латре давно, но за границы столицы не суются. Берутся за любые задания от самых мелких и до самых грязных, поэтому репутация у них не слишком хорошая. Однако, процент выполненных сделок очень велик, поэтому их услугами часто пользуются местные лорды. — Гардан пододвинул к себе кувшин с вином и кубок, зажав трубку в зубах и прищутив глаз, чтобы его не резал дым. — Этот малый — один из ведущих их работяг. Он часто трется в «Приюте Пташек», где встречается со своими заказчиками. Хозяин таверны много чего мне о нем порассказал, и должен признаться, даже на мой взгляд, парень этот — отъявленный мерзавец. Последним его делом было убийство жены лорда до'Галина, причем он умудрился выкрасть ее из имения и хорошенько изуродовал перед тем, как отравил.

— Нда, — буркнула Рада.

Обычно, наемники не слишком охотно брались за убийство женщин. Даже в Мелонии, где, казалось, не соблюдали никаких законов совести и чести, убийство женщины не приветствовалось и осуждалось, в том числе и в среде профессиональных убийц. И уж тем более, если это убийство было не обычным брошенным в стакан ядом или воткнутым в спину ножом, а изуверством. К тому же, человек, убивший жену лорда и при этом оставшийся непойманым, был опасен вдвойне. Или за ним стояли могущественные союзники, или он был достаточно изворотливым и неуловимым, чтобы избежать сетей стражи.

— И есть еще одна интересная подробность, — добавил Гардан. — Я проследил за этим парнем сегодня ночью. И угадай, куда же он ходил?

— В королевский дворец? — хмыкнула Рада.

— Нет, — покачал головой наемник. — В усадьбу миледи Тайрен до'Ардор.

Рада присвистнула. Вот это было поистине неожиданно. Глава Благородных Мечей, конечно же, плела интриги, словно старая паучиха, все про всех знала и охотно перепродавала эти секреты с выгодой для себя. Однако, за все эти годы она ни разу не была замечена в организации убийств дворян: то ли слишком хорошо скрывала это, то ли никогда этим не занималась. Рада была склонна предполагать последнее, однако зачем же тогда леди Тайрен приглашать к себе во дворец головореза, о котором было известно, что он не брезгает даже убивать женщин?

Гардан хмуро поглядел на Раду и кивнул, отхлебывая из кубка. Вид у него был усталым донельзя.

— Итак, у нас трое потенциальных заказчиков: Лорд Страны Легат Тан'Самар, Лорд-Протектор Тарвен Тан'Амброн и глава Благородных Мечей леди Тайрен до'Ардор. — Она покачала головой, тяжело вздыхая. — Честно говоря, я даже не знаю, что хуже.

— Вот и я о том же, — сумрачно кивнул Гардан.

— Ну а ты-то сам что думаешь?

Рада всегда полагалась на чутье Гардана. Тот был достаточно внимателен и сметлив, чтобы распутать даже самый сложный узел, а к этому добавлялось еще и почти что звериное чутье, позволяющее ему, словно старому лису, еще издали чують капкан. Это чутье не раз спасало Раде жизнь, особенно учитывая тот факт, что сама она не слишком-то любила вникать во всякие политические тонкости, предпочитая рубить узлы, а не развязывать их. Потому уже много лет в подобных вопросах полагалась на Гардана. И это была еще одна причина, по которой она привезла его с собой в Латр из Северных Провинций. Еще находясь там, она была уверена в том, что сразу же по приезду кто-нибудь обязательно попробует ее убить, и в этом плане Гардан подходил на роль телохранителя как нельзя кстати. Так что и Ленару она не совсем уж и наврала, представив старого приятеля и соратника по попойкам именно в таком качестве.

Сейчас же он хмурил брови, глядя на дно своего бокала, и вид у него был сумрачнее некуда.

— Я думаю, что ты вляпалась по уши, Рада, — он поднял на нее свои почти черные глаза, взгляд которых сейчас был тяжелым. — А еще я думаю, что не надо было тебе уезжать с севера.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — поморщилась она.

— Все трое вызывают мое опасение, и выделить кого-то отдельно я не могу, — признался Гардан, задумчиво попыхивая трубкой. — Для того, чтобы сказать точнее, мне нужно больше времени.

— Столько, сколько тебе понадобится, — уверенно кивнула Рада. — То же касается и золота.

— И я все-таки хотел бы, чтобы ты посмотрела на всех троих. — Он серьезно взглянул на нее. — Я понимаю, что в той таверне ты была пьяна, и ударил он тебя со спины, однако все-таки может быть ты что-то вспомнишь. Так что давай-ка завязывай с этим своим домашним арестом и поехали вечером в город.

— Ты думаешь, мне нравится сидеть здесь под замком, пока все веселье достается тебе? — огрызнулась она, и наемник осклабился.

— Так не сиди. Чего ты как дите малое боишься злого дядьку? Давай, я ночью подведу лошадей со стороны сада, а ты удерешь ко мне. Вернемся еще до света, и Ленар ничего не узнает.

Внутри неприятно заскребли кошки, но Рада послала их к бесам мхира и твердо кивнула. Сейчас речь шла о ее жизни, и сидеть в ожидании решения собственной участи она не собиралась. В конце концов, если убийца был достаточно наглым, он мог отравить ее и дома, в особняке, и никакие запреты Ленера посещать таверны в такой ситуации убереечь ее не могли.

— Хорошо. В полночь за садом. Я приду.

Гардан кивнул, залпом допил кубок и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. А Рада повернулась к Лиаре, притихшей и задумчивой над своей арфой.

— А теперь ты, — эльфийка вопросительно взглянула на нее, перестав перебирать струны. — Ты сможешь перекрасить мне чем-нибудь волосы, чтобы вечером это смылось? А то больно коса у меня приметная.

Та кивнула, и Рада довольно осклабилась. Она не привыкла сидеть и ждать, пока другие делали за нее ее работу. Особенно в том случае, когда речь шла о ком-то, кто очень сильно

хотел ее смерти. Мы еще посмотрим, кто кого, ребятки! Чтобы меня нагнуть, армия нужна, а не один вшивый наемник!

Из открытого окна ощутимо тянуло холодом. Осень только-только начиналась, листья еще не начали краснеть, а ночи уже были стылые и влажные. Впрочем, Раде все было нипочем: на Севере всегда было стыло и влажно, хоть летом, хоть зимой. Такая погода была ей гораздо более привычна, чем жаркое сухое лето, по которому ей пришлось тащиться через всю страну в задыхающуюся от пыли столицу.

Масляная лампа на столе тускло светилась, отблески отражались в полированных поверхностях дорогой мебелировки, мерцали на позолоченных деталях орнамента стен. В углах комнаты прятались густые тени, а Рада, обмотав голову полотенцем, сидела у стола перед открытой книгой. Только вот строчки того, что должно было быть приключенческим романом из тех, где не было ни слова правды, но которыми зачитывалась мелонская знать, дрожали и расплывались перед глазами, а смысл не доходил до сознания. Сердце в груди отчаянно колотилось, предвкушая ночную вылазку, и Рада чувствовала себя энергичной и полной сил. Однако нужно было создавать видимость усталости, на которую она сетовала весь день при слугах, чтобы те донесли ее слова до Ленера. Он уже зашел к ней, всего каких-то полчаса назад, сухо осведомился о ее здоровье, пожелал добрых снов и удалился на свою половину. Теперь оставалось лишь дожидаться условленного времени и удрать.

Минуты тянулись медленно, словно улитки, но Рада умела ждать. Ей не раз приходилось сидеть в засаде по нескольку дней, ожидая осторожных ополченцев севера или каких-нибудь бандюков, и терпеть она умела. А потому только тогда, когда до полуночи осталось не более четверти часа, она неторопливо закрыла книгу, встала и затушила масляную лампу.

Потребовалась минута, чтобы глаза приспособились к ночному зрению, и в темноте она быстро сбросила с головы полотенце, распустив по плечам темно-каштановые пряди. Лиара выкрасила ее соком какого-то корешка, пообещав, что завтра с утра после того, как она смоет голову, на волосах останется лишь легкий рыжеватый оттенок. Вряд ли ее муженек заметит это, что означало, что проблем у нее не будет. Под мягким халатом, что был на ее плечах, оказалась наглухо застегнутая коричневая куртка и серые штаны, все в заплатках. Синяки на лице, правда, исчезли при исцелении Истинного Жреца, но темные волосы и брови сильно изменили ее внешность, к которой все уже давно привыкли, а неряшливая прическа и низкий капюшон плаща должны были довершить образ.

Поколебавшись, меч брата Рада все же не стала, ограничившись кинжалами, спрятанными за голенищами сапог и на груди под плащом. Меч был чересчур приметной вещью, к тому же, в узких уличных переулках драться кинжалом было гораздо удобнее, да и наемники предпочитали именно короткие клинки, которые не требовали много места, чтобы размахнуться. Набросив на плечи старый серый плащ, изрядно потертый и заляпанный, Рада накинула на голову капюшон и скользнула к окну.

Ее покои располагались на втором этаже особняка, а потолки здесь были бхарски высокими, но это не слишком ее смущало. Эльфийская кровь давала свои преимущества, и вниз-то спрыгнуть ей было не так уж и сложно. Вот лезть вверх представлялось делом более проблемным, но Рада еще загодя прогулялась в саду под окнами, внимательно осмотрев все сливы для воды, лепнину на стенах и крепления для цветов. Ничего, залезет, не так уж это и сложно будет. А если нет, то можно будет тихо проскользнуть через дворец: вряд ли кто-то будет протирать люстры и светильники в четыре часа утра, а даже если и

будет, то Рада умела быть очень тихой, чтобы незамеченной пройти мимо кого угодно.

Перемахнув через подоконник, она сгруппировалась и перекатилась через себя, почти бесшумно приземлившись на мягкую траву под окнами, а потом тенью метнулась прочь от освещенных окон первых этажей. Укрывшись за стволом старого тополя, Рада осторожно выглянула. За высокими окнами первого этажа располагался большой зал парадной гостиной. Сейчас там горел свет и один единственный слуга, стоя спиной к окну, крайне медленно и неторопливо возюкал тряпкой по золотому подсвечнику, больше делая вид, что вытирает, чем реально работая. На окна он и не обернулся, и Рада, довольно ухмыльнувшись, поспешила прочь через сонный ночной сад.

В воздухе стоял запах сырой земли, прелых листьев, ночной прохлады. Небо над головой полностью расчистилось, и оттуда прямо на плечи Рады почти что осыпались низкие серебристые звезды. Луны не было, и ночь была темной, почти черной, такой, что только желтоглазые худющие коты-пройдохи смогли бы что-нибудь разглядеть вокруг. Однако, Рада была глазастее любого кота, а ночь принадлежала ей: со всей своей сочной тишиной, которую можно было почти что пощупать, так она была густа.

Звуки далеко разносились над засыпающим городом. Где-то в двух кварталах отсюда брехала собака на позднего прохожего, погромыхивали тележные колеса. Кто-то выплеснул ведро с помоями из задних помещений особняка, и издали послышался недовольный кошачий вопль. В конюшне во сне пофыркивали кони, сонно переступая подкованными копытами. А еще над головой металась маленькая черная тенью летучая мышь, похожая на быструю-быструю бабочку, и лишь ее высокий противный писк выдавал ее присутствие.

Рада с блаженством прикрыла глаза, вдыхая ночь всей грудью. В особняке было душно и пыльно, золото стен и лепнины сдавливало ей грудь, мешая дышать, а здесь было хорошо, по-настоящему хорошо и свободно.

В темном саду не было ни души. Деревья далеко отстояли друг от друга, а на ровном газоне между ними ничего не росло, и сапоги на тонкой подошве бесшумно ступали по мягкой земле. Сад выглядел каким-то диковинно неправильным: словно евнух, у которого не осталось ничего, кроме приличного внешнего вида. Даже ровные ряды кустов, которыми были разделены дорожки, напоминали ей разве что чьи-то хорошенько подстриженные усы, но вовсе не зелень. Впрочем, все это было неважно. Здесь было гораздо лучше, чем в душной комнате, и сердце Рады ликующе колотилось в груди, спеленутой птицей стучась в ребра.

До решетки она добралась быстро и бесшумно, выбрав наиболее тенистый участок забора в самой глубине сада. Руки привычно ухватились за металлические прутья, вытянули вверх тело, и Рада ловко вскарабкалась на опасную двухметровую высоту, балансируя между острыми пиками, которыми была украшена верхняя перекладина забора. А потом легко прыгнула на другую сторону, глухо ударившись каблуками о мостовую.

Дорога в обе стороны была пуста. На усаженной тополями полосе земли, разделяющей ее на две половины, сейчас тускло светились масляные фонари, бросая на пыльные плиты расплывчатые круги желтого цвета, похожего на разлитое масло. Мелькали впереди между деревьев окошки стоящего напротив особняка, но в саду не было видно никакого движения, да оно и понятно: кто ж в полночь будет подстригать кусты? Зато впереди в тени у забора замерли какие-то фигуры. До ушей Рады донесся тихий всхрап и перестук копыт, и она, ухмыльнувшись, легким бегом направилась вперед.

Гардан уже ждал ее у забора, прислонившись спиной к решетке и покуривая трубочку. Вид у него был посвежее, чем утром, видимо, наемник успел выспаться. Возле него устало

опустили головы два невысоких рабочих конька, вяло помахивая хвостами и сонно моргая длинными ресницами. Завидев Раду, Гардан оттолкнулся от забора и выбил трубку о каблук своего сапога. В воздухе сверкнули и погасли рыжие искры тлеющего табака.

— Пташка упорхнула из гнездышка, — насмешливо проговорил он вместо приветствия.

— Пташка бхарски хочет выпить, — хмыкнула в ответ Рада. — Так что давай, поехали, пока она не пересохла насмерть.

— А с чего ты взяла, что мы направляемся в таверну? — усмехнулся во весь рот Гардан.

— И куда же тогда? — На самом деле Раде было все равно: лишь бы из дома вырваться. Она взялась за седло ближайшего к ней гнедого и рывком взлетела ему на спину.

— Я решил, что мы можем немного повеселиться и нанести нашему норному другу личный визит, — Гардан тоже легко вскочил в седло, покопался в седельной суме и кинул Раде флягу, утробно булькнувшую, когда она ее поймала. — А это пташке попить. Надо же отметить то, что она наконец-то набралась храбрости и удрала из своей клеточки.

— Пошел ты! — беззлобно осклабилась Рада, отвинтила крышку и с наслаждением глотнула крепкого неразбавленного бренди.

Гардан, причмокнув, ткнул коня каблуками, и тот пошел вперед тяжелой рысью. Рада последовала за ним, закручивая пробку на фляге и убирая ее за пазуху. Раз в таверну они не собирались, ей еще понадобится это бренди, чтобы не заснуть. Ничто так не освежало голову и не сбрасывало прочь оковы сна, как крепкий алкоголь.

Ночь была тихой и темной, и копыта их коней громко стучали по пустой дороге. Навстречу не попало никого, лишь один раз тощий кот, сверкая во тьме горящими глазами, метнулся серой тенью через дорогу. На Севере считали это плохим предзнаменованием, впрочем, как и появление в округе Рады Черного Ветра, так что лично она никаких трудностей с этим не испытывала. Глупые предрассудки бестолковых смертных.

До городских кварталов они добрались достаточно быстро и сразу же свернули прочь с ярко освещенной центральной улицы. В такое время стража Лорда-Протектора патрулировала только проспект, и попадаться ей на глаза не следовало. В темные неосвещенные переулки эти brave молодцы не совались, и это, как и всегда, играло Раде на руку.

Вонь переулков промозглой ночью была еще сильнее, но Рада старалась не обращать на нее внимания. Это всяко было лучше пыльной чопорности ее особняка, к тому же, в Бакланьей Топи так пахло везде: и в проулках, и на центральном проспекте, так что она привыкла. Сердце в груди бухало упруго и сильно, гоняя по венам горячую кровь, и Рада ухмылялась, надвинув капюшон плаща поглубже на голову. Наконец-то она была занята делом! А не бессмысленным шатанием по дому, словно приведение давно умершего дедушки, решившее вернуться и насолить своим внукам за все хорошее.

Ехали они долго, петляя между замызганных стен домов, глухих заборов и высоких складских помещений без окон. Город, в отличие от разожравшихся кварталов князей, только готовился ко сну: последние работяги возвращались по домам, в окнах еще теплились огоньки тех, у кого был поздний ужин, да периодически из-за стен домов доносилась приглушенная брань, крики или детский плач. В тавернах же веселье царило вовсю, их было слышно еще издали, за целый квартал: отдаленная быстрая музыка, резкие выкрики и взрывы смеха, скрип входной двери.

Впрочем, сейчас Гардан по большой дуге объезжал таверны, стараясь не привлекать к себе внимания. Копыта лошадей хлюпали по раскисшей грязи и отбросам, и Рада

внимательно оглядывалась по сторонам, пытаясь запомнить дорогу, чтобы, в случае чего, как можно быстрее убраться отсюда. Наконец, они все-таки остановились в глухом закутке между двумя заборами, где не было ничего, кроме разошедшей телеги, закрытой брезентом, и каких-то двух бочек, о содержимом которых, учитывая запах, Рада предпочла не знать.

Гардан спешил, забрал у нее поводья коня и накрепко привязал обеих лошадей к оглобле телеги, а потом кивнул Раде:

— Дальше пойдем пешком, чтобы не привлекать внимания.

— Твой крот здесь живет? — Рада огляделась по сторонам. Даже при свете дня это место нельзя было назвать иначе, как дырой, а в темноте вид у него был самым удручающим. На миг подумалось, что коня у нее могут свести даже ночью: отребье, что обитало здесь, вряд ли боялось в темноте покидать свои убежища.

— В квартале отсюда, — кивнул Гардан. — Пойдем.

Запах в воздухе стал совсем уж невыносимым, и Рада сморщила нос. Судя по вони, где-то здесь должен был быть как минимум холерный барак, если не что похуже. Заметив ее гримасу, Гардан хмыкнул:

— Миледи не нравится вонь? Миледи привыкла к духам и пудре?

— Миледи сейчас вывернет наизнанку, — огрызнулась Рада, — причем, тебе на сапоги. Что это за вонь?

— Здесь дубильня недалеко, — отозвался Гардан. — А сапогам моим уже ничто не страшно, поверь.

— Дубильня в городе? — недоверчиво вздернула бровь Рада. — А за его пределы они ее вынести не могли что ли?

— Я тебе что, градоначальник? — отозвался Гардан. — Завяжи лицо плащом и пошли.

Четырехэтажные дома с глухими стенами, выходящими в переулок, по которому они пробирались, то и дело перемежались невысокими постройками с плоскими крышами, возле которых вонь была особенно сильной. Рада глотнула еще бренди, надеясь, что это поможет ей успокоить разбушевавшийся желудок, и с омерзением огляделась по сторонам. За золотыми фасадами дворцов и парадными подъездами особняков знати скрывалась все та же грязь, которую она встречала на своем пути вдоль всего побережья Северного Моря. А пафоса-то сколько! Латр — столица мира! Тьфу, пропасть!

Гардан остановился возле неприметной двери в стене дома, кивнул Раде головой и распахнул ее. Послышался громкий скрежет давно несмазанных петель, но этот звук не вызвал никакого переполоха, лишь где-то вдалеке вяло брехнула сонная псина. Рада вошла следом за ним в темный подъезд, не освещаемый ничем, и в потемках, почти что на ощупь, полезла по крутым ступеням замызганной лестницы вверх. Здесь вонь была не такой ощутимой, слегка отступив.

Гардан шел первым, Рада видела его силуэт в слабом свете, что пробивался сквозь заляпанные, немые окна. Лестница под ногами была каменной, с отбитыми по краям, раскрошившимися ступеньками, и они умудрялись двигаться по ней почти что бесшумно. На пролетах этажей виднелись плотно закрытые двери в жилые комнаты. Оттуда не доносилось ни звука, и на миг Раде подумалось, что дом вообще необитаем. В следующий миг она врезалась ногой в ведро с помоями, стоящее у самой стены, и зашипела, отбив большой палец.

— Тише ты! — прошипел Гардан, оборачиваясь к ней в темноте. — Почти пришли уже.

Их новый друг обитал под самой крышей особняка, и дверь его виднелась в слабом свете

из замызанного окна в стене напротив. Гардан на цыпочках прокрался к ней, приложил ухо к доскам и прислушался. Раде этого делать не нужно было, она лишь сосредоточилась, прислушиваясь своими эльфийскими ушами. За дверью не слышалось ни звука, однако это еще ничего не означало. Он мог спать. Хорошо еще, что живет под самой крышей: выпрыгнуть из окна и удрать от нас точно не сможет, — подумалось ей. Гардан отошел от двери, размахнулся и сильным ударом ноги вышиб ее.

С громким треском дверь распахнулась внутрь, и они вдвоем вошли в плохо освещенное помещение.

===== Глава 8. Пустая мышеловка =====

— Ну, и зачем надо было так красться, если ты сразу же вышиб дверь? — Рада шагнула через разошедшийся грязный порог и огляделась. — Такой грохот был, что думаю, теперь весь дом знает, что мы здесь.

— Ты же любишь эффектное появление, — оскалился Гардан в ответ. — Я решил немного подыграть.

Узкий темный коридор впереди раздваивался на два помещения. Слева просматривалось грязное заляпанное окно и укрытая драным пледом тахта под ним. Справа из проема двери лился приглушенный свет свечи, но в доме стояла гробовая тишина.

Рада прошла вперед по коридору, переступая через наваленные у стен подозрительного вида мешки и разбитую обувь, и, на всякий случай, нашаривая за пазухой кинжал. Под ногами скрипели разошедшиеся половицы и комки засохшей грязи. Гардан шел сразу же за ней.

Эльфийский слух не подвел ее: их клиент был мертвецки пьян и даже не услышал их прихода. Он сидел на табуретке, уронив голову на сложенные на столе руки, и перед ним на неструганых заляпанных досках теплилась маленькая свеча. На полу у его ног валялась пустая бутылка и виднелась лужа чего-то темного. На столе темнела груда каких-то объедков и большой острый кухонный нож. Рада сразу же ленивым жестом смахнула его прочь со столешницы, и тяжелая рукоять загрохотала по доскам пола. Наемник не пошевелился.

Кухонька была совсем небольшой и очень грязной. Здесь едва хватало места на то, чтобы они с Гарданом могли развернуться. Крохотное слуховое окошко под самым потолком выходило в замызганный проулок, несколько навесных шкафов у стен не имели дверок. Рада поискала глазами печное отверстие, но его не было: лишь широкая труба уходила вверх, исчезая за толстыми потолочными балками. Грелся незадачливый наемник, судя по всему, только горючим топливом, которое заливал в самого себя.

— Нда, — проворчала Рада, оглядываясь по сторонам и переводя взгляд на спящего на столе наемника. — Зрелище удручающее.

— Южные Кроты — не самое богатое сообщество, — пожал плечами Гардан. — Да и в Латре они только начинают, так что вряд ли у них есть деньги на апартаменты в княжеских кварталах.

— У человека, пытавшегося меня убить, явно должно быть больше средств к существованию, — заметила Рада. — За таких платят золотом.

— Может, он его спрятал где, — пожал плечами Гардан, но в голосе его звучало сомнение.

В такой помойке мог жить только вконец опустившийся человек. Подкатив к себе ногой валяющуюся на полу бутылку, Рада прищурилась, в слабом свете пытаясь разглядеть этикетку. Пойло было куплено в Латре, и маркировка указывала на то, что изготовлено оно

было здесь же, в Северо-Западном квартале города. Эта часть столицы была наиболее захудалой, и разливали там по бутылкам только ослиную мочу, от которой стабильно несколько раз в год умирали люди. Рада поморщилась. Вряд ли человек, получивший золото за ее голову, стал бы пить такое.

— Эй, приятель! — Гардан бесцеремонно пнул ногу спящего наемника. — Просыпайся! Знакомиться будем.

В ответ не раздалось ни звука, человек даже не пошевелился.

— Надо же так надраться! — брезгливо поморщился Гардан, сгрэб наемника за грязный ворот куртки и приподнял над столом.

Раде хватило одного взгляда, чтобы понять, что парень мертв. Глаза его закатились, белки пожелтели, на губах виднелись хлопья пены, а кожа была трупно-серого цвета. Гардан несколько секунд тоже смотрел на это, потом разжал пальцы, и голова наемника вновь упала на руки. Тело его потеряло опору и медленно сползло со стула на пол, прямо им под ноги.

Рада взглянула в глаза Гардану, и тот сумрачно сплюнул.

— Отравили.

— Да вижу, что отравили, — проворчала Рада, брезгливо отпихивая прочь бутылку, загромыхавшую по полу. — Причем пытались замаскировать это под отравление дешевым Латрским пойлом.

— И не особенно-то удачно пытались, — отозвался Гардан. — Хотя здесь-то это и необязательно. Сама знаешь, в такие кварталы стража не суется, а если и заходят, то стараются как можно быстрее убраться отсюда, не вникая в подробности. Так что для них все будет выглядеть вполне пристойно.

— Будем обыскивать? — взглянула на него Рада.

— Давай осмотримся, но особенно ничего не трогай.

Кивнув, Рада повернулась к кухонному столику, внимательно рассматривая столешницу. Гардан же удалился в жилую комнату.

В кухне не было ничего примечательного. Распахнув пару шкафов, Рада оглядела их содержимое, найдя лишь паутину и полкраюхи черствого хлеба. Внизу в комодке обнаружилось несколько бутылок с чем-то темным, но этикетки были разные, хотя все примерно одного качества. Присев на корточки, она заглянула под стол. В воздухе стоял какой-то терпкий запах, едва уловимый за вонью сапог мертвого наемника и разлитой по полу перебродившей браги. Запах был чуть сладковатый, с тонкой мятной ноткой. Рада нахмурилась, узнавая: так пах настой из корня собачника, смешанного с белладонной. Яд этот был не самым редким в Мелонии, но достаточно дорогим, запах его при добавлении в вино через некоторое время выветривался вовсе. Судя по всему, расчет у убийц был на то, что смерть наемника обнаружат достаточно поздно, когда уже никаких следов яда в воздухе не останется.

— Ну что? — послышался за спиной голос Гардана. — Нашла что-нибудь?

— Траванули его собачником, — Рада поднялась с корточек и развернулась навстречу приятелю. — Больше тут ничего нет.

— Вот и я ничего не нашел, — нахмурился Гардан. — Этот малый, похоже, был беден, как церковная мышь. В кошельке даже серебра нет, медяки одни.

— Может, его обокрали? Тот, кто отравил? — взглянула на него Рада.

— Может, и обокрали, — неохотно отозвался тот. — Только вот я привык к тому, что совпадений не бывает. А тут нам понадобился этот парень, и мы находим его мертвым.

— Значит, за тобой следят, — заключила Рада, направляясь в полутемный коридор.

— Странно, я не чувствовал слежки, — голос у Гардана был недовольным: он терпеть не мог ошибаться и еще больше не любил, когда об этом знали другие.

Впрочем, вполне возможно было, что Рада ошибалась. Гардан был хитрым старым лисом, он знал все ходы и лазейки и буквально волосами на спине чувствовал опасность или слежку. И если в этот раз он не ощутил ни того, ни другого, то существовала вероятность стечения обстоятельств. Возможно, наемника этого действительно убили за деньги, которые он кому-то не вернул. Или из-за того, что он не смог убить Раду. Или из-за десятка других причин, которых она даже и представить себе не могла. Рада тяжело вздохнула, чувствуя усталость: она терпеть не могла думать и разбираться во всех этих мелочах. Мое дело — драться, а думают пусть другие. В конце концов, не зря же у меня столько денег? Раз сама мозгов не имею, то хотя бы чужие купить могу.

В молчании они спустились по длинной лестнице в потемках и вышли из вонючего подъезда на темную улицу. Из-за их спин не раздалось ни звука: если жители дома и слышали, как их соседу сверху вынесли дверь, то соваться и узнавать, что там происходит, никто не рискнул. Проще было ничего не знать вообще. Закон в Латре был штукой крайне пластичной: сегодня ты добровольно помогал страже расследовать преступление и сообщал детали произошедшего, которому ты стал свидетелем, а завтра ты уже сидел в колодках за это же преступление, просто потому, что других дураков, на которых можно было бы свалить ответственность, стража не нашла. Закон охранял только саму стражу, ну, еще и благородных, что же до простого народа, то те, как и всегда, справлялись собственными силами, предпочитая не обращаться к хранителям порядка. И Рада считала, что это уже хороший знак: горожане хотя бы были не настолько тупыми, чтобы верить в мифическое правосудие.

Вдвоем они зашагали через темный проулок в ту сторону, где оставили лошадей. Грязь хлюпала под сапогами, и Рада то и дело поскользывалась, взмахивая руками, чтобы не упасть. Окна домов были плотно закрыты и не светились: ночью никто не показывался, чтобы не привлекать внимания незваных гостей.

— Ну, и что ты думаешь обо всем этом? — приглушенно спросила она Гардана. В ее собственной голове было тихо и просторно, и лишь ветер гулял от уха до уха.

— Есть несколько вариантов, — задумчиво заговорил наемник. — Первый и самый напрашивающийся: крота убили за дела, которые с тобой никак не связаны. Однако, ты сама понимаешь, что собачник — дело не дешевое. Если бы его просто хотели обворовать, то можно было пырнуть ножом в темном переулке или ударить по голове чем-нибудь тяжелым, притаившись за его дверью. Но его отравили, совсем как благородного, и не последним ядом. А потом силились создать видимость того, что он умер сам от некачественного пойла. Так что первый вариант отпадает сразу же.

Рада кивнула. Это было понятно и ей самой, но она никогда не была уверена в собственных домыслах, считая, что другие люди гораздо хитрее, чем ей может казаться на первый взгляд. Возможно, ты просто слишком высокого мнения о людях. А на самом деле, все не так. На самом деле, они гораздо тупее, чем кажется, даже если такая одаренная, как ты, способна понять их мотивы.

— Итак, раз его убили не за деньги, то можно предположить два варианта развития событий: его убили потому, что он не смог довести твое убийство до конца или его убили ребята из его наемного сообщества, переполошившись, когда я стал узнавать у них, может ли

кто-то взялся за убийство Лорда Страны. В обоих случаях, мы берем на веру, что именно этот человек пырнул тебя ножом в таверне.

— Ты сомневаешься в этом? — взглянула на него Рада.

— Да, — твердо кивнул Гардан. — Видишь ли, все слишком хорошо складывается. Южные Кроты из Дентора, Дентор — столица провинции Камардан, твой заклятый враг Гелат Тан Камардан — Лорд Страны от этой провинции. Значит, кто тебя заказал? Конечно же он. И я бы поверил в это, если бы этот парень не умер. Однако, его отравили.

— Зачем? — взглянула на него Рада, и Гардан закатил глаза:

— Боги, да я и пытаюсь ответить тебе на этот вопрос все это время! Бестолковые бабы, даже лучшие из них! — глубоко вздохнув и собрав все терпение, какое у него было, он принялся объяснять: — Раз этого парня отравили, значит, кто-то пытался замести следы. Уничтожишь подозреваемого, и концы в воду. Я сегодня в «Приюте Пташек» видел парочку ребят с заборными стрехами в заду, которые пытались невзначай выяснить детали нападения на тебя. Думаю, это переодетая городская стража. Вряд ли Ленар махнул рукой на покушение на свою жену, он, конечно, дурак, но дурак, дорожащий мнением окружающих о себе и своем доме. Так что похоже, он начал свое расследование и нанял для этого стражников. Вот только ты сама прекрасно знаешь, как они ищут: походят, посмотрят с важным видом, да и убираются подобру-поздорову, пока им никто глотку не перерезал. И естественно, что как только они найдут труп крота, то решат, что парень на радостях пропил все золото, полученное за твою голову, да и помер с миром. И дело закроют.

— Боги, неужели Ленар нанял стражу? — Рада только в немом удивлении качала головой. — Он же вырос в этом городе! Он же должен лучше всех знать, что стража способна только по проспекту ездить с важным видом, да людей кнутами стегать!

— А что ты ждала? — фыркнул Гардан. — Он же Лорд! Он никогда в жизни не был даже в самых приличных из мест, по которым шьемся мы с тобой.

— Нет, ну не настолько же...

Глупость мужа просто не укладывалась в ее голове, но Рада постаралась не думать об этом. Ленар всегда хотел, как лучше. Для этого он вытащил ее с Севера, для этого он создавал при дворе благоприятный имидж, для этого он нанял... Грозар, ну не городскую стражу же! Кого угодно, только не их! Даже шлюхи бы лучше справились: им-то, по крайней мере, на вопросы будут отвечать охотно.

Гардан только покосился на нее и покачал головой.

Лошади оказались на том же месте, где наемник их и привязал, и Рада вздохнула с облегчением. Топать пешком через весь город по колено в отбросах и чужом дерьме было не самым приятным занятием для ночной прогулки, а потому она с удовольствием влезла в седло своего гнедого и ткнула его пятками в бока. Глухо захлюпали в грязи конские копыта, и Гардан вновь задумчиво заговорил:

— Итак, крота убили, чтобы все подозрение пало на него. А это означает, что заказал тебя или Лорд-Протектор, или миледи Тайрен.

Рада только хмуро кивнула. И то, и другое было крайне неприятным. В первом случае опасность грозила не только ей самой, но и Ленару, и всей ее семье. Лорд-Протектор был человеком справедливым, но жестким, и если делал что-то, то всегда доводил начатое до конца. Только вот Рада понятия не имела, какие у него могут быть мотивы. Они с Ленаром всегда держали одну сторону на Совете, ее муж неизменно поддерживал Лорда-Протектора во всем последние десять лет, и почему ему могло прийти в голову убить его жену,

оставалось для Рады загадкой.

Что касается миледи Тайрен до'Ардор, то тут вообще все было крайне запущено. Ее дом был клятвенником Лорда-Протектора, к тому же, она возглавляла Благородных Мечей, которые также поддерживали его, и вряд ли Тайрен начала бы плести интриги без его участия. А если все-таки и решилась бы это сделать, это означало бы лишь одно: кто-то надавил на нее так, что мало не покажется, буквально припер к стенке, и никаких лазеек для того, чтобы выкрутиться, у нее не осталось. Даже несмотря на все ее связи. А это сделать мог или король, или Церковь Молодых Богов, Рада просто не представляла себе кого-то с авторитетом и властью большими, чем у этой парочки.

Мысли становились все темнее и темнее, и в конце концов она взглянула на Гардана:

— Слушай, я думаю, нам надо бы рассказать все это Ленару.

— Грозар! — закатил глаза Гардан. — До чего же ты предсказуема!

— Да погоди ты! — поморщилась Рада. — Когда его стража найдет труп крота, они просто закроют дело, и он успокоится, решив, что мне больше ничто не угрожает. И если все мои мысли по поводу того, кто меня заказал, верны, то это может угрожать не только моей жизни, но и ему.

— Не такая уж и большая потеря, — равнодушно пожал плечами Гардан.

— Ты заходишь уже чересчур далеко, — тяжело взглянула на него Рада. — Ленар — отец моих детей, не говоря уже о том, что и мой сын тогда тоже в опасности.

Наемник нехотя покосился на нее, потом проворчал:

— Ладно, это твое дело. Хочешь говорить Ленару — говори. Только вот, боюсь, он тебе не поверит: информация ведь пришла от меня. А если и поверит, то хуже от этого будет только тебе: за тобой начнут следить его люди, и со своей свободой ты сможешь попрощаться навсегда.

Рада и сама прекрасно все это знала, но не делать ничего она не могла. Ленар имел право знать, ведь речь шла и его жизни, и о жизни его сына.

— Думаю, в этой ситуации мы сможем найти компромисс, — проворчала она в ответ. Гардан только пожал плечами и вопросительно взглянул на нее:

— А сама ты что собираешься делать в это время?

— Нанести визит леди Тайрен до'Ардор и попытаться понять, что же там на самом деле происходит. Лорд-Протектор говорил, что она сама собиралась заехать ко мне на днях, только вот пока от нее ни слуху, ни духу.

— Может, она просто занята тем, что планирует новое покушение на тебя? — Гардан с видом крайней задумчивости принялся подравнивать кинжалом ногти.

— Не знаю, но хочу выяснить.

— Послушай, Рада, — тяжело вздохнув, Гардан посмотрел на нее. — Я все понимаю, ты не можешь сидеть без дела и все такое, однако ты не из тех людей, которые в состоянии плести интриги или хотя бы понять в них что-то. Боюсь, если ты поедешь к Тайрен, она по твоей роже еще с порога поймет, что что-то не так. И затаится до времени, пока мы не сможем вытрясти из нее всю правду. А времени у нас этого нет.

Рада хмуро взглянула на него, прекрасно понимая, что наемник прав. В прошлый раз при длительной беседе с Тайрен она только через три часа смогла понять, что той вообще было нужно от нее, и до сих пор сомневалась, поняла ли она все ее мотивы до конца. Тайрен, словно паучиха, держала в своих нежных напудренных ручках ниточки ко всем дворянам Мелонии и умело дергала их в нужный момент, затягивая петлю на очередной плотке.

Пожалуй, Раде не стоило пытаться обхитрить ее.

— Ну хорошо, — неохотно признала она, бросив короткий взгляд на наемника. Тот заметно расслабился в седле. — Но тогда я хочу, чтобы ты проследил за тем Лезвием и вызнал о нем все, что только сможешь: сколько он берет за заказ, на кого работает обычно, где живет, его слабости, сильные стороны, сколько волосков у него на задку, одним словом все.

— А про волоски-то тебе зачем? Тебя же вроде мужики не интересуют, — хмыкнул в ответ Гардан.

— Молись богам, чтобы и не заинтересовали, — буркнула Рада.

Гардан коротко хохотнул и примирительно кивнул головой:

— Хорошо, Рада, будут тебе твои волоски. Все сделаю.

На обратном пути они уже никуда не заезжали, и Рада с чистой совестью опустошила вместе с наемником припасенную им флягу с бренди. Разговор пошел ни о чем, большей частью о лошадях и ценах на оружие. В сущности, Гардан говорил или об этом, или о женщинах, все остальное его просто не интересовало. К тому моменту, как они въехали в кварталы дворян, разговор сам собой увял, и теперь Рада наслаждалась тишиной осенней ночи. Пахло здесь, во всяком случае, уже посвежее, чем в городе, да и звезды над головой казались как-то ярче, чем в вечном пыльном облаке, повисшем над Латром.

Вот только о покое можно было и не мечтать: еще издали, подъезжая к своему дому, она заметила, что окна на обоих этажах особняка ярко освещены, и на их фоне снаружи дома мечутся какие-то тени, перекрикиваясь во тьме. Сердце сразу же упало в пятки, и Рада хмуро процедила сквозь зубы:

— Ну, и какой бхаре не спалось? Кто из них заложил, что меня нет?

— Не твоя ли сероглазая певчая птичка? — осклабился рядом Гардан.

— Лиара? — Рада удивленно взглянула на него. — Ты совсем ума лишился?

— Она была в той таверне, где тебя пырнули ножом, из-за нее и началась драка, насколько я понял. И если за домом все-таки следят, то гораздо удобнее следить за ним изнутри, ты так не считаешь? — глаза наемника были холодными.

— Боги, Гардан! Я знала, что ты параноик, но никогда не думала, что настолько! — закатила глаза Рада. — Ты посмотри на эту девочку! Да она и мухи не обидит, какое ей строить хитрые планы, как втереться ко мне в доверие!

— Смотри, Рада, — покачал головой наемник. — Иногда за красивыми глазками можно не заметить змею.

— Да чего мне ее глазки-то? — заморгала Рада, удивленно глядя на него. — Мне-то они зачем сдались? Я ее взяла для того, чтобы она сказки пела. Ну, так она и поет.

Некоторое время Гардан молча смотрел на нее, потом тихонько рассмеялся, покачав головой:

— Хорошая ты девка, Рада, но иногда тупа, как пень. Впрочем, наверное, поэтому ты мне всегда и нравилась. Ну да ладно, твое дело. — Он остановил коня у угла забора, с которого начиналось поместье Тан'Элианов. — Думаю, будет лучше, если ты вернешься без меня. Ленар и так меня видеть не может, его передергивает каждый раз, как я вхожу в помещение. Так что выдумай, где ты была, и даже не упоминай мое имя.

— Тогда ты езжай в город и переночуй там, чтобы вопросов никаких не было, — недовольно проворчала Рада, спешиваясь и набрасывая на голову капюшон. На этот раз она решила все спустить на самотек: Гардан никогда не сдерживал свой острый язык при ней, и

это позволяло ей чувствовать себя свободно в его обществе. Однако иногда он говорил какие-то вещи, которые были ей совершенно невдомек. И что он имел в виду, разобрали бы только боги.

— Бывай, — бросил наемник, подхватывая под уздцы Радиного коня и разворачиваясь в обратный путь.

Он потрусил вперед легкой рысью, и стук копыт расплылся над тихим проспектом. А Рада повернулась лицом к своему дому, готовясь принять удар. На сердце нещадно скреблись кошки, однако идти все равно надо было. Может, у нее еще оставался хоть какой-то шанс пройти незамеченной. Может, заднюю дверь или помещения для слуг никто не стерег, хотя сейчас в сад, должно быть, высыпали все обитатели особняка.

Пригнувшись, она побежала в тень высоких кустов, растущих возле самого забора, куда не доставали лучи масляных фонарей посреди проспекта. Еще давеча примеченная лазейка в зарослях идеально подошла ей по размеру. Бесшумно скрывшись среди отяжелевших по осени листьев, Рада ухватилась за прутья забора, быстро влезла на верхнюю перекладину и спрыгнула вниз.

Сапоги мягко ухнули в землю, и она сразу же пригнулась как можно ниже, чтобы издали никто не мог ее заметить. Впереди между деревьев россыпью танцевали огоньки факелов, и это было даже хорошо. Яркое пламя отлично отбивало зрение, и факельщики вряд ли видели дальше трех метров во тьму. Вот только искали ее как-то слишком активно: Рада насчитала как минимум два десятка огоньков, прочесывающих сад через каждые десять метров, и вероятность проскользнуть незамеченной между ними была очень низкой.

Замерев у дерева, она нахмурилась, колеблясь, не следует ли встать в полный рост и издали оповестить слуг о своем возвращении, а потом пойти с повинной к Ленару и донести до него информацию, которую им с Гарданом только что удалось выяснить. Однако, что-то внутри нее скреблось и шептало, что муж, скорее всего, донельзя разгневан ее исчезновением и не станет слушать никаких разумных доводов. Вряд ли эта важная информация вообще до него дойдет, а это означало, что нужно все-таки постараться...

— Рада, — чья-то ладонь легла ей на плечо, и тело сработало мгновенно.

Она не думала. Она просто схватила этого кого-то за руку и швырнула через себя, а в следующий миг уже сидела у него на груди, прижимая к земле коленом. Из аккуратно подстриженной травы на нее взглянули два полных страха и боли серых глаза.

— Боги, это ты! — приглушенно выдохнула Рада, сразу же слезая с груди Лиары. Та была одета в черное платье и почти что сливалась с ночной мглой, лишь бледный овал лица виднелся в темноте, да огромные от страха глаза. — Что ты здесь делаешь?

— Вас ищут, а я знаю, что если найдут, у вас будут неприятности. Вот я и решила сама поискать вас, — приглушенно отозвалась девчушка, морщась и поднимаясь с земли. Спина у нее была вся в грязи и разводах от травы, а сама она держалась за вывернутое Радой плечо.

— Тогда извиняй, — неловко пробормотала Рада. — Я просто не люблю, когда кто-то сзади подкрадывается.

— Ничего, миле... Рада, — поправилась та и энергично зашептала: — На дом было нападение, на ваши покои. Слуги подняли шум, когда заметили там чужого, и милорд Ленар приказал прочесать сад...

— Нападение? — нахмурилась Рада. — Какое еще нападение?

— Я все расскажу, только давайте уйдем отсюда. — Лиара обернулась через плечо, глядя на цепь огоньков, неумолимо приближающихся к ним.

— Да я бы с радостью, только куда?

— Я ждала вашего возвращения, чтобы сразу же смыть волосы, и затопила баню. Вряд ли там сейчас кто-то есть, да и искать вас там никто не будет в такой час. Так что нам нужно только добраться туда.

— Слушай, а у тебя мозги-то получше, чем у многих, — заулыбалась Рада, и девчонка потупилась, неуверенно поглядывая на нее. — Ладно, тогда пошли вдоль забора, тихо и быстро. Надеюсь, с задней стороны дома никого нет.

Лиара кивнула, и они вдвоем, пригибаясь, быстро побежали вдоль густых кустов у самого забора. Рада умела двигаться бесшумно, но оказалось, что и девчушка впереди нее ни в чем не отстает. К тому же, помогал и выметенный подчистую сад, где под деревьями не было ни одной веточки, которую они могли бы пропустить в темноте. Так что вскоре фигуры с факелами остались за спиной, и Рада почти что по-пластунски заскользила между выстриженных кустов сада, в котором так часто гулял Ленар. От него было рукой подать до хозяйственных построек, впереди уже темнел угол бревенчатой бани, над крышей которой вился дымок. Но по-настоящему спокойно вздохнуть она смогла лишь тогда, когда дверь в баню закрылась за ее спиной, и влажное горячее тепло со всех сторон обволокло тело.

— Грозар Громовержец! — Рада тяжело привалилась к двери, закрывая глаза. — И кого такого умного угораздило напасть на меня именно сейчас, когда меня не было в доме!

— Не знаю, Рада, но ушел он очень быстро и тихо, наши стражники не смогли его задержать, — отозвалась Лиара.

— Я бы удивилась, если бы смогли! — фыркнула Рада.

Баню Ленар тоже выстроил к приезду Рады: в окрестностях Латра такие вещи были в диковинку, дворяне предпочитали мыться в золотых ваннах прямо внутри дома. Однако на Севере, где холодные ветра постоянно несли с моря сырость и туман, бани были обычным делом, и за восемь лет пребывания там Рада успела привыкнуть к ним. Потому муж, дабы сделать ей приятное, преподнес ей такой подарок, и Рада с удивлением обнаружила, что баню даже строили люди, сведущие в таких делах.

С наслаждением сбросив с себя грязнущие сапоги и жесткий плащ, от которого уже чесалось тело, она присела на лавочку в предбаннике и принялась расстегивать рубашку. Помещение было совсем небольшим и освещалось лишь одной маленькой масляной лампой, стоящей на приступке у самого потолка. Здесь же были и бадьи с водой: она с ледяной, другая с теплой. В противоположном от входа углу пол был обшит листовым железом и имел небольшой крен к стене, куда и стекала вода, уходя наружу по желобу. Дверь в парильню была приоткрыта, и оттуда тугими волнами выходил жар, перемешанный с терпким запахом березовых веников.

Лиара встала рядом у стенки, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и то и дело поглядывая в маленькое запотевшее окошко у самого потолка.

— А ты париться не будешь? — удивленно вздернула бровь Рада.

— Ну... я не привыкла париться с благородными, — неуверенно протянула Лиара, и Рада громко фыркнула:

— Что у меня, зад из золота, что ли? Давай, раздевайся, и полезли в парилку. И расскажи мне уже, что тут произошло.

Помедлив и бросив на Раду неуверенный взгляд, девчушка тоже принялась раздеваться. Движения у нее были скованные и резкие, словно она стеснялась. Этого Рада в толк взять не

могла, ведь выросла Лиара в приюте, и вряд ли у нее было отдельное помещение для купания. А может, ты просто слишком много времени провела в обществе солдатни? Не глупи, Рада! Везде разные обычаи, и не все люди такие, как ты!

Впрочем, девчушка сама начала говорить, но только торопливо, словно ей было уж вконец неловко.

— Около получаса назад Дамер, один из уборщиков, пока мыл внизу полы, услышал какой-то шорох снаружи. Он выглянул в окно и успел увидеть, как какой-то человек влезает в ваше окно, — Лиара быстро сбросила платье, оставшись в простой тканевой сорочке. Из-под тонких лямок, на которых она держалась, торчали костлявые худые плечи. Надо будет ее откормить, а то тощая, как палка, подумалось Раде. — Естественно, Дамер сразу же поднял шум, туда побежала стража, но к тому моменту, как они добрались до вашей комнаты, там никого уже не было. Только грязные следы на подоконнике. И вас там тоже не было. И когда туда ворвался милорд Ленар и не увидел вас, он сразу же приказал обыскивать поместье.

— А ты где была в это время? — Рада поднялась со скамейки, сбрасывая задубевшие от налипшей на них во время их странствий по городским кварталам грязи сапоги. А потом стянула с головы рубашку, оставшись лишь в бинтах, перетягивающих грудь и бедра.

— Я тут была, — отозвалась Лиара. — Вернее, не тут, а возле дома, набирала воду в ведро и слышала голоса слуг. Никто из них меня не видел и ни о чем не спрашивал, так что никто не знает, что вас здесь не было.

— Вот ведь как все удачно сложилось-то! — хмыкнула Рада. — Ну спасибо тебе! Выручила!

Лиара вновь потупилась, комкая в руках сорочку и не глядя на Раду. Она двигалась как-то скованно, словно не решалась повернуться к ней спиной. Решив не обращать на это особого внимания, Рада сбросила бинты и первой пошлепала голыми ступнями в парильню.

Здесь было хорошо, так хорошо, что она блаженно вздохнула, только переступив порог. Упругий влажный жар сразу же мягко сжал тело со всех сторон, заполз прямо внутрь нее, пропитал каждую пору. Приглушенно светились разогретые камни в дальнем углу, и Рада сразу же шваркнула на них ушат воды из стоящей рядом бадьи, отчего с шипением все помещение заволоч белый густой пар.

Подковыляв к лестнице, она полезла на вторую ступеньку и вытянулась всем телом, как кот, нежась от жара. Скрипнула дверь, и в тумане скользнул тонкий девичий силуэт. Приоткрыв глаз, Рада наблюдала за тем, как Лиара тоже примостилась на лестнице, только уровнем ниже, обвязала голову тряпицей и протянула точно такую же Раде.

— Вот, наденьте, наверху жарче.

— Откуда ты столько знаешь про бани? — вяло поинтересовалась Рада. Пар расслаблял усталое за день тело, и алкоголь в крови лишь способствовал этому, заставляя ее буквально растекаться по лавке. — Никто в этом проклятом городе не знает, как топить, и мне приходилось учить этих разгильдяев и следить, чтобы они все делали правильно.

— В приюте у нас была большая баня, — помявшись, отозвалась Лиара. — Колодец был всего один, и его использовали для нужд кухни, поэтому детей мыли всем скопом раз в неделю, чтобы не тратить воду. Там и научилась.

— Угу, — замычала Рада, не совсем прислушиваясь к ее словам. Мысли и силы тонули в мягком обволакивающем жару, и ей было так дремотно хорошо, что она зевнула до хруста в челюстях.

Некоторое время они обе молчали, наслаждаясь паром. Рада чувствовала, как из нее

вместе с потом выходит вся грязь и усталость, налипшая за день. И только когда она уже едва могла соображать, Рада промямлила:

— Похлещи меня хорошенько, будь добра. Это было бы очень кстати...

— Сейчас, Рада.

Послышалось какое-то шуршание, а потом на плечи Рады опустился хлесткий веник, и она блаженно застонала. Тугие удары выколачивали оставшееся в мышцах напряжение, и в какой-то момент Рада ощутила себя настоящим котом, в теле которого ни осталось ни одной кости, только шерсть и мурчание.

— У вас столько шрамов, — тихонько прозвучал рядом неуверенный голос.

— Есть немного, — промямлила в ответ Рада.

— Так... много, — в голосе девочки звучало сострадание.

— Это ты еще Гардана голым не видела, — ухмыльнулась она в ответ. — Он вообще как подушечка для иголок.

Лиара затихла на несколько мгновений, потом неуверенно спросила:

— А Гардан... он ваш... друг? — и сразу же быстро добавила: — Если мне вообще позволено об этом спрашивать.

— Я не знаю ничего, о чем нельзя было бы спросить человека, — отозвалась Рада, почти что мурча. — Нет, он мне не друг. Он просто наемник, которому я когда-то спасла жизнь. — Лиара вновь замолчала, и Рада негромко поинтересовалась: — А почему ты спрашиваешь?

— Да просто слуги говорят... — в ее голосе звучала неуверенность.

— Слуги только и делают, что говорят, — поморщилась Рада. — За это я и ненавижу людей.

Теплые ветки гуляли по плечам, и в воздухе терпко пахло березовым листом. Шершавые доски под грудью слегка давили на кожу, но Раде было уже все равно. Баня всегда действовала на нее расслабляюще, и после нее она ощущала себя лучше некуда.

— Ну а ты? — лениво приоткрыла она один глаз. — Где ты так наблукалась на арфе? Не в приюте же.

Веник Лиары на миг почти что замер на ее плечах, но почти сразу же продолжил движение.

— Я не всю свою жизнь прожила в приюте, — Лиара говорила как-то неохотно, и Рада вывернула голову, поглядывая на нее. Из-за белых клубов пара лицо ее было видно смутно, но на нем сейчас было какое-то тревожное выражение: брови хмурились, губы были плотно сжаты. — Я попала туда в возрасте восьми лет.

— А до этого где была? — поинтересовалась Рада.

— Я... я не помню. Я ничего не помню из того, что было со мной до восьми лет. Только руки матери и все.

— Вот как! — это было интересно, и Рада задумчиво нахмурилась. И зачем только какой-то эльфийской женщине было сдавать свою дочь в приют? Разве только если с ней самой случилось что-то плохое, но в такую возможность Рада не верила. Лиара была Первопришедшей, а те за своих детей стояли насмерть, дорожа каждым младенцем с чистой кровью как зеницей ока.

— Ну да, — протянула та. — И я уже все умела: и сказания знала, и на арфе играла, и на других инструментах. Но я ничего не могу вспомнить.

— Ты поэтому пришла в Латр? Маму ищешь? — спросила Рада.

— Да, — тихо ответила та.

— Ну так ты не там ищешь, — сообщила ей Рада, приподнимаясь на руках и кое-как сползая со ступеней. Тело было расплавленным, будто масло, и пот лил с нее ручьями. — Здесь Первопришедших женщин отродясь не было. Так что тебе нужно в Речной Дом идти и там спрашивать.

Вид у Лиары стал тревожным и каким-то неуверенным, и Рада добавила:

— Я могу тебе помочь. Свяжу тебя с послем Речного Дома в Латре. Сможешь поговорить с ним, может он слышал хоть что-нибудь о твоей матери. Ты имя-то хоть ее помнишь?

— Нет, — покачала головой та.

— Ну и бхара с ним, — пожалала плечами Рада, отбирая у Лиары веник. — Вряд ли много эльфиек из Речного Дома бродит по Мелонии. Найдем мы твою мать, не волнуйся. А теперь ложись.

— Чего? — Лиара смотрела на нее, часто моргая. Вид у нее был какой-то перепуганный.

— Ложись, говорю, я тебя попарю.

Несколько секунд эльфийка колебалась, потом все же кивнула и растянулась на лавке перед Радой. И тогда та поняла, почему она так шарахалась: спину ее пересекали многочисленные рубцы от плетей, вздувшимися шрамами перекрывая позвоночник. Рада присвистнула, но говорить ничего не стала. Лиара выглядела зашуганной, неуверенной в себе и пугливой, не стоило добавлять к этому еще больше страха.

Рада принялась осторожно парить ее, охаживая веником разгоряченную влажную кожу. Тело у нее было тощим, во все стороны торчали кости, и сама она казалась какой-то очень маленькой и зажатой, словно облитый водой котенок. Ну ничего, скоро отъестся и станет красавицей, подумалось Раде. Бедра у девчушки были круглыми и красивыми, талия тонкой, ноги прямыми и длинными. Неудивительно, что даже Гардан обратил на нее внимание.

Как следует напарив эльфийку, Рада, почти что задыхаясь, вывалилась из разгоряченной парильни и опрокинула себе на голову ушат с теплой водой. Сейчас, после густого влажного жара, он показался ей буквально ледяным и таким освежающим, что Рада застонала от блаженства.

Хорошенько отмывшись и подождав, пока вымоется Лиара, Рада свернула узлом свою грязную одежду, затолкав в середину сапоги, и неуверенно посмотрела на тючок. Тащить его с собой было нельзя: только углядев это тряпье, Ленар сразу же начал бы подозревать, что ее не было дома.

— Давайте, я, — Лиара осторожно забрала из ее рук тюк одежды. — Я спрячу это, а потом вычищу и принесу вам.

— Спасибо тебе! — Рада от души улыбнулась ей. — Ты меня очень выручила сегодня.

— Это вам спасибо за все, что вы для меня делаете! — Лиара вдруг посмотрела на нее прямо и смело, и глаза ее сейчас казались бархатными в приглушенных отсветах масляной лампы. — Никто и никогда не был так добр ко мне.

Странное покалывание пробежало по спине, и Рада передернула плечами. Внутри почему-то стало жарко, хотя, вроде бы, она уже хорошенько охладилась, смыв с себя весь пот. Но во взгляде этой девочки было столько искренности, столько звенящего, сильного чувства, что баня внезапно показалась Раде самым душным местом во всей Мелонии.

— Да не за что, — неловко пробормотала она, поворачиваясь к утопленному в стене

шкафу. Там за толстыми стенками висели пушистые банные халаты, которые пришлось как нельзя кстати. Схватив один из них, Рада поспешно натянула его на плечи, бросив Лиаре: — Надевай. На улице холодно.

Вдвоем они вышли из бани в прохладную ночь, и Рада на миг застыла на пороге, с наслаждением выдыхая. Ветер буквально проходил насквозь ее тело, и оно казалось легким, воздушным, едва ли не слеplенным из облаков. Ноги в банных тапочках тоже казались какими-то непривычно легкими, и она спустилась с лестницы на землю, с наслаждением ощущая свое чистое, скрипящее тело.

Особняк так и светился яркими окнами, и Рада хмыкнула, глядя туда. По саду носились фигуры с факелами, перекрикиваясь в ночи, какое-то шевеление было заметно на парадной дорожке перед домом. Повернувшись к Лиаре, она улыбнулась:

— Я пойду, порадую муженька тем, что жива-здорова, а ты иди спокойно к себе. С одеждой не торопись: когда принесешь, тогда и принесешь. Мне бы только кинжалы, они там под полой и в сапогах запряганы.

— Я принесу их вам с утра, Рада, — кивнула Лиара. Теперь она смотрела уже не так перепугано, как раньше, чуть поувереннее. Обживаетса потихоньку.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнула Рада. — Иди-ка ты спать, забегалась за весь день. А завтра с утра увидимся.

— Доброй ночи, Рада, — Лиара неуверенно улыбнулась, самым краешком губ, сделавшись внезапно гораздо более хорошенькой, чем раньше. — И спасибо вам за этот день.

С этими словами она прижала к груди узелок с ее одеждой и пошла прочь, в сторону освещенных окон дома.

А Рада поняла, что стоит и смотрит ей вслед, чувствуя себя при этом как-то странно хорошо, как-то тихо и правильно. Возможно, причиной тому была их с Гарданом вылазка, а может, и горячая расслабляющая баня, только сердце в груди стучало золотно и весело, словно весенний воробей, клюющий первые почки. А может, ты просто перегрелась, и у тебя сердечный приступ. Так что займись делом уже и иди поговори с Ленаром. Вздохнув и бросив последний взгляд в сторону уходящей Лиары, Рада направилась в противоположную сторону.

===== Глава 9. Ожидание =====

Рада сладко потянулась в своей постели, чувствуя себя свежей и отдохнувшей. Из окон лился золотистый осенний свет, слышался шум ветра в кронах и тихое пощелкивание ножниц садовника. В солнечном луче танцевали пылинки, кружась и перелетая, и Рада наблюдала за ними сквозь полуопущенные веки, медленно просыпаясь.

Вчерашний вечер прошел для нее вполне удачно. Ленар был крайне удивлен тем, что она собралась попариться в бане посреди ночи, долго пристально смотрел на нее, но версию событий принял. Во всяком случае, при слугах он не сказал ничего, лишь кивнул и выразил свою радость по поводу счастливого стечения обстоятельств, в результате которого она не пострадала от рук убийцы. Однако, Рада видела, что вид у него при этом был крайне недоверчивый, а когда слуги доложили о многочисленных следах от сапог, обнаруженных под забором, лицо мужа окаменело еще больше. Впрочем, за руку он ее не поймал, а потому и говорить было не о чем, так что Рада со спокойной совестью улеглась спать в этот кошмарный рюшечный гроб. И проспала до самого рассвета сладко, как младенец.

Мысли в голове ползали медленно и как-то неохотно. Все перемешалось в один клубок:

и мертвый крот, которого они нашли с Гарданом, и попытка покушения на ее жизнь, провалившаяся по счастливой случайности, и рассказ Лиары о своем прошлом. Такого количества информации было для нее многовато, и Рада решительно выбросила из головы все. В конце концов, проблемы с наемниками решал Гардан, а если кто-нибудь еще раз попробует залезть в ее окно посреди ночи, отстоять свою жизнь она уж точно сумеет. Рада училась обращаться с оружием с восьми лет и достигла в этом деле достаточных успехов, чтобы не бояться какого-то наемника с ножом. Вот если бы за ее жизнью пришел кто-нибудь уровня Алеора, тогда было бы другое дело, а так — пустяки. И если этот дурак попробует вломиться в окно еще раз, она получит прекрасную возможность не только хорошенько подраться, но и выяснить имя заказчика. А там уже можно будет решать, что делать дальше.

Окончательно проснувшись, она выбралась из постели и принялась одеваться. На чистое тело приятно легла белая хлопковая рубашка, и Рада с наслаждением повела плечами. Все-таки лучше бани в этом мире была только хорошая драка, и с ее точки зрения это было неоспоримо.

Когда она вышла к завтраку, Ленар уже ждал ее за столом. Через распахнутые окна в комнату свободно проникал ветер, шурша занавесками и проказливо дергая уголок белой скатерти, которой накрывали столешницу. Муж обернулся через плечо и поздоровался, без выражения глядя на нее.

— Как прошла ночь, Рада?

— Замечательно! — искренне отозвалась она, присаживаясь за стол напротив него и раскладывая на коленях белоснежную салфетку. Прямо перед ней помимо запотевших от жара чайников стоял и высокий кувшин, по бокам которого сползали мелкие льдистые капельки. Все-таки Раден с двадцатого раза запомнил, что миледи предпочитает пить с утра, и нехотя, но начал выносить ей из ледника охлажденное вино. И это было весьма кстати: с ночи в горле пересохло насмерть. А жизнь-то налаживается, удовлетворенно подумала Рада, наливая себе в бокал вина, и взглянула на мужа. — А ты как спал?

— Не слишком хорошо, — Ленар осторожно промокнул губы салфеткой, сложил ее на краю стола и совершенно мимоходом помянул: — Ночью скоропостижно скончался король. Известие об этом мне принесли через час после того, как я лег.

— Что? — Рада вытаращилась на него во все глаза, не веря в только что услышанное. — Но как же так?.. Маркард был совсем молод и здоров, как бык. Только и делал, что по бабам бегал. Что же произошло?

— Официальная версия — сердечный приступ, — негромко отозвался Ленар. Лицо у него было серым, под глазами виднелись темные круги. Судя по всему, если он и спал сегодня, то совсем мало.

— А не официальная — яд, как я понимаю? — уточнила Рада, и муж кивнул.

— Я уже успел побывать на заседании Совета Лордов, начавшемся еще до света. Оно было посвящено приготовлениям к похоронам Маркарда и всем сопутствующим церемониям. Однако, Лорд-Протектор также затронул и вопрос престолонаследия. Выборы нового короля состоятся на днях, скорее всего, послезавтра.

Рада нахмурилась, глядя в свою тарелку и рассеяно потягивая вино. Вопрос престолонаследия Мелонии всегда решался Советом Лордов Страны. Каждый из них имел право претендовать на престол, а король избирался из их числа простым большинством голосов. Правда, на деле все было совсем не так просто. На деле эти несчастные несколько дней перед выборами короля превращались для Лордов Страны в сущую бездну мхира. Все

двери запирались, окна едва не заколачивались, а охрана не отходила от Лордов ни на шаг, сопровождая их едва ли не в купальню. Эти меры помогали предотвратить покушения, и обычно все Лорды Страны успешно переживали выборы короля. Обычно.

Однако, сейчас что-то очень сильно беспокоило Раду, тревожило ее ни на шутку. Сама она не понимала ровным счетом ничего, но в груди болезненно сжалось, и это был верный знак того, что что-то не так. Не зря же все это время кто-то пытался ее убить, и если это и вправду был Лорд-Протектор, на которого указывало все, то в таком случае это было неразрывно связано со смертью короля. Возможно, Ленар был фаворитом на трон, и до него пытались добраться через нее, чтобы каким-то образом уменьшить его шансы на избрание. Вот только со стороны это выглядело сущей бессмыслицей: Лорд-Протектор не имел права претендовать на трон, а это означало, что кто-то из всех сил стремился перевести стрелки на него, чтобы Рада думала, что заказчик — он. Грозар, я слишком бестолкова для всего этого! Она чувствовала себя так, словно голова буквально взорвется в следующий миг.

— Каковы твои шансы? — Рада взглянула на мужа.

— На трон? — тот сардонически усмехнулся. — По правде говоря, никаких. Несмотря на то, что мой голос в Совете значит много, и ко мне прислушиваются, вряд ли кто-то подпустит меня к власти. Есть много причин, по которым это невозможно. — Он нарочито не смотрел на нее, и Раду в груди вновь кольнуло. Естественно, кто позволит эльфийской выскочке стать королевой, даже притом, что реальной властью в Мелонии обладал лишь король, а его супруга была только дополнением к нему, наравне с королевским дворцом и красивой мебелью. — Что касается вероятных кандидатов, то ими самым неожиданным образом становятся ГелатТан'Камардан и Аспар Тан'Самар.

— Кто бы думал иначе! — фыркнула Рада. — Они-то его и убили.

— Это еще нужно доказать, — заметил Ленар.

— Зарезать их нужно, да и дело с концом, — поморщилась Рада.

Муж даже бровью не повел на этот комментарий и осторожно отхлебнул чаю из фарфоровой чашки, держа ее кончиками пальцев. А потом, не глядя на нее, проговорил:

— Есть еще одно не слишком-то приятное обстоятельство. Под кроватью короля нашли кое-что. И это был твой кинжал. — Раду внезапно проморозило по всему позвоночнику, и она вздрогнула, когда муж взглянул ей в глаза. — Пока еще при дворе держатся официальной версии событий о смерти короля от сердечного приступа, однако, ты сама знаешь, что в таком случае Жрецы должны провести вскрытие тела и установить точную причину смерти. И как только они докажут, что Маркарда отравили, в этом обвинят тебя.

— Откуда они знают, что кинжал — мой? — сразу же спросила она.

— Потому что это тот самый парадный кинжал, который был при тебе на присяге, — отозвался муж.

— Вот ведь бхарство, а? — поморщилась она. Все сложилось вместе, в одну картинку, вспыхнув в мозгу так ярко, что едва не выжгло ей глаза. То, как ее выманили из дома, чтобы беспрепятственно стащить кинжал, а заодно создать такую ситуацию, в которой у нее не будет свидетелей, способных подтвердить ее невиновность. И ведь все было сделано так аккуратно, что даже старый лис Гардан попался на это. Я же не хотела брать этот поганый кинжал! Вот не хотела же! На душе стало так мерзко, что Рада вновь проворчала: — Проклятущее, распоследнее бхарство!

— Где ты была вчера ночью, Рада? — муж смотрел на нее, и взгляд у него был жестким.

— Ну уж точно не в постели у Маркарда! — огрызнулась она, чувствуя смертельную

усталость. К горлу буквально подкатывал комок ярости, и от этого хотелось выть. Золотые прутья клетки смыкались вокруг нее, стискивая ее со всех сторон, сжимая, грозя удавить. И теперь ко всему этому примешивалось еще и это! Грозар, ну что я тебе сделала, а? Или я слишком часто прошу тебя покалечить других людей, вот ты и гневаешься? Ну так согласись, все происходящее доказывает, что я совершенно права в своих просьбах! Такую скотину грех не раздавить!

Муж тяжело смотрел на нее, и в его глазах не было никакого тепла или поддержки, только требование. Судя по всему, Ленару надоело ходить вокруг да около.

— Сейчас речь идет о твоей жизни, Рада, — тихо проговорил он. — Тебя хотят подставить, в этом я уверен. Твой вчерашний убийца, скорее всего, вовсе и не убийца, и приходил он лишь затем, чтобы стащить кинжал, который потом подбросили королю. Но чтобы хоть как-то защитить тебя, я должен знать, где ты на самом деле была.

Вот ты и попалась, пташка! Не надо было брехать, как сивый мерин, да изворачиваться, не пришлось бы сейчас оправдываться! Дала слово — держи, а не виляй задом, словно портовая потаскуха. Глубоко вздохнув, Рада залпом осушила бокал вина и взглянула на Ленара.

— Я все тебе расскажу. Только давай на этот раз без нравоучений. Мне и так тошно.

Ленар слушал внимательно, изредка задавая уточняющие вопросы, но особенно сильно не прерывая Раду. Она видела, что ему не слишком-то нравится то, что она рассказывает, но муж принял во внимание ее просьбу и комментарии придержал при себе, за что она была бесконечно ему благодарна. Рада и так чувствовала жгучий стыд, колючими иглами впивающийся в плоть, и если бы Ленар еще что-то сказал по этому поводу, было бы совсем невмоготу.

Она рассказала все: и про Гардана, и про его поиски, и про Лиару, выручившую ее, прервавшись лишь на то время, пока прислуга подавала им завтрак. Она даже не стала лаяться с проклятушим Раденом, который сразу же испортил только что созданное им благоприятное впечатление и подал ей вместо мяса липкую, как клей, кашу. И когда она закончила говорить, муж только задумчиво откинулся на спинку стула, сложив руки на груди и раздумывая, но не произнося ни слова.

Сама Рада, поморщившись, отодвинула от себя кашу и принялась жевать тонкие ломти бекона, смиренно ожидая приговора мужа. Ощущение на душе было гадостным вдвойне: не только потому, что она нарушила данное ему слово, но и потому, что он вообще вынудил ее это слово дать. А ситуация складывалась самым препоганейшим образом: подтвердить, что это не она отравила короля, могли только ее же собственный телохранитель и безродная эльфийка, которой никто не поверит на слово, как бы убедительна она ни была. А это означало, что на этот раз Раду ждала уже не ссылка, а петля.

Ленар только тяжело вздохнул и поднял на нее изможденные глаза:

— Ну что ж, раз все происходит именно так, у нас еще есть как минимум день, пока не будет обнародовано окончательное заключение Жрецов о смерти короля. И за этот день мы должны доказать твою невиновность и найти того, кто устроил на тебя покушение.

— А чего его искать? — устало пожала плечами Рада. — Ты и сам прекрасно знаешь, кто заварил эту кашу. Тот же, кто сейчас изо всех сил рвется к трону.

— Знаю, — кивнул Ленар. — Один из них или оба вместе, это неважно. А одновременно с этим они еще и Лорда-Протектора подставить пытаются. Только вот мы не можем взять и обвинить в этом двух самых вероятных кандидатов на королевский трон.

На взгляд Рады, проще было бы ей этой же ночью перерезать глотки обоим и забыть о проблеме, однако вслух она этих мыслей высказывать не стала. Ленар не одобрял такие методы и откровенно бесился, когда она только поднимала вопрос об убийстве других Лордов Страны. Несмотря на все свои недостатки, ее муж все-таки был честным человеком и из принципа никогда не участвовал в интригах и закулисных убийствах, и в этом Рада по большей части с ним соглашалась. Вот только не сейчас, когда эти два проклятых поганца уже в который раз пытались сжить ее со свету, ее же костями и вымостив свою дорогу к власти. От этого бешенство так подкатывало к горлу, что хотелось крушить. Сдержавшись, Рада отхлебнула из своего бокала, закусывая беконом. И то, и другое моментально потеряло свой вкус.

— А чего же тогда Лорд-Протектор, коли и под него тоже роют, не попытался как-нибудь спрятать этот поганый кинжал? — Рада хмуро взглянула на мужа.

— Его нашли слуги, а не Лорд-Протектор, — отозвался Ленар. — Он ничего не мог сделать.

— А может, просто не хотел? Может, он тоже в этом участвует? — Рада криво усмехнулась, глядя на мужа. — Второй наемник, которого нашел Гардан, — его, как и тот, который заходил к леди Тайрен. Вряд ли она рискнула бы действовать без его ведома.

— Рада, я не верю в то, что такой человек, как Тарвен Тан'Амброн способен подставить тебя, — твердо проговорил Ленар. — Его дочь названа в твою честь, он был твоим учителем, долгие годы я считаю его своим другом. Он не стал бы нас продавать. Но вот леди Тайрен до'Ардор — совсем другое дело. Возможно, она копает и под него, и под тебя. Возможно, что это письмо с печатью Лорда-Протектора наемнику просто подбросили, чтобы посеять между нашими домами вражду, и мы не смогли вместе организовать сопротивление. Если уж Тайрен наняла наемника, который уродует женщин, то она способна на что угодно. Остается только понять, почему она вдруг так резко сменила свою политику при том, что долгие годы поддерживала только Лорда-Протектора.

— Это ты мне объясни. Меня здесь восемь лет не было, я понятия не имею, что происходит, — проворчала Рада, нашаривая за пазухой трубку. Настроение было прескверным, и раздражение подкатывало к горлу тугими комками. Ее впутали в мерзейшее дело, грозившее не только ей, но и ее близким людям, и сейчас она была не в том настроении, чтобы следить за собственным языком.

Впрочем, Ленар был так глубоко погружен в свои мысли, что не слишком-то прислушивался к ее речи и грубости не заметил. Брови его сошлись к переносице, а темные ресницы часто моргали: так бывало всегда, когда муж решал сложные проблемы. И Рада должна была признать, что в политике ему действительно не было равных.

— Все эти годы леди Тайрен при дворе занимала особое положение благодаря своим огромным связям, — задумчиво заговорил Ленар. — За информацией к ней обращались буквально все, включая короля. Но при этом она умудрялась удерживать определенный нейтралитет, не принимая ничью сторону, но торгуя одновременно со всеми. Ты не представляешь, какое количество людей пыталось вырваться из ее пут, только ни у кого ничего не получалось, подкопаться к ней было просто невозможно. Тайрен ведет исключительно примерную жизнь, из особняка своего почти что не выезжает, мужу своему не изменяет, деньгами не разбрасывается, и никаких ее грязных секретов за все эти годы не всплывало ни разу. И она не похожа на человека, который ни с того, ни с сего на пустом месте резко меняет свою политику и начинает открытую игру. А это значит только одно: она

погорела на чем-то и погорела серьезно. А потом ее прижали к ногтю, и теперь ей приходится играть по чужим правилам.

— И на чем же она могла погореть? — поинтересовалась Рада, зажав чубук трубки в зубах и подкуривая от свечи, стоящей на столе. Камердинер все-таки смог запомнить, что миледи любит курить после завтрака, и теперь одна свеча всегда горела на их столе.

— Не знаю, — пробормотал Ленар. — Но это нужно выяснить как можно быстрее. Иначе мы рискуем проиграть эту партию.

Рада только сумрачно кивнула. В этом Ленар был совершенно прав. Она уже почти что чувствовала петлю, что затягивается на шее и мешает дышать. И с каждой минутой драгоценное время уходило, словно вода сквозь песок, отмеряя ее жизнь по волоску. Вот только не так-то просто было ее убить, уже многие пытались, и ни у кого пока что не получилось. Не зря же она столько лет сражалась на Севере, не зря она все эти годы училась отбиваться. Ну, погодите еще! Меня так просто голыми руками не возьмешь. Мы еще посмотрим, кто тут и кого вешать будет!

— Я должен принести тебе свои извинения, Рада, — внезапно проговорил муж, и она удивленно вскинула голову, глядя на него. Ленар никогда не извинялся. Никогда. Сейчас он смотрел на нее очень серьезно, и в глазах его была тревога. — Судя по всему, вытаскивать тебя с Севера было не самым моим лучшим решением. Так что прости меня.

Удивление было таким сильным, что с Рады моментально сошел весь гнев, лишь где-то внутри остался жесткий, пульсирующий от ярости комок. Муж смотрел на нее прямо и открыто, и в голосе его чувствовалось сожаление. Неловко пожав плечами, она вздохнула:

— Да чего уж там? Сейчас надо проблему решать, а не думать, кто там и в чем виноват.

Ленар кивнул, принимая ее слова, но тут дверь в кабинет распахнулась, и внутрь с поклоном вошел камердинер Раден. Как и всегда, лицо его ничего не выражало, но глаза на миг неодобрительно блеснули, когда он заметил трубку в руках Рады. Женщины в Латре не курили, это было не принято, но сейчас Рада кого угодно могла голыми руками удавить, если бы только тот заикнулся об этом.

— Милорд, миледи, — сообщил он с легким поклоном. — Прибыл гонец от миледи Тайрен до'Ардор. Она просит разрешения посетить вас.

Рада удивленно вскинула брови и бросила быстрый взгляд на Ленара. Лицо его было спокойным, он никогда не проявлял эмоций при слугах, однако глаза потемнели. Взглянув на нее в ответ, он кивнул Радену и негромко проговорил:

— Мы будем рады принять миледи до'Ардор в любое удобное для нее время. Сообщите об этом курьеру и подготовьте ореховый кабинет.

Раден с поклоном прикрыл за собой дверь.

— И как это понимать? — совершенно сбитая с толку Рада взглянула на мужа. Тот только беспомощно развел руками:

— На этот раз я уже ничего не могу тебе ответить. События разворачиваются гораздо быстрее, чем я предполагал. Возможно, сейчас мы узнаем что-то новое. — Он помолчал, сосредоточенно думая о чем-то, и нехотя проговорил: — И лучше было бы, если бы ты нашла своего Гардана. Хоть он мне и не нравится, однако он, похоже, по-настоящему предан тебе и сможет тебя защитить в случае чего.

Рада незаметно от мужа ущипнула себя за руку, пытаясь удостовериться, что все это ей не снится. Сначала мертвый король и подстава, в которую она так неудачно попала, потом извинения Ленара, явление Тайрен, а теперь еще и признание Гардана надежным человеком.

Сегодня у тебя переменчивое настроение, Громовержец? Потому что я уже просто не понимаю, что происходит. Вот не понимаю, и все.

Осторожно кивнув, Рада отозвалась:

— Он уже должен был вернуться, так что думаю, он где-то в доме.

— Хорошо, тогда найди его, а я пойду, подготовлю кабинет, — Ленар отодвинул стул и встал. Вид у него был сосредоточенный и серьезный. Взглянув на Радку, муж проговорил: — И не тревожься, я не позволю никому казнить тебя за то, чего ты не совершала.

Ленар оставался все тем же Ленаром. Муж прекрасно умел формулировать свои мысли: теперь выходило, что он спокойно отдал бы ее на растерзание палачам в том случае, если бы она действительно отравила короля. Нет, я ошиблась, все-таки не сплю. Спасибо, что слушаешь мой бред, Грозар. Рада кивнула мужу и вышла из комнаты, направляясь к своим покоям.

Как она и предполагала, наемник уже ждал ее в ее же комнате, развалившись на кресле и уложив грязные сапоги на обтянутый бархатом пуф. Вид у него был усталый, но при взгляде на Радку, Гардан широко усмехнулся:

— Что такая сумрачная, Радка? Получила от муженька люлей за свои побеги из дома?

— Нет, убила короля! — передразнила его Рада, и лицо Гардана моментально вытянулось. Мимоходом сбросив его грязные сапоги с пуфа, Рада уселась на соседнее кресло и тяжело вздохнула, прикрывая глаза рукой. — Ты, бхару твою за ногу, просто не представляешь, с каким дерьмом меня смешали за последние четверть часа.

В двух словах обрисовав наемнику ситуацию, Рада устало потянулась к спрятанному за занавесками у окна жбанчику с бренди. Гардан молча кивнул на вздернутую бровь Радки и выразительно приподнятый кувшин. Пока она разливала по бокалам, наемник хмурился, оскалив зубы и прощупывая языком дырку на месте недостающего клыка, а потом рассеяно подхватил свой бокал и вновь вперил взгляд в пространство перед собой.

— Ну и чего ты там думаешь? Поделишься со мной? — проворчала Рада, которой уже надоело наблюдать, как он мусолит свою десну.

— Да кошмар это проклятуший, вот и все! — тяжело вздохнул Гардан. — И, похоже, ты влипла по самые уши. — Он поднял глаза и очень серьезно посмотрел на нее. — Если чутье мое меня не обманывает, то лучше бы вам прямо сейчас запаковать вещички и уехать из столицы. А Ленар пусть напишет какую-нибудь бумажку, в которой отказывается от титула Лорда Страны в пользу своего младшего брата и больше ни на что не претендует.

— Ты же знаешь, что он никогда так не сделает, — заметила Рада.

— Конечно, знаю, — тяжело вздохнул Гардан, проводя ладонью по лицу. — Впрочем, думаю, игра еще не проиграна. Вчера ночью мне не больно-то удалось выяснить, кроме одного забавного факта: Лезвие, что убил жену до'Галина, еще раз наведался в особняк леди Тайрен. Мне удалось подглядеть через окно, как они разговаривают. Он ведет себя буквально как ее хозяин, судя по всему, угрожает ей, и она действительно его боится. Лицо у нее при взгляде на него было таким, словно он в следующий миг должен был ей глотку вырвать. Так что думаю, дело обстоит следующим образом. Кто-то послал его к Тайрен и надавил на нее, угрожая, и она подстроила всю эту идиотскую ситуацию с покушением на тебя.

— Ну, вот сейчас она сюда приедет, и мы это выясним, — Рада устало потерла ладонями лицо. Она встала буквально полчаса назад, но чувствовала себя так, словно пахала

без перерыва месяц. Грозар, это просто какой-то приют для душевнобольных! За все восемь лет на Севере у меня не было такой распрекрасной и веселой недельки, как по возвращении сюда!

— Что? — недоуменно свел брови Гардан, глядя на нее.

— Только что прибыл гонец: миледи Тайрен собирается заглянуть на огонек, — Рада залпом допила свое бренди и плеснула еще. — В свете того, что ты сейчас сказал, думаю, что она будет просить нас о защите или чем-то подобном.

— Ленар с тобой в это время будет? — нахмурился Гардан.

— Будет, — кивнула Рада, и лицо наемника просветлело. — Не бойся, разговаривать с ней будет он, а не я.

— Хвала Грозару Милостивому! — облегченно вздохнул Гардан.

Рада пропустила мимо ушей его комментарии.

— Он просил меня передать тебе, чтобы ты встал под окном и внимательно следил за всем, что происходит в комнате на всякий случай.

Несколько секунд Гардан смотрел на нее, часто моргая, и лицо его все больше вытягивалось:

— Погоди, а как же ненависть ко мне?

— Вот и я тоже удивилась, — хмыкнула Рада.

— Боги! — Гардан покачал головой, шумно выдохнув. — Ленар в очередной раз в своем репертуаре. Он что, думает, что эта баба настолько обезумела, что попытается наброситься на вас прямо посреди белого дня в вашем же собственном доме?

— Или, может, ему просто лень потом пересказывать тебе то, что она нам скажет, — Рада чувствовала раздражение. Все эти разговоры уже порядком ее измотали. — Одним словом, просто сделай, как тебя просили, и все.

— За это с тебя дополнительное денежное поощрение, потому что от заумных речей твоего муженька у меня всегда язва обостряется. И мне понадобится дорогостоящее лечение, — вид у Гардана стал хитрым.

— Язва у тебя обостряется от той дряни, которую ты жрешь в тавернах! — отозвалась Рада, вставая с кресла. — Но денег дам, не волнуйся. А теперь за работу.

Гардан кивнул, поднялся со своего кресла и направился к двери, но та неожиданно открылась ему навстречу. На пороге застыла Лиара, глаза которой испуганно расширились при взгляде на наемника, и она сразу же потупилась, а рядом с ней — маленький Далан. Он на наемника посмотрел с любопытством, и Рада вдруг задалась вопросом, что именно рассказывал Ленар ее сыну о ее телохранителе.

— Милорд, птичка миледи, — картинно раскланялся Гардан и с кривой усмешкой прошел мимо них. Лиара испуганно взглянула ему вслед и скользнула в комнату. В руках у нее был какой-то сверток.

— Мама! А Лиара говорит, что мы с тобой сегодня не будем кататься верхом! — звонко сообщил Далан, подходя к ней. Сегодня он был в бежевой куртке и серых штанах для верховой езды, расшитых узорами с изображением коней дома Тан'Элиан.

— Лиара совершенно права, сынок, — кивнула Рада, бросив быстрый взгляд на эльфийку.

Она ведь еще не говорила ей, что сегодня в особняке ожидают миледи Тайрен, однако девчушка уже знала, что Рада никуда не поедет. Это было подозрительно. Боги, Рада! Да слуги постоянно треплются друг с другом, кажется, даже во сне. Чихнуть не успеешь, как

весь дом будет знать, что ты смертельно болен! А она живет среди них. Однако события вокруг Рады разворачивались с такой скоростью, что уследить за ними было невозможно. И эта девчонка почему-то всегда оказывалась вовремя и именно в том месте, где должна была оказаться.

Внутри едким червячком зашевелилось сомнение. А что, если Гардан был прав, и Лиара действительно следила за ней, передавая эти сведения кому-то? Впрочем, одного взгляда в огромные серые глаза эльфийки было достаточно, чтобы понять абсурдность такого предположения. Рада много времени провела среди колодников, убийц и пройдох, и прекрасно знала, как выглядят глаза человека, который пытается что-то скрыть. словно темные точки прятались в тени ресниц, а сами глаза становились непрозрачными и какими-то очень выпуклыми что ли. Лиара же смотрела чуть задумчиво, склонив голову набок, или неуверенно, или перепугано, но никогда ничего не скрывая. Просто ты становишься параноиком, как и все вокруг тебя. Успокойся уже. Нельзя же никому не верить.

Эльфийка ожидающе взглянула на нее, и что-то из ее мыслей, видимо, отразилось в глазах Рады, потому что Лиара как-то сразу сжалась и отвела взгляд.

— Почему мы не поедem кататься, мама? — любопытно спросил Далан.

— Потому что сейчас у нас будут гости, — сообщила ему Рада и посмотрела на эльфийку: — Разве Лиара тебе этого не сказала?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Она просто сказала, что чувствует так.

— Чувствует... — протянула Рада, пристально рассматривая девчущку. Что-то тут было не так, она буквально печенкой это ощущала: что-то странное, но не опасное. — И почему же ты так чувствуешь?

— Атмосфера в доме изменилась, — Лиара говорила, тщательно подбирая слова и осторожно посматривая на Раду. — После того, как пришло известие о смерти короля, что-то изменилось и стало очень напряженным.

— Вот как, — удивленно вскинула брови Рада и непонимающе нахмурилась: — У тебя есть дар предвидения или что-то такое?

— Не совсем, Рада, — Лиара неловко принялась потирать левой рукой предплечье правой, в которой держала сверток. — Просто ощущение... Я не могу объяснить. Это как когда погода меняется, когда буря приближается, и в воздухе уже пахнет дождем и ветром, хотя туч еще нет на небе.

— Я так понимаю, это какие-то эльфийские штучки? — уточнила Рада, глядя на нее.

— Я не слишком-то много знаю об эльфах, — смущенно улыбнулась в ответ Лиара. — И до знакомства с вами ни одного не встречала.

— Ладно, — Рада помолчала, настороженно прислушиваясь к своим ощущениям. Внутри все было спокойно, значит, Лиара говорила правду. Рада и сама не слишком-то хорошо понимала, что в ней от эльфа, а что — от привитой долгими годами войны внимательности. Брат никогда не учил ее ничему из того, что умел сам, а потом и вовсе исчез, и последние двадцать пять лет от него не было ни слуху, ни духу. Однако, Рада слышала, что Первопришедшие умеют кое-что: считывать атмосферу, улавливать настроения людей, предвидеть события. Это могло помочь. Подавшись вперед, она внимательно взглянула на Лиару: — Скажи, а если, допустим, человек замыслил недоброе или лжет тебе в глаза, ты чувствуешь это?

Лиара ненадолго задумалась, потом осторожно кивнула.

— Да, Рада.

— Сможешь почувствовать, если не смотришь на него?

— Не знаю... наверное, — Лиара слегка потупилась. — Я не всегда могу точно сказать, врет кто-то или нет. Это сложно отследить.

— Ну, хорошо, а угрозу хотя бы можешь ощутить? Угрозу, исходящую от человека? — допытывалась Рада.

— Могу, — кивнула эльфийка, выжидающе глядя на нее.

— Хорошо, — кивнула та. — Тогда мне будет нужно, чтобы ты побыла в саду под окнами вместе с Гарданом и сосредоточилась на нашей гостье, которая скоро придет. Судя по всему, от этой женщины можно ожидать беды, но мне нужно точно знать, в каком она будет настроении. Сможешь сделать?

Лицо Лиары окаменело, и она потупилась, не отвечая. Рада добавила:

— Не бойся, Гардан не так плох, как кажется на первый взгляд. Он тебя не обидит. Мы с ним договорились, и он знает, что с ним будет, если он нарушит слово.

Поколебавшись, эльфийка кивнула, бросив на Раду несмелый взгляд.

— Тогда хорошо, миледи.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнула Рада.

— Мама, а может, если сейчас не получится покататься, отец разрешит вечером выехать в поля? — все это время Далан упорно ждал, когда они договорят, хотя Рада видела, что его едва на месте не подбрасывало от нетерпения. И стоило им замолчать, как мальчишка сразу же с надеждой взглянул на нее.

— Боюсь, что сегодня не получится, дорогой, — покачала головой Рада, и глаза мальчика разочаровано потухли. — Но не волнуйся, обещаю тебе, как только все это закончится, мы с тобой обязательно снова будем кататься вместе. И я уже даже присмотрела для тебя чудесного коня, которого ты получишь на день рождения.

— Что, правда?! — мальчишка расцвел, глядя на нее влюбленными глазами. — Коня? Мне? У меня будет свой конь?!

— Да, сынок, — мягко улыбнулась Рада, потянувшись и потрепав его по волосам. — И подождать осталось совсем немного: день рождения-то твой уже через два дня. Так что давай-ка, подожди меня еще денек, и я вся твоя, договорились?

— Да, мама! Вот это да! — Далан повернулся к Лиаре и восторженно заверещал: — Ты слышала, Лиара? У меня будет собственный конь! Настоящий и совсем мой!

— Поздравляю тебя, — улыбнулась ему эльфийка, мягко тронув его плечо. Лицо у нее просветлело, наполнившись искренней нежностью. — Ты будешь великолепно смотреться в седле. Лучше всех!

— Ага! — радулся мальчик. А Лиара подняла глаза на Раду и протянула ей сверток:

— Ваши кинжалы, Рада. А одежду я потом отдельно принесу, уж больно приметный тючок получается.

— Да забудь про нее, — махнула на нее рукой Рада, забирая сверток и откладывая его на стол. — Я уже все сказала Ленару, так что можешь на этот счет не переживать.

— Как прикажете, — склонила голову эльфийка. — А когда мне нужно быть в саду?

— Чем раньше, тем лучше. Отведи Далана к наставнику, а потом найди Гардана. Он у южной части здания. Будьте там.

— Хорошо, Рада, — кивнула Лиара, и, бросив на нее еще один взгляд, приобняв мальчика за плечи, повела его к двери. Сын не унимался, продолжая радостно верещать о своем подарке.

Когда дверь за ними закрылась, Рада размотала сверток и вытащила оттуда три своих кинжала. И, подумав, аккуратно упрятала их за пазуху и отвороты сапог. Тайрен вряд ли стала бы набрасываться на нее и Ленара с ножом, но осторожность никогда не мешала.

Ореховый кабинет располагался на первом этаже, в южной части особняка, и использовался Ленаром для переговоров с незнатными дворянами. Он был достаточно шикарным для того, чтобы не оскорблять чувства переполненных самолюбованием благородных, однако не настолько официальным, как гостиные, где богатство дома Тан'Элиан могло вызвать зависть и затаенную злость гостей. Проклятый политес!

Ленар уже ждал Раду, сидя в небольшом кресле из орешника лицом к окну. Стены кабинета были обшиты панелями из ореха, в тон им была подобрана мебель, выполненная в тяжеловесном стиле начала прошлого века. На стене висело старинное оружие, отполированное до блеска, с рукоятками, изукрашенными серебром и драгоценными камнями. Большие каминные часы тоже были выполнены из серебра и изукрашены изображениями оружия, доспехов и щитов. Раде вдруг пришло в голову, что Ленар не просто так выбрал именно этот кабинет для встречи с леди Тайрен, хоть и использовал его достаточно редко. Обстановка должна была навести ее на мысль о том, что сдаваться и сдавать Раду властям они не собирались. Все-таки я чересчур бестолкова для всех этих тонкостей. Мне бы даже и в голову не пришло подумать о том, как выглядит комната, где мы будем ее принимать. С другой стороны: оно мне надо вообще? Проще просто взять ее за шиворот и тряхнуть пару раз, чтобы все мысли о том, как бы получше меня подставить, вылетели из ее напудренной головки!

— Что Гардан? — не поворачивая головы, спросил муж.

— Уже здесь, занял свое место под окнами, — отозвалась Рада, подходя к нему и присаживаясь рядом за стол. Тот только кивнул, задумчиво глядя в пространство.

Рада вытянула ноги и тяжело вздохнула. Кресла здесь были с короткой спинкой и жутко неудобные: не развалиться, а это означало, что ей придется ерзать во время всей беседы. И ведь еще неизвестно, сколько эта беседа продлится. К счастью на резной столешнице уже стояла хрустальная пепельница и свеча для нее, и она полезла за пазуху за трубкой. Ленар был погружен в себя и внимания на это не обратил, потому Рада неторопливо набила трубку и раскурила ее от свечи. За все это поганое утро она успела устать так, что теперь внутри разливалось тупое равнодушие. В конце концов, если леди Тайрен попробует особенно сильно извиваться и юлить, можно будет хорошенько пугануть ее. Раду ведь и так считали опасной, а завтра могли объявить государственной преступницей, так что терять ей было нечего. А Гардан с Лиарой послушают, о чем пойдет речь, и, может, смекнут, что делать дальше. Одним словом, ее участие во всей предстоящей беседе сводилось к минимуму, поэтому Рада откинула голову назад и выпустила в воздух над собой три серых дымных колечка. А если кто-нибудь из этих бхар попробует накинуть тебе на шею петлю, ты тоже будешь пускать колечки? Над ее головой, тихонько позвякивая, покачивалась хрустальная люстра, и Рада оскалилась. Да. Только перед этим наконец-то уже кого-нибудь убью. И на этот раз взаправду.

===== Глава 10. Точка кипения =====

Косые лучи солнца заливали осенний парк, и в его световых спицах деревья казались обсыпанными мелкой золотой пудрой. Настоящие осенние дымки еще только-только начинались, и Лиара, как и всегда, с замиранием сердца ждала времени, когда они войдут в полную силу, и весь мир накроет прозрачная тихая шаль, легкая, будто сотканная из лесных

паутинок. И кроны деревьев будут медленно желтеть под густо-синим небом, а ноги утонут в шершавом покрывале из сухих листьев, с которыми начнет забавляться бродяга-ветер, закручивая их в маленькие водовороты. Леса станут прозрачными и легкими, просматривающимися насквозь, и какими-то задумчиво-засыпающими. И свет солнца будет падать на усталые за долгое лето плечи деревьев, рассеянный и золотистый, процеженный сквозь небесное сито, разбиваясь на тонкие ниточки отдельных потоков, дрожащим маревом застывших в воздухе. И их можно будет почти что потрогать — только протяни ладонь и подставь ее солнцу.

Ветер дул с востока, слегка клоня кроны деревьев в одну сторону, срывая с ветвей только-только начавшие засыхать листья. Только вот бдительные садовники не давали им мягким ковром укрыть землю, безжалостно собирая их каждое утро в большие сухие кучи на открытом месте. А ветер насмеялся над ними, принимая правила игры и набрасываясь на эти кучи, разбрасывая их в стороны, заставляя садовников хмуриться и начинать свою работу заново. Бессмысленную работу, как казалось Лиаре. Все в этом городе занимались бессмысленной работой, подрезая кусты, выравнивая дорожки, останавливая рост деревьев, словно боялись, что в один прекрасный день природа откроет свои зеленые глаза и с хохотом пробьет сочными ростками полы и крыши их домов, прорастет травой сквозь широкие плиты проспектов, оплетет плющами неподатливый пыльный камень домов и раскочует, развалит старые стены в пыль.

Впрочем, леса в Мелонии чувствовались Лиаре старыми. Казалось, что они уже отжили свой век, устав бороться с упорными человеческими руками, вырубаями деревья на дрова, распахивающими все новые и новые поля, выжигающими рощи под новые пастбища, и теперь просто дремали, нечувствительные и потерявшие интерес ко всему, лишь вяло реагируя, когда людские топоры начинали вновь гулять по их зеленой плоти. Интересно, есть ли в мире еще такие места? Те, что помнят свободные ветры и свежую зарю, разгорающуюся на востоке в первый день мира. Те, что по ночам видят сны о звездопадах и хвостатых огненных кометах, а в прохладной тишине, на мягком ложе из мха у их корней спят старые сказки, уже давно забытые смертными или никогда ими не слышанные.

Что-то тихонько начало разворачиваться в груди, медленно-медленно, как бутон цветка, и Лиара взмолилась Молодым Богам, чтобы те не дали ей утратить это ощущение. Стихи всегда приходили к ней, словно белые бутоны кувшинок, начинавшие медленно подниматься из темной воды на рассвете, раскрывающие лепестки навстречу солнцу. Только сейчас было не то самое время, когда стоило записывать строчки. Сейчас Рада дала ей задание, причем не самое приятное, однако Лиара хотела выполнить его. А потому она попросила Богов о том, чтобы они сохранили нетронутым нежный бутон цветка и дали ему раскрыться позже, в то время, когда у нее будет возможность собрать серебристую росу слов с пушистых пыльников и выплести из нее новые строчки.

Впрочем, ей казалось, что время такое придет не слишком скоро. Атмосфера в доме становилась темнее буквально час от часу. Словно тучи укрыли солнце и набухали, кипя и чернея, и гроза уже начинала ворчать в их глубине недовольным псом. И потому голубое небо над крышей особняка, в котором золотился желтый круг солнца, казалось ей сейчас таким странным, лишним, резко контрастирующим с тем, что происходило внутри дома.

Раде угрожала беда. Лиара чувствовала это еще вчера вечером, когда та приняла решение ехать в город с Гарданом и искать того, кто покушался на ее жизнь, но не решилась ей ничего говорить, боясь, что Рада не поверит. Хоть она и была эльфом, но вела себя

совершенно как человек, а люди никогда не верили в то, что говорила Лиара. А когда ее предсказания сбывались — начинали ненавидеть ее и гнать от себя прочь, прозывая вороньим клеткотом, предвещающим беду. И сейчас, когда она пригrelась у теплого очага этой странной женщины, Лиаре было очень страшно, что та может вышвырнуть ее прочь, услышав то, что ей не понравится.

К утру, когда пришли вести о смерти короля, ощущение угрозы стало еще более острым, и настоящего пика оно достигло сейчас, когда вот-вот в особняк должна была приехать гостья. Лиара не слишком хорошо поняла, кто это, однако внутреннее чутье подсказывало ей, что приезжает она с темными мыслями, и ничего хорошего в связи с этим Раду не ждет.

Ситуацию обостряло и присутствие наемника Гардана, который Лиаре не слишком-то нравился. И дело было не в том, что от него вечно разлило перекишим вином и табаком, и даже не в его масляных взглядах, которые он бросал на нее периодически, нет. От него пахло смертью, сильно и густо, и это гораздо больше беспокоило Лиару, чем все остальное. Этот человек очень много убивал в своей жизни, он не только хорошо умел это делать, но и любил свою профессию, и это заставляло Лиару тревожно сжиматься в его присутствии.

От Рады тоже пахло смертью, но как-то легче, что ли, не так сильно. Это немногo сбивало Лиару с толку. Если песни, что пелись о ней, были правдивы, то за свою жизнь она перебила очень много народу лично и стала виновницей смерти еще большего числа людей опосредованно, через своих солдат, сражающихся с мятежниками. Однако, живую она не производила впечатление человека, склонного к насилию или получающего от него удовольствие. Нет, от нее гораздо больше пахло азартом и жадной поединка, чем наслаждением от чужой боли. Потому в ее обществе Лиаре было не так тяжело, как в обществе наемника.

Эта женщина помогла тебе, и не раз. Ты должна помочь ей в ответ. Так что перестань трястись и стань наконец храброй. Никто тебя здесь не обидит. Впрочем, старые привычки никуда не делись, и она все равно вздрогнула, завернув за угол дома и встретившись глазами с наемником, который разлегся на траве под солнышком и покуривал трубку, опираясь на локоть.

При приближении Лиары его бровь недоверчиво выгнулась, и Гардан чуть прищурился, внимательно разглядывая ее. Под взглядом его почти черных глаз ей всегда было неуютно и казалось, что наемник буквально разрезает ее на кусочки и рассматривает, вертит перед собой каждый из них, пытаясь понять, что она из себя представляет. Так смотрели только те люди, которые ничего не боялись, а Лиара привыкла к тому, что отсутствие страха в большинстве случаев свидетельствует о жестокости.

— Ну и что ты забыла здесь, пташка миледи, в такой час? — с кривой ухмылкой спросил наемник, когда она подошла поближе к нему. — Опять совершенно случайно оказалась там, где происходит самое интересное?

В его голосе звучала насмешка, и Лиара сжалась, чувствуя липкое прикосновение его холодных глаз. Однако, она обещала Раде помочь, а та сказала, что Гардан не сделает ей ничего плохого. Рада дала слово. Я должна ей верить и не бояться. Иначе я никогда не научусь.

Взгляд Лиары скользнул за спину Гардану. Там, за пушными кустами поздних роз, в распахнутых настежь окнах виднелось полутемное помещение кабинета, уставленного мебелью из темного дерева. Едва уловимый запах табака плыл оттуда, и Лиара почему-то знала, что Рада уже там, хоть отсюда видно ее и не было. А еще напряжение продолжало

стабильно усиливаться, капля за каплей, словно кто-то все сильнее и сильнее натягивал и без того уже до предела растянутую струну. Значит, гостья совсем скоро уже должна была приехать.

— Птичка оглохла? Или просто ваши эльфийские уши неспособны воспринимать человеческие голоса? — снова спросил Гардан, но на этот раз в его тоне проскользнула тонкая, словно острая спица, агрессия.

— У меня есть имя, и ты его прекрасно знаешь, — набравшись храбрости, она взглянула на наемника. — А что до того, что я здесь делаю, то все вопросы к миледи Раде. Она попросила меня послушать ее разговор с той женщиной, что сейчас приедет, и попытаться понять, исходит от нее угроза или нет.

— Какой у нас острый клювик! — осклабился Гардан, склонив голову набок и затягиваясь поглубже. Его взгляда Лиара все-таки не выдержала и потупилась. Смотреть в глаза людям ей всегда было тяжело: словно удерживать на кончике пальца остро отточенное лезвие клинка. — А если я проверю твои слова у Рады? Она подтвердит, что давала тебе такой приказ?

— Поступай, как знаешь, — бросила Лиара, проходя мимо него и осторожно усаживаясь на траву, прямо под окнами, в стороне от наемника.

Некоторое время Гардан изучающее смотрел на нее и отвернулся к своей трубке, словно полностью потерял интерес. Однако он тихонько буркнул себе под нос: «Это становится занятно», и Лиара вновь ощутила неприятное раздражение. Она чувствовала за его словами какое-то любопытство, причем крайне сомнительного качества. Словно наемник наблюдал за ними с Радой, как за двумя домашними собачонками, резвящимися на ковре. От этого ее передернуло, но Лиара приказала себе не реагировать. Ее сейчас должна была интересовать только гостья Рады.

Поджав под себя ноги, Лиара расслабилась и затихла, прикрыла глаза, прощупывая атмосферу. Чувство это было странным: словно прикасаешься к окружающему воздуху оголенными нервами. Или как будто вся кожа сходит с тела, и остается только чистое восприятие мира. Это умение было у нее всегда, сколько она себя помнила, и с каждым новым прикосновением становилось только сильнее, только острее.

С закрытыми глазами она могла чувствовать все, что происходило вокруг нее. Раздраженного и напряженного Гардана, который был, словно сдавленная арбалетная пружина, готовая распрямиться в любой миг, сосредоточенного, холодного, спокойного Ленера, полного молчаливой решимости, и Раду. Лиара вдруг удивленно моргнула, едва не потеряв нить ощущений: Рада была веселой. Несмотря на то, что в доме царилон напряжение, несмотря на опасность и беду, нависшую над ними всеми, Рада чувствовалась легкой, беззаботной и смешливой, и искорки золотистого смеха рассыпались вокруг нее, словно звездопад. Это было так красиво и так забавно, что Лиара ощутила, как сама улыбается. Казалось, на свете не существовало ничего, что могло бы сломать эту женщину или хотя бы задеть ее. Поистине, тебе благоволят Боги, Рада Тан'Элиан. И почему только глупые люди называли тебя Черным Ветром? Чего в тебе точно нет, так это черноты. Только золотые искры и смех.

Атмосфера в доме изменилась, и кто-то другой вошел в парадный вход. Лиара не открывала глаз, концентрируясь на человеке, который приближался, ощупывая его, осматривая со всех сторон. Женщина, возраста примерно пятидесяти-шестидесяти лет, все еще очень молодая и живая в душе, однако, словно покрытая маленькими язвами. Они

испещряли всю ее, и в каждой дрожала крохотная неправильность, как дергающийся червячок. Все эти неправильности собирались внутри во что-то темное и перекрученное, и Лиара ощутила: любопытство, нездоровое любопытство ко всему и всем, на котором выросла сухая корка чинности и показного благочестия. А внутри: вечные сомнения, зависть ко всем другим, желание свободы, вывернутое и выразившееся в стремлении лишить этой свободы других. Эта женщина не была злой, нет, но в ней было слишком много подавленного, упрямого глубоко внутрь, выродившегося из-за невозможности развиваться, и оттого она и стремилась контролировать жизни других людей.

А еще от нее исходило ощущение тревоги и страха, сотрясающее ее с головы до ног. Снаружи держалась тонкая, хлипкая видимость спокойствия и самодовольства, а внутри дрожал почти что животный ужас, холодный и липкий, словно болотный ил. Лиара скривилась и непроизвольно отерла ладони о платье. И после этого ты еще думаешь, что боишься всего на свете! Вот, кому по-настоящему страшно.

Женщина приближалась, проходя через весь дом, и ощущение страха только усиливалось, а сквозь него прорастала лихорадочная, истерическая надежда. Лиаре не нужно было слышать звука открывшейся двери и отодвигаемых стульев, когда милорд и миледи Тан'Элиан вставали из-за стола, приветствуя гостью. Ей было достаточно того, с какой жадностью всколыхнулась в той надежда, а потом медленно опала, оставшись напряженно дрожать где-то в глубине.

Пока они приветствовали друг друга, обменивались причитающимися случаю любезностями, Лиара пыталась найти угрозу в госте, но не могла. Та боялась так, что оставалось удивляться, почему от страха у нее до сих пор не разорвалось сердце, и она еще не упала замертво, однако крепко держала себя в руках, не демонстрируя этого ни одним жестом.

— Это такой страшный день! — в голосе ее звенела притворная печаль, под которой содрогался в конвульсиях ужас. — Наш прекрасный молодой король, скончавшийся так скоропостижно! Это черный день для всей Мелонии, а через нее — и для всего мира.

— Истинно так, леди Тайрен, — спокойно проговорил в ответ Ленар. — Дом Тан'Элиан скорбит о гибели короля. И нам остается лишь надеяться, что выборы нового правителя состоятся как можно скорее.

Ужас взметнулся в госте (Тайрен?), затопив ее целиком, черной волной ударив ей в голову и едва не сметая все выстроенные ей барьеры. Лиара чувствовала напряжение, нарастающее с каждой минутой, и ее колебания. Женщина хотела сказать что-то, но не знала, как начать, не знала, с какой-то стороны подойти.

— Милорд Тарвен сказал мне, что вы не будете выдвигать свою кандидатуру на выборы, милорд Ленар? — в голосе ее был скорее не вопрос, а утверждение, но надежда почему-то стала сильнее.

— Выборы меня не интересуют, леди Тайрен, — отозвался Ленар. — Я вполне доволен своим местом в Совете и возложенными на меня обязанностями, я выполняю их тщательно и аккуратно и не хотел бы большей нагрузки, которая снизила бы качество моей работы на благо Мелонии...

Слова текли мимо Лиары, не касаясь ее, а она все упорнее шла и шла вглубь того, что лежало за словами, пытаюсь понять, что же на самом деле хочет от супругов Тан'Элиан эта женщина. Она сейчас походила на поплавок на поверхности воды, вокруг которого во все стороны бежали круги. Чем ближе тема беседы подходила к тревожащему ее факту, тем

сильнее поплавок начинал скакать, а круги — разбежаться в стороны. Однако пока еще она удерживала себя от каких-либо резких слов и комментариев. Они с Ленаром обсуждали политику при дворе, выборы короля, возможных кандидатов. Истериически биться поплавок начинал при именах Гелата Тан'Камардана и Аспара Тан'Самара. При этих же словах напрягались и остальные участники беседы. Лиара не слишком хорошо понимала, что к чему, однако эти двое явно беспокоили всех троих, и сильнее всего — их гостью.

Время шло. Солнце медленно ползло по небу, то и дело укрываясь за пушистыми боками облаков, шуршали на ветру отяжелевшие с лета листья деревьев. Мимо, любопытно поглядывая на них с Гарданом, то и дело слонялись садовники: судя по всему, в доме шло горячее обсуждение визита леди Тайрен и его истинных причин, и эти малые пытались хоть что-то разузнать. На каждого незваного любопытствующего Гардан смотрел такими глазами, что те сжимались в комок и старались как можно скорее убраться подальше, уже не рискуя ничего подслушивать. Остальную часть времени наемник просто тихо лежал на траве, изредка переворачиваясь, покуривал свою трубку и шурился на солнце, похожий на кота, мирно отдыхающего на полянке после плотного завтрака. Однако взгляд у него был сосредоточенный и погруженный внутрь, а уши едва не шевелились в густой невымытой гриве кое-как собранных в хвост волос, почти что физически вытягиваясь в сторону окна.

Спокоен был и Ленар, ведя диалог с леди Тайрен так, словно у них в запасе было все время мира, а мнение того или иного лорда по поводу смерти короля действительно что-то значило. Однако Раде, судя по ощущениям, начало все это надоедать. Ее нетерпение и раздражение росло примерно с той же интенсивностью, как страх и дрожащая надежда леди Тайрен, и теперь она больше всего напоминала Лиаре готовый в любой миг взорваться вулкан. Они сидели друг напротив друга: одна все больше боялась, другая все больше бесилась, и спокойный Ленар в центре уж точно не мог их уравновесить. А это означало, что в любой миг должен был разразиться взрыв. Лиара, затаив дыхание, следила за тем, как растет это напряжение, пока, наконец, гнойник не прорвался.

Как раз в тот момент, когда леди Тайрен заканчивала свою крайне пространную тираду о возможной поддержке Лорда Страны Тан'Вазара, а внутри нее все тряслось, будто желе, которое подбрасывали в воздух, Рада и не выдержала. Кипение ярости в ней достигло той критической точки, когда все, буквально в один миг, успокоилось, она громко хлопнула ладонью по столу и ужалела, словно змея, в самое больное:

— Это все, конечно, прекрасно, Тайрен, и просто ужасающе интересно, но мне гораздо больше хочется знать, какой бхары ты наняла убийцу, пырнувшего меня ножом?

После этих слов воцарилась ледяная тишина, в которой послышался только тихий смешок Гардана. Из комнаты ощущалось неудовольствие Ленара, ярость Рады, холодная и готовая крушить все вокруг себя, и панический ужас Тайрен. По ощущениям, она должна была бы уже валяться на полу и пускать пену, но женщина в последний раз попробовала хоть как-то защититься.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, ми...

В следующий миг послышался грохот чего-то тяжелого, ударившегося об стену, и ледяной голос Рады.

— Все ты понимаешь, кумушка. Но раз ты хочешь поиграть, что ж, давай поиграем.

С грохотом на пол полетело что-то массивное, разлетелась вдребезги посуда, загремел по паркету металлический предмет. Тайрен взвизгнула, что-то вскрикнул Ленар, и рычание, почти что животное, приглушенное и угрожающее, сорвалось с губ Рады:

— А теперь, дражайшая моя, ты ответишь мне на несколько вопросов. Согласна?

— Милорд Ленар, помоги...

Звонкий шлепок, одновременно с визгом, а за ним вновь рычание Рады:

— Рот закрой, бхара продажная! Милорд Ленар тебе ничем не поможет! А если ты еще сомневаешься в моих намерениях, то послушай вот что: завтра меня по ложному обвинению вздернут за убийство короля. Думаешь, мне не начхать с горы на твою жизнь? Думаешь, я не смогу вскрыть твоё мягкое горлышко и насладиться напоследок твоим бульканьем? Так вот ты зря так думаешь, цыпочка! Меня вы уже все вконец заели, клопы проклятые! И я тут все разнесу к бхаре, и тебя заодно, если ты мне прямо сейчас не расскажешь, кто и кого нанимал! Тебе ясно?

— Да, да, ясно! Я все скажу! Только не бейте! — изо всех сил завизжала Тайрен.

Лиара не выдержала и аккуратно привстала с травы, чтобы заглянуть в окно. Сорвался с места и Гардан, приглушенно фыркая в кулак и качая головой. На лице его была широкая улыбка, а все напряжение спало, будто его и не было. Игнорируя наемника, Лиара осторожно заглянула в окно так, чтобы ее голову не было видно за белыми тюлевыми занавесками, полощущимися у самого края рамы.

Стол был перевернут и валялся в стороне, по паркету быстро расползлось большое мокрое пятно от вылившегося из кувшина вина. Все вокруг было в черепках, расшвыренные кресла торчали ножками к потолку. В дальнем конце комнаты стоял Ленар, прикрыв лицо рукой с усталым, изможденным видом, а возле самого окна, опрокинувшись на спину, лежала миледи Тайрен, и над ней, перехватив ее одной рукой за волосы, а другой приставив к дергающемуся от страха горлу, склонялась Рада. Что-то звериное сейчас было в оскале белоснежных клыков и ярко горящих ненавистью глазах, в том как растрепались ее золотые волосы, в румянце, полыхающем на щеках. Лиара взглянула на нее и внезапно поняла, что вот такой ее все и видели: жестокой, алчной до крови, получающей наслаждение от убийства и драк. Это объясняло все.

Вот только под этим азартом, под этой искаженной маской ярости золотился и кипел, выбрасывая фонтаны брызг, бурлящий, как весенний ручей, смех. Лиара удивленно сморгнула: да, Рада была в ярости, но ей было и смешно, смешно до колик, так заразительно и заливисто, что хотелось хохотать вместе с ней.

— Начинай! У тебя есть ровно минута на то, чтобы объяснить мне эту твою интригу. Ты смогла кудахтать целый час ни о чем, значит, сможешь уложиться в минуту с важными вещами, не так ли?

Лиаре было не слишком хорошо видно лицо миледи Тайрен, но этого и не требовалось. Она чувствовала, как в той кипел ужас, начавший выливаться вместе с дрожащим голосом с разбитых Радиной пощечиной губ.

— Это все Гелат, все он! Они с Аспаром уже давно собирались отравить короля и Лорда-Протектора и занять их места, чтобы разделить страну пополам. Мне удалось это выяснить, причем совершенно случайно, когда одна из моих девочек подслушала их разговор, — леди Тайрен буквально прорвало, так быстро она все это говорила. — Она передала это мне, но, к сожалению, была недостаточно аккуратна, и о ее обмолвке узнал Гелат.

— Вы говорите о миледи Айре до'Галин? — уточнил Ленар. — Той, что была зверски убита в прошлом месяце, а ее убийцу так и не нашли?

— Да, — закивала Тайрен. — Да. Она была недостаточно осторожна, и тогда они

отправили за ней Вардена.

— Это наемник из Лезвий? — уточнила Рада.

— Да! — Лиара ощутила сильнейший страх, черной волной всколыхнувшейся в Тайрен. — Он пытал Айру, и она рассказала ему, что делилась своими мыслями со мной. И тогда явился Варден. Только он не сделал мне ничего, он лишь передал слова Гелата, что если я выполню одну его просьбу, то все будет в порядке, и они больше не побеспокоят меня. А если нет... — Тайрен начала тихонько истерично всхлипывать, и Рада, ухватив ее за воротник, хорошенько тряхнула, приводя в себя.

— Дальше! — железным тоном приказала она. — И не скули тут. У меня от этого голова болит.

— Варден приказал мне нанять какого-нибудь нищего наемника из самых плохоньких и заплатить ему за то, чтобы тот убил тебя. Они прекрасно понимали, что это не получится, потому что о тебе говорят, что ты очень сильна и за версту чувствуешь убийц. Но им нужно было привлечь твое внимание и заставить тебя гоняться за этим наемником, пока они украдут что-нибудь из твоих вещей, чтобы подбросить королю, а потом обвинить тебя в его убийстве!

— Ну вот что за бхары, а? — поморщилась Рада. — Ладно! А ты чего тогда сюда притащилась? Разнюхиваешь для них, да? — в голосе ее вновь появилось угрожающее рычание.

— Грозаром клянусь, Рада, нет! — снова заверещала фальцетом леди Тайрен. — Я за защитой приехала! За защитой!

— А чего ты тогда час зудела про какую-то бхарню?! — зарычала ей в лицо Рада. — Довела меня до белого каления, заставила мебель поломать! Неужели нельзя было просто взять и сказать, что тебе нужна защита?!

Гардан за плечом Лиары прыснул и вновь покачал головой, леди Тайрен заверещала что-то уж совсем неразборчивое, а Ленар сделал шаг вперед, нагибаясь и дотрагиваясь до плеча жены.

— Рада, хватит, отпусти ее. Поговорим нормально.

— Я что, ненормально говорю? — огрызнулась Рада. — Я распроклятый час слушала бредятину, которая из нее сыплется! «Милорд Вамон то, Милорд Амброн се!» — передразнила она высоким голосом, еще раз хорошенько тряхнув Тайрен. — И с меня хватит! Так что говори немедленно, что происходит!

— Они сейчас у Лорда-Протектора! — не своим голосом завизжала Тайрен. — Они заставят его написать предсмертную записку, что он в стоворе вместе с тобой и Ленаром убил короля, а потом вздернут его! Они вздернут его, Рада!

— АААААААА! — не своим голосом заорала Рада, поднимая лицо и руки к небу в бессловесном рыке. Гардан за спиной Лиары заржал в голос, а Тайрен под Радой сжалась в комок, дергаясь, прикрывая лицо руками в и в бессловесном ужасе глядя на нее. Рада зыркнула на нее и проорала: — Тупая, бестолковая, бессмысленная курица! Какой бхары ты здесь час распиналась о всякой бхарне?! За это время мы еще могли успеть спасти Тарвена, а теперь все, он, скорее всего, уже мертв!

— Не бей! Не бей меня! — завизжала Тайрен.

Рада с гадливостью взглянула на нее, слезла с нее и запихнула в карман куртки кинжал.

— Что ты собираешься делать? — с опаской взглянул на нее Ленар. Лицо у него было напряженным, будто Рада была бешеным разъяренным зверем, который при любом его

неловком движении мог на него наброситься.

— То, что надо было делать с самого начала! — огрызнулась Рада. — Это только вы тут можете сопли бантами завязывать, а с меня хватит! Гардан! Лиара! Немедленно сюда! — рявкнула она, повернувшись к окну, и Тайрен на полу вздрогнула, в ужасе глядя туда.

Наемник без лишних слов ухватился за подоконник, подтянул себя вверх и уселся верхом на окне. Лиара и охнуть не успела, как его жилистая рука с легкостью подхватила ее под плечи и приподняла, Гардан перенес ее через подоконник, поставил на пол и сам спрыгнул следом. При виде его леди Тайрен заскулила и отползла прочь к стене, свернувшись в комок и укрывая голову руками, словно ее вот-вот сейчас должны были начать бить.

— Чего изволите, Черный Ветер? — картинно поклонился Гардан, взмахивая грязной по подолу полой плаща. — Рад, что вы наконец-то сами перестали эти банты вязать, и мы можем начать заниматься делом.

— Рот закрой! — зарычала Рада. Вид у нее был грозный, брови сошлись к переносице, а плечи буквально раздувались от ярости, когда она шумно дышала. Резко развернувшись к Тайрен, она рявкнула: — Кто пойдет убивать Лорда-Протектора? Варден твой?

— Да! Да! — неистово закивала та.

— А где Гелат с Аспаром? Ты знаешь?

— Во дворце милорда Гелата. Они созвали званый обед для своих клятвенников, чтобы на время убийства Лорда-Протектора у них было алиби.

— Сколько там стражи?

— Много, Рада! Как минимум пару сотен!

Рада повернулась к Гардану и выразительно взглянула на него.

— Я подготовлю лошадей, миледи, — поклонился наемник. Улыбка так и растягивала его губы, однако в голосе появилось почтение. И Лиара могла понять почему.

Рада вновь кардинальным образом переменилась. Если вчера она была просто умирающей от безделья дворянкой, которая с проказливым видом удирала от мужа ночью из окна, словно кот, ищущий приключений; всего час назад — давящейся хохотом и при этом разъяренной кошкой, дергающей хвостом по полу и с трудом терпящей глупость и трусливость других; теперь она стала холодной, расчетливой, ровной, как стрела, и во взгляде ее синих глаз не было ни страха, ни колебания, ни скуки. Только одно: сосредоточенность.

Рада кивнула ему, и Гардан развернулся и выбрался на улицу через все то же окно. Взгляд Рады переместился на мужа, и он был таким твердым, что Ленар непроизвольно выпрямился, выжидающе глядя в ответ.

— Отведи миледи Тайрен куда-нибудь, откуда она не сможет удрать и попытаться спасти свой тощий зад в очередной раз, сдав меня Гелату. Посади ее под замок и проследи, чтобы сторожили только лучшие, те, кто служит у тебя больше десяти лет.

— Сделаю, Рада, — кивнул Ленар, однако выходить из комнаты не торопился. Он пристально смотрел на жену, нахмурившись и пытаясь понять, как вести себя дальше. — Я надеюсь, ты не собираешься в одиночку спасать Лорда-Протектора?

— Именно это я и собираюсь сделать, — проворчала Рада. — Если из-за этой тупой курицы еще вообще есть, кого спасать!

— Это опасно, Рада! — серьезно взглянул на нее Ленар.

— Опасно сидеть на мягком месте ровно и думать о том, как бы обдурить всех

других, — вот что опасно! Потому что пока ты думаешь и строишь свои хитромудрые планы, тебе запросто могут прострелить башку! — Рада смотрела на мужа очень хмуро, и на этот раз было видно, что слушать его доводы она не собирается. — Так что будь добр, Ленар, не зуди. Сейчас не то время, чтобы препираться. Спрячь эту курицу под замок, окружи себя стражей и жди моего возвращения. — Она нахмурилась, какое-то время раздумывая, потом покачала головой: — Хотя лучше все-таки будет, если ты немедленно покинешь город.

— Нет, я не уеду, — покачал головой Ленар.

— Они могут прийти сюда, и никакая стража тебя не спасет, пока меня не будет рядом! — в голосе Рады звучала настойчивость. — Прикажи запрягать карету попроще без родовых гербов, бери с собой эту курицу и жми со всей скоростью в Ронтис к брату. Там тебе будет безопаснее.

— А ты? — Ленар взглянул на нее.

— Поверь, я управлюсь, — успокаивающе кивнула Рада. В голосе ее звучала угроза. — Я закончу свои дела здесь и приеду к вам с Даланом.

— Нет, — покачал головой Ленар. — Я тебя не оставлю. Ни тебя, ни сына.

— Ну что же ты такой упрямый баран, а? — Рада взглянула на мужа с искренним сожалением. — Я не могу разорваться и следить сразу за всем! Если ты хочешь, чтобы завтра с утра мы все были целы и невредимы, просто поверь мне и уезжай из города.

— Нет, Рада, — твердо ответил Ленар, глядя ей в глаза. — Я вернул тебя с Севера, из-за меня эти твари воспользовались твоим возвращением, чтобы захватить власть, и я не могу просто так взять и сбежать, бросив тебя на растерзание. Я должен остаться здесь и хоть как-то участвовать во всем этом.

Лиара видела, как у Рады ощутимо дернулась правая щека. Несколько секунд она молчала, глядя на мужа и дыша так тяжело, будто прямо сейчас могла броситься на него, скрутить и силой отправить в Ронтис. Через несколько мгновений лицо Рады на миг исказила судорога, она дернула головой вбок и вверх и хрипло проговорила:

— Выстави стражу по всему периметру дома и спрячься где-нибудь, где тебя сложно будет достать. Я вернусь так быстро, как только смогу, и если боги смилостивятся надо мной, то с Лордом-Протектором. И следи, чтобы эта особо одаренная не удрала, иначе всему конец.

Ленар молча кивнул ей, леди Тайрен забилась еще дальше в угол, словно боясь, что напоследок Рада вновь ударит ее. А сама миледи Тан'Элиан резко обернулась к Лиаре, и глаза у нее были такие острые, что та едва не покачнулась от боли.

— А ты — за мной!

Стремительно развернувшись, Рада прошагала к выходу из комнаты и вдруг резко с размаху ударила ногой в створки двери. Те с грохотом распахнулись наружу, и оттуда послышался громкий вопль боли. Лиара успела увидеть, как какой-то служка на карачках отползает от двери, в ужасе глядя на Раду, а на лбу его виднелась громадная кровавая ссадина, от врезавшейся туда дверной ручки.

Рада нагнулась над ним, подхватила его за грудки и прорычала в лицо:

— Подслушивал, щенок?

Парень что-то заверещал в ответ, но она, не слушая, со всего размаху ударила его головой в переносицу. Глаза парня закатились, и он медленно сполз на пол, прямо под ноги Раде. Обернувшись через плечо, та мотнула головой:

— Пошли. Ты нужна мне.

Лиара поспешила следом за Радой, обходя по большой дуге валяющегося без чувств на полу паренька. Кажется, она знала его, — это был тот самый конюшонок, который в первый же ее день в поместье начал к ней приставать. Но что же конюшонок делал в доме?

Рада стремительно неслась сквозь особняк, отмеряя своими длинными ногами метр за метром, и Лиара поняла, что почти что бежит, чтобы не отстать от нее. Златоволосая женщина молчала, однако, Лиара буквально чувствовала, с какой стремительной быстротой мысли проносятся в ее голове. Рада как-то обмолвилась, что не слишком-то хорошо соображает, предоставляя возможность заниматься этим другим, однако сейчас она действовала так стремительно, и план сложился в ее голове так быстро, что Лиара теперь очень сомневалась в том, не притворилась ли она тугодумкой нарочно, чтобы усыпить чужую бдительность.

С грохотом распахнулись двери в комнату Рады, и та в два шага оказалась возле окна, где за занавеской прислоненным к стене стоял меч в черных кожаных ножнах. Подхватив его и начиная опоясываться ремнем, к которому он крепился, Рада бросила быстрый взгляд на Лиару и сухо заговорила, буквально чеканя слова:

— Значит так. Мне нужно, чтобы Далан был в безопасности, а это значит, что его нужно немедленно вывести из особняка. Этот упрямый дурак Ленар откажется куда-либо уезжать, думая, что эти стены его защитят, только он ошибается. В стенах хуже, в стенах — некуда бежать. — Лиара кивнула в ответ на слова Рады, ожидая продолжения. Сама она думала точно также. — Ты — единственная из моих слуг, которых не знают в городе. Я взяла тебя буквально несколько дней назад, и ты не покидала поместья, особенно никому на глаза не попадалась, потому за тобой никто не будет следить, так? — Лиара вновь кивнула, нервно сглатывая. Предчувствие с каждой секундой становилось все хуже и хуже. — А это значит, что ты сможешь увести отсюда моего сына и сделать это незаметно. Мне нужно, чтобы он оказался в безопасности, и я знаю лишь одно место во всем этом поганом городе, где ему ничто не будет угрожать.

— Какое, миледи? — Лиара смотрела на нее во все глаза. Рада подхватила с кресла свой черный плащ и повязала его на плечи, скрепив на горле черненой серебряной булавкой. Повернувшись, Рада взглянула ей в глаза:

— Дом Алеора Ренона Тваугебира.

На этот раз Лиара действительно лишилась дара речи, словно все мысли из головы моментально выдуло сильными порывами осеннего ветра. Имя Тваугебира было в десятки раз страшнее Черного Ветра, и ни одно сказание, которыми пугали детей на ночь, не обходилось без него. Алеор был грозой Этлана, он убивал, калечил и жег без жалости, его невозможно было остановить, а черный демон Тваугебир и серебряная кровь делали его еще опаснее. И теперь Рада Черный Ветер хотела, чтобы Лиара отвезла к нему ее сына.

— Поедешь по проспекту до пересечения с районом гончаров, — быстро заговорила Рада, методично рассовывая по внутренней подкладке плаща тонкие метательные ножи, которые она вынула из своего туалетного столика. В голове было шаром покати, и Лиара очумело заморгала, глядя на это. Зачем ей ножи в туалетном столике? — На улице гончаров свернешь налево и поедешь до желтого здания с башенкой на крыше. Потом...

Лиара внимательно слушала и запоминала, поражаясь сама себе. Я действительно сумасшедшая, раз собираюсь выполнить ее просьбу. Поехать в дом к Алеору Ренону. К Тваугебиру в дом. Рада не обращала ни малейшего внимания на ее реакцию, быстро и аккуратно собираясь, и ее объяснения были сухими и лаконичными.

Она закончила и заставила Лиару еще три раза повторить от начала и до конца всю дорогу до дома Алеора Ренона Тваугебира и только после этого удовлетворенно кивнула.

— Оденься в обноски и мальчишку наряди также. Возьми в конюшне самую старую и большую ломовую лошадь, посади его в седло перед собой и измажь ему лицо грязью, а волосы — пеплом, чтобы со стороны ничто не могло его выдать. — Лиара вновь кивнула. Рада подошла к окну, ухватилась за подоконник, чтобы забраться на него, и остановилась. Она обернулась, и во взгляде ее льдистых глаз на этот раз была смерть. — Если с моим сыном что-нибудь случится, клянусь, я тебя из-под земли достану, поняла?

Лиара вновь непроизвольно сглотнула и неистово закивала в ответ на слова Рады. Та еще несколько мгновений смотрела ей в глаза, потом отвернулась и легко спрыгнула с подоконника вниз.

Грозар, во что же меня впутала эта женщина? Лиара замерла у окна, чувствуя себя так, словно на шее у нее все туже затягивалась петля.

===== Глава 11. Лопнувшие цепи =====

Злыдень и на этот раз попытался заартачиться, но Рада так хорошо поподчевала его каблуками, что жеребец моментально стал на удивление мирным и сговорчивым. Сейчас ей было не до того, чтобы сюсюкать и договариваться. Они окончательно допекли ее, и теперь в груди пульсировала лишь сосредоточенная ярость, придающая сил и вливающая в кровь азарт и энергию.

Гардан пнул своего чалого, и тот резво взял с места в сторону выездных ворот. Злыдень под Радой ревниво всхрапнул и уже по собственному почину ринулся вперед догонять жеребца наемника. Раде оставалось лишь сидеть в седле да покрепче сжимать поводья.

Слуга у ворот еще издали заметил их и, всплеснув руками, кинулся открывать створки. Он торопился изо всех сил, но тяжелая створка отъезжала в сторону невыразимо медленно. Раду вновь захлестнул гнев. Все эти лентяи тут настолько разжирели, что даже не были в состоянии быстро и точно выполнять свои прямые обязанности. Привыкли просиживать весь день и плевать в потолок, пока благородные за ними не смотрят! Ну, я вам всем покажу!

Привратник с криком отскочил в сторону, едва успев убраться из-под копыт коня Гардана, и Рада влетела в открытую створку ворот лишь на шаг позади наемника. Черный прижал уши и заржал, вырвался вперед, и копыта коней загрохотали по широким плитам проспекта. Гардан рядом с Радой вжался в седло и смотрел только вперед, сосредоточенный и спокойный. В сложных ситуациях он умел быстро собраться, взять себя в руки и начать делать то, что необходимо, без долгих рассусоливаний и раздумий.

На дороге в этот час было полно народу. Тянулись в сторону города подводы и телеги, груженные всевозможным скарбом на продажу, шагали запыленные пешие путники, ехали верховые на устало опустивших головы лошадях. И все они в удивлении отскакивали в сторону при приближении всадников, освобождая дорогу, и провожали Раду с Гарданом криками и раздраженными жестами. Вот только сейчас ей было плевать на все.

Наверное, такое состояние бывало у каждого человека хотя бы раз в жизни. Когда ты долго-долго терпел, уступал, ужимался, запихивая свои интересы поглубже, чтобы услужить другим. Вот только это никогда не работало, и Рада знала это с самого начала, с того самого первого раза, как только Ленар заикнулся о ее возвращении в столицу, уже знала, что все пойдет наперекосяк. Потому что внутри сидел крохотный червячок, едкий и колючий, который глодал и глодал истерзанное сердце, шептал на ухо, что она идет не в ту сторону, что делает вовсе не то, чего бы ей хотелось. Мне всегда говорили, что помимо желаний есть

еще и долг. Ярость раскаленным комком тыкала в горло, едва не срываясь с губ рычанием. Так вот это и было настоящее вранье! Потому что это как раз то, чего все очень хотят: чтобы появился один дурак, на которого можно будет повесить все, а тот только услужливо покивает, мол, вешайте, господа, вешайте! Шея-то у меня не переломится! Нет уж! На этот раз пусть этим дураком будет кто-нибудь другой, а не я!

В конце кварталов знати располагался широкий перекресток. Здесь южный проспект пересекался с Золотой Объездной — круговой дорогой, которой пользовались, в основном, дворяне. Не снижая скорости, Гардан дернул чалого за поводья и резко направил туда, едва не врезавшись в лакированную коляску, запряженную шестеркой лошадей, кучер которой разразился в ответ отборной бранью, грозя ему кнутом. Рада тоже заложила вираж, но не такой крутой: Злыдень, когда у него было настроение, слушался поводьев гораздо чутче других лошадей и почти что предугадывал ее следующее движение. Они помчались по круговой дороге мимо фигурных решеток дворянских усадеб, мимо всадников и карет, на север, где располагалось имение Лорда-Протектора.

Все-таки статус второго человека в стране предполагал, что жить он будет если и не так хорошо, как король, то не намного хуже. Потому к востоку от королевского дворца Мелонии, за Золотой Объездной располагалось большое живописное имение, называемое Лебязьим Прудом. Территория его была огромной, да и пруд там был, и даже не один, и на этих водоемах действительно обитали изрядно откормленные жирные лебеди, разрезающие своими белыми телами черную гладь воды, поросшую зеленой ряской. Вокруг прудов был разбит парк, почти что лес, полный старых деревьев, тенистый и тихий, однако ухоженный. Имелся там и большой Разгуляй-Луг, на котором проходили всевозможные праздники, ярмарки и народные гуляния. Во время особо значимых событий Лорд-Протектор открывал нараспашку кованые ворота своего поместья, выкатывал на Луг бочки с вином и бренди, выставлял столы с закусками и приглашал скоморохов, менестрелей, ярмарочных музыкантов и тьму прочих попрошайек, что были не в состоянии заработать на жизнь собственными руками. Народ был доволен вкусной едой и зрелищами, а авторитет Лорда-Протектора в городе неизменно поддерживался на высоком уровне, порой выше, чем королевский.

Сейчас ворота в парадной решетке парка, поднимающейся на высоту трехэтажного дома, были заперты, и лишь отяжелевшие кроны старых дубов склонялись над ними, роняя вниз сухие листья. Сквозь крепкие железные прутья забора просматривались ровные, усыпанные гравием дорожки, на которых не было ни души, а дальше, за темными деревьями — просвет, тот самый Разгуляй-Луг, выходящий прямо на берег одного из озер.

Всадники, не сговариваясь, пролетели мимо въездных ворот, отчаянно понукая коней. Вороной уже начал уставать: Рада чувствовала, как раздуваются у него от натуги бока, видела клочья пены, что срывались с морды. Впрочем, ехать им было недалеко: усадьба Лорда-Протектора располагалась в северо-западной части парка, в тенистом тихом уголке, со всех сторон окруженном вековыми деревьями, где он мог работать в тишине даже в веселые дни народных гуляний.

Еще несколько сот метров, и забор усадьбы Лорда-Протектора закончился. Золотая Объездная бежала дальше, в отдалении виднелось следующее поместье какого-то лорда (за столько лет Рада уже и не помнила, кто там живет), а прочь от дороги через пустырь вдоль забора поместья бежала протоптанная в траве тропинка. Лес уже давным-давно перебрался через забор и знатно разросся вокруг имения Лорда-Протектора, а потому оглядевшись и

убедившись, что за ними с Гарданом никто не следит, Рада быстро съехала с дороги и пустила Злыдня рысью.

Старые темные клены и дубы склонялись над самой решеткой забора, березки и ясени прорастали сквозь нее, перебрались на другую сторону, встав почти непроходимой стеной. Узкая тропинка, которую здесь протоптали, была слишком извилистой и испещренной ямами для того, чтобы ехать по ней быстро, потому Раде пришлось сначала придержать коня, а потом и вовсе остановить его. Как только заросли надежно укрыли их с Гарданом от взглядов с Золотой Объездной, она спрыгнула на землю и примотала поводья Злыдня к толстому стволу клена, надеясь, что тварь ничего не выкинет в ее отсутствие. Впрочем, вороной выглядел усталым после бешеной скачки, он низко опустил голову и шумно дышал, роняя на землю хлопья пены. Рядом спешил Гардан, его чалый был не в лучшем состоянии, чем Радин.

— Пошли, — сосредоточенно бросил наемник, и они вдвоем направились к решетке.

Перекладин у нее не было: лишь вертикальные прутья, между которыми не протиснулся бы и ребенок. Но Рада за свою жизнь уже перемахнула столько заборов, что хватило бы и на десятерых домовников, потому этот большой проблемы для нее не составил. Спрыгнув вниз на мягкий шуршащий ковер из листьев, она отряхнула руки и обернулась на Гардана, замешкавшегося на верхней перекладине.

— Стареем, батенька? — хмыкнула она, складывая руки на груди и глядя на то, как наемник, морщась, перебрасывает через забор ногу и пытается утвердиться на тонкой перекладине, балансируя на самом дорогом. — Али мешает что-то?

— Не у всех же эльфийская кровь, чтобы бабочкой порхать над навозными кучами! — огрызнулся наемник, пытая и кое-как перехватываясь руками, чтобы кубарем не скатиться вниз.

— Смотри не прищечи, — дружески посоветовала ему Рада. — А то все шлюхи Латра и Северного Побережья в слезах утонут.

— Не завидуй!

Перебросив-таки вторую ногу, Гардан извернулся, повис на руках и легко спрыгнул вниз. Дождавшись его, Рада трусцой побежала сквозь заросший парк в сторону имения.

Уже совсем скоро среди деревьев показался светлый угол фасада дома, и они с Гарданом сбавили шаг, внимательно осматриваясь по сторонам. На виду никого не было, лишь откуда-то с другой стороны здания долетали людские голоса и скрежещущий звук, с которым мелкими граблями садовники обычно разравнивали щебень.

Особняк Лорда-Протектора был раза в два больше дома Тан'Элиан. Построенный несколько столетий тому назад и несколько раз после этого перестраивавшийся, он сохранил кое-что от своего первоначального облика: крупные каменные глыбы фундамента, виднеющиеся над ровным гравием дорожки вокруг всего строения, тяжеловесный стиль архитектуры, даже одну высокую сторожевую башню, значительно перестроенную и потерявшую свою первоначальную функцию защиты. Теперь она торчала над крышей здания, скорее, из декоративных целей: бойницы пропали, и на их месте виднелись окна в человеческий рост, на самом вершине башни находилось круглое помещение обсерватории с прозрачной купольной крышей и большими окнами.

Что касается самого особняка, то строение имело три этажа и было выкрашено в желтый цвет, а выдающиеся декоративные колонны на фасаде — в белый. Раде было хорошо видно небольшую полуоткрытую дверь буквально в двадцати метрах от них с Гарданом. Там

должны были располагаться помещения слуг, а это означало, что оттуда можно пройти в жилые помещения наверху по узкой лесенке, и даже был шанс остаться незамеченными.

Замерев в невысоких кустах возле дорожки вокруг дома, они с Гарданом внимательно осмотрелись, следя за тем, не появятся ли в округе слуги.

— Ты знаешь, где его покои? — приглушенно спросил наемник.

— Не слишком хорошо помню, — призналась Рада. В гостях у Лорда-Протектора она была всего два раза вместе с мужем, и было это еще до ее отъезда на север, лет десять тому назад. Однако, покопавшись в памяти, Рада все-таки припомнила: — Кажется, на третьем этаже, в северной части здания. Рядом с ними — его рабочий кабинет.

— Хорошо. Значит, войдем здесь, — он махнул рукой на полуоткрытую дверь. — И будем надеяться на то, что он еще жив.

У Рады на душе скребли кошки, и она только поморщилась в ответ. Гардан надеялся на лучшее, однако из-за того, что трусливая курица Тайрен тянула время, кудахтая ни о чем, шансы на выживание Лорда-Протектора были минимальными. Скорее уж стоило молиться о том, что его тело и предсмертную записку еще не обнаружили. Тогда у них был шанс забрать ее и уничтожить, пока проклятую бумажонку не использовали против нее. Но успех этого плана зависел оттого, заметят их с Гарданом слуги или нет. Выручай, Грозар! Сейчас мне нужно все везение, которое ты мне когда-либо отмерял!

Рада кивнула наемнику двигаться за ней следом, а потом низко пригнулась и метнулась через открытое место перед домом до самого фасада. Наемник следовал за ней, лишь едва шурша сапогами по мелкому крошеву камня. Прижавшись к фасаду, они вдвоем заскользили в сторону открытой двери. Оттуда не доносилось ни звука. Осторожно завернув за дверь, Рада вошла в полутемное помещение коридора.

Здесь потолки были низкими, затхло пахло человеческим жильем, кухней и мокрым бельем. Сморщив нос, Рада заскользила вдоль коридора, чутко прислушиваясь и бесшумно ставя на каменные плиты пола обутые в мягкие сапожки ноги. Гардан скользнул за ней следом, почти что ужом втек в дверную щель и прижался спиной к стене.

В коридоре было пусто, лишь у стены стояло оставленное кем-то ведро и прислоненная к нему швабра. Рада аккуратно обогнула ее и заскользила дальше. Впереди виднелись две полуоткрытые двери. Из-за левой доносились приглушенные человеческие голоса и смех, за правой кто-то негромко кашлянул.

Ну, раз слуги потешаются, то в доме еще неизвестно, что Лорд-Протектор мертв. И то хорошо. Кивнув Гардану, Рада бесшумно проскользнула мимо дверей и сразу же свернула за угол, в коридор, тонуший в тенях. В его конце в темноте намечались очертания узкой винтовой лестницы с дубовыми перилами, ведущей наверх. Туда-то им и нужно было, а потому они с Гарданом быстро пробежали коридор и принялись карабкаться вверх по ступеням.

Лестница вывела на второй этаж, в неприметную каморку между двумя высокими дверьми. Рада сунулась было к правой, но оттуда послышались громкие шаги, и они вдвоем с Гарданом метнулись за дверь, сжавшись в темном углу. Дверь распахнулась, служка в голубой с серебром ливрее протопал прямо мимо них, неся в руке ведро с водой и длинную швабру. Устало пробормотав что-то себе под нос, он ногой приоткрыл себе дверь на лестницу и загромыхал вниз по ступеням.

Вывернув из угла, где они прятались, Рада первой заглянула в зал. Там не было ни души, лишь позолота стен и дорогой наборный паркет, да тихонько покачивалась над головой

хрустальная люстра.

— Может, лучше через помещения для слуг? — едва слышно прошептал Гардан.

— Ты думаешь, там народа меньше? — фыркнула Рада. — К тому же, нам нужно на третий этаж, а лестницы вверх я здесь не видела.

Поколебавшись, Гардан кивнул, и они вдвоем побежали через тихий и пустой зал. О поместье Лорда-Протектора в Латре ходили легенды: говорили, что обстановка в нем еще шикарнее, чем в королевском дворце, и Рада готова была с этим согласиться, учитывая количество золота и лепнины на стенах, однако сейчас ей было не до того. Скрючившись так, чтобы их не было видно сквозь высокие окна с улицы, они с Гарданом неслышно бежали насквозь зал за залом, пока еще не встречая здесь ни одного человека.

Чуткий слух Рады уловил тихий шелест шагов за несколько мгновений до того, как дверь в очередное помещение открылась. Она резко толкнула в сторону Гардана, почти что вжимая его спиной в стену и укрывая их обоих длинной полой тяжелой занавеси. Наемник стойчески не издал ни звука, врезавшись спиной в выдающийся в комнату подоконник, но поморщился, укоризненно глядя на Раду. Она приложила палец к губам, выразительно подняв брови, когда по залу мимо них прошелестели туфельки какой-то горничной, и только когда следующая дверь за ней закрылась, позволила наемнику выбраться из занавески.

— Осторожнее! — проворчал Гардан, потирая поясницу и бросая на нее хмурые взгляды. — Ты мне чуть спину не сломала.

— Не развалишься, — ответила Рада, увлекая его в следующий зал. — И сам знаешь, если бы девка нас увидела, визгу было бы столько, что сюда сбежался бы весь особняк.

При взгляде на следующий зал сердце Рады торжественно застучало в груди: это оказалась парадная опочивальня. Посреди помещения стояла громадная кровать под тяжелющим балдахинном, такая высокая, что вскарабкаться на нее можно было лишь по приставной лесенке, и укрытая шелковым домотканым покрывалом, на стоимость которого можно было купить четверку отборных жеребцов. Естественно, что никто из домочадцев на этой кровати не спал, и стояла она здесь лишь для того, чтобы поразить своей роскошью взоры гостей имения. Ну, и для того, чтобы по ночам на дорогих подушках кувыркались лакеи со служанками, воображая себя благородными. Однако в таких парадных опочивальнях всегда были потайные двери для слуг, на тот случай, если во дворец все-таки заселятся гости, которым взбредет в голову спать на этой матрасной горе. За тайными дверками обычно скрывались лестницы, соединяющие все этажи дома, и на них слуги с завидным постоянством подслушивали своих хозяев и их гостей, чтобы потом выгодно нажиться на этой информации.

Рада уже направилась было к задней стене, внимательно оглядывая затейливый орнамент обоев на предмет искусно спрятанных дверных петель, когда дверь в покои неожиданно распахнулась.

Только приобретенная на севере скорость реакции и спасла их обоих. Они с Гарданом упали на пол и вкатились под кровать как раз в тот миг, когда служка вошел в помещение и прикрыл за собой дверь. С пола сразу же поднялось целое облако пыли, и Рада зажала себе рот и нос ладонью, чтобы не чихнуть в неудачный момент. То же сделал и Гардан, раздраженно хмурия свои черные брови. Рада в ответ выразительно зыркнула на него. Можно подумать, я просто в восторге от того, что происходит! Но по-другому в кабинет Лорда-Протектора мы попасть не можем!

Слуга задержался в зале, свистя себе что-то под нос и расхаживая вдоль стен. Раде были

видны его ноги в мягких войлочных чунях, какие носили слуги, чтобы не повредить лакированным наборным паркетам. Слуга пританцовывал на месте и уходил явно не собиравшись. А еще слышался тихий шелест, как когда что-то натирали тряпкой. Он что, собрался тут всю комнату вымывать?

Увесистый тычок кулаком заставил Раду оглянуться на Гардана. Тот выразительно приподнял брови, показывая на ноги слуги. Судя по его виду, наемник имел в виду, что паренька надо тихо скрутить, и в этом Рада была с ним согласна. Этот идиот своей тряпкой сейчас стирает драгоценные минуты из моей жизни! Не говоря уже о том, что если мы упустим записку Лорда-Протектора, мне конец! Резко кивнув Гардану, Рада выкатилась из-под кровати.

Паренек удивленно обернулся на приглушенный звук, а потом с криком опрокинулся на спину, когда Рада подсекла его обеими ногами. Ударившись об пол, он приглушенно охнул, но больше ничего сделать не успел: сапог Рады врезался ему в голову, и паренек лишился чувств. На вид, ему было около двадцати лет, даже щетина еще не росла, а подростковые прыщи пятнали щеки. Из-под кровати высунулись руки Гардана, и наемник быстро втащил мальчишку за ноги на то место, где они только что с Радой прятались сами.

Выбравшись с другой стороны кровати, он аккуратно отряхнул одежду и сообщил:

— Хорошо ты его приложила! Полчаса как минимум пролежит.

— Надеюсь, — проворчала Рада, быстро прощупывая выпуклый узор тканых обоев на стене.

Петли были так хорошо замаскированы, что она нашла их далеко не сразу. И выругалась, когда после нажатия на дверную панель дверь не открылась. Внизу среди узора виднелась едва заметная замочная скважина, и Рада кивнула Гардану, отходя в сторону и освобождая ему место.

— Давай. Отмычки у тебя.

Наемник уселся на одно колено и принялся колдовать с позвякивающей связкой тонких металлических палочек. Ему потребовалась лишь минута на то, чтобы замок тихонько щелкнул, и дверь сама собой открылась внутрь. Рада облегченно вздохнула и первой протиснулась в узкое дверное отверстие.

Помещение за дверью было совсем маленьким и темным. На полу лежал толстый слой пыли: видимо, им давно уже не пользовались. Почти что от ее ног вверх начиналась узкая винтовая лестница, и Рада принялась карабкаться по ступеням, пока Гардан закрывал за собой дверь. Как только та встала на место, на них обрушилась кромешная темнота.

— Ты видишь что-нибудь? — пропыхтел Гардан, следом за Радой преодолевая крутые узкие ступеньки. — Потому что я — ничего.

— Не завидуй! — хмыкнула Рада, припоминая инцидент у забора.

— Должна же твоя эльфийская кровь хоть на что-то годиться, — добавил наемник и приглушенно закашлялся от поднятой их сапогами пыли.

И тут он был прав. Эльфийское зрение выручило Раду, позволив ей кое-как, но видеть вокруг себя. И когда они вскарабкались на вершину лесенки, она почти сразу же нашла небольшой ржавый засов во второй потайной двери и осторожно отодвинула его в сторону, поморщившись от резкого скрежета. Рада толкнула дверь и вошла в помещение, замерев на пороге, отчего Гардан едва не врезался ей в спину.

Тайная дверка привела их напрямиком в кабинет Лорда-Протектора. Стены были обшиты темным деревом, в тон которому была подобрана скромная аккуратная мебель. Пол застилал

пушистый ковер с густым ворсом, по которому отчаянно скребли носки сапог Лорда-Протектора. Рада успела увидеть в его глазах ужас перед тем, как они остекленели, потеряв выражение, а сам Тарвен в последний раз дернулся в петле и затих.

— Бхара! — выругалась она, вбегая в комнату. — Не успели!

— Может, еще есть шанс... — проговорил Гардан, но им обоим было видно, что никаких шансов нет.

Лицо Лорда-Протектора почернело, глаза вылезли из орбит, изо рта торчал раздувшийся язык. Через открытое окно врывался ветер, ворошил бумаги на столе, и тело Лорда-Протектора слегка покачивалось, подвешенное на крюку прямо под золоченой люстрой. Что-то толкнуло Раду к окну, и она осторожно выглянула, но так, чтобы ее не было видно с улицы. В этот момент какая-то тень в черной одежде метнулась прочь через открытое место возле фасада здания.

— Вон он! — приглушенно вскрикнула она. — Уходит, бхара!

— Стой! — крикнул Гардан, когда Рада попыталась ухватиться за подоконник и перемахнуть его. — Тебя заметят! К тому же, я с такой высоты разобьюсь!

— Но он уйдет! — в отчаянье прорычала Рада.

— Я знаю, где он спит, мы найдем его! — Гардан дернул ее за руку. — Пошли! Надо уходить!

Рада в отчаянье проследила глазами за удаляющейся среди темных деревьев парка фигурой и позволила Гардану увлечь себя обратно к потайной двери.

— Ты взял письмо?

— Взял, — буркнул наемник, осторожно отодвигая панель. — Пошли.

Рада уже почти что целиком пролезла в маленький проход, когда дверь в кабинет внезапно открылась, и на пороге возникла молодая женщина в кремовых шелках. Глаза ее расширились при взгляде на застывшую в дверях Раду и висящего на балке Лорда-Протектора, лицо скривилось, и она оглушительно завизжала.

— Бхара! — рывкнула Рада, рывком запрыгивая следом за Гарданом на лестницу и захлопывая за собой дверь. — Драная всеми козлами бхара! Грозар! Ну за что ты так ополчился на меня?!

— Не бойся, уйдем, — сосредоточенно отозвался Гардан на бегу. Сапоги его стучали по ступеням лестницы, впереди и внизу.

Ярость взметнулась внутри с такой силой, что Рада покачнулась. Перед глазами все плыло, а в грудь словно кипятку налили. Этот гад опять опередил их, буквально на несколько мгновений обошел, и теперь уже было плевать на подложную записку Лорда-Протектора. Кто-то из его домочадцев видел Раду, и теперь как бы она ни пыталась отбелить свое имя и доказать свою невиновность, никто уже ей не поверит.

— Я убью тебя, Гелат! — зарычала она, чувствуя, как внутри кипит ненависть. — Удавлю собственными руками! Тебя и твоего дружка!

— Тише ты! — зашипел на нее Гардан. — Нам нужно уйти отсюда! Если ты будешь реветь, как медведь, сюда сбежится весь дворец!

Только вот Раде было уже все равно. Ей хотелось одного: убить своих заклятых врагов голыми руками, заставить их заплатить за каждое оскорбление, за каждый презрительный взгляд, брошенный в ее сторону. Теперь уже выхода у нее не было никакого: они приперли ее к стенке, и бежать ей было некуда. Ну да зубы-то у меня еще остались! И кусаться я не разучилась! Так что перед тем, как меня вздернут, я такого шороха наведу, что мало не

покажется никому! И раз уж ты не со мной, Грозар, то хоть не помогай больше моим врагам!

На этот раз Гардан не стал копать с ключами. Он просто с разбега выбил дверь ногой, и они вбежали в помещение гостевой опочивальни. И здесь их уже ждали трое слуг, склонившихся над бездыханным извлеченным из-под кровати парнем и пытающихся привести его в сознание.

Слуги замерли от неожиданности, и Гардан воспользовался этим. Подхватив с каминной полки тяжеленный золотой подсвечник, он швырнул его в окно. С громким звоном посыпались осколки битого стекла, а следом сквозь образовавшийся пролом выпрыгнула Рада. Сгруппировавшись в комок, на несколько мгновений она зависла в свободном падении, а затем покатила через себя по гравийной дорожке в сторону кустов. Через миг рядом раздался шум и проклятия Гардана, который выкатился следом за ней, ругаясь и понося на чем свет стоит и ее, и Гелата, и наемника Лезвие, удравшего у них из-под носа. Сзади из особняка раздалась крики, но Раде было уже все равно.

Подхватив хромящего и морщащегося после падения Гардана под руки, она поковыляла вперед через заросший парк. Наемник сильно хромал на правую ногу и ругался, не переставая, — значит, ранение было серьезным.

— Что у тебя? — сосредоточенно бросила она.

— Ногу подвернул, — проворчал Гардан. — И все потому, что я не могу прыгать с такой высоты!

— Скажи спасибо, что ногу, а не шею! — отозвалась Рада. — На забор-то влезть сможешь?

— Если не влезу, они меня вздернут, — хмуро отозвался наемник. — Значит — смогу.

— Вот и хорошо.

Кровь стучала в висках, а ярость в глотке, и Рада почти что слышала собственное рычание, срывающееся с губ. Вот сейчас они допекли ее по-настоящему, вот сейчас они действительно доигрались, надавив на больное и так подставив ее. А это означало, что в мире прямо сейчас существовало как минимум трое покойников, что должны были вот-вот встретиться со своими праотцами.

До забора они добежали довольно быстро, но Раде все же пришлось потрудиться, чтобы помочь Гардану вскарабкаться на верхнюю перекладину. С другой стороны ограды снимала его тоже она: нога наемника уже окончательно вышла из строя, и он, шипя и морщась, приволакивал ее за собой, а опираться на нее и вовсе не мог. Как только он кулем упал на траву с той стороны забора, Рада уселась возле него и приказала:

— Зажми что-нибудь в зубах и терпи.

Шипя и кривясь, Гардан кивнул, вытащил из-за пояса кинжал и закусил оплетенную кожей рукоять. Стараясь действовать осторожно, Рада стянула с ноги наемника сапог под его рычание и хриплые всхлипы. Левая нога была вывернута под неестественным углом, оставалось удивляться, как только он умудрился бежать. Однако Рада слишком много времени провела на войне, чтобы не знать, что с этим делать.

— Готов? — спросила она и взялась двумя руками за его ступню. Гардан судорожно кивнул. — Терпи!

Резкий рывок на себя и вбок. Наемник хрипло закричал, забился на земле, молотя кулаками по травяным бугоркам. А Рада быстро оторвала кусок подола от плаща и принялась обматывать им его ногу, перед этим наложив две простые палочки вместо шин. Управились они достаточно быстро, буквально в течение каких-то минут, большая часть из

которых ушла на наемника, который, рыча от боли, хлестал из своей фляги бренди, проливая часть на грудь, давясь и кашляя. Потом Рада подхватила его под плечи и помогла взобраться в седло. Гардан уцепился за поводья, дыша тяжело и рвано, по его лбу катились крупные капли пота, а нога распухла буквально на глазах.

— Ехать сможешь? — бросила Рада, отвязывая вороного и взлетая в седло.

— Смогу, — кивнул Гардан. — И спасибо за ногу. Мне уже легче.

— Сама сломала, сама и починила, — осклабилась в ответ Рада. — А теперь давай-ка назад. Надо потрясти эту курицу Тайрен. У меня к ней накопилось порядочно вопросов.

Злыдень, похоже, почувал ее настроение, потому что сорвался с места и резво рванул в сторону дороги, и ей даже не пришлось для этого пинать и понукать его. За спиной кулем в седле болтался Гардан, кривясь от боли. В его состоянии таскать его туда-сюда верхом было не слишком хорошей идеей, но иного выхода у них не было. Не оставлять же его здесь.

Пока копыта лошадей глухо стучали по земле, выворачивая старую траву, гремели по каменной мостовой, Рада почти физически чувствовала, как просыпается песком сквозь пальцы время. Внутренним зрением она уже видела, как начинает закипать поместье Лорда-Протектора, как кричат от ужаса его домочадцы, как мечутся слуги, как стражники бегом направляются к конюшням, чтобы седлать своих лошадей. И на всех губах одно единственное имя — Рада Черный Ветер. А потом вся эта ватага бросится в сторону ее дома, брать ее живьем за убийство Лорда-Протектора и короля Мелонии, и ни одному из этих дураков в запале погони даже не придет в голову, что у нее просто нет никаких причин, чтобы убивать эту парочку, не говоря уже о том, что сама ситуация выглядит слишком гладко подстроенной, чтобы быть правдой. Нет, никто из них не подумает об этом, потому что она — эльф, потому что она другой крови, и в тайне все они прекрасно понимают, что вся их ненависть, которую они все эти годы выливали на ее голову, сейчас не останется безнаказанной. Потому что непонимание всегда порождает страх, а страх — ненависть, после которой обратного пути нет. И ее все равно вздернут, или толпа разорвет, не став разбираться, кто прав, а кто виноват. Да даже если бы Маркард был настоящим кровавым тираном, истязавшим людей, и она действительно отравила его, мелонцы все равно вздернули бы ее, потому что она покусилась на дела людей, к которым по рождению не должна была иметь никакого отношения. Грозар! Как же я ненавижу эту страну! Всю ее и всех этих людей!

Злыдень летел вперед стрелой, стелясь над мостовой и роняя с пасти клочья пены. Копыта грохотали так, что люди еще издали слышали ее и с криками убегали с дороги, давая проехать. Рада прижалась к спине коня, чувствуя, как тело наливается странным холодом. Словно в каждую жилу, в каждый самый тонкий сосуд хлынула ледяная вода, словно вся кровь вымерзла в лед, заставляя сосуды расширяться и давить изнутри на кожу. Казалось, что еще чуть-чуть, и тело ее разорвется на клочки под этим невыносимым давлением.

Ворота в поместье были закрыты, но Рада громко гикнула, и вороной, которого учили как боевого жеребца, сгруппировался и ударил в створку ворот плечом. Та с грохотом отлетела в сторону, едва не сбив с ног выбежавшего навстречу лакея. Злыдень споткнулся, почти выбросив Раду из седла, но сразу же выровнявшись, и понесся еще быстрее, словно почувал беду.

Навстречу ей от парадного крыльца бросились грумы, Рада почти что на скаку прыгнула со спины вороного, кидая им поводья и наказав:

— Перевяжите Гардана! Он ранен!

Она побежала по дворцовым коридорам, не заботясь о том, что ее сапоги, в подошвах которых застрял мелкий гравий, царапают дорогие паркетные и портят редкие породы дерева. Внутри нее что-то звенело от напряжения, звенело и кричало о том, что все еще не кончилось, и что дальше будет только хуже.

Никакой стражи не было. Может, по парку она расставлена и была, вот только в доме Рада никого не увидела. Лишь слуги, с удивлением глядящие на то, как она пробегает мимо. Ленар, упрямый ты осел! Ну почему ты меня не послушал?! Сердце сжалось в ледяной пульсирующей яростью комок. Почему ты не послушал меня?!

— Где мой муж? — рывкнула Рада, пробегая мимо какой-то горничной, делающей вид, что полирует зеркало. Та, распахнув глаза от ужаса, шарахнулась назад, и Рада вновь зарычала, нависая над ней: — Где милорд Ленар, бхара?

— В своем кабинете... — пролепетала та, бледнея на глазах.

Взгляд Рады упал на стенное зеркало, и она поняла, почему слуги шарахаются от нее в стороны. Полет из окна со второго этажа не прошел даром: осколки стекла поцарапали щеки, от обломка оконной рамы на лбу осталась шишка, и кровь неровным слоем запекшейся коросты покрывала все лицо.

Развернувшись, она припустила в сторону кабинета мужа, располагавшегося на втором этаже. По пролету Рада бежала через три ступеньки, а сердце в груди колотилось так, что едва не выпрыгивало изо рта. С грохотом толкая дубовые двери, громяхая каблучками по полам, она летела сквозь золотую анфиладу комнат, и параллельно ей в зеркалах и полированных пилястрах стремительно мелькало ее отражение.

Она распахнула двери кабинета Ленара как раз в тот момент, когда высокий худощавый человек с заросшим щетиной лицом разгибался, выдергивая из груди ее мужа кинжал. На один миг они взглянули друг другу в глаза, а потом мужчина резко сорвался с места, пнув стол под ноги Раде.

Деревянные ножки с силой ударили ей в голень, и Рада выругалась, едва не упав, сорвалась с места следом за наемником. Он бросился в открытые двери в сторону балкона на восточной стороне особняка, и Рада, перепрыгнув через окровавленное тело Тайрен с открытыми, полными ужаса остекленевшими глазами, побежала за ним следом.

От ярости перед глазами все плыло, заметались алые круги. Впереди нее во все лопатки удирал худощавый мужчина, и ей было видно только его щуплую спину в черной куртке и сальные черные волосы. Рада бежала изо всех сил, сжавшись в пружину и выжимая из своего тела всю возможную скорость. Роста они были примерно одного, да вот только ноги у Рады были длиннее, а в беге ей еще со времен Военной Академии не было равных. Медленно, но верно, она догоняла беглеца.

Они неслись сквозь золоченые покои дворца, громяхая сапогами по паркетам, и в сторону с их дороги шарахались перепуганные слуги. Наемник попытался на бегу захлопнуть перед Радой дверь в очередную комнату, но она почти что выбила ее ногой, кидаясь следом. Только верткий стервец уже юркнул в открытую дверь большого балкона, сильно захлопнув ее за собой. От удара стекло не выдержало, и в лицо Раде посыпались осколки, ранив и без того изрезанную кожу. С криком она заслонила руками, но упрямо следовала за ним.

Балкон был длинный и открытый, навес над ним поддерживали тонкие резные колонны из красного дерева. Наемник ловко вскочил на балюстраду и спрыгнул вниз, опередив Раду всего на каких-то несколько мгновений. Зато приземлялся он гораздо хуже нее, и когда

сапоги ударили в гравий, Рада сразу же подорвалась с места, отыграв у наемника необходимые доли секунды.

Кричали что-то слуги, от дома в их сторону побежали охранники Ленара, которых он все-таки выставил вокруг здания, но все это было бесполезно. Наемник удирал как заяц, быстро и легко, то и дело оглядываясь через плечо на Раду. Он ловко перепрыгнул через кусты, Рада проломилась следом. Он попытался уйти между деревьев, но парк вокруг поместья был слишком хорошо вычищен от палых веток и кустов, и сделать это было не так-то просто.

Рада бежала изо всех сил, ощущая каждую мышцу своего тела, до предела распухшую от крови. Руки и ноги работали, выталкивая ее далеко вперед, легкие раздувались, качая по телу воздух. А в груди билось неповторимое, невероятное чувство жизни, наполняющей ее, пропитывающей ее всю. словно вся шелуха, весь бред и вранье этого города с грохотом стеклянных осколков осыпалось с нее в один миг, а золотые цепи разлетелись, лопааясь от напряжения одна за другой. Я жива! Рада бежала за наемником, чувствуя, что почти летит, ощущая себя такой же живой, как во время самой отчаянной схватки. Я жива! А ты мертв!

Между ними остался буквально метр, и Рада уже готова была выставить руку, чтобы ухватить мерзавца за шкуру, когда тот вдруг резко остановился и пригнулся. От неожиданности она споткнулась, перелетела через него и покатила по земле. И сразу же буквально в каком-то сантиметре от лица блеснул тонкий кинжал, покрытый бурым налетом. Рада отдернулась, ухватила его за руку и резко вывернула ее. Сил у нее был достаточно, и сразу же за этим послышался хруст и крик боли, а лезвие клинка выпало из руки наемника.

Сгруппировавшись, она вскочила на ноги и бросилась на тощего мужчину, прижимающего к телу больную руку и пытавшегося достать нож. Только вот было поздно. Кулак Рады врезался ему в грудь с глухим стуком, и мужчина согнулся пополам. Выпрыгнув, она добавила локтем по шее, и когда он упал, нанесла несколько ударов ногой в голову и шею. Наемник захрипел, захлебываясь кровью, уже неспособный на сопротивление, а Рада осталась стоять над ним, тяжело дыша и глядя на его попытки подняться.

— Пощади! — разбитым ртом просипел он, с опаской глядя на нее. — Я дам показания! Я расскажу, кто нанял меня!

На один миг Раде подумалось, что, возможно, это будет лучшим выходом. Тогда она сможет попробовать доказать свою невиновность на честном открытом суде, представив свидетелей. Только вот кто ее теперь будет слушать? Кто будет ее защищать? Все люди, которые когда-либо занимали ее сторону, теперь были мертвы, и вернуть их обратно не могло ничто. Она осталась одна против всей мощи мелонской знати, и никакие доказательства, никакой суд уже не могли спасти ее.

Глаза наемника широко раскрылись, и он попытался закричать, а в следующий миг сапог Рады раздробил ему глотку.

Тело Лезвия еще продолжало дергаться в предсмертных конвульсиях и скрести сапогами по земле, а Рада развернулась и взглянула на свой дом. В ее сторону бежали стражники, издали крича что-то и размахивая руками, из окон второго этажа со стороны кабинета Ленара послышался визг ужаса. Но все это казалось Раде таким лишним, таким далеким. У нее осталось еще одно незаконченное дело, всего одно, которое нужно было довести до конца. И вот когда она отдаст последний должок, тогда и можно будет посидеть и подумать, что делать дальше.

Развернувшись, Рада побежала прочь от своего дома, от мертвого мужа, от тела его убийцы, еще не успевшего остыть, от постылого золота, от мраморных покоев и «верных» слуг, готовых продать ее любому, кто подороже заплатит. Ей нужно было разрубить последнюю цепь, что еще держала ее здесь. И тогда я смогу наконец-то вздохнуть.

===== Глава 12. Пламя Грозара =====

Дом Тан'Камардан располагался всего в нескольких кварталах от дома Тан'Элиан и занимал большой участок, почти полностью заросший старыми деревьями, высаженными здесь долгие столетия назад. Усадьба находилась в глубине парка на берегу большого искусственного пруда в форме лисьей головы. Этот пруд Гелат приказал вырыть в тот же день, как его старый отец скончался, передав ему титул Лорда Страны, и многие находили этот приказ чересчур заносчивым. Правда, дурак Маркард пришел от пруда в неопикуемый восторг: он-то считал Гелата своим близким другом, а архитектурное решение — демонстрацией лояльности молодого Тан'Камардана к трону. Все мы платим за свою глупость ровно столько, сколько она стоит.

В чем — в чем, а вот в глупости милорда Гелата упрекнуть было нельзя, к величайшему сожалению Рады. Этот человек с ранней молодости был холодным и проницательным, расчетливым и жестоким. Иногда Раде казалось, что он может просчитать шахматную партию еще до ее начала по тому, как его соперник расставляет фигуры на игровой доске, и события, целиком перевернувшие ее жизнь за последние два дня, это доказывали. А потому недооценивать Гелата не стоило, так же, как и его стражу. В отличие от обычных дворян, которые пользовались услугами выученных при Военных Академиях стражников Лорда-Протектора, Гелат набирал в свою охрану только наемников из ведущих наемнических сообществ, предпочитая тех, что придерживались кодекса чести, принятого в этой среде, и предпочитали работать только с одним работодателем, не гоняясь за крупными барышами и резонансными заказами.

Потому поместье Тан'Камардан напоминало скорее крепость, чем обычную жилую усадьбу, и попасть туда каким-либо иным путем, кроме парадного входа с согласия самого хозяина, было достаточно проблематично. Впрочем, не для Рады. Я слишком зла для того, чтобы какие-то разгильдяи-наемники смогли остановить меня.

Проникнуть на охраняемую территорию усадьбы было самым простым из всего предстоящего. Рада просто притаилась под забором, внимательно прислушиваясь и присматриваясь, дождалась того момента, когда сменялась стража, а потом перемахнула через утыканную кольями ограду и скользнула между ничего не заметившими наемниками. Когда-то ей приходилось в одиночку пробираться в занятую повстанцами деревню, чтобы взять их резвящегося с девками главаря прямо в бане, которую со всех сторон окружала охрана. Вот тогда было гораздо тяжелее остаться незамеченной, однако, ей удалось это сделать, заработав лишь два незначительных пореза на боку. Да и настрой у нее тогда был скорее азартный, чем по-настоящему деловой: никто из этих ребят не рискнул бы убивать ее, боясь разозлить окрестных пиратов, так что даже если бы ее схватили, она все равно осталась бы жива. А к их главарю она никакой особенной неприязни не испытывала, так что шла на задание с легким сердцем.

Сейчас же дело обстояло совершенно иначе. Сейчас Гелат и Аспар по-настоящему заделали ее, убив ее мужа, смешав с грязью и растоптав ее честь, и внутри клокотала лютая ледяная ярость, которую пока еще Рада держала под контролем, не давая себе расхотиться. Но я еще смогу от души оторваться, все еще впереди. Нужно только проникнуть в дом, и все.

С высоких ветвей старого раскидистого дуба было прекрасно видно расположившийся на берегу пруда особняк. Окна на всех трех этажах ярко горели, несмотря на то, что до вечера было еще далеко, оттуда лилась музыка и гомон человеческих голосов, дворяне то и дело выходили на балкон на втором этаже особняка или спускались по парадным ступеням на берег пруда. Несколько молодых дворянок в шелках в сопровождении мужчин прогуливались вдоль самой воды, подкармливая хлебом лебедей и уток. Но не это интересовало Раду.

Глаз цепко выхватывал из толпы людей ряженных наемников, что охраняли Гелата. Вот какой-то молодой парень, что рьяно кромсает садовыми ножницами розовый куст под окном. Только вот почему-то вместе с листьями ножницы по ошибке отсекают и соцветия, а холодные глаза, не отрываясь, следят за перемещением гостей. Или тот парень, что разносит напитки, затянутый в зелено-желтую ливрею дома Тан'Камардан. Все в нем вроде бы в порядке, только вот походка выдает человека, привыкшего носить на боку меч и совершенно точно не приученного прислуживать другим. Да и остальные были не лучше: дворник, что елозил граблями по дорожке, а сам оглядывался на гостей и по привычке тянулся к поясу, где сейчас не было кинжала, лодочник, катающий дам по пруду, у которого через все лицо шел старый вздувшийся шрам от удара мечом. А самое забавное было в том, что никто из дворян не замечал, кто на самом деле им прислуживает. Когда ряженный разносчик напитков споткнулся и едва не выплеснул бокал с игристым прямо в декольте какой-то затянутой в шелка курице, молодой лорденьш с едва сошедшим со щек пушком визгливым фальцетом отчитал его и даже позволил себе замахнуться на него конским хлыстом, которые сейчас носила молодежь, подражая лонтронским всадникам. И не заметил потемневшего взгляда ряженого и того, как его рука конвульсивно дернулась к поясу. Кажется, в этот раз ты себя перемудрил, Гелат. Надеюсь, ты хорошо им платишь. Иначе они сами перережут твоих гостей за оскорбления, да и тебя вместе с ними.

Ее плащ и меч были надежно спрятаны снаружи высокой ограды поместья, свои золотые волосы Рада натерла пеплом и землей, перевязала в тугий пучок на затылке, чтобы не мешались. Кровь она смывать не стала, добавив к ней еще и золы, чтобы издали не мелькать белым пятном кожи на фоне черной одежды. Здесь нужно было действовать быстро и тихо, чтобы иметь возможность убраться отсюда живой, и для этого меч и эффектное появление были ни к чему. Ей хотелось насладиться местью в тишине, там, где никто не помешает ей по-настоящему ощутить это удовольствие.

На дереве она устроилась достаточно комфортно для того, чтобы не быть замеченной с земли, а также, чтобы просидеть здесь сколь угодно долгое время. Скорее всего, в течение ближайшего получаса до Гелата донесут весть о смерти Лорда-Протектора. Как настоящий актер, милорд объявит, что вынужден прервать праздник в этот мрачный день, и поедет вместе с Аспаром во дворец на внеочередной Совет Лордов Страны. Там-то и выяснится отсутствие Ленара, начнется расследование, хватятся Рады... Одним словом, веселье растянется на весь оставшийся день, а Рада, воспользовавшись отсутствием хозяина дома, сможет с легкостью пробраться в поместье и дожидаться его в его опочивальне. К тому же, насколько она знала Аспара, тот просто не сможет устоять и не отпраздновать удачно сложившуюся операцию. А значит, они вернутся вместе, привезут с собой девок и запрут в покоях Гелата до утра. Они всегда так развлекались, еще со времен Военных Академий. Вот тогда-то у Рады и будет шанс расквитаться за все.

Ждать ей пришлось недолго. На взмыленном коне по въездной дорожке почти к самым

ступеням особняка примчался гонец из дворца. Музыка сразу же оборвалась, гости заохали и заахали, высыпав из дома на луг перед прудом. Раде не было с такого расстояния слышно, о чем они говорят, да этого и не нужно было. Спектакль разыгрывался по всем правилам: к гонцу вышел милорд Гелат в зеленом камзоле с золотыми отворотами, за ним следом сбежал в голубом Аспар, поигрывая кнутом и бросая сладкие взгляды на дворянок. Оба они приняли серьезный вид, выслушивая гонца, потом Гелат развернулся к гостям и принялся что-то говорить...

Рада широко зевнула, наблюдая за тем, как от конюшен потянулась целая кавалькада карет и грумов, ведущих под уздцы лошадей для гостей. Те начали рассаживаться и разъезжаться, а Гелат с Аспаром, собрав свою стражу, во главе всей этой кавалькады покинули поместье. Луг перед прудом опустел, ряженные наемники ушли куда-то в особняк, а вместо них на улицу высыпали настоящие слуги: подтирать грязь за благородными и исправлять вред, причиненный розовым кустам «садовником».

Решив, что насмотрелась она уже вполне достаточно, Рада аккуратно отлепилась от ствола и слезла на землю. Пригнувшись, она заскользила между деревьев, обходя особняк по большой дуге. Сейчас она была настолько зла, что почти что порами тела чувствовала приближение охранников Гелата и замирала за толстыми стволами старых деревьев, пережидая, пока они пройдут мимо. Спешить-то ей было некуда. К тому же, в отсутствие хозяина стража не слишком-то хорошо охраняла дом. Проходящие мимо Рады наемники зевали во весь рот, а кое-кто даже прикладывался к фляге, хотя кодекс лучших наемнических сообществ однозначно запрещал алкоголь во время выполнения задания. Видимо, и эти на дармовых харчах тоже разжирили и обленились. Ну что ж, мне это только на руку.

До дома она добралась без особенных препятствий, не попавшись никому на глаза. С тыльной стороны особняка тоже было крыльцо, из которого гости могли выйти погулять по украшенному колоннами подстриженному саду. Сейчас через эту дверь то и дело скользили слуги, внося в дом столы и стулья, убирая мусор. Рада терпеливо ждала до тех пор, пока суета в нижних залах прекратилась, и усталые люди ушли обедать. Дворяне-то могли жрать целый день, только пальцами щелкни, и тебе все принесут. А вот слугам редко предоставлялась возможность отдохнуть в отсутствие хозяина и как следует набить животы остатками роскошной трапезы.

Сейчас с ней не было Гардана, а лютая ярость все никак не желала отступать, а потому Рада чувствовала себя легкой, будто перо. Незамеченной в полной тишине она скользнула в распахнутую настежь дверь поместья, поднялась по широким ступеням парадной лестницы и оказалась на втором этаже особняка.

Парадные залы были пусты и тихи, и Рада, не торопясь, шагала сквозь золотые галереи, лишь мимоходом замечая ковры ручной работы, статуи из розового мрамора, тонкий фарфор с далекого юга. Эти вещи никогда не тревожили ее, а их красота была настолько обесценена двуличием и алчностью их владельцев, что оценить ее по достоинству Рада не могла. Она задержалась лишь раз, заметив на стене тусклый старый клинок из числа фамильного оружия, которым украшали стены. На матовой стали, давно не полированной, все равно проступали мягкие линии закалочного узора, а от самого клинка веяло злобой и древностью.

Прищурившись, Рада взглянула на него еще раз, запоминая расположение комнаты. Прихвачу с собой, когда буду уходить. Гелат за эти годы задолжал мне столько, что одной его жизни не хватит, чтобы расплатиться сполна.

Кабинет милорда Тан'Камардана Рада тоже прошла насквозь, не став перерывать

бумаги или искать хоть какие-то свидетельства его планов. Это не имело смысла. Она все уже для себя решила. С завтрашнего утра, если даже не сегодня вечером, она будет вне закона, ее начнут искать, послав преследователей по всем городам и дорогам. А сама она уйдет от погони, переждав несколько дней у Ренона и покинув город вместе с ним, чтобы стать частью легенды, частью Великого похода за Семь Преград. От этого в груди трепетно сжималось, и чувство это звенело даже сквозь сводящую с ума, заставляющую стискивать зубы ярость.

Может, на самом деле ты все это время был со мной, Грозар? Может, все это случилось только затем, чтобы дать мне уйти отсюда? Рада задумчиво остановилась перед выполненным из мрамора изваянием Громовержца, на широком алтаре перед которым дымились благовония и горели свечи. Лицо его было спокойно, дымные кольца, поднимающиеся от алтаря, плясали на фоне его строгих черт, бросая на них тени, закручиваясь и танцуя. На миг Раде показалось, что Грозар улыбается ей. Это все случилось потому, что я просила тебя о свободе, Громовержец? Мой муж мертв, мой дом разрушен, мое имя смешано с грязью. Это ли цена, которую ты запросил за мою свободу? Только Грозар молчал, и дым танцевал вокруг него, обтекая со всех сторон его застывшую навеки в камне фигуру.

Личные покои Гелата состояли из трех комнат, дверь в них была плотно прикрыта. Рада осторожно вошла внутрь, бесшумно приоткрыв дверь и прислушиваясь. Кое-кто из благородных позволял своим наложницам оставаться в своих покоях на какое-то время, и Раде не хотелось бы резать глотку шлюхам или, еще того хуже, благородным девкам, которые сразу же поднимут вой, едва заметив ее с порога. Однако и здесь не оказалось ни одного человека, она прикрыла за собой дверь и огляделась по сторонам.

Покои милорда Гелата представляли собой три смежных помещения: гостиную, уставленную мягкими диванами, спальню с огромной шикарной кроватью, застеленной шелком, и еще одну комнатку, дверь в которую была заперта на замок. Поковырявшись в замке кончиком тонкого кинжала, Рада благополучно взломала ее и присвистнула, заглянув внутрь. В маленьком помещении без окон стоял плоский стол с подозрительного вида сквозными отверстиями в столешнице, по стенам висели плети, веревки, какие-то неприятного вида шипастые и острые булавы. У входа стоял большой сундук, и Рада, поколебавшись, откинула крышку. Сундук был пуст, но на его дне виднелись подозрительного вида темные пятна.

Рада нахмурилась, оглядывая помещение. По городу ходили слабые слухи, передающиеся приглушенным шепотом, о том, что шлюхи, которых приглашает к себе милорд Гелат, часто возвращаются сильно израненными или в слезах, а иногда и вовсе пропадают бесследно. И теперь Рада понимала, почему. Ну что ж, это означает лишь то, что у меня появился дополнительный маленький пунктик, чтобы убить эту мерзость. Заодно и девчонкам безопаснее будет. В Северных Провинциях Раде довелось общаться со шлюхами, и она считала их едва ли не лучшими женщинами из всех, что встречались ей в жизни. Труд у них был горький, а мозгов побольше, чем у деревенских кумушек. И если сейчас она сможет избавить мир от очередного уroda, отягощающего их и без того не сладкую жизнь, то оно и лучше.

Осторожно прикрыв дверь в пыточную, Рада еще раз прошлась по покоям, внимательно осматривая все. Гелат дураком не был, и он насторожится, когда услышит о ее исчезновении из особняка. А потому, скорее всего, перед тем, как он зайдет в свои покои, его наемники

обшарят каждый угол на тот случай, если Рада решит нанести ему визит. Поэтому было бы неплохо загодя придумать, где бы спрятаться, чтобы не вызвать подозрение.

К сожалению, под кровать, за занавески и в шкафы лезть было бессмысленно: там всегда смотрели в первую очередь. Рада бросила задумчивый взгляд на запертую дверь в пыточную. Вряд ли Гелат посвящает своих охранников в свои дела, не говоря уже о том, что дверь будет заперта, и они решат, что все в порядке. А если все-таки решат проверить, она всегда может спрятаться в том пустом сундуке. Вряд ли они полезут внутрь.

В гостиной в стенном шкафчике обнаружился неплохой бар, состоящий, в основном, из крепких напитков. Ровные ряды бутылок с аккуратно наклеенными бирками выстроились перед ней, и Рада, не торопясь, выбрала темный ром с вязким запахом пряностей. Бутылка как раз была уже вскрыта, а это означало, что если какое-то количество жидкости и пропадет, вряд ли Гелат заметит это. Отлив себе в уже успевшую опустеть флягу, Рада осторожно поставила бутылку на место, следя за тем, чтобы все выглядело в точности так же, как и до ее маленького налета, и закрыла бар.

Теперь оставалось только ждать. Развалившись на шелковых простынях кровати, она без всякого сожаления водрузила измазанные грязью сапоги на белоснежную подушку милорда Гелата и принялась потягивать ром. Напиток был по-настоящему хорош, крепкий, с благородным ароматом и чуть вяжущим вкусом. Подумав еще немного, Рада выудила из-за пазухи трубку и неторопливо забила ее табачком. В воздухе ощущался легкий запах табака, да и сама она не раз видела, как милорд Гелат курил, так что даже если слуги заглянут сюда, и ей придется прятаться раньше времени, подозрения это не вызовет.

Солнце за окном медленно клонилось к закату, и Рада рассеяно наблюдала за тем, как шевелятся на ветру длинные листья каштанов, высаженных возле дома. Листья уже побурели и посохли по краям, выглядели тяжелыми и усталыми. Осень подступала все ближе, хоть лето и продолжало отчаянно удерживать свои позиции, никак не желая отступить прочь. Рада всегда любила осень.

Тихий шелест ветра в ветвях успокаивал ее, а мысли текли и текли все дальше, пропитанные терпким вкусом рома и табака. Рада, щурясь, наблюдала за тем, как тлеют в чашечке трубки толченые сухие листья, и в завитках дыма над ней ей мерещились диковинные узоры. Раскидывали крылья клювастые драконы, переплетались, обращаясь в скачущих через звездные степи коней с развивающимися гривами, в птиц с длинными маховыми перьями, которые медленно поднимались к потолку, растягиваясь под неуловимыми токами ветра.

А Рада чувствовала себя словно на изломе, словно кто-то бросил монету, и та со звоном запрыгала по полу, заскакала и встала на ребро, крутясь вокруг себя, и на самой вершине этого крутящегося ребра тихо и спокойно стучало ее сердце. Надламывалось прошлое, трещали трухлявые доски под кровлей ее дома, выстроенного ею самой кое-как, спустя рукава, с вечным ощущением того, что она идет не туда, делает не то.

Всю ее жизнь люди толкали ее в спину, тыкали, дергали со всех сторон. Люди требовали от нее быть тем, быть этим, надевать на себя тысячи масок, и если одна из них нравилась кому-то одному, то все остальные сразу же начинали ненавидеть ее. И Рада надевала другую маску, третью, четвертую, лихорадочно меняя их и все не понимая, не понимая, почему же ни одна не приходится ко двору. Когда она шагала вперед, ей ставили подножки, когда она останавливалась, ее толкали, чтобы она шла дальше. Какой бы поворот она ни выбрала, куда бы ни ступила, всегда за ее спиной были внимательные глаза,

оценивающие каждый ее шаг, тихий шепот неодобрения, подозрительность и лицемерие. И если в молодости она просто закрывалась от всего этого, в замужестве старалась этого не замечать, на Севере плевала на это, то теперь что-то надломилось в ней. Словно вся грязная пена, которую она так долго и упорно старалась не замечать, поднялась вонючей прелой волной и накрывала с головой, буквально срывая ее с ног, унося в потоке грязи и нечистот.

Рада глубоко затянулась, прикрывая глаза. Перед внутренним зрением возникло лицо Ленара, еще совсем молодого, в тот самый день, когда он пришел к ней со своим предложением, и его лицо сейчас, то, которое она видела всего каких-то пару часов назад: лицо усталого человека, который окончательно измаялся бороться и пытаться жить правильно и хорошо, измаялся до такой степени, что разучился жить просто потому, что хочется. Рада горько усмехнулась. До самого конца он делал лишь то, что считал правильным, даже пренебрег ее советом и не окружил себя стражей, решив, что убийца не настолько наглый, чтобы врывать в его дом посреди бела дня. Ленар никогда не верил ей и ее словам, как не верила ему и сама Рада. А ты вообще когда-нибудь кому-нибудь верила?

У нее всегда были приятели, с которыми можно было покутить или совершить какое-нибудь безумство. У нее были ее солдаты, с которыми она исходила вдоль и поперек все дороги Северных Провинций. У нее был брат, ее единственный родственник, исчезнувший так много лет назад, что время стерло из памяти черты его лица, оставив лишь неясный образ. У нее были дети, ее собственные дети, и даже с ними она не была самой собой, потому что ее образ не вписывался в ту систему, в которой они воспитывались. Наверное, единственным человеком, который принимал ее такой, какая она есть, и никогда ничего не требовал от нее, был Алеор, но даже с ним никогда не было тепло. Его вечная язвительная колкость действовала на нервы, и, несмотря на то, что только в его обществе она могла дышать свободно, полной грудью, внутри все равно оставалась какая-то туго натянутая пружина, сжатая до предела на самом краешке ее детства и остававшаяся таковой все эти долгие годы. И Рада чувствовала, что сейчас наставал какой-то очень важный момент, тот самый момент, когда весь пресс, наваленный на пружину, начинал крошиться и трещать по швам, медленно ссыпаясь прочь.

Неужели я стану свободной? Надежда на это была такой заветной, такой желанной, такой выстраданной, что Рада боялась даже думать об этом. Однако живое, кровоточащее человеческое сердце плевало на все ее страхи и запреты, и на миг перед глазами возникла дорога, усыпанная пылью дорога, тянущаяся через поросшие травой холмы, и ветер, что легонько перебирал в своих пальцах тугие бычки. И никакого долга, никаких титулов и встреч, никаких приказов и интриг, никаких людей, перед которыми ей нужно будет отчитываться, никаких толчков и тумачков. Ничего. Только дорога, бескрайнее небо и ветер.

Внутри отчего-то стало горько-сладко, и так перехватило горло, что Рада даже удивленно покачала головой. Ей всегда казалось, что плакать она разучилась уже очень давно, много лет назад, когда брат, пообещав вернуться к ней, уехал навсегда, оставив ее одну в холодном доме со стылыми окнами. Но нет, глазам стало горячо, и зрение слегка затуманилось. Поди ж ты! Рада невесело усмехнулась, стирая тыльной стороной руки нежданно выступившие на ресницах слезы. Наверное, стресс слишком сильный. Слишком долго я ждала. И вот теперь...

Она уже чувствовала это в своей груди, это тянущее, зовущее, манящее чувство. Словно первый порыв ветра перед бурей, заворчавший, поднимающийся с мягкого ложа травы под стальными недобрыми тучами, ревниво взметающийся вверх, бросающийся вперед. Она уже

видела бескрайние дороги и зеленые леса, в чьем сумраке спят сказки, о которых она грезила с детства, видела синие горы с белыми шапками, с непроходимыми кручами и опасными перевалами, видела бескрайние желтые поля, которые колышет ветер. И море... Стальные валы с пенистыми гребешками, накатывающие и накатывающие на шуршащий берег, шепчущие ей что-то древнее, неуловимое, но такое важное, такое настоящее, такое истинное.

— Семь Преград, — одними губами прошептала Рада, улыбаясь и невидящими глазами глядя перед собой.

Нехоженые земли далеко за границами Речного Дома, края, где не появлялись наемники, где не обитали даже дикари. Края девственных лесов и чистых звенящих ручьев, края свободных ветров, срывающих с поднебесных пиков белоснежные занавески пороши, растягивающих их через все небо. А за ними — тайна. Великий страх, суеверный ужас, бесконечные легенды о первородном зле, что спит глубоко под землей, дожидаясь своего часа. Однако, Алеор говорил, что Неназываемый не так опасен, как все думали раньше, и от этого в груди Рады начинало нарастать любопытство, настоящее, звенящее, с широко открытыми глазами ребенка, через синие зрачки которого проплывают белые облака.

Выбросить все лишнее, сломать, сжечь, оставить все. Прийти к тому, что имеет настоящую цену. Рада глубоко затянулась горьким табаком. Ты всегда бежала от самой себя к людям с расprostертыми руками, чтобы они приняли тебя, только вот в ответ ты не получила ничего, кроме ненависти. Пришло время вернуться к самой себе, наконец-то сделать то, чего тебе всегда так хотелось. Наконец-то попасть в Приключение, одно длинное, нескончаемое приключение, о котором ты прочла столько сказок. И будь что будет.

И от этого приключения ее отделяло лишь одно: мечь. словно железные кандалы, прикованные к ноге: и замок не открыть, и ногу не перегрызешь. Можно было бы конечно забыть про все и убежать, вот только Рада прекрасно знала: Гелат не успокоится, пока не уничтожит всю ее семью. А подвергнуть опасности своих детей, заставить их платить за собственные ошибки, она просто не могла. Как ни крути, Грозар, а этому подонку все равно умирать. Впрочем, если все действительно так, как я и думаю, то он лишь орудие в твоих руках, просто пугало, чтобы показать мне мою дорогу. А пугало по осени всегда сжигают, ведь оно уже исчерпало цель, для которой было создано.

Она докурила, выбила табак прямо на лакированные полы особняка Тан'Камардан и растерла каблуком.

Время текло медленно, но Раде некуда было спешить. Она послонялась по покоям, налила себе во флягу бренди вместо допитого рома, подремала в кресле у окна, вполуха прислушиваясь к тому, что происходит под окнами особняка. И за все это время ни один слуга, ни один наемник так и не заглянул в покои, чтобы осмотреть их.

Хозяин дома возвратился уже в кромешной темноте. Солнце давно село, и слуги зажгли масляные фонари вдоль всей подъездной дороги к особняку. В доме начали готовиться ко сну, и Рада еще издали расслышала шаги негромко переговаривающихся наемников, что приближались к покоям Гелата. Поднявшись из кресла, она тихонько прошла в дальнюю комнату, вскрыла замок на двери в пыточную и скользнула туда, плотно прикрыв за собой дверь.

Свет попадал в комнату лишь через узкую щель между порогом и дверью, но для эльфийских глаз и этого было вполне достаточно. Лезть в сундук, в котором до нее то ли

хранили трупы, то ли держали бедных девок, над которыми потом измывался Гелат, не слишком-то хотелось, но поднимать шум в драке с охраной хотелось еще меньше. Скрепя сердце, Рада откинула крышку, бесшумно запрыгнула в душный деревянный ящик и уселась на его дно, придерживая крышку над головой, но не закрывая целиком. Если начнут открывать дверь, я успею спрятаться, но задыхаться в этом пыльном гробу просто так смысла не имеет.

Низкие мужские голоса послышались из-за двери, и Рада внимательно прислушалась к разговору.

— ... уже скоро вернутся, — сообщил первый голос. Начало фразы потонуло в скрипе половиц у входной двери. — Милорд шепнул, что у них будут гости, так что ночью, возможно, предстоит работа.

— Надеюсь, не как в прошлый раз, — тяжело вздохнул второй голос, и в его нотках Раде послышалось презрение. — На девках этих, конечно, пробу негде ставить, но нельзя же так.

— У благородных свои причуды, Ватар, сам знаешь. Захочет, избыет, а захочет — и прибьет совсем. Ну да они же сами идут на это, сами же отдаются за деньги, должны понимать, что их ждет.

— Ты бы не говорил так, — проворчал второй голос. — Я бывал по миру и с людьми говорил. И все, что я видел, — это молодые дуры, которых насильно продавали в бордели. Мало там тех, кто сам пришел.

— Шлюхи — как наемники, Ватар. Только одни продают свои жизни, а другие — свое тело. И еще неизвестно, что из этого стоит дороже.

— Это просто потому, что ты из Лонтрона. Вы там с бабами обращаетесь хуже, чем со скотиной.

— Ну-ну, нашелся тут, защитник!

Тяжелые сапоги простучали по полу, дойдя почти что до самой двери, и Рада притаилась, стараясь не дышать и внимательно слушая.

— Проверь-ка лучше эту каморку. Дверь закрыта, да мало ли что.

— Тебе надо, Еже, ты и проверь, а я за эту дверь ни ногой, — проворчал тот, которого называли Ватаром, и в ответ ему раздался хриплый смех.

— Больно нежен ты для Наемников Севера. Али сам когда-то своим волосатым задом торговал?

— Заткнись!

Ключ загремел в замке, и Рада быстро опустила крышку, скрючившись на дне сундука. Запах здесь стоял затхлый и кислый: запах крови, человеческого пота и страха. Я сожгу это место вместе с его хозяином. Просто сожгу к бхаре!

Дверь распахнулась, и несколько секунд ничего не было слышно, только через щели в стенках сундука Рада видела отблески свечи, которую внесли в помещение.

Потом дверь закрылась, провернулся в замке ключ, и наемники вновь заговорили о своем, а она осторожно выдохнула, бесшумно приподняла крышку сундука и вылезла наружу. Теперь света из-под двери в жилые помещения стало больше — перед приездом хозяина наемники зажгли свечи в золотых канделябрах.

Прислонившись к замочной скважине, Рада разглядела через нее двоих мужчин, которые, выходя из спальни Гелата, притворили за собой дверь. Их голоса послышались из соседней комнаты, а потом и вторая дверь хлопнула, и все стихло. Удовлетворенно выдохнув, Рада отомкнула замок в пыточную и скользнула в комнату.

Буквально через четверть часа по въездной дорожке к дому загрохотали копыта, из дома высыпали грумы встречать хозяина, а Раде вновь пришлось притаиться, но на этот раз под кроватью Гелата, когда усталые за день слуги внесли в гостиную подносы с едой. Потом издали зазвучали человеческие голоса, низкий с бархатной женский смех, шум шагов. Рада притаилась в нише у стены, ожидая гостей и вытаскивая из потайных карманов на груди ножи.

Впрочем, в покои свои Гелат не спешил, и еще битый час ей пришлось выслушивать плоские шутки выделяющегося Аспара, неискренний смех потаскух и звон бокалов. Однако, на этот раз она своего врага упустить не должна была, на этот раз не он травил ее собаками, как загнанного в угол зверя, а она его. И подождать для этого какое-то время стоило.

После очередной шутки кто-то повернул ручки двери во внутренние покои, и красивый грудной голос Гелата сообщил:

— Прошу вас сюда, миледи. Мне кажется, здесь вам будет гораздо уютнее.

Рада сжалась всем телом, моментально прогнав все мысли и собрав все силы. Когда Гелат прошел в комнату, пропустив перед собой шлюх, а следом за ними вошел Аспар, она прыгнула.

Годы выучки не прошли зря, и все было сделано очень быстро. Два быстрых удара кулаков в виски, и шлюхи рухнули, как подкошенные, не успев пронзительно завизжать, что было бы сейчас очень некстати. Глаза Гелата расширились от удивления, глядя на нее, а в следующий миг она пнула его в живот, и он согнулся пополам, выдохнув весь воздух. Аспар отступил на шаг, пытаясь нашарить на поясе кинжал, но и он не успел. Рука хлестнула назад и вперед, и тот сдавленно вскрикнул, когда рукоять метательного ножа вошла ему в правое плечо, парализовав руку. Схватив золотой подсвечник, Рада довершила начатое, приложив обоих мужчин по голове тяжелой подставкой, и лишь когда два тела рухнули на пол, выдохнула.

На этот раз она сработала хорошо: во всяком случае, ее не услышали, и стража не ворвалась внутрь покоев, чтобы разобраться, откуда шум. Вытащив загодя припасенную веревку, Рада быстро скрутила обеих шлюх, запихав им в рот обрезки шелковых покрывал с кровати милорда, следом за ними и Гелата с Аспаром, накрепко привязав их спинами друг к другу и скрутив их руки между собой так, чтобы высвободиться они не смогли.

Мыслей не было совсем, только сосредоточенность и решимость. Почему-то Рада больше не чувствовала ни ненависти, ни ярости, ни желания убивать, ровным счетом ничего. Только желание поскорее отделаться от всего этого и уйти отсюда. Пыльная дорога и поля на ветру так и стояли перед внутренним взором, и ей хотелось вскочить уже на спину Злыдню и уехать туда, на далекий запад, уехать, чтобы никогда больше не возвращаться в эту проклятую богами страну.

Затащить двух здоровенных мужчин в пыточную оказалось сложнее, чем она думала. Аспар был почти что на голову выше нее и за последние годы отрастил брюшко. Гелат был суше него, но ненамного, а потому волоочь их связанных по полу было тяжело, но Рада управилась.

Бросив их на полу возле стола с отверстиями, Рада разогнулась и выдохнула, глядя на них. Два ее заклятых врага, вредящие ей всю ее жизнь. Одинаково масляная кожа, на которой виднелись чуть заметные следы пудры, тщательно уложенные в хвосты на затылке волосы, такие гладкие, словно их корова языком вылизывала. Аспар носил аккуратно

подстриженную черную бородку, только подчеркивающую его жирные губы, напоминающие Раде двух слизней. Гелат, наоборот, был сухим, словно палка, его щеки ввалились, узкий длинный подбородок торчал вперед. И губы у него тоже были узкими, их почти что и не было вовсе, как у змеи.

Он первым начал постанывать и вяло шевелиться, а потому Рада решила, что время терять не стоит. Сходив в гостиную к бару, она выгребла оттуда весь крепкий алкоголь, какой было не жалко, вернулась обратно в пыточную и выплеснула содержимое бутылок на двух сидящих на полу мужчин. От брызнувшей в лицо холодной жидкости, Гелат первым с трудом открыл глаза и сфокусировал на Раде бледные, почти белесые зрачки.

— Ты... — с трудом ворочая языком, проговорил он. — Еще жива...

— Да, — кивнула Рада. — А вот ты — мертв.

Гелат попытался что-то сказать, но она уже швырнула в изрядную лужу алкоголя на полу канделябр с горящими свечами. А затем закрыла дверь, оставляя за ней вопящего не своим голосом от боли Гелата и взметнувшееся к самому потолку пламя. Впрочем, вопли его длились недолго и прекратились уже к тому времени, как Рада, кряхтя, подхватила обеих бездыханных шлюх под руки, выволокла их в гостиную и кое-как ногой принялась открывать входную дверь. Помещение наполнила вонь гари и дыма, запах горелой человеческой плоти и волос, послышался громкий треск занявшихся перекрытий. Кто-то же должен был сжечь это проклятое место! Рада тяжело вздохнула, перехватила поудобнее узлы на руках шлюх и поволокла их по лакированному полу через золотой зал особняка.

Впрочем, вытащить их из здания ей так и не дали. Издали послышались крики, застучали по ступеням сапоги. Рада отступила в тень у колонн, когда мимо нее пробежали с криками ужаса слуги и наемники, когда они заметались по залам, требуя принести воды, перекрыть двери, искать убийцу. Впрочем, из-за общей паники это требование так выполнено и не было. Дождавшись того момента, когда никто больше не смотрел в ее сторону, Рада осторожно выскользнула в следующий зал, направляясь в сторону кабинета Гелата, где она давеча видела старинный меч.

Никто не остановил ее, никто не задержал. По пустым коридорам летело эхо человеческих голосов, мольбы о помощи, рев все нарастающего пламени. Потом послышался звук битого стекла и крик, когда кто-то выпрыгнул из окна вниз, на улицу, спасаясь от пожара.

Рада сняла со стены длинный клинок с темным лезвием и осторожно провела вдоль него ладонью. Сталь ответила на прикосновение ледяной злобой, но по весу клинок оказался легче, чем она ожидала. Он был слегка изогнутый, заточенный лишь с одной стороны, с оплетенной кожаным шнуром рукоятью, какими пользовались эльфы. И пришелся Раде как раз по руке.

Она оглянулась на окна, сквозь которые на пол комнаты падал отблеск алого пламени где-то справа. Лучше всего было уходить здесь: вряд ли занятые пожаром слуги обратят внимание на то, что кто-то выпрыгивает из окна в другом конце здания, а даже если кто и увидит, то в такой суматохе догнать ее все равно будет невозможно. Отодвинув оконный засов, Рада распахнула створки высотой в человеческий рост, и ей в лицо дохнула холодная осенняя ночь.

Ноги приглушенно ударились в щебень дорожки, и Рада выпрямилась, оглядываясь через плечо. Все восточное крыло здания было объято пламенем, возле него метались фигуры людей, оттуда слышались крики и женские рыдания. Оставалось только надеяться,

что в огне пострадали только Гелат с Аспаром, и никого из прислуги пожар не коснулся. Впрочем, это было не так уж и важно. Рада вздохнула холодный воздух полной грудью, чувствуя странную пустоту. Она была свободна. Впервые за долгие-долгие годы.

Сухие листья шуршали под подошвами сапог, и звезды подглядывали за ней сквозь резной купол деревьев над головой. До забора было не так уж и далеко, и она легко перескочила через высокую ограду. На дороге в такой поздний час никого не было, лишь приглушенно горели масляные фонари, выхватывая из темноты очертания широких пыльных плит мощения. Почему-то бросилось в глаза, что некоторые из них лежали неровно, поплыв после весенней распутицы.

Отыскав в стороне свой плащ и меч, Рада еще раз оглянулась на горящий особняк. Среди деревьев виднелись лишь рыжие отблески вдаль, и отсюда уже не было понятно, что там происходит. К ночи сильно похолодало, и из ее рта вырывался белый пар от дыхания. Надо было с собой захватить того чудесного рома, подумала Рада, поплотнее закутываясь в плащ, и побрела в сторону городских кварталов.

Час был поздний, пустая дорога просматривались далеко, и она еще издали заметила всадника, который вел в поводу вторую лошадь. Всадник как-то странно болтался в седле, словно держаться прямо ему было сложно. К тому же, доставляла проблем и лошадь, которую он вел в поводу, то и дело упираясь ногами в землю, мотая головой и всхрапывая, не желая идти вперед. И когда в опустившейся на Латр тишине издали донеслось хриплое проклятие, Рада поняла, что улыбается во весь рот.

— Ну и мерзкая же это скотина! — еще издали окликнул ее Гардан, силой волоча за собой артачащегося вороного. — И как ты с ним управляешься?

— Не добрым словом, — хмыкнула в ответ Рада, забирая у него поводья.

Наемник выглядел получше: ногу ему перебинтовали, сам он переоделся в неприметную дорожную одежду, а на плечи набросил толстый шерстяной плащ. Ухмыльнувшись, он вытащил из-за пазухи флягу и протянул ей.

— Я смотрю, ты наконец-то что-то сожгла?

— Сказала же, что сожгу, вот и сожгла, — ухмыльнулась она, забираясь на спину вороному и пристраивая в седельные ножны свой новый клинок. Гардан с интересом приподнял бровь, поглядывая на оружие, но ничего не спросил. Только сплюнул сквозь дырку в зубах и покосился на нее:

— И куда теперь?

— К Алеору, — ответила Рада, зубами выдергивая пробку из фляги. — С меня уже достаточно этого проклятого города. Пора убираться отсюда.

Они не спеша направили лошадей к центру города. И над их головами лежало тихое бархатно-синее небо, полное звезд.

===== Глава 13. Страшные сказки =====

Выскользнув из людской толчеи в темный проулок, где воняло котами, а ноги утопали в грязи и отбросах, Лиара облегченно вздохнула и позволила себе несколько секунд постоять на одном месте. От волнения ноги едва не подкашивались, а сердце колотилось прямо в глотке, грозя выпрыгнуть изо рта и ускакать вперед, куда ему вздумается. Возьми себя в руки! Сосредоточься! Осталось чуть-чуть!

Она-то всегда чувствовала себя в толпе не слишком комфортно, а сейчас, с сыном Рады Тан'Элиан, на которую в городе шла необъявленная охота, было во сто крат хуже. Лиаре казалось, что каждый прохожий пристально всматривается в ее лицо, стражники —

направляются в ее сторону, чтобы отнять мальчика, и за каждым стеклом, за каждой занавеской на окне скрываются внимательные глаза, только и ждущие того, чтобы она выпустила маленькую вспотевшую от волнения ладошку Далана и отвернулась.

Мальчику тоже передалось ее напряжение. Он почти не разговаривал и жался к ней так близко, словно надеялся укрыться под полой ее плаща. Лицо его сейчас было вымазано сажей и золой, и из-под тусклой, натертой пеплом русой копны волос смотрели огромные, расширившиеся от страха голубые глаза. Не смотря на это, мальчишка изо всех сил храбрился и пытался даже защищать ее. Один раз заслонил собой от проехавшей слишком близко телеги, второй — дрожащим голосом сообщил Лиаре, что он с ней и потому бояться ей нечего. В общем-то, на этом его геройство и закончилось, и Лиара была благодарна за это всем богам, каких только могла припомнить. Она прекрасно знала, какие глупости могли вытворять мальчишки возраста Далана, пытаясь доказать другим, что они уже достаточно взрослые и храбрые, чтобы постоять за себя. И безмолвно благодарила за то, что Далан не такой.

Шум улицы и людских голосов остался за спиной, а впереди виднелся лишь узкий проулок и глухая стена, перекрывающая его. Слева от нее должна была быть арка прохода во внутренний двор, и Лиара поймала себя на том, что смотрит туда едва ли не с еще большим ужасом, чем назад, на шумные улицы, полные людей. Там жил Тваугебир, и этого было достаточно для того, чтобы развернуться и во все лопатки бежать отсюда, куда глаза глядят, лишь бы оказаться как можно дальше от этого места. Однако Рада приказала отвести мальчика туда, и Лиара поклялась сделать это.

... Серебро в крови холодней, чем лед,
Черный меч в руке твоей смерти ждет.
Убегай, пока не пришла беда,
Заплети пути, не оставь следа,
Да за семь морей, да за семь дорог,
Ворота замкни, окропи порог,
Потуши свечу, затепли очаг.
Не смотри в окно, за окном твой враг.
Он распутал нить, он нашел твой след,
Коли выбран ты, то надежды нет.
Серебро в крови разлилось рекой.
Только выпив жизнь, он найдет покой.

Лиара содрогнулась, когда из проулка ощутимо дохнуло лютой зимней стужей, или это только почудилось? Ей стало зябко, и она неловко натянула на плечо сползший плащ, ругая себя последними словами. Это была всего лишь детская песенка, всего лишь страшилка из тех, какими малышня любила пугать друг друга долгими зимними вечерами, когда морозы заплетают стекла так, что и не увидишь ничего, а ветки елей скребут по окнам, словно чьи-то скрюченные пальцы, пуская шорохи бродить по стылому дому. Это была всего лишь сказка, и ее не стоило бояться. Ты же сама пела песни о Черном Ветре и думала, что это чудовище, а не человек, и теперь ты служишь в ее доме и помогаешь ее сыну укрыться от беды. И вовсе она не страшная и не жестокая, а искристая, будто солнце в ручье. Так почему же байки о Тваугебуре обязательно должны оказаться правдой, а он сам — безжалостным, охочим до крови монстром? Вот только дрожь от этого так никуда и не делась. Одно дело — Рада Черный Ветер. Что бы о ней ни говорили, но рассказов о ее доблести и силе был

столько же, сколько о ее злости и жестокости. А вот о Тваугебуре Лиара не слышала ни одной доброй песни, ни одной баллады, от которой бы не стыла в жилах кровь.

— Ты чего? — Далан тревожно потянул ее за руку, заглядывая в глаза. Вид у него был перепуганный, но он изо всех сил храбрился и даже улыбнулся ей. — Ты же вроде сказала, что мы пришли, а теперь остановилась...

— Мы пришли, — кивнула Лиара, собираясь. Она обещала Раде уберечь мальчика, а та сказала, что лучшего места, чем дом Тваугебира, не найти. Рада знала, что делает. Убереги меня, Кану! Охрани меня, Защитница! Сжав ладошку мальчика, Лиара взглянула на него и постаралась улыбнуться как можно теплее: — Пойдем. Он живет здесь.

— Кто? — сразу же наострил уши Далан, но Лиара не ответила. Она поняла, что не может заставить себя произнести это имя вслух, слишком уж пугающим оно было, а потому просто повторила:

— Пойдем.

Грязь громко чавкала под подошвами ботинок, и Лиаре пришлось приподнять подол, чтобы не испачкать его. Вонь здесь стояла удушающая, и ей оставалось лишь гадать, почему такой богатый эльф, как Ренон, выбрал для обитания именно эту часть города. Глухие стены домов стискивали небо до крохотного квадрата над головой, и по старой кладке вверх поднимались длинные темные пятна плесени.

Слева в стене здания действительно обнаружилась арка прохода, и Лиара свернула под нее, вздрогнув, когда из-под ног прочь с недовольным мявком шарахнулся худющий зеленоглазый кот. Глазам открылся маленький захламленный глухой двор, полностью залитый грязью, словно ванна — водой. У стен виднелись темные холщовые мешки с плотно завязанными горлышками, валялся деревянный остов разохшейся кровати и два поломанных стула. Лиара отстраненно удивилась, почему древесину до сих пор не украли: дрова в городе стоили баснословно дорого, и в домовые печи шла каждая щепка, способная дать хоть кроху тепла. Впрочем, двор выглядел совершенно необитаемым: окна окружающих его зданий были заколочены, две подъездных двери кто-то, видимо, пытался выбить, потому что сейчас они криво торчали в дверных коробках, застряв намертво и не двигаясь ни туда, ни сюда.

Беспомощно оглядываясь, Лиара остановилась посреди двора. Указания Рады были сухи и точны, она с легкостью нашла все ориентиры, которыми снабдила ее Черный Ветер. А это означало, что Тваугебир должен был жить здесь, только вот где же вход?..

— Что ты ищешь, Лиара? — негромко спросил Далан. Эхо пустого двора подхватило его голос, раздробило на осколки от облезших, облупившихся грязных стен, и паренек непроизвольно вжал голову в плечи, заговорил тише. — Что мы здесь делаем?

— Здесь живет друг твоей матери, — также тихо отозвалась Лиара, разглядывая заколоченные ставни и пытаясь понять, что делать дальше. Не молотить же кулаком в дверь, вопя во всю глотку имя Тваугебира. От одной этой мысли ее холодный пот прошиб. Покрепче сжав ладошку мальчика, чтобы напомнить себе, что она сейчас должна успокаивать и защищать его, а не наоборот, Лиара твердо проговорила: — Нам с тобой нужно найти дверь в его дом. Так что смотри внимательно.

— Это вообще не похоже на дом, — заметил Далан, с опаской оглядываясь по сторонам. — Это больше смахивает на какую-то свалку.

— Невежливо оскорблять жилище хозяина, у которого ищешь приюта, — раздался негромкий голос откуда-то из-за угла, и Лиара на миг забыла, как дышать. — Разве батюшка

не говорил тебе этого, Далан? Или он слишком занят управлением страной?

— Алеор! — вдруг радостно взвизгнул мальчишка. Он отпустил ее руку и сорвался с места, бросаясь вперед.

Лиара и охнуть не успела, как Далан в два прыжка пересек двор, разбрызгивая грязь, а навстречу ему от стены отделилась тень. Она готова была поспорить, что секунду назад во дворе не было никого живого кроме них с Даланом и тощего кота, а теперь Тваугебир вырос буквально из каменной кладки и со смехом поймал паренька на руки, высоко подкинув его в воздух.

— Алеор! Я так рад тебе! — заливисто рассмеялся мальчик. — Как хорошо, что ты здесь!

— А ты подрос, — отозвался эльф, держа его над собой на вытянутых руках и критически разглядывая. — И наконец-то стал похож на свою мать! Я уж боялся, что тебя подменили в колыбельке.

— Почему ты живешь на такой свалке? Почему не остановился у нас? У отца большой дом, там много места! — сразу же сообщил мальчик. — А еще — мама обещала подарить мне коня, представляешь?

— Представляю, — серьезно кивнул Тваугебир. — И я даже помогу ей его выбрать, чтобы она, как свойственно женщинам, не приволокла тебе издыхающего от старости мерина. — Далан заулыбался во все лицо, а холодный взгляд эльфа без какого-либо перехода вонзился прямо в Лиару. — А теперь-ка скажи мне, кто это с тобой?

Она непроизвольно отступила на шаг, изо всех сил давя в себе глупое детское желание завернуться в плащ с головой, как делала в детстве, когда было страшно. Или спрятаться за холщовыми мешками и мусором. Или развернуться и убежать отсюда очень-очень далеко и быстро.

Тваугебир был высок, на полголовы выше Рады, и показался Лиаре самым высоким человеком из всех, кого она когда-либо видела. Он был одет в странный кафтан непонятного цвета, меняющего оттенки в зависимости от освещения, и почти что сливался с темными, поросшими плесенью стенами, отчего смотреть на него было тяжело. Его черные волосы свисали на плечи, обрисовывая узкое, почти змеиное бледное лицо с длинным подбородком и бескровными губами. Но гораздо неприятнее были его глаза, смотреть в которые Лиаре было так сложно, словно эльф медленно и аккуратно разрезал ее нутро на кусочки, выворачивая наизнанку и разглядывая со скучающим видом. Два темно-синих осколка льда, острых и впивающихся под кожу, как колючки коли-листа, в которых не было ни намека на тепло. Две густо-синих морозных ночи, во тьме которых могло таиться что угодно.

Лиара ощутила липкий страх, побежавший вниз вдоль позвоночника, пока эльф молча разглядывал ее. От него не исходило ощущение угрозы, нет, от него пахло смертью, прямо и морозно, и она непроизвольно потеряла друг о друга вмиг заледеневшие кончики пальцев. Легенды говорили о том, что Тваугебир был Высоким, а это означало, что в силе крови он был слабее Лиары, а потому не мог читать ее так же, как читала его она. Однако сейчас ей казалось, что все в точности до наоборот, и что никакая эльфийская сила не способна защитить ее от него.

... Серебро в крови холодней, чем лед...

— Это Лиара! — звонко сообщил Далан, и, услышав свое имя, она вновь вздрогнула, чувствуя себя кроликом, который едва-едва избежал смерти в длинных клыках удава. — Она служит моей матери, поет песни и баллады, на арфе играет. Она только недавно к нам

пришла.

— Вот как? — Тваугебир моргнул, кажется, в первый раз за все это время, и острое желание убивать исчезло из его сжавшихся в росинку зрачков. Он прикрыл глаза и опустил мальчишку на землю, затем сложил руки на груди и взглянул на Лиару, но уже без угрозы. — И что же Первопришедшая делает в услужении у Черного Ветра?

— Рада спасла меня, — Лиара с трудом протолкнула эти слова сквозь стиснутые зубы, но как только голос ее зазвучал в замкнутом пространстве двора, стало чуть-чуть легче. — Я обязана ей жизнью и отдаю свой долг.

Несколько секунд Тваугебир пристально рассматривал ее, потом кивнул:

— Ладно, заходите. Расскажите все в доме, так будет удобнее.

Он отвернулся, и Лиара наконец-то смогла нормально выдохнуть. Казалось, что с нее спали тяжелые цепи, вмиг перетянувшие все тело. Кану Защитница, помоги! Мне с ним в одном помещении сидеть и еще неизвестно сколько ждать Раду. Нужно как-то взять себя в руки.

Далан подбежал к ней, схватил ее за руку и потянул за собой:

— Лиара, пойдём! А чего ты не сказала мне, что мы к Алеору идем?

— Я не знала, что вы знакомы, — растеряно отозвалась она.

— Знакомы, — закивал Далан. — Алеор приезжал к нам в гости, когда я был маленьким, и потом тоже, когда мама уже была на севере.

Лиаре оставалось только догадываться, как на эти визиты реагировал Ленар. Судя по уже услышанному, Тваугебир-то его терпеть не мог, так что вряд ли встречи были теплыми.

Эльф поманил их за собой за угол подъезда, где обнаружилась маленькая, плотно закрытая неприметная дверь. Он открыл ее и посторонился, пропуская их с Даланом, и Лиара вновь сжалась под его ледяным изучающим взглядом. По его темно-синим глазам ничего нельзя было прочесть, и от этого ей становилось еще более неуютно.

Они оказались в темном коридоре с обшарпанными стенами. На полу лежал толстый слой пыли, на котором четко отпечатались цепочки следов Тваугебира. Эльф запер за их спинами дверь, прошел вперед и начал подниматься вверх по маленькой кривой лесенке с оббитыми по краям ступенями.

— Алеор, так почему ты живешь на этой свалке? — не унимался Далан. — Мама говорила, что ты князь, так чего же ты ютишься здесь?

— Здесь меня никто не будет искать, мой маленький друг, — хмыкнул эльф откуда-то спереди и сверху. Лестница оказалась винтовой, и сейчас Лиаре были видны лишь его черные сапоги на высокой шнуровке, отмеряющие ступени наверху. — Как ты правильно заметил, я князь, а князья не живут на свалках. А это значит, что у меня здесь не будет незваных гостей.

— Ты не любишь гостей, Алеор? — любопытно спросил мальчишка и сразу же добавил: — А мы с Лиарой — званые?

— Не то что бы, но тут уж некуда деваться, не так ли, маленький милорд? — в голосе эльфа послышалась насмешка.

Лестница кончилась, и под сапогами эльфа закрипели старые рассохшиеся половицы. Лиара видела его спину впереди, в конце небольшого коридора. Эльф взялся за ручки двух узких деревянных дверей и распахнул их внутрь, а потом картинно отступил в сторону, пропуская мимо себя их с мальчиком:

— Добро пожаловать в мое скромное логово, милорд Тан'Элиан и миледи Смотрите-я-

умею-играть-на-арфе!

Тваугебир произнес это таким тоном, что внутри зашевелилось раздражение, но Лиаре хватило всего одного взгляда внутрь помещения, чтобы все недовольство вылетело из ее головы. А Далан восхищенно вздохнул и побежал внутрь, стуча сапогами по гулким полам.

Все внутренние перегородки в помещении были снесены, остались лишь опоры из толстых фрагментов стен, поддерживающие потолок третьего этажа, чтобы он не обрушился. Выходящие на улицу окна особняка были грязными, очень грязными, и лишь слабый свет дня пробивался внутрь помещения. Раньше особняк был жилым, многоквартирным домом, но теперь стен не стало, и он просматривался во все стороны, насколько хватало глаз. Лес из оббитых колон, бывших стенами, не давал разглядеть комнат, между колоннами прятались тени, торчали обглоданные, вырванные из стен каминные трубы с закопченными трубами, уходящими вверх. И повсюду на полах лежал толстый слой пыли, который пересекали лишь крупные следы Тваугебира и тонкие цепочки крысиных лапок.

В воздухе стоял запах пыли, плесени, а еще что-то острое, опасное. Так могло бы пахнуть в логове дикого зверя. Лиара вздрогнула, вновь ощутив на себе взгляд холодных глаз.

— Вот это да! — восторженно выдохнул Далан, останавливаясь на свободном от колонн пространстве и оглядываясь по сторонам. — Это ты приказал снести стены, да?

— Мне так было уютнее, — пожал плечами Тваугебир. — Не люблю замкнутое пространство.

— Ты живешь здесь совсем один? А где твоя прислуга? — Тваугебир зашагал вправо через череду пустых квадратов комнат, и Далан пристроился рядом с ним, крутя головой по сторонам и ощупывая все, до чего мог дотянуться. Его звонкий голос разрывал угрюмую густую тишину помещения, и, казалось, тени, отбрасываемые колоннами, внимательно прислушиваются к чему-то новому, молодому и веселому, чего они никогда не слышали.

Алеор что-то ответил мальчику, но Лиара не расслышала его слов. Эхо странно гуляло здесь, отталкиваясь от полуразрушенных стен и дробясь, гулко кружась внутри давно остывших очагов, из которых сквозняки выдули даже остатки пепла. Лиара поежилась, поплотнее закутываясь в шерстяной плащ. Это место было странным, под стать своему хозяину, и она чувствовала себя здесь неуютно, лишней и чужой этой пыльной тишине.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что окна специально изнутри замазаны то ли побелкой, то ли золой. Судя по всему, Тваугебир опасался слежки и исключал любую возможность наблюдения за собой снаружи, например, из окон особняка напротив. Этой же цели служил и толстый слой пыли на полу: любой отпечаток ноги можно было моментально увидеть. А отсутствие стен не давало возможности подкрасться незаметно: хоть колонны и напоминали сплошной лес, однако любое движение хорошо просматривалось издали, а гулкое эхо позволяло услышать незваного гостя задолго до того, как он сможет подобраться вплотную и попытаться подслушать хозяина дома. Лиара должна была признаться себе, что эльф все рассчитал правильно, и его жилище, казавшееся на первый взгляд неуютным и заброшенным, представляло из себя прекрасно оборудованное логово, в котором бывалый наемник мог чувствовать себя в полной безопасности.

Они прошли насквозь все здание и оказались в дальней его части. В самом углу у глухой стены стоял простой топчан с жестким матрацем, наспех застеленным тонким шерстяным одеялом. На крюках в стенах висели узлы с пожитками Тваугебира, сложенные так, чтобы в любой момент можно было собраться и покинуть здание. Был здесь и стол, на котором в жестяной миске сиротливо замерзли остатки куриных костей. Еще у стены виднелся

маленький шкафчик без дверки, в котором аккуратно стояли плотно закупоренные бутылки. Больше в жилище эльфа не было ровным счетом ничего, если не считать развешенного на стене арсенала оружия, которого хватило бы и на пятерых человек. Взгляд Лиары пробежался по сложному составному луку, укрепленному роговыми пластинами, оцетинившемуся стрелами колчану, длинному черному трезубцу, прислоненному к стене, двум коротким катанам и длинному мечу в черных ножнах. И это не считая кинжалов и ножей, воткнутых в кармашки широкого кожаного пояса, какой наемники часто поддевали под куртку. Неужели он таскает все это железо на себе? Лиара бросила короткий взгляд на Тваугебира, но от вопросов воздержалась.

Хозяин дома остановился у стола и картинно обвел рукой сиротливую обстановку.

— Добро пожаловать к моему очагу, дорогие гости! Его, правда, здесь нет, однако мы сделаем вид, что не заметили этого, чтобы не обижать хозяина, не правда ли? — эльф с улыбкой взглянул на Далана, и тот звонко рассмеялся в ответ. — А теперь, пожалуйста, присаживайтесь и расскажите мне, с какой же радости вы свалились на мою голову этим утром.

Отодвинув себе стул, Алеор уселся, вытянув поперек комнаты свои длиннющие ноги. Далан совершенно беззастенчиво залез на топчан, и Лиара, поколебавшись, последовала его примеру. Больше здесь садиться было просто не на что, а по полу слишком сильно тянуло сквозняком, чтобы усесться прямо на разохшиеся доски.

— Сегодня умер король, Алеор, — сразу же сообщил Далан, влюбленными глазами глядя на эльфа. Лиара и рта раскрыть не успела. — И моя мама решила, что в доме небезопасно. Поэтому она попросила Лиару отвезти меня к тебе и переждать здесь какое-то время, пока они с отцом не справятся с ситуацией.

— Так и сказала? — приподнял одну бровь Тваугебир, и мальчишка закивал в ответ. Эльф перевел свой острый взгляд на Лиару и поинтересовался: — Ты, должно быть, пришла ей по душе, раз Рада доверила тебе жизнь своего сына.

— Миледи опасалась слезки, — смотреть ему в глаза было невыносимо, потому Лиара потупилась, рассказывая его черным сапогам. — Сегодня утром в особняк приехала леди Тайрен до'Ардор и принесла информацию касательно покушения на жизнь Рады.

— Расскажи все, — потребовал железный голос эльфа, и Лиара начала с самого начала.

Она пересказала Тваугебиру все, произошедшее в доме с утра, и он слушал, не перебивая. И если поначалу Лиара запинаясь и все никак не могла связать два слова, то к середине рассказа уже приободрилась, поглядывая на слушающего ее эльфа. Если не считать колкого взгляда, то в присутствии Далана он вел себя достаточно спокойно и пока что ничем ее не пугал. К тому же, эльф то и дело подмигивал мальчугану, а в середине беседы даже безмолвно выудил из-за пазухи большое красное яблоко и кинул тому в руки, вызвав радостный смех мальчика. Это вконец перемешало все мысли в голове Лиары, окончательно сбив ее с толку. Самый опасный наемник Этлана, безжалостный убийца, о котором слагали легенды и страшные сказки, вел себя с мальчишкой, будто с любимым племянником, но при этом пахло от него угрозой и бешенством дикого зверя, когда он смотрел на Лиару. Может, хотя бы в присутствии Далана он не станет меня убивать, промелькнула в голове шальная мысль, и Лиара вновь потеряла почти что покрывшиеся льдом кончики пальцев друг о друга. Тваугебир наводил на нее откровенный ужас, и в его обществе она чувствовала себя натянутой до предела, словно готовая вот-вот лопнуть струна.

— Ну что ж, ладно, — кивнул эльф, когда Лиара закончила свой рассказ. — Кое-что из

твоего лепета я уловил, и этого вполне достаточно. Если дела обстоят так, как я думаю, то к вечеру Рада будет здесь, и ты наконец-то перестанешь стучать зубами от ужаса. Тогда у нас появится шанс, что снаружи этот грохот не услышат, и никто не придет сюда нас убивать.

Лиара моргнула, глядя на него и пытаясь понять смысл его слов. Судя по всему, это была шутка, потому что Далан заулыбался во весь рот. Улыбнулся и эльф, только глаза его оставались холодными, словно замерзший пруд, и улыбка их не коснулась. Откинувшись на спинку стула, он выудил из-за пазухи трубку и принялся набивать ее табаком из кисета, из-под полуопущенных ресниц разглядывая Лиару.

— Ну а раз мы все равно пока ждем Радушку, и делать нам особо нечего, я бы хотел услышать, что Первопришедшая делает в Латре.

Рассказывать свою историю Тваугебиру не хотелось совсем, но и не рассказать ее под взглядом этих глаз Лиара не могла. Потому, тяжело вздохнув, она неохотно отозвалась:

— Я ищу здесь кое-кого. — Бровь эльфа вопросительно приподнялась. — Мою мать, — добавила она. Эльф не произнес ни звука, но Лиара почти физически ощущала, как его взгляд вытягивает из нее все жилы, а потому вынуждена была пояснить: — Она оставила меня в приюте в провинции Карамон, когда мне было восемь. Я не помню ничего из своего детства, не помню ее имени, даже лица, только голос немного. И несколько дней назад я пришла в Латр в надежде найти ее.

Тваугебир некоторое время молчал, казалось, целиком увлеченный набиванием и раскуриванием своей трубки. Когда внутри нее алым затеплился разгоревшийся табак, а в воздухе поплыл густой терпкий запах, эльф поднял глаза на Лиару и затянулся.

— Ты не врешь: слишком боишься меня, чтобы попробовать соврать, и это уже хорошо. Однако и не договариваешь всего. Уж наверное работники приюта были удивлены, когда к ним во двор ввалилась знатная эльфийка и отдала им свою уже довольно-таки подростковую дочь, восемь лет как-никак. И наверное, эта эльфийка оставила им достаточно золота и застрашала порядком для того, чтобы в провинции, где эльфам жить не полагается, девочку не отравили в первую же ночь. А потому эти кумушки как имя Сети'Агона или мое должны помнить и имя твоей матери. Неужели ты не спросила его перед тем, как уходить оттуда? — Глаза эльфа сощурились еще больше, и Лиара заерзала на месте под его взглядом. — Судя по всему, нет. Но ты не выглядишь душой, да и план у тебя был — идти напрямиком в Латр. Так что случилось? Ты что-то украла и удрала до того, как об этом узнали?

— Нет! — огрызнулась Лиара, и сразу же прикусила язык, когда Тваугебир широко оскалился.

— А вот и норы! Я уж думал, у тебя вообще хребта нет, одна только жижа перепуганная. Оттого и удивляюсь: как ты вообще выжить умудрилась в Карамоне и до Латра дойти?

— Они меня выгнали, — хмуро сообщила Лиара. Вспоминать об этом не хотелось, а говорить Тваугебиру — и того меньше, но он слишком нехорошо улыбался. И она боялась его. А этого было достаточно, чтобы заставить ее говорить. — Я принесла заработанные деньги, а они попытались их отнять. Когда я запротестовала, меня окрестили шлюхой и вышвырнули, пригрозив спустить собак. И времени на то, чтобы узнавать имя матери, у меня как-то не было.

— А почему Латр? — склонил голову набок эльф. — Почему не Речной Дом?

— Туда еще надо дойти, и дорога небезопасна. Мне так сказал один гном, — эльф фыркнул, закатив глаза, и Лиара обиженно потупилась. С каждой минутой он раздражал ее

все больше и больше, и постепенно это раздражение начало перевешивать страх. — Он сказал, что на западной дороге полно бандитов, а восточная — безопаснее. И что в Латре много таверн, где я смогу заработать себе на хлеб игрой и песнями. А еще — что в Латре есть послы Речного Дома, к которым можно обратиться.

— Дай-ка угадаю, — Тваугебир глубоко затянулся. — Они догнали тебя на дороге, этот гном и его караван. И, возможно, он попытался... — взгляд эльфа скользнул на с любопытством слушающего их разговор Далана, и он сказал не то, что собирался, — напасть на тебя. Думаю, что тебе удалось отбиться, но кое-кто пострадал.

Темнота, мечущиеся огни, крики людей, хриплое дыхание за спиной. Она бежит без разбора через заросли, заливаясь слезами, едва не спотыкаясь, и ветви хлещут по лицу, цепляют за одежду, словно хотят, чтобы сопящий за спиной преследователь догнал ее. Ей страшно, и весь мир сжат в одну единственную колючую ледяную точку в груди, которая отчаянной птицей бьется в прутья грудной клетки и все никак не может вырваться. И хриплое дыхание все ближе, все громче, а в груди сжимает от ужаса все сильнее, пока сверкающая точка не превращается в стремительно падающую с неба звезду, и воздух вокруг взрывается от ослепительной вспышки, застывшей ветвистой линией на роговице, упавшей с небес и заставившей все волоски на теле подняться дыбом.

— Что ты сделала, девочка? — тихий голос эльфа заставил Лиару вздрогнуть всем телом, вырываясь из плена тяжелых, раскаленных воспоминаний. — Скольких из них ты убила?

— Одного, — голос был как чужой, и Лиара сжалась в комок, не желая ничего говорить, но слова уже полились рекой. — Я шла по дороге, уже под вечер, когда они нагнали меня. Я еще издали почувствовала беду, попыталась уйти в лес, но они заметили меня и погнались. Я ушла ото всех, следы запутать легко, люди не смотрят под ноги. Вот только один смотрел. Он гнался за мной, пытался схватить... — сердце в груди вновь болезненно сжалось, но Лиара знала, что надо сказать это вслух. — И потом я призвала молнию, и... и он сгорел.

— Молнию?! — пискнул Далан, и глаза его стали огромными, будто плоски.

— Я не думала, что так... я не хотела... — залепетала Лиара, сжимаясь в комок под холодным взглядом эльфа. — Я не знала, что так будет...

— Ты умеешь призывать молнии?! — вновь запищал Далан, но сразу же осекся, достаточно было лишь одного холодного взгляда наемника. Мальчик был прекрасно воспитан и знал, что невежливо вступать в чужие разговоры, а потому замолчал и потупился, все же бросая полные восхищения взгляды на Лиару.

— Все правильно, — спокойно кивнул Тваугебир, затягиваясь табаком и тоже глядя на нее с выражением, в котором наметилось что-то, похожее на сочувствие. — Так и должно было быть. И ты все сделала правильно, девочка.

— Но это не так! — Лиара вскинула на него глаза, чувствуя такой ураган эмоций, что готова была им захлебнуться. Изнутри поднялось все: страх, настоящий ужас перед тем человеком, ярость на него и на этого эльфа, глубочайшая печаль и боль от совершенного поступка. Все это билось и клокотало в ней, грозя обрушиться ей на голову и поглотить целиком, и Лиара чувствовала себя крохотной сухой былкой на поверхности стремнины, которую несет к ревущему обрыву водопада, за которым лишь бездна в мареве из крохотных капель воды. На глазах выступили слезы, и она уже была не в силах их сдерживать. — Я убила человека! Он ничего мне не сделал, а я использовала данную мне силу против него! Это неправильно!

— Почему? — приподнял бровь Тваугебир. Лиара задохнулась от его будничного тона, пытаясь найти хоть какие-нибудь слова, чтобы ответить.

— Эта сила... она дается не для того, чтобы разрушать, — тихо проговорила она, чувствуя, что все ее слова отскакивают от эльфа, словно маленькие камушки от гранитной скалы. О нет, он внимательно слушал ее и понимал каждое, но они были ему смешны. И от этого она чувствовала себя слабой, будто ребенок, и ни на что не способной. — Этот человек мне ничего не сделал, хоть и хотел. И я не должна была...

— Что не должна была? — подался вперед Тваугебир. — Защищать свою жизнь? Ты думаешь, они бы тебя потом оставили в живых после всего? — Лиара зажмурилась, отгоняя прочь его лицо и его голос. Ей даже думать не хотелось о том, о чем он говорил. — Посмотри на меня! — железным тоном приказал эльф, и Лиара поняла, что не подчиниться просто не может. Она открыла глаза и взглянула в его лицо, освещенное стальной силой. Ничего в нем не было, кроме этого: только сила, воля, словно железная рука, сжавшая все ее существо и заставляющая его слушать и не отрываться от его взгляда. — Ты не сделала ничего плохого, — почти что по слогам проговорил эльф, глядя ей в глаза. — На тебя напал смертный, он хотел тебе зла. Он мог не нападать, когда ты убежала в лес, однако, он преследовал тебя. И он напросился. Ты должна запомнить раз и навсегда: если человек напрашивается сам, он должен получить по заслугам. Это закон мира, закон природы, закон силы. И тебе не в чем себя винить.

Тваугебир настойчиво смотрел ей в лицо, словно вцепившийся в кусок мяса голодный волк, не желающий разжимать челюстей до тех пор, пока добыча не окажется в его брюхе. Она не понимала, почему он так проникся ее рассказом, почему так зацепился за ее слова, и какое ему вообще дело до того, что случилось с ней по дороге на Латр, или вообще до нее самой и ее судьбы. Однако, в его словах был живейший интерес и настойчивость, он изо всех сил пытался что-то донести до нее. И Лиара готова была бы согласиться с его словами...

Только что-то в них было не так. Она даже не смогла бы объяснить что, только что-то прорастало через все эти фразы, через всю его волю, через его твердокаменную уверенность в праве. Что-то гораздо большее, непреложный закон, сорняк, пробивающий каменные оковы дорожного полотна, одна единственная первая набухшая почка на кусте, который еще укрывал морозным дыханием пушистый снег. Он был не прав, и Лиара знала это, чувствовала это всем сердцем. Может, она и не знала слов, чтобы правильно выразить это и донести свою мысль до эльфа, однако она была совершенно уверена в том, что он не прав. И никто не смог бы сдвинуть ее с этого.

— Есть другой выход, — тихо проговорила она.

— Какой? — в голосе Тваугебира проскользнула саркастическая нотка. Лиара постаралась собрать в себе все те слова, все те чувства, что кружились, словно листья на осеннем ветру, а потом сложить их во что-то, что она смогла бы донести. Все ее нутро кричало, что не стоило спорить с Тваугебиром, что это была самая идиотская из всех ее идей, однако она должна была сказать ему. Осторожно подняв глаза на эльфа, Лиара едва слышно проговорила:

— Этого всего могло бы не случиться, если бы я не побежала.

— Тогда они получили бы то, что и намеревались получить, — пожал плечами эльф.

— Нет, — твердо ответила Лиара.

— Нет? — удивленно хмыкнул он. — Почему ты так уверена?

— Потому что люди чувствуют страх, и страх притягивает их, как магнит. Если нет

страха, то им не нужно нападать.

Несколько секунд Тваугебир смотрел на нее, как на безумную, а потом подался вперед:

— То есть ты хочешь сказать, что они просто прошли бы мимо тебя, если бы ты их не боялась? Что они не попытались бы захватить тебя? Только потому, что ты их не боялась?

— Да.

— Боги! — эльф закатил глаза. — Я думал, Рада — самая безумная из женщин, которых я когда-либо встречал, оказывается, нет. Ну что ж, вы просто нашли друг друга, девчонки.

— Но ведь это так, — Лиара вдруг ощутила, что боится его уже меньше, чем раньше. Все еще до дрожи в коленях и желания бежать отсюда как можно быстрее, но все-таки чуточку меньше. — Ведь животное никогда не нападет, пока не почувствует, что ты его боишься. С людьми то же самое.

— Люди гораздо хуже животных, девочка, — осклабился Тваугебир. — Они убивают для забавы, по собственному желанию, а не потому, что вынуждены.

— Но это все равно работает, — упрямо повторила Лиара, глядя на свои ладони. Пальцы больше не сводило от холода. — Я знаю. Если не боишься, с тобой ничего не случится.

Некоторое время Тваугебир молчал, разглядывая ее в упор, и вдруг, усмехнувшись, покачал головой.

— Ладно, твоя взяла. Считай, как знаешь. Надеюсь, твоя вера уберезет тебя. Или Рада не зря же она тебя подобрала в той таверне.

От его слов внутри почему-то стало тепло, и Лиара поняла, что тихонько улыбается. Рядом с Радой она действительно чувствовала себя спокойнее, гораздо спокойнее, чем когда-либо и с кем-либо. Наверное, так же спокойно, как и маленький Далан рядом с самым устрашающим наемником всего Этлана. Ты не видишь ничего общего между вами? Вряд ли Далан знает о том, что на самом деле представляет собой Тваугебир, потому ему и не страшно. А может, наоборот, все дело в том, что детям плевать на то, как ведут себя взрослые, если они добры к ним? Словно в подтверждение ее мыслей, эльф вдруг хитро подмигнул пареньку, действительно как любящий дядюшка, развлекающий племянника.

Он потянулся под стол, вытащил оттуда какой-то кулек и вывалил его содержимое на столешницу. Воздух сразу же наполнился сильным чесночным запахом, исходящим от большого куска колбасы. Рядом с ним на столешнице оказалась буханка хлеба и еще два больших красных яблока.

— Угощайтесь! — Тваугебир кивнул на стол. — Все равно сидеть до вечера, а вы, небось, поесть-то и не успели. А что касается тебя, девочка, — его взгляд, обращенный к Лиаре, больше не был тяжелым. Просто спокойным и чуть-чуть смешливым. — То искать тебе твою мать надо не здесь, а в Речном Доме. Здешние Первопришедшие тебе ничего не скажут, толку от них не будет никакого. Они погрязли в интригах, а ты — связалась с Радой, и вряд ли это останется незамеченным ими. Теперь тебе ко двору ход закрыт, иначе они втянут тебя в свои игры, и ничего хорошего от этого ты не получишь. Так что твой путь лежит на запад, как и наш, и там, возможно, ты получишь свои ответы. Да и норы у тебя, как я вижу, подходящий, так что добро пожаловать в команду.

— В какую команду? — настороженно спросила Лиара, уже зная, что ответ ей не понравится.

— А разве Рада не рассказывала тебе о моем маленьком походе? — Тваугебир развалился на стуле и принялся грызть яблоко. Алый сок брызнул с его губ, словно кровь, и

Лиару передернуло. — Я собираю людей, тех, кто согласен участвовать в моем походе и стяжать себе вечную славу. Раз Рада подобрала тебя и взяла к себе, значит, что-то она в тебе увидела, а коли ты можешь то, о чем мне только что рассказала, то ты нам вполне подходишь. Да и идти в Речной Дом — в ту же сторону, что и нам. Так что присоединяйся к команде, получишь возможность найти мать и неплохое денежное вознаграждение.

— А куда вы идете? — Лиара внимательно смотрела на эльфа. Предложение его было слишком хорошим, чтобы в нем не было подвоха, и подвох, судя по всему, был немалый.

— За Семь Преград, к Неназываемому, — широко оскалился Тваугебир, и она поняла, что не стоило ей уходить из провинции Карамон. Ох как не стоило.

===== Глава 14. Потери =====

За грязными окнами медленно опускались сумерки. Тваугебир ушел, заявив, что у него еще есть дела, которые необходимо закончить перед отъездом. И они с Даланом остались вдвоем.

Некоторое время мальчик еще восторженно лопотал о предстоящем его матери походе за Семь Преград, а потом, свернувшись калачиком на шерстяном одеяле и уложив Лиаре на колени вихрастую голову, спокойно уснул. Сама она его радостей и восторгов не разделяла. Перебирая мягкие волосы Далана, сквозь золу на которых упрямо пробивалась рыжинка матери, Лиара невидящими глазами смотрела в пространство перед собой.

Сил на что-либо реагировать, бояться, страдать или грустить у нее больше не было. Проклятый Тваугебир просто добил ее сообщением о предстоящем походе, и как бы Лиара ни искала для себя поводы не участвовать в этом мероприятии, а что-то внутри нее настойчиво подсказывало, что ей не отвертеться.

Раде места в Латре уже не осталось, это было ясно как белый день. Интригу против нее состряпали такую, что даже если она и умудрится доказать свою невиновность, то лучше ей будет убраться подальше с глаз знати, пока шум не уляжется. К тому же, Лиара видела в ней это: неумную жажду поскорее сбежать из города. Ее почти что на месте подбрасывало, так хотелось отсюда ноги унести, она от скуки едва на стены поместья не лезла, а потому, скорее всего, воспользуется предложением Тваугебира и согласится на экспедицию. А значит, и Лиаре уходить вместе с ней: вряд ли Ленар позволит ей остаться в поместье приглядывать за мальчиком в отсутствие Рады. Да и зачем ей там оставаться? Тваугебир сказал, что искать ее мать нужно в Речном Доме, а не здесь, пообещал, что они отведут ее туда по дороге на запад. Но Семь Преград...

...За бескрайней вуалью метели, растянутой между горами,

Где нет троп и дорог, скалы грозно щерятся в небо,

За лесами Железного древа,

За Плавучими островами,

За горячей землей и Пустыми Холмами Червей,

За дорогами эха и льдом, что сковал бездну мхира,

Дождается Конца Мира

Властелин трухи и костей.

Его зубы крепки, но засов его клетки надежен,

Хоть грызи, хоть ломай, не треснут печати из Силы.

Только помни, герой, из могилы

Путь обратный долог и сложен.

Коли славы захочешь такой, чтоб гремела до горниц небесных,

Коли в сердце нет страха, и вывел Грозар на дорогу,
Приходи во Врага берлогу,
Имя коего Неизвестно...

Лиара одними губами задумчиво шептала строчки, наблюдая, как гаснет за грязными окнами последний солнечный луч уходящего дня. С этих строчек начиналась «Песня о Пятерых героях и Семи Преградах». Кажется, ее содержание знал каждый мальчишка на всем протяжении земель Мелонии от Кандора на побережье Северного Моря и до рудников Дентора на юге. Впрочем, скорее всего, пели ее и во всех остальных странах; в таверне, где она выступала, ее заказывали все: и хмурого вида усатые лонтронцы и низкорослые гномы, и темноволосые с чуть раскосыми глазами бернардинцы и белогривые южане. И все они прекрасно знали, чем кончалась эта песня: гибелью пятерых величайших наемников Запада буквально в нескольких шагах от логова Неназываемого. И раз уж они туда не попали, то куда было кому-то еще.

Впрочем, выбора у нее опять-таки не было никакого. Или сидеть в Латре и ждать, пока за ней не придут те, кто будет искать Раду, если той не удастся оправдаться, или попытаться счастья на западе, присоединившись к легендарному походу. И хотелось бы Лиаре сказать самой себе, что ей совсем не хочется за Семь Преград, однако, она не могла.

Ты всегда пела чужие песни о чужих подвигах и чужой славе. Не пришло ли время написать свои? Ведь получилась одна уже, Раде-то понравилось... При воспоминании об этом внутри поднялось непрощенное тепло, и Лиара тихонько улыбнулась. Черный Ветер сказала, что ее стихи хороши, они ей очень понравились. Черный Ветер вообще относилась к Лиаре гораздо лучше, чем та того заслуживала: выручила в таверне в день их встречи, дала кров, теперь даже жизнь своего сына доверила. Было что-то такое в ней, что-то такое странное, непонятное для Лиары. Она никогда не встречала похожих на нее: свободных и при этом скованных по рукам и ногам собственной судьбой. Тех, кто оседлал ветра, чтобы лететь на их гривастых потоках до самого края мира, тех, кто не боялся рока и смеялся в лицо надвигающейся беды, тех, кого не под силу было сломить никаким невздам. Вот ты уже и запела о ней. Не рано ли? Мы еще даже никуда не выехали из этого города. Лиара улыбнулась, рассеяно и тихо, чувствуя странное любопытство. Все равно деваться-то ей некуда, а дороги уже привели ее навстречу к Раде. Так почему бы и не сложить песню о новых героях, что дойдут-таки до логова Неназываемого? И я смогу увидеть все собственными глазами и не приукрасить ни слова.

Откуда-то из глубины темного леса колонн долетел отдаленный хлопок и человеческие голоса. Лиара вздрогнула, выпрямившись и рассеяно глядя туда. Оказалось, что пока она раздумывала, на город теплым черным пузом улеглась ночь, и теперь они с Даланом сидели в крошечной темноте, в заброшенном особняке, логове Тваугебира. Может, тебе уже и не надо никуда уходить? Может быть, твой путь к Семи Прегодам уже начался?

Лиара прикрыла глаза, расслабляясь и позволяя сознанию растекаться вокруг нее, словно теплomu молоку. Ощущение было странным, легким, прозрачным, словно прикосновение перышка к лицу или едва ощутимое касание солнечного луча. Сейчас она чувствовала сухую пыль оставшихся от внутренних стен дома остовов, разошедшиеся горбы половиц, стылые зевы пустых очагов. А еще — двоих мужчин и женщину, приближающихся через пустые помещения к ним с Даланом. Потому она совсем не удивилась, когда они подошли вплотную, в отличие от Рады, которая громко охнула:

— Грозар! Вы тут так притаились в темнотище, что напугали меня! — Черный Ветер

часто заморгала, пытаясь рассмотреть фигуру Лиары на фоне единственного светлого пятна в помещении — замызганного окна. — Сынок уснул?

— Да, Рада, — кивнула Лиара, не переставая гладить волосы мальчика. Он тихонько завозился на ее руках, но не проснулся.

— Я вообще не представляю, как вы в такой темноте видите, — буркнул Гардан, держащийся за плечом Рады так, словно ориентировался в пространстве только по ее голосу. — Надо котом быть, чтобы хоть что-то тут разглядеть.

— Или хорошим наемником, — презрительно осклабился Тваугебир, проходя мимо него и волоча на спине какой-то кулек. — Но не воспринимай это, как оскорбление. Я уважаю и ценю все попытки человеческой расы хоть как-то держаться на уровне, учитывая ваши крайне ограниченные способности.

— Ну конечно, не все здесь такие талантливые, как великий Алеор Ренон, — проворчал сквозь зубы Гардан, нарочито отворачиваясь. — Куда уж нам!

— И это правда, друг мой! — широко улыбнулся эльф, опуская кулек на пол у кровати. — Однако, не все потеряно. Думаю, лет через семьдесят-восемьдесят ты уже сможешь подучиться и получить шанс оказаться у меня в помощниках... Ох, прости! Как я мог забыть? Ты же смертный! — Он картинно прижал ладонь к сердцу. — В это время ты же уже будешь кормить червей! Какой же я рассеянный!

— Пошел ты!.. — неприязненно бросил Гардан, угрюмо глядя в сторону эльфа, хоть разглядеть его в такой темноте явно не мог.

— Ладно тебе уже зубы скалить, Алеор, — устало сказала Рада, плюхаясь на стоящий у стола стул и проводя ладонью по лицу. — Гардан в порядке. И мне уже осточертели эти препирания, так что заткнитесь оба, и давайте поедим.

— Как скажете, миледи Тан'Элиан, — Тваугебир изобразил самый учтивый поклон, на который был способен, и Рада хорошенько пнула его в голень, все-таки не удержавшись. Эльф только осклабился в ответ.

— Хватит с меня уже этого имени, — Рада расстегнула пряжку плаща у горла и стащила его с плеч, небрежно сбросив на пол. — Да я больше и не имею на него права.

— Ты на него никогда права не имела, горlinka моя, — доверительно сообщил ей Тваугебир. — И хвала всем твоим богам за это.

— Да уж, — устало кивнула она.

Лиара внимательно пригляделась к ней. В Раде что-то изменилось за те несколько часов, что они не виделись. Теперь она чувствовалась усталой, и еще... какой-то легкой. Очень легкой, словно сухой осенний лист, который вот-вот унесет порывом первого ледяного ветра. А еще очень спокойной и тихой.

— Что случилось, Рада? — негромко спросила она, осторожно наклонившись вперед и вглядываясь в ее лицо.

Тваугебир как раз завозился с масляной лампой, а Гардан принялся, невнятно ворча под нос, сбрасывать с плеч вьюки, которые притащил с собой. Лицо Рады скрывали тени, но глаза ее были отчетливо видны Лиаре. И в них был все тот же покой, тише предрассветной дремоты трав.

— Мои враги меня больше не беспокоят, — тихо отозвалась та, задумчиво глядя на Лиару. — И Ленар мертв.

— Мне так жаль, Рада, — тихо проговорила та, и это было от души. Молодой лорд не слишком нравился ей, но он любил мальчика, да и жену свою пытался защитить изо всех

сил.

— Да, — кивнула та, но в голосе ее кроме усталости не было ничего. — Лорд-Протектор, правда, тоже погиб, но это уже не имеет значения. Завтра утром я отправляюсь на запад вместе с Алеором. — Она несколько секунд помолчала, о чем-то думая, потом неловко взлохматила волосы на затылке: — Я знаю, я обещала тебе кров и службу, но теперь служить будет уже негде, так что... Если хочешь, можешь отправиться с нами на запад.

В голосе ее был просто вопрос и ничего больше, и внутри отчего-то болезненно кольнуло. Лиара удивилась самой себе: ждать иного от Рады она не могла, та и так очень много сделала для нее и ее судьбы. Да и что вообще она должна была ждать от этой женщины? Их ведь ничего и не связывало вовсе, кроме нескольких совместных переделок. Однако, внутри все равно кольнуло, и причина этого была ей непонятна.

— Тва... милорд Ренон уже пригласил меня, и я иду, — скрывая свою грусть под опущенными ресницами, сообщила она.

— Вот как? — удивленно вскинула брови Рада. — Ну что ж, тогда вообще хорошо.

— А что будет с Даланом, Рада? — осторожно спросила Лиара, стараясь не тревожить спящего мальчонку. Не стоило ему просыпаться сейчас, когда его мать была явно не в состоянии что-либо ему объяснить о смерти отца и собственном отъезде. Ведь не была же она окончательно сумасшедшей, чтобы тащить его с собой за Семь Преград.

В ответ Рада только тяжело вздохнула, глядя на сына, нахмутив брови и часто моргая. И подняла глаза на Лиару.

— Все, кто мог угрожать ему расправой, мертвы. Но оставлять его одного в городе нельзя. У Ленара есть брат, он сейчас в поместье, в Ронтисе, вместе с моей дочерью. Гардан отвезет Далана туда. Меня в любом случае обвинят в смерти Лорда-Протектора и Гелата с Аспаром, а потом и в смерти короля, а, значит, будут искать. С Гарданом ему будет безопаснее тайно покинуть Латр: искать-то будут женщину с ребенком, а не мужчину.

— Да уж, хорошее у тебя получилось возвращение домой, Радущка! — хмыкнул Алеор, и перед ним во тьме вспыхнула масляная лампа. В помещении сразу же заплясали длинные тени, а Лиара отстраненно удивилась: как же эльф умудрился так быстро зажечь свечу? Ведь огнива у него в руках не было. Алеор отодвинул все заслонки лампы и выпрямился, насмешливо глядя на Раду. — Укокошила короля, Лорда-Протектора и кучу дворян, нанесла вред старинной архитектуре города, сожгла целое поместье. И все это за... Напомни, сколько ты здесь?

— Две недели, — мрачно сообщила Рада. — Но веселье началось только три дня назад.

— Уступим посредственностям, — предложил ей эльф. — Все равно никто не сможет за такой короткий срок перебить столько народу. Так что пусть будет две недели.

— Технически, убила я только Гелата с Аспаром, остальные — не моя заслуга, — поморщилась Рада, на шаривая за пазухой трубку.

— Однако, доказать ты ничего не сможешь, и людская молва все равно назовет тебя цареубийцей. Так что хотя бы гордись своим подвигом. Теперь-то, когда ты покинешь Мелонию, надо будет на что-то жить, а с такой репутацией цена на твои услуги как наемницы стремительно вырастет.

В ответ Рада бросила на него угрюмый взгляд, но от комментариев воздержалась.

Далан на руках Лиары сонно зашевелился, разбуженный светом лампы и голосами людей, присел, потирая ладонями заспанные глаза. Рада помрачнела, глядя на сына, мужчины замолчали, сразу же найдя себе занятие. Алеор принялся накрывать на стол,

небрежно бросая на столешницу промасленные свертки со снедью, которые извлекал из принесенного им мешка, Гардан нырнул под стол к своим вьюкам, что притащил на плечах, и принялся усиленно отыскивать в них что-то. Видимо, они самоустранились, не желая участвовать в том, что Раде нужно было сообщить сыну о смерти Ленера.

— Мама? — голос у мальчика со сна был сиплым. Он часто заморгал на яркий свет лампы, и Лиара отпустила его плечи. — Ты пришла, мама? Почему у тебя лицо такое грязное?

Рада тяжело вздохнула, потерла ладонями лицо, потом протянула руки навстречу сыну.

— Иди-ка сюда, сынок. Мне надо тебе кое-что сказать.

Мальчик послушно встал с кровати, и Рада поднялась ему навстречу. То ли так падал свет лампы, то ли тени плясали по комнате, только сейчас он показался Лиаре совсем маленьким на фоне своей матери, будто был меньше, чем на самом деле, раза в два. Наклонившись, Рада с легкостью подхватила его на руки, и, ни слова не говоря, ушла в пыльную тень колонн, куда не проникал желтый свет лампы.

Атмосфера в помещении сразу же изменилась. Мужчины прятали глаза, не глядя ни на Лиару, ни друг на друга, повисла тяжелая тишина, в которой никто не разговаривал. Но Лиаре не было до них дела. Тихонько сидя на самом краешке топчана, она, прикрыв глаза, всей собой тянулась к Раде и ее сыну, пытаясь передать им хотя бы частичку своего сочувствия и поддержки, завернуть их обоих в теплый воздух, отогреть. Только сколь бы хорошо эльфийская сила ни служила ей самой, позволяя чувствовать окружающую природу и черпать силы в ее извечном спокойствии и мягкости, на других это, видимо, не распространялось. Атмосфера в помещении становилась все тяжелее, тяжелее, словно скручиваясь внутрь, замерзая длинной сосулькой на краю крыши. Потом на миг пахнуло ледяным холодом, и Лиару передернуло, когда кожа покрылась крохотными мурашками. И следом за этим издалека долетел тихий детский вскрик.

Они не возвращались долго. За это время мужчины уже успели поесть, не поднимая друг на друга глаз. Лиару воротило от одной мысли о еде, и она только отрицательно помотала головой, когда эльф выразительно приподнял краюху хлеба, глядя на нее. Пожав плечами, он отвернулся от нее и больше не смотрел.

Гардан поднялся из-за стола первым, проворчав что-то по поводу ранней пробудки, выудил из своих вьюков одеяло, завернулся в него, как в кокон, и улегся прямо на пол у стены, подложив один из вьюков себе под голову. Тваугебир еще какое-то время посидел у стола, перелистывая пожелтевшие страницы маленькой кожаной книжечки, извлеченной из-за пазухи, захлопнул ее и аккуратно убрал во внутренний карман. Поднявшись с места, он опоясался широким ремнем с прикрепленными к нему ножами, пристегнул к поясу меч и запахнул длинный черный плащ, набрасывая на голову глубокий капюшон.

— Не буду мешать вашему отдыху. Вернусь к рассвету.

Лиара проследила за ним глазами, пока высокая черная фигура не растворилась между колонн, подтянула к груди колени и обхватила их руками. Сердце в груди тихонько сжималось от боли: она чувствовала эту боль, разлитую повсюду, и мрачная пыльная тишина колонн лишь усиливала это ощущение. Где-то там, на другой стороне старого особняка, горько плакал в руках Рады маленький мальчик, потерявший своего отца, и непобедимая Черный Ветер ничего не могла сделать, чтобы утешить его. Лиара почти что видела ее на обратной стороне век: мрачно сведенные к носу брови, стиснутые челюсти, остановившийся взгляд. И, не зная, чем помочь, постаралась просто обнять их обоих, моля Защитницу Кану

укрыть их в своих ладонях и хоть немного умерить горе Далана.

За грязными окнами лежала ночь, и в доме все затихло. Изредка с улицы долетали пьяные выкрики или невнятный шум, несколько раз заводил свою ночную песню кот, но кто-то шваркнул на него из окна ведро помоев, и котячьи баллады превратились в резкий противный взвизг. В мертвых рядах колонн застыла тишина, и стылый сквозняк гонял по полу стародавнюю пыль. Гардан не шевелился, тихо сопя во сне, а больше вокруг не разносилось ни звука. И в этом холодном безмолвии Лиара чувствовала себя донельзя одиноко. Она была эльфийкой, а потому в сне не нуждалась, довольствуясь лишь парой часов грез перед самым рассветом, когда ночь была гуще и сильнее всего. А это означало, что так и сидеть ей до самого утра, слушая ночь и моля богов, чтобы те помогли Раде с Даланом.

Потом тихие шаги слегка разогнали ее задумчивость, и среди колонн показалась фигура. Лиара вскинула голову, молча наблюдая за тем, как Рада несет на руках прижавшегося к ней сына. Судя по безвольно свисающей, покачивающейся на ходу руке Далана, он все-таки уснул, и это уже было к лучшему. Поднявшись с топчана, Лиара откинула шерстяное одеяло и помогла Раде уложить мальчика на матрац, аккуратно укрыв его. Он выглядел осунувшимся и заплаканным и даже не проснулся, когда она поддерживала его голову, пока Рада подкладывала под нее свернутый валиком плащ. Черный Ветер кивнула ей в знак благодарности и со вздохом уселась к столу, закрыв лицо руками.

Теперь Лиара ощутила себе еще более неуверенно и неудобно. Если раньше ее на части разрывали сомнения, стоит ли подходить к Раде и пытаться как-то помочь ей утешить сына, то теперь, судя по всему, ей и самой требовалось утешение. А может, наоборот, одиночество. Заколебавшись, Лиара замерла у самой кровати, неуверенно потирая ладонью сгиб левой руки и не зная, что ей делать. То ли уйти и оставить Раду наедине со своей скорбью, то ли остаться и попробовать развлечь ее беседой.

Впрочем, Рада выручила ее из непонятного положения, заговорив первой. Ладоней от лица она так и не отняла, а потому голос ее звучал глухо:

— А Алеор куда делся?

— Сказал, что у него дела, и ушел. Еще сказал, что вернется перед рассветом, — обращение Рады слегка обнадежило ее, и Лиара приказала себе собраться. Эта женщина была прямой, как корабельная сосна, и уж точно сказала бы ей, если бы хотела побыть одна. Потому она аккуратно обошла стол и взглянула на Раду. — Вы хотите есть? У нас есть хлеб и мясо, немного сыра осталось.

— Давай-ка на «ты», Лиара, — Рада отняла руки от лица и тряхнула головой, словно мокрый пес. Вздохнув, она с усталой ухмылкой взглянула на нее. — Я больше не миледи Тан'Элиан, а ты — больше не служишь мне. Мы теперь партнеры, так что и выкать необязательно. Просто Рада и все.

— Хорошо, Рада, — подстроиться было сложно, но она гордилась тем, что не запнулась на полуслове. — Так ты будешь есть?

— Да, наверное, надо, — Рада вяло оглядела столешницу, задержавшись взглядом на ломте хлеба и куске мяса, поколебавшись, все-таки взяла и то, и другое. Жуя, она подняла глаза на Лиару. — Мне завтра нужна будет твоя помощь.

— В чем? — осторожно спросила та.

— Волосы подстричь и выкрасить в темный. И у Далана тоже. Слишком уж мы приметные, коли искать начнут, еще издали в глаза бросится.

— Ладно, — кивнула Лиара.

Рада не сказала больше ни слова, лишь молча кивнув и продолжая механически жевать хлеб с мясом. Взгляд ее был направлен в пространство, а мысли витали где-то очень далеко. Лиара опять замаялась, не зная, что ей делать: то ли посидеть рядом, то ли уйти, но Рада никак не отреагировала на это, а потому, в конце концов, она просто уселась на пол неподалеку от Гардана и поплотнее завернулась в свой длинный шерстяной плащ.

По полу тянуло сквозняком, но простуда и болезни ей не грозили: эльфийская кровь давала свои преимущества. Однако от холодного воздуха все равно было зябко, а потому она еще долго не могла расслабиться достаточно, чтобы отпустить все мысли и уйти в грезы. Уже почти уходя в глубокий транс, Лиара расслышала, как Рада тяжело вздыхает и тихонько шепчет себе под нос:

— Ленар, бхарин ты сын, ну что же ты не послушал меня?

Лиара приоткрыла глаза, глядя сквозь ресницы на согбенную спину Рады, нависшей над жестяной кружкой и перекатывающей в ней какую-то жидкость. Ее силуэт обрисовывал со всех сторон золотой свет масляной лампы, и это было красиво. Глаза закрылись, и грезы приняли ее к себе.

Здесь не было света, не было пространства, не было самой Лиары. Она плыла в бескрайней светлой темноте без запаха и вкуса, растворяясь в ней, словно вино в воде, и мимо нее тихо и медленно плыли золотые волны, словно водоросли на морском дне, и маленькие серебристые вспышки-рыбки. Казалось, что где-то вверху, прямо над ней, разливалось целое море света, и от него во все стороны медленно расходились круги, мягкие переливы, падали солнечные ежики колючих звезд, и пушистая перина покоя принимала ее в свои объятия. Ни единая мысль не тревожила это место, ни единый порыв воли, ничего, лишь тихое биение, медленная, величественная извечная пульсация золотых волн, пронзающих насквозь все ее существо и разбегающихся дальше и дальше, в бесконечность.

Она не смогла бы сказать, сколько прошло времени, но ощущение резко изменилось. Словно что-то внутри нее настороженно приподняло уши, услышав резкий звук. Только звука не было, было ощущение изменения присутствия. Как дуновение ветра, как порыв сквозняка, пробравшийся под одежду и заставивший ее напрячься. Словно капля воды, упавшая сверху и разбившаяся на мелкие брызги, которая теперь собиралась обратно воедино, чтобы взлететь вверх наперекор всем законам природы. Первое подобие мысли, дуновение осознания мелькнуло сквозь бесконечный покой ее существа: Тваугебир. Она осторожно принялась собирать растекшееся сознание обратно, в тело, которое оказалось озябшим, задубевшим, затекшим от долгого сидения без движения.

Ощущение было странным: после плавного бесконечно-статичного течения иного сознания мир твердых форм и объектов казался слишком жестким, слишком резким, грубым и агрессивным. Свет буквально кидался в ее вновь способные видеть глаза, звуки раздирали слишком чувствительные уши, затекшие руки и ноги звенели от боли. Поморщившись, Лиара глубоко вздохнула и выдохнула, привыкая к возвращению в тело, и открыла глаза.

Так было всегда, стоило ей погрузиться в грезы. Наверное, что-то подобное испытывали люди из-за резкого пробуждения. Только их тело реагировало на резкие звуки других тел, а в случае Лиары ее сознание реагировало на изменение сознания в помещении, где она находилась. Казалось, что с приходом другого человека, атмосфера становилась как-то полнее, насыщеннее. Вот и сейчас произошло что-то подобное.

Сквозь грязное окошко в комнату лился слабый рассветный сумрак, почти что и

незаметный на фоне все еще горящей лампы. Рада лежала на столе, уронив голову на сложенные руки, и плечи ее медленно мерно вздымались, прямо как во сне. Почему она спит? — заморгала сбитая с толку Лиара. Она же эльф!

Вот только додумывать мысль она не стала, к тому же, голова после грез была слишком пустой и гулкой, чтобы забивать ее всякой ерундой. А все еще повышенная чувствительность к энергетическому фону заставила Лиару повернуться в ту сторону, откуда буквально через несколько мгновений вышел Тваугебир.

Ночь без отдыха никак не сказалась на его внешности, выглядел он ровно так же, как когда уходил вечером: собранным и бодрым. Встретившись глазами с Лиарой, он молчаливо кивнул, прошел мимо нее и тронул спящую на столе Раду за плечо.

— Вставай, уже светает. — Рада в ответ замычала что-то неразборчивое, и эльф вновь потряс ее, уже посильнее. — Вставай, Рада! Нам нужно уезжать, пока еще из города достаточно легко выбраться.

Та с трудом пробормотала что-то и поднялась со стола, жмурясь и заспанно осматриваясь по сторонам:

— Который час?

— Рассвет. Я думал, вы уже собрались, — Тваугебир подошел к стене и бесцеремонно ткнул сапогом храпящего Гардана, отчего тот сразу же подорвался с места, хватаясь за нож, но увидев, кто его разбудил, только тихо выругался сквозь зубы и откинулся на пол, протирая ладонями лицо.

— Грозар, какая рань! Зачем в такую рань, Алеор? — проворчала Рада, ероша свои измазанные сажей волосы.

— Чтобы головешку твою не повесили на пике над дворцовой стеной с первыми лучами солнца, — сообщил эльф, методично снимая тюки со стен и проверяя, хорошо ли они увязаны.

— Мне надо умыться. Где у тебя тут вода? — Рада с трудом поднялась из-за стола, морщась и выгибая затекшую за ночь спину.

— Может, тебе еще и в баньке попариться, нет? — фыркнул Алеор, глядя на нее. — Совсем ты разжирела на гражданке, сестренка! И двух недель не прошло, как валялась в палатке на мерзлой земле и жрала кашу с солдатами, а теперь умыться ей подавай!

— К твоему сведению, в Северных Провинциях я не все время спала в палатках. Чаще в тавернах, — проворчала Рада, хмуро поглядывая на него.

— Ну вот и ночевала бы сегодня тоже в таверне, коли так хочется комфорта, — елевым голосом сообщил эльф. — А теперь собирайся, надо уходить.

— Мне еще подстричься надо, — буркнула Рада.

— А волосы ты покрасить не хочешь? — со всем терпением мира в глазах воззрился на нее эльф. — Может, еще платье себе бальное пошить и прическу сделать?

— Так меня точно никто бы не узнал, — все-таки улыбнулась Рада, несмотря на раздражение, которое с утра пораньше вызывал у нее эльф. Лиара чувствовала его почти что всеми порами тела, как и Тваугебир, сейчас больше всего похожий на недовольно стегającego хвостом кота. — Но мы никуда не пойдём, пока я не сменю прическу. Иначе все будет без толку, и меня опознает первый же встреченный горожанин.

Несколько секунд Тваугебир смотрел на нее без выражения, но Лиаре было хорошо видно, как дергается от сдерживаемого гнева его зрачок. Потом он кивнул, коротко бросив:

— Только быстрее, — и ушел куда-то, навьючив на себя почти что все узлы, что висели

на крюках вдоль стены.

— Придурок, — проворчала Рада ему вслед и повернулась к Лиаре: — Ну что, подстрижешь меня, как и договаривались?

Сделать это было сложнее, чем сказать, и Лиаре пришлось изрядно повозиться под разъяренное шипение вернувшегося за оставшимися вещами эльфа, все поторапливающего их и то и дело выглядывающего в окно. Волосы у Рады были густыми, длинными и красивыми, совсем не как та кривая жесткая поросль, что у мальчишек в приюте, которых Лиара обычно стригла. Срезать их было обидно и жалко, однако Рада только безразлично попросила: «Как можно короче», а потом продолжила дремать, прикрыв глаза и подставив голову под руки Лиары. Да и ножницы, которые одолжил ей для этой цели Тваугебир, не слишком-то хорошо подходили. Выглядели они так, словно он только и делал, что подрезал ими копыта коню, и стригли примерно также, однако через полчаса мучений Лиаре удалось таки придать голове Рады сносный вид. А еще через полчаса, несмотря на уже окончательно потерявшего терпение Тваугебира, Черный Ветер стала совершенно не похожа на себя, благодаря темной краске из корня листовила, который Лиара на всякий случай прихватила с собой из поместья.

Оказалось, что уши у нее слегка торчат, а шея длинная и высокая. Отсутствие волос, которые раньше сглаживали линию челюсти, возымело свой эффект: скулы у Рады заострились, подбородок выдался вперед, а слегка припухшее от вчерашних порезов лицо вкупе с темными волосами и бровями теперь казалось совсем чужим. И симпатичным. Лиара с удивлением отметила, что короткие волосы идут Раде гораздо больше, чем длинная густая золотая коса, придавая чертам ее лица большей силы и четкости. Теперь и Ленар с первого взгляда не узнал бы в этой женщине свою жену. А раз так, то не узнают и стражники. Даже Тваугебир не стал ничего говорить, оглядев ее и поджав тонкие губы.

Завтракали они остатками холодного мяса и уже слегка очерствевшим хлебом. Сразу же после еды Рада разбудила сына, хоть и не решалась его тревожить как можно дольше. Мальчик больше не плакал, как вчера, и краснота спала с его лица, но глаза у него были такими мертвыми, что Лиара содрогнулась. Казалось, весь свет мира, весь свет жизни, что наполнял их какие-то несколько часов назад, померк в его глазах, и остались лишь сухой тлен и зола, как в опустевших открытых зевах очагов в этом стылом неуютном жилище. Далан не произнес ни слова, отказался от еды и стоически вынес стрижку и покраску своих волос, почти что не мигая и глядя прямо перед собой. Все это время Лиара тревожно поглядывала на него, а потом, не удержавшись, все-таки шепнула на ухо Раде:

— Это, конечно, не мое дело, но ты точно уверена, что можно доверить его Гардану? Мне кажется, ты сейчас нужна ему гораздо больше. Мы могли бы задержаться на пару дней...

— Не могли бы, — громко произнес Тваугебир, своим чутким эльфийским слухом расслышав все до последнего слова. — За Радой идет охота, ее уже обвинили в смерти Лорда-Протектора, и очень скоро добавят к этому короля и двух Лордов Страны. И, какими бы мелонцы ни были идиотами, но у них есть глаза, и кое-кто из них видел, как мы разговаривали во время приема во дворце. Скоро они придут сюда, проверить, не прячу ли я Раду у себя. А потом вздернут ее на глазах у этого мальчика. По-твоему, это будет лучше?

Далан конвульсивно дернулся и вцепился в руку матери мертвой хваткой, глядя на нее широко раскрытыми глазами, в которых не осталось ничего, кроме страха. Лиаре очень захотелось плеснуть Тваугебиру в лицо остатками краски для волос, миску с которыми она

как раз держала в руках, однако, она не сделала этого. Как и Рада, наградившая его полным жгучей ярости взглядом, но с трудом процедившая сквозь зубы:

— Алеор прав. Я должна покинуть эту страну. Я и так уже слишком много горя принесла своей семье, чтобы навлекать на нее новые беды. Потому Далан отправится в Ронтис, к дяде. — Положив тяжелую ладонь на голову сына, она через силу улыбнулась ему. — Там ты будешь в безопасности. И я приеду навестить тебя так скоро, как только смогу.

Мальчик ничего не ответил, только смотрел на нее во все глаза, словно пытался запомнить каждую черточку ее лица, каждую ресничку и морщинку смеха в уголках глаз.

Тягостное молчание вновь повисло в помещении, пока они быстро переодевались в выданные Тваугебиром коричневые поношенные куртки и штаны из тех, что носили не слишком богатые наемники. Штаны, что достались Лиаре, болтались на ней мешком, и ей пришлось подвязать их куском веревки, чтобы не потерять на ходу. В куртке зияли прорехи, да и пахла она плесенью и сыростью, а стоячий воротник драл шею. Однако, в своей жизни она перетаскала уже столько обносков за старшими подкидышами, что спорить не стала. Главное — выбраться из города, потом можно будет думать обо всем остальном. Критически оглядев их с Радой и недовольно поджав губы, Тваугебир все-таки кивнул, проворчав:

— Сойдет.

И первым зашагал прочь из своего жилища, не оборачиваясь. За ним поспешил позевывающий спросонья хмурый Гардан, а следом пристроилась и Лиара, забросив на спину свой узелок с вещами. Рада с Даланом шли последними, мальчик намертво сжимал руку матери, не решаясь отпустить ее ни на миг.

После душного спертого воздуха в жилище эльфа даже вонь переулков Латра показалась Лиаре свежим ветром. Рассвет только-только занимался, и высокое небо над головой было розоватым, перечеркнутым лишь несколькими тонкими линиями высоких облаков. Во внутреннем дворе, пофыркивая, поджимали копыта пять лошадей. Из них Лиара знала только вороного Рады и чалого Гардана, а три другие были ей не знакомы. Впрочем, несложно было догадаться, кому принадлежал громадный мышастый жеребец с черной гривой, косящий злым глазом на остальных лошадей и привязанный чуть поодаль. Две оставшиеся кобылки, — рыжая и гнедая с белыми носочками, — предназначались, судя по всему, для них с Даланом, и Рада подтвердила это, перехватив уздечку рыжей и протянув ее в руки сыну.

— Вот твой подарок, как я и обещала тебе, сынок.

Только это произвело на мальчика совершенно обратный эффект, чем ожидалось. На миг он застыл, огромными глазами глядя на мать, весь задрожал, и на его щеки полились большие градины слез.

— Не нужен мне никакой подарок! Не уезжай, мама! — голос мальчика сорвался, и он громко шмыгнул носом, изо всех сил стараясь сдержать слезы. — Или возьми меня с собой на запад! Клянусь, я не буду мешать тебе! Я буду делать все, что ты мне скажешь, только не уезжай!

Лиара почувствовала, как сжимает горло, и отвернулась, не в силах смотреть на Раду. В груди что-то налилось горячо и тяжело, и на миг она покачнулась, почти что теряя сознание. Что-то очень похожее уже было с ней однажды, она уже видела это. Перед глазами потемнело, и откуда-то изнутри всплыл размытый образ: громадный серый в яблоках жеребец срывается с места галопом, развеваются на ветру каштановые пряди и длинный

темный плащ, и вслед всаднице тянутся две руки, ее руки, тонкие и слабые. «Не уезжай, мама!..»

Почему-то стало жарко, так жарко, будто она пересидела в парильне, задрожали руки и ноги, и Лиара едва не упала, хватаясь за уздечку лошади и пытаясь удержаться на ногах. Животное захрапело, вскидывая голову, но Лиара намертво повисла на поводьях, не в силах стоять на трясущихся, превратившихся в желе ногах. Голову стискивали обручи боли, перед глазами плыли красные круги. Кану Защитница, что со мной? Что со мной происходит? И вновь образ женщины на коне, удаляющейся, безвозвратно удаляющейся от нее навсегда. Грудь резануло болью, на глаза навернулись слезы, и Лиара прикрыла рот рукой, давась рыданием. Но даже через все это прорастало удивление: почему именно сейчас? Она не помнила этого, совсем не помнила матери, но именно сейчас пришло это туманное воспоминание, раскрывшись перед внутренним взором. И воспоминание ли это было на самом деле? Или просто страшное видение, навеянное отчаянным криком Далана, прощающегося с Радой?

— Пойдем! — жесткая рука ухватила ее за плечо, развернула на месте, и ледяные глаза Тваугебира вонзились прямо в ее развороченное сердце. — Если и ты будешь слезы лить, мы утонем в соплях, и Раде точно снесут голову. Мы и так слишком сильно задержались.

Не в силах ответить ему, Лиара лишь судорожно кивнула и позволила эльфу посадить ее в седло. Гнедая кобылка любопытно покосилась на нее, но стояла смирно, и Лиара была за этой ей бесконечно благодарна. Ей приходилось в жизни ездить на лошадях, но все это были ломовые старые клячи, на каких в приют возили воду и зерно, а вовсе не скаковые лошади лучших кровей.

Кое-как сжав в руках поводья, она огляделась. Ревущего и отбивающегося Далана волок к своей лошади Гардан, прижимая его к себе железной рукой и не давая выбраться. Рада стояла возле своего Злыдня и смотрела ему вслед, не мигая, и лицо у нее было странным, каким-то голодным и по-звериному тоскливым. Мальчик отчаянно кричал и рвался из рук наемника, но тот только бесцеремонно затолкал его в седло своего чалого, забрался следом, подхватил поводья рыжей кобылы Далана, и ткнул коня пятками в бока. Он обернулся лишь раз, под самой аркой, на прощание кивнув Раде, и скрылся из виду, а крики мальчишки затихли за отрезавшей их стеной.

Еще несколько мгновений Рада стояла на месте, глядя туда, где только что исчез ее сын, а затем тряхнула головой и молча взобралась в седло Злыдня. Подобрав поводья, она первой выехала со двора, а Тваугебир и Лиара последовали за ней.

Гнедая лошадка покладисто засемила вперед, подчинившись легкому толчку пяток Лиары, и та пригнулась, проезжая под низкими сводами арки в стене. Голова все еще сильно кружилась и болела, а перед глазами то и дело скользили черные мухи, но Лиара упрямо стискивала поводья, отталкивая прочь ноющую боль в груди. Это было всего лишь воспоминание и ничего больше. И я не могу сейчас поддаваться боли. Это не к месту и не ко времени вовсе.

Копыта коней застучали по каменной мостовой широкой городской улицы. В такой ранний час город только просыпался, и на улице почти что никого не было, если не считать двух забулдыг, с трудом ползущих вдоль самой стены дома на противоположной стороне и поддерживающих друг друга, чтобы не свалиться, да тощей собаки с забором ребер, выпирающих из-под грязно-рыжей шкуры. Однако Тваугебир все равно был недоволен: то и дело оглядывался, бросая внимательные взгляды в темноту перпендикулярных улице

переулков, привставал в стременах, изучая дорожку за их спинами. В конце концов, он что-то все-таки углядел там, потому что вместо того, чтобы ехать напрямик к выезду из города, свернул в сеть узких закоулков и принялся петлять между глухими стенами домов и складов, постоянно подгоняя своих спутниц.

А Лиара все ехала вперед, глядя на широкую спину Рады и ее согбенные плечи. И крик маленького мальчика, умоляющего маму не уходить, звенел в ее ушах, бередя и без того израненное сердце. Смотри на нее, Лиара, смотри внимательно. Ей сейчас тяжелее, чем тебе. Было ли также тяжело твоей матери, когда она оставляла тебя одну в забытом Богами приюте на окраине Мелонии? Колочие слезы вновь навернулись на глаза, но на этот раз Лиара прогнала их прочь, решительно взяв себя в руки. Если ты так и продолжишь плакать, то не сможешь идти за ней на запад, и дальше, туда, куда понесут ее ветра перемен. А ты ведь хочешь этого, правда? В груди почему-то вновь стало странно жарко, только теперь иначе, не так болезненно, как раньше, и Лиара повела плечами под толстым шерстяным плащом. Мы обе с ней потеряли кого-то. Возможно, мы сможем помочь друг другу это пережить.

===== Глава 15. Скрытые способности =====

Гулкое эхо бродило по пустым закоулкам, отскакивая от стен и дробясь, прыгая мячиком в розовое рассветное небо. Первые золотые лучи уже брызнули в мир, заливая своим светом просыпающийся город, пустые пыльные проспекты, отяжелевшую листву деревьев, проржавевшие крыши и водосточные трубы, за ночь обросшие мелкой россыпью росы. Последние коты, допевшие свои песни и доделавшие все ночные дела, разбредались спать по подвалам домов. Позевывая, захлопывали свои окна усталые шлюхи, смывая с лица пудру и краску, сворачивались под теплыми одеялами и засыпали долгим тихим сном. Расползались по темным углам контрабандисты и наемники, воры и картежники, а им на смену за те же самые столы таверн садились купцы и работяги, чтобы выпить первую кружку бодрящего чая и начать новый день. Утро сменяло долгую ночь, город полностью менял свое лицо, протирая заспанные глаза-окна, распахивая руки-двери, и по венам его дорог кровью потекли первые путники, торговцы, горожане, стражники...

Рада чувствовала себя странно пустой, как валяющаяся возле грязной стены старая жестяная банка, в которой собралось немного росы. Или как водосточная труба, на самом краю которой набухла большая капля воды, все не решаясь капнуть вниз и ослепительно сверкая на солнце. Для нее сейчас тоже начиналось что-то новое, и ощущение это было совсем странным, таким непривычным, что она оробела.

Никогда еще ее жизнь не переворачивалась с ног на голову так быстро, как теперь. Перемены пришли, словно северные ветра, с лютой злобой, ревом и яростью набрасываясь на нее со всех сторон, сдирая своими когтистыми ледяными пальцами все лишнее, что было на ней: ее имя, ее семью, ее прошлое. Только этого оказалось мало, и ветра набросились на нее еще злее, еще сильнее, и следом за тем, в чем она на самом-то деле и не нуждалась, отняли то, что было ей по-настоящему дорого.

Огромные синие глаза сына, глядящие на нее с такой силой, с такой надеждой, с такой мольбой. Он только что обрел ее после долгих лет ожидания, он так тянулся к ней, так хотел быть с ней, так стремился наверстать все, что было упущено между ними за эти годы, все, что было недоделано и недосказано. И Рада хотела этого также сильно, только не могла. Как и всегда, когда что-то было ей дорого, до самой глубины сердца дорого, кто-то жестокосердный, саркастически улыбаясь, отрывал это от нее и с интересом наблюдал за

тем, как она корчится, пытаясь зализать рваные раны в груди. И каждый раз Рада проклинала его, грозя однажды найти и отомстить за каждую потерю, за каждую слезу, за каждую крохотную капельку боли, которую этот кто-то причинил ей и ее близким. Только вот его было не найти. Или, может, она просто не там искала?

Ты сама делаешь все это с собой. Ты сама всю жизнь идешь не туда, врешь, изворачиваешься. Ты позволяешь другим людям решать за себя, ты боишься, что своими поступками и своим выбором причинишь кому-то боль, и в итоге так и получается, но не потому, что ты сделала что-то, а потому, что ты не сделала ровным счетом ничего. И Далан пострадал только из-за тебя. Из-за того, что ты согласилась на идиотское предложение Ленара вернуться в город, из-за того, что в свое время ты не держала язык за зубами и не спускала Гелату с Аспаром ничего, настойчиво стремясь к тому, чтобы ткнуть их обоих носами в их же ошибки и просчеты. А еще из-за того, что ты вообще согласилась остаться в Латре и выйти за Ленара, а не уехала из этой страны много лет назад, когда у тебя еще был шанс.

Сердце тянуло и тянуло, и Рада, морщась, рассеяно потерла ладонью грудь. Конечно же, она знала, что боль эта не физическая, и что ее не вылечит прикосновение руки, но ничего другого она придумать не смогла. Тоскливо вздохнув, она подняла глаза, глядя на зажатые между крыш домов золотистые облака, купающиеся в розово-малиновом небе. С этим покончено. Я больше не буду врать и изворачиваться, чтобы понравиться другим. Я больше не буду ни под кого подстраиваться. Я буду делать лишь то, что укажет мне сердце. Только глупое сердце шептало ей немедленно развернуть коня и вернуться к сыну, и Рада криво ухмыльнулась, понимая, что нарушила свое обещание в тот же самый миг, как и дала его.

Алеор вел их по пустым переулкам, по проходным дворам, вдоль складов и полуразвалившихся лачуг, где, набросав на себя все имеющиеся в наличие обноски, ежились от утреннего холода бездомные. Вонь здесь стояла невыносимая, а грязные стены и забитые окна говорили лишь об одном — полнейшей нищете, царящей в этой части города. И это тоже было символично. Рада покидала Латр не со стороны квартала князей, где от золота резало глаза, а отсюда, из самой бедной и грязной его части, куда не рисковала соваться даже городская стража, где не было ни закона, ни правил, ни чести. Что заслужила, то и получила. И нечего нос воротить.

Впрочем, насчет стражи она все-таки ошиблась. Когда они в очередной раз пересекали узкую улочку, зажатую между двумя высокими доходными домами, почти что касаясь коленями стен, навстречу из-за угла выехали три стражника.

Вид у всех троих был не то что не уверенный, а почти что истерический: лица напряженные, брови хмурятся, глаза мечутся вокруг, словно в любой момент из ниоткуда может появиться какой-нибудь наемник с мечом, только и мечтающий о том, чтобы свести их коней или перерезать глотки им самим. Грязно-рыжая форма городской стражи под кожаными коричневыми жилетами делала их похожими на трех упитанных домашних котов, которые впервые в жизни вылезли на помойку и увидели своих дальних родственников с драными ушами, тощими боками и скверным характером, и теперь пытались любым способом убраться поскорее с их пути.

Заметив в конце переулочка троих всадников, стражники на миг застыли в недоумении. Переулок был слишком узким — две лошади не разойдутся, — да и выглядел отряд во главе с Алеором явно подозрительно. Их командир, лопухий паренек с побитым оспой лицом, которому не посчастливилось первым въехать в это бутылочное горлышко, на миг замялся,

неуверенно оглядываясь через плечо на своих людей, потом вновь развернулся навстречу Алеору и, приосанившись, прикрикнул:

— Дорогу городской страже! Посторонитесь!

Впрочем, на последнем слове он дал петуха, и глаза его расширились от страха, а кадык нервно дернулся. Рада знала, почему это: Алеор приподнял голову, и из-под чернильной тьмы капюшона блеснули его темно-синие, ледяные глаза. Обычно, одного его присутствия было достаточно для того, чтобы люди начинали нервничать и дергаться, даже не зная, кто он, а этому стражнику не повезло еще и приказывать эльфу что делать.

Только ситуация не располагала к сопротивлению, им нужно было покинуть город как можно быстрее и тише. Потому Алеор, заставив капитана стражи попотеть несколько секунд от страха, все же слегка склонил голову в знак согласия и приглушенно бросил через плечо:

— Сдавайте назад. Пропустим стражников.

Рада обернулась, также тихо передавая его приказ Лиаре, и глаза той, расширились от тревоги. Ей-то стражу видно не было: спины Рады и Алеора перекрывали обзор. Она подобрала поводья, дергая свою гнедую кобылу за уздечку и заставляя пятиться, а сама во все глаза смотрела на Раду, и лицо у нее было едва ли не таким же перепуганным, как у рябого капитана стражи. Рада только поморщилась. Все это было не очень хорошо. Люди, испытывающие страх, были больше всего склонны к идиотским необдуманным поступкам, а им нужно было выехать из города без шума и как можно быстрее, пока никто из этих остолопов не додумался, что она может попробовать изменить внешность.

Злыдень заартачился, не желая сдавать назад, Рада мысленно покрыла его всеми известными ей добрыми словами и изо всех сил дернула уздечку. Храпя и высоко взбрасывая черную морду, конь попятился-таки, но Рада все равно не ослабляла хватки, пока упрямая скотина не вышла из узкого переулка. В любой момент Злыдень мог начать бить задом, или попытаться укусить ее, или сделать еще что-нибудь назло ей. Проклятая скотина! Тебя, должно быть, изрыгнула бездна мхира, не иначе! Силой Рада отволокла его подальше от проулка и увесисто похлопала по шее, чуть сильнее, чем надо было. Конь настороженно поднял уши и покосился на нее, не понимая, то ли она его успокаивает, то ли бьет. Рада широко оскалилась в недовольный карий глаз. А вот теперь поломай себе голову над этим, бхара чернозадая! Посмотрим, додумаешься ли ты до чего-то или нет!

Лиара рядом сжалась в седле, опустив глаза и ни на кого не глядя. Вид у нее был перепуганный, но глаз она не поднимала, и то было хорошо. Стражники чуяли страх как звери, начиная опасаться и подозревать недоброе, а уж когда видели этот страх в глазах, сразу же превращались в свору разъяренных брешущих псов. Алеор, правда, на их фоне смотрелся голодным бешеным волком, и Рада надеялась, что этот трясущийся рябой капитан все-таки не захочет ввязываться в свалку и пропустит их с миром.

Эльф аккуратно вывел своего вышколенного боевого жеребца из проулка и пристроил его рядом со Злыднем. Следом за ним выехали и стражники, пристально разглядывая троих всадников и комкая в руках поводья своих лошадей. Спокойно выпрямившись в седле, Алеор опустил руки с поводьями и взглянул в ответ. Капитан стражи дернулся, но все же открыл рот и заговорил:

— Кто вы такие, и почему в такую рань покидаете город?

— А на каком основании вы задаете мне эти вопросы? — без тени угрозы в голосе спросил эльф, и глаза стражника лихорадочно забегали по лицам всех троих путников. — Насколько я знаю, в городе можно двигаться беспрепятственно в любое время дня и ночи без

того, чтобы сообщать о своих передвижениях страже. Или в Латре стало небезопасно?

— Стража охраняет покой города, — кадык капитана вновь дернулся, но он все еще держался, стараясь не ударить в грязь лицом на глазах своих подчиненных. Тем, впрочем, судя по их виду, больше всего на свете хотелось как можно быстрее убраться отсюда. Один комкал поводья так, что лошадь под ним затанцевала на месте, не понимая, чего хочет от нее всадник. Второй тяжело сглотнул и воровато обернулся через плечо, словно кто-то мог следить за ним. — Времена сейчас беспокойные, король и Лорд-Протектор мертвы. Поэтому мы должны знать, кто вы и куда едете.

Рада почти физически ощутила, как сжалась в седле Лиара, вжимая голову в плечи, и ее движение привлекло внимание стражников. Рябой капитан выпрямился в седле и вытянул шею, пытаясь заглянуть ей в лицо, но тут Алеор спокойно откинул с головы капюшон плаща. Все трое стражников конвульсивно дернулись назад, самый молодой из них, тот, что оглядывался, даже охнул и непроизвольно схватился за рукоять меча. Может, в лицо Алеора они и не знали, но всему Этлану было известно, что в мире есть всего один черноволосый эльф, и он последний, с кем бы им хотелось встретиться на пустой дороге.

Алеор не сделал больше ничего, он просто сидел в седле и смотрел на стражников до тех пор, пока рябой капитан, лицо которого стало землистого цвета, не склонился перед ним в поклоне, хрипло проговорив:

— Милорд Ренон, прошу прощения за причиненные неудобства. Я не хотел показаться навязчивым, но времена тяжелые...

— Все в порядке, капитан, — спокойно отозвался эльф, но стражник все равно вздрогнул так, будто тот его ударил. — Так у вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы?

— Нет, милорд Ренон. Счастливого вам пути. Да укроет вас в своей длани Грозар.

— И вам доброго дня и Света Громовержца, — проговорил Алеор, трогая коленями бока жеребца.

Стражники так и оставались согнутыми в три погибели, пока они проезжали мимо, и Рада, взглянув в лицо Алеора, заметила на нем слабую мимолетную улыбку. Осторожно скосив взгляд через плечо, она успела увидеть лишь хвост лошади последнего стражника: как только Алеор отвернулся, все трое поспешили ретироваться настолько быстро, насколько могли.

— Это не создаст нам трудностей, Алеор? — негромко поинтересовалась она, подъезжая вплотную к эльфу. — Кто-то может услышать, что ты покинул город, и сложить одно с другим.

— Да какая разница? — дернул плечом тот. — Кому из них хватит отваги на то, чтобы попытаться преследовать меня и узнавать, кем были мои спутницы? А даже если герой и найдется, вряд ли ему удастся надолго задержать нас.

— Я не хотела бы покидать страну, оставляя за собой горы трупов, — сухо заметила Рада, поглядывая на него.

— Я бы тоже много чего не хотел, — спокойно сообщил эльф, взглянул на нее и улыбнулся: — только ведь ты сама знаешь, Радушка, как говорят. «Пока Молодуха плетет, Старуха рвет». Так что все теперь зависит от Марн.

Рада только закатила глаза. Естественно, проще всего было все спихнуть на Марн, Плетельщиц Судьбы, Алеор обычно так и делал, когда у него начинался голод. Она наблюдала это не первый раз уже, вот только за последними событиями ей было как-то не слишком ко времени следить за тем, как выглядит Ренон. Сейчас же Рада пригляделась:

зрачки у эльфа сжались в маковую росинку, на щеках проступили желваки, он слегка клонил голову в сторону и улыбался все время самым краешком губ чему-то своему. Рада помрачнела. Судя по всему, эльф был очень голоден, а это объясняло все: и его повышенную раздражительность и ядовитость в последние дни, и агрессивное поведение, и то, как от него шарахались люди. Он всегда наводил ужас на окружающих, но когда Тваугебир начинал шевелиться у него под сердцем, бывало особенно плохо. Ну что же все так не вовремя-то, Грозар? Почему именно сейчас ему надо было захотеть крови? — Рада поморщилась, бросая косые взгляды на эльфа. Иногда мне кажется, что ты специально все это подстраиваешь, чтобы осложнить мне жизнь. Видимо, учишь чему-то. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Громовержец, а еще лучше будет, если растолкуешь поточнее, потому что ученица у тебя, откровенно говоря, туповатая.

Алеор повел коня вперед, по неширокой улице, на этот раз уже не накидывая капюшон на голову. Словно чувствуя его настроение, прохожие еще задолго до встречи с путниками сворачивали в другие переулки, а горожане, что выходили из своих домов на улицу, замирали на пороге, глядя на Алеора, и поспешно возвращались в подъезды, захлопывая за собой двери. Каким-то странным образом на улице, по которой они ехали, не осталось ни одного человека, и губы Алеора вновь раздвинулись в улыбке, уже пошире, чем раньше.

— Ты давно на просушке? — приглушенно спросила Рада, глядя на эльфа.

— Достаточно, — кратко отозвался он.

— Хорошо, тогда по-другому спрошу, — терпеливо кивнула Рада. — Сколько еще тебе времени осталось до того, как это станет критичным?

— Дней десять-двенадцать, — прикинул в уме эльф. — Но я надеюсь, что критично не станет. Должен же хоть кто-то тебя преследовать, тогда у меня и появится шанс поправиться.

— А если нет? — Рада тревожно взглянула на него, и Алеор поморщился в ответ:

— Да не нуди ты, Рада! Все в порядке будет. Я как-нибудь справлюсь. Не впервой же.

— Мне это твое «как-нибудь справлюсь» очень не нравится, — она выразительно взглянула на него. — Твое «как-нибудь справлюсь» обычно плохо кончается для всех окружающих.

— Слушай, ты же сама со мной поехала, помнишь? — Алеор улыбался ей, но глаза у него были холодные, а в голосе клокотало раздражение. — Я предложил тебе добровольный выбор, и ты его сделала. Так что будь добра, не читай мне нотаций. А то, боюсь, ситуация может обостриться и раньше.

Несколько секунд Рада холодно смотрела в его начинающие затуманиваться безумием глаза, но все же кивнула, решив не спорить. В конце концов, матерью она ему не была, и учить его жизни ей явно не стоило. Да и в любом случае, они с Лиарой могут просто уехать вперед, если дела станут совсем плохи, а Алеор, поправившись, потом догонит их.

Имя «Тваугебир», которым окрестили его люди много веков назад, означало не только Убийцу Тварей. У этого старого эльфийского слова, звучащего на самом деле как «таугевире», было и другое чтение — «тот, кто сдерживает тварь», «тот, кто борется с тварью». И это толкование было гораздо ближе к истине. Под сердцем у Алеора жил демон, охочий до крови монстр, проклятье его рода, передавшееся ему от самого Ирантира, и время от времени он вырывался наружу.

Собственными глазами Рада никогда не видела того, как это происходит, но Алеор скупо рассказал ей, что именно с ним творится во время таких приступов, когда они ночь

напролет пили ром пару лет назад после штурма Ламелле. Она не все помнила из его рассказа, не все поняла из-за крепкого рома и лютой усталости после почти что трехдневного непрерывного боя, но ясно усекла для себя одно: если эльф долго не убивал, в голове у него что-то переключалось, и вместо Алеора в мир выходил монстр без тени осознания, крушащий и уничтожающий все вокруг себя, утихомирить которого невозможно было никаким способом. Тваугебир уходил лишь тогда, когда напивался крови вдоволь, практически купался в ней. После этого глаза Алеора потухали, становясь задумчивыми и холодными, он замыкался в себе, почти переставал разговаривать и вполне мирно уживался с окружающими до наступления следующего кризиса. И, учитывая его яд и едкость в последние дни, этот кризис действительно был близко.

Хоть эльф и говорил, что все будет в порядке, но Рада все равно крепко призадумалась. Чтобы удержать Тваугебира, Алеору придется убить в ближайшие несколько дней, а дермаков, порождений Сети'Агона, на которых он обычно охотился в Хмурых Землях, в Мелонии не было, что означало, что он постарается нарваться на драку. Люди не слишком-то спешили обычно вступать в конфликт с величайшим наемником Этлана, прекрасно понимая, чем это кончится лично для них. А значит, Алеору нужен был очень весомый повод, чтобы разозлить их.

Внезапно она охнула, округлив глаза и глядя на своего старого приятеля. Части мозаики моментально сложились в одно целое, едва не ослепив ее вспышкой осознания, а раздражение поднялось внутри раскаленной волной.

— Ах ты скотина! — рявкнула Рада, пихая его в плечо, отчего Алеор покачнулся в седле и удивленно взглянул на нее. — Так вот почему ты позвал меня с собой на запад! Вот почему не хотел, чтобы я стриглась и меняла внешность! Ты хочешь использовать меня как повод для драки, чтобы перерезать пару глоток и сдерживать Тваугебира!

— Ну и что? — пожал плечами эльф, насмешливо глядя на нее. — Ты из-за этого чувствуешь себя некомфортно?

— Да! — у Рады от возмущения даже дыхание перехватило. — Невинные люди погибнут!

— Эти невинные люди вздернули бы тебя без суда и следствия, если бы ты им в руки попала, Рада, — осклабился Алеор, глядя на нее. — И поверь мне, невинных людей не бывает. Бывают только те, кому повезло вывернуться.

— Но так нельзя!.. — вновь попыталась она, только эльф рубанул ладонью воздух, останавливая ее.

— Или твои преследователи, или крестьяне, когда я уже не смогу сдерживаться. Выбирай, Рада. Кого тебе жалко меньше?

— Солдаты всего лишь выполняют приказ, — проворчала она, понимая, что на этот раз он прав, и она действительно не может ничего изменить.

— За это я и не люблю солдат, — Алеор скривился и сплюнул в пыль под копытами своего коня. — Не могут думать собственной башкой, поэтому и гибнут по приказу других идиотов. Но на это их воля. — Он помолчал, бросил на нее короткий взгляд и добавил: — Если тебе будет от этого легче, то молись, чтобы они послали за тобой наемников, а не регулярную армию. Эти хотя бы представляют, на что и зачем идут. Да и среди них нет никого, кто уже как минимум двадцать раз не заслужил бы виселицы.

Утешение было не слишком уж хорошим, но другого у Рады не было. Она лишь тяжело вздохнула и кивнула Алеору, чувствуя себя еще гаже, чем утром. Однако, он был прав во

всем: она сама выбрала свой путь, сама знала, на что шла, а потому и платить тоже должна была сама. Что же касается тех, кого пошлют по ее следам, то оставалось лишь молиться, чтобы на это подписались только наемники.

Алеор замолчал, внимательно осматриваясь по сторонам, да Рада и не имела никакого желания сейчас разговаривать с ним. Она полуобернулась через плечо и наткнулась на огромные, полные настоящего ужаса глаза Лиары. Девочка смотрела так, словно видела перед собой бешеное животное, и, наверное, была права в этом. Рада постаралась улыбнуться ей как можно теплее, чтобы подбодрить, но это произвело обратный эффект. Лицо Лиары побелело, и она потупилась в гриву своего коня, изо всех сил сжимая поводья. Отвернувшись, Рада только тяжело вздохнула. Наверное, она-то из нас двоих как раз и права. Она-то воспринимает Алеора так, как его и надо воспринимать, — чудовище во плоти, от которого в любой момент можно ждать беды. А я настолько очерствела за все эти годы, что согласна позволить ему убивать невинных людей вместо того, чтобы снести ему голову и раз и навсегда избавить мир от его присутствия. Вот так, Грозар. Думаю, учить меня тебе придется еще очень-очень долго.

На запад из Латра вела всего одна дорога, Восточный караванный путь, пересекающий половину страны и в районе Онера сливающийся с Северным трактом на Алькаранк. Естественно, что на выезде из города должны были дежурить и стражники, в задачу которых входило выловить ее до того, как она покинет пределы столицы. Только у Латра не было внешней крепостной стены — город считался доменом короля, и на доходы от него содержался весь королевский двор, потому никому из поднимающих восстание Лордов Страны за всю историю Мелонии не приходило в голову его сжигать, и стену возводить не стали. А это означало, что выбраться из него можно было через любой квартал городской бедноты, и дальше, проскользнув между поместьями мелких дворян, затеряться в окружающих его полях. Именно этот путь и выбрал Алеор, добрый час пропетляв по узким городским улочкам и выехав на Золотую Объездную с юго-запада.

Народу здесь сейчас было не слишком много: несколько телег, груженных дровами и сеном, да молодой парнишка-гонец, пронесшийся мимо них на полном скаку, не глядя по сторонам. Внимательно осмотревшись и убедившись, что стражи нигде не видно, они пересекли дорогу и нырнули в заросший травой закоулок между заборами двух дворянских поместий.

Теперь ехать нужно было гуськом, и Алеор возглавил отряд. Его широкая спина закрывала обзор впереди, и Рада от нечего делать разглядывала сквозь железные прутья ажурных решеток с двух сторон регулярные парки, разбитые вокруг поместий дворян. Кое-кто из садовников сейчас копался на клумбах, подготавливая многолетние растения к наступающей зиме. Всадников заметили, и слуги прервали работу, замерев и внимательно разглядывая их перепуганными глазами. Один из них даже бросился звать стражу, но на его вопли из дома никто не вышел. Да оно и неудивительно: вчера перебили столько народу, включая высшее руководство страны, что мелкие дворяне до смерти боялись за свои жалкие жизни, укрывшись за надежными стенами своих родовых гнезд и окружив себя вооруженной до зубов охраной. Рада только фыркнула и отвернулась. Когда человека по-настоящему хотели убить, он умирал все равно, даже окруженный всей стражей, которую мог собрать на все свои деньги. И вчерашняя смерть Гелата с Аспаром это только доказывала.

Потом забор кончился, и, продравшись сквозь густой кустарник, они уперлись в сточную канаву. Злыдень попытался было заартачиться и отказаться прыгать через нее, но

вконец потерявшая терпение Рада так ткнула его пятками в ребра, что конь резво прыгнул с места, как заяц, едва не сбросив ее при этом на землю. Еще несколько метров сквозь кустарник и траву, и все.

Рада вздохнула полной грудью, глядя на расстилающееся перед ней поле. Густую зеленую траву выглаживал теплыми ладонями ветер, и она клонилась к земле, отливая стальным блеском под косыми лучами утреннего солнца. Небо было таким огромным, таким высоким, что на миг у Рады закружилась голова. Она прикрыла глаза, запрокидывая лицо и подставляя его солнцу, позволяя ветру играть с ее короткими волосами, отчего голове было непривычно холодно. Теперь вокруг нее был лишь воздух и огромное небо, в котором больше не будет вони отбросов, пыли старых портьер, колючего запаха отполированного золота и натертых до блеска лакированных паркетов. Она наконец-то свободна.

— Ну, и чего застряла? — проворчал за ее спиной Алеор, легко обгоняя ее и пуская своего жеребца рысью. — Ждешь, когда наши приятели спохватятся и решать поиграть с нами в догонялки?

Рада не обратила на его замечание абсолютно никакого внимания. Впервые за долгие-долгие годы она просто дышала, чувствуя, как опрокидывается на ее голову рассветное небо, и она сама тонет в нем, ныряя все глубже и глубже в бесконечную синь, на дне которой где-то далеко-далеко спали звезды, укрывшись пушистыми хвостами комет. Пахло травой, землей, прохладой, облаками и толстыми шмелями, которые уже гудели над покрытыми росистыми капельками соцветиями полевых трав. И ей почему-то стало смешно.

Смех родился в груди золотым комочком, еще одним маленьким шмелем с толстой мохнатой спинкой, заворочался в клетке из ребер, поднялся вверх к горлу, и Рада поняла, что улыбается. Так и должно было быть с самого начала, и это было так просто, так по-настоящему, без масок, без притворства, без вечной усталости от того, чтобы угодить другим, быть правильной, делать то, что должно... Плевать было на долг маленьким черным ласточкам, которые разрезали своими треугольными крылышками бесконечные небесные дороги, подчиняясь лишь одним им слышимой песне, которую нашептывал в густых травах восточный ветер. Плевать было и мышкующему в поле коту, поднявшему голову из высокой травы и круглыми глазами разглядывающему всадников, что проезжали мимо него. Плевать было и мухам, что назойливо жужжали вокруг лошадей, и полевым цветам, на лепестках которых медленно высыхала алмазная россыпь росы, и встающему солнцу, что, резвясь, протыкало своими лучами белоснежные облака. И это было так хорошо, так весело и просто, что Рада вновь рассмеялась, когда роса на высоких травах, что доставали ей до колен, промочила насквозь штаны, и коленки озябли под ветром, покрывшись под одеждой маленькими пупырьками мурашек.

Здесь была простота и чистота извечной песни мира, здесь, буквально в двух шагах от душного пыльного города, удавливающего самого себя кольцами своих Золотых дорог, утопающего в собственной грязи, разрушающегося от собственной жажды стать больше, поглотить все больше места, разрастись. Здесь тихо пел мир, и город не замечал его задумчивого мурлыканья за собственным тысячеголосым ежеминутным криком. И на миг Раде показалось, что она тоже слышит эту легкую, золотую, солнечную песню земли, усталой от долгого лета и мирно ожидающей первых холодных ветров, которые принесут дожди и смоют с нее всю пыль и усталость, а потом укроют теплым пушистым белым одеялом снега, послав ей своей вьюжной песней спокойные сны.

— Как хорошо, — тихонько прошелестел голос Лиары за ее спиной, и Рада

полуобернулась в седле.

Эльфийка ехала, прикрыв глаза и чему-то тихонько улыбаясь. Солнечный свет обнимал ее со всех сторон, золотыми капельками скатывался по пушистым кудряшкам волос, дрожал на самых кончиках длинных ресниц, и Раде вдруг почудилось, что солнце пропивает все ее тело насквозь, заставляя кожу светиться изнутри. Как когда смотришь на спелую желтую сливу, пронизанную солнцем. Золотистая тонкая мякоть, а внутри оранжево-рыжая косточка.

Внутри зашевелилось какое-то странное чувство, словно маленький червячок, назойливо щекочущий ее в груди. Рада прислушалась к себе, пытаясь понять, что это. Чувство было совсем тонким, тоньше волоса, прохладно-золотистым, но при этом от него возникало ощущение слабости в теле. А еще — зуд между лопаток, заставивший ее передернуть плечами. И что это такое? Она еще раз обернулась, взглянув на Лиару. Вид у той был донельзя мирным, однако Рада все равно засомневалась. Она же Первопришедшая, а от них можно ждать чего угодно. Может, она как-то воздействует на меня при помощи своих сил? Но как? И чего она хочет добиться?

Почувствовав ее взгляд, Лиара открыла глаза, слегка перепугано заморгала и сразу же потупилась, сжалась, будто хотела спрятаться. Рада засомневалась, стоит ли сейчас заговаривать с ней, но назойливая слабость в груди уже пропала, и ей стало любопытно. Можно постараться как-нибудь аккуратно выяснить, что она может, а чего нет. Просто для того, чтобы быть готовой.

Поле тянулось без конца до самого горизонта, на котором тонкой зеленой полосой растянулся Ваэрнский лес. Алеор ехал впереди, вновь накинув капюшон на голову и внимательно оглядываясь по сторонам, и весь его вид говорил о том, что общаться он сейчас не расположен. Решив, что это даже и хорошо, Рада придержала Злыдня, дожидаясь Лиару.

Эльфийка вопросительно взглянула на нее и неуверенно улыбнулась, будто не знала, как себя вести. Покрутив в голове, как можно начать этот разговор, и так и не придумав ни одного дипломатичного варианта, Рада махнула на это рукой. В конце концов, она никогда не отличалась дипломатическими способностями, так чего тогда думать об этом? Потому она просто взглянула на Лиару и спросила:

— Слушай, я давно пытаюсь понять и все никак не могу. А чем Первопришедшие отличаются от Высоких?

Лиара заморгала, круглыми глазами глядя на нее, совершенно сбита с толку. Спереди донесся смешок Алеора; видимо, не настолько уж сильно он был погружен в себя и занят обследованием окрестностей. Но Раде было плевать на его реакцию, и потому она лишь ждала ответа от Лиары.

Та подумала немного, нахмутив свои темные брови, отчего на глаза легла тень, и они стали цвета штормового моря в рассветных сумерках, и заговорила:

— Ну... Во-первых, своим происхождением. Первопришедшие — это те эльфы, которые пришли из-за Кругов Мира вместе с эльфийскими Владыками сразу же после творения, когда мир был еще совсем пуст и чист, когда в нем не было ни растений, ни животных, ни людей. Именно они помогали Молодым Богам создавать тот облик Этлана, который мы видим сейчас. Позже Молодые Боги создали и другие расы, в том числе людей. Часть Первых Людей начала заключать браки с Первопришедшими, кровь смертных и бессмертных, кровь Этлана и того, что за его пределами, перемешалась, и в мире появились Высокие эльфы.

— То есть, Высокие — это потомки Первопришедших? — уточнила Рада, изо всех сил стараясь уловить мысль. — А понижение уровня их способностей — следствие смешения крови со смертными?

— Не совсем так... — Лиара потерла лоб, хмурясь и часто моргая, будто у нее болела голова. — Я не помню, откуда знаю это, однако... Мне кто-то объяснял, что тут дело в сознании. Первопришедшие обладали сознанием иного мира, иной ткани реальности, иной энергии и природы, и это сознание вошло в конфликт с сознанием Этлана. Это как если масло вылить в воду: оно не начнет растворяться, оно пленкой покроет воду сверху, но дальше ему дороги не будет. Может, очень медленно какие-то слои и перемешаются, но этого будет недостаточно, это все равно конфликт.

— Эээ... То есть Первопришедшие были умнее тех, кого создали Молодые Боги? — заморгала Рада, глядя на нее.

— Не умнее, — покачала головой Лиара. — Ум — это то, что можно развить, совершенствовать... Нет, так не пойдет. — Она сосредоточенно нахмурилась, потом снова заговорила: — Ум — это инструмент, как рука или нога, ум — это часть тела, не более того. А есть еще и сознание, которое и отличает живое от неживого: если сознание есть, есть жизнь, если нет, то и жизни нет.

— Как человек и камень, например? — предположила Рада.

— Нннет, — протянула Лиара, бросая на нее задумчивые взгляды. — У камней есть сознание, просто очень, очень инертное. Как и у земли, как и у растений. Разве ты не чувствуешь этого? Ты ведь Высокая, вам доступен тонкий мир.

— Она как бревно, — приглушенно сообщил Алеор, ехавший впереди. — Не чувствует ровным счетом ничего. Пережитки человеческого воспитания, я полагаю.

— Слушай, займись своим Тваугебиром, а? Он у тебя, кажется, на волю рвался, нет? — обиженно прикрикнула на него Рада и взглянула на Лиару. Говорить об этом было странно: ей никогда в жизни не приходилось еще бывать в компании двух эльфов, обладающих способностями, куда превышающими ее собственные. И теперь она чувствовала себя сконфуженно. — Меня воспитывали люди, и никто из них не объяснял мне, что и как делать.

— Поэтому ты спишь по ночам, да? — в глазах Лиары промелькнуло понимание.

— А ты что, не спишь? — удивленно вскинула брови Рада.

— Мне не нужен сон, у меня есть грезы, — пожалала плечами Лиара и вдруг улыбнулась, отчего лицо ее просветлело, будто рассветное небо. — И это тоже, говоря о сознании. Ты, когда засыпаешь, ничего не помнишь, так? Отключаешься и уходишь в себя, видишь сны, но, когда просыпаешься, помнишь очень мало. Это — свойство сознания свертываться внутрь, чтобы дать отдохнуть телу. Я же не отключаюсь, не свертываю сознание, я его утончаю, растекаюсь над своим телом, давая ему возможность отдохнуть, но при этом не теряя связи с реальностью. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Рада. — Но об этом можно и потом. Ты мне лучше про Первопришедших расскажи.

— Тебе бы сначала о Высоких хоть что-нибудь узнать, — опять возвысил голос Алеор. — А то ты как ребенок: еще ходить не научилась, а уже бегать рвешься.

Рада бросила ему в спину испепеляющий взгляд, и Лиара поспешно заговорила, словно пыталась отвлечь ее мысли от хамства эльфа:

— В общем, Первопришедшие были совершенно иными существами, кардинально отличающимися от всех, созданных внутри Этлана. Постепенно из-за потери связи с той

реальностью, которую они покинули, чтобы прийти сюда, они начали терять и свои способности. Пошел процесс размывания, который приобрел колоссальные масштабы после того, как начались контакты с людьми. Общий уровень сознания расы понизился, и тогда и выяснилось, что дети Первопришедших, могут потерять свою силу не только из-за смертной крови в их жилах. Оказалось, что достаточно трех поколений Первопришедших, родивших в Этлане, чтобы у их потомков уже отсутствовало то изначальное чувство мира, та сила и мощь, которая была у самых первых эльфов, спустившихся вместе с Владыками в Этлан. И тогда Первопришедшие приняли решение отделить себя от всего остального мира, создав нечто, называемое ими Мембраной, — энергетическую прослойку, за которую не мог проникнуть никто, кроме них самих. Укрывшись Мембраной, Первопришедшие отделились от всего остального мира, а их потомков стали называть Высокими эльфами, и именно их сейчас можно встретить не только на территории Лесного Дома, но и в человеческих государствах Этлана.

Рада внимательно слушала, стараясь уложить все это в голове и запомнить в деталях, однако у нее все равно было чувство, будто Лиара не ответила на ее вопрос. Или ответила, только Рада ничего не поняла из ее слов. Или же сама Рада поставила вопрос так глупо, что Лиара ответила, но не на него. Грозар, у меня сейчас просто голова треснет!

— Так, а с силами-то что? — она выразительно взглянула на Лиару. — Чем они отличаются-то друг от друга?

Спереди послышался громкий хохоток Алеора, но на этот раз Рада решила его игнорировать. Лиара удивленно вскинула брови, глядя на нее как-то странно.

— Ты хочешь услышать, что конкретно могут Первопришедшие и чего не могут Высокие?

— Ну да, — кивнула Рада, чувствуя облегчение. Кажется, на этот раз ей удалось четко донести свою мысль, и то хорошо.

— Первопришедшие могут гораздо больше, — Лиара покачала головой, глядя перед собой и подбирая слова. — Здесь очень много различий, я даже не знаю, с чего начать... Ну, например, Первопришедшие могут проходить сквозь пространство, менять очертания своего тела, управлять погодой, ветрами, стихиями. Самые сильные из них способны контролировать мысли других людей, управлять ими, вынуждая к тем или иным поступкам, и человек даже не будет знать об этом. Рада, этих способностей так много, что я и перечесать не смогу всего.

— А ты что умеешь? — Рада постаралась принять самый невинный вид из всех, что только могла, задавая этот вопрос, но Лиара все равно взглянула на нее неуверенно и заколебалась перед тем, как ответить.

— Все понемногу. Все эти способности заложены в нас с кровью наших матерей, и вопрос лишь в том, развиваем мы их или нет. Есть какие-то врожденные предрасположенности к тому или другому, как у людей, когда одни дети, например, хорошо рисуют, а другие могут складывать стихи или писать музыку. Все зависит от желания развивать их, от возраста эльфа, от того, как долго и упорно он занимается саморазвитием. Так что индивидуальный уровень сильно колеблется.

— Вот оно как, — протянула Рада, стараясь ничем не выдать себя. Так она может контролировать мысли людей! Тогда понятно, почему я себя иногда так странно чувствую в ее обществе! Тогда все понятно. Надо будет попросить Алеора, чтобы он научил меня защищаться от ее влияния. Уж он-то должен уметь это делать. Вот только видимо, какие-то

мысли все-таки отразились на ее лице, уж больно внимательно и пристально смотрела на нее Лиара, словно гадая, о чем Рада думает. А что будет, если она догадается, что я догадалась? Рада лихорадочно попыталась придумать какую-нибудь тему разговора, чтобы отвлечь внимание от своих мыслей, а потому брякнула первое попавшееся: — Ты поэтому так хорошо на арфе играешь? Это тоже эльфийский талант?

Тут уж Алеор не удержался и заржал в голос, запрокинув голову, а затем обернулся к Раде и с насмешкой сообщил:

— Ну конечно, Рада! Так все и происходит! Коли ты эльф, то еще в колыбельке уже можешь играть на арфе или пилить на скрипке. Если родился человеком, то тоже ничего: тебе подойдет гитара или, там, барабаны какие-нибудь для тех, кто поглупее. А вот гном просто обязан шпарить на какой-нибудь громадной трубе больше его самого с таким противным-противным звуком. Остается лишь вопрос: на чем будет играть дермак?

— Ты идиот! — проворчала Рада, глядя на него. — Я тут пытаюсь что-то понять для себя, а ты надо мной смеешься!

— Дермак будет играть на свирельке, — внезапно сказала Лиара, и они с Алеором одновременно молча уставились на нее. Эльфийка смущенно пояснила: — Это самый простой инструмент, там особого умения не надо.

— Боги, да вы просто нашли друг друга! — хмыкнул Алеор, качая головой и оглядывая их обеих. — Конечно, лапушка ты моя, дермак будет играть на свирельке! Как же может быть иначе?

Лиара сконфуженно замолчала, опуская глаза, а Рада вдруг тоже хмыкнула, присоединяясь к смеху эльфа. И внутри стало тепло и очень светло. Они уезжали прочь от Латра, все дальше и дальше от его душных стен, от всей его лжи и фальши, и теплые лучи солнца грели спины сквозь одежду, а огромное небо встречало их бескрайней синью. И Рада должна была признаться себе, что все это — превосходное начало для новой жизни. Я свободна. Наконец-то я принадлежу сама себе и могу делать, что угодно, не думая о том, что это принесет кому-то боль. И хвала тебе за это, Грозар!

===== Глава 16. Путевые вехи =====

Ваэрнский лес был огромен, простираясь на многие сотни миль во все стороны прочь от Латра. Старики поговаривали, что это — последний осколок самого первого леса, высаженного на бескрайних просторах Этлана Срединного эльфами еще в Предначальную эпоху, и Рада не знала, как относится к их словам. Она подозревала, что жители каждой из стран материка говорили что-то похожее о любом мало-мальски старом леске, который прорастал на их территории, утверждая, что именно оттуда-то, из-под самого трухлявого и гнилого пня на весь лес и началась история всего Этлана. Дескать, вот эта вот гнилушка когда-то была только маленьким семечком, которое обронил, пролетая мимо, какой-нибудь перводятел, прародитель всех остальных дятлов, пробужденный эльфами еще сто тысяч лет назад. А под его когда-то раскидистой кроной отдыхал сам великий Король Ирантир Солнце. Такие байки Рада слышала в Северных Провинциях как минимум про три роци явно высаженные несколько столетий тому назад на дрова и изрядно заросшие, а потому ни одному слову больше не верила.

Однако, где-то в глубине души все-таки скреблось детское любопытство и искреннее восхищение, когда они проезжали под задумчивой прохладной тишиной громадных веток толщиной в обхват ее тела, а копыта лошадей тонули в глубоком мягком зеленом мху, и с него срывались стайки маленьких белых мотыльков, начиная кружиться и танцевать над

ярким разноцветным ковром. Могло ли быть так, что эти исполины стояли здесь уже десятки тысячелетий? Могли ли глаза того же Короля Солнце или кого-то из его приближенных видеть эти могучие стволы, покрытые темными наростами лишайников, увитые диким хмелем, разбросавшим во все стороны, как всегда по осени, белые пахучие шишки, ярко выделяющиеся на фоне начавших багроветь листьев? Или, быть может, эти мягкие влажные мхи когда-то приминали подошвы сапог Аватар Создателя и их великой армии Спутников, когда те шли карать последнего короля Мелонъяр Тонала — Хорезмира Проклятого за его измену и непрямое пособничество Аватару Хаоса?

Наверное, все эти вопросы можно было бы задать Лиаре, которая ехала сразу же следом за Радой, задумчиво оглядываясь по сторонам с видом отрешенным и далеким. Ее серые глаза затуманились, став похожими на раннее зимнее утро, а губы порой едва заметно шевелились, словно она проговаривала себе под нос строчки стихотворений или какие-то песни. Вообще-то, эльфийка не выглядела расположенной к разговору, да и Рада сомневалась, что она может знать правду. Свои знания Лиара черпала из легенд и сказок, которые передавались из уст в уста бесчестное количество раз, и, естественно, каждый из бардов прибавлял к ним что-то свое, на самую капельку изменяя суть. А теперь попробуй представить бобовую похлебку, которую варят десять тысяч человек, один сменяя другого. Как ты думаешь, что это будет за похлебка, когда десятитысячный украсит ее последней петрушечкой и подаст на стол? Потому, Рада отвернулась, не став приставать к Лиаре с бессмысленными вопросами, правдивый ответ на которые она все равно дать была не в состоянии.

Уходя от погони, Алеор поехал напрямки, держась в стороне от дороги и ведя путников через заросшую лесную чащу. Раде несколько раз в жизни приходилось выезжать на охоту в эти края (дворяне обожали это развлечение, предпочитая его всем другим видам летнего отдыха), а потому она уже почти и не удивлялась гигантским деревьям, чьи кроны были так густы и темны, что под ними не росло ничего, кроме жиденькой травы и растений, предпочитающих темные участки земли, куда никогда не заглядывало солнце. Многие деревья были настолько большими, что внутри них запросто можно было жить, а их раскидистые ветви давали приют множеству разнообразных птиц, свивших гнезда в развилках ветвей и дуплах.

Землю устилал мох, из которого поднимались выкрученные корни, валуны или сухие былки трав, шуршащие на ветру. Солнечные лучи с трудом, но пробивались сквозь лиственный свод, пятная зеленый ковер под ногами и превращая его в чудного кота с пушистыми разноцветными боками и усами-былками. Здесь было тихо, лишь дышал в кронах ветер, да перекрикивались птицы, и эта тишина действовала на Раду умиротворяюще. Она провела в городе чуть больше двух недель, а до этого еще около месяца в дороге с севера, и ей уже начало казаться, что бесконечный шум, людское разноголосье и спертый воздух будут преследовать ее до конца жизни. И теперь вот это тихое лесное царство, в котором между стволов деревьев медленно текло дремотное время, разливаясь желтыми полянами болотника и голубыми — звездолита, уходя прочь без следа, нарастая новыми кольцами древесины на стволы, пушистыми пятнами мха на камни и корни. Здесь пахло прохладой, гниением, листвой и землей, мхами и папоротниками, и запах был таким густым, что обволакивал Раду со всех сторон, будто бы проникая во все поры кожи и очищая ее изнутри от излишней спешки, усталости, волнений и тоски.

Они ехали весь день, остановившись лишь раз, чтобы покормить лошадей и поесть

самим. Погода была теплой, хоть под тенистым пологом ветвей уже начал собираться первый холодок. Никто их не преследовал, никто не искал, и в лесных зарослях им не встретилось ни одного человека. Латр прочно удерживал свои позиции в этом регионе, не позволяя возникнуть ни одному мало-мальски крупному людскому поселению как минимум в трех дневных переходах от города, на свои деньги отстраивая постоянные дворы вдоль дороги, доходы от которых шли в городскую казну. Поэтому он так и жирел год от года, поэтому его никогда не сжигали во время кризисов власти, а еще именно поэтому в этих лесах не водилось ничего, кроме зверья, да разбойников, которые промышляли на дороге в самые лютые голодные зимы и которых быстро разгоняли городская стража и наемники.

Уже когда солнце обогнало их, проделав длинный кульбит по небу и оказавшись прямо перед ними, а по лесу пролегли длинные рыжие закатные лучи и вытянулись синие вечерние тени, Алеор, наконец, объявил привал. К этому времени Рада уже чувствовала себя подуставшей: она не слишком-то напрягалась в последнее время, а потому успела подрастерять форму. Спрыгнув со спины Злыдня на мягкий ковер из прелого мха и палых листьев, она устало разогнула спину, помассировав затекшую поясницу пальцами. Лиара тоже спустилась на землю со своей кобылки с трудом, охая и морщась, и сразу же уселась на древесный корень, далеко вытягивая гудящие от напряжения ноги.

Единственным, кто из них троих выглядел точно таким же свежим, как и утром, был Алеор. Спешившись, он быстро расседлал своего коня и безапелляционным тоном приказал:

— Я принесу дров, а вы займитесь лошадьми, — и исчез среди темных деревьев, обступающих маленькую полянку, на которой они нашли приют.

— Я тебе что, конюшонок, что ли? — проворчала Рада, глядя на его широкую спину, мелькающую в отдалении между деревьев. Однако, причин особенно выделяться у нее не было: эльф не просил ничего чрезмерного, потому она засунула подальше свою гордость и занялась лошадьми.

Лиара порывалась помочь, но двигалась, болезненно морщась при этом, и как-то одеревенело.

— Первый раз в седле? — поинтересовалась Рада и, получив ответный кивок, махнула рукой. — Сиди уже. Я все сделаю.

— Я хочу помочь, — героически мотнула кудрявой головой эльфийка, но Рада только поморщилась и почти что силой усадила ее обратно на древесный корень.

— Сиди. Задница, небось, в лоскуты. Залечивай давай, завтра столько же ехать. В первом же городке купим тебе мазь.

Лиара вспыхнула, потупив глаза, и только быстро закивала. Вид у нее был болезненный, и неудивительно: Рада прекрасно знала, что такое натертые ноги после седла.

Лошадей она расседлала, обтерла пучками сухой травы, вычистила скребницей. Смышастым эльфа оказалось проще всего: Алеор ездил на зверюге эльфийской породы, гораздо более выносливой и сильной, чем все человеческие кони, и жеребец почти что не запыхался по дороге, а шерсть у него так лоснилась, словно его только что вывели из конюшни. К тому моменту, как она закончила с лошадьми, эльф вернулся, волоча за собой две молоденькие сухие березки.

Через несколько минут между деревьев уже потянуло дымком, и маленький костерок разгорелся на замшелой земле. Воздух наполнился запахом прелых горелых листьев и бересты, и Рада с наслаждением втянула его носом. Она так давно уже не чужала этого аромата: осени, перемешанной с горчинкой подступающей зимы, и от него внутри все

приятно улеглось. Усевшись на свернутое в скатку одеяло из тех, что еще ночью раздобыл для них с Лиарой Алеор, она с наслаждением вытянула вперед гудящие ноги и принялась ждать, когда эльф приготовит ужин.

Длинным кинжалом он нарубил оставшееся у них мясо, насадил его на тонкие палочки и поставил греться над краем костра. К запаху дымка прибавился еще аромат жарящегося мяса, шипящего и плюющего соком на огне, и Рада поняла, что сейчас просто захлебнется слюнями. Нужно было хоть чем-то отвлечься, потому она взглянула на Алеора и негромко спросила:

— Не кажется ли тебе, что пришло время в подробностях пояснить, во что мы ввязались?

— Ты про Семь Преград? — на лице эльфа появилось проказливое выражение, словно он задумал невинную шалость. Бросив на нее хитрый взгляд, он привстал и прикрепил котелок с крупой и водой над огнем, аккуратно пристроив его на вбитых в землю кольшках. Усевшись, Алеор с деланным равнодушием полез за пазуху за трубкой. — И что же именно ты хочешь узнать?

— Все, — Рада многозначительно взглянула на него. — Давай с самого начала.

— С начала, — повторил Алеор, аккуратно забивая трубочку и глядя в огонь. — Ладно. Три года назад меня вызвал к себе Илион, но я в этот момент был на Северном Материке, делал одну довольно приятную работенку, а потому явиться не смог. Он вызвал меня снова, через год, но тогда я уже был в Хмурых Землях и помогал Эрахиру с инцидентом у озера Плакучих Ив.

— Я так и знала, что там был ты! — широко усмехнулась Рада.

Хмурые Земли тянулись с севера на юг, огибая с запада границы Страны Мрака, и были местом условно безопасным последние несколько тысяч лет, куда, однако, мало кто решался соваться. Именно на этом месте четыре эпохи назад Король Солнце Ирантир одержал победу над Кроном, загнав его обратно в логово, из которого тот выбрался. Крови в той битве пролилось столько, что земля так и не смогла восстановиться, и Хмурые Земли представляли собой бесплодную бурую пустыню, по которой гоняли пепел и тлен бесконечные злые ветра. Впрочем, Рада сомневалась, что за такое гигантское количество времени, что прошло со времен Первой Войны, даже самая бесплодная равнина не поросла бы зеленью, а значит, помимо людской крови было и еще что-то, что не давало прорасти траве. И этим чем-то была скверна Сети'Агона, обильно хлещущая через окружающие Страну Мрака хребты.

В Хмурых Землях плодились дермаки: об этом знали все, но никто уже давным-давно в это не верил. В Мелонии существовали погранрубежи, растянутые по всей восточной границе с Хмурыми Землями, там постоянно содержался воинский контингент на случай вторжения сил Сета. Однако этих вторжений не было уже так давно, что теперь за службу на востоке боролись сынки самых высокопоставленных лордов, чтобы месяцами плевать в потолок и ничего не делать, а потом получить на грудь орден и кругленькую сумму денег на кутеж за героическую оборону восточных рубежей.

Однако южнее Мелонии, там, где с Хмурыми Землями граничил Бреготт, ситуация была гораздо хуже. Набеги дермаков, темных тварей, выведенных Кроном и продолжающих плодиться под землей, не прекращались никогда: ни зимой, ни летом, и бреготцы (которых чаще называли бернардинцами по имени их короля Бернарда XIX Эрахира) сдерживали из натиск в одиночестве, не пропуская дальше на запад и не давая разорять собственные

территории. Алеор навевался в те края примерно раз в два года, вдоволь поил дермачьей кровью Тваугебира и спокойно возвращался восвояси. И обычно все это происходило гораздо тише, но пару лет назад случилось громкое дело.

Даже до Северных Провинций доползли слухи, что у озера Плакучих Ив, громадного водоема, на берегах которого располагались развалины древней крепости бернардинцев Вернон Валитэ, произошло сражение. Пираты, вечные сороки-пересмешницы, приносили на хвостах вести о схватке, достаточно крупной, чтобы уже назвать ее настоящим боем. Якобы дермаки собрали в районе озера около десяти тысяч воинов, способных переносить солнечный свет, и самому Бернару Эрахиру пришлось поднимать армию и вести ее против них. Говорили, что сражение длилось около месяца: войска маневрировали, сталкивались и расходились до тех пор, пока не произошло чудо: сам Грозар Ливонский спустился с небес с карающим мечом в руках и разнес в пух и прах всю армию дермаков. Пираты клялись и божились, что слышали эту историю от самих бернардинцев, участвующих в сражении, и что это был именно Грозар Громовержец, по воле которого людям удалось одержать победу. И никто из окружающих Раду солдат или полководцев не верил ни единому их слову: на восточных рубежах Мелонии неумолимо стояла тишь уже два тысячелетия, и мелонцы давным-давно перестали верить в дермаков, полагая, что бернардинцы выдумывают эти небылицы, чтобы набить цену товарам гномов, торговый путь с которыми проходил через их территорию. Однако, Рада умела слушать и сразу смекнула, что там к чему. Она почти что печенкой чувала, что в такой ситуации не обошлось без Алеора, а чудесное пришествие Грозара Ливонского могло означать лишь одно: Тваугебир вырвался и принялся крушить армии дермаков, а люди тем временем спешно уводили войска прочь с этого места, пока охочая до крови и безразличная ко всему тварь не обернулась против них.

Сидящий у костра Алеор только пожал плечами, будто все это было ему глубоко безразлично, и заговорил дальше:

— Последнее, третье письмо с безоговорочным приказом явиться в Кевир я получил в прошлом году, когда находился в Ильтонии. Кое о чем в письме Илион мне намекнул, хоть и не решился писать открыто все, потому что сама знаешь, как ненадежна дипломатическая почта. Однако, я прочитал достаточно, чтобы заинтересоваться этим делом, и даже успел до отъезда договориться кое с кем, кто будет сопровождать нас в нашем маленьком путешествии на Запад.

— И кто же этот идиот, решивший ехать вместе с тобой за Семь Преград? — спросила Рада.

— Ты имеешь в виду, помимо вас двоих? — осклабился Алеор. — Один ильтонец, ведун. Ты с ним познакомишься вскоре.

— Мы трое и ильтонский ведун? — пропустив оскорбление мимо ушей, уточнила Рада. — А не мало ли?

— Еще будет одна крайне симпатичная и любезная особа, которая обещала дожидаться нас в Онере, а также мой старый приятель со своим... животным, которого мы подберем в районе Речного Дома, — Алеор чему-то улыбался под нос, словно говорил что-то смешное, и Рада насторожилась. Такая его улыбочка никогда не означала ничего хорошего.

— Что это еще за приятель в Речном Доме? Первопришедший?

Лиара рядом с ней встрепенулась и наострила уши, но Алеор покачал головой.

— Нет. Увидишь. Со спутниками еще успеется, а сейчас лучше о самом интересном. — Алеор сделал паузу, подкуривая от веточки, которую вытянул из костра, а Рада терпеливо

ждала. Иногда он был склонен ко всевозможным театральным эффектам, и ее это слегка раздражало. Только вот торопить эльфа не стоило: он нехорошо улыбался и замолкал, и дальше слова из него клещами было не вытянуть. Так что она только терпеливо дожидалась, пока Алеор запыхтит трубкой и заговорит: — Когда я вернулся в Кевир, Илион встретил меня крайне интересной информацией. Он рассказал, что в Роуре была большая битва, и со стороны Сета в ней участвовало около миллиона дермаков.

— Сколько?! — вскрикнула Рада, вытаращившись на эльфа. Такого количества тварей не было в Этлане со времен Второго Восстания. — Откуда Сети'Агон взял столько дермаков на западе?!

— Вот это уже правильный вопрос, умничка! Можешь ведь, когда хочешь, — Алеор отечески улыбнулся ей. — Я тоже первым делом спросил об этом Илиона, и он рассказал мне забавную историю из тех, какие так любят петь барды. Так что тебе, арфистка ты наша, тоже будет интересно. — По лицу Лиары промелькнула тень раздражения, но исчезла так быстро, будто ее и не было. Девочка наконец-то начала взрослеть, подумала Рада, чувствуя глубоко запрятанное внутри злорадство. Теперь и ей тоже хочется убить Алеора вместо того, чтобы бежать от него прочь сломя голову. Может, толк из нее и выйдет в дальнейшем. Углядев-таки эту тень, Алеор подался вперед и насмешливо взглянул на Лиару: — И перед тем, как учить новую песенку, займемся-ка повторением того, что мы уже прошли. Не так ли учат подкидышей? Вот тебе маленький вопрос в качестве экзамена: кто такие гринальды?

Рада наморщила лоб, не понимая, как все это друг с другом связано. Слово вроде бы было знакомым, но вспомнить его значения она не могла. Только с краешка что-то щекотало память, и в качестве ассоциации почему-то возникли большие птицы вроде горных орлов или чего похожего. Впрочем, историю в Военных Академиях Рада учила из рук вон плохо, ей гораздо интереснее были сражения и драки. Ну, или стратегия, но уж никак не нудная зубрежка о том, что было в стародавние времена еще до Первой Войны.

Лиара, однако, спокойно взглянула на Алеора и бесцветным голосом сообщила:

— Раса людей-орлов, обитающих где-то в Западном Этлане. Их столица, кажется, называлась Кренан или Кренад...

— Кренальд, — поправил Алеор, и Рада уловила в его тоне едва заметно промелькнувшее одобрение. — Ты совершенно права. Орлы были союзниками Ирантира, поддерживали его с самого начала борьбы против Крона, держали данные ему клятвы о союзе после окончания Войны. Именно гринальдам Ирантир отдал на хранение один из лепестков легендарного Фаишаля, дарованного ему Молодыми Богами оружия, с помощью которого он уничтожил Крона. Как и все бессмертные расы, гринальд были достаточно верны старым клятвам, чтобы не участвовать в мародерстве на остатках его империи, когда самого Ирантира не стало, а его военачальники принялись грызться друг с другом, дробя и дробя без конца огромную страну. Однако у них была и еще одна задача — охранять Неназываемого, спящего за Семью Преградами, поддерживать его логово в сносном виде, чтобы он не мог оттуда вырваться. Возможно, поэтому Ирантир и дал им один из лепестков.

— Я так понимаю, что потом у них начались проблемы? — хмыкнула Рада, помешивая палочкой рассыпавшиеся по краю костра угли. — Иначе мы бы хоть что-то слышали об этом народе кроме его названия.

— Ты права, — кивнул эльф, — у них действительно начались проблемы, и случилось это около двух с небольшим тысяч лет назад. В Срединном Этлане начался Танец Хаоса, Аватары Создателя вновь сцепились с Аватаром Хаоса и объявили общий сбор войск, чтобы

противостоять ему. Вот тогда-то и началось самое веселое: у всех вдруг нашлись неотложные дела, всем нужны были армии для защиты их собственных границ, и только совсем немногие согласились присоединиться к Аватарам добровольно, обойдясь малой кровью. — Рада кивнула: эту часть истории она знала уже достаточно хорошо. В конце концов, Мелония и сформировалась как государство в его нынешнем виде на осколках империи Аватар, просуществовавшей совсем недолго и развалившейся сразу же после окончания Танца Хаоса. — Гринальд тоже сплеховали: их царица ополоумела и начала ставить эксперименты с энергией Источников, пытаясь доказать всем, что именно она — Аватара Создателя. Ее малохольный муженек пытался остановить ее, но было уже поздно. Там произошел небольшой взрывчик, в результате которого Кренальда не стало, а все женщины-орлы потеряли крылья.

— Грозар, вот всегда так! — поморщилась Рада. — Из-за одной дуры страдают все.

Глаза Лиары сверкнули, она подалась вперед, чтобы что-то сказать, но все-таки промолчала. Рада удивленно взглянула на нее: вид у девчонки был недовольный. Боги, и она что ли из тех, кто искренне верует в женский мозг? Веселенькая же мне предстоит поездка! Однако деться ей было уже некуда: она ведь дала слово Алеору, что пойдет с ним, как и Лиара. Оставалось надеяться, что ее удастся где-нибудь сбавить по пути. Например, в Речном Доме, отыскав ее матушку и совершив долгожданное воссоединение любящей семьи. Ну или хотя бы — что она будет молчать и не попытается доказывать Алеору, что женщины тоже бывают умные, иначе Тваугебир вырвется гораздо раньше, чем нам всем бы хотелось.

Алеор кивнул, попыхивая трубкой.

— Короче говоря, гринальды разбились на три группы: мужчины-орлы с крыльями, которые, посмотрев на все это безобразие, улетели прочь, поселившись в Эрванском кряже; бескрылые женщины во главе с вконец ополоумевшей Крол, которая увела их в Данарские горы; и бескрылые мужчины, потомки орлов, которые отстроили свой город южнее Семи Преград и подчинили своей воле мелких драконов, населяющих каньон неподалеку от их нового дома.

— Драконов? — воскликнула Лиара, не в силах сдержать восхищения. Рада бросила на нее взгляд: глаза эльфийки горели, на щеках зажегся румянец. — Настоящих драконов? Детей Дракона Времени Талуги?

— Да, только не тех, которые белые и пушистые и валяются в ромашках, а тех, которые предпочитают похищать любопытных молодых девочек, утаскивать их в свою нору и заниматься там с ними всякой непотребщиной! — невинно захлопал ресницами ей в ответ Алеор, и улыбка на лице Лиары погасла. Повернувшись к Раде, он пояснил: — Они подчинили себе мелких потомков Драконов-От-Тьмы и летают на них верхом. С помощью этих тварей вельды, как они себя называют, умудрились запугать местных кочевников кортов, которые приняли их как своих Богов и хозяев. И все вместе эти ребята двинулись против того, что выросло из осколков армии Крол в Данарских горах, — против народа анай.

— Выросло? Как там могло что-то вырасти? — Рада недоуменно вздернула бровь. — Ты же сам сказал, что туда ушли одни женщины. Откуда у них тогда взялись дети?

— Вот это — самое интересное, и я пока что оставляю это на закусочку, — отозвался Алеор. — В общем, они дрались друг с другом две тысячи лет подряд, с успехом уничтожая друг друга и вполне гармонично сосуществуя. Однако, около пятнадцати лет назад из-под Данарских гор вдруг самым неожиданным образом поперли дермаки, которых там отродясь не было, и анай пришлось отбиваться уже на два фронта: от вельдов, и от полчищ Сета. Надо

отдать должное: держались они хорошо, до некоторых пор. Их разведке удалось выяснить, что на развалинах Кренальда скрывается огромное полчище дермаков, и тогда стало ясно, что одни они не справятся. Великая Царица, которая правит ими, оказалась достаточно сильной для того, чтобы заключить союзнический договор с вельдами и эльфами Аманатара и разбить армию дермаков посреди Роура.

Рада присвистнула и в невольном уважении покачала головой. Драться две тысячи лет, а потом заключить союзнический договор со своими злейшими врагами. Да еще и с эльфами умудриться договориться. Возможно, Лиара и права. Или просто эти анай сделаны из совсем другого теста, не то, что здешние кумушки.

— Так Аманатар существует? — с интересом спросила Лиара. — Я слышала, что они сгинули давным-давно.

— Нет, не сгинули, — криво ухмыльнулся Алеор. — Хотя и пытались изо всех сил, пока эта баба не выволокла их из их гнезда и не заставила драться с дермаками.

Покопавшись в памяти, Рада припомнила смутную историю о эльфийских родах древности. Кажется, их было четыре: самые известные фамилии Первопришедших, явившихся в Этлан. Неудивительно, что буквально через несколько лет после появления Первых Людей, эти четыре рода умудрились вдрызг переругаться друг с другом. Самый отъявленный из родов заявил, что уживаться с остальными не собирается, и ушел куда-то на Запад, обосновавшись далеко к югу от Семи Преград. Они не пришли даже на поле битвы Первой Войны с Кроном, куда Ирантир призвал всех, кого только можно было. Вот и догнала их справедливость через несколько тысячелетий, — с глубоким удовлетворением подумала Рада. Не захотели сражаться на чужой территории — будете драться у себя дома. А то носятся со своим бессмертием и чистой кровью, как курица с яйцом!

Однако то, что сделала эта Великая Царица анай, все же не укладывалось в голове. Если даже Ирантир не смог приволочь Первопришедших Аманатара на поле боя, а уж у него воля была, что булат. Рада только вновь покачала головой и взглянула на Алеора:

— А зачем вообще дермакам нужно было нападать на Западный Этлан? И как Сет протащил туда миллион этих тварей?

— Он их не протащил, — улыбнулся Алеор. — Он их вывел там.

На несколько секунд воцарилась полная тишина, во время которой Лиара и Рада молча смотрели на него, часто моргая, а эльф откровенно наслаждался их недоумением. Все знали, что дермаков невозможно вывести без помощи Источника, что со времен войн Крона не было новых очагов появления этих тварей в Этлане, и в Хмурых Землях плодились лишь те твари, которых когда-то там вывел сам Первый Враг. И теперь получалось...

— Значит, теперь он может создать их где угодно! — вторя мыслям Рады, выдохнула Лиара. — Значит, теперь уже никто не может чувствовать себя в безопасности!

— Не совсем так, — покачал головой Алеор, и у Рады внутри отлегло. Она-то, в отличие от своих соотечественников, верила в существование дермаков и примерно представляла себе, что будет, если их волна вновь хлынет на Этлан. И если раньше всем казалось, что очаг окружен со всех сторон форпостами бернардинцев, и остальным государствам ничего не угрожает, то теперь обстановка значительно накалялась. — Вы слышали что-нибудь об Источниках Энергии?

— Только не говори мне, что с этим как-то связаны жрецы! — заворчала Рада. Она терпеть не могла Церковь Молодых Богов и все, что с ней было связано, а особенно — напускную святость отожравшихся жрецов, подмявших под себя светскую власть и

жиревших от «добровольных» (раз в год отдай, иначе плохо тебе будет именем Грозара) пожертвований в пользу приходов. И если Алеор сейчас скажет, что кто-то из жрецов замешан в новом нашествии дермаков, то она и за бесплатно и без чужого понукания начнет жечь проклятушие храмы, пока вся эта зараза не выведется из Этлана.

— Я вынужден огорчить тебя, Радушка, нет, — хмыкнул Алеор. — И я так полагаю, что ты не знаешь об Источниках ничего, кроме того, что некоторые из этих плешивых святошей могут ими пользоваться.

— Я знаю, — вдруг тихонько подала голос Лиара, и эльф благосклонно кивнул ей, позволяя говорить. Рада вновь заметила, как недовольно сжались в нитку губы эльфийки, однако она и на этот раз стерпела и быстро проговорила: — Источников Энергии два: Белый и Черный, Сознание и Сила Творца. Среди всех народов Этлана рождаются те немногие, кто способен пользоваться силой каждого из них в отдельности, или обоими вместе.

— Правильно, — кивнул Алеор, потом взглянул на Раду. — Так вот, чтобы сделать дермаков, нужно использовать выбросы одного из Источников, причем воздействовать на него напрямую. Выход Белого Источника на поверхность земли нашли анай и используют его для того, чтобы рожать дочерей, — Рада только удивленно вскинула брови, но Алеор не дал ей заговорить и добил: — А второй, Черный Источник, нашел Сети'Агон. И знаешь, что это такое?

— Что? — выдохнула Рада.

— Неназываемый.

Алеор довольно запыхтел трубкой, рассматривая их вытянувшиеся от удивления лица. Вид у него был как у обожравшегося сметаной кота, и Раде до смерти захотелось залепить ему хорошую такую затрещину, чтобы он перестал скалиться. Но узнать правду обо всем происходящем хотелось гораздо сильнее, потому она подавила в себе ярость и спросила:

— Как Неназываемый?

— А как же все сказки про безымянное зло за Семью Преградами? — зазвучал рядом напряженный голос Лиары. — Как же все те истории про то, что там спит тот, кто управлял Кроном? Кто заставлял его творить зло и сеять вражду?

— Да никак, — пожал плечами Алеор. — Это просто байки, которые распустили Анкана в незапамятные времена, чтобы отвести всех от выхода жилы Черного Источника на поверхность. Они просто ввали всем остальным народам на протяжении десятков тысячелетий, и множество дураков поверило в это, решив, что в Неназываемом-то и кроется причина восстаний Крона и всех людских бед. А это на самом деле — брехня.

Теперь уж Рада совершенно точно не знала, что сказать. Как и всегда, Алеор взял и в один момент переставил с ног на голову все ее представления о жизни, истории, окружающем мире, а потом сел рядышком и принялся внимательно рассматривать ее реакцию, словно паук, наблюдающий за корчащейся от яда мухой. Он делал так с самого первого дня их знакомства и заканчивать это делать явно не собирался. Иногда Раде хотелось ударить его за это, иногда — расцеловать. Какой бы горькой ни была правда, слетающая с его губ, она всегда была правдой, а не тем приторным киселем, которым ее пичкали все окружающие.

Но Неназываемый... зло, самое страшное зло Этлана, которое оказалось всего лишь враньем, надутым мыльным пузырем, лопнувшим сразу же, как только кто-то ткнул в него иголкой. Это просто не укладывалось в голове.

— А Семь Преград-то? — Рада с опаской взглянула на эльфа. — Они-то — настоящие?

— Настоящие, — заверил ее Алеор. — Уж поверь мне.

— Получается, их создали, чтобы никто не смог добраться до Черного Источника? — брови Лиары хмурились, а взгляд стал задумчивым.

— Умничка, арфистка! — довольно улыбнулся эльф, и на этот раз в голосе его злорадства не было, отчего Лиара бросила на него короткий удивленный взгляд. — Только вот кое-кто все-таки сумел сделать это. Первым был Крон, а вторым — какой-то ополоумевший ведун из вельдов, разум которого контролировал Сети'Агон, чтобы добраться до Источника и...

Алеор вдруг резко выпрямился, и лицо его моментально окаменело, а взгляд стал цепким, словно вороны когти. Насторожившись, он принялся оглядываться по сторонам, ища глазами кого-то в густой темной листве.

— Здесь что-то есть, — прозвучал рядом тихий голос Лиары, и Рада удивленно обернулась к ней. Эльфийка тоже подняла голову, невидящим взглядом всматриваясь в окружающий лес. — Что-то темное.

— Где? Вы кого-то услышали? — спросила Рада, на всякий случай, на шаривая за голенищем сапога метательный кинжал.

Сама она не чувствовала и не слышала ровным счетом ничего, да это было и неудивительно. Хоть Алеор высказал это в своей привычной манере, безапелляционно назвав ее бревном, он все-таки был прав по сути. Никакого чутья и особой чувствительности к энергетическим изменениям окружающего мира у Рады не было, и она никогда этого и не скрывала. Может, дело было в том, что она росла среди людей, может, в том, что эльфы откровенно раздражали ее своим вечным холодным спокойствием и занудной учтивостью, а может, в чем-то, о чем она и не догадывалась на данный момент. Однако, факт оставался фактом: Рада могла почувствовать слежку только в том случае, если преследователь был неподалеку и следил за ней собственными глазами, и вовсе не потому, что в ее жилах текла эльфийская кровь, а благодаря воинской выучке и нескольким десяткам покушений на ее жизнь, которые она смогла предотвратить. И то, порой случались промашки, как с тем парнем, что пырнул ее ножом в «Приюте пташек».

Алеор с Лиарой продолжали озираться по сторонам, причем эльф рассеяно начал поглаживать рукоять меча у себя на боку, а язык его неосознанно облизнул губы. Тваугебир уже начал выбираться на поверхность, и теперь Рада видела, как сложно Алеору было его сдерживать.

— Не пойму, что это, — недовольно проворчал эльф. — Странное чувство, вот только...

— Я вижу его, — напряженно проговорила Лиара, глядя прямо перед собой. Однако взгляд у нее при этом был такой, словно она смотрела внутрь своей головы, а не наружу. Рада даже наклонилась вперед и позволила себе махнуть рукой у нее перед лицом, однако на ее движение та никак не отреагировала.

— Где? — эльф бесшумно поднялся на ноги.

— За нашими спинами, метров сорок, не больше. И это... — лицо Лиары вытянулось от удивления.

— Птица!

Алеор сорвался с места так быстро, что Рада не успела уловить движение. Еще миг назад он стоял рядом, а в следующее мгновение прыгнул куда-то в сторону и во все лопатки побежал в указанном направлении. Его черный плащ мелькнул в закатных лучах солнца между заросших плющом стволов, потом издали послышался громкий гортанный вскрик.

Лиара сразу же встряхнулась, взгляд у нее вернулся в нормальное состояние. Рада недоверчиво взглянула на нее:

— Птица? За нами следит птица?

— Кажется, сойка, — рассеяно отозвалась Лиара, потирая лоб. — Но я точно не знаю.

— Ты сейчас шутишь, что ли? — фыркнула Рада, не понимая, то ли смеяться, то ли окатить девчонку ледяной водой, чтобы ей полегчало. — За нами следит сойка! Грозар! А зайцы за тобой не подглядывают из-за кустов?

— Но это так, — Лиара потупилась, отводя глаза. Вид у нее был сконфуженный. Едва слышно она повторила: — Это так.

— Может, ты просто переутомилась? — Рада не смогла скрыть промелькнувшей в тоне насмешки. — Вот и мерещится, невесть что.

— Девчонка молодец, — послышался из-за спины голос Алеора, и он обогнул Раду, подсаживаясь к костру. В руках у него было пернатое тельце какой-то небольшой птицы, насквозь пронзенное кинжалом. — Даже направление указать смогла при том, что птиц очень сложно перехватить: слишком мало энергии. — Он взглянул на Лиару. — Может, от тебя будет даже больше толку, чем я думал вначале.

Огромные серые глаза, в которых маленькими золотыми искрами засветилось удовольствие, поднялись на Алеора только для того, чтобы сразу же скрыться за густыми черными ресницами, чуть подкрученными по краям. Рада недовольно поерзала на своей подстилке, чувствуя какое-то странное раздражение. Что это она теперь будет выделяться перед Алеором? Потому что величайший наемник Этлана ее похвалил? Проклятые эльфы Вечно со своими особенными способностями! Будто весь мир только и вертится вокруг их необыкновенной крови!

Настроение сразу же испортилось, и Рада спросила чуть резче, чем нужно было:

— Ну и что же не так с этой сойкой?

— А то, что она следила за нами, — Алеор покачал окровавленное тельце на конце кинжала, хмуро разглядывая его, и резким движением отшвырнул в сторону. Отерев кинжал травой, он засунул его за пазуху. — И мне это очень не нравится.

— Ребята, может, вам организовать новое наемное сообщество для тех, за кем следят птицы? — Рада покосилась на них обоих, ухмыляясь под нос. — И назвать его как-нибудь звучно, например, «Опасаящиеся птиц» или «Находящиеся под наблюдением голубей».

— Дура ты, Рада, — проворчал эльф, искоса глядя на нее. — Слишком много времени ты просидела в Мелонии, вот и наверстывать теперь придется дольше. А помоталась бы по свету, послушала бы, посмотрела, может, чего и вышло бы из тебя. С твоими задатками ты уже сейчас бы стала одной из лучших.

Рада нахмурилась, глядя на своего старого друга. Вот как так получалось, что он одновременно похвалил и оскорбил ее? Наверное, это тоже какой-то особый эльфийский талант, которого у тебя никогда не будет. А жаль. Этот бы пригодился.

— И что же такого было в этой сойке, чего я не доглядела? — хмуро осведомилась Рада. Лиара рядом тихонько прыснула в кулачок, но под ее разгневанным взглядом сразу же притихла.

— Сойка — бхара с ней. Гораздо опаснее Птичник. — Алеор вновь окинул взглядом окружающий лес, но плечи у него были расслаблены, а значит, опасность миновала. — Это тварь, которую Сети'Агон использует для разведки в самых щекотливых и опасных делах. А раз так, значит, опасаться нам стоит не наемников и стражи, а чего-то гораздо более

серьезного. — Помешав ложкой в котелке, он попробовал варево на вкус и удовлетворенно кивнул: — Ешьте, готово. И никаких больше разговоров сегодня. Это место больше небезопасно.

Рада кисло уставилась на фырчащий над огнем сочный кусочек мяса, жир с которого с шипением капал на угли, и решительно сгребла его поближе к себе. Бхара с ним, с Птичником. Кто бы за ними не следил, это не повод, чтобы отказываться от горячего мяса.

===== Глава 17. Связующая нить =====

Сумерки легли на темный лес бархатным синим одеялом, толстым и теплым, стеганным серебристыми звездами. Из-за краешка мира любопытно выглянул тонкий рожок молодого месяца, и на глянцевою поверхность усталых от летнего зноя листьев легла мельчайшая сверкающая пыльца его света. Отворчал ветер, угомонившись где-то в высоких древесных кронах, прошуршав напоследок листьями, постучав друг о друга ветками, уснул на раскидистых ветвях старого дуба, подложив под голову ладошки плюща, укрывшись его теплым сплетением от ночного холодка. Застыли травы, замерли до утра, закрылись сладко пахнущие венчики цветов, толстые довольные шмели заснули в земляных норах. Дневные птицы и звери тоже ложились на покой до утра, прячась в дуплах и завалах палого леса, забиваясь в трещины в земле или свитые загодя гнезда. А на смену им пришли большеглазые молчаливые ночные охотники, чьи бесшумные тени скользили над головой Лиары на фоне бархатистого неба, пробегали на мягких лапах в стороне от лагеря, чутко прислушиваясь и принюхиваясь к незнакомому запаху эльфов и лошадей, посверкивая из темноты впитывающими свет плоскими-глазами.

Ночь плыла вокруг, медленно и нежно обволакивая сонные старые стволы деревьев, ложась россыпью крохотных капелек влаги на пушистые венчики глубоких мхов, сгущаясь в стороне от костра и так же бесшумно и задумчиво разглядывая пришедших сюда из внешнего мира незваных гостей, как и все ее большеглазые осторожные дети. И Лиара смотрела этой ночи в глаза, пропуская ее через каждую пору своего тела, позволяя ей заполнить себя всю и вылиться через край, растекаясь вместе со всем ее существом вокруг, смешиваясь, превращаясь во что-то одно, извечное, звенящее и тонкое, нежнее дрожащей под лучами рассветного солнца паутинки с застывшими на ней крохотными капельками росы.

Земля под спиной была твердой и холодной, но при этом мягкой, гораздо мягче всех матрасов и перин, на которых ей только приходилось спать в жизни. Земля молчала, любясь таким далеким, таким отделенным от нее небом, до которого не дотянуться, не докричаться, и в ответ ей оттуда медленно падал свет далеких звезд. Он летел и летел, пронзая бескрайние просторы пустоты, падая через предначальное пространство, в котором жизнь спала, крепко сомкнув свои глаза цвета первого весеннего ростка. Он падал вниз тысячи и тысячи лет в безнадежной попытке дотянуться до мягкой груди земли, примкнуть к ней, как дитя к матери, как любящий к возлюбленной, как ученик к стопам учителя. Он падал и падал, пронзая время и пространство, пронзая вечность и звездные дороги, которым не было конца. И Лиара знала: когда-нибудь, он преодолет все и упадет, он дотянется до нее своей страждущей ладонью, и мир вспыхнет, ослепленный этой Нежностью и Силой бесконечной любви, побеждающей время и смерть.

Вот только это все равно было красиво. Бархатистое небо, полное звезд, мягкое и пушистое на ощупь, вышитое узорами небесных светил, мирно спало, разделяя мир смертных и мир Богов, две половинки, которые вечно стремились друг к другу и от этого только расходились все дальше и дальше. Интересно, когда же придет тот день, когда все станет

наконец единым? Когда не будет больше ни земли, ни неба, но что-то новое? Она сонно улыбнулась этим мыслям. Как ребенок, что смотрит на звезды, задрал голову и открыв рот, и они отражаются на дне бездонных колодцев его глаз. А в груди его стучит и стучит один единственный вопрос, самый важный из всех вопросов, который он лишь чувствует, но даже не может облечь в слова. Когда-то ты и сама была такой же, помнишь? А может, такой и осталась.

Тихо потрескивали в костре сухие ветви, и сладковатый запах бересты мешался с горькой примесью осенних листьев. Оранжевые кругляши углей раскатились в стороны от основного пламени и загадочно мерцали, пульсируя в такт с далеким биением звезд на небе. Лиара прикрыла глаза, стараясь почувствовать этот ритм, эту странную пляску и танец мира, дыхание его ткани, самой его сути, медленно раскачивающиеся огромные легкие, вдох-выдох, вдох-выдох. Это было везде: в земле, истощенной за лето земле, которая жаждала поскорее уснуть, позволив снегам укрыть свою усталую грудь, в воздухе, в котором мешался и тек запах леса, дыма, звезд и лунной пыли, в горячих ревнивых языках пламени, вздымающихся к бездонному небу, бросающих вызов его холодной пустоте, в далеких ветрах, что носились сейчас между колючих звезд, гоняя пыль бескрайних небесных полей. А еще — в самой Лиаре, которая лежала на земле так ровно и тихо, боясь шевельнуться, боясь разрушить эту хрупкую сказку, эту тонкую нить, соединяющую ее с бесконечным Могуществом и Нежностью природы, с золотым сердцем мира, что билось сильно и размерено, каждым ударом своим отмеряя вечность. И где-то далеко-далеко в огромных песочных часах пересыпались из одной чаши в другую крохотные драгоценные песчинки. А когда чаша переполнялась, дракон в панцире червонного золота лениво бил по ней хвостом и переворачивал ее, и песчинки продолжали свой бесконечный танец, впервые и снова, такой непохожий на все предыдущие, и — тот же самый.

Лиара улыбнулась, чувствуя под подушечками пальцев мягкое прикосновение прохладных сонных трав. Она лежала на шерстяном одеяле в стороне от костра, и твердые корешки деревьев высывали из-под земли любопытные носы, толкая ее в ребра и спину. Только это было ничего, она не первый раз уже отдыхала на земле, ведь у нее никогда не водилось лишней монеты, чтобы позволить себе комнату в душной, полной людского шума и толчеи таверне. И это было хорошо: какой дурак променял бы мягкий полог неба и подстилку из шелковой травы, убаюкивающий шепот ветра в листьях и светоч-месяц на облупившиеся стены и спертый воздух, на бугрящийся от старости тюфяк и крохотный оплывший закопченный огарок свечи? Уж точно не я.

Тихонько пофыркивали в темноте сонные кони, а издали из ночной тишины долетали едва слышные шорохи. Там, воровато прячась в тенях, кипела жизнь, не видимая ничьим глазам, кроме проказливого молодого месяца да далеких равнодушных звезд. Крохотные мыши шуршали листвой у корней деревьев, двигаясь дергано и быстро, то и дело осматриваясь, чтобы острые когти бесшумно скользящих в небе круглоглазых сов не настигли их. Переступали тонкими ногами олени, чутко поднимая острые длинные уши и пытаясь различить в тихой песне ночи поступь мягких лап подкрадывающихся волков. Рылись во влажной земле тупыми рылами кабаны, похрюкивая от наслаждения, когда попадался особенно сочный и сладкий корешок или беличий схрон желудей. Билось и билось огромное сердце мира, в котором каждому из них было место. Единая песня, состоящая из миллиардов голосов, ритм, разбившийся на ноты, образующие новый ритм.

— Лиара? — послышался рядом тихий голос Рады, и она вздрогнула, слишком резко

выбираясь из объятий грез, которые уже начали медленно и ласково обволакивать все ее тело. — Лиара, ты спишь?

— Нет, — ее голос прошелестел едва слышно, и Лиара почувствовала, как сознание начинает возвращаться в тело. Сердце забилось быстрее, кровь запульсировала в венах, но обостренное восприятие все еще осталось где-то позади нее, за головой, как громадное озеро, в которое она падала спиной вперед, закрыв глаза и разбросав в стороны руки. — Нет, — повторила она погромче, привыкая к своему голосу. Он резал стоящую вокруг тишь, словно нож — мягкое масло. — Я слушаю.

— Слушаешь? Что?

— Песню мира.

Убедившись, что кровь уже пошла по венам, а сердце вернулось к обычному ритму, Лиара аккуратно оперлась локтями о свое одеяло и привстала. После глубокого погружения нельзя было двигаться резко: сознание слишком растекалось вокруг, и поймать его, вернуть в тело, было так же сложно, как ловить бабочек когтистой лапой, отчаянно выпрыгивая на пружинистых кошачьих лапах вверх.

В ответ Рада только закатила глаза, но от комментариев воздержалась. Лиара скорее почувствовала ее раздражение и недоверие, чем увидела его по лицу. Это пришло, как прикосновение шкурки к коже: трение, которое было неприятно теплым. Окончательно восстановив обычное зрение, Лиара взглянула на Черного Ветра.

Алеор куда-то ушел, и у костра сейчас они были вдвоем. Рада еще не ложилась, хотя час уже и был поздний. Она сидела у костра, обхватив колени и прижав их к груди. Рыжие отблески пламени играли на ее темных волосах, и было видно, как сквозь каштановую краску проступало ее собственное золото. В ее синих глазах плясало пламя костра, и она сама сейчас походила на эту ночь: тихая, задумчивая, чего-то ждущая. И очень красивая.

— Я хотела кое о чем спросить тебя, — проговорила Рада, не поворачивая головы и не глядя на присевшую рядом с ней на одеяло Лиару. Костер громко шелкнул, выстреливая искрами, и маленькие рыжие звездочки рассыпались по темно-зеленому, почти черному мху.

— О чем? — говорить было сложно. Мягкость мира прорастала сквозь грудь, обнимала со всех сторон, и тревожить ее нежное течение громким голосом не хотелось.

— О... — Рада замялась, подбирая слова, потом вдруг рассмеялась и покачала головой. Взметнулись рыже-золотые в отсветах костра короткие пряди, поймав на себя тонкую паутинку лунного света. — Даже не знаю, как и сказать. О твоём даре, что ли.

— Что бы ты хотела узнать? — Лиара аккуратно взглянула на нее из-под ресниц.

Она уже почти не боялась Черного Ветра, хоть иногда и вздрагивала от ее колких замечаний или насмешек. По сравнению с обществом Тваугебира, рядом с Радой было тихо и спокойно, и почти не страшно. Эта женщина была надежной как утес и теплой, будто первый день лета, и Лиаре казалось, что ничто в этом мире не смогло бы сломать или сдвинуть ее с места. Вот бы и мне однажды стать такой. Бесстрашной и смеющейся, как весенний ручеек, пробивающий себе дорогу сквозь равнодушные голубоватые льды и завалы снега. От этих мыслей стало неловко, и она отвела глаза, тоже подтягивая к груди колени, словно это могло спрятать ее.

Рада некоторое время молчала, потом осторожно взглянула на нее.

— Как ты?.. Ты же не помнишь ничего из своего детства. Так как ты тогда смогла не потерять этого своего чутья, о котором говоришь? Ведь тебя никто не учил все это

время... — Рада запнулась, нахмутив брови и отвернувшись. Лиара чувствовала ее неловкость, как перепуганного ежа, растопырившего колючки во все стороны.

— Не знаю, — честно пожала она плечами, глядя в огонь. В его середине танцевали алые блики, а изогнутые, никогда не повторяющиеся языки превращались то в женские фигуры, то в длинноперых птиц, то в диковинных рыб, выбрасывающих к небу фонтаны лавы. — Я действительно не помню ничего до того момента, как оказалась в приюте. Но во мне всегда жило... что-то. Как чей-то тихий шепот, голос где-то за спиной, может, легкое прикосновение. И я научилась слушать его, чувствовать его, когда он становится особенно громким.

— Это не слишком-то помогло! — усмехнулась Рада, и в тених под ее глазами Лиаре почудилась горечь. Неловко дернув плечом, Рада пояснила: — Просто... вы сегодня почувствовали врага, а я нет. Вот я и подумала, может, можно как-то этому научиться? Я ведь тоже эльф, значит, и во мне это тоже есть.

— Ты хочешь научиться? — Лиара удивленно взглянула на нее, широко распахнув глаза. Невольная радость золотыми нитями засияла внутри. Эта женщина, так странно непохожая на всех встреченных ею ранее, несла в себе первозданную силу. Это чувствовалось даже на расстоянии, даже со стороны, словно мощь перекачивалась под ее кожей алыми волнами, грозя в любой миг вырваться наружу. Вот и сейчас Лиаре на миг почудился толчок энергии, словно ребенок, спящий глубоко в груди Рады и сделавший свое первое движение, ткнувший ножкой материнскую утробу, пробуя свою силу и просыпаясь от предначального сна.

Видимо, в голосе ее все-таки что-то проскользнуло, потому что Рада сразу же как-то стушевалась и безразлично пожала плечами:

— Ну, я подумала, а почему бы и нет? Если это есть во мне, значит, можно это как-то развить. Я же как-то научилась бегать быстрее всех, обращаться с мечом, хорошо стрелять... Тут, наверное, то же самое, да?

— И да, и нет, — Лиара говорила осторожно, подбирая слова. Рада сейчас чувствовалась настороженным диковатым псом, который сделал первый маленький шаг навстречу протянутой руке, наострив уши и внимательно наблюдая, в любой миг ожидая подвоха или неверного движения, чтобы сразу же сорваться с места и сбежать. А ей почему-то очень не хотелось, чтобы эта женщина сбежала. Очень. — Когда ты учишь тело — это просто. Чтобы быстро бегать, тебе нужно бегать как можно больше, приучая тело выдерживать нагрузки. Чтобы сражаться мечом, тебе нужно учить комбинации и удары до тех пор, пока тело не привыкнет к ним и не начнет само повторять их, уже без участия твоей головы, так?

— Так, — кивнула Рада. Лиара приободрилась и продолжила.

— В этом развитие дара очень схоже с развитием тела. Но есть и различия. Чтобы научить тело бежать, тебе нужно приказать ему бежать. Чтобы научиться чувствовать и использовать свои способности, нужно разрешить им использовать тебя.

— То есть как это? — нахмурилась сбитая с толку Рада, поворачиваясь и глядя на нее. — Как же я буду управлять способностями, если они при этом управляют мной?

— Ты и не будешь ими управлять. Тебе просто нужно позволить им работать через тебя, понимаешь? — вид у Рады стал еще более сконфуженным, и теперь она напоминала щенка, впервые в жизни увидевшего снег. Спрятав улыбку в тени ресниц, Лиара принялась объяснять: — Вот смотри. Если горный поток попадет в узкое ущелье, он же будет бурлить,

станет шумным, сильным, понесется как бешеный, стиснутый камнем. А когда он разливается по равнине, то течет неспешно и медленно, почти что и не течет вовсе, так?

— Да, — согласилась Рада.

— И еще пример, — добавила Лиара. — Плотины на реке, перегораживающая течение. Вода может просачиваться сквозь нее очень медленно, по капле, тяжело и трудно. Но если эту плотину убрать, то она хлынет потоком.

— Ты думаешь, у меня где-то есть блок? — встрепенулась Черный Ветер, хмуря брови и часто моргая. — Как когда не можешь заставить себя прыгнуть с большой высоты?

Ну точно щенок. Очень нетерпеливый щенок. Лиара приказала себе не спешить и кивнула:

— Может быть, и есть. Но я тебе не столько о блоке говорю, сколько о другом. Ты должна стать широким руслом, чтобы поток смог пройти через тебя, понимаешь? Ты должна стать руслом реки, а не потоком. — Рада молча заморгала, глядя на нее, и Лиара попробовала еще раз. — Когда ты хочешь контролировать свой дар — ты пытаешься стать потоком и заставить его нестись вперед. Только поток зависит от русла и подчиняется его законам. Там, где узко, он будет бурным, там, где широко, мягким и спокойным. Русло контролирует реку, а не наоборот, Рада.

— Хорошо, боги с ним, с руслом, — нетерпеливо закивала та. — Ты мне лучше скажи, как мне врага-то почувствовать? Ты можешь мне это объяснить?

Лиара вновь удержала себя от того, чтобы тяжело вздохнуть. Рада была не из тех, кто слушает и дышит, а из тех, кто делает и борется. И работать с ней нужно было иначе. Наверное, все дело было в этой кипучей силе, что пылала в ее груди, бросая огненные отблески на дно темных зрачков. Ты попросила меня о помощи, и я помогу тебе. Точно так же, как ты когда-то помогла мне. Это все, чем я могу отблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня. В груди стало тепло, и она улыбнулась, глядя в горящие нетерпением глаза Черного Ветра.

— Я могу тебя научить этому, но на это потребуется время. Как и с телом, когда ты училась управлять им. Ты согласишься дать мне время? Ты будешь учиться столько времени, сколько нужно будет для того, чтобы ты поняла?

— Ну не просто же так я тебя об этом попросила, — недовольно буркнула Рада. Потом, помолчав, добавила: — Только Алеору не говори. Иначе он меня окончательно изведет своими идиотскими шуточками.

— Хорошо, Рада, — как можно серьезнее ответила Лиара. — А теперь давай попробуем, согласна?

— Давай, — кивнула Черный Ветер и сразу же энергично спросила: — Что мне делать?

— Для начала ляг, так будет удобнее, — в ответ ей в синих глазах загорелся подозрительный огонек, и Лиара твердо добавила. — Ложись. Когда тело расслаблено, сознание гораздо легче ощутить.

— Ладно, — буркнула та, поднимаясь и раскатывая скатку одеяла, на которой сидела весь вечер.

Лиара пристроила свое одеяло поодаль от одеяла Черного Ветра и сама легла рядом. Рада долго укладывалась, ворча и заворачиваясь в свой плащ, чтобы было удобнее, передвигая под одеждой рукоятки спрятанных кинжалов, чтобы не мяли бока.словно недовольный барсук в норе. Лиара позволила себе тихонько улыбнуться в бархатное небо, а потом, когда Рада рядом наконец-то ровно улеглась, заговорила:

— А теперь расслабься, все тело расслабь, каждую мышцу, начиная с пальцев ног и заканчивая головой. Если сложно, представь, что кто-то разминает их пальцами, одну за другой, и они распускаются, превращаются в желе...

— Ты это серьезно? — недоверчиво проговорила Рада, скосив на нее глаз.

— Серьезно, — кивнула Лиара. — Глаза закрой.

Рада подчинилась, но лицо у нее было недовольное. Тихонько улыбнувшись под нос, Лиара продолжила:

— Расслабься. Настолько, насколько можешь, распусти все мышцы, растекись, как масло на сковороде. Не должно остаться ни одного кусочка, который был бы напряженным, тогда тебе будет гораздо легче.

Сама она повернула голову, наблюдая за Черным Ветром. Костер был как раз за ее головой, и ее сильный профиль четко вырисовывался на фоне танцующих языков огня. Прямой длинный нос, выпуклые дуги бровей, скулы, острые, как и у всех эльфов, едва заметные впадинки на щеках. И губы, мягкие, упрямо сжатые, словно от усилия. Лиара вновь улыбнулась: даже сейчас Рада оставалась Радой. Вместо того, чтобы расслабиться самой, она заставляла свое тело расслабиться, практически силой вынуждала его это делать.

— Дыши ровно, медленно и спокойно, так, чтобы вдохи и выдохи были равномерными. Почувствуй, как воздух проходит через нос и горло, как он наполняет легкие, как раздувает их, как вместе с кровью бежит по телу и пропитывает все его, наполняя жизнью. Почувствуй, как ты выдыхаешь, как опускается грудная клетка, и из тела прочь выходит уже отработанный воздух вместе со всеми шлаками, что до этого были в твоей крови. Почувствуй, как бьется твое сердце, медленно, сильно, неторопливо. Слушай его ритм.

Лицо Рады начало медленно-медленно расслабляться, буквально по чуть-чуть, однако брови все еще были упрямо сведены к переносице, а зубы — сжаты. Лиара видела, как золотится крохотный почти невидимый пушок на ее щеках под оранжевыми прикосновениями отсветов пламени, как движется горло, пропуская воздух и наполняя им грудь, а потом уходит назад. Транс медленно начал захватывать и ее саму, и зрение потихоньку менялось, становясь все тоньше и тоньше. Потом произошел толчок, и глаза будто бы вывернулись наизнанку, глядя с другой стороны головы.

Теперь мир стал иным. Лиара видела потоки энергий, серебристые тонкие нити звездного света, падающего вниз, густую голубую дымку, окутывающую деревья, темную, почти черную силу, расходящуюся над землей, разлетающуюся в стороны крохотными черными точечками, будто ветер, что поднимает вверх, закручивая водовороты, пыль и пепел. Алым танцевал огонь, разливаясь вокруг ярким свечением, живительным теплом, которое медленно оседало на них с Радой, на спящих лошадях, стволах деревьев и поникших листьях. Но было и еще что-то, чего Лиара увидеть здесь никак не ожидала, но всей душой надеялась.

Едва заметный на фоне яркого костра, в середине груди Рады разгорался огонек. Поначалу Лиара решила, что ей вообще почудилось, таким слабым и осторожным было мерцание крохотного солнечного зайчика, однако с каждой минутой он набирал силу, становясь ярче, сильнее, гуще. Крохотный золотой ежонок, примостившийся прямо между ее ребер, солнечная снежинка, рассыпающая вокруг золотые искры.

— Вот так, правильно. Дыши. — Говорить было сложно, губы Лиары шевелились, но голос звучал едва слышно.

Тело теперь чувствовалось чужим, инертным, вязким, будто застарелая патока. Она

начала медленно проваливаться в грезы, или грезы проваливались прямо в нее звездопадами серебристых нитей, вот только уходить было нельзя. Да она и не могла бы сейчас уйти. В груди Рады пылало солнце, живое, золотое, сильное, пульсирующее солнце, и Лиара ощущала, как волны теплой энергии наплывают на нее, смешиваются с ее собственными, пропитывают ее насквозь. Лицо Рады совсем разгладилось, став отрешенным, светлым и спокойным, и лишь алые языки костра танцевали по самому абрису профиля, бросая загадочные тени под ее густые ресницы. Красивая. Красивая как время.

Руки почти не повиновались, но Лиаре некуда было спешить. Она заставила почувствовать себя свои собственные пальцы, и медленно, с трудом, подняла руку. Та чувствовалась совсем чужой, абсолютно бесчувственной, хоть иголками тыкай, все равно. Передвинув ее, Лиара осторожно положила свои пальцы на пальцы Рады, отчего Черный Ветер едва заметно вздрогнула.

— Я поведу тебя. Будет легче, если будет физический контакт. — Брови Рады слегка нахмурились, потом лоб вновь разгладился. Она все также дышала, и даже движения глаз под веками было не заметно. Лиара довольно кивнула: значит, она ушла достаточно глубоко. — А теперь почувствуй, это очень легко. Золото, что пылает в твоей груди, чувствуешь, как оно течет по венам? Этот невероятный подъем, эту легкость, будто кто-то огромный и добрый поднял тебя в ковш ладоней и укачивает где-то далеко-далеко за кучерявыми, напитанными рассветом облаками. Отдайся этому покою, откройся ему, позволь ему пропитать тебя всю. Что ты чувствуешь?

Несколько секунд Рада молчала, а потом ее губы медленно раскрылись, и Лиара услышала шелест ее голоса:

— Тепло. И тишина.

— Да, тишина, — согласилась она, призывая на себя всю силу, какую только могла сейчас взять из окружающего воздуха, и всей ей обволакивая Раду, заворачивая ее в энергию, как пеленают замерзающего младенца. — Тишина, но есть и еще что-то за ней, чувствуешь? Тихо-тихо, как волны, как прибой...

— Да.

— А теперь расслабься и впусти его в себя. Стань этим прибоем, стань этими золотыми волнами, стань этой силой, что течет через тебя.

Лиара закрыла глаза, чувствуя невыносимое давление на веки. И сразу же мир стал другим, рассыпался на больших серебристых мух, что медленно кружили вокруг нее, наплывали со всех сторон, отлетали прочь. И было в этой темноте что-то еще; краем глаза она видела золотое пульсирующее солнце совсем рядом, в груди Рады. Отсюда говорить было совсем сложно, она была далеко, и тело уже почти что не слышало ее голоса. Словно через вату, через все пространство мира она направляла свою волю, приказывая собственным губам шевелиться, горлу — напрягать связки, воздуху — проходить сквозь них. Золотая нить тянулась от Лиары к телу, и оно повиновалось, медленно, сложно, с трудом выговаривая слова и растягивая их на разбивающиеся серебристыми сполохами бесконечности вселенных.

— Это — сила, это — Великая Богиня Мать, что создала мир, это ее энергия течет сквозь тебя, и сейчас ты чувствуешь ее в себе, внутри. Она разлита везде, она образует весь мир в целом и каждую его часть, она соединяет все в одно целое и на своих бескрайних крыльях несет в вечность. По ее воле дуют ветра, в горных долинах рождаются облака, дышит море. По ее воле птицы летят на юг, когда приходят холода, а маленький жеребенок,

едва родившийся на свет, поднимается на свои дрожащие ноги и делает первый шаг. По ее воле тянутся к небу исполины-дубы, разбрасывая в стороны свои мощные ветви, и соки текут в них, пропитывая их твердые тела. По ее воле звенят ручьи, пробивая себе путь в твердой породе, срываются с немыслимых круч водопады, ложатся туманы на влажный лес. По ее воле первое семя пробивает своими зелеными лепестками землю, и солнце кружит по небу изо дня в день, из года в год — тоже по ее воле. Все Боги неба — ее дети, склоняющиеся к ее искрящимся стопам, все расы, населяющие этот мир и миллионы миллионов миров на бескрайней громаде неба — все ее дети, все вскормлены ее грудью, и она течет в них, заставляя их сердца биться, заставляя их идти себе навстречу. Тысячи тысяч лет правит она землей и небом, тысячи тысяч путей заплетает она для Дракона Времени и крохотной букашки, копошащейся во мху, для каждого камня, растения, ветра, дерева, твари и человека. И есть лишь одна правда, одна истина, лежащая в ее мягких материнских руках, одна единственная чистая нота мира, соединяющая все в одно и заставляющая это петь. Ты дышишь Великой Матерью, она стучит в твоей груди, она и есть ты. — Лиара ощутила, как ее тело, кажущееся сейчас таким далеким, таким слабым и тупым, как это тело улыбается, само, не потому, что она приказала ему это делать, а само собой. Золотой свет и серебряные пылинки окружили ее со всех сторон, и она тихо позвала: — А теперь открой глаза, Рада, и смотри.

Поднять веки было тяжело, очень тяжело, словно на них навесили целые пуды чугуна, но Лиара приказала телу это сделать, и оно послушно ответило. Как и всегда после выхода из транса ощущение было странным: с одной стороны, она чувствовала, что ее тело онемело, почти перестало дышать, затихло и дремлет, с другой — оно стало таким мягким, таким чувствительным и податливым, и сказать, где кончалась ее кожа, а начинался весь окружающий мир, она бы сейчас не смогла.

Над ее головой был бесконечный бархат неба, который перечеркивали крохотные хвосты падающих звезд. Застыли на его фоне темные листья, недвижимые и ажурные, и можно было разглядеть каждый их изгиб, каждую прожилку. Костер подле них почти потух, продолжая слабо светиться малиновыми отблесками раскатившихся в стороны углей, и от него шло тепло, согревая начавший остывать к середине ночи воздух.

Лиара очень медленно повернула голову. Шея почти не двигалась, казалось, мышцы вообще забыли, как шевелиться. Сегодня она ушла очень глубоко, так глубоко, как у нее получалось крайне редко, и за это тоже нужно было поблагодарить Раду.

Черный Ветер лежала с открытыми глазами, не мигая и глядя в небо над головой. Ресницы ее едва заметно подрагивали, но она не издавала ни звука, только смотрела. Лиара заметила, как промелькнуло в ее черном зрачке отражение падающей над их головами звезды.

— Великая Мать поет в тебе, Рада, — тихо-тихо проговорила она. Сейчас это было особенно сложно и странно: она управляла телом напрямую, находясь прямо в нем, и ощущение было непривычным. — Я чувствую в тебе огромную силу, ее силу. И верю, что у тебя все получится.

Рада моргнула, потом еще раз, и так же медленно повернула голову, глядя Лиаре в глаза. В них еще не было удивления, Лиара знала — удивление придет позже. Сейчас же в них растекалась звездная тишь и размеренная поступь вселенных.

— Спасибо, — одними губами прошептала она.

— Пожалуйста, — тепло улыбнулась в ответ Лиара, чувствуя себя так, словно между

ними не осталось никакой разницы, и все ее существо тонуло в бездонных глазах Черного Ветра, таких же глубоких, как колодцы межзвездной пустоты.

На то, чтобы прийти в себя и вернуться обратно, им обоим потребовалось время. Рада медленно поднялась, часто моргая и глядя перед собой пустыми глазами, потом механически подбросила в костер наломанных сухих веток, и пламя довольно затрещало, облизывая смолистую кору. Лиара тоже села, внимательно прислушиваясь к своему сердцу, которое начало потихоньку разгоняться, возвращая себе обычный ритм.

Несколько минут обе они молчали, слушая тихий шепот ночи. Рада первой разомкнула губы и нарушила эту тишину. Голос у нее был сипловатый.

— Вот так... вы чувствуете мир?

— Да, — просто кивнула Лиара.

— Все время?

— Все. Но чем глубже погружаешься, тем сильнее ощущения. Сегодня мы были очень глубоко.

Рада вновь помолчала. Она выглядела какой-то чересчур задумчивой и непривычно тихой, словно весь груз забот моментально свалился прочь с ее плеч.

— И так ты почувствовала чужое присутствие, да? От него идет какое-то... ощущение?

— Вибрация, — уточнила Лиара, подтягивая колени к груди. — Великий Ритм состоит из миллиардов вибраций, каждая из которых уникальна. Они есть у всех живых существ, у животных и растений, даже у стихии и камней. И по вибрации можно проследить, кто находится рядом с тобой или в стороне, что и где происходит.

— И какая же вибрация была у той птицы, что следила за нами? — в голосе Рады больше не было издевки или недоверия, только интерес, и от этого Лиаре стало тепло.

— Холодная, острая, темная. Очень неприятное ощущение, словно влип рукой в смолу или прогорклое масло, — Лиара поежилась. Даже воспоминание об этом было неприятным. — Я первый раз ощущала нечто подобное.

— Вот как. — Рада неуверенно взглянула на нее и сразу же отвела глаза. — А у меня... есть вибрация?

— Есть, — улыбнулась Лиара, вспоминая нежную золотую песню, перекатывающуюся под ребрами Рады. — И очень красивая, — добавила она, слегка смутившись.

Рада неуверенно шмыгнула носом, потом потянулась к дровам, чтобы подкинуть еще в костер. Лиара же тихонько улыбалась, сидя рядом. В этот вечер с ними обоими случилось что-то чудесное, что-то очень необычное, то, чего она никогда не чувствовала в жизни. И ее это почему-то не смущало. Интересно, так происходит со всеми эльфами, если они тянутся к силе вместе? Лиара поймала себя на мысли, что ей хочется верить, что в этот раз было что-то особенное. Волшебство лишь для них двоих.

— А тебе каждый раз надо расслабляться, чтобы почувствовать эту силу? — спросила Рада.

— Нет, только когда я хочу уйти в грезы. Обычно сила Великой Матери окружает меня постоянно, и мне нужно лишь затихнуть и прислушаться к ней, чтобы она пришла и наполнила собой все. — Рада нахмурилась, глядя в огонь, и Лиара добавила, осторожно коснувшись ладонью ее ноги. — Это приходит со временем, не торопись. Нужно научиться слышать Великую Мать, и это может занять очень долгое время. Особенно для тебя.

— Почему это? — вскинула голову Рада, и Лиара осеклась, поняв, что слова ее могли быть истолкованы превратно.

— Во-первых, ты никогда не училась этому, и сегодня у тебя был первый контакт. Должно пройти какое-то время, прежде чем сила уляжется, и твоя способность воспринимать ее станет острее. Во-вторых... — Лиара замаялась, подбирая слова, а пристальный взгляд синих глаз подгонял ее, словно в спину пихал. — У Великой Матери есть четыре основных аспекта, Рада. Первый — Истина, лежащая в основе всех вещей, которая открывается тому, кто хочет и может ее видеть. Второй — Любовь, бесконечная Любовь, пронизывающая весь мир, лежащая в основе всего и заставляющая это жить. Третий — Совершенство, стремление к идеалу, кропотливая работа в каждой детали, благодаря которой и возник весь мир. И четвертый — Сила, первозданная мощь,двигающая мирами, немыслимый надрыв и стремление воли, ломающей все преграды. В каждом человеке эти аспекты перемешаны, однако, какой-то из них может преобладать. В тебе преобладает Сила, и это хорошо, это значит, что ты пойдешь вперед через все преграды, несмотря ни на что будешь бороться за свои идеалы, обретешь то, ради чего столько сражаешься. Однако, это имеет и обратную сторону. Ты упряма, Рада, ты стремишься сделать все рывком, сразу же, завоевать, подчинить. А с этим так нельзя, энергия неохотно дается тому, кто хочет ей владеть. Как и власть, она идеально ложится в руки лишь тому, кто ее не хочет.

— Ничего не понимаю, — нахмурившись, заморгала Рада. — Я первый раз слышу об этой силе и не знаю никого, кто хотел бы ей владеть. Так ни у кого из тех, кого я в жизни видела, ее и нет. Как же так получается?

— Это сложно объяснить, — Лиара задумалась, подбирая слова так, чтобы той было понятнее. — Ты не можешь заставить ее прийти, но если ты и не будешь тянуться к ней, то она, скорее всего, и не придет. Здесь должен быть баланс, очень выверенный баланс.

— Как с рекой! — Рада вдруг рассмеялась, и Лиаре показалось, что во все стороны от нее рассыпаются искорки света. Смешливый взгляд Черного Ветра обратился к ней. — В самом начале ты говорила мне про реку. Про то, что русло контролирует поток, но это не совсем так. Поток может сам пробить русло, изменить то, что уже есть. Поток идет туда, куда ему вздумается, и земля подстраивается под него, чтобы ему легче было идти. Я правильно поняла твои слова, искорка?

В ее голосе звучало что-то такое нежное, такое теплое и звонкое, что внутри у Лиары на миг все сжалось, сладко-больно ёкнув. Рада смотрела иначе, не так, как раньше, и эта нежность... Никто никогда так не говорил с ней за всю ее жизнь. Может быть, мы подружимся, Кану? Я бы очень этого хотела.

— Ты правильно поняла, — кивнула Лиара, улыбаясь в ответ. Рада довольно оскалилась, как пес, заработавший вкусную кость.

— А эта Великая Мать, о которой ты говоришь. Это божество эльфов? — с интересом спросила она.

— У эльфов нет божеств, — рассмеялась Лиара.

— Так как же тогда? Ты же говорила, что Великая Мать дает жизнь всему в этом мире? — брови Рады удивленно взлетели.

— Великая Мать — это Сила, непреложный закон, что создает миры. Ты же слышала, как мы говорили об Источниках, что один из них — Сознание, а другой — Сила? Великая Мать — это Сила, разлитая в мире, а тот, кого называют Создателем, — Сознание. Слившись в одно, они создали мир. Сила не может существовать без направляющей ее мысли, а мысль — ни на что не годна без силы. Вот так они сосуществуют вместе, слитые воедино и при этом противоположные. — Лиара взглянула в танцующее перед ними пламя. — Эльфы

просто более чувствительны к этой Силе, чем люди, их сознание более растекшееся, что ли, более гибкое, способное воспринимать ее. Потому они и живут в гораздо более тесном контакте с ней.

— А жрецы? Все те, которые могут использовать Источники? — поинтересовалась Рада. — Я знаю, что эльфы не могут использовать Источники. Как это вообще может быть, если они гораздо ближе к Силе, чем все остальные существа?

— Ты задаешь очень интересные вопросы, — тихонько сообщила ей Лиара. — И очень правильные. Удивительно, что никто другой их не задает. — Рада ничего не ответила, только смотрела на нее, ожидая. — Эльфам не нужны Источники. Эльфы чувствуют эту Силу вокруг них, повсюду, они могут использовать ее где и как угодно. Именно благодаря этому они смогли найти путь через звездные тропы в Этлан. А люди не могут чувствовать также, им нужно что-то более естественное, что-то более физическое. Потому они используют Источники.

— Но это не одно и то же? Разве это не одна и та же Сила? — Рада недоуменно смотрела на нее, и в глазах ее был неподдельный интерес.

— Разве мы с тобой видим одну и ту же траву? — засмеялась Лиара. — Когда мы представляем дерево, мы видим одну и ту же породу дерева, или разные? Что видишь ты?

— Сосну, — сразу же ответила Рада.

— А я — ясень, — отозвалась Лиара. — И это несмотря на то, что мы с тобой одной расы. Все дело в Сознании, Рада. Сознания людей и эльфов отличаются друг от друга, это как два сита: мелкое и крупное, или как увеличительное стекло: если смотреть с одной стороны, все становится больше, если с другой — меньше. И тут то же самое.

— Нет, это все-таки пока сложновато для меня, — со смехом призналась Рада, взлохмачивая волосы на затылке и вновь становясь самой собой. Словно золотое солнышко в груди медленно укатилось обратно в клетку из ребер, уснув там до своего часа. Лиара ощутила легкую грусть и разочарование от прощания, но ничего не сказала. Черный Ветер полезла за пазуху, выжививая оттуда трубку. — Но у меня есть последний на сегодня вопрос. Можно?

— Можно, — улыбнулась Лиара.

— Ты иногда шепчешь имя Кану Защитницы. А она ведь из числа Молодых Богов. Почему же тогда ты зовешь ее, а не Великую Мать?

— А почему ты спишь по ночам? — Лиара не удержалась от смеха, взглянув на вытянувшееся от недоумения лицо Рады. — Мы обе росли в Мелонии, Рада. Здесь почитают Молодых Богов, и Кану Защитница — самое близкое из всех божеств к тому, как я вижу Великую Мать. Потому я и зову ее, потому и обращаюсь к ней. Когда у них есть имена, они ближе к нам.

— Проклятье, ты слишком умна для такой молодой девчонки! — проворчала Рада под нос, но в глазах у нее тоже сверкали искорки смеха. — Кажется, на сегодня с меня вполне хватит, голова почти что трещит по швам. И спасибо тебе за все, что ты мне сегодня рассказала, Лиара! И показала тоже. — Рада покачала головой, и глаза у нее вновь затянуло тонкой дымкой серебристой звездной пыли. — Это было самое необыкновенное из всего, что я когда-либо чувствовала в жизни.

— Не за что, Рада. Тебе спасибо за этот опыт. Я никогда еще не была так глубоко, — честно призналась Лиара. — И мне хотелось бы, чтобы мы и дальше работали вместе, если ты все еще хочешь учиться.

— А то! — хмыкнула Черный Ветер. — За версту чують своего врага! Да кто бы от такого отказался?

Только за напускной веселостью ее тона Лиара ощущала что-то большее, гораздо большее, и от этого внутри всколыхнулась робким первым ростком надежда. Еще одна крохотная ниточка протянулась между ними, переплетая их дороги, и это было славно.

Она отвернулась и задумчиво взглянула в алое пламя, бросающее длинные отсветы на свернувшуюся вокруг них ночь. Спасибо тебе за этот свет, Великая Мать. И за то, что привела меня в Латр. К ней. На все Воля Твоя.

===== Глава 18. Преследователи =====

Разбудил Раду какой-то удар в грудь, и она резко дернулась, спросонья не понимая, что происходит. Сквозь ажурную листву над головой просвечивало розоватое небо, исчерченное тонкими полосками золотых облаков, и легкий ветерок шевелил листву деревьев. А прямо у нее на груди лежала громадная связка мертвых птиц, нанизанных на тонкую бечеву.

— Что это? — сипло выдохнула она, спихивая с себя прочь мертвых птиц. — Что это такое?!

— Подарочек для тебя! — оскалился стоящий в стороне Алеор. — Решил, ты порадуешься, и принес тебе.

— Ты с ума сошел? — Рада гадливо отряхнула руки от жирных перьев и, хлопая глазами, непонимающе взглянула на него. — Зачем ты перебил столько птиц?

— Десять штук потянет на половину фермера, — пожал плечами Алеор. — Вот и считай.

Рада спросонья не соображала ничего, а потому только тупо взглянула на связку, потом снова на эльфа. Тот закатил глаза.

— Боги, женщина! Ну до чего ж ты тугая! — Он ткнул пальцем в связку, наклоняясь и поясняя ей почти что по слогам. — За нами вчера следила птица, помнишь? Думаешь, она была одна?

— Так вот ты куда ходил, — проворчала Рада, отбрасывая прочь заиндевевшее одеяло и потирая разбитую от спанья на корнях спину.

— А ты думала, куда? — усмехнулся Алеор. — Танцевал на полянках и слушал кузнечиков?

— Я слышала, эльфы так делают иногда, — пожала плечами Рада.

Алеор несколько секунд молча смотрел на нее, и лицо у него было таким красноречивым, что Рада решила воздержаться от дальнейших вопросов. Вздохнув, она взлохматила рукой короткие волосы (это все еще было очень непривычно) и спросила:

— За нами следит этот твой Птичник?

— Похоже на то, — кивнул Алеор. Отойдя в сторону, он принялся методично сворачивать свое одеяло. — Они растянулись цепью на несколько десятков километров и идут по нашим следам, прочесывая лес. Та первая просто залетела слишком далеко, отбившись от группы. Я слегка проредил их ряды, пока они спали ночью, стараясь наносить удары в разных местах, чтобы они не отследили наше местоположение. Однако, их все равно чересчур много, чтобы игнорировать угрозу. Так что нам пора выдвигаться.

— А завтрак?

— В седле пожрешь. Иначе сама рискуешь стать чьим-нибудь завтраком. Собирайся.

Рада хмуро взглянула на него. Манера изъясняться у Алеора была все такой же, день ото дня становясь только хуже, и ей не хотелось думать о том, что будет, когда придет тот

самый, десятый день, и Тваугебир вырвется. Даже при таком скудном свете разгорающегося утра было хорошо видно, как вздулись и почернели жилы на горле Алеора, как лихорадочно дергается его кадык, когда он сглатывает наполняющую рот слюну. Интересно, а если его по голове бревном хорошенько стукнуть, Тваугебир утихомирится? Или нам лучше уже сейчас оставить его в этом леске, да и уехать вперед, пока ничего еще не случилось?

Оставив свои мысли при себе, Рада поднялась на ноги и несколько раз подпрыгнула на месте, разгоняя кровь по жилам. Костер давно прогорел, и даже угли потухли, прибитые к земле выпавшей росой. Сиротливо висел над ними на распорке пустой остывший котелок. В стороне стояли, понунив головы, кони. И нигде не было видно эльфийки.

— А Лиара где? — взгляд Рады заскользил по укрытым предрассветным сумеркам стволам деревьев. Внутри недовольно заворчала тревога.

— Пошла припудрить носик, — хмыкнул Алеор. — Тут ручеек недалеко.

— Я тоже схожу, — Рада сладко потянулась. — Куда идти?

— А вещи твои кто собирать будет? Птичник, может быть? — хмуро зыркнул на нее Алеор.

— Может быть! — огрызнулась Рада. — Но если я и сегодня не умоюсь, то вы будете мечтать, чтобы с вами на запад ехал именно он.

— С другой стороны, если ты не умоешься, возможно, это собьет их со следа, — хмыкнул Алеор. — Пахнуть-то от тебя будет вовсе не эльфом. Так что стоит обдумать этот вариант.

— Я эльфийка, а не свинья. Пять минут подождешь, — буркнула Рада, проходя мимо него в указанном направлении.

— Это еще с какой стороны посмотреть, — донеслось ей вслед.

В нескольких десятках метров к северу действительно обнаружился маленький ручеек, бегущий по неглубокому руслу куда-то на запад. На кустах у самого берега висела одежда, а посреди речушки по колено в воде, в чем мать родила, стояла Лиара, умываясь холодной водой и фыркая. Лучи рассветного солнца дробились на покрывающих ее бархатную кожу каплях воды, сверкали драгоценными алмазами в брызгах, падающих с ее мокрых волос. И крохотные мурашки сбегали с ее мягких плеч вниз, на высокую упругую грудь, на плоский живот и ниже, по крутым бедрам и длинным ногам.

Рада вдруг почувствовала себя как-то неудобно. Они и так уже несколько дней провели без передышки в компании друг друга, может быть, эльфийке хотелось отдохнуть от них и немного побыть одной? А тут она притащилась без спроса. Сама Рада терпеть не могла, когда ее круглосуточно окружали какие-то люди, ей требовалось хотя бы пару часов в день, когда рядом никого не было. Тем более, Лиара купалась, а не все люди любили, когда во время водных процедур рядом кто-то был. Но мы же уже вроде бы парились вместе в бане... Хотя, возможно, это не считается, потому что тогда пришлось это делать, да и я была пьяная, а в таком состоянии мне наплевать на окружающих...

— Рада? — она вздрогнула от вопросительного тона Лиары и приказала себе не забивать голову ерундой. Девушка выпрямилась, отбрасывая с лица мокрые кудряшки, потемневшие, облепившие ее голову маленькой шапочкой. — Доброе утро! Ты купаться пришла?

— Да, — энергично кивнула Рада, отгоняя прочь мысли, и принялась быстро раздеваться. — Алеор приволок целую связку мертвых птиц. Говорит, за нами следят, и надо как можно быстрее сниматься с места.

— Вот как, — растерянно заморгала Лиара. — А я и не почувствовала ничего рядом с нашим лагерем.

— Он сказал, что обошел окрестности, и я так подозреваю, что он всю ночь шастал по кустам. Так что неудивительно, что он их нашел. — Рада сдержала вопль, когда ледяная вода обожгла ступни, и усилием воли заставила себя набрать полные пригоршни воды и умыть лицо. Она была сладкой, свежей, как это утро, а от холода моментально свело все тело. Чтобы хоть как-то отвлечься от этого, Рада спросила: — Слушай, а ты знаешь что-нибудь об этом Птичнике, о котором он все говорит? Потому что я понятия не имею, что это такое.

— Я ничего не слышала, — послышался голос Лиары, и мимо Рады промелькнуло ее покрытое мурашками холода тело. Легкие ступни зашлепали по траве на берегу, и Раде на миг стало гораздо теплее. Она не успела даже удивиться неожиданной реакции, как холод вновь острыми когтями впился под кожу.

Быстро ополоснувшись и громко стуча зубами, она тоже выбралась из ручья. Лиара уже натянула на мокрое тело одежду и завязывала на груди шнуровку простой белой рубахи. На лице у нее был румянец, а глаза потуплены. Тоже, небось, замерзла. Это не ручей, а бездна мхира!

Рада почти что влетела в штаны, принадлежавшие ранее какому-то оборванцу, принялась натягивать на себя рубашку с несколькими подозрительного вида прорезами, какие оставались от ударов ножом. Больше всего на свете ей хотелось сейчас одеть добротную черную шерсть, к которой она так привыкла за эти годы, но в черном ее уж точно сразу же узнали бы и без длинных волос. Ничего не поделаешь, потерплю до Онера. Но там — сразу же переоденусь.

Одежда неприятно липла к телу, плечи озябли, а зубы во рту выбивали дробь, но так все равно было гораздо лучше, чем раньше. Она окончательно проснулась, почувствовала себя свежей и чистой, и теперь ничто не мешало ехать дальше, даже если и без завтрака. Они с Лиарой быстро вернулись в лагерь, где Алеор уже почти что закончил сборы.

Кострище эльф аккуратно прикрыл загодя снятым для этой цели куском мха, места, где лежали их одеяла, забросал листьями, и теперь только самые внимательные глаза заметили бы, что на поляне кто-то останавливался прошлой ночью. Вещи женщин он тоже уже собрал и приторочил к седлам и теперь в последний раз осматривал все, выясняя, не остались ли где еще нестертые следы. Когда они с Лиарой подошли к лошадям, эльф только энергично кивнул головой:

— Залезайте. Пора ехать.

— А ворон ты куда дел? — любопытно усмехнулась Рада, проверяя, хорошо ли держится седло на спине Злыдня. Алеору в этом вопросе она доверяла, однако это еще не означало, что проверить не стоило. Эльф мог подстроить пакость просто так, для собственного развлечения.

— Твое ожерелье ждет тебя в твоей сумке, это же все-таки подарок! — елеинно улыбнулся эльф.

Рада скорчила ему в ответ улыбку и взобралась в седло, подбирая поводья. Однако когда эльф отвернулся, осматривая свои седельные вьюки, на всякий случай все-таки заглянула в сумку, чтобы убедиться окончательно. Никаких воронов там не было, и от этого на душе стало легче.

Лошадей они пустили быстрым шагом, петляя между высоких деревьев. Вел отряд Алеор, выбирая те участки земли, где не было мха, который с такой легкостью срывали

широкие подкованные копыта лошадей. Сегодня он выглядел еще более диким, чем обычно, и Рада заметила, что он то и дело резко дергает головой вбок, словно его что-то колото в шею. Лучше все-таки оторваться от него и уйти вперед. Наверное, время уже пришло. Так будет безопаснее.

— Слушай, Алеор, а может, мы разделимся? — начала она издалека, стараясь сделать тон как можно более легкомысленным и веселым. — Тебе моя погоня ни к чему. Я пока разберусь со своими провожающими, ты со своим Птичником.

— А что тебя заставляет думать, что Птичник идет именно за мной? — не поворачивая головы, поинтересовался Алеор.

— Ну не за мной же! — фыркнула Рада. — Из нас двоих это ты только и делаешь, что мотаешься по Хмурым Землям и дерешься там с дермаками. Я-то всю свою жизнь провела в Мелонии.

— Боги, Рада! — в голосе Алеора прозвучала мука. — Я уже больше тысячи лет «только и делаю, что мотаюсь по Хмурым Землям и дерусь там с дермаками»! Но почему-то Птичник вышел на мой след только сейчас, а раньше я его и в глаза не видел. И случилось это именно в тот момент, когда ты, девица моя, решила уехать из Мелонии! Не видишь здесь никаких интересных совпадений, нет?

— А какие тут могут быть совпадения? — заморгала Рада. — У меня с Сети'Агоном никаких дел никогда не было. Ни одного дермака я в жизни и в глаза не видела, самому ему ничего не портила, так что ему нет резона держать на меня зло.

— Я вот сейчас все правильно услышал? — Эльф даже повернулся в седле, глядя на нее с абсолютно разъяренным выражением лица. — Ты сказала, что Сети'Агону нет никаких дел до тебя? Самому растреклято-жестокому, кровожадному и властолюбивому созданию, которое тысячелетиями пытается захватить власть над Этланом, нет никакого дела до тебя? И чем же ты таким тогда отличаешься от всего остального населения мира, до которого ему дело есть?

— Ты прекрасно понял, что я имела в виду! — заворчала в ответ Рада, начиная и сама злиться. — Я не говорю, что Сети'Агон милостив и светел, и что конкретно я просто никак не могла ему досадить. Однако, я совершенно не понимаю, с чего бы вдруг ему преследовать меня!

— Я тоже этого не понимаю, — проворчал Алеор. — Но факты на лицо. Если бы Птичник вышел на меня на подходе к Латру, тогда одно дело, но он появился именно сейчас, а значит, как бы меня не поражал этот факт, но ты чем-то не угодила Темному. И он хочет твою голову.

Рада неуютно повела озябшими плечами, чувствуя себя как-то странно. Больше всего на свете хотелось погнать коня во весь опор и удрать подальше из этой страны и этого города. Вообще-то, ты именно это сейчас и делаешь. И это явно не выход из сложившейся ситуации, Радушка, если следом за тобой идет Птичник.

— Слушай, а что это вообще это за тварь? — спросила она. — Я сроду не слышала ни о чем подобном. Он вообще опасный? И если да, то насколько?

— Птичников очень мало, — сдержанно отозвался Алеор. — Не больше нескольких десятков штук. Их вывел Крон для того, чтобы незаметно следить за войсками Союза Старых и Молодых рас. Сама по себе тварь эта не опасна: она довольно слаба физически, а ее единственная задача — следить за передвижениями своей цели и докладывать об этом хозяину. Птичник может быть где угодно, даже за пределами Мелонии, но птицы, которых

он возьмет под контроль, поведут тебя, куда бы ты ни побежала. — Помолчав, он кисло добавил: — В последний раз Птичника использовали в Танце Хаоса для слежки за действиями Аватар Создателя.

— А они-то Сету зачем сдались? — не поняла Рада. — Они же не с ним должны бороться!

— Видимо, он боялся, что после их гибели армия Спутников повернется против него, — проворчал Алеор. — Вот только сейчас-то угрозы нет. Зачем ему пускать такую редкую тварь за тобой?

В голосе Алеора слышалось еще что-то, что-то очень личное, и Раду внезапно осенило: эльф ревновал. Все эти тысячи лет он только и делал, что всячески вредил Сету, расстраивая его планы и уничтожая его лучших солдат, и ни разу за ним самим не послали Птичника. А за Радой — отправили. И теперь эльф бесился. Надеюсь, это не спровоцирует Тваугебира. Кто ж знает, насколько эта тварь действительно тупа и бессознательна? Может, Алеор обижен настолько, что даже в измененном состоянии припомнит, кто именно так сильно его разозлил?

С каждой минутой их путешествие начинало приобретать все более угрожающие рамки, и Рада тяжело вздохнула. Что же она такого сделала-то в Латре, что за ней послали следить такую тварь? Гелат с Аспаром были ничем, очень гнилым и продажным, но все же ничем, и вряд ли их убийство могло сильно попортить планы Сети? Агона. Тогда что же?

— Может... это как-то связано с Аватарами? — послышался рядом неуверенный голос Лиары, и Рада удивленно взглянула на нее. Эльфийка хмурила брови, глядя перед собой и раздумывая о чем-то. — Но как это может быть с ними связано?

— Никак, — хмуро бросил Алеор. — Рада — не Аватара. Это и ежу понятно.

Раде захотелось ответить ему что-нибудь язвительное, но она сдержалась. В конце концов, Алеор был прав. Она действительно не представляла из себя ничего важного, кроме сильного тела и умеющих обращаться с оружием рук. Даже всякими эльфийскими штучками не владела, вон, даже учиться пришлось. Так что эльф не сказал ничего, что было бы чрезмерным преуменьшением ее возможностей. Вот только тон его напрягал. За несколько лет разлуки Рада уже успела позабыть, каким мерзким он может быть при долгом общении. А два дня для Алеора были уже почти что тысячелетним сроком.

— Ладно, — буркнула она, бросая на едущего впереди эльфа хмурый взгляд. — Тогда давайте пораскинем мозгами, что же может быть здесь связано с Аватарами. Лиара, твой черед. Ты же у нас мастерица байки травить, так что приступай.

— Да я все думаю, думаю и никак не могу найти связи, — эльфийка часто моргала, сосредоточенно сдвинув к носу брови. Кажется, она даже и не расслышала раздражения в тоне Рады. — Аватары Создателя, одна душа, разделенная на две половины, которая должна сражаться с Аватаром Хаоса. Их всегда двое, это всегда женщины, рожденные в один день и час, которые находят друг друга, даже если родились в двух разных концах мира. Они всегда Анкана, ведьмы, владеющие энергией Обоих Источников, и они обе должны погибнуть в бою против Аватара Хаоса, уничтожив и его тоже. Возрождаются каждые полторы — две с половиной тысячи лет...

Лиара вдруг осеклась, и Рада, не услышав продолжения, взглянула на нее. Лицо у эльфийки вытянулось, глаза расширились, а кожа побелела.

— Ты чего? — вопросительно покосилась на нее Рада.

— Сейчас тысяча шестьсот двадцать девятый год Четвертой Эпохи Этлана

Срединного, — тихо проговорила та, и голос у нее напряженно звенел, будто Лиара с трудом сдерживалась оттого, чтобы не закричать. — Прибавь к этому еще девятьсот семьдесят один год, ровно столько продолжалась Третья Эпоха, которая началась сразу же после смерти Аватар.

— Ну и что? Получается две тысячи шестьсот... — холодные обручи стиснули все ее тело, и язык во рту моментально пересох, отказываясь двигаться. Рада тоже ощутила, как вся кровь отхлынула от лица.

— Поняла, наконец, талантливая ты моя? — проворчал ехавший впереди Алеор, не поворачивая головы. — Прошло две тысячи шестьсот лет. Это значит, что они или уже возродились, или вот-вот родятся и устроят тут такую бойню, что мало не покажется. В любом случае, ты до этого доживешь и сможешь насладиться сполна.

— Но при чем здесь я? — горло осипло, и Рада с трудом выталкивала сквозь него слова. Нутро предательски затряслось, словно желе, и ей стало еще холоднее, чем в том ледяном ручье. — Не думает же Сети'Агон, что я — Аватара Создателя?

— Если он так думает, то он еще тупее, чем я считал, — хмыкнул Алеор. — Достаточно всего один раз посмотреть на тебя, чтобы понять, что никаким воплощением души Создателя ты быть просто не можешь. Он бы не стал настолько сильно унижать самого себя, я думаю.

— Вот и хорошо же, да? Хорошо! — Рада даже не обратила внимания на оскорбление, готовая почти что расцеловать Алеора за сказанные им слова. — Так давайте тогда дадим Птичнику хорошенько меня рассмотреть, чтобы он убедился! Что ж мы тогда птиц-то его сбиваем? Ты уж их не трогай, Алеор!

— А чего это ты так переполошилась? — оскалился эльф, все-таки поворачиваясь к ней. — Боишься что ли?

— Я не собираюсь драться с ходячими мертвецами и умирать за весь мир, — честно призналась Рада. — Это не та судьба, о которой я с детства мечтала, и я явно не готова жертвовать собой за ту шелупонь, что осталась в Латре! Это не говоря уже о том, что вряд ли в других городах люди лучше, чем там!

— А жаль, — задумчиво проговорил Алеор. — Я всегда жалел, что родился уже после окончания Танца Хаоса. По мне, так выбрать более интересное время для рождения сложно. Но все сложилось удачно, и нынешний Танец я уж точно успею увидеть. И хорошенько покуражиться!

— Но ведь это ужасно! — Лиара глядела на них обоих огромными глазами, что два блюдца. — Это же страшнейшая война, настоящая бойня! Во время Танца Хаоса люди умирают тысячами, города разрушаются как карточные домики, страны пылают как факелы! Ходячие мертвецы встают из могил по воле Аватара Хаоса и выходят в мир, чтобы сеять смерть и создавать все новых и новых мертвецов! Как можно мечтать об этом?

Рада только пожала плечами, ничего не говоря и чувствуя себя слегка сконфуженно. Она-то думала только о том, чтобы самой не оказаться Аватарой, а об остальных и не задумалась даже.

Алеор же вновь обернулся в седле, пристально глядя на Лиару, и лицо у него стало вдруг острым, как у хищника.

— Напомни-ка мне еще раз, сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — пискнула Лиара, побледнев как полотно.

— Восемнадцать, — медленно повторил Алеор. — А твоя мать оставила тебя в приюте в Мелонии, именно в Мелонии, а не где-то еще. К чему бы это?

— Нет, — покачала головой Лиара, глядя на него огромными глазами. — Нет, нет, нет!

— А если да? — выразительно взглянул на нее эльф. — Согласись, это очень странно. С чего бы Первопришедшей бросать чистокровную дочь на другой стороне мира от Речного Дома? Да еще и в крохотном забытом богами городе в глуши Мелонии?

— Но я не могу быть Аватарой! — глаза Лиары лихорадочно забегали, а потом она вдруг просветлела и выпалила одним духом: — Я не могу использовать Источники! Правильно! Эльфы не могут использовать энергию Источников, а значит, Аватарой я быть не могу!

— Мало ли, какие шутки может вытворять Создатель, эмануруя в мир? — равнодушно пожал плечами Алеор. — Что если в этот раз он принял образ эльфийки, выросшей среди людей? — Лиара ничего не ответила, только молча открывая и закрывая рот, и Алеор продолжил, внимательно разглядывая ее. — Ты не чувствовала никогда ничего необычного? Может, тебя тянуло и влекло к кому-то? Вело куда-то? И ты даже не могла себе объяснить, почему оно так?

Раде на память сразу же пришел их вчерашний разговор и слова Лиары о том, что она всегда слышала чей-то голос, ведущий ее по жизни. Возможно, это были лишь воспоминания о давно потерянной матери или эльфийский дар. А возможно...

— Нет! — твердо покачала головой девочка, видимо, что-то решив для себя, и серьезно взглянула на эльфа. — Нет. Я не могу быть Аватарой. Я бы знала. Я чувствую силу, но не притяжение Источников. А значит, Птичник следит не за мной.

Несколько секунд Алеор без выражения разглядывал ее, потом медленно проговорил:

— Возможно, это и так. Слишком уж ты светлая для того, чтобы быть чумным поветрием, стирающим с лица земли города и цивилизации. — Брови его нахмурились, и он отвернулся, глядя вперед. — Тогда вопрос остается открытым: почему за нами следит Сети'Агон?

— Может, он следит за тобой из-за того, что ты организуешь поход за Семь Преград? — встрепенулась Рада. — Может, на самом деле он следит за нашим отрядом, за всеми вместе, а не за кем-то в отдельности?

— Может быть, — откликнулся эльф. — Но это в любом случае означает, что нам нужно вернуться на дорогу. Лучше уж ехать в обществе мелонской стражи, чем тех тварей, которых может приманить сюда Птичник.

— Он может кого-то напустить на нас? — встревожилась Лиара.

— Ну не просто же так он нас разглядывает, ты так не считаешь? Не потому же, что мы ему симпатичны? — Алеор хмыкнул. — Птичник передает информацию и как только увидит то, что ему нужно, Сет сразу же узнает об этом. И тогда уже он пошлет по нашим следам кого-то серьезного с расчетом на то, что с вами я.

В голосе Алеора прозвучал едва сдерживаемый голод, и Рада хмыкнула:

— Ну, вот и славно тогда! Решим сразу две проблемы: ты справишься с Тваугебиром, а мы оторвемся от погони. И все будет хорошо.

— Я лучший наемник Этлана, Рада, и Сети'Агону это прекрасно известно, — веско сказал эльф. — При выборе преследователя он будет исходить из этих соображений. Представляешь, что именно он за мной пошлет?

— Честно говоря, даже и не хочу, — отозвалась Рада, поежившись.

— Вот поэтому мы поедем по дороге, дорогая моя, — Алеор отвернулся, но по его сведенным судорогой плечам она прекрасно видела, как сильно он насторожен. — И быстро.

На этом разговор и увял. Алеор больше не проронил ни слова, лишь подгоняя и подгоняя своего мышастого жеребца и даже не удосуживаясь обернуться и взглянуть, успевают они за ним или нет. Лиара ехала пепельно-серая, глядя прямо перед собой круглыми от страха глазами, и тоже не выглядела склонной к беседам. Потому Рада только вздохнула и отвернулась.

По большому-то счету, думать обо всем этом не имело никакого смысла. Сколько бы они ни гадали, а все равно окажется, что у Сети'Агона на самом деле план хитрее. Не зря же он терроризировал Этлан с самого падения Крона и начала Первой Эпохи, без малого семь тысяч лет, и за это время кто угодно научился бы хорошо вуалировать свои планы так, чтобы их невозможно было понять никому другому. А потому и Раде бессмысленно было об этом думать. Придет за ними погоня — так Алеор с ней справится. В конце концов, Тваугебир не знал себе равных, и никому еще не удавалось укротить его или уничтожить: ни Стражам Болот, ни Драконам-От-Тьмы, ни даже духам Гортенберга, чью крепость он разнес до последнего кирпичика. Ее, правда, буквально через месяц отстроили вновь, но к этому он уже отношения не имел. Поглядывая на то, как нервно дергает шеей эльф, Рада подумала о том, что было бы даже очень неплохо, если бы Сети'Агон послал за ними какого-нибудь серьезного бойца. Авось запала боя хватит на то, чтобы Тваугебир наелся, и они обойдутся малой кровью. А если нет...

Возможно, был и другой способ. Рада нахмурилась, задумчиво изучая спину ехавшего впереди эльфа. Эта штука, которую они вчера вечером проделали вместе с Лиарой, трюк с погружением в окружающий мир, с растворением в нем. Если уж Лиара смогла отвести туда Раду, которая вообще впервые в жизни прикоснулась ко всему этому, может, и с Алеором тоже получится? После вчерашней ночи она чувствовала себя как-то иначе: более легкой, более светлой и спокойной. Ушла тоска, тяжелые думы, накопившееся давление. В груди, конечно, острым крючком так и сидела боль за сына, однако Рада сомневалась, что это можно вылечить и за двадцать таких процедур, как вчера. Но все равно она была гораздо свежее, чем раньше. Может, и Тваугебира можно также удержать? Предложу-ка я это попозже. Больно злой он с утра. Эльф как раз резко дернулся, проводив глазами пролетевшего мимо воробья, и лицо у него при этом было такое, словно он его заживо готов был сожрать вместе с перьями.

Не прошло и часа, как они выехали на дорогу. Оказалось, что Алеор не стал уводить их слишком далеко от тракта: стражники короля не больно-то хотели соваться в заросли да искать беглецов по кустам, так что и с дороги съезжали исключительно для вида, прочесывая лишь полянки, больше всего подходящие для ночлега путников, которым нечем платить за ночь под крышей или не хочется иметь дело со стражей. Широкий старый тракт, вымощенный толстыми гранитными плитами, прорезал лес буквально ножом, и исполины-деревья обступали его со всех сторон, задумчиво клоня кучерявые головы вниз и наблюдая за путниками. Копыта лошадей зацокали по каменным плитам, и Алеор присвистнул, переводя мышастого на легкую рысь. И опять не удосужившись предупредить спутниц. Сжав зубы, Рада последовала его примеру.

За дорогой хорошо следили, да оно и понятно: Восточный караванный путь приносил Латру несметные богатства. По нему шла торговля с Алькаранком — единственным незамерзающим портом на северном побережье Этлана, и оттуда в Мелонию тянулись караваны, груженные шелком, коврами, драгоценными маслами, благовониями, редкими фруктами, экзотическими винами, поделочной костью и еще тысячами тысяч вещей,

которыми так любила баловаться знать. Потому дорожное полотно регулярно подновляли, стыки между плитами засыпали щебенкой и гравием, чтобы избежать появления колдобин, старые, покосившиеся над дорогой деревья спиливали и убирали прочь. Двигаться по дороге было одно удовольствие: если не считать попутчиков.

Торговля с Алькаранком шла оживленная, и мимо путников то и дело громыхали караваны торговцев. Усталые пыльные мулы, перебирая тонкими копытцами, тянули парусиновые фургоны из тех, что предпочитали гномы. Сами купцы, коротышки поперек себя шире с окладистыми бородами, сидели на козлах, мусоля длинные чубуки трубок и поглядывая на проезжавших мимо путников с явным подозрением на дне черных, как уголь, глаз. Купеческие охранники у них тоже были коротышки, больше прямоугольные, чем квадратные, в своих странных, громоздких доспехах, да еще и вооруженные булавами, боевыми топорами и клевцами, вид у которых был достаточно красноречивым, чтобы предположить, что они явно не раз побывали в чьих-то телах. Раде как-то раз довелось сцепиться с гномом, и она на своей шкуре знала, что этот народец не только задиристый и щепетильный в вопросах чести, но и крайне опасный. Несмотря на компактные размеры, гномы были способны молниеносно двигаться, мельтешить под ногами высокого противника, запутывая его и сбивая с толку, и наносить удары такой силы, что кости буквально трескались. А уж нарваться на драку с ними было очень просто: хватало одного неверного взгляда или не вовремя брошенного слова, которое воспринималось всем их родом, включая престарелую двоюродную бабулю, как страшнейшее оскорбление, после чего они и набрасывались на незадачливого говоруна кучей и топтали до тех пор, пока тот уже не мог говорить. Потому, увидев первый же караван, Рада опустила глаза, стараясь не встречаться взглядом с их возницами или охранниками. Лучше уж так, чем заработать железными кулаком в зубы за неудачное движение бровей.

Мелонские караваны тянули круторогие волю, натужно ревушие, неторопливые, но выносливые. Купцы носили нарядные платья, одним своим видом намекая на то, что именно они везут, а охранники у них были из людей — крепкие небритые ребята серьезного вида, окидывающие встречных цепкими взглядами. Лонтронцы впрягали в телеги только лошадей — высоких, тяжелых, мохноногих, редкой валитской породы, которыми они по праву славились на весь мир. Лошадники никому не разрешали разводить валитов за пределами своей страны, внимательно следя за тем, чтобы какой-нибудь углый конюх не подсунул под тяжеловоза рабочую кобылку, пока купец спит, а самих валитов продавали по баснословным ценам и только оскопленных, чтобы уж точно не потерять рынок.

Караваны грохотали мимо, но на широкой дороге легко было разъехаться. Алеор, не снижая скорости, обгонял купцов и селян на двуколках, и его мышастый невозмутимо отмерял длинными ногами километр за километром, не теряя ни в скорости, ни в плавности шага. Однако Злыдень под Радой, каким бы хорошим скакуном ни был, за эльфийским жеребцом явно не успевал. Совсем скоро он начал сопеть, потом на морде выступила пена, и вскоре Рада, недовольно хмурясь, окликнула Алеора, предложив двигаться попеременно рысью и шагом. Скорчившись и наградив ее полным презрения взглядом, эльф согласился.

Темп он задал настолько хороший, что уже к обеду Рада чувствовала себя измотанной, словно после долгой тренировки. На Лиару вообще смотреть было страшно: лицо у нее сковала гранитная маска муки, а в седле она почти что стояла, стараясь не садиться, чтобы не растревожить содранную кожу. Потому, когда горячее солнце повисло прямо над их головами, а воздух над дорожным полотном на горизонте слегка зарыбил от жары, Рада

окликнула эльфа.

— Может, остановимся? Лошади устали, да и нам нужен отдых.

— Тебе так не терпится нарваться на драку? — хмыкнул через плечо Алеор.

— Мне не терпится попить для начала, — отозвалась Рада. — И поесть чего-нибудь. А там уж, как пойдет.

— Ладно. В следующей таверне остановимся.

Раде послышался из-за спины облегченный вздох Лиары. Та уже едва держалась в седле, окончательно выбившись из сил.

Примерно через четверть часа езды впереди среди деревьев показалась большая выпилка. На открытом месте, обнесенном невысоким забором, расположилась приземистая гостиница в два этажа, к которой примыкали высокие конюшни. В стороне виднелось расчищенное место с плотно утрамбованной землей: там размещали свои фургоны останавливающиеся на ночлег торговцы. Сейчас у коновязи стояло лишь с десятка расседланных гнедых лошадей. Рада прищурилась: эти точно были мелонцами, не слишком дорогой рабочей породы, не отличающиеся хорошими статями. Только вот фургонов торговцев рядом видно не было.

Впрочем, гадать, в чем тут дело, ей не особенно-то хотелось, тем более, что прямо у дороги высилась двускатная крыша колодца, возле которого на земле темнело большое пятно воды. Еще издали от гостиницы пахло вкусным запахом какого-то варева, и Рада невольно облизнулась.

Она первой спрыгнула на землю у колодца и, не дожидаясь никого, закинула гремящее ведро с примотанной к краю связкой ржавых подков внутрь. Ворот с душераздирающим скрежетом закрутился, а снизу пахло прохладой и плесенью.

— Ты будешь это пить? — скривился Алеор.

— Нет, просто посмотрю, — огрызнулась Рада, остервенело вертя ручку и вытягивая вверх скрипучее ведро.

— Любишься, — разрешил эльф. — Я пока пойду договорюсь насчет еды.

— Я надеюсь, мы поедем сидя, а не на ходу? — бросила ему вслед Рада, но эльф только махнул рукой, быстрым шагом направляясь в сторону гостиницы. Рада только поморщилась, глядя ему вслед, и проворчала: — Вот ведь!.. Поскорее бы Тваугебир уже наелся, я этого долго не выдержу.

Пока рядом с оханьем и приглушенными стонами спешивалась Лиара, Рада вытянула из колодца тяжелое ведро и водрузила его на край сруба, знатно плеснув при этом себе на сапоги. От духоты и жары голова казалась липкой и теплой, и от одного взгляда на прозрачную прохладную воду у Рады сразу же зачесался затылок. И вовсе она не плесневая. Идиот.

— Слушай, искорка, не польешь мне на голову? — Рада энергично повернулась к Лиаре, отходя от колодца и слегка нагибаясь. — Я хочу хоть немножко пыль смыть.

Лиара поморщилась, потирая кулаками затекшую спину, движением головы отбросила с глаз кудрявые локоны.

— Так краска же начнет сходить, Рада.

— Да брось ты! Мы ж с Алеором, кто к нему ползет? — пожалала плечами та. — Давай полей мне на голову, я освежусь хоть чуть-чуть.

Когда ледяная струя брызнула на затылок, Рада чуть не закричала от неожиданности, но это было по-настоящему хорошо. Девчушка лила потихоньку, позволяя Раде хорошенько

прочесать перепутавшиеся с ночи пряди, промыть их. Ледяные мурашки моментально убежали за шиворот вместе с россыпью мелких водяных капелек, но это приятно бодрило. Шумно отфыркиваясь, Рада вдоволь плескалась, вычесывая твердые после окраски волосы.

— Рада... — раздался рядом неуверенный голос Лиары, в котором звучала тревога.

— Сейчас, погоди еще чуток, я почти все, — последние капли воды пролились ей на макушку, Рада несколько раз по-собачьи встряхнула головой, избавляясь от лишней влаги, и разогнулась: — Как удобно с короткими-то!..

Метрах в пяти от них с Лиарой стояли стражники в черно-рыжей мелонской форме. Их было семеро, без шлемов и плащей, самому старшему из них Рада могла бы дать лет тридцать, не больше. Судя по тому, как они топтались на месте и круглыми глазами смотрели на них с Лиарой, в настоящем бою из них никто ни разу не бывал.

Рада замерла, глядя в лицо капитану стражников, пареньку под тридцать, с аккуратно подстриженной бородкой. Вид у него был такой, словно он не знал, что ему делать: то ли бежать прочь, сломя голову, то ли нападать на нее.

Жаркое солнце приятно отогревало замерзшую макушку. Капали капли с кончиков ее коротких волос, ее золотых волос. О, теперь они стали больше медного оттенка, чем чистого золота, которым ее наградила мать-природа, однако темными они больше не были.

— Ми... миледи Рада Тан'Элиан? — голос у стражника сорвался, но он быстро справился с собой и приосанился, принимая важный вид.

— Нет, — быстро ответила Рада. В голове было пусто, дули сухие ветра, гоня из стороны в сторону перекасти-поле.

Стражник заморгал.

— Как нет?

— Так, — пожала плечами Рада. — Нет и все.

— Но вы же... — стражник затоптался на месте, не зная, что ему делать.

За его плечом Рада увидела, как открылась дверь гостиницы, и из нее вышел Алеор. Всего одного взгляда эльфу хватило на то, чтобы оценить обстановку, и он быстро направился к ним. От этого внутри стало как-то надежнее, спокойнее. Рада взбодрилась и взглянула на стражника:

— Вот так, дорогой мой, — проговорила Рада, затягивая время. — Не она я. И все тут.

— Какие-то проблемы, капитан? — холодный голос Алеора заставил стражника вздрогнуть и обернуться всем телом.

Рада прищурилась. Все становилось на свои места с невероятной скоростью. Судя по всему, встреченные в Латре стражники их все-таки узнали и донесли, что Ренон вывозит ее из города. Потому, заметив его в таверне, этот паренек решил как можно быстрее захватить ее, пока Алеор уговаривался насчет цен на обед и прокорм лошадей. Понятно стало и то, почему на пустыре у гостиницы стояли расседланные гнедые кони в масть. И как я только не подумала об этом! Только стража на таких ездить может!

Алеор пер прямо на стражника, и тот буквально отскочил в сторону, словно боялся, что тень эльфа может его коснуться. Нарочито встав между Радой и Лиарой, Алеор по-хозяйски положил им руки на плечи.

— У вас какие-то проблемы с моей семьей?

— Семейей?.. — повторил стражник, открывая и закрывая рот и совершенно тупыми глазами глядя на них троих.

— Это — моя дочь, Лиара, — Алеор неплохо так тряхнул за плечо эльфийку, и та

приглушенно пискнула. — А это — моя женушка, Эталах.

Лиара вдруг громко прыснула, прикрыв лицо рукой, а Рада постаралась не зыркнуть на эльфа. Имя, которое дал ей Алеор, было уж точно не эльфийским женским именем, а учитывая смех Лиары, ей и знать не хотелось, что оно значит. Или, наоборот, очень хотелось узнать, чтобы хорошенько намять ему бока.

— Ваша семья... — капитан дернул головой, словно сбитая с толку псина. — Милорд... Но я никогда не слышал, что у вас есть семья...

— А с какой стати вы должны это знать? — ироничная улыбка искривила губы Алеора.

Несколько секунд стражник ловил ртом воздух, потом предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Почему же тогда они одеты в такие обноски, милорд?

— Потому что нормальную одежду не заслужили еще! — доверительно сообщил ему Алеор. Отвернувшись от стражников, он легонько тряхнул за плечо Раду. — Ну что, милая ты моя, не хочешь ли полакомиться похлебкой в этой прекрасной таверне? А для нашей любимой доченьки я нашел прекрасную мазьку, чтобы залечить все ее царапины.

— Какой у нас заботливый папа! — с ядом в голосе прорычала Рада. — Ну пойдём, что ли, посмотрим, что там есть пожр... поесть.

— Мы можем идти, капитан? — Алеор с угрозой взглянул на стражника.

— Милорд, — пролепетал тот в ответ.

— Вот и славно.

Легонько подтолкнув их в спины, Алеор отвернулся, подцепил поводья лошадей и повел их прямо на стражников, тем самым, заставив их расступиться и дать им пройти. Рада шагала вперед, всем телом ощущая взгляды мелонцев, и не понимая, что чувствует: то ли раздражение и желание удавить Алеора, то ли распирающий хохот. Лиара рядом хихикала, прикрывая лицо ладонью и изо всех сил сдерживая смех, и это еще больше подстегивало Раду.

— Ты совсем ума лишился?! — разъяренно зашипела Рада, когда Алеор поравнялся с ними. — Какая еще жена?!

— Что, лучше было бы, если бы я тут их всех перерезал среди белого дня, а, сердобольная ты моя? — елейным голосом осведомился эльф. — Так что давай-ка, Эталах, не жалуйся. И делай, что я тебе говорю, иначе кое-кто может пострадать.

Привязав лошадей к коновязи у крыльца гостиницы, Алеор первым вошел в здание. Рада обернулась, рассматривая стражников: те топтались возле колодца, о чем-то переговариваясь и махая руками. Один двухметровый детина настойчиво доказывал что-то капитану, а тот только болезненно морщился в ответ. Эти могли создать еще проблем в будущем, но все равно это было забавно. Рада хмыкнула и отвернулась, поднимаясь по ступеням крыльца:

— Искорка, а ты знаешь, как переводится «эталах»?

— Агонизирующее животное, — отозвалась Лиара, давась смехом.

===== Глава 19. Ночной танец =====

— И что, они теперь так и будут за нами тащиться? — Рада привстала в стременах, оборачиваясь в седле.

Закатное солнце протянуло за ними по пыльной дороге длинные тени, которые усердно топтали копытами гнедые лошадки стражи. Все семеро ехали следом за ними уже второй день, упорно держась на расстоянии пятидесяти метров и изо всех сил делая вид, что им

просто по пути. Однако по вечерам они останавливались рядом с путниками, чуть в стороне, так, чтобы видеть их костер. И один из них, обычно, оставался на страже, будто бы невзначай прогуливаясь вокруг лагеря и следя за тем, не сбегут ли трое эльфов под покровом темноты куда-нибудь в чащу.

— Тебе не нравится компания, Радушка? — оскалился рядом Алеор. Теперь его лицо посерело, и на коже явно проступали темно-синие ниточки вен. Выглядел он до того страшно вкупе с полопавшимися красными сосудами в глазах, что Раде самой уже было не по себе по вечерам, и сопровождение стражи не казалось таким уж и лишним. В конце концов, если Тваугебир выйдет из-под контроля (а время это близилось), то можно будет рассчитывать, что сначала он кинется на стражу, а значит, время на то, чтобы уйти, у них с Лиарой будет. — Ты предпочла бы ехать вместе с Птичником? Или, может, еще с кем-нибудь более веселым? — в голосе эльфа звучала ирония, но под ней явственно kloкотали рычащие нотки.

— Да я уж и не знаю, — проворчала Рада, отворачиваясь от него и зябко поводя плечами. — Куда уж веселее-то?

Алеора стража откровенно смешила. Он буквально наслаждался тем, как мелонцы делают вид, что просто прогуливаются по пыльному тракту, как им приходится спать на холодной земле при том, что никаких палаток и одеял у них с собой нет, а оставлять путников без внимания на ночь они не имеют права. Каждое утро он, широко улыбаясь, здоровался с их капитаном, почти что кланяясь ему, отчего мелонец бледнел как полотно и отворачивался, делая вид, что не заметил приветствий эльфа. Когда они вместе обедали или ужинали в тавернах у дороги, эльф неотрывно, почти не моргая, следил за тем, как ест стража, и те почти что давились своей кашей, роняя часть еды на себя или не попадая ложками в рот.

Раде было искренне жаль этих бедолаг: выхода-то у них действительно не было. Им приказали выследить ее и вернуть обратно в город, и неповиновение грозило штрафом, а может быть, даже и тюремным сроком. С другой же стороны со своей вкрадчивой улыбочкой их ждал самый страшный наемник Этлана, взгляд которого с каждым днем становился все более бесноватым и невменяемым. Не говоря уже о том, что в конце сего славного путешествия они должны были повстречаться с Тваугебиром, хоть пока еще и не знали об этом, причем время это приближалось к ним семимильными шагами. Осталось шесть-семь дней, насколько могла сосчитать Рада, если, конечно, процесс не ускорился. Она никогда не видела Алеора прямо перед приступом и могла только гадать, какое поведение для него нормально в таком состоянии, а какое — нет.

С сегодняшнего утра, например, он начал что-то тихо-тихо бормотать сквозь зубы и иногда хихикать, сам с собой, тайком озираясь, не заметил ли кто этого. Буквально через несколько секунд эльф встряхивался, собирался и вновь становился обычным, невозмутимым и холодным, но через какие-нибудь полчаса все повторялось. А еще, если присмотреться, было видно, как сильно набухли вены на его шее, почернев, будто его долго душили, и как пульсирует в них что-то живое, перекачивается маленькими комочками вверх-вниз, вверх-вниз... Прекрати! — оборвала себя Рада, силой отворачиваясь от эльфа. Нечего разглядывать это! И без того страшно!

Страшно было не только ей одной. Лиара все чаще кутала плечи в плащ, бросая на Алеора взгляды из-под густых ресниц и стараясь вести коня так, чтобы их с Алеором разделял Злыдень Рады. На ночлег она укладывалась как можно дальше от эльфа, как и за

один стол с ним есть садилась очень аккуратно, чтобы не дай боги не оказаться на одной лавке или прямо напротив него. Алеор это видел и скалился в ответ своей жутковатой ухмылочкой, от которой Лиара только еще сильнее сжималась в комок. А посередине всего этого безумия была Рада, торчащая там, как столб, и понимающая, что как только Тваугебир вырвется, миссия по всеобщему спасению ляжет на ее собственные плечи. Вряд ли стража сможет продержаться хотя бы минуту против этой твари, раз сами духи Гортенберга не смогли. Лиара тоже не выглядела великим воином древности, а значит, оставалась она. И ты действительно думаешь, что сможешь что-то ему противопоставить? Боги, до чего же ты глупа!

Нахмурившись и тяжело глядя вперед, Рада поерзала в седле. Закатное солнце, висящее прямо над дорогой, немилосердно жгло глаза, и его рыжие лучи заливали все вокруг, придавая ему красноватый оттенок. По обе стороны от них тянулись сосны, чья рыжая кора на таком свете вообще казалась кровавой, и навевала не слишком приятные ассоциации. Да к тому же, еще и Алеор вновь что-то едва слышно забормотал себе под нос, то и дело конвульсивно дергая шей.

Прокашлявшись и стараясь согнать леденящие спину мурашки, Рада обернулась к Лиаре:

— Слушай, может, споешь нам что-нибудь, а? А то кисло как-то.

— Спеть? — эльфийка вскинула на нее огромные перепуганные насмерть глаза. Рада заметила, как побелели ее пальцы, сжимающие поводья.

— Ну да, — кивнула она. — Ты же играешь на арфе. Может, есть какая-нибудь забавная песенка, подходящая для таких случаев? — Алеор коротко хохотнул, Рада бросила на него косой взгляд и быстро продолжила: — Или какая-нибудь баллада из тех, которые мы все так любим послушать у теплого камина?

— А... л-ладно, — зубы Лиары отчетливо выбили дробь, но она уже справилась с собой и принялась рыться в седельной суме, где в кожаном чехле лежала ее арфа. Эта девчонка порой была невозможна: из дома Рады она не взяла ни запасной одежды, ни одеяла, ни фуража (все это пришлось покупать по дороге), но арфу не забыла.

Алеор замолчал, напряженно глядя вперед, и Рада решила, что наверное, его слегка отпустило. И это уже было хорошо. Приближалась ночь, а к ночи Тваугебир становился особенно беспокоен. Все это время эльф не ночевал у костра, уходя вглубь леса и разыскивая там следящих за ними птиц, и Раде становилось легче от этого. Правда, она уже не была уверена в том, следит ли за ними этот Птичник, или уже отстал. Лиара, например, ничего не чувствовала, во всяком случае, не говорила ни слова на этот счет, а это могло означать, что слежки и вовсе больше нет. Лучше б уж была! Лучше б пришел сюда какой-нибудь монстр, с которым мог бы сцепиться Тваугебир! Грозар, я понимаю, это крайне странная просьба, но, может быть, в этот раз ты немножко поможешь Сети'Агону? Буквально чуть-чуть. Пусть он решит, что нас непременно нужно уничтожить, и пусть он сделает это как можно быстрее, а, Громовержец? Но небо молчало, и лишь в косых лучах закатного солнца Раде чуялась чья-то проказливая улыбка.

Покопавшись в сумке, Лиара выудила оттуда чехол, достала арфу и с опаской опустила поводья гнедой кобылки. Та наострила уши, но продолжила спокойно идти следом за другими лошадьми, порой кося выкаченным глазом на Алеора, когда тот начинал бормотать. Боги, даже скотина и то в курсе того, что нам предстоит! Замечательное начало путешествия! Просто замечательное!

— Что бы вы хотели послушать? — тихонько спросила Лиара. — Какую-нибудь историю или просто песню?

— Спой то, что тебе хотелось бы, — Рада очень красноречиво взглянула на нее, приподнимая брови и показывая головой на Алеора. — Что-нибудь красивое и спокойное.

— Можешь не корчиться, — сообщил эльф. — Я и так прекрасно понимаю, зачем все это делается.

Лиара с опаской посмотрела на него, потом вопросительно на Раду, и все же принялась медленно перебирать золотые струны арфы. Над тихой дорогой, на которой сейчас кроме них самих и семерых стражников больше никого не было, поплелась золотой ниточкой переливчатая мелодия.

По полям тугой золотой пшеницы
Побежала рябь от ветров с востока.
В полуночный час мне опять не спится,
Не сомкнуть мне глаз, милый мой далеко.
Прялка все поет, нитка режет пальцы,
В уголках светелки только пыль да морок,
Далеко мой свет, ясный мой скиталец,
В тех краях, где землю, топчет черный ворог.
Как земля кричала, не затихнут стоны!
И в домах людей поднимался ропот.
На заре ушел, взяв коня и брони,
Поясок на память и землицы щепоть.
И прошла весна, отзвенело лето,
Отгорела осень в вековых дубравах,
Проползла зима без тепла и света,
Солнце родилось снова в росных травах.
Только знаю я: ты придешь, мой милый,
Сквозь века и снег, по дороге пыльной,
Не возьмет тебя вечный холод стылый,
Не скует твой стан поясок могильный.
Прялка все поет, нитка режет пальцы,
А коса до срока побелела в зиму.
Где же ты мой друг, ясный мой скиталец?
Я все жду тебя, одного, любимый.

Рада не знала этой песни, но было что-то в голосе девочки, что креп с каждым новым куплетом, в том, как бегали по струнам арфы ее тонкие пальцы, в том, как она склоняла голову, словно прислушиваясь к чему-то, слышимому лишь ей. И песня-то была простой, и мотив — не слишком уж замудренным, но то ли слишком ярко разгорался осенний закат, то ли глубокая синяя тень ложилась под кроны деревьев, пророча ночной туман, только у Рады в груди почему-то защемило, и она поерзала в седле, чувствуя себя некомфортно.

Как только последняя звонкая нота тихонько повисла над пыльной дорогой, Алеор повернул голову и взглянул на Лиару. Сейчас в его глазах не было ни бешенства, ни жажды крови, только сосредоточенность.

— Ты можешь лучше, — серьезно сказал он.

— Что? — заморгала Лиара, глядя на него так, будто только что очнулась от глубокого

сна и не расслышала вопроса.

— Это же твоя песня? — уточнил Алеор. Эльфийка кивнула, и тот уверенно повторил: — Ты можешь лучше. Это так, для людей, для тех, кто будет петь в тавернах и на дорогах. Но ты, если я правильно чувствую то, что заложено в тебе, можешь создать нечто гораздо более красивое.

— О... спасибо, — Лиара неуверенно заморгала, и потупилась, рассеяно поглаживая тонкими пальцами мягкий изгиб арфы. На щеках у нее выступил алый румянец.

Рада почувствовала укол раздражения и вновь заерзала в седле, неодобрительно поглядывая на эльфа. Песня ему не сдалась! Да это была бхарски красивая песня из тех, что запоминались надолго! А он ей говорит, что она могла бы и лучше!

— А я думаю, что это очень хорошо! — заявила она, стараясь не смотреть на Алеора. — Я думаю, что это вообще одна из лучших вещей, которые я в жизни слышала! А Алеору не понравилось только потому, что там никому руку не отрубили или никого не травили собаками. Вот и все!

Лиара вскинула на нее глаза, полные каких-то странных золотых искр, и Раде стало еще более неловко, гораздо сильнее, чем раньше. От этого и раздражение увеличилось. Боги, да что ж я все время не на своем месте-то?! Что ж происходит, что я так дергаюсь?

— Я не сказал, что мне не понравилось, Эталах, — с ироничной усмешкой взглянул на нее Алеор, и Лиара рядом тихонько прыснула. — Я сказал лишь, что это — далеко не ее предел.

— И долго ты собираешься меня так называть, муженек? — прорычала Рада, чувствуя непреодолимое желание вызвать Тваугебира прямо сейчас.

— До тех пор, пока с нами наши прекрасные смертные друзья, — отозвался эльф. — Ты ведь не хочешь, чтобы они догадались, кто ты на самом деле?

— Да они и так это знают! — почти что заорала Рада. — Все это знают!

— Ну-ну, Радушка, не надо так кипятиться, — осклабился эльф. — Это того не стоит.

Рада заскрежетала зубами, бросая на эльфа устрашающие взгляды, но он только отвернулся, ухмыляясь под нос. На этом разговор и увял.

Впрочем, не все было так плохо. Даже несмотря на то, что Раду буквально подбрасывало от бешенства, она должна была признать: песня Лиары подействовала. Эльф перестал бормотать и дергать шеей, да и вид у него теперь был какой-то сонный и более мирный, чем раньше. Это заставило Раду задуматься.

Он ведь говорил, что у девочки большой талант, и что она может добиться больших высот, причем подчеркнул, что чувствует это. Они с Лиарой уже настолько затюкали Раду своим чутьем, которого у нее напрочь не было, что она подозрительно покосилась уже на Лиару. Мог ли у нее быть какой-то особый дар управлять людьми с помощью песни? Она ведь упоминала, что эльфы могут контролировать мысли других людей, может, у нее это получалось при помощи музыки? Тогда это объясняло странную реакцию тела Рады на это. Она вновь поерзала в седле, чувствуя себя странно... жарко и мягко одновременно. Раньше такого с ней никогда не было. Может, я заболеваю чем?

Через четверть часа Алеор подыскал среди деревьев на обочине маленькую уютную поляну и свернул с дороги. Судя по всему, для ночлега ее использовали не один раз: трава была сильно примята, в дальнем конце виднелось большое кострище. Даже несколько кольшквов были вбиты в землю, чтобы привязывать лошадей.

Вот только Алеор никогда еще не останавливался так близко от дороги. Обычно он

уводил их поглубже в чащу, чтобы стук копыт лошадей случайных гонцов по ночной дороге не тревожил сон Рады. Ну, и для того, чтобы спрятаться от лишних глаз. К тому же, в чаще было мало полянок, расположенных недалеко друг от друга, и эльф с удовольствием наблюдал за тем, как помятые и запыленные стражники, бросая на своего капитана страдальческие взгляды, устраиваются спать на торчащих из земли корнях или рубят мечами кусты, чтобы было хоть какое-то пространство, на котором можно было бы вытянуться во весь рост. Это несколько насторожило Раду, но она все еще чувствовала неконтролируемые приступы гнева при одном взгляде на эльфа, а потому не стала ничего спрашивать.

В молчании они разбили лагерь, разожгли костер и уселись на землю, подстелив под себя плащи. Недалеко от полянки отыскался маленький ручеек, где Алеор набрал воды, а женщины умылись. По своему обыкновению достав трубочку, эльф уселся возле костра, вытянул вперед длинные ноги и принялся раскуривать, поглядывая на то, как топчутся стражники в пятидесяти метрах впереди них, пытаясь устроиться спать на пыльной обочине.

Никто не разговаривал. Лиара тихо-тихо перебирала струны арфы, и до Рады доносился лишь едва слышный золотистый перезвон да потрескивание костра. Алеор тоже молчал, задумчиво выпуская из трубки большие клубы дыма. Поколебавшись, Рада и сама закурила, ожидая, пока вскипит каша.

Вечер был удивительно хорош. Косые лучи солнца заливали небо розово-малиновым цветом, а облака на западе переливались лиловым и золотистым. Разве что птицы не щебетали, и в лесу стояла тишина, полная прохладной сумрачной задумчивости. Рада взглянула туда, в чащу, отделенную от них ярко освещенным кругом костра. Между темных стволов деревьев слегка колебались тени, мрак курился у самых корней, такой густой и чернильный, словно была уже глубокая ночь. Иногда на ветру вздрагивали листочки молодых кленов, ловя на себя золотые блики солнца, и это было очень красиво. Бархатный мох укрывал остовы старых пней, сквозь которые прорастала молодая упругая зелень. Здесь было хорошо, и Рада прилегла на свое одеяло, чувствуя себя усталой и сонливой.

Подложив под голову руку, она попыхивала трубочкой и рассматривала глубокое осеннее небо. Оно быстро темнело по краям, оставаясь малиновым в самом центре, будто отгорающий уголек в обрамлении прибитой дождем золы. Словно пришпиленные булавками застыли в нем золотистые облака, и ласточки скользили высоко-высоко, так похожие на маленькие рыбацкие лодчонки севера, с узкими носами и треугольными парусами. Иногда Северное Море тоже было таким: малиново-алым, полным цвета, густым, будто патока, и тогда гребешки волн, накатывающих на берег, переливались отполированным золотом. Когда-нибудь я обязательно вернусь туда, — подумала Рада, выдыхая серый клуб дыма, который медленно поплыл вверх, закручиваясь, меняя очертания, постепенно растворяясь в тающем прямо ей на голову небе. Не для того, чтобы снова кого-то убивать, а просто. Просто погулять по пляжу и послушать чаек, подышать солью, выпить крепкого рома и купаться ночью в ледяных водах, разрезая руками лунную дорожку. И теперь я могу это сделать, потому что я свободна.

Полудрема начала медленно смаривать ее. Рада отложила трубку, решив, что до того, как приготовится каша, вполне успеет прихватить четверть часика. Закинув обе руки за голову, она вытянулась поудобнее и закрыла глаза.

От земли тянуло осенней сыростью, а потому дрема напозвала медленно, как лениво вытягивающий лапу за лапой кот. И в полудреме она расслышала тихий голос Лиары.

— Милорд...

— Я тебе не милорд, — грубовато отозвался эльф. — Это в Мелонии все милорды, а я эльф, как и ты.

Повисла недолгая пауза, потом Лиара с запинкой проговорила:

— Алеор, я просто хотела сказать, что чувствую что-то странное.

— Странное? — в голосе эльфа прозвучала невысказанная насмешка.

— Да, в воздухе что-то странное, — Лиара приободрилась и заговорила уже громче. — Ощущение... беды.

— Да, — совершенно спокойно кивнул эльф. — Это потому, что за нами следят.

— Но я не имею в виду Птичника.

— Как и я.

Сонливость моментально слетела прочь, и Рада открыла глаза. Небо успело подернуться дрожащей зеленоватой дымкой, а ласточки разлетелись спать, но ее это уже не так беспокоило, как какие-то десять минут назад.

— Кто следит? — с тревогой в голосе спросила Лиара.

— Кто-то от Сета, — сообщил эльф. — Он идет по дороге, но медленно, чтобы мы не почувствовали его. Скоро будет здесь.

— Так чего ж мы сидим-то?! — Раду подбросило с ее одеяла, и она во все глаза воззрилась на эльфа.

— Ты хочешь его встретить? — Алеор ухмыльнулся, вздернув тонкую бровь. — Ну, можешь причесаться. Если захочешь, я даже дам тебе гребешок. Правда, я им обычно коня вычесываю, но, возможно, и тебе он тоже подойдет.

— Грозар! — зарычала Рада, инстинктивно хватаясь за пояс, но меча там сейчас не было. Он лежал у нее в изголовье, прислоненный к седлу, которое она использовала в качестве подголовника. — Да можешь ты хоть на минуту перестать выделяться?! Если за нами кто-то следит, мы должны как-то подготовиться к этому! Хотя бы скажи нам, кто это, пока он на нас не набросился.

— Кто это — я пока что не знаю, слишком далеко, — пожал плечами эльф. — А что касается подготовки, то я все уже сделал. — Он обвел рукой окружающее пространство. — Вот — мы, вот — дорога. Мимо он все равно не пройдет.

Несколько секунд Рада молчала, оторопело глядя на него и пытаясь подобрать слова, а когда наконец-то нашла их и открыла рот, чтобы разразиться гневной тирадой, эльф прервал ее со спокойной улыбкой:

— Радушка, ты же сама всю дорогу едешь и думаешь о том, кто бы уже на нас напал бы, чтобы я немного подрался! А то ведь время-то идет, осталось семь дней до появления моего старого приятеля, и день ото дня держать его все труднее. Вот и радуйся: я сейчас подерусь вдоволь, авось, до Топей и дотянем. — Рада проглотила все, что хотела сказать, и Алеор добавил: — И не думай, что я могу контролировать твои мысли! У тебя просто лицо, как открытая книга, по нему прочитать можно даже то, сколько тебе лет было, когда у тебя первый зуб выпал!

— Ну ладно, — проворчала Рада, понимая, что эльф прав, и спорить тут действительно не с чем, хоть все это и было ужасно обидно. Нехотя взглянув на окаменевшую с арфой в руках Лиару, она буркнула: — Ты это, спрячься, как только мы драться начнем. Чтобы тебе, не дай боги, не перепало. А то кто ж нам потом петь-то будет?

Лиара судорожно закивала, бросившись убирать в чехол свою драгоценную арфу и запихивать его поглубже в сумку. Рада только закатила глаза: да уж, самое дорогое спрятала,

теперь все будет хорошо. Напряженно застыв у костра, эльфийка перестала шевелиться, то и дело стреляя по сторонам перепуганными глазами.

— Да не бойся ты, искорка, — попыталась Рада утешить ее. — Все будет хорошо!

— У нас — да, — серьезно кивнул Алеор. — А вот у них, — эльф указал на разбивающихся впереди лагерь стражников, — не факт.

Судя по всему, слова его Лиару не успокоили. Она только еще больше сжалась, кутая плечи в плащ.

Рада тоже взглянула вперед. Двое солдат расседывали лошадей, кряхтя и хмуро поглядывая в их сторону, остальные жались у костра, кое-как разведенного между стволами деревьев. Вид у них был донельзя усталый и измученный. Судя по всему, ребята вообще никогда не выезжали за пределы Латра, уж точно не ночевали в лесах да буераках, укрываясь только собственным плащом и засыпая на голодный желудок. Внутри заскреблась жалость: Рада много лет провела в компании солдатни, деля с ними нехитрый походный быт, и прекрасно знала, насколько это тяжело в первые дни, когда тело только привыкает к жесткой земле и скудной кормежке. А тут еще и тварь эта, что за ними по пятам идет.

Вздыхнув, она поднялась и отряхнула прилипшие к штанам травинки.

— Пойду-ка я их хоть предупрежу, — она взглянула на Алеора. — А то ведь они ничего не знают.

— Иди, сердобольная, иди, — покивал эльф. — Главное, если они тебя вязать начнут, кричи погромче. Авось, поможет.

Никакого другого ответа от него Рада не ожидала, но в груди приятно кольнуло от взгляда Лиары, удивленного и одновременно обрадованного, которым эльфийка наградила ее напоследок. От этого внутри опять стало как-то слабо-мягко, и Рада поморщилась, потирая грудь и выбираясь на дорогу. Наверное, все-таки все дело в ее этих песнях. Что-то там не так. У кого бы только узнать об этом?

Дорогу укрыли синие вечерние тени, а солнце провалилось за горизонт, лишь тихонько догорая по самому краю неба. Рада обернулась, присматриваясь, не прячется ли в тенях со стороны Латра их безымянный преследователь. Насколько хватало даже ее острого эльфийского зрения, на дороге не было видно ни души, лишь пыль, да ночные тени. Пожав плечами, она прикрепила к поясу ножны с мечом и зашагала к лагерю стражи.

Ее заметили еще издалека. Ребята, что расседывали коней, приглушенно крикнули что-то своему командиру, и тот сорвался с места, на ходу пристегивая к поясу меч. Рада шла не спеша, давая возможность стражникам вдоволь насмотреться на нее и вылезти из кустов ей навстречу. Они и вылезли, причем все, плотной группой сбившись возле лошадей и бросая на нее наполовину перепуганные, наполовину раздраженные взгляды. А вперед вытолкнули своего командира, бородка которого теперь смотрелась уже не так щегольски, как в первый день, а щеки заметно ввалились из-за усталости.

Остановившись в трех шагах от него, Рада потеряла нос, не совсем понимая, с чего начать, и проговорила:

— Доброго вечера вам! Тут Алеор говорит, что чует беду, так что в ближайшее время на нас может произойти нападение. Будьте начеку. Неизвестно, с какой стороны они полезут.

— Кто полезет? — переспросил капитан.

— Да кто ж их знает-то? — пожал плечами Рада. — Но встречать надо.

Солдаты неуверенно переглянулись, затоптались на месте, их капитан нахмурился, то оглядываясь через плечо, то снова глядя на нее. Раде невдомек было, чего они все ждут, а

потому она развела руками:

— Ну, я вас предупредила. Дальше сами.

Развернувшись, она зашагала обратно в сторону своего лагеря, видя, как Алеор с Лиарой разглядывают ее еще издали и о чем-то переговариваются.

— Миледи Рада... — донесся из-за спины голос капитана стражи. — Именем короля Мелонии...

— Да, да, да! — проворчала она, даже не оборачиваясь. — Ты сначала придумай, какого именно короля, а потом уже вопи.

Алеор встретил ее выразительным взглядом, но ничего не спросил, хотя вид у него был такой, словно его распирало на части от любопытства. Рада молча уселась к костру, на этот раз — лицом к дороге, пристраивая ножны с мечом так, чтобы клинок можно было с легкостью вытащить в любое мгновение, и взглянула в сторону костра стражников. Там в быстро сгущающихся тенях происходило какое-то шевеление: солдаты бегали, махали руками, суетились, и подготовку к нападению это уж совершенно не напоминало. Боги, ну что ж вокруг одни идиоты-то?

Одна за другой медленно потянулись минуты. Сумерки быстро густели, становясь все чернее и чернее. На низком бархатно-синем небе зажглись первые звезды, кажущиеся сейчас очень далекими, а со стороны чащи потянуло сыростью. Рада взглянула туда и различила начавшее медленно-медленно набухать белое полотно тумана. Рядом была речушка, а это означало, что буквально через пару часов все вокруг заволоклет полупрозрачная дымка, которая спрячет за пазухой все звуки, размажет очертания деревьев, наполнит воздух вязким маревом крохотных водяных капель. Да уж, прекрасное время для нападения они выбрали. Лучше и не придумаешь. Тут бы своего мечом не ткнуть, не то, что чужого.

На небо из-за деревьев медленно выбрался тонкий рожок молодого месяца. Рада бросала на него короткие взгляды, и сквозь тонкое кружево листьев он почему-то напомнил ей глаз, что подглядывал за ними. Один узкий, вытянутый зрачок, от взгляда которого не спрятаться. Какое-то странное, нехорошее чувство тронуло плечи, и она передернула ими, сгоня морок прочь.

— Внимание, — тихо проговорил Алеор, и Рада вздрогнула, словно от резкого звука.

Она сидела лицом к дороге, а потому увидела еще издали. Кто-то приближался во тьме по пыльному полотну, быстро, резкими скачками, выталкивая тело вперед. Большая черная тень, вытянутая и поджарая, словно иссушенный долгой голодовкой волк, только гораздо, гораздо крупнее. В воздухе ощутимо запахло серой, Злыдень Рады резко взвился на дыбы, издавая пронзительное, полное ужаса ржание.

— Свора! — рявкнул Алеор, вскакивая с места, и на миг сердце Рады перестало биться.

Этого не может быть! Свора — это только сказки, которыми... Тень метнулась с дороги через кусты прямо на нее, и Раде в глаза заглянул один единственный круглый глаз во лбу черной собаки величиной с лошадь, желтый глаз размером с блюдце, внутри которого болезненно бился от ярости и бешенства сжатый в маковую росинку зрачок.

Рада прыгнула с места, стискивая меч в миг вспотевшими ладонями. Она откатилась в сторону, почти что кубарем, а гигантская черная тень рухнула всем весом на то место, где она только что стояла. С громким щелчком сомкнулись челюсти, за спиной послышалось шумное тяжелое дыхание, и на миг Рада ощутила приступ паники, скрутивший нутро ледяной хваткой.

Она подорвалась на ноги и развернулась, оказавшись лицом к лицу с Гончей Тьмы.

Тварь прижалась к земле, готовясь к прыжку, и в отвесах костра ее черная жесткая шерсть казалась залитой крохотными каплями крови. Мощная широкая грудь, как у собаки, поджарое, иссушенное тело, оскаленная морда с клыками, с которых срывалась пена, шипя и прожигая землю. И взгляд одного громадного мучнисто-желтого глаза, гипнотизирующий, приковывающий к земле.

— Грозар! — заревела Рада, поднимая перед собой меч.

В следующий миг Гончая прыгнула. Короткий взлай, черный, полный бешенства зрачок, и удар. Рада выставила перед собой меч, черные челюсти сомкнулись на клинке, и он разлетелся в гнилых клыках буквально в осколки. Рада подавилась криком, откидываясь назад и вцепляясь руками в черную голову, пытаясь не дать челюстям добраться до ее тела.

Ноги от удара подкосились, и Рада рухнула на землю, как подкошенная. Кажется, она кричала, потому что слюна с челюстей собаки хлынула на кожу, разъедая ее, будто кислота, а руки обагрились кровью, разодравшись об острые, щелкающие клыки. Тварь подмяла ее под себя, проседая вниз и пытаясь раздавить, мотая головой, рыча и щелкая зубами, изо всех сил стараясь высвободить морду из отчаянной хватки Радинных рук.

Мгновения растянулись в часы. Рада оглохла, слыша собственный вопль в ушах, чувствуя невыносимую боль в руках, на лице, на груди, которую рвали черные лапы. И огромный желтый глаз лез и лез ей в лицо, а в зрачке на миг отразилась она сама, крохотная и сжимающаяся от ужаса.

А затем что-то произошло. Руки готовы были лопнуть от напряжения, кости почти что трескались, как и клинок за несколько секунд до этого, пока она пыталась оттолкнуть от себя черную морду твари. А в следующий миг Гончая содрогнулась всем телом, и хватка ее моментально ослабла. Рада смогла лишь выдохнуть, без единой мысли наблюдая за тем, как тварь отпускает ее и поворачивает голову куда-то в бок.

Откуда взялись силы и скорость, Рада не знала. Только она выхватила из-за пояса нож и с силой вбила его в поросшее черным мехом открывшееся ее глазам горло. Тварь содрогнулась еще раз, уже сильнее, а потом просто спрыгнула с нее в сторону, так легко и плавно, словно и не была смертельно ранена.

Хватая землю руками, сгребая ее, чтобы подняться, ослепшая от ужаса и боли, Рада смогла каким-то чудом вскочить на ноги. На поляне было три Гончих, вокруг которых, словно черный вихрь, танцевал Алеор.

Это было... нечеловечески. Несмотря на ужас, боль и шок, Рада поняла, что не может оторвать глаз. В вязком, словно капля смолы, растянутом времени, эльф кружился изящным ночным мотыльком с лицом спокойным, будто гладь пруда. В одной его руке был длинный меч с чернильно-черным клинком, над которым в воздухе курились ниточки дыма, в другой — тонкий острый кинжал, больше похожий на иглу. Лицо Алеора было тихим, таким спокойным, каким Рада не видела его, кажется, никогда в жизни, а глаза — полуприкрыты, словно эльф погрузился в глубокую дрему и пребывал где-то очень далеко отсюда. И двигался он так странно, так плавно, так текуче, словно танцевал на остром лезвие бритвы, выписывая рисунок непривычной, тягучей красоты, застывшей на грани между жизнью и смертью.

Правая рука ударила Гончую мечом в бок, и эльф плавно развернулся, выгибая тело и выпрыгивая вверх. Закрутившись в штопор, он нанес удар той же Гончей клинком чуть выше головы, в место сочленения с шеей. Мягко приземлившись на пружинистые ноги, эльф скользнул вперед. Он двигался бесшумно, на носках сапог, и так легко, словно тело его

ничего не весило, будто перышко. Гончая попыталась достать его лапой, но эльф уклонился в сторону, еще заранее уклонился, за миг до ее движения, словно знал, что она это сделает. И проходя под летящей в его голову лапой, с тихой грацией паука вбил черный меч прямо в глотку Гончей, снизу вверх, с такой силой, что клинок вышел с другой стороны.

Она еще не успела понять, что мертва, а Алеор уже перетек прочь от нее, к третьей собаке. На миг перед глазами у Рады поплыло, и ей показалось, что это двигается не он, а гигантская черная как ночь гадюка, на панцире которой отражается оранжевым сиянием отблеск костра. Он прыгнул высоко вверх и завис в прыжке, сжавшись в комок и перелетая через Гончую. Она тоже выпрыгнула вверх, вытягивая морду и пытаясь достать его клыками. И в следующий миг наперекор времени и пространству эльф выстрелил обеими ногами вниз, прямо ей в загривок, так быстро, как просто не мог двигаться человек. Удар был настолько силен, что Гончая рухнула как подкошенная, врезавшись подбородком в землю. Раздался громкий хруст переломившихся позвонков.

И все.

Рада моргнула, дыша тяжело, будто загнанное животное. В мир вернулся свет, звук и нормальная скорость движения, все стало ровно так же, как и было до этого. Алеор аккуратно отряхнул руки, отходя прочь от трех корчащихся в агонии гигантских черных псов. Их тела содрогались на земле вокруг костра, скребя лапами траву, разбрасывая откатившиеся от пламени головешки. Во тьме раздавался надтреснутый лай, рев боли, высокий скулеж, от которого резало уши. Это длилось еще несколько секунд, пока Гончие издыхали, а потом все затихло.

Кровь стучала в висках так, что Раде казалось: еще вот-вот, и от давления глаза просто лопнут. Восприятие обострилось до предела, она буквально превратилась в один обнаженный нерв, готовый голыми руками, когтями и зубами вырывать у врага свою жизнь. Только больше никто на них не нападал. Лежали вокруг костра тела трех мертвых Гончих Тьмы, и отблески пламени играли на их длинной жесткой шерсти. Все так же подглядывал сквозь переплетение ветвей на небе тонкий рожок месяца, все та же тишина лежала между стволов деревьев, а с родника наползал туман. И Алеор стоял рядом, выпрямившийся, спокойный и легкий, словно лунный блик, упавший на землю сквозь переплетение ветвей.

Желудок скрутило приступом слабости, и Рада согнулась пополам, содрогаясь в приступе сухой рвоты. Это было слишком для нее, чересчур, гораздо быстрее, стремительнее и страшнее, чем все, к чему она привыкла за свою жизнь.

— Кану Защитница! Кану Защитница! Кану Защитница!.. — слышалось в тишине тихое-тихое бормотание Лиары, и Рада, прокашлявшись, подняла голову.

Та стояла в стороне от поляны между темных стволов деревьев, сжимая в побелевших пальцах чехол с арфой и огромными глазами глядя на мертвых Гончих. Почувствовав взгляд Рады, Лиара вскинула на нее глаза и несколько мгновений просто смотрела, будто и не узнавала. Потом она громко вскрикнула и сорвалась с места навстречу к ней.

Рада не совсем поняла, почему это так, только все пространство вокруг нее стало вязким, странно мягким, каким-то расплывчатым. Ноги превратились в желе, и она медленно упала куда-то вбок, еще успев увидеть ворох алых красных капель, что падают на землю вместе с ней. Кажется, она порвала меня сильнее, чем я думала. Потом пала тьма.

===== Глава 20. Дочь Камня =====

Дождь накрапывал уже второй день, и небо над головой было серо-стальным, однообразным и очень низким. Тучи почти что скребли по острым маковкам темно-зеленых

елей, окутывали кроны старых дубов, листва на которых совсем промокла и поникла, облепив их головы точно такой же шапочкой, какой сейчас лежали и мокрые насквозь волосы Лиары. Серая морозящая взвесь висела в воздухе, и горизонт в ней расплывался, очертания объектов сглаживались, становясь едва намеченными и легкими, словно какой-то художник влажной кистью только-только намочил бумагу, намереваясь нарисовать размытый осенний пейзаж.

Между густых деревьев стояли туманы, и почерневшие стволы покрывали крупные капли воды. Вода была везде, она стекала ручьями не только с неба, но и с деревьев и листьев, кажется, даже с самой Лиары, добавляя к размокшему миру еще одну большую щедрую лужу. Копыта лошадей гулко стучали по вымытой дороге, которая сейчас была единственным местом, где луж не было. Мелонцы очень тщательно следили за полотном, и вся лишняя вода стекала прочь с широких плит мощения, просачиваясь сквозь щели между ними и уходя в землю.

Земля размокла, и ее густой, сильный, прелый запах пропитал Лиару насквозь. У корней деревьев и в ямах возле выворотней налило целые лужи, из которых торчали поникшие прошлогодние травы, уже начавшие подгнивать. Тянуло мокрой корой и мхом, едва слышно — грибами, но больше всего плесенью и гниющими листьями, и этот запах осени был таким сильным, что полностью стер из мира все остальные ароматы.

Гнедая кобылка, которую Лиара назвала Звездочкой, резво шагала вперед. Всю ее шкуру покрывала вода, и от этого шерсть собралась и застыла маленькими растопыренными во все стороны иголочками, а длинная грива повисла спутанными патлами. Лиаре почему-то казалось, что они сейчас похожи: ее кудряшки тоже почти что совсем распрямились под непрекращающимся дождем, перепутались и спадали на плечи тугой тяжелой волной. Но ей все равно было хорошо, так хорошо, как бывало только в эту пору.

Она чувствовала сейчас особенно остро эту странную песню мира, которая из громогласного звучания лета, перебитого шумливыми грозами и привольными ветрами, превращалась в тихое нашептывание осени с бесконечным шуршащим ритмом падающих капель. Она чувствовала, как нахохлились на ветвях птицы, распушив перья и втянув головы, чтобы на них не капало с листьев, как неторопливо бродят в чаще на тонких ногах олени, опуская мокрые чуткие носы к воде и пытаясь выкопать в размокшей земле самые вкусные корни. Мыши забивались глубоко под землю, в те норы, до которых не доходила вода, белки прятались в отсыревших дуплах, укутывая вытянутые морды пушистыми теплыми хвостами, сейчас тоже безнадежно размокшими. И подо всем этим сонливо смыкала свои ореховые глаза земля, позевывая и укладываясь спать под неумолчный шепот дождя и шорохи мокрого теплого леса.

Лиара всегда любила это время, особенно остро чувствовала его, буквально всем своим существом. Может, потому что родилась как раз в эту пору долгих теплых дождей, может, потому что именно сейчас мир выглядел таким изможденным и при этом — таким спокойным. Задумчивая дрема дышала в напоенных влагой полях, где посеянные семена ждали до срока, когда сойдут первые снега; в теплой дымке испарений расплывалась болезненная острота и твердость форм.

Алеор, похоже, тоже чувствовал это. Во всяком случае, он ехал, откинув капюшон и широко расправив плечи, позволяя морозящим каплям оглаживать его длинное лицо своими ледяными пальцами, путать темные пряди и сковывать холодом кожу. Ему дождь несколько не мешал, как и его серому жеребцу, выглядящему гораздо свежее и невозмутимее остальных

лошадей. А вот Рада откровенно страдала, и Лиаре оставалось только гадать, почему это происходит.

Словно услышав ее мысли, Рада громко чихнула в кулак и поплотнее закутала плечи в черный плащ, натягивая капюшон почти что на самый нос. Для Лиары это было вдвойне странно: эльфы никогда не болели, их вечно обновляющаяся кровь давала им преимущество над смертными. Однако, Рада почему-то была не такой, словно все, что связывало ее с эльфами, сознательно вытравляли и вытравляли из нее до тех пор, пока ничего и не осталось. Лиара, правда, очень сомневалась, что она сможет заболеть, что у нее просто физически получится это сделать, но выглядела Черный Ветер неважно. Может, все дело было в сырости и грязи, в которой они ночевали последние дни, а может, у Рады просто болели руки, израненные в ту ночь.

При одном воспоминании о нападении Гончих Тьмы на лагерь, Лиару продрала дрожь. Ноздри сразу же наполнил запах серы, вонь разложения и ледяной могильный привкус бешенства в ночном воздухе. Оскаленные пасти трех гигантских бестий, что вырывались из ночного леса и набрасывались на них...

От ужаса у нее буквально помутилось перед глазами, и Лиара поняла, что не может сдвинуться с места. Ноги приросли к земле и больше не слушались ее, пальцы до боли вцепились в твердый корпус чехла с арфой, а глаза не моргали, не отрываясь от разворачивающейся вокруг костра битвы.

Гончие выскочили с трех сторон: две из леса, одна с дороги. То ли Лиара вообще перестала дышать, то ли просто стояла в тени, только твари пролетели мимо нее, не обратив никакого внимания, и бросились на Раду с Алеором. Лиара видела, как треснул и разлетелся на осколки меч в руках Черного Ветра, который она с криком подняла против Гончей, как тварь бросилась на нее, сбила с ног и принялась катать по земле тяжелыми лапами.

Лиара не могла ни крикнуть, ни вздохнуть, ни шевельнуться. Грудь передавило ледяными обручами ужаса, и на этот раз она забыла про все на свете, и про свои способности, и про то, как шевелиться и думать. Она лишь смотрела, и в ее раскрытых до предела зрачках отражалась отчаянно сражающаяся с Гончей Рада, которую от смерти отделяли буквально мгновения. И в этой растянувшейся до бесконечности секунде Алеор начал свой танец.

Это было завораживающе и страшно одновременно. Гигантской черной птицей, падающей с небес, он налетел на трех собак. Он закружился между ними вихрем, обернувшийся в эльфийскую силу, что лилась с него серебром столь ярким, что у Лиары почти что заслезились глаза. Она даже и понять не успела того, что он сделал, видела лишь его плавно перетекающее из одного движения в другое тело, и черный меч, словно впитывающий в свое лезвие окружающую тьму, курящийся черным дымком энергий, который порхал в его руках словно любимая женщина в пробирающем до костей танце. И когда Алеор сделал последнее па, все три твари упали замертво на землю.

Она еще никогда не видела, чтобы кто-то ТАК двигался. Это было невозможно, это было слишком быстро и чересчур плавно. Даже эльфы не могли делать то, что делал он. Кану защитница! Помоги!..

А потом она увидела, как падает на землю без сил Рада, и внутри что-то изменилось. Лиара мельком услышала собственный вопль, сорвавшийся с губ, и отстраненно поняла, что ноги уже несут ее вперед, мимо издыхающих Гончих Тьмы, мимо застывшего посреди поля боя Алеора. Она не помнила, как упала на землю возле бездыханной Рады, она видела лишь

собственные дрожащие ладони, обагрившиеся кровью, когда она коснулась ее тела.

Сердце! Дышит ли она? Грудь Рады была залита кровью, одежда на ней изодрана в клочья, однако Лиара видела, с какой бешеной скоростью бьется жилка на шее женщины. Лихорадочно ощупывая ее, Лиара принялась искать раны, и рядом с ней опустился на колени Алеор, быстро оглядывая Черного Ветра.

— Что тут?

— Не знаю... — руки тряслись, и ей почему-то было так страшно, гораздо страшнее, чем во время нападения Гончих. Словно само небо сейчас должно было упасть ей на голову и раздавить в лепешку. — Столько крови!.. Я не знаю!..

— Отойди прочь, — поморщившись, Алеор несильно оттолкнул ее руки в сторону и сам занялся Радой.

А Лиара только сидела рядом, смотрела на свои окровавленные ладони, на то, как колдует над телом женщины Алеор, и ничего, ничегошеньки не понимала. Только лютый ужас сжал все нутро одной единственной колючей лапой и не отпускал, мешая ей дышать.

И ей показалось, что она сошла с ума, когда Алеор вдруг совсем легко хмыкнул и покачал головой.

— Ну надо же! Вот так поворот!

— Что с ней? — Лиара не узнала свой собственный голос, который теперь был сиплым и низким.

— С ней? — эльф рассмеялся. — Ровным счетом ничего. Руки сорвала о клыки той псины, да ожоги остались от ее слюны. Мне гораздо интереснее сейчас, что с Гончей. — Он поднялся и пошел прочь, бросив на ходу: — Промой ее руки, я сейчас дам мазь.

Смысл его слов доходил до Лиары очень медленно, и ей показалось, что она и не помнит, как именно нужно промывать кому-то раны водой. И вообще: что такое вода. Решительно дернув головой, она силой собрала себя в одно целое и повернулась к Алеору, усевшемуся на корточки возле Гончей.

— Что значит, ничего? Что ты имеешь в виду?

— Она не пострадала, — сообщил эльф. — Только царапины и все.

— Откуда же столько крови тогда? — Лиара вновь заморгала, глядя на перепачканную одежду и лицо Рады.

— Гончая перекусила ее клинок и изодрала себе пасть. Это собачья кровь и ничего больше. — Алеор поднялся с корточек, подобрал что-то возле костра и бросил Лиаре. Она механически поймала: это оказался бурдюк с водой. — Промой ей раны, — повторил Алеор. — Кровь Псов разъедает кожу, у нее могут появиться волдыри, а Рада ненавидит их всей душой, так что лучше убрать их сейчас.

— Почему же она тогда без сознания? — У Лиары было такое ощущение, словно мир сошел с ума, а она одна единственная все это пропустила. Только внутри от слов эльфа словно что-то расслабилось, распустилась туго натянутая струна. Она не пострадала! Кану Защитница, хвала тебе, она будет жить! Это почему-то сейчас казалось самым главным, самым правильным и важным, и Лиара ощутила, как наливаются слезами глаза. Украдкой утерев их тыльной стороной руки, пока не заметил Алеор, она выругала себя. Как дите малое! Как что, сразу в слезы! Надо прекращать себя так вести, иначе никакого толку им от меня не будет.

— Шок, — констатировал эльф, обходя мертвых Гончих и вытаскивая из их тел свое оружие. — Когда этих тварей выводили, Крон постарался на славу. На эльфов они оказывают

шоковый эффект, во всяком случае, при первой встрече с ними. Ты не можешь сопротивляться, не в силах сражаться, ты почти что парализован. Те, кто бьются с ними часто, могут пересилить себя, но те, кто встречается впервые, обычно не в состоянии даже руку поднять. Так что Рада очень хорошо справилась, даже смогла оказать сопротивление. — Алеор вытащил из тела Гончей свой меч и принялся тщательно отирать его о шкуру убитой твари. — Думаю, это из-за того, что эльфийского в ней — только цвет волос.

— Почему же тогда с тобой ничего не случилось? Ты уже встречался с ними? — Лиара спохватилась и принялась аккуратно поливать водой ладони Рады. На них виднелись глубокие рваные раны, но судя по ее ощущениям все кости были целы.

— Пару раз, — расплывчато отозвался эльф. — К тому же, я потомок Ирантира, его проклятая кровь течет в моих жилах. Вряд ли эти Гончие страшнее Тваугебира.

Лиара придерживалась совершенно иного мнения. Она вообще не верила в то, что эти твари реальны, во всяком случае, до сегодняшнего дня. Редко в каких сказках и песнях упоминалась Свора во главе с Псарем или Пастырем Ночи, как их иногда называли, и сказания эти были такими же старыми, как сказки об Эвилид или Крылатой Гвардии Крона. Вживую их не видели в Этлане очень давно, даже в Хмурых Землях.

— Так почему же сейчас? — подумала она вслух, и вздрогнула, когда Алеор ответил:

— Мне тоже очень хотелось бы это знать. Сколько усилий затратил Сети'Агон для того, чтобы протащить этих тварей сюда так быстро, да еще и троих! И все затем, чтобы уничтожить нас. — В голосе его прозвучал невысказанный вопрос, и Лиара невольно обернулась к эльфу. Он стоял возле костра, окруженный отблесками пламени, и лицо его было задумчивым и отрешенным. — Или не уничтожить, — добавил он, уже почти что для самого себя, так тихо, что Лиара едва расслышала.

Она открыла рот для того, чтобы подробнее порасспросить эльфа, но тут издали раздался какой-то вскрик. Обернувшись на звук, Лиара заглянула прямо в глаза капитану стражи. Тот стоял чуть в стороне, у самого края дороги, и, открыв рот и безмолвно двигая челюстью, смотрел на трех поверженных Гончих и методично вытирающего меч Алеора, а за его спиной толпились его стражники с таким видом, будто готовы были прямо сейчас убежать прочь отсюда, куда глаза глядят.

— Что?.. — голос капитана дрожал. Он указал трясущейся рукой на поверженных тварей и не смог издать больше ни звука.

— Это? — Алеор вопросительно ткнул острием меча лежащий подле его ног труп. — Это — Гончие Тьмы, и их послали за женщиной, которую вы преследуете. Вы все еще хотите захватить ее? Или просто уедете прочь?

Рада вновь громко чихнула, да так, что едва не вывалилась из седла, и Лиара вырвалась из воспоминаний, рассеяно оглядываясь по сторонам. Ехавший впереди Алеор громко хмыкнул в ответ и поинтересовался:

— Какие еще загадки прячутся в тебе, Радушка? Помимо того, что ты спишь, ешь в три горла и абсолютно ничего не чувствуешь в окружающем мире, ты еще и болеть научилась? Может, это нам стоит взять у тебя пару уроков, каково это — быть человеком?

— Отстань, — глухо пробурчала Рада, еще глубже натягивая капюшон. — И без тебя тошно.

Эльф только усмехнулся и отвернулся, глядя на укрытую завесой мороси дорогу впереди. А Лиара, бросив на него укоризненный взгляд, подвела Звездочку поближе к черному кусачему жеребцу Рады и тихонько спросила:

— Как твои руки?

Несколько секунд под капюшоном было тихо, потом Рада все-таки повернулась к ней и недовольно проворчала:

— Болят.

— Разрешешь мне посмотреть? — Лиара осторожно потянулась к ней, и Черный Ветер, поколебавшись, показала ей ладони.

Из-за сырости повязки, которые они наложили на поврежденные участки кожи, размокли, и толку от них было не слишком-то много. Лиара тщательно осмотрела потемневшую ткань (Рада уже успела где-то изгваздать бинты, и теперь они были похожи на поношенные грязные портянки), однако, свежей крови на них не выступило, и это уже было хорошо. Тихонько вздохнув, она прикрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь почувствовать раны Рады.

Это походило на болезненно пульсирующий алый огонек в темноте. Заразы или нагноения Лиара внутри не чувствовала, однако все равно раны затягивались слишком медленно, и им был нужен хороший уход, а не то, чем они перебивались сейчас.

После нападения Гончих Тьмы эльф гнал их вперед почти что без отдыха, останавливаясь лишь затем, чтобы Рада могла поспать, и неустанно ворча, что из-за нее у них вечно одни трудности. Он постоянно оборачивался назад, иногда возвращался, проверяя, не идет ли за ними кто-то еще, иногда отъезжал в лес и осматривал окрестности, выискивая птиц, которые могли следить за ними по указке Птичника. Лиара никакой угрозы не чувствовала, однако эльф все равно беспокоился, не слишком-то полагаясь на ее чутье. И она поняла, почему, когда он мимоходом помянул, что Псарь способен переместить Гончих Тьмы прямо им за спины или в любое другое место в любой момент времени, используя переход через Грань между миром живых и миром, где обитали тонкие сущности и духи. Лиара не слишком-то много знала об этом, но Алеору поверила на слово, а потому тоже принялась озираться.

Ночевали они в лесах, несмотря на то, что возможность остановиться в таверне была. Лиара не стала никому из них говорить о том, как сжалось ее сердце, когда Алеор впервые предложил переждать ночь на постоялом дворе. Беда шла за ними по пятам, преследовали именно их, и одна мысль, что они могут навести Гончих на ни в чем не повинных людей с постоялого двора, внушала Лиаре настоящий ужас. Однако, Рада будто бы слышала ее мысли и сразу же отвергла такую возможность, заявив, что не собирается нести ответственность еще и за смерти гостей и обслуги постоялого двора, если Гончие рискнут напасть на него, достаточно с нее обвинений в смерти короля Мелонии. Лиаре оставалось только гадать: на самом ли деле она просто боялась еще сильнее очернить свое имя или ей просто не хотелось при Алеоре выказывать жалость к невинным людям. От первого варианта в груди все почему-то сжималось, и к горлу подступала такая тоска, что выть хотелось. Ты же чувствуешь, какая она. Искристая, звонкая, веселая. Она просто хочет уберечь этих людей от смерти, а не выставляется перед своим другом. Лиаре очень хотелось верить, что это именно так, а почему — она и сама не знала.

Естественно, что ночи на промозглой земле не прошли для Радиных раненых рук даром. Им нужно было тепло и хорошая мазь, а не та вонючая дрянь, которую выдал ей Алеор, мимоходом помянув, что она прекрасно заживляет проплешины на боках лошадей. Сейчас Радины большие мозолистые ладони в ее руках казались Лиаре слишком холодными, и внутри родилась горькая нежность. Лиара тихонько попросила за нее у Великой Матери,

взмолившись, чтобы боль стала хоть чуть-чуть меньше, а потом собрала из воздуха самые теплые нити, которые в нем еще остались, и окружила ими ладони Черного Ветра, отогревая их в колыбели из своих рук.

— Кажется, мне уже легче, — негромко кашлянув, пробормотала рядом Черный Ветер и убрала руки. Вид у нее при этом был какой-то сконфуженный.

Эта сильная женщина никогда не принимала чужую помощь, словно могла со всем справиться сама. И Лиаре казалось, что в один прекрасный день это запросто может довести ее до беды. Я буду рядом, чтобы этого дня никогда не настало, — твердо пообещала она сама себе. Она защищала меня и не раз, и я буду рядом, когда ей самой понадобится защита.

Правда, жестокий шепот в груди вкрадчиво шептал ей, что толку от нее маловато. Вон, во время нападения Гончих застыла столбом и ничего не смогла сделать, пока Алеор не убил всех трех тварей. И его слова о том, что это было лишь отравляющее влияние ауры собак, ее нисколько не утешило, внутри все равно алым угольком тлел стыд, пуская по телу волны неприятной слабости и раздувая чувство вины. Что бы я ни делала, а все от меня никакого толку, — тяжело вздохнула Лиара, отводя взгляд от Черного Ветра и глядя вперед. Я только обуза для нее и ничего больше.

Дождливый серый день тянулся бесконечно долго, и казалось, что ни конца, ни края ему не будет. Солнце медленно ползло по небу где-то за облаками, и ничего вокруг не менялось, лишь иногда путники слегка сдавали к обочине, когда навстречу им в сторону Латра проезжали груженные всевозможным скарбом караваны купцов. Лиара в такие моменты старалась держаться как можно ближе к краю дороги. Все ее воспоминания, связанные с купеческими охранниками и торговцами, были не слишком-то приятными, и от них ее тоже крапивой жег стыд. Что только ни предлагали маленькой эльфийке огрубевшие от тяжелой работы и долгого пути наемники, и она никогда не находила в себе сил для того, чтобы хоть как-то противостоять им, а только трусливо опускала глаза и убегала прочь под их веселый хохот.

Незаметно начало темнеть, гораздо раньше положенного срока из-за затягивающих небо туч. Серые сумерки сменили точно такой же серый день, но Алеор не спешил останавливаться, все погоняя и погоняя лошадей. Обычно, он разрешал привал только далеко за полночь, когда уже совершенно опустошенная от усталости Рада почти что валилась из седла. И сегодняшней вечер не был исключением.

Окончательно стемнело, и теперь вокруг них была лишь ночь и тихое шуршание листьев. На дороге не осталось путников: все разбрелись по постоянным дворам и гостиницам, грея замерзшие кости у огня. К ночи похолодало, поднялся ветер, и его резкие порывы теперь дергали их за плащи, трепали волосы, пуская волны холода под насквозь вымокшую одежду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Алеор, может, сегодня сделаем исключение? — глухо прозвучало рядом из-под капюшона. — Если я просплю еще одну ночь по уши в грязи, боюсь, к утру вы меня уже не выловите из нее.

— Это была твоя идея — не заезжать на постоянные дворы, — равнодушно отозвался спереди эльф. — Так что тебе и решать.

Рада рядом глухо закашлялась, и Лиара с трудом подавила в себе порыв протянуть руку и придержать ее за плечи. Помочь это никак не могло, но хотя бы немного поддержало бы ее. Равнодушие эльфа иногда становилось невыносимым, но сейчас он хотя бы стал меньше

ерничать. Судя по всему, битва с Гончими несколько умерила голод Тваугебира. Во всяком случае, лицо эльфа вновь приобрело нормальный оттенок, а лихорадочный огонек ушел куда-то в густую тень ресниц, лишь изредка поблескивая изнутри маленькой алой точкой. Хоть что-то хорошее есть во всем этом.

— Тогда ищи постоянный двор, — проворчала Рада. — Мне нужен хороший горячий ром с травами и домашнее рагу. Глотать твою постную кашу я больше не в состоянии.

Алеор ничего не ответил, лишь копыта его коня продолжали мерно цокать впереди, да покачивалась из стороны в сторону его широкая спина. Наверное, он тоже устал, подумалось Лиаре, хоть эльф ничем и не выдавал этого. Вот только она видела, что все ночи напролет он рыщет по лесу вокруг их лагеря, выискивая чужие следы и охраняя их сон, а в грезы уходит не более, чем на четверть часа, да и то, в то время, когда они с Радой уже на ногах. По своему этот странный наемник заботился о Раде и ее безопасности, но это было чересчур похоже на заботу дикого хищника, еще не решившего для себя, стоит ли ее сжирать или нет.

Перспектива провести ночь в теплом сухом помещении у огня, пусть и в окружении незнакомых людей, слегка приподняла настроение Лиары. За последние два дня она несколько пересмотрела свои взгляды на путешествия: хоть дождь и не слишком мешал ей, но от постоянной сырости и холода настроение было не слишком-то хорошим, а растянуться в грезе на земле теперь было проблематично, и ей приходилось делать это сидя, что давало меньше отдыха. Она чувствовала в теле противную тянущую слабость, и постепенно желание поесть горячего и переночевать под крышей стало сильнее, чем страх навлечь беду на невинных людей. Лиара ругала себя за это последними словами, но поделаться ничего не могла. Кану Защитница, только об одном прошу тебя: не дай мне стать жесткой и черствой, как Алеор! Сохрани во мне свой свет и не оставь во мраке!

Когда впереди среди деревьев мелькнул приглушенный золотой огонек фонаря, Лиара услышала, как рядом облегченно вздохнула Рада. Она и сама готова была едва ли не плясать от радости: промозглый ветер рвал плащ, она продрогла до костей, да и мрачный лес шумел вокруг, нагоняя уныние. Алеор не сказал ни слова, но коня прищпорил, и уже буквально через четверть часа они вошли в полутемное, пропахшее дымом, людским потом и дешевым элем помещение таверны.

Лиара не любила подобные места: здесь было слишком душно и шумно для нее, а все люди казались какими-то темными, словно весь свет радости вытекал из них в оббитые глиняные кружки с пойлом по мере того, как это самое пойло втекало в них самих. В эти места приходили, чтобы забыться после тяжелого дня, чтобы просадить в кости последние деньги или поглядеть на ноги какой-нибудь танцовщицы, отплясывающей на возвышении в дальнем конце зала. И энергетика стен хранила лишь это: людскую усталость, равнодушие и настойчивое желание острых ощущений.

Она поглубже завернулась в свой мокрый плащ, стараясь скрыться от глаз сидящих в общей зале посетителей, а Рада наоборот отбросила капюшон и тряхнула потемневшими от воды волосами, довольно крикнув:

— Ну наконец-то! Хоть где-то в этом мире еще осталось тепло и сухость!

Зал был наполнен примерно наполовину, но шуму все равно было предостаточно. Стучали по столам кружки, по тарелкам и ковшикам — ложки, гомонили люди, и их голоса превращались в один единый рев, так резко контрастирующий с тишиной шуршащего дождем леса, что Лиара непроизвольно поморщилась, испытывая желание заткнуть уши. Из угла доносилась дрянная музыка: два паренька играли на изрядно расстроенной гитаре и

давно прохудившемся барабане. Вот только от двух ревущих каминов тянуло теплом, а из кухни, откуда то и дело выскакивали служанки в белых передниках, сильно пахло горячей свежей едой, и Лиара услышала, как тихонько забурчал ее пустой желудок.

Алеор старался как мог, но та стряпня, которую он мог им предложить в походных условиях, была далеко не лучшего качества. К тому же, они с Радой ели только кашу с мясом, не признавая овощей и кривя носы прочь от ароматных трав, которые могли хоть как-то разнообразить одну и ту же похлебку. И еще — очень сильно перчили еду, отчего у Лиары после еды еще несколько часов рот горел, как печка. Здесь же пахло чем-то наваристым и ароматным, и к запаху мяса явно примешивался тонкий терпкий аромат кинзы.

— Идите к огню, грейтесь, — кивнул головой Алеор. — А я пойду переговорю с хозяином.

Взвесив на плече их седельные сумы, эльф направился напрямиком к барной стойке, за которой суетился толстый лысыватый мужчина в белом переднике. Лиара заметила, что когда он проходил мимо столиков, посетители отводили глаза, утыкаясь в свои тарелки и кружки, причем делали это неосознанно.

Она заробела, теребя в пальцах край плаща, и Рада легонько подтолкнула ее, негромко проговорив:

— Пойдем вот туда, искорка. Кажется, там будет хорошо.

И действительно, возле камина оказался один единственный свободный столик как раз на троих и так близко к пламени, что Лиара блаженно вздохнула от наслаждения. Правда вот, на столешнице виднелись тарелки с остатками еды и чья-то кружка, над которой вился ароматный парок.

Рада по-хозяйски отодвинула себе ногой стул и расселась, сообщив:

— Ну, думаю, что со стола просто не успели убрать, а раз так, то чего же пропадать хорошему вину?

Она потянулась к кружке, и тут вдруг из-под стола грозно прорычали:

— А ну кружку поставь, дубина стоеросовая! И зад свой убери к бхаре собачьей с моего стула, а то порежу на мелких эльфийчат, и будешь потом их собирать по всей округе!

Рада замерла с кружкой в руках, дикими глазами оглядываясь по сторонам, а Лиаре вдруг стало так смешно, что она прыснула в кулак, несмотря на усталость и неприятное ощущение от забитой людьми таверны.

— Ну, что застыла? — вновь донеслось из-под стола. — Шевелись, кому говорят!

— А вы, собственно, где? — попыталась уточнить Рада, с окончательным сбитым с толку видом озираясь по сторонам, и хохот перехватил горло Лиары.

— Мать твою, бестолковая бессмертная дубина! — прорычали снизу, и Рада все-таки додумалась нагнуться и заглянуть под стол. Посмотрела и Лиара, и ее смех моментально оборвался.

Под столом сидела на корточках маленькая гномья женщина, копаясь с завязками почти что квадратных тяжелых ботинок. Судя по всему, она только что приехала в гостиницу, потому что вода с ее насквозь промокшей одежды лила ручьем, и на полу уже набралась целая лужа. Гномиха была занята развязыванием своих шнурков, поэтому ее и не было видно сверху. И вид у нее был крайне хмурый, когда она встретилась глазами с Лиарой.

Воистину, это была самая страшная из всех виденных ею когда-либо женщин. Безобразный шрам пересекал ее левую щеку, оттягивая угол рта вверх в вечном оскале, а черные глаза колючими булавками впились в них с Радой. У нее были крупные черты лица,

тяжелые надбровные дуги и широкая челюсть, стянутые на затылке в хвост черные волосы. Одета гномиха была в коричневую куртку и такие же штаны, а ее едва намеченную талию перетягивал широкий ремень со множеством кармашков и тремя ножами в длинных ножнах. За ее плечами торчали скрещенные рукоятки боевых топоров.

Рада моргнула, глядя ей в глаза, и брякнула:

— Доброго вечера под очами Грозара!

— Недоброго, — проворчала в ответ гномиха. — Я так понимаю, что уши ты свои забыла там же, где твой папочка тебя и делал. Зад свой подними с моего стула и проваливай, пока цела!

— Слушай, я же не знала, что это твое место, — развела руками Рада. — Со стороны-то не видно...

— Сейчас и прямо тоже видно не будет, — замогильным тоном сообщила гномиха и поднялась с места.

Вид у нее был такой, что Лиара непроизвольно отступила на шаг и обернулась в поисках Алеора, но он уже был тут как тут. И в очередной раз уже за недолгое время их знакомства эльф привел ее в абсолютный ступор, раскинув руки и радостно воскликнув:

— Улыбашка! Боги! Ты же должна ждать нас в Онере!

— Тебя пока дождешься, десять детей родить можно, — буркнула в ответ та, но лицо у нее как-то потеплело, да и широкие плечи расслабились. — Вот я и поехала навстречу.

Она выпрямилась и протянула Алеору ладонь, которую тот крепко пожал. Выглядело это очень по-дружески, но при этом донельзя комично: эльф был в буквальном смысле в два раза выше коренастой гномихи. Голова той едва поднималась над столом, но зато сама она была едва ли не в полтора раза шире изящного и стройного наемника.

Сплюнув на пол, гномиха недобро глянула на так и застывшую за столом Раду. Из-за кривого шрама выглядела она донельзя страшно: пол лица скалилось в улыбке, а вторая половина обещала смерть.

— А эти две кобылы бессмертные с тобой что ли? Должна же была быть одна.

— Да, — кивнул Алеор. — Та, за которой я ездил, вот сидит. Думаю, ты слышала о ней, это Рада Черный Ветер. — Гномиха слегка прищурилась, разглядывая Раду, и на лице ее появилось задумчивое выражение. — А это, — взгляд черных глаз переместился на Лиару, и она затопталась на месте, моментально пожалев о своем дурацком смехе в самом начале разговора, — Лиара Морин, наша арфистка.

— Арфистка? — недоверчиво вздернула бровь гномиха. — Зачем? Ты собрался Червям в Пустых Холмах серенады петь?

— Вот она откроет рот, тогда и поймешь, — доверительно сообщил Алеор и посмотрел на них с Радой. — Представляю вам четвертого участника нашего похода на Запад. Это Вирра Улыбашка из Детей Камня, прошу любить и жаловать.

— Из Дочерей Камня, — хмуро поправила его гномиха, бросив на эльфа недовольный взгляд. — Сколько можно ошибаться? Дети Камня — мужское сообщество, и они отличаются от нас даже внешне, Алеор, у них бороды есть!

— Поверь мне, я не ошибся, — Алеор отечески похлопал ее по плечу, и гномиха только проворчала сквозь зубы что-то неразборчивое, а потом неприветливо глянула на Раду.

— Слыхала я о тебе, Черный Ветер, от пиратов в Алькаранке. Да и по городу тоже много говорили, только описывали... иначе. — Она пожала могучими плечами и протянула ладонь: — Будем знакомы. Не обижайся за мою речь, просто откуда ж мне знать было, что

нам дальше вместе ехать?

— Да чего ж обижаться? — Рада поднялась со стула и пожала ей руку в ответ, поморщившись, когда ладонь Улыбашки стиснула раненные пальцы. — И ты тоже не серчай. Я и не думала, что тут кто-то сидит.

На миг в глазах гномихи снова сверкнул вызов, и Лиара подумала, что в очередной раз напоминать ей о ее росте не слишком-то умно со стороны Рады. Но Улыбашка сдержалась и повернулась к ней самой.

— Арфистка, значит, — черные глаза цепко оглядели Лиару, и ей показалось, что за эти несколько секунд гномиха узнала о ней буквально все, начиная от возраста и заканчивая размером ноги. Потом, поколебавшись, Улыбашка протянула ей руку: — Ну здравствуй. Не люблю я Первопришедших, но раз уж ты с Алеором, то значит, дело того стоит.

— Здравствуй, Вирра! — Лиара прожала протянутую руку, чувствуя невероятную неловкость. Гномиха не слишком-то следила за своим языком, и она просто не знала, как в такой ситуации себя вести. Ладонь Улыбашки в ее руке была маленькой, квадратной, но твердой.

— Падайте, — Улыбашка отпустила ее руку и кивнула на придвинутые к столу стулья. — Здесь тепло. И если кто-нибудь из вас успеет перехватить ту длинноногую кобылу, то вам даже вина перепадет.

Лиара аккуратно присела на стул возле стола, откидывая с головы мокрый капюшон и любопытно поглядывая на Улыбашку. Ей приходилось общаться с мужчинами-гномами: кое-кто из них привозил свои товары на рынок Дерана, но женщин она не видела никогда. Лиара почему-то считала, что они не поднимаются на поверхность в «опрокинутый мир», как они называли все, что было над землей, во всяком случае, так говорили ей ее наставницы во время занятий, да и в песнях это тоже пелось. И теперь она видела перед собой самую настоящую живую гномиху, да еще и наемницу, судя по ее устрашающему виду и оружию.

— А я и не знала, что у гномов тоже есть наемнические сообщества, — проговорила Рада, словно вторя ее мыслям, и Улыбашка коротко лающе хмыкнула.

— Если у нас побольше мозгов, чем у головоногих, то это еще не значит, что у нас нет дураков, готовых убивать и грабить за деньги.

— Головоногих? — моргнула Лиара.

— Да, девочка, — Улыбашка покосилась на нее, отхлебывая из своей кружки. — У вас весь мир перевернут с ног на голову, понимаешь? Вверху дыра какая-то вместо сводов, из которой то солнце шпарит, то водища льет, то еще какая-то гадость сыпется. И как вы тут вообще живете?

— Гномам сложно приспособиться к отсутствию камня над головой, — аккуратно заметил Алеор, взмахом руки подзывая женщину официантку. — Тут вон одни деревья, даже пообниматься не с кем, не то, что поговорить.

— Мой дорогой, придется честно признать: вашу любовь к пенькам и белкам нам никогда превзойти не удастся. — Она вдруг широко усмехнулась, отчего улыбка ее стала еще более устрашающей, и взглянула на Раду с Лиарой: — Слыхали шутку про эльфа и белочку?

— Нет, расскажи! — широко заулыбалась Рада, наклоняясь вперед.

— Тебе это не понравится, — предупредил Алеор.

— Я сама разберусь, — огрызнулась Рада, и он равнодушно пожал плечами:

— Я предупреждал.

— Идет как-то эльф через лес и видит белочку, — начала Улыбашка, и в ее хриловатом

голосе появились хитрые звонкие нотки. — Белочка бегаёт по веткам, прыгает, суетится, туда-сюда, туда-сюда. — Гномиха замахала руками над столешницей, показывая, как мечется белка. Лиара поняла, что заинтересовано прислушивается: рассказывала та очень эмоционально. — Эльф встревожился, думает: «Что-то как-то она очень быстро бегаёт, не случилось ли у нее чего? Не помочь ли ей?». Подходит он, значит, к белочке, смотрит на нее и спрашивает: «Белочка, белочка, не случилось ли у тебя чего?» И белочка отвечает: «Случилось, эльф, случилось». А он такой: «И что же случилось у тебя, ненаглядная?». «Орешки свои потеряла, бессмертный, видишь как? Теперь ищу». Эльф разволновался не на шутку, что белочке нужно помочь, и говорит: «А хочешь, я твои орешки для тебя найду?» И белочка ему и отвечает, — Улыбашка выдержала картинную паузу и закончила: — «Ты свои сначала найди, евнух проклятый! Лучше бы ты бабам помощь предлагал, а не белочкам!»

Рада захохотала во всю глотку, как и Улыбашка, смех у которой был какой-то зверски-рычащий. Хмыкнул и Алеор, глядя на них обеих, и одна только Лиара все сидела и думала, что же гномиха имела в виду.

Единственное, что она поняла пока, так это то, что путешествие их впереди ожидало крайне увлекательное.

===== Глава 21. Пламя =====

Вскоре все опасения Лиары по поводу Улыбашки рассеялись. Характер у гномихи оказался гораздо более приятным, чем внешность: чувство юмора у нее было прекрасное, хоть и слегка черноватое, поговорить она любила и рассказывала отменно, пересыпая свою речь прибаутками, всевозможными ругательствами и странными сравнениями, часть из которых Лиара понимала не до конца. От этого внутри неприятно кололась какая-то неловкость, все вокруг смеялись: Рада, почти что лежа лицом на столе и содрогаясь всем телом, Алеор, хмыкая и прыская сквозь стиснутые зубы, и только до нее одной не доходило, что же имеет в виду Улыбашка. Впрочем, гномиху это несколько не смущало. Ее вообще, судя по всему, ничего смутить не могло, во всяком случае, Лиара так думала. Да и ощущение от нее шло странное, но при этом какое-то теплое. Лиара не чувствовала себя рядом с ней чужой, даже несмотря на все ее шутки, откровенно унижающие эльфов. Впрочем, по гномам и людям Улыбашка тоже прошла, и не раз.

А еще ее образ совершенно не вязался у Лиары с теми гномами, которых она встречала за всю свою жизнь. Те были чопорными, холодными, подозрительными, жадными до наживы, и смотрели на весь мир оценивающе, словно только и думали о том, какую выгоду из него можно извлечь. Улыбашка же только скалилась во все свое щербатое лицо, и в ее улыбке не было ничего натянутого, только открытое дружелюбие.

Какие странные люди окружают Алеора. Лиара задумчиво взглянула на эльфа, отпивая из своего кубка сильно разбавленное подогретое вино с пряностями. Сначала мы с Радой, теперь эта гномиха. Такое ощущение, будто он специально отыскивает тех представителей рас, которые не похожи на весь свой народ, одиночек, которых не принимает их общество. Наверное, он и сам такой. Почувствовав ее взгляд, Алеор вскинул на нее свои холодные глаза, и Лиара сразу же потупилась в собственную тарелку. Тот угрожающий огонек Тваугебира в его зрачках так и не погас до конца, оставшись мерцать последним угольком костра. Наверное, ему и самому не сладко с Тваугебиром. Эта тварь отделила его от всего остального мира, сделала великим воином и живой легендой, и при этом отняла у него все. Он ведь совсем один.

Словно ощутив ее настроение, эльф одним глотком допил свой кубок и отодвинул стул,

поднимаясь.

— Час поздний, дамы, а я рекомендовал бы сегодня лечь пораньше. Выезжаем засветло.

— Вечно тебе нейдет, Алеор, — поморщилась Улыбашка, но спорить не стала и кое-как спрыгнула с чересчур высокого для нее стула. — Только я бы еще вшей погоняла перед тем, как идти на боковую. Хозяин поминал, что у них есть купальня.

— Да, это было бы очень кстати, — согласно закивала Рада.

— Ну тогда, пошли, познакомимся поближе, — подмигнула ей Улыбашка и махнула рукой Алеору. — Не бойсь, баб твоих я потом по комнатам разведу. Так что иди себе с миром, древолюб.

— Желаю тебе отыскать достаточно большую бадью, чтобы туда поместиться, — очаровательно улыбнулся ей Алеор, подхватил свои сумки и направился в сторону лестницы на второй этаж.

— Не завидуй! — прикрикнула ему вслед Улыбашка, стискивая ладонями свои широкие крепкие бедра. — Это — достояние всего моего народа, и растила я его не для таких худющих хлыщей, как ты!

Она первой вразвалочку направилась в сторону барной стойки, бросая устрашающие взгляды на сидящих в общей зале гостей, которые рискнули любопытно обернуться на ее возглас. Рада рядом только присвистнула и улыбнулась Лиаре, качая головой:

— Да уж! На этот раз Алеор меня по-настоящему удивил. И зачем нам только может сгодиться гномиха за Семью Преградами?

— Может, она умеет что-то такое, что нам может пригодиться по пути? — осторожно предположила Лиара, глядя на то, как Улыбашка безапелляционно что-то приказывает бармену, сопровождая свои слова вескими ударами кулака по ладони.

— Ругаться, наверное, — в голосе Рады звучало искреннее восхищение. — Такого я поистине в жизни никогда не слышала!

Хозяин попытался было объяснить Улыбашке, что обслуга уже легла спать, и для ванн процедур слишком позднее время, но гномиха пригрозила, что если воды для них не будет, она разденется прямо посреди зала и будет поливать себя подогретым вином, лишь бы смыть грязь. Мужчина побледнел и почти что пробкой вылетел из-за бара, направившись будить двух хмурых пареньков-конюхов. Уже буквально через несколько минут они, позевывая и бросая угрожающие взгляды на Улыбашку, таскали в дальнее помещение гостиницы воду, а они втроем дожидались, когда рабочие закончат.

Лиаре до смерти хотелось выкупаться в горячей воде и смыть с себя всю усталость и холод из костей, однако одновременно с этим внутри росло какое-то странное нежелание идти в купальню. И связано это было с Радой. Почему-то в присутствии широкоплечей золотоволосой эльфийки раздеваться было слишком... трудно. Кровь прилила к щекам, и Лиара потупилась, хоть никто и не мог слышать ее собственных мыслей. Рада была такая красивая! С сильной развернутой спиной, округлыми бедрами и грудью, со стальными мышцами, так красиво перекатывающимися при малейшем движении под бархатной кожей, словно у огромной дикой кошки, подкрадывающейся к добыче. Лиаре нравилось смотреть, как темнеют от воды ее золотые волосы, как сбегают по косточке на затылке маленькие капельки воды, как краснеют от жара губы, а ресницы чернеют, становясь густыми и такими длинными. И на фоне этой женщины, этой шикарнейшей женщины, красивее которой она не видела, сама Лиара казалась себе невзрачной, тощей, маленькой и страшной. Да еще и шрамы эти от кнута на спине. Как она тогда пыталась спрятать их, когда они с Радой в

первый раз мылись в бане! Черный Ветер вроде бы ничего не сказала по этому поводу, но Лиара боялась, что рано или поздно она спросит, а ей совершенно не хотелось рассказывать об этом. Кому захочется признавать, что он слишком слаб и труслив, чтобы попытаться оправдаться против ложных обвинений? Или что он глуп и сболтнул не то, что нужно было?

— Эй, искорка, ты чего там жмешься? — громкий голос Рады вырвал ее из задумчивости, и Лиара вскинула голову. Черный Ветер стояла в дверях купальни и вопросительно смотрела на нее. — Пойдем! Хоть отогреешься по-настоящему! Это, конечно, не баня, но и так сойдет.

— Иду, Рада, — кивнула Лиара, понимая, что удрать у нее все равно уже не получится. А если она начнет придумывать оправдания, почему не хочет мыться, это будет выглядеть уж совсем глупо.

Прекрати уже мяться и раздевайся спокойно! Не будет тебя никто разглядывать! Ей до тебя и дела нет, самой бы отмыться! Эти слова должны были ее успокоить, только вместо этого внутри почему-то стало еще хуже, и на этот раз — грустно. Решительно тряхнув головой, Лиара прогнала все мысли. Это всего лишь купальня и ничего больше. Она взрослая женщина, она путешествует вместе с Тваугебиром и Черным Ветром за Семь Преград, она уже встречалась с Гончими Тьмы, и она не будет бояться раздеться в одной купальне с самой красивой женщиной, которую она видела в своей жизни. Не будет и все.

В небольшом помещении купальни было жарко и влажно. Выложенный коричневой плиткой пол слегка кренился к центру комнаты, где виднелась старая железная решетка, через которую вниз уходила вода. У стен в рядок стояли пять больших медных ванн, в трех из которых курилась парком горячая вода. Возле них на маленьких табуретках лежали аккуратно сложенные полотенца и куски мыла. Натаскавший воды паренек напоследок поставил на полку над ваннами две масляные лампы, а потом удалился, нарочито громко хлопнув дверью.

— Вот ведь таракан! — проворчала ему вслед Улыбашка. — Должен был благодарить за выдавшийся ему шанс услужить трем дамам, а этот не с той стороны выродившийся еще и морду кривит! Не видать ему золотого как своих ушей. — Энергично потеряв друг о друга ладони, гномиха развернулась к ваннам. — Ну а теперь, девчонки, можно и грязецу смыть!

Оказалось, что Улыбашка была не так уж и толста, как казалось на первый взгляд. Возможно, все дело было в том, что Лиаре никогда не приходилось видеть обнаженных женщин гномов, как и женщин гномов вообще. У коренастой гномихи было крепко сбитое тело, состоящее из одних только мышц, мощные руки и ноги, и даже талия, которая пряталась под многими слоями теплой одежды. С урчанием она нырнула в горячую ванну с водой, но не забыла перед этим пристроить свои топоры поближе к себе, чтобы иметь возможность сразу же выхватить оружие, если это будет необходимо.

Лиара раздевалась быстро и слишком лихорадочно, ругая себя при этом последними словами. Сама же себе обещала, что не будет робеть при Раде, да вот только руки не слушались, пальцы почему-то дрожали, и было так жарко, словно ее живьем в кипятке варили. Она старалась вообще не смотреть по сторонам, но при этом буквально всеми порами тела слышала тихий шорох, с которым соскальзывает рядом с тела Рады ее одежда, и от этого кровь прилиwała к голове, а по телу расплзалась странная сладковатая слабость. Юркнув в ванну и уйдя в горячую голову почти что с головой, Лиара сердито принялась умываться, да вот только как смыть с щек выступивший румянец? Сейчас с ней творилось что-то не то, уж точно не так она должна была чувствовать себя в присутствии этой

женщины. Да и вообще какой-либо другой женщины на свете. Ей всегда говорили, что мужчины вызывают у женщин похожую реакцию, только у Лиары, как всегда, все было совершенно наоборот. Наверное, это все стресс. Просто слишком много событий происходит за последнее время, я толком не отдыхаю, а Рада так заботится обо мне, что у меня возникает естественное чувство благодарности к ней, вот в этом-то и все дело. Только вот дрожащая слабость в ногах и превратившиеся в желе внутренности вовсе не походили на естественное чувство благодарности. А то, как пережимало сердце, когда Рада в соседней ванне громко вздыхала от наслаждения, поливая себя из ковшика почти что крутым кипятком, заставило Лиару сжать зубы от злости. Совсем ума лишилась! Пропадающая ты душа, она же женщина! И ты ей уж точно совершенно не интересна!

— Искорка, а хочешь, я тебе спинку потру? — послышался голос Рады рядом, и в нем не было совершенно ничего, кроме дружеского расположения. Лиара поняла, что сейчас просто умрет: то ли от стыда, то ли от расстройства.

— Нет, спасибо! Я сама! — выпалила она, вновь принимаясь отмывать лицо: лишь бы был повод закрыть глаза и не смотреть в ответ на Раду.

— Где ты подобрала этого котенка? — хрипловато спросила Улыбашка. — Как-то не похожа она на тех, кто обычно соглашается участвовать в затеях Алеора.

— Она мне жизнь спасла в Латре, — отозвалась Рада. — Когда пара лорденышей наняла наемника, чтобы пырнуть меня ножом.

— Это случайно не те двое, которые сейчас мертвы?

— Они самые, — в голосе Рады послышалось мстительное удовольствие.

— Так, значит, правду говорят, что ты, стало быть, порешила их, а вместе с ними короля и Лорда-Протектора? — хмыкнула Улыбашка.

— Только их. Остальных просто мне приписали, но на самом деле я их не убивала.

Лиара слушала вполуха, намыливая голову и стараясь смотреть только перед собой на собственные торчащие из воды колени, на которые падали хлопья мыльной пены.

— Ну, я так и подумала, — удовлетворенно отозвалась гномиха. — Ты уж прости, Черный Ветер, но при всем моем уважении ты не выглядишь как человек, способный убить короля с Лордом-Протектором.

— Это почему это? — сразу же нахохлилась Рада.

— Сразу видно, что тебе до политики, как Алеору до щенят. А зачем еще резать короля, если не из этих соображений?

— И то верно, — согласилась Рада.

Некоторое время они обе молчали, сосредоточенно намыливаясь, и Лиара выдохнула, благодаря за это богов. Теперь даже от низкого голоса Рады с перекатывающимися в нем рычащими нотками ее бросало в дрожь. Возможно, все дело было в том, что они сидели рядом абсолютно обнаженные, разделенные буквально какой-то парой метров пространства... Прекрати! Сожги тебя Грозар, прекрати! Она набрала в рот побольше воздуха и нырнула с головой в воду, чтобы смыть мыло с волос.

Когда Лиара вынырнула на поверхность, стало гораздо легче. Во всяком случае, ей попало в глаза мыло, и теперь их зверски щипало, что отвлекало ее от назойливых мыслей о Черном Ветре. Но тут Рада заговорила, и Лиара невольно прислушалась:

— Слушай, а как вы вообще познакомились с Алеором? Я никогда не слышала, чтобы он бывал в Рудном Стяге или где-то еще в подгорных царствах.

— Ну, естественно! — хмыкнула Улыбашка. — Откуда ж тебе это слышать? Что

происходит в подгорных царствах, то там и остается. А что касается нашего знакомства... — Она на некоторое время замолчала, словно подбирая слова. — Около восьмидесяти лет назад неподалеку от Утворна, столицы того, что вы зовете Рудным Стягом, начались некоторые проблемы. У нас там еще с Первой Войны поселился Дракон-От-Тьмы...

— В горах?! — почти что взвизгнула Рада. — Под землей?!

— Ну да, — отозвалась Улыбашка. — Черви они и есть черви, вечно ввинчиваются в самые узкие щели, особенно если ты этого совсем не ожидаешь! — она захохотала, и Рада вместе с ней. Лиара опять разозлилась, чувствуя, что не понимает, о чем они. Отсмеявшись, гномиха продолжила. — Ну так вот, один так и сидел под землей с самой Первой Войны. Сам он о себе не слишком много рассказывал, но деды помнили, как он появился, так что все знали, почему он там сидит. Якобы Король Солнце когда рвал Кронову армию на куски, неплохо так намял ему бока, и тот слинял в горы, под шумок, и залег там, надеясь, что Сети'Агон и не прочухает, что он жив остался. И похоже было, что деды не брехали: одно крыло у него все в локуты было, как задница пирата, попавшего к неправильным шлюхам.

— Видала я одного такого как-то! — хмыкнула Рада из ванны. — А дракона-то как звали?

— Дарот Огнепастый, огнем он дышал. Естественно, что гномы прозвали его Огнезадым, и ему пришлось это стерпеть, знаешь ли, потому как недалеко от правды они ушли! К тому же, двигаться-то он особенно не мог, а огонь на гномов не действует, так что перевес был на нашей стороне. — В голосе Улыбашки послышалась гордость за свой народ.

— И что вы с ним сделали? — любопытно спросила Рада.

— Да ничего. Он застрял в одной пещере: ни туда, ни сюда, да еще и крыло это драное, улететь-то все равно не сможет. И как только гномы его нашли, ему предложили выбор: или он сотрудничает и соглашается помогать нам ковать оружие и делать брони, отдавая подобру-поздорову свою чешую, или отправляется к праотцам извиняться за недостойное поведение, и чешую его мы забираем сами. Ты же знаешь, у них, если от панциря по кусочку отколупывать, то со временем они снова отрастают. В общем, Огнезадым оказался не дурак и решил сотрудничать, а чтобы он не передумал и не удрал куда-нибудь, мы заложили лаз, через который он под гору и влез. И вот так и шелушился он для нас последние семь тысяч лет, исправно так шелушился, на всех хватало. А пару лет назад взял и сбрыкнул: нет, говорит, хватит с вас, вы и так уже три панциря с меня перетаскали. Фризз Гранитный Кулак — не тот гном, с которым можно такие шутки проворачивать, потому он собрал ребят покрепче, снарядил их, да и отправил поговорить с драконом и объяснить ему, почему он все попутал, и что ему делать дальше. Те пришли к нему в тоннель, глядь: а там нет никого.

— Да куда ж он делся-то? — удивленно спросила Рада. — Ты ж говоришь, что он застрял, и выхода не было.

— Мы тоже так думали, — сумрачно отозвалась Улыбашка. — Да только оказалось, что все это время он сидел под горой и потихоньку дышал огнем на заднюю стену пещеры да лапами ее скреб. Поплавит-поплавит, потом весь шлак отгребает в сторону. Так и выкопался наружу. А мы ничего не видели, потому что он своей громадной задницей закрывал весь проход, да никому и не приходило в голову обходить его со всех сторон и смотреть, что он там делает. Одним словом, у нас был договор, и Огнезадым сбежал, нарушив его. Вот тогда-то Фризз и послал за Алеором.

— Грозар, только не говори мне, что вы вернули назад в свои тоннели Дракона-от-Тьмы! — почти что вскрикнула Рада. — Люди несметные богатства отдадут, чтобы только

избавиться от своих драконов, тех, что еще остались! А вы своего назад приволокли только потому, что он вам оружие делал?!

— Ну да, — равнодушно отозвалась Улыбашка. — А люди — идиоты. Драконы — твари хитрые, но если его к стенке припереть, то сотрудничать он будет. Потом ты сама прекрасно знаешь, сколько стоит броня из драконьей чешуи. Никто не согласится терять такие барыши.

— А вы, коротышки проклятые, все эти тысячи лет дурили нам головы, что у вас остались запасы чешуи еще со времен Талуги! — в голосе Рады звучало искреннее восхищение. — И продавали чешую Огнезадного по баснословным ценам, клялись, что она древнее Кроновой бабушки!

— Ну, и где мы наврали? — с угрозой заворчала Улыбашка. — Да, это чешуя на нем со времен Талуги, да, она очень редкая и поверь мне, она стоит этих денег! А если ты так не думаешь, то можешь сама попробовать заловить дракона и заставить его выдавать тебе чешую каждый раз после линьки! И если у тебя это получится, то я согласна взять назад все свои слова, сказанные о глупости эльфов за всю мою жизнь! И извиниться перед каждым проклятым древолюбом, которого я когда-либо оскорбляла!

— Думаю, на это уйдет весь остаток твоей жизни! — от души засмеялась Рада. — Ладно, твоя взяла! С драконом вы действительно хорошо придумали, признаю. Только вот в толк не могу взять, как Алеор умудрился его выловить и приволочь обратно.

— О, а вот это уже — издержки профессии, тут я тебе ничего не могу сказать, — в голосе Улыбашки зазвенело восхищение и гордость. — Что именно он сделал, даже я не знаю. Мы с ребятами получили от ФриZZа задание найти его и договориться, чтобы за любую награду он приволок Огнезадного обратно в горы, так мы и познакомились. Потом он заявил нам, что награду назначит сам и что всегда работает один, и просто ушел. Через неделю дракон был на месте.

— И как он выглядел? — поинтересовалась Рада.

— Честно говоря, хреново, — захохотала Улыбашка. — Даже сам зарыл собственный тоннель, который выкапывал, чтобы сбежать. И заявил, что проживет у нас остаток своей жизни, не так уж ему и плохо здесь жилось все это время. ФриZZ остался очень доволен работой Алеора и не поспешил на награду. Я не знаю точно, что Алеор попросил, однако они заперлись во дворце ФриZZа на два месяца и не выходили из его кузницы все это время. Рабочие подносили туда еду утром, а вечером забирали пустые подносы. И все это время слышали оттуда звон молота о наковальню. Только на шестидесятый день это прекратилось, и еще сорок дней оттуда доносилось только одно: крики.

— Крики? — переспросила Рада.

— Да, — кивнула головой Улыбашка, и что-то такое было в ее тоне, что Лиара поежилась и рискнула все-таки посмотреть в ее сторону. Улыбашка заняла дальнюю ванну, и Лиара видела ее поверх головы Рады, изо всех сил стараясь игнорировать ее рельефные, покрытые шрамами плечи, торчащие над краем ванны. Из ванны гномихи виднелась только ее голова, Улыбашка хмурилась, сдвинув густые черные брови к носу. — Алеор орал дурным голосом сорок дней к ряду. Я не знаю, что там с ним делал ФриZZ, но вышел он оттуда на сотый день бледный как смерть, худой как палка, шатаясь и едва ноги переставляя. А в руках у него был его меч, тот самый, с черным клинком. — Улыбашка покачала головой, хмуро глядя перед собой. — Там должна была быть какая-то волшебба, потому что в этом мече — громадная сила, в нем дышат горы и течет кровь моего народа. И еще — кровь Тваугебира. Так что я даже не хочу ничего знать о том, как это все получилось.

— Ну ладно, — поежилась в своей ванной Рада.

— Фризз приказал нам вывести эльфа из гор и проводить его до Озерстража, к Бернарду Эрахиру, чтобы с ним по дороге ничего не случилось, уж больно он слабый был. Почти что месяц мы его несли на носилках, потому что даже в седле он сидеть не мог, а потом еще месяц тащили на собственных плечах. Оклемался он только уже у самого Озерстража, но ни слова нам не сказал о том, что с ним сделал Гранитный Кулак. С тех пор-то мы и знакомы и иногда работаем вместе, когда моя помощь может ему пригодиться.

— Ну ничего себе! — задумчиво проговорила Рада. — Я даже представления не имела об этом.

— А откуда тебе знать? — пожала плечами Улыбашка. — Что происходит в подгорном царстве, то там и остается. Камень молчалив, Рада, сама знаешь.

— И теперь, получается, ты согласилась идти с ним за Семь Преград? — Рада откинулась в ванной, прислонившись затылком к ее бортику, и Лиара поспешно отвернулась, проклиная свои глаза. На внутренней стороне век отпечатались ее шея, покрытая крупными каплями воды. — И почему же вдруг приняла такое приглашение?

— Ты шутишь что ли? — хмыкнула Улыбашка. — Отказаться путешествовать с легендарным Тваугебиром за Семь Преград? Ты будешь дураком, если примешь это приглашение, и вдвойне дураком, если откажешься! Естественно, я пошла.

— Примерно теми же соображениями руководствовалась и я, — промурчала Рада, нежась в горячей воде.

Краем глаза Лиара видела ее перемотанные бинтами ладони, свешивающиеся через края ванны. И внутри у нее все переворачивалось вверх тормашками. Ей бы нужно было помочь Раде помыться; раны на ее ладонях только-только взялись, и тревожить их сейчас, размачивая в горячей воде, уж точно не стоило. Только внутри ревел такое пламя, а тело казалось горячим как печка, что она не могла найти в себе сил даже подняться из воды, даже открыть рот и предложить свою помощь. До чего же ты бессовестна! Она нуждается в твоей помощи, она совершенно бескорыстно и честно идет к тебе навстречу, предлагает свою помощь, защищает тебя, а ты думаешь о ней в ТАКОМ ключе! Боги, не зря мать оставила тебя в том приюте! Мера твоей неблагодарности и испорченности...

Какое-то странное ощущение возникло внутри, и Лиара моментально замерла, выбросив прочь из головы все мысли. Что-то приближалось к ним, что-то слишком знакомое...

— Я смотрю, у вас тоже по дороге что-то случилось, — тем временем проговорила Улыбашка. — Руки у тебя, будто ты ежей купала!

— Да, — ответила Рада. — Мы встретились с...

— Гончие Тьмы! — вскрикнула Лиара во весь голос, хватаясь руками за края ванной и пытаясь выбраться из нее. Как назло пятки заскользили по мокрому жбану, и она все никак не могла зацепиться понадежнее, чтобы вылезти из воды.

— Зачем так кричать, искорка? Я же и говорю об этом, — удивленно взглянула на нее Рада.

— Нет же! — ноги наконец-то нашли опору, и Лиара одним движением выпрыгнула из ванны, бросаясь к своей одежде. — Гончие Тьмы! Они здесь!

В следующий миг откуда-то издали донесся пронзительный женский крик и грохот. Лиара тоже вскрикнула, скорее по инерции, сжимаясь в комок от страха. Оглушительное рычание наполнило здание гостиницы, смешиваясь с отчаянными криками людей и грохотом ломаемой мебели.

— Прячься, искорка! И не лезь вперед!

Железные руки Рады просто отодвинули ее в сторону, а сама женщина, кое-как успев натянуть на мокрое тело штаны и рубаху, встала напротив двери, держа перед собой меч, который она привезла из поместья Гелата. Она снова закрывает меня собой! Как в первый раз! В груди стало горько, но Лиара не успела ничего сделать.

Что-то ударило в запертую изнутри дверь купальни, да так, что дверная рама со скрипом прогнулась внутрь, и в воздух взлетела целая туча пыли и побелки.

— Бхару твою за ногу! — прорычала Улыбашка, шлепая мимо Лиары босыми ногами. Она была абсолютно голой, но в руках держала оба своих топора. — Какую еще дрянь вы с собой привели?!

Со второго удара дверь сорвало с петель, и Лиара замерла, в бессловесном ужасе глядя на то, как громадная черная бестия с окровавленной пастью и горящим ненавистью глазом всовывается в дверной проем. Только на этот раз Рада не растерялась.

Она двигалась не настолько быстро, как Алеор, но все равно достаточно. Прыгнув с места вперед, она клубком вкатилась прямо под лапы твари, и нанесла мощный удар снизу вверх. Зверь взвизгнул и цапнул зубами, и прямо на глазах Лиары у него из пасти вырос длинный изогнутый клинок Рады, вбитый ему под нижнюю челюсть.

Черный Ветер зарычала, проворачивая клинок и с силой выдергивая его обратно. Зверь вновь завизжал, скребя лапами, а в следующий миг прямо в его желтый зрачок вошел с силой брошенный Улыбашкой топор. Лиара почувствовала, как от тошноты все внутри нее выворачивается наизнанку, но не смела даже моргнуть или отвести глаза. Одна единственная мысль о том, чтобы отвернуться от еще живой Гончей Тьмы, вызывала почти что судороги.

Пес заскреб лапами, ослепленный, окровавленный, не желая умирать, но Рада вновь ударила мечом, вспарывая ему глотку. И на этот раз удар ее достиг цели. Тварь захлебнулась кровью и с рычанием упала на пол, содрогаясь всем телом и щелкая челюстями, с которых хлестала пенная слюна.

— Бежим! — рявкнула Рада, хватая Лиару за руку и волоча ее за собой к двери, откуда слышался грохот, крики и рев.

— Куда?! — в отчаянии закричала в ответ Улыбашка. — Они же там! Здесь безопаснее!

— Наверх! — железным голосом приказала Рада, и лицо у нее было таким сосредоточенным, каким Лиара его никогда не видела. — Там Алеор, там безопаснее.

— Я прикрою, — кивнула Улыбашка, сжимая извлеченный из тела Гончей топор.

Рада первой выпрыгнула в коридор, перемахнув своими длиннющими ногами через труп Гончей, и Лиара поразились тому, когда ноги сами вынесли ее следом за Черным Ветром. Ей-то казалось, что ходить она уже не в состоянии, да вот только страх гнал вперед, кусаясь за пятки и придавая сил.

Коридор купальни отделяло от общего зала хозяйственное помещение, к которому примыкал нужник. Расставленные вдоль стен бочки и швабры были перевернуты и валялись под ногами, дверь в подсобку была напрочь сорвана с петель и разломанная в щепки валялась на полу в коридоре. Сквозь пустой дверной проем виднелись черные тени, мечущиеся в помещении общего зала, рычание, вопли и грохот, доносящиеся оттуда, теперь стали невыносимы.

— Назад! К лестнице для слуг! — Рада пихнула ее в бок, и Лиара побежала в другую сторону по коридору, в конце которого виднелась узкая винтовая лестница с разошшимися

ступенями.

В спину толкал грохот боя и тяжелое дыхание Черного Ветра. Босые мокрые ноги разъезжались на скользком полу, и она чувствовала себя сейчас особенно беззащитной, ведь голую кожу не прикрывал ни один лоскут ткани.

Вдруг прямо перед ней из воздуха буквально выплыло чернильное пятно. Лиара застыла, не понимая, что происходит, а от стены отделилась тень, сгустилась во что-то плотное, и в лицо ей пахнуло прогорклым запахом гниения и стылым холодом могилы.

— Ложись! — прозвучал за спиной голос Рады, но Лиара и так, и без ее приказа уже сжалась в комок, инстинктивно забиваясь поближе к стене.

Мимо нее вперед рванулась Черный Ветер, вздымая меч, а навстречу ей из сгустившегося мрака шагнула черная фигура, закутанная в длинный побитый молью плащ.

Теперь ей казалось, что она сходит с ума. Все самые страшные ночные кошмары, все жуткие твари из древних легенд и сказок ожили и вышли ей навстречу, тянули к ней свои черные пальцы. Лиара узнала того, кто перегородил им дорогу: это был Псарь, и с губ ее сорвался тонкий крик.

Псарь был высок и силен, но при этом тело его выглядело иссушенным, словно у аскета, что провел в отшельничестве целые века. Целиком закутанный в черное, с надвинутым на голову капюшоном, он выпрямился перед Радой, поднимая извивающийся по собственной воле кнут с раздвоенным, словно головы змеи, хвостом и длинный черный кинжал. Лиаре было видно только его костлявые запястья, обтянутые пожелтевшей от времени как старый пергамент сухой кожей, да провал темноты под капюшоном. Только она прекрасно знала: глаз там нет, очами Псаря было его Свора.

Рада с криком прыгнула на Псаря и взмахнула мечом, на миг поймавшим отблески света от подвешенной к потолку масляной лампы. Тот с легкостью кинжалом отбил в сторону ее меч и хлестнул кнутом. Только быстрота спасла Черного Ветра: она упала прямо на живот, и хлыст свистнул над ее головой, с глубоким шипением врезавшись в толстые бревна стены и прожигая в ней дыру. Извернувшись, Рада взмахнула клинком, и Псарь резко отскочил назад, издав глухой вопль, больше всего похожий на скрежет разошедшихся старых досок.

Кнут хлестнул вниз, со всей силой впиваясь в то место, с которого только что откатилась прочь Черный Ветер. Его раздвоенные концы даже по форме походили на головы змей, и у Лиары перед глазами помутилось, ей показалось, что эти змеи ядовитыми клыками вгрызаются в отполированные доски пола. Рада с рычанием ударила мечом, и серая вспышка лезвия рассекла хлыст на две половины. В тот же миг Псарь исчез, вновь расплывшись в воздухе масляным пятном.

— Где он? — прорычала Рада, пригибаясь к полу и озираясь вокруг себя горящим взглядом.

Только ответить ей никто не успел.

Что-то заставило Лиару повернуть голову и посмотреть в сторону коридора, за которым начиналась общая зала. Время замедлилось, став плавким, будто текучий металл, и таким же обжигающе горячим. Она чувствовала, как раскаленный воздух входит в ее легкие, раздувая грудь, как кипит в сведенных от страха жилах кровь, распирая их так, что еще чуть-чуть, и они лопнут, точно мыльный пузырь на ветру. А еще она видела двух Гончих Тьмы, стремительных, будто порывы лютого зимнего ветра, которые одновременно сорвались с места и бросились в узкий проход им навстречу. Одна Гончая вырвалась вперед, обгоняя вторую, огромными скачками приближаясь к ним. Пасть ее была окровавлена, громадный

глаз, полный ненависти, горел, и в нем плескался сжавшийся в точку зрачок. Гончая сильно оттолкнулась от пола, взвиваясь в воздух. Отчаянно закричала Улыбашка, поднимая ей навстречу свои топоры. Черные как кинжалы когти сверкнули в свете масляной лампы.

Великая Мать, помоги!

Все моментально изменилось. Лиара резко вздохнула, буквально провалившись внутрь ощущения мира. Такого с ней не бывало еще никогда: обычно, она входила внутрь ткани реальности постепенно, сливаясь часть за частью до полного единения, теперь же она ухнула словно в ледяной колодец вниз головой. И одновременно с этим пришло совершенно иное ощущение.

Гончая. Гнилая, трепещущая, пульсирующая болью рана, сосредоточение всего самого темного, исковерканного, неправильного в этом мире, собранного в одну точку. Она была совершенно чужой, не принадлежащей ни этому миру, ни его свету, ни его солнцу. Она была лишней здесь и неправильной, и это можно было исправить.

Лиара вздохнула еще раз, чувствуя, как поднимается в пульсации волна мира. Легкие громадной Природы раздувались, медленно, плавно, осторожно, и при этом мощно, поднимая ветра, что сдували прочь времена и войны, цивилизации и миры. Легким Природы, песне вселенского Ритма, великому Дыханию, что было задолго до всех дерзновений, идей и опытов, задолго до первого человека и первой птицы, задолго до проблеска света мысли, озарившей первоначальный однородный покой тишины, этому Дыханию не было никакого дела до крохотной черной точки, до вывернутой наизнанку испорченной твари, чье присутствие пятнало тело земли. И при этом эта тварь ощущалась болезненной, неправильной, измененной клеткой, заражающей своим безумием все остальные.

Вселенная замерла на дне тихого сердца Лиары, в котором больше не было ничего, кроме Дыхания мира. Она ощутила гигантские волны вокруг себя, ощутила так остро, как никогда раньше. Золотой волной песчаных барханов на ветру, плавленым бурлящим железом, тише упавшего на лепесток цветка птичьего перышка, громче разрывающего небеса весеннего грома, текла мимо нее, через нее, вокруг нее Сила. Извечные потоки великой реки, дающей начало всему, потоки, меняющие все и каждый миг обновляющие. И она вошла в этот поток, чтобы унести с его течением так далеко, как только тянется пространство, и еще дальше, туда, где не существует уже ничего, только бесконечный Ритм.

А потом она выдохнула, и великая Сила ринулась вперед. Лиара не понимала, не соображала ничего, она стала своими собственными голыми глазами, с которых содрали прочь всю пленку, всю усталость, все восприятие. Она была глазами, которые видели из невысказанной дали, как приходит эта сила серебряной рекой, сиянием миллиардов звезд, собранных в одну точку, и как это сияние выжигает Гончую, буквально выпаривает ее из окружающего воздуха, не оставляя ни следа, лишь тень тени, которую уносит прочь бесконечным потоком, чтобы из трухи, что останется от нее, однажды родилось что-то светлое. Маленькое зеленое семечко начинающейся весны.

Гончая исчезла прямо в полете, но Лиара не могла остановить силу. Этот вселенский Ритм был призван, руки Великой Матери легли ей на плечи, и чей-то огненный взгляд, яростный, как лесной пожар, мощный, как дыхание далеких гор, прожег ей затылок смеющимся прикосновением оранжевых зрачков. На миг Лиара ощутила, как кто-то аккуратно отодвигает ее в сторону и загоразживает собой, кто-то высокий и широкоплечий, выходя вперед и расправляя спину, чтобы сражаться за них за всех.

Перед глазами помутилось, и она увидела. Женщина с волосами, что пламя, пылающая ярче тысячи солнц, держа в руке серебристое копьё, медленно шагала навстречу прижавшимся к полу Гончим. Лиара смотрела во все глаза, не в силах осмыслить, да и не желая этого, только смотрела и смотрела, и на миг ей показалось, что эта женщина похожа на Раду.

А потом Огненноглазая женщина исчезла в ослепительной вспышке серебристого света. Лиару отшвырнуло назад, и она кубарем покатила по коридору, и ее подгоняли порывы раскаленного горячего ветра. Она больно ударила лицом о доски пола, врезалась спиной во что-то жесткое, но почти не заметила этого, потому что сознание моментально выбросило внутрь тела, и это было так сильно, так неприятно, что по сравнению с этим физическая боль казалась чем-то лишним. Лиара захрипела, не в силах сдержать конвульсии рук и ног, которые беспомощно заколотили по полу: сознание возвращалось в них рывками, не давая ей возможности нормально управлять мышцами, контроль над которыми на несколько мгновений перехватила Та Женщина.

— Держись! — раздался над ухом отдаленно знакомый голос, и Лиара ощутила, как чьи-то руки с легкостью поднимают ее с пола.

Ошалевшая, едва пришедшая в себя она вцепилась в мокрую насквозь рубашку Рады, вцепилась до боли в пальцах, словно кот в спасительную ветку дерева, болезненно вздрагивая и шумно втягивая воздух. И только потом поняла, что происходит.

Черный Ветер бежала по лестнице, одной рукой прижимая ее к себе, словно мешок с яблоками, а в другой держа обнаженный меч. Откуда в ней было столько силы, Лиара просто не знала. Она обернулась назад, очумевшими глазами глядя, как следом за ними, кряхтя, карабкается по ступеням лестницы Улыбашка. А внизу в проеме разрасталось и разрасталось ревущее сияние пламени. Пожар? — вяло мелькнуло в голове.

С криком Рада вышибла свободным плечом дверь и ворвалась в какой-то длинный коридор. Двери повсюду были распахнуты, по коридору метались, вопя, люди. Расшвыривая их в стороны, Рада влетела в первую же комнату, пронеслась прямо к открытому окну и прыгнула.

На миг Лиара застыла, понимая, что летит. Прямо перед ними была крыша сарая, и эта крыша прыгнула ей в лицо. Она закричала, покатила по мягкому настилу прелой, размокшей соломы и ухнула за ее край. Второй удар, уже о мокрую землю, был гораздо болезненнее. Лиара вскрикнула, больно ткнувшись носом в грязь, но не успела и выдохнуть, когда руки Рады с силой прижали ее еще сильнее к земле.

— Не двигайся! — проорала Черный Ветер, и в следующий миг раздался взрыв.

Грохот был таким, что моментально заложило уши, и Лиара завизжала, окончательно теряя контроль над своим телом. Сразу же следом за грохотом послышалось надрывное хриплое рычание пламени, и хватка Рады ослабла. Она вскинулась из грязи, оборачиваясь через плечо. Из-за угла темного здания сарая, на крышу которого они упали, был виден угол гостиницы. Стекла в окнах, как и дверь, вылетели от напора огня, он вырвался сквозь пустые проемы и теперь пожирал, в буквальном смысле заливал все здание, карабкаясь вверх по его стенам. Крыша сарая тоже занялась, во все стороны повалил черный дым.

— Быстрее! Бежим!

В голосе Рады сейчас была такая сила, что Лиара слепо повиновалась. Подхватившись с земли, она поковыляла вперед, морщась от боли в отбитом теле, следом за мелькающей впереди в темноте белой рубашкой Рады. Рядом слышались какие-то крики, чьи-то шаги, но

Лиара уже не понимала, что происходит. Она только бежала, бежала изо всех сил, молясь лишь о том, чтобы не упасть.

Только когда они оказались метрах в пятидесяти от горящего здания, Рада остановилась и обернулась. Отблески огня металась на ее покрытом кровью и грязью лице, и взгляд у нее был острым, как обнаженная сталь. Лиара не думала и инстинктивно вцепилась в нее, уткнувшись лицом ей в рубашку и пряча голову где-то у нее подмышкой. Мыслей не было никаких, только ощущение: в этих руках она в безопасности.

Тело Рады было железным от напряжения, но рука, что легла на затылок Лиары, оказалась на контрасте удивительно мягкой. Как и голос, что прозвучал прямо над ее затылком, такой странно тихий по сравнению с грохотом сердца Черного Ветра, стучащего прямо под ухом у Лиары.

— Ну вот и все, искорка! Выбрались! Все, успокойся! Теперь все хорошо.

У Лиары ничего хорошо не было. Она чувствовала себя так, словно с нее заживо содрали кожу, оголив каждый нерв, а потом поджарили их над огнем. Напряжение было слишком сильным, слишком много всего произошло за последние несколько минут, и она, дрожа всем телом, заплакала навзрыд, намертво вцепившись в мокрую и холодную рубашку Рады.

— Ну-ну, маленькая, успокойся! Уже все! Мы в безопасности! — зашептала Черный Ветер. Ее голос повысился, и она крикнула куда-то за спину Лиары: — Улыбашка! Ты Алеора видела?

— Да! — раздался в ответ хриплый голос. — Он лошадей выводит! Сейчас будет!

— Ну вот и хорошо! — голос Рады вновь зазвучал тихо и успокаивающе, и Лиара закрыла глаза, слушая его всем своим телом. Сейчас ей казалось, что ее душа лежит в теплых ладонях Черного Ветра, как в колыбели. — Все, искорка, сейчас мы уедем отсюда. Потерпи еще чуть-чуть, буквально минутку.

— Г-гончие... — простучали ее зубы. Лиара и сама не разобрала бы, что произнесла, но Рада каким-то образом умудрилась понять ее.

— Гончих больше нет, девочка. Не знаю уж, что ты сделала, но по-моему, ты их всех сожгла. Там больше никого нет, не бойся. — Голос ее стал еще тише и нежнее. — Не бойся никого. Я не дам никому тебя обидеть.

Лиара зажмурилась, давась слезами и чувствуя, как дрожь начинает медленно отпускать тело, а слезы потихоньку высыхают. Теперь ей было лучше, гораздо лучше.

— Сходили, бхару твою за ногу, в баньку! — проворчала рядом Улыбашка, смачно сплевывая на землю. — Да я теперь в двадцать раз грязнее, чем была! — Лиара почувствовала, что Рада вздрагивает, и не сразу поняла почему. Зато Улыбашка зарычала еще громче, и в голосе ее послышалось раздражение: — Что ты ржешь, бхара бессмертная?! Что ты ржешь?! Чтоб я еще раз с тобой в баню пошла! Я, мать вашу, в вашем обществе и часа не провела, как эти твари на нас набросились! Боги, не знаю, что вы там такого натворили в Латре, но это уж совсем бхарство распоследнее!

Рада что-то ответила Улыбашке, но Лиаре было уже все равно. Она закрыла глаза, прижимаясь щекой к стучащему под кожей сердцу Рады, и это был самый сладкий и желанный, самый успокаивающий звук из всех, что она когда-либо слышала в жизни.

===== Глава 22. Тайны крови =====

В воздухе пахло напряжением, страхом и огнем. А еще кровью, ее запах тянулся от горячей гостиницы металлическим шлейфом. В темноте по дороге металась полуодетые

люди: те, кто был в своих комнатах наверху, когда началось нападение, и успел выбраться через окна до того, как запылал пожар. Рада очень сомневалась, что в общей зале кто-то выжил. Гончие ворвались туда и устроили бойню, уцелеть в которой было просто невозможно. И все эти смерти были на ее совести. Если бы она не попросилась ночевать в тепло, если бы не уступила своей слабости и не захотела погреть зад у теплого камина, то этого ничего не случилось бы.

Камнем на душу легла вина, и Рада крепче прижала к себе вздрагивающую Лиару, сжавшуюся в комок, чувствуя в этом какое-то успокоение. Если бы Гончие настигли нас в лесу, вряд ли мы смогли бы отбиться, даже при всей ее силе. Она бы просто не успела среагировать. И погибла бы. Тебе этого бы хотелось? Почему-то одна мысль о том, что искорки не станет, заставила сердце сжаться и замереть, и Рада тяжело сглотнула ледяной комок в горле. Эта девочка была живой, светлой и звенящей, и одно ее присутствие заставляло весь мир петь ей самые красивые песни, какие только у него были. Ничто не стоило того, чтобы она погибла. Вот и все тогда. Тем более, что изменить ты ничего уже не можешь.

Алое пламя с ревом взметнулось над крышей гостиницы, окутывая ее целиком, и ночь окрасилась в рыжие тона. Они стояли далеко, и даже на таком расстоянии Раде было жарко, словно посреди раскаленного послеполуденного пекла в зените лета. А может, все дело было в том, что адреналин еще плескался в крови, заставляя сердце с шумом колотиться в ребра, перегоняя кровь по всему телу. И еще было острое-острое, словно бритва, тронувшая обнаженный нерв, ощущение жизни. Она выдохнула ночной воздух, чувствуя, как обжигает ноздри изнутри. Они выжили. Чудом, но выжили.

Улыбашка рядом согнулась пополам, упираясь ладонями в колени и пытаясь отдышаться. Выглядело это особенно комично при том, что гномиха была абсолютно голой, извалявшейся в грязи, да еще и бормотала себе под нос какие-то ругательства, качая головой. Раде вдруг стало смешно, и она вновь нервно хмыкнула, глядя на нее. Да уж, не повезло ей. И действительно познакомились только пару часов назад, и сразу же такое. Тут любой бы удрал прочь, сломя голову, а гномиха вот даже осталась и выглядела не так уж чтобы перепуганной, скорее очень удивленной. Не в пример мечущимся по дороге с воплями людям, которые то пытались убежать в сторону леса подальше от горящей гостиницы, то бросались обратно к спасительному теплу и свету, прочь от того, что таилось среди глубоких ночных теней под деревьями. Впрочем, Рада сомневалась, что там еще остались Гончие. Удар, который нанесла Лиара, был так силен, что сжег, наверное, всех тварей, что были в этот момент в гостинице.

Плечи искорки вздрагивали все меньше, но руки все еще продолжали цепляться за Радину рубашку. Она была такая теплая и маленькая рядом, и так близко, и ее мокрые кудряшки, которые перебирали пальцы Рады, казались шелковыми. В груди вновь что-то сжалось, но на этот раз сладко-больно, и по телу разлилась мягкая всепроникающая золотая нежность. Ничего она тебя не контролирует, — подумала Рада, невольно обнимая Лиару еще бережнее. Просто у тебя никогда не было друзей. Ты всегда была одинока, и никто не стремился быть рядом с тобой, вот так, не потому, что у тебя есть деньги, а потому, что ты ему нужна. Вот и все. Поэтому ты и чувствуешь себя так странно. Возможно, впервые в жизни у тебя появился друг. Разве это плохо?

В груди мягко плавилось золото, и это совершенно не походило на что-то плохое или неправильное. Рада поняла, что не в состоянии сопротивляться этому, и прикрыла глаза,

опуская голову и утыкаясь лицом в мягкие волосы искорки. Они пахли травяным мылом и были такими теплыми и щекотными, что Рада невольно улыбнулась. И весь мир затих вокруг них, сплетя их в одно целое и оставив наедине, в теплой тишине осенней ночи. Какая бы сила ни была в твоей крови, я все равно буду защищать тебя. Потому что твой свет — самое дорогое, что есть у меня в этом мире.

— Все целы? — послышался издали громкий голос Алеора, неприятно вырвавший Раду из теплого одеяла нежности, укрывшего их с Лиарой. Она открыла глаза и выпрямилась, глядя, как эльф, волоча за узду трех лошадей, спешит к ним от горящего сарая. На лице его была обычная ухмылка, а глаза горели: — Огого! Какая чудесная голозадая команда! Только Радушка у нас как всегда, выделяется!

Лиара вдруг пискнула и, отскочив от Черного Ветра, шмыгнула ей за спину. Ее тяжелый лоб чувствительно ткнулся в спину, и Рада хмыкнула.

— А Улыбашка, смотри, попыталась сделать вид, что одета, вывалявшись целиком в грязи! Что ж, должен признать, умно! — не унимался эльф. Гномиха угрожающе разогнулась, ничуть не стесняясь, и взвешивая окровавленные топоры в своих руках.

— Ты бы не скалился, а то сейчас сам штаны снимешь, чтобы я оделась! — пригрозила она.

— Ты сможешь надеть их целиком и завязать под горлом, длины хватит, — оскалился эльф. — Только, боюсь, в бедрах не пройдут. Я смотрю, ты у нас девочка — пышная!

— Ну полюбуйся, полюбуйся уже! — раскинула руки Улыбашка, выпрямляя спину и раскидывая руки с топорами в стороны. — Вряд ли кто-то когда-то тебе это показывал! Белки не в счет.

— У меня сейчас кровь из глаз пойдет от такой красоты, — сообщил со смехом эльф, подводя лошадей к ним, и Улыбашка хмуро сплюнула на землю, упирая руки в бока:

— А моя лошадь где?

— А я знаю, как она выглядит? — покосился на нее Алеор. — Я забрал своих, остальные разбежались в начале нападения.

— Подожди, а почему наши не разбежались? — заморгала Рада.

— Потому, что я их привязал, — со всем терпением мира пояснил ей эльф. — Как только вы, девочки, пошли купаться, я пошел в конюшню подготовить наших лошадей на тот случай, если придется уходить быстро. Вот когда я их седлал, Гончие и ударили.

— Ты знал, что будет нападение? — Рада смотрела на него во все глаза, и в голове не было ни одной мысли. Иногда Алеор казался ей не живым существом, а чем-то совершенно холодным и рассудительным без тени жалости или сочувствия. Может, Тваугебиром его зовут не только из-за проклятия в крови? Может, дело еще и в его личных качествах? Она ощутила, как от ярости задрожал голос: — Ты знал, что будет нападение, и никого не предупредил при этом?

— Я предполагал, что будет нападение, Рада, — эльф взглянул в ответ с жесткой улыбкой, и в глазах его был мороз. — Сет просто так своих жертв не отпускает. Но это ты захотела ночевать в таверне, это было твое решение. Так что даже не думай винить меня во всем произошедшем.

Рада смотрела на него, не моргая, и чувствовала, как захрустели костяшки пальцев, до боли сомкнувшись на рукояти меча, что до сих пор был в ее руке. Алеор также смотрел в ответ, и столько жесткой насмешки было в его лице, что ей захотелось прямо сейчас же вбить свой клинок прямо в его ухмыляющиеся зубы.

— Я был на улице, — спокойно проговорил эльф, не отводя глаз. — Я думал, что они ударят с улицы, и специально вышел, подготовил лошадей и ждал, чтобы встретить их не в забитом людьми зале, а возле двери, как и полагается. Вот только Псарь вышвырнул их из-за Грани прямо в общую залу, а дверь к тому времени уже закрыли на ночь изнутри, как делают во всех постоянных дворах у дороги. Так что я ничего не мог сделать. — Взгляд его стал еще более тяжелым, и он добавил, уже очень тихо. — К тому же, как я погляжу, вы очень нужны Сету. Он послал за вами полную Свору во главе с Псарем, и вряд ли он остановится только на этом. А раз вы очень нужны ему, то это значит, что я не дам ему вас получить. А также то, что вы обе стоите гораздо больше, чем весь народ, собравшийся в этой гостинице. Так что я сделал выбор, и выбор правильный.

Еще несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и Рада ощутила, как ярость медленно, неохотно, но сходит прочь. Он был таким, каким был, и ей нужно было научиться принимать его таким. Уж, наверное, она не могла переделать характер, сформировавшийся за полторы тысячи лет, да и имела ли она вообще право чему-то его учить? Он делает так, как делает, всегда. Не в его силах предотвратить вещи, которые происходят по чужой воле. Пальцы на рукояти меча ослабили хватку, и она ощутила, как напряжение покидает мышцы.

— Ладно, — дернула плечом Рада, первой опуская ресницы. — Дай мне вещи, все-таки не середина лета.

— Все в твоих седельных суммах, — взгляд Алеора стал мягче, но ироничная ухмылка никуда не делась, когда он протянул Раде поводья Злыдня. — Смотри сама.

— Так, я только одного не поняла, — Улыбашка хмуро сплюнула на землю. — Если ты подготовил их лошадей, то с какой бхариной радости ты не подготовил мою?

— Я тебе уже сказал, что лично мы с ней познакомиться не успели, — усмехнулся, глядя на нее Алеор. — Или ты бы хотела, чтобы я всех лошадей в конюшне оседлал, чтобы у тебя был выбор?

— Если бы ты посмотрел повнимательнее, древолюб ленивый, ты бы понял, какая именно лошадь мне принадлежит, — угрожающее заворчала Улыбашка. — А если бы у тебя было побольше мозгов, ты бы просто спросил у меня об этом.

— Вы мылись, Вирра! — раздраженно отозвался Алеор. — И вряд ли бы порадовались если бы я полез к вам в купальню интересоваться, какая именно лошадь — твоя! А что касается валитов, то там их было семь! Ты здесь не единственный гном, ими вся гостиница забита, просто дрыхли все! Так что возьми эту гнедую, а в Онере разберемся.

— Да она ж сдохнет подо мной! — Улыбашка с сомнением осмотрела гнедую Звездочку, на которой ездила Лиара. — У нее просто хребет переломится и все!

— Ты не настолько толста, не льсти себе, — огрызнулся Алеор. — А если и переломится, поедешь верхом на Радиной шее. Все лучше, чем пешком.

Рада только зыркнула на него поверх седла Злыдня, резкими движениями вытаскивая из своих седельных сум запасной плащ и свою обычную шерстяную одежду. Спорить с эльфом было бессмысленно: он уже все решил и отступить не собирался, да и сил у нее на это не было. Резким движением расправив плащ, она обернулась и закутала в него прячущуюся за ее спиной Лиару.

— Вот, так теплее будет, — негромко проговорила она.

— А ты? — на нее поднялись два огромных серых глаза, полных такой заботы, что в груди снова потеплело. На носу у Лиары было пятно мокрой земли, как и на лбу и щеках. Не удержавшись, Рада улыбнулась и осторожно стерла пальцем грязь с кончика ее носа.

— Я сейчас переоденусь в теплое. Да и у тебя еще есть запасная одежда, поддень ее, чтобы теплее было. А плащ себе оставь, погрейся.

На то, чтобы собраться в дорогу, у них ушло еще несколько минут. Алеор все это время нетерпеливо топтался рядом, то и дело зыряка на постояльцев сгоревшей гостиницы, которые наконец-то прекратили метаться и собрались в стороне от здания, уныло наблюдая за тем, как полыхает кровля, а вместе с ней — все их имущество, в панике забытое в комнатах.

Рада с наслаждением натянула на себя свою обычную одежду из тонкой шерсти, сверху надела теплую куртку, простеганную в несколько слоев изнутри, чтобы не пробирал до костей осенний ветер. Эту одежду она привезла с собой еще с Севера, и никакой золотой вышивки на ней не было: только черная добротная шерсть и ничего больше. И это было правильно: золотые кони дома Тан'Элиан остались далеко за спиной вместе со всей ее жизнью, которая теперь казалась такой отдаленной, будто и не неделя прошла. Как ты там, сынок? Тревога на сердце так никуда и не ушла, оставшись смутным воспоминанием где-то на грани ее сознания. Она непроизвольно оглянулась на восток, туда, откуда они с таким упорством уезжали все это время. Я обещаю тебе, что приеду за тобой. Я обязательно приеду за тобой, как только разберусь с теми, кто преследует меня. Грозар Громовержец, пусть беда уйдет за мной и не коснется моих детей!

У Улыбашки с собой ни вещей, ни запасной одежды не было, поэтому опять возникла заминка. С грехом пополам им удалось натянуть на ее объемистые бедра старые потертые штаны из тех, что брал с собой для маскировки Алеор, а вот никакой рубашки или даже куртки ей по плечам не оказалось. Потому гномиха, ворча и понося спутников, Гончих и осень на чем свет стоит, обмоталась целиком в запасной плащ Алеора, став при этом абсолютно круглой. Из-под этой кучи черной шерсти торчали только ее голые ноги с короткими растопыренными пальцами, которые гномиха то и дело поджимала от холода.

Рада и сама уныло повозила голыми пальцами в холодной липкой грязи под ногами. Естественно, тащить с собой запасные сапоги никому и в голову не пришло, а это означало, что босиком ей ехать до ближайшей более-менее крупной деревни. Одно было хорошо: лес почти закончился, а вместе с ним и владения Латра, что означало, что следующая деревня не так уж и далеко. Однако до нее еще нужно было доехать, а ночи с каждым днем становились все холоднее, да и дождь то и дело накрапывал с неба, неся с собой пробирающий до костей ветер.

Когда, наконец, со всеми одеваниями, оханьями, жалобами и подтягиваниями стремян для Улыбашки было покончено, и они с грехом пополам водрузили оказавшуюся почти что каменно-тяжелой гномиху на спину моментально просевшей под ее весом гнедой кобылы, Рада смогла вздохнуть спокойно и сама взобралась в седло. Поморщившись, когда ледяные стремяна коснулись голых пяток, она свесилась с высокой спины черного жеребца и подала руку Лиаре:

— Давай, искорка, залезай. Со мной поедешь.

Спорить Лиара не стала, да и выглядела она так, словно сил у нее на это не было. Все это время девочка стояла, привалившись к черному боку Злыдня и прикрыв глаза, и вид у нее был такой, будто она прямо сейчас свалится на землю без чувств. Когда ее маленькая ладошка оказалась у Рады в руке, Черному Ветру пришлось практически втаскивать ее в седло. Оказавшись верхом, Лиара сразу же привалилась к ней, с глубоким вздохом устроив голову у Рады на груди и затихнув. Руки ее висели как плети, и сердце вновь сжалось от

жалости.

— Ничего, — тихонько прошептала Рада, обнимая ее и перехватывая поводья так, чтобы Лиара оказалась в кольце ее рук. — Ты отдыхай и ни о чем не думай. Я тебя удержу.

— Я знаю, — едва слышно прошепел голос искорки, и в нем было столько доверия и тепла, что Раду на миг со всех сторон обнял теплый весенний вечер.

— Так, все готовы? — Алеор единственный стоял у своего жеребца, не торопясь вскарабкаться ему на спину.

— Все, — проворчала Улыбашка. — Только скотина эта подо мной и двух миль не протянет, это и ежу ясно.

— Улыбашка, прекращай брюзжать! И без тебя тошно! — поморщился Алеор и отпустил поводья. — А теперь закройте все рты и не двигайтесь. Мне надо сделать кое-что.

— И что же ты собрался делать, древолюб? — хмуро глянула на него гномиха. — Хочешь еще немного времени провести в этом прекрасном месте и полюбоваться его красотами?

— Хочу сделать так, чтобы Гончие нас не нашли. — Алеор отвернулся от них и отошел в сторону.

Поверх кучерявого затылка Лиары Рада с интересом взглянула на то, что делал эльф. Она понятия не имела, что же он задумал, но чувствовала, что на этот раз Алеор собрался задействовать какие-то силы из тех, о которых она не знала. Этот эльф таил в себе множество сюрпризов, недаром же уже больше тысячи лет о нем без конца сочиняли песни и складывали легенды.

Алеор выпрямился, встряхнул плечами, словно разминая руки, и вытащил свой меч. Рада прищурилась, глядя на то, как дымится в темноте черная сталь, будто клинок был ледяным. Если гномиха не лгала насчет сделки Алеора с Фриззом Гранитным Кулаком, то в этом клинке была заключена какая-то неведомая гномья сила, и это объясняло, почему Алеор так дорожил своим мечом и глаз с него не спускал все это время, держа как можно ближе к себе.

Эльф осторожно провел ладонью вдоль дымящейся стали, прикрыл глаза и что-то тихонько забормотал над мечом. Язык, на котором он говорил, был Раде непонятен, но напоминал глухое шмелиное гудение или отдаленный рокот моря. Рядом громко охнула Улыбашка, и Рада взглянула на ее округлившиеся от удивления глаза. Впрочем, больше гномиха не издала ни звука, лишь глядя на Алеора так, будто видела его в первый раз.

А голос эльфа крепчал, набираясь силы, становясь все громче и громче. Рада почувствовала что-то странное: словно ветра улеглись вокруг них, словно весь мир прислушивался к этой странной, заунывной, рокошущей песне то ли волн, то ли земных глубин. Тягучие звуки наполняли ночь, и в голосе Алеора оставалось все меньше и меньше от его привычного тембра. Он тоже становился все более рычащим, гулким, тяжелым, и на миг у Рады перед глазами помутилось. Всего на один удар сердца она увидела, как от земли к клинку эльфа поднимается что-то черное, дрожащее, едва видимое в темноте, но при этом выделяющееся на фоне ночного воздуха. Толстые, дрожащие жгуты, чистая энергия, заплетающаяся вокруг клинка, который сам по себе начал тихо гудеть и раскаляться изнутри чернильно-черным сиянием. Голос эльфа стал еще громче, заревел растревоженными ветрами зимы, загрохотал по узким ущельям камнепадами, а потом он резко дернул лезвие, разрывая острым краем свою ладонь, и в грязь под его ногами хлынули рубиновые капли крови. На глазах Рады жгуты энергий, идущие от земли, жадно присосались к этим каплям,

похожие сейчас на больших пиявок, впитали их, поглотили и расплзлись под ногами Алеора пятном ночного мрака.

Он поднял глаза и направился к ним, и лицо его было сосредоточенным, словно все мышцы окаменели. Рада еще никогда не видела у него выражения такой концентрации, эльф боролся с чем-то невидимым прямо сейчас, сражался изо всех сил, и даже невооруженным глазом было видно, как тяжело это ему дается.

— Кровь, — сквозь зубы проскрежетал он, подойдя к Раде и протягивая ей лезвие меча.

Вокруг Алеора распространялось какое-то странное, дрожащее марево, сгущенная атмосфера, такая тугая, что Злыдень зафыркал и затанцевал на месте, выкатывая глаза и прядая ушами. Удерживая его одной рукой, Рада зубами стянула перетягивающие ее изрезанное запястье повязки и протянула ладонь эльфу. От напряжения драки глубокие порезы разошлись, и на ладони выступила кровь. Меч, что коснулся ее, был леденяще острым, и по телу пробежала искристая молния, заставив Раду вздрогнуть в седле и чуть не выпустить поводья.

Лиара, казавшаяся совершенно отрешенной от всего, тоже протянула ладонь, испещренную глубокими ссадинами. Черное лезвие всосало и ее капли крови, и она тоже вздрогнула в руках Рады, отчего Злыдень захрапел и пошел в сторону, вытанцовывая в грязи длинными ногами. Рада обернулась к эльфу, глядя, как он протягивает лезвие Улыбашке. Лицо той вытянулось от удивления, смешанного с каким-то потусторонним ужасом, и она молча протянула Алеору руку, которую тот осторожно вскрыл мечом.

Меч в руках Алеора утробно загудел, завибрировал, и эльфу пришлось перехватить его обеими руками, удерживая на месте. Рада видела, как скакало лезвие в его ладонях, и от натуги на них явно проступили жилы. Алеор снова запел, глухо и монотонно, и звук этот примешался к гудению меча, становясь все глубже и глубже, словно кто-то колотил в огромный тяжелый колокол. Звук пошел волнами во все стороны, когда эльф перехватил рукоять меча обратным хватом и с натугой поднял его над головой. Сверкнуло горячей тьмой лезвие, а потом Алеор с силой выдохнув последнее гулкое слово, вонзил меч острием в грязь.

Земля ощутимо содрогнулась, и тяжелое гудение наполнило всю ночь, пропитав ее без остатка. Злыдень громко заржал, вскидывая голову и подпрыгивая на месте, затанцевала и гнедая под Улыбашкой, даже несмотря на ее немалый вес. Лишь один мышастый жеребец эльфа спокойно стоял, понунив голову и подняв уши, ожидая, когда хозяин закончит свои манипуляции.

Звук утонул в земной тверди, которая всосала его, как губка, все затихло. Напряженная атмосфера исчезла, порыв холодного ветра взъерошил волосы Рады, и она только сейчас вспомнила, как дышать.

Отряхнувшись, будто мокрый пес, Алеор вытащил клинок из грязи, аккуратно протер его полрой плаща, убрал в ножны на поясе и, как ни в чем ни бывало, направился к своему мышастому. Только шаг у него теперь был гораздо тяжелее, чем буквально несколькими минутами раньше, да и двигался он так, словно пару часов к ряду ворочал тяжеленные мешки.

— Что ты сделал? — тихо спросила Улыбашка, и в голосе ее больше не было ни ворчания, ни смеха, ни недовольствия. Только огромное, до глубины души пронзающее удивление.

— Я спел земле, — спокойно отозвался эльф, забираясь в седло мышастого и подбирая

поводья. — Теперь она направит наши следы отсюда через лес, на юг, в сторону Дагмариена. Если за нами снова пошлют Свору, земля собьет Псов со следа, и они поведут Псаря туда. Думаю, по этому следу они будут идти около недели, пока не поймут, что их обманули. А мы за это время будем уже достаточно далеко, и возможность оторваться от погони несколько повысится.

— Но откуда ты знаешь силу гномов? — Улыбашка смотрела и смотрела на него, и удивлению ее не было предела. — Кто научил тебя петь земле? Ведь на это способны только мы! Ни один человек, ни одно создание, в чьих жилах нет гномьей крови, не может такое сделать!

— А с чего ты взяла, что в моих жилах нет гномьей крови? — осклабился эльф, взглянув на нее через плечо.

— Но... как?! — почти вскричала Улыбашка. — Ты же эльф! Ты Высокий! Как ты это сделал?!

Алеор несколько секунд смотрел на нее, будто обдумывая, стоит это говорить или нет, но все-таки сказал:

— Помнишь ту заварушку с Даротом Огнепастым? — Улыбашка молча кивнула. — Так вот, когда я закончил с этой тварью, Фриzz Гранитный Кулак остался мне должен по гроб жизни. И я попросил у него меч гномьей работы, который он сковал бы сам, своими руками, заложив в него силу петь земле. Он это и сделал, однако, вы, гномы, — народ жадный и тугой, и дела с вами вести еще сложнее, чем с евнухами или шлюхами. Только уже по окончании работы Фриzz удосужился мимоходом помянуть, что я все равно не смогу пользоваться этой силой, потому что во мне нет гномьей крови. Так что этот меч будет для меня лишь мечом и ничем более, и как только меня зарежут, мои потомки вернут его гномам, потому что для них он будет просто бесполезен. Естественно, меня это не устроило.

— И что ты сделал? — услышала свой собственный голос Рада, замерев и глядя на эльфа.

— Я предложил ему еще одну сделку, — криво усмехнулся он. — Я отдал ему половину своего сердца взамен на половину его. Таким образом, я стал наполовину гномом и получил полную власть над Песней Земли, а он — наполовину наследником Ирантира. Такие условия он посчитал приемлемыми.

Эльф преспокойно развернулся и ткнул пятками в бока своего жеребца, который послушно пошлепал вперед по дороге, помахивая черным хвостом. Рада поняла, что сидит с открытым ртом и смотрит ему вслед, просто не понимая, что эльф только что сказал. Даже Лиара в ее руках приподнялась, глядя в спину эльфа огромными глазами и не говоря ни слова.

Первой пришла в себя Улыбашка. Выругавшись, она ударила кобылу пятками в бока, отчего та издала жалобный взвизг, но пошла вперед. Догнав Алеора, Улыбашка почти что выдохнула ему в лицо:

— Брешешь!

— Считай, как хочешь, — пожал плечами эльф.

— Но это же невозможно! — голос Улыбашки сорвался на фальцет. — Как можно пришить себе половину чужого сердца и при этом остаться живым?! И зачем это понадобилось Фриzzу?!

— Ты забываешь, что Гранитный Кулак — царь Рудного Стяга, — спокойно отозвался Алеор. — А я — Светлейший Князь Лесного Дома. И придет проклятый всеми богами мир:

день, когда я сяду на проклятый трон и начну править этой поганой страной. А Фризь Гранитный Кулак станет моим кровным братом. Теперь тебе понятно, зачем ему это понадобилось?

— Твою ж бхару!.. — только и выдохнула Улыбашка, глядя на него снизу вверх. — Твою ж распоганейшую, вшами искусанную бхару!

— Примерно то же самое сказал и он, когда я предложил ему такую сделку, — улыбнулся Алеор.

— Тогда понятно, почему ты чуть не помер по дороге на Озерстраж! — Улыбашка только покачала головой, совершенно выведенная из себя словами эльфа. — Во имя Камня!

Рада испытывала примерно те же самые чувства, подгоняя Злыдня, который недоволен, но все-таки зашагал следом за мышастым эльфа. Она, конечно, предполагала, что у Алеора есть козыри в рукавах, но что они будут такими!.. Это что же получается, что нас за Семь Преград ведет наследник Ирантира с кровью Тваугебира и половиной сердца Фризь Гранитного Кулака в груди?! Тогда, естественно, Неназываемый становится легкой угрозой! Буквально ничем он становится, даже если и был опасен, даже если это и не брехня! Рада только покачала головой. Это просто не лезло ни в какие рамки, ни в какие законы, к которым она привыкла. Как и вообще этот эльф, которого она, оказывается, вовсе и не знала никогда.

— Повосхищаться моей силой и смелостью вы сможете и позже, — благосклонно сообщил им Алеор, и это моментально вернуло Раде ее раздражение по отношению к нему. — А сейчас нам надо прояснить один очень важный вопрос, касающийся нашей маленькой арфистки. — Он обернулся через плечо и прищурился, глядя на Лиару. — Что ты сделала там, девочка? Я никогда в жизни не видел и не слышал ни о чем подобном.

Лиара сразу как-то вся сжалась, непроизвольно прижавшись к Раде, и та покрепче обняла ее, надеясь, что это хоть немного приободрит искорку. Вид у нее был неуверенный, во всяком случае, она понурила голову, отчего кудряшки полностью закрыли лицо, и тихонько проговорила:

— Я и сама не совсем поняла... Я просто позвала на помощь Великую Мать, и она пришла.

— Пришла? — Алеор придержал коня, заглядывая ей в лицо. — Расскажи в подробностях. Меня там не было, и я хотел бы в точности знать, на что ты способна.

Лиара некоторое время молчала, и Рада уже решила, что она слишком устала, чтобы говорить. Что касается ее самой, то она не была до конца уверена в своих воспоминаниях. В тот миг, когда в коридор прыгнула Гончая, застыв в полете, Раде показалась, что она что-то видела, какую-то высокую объятую пламенем фигуру, но чем больше она пыталась это вспомнить, тем более расплывчатыми становились воспоминания. Что-то ускользало от ее сознания, словно дымная пелена улегшегося между деревьями тумана, что-то важное, дрожащее, золотое, что она должна была помнить, но при этом — не могла.

Наконец искорка заговорила, и голос ее звучал тихо, но твердо.

— Мы бежали по коридору, и нам навстречу выпрыгнул Псарь. Рада сошлась с ним в поединке, но он исчез в воздухе, буквально растворился, как во всех этих сказаниях. Я повернула голову и увидела, что с другой стороны прыгает Гончая, и мне стало страшно, очень страшно. И потом, — голос Лиары слегка задрожал, но она продолжила, — потом я взмолилась Великой Матери, попросила ее помочь. И я соединилась с миром, растеклась в нем, как бывает, когда уходишь в грезы, — Алеор нетерпеливо кивнул, и Лиара села слегка

ровнее. — Я увидела потоки силы, какой никогда еще не видела. Золотые волны, густые, такие мощные. И я попыталась бросить их против Гончей, как когда я использовала молнию против того человека на дороге. Только вместо этого получилось иначе. Кто-то пришел. — Лиара замолчала на несколько секунд, погружаясь в себя и пытаясь припомнить, и Рада ощутила, как внутри начинает что-то дрожать, все сильнее и сильнее, словно струна звенела в ответ ее словам. — Это была... женщина. Да, женщина, высокая, вся целиком объятая пламенем, или она сама состояла из пламени, я не знаю. У нее в руках была молния, она отодвинула меня и бросилась на Гончих. И в следующий миг все загорелось.

Несколько секунд Алеор пристально смотрел ей в лицо, раздумывая о чем-то, и уточнил:

— Ты точно видела женщину? Тебе это не показалось? Может, это была Кану Защитница?

— Ннет... — протянула Лиара. — Я не думаю, что это была она. Кану Защитница всегда изображается кроткой, в белом, ее лицо спокойно, она несет мир всему живому. А эта женщина была из пламени, и она буквально звенела от силы.

— Бред какой-то! — фыркнула Улыбашка, закатывая глаза. — Не было там никакой женщины! Ты просто саданула Гончую молнией, и начался пожар. Я там стояла и никого не видела, это уж точно!

— А я видела, — вдруг совершенно неожиданно даже для самой себя сказала Рада. Лиара вскинула голову, с надеждой глядя на нее, и это приободрило. Перед внутренним взором всплыл расплывчатый образ: алые глаза-пламенники, волосы, что лесной пожар. Воспоминание стало ярче, словно слова Лиары подпитали его. — Огненная женщина с копьем-молнией в руке. Она кинулась на Гончих.

— Смотрите-ка, ты начинаешь что-то видеть, — в голосе Алеора звучало удивление, а взгляд его с любопытством прошелся по Раде. — Видимо, девочка на тебя хорошо влияет.

— Но почему я тогда ничего не видела? — нахохлилась Улыбашка. — Никакой огненной бабы, только молнию и все.

— У гномов иная чувствительность к тонким мирам, — ответил ей эльф. — Вы слышите лишь то, что непосредственно связано с Землей, однако все, что выше мира живых, для вас недоступно.

Улыбашка только хмуро зыркнула в ответ и недовольно пожала плечами, демонстрируя свое равнодушие.

— Какой смысл во всех этих духах, о которых вы вечно плетете? Есть сила горных корней, питающая жизнь и весь мир, текущая в деревьях и людях, в меньшей степени, правда, но все-таки есть. Мы созданы из этой силы, рождены ей на свет, так зачем же тогда прислушиваться к теням, которых и нет вовсе? Тонкие миры не могут дать того, что даст тебе земля, Алеор. Потому что если бы это было иначе, ты бы не отдал половину своего сердца Фриззу.

— Я беру все, что может помочь мне, Улыбашка, и не пренебрегаю ничьей помощью, — спокойно ответил ей эльф. — Тонкие миры дают силу иного рода, чем миры Камня. Гномы связаны с землей, но эльфы связаны с небом, и я хочу знать, кто именно приходил к Лиаре. — Он обернулся к ним и спросил: — Эта Великая Мать, о которой ты говоришь. Кто она?

Лиара удивленно заморгала, глядя на него и будто бы не понимая, что он у нее спрашивает.

— Как это: кто она?

— Что непонятно в моем вопросе? — вскинул брови Алеор. — Кто такая Великая Мать?

— А ты разве не знаешь?

— А почему я должен это знать?

Несколько секунд они непонимающе смотрели друг на друга, и Лиара неуверенно заговорила:

— Но ведь... Эльфы же верят в Великую Мать, сила которой пропитывает весь мир. В антипод Создателя, его вторую половину, силу, что создает все.

— Кто тебе это сказал? — в голосе Алеора звучало искреннее удивление. — Я впервые в жизни это слышу.

Лиара только моргала, глядя на него с таким видом, словно весь мир в единый миг обрушился вокруг нее. Рада не совсем понимала, что происходит, но напряглась. Внутри вновь возникло это дрожащее чувство, ощущение правильности всего происходящего, и на память пришла прохладная звездная синь, в которой они тонули несколько дней назад. И Ритм, пропитывающий все.

— Я всегда считала, — медленно заговорила Лиара, встревожено глядя в пространство перед собой, — что это так, что эльфы чтят Создателя-Сознание и Мать-Силу, которые уравнивают, дополняют, взаимопроникают друг в друга. Что они и есть то, на чем держится мир. И я была уверена, что это так, я даже не сомневалась в этом. Все мои переживания, все, что я когда-либо видела и чувствовала, доказывает это. — Она выпрямилась и вскинула глаза на эльфа, и во взгляде ее была настойчивость, а голос окреп. — Я всегда знала, что Кану Защитница — лишь один лик Великой Матери, лишь одна из ее ипостасей, как все мужские божества из череды Молодых Богов — лишь ипостаси Создателя, представленные в разных телах. И теперь ты говоришь мне, что это не так?

— Я не говорю, что это не так, — тихо проговорил Алеор, очень внимательно разглядывая Лиару, словно видел ее в первый раз. — Я говорю лишь то, что эльфы никогда не чтили никого, кроме Аллариэли и Налеана, Первопришедших Владык, которые привели эльфов в Этлан сквозь круги мира. Но то, о чем говоришь ты, мне неизвестно. Я знал многих Первопришедших из Речного Дома, и поверь мне, они тоже верят во Владык и ни в кого больше. Я никогда не слышал ничего о Великой Матери.

Лиара только смотрела на него в ответ большими глазами.

— А откуда же я тогда это знаю? — тихо спросила она.

— Вот и мне это тоже очень интересно, — эльф почти что всем корпусом повернулся в седле и пристально вглядывался в ее лицо, подмечая каждую ее эмоцию. — Расскажи-ка мне все, что ты знаешь про богов этого мира, Старых, Новых, про всех. Я хочу понять, что и где упущено. Или добавлено.

Это прозвучало так тяжело, что Раде показалось, будто на ее плечи взвалили невыносимый груз. В памяти сразу же всплыл их давешний разговор про Аватар Создателя и то, что Лиара может быть одной из них, и сердце в груди тревожно засадило. Если эта маленькая девочка — Аватара, это означало, что где-то по миру бродит вторая половина ее души, и как только они найдут друг друга, Лиара обречена. Единственным путем Аватар было сойтись в битве с Аватаром Хаоса и умереть, уничтожив и его до срока, пока он не возродится. И сейчас эта судьба показалась Раде донельзя жестокой и глупой. Зачем ты делаешь это, Создатель? Зачем ты послал свою разорванную на две части душу сюда, чтобы она вечно умирала, раз за разом, в страшных мучениях, посылая моровое поветрие по всему

миру? Что за жестокость была в тебе в тот миг, когда это пришло тебе на ум? И за что так страдают эти двое, в немыслимой попытке находя друг друга сквозь тысячи дорог и пыльные оковы вечности лишь для того, чтобы слиться сверкающей искрой на один короткий миг, а потом сгореть в мучениях и боли, чтобы вновь долго и упорно искать друг друга?

— Я попробую, — решительно кивнула Лиара, так серьезно, словно шла на бой, и Рада вздрогнула, не сразу понимая, что искорка отвечает на вопрос Алеора. — Что касается богов, то дело обстоит следующим образом. Есть Великий Отец — Создатель — Сознание, и егс животворящая Сила — Великая Мать. Они оба образуют два Источника, Белый и Черный...

— А это еще что за ересь? — пораженно пробормотала Улыбашка, но Лиара, казалось, даже не услышала ее.

— Когда в великой пустоте Сознанию пришла мысль сотворить мир, он вытолкнул из себя Силу, и та породила на свет Старых Богов во главе с тем, кого здесь называют Ниодером. — Рада поняла, что в груди у нее перехватило, огромными глазами глядя на кучерявую макушку перед собой. — Ниодер должен был сотворить мир, мир идеальный, который мог бы существовать вечно, потому что все попытки создания такого мира до него проваливались. — Лицо Алеора вытянулось, и на нем отразилось настоящее удивление. Лиара неуверенно переводила взгляд с него на Улыбашку, но продолжала говорить: — Ниодер не хотел делать второпях, это был его последний шанс, а потому он думал многие-многие вечности подряд, и его сыновьям это надоело. Старший из них — Грозар Громовержец — бросил Ниодеру вызов, и тот проглотил его. По вечным дорогам безвременья внутри тела своего отца скитался Грозар до тех пор, пока не встретил там свою будущую жену — Мегару, на которой и женился. А потом он убил отца изнутри, и из его тела сотворил мир, в котором и поселились его братья и сестры. Поэтому Молодых Богов чтут больше, чем Старых, чьим телом и является Этлан.

Некоторое время стояла полная тишина, и в голове Рады было шаром покати. Потом Алеор спокойно проговорил:

— Я никогда не слышал о том, что Этлан — последняя попытка Ниодера создать мир. Нас учили, что Ниодер — изначальный бог, творец, который действительно проглотил своего сына, и из чьего тела он и создал Этлан. Но чтобы Ниодеру был дан последний шанс, что все попытки до этого проваливались... — Эльф только покачал головой и вновь спросил: — Хорошо, а Марны тогда как же? Кто они?

— Марны, Дракон Времени Талуга, Его Величество Случай, Царица Судьба — все это сущности Создателя, его Первосущности, еще более мощные, чем Старые и Молодые Боги, созданные после них. Они управляют всем, в том числе и судьбами Старых и Молодых Богов, — голос Лиары звучал напряженно, а ищущий взгляд не отрывался от лица Алеора. Рада ощущала, как Лиара мелко дрожит рядом с ней, буквально трясется всем телом, то ли от страха, то ли от усталости.

— Я никогда не слышал ничего подобного, — тихо повторил Алеор. — Только то, что Марны, Талуга и все остальные — равны богам. И ничего больше. Ни откуда они взялись, ни зачем.

— Может... — начала Улыбашка, и Лиара жадно, с надеждой взглянула на нее, да так, что гномиха даже сбилась с мысли, кашлянула, и только потом продолжила: — Может, ты просто переслушала всех этих песен? Может, просто кто-то в детстве тебе рассказывал сказки, а ты не помнишь подробности правильно и все перепутала?

— Да нет же! — напряженно вскричала Лиара, и голос ее дрожал. — Я просто знак

это! Я это чувствовала, я это проживала, когда сливалась с Миром! Иначе и быть не может! Я не вру!

— Никто здесь не думает, что ты врешь, искорка, — тихонько проговорила Рада, стараясь добавить в свой голос как можно больше тепла. Лиара беспомощно развернулась к ней, и глаза у нее были огромные и перепуганные. Ободряюще улыбнувшись ей, Рада договорила: — Мы просто пытаемся понять, откуда ты все это знаешь.

— Ну хорошо, — заметил эльф, не дав Лиаре ответить. — А эта женщина, огненная женщина, которую ты видела вчера. Она — тоже из Богов? Или, может, из этих Первосущностей, вроде Марн?

— Я не знаю, — растеряно покачала головой Лиара. — Она чувствовалась, как сконцентрированная сила, и пришла защитить, как только я позвала Великую Мать. Так что я просто не знаю. — Она нахмурилась, задумчиво глядя вперед, и добавила: — Она не похожа по ощущению на Молодых Богов. Те — гораздо более... персональные, что ли. У них есть чувства, ощущения, у них есть амбиции, а эта женщина была полна первозданной силы, она была силой сама!

— Подожди, — замогильным голосом проговорила Улыбашка, — а откуда ты знаешь, каковы по ощущению Молодые Боги?

— Я видела их в своих грезах, — с простодушностью ребенка ответила Лиара.

Раде показалось, что ее почти что закапывают в землю. Внутри что-то оборвалось, и глухое беспросветное отчаяние пало на плечи. Она даже не знала, почему так, но инстинктивно прижала к себе искорку, словно могла этим как-то защитить ее от пронзительного взгляда Алеора или немого удивления Улыбашки. Грозар Громовержец, Ирантир, Богон Светлый и все-все боги, что только есть в мире! Смилуйтесь, прошу вас! Пусть она не будет Аватарой Создателя! Только не она!..

Улыбашка вдруг громко хмыкнула и махнула рукой.

— Алеор, да просто девка со странностями и все. Что тут рассусоливать-то? Большой ахинеи я никогда не слышала в жизни! — Она наставительно взглянула на Лиару. — И на твоём месте, я бы язык держала за зубами, девочка, и никому об этом не рассказывала! Потому что если хотя бы один Жрец услышит про Великую Мать и Отца-Сознание, растворенных в Белом и Черном Источниках, тебя сожгут как еретичку на рыночной площади, и никто не успеет за тебя вступиться.

— Но это ведь правда! — настойчиво проговорила Лиара. — Я ничего не придумала!

Гномиха только махнула рукой, рассмеявшись и буркнув что-то себе под нос про детей-сказочников. Но взгляд, которым смотрел на Лиару Алеор, Раде очень не понравился. Эльф не считал это ахинеей, и вот это уже пугало.

— Насчет Белого и Черного Источника — это уже давно известно тем, кто так или иначе связан с Анкана, — тихо заговорил эльф, и улыбка на лице гномихи растаяла. — Что же касается остального... Я бы не поверил в это, если бы не одно обстоятельство. Я не успел рассказать об этом, когда говорил вам про историю сражения семь лет назад в Роуре между анай, вельдами и армиями Сети'Агона.

— Что еще за сражение? — встрепенулась Улыбашка, и Алеор поморщился:

— Я тебе потом отдельно расскажу. Суть не в самом сражении, а в том, что несколько вельдов-ведунов прошли за Семь Преград к самому Черному Источнику, про которого все и думали, что это Неназываемый. — Улыбашка издала горлом какой-то странный звук, на который эльф не прореагировал. — Один из них хотел открыть прямой доступ Сети'Агону к

Черному Источнику через свое тело, а двое других — помешать ему. Им это удалось, вот только оказалось, что внутри Черного Источника со времен Первой Войны Крона спали Эвилид — сильнейшие из его помощников, из среды которых после разгрома его войск уцелел лишь Сет. И этот ведун успел выпустить их в мир, а вместе с ними вышли и оставшиеся в живых Ходячие Грехи, Гротан Кравор.

Рада ощутила себя так, словно на голову ей выплеснули ушат холодной воды. Эвилид, в дословном переводе «Высшие», были едва ли не настолько же сильны, как и сам Сети'Агон, а это означало, что теперь в мире их было тринадцать. Тринадцать при том, что один только Сет держал весь Этлан в страхе семь тысячелетий. А Гротан Кравор были и того страшнее — бледные тени, олицетворения всего самого темного в человеческом сердце, способные свести с ума и подчинить своей воле за считанные мгновения. Никто не мог сопротивляться им, если не лгали сказания, и Аллариэль с Налeanом, эльфийские Владыки древности, отдали свои жизни, чтобы уничтожить лишь двоих из них, самых слабых.

— Поэтому Анкана и обратились к Илиону, чтобы он послал кого-нибудь за Семь Преград и запечатал Черный Источник, пока Эвилид не добрались до него сами, — спокойно продолжил Алеор таким тоном, словно эти вещи его нисколько не волновали. — Дети Ночи в дела Этлана не вмешиваются, поэтому в лице Владыки Лесного Дома они нашли посредника для выполнения такой задачи. Именно этим мы и займемся за Семью Преградами, а это означает, что вполне возможно Эвилид или Гротан Кравор попытаются нам помешать.

— Во имя Камня! — фальцетом пискнула Улыбашка.

— И судьба не просто так привела тебя, Лиара, к нам как раз в тот момент, когда мы собирались за Семь Преград. И ты, Рада, ты ушла из Мелонии, потому что обстоятельства сложились таким образом, чтобы у тебя не осталось ничего, за что ты могла бы держаться. Я, конечно, надеялся, что поход за Семь Преград прельстит тебя, но не был уверен, что ты согласишься. И тут все так складывается, словно сама Судьба повелевала руками Марн, пока они плели твою нить. А эта девочка, — взгляд Алеора переместился на Лиару, и она ощутимо вздрогнула в руках Рады, — оказывается, знает странные вещи, которые неизвестны даже мне. И утверждает, что эти вещи — истина. — Некоторое время Алеор молчал, вглядываясь в их лица и отыскивая на них что-то, и от этого взгляда Рада чувствовала себя физически некомфортно. Слово прямо сейчас эльф подписывал им обоим смертный приговор. — Единственное, чему я научился за долгие полторы тысячи лет своей жизни, так это тому, что совпадений не бывает, — тихо добавил эльф. — Кто-то из вас двоих нужен Сети'Агону, а может, и обе вместе. И это все так или иначе связано с Танцем Хаоса. Так что нам осталось только понять, в чем же тут дело, не так ли?

Губы эльфа растянулись в хищный оскал, и в его глазах просверкнул алый всполох бешенства Тваугебира. Рада знала этот взгляд: он означал, что Алеор теперь никогда не отвяжется от них двоих, раз речь пошла о Танце Хаоса. Ей оставалось только гадать, что же за знаниями была набита голова искорки, и молиться, чтобы она не оказалась Аватарой Создателя. Потому что тогда я потерю ее навсегда.

— Бхара, — тяжело покачала головой Улыбашка. — Лучше бы Огнезadый сожрал тебя эти долгие восемьдесят лет назад. Или операция по пересадке сердца прошла неудачно. Потому что тогда ты бы не подписал меня на этот поход.

— Но я остался жив, Улыбашка, а ты сама на это согласилась, — улыбнулся ей Алеор. — К тому же, Псарь видел тебя и знает, что ты с нами. И удрать у тебя уже не

получится.

— Я знаю, — тяжело вздохнула гномиха, поводя плечами под укутывающим ее тело плащом. — И это самое поганое в сложившейся ситуации.

И сейчас Рада была согласна с каждым ее словом.

===== Глава 23. Провидец =====

Над головой Гардана из конца в конец тянулось низкое серое небо. Лениво ползли тучи, словно гигантские мокрые слизи, и из них на голову без конца сыпалась серая морось, пропитавшая одежду и все его вещи, да и его самого почти что до самых костей. Мир был мокрым, дрязглым, скрытым за толстой подушкой серой взвеси, которая пожирала очертания лесов и полей, затягивала пеленой горизонт, скрадывала все звуки и шорохи, делая их гулками и расплывчатыми.

Дорога на Ронтис вилась между невысоких холмов, кое-где поросших довольно редкими перелесками. Большая часть земель была распахана в зиму, урожай уже собрали, и мокрая пашня дышала паром, неуютная и сырая. Гардан терпеть не мог все, связанное с сельскохозяйственными работами. Его дед ковырялся в грязи, его отец ковырялся в грязи, и он должен был бы тоже до конца своей жизни месить навоз в забытом богами захолустье отдаленной провинции Солем, пытаясь выжать из неподатливой и выдыхающейся земли последние соки, которых в ней уже почти что и не осталось. И все вокруг настойчиво твердили ему, что такова уж судьба: коли ты не родился благородным или хотя бы сыном ремесленника, чьи руки всегда пригодятся в большом городе, то сидеть тебе всю жизнь у печи, обнявшись с коровой, запихивая в себя пустой плохонький хлеб да наблюдая за тем, как твои дети тупеют год от года, кажется, уже рождаясь с сохой в руках, только маленькой.

Долго он слушал все это, ровно до тех пор, пока руки не стали настолько крепкими, чтобы удержать меч, а ноги — сильными, чтобы добежать до ближайшего города достаточно быстро, и отец не смог догнать его и приволочь за ухо обратно в родную грязь. К счастью, в мире были добрые люди, готовые нанять длинноногого как аист, но упрямого паренька на самую тяжелую работу: грузить повозки да рыть выгребные ямы во время привалов. А как только в кармане завелась первая, пока еще медная монета, а на плечах — плохонькая кольчуга, оказалось, что плохих людей в мире гораздо больше, чем хороших, и из этого можно извлечь выгоду. По сути, в наемники-то он пошел тогда, когда его ограбили в третий раз за год, просто потому, что очень хотелось есть. Убийства его не прельщали никогда, но оказалось, что эта работа — не хуже других, да и платят за нее неплохо. А еще — что у него определенно есть талант в этой области. И постепенно, выкупившись у своего первого хозяина, Гардан занялся собственной карьерой, а извилистые разбитые дороги окраин Мелонии вывели его не куда-нибудь, а к северному побережью, где ветра были пронзительны и холодны, небо серо, и царил единственный закон — выживание. И там он выучил еще один урок: никогда не доверять тем, с кем делишь деньги, правда, выучил его уже после того, как все его тело исполосовали тонким бритвенным лезвием, бросив умирать на обочине дороги, где его и подобрала Рада.

Эта странная, шумная, простая как пробка женщина стала ему не только счастливым поворотом в новую жизнь, ведь именно ей он был обязан тем, что вообще в живых остался. Каким-то чудесным, даже самому Гардану непонятным образом она стала ему другом, хотя никогда в жизни он не верил в то, что женщина способна иметь достаточно мозгов, чтобы на равных держать себя с мужчиной. Возможно, дело было тут в том, что Рада никогда не позиционировала себя как женщину. Тряпки ей были чужды, как и деньги, она не требовала

к себе особого отношения из-за того, что ее тело не настолько сильно, как мужское, она никогда не выставляла свою женственность напоказ, чтобы закрыться ей, как щитом, и она впихивала наравне с другими мужчинами, не жалуясь и не кляня судьбу, а ровно так же, как и все.

Поначалу это было странно для Гардана, и он все никак не мог выстроить с ней хоть какую-то систему взаимоотношений, стараясь держаться в стороне. Женщины Мелонии кардинально отличались от нее, как богатые, так и бедные. Обычно дамы при дворе, имеющие деньги, только и делали, что возмущались, что их права ограничены мужским миром правления, что королева не имеет никакого веса и слова, что Лордом-Протектором может быть избран только мужчина, и что вообще в Мелонии по сравнению с Бреготтом царит мужской шовинизм и правление, подавляющее и унижающее женское начало. При этом они преспокойно становились содержанками у богатых любовников, устраивали капризные скандалы, когда мужья не дарили им драгоценности, а при одном упоминании равных обязанностей наравне с правами, кривили губы и говорили, что им не по рангу пачкать руки. Что же касается женщин из низов, которые всю жизнь только и делали, что боролись за свою жизнь, тепло в семье и уют в доме, то им и дела не было никакого ни до равных прав, ни до особого веса в обществе. По большей части они тяжело работали, сносили побои своих мужей, считая, что лучше помалкивать, растили многочисленные стада своих отпрысков, заботясь лишь о том, чтобы тем было что есть и что натянуть на ноги в холода. Они не отличались ни большим умом — на это просто не было времени, ни особенной красотой — тяжелая жизнь разбивала тело не хуже палок, какими наказывали солдат, и напоминали Гардану забитых и запуганных до предела мышей.

Он привык строить свои отношения с женщинами между этих двух крайностей: льстиво заигрывать с богатыми заказчицами, молчаливо пропускать мимо ушей глупости, сыплющиеся из ртов обычных крестьянок, и наслаждаться их крепкими, теплыми телами. И тут на его пути встретила Рада: женщина, напрочь лишенная чего-либо, что напоминало бы желания, не задирающая ни перед кем нос, не спускающая никому оскорблений, и при этом обладающая неплохим чувством юмора и привычкой во все вникать самой. Он очень долго смотрел на нее, пытаясь понять, и в конце концов, через пару лет, до него дошло. Раде и дела не было до всего окружающего мира, до своего титула, имени, пола или эльфийской крови в ее жилах. Глубоко в душе она была ребенком, тем самым карапузом, что наслушался сказок и легенд, сорвал себе ивовый прут и пошел в ближайшую канаву на поиски приключений, воображая, что он герой седой древности, сам Ирантир Солнце с Фаишалем в руках, который идет на подвиг во имя всего мира.

Когда он это впервые понял, это насмешило Гардана, заставив его относиться к Раде слегка свысока. Однако, чем дольше он наблюдал за ней, тем сильнее проникался каким-то необъяснимым ему самому внутренним теплом и признательностью. Буквально чудом эта женщина смогла удержать в клетке из ребер то странное ощущение, которое он забыл уже многие годы назад, то абсолютно детское, наивное, светлое и искристое ожидание великого чуда и чистую радость оттого, что это чудо непременно однажды случится с ней, нужно только подождать. Возможно, она сама не осознавала этого, поэтому и стремилась все дальше и дальше, решая то удрать с пиратами за горизонт, то лезть в горы и выкуривать с самых далеких перевалов отъявленных головорезов, то заливать глотку буквально литрами крепчайшего рома и холодной зимней ночью купаться в ледянце-черном море, с ревом набрасывающимся на скалы. Однако Рада искала, всей собой развернувшись навстречу этому

поиску, и она не отчаивалась, не сдавалась, она была уверена.

И рядом с ней Гардан начинал думать о том, что потерял он сам. Он ведь тоже когда-то мечтал о том дне, когда пыльные дороги будут кошачьими спинами ложиться под копыта его коню, когда ветра понесут его на своих крыльях за горизонт, и он обязательно сразит дракона и встретит самую красивую женщину всех времен. И конечно же героически погибнет на пике славы, и менестрели будут еще тысячи лет носить по дорогам песни о нем, и в каждой захудалой таверне за кружкой дешевого мутного пива люди будут поднимать усталые головы и думать о том, что вот он-то, Гардан, уж совершенно точно правильно сделал, что удрал из дома, и посвятил свою жизнь чему-то большему, чем отцовские грядки. Вот только валяясь в той самой канаве, из которой его вытащила Рада, и пытаясь хоть как-то запихнуть собственные кишки обратно в живот, Гардан, кажется, растерял все свои мечты и надежды и стал простым человеком, который просто делал свою работу, делал хорошо и славно, но иллюзий не испытывал. И постепенно Рада стала для него тем самым, чем так и не осмелился стать он сам, а ее мечта — его собственной мечтой.

Сзади послышалось приглушенное шмыганье носом, и Гардан обернулся. На полкорпуса позади его чалого на гнедой кобыле трясся в седле Далан. Он тоже вымок до нитки, русые волосы облепили мокрой шапочкой головенку, а простая деревенская одежда — худые плечи, и теперь мальчишка выглядел совсем маленьким, словно намочший под дождем тощий воробей.

— Как твоя голова? — сипло спросил Гардан. Почти все дни напролет он молчал, совершенно не представляя, что сказать пареньку, и от этого горло стянуло сухостью, а голос с трудом проталкивался наружу.

— Болит, — буркнул мальчик, не поднимая глаз.

Гардан нахмурился, глядя на него. Они ехали по дороге на северо-восток уже восьмой день подряд, останавливаясь на ночлег в самых захудалых гостиницах, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Первые два дня Далан то и дело начинал хныкать, хоть и старался изо всех сил скрыть это от Гардана, завешивая лицо отросшими пыльными патлами или поглубже натягивая капюшон. Наемник принял правила игры и не лез к мальчишке, чтобы тот смог справиться с бедой самостоятельно, как полагается настоящему мужчине. И ухаживал за ним как мог, уступая ему кровать, когда они останавливались в душной комнатенке на одного человека, подкладывая самые вкусные куски в тарелку и следя за тем, чтобы тот всегда был в тепле.

На третий день Далан более-менее успокоился и затих, и плакать перестал, сжав губы в тонкую нитку и холодным взглядом синих глаз глядя перед собой. Гардан решил, что паренек, наверное, справится, а потому не беспокоил его расспросами или разговорами, тем более, что сам он понятия не имел, о чем можно поговорить с ребенком восьми лет от роду. У него самого детей никогда не было, а если и были, то он о них не знал. Его младшие братья и сестры вечно носились вокруг него одной грязной и худющей кучей некормышей вместе с точно такими же тощими и грязными собаками. И никакое утешение им не требовалось: только еда и как можно больше. К тому же, Далана воспитывали как сына лорда, и Гардан отдавал себе отчет в том, что по качеству и количеству знаний этот паренек уже сейчас, скорее всего, опережает его самого. Ну, или находится на том же уровне, во всяком случае, что касается счета и письма. К своему стыду Гардан с трудом мог нацарапать даже простую записку, несмотря на то, что читал неплохо, а считать умел только золотые или задницы шлюх, потому что все остальные счетные вещи просто не могли надолго

завладеть его вниманием. В связи со всеми этими обстоятельствами, на третий день они тоже молчали, как и на четвертый, и все последующие.

Вот только какое-то время назад наемник заметил, что паренек то и дело трет свой лоб и кривится, словно у него там засела боль. Тут уж пришлось-таки разомкнуть зубы и начать узнавать подробности, потому что Гардан знал: коли уж застудишь голову, живым тебе от Старухи Марны не уйти, и нить твою она перережет как пить дать. И Далан сообщил, что у него болит голова, причем не где-нибудь, а прямо между бровями, и с каждым часом боль становится все сильнее. В тот вечер, чтобы избавить его от этого, Гардан предложил ему немного сильно разбавленного виски. Паренек выпил и уснул как подкошенный прямо в общей зале гостиницы, и Гардану пришлось на руках нести его наверх, раздевать и укладывать под теплые одеяла. Вот только на следующий день головная боль меньше не стала, а еще через день на коже мальчика между бровей появилось маленькое красное пятнышко.

В детских болезнях Гардан разбирался еще меньше, чем в витиеватых каракулях, которые благородные называли высоким письмом. Потому спешить и пытаться как-то лечить паренька он не стал, решив выждать и посмотреть, что будет. Далан мог просто спросонья врезаться головой в дверную ручку, пока выходил из комнаты, или еще где удариться: дети вечно бились обо все, Гардан знал это по себе. Или его могла укусить какая-нибудь назойливая муха, а тот и расчесал пятнышко до тех пор, пока оно не стало причинять боль. Или вообще вырос какой-нибудь внутренний свищ, который теперь выгнивал наружу. В любом случае, сколько бы Гардан ни осматривал паренька, ни интересовался его самочувствием, а жара у него не было, да и выглядел он вполне бодрым и здоровым. Если не считать этой головной боли.

Подтверждая правильность хода его мыслей, сегодня утром на лбу у паренька надулась шишка. Гардан внимательно осмотрел ее со всех сторон, ощупал и пришел к выводу, что это свищ, самый обычный свищ, который легко вскрывался острым ножом, как только достаточно вызревал. А это означало, что им нужно просто дождаться, как только появится белая головка, вскрыть ее и залить рану виски, да и дело с концом. Это он и сообщил пареньку, пообещав ему, что беспокоиться не о чем, и Далан вроде бы кивнул в ответ, хотя никакого особенного интереса к информации не проявил.

Сейчас рука мальчика инстинктивно поползла ко лбу, и он поморщился, тронув большую красную шишку между бровей.

— Не три, — приказал Гардан. — Не дай Грозар занесешь туда грязь. Тогда маленьким шрамом не обойдемся, и девки от тебя начнут морду кривить.

Мальчик ничего не ответил, опуская голову еще ниже, словно пытался спрятаться или сжаться в комок. Гардан понаблюдал за ним некоторое время, а потом отвернулся и нахмурился.

Возможно, стоило бы показать мальчишку какому-нибудь жрецу. Вреда от этого точно не будет: они с Гарданом выглядели достаточно помято и жалко, чтобы никому на свете не пришла в голову мысль, что паренек — сын Лорда Страны и объявленной вне закона Рады Тан'Элиан. К тому же, жрецы ведали травами, разбирались в целебных припарках и всевозможных болячках, и уж они-то точно знали, что делать с этой шишкой. А если им еще и хорошенько повезет, то при храме может оказаться и Истинный Жрец, который вылечит паренька, если это все-таки непростой свищ. Золота у Гардана с собой было достаточно, чтобы оплатить такую услугу, тем более, что Рада никогда не скупилась на вознаграждение

за верную службу, а в ее поместье от брата милорда Ленара его ждала еще более кругленькая сумма за быструю доставку племянника живым из Латра в условиях большой опасности. Я должен тебе жизнь, Рада, и я никогда этого не забуду. Кивнув сам себе, Гардан сообщил, не оборачиваясь:

— Как только увидим Церковь, сразу же заедем, покажем тебя жрецу на всякий случай.

— Хорошо, — негромко отозвался мальчик.

— И не три свою шишку! — еще раз строго приказал Гардан. — Чем больше мусолишь, тем больше воспалится.

Мальчик ничего не ответил, все также понуро сидя в седле.

Дорога лениво извивалась между мокрых холмов. В отдалении среди стоящих под паром полей виднелись фермерские домишки. К северу от города Ваэрнский лес кончался раньше, и здешние места уже принадлежали дому Тан'Гандов, чья резиденция располагалась в Ронтисе. Вот только до самого Ронтиса с подобной скоростью им было еще пилить и пилить. В одиночку Гардан доехал бы гораздо быстрее, но паренек вообще впервые в жизни ехал верхом самостоятельно, и перегружать его без нужды не стоило. Гардан прекрасно помнил, как тяжело в первые недели ему давалось седло: вечную ломоту во всем теле, отбитый зад, ободранную кожу на внутренней стороне бедер. Далан в этом плане держался гораздо лучше, его уже учили ездить верхом на пони, и он несколько раз катался с матерью по окрестностям Латра. Только пони — это все-таки не лошадь, как и двухчасовая прогулка — не полноценный день верхом. А потому Гардан никуда не гнал.

К тому же, не стоило привлекать к себе излишнего внимания. Двое путников, мужчина и мальчик, отчаянно скачущие на север в сторону Ронтиса, запросто могли заинтересовать городскую стражу, которой на дороге в первые несколько дней пути попадалось пруд пруди. Правда, вскоре стражников стало меньше, а на пятый день они и вовсе пропали, как не было. Гардан аккуратно порасспрашивал на эту тему хозяев постоянных дворов, и те охотно рассказали последние сплетни: дескать, беглую жену Лорда Страны обнаружили, и ее увозит прочь из Мелонии Алеор Ренон, к которому просто никто не рискнул соваться. Они, правда, изо всех сил выпячивали грудь и божились Гардану, что стражники в Онере уж точно смогут перехватить беглецов и предать Раду суду, только Гардан очень в этом сомневался. Ни один нормальный человек не стал бы заступать дорогу Тваугебиру, и в его обществе Рада была в абсолютной безопасности.

Однако сам Гардан Тваугебиром не был, а это означало, что с ним у стражи разговор будет коротким. Он очень внимательно выслушивал все слухи, и пока еще маленький сын миледи Тан'Элиан числился то ли убитым вместе со своим отцом, то ли без вести пропавшим. В грязном оборвыше, которого вез с собой Гардан, узнать наследника одного из богатейших домов Мелонии было сложно, а потому тот преспокойно называл паренька своим сыном, и взгляды хозяев гостиницы не задерживались на нем дольше двух секунд. Этого Гардан тоже понять не мог: абсолютной человеческой слепоты и глупости. Оттуда у черноволосого темноглазого наемника мог взяться русоволосый голубоглазый сын, похоже, никого и не интересовало, и за это Гардан благодарил Грозара и всех богов вместе взятых. Да и пареньку хватало ума держать язык за зубами и не поднимать глаз от стола, пока наемник выслушивал сплетни любивших поболтать трактирщиков. Хотя порой скулы его и деревенели, а зубы издавали явственный скрежет, когда какой-нибудь очередной облысевший пузан начинал всю костерить Раду и называть ее царубийцей и еще более нелепецприятными словами.

Ситуацию осложняло и то, что никто не самом деле не знал, что именно произошло в имени Тан'Элиан, когда Рада вернулась после так называемого убийства Лорда-Протектора. Тело наемника слуги во дворе обнаружили, но мало кто из них верил в то, что это именно он убил Ленара Тан'Элиан. Раду в поместье не знали и чурались ее эльфийской крови и не женского нрава, а потому кое-кто уже начал поговаривать, что мертвый наемник — ее сообщник, которого она наняла, чтобы зарезать собственного мужа, и даже больше, что это ее любовник, вместе с ней убивший Ленара. Зачем Раде нужно было убивать этого любовника, никто из них внятно объяснить не мог, но все уверенно твердили одно и то же: эльфийка Рада из ненависти и мести убила Гелата, Аспара, короля, Лорда-Протектора и даже собственного мужа с подвернувшейся под руку леди Тайрен, и все лишь потому, что сердца эльфов черны и полны ненависти и зависти, и вообще всех их в шею надо гнать прочь из провинции Рамасан и территории Мелонии в целом.

На эти слова Гардан только хмуро улыбался и молчал, выжидая своего часа, и дождался-таки: новые сплетни полетели по дорогам от провинции Рамасан, в которой вновь начались волнения. Видимо, кто-то из местных попытался напакостить эльфам, потому что не в состоянии был вздернуть Раду, и те дали отпор, как и ожидалось. И вскоре там, как всегда, завязалась долгоиграющая свалка с взаимными оскорблениями и поджогами сараев, и момент, надо сказать, был самый подходящий: ни Лорда-Протектора, ни короля в Латре пока еще выбрать были не в состоянии. Дворяне намертво грызлись друг с другом за важные посты в государстве, формировали новый Совет Лордов из-за отсутствия в нем аж троих представителей, и им совершенно никакого дела не было до беспорядков в провинции совместного проживания. Ну и заварила же ты кашу, Рада! И ничего для этого не сделала, просто приехала в город. В какой-то момент Гардан даже ощутил невольную гордость за то, что устроила эта золотоволосая громогласная женщина. И потом эти курицы при дворе еще говорят, что женщины в Мелонии обделены властью! Да вы посмотрите, какой властью наделена эта так ненавидимая вами эльфийка, раз смогла буквально в несколько дней разжечь настоящий пожар!

— Гардан, — каким-то странным голосом позвал из-за спины Далан, и наемник вздрогнул, вырываясь из своих мыслей.

— Чего? — он повернулся к нему и остолбенел, чувствуя, как холод моментально вымораживает спину.

Мальчик все также сидел в седле, испуганно глядя на свои ладони, красные от крови. Кровь текла и по его лицу, капая с кончика носа прямо на гриву гнедой кобылы, а во лбу виднелось тонкое отверстие прямо посреди шишки, словно кто-то вспорол ее клинком.

— Бхара! — приглушенно рявкнул Гардан, рывком подводя своего чалого к мальчишке и сжимая ладонями его лицо. — Что ты сделал?

— Ничего! Я даже ничего не трогал! — перепугано пискнул Далан. — Она сама потекла!

Гардан нервно сглотнул моментально забивший глотку комок. Шишка, которую он принял за свищ, теперь вскрылась посередине, кожа прорвалась, обнажив тонкую полосу чего-то белого. И это белое там, в голове мальчика, шевелилось, словно живое. Только крови было слишком много, чтобы он мог разглядеть, что это.

Страх моментально выстудил кровь, и Гардан на миг замер, раздумывая, что делать. Потом он полез за пазуху и вытащил из нашитого изнутри под курткой кармана чистый кусок полотна, который всегда носил с собой на случай ранения. Ткань изрядно подмокла,

как и все их вещи, однако ничего лучшего или более чистого у него с собой все равно не было. Быстро размотав полотно, Гардан принялся накладывать повязку прямо на эту штуку во лбу паренька, лихорадочно раздумывая о том, что же это такое могло быть, и не померещилось ли ему чего из-за этой сырой мороси и вечного холода.

— Гардан, что со мной? — вскинул на него мальчишка Радины синие глаза. — Так больно!.. И кровь течет!..

— Успокойся, сынок, — он постарался сделать так, чтобы голос звучал как можно увереннее, однако глотка давала петуха, и от этого говорить было сложно. Гардан был готов поклясться в том, что во лбу у мальчика что-то шевелилось, но паренька раньше времени пугать не стоило. — Просто свищ прорвался. Сейчас я остановлю кровь, а потом мы с тобой быстро-быстро доедем до деревни и там найдем жреца. Договорились? Ты только потерпи!

— Я терплю, — дрожащим голосом отозвался паренек. В глазах у него плескался ужас, но он изо всех сил делал вид, что все в порядке. — Это же всего лишь свищ.

— Да, сынок, просто свищ! — кивнул Гардан, затягивая узел на затылке мальчишки. Пальцы ходили ходуном, а перепачканные в крови руки были ледяными, как голыши в талой воде. — А теперь давай-ка, перебирайся на мою лошадь, поедем чутка побыстрее.

— Я и сам могу, — запротестовал мальчик, подбирая поводья. — Я уже много дней еду и понял, как правильно надо.

— А если ты с седла упадешь ненароком, если голова разболится? Как я тебя буду из грязи-то вытаскивать? — строго взглянул на него Гардан.

— Не упаду, — помотал головой мальчик, серьезно глядя на него. — Честное слово.

От того, что он только что увидел, волосы на голове шевелились, и нормально размышлять Гардан сейчас был просто не в состоянии. Если мальчишка выпадет из седла, будет плохо, но если они вдвоем поедут на чалом Гардана, будет медленнее. Проклятье, я ведь понятия не имею, стоит ли нам спешить или нет! Перед внутренним взором опять возникло шевелящееся белое месиво под кожей паренька, и Гардана передернуло.

— Ладно, — кивнул он. — Езжай в своем седле, но держись крепче. Ты должен дотерпеть до деревни, понял, парень? Как только мы увидим Церковь, тебе помогут.

— Хорошо, — серьезно взглянул на него Далан. Судя по всему, он и сам не на шутку испугался, а это было уже неплохо. Может, испуг поможет ему дожить до этой проклятой Церкви, позволит оставаться в себе достаточно долго.

— Поехали! — Гардан отпустил поводья его кобылы и пришпорил чалого.

Копыта лошадей загрохотали по мокрому дорожному полотну, и точно с такой же скоростью колотилось сердце в груди у Гардана, едва не выпрыгивая из его глотки и не выбивая ему зубы. Никогда в жизни он не видел и не слышал ни о чем подобном, и лютей страх сжимал внутренности при одной мысли о том, что мальчишка вот прямо сейчас умрет. Рада доверила ему своего сына, попросила довести его живым до его родных, а Гардан даже не уследил за тем, как у него под кожей поселилась какая-то дрянь. И ведь парень жаловался на то, что болит голова, жаловался, да только Гардан решил, что ему до этого нет никакого дела, все равно ничем страшным это быть не может. Дурак! Придурак ленивый! Если бы ты сразу повнимательнее посмотрел! Горечь стиснула сердце, и Гардан пригнулся пониже к гриве своего коня, то и дело бросая взгляды на скачущего рядом мальчишку.

Во всяком случае, Далан не выглядел так, будто умирает. Кровь пропитала бинты на его лбу, но больше ее не становилось, да и цвет лица у паренька был нормальным, и в седле он держался ровной собранно. Только иногда как-то странно смаргивал, словно глаза у него

закатывались, но поводыев не отпускал и не шатался. Он сам испугался, вот его и трясет. Нужно просто дотянуть до следующей деревни! Чем быстрее мы будем там, тем быстрее нам помогут! Гардан гнал от себя невеселые мысли о том, что в деревне может не оказаться Истинного жреца, способного им помочь, или даже просто церкви, что паренек вообще может умереть в любой миг, не добравшись до помощи. Проклятье! Рада доверила мне своего сына! И я уберегу его любой ценой!

Когда впереди между холмов замаячил медный купол деревенского храма, Гардан едва не застонал от облегчения. Деревенские домишки показались чуть позже, окружая храм со всех сторон и обнимая дорогу, прорезающую поселение насквозь и служащую еще одним источником дохода для местных жителей. Обычно на подъезде к деревням Гардан сбавлял ход лошади, чтобы не привлекать к себе внимания, однако теперь он лишь сильнее хлестнул поводами чалого, пролетая между первыми деревенскими домами под перепуганные крики местных жителей и залиvistый лай собак.

С квохтаньем разлетались в стороны бродящие по дороге куры, копыта лошадей разбрызгивали комья грязи, и разозленные деревенские кричали что-то Гардану вслед, потрясая кулаками. Только он не слышал ничего, кроме грохота крови у себя в ушах, и казалось, даже не вздохнул, пока чалый, вскидывая голову и храпя, не замер перед дубовыми дверями, ведущими внутрь деревенской церкви.

Гардан одним махом соскочил с коня и подбежал к кобыле мальчишки как раз вовремя, чтобы успеть подхватить его. Руки паренька разжались на поводьях, и он без сил сполз с седла, конвульсивно подергиваясь всем телом, словно уже началась агония. Закусив губу, Гардан прижал его к себе поближе и вбежал в приоткрытую дверь церкви.

Здание было небольшим, всего с одним медным куполом-луковицей. Полутемное внутреннее помещение наполнял тяжелый густой запах ладана, стены покрывали фрески с изображениями Кану Защитницы, молодой женщины со светлым ликом и сложенными на груди в молитвенном жесте ладонями. У дальней стены помещения чадили большие подсвечники, в которых горело множество свечей, и один старенький жрец, кряхтя, бормотал молитву.

Сапоги Гардана загрохотали по деревянным полам церквушки, на куски разорвав царящую тут густую тишину, и жрец вздрогнул всем телом, оборачиваясь. Это был невысокий мужчина с выбритым до зеркального блеска черепом и испещренным морщинами лицом. Одет он был в простой белый балахон, подпоясанный куском веревки, как и полагалось носить жрецам Молодых Богов, а его длинная борода спускалась на грудь, перевязанная посередине мелкими разноцветными веревочками, на концах которых болтались крохотные изображения серебряных голубок — птиц Кану.

— Что ты так шумишь, окаянный? Это же храм! — жрец свел к носу кустистые седые брови и начал угрожающе подниматься, но Гардан не дал ему возможности закончить свою отповедь.

Подбежав к жрецу, наемник упал на пол на колени и осторожно уложил содрогавшегося мальчика на покрытые пятнами воска доски.

— Отче, беда! — пальцы так дрожали, что развязывать узел повязки он был просто не в состоянии, а потому ухватился за промокшие от крови бинты и содрал их с головы Далана одним рывком. Кровь из раны на лбу сразу же хлынула ручьем, и жрец с криком отшатнулся назад. — Помогите, отче! — взмолился Гардан, держа мальчика за плечи и пытаясь хоть как-то остановить неконтролируемые судороги рук и ног. — Он жаловался на головную боль уже

несколько дней, а потом на лбу у него вскочил этот свищ! Только вот это не свищ, это...

Договорить Гардан не успел. Рана во лбу мальчика вдруг сама по себе раскрылась, и оттуда выглянул глаз.

В один миг в помещении стало так душно и холодно, что Гардан ощутил, как у него отнимаются руки. Откуда-то издалека раздался вскрик жреца, но ему уже не было до этого никакого дела. Во лбу Далана между бровей зияло третье око, вертикальное, с двумя большими веками, которые до этого он принял за опухоль свища. Один черный зрачок посреди большого белка, и этот зрачок смотрел прямо в душу Гардана.

Весь мир затих, словно звук высосали из него вместе со светом и запахами. Гардан не мог шелохнуться, глядя, как замороженный, в черную беспросветную ночь зрачка, которая притянула его сознание, будто смола. Этот взгляд был физически ощутимым, сильным, настойчивым. Он проникал сквозь его кожу и кости, доходил до самой сути его сердца и внимательно рассматривал все, каждый самый дальний уголок сознания, каждый далеко запрятанный темный секрет, каждый страх и каждую радость. Под этим взглядом Гардан чувствовал себя обнаженным до предела и вывернутым наизнанку, и ничего не осталось в мире, кроме бездонного колодца во лбу мальчика.

В этом колодце, далеко-далеко, плескалось дымное море. Гардан видел волны, перекатывающиеся одна за другой, волны странного серебристого света с росчерками разноцветных молний. Он видел отблески света на серых стенах каменной пещеры, видел Золотое Веретено, светящееся так нестерпимо ярко, что на него было больно смотреть, видел мотки золотистой мягкой пряжи, похожие то ли на облака, то ли на нестриженные бараньи бока. А еще он видел ножницы: громадные, ржавые по краям, ослепительно-острые по самой грани лезвия.

Он вскрикнул, когда обычный свет вернулся, ударив по глазам. Зрачок изо лба мальчика все еще смотрел на него, но Далан прекратил дрожать. Он медленно открыл свои собственные глаза, в которых тоже больше не было голубой Радиной радужки, а только черное маковое семечко, сжавшееся в точку. А потом мальчик заговорил, и голос его не принадлежал человеку.

Уши Гардана звенели от напряжения, готовые в следующий миг просто взорваться, и он слышал скорее чем-то внутри, слышал этот голос буквально всем своим существом, а не ушами. Тугие могучие волны, подобные морской буре под кипящим серым небом, сотрясали все тело наемника, держащего в руках мальчишку с тремя глазами, губы которого шевелились, а с них слетали слова, впечатываясь прямо в кровь Гардана, в плоть его сердца:

— ГОЛОСОМ ЧИСТОГО РЕБЕНКА БУДЕТ ГОВОРИТЬ ДЕВА. МЫ ЗАЯВЛЯЕМ ПРАВА НА НЕГО ОТНЫНЕ И ВОВЕКИ ВЕКОВ. ОН НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НИ ЖЕНЩИНЕ, НИ МУЖЧИНЕ, НИ СТРАНЕ, НИ БОГАМ. НА НЕМ — ПЕЧАТЬ МАРН, И ИХ ЛИШЬ ОН И ГОЛОСОМ ОН БУДЕТ.

Звук вырос, словно гигантское дерево из крохотной почки, заполнял помещение маленькой церкви, и от его грохота завибрировали стены, закачались подсвечники, заплясало пламя тысяч тонких церковных свечей. Звук поднимался вверх, все выше и выше, пока не тронул тяжелый литой колокол под самой луковицей церкви, в который звонили по особым праздникам, и который теперь утробно загудел в ответ. Гардан ощутил, как саднят зубы в его деснах, когда губы мальчика вновь приоткрылись, и тот же Голос произнес:

— ВЕТРА ПЕРЕМЕН ИДУТ С ВОСТОКА, А ВМЕСТЕ С НИМИ — СТРАХ И НАДЕЖДА, КОТОРОЙ НЕ ЗНАЛИ ДОСЕЛЕ. НЫНЕ ВОЗВЕЩАЕТСЯ, ЧТО ВСЕ

БУДУТ РОЖДЕНЫ ТЕ, КОМУ ПРЕДНАЧЕРТАНО РАЗРУШИТЬ ВСЕ ЗАКОНЫ ПРОЯВИТЬ ВОЛЮ, ИВЗЕЧНУЮ ИСТИНУ И ПЕРВОПРИЧИНУ ВСЕГО. ГЛАША БОГА ВНОВЬ СТУПЯТ НА ЗЕМЛЮ, И ЗЕМЛЯ СОДРОГНЕТСЯ ПОД ОГНЕННОЙ ПАВАТАР.

Гардан ощутил, как пережимает в груди. Холодный пот выступил крупными каплями по всему телу, а все мышцы сжало в судороге, словно чья-то громадная рука обхватила его со всех сторон и давила, давила. Он мог только молча смотреть в Око Марны Девы и слушать ее голос, который стал уже громче весеннего бурлящего от грозы неба, громче морских штормов и лютого зимнего бурана. Словно могучая волна выплеснувшись этот звук сквозь двери и окна старой церквушки и хлынул наружу, и откуда-то Гардан знал, что сейчас вся деревня до последнего жителя слышит пророчество о приходе Аватар и тоже не может двинуть ни единым мускулом, подчиняясь тяжелой, как гора, непреклонной воле Марн.

— ВСЕ СТАРОЕ БУДЕТ РАЗРУШЕНО, И ПЕЛЕНА ЛЖИ ПАДЕТ. РАССЫПЯТСЯ ПРАХ ЦЕРКВИ, ГОСУДАРСТВА И ЗАКОНЫ, И В ЧАС БОГА ВСЕ НАРОДЫ ВСТАЮТ ОБНАЖЕННЫМИ ПЕРЕД ИСТИНОЙ, РАСПУСТИВШЕЙСЯ КАК БУТОН ЦВЕТКА БУДЕТ ДАН ВЫБОР: ИЗМЕНИТЬСЯ И ШАГНУТЬ В БЕСКРАЙНИЕ МИРЫ ВЕЧНОСТИ ИЛИ УЙТИ В ПРОШЛОЕ, СТАВ ЛИШЬ ПЫЛЬЮ БЕСКОНЕЧНЫХ ВЕТРОВ ВРЕМЕН. КОГДА ОГНЕННОЕ КОЛЕСО ПЕРЕТРЕТ САМО СЕБЯ, И ВЫСШАЯ ИСТИНА ЯВИТСЯ МИРУ.

Давление стало невыносимым, и Гардан ощутил, что плачет. Слезы текли по щекам, смешавшись с потом, а его обнаженная, беззащитная, оголенная душа трепетала в благоговении крохотной букашкой перед затмившим полмира Оком Марн.

— ГРЯДЕТ ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ ХАОСА, ЧТО СТАНЕТ КОНЦОМ НЫНЕ ЗРИМОГО МИРА. И ГОРЕ ТОМУ, КТО ЗАЙМЕТ В ЭТОМ ТАНЦЕ НЕВЕРНУЮ СТОРОНУ. НАСТУПИТ ЧАС БОГА, И ВСЕ НАРОДЫ ДОЛЖНЫ СКЛОНИТЬ ГОЛОВУ ПЕРЕД ЕГО ВЕЛИЧИЕМ ИСКРЕННО ОТКРЫТЬ ЕМУ СВОЮ ДУШУ, ИБО ТОЛЬКО ТОГДА ОНИ СМОГУТ ВСТУПИТЬ В ЗОЛОТЫЕ ДВЕРИ ВЕЧНОСТИ И СТАТЬ ТЕМ, ЧЕМ ИМ ПРЕДНАЗНАЧЕНО СТАТЬ В ИЗНАЧАЛЬНЫХ ВРЕМЕН. СКЛОНИТЕСЬ ПЕРЕД СВОИМ СОЗДАТЕЛЕМ И ВЕЛИКОМ МАТЕРЬЮ, КАК СКЛОНЯЕМСЯ МЫ, ИБО ВАС ЖДЕТ ВЕЛИКАЯ СУДЬБА — ВИД КОНЕЦ МИРА И РОЖДЕНИЕ НОВОГО ДНЯ.

Голос замолчал, но волны силы продолжали сотрясать все окружающее пространство, и Гардан чувствовал себя лишь сухим осенним листом на ураганном ветру, который не в силах сопротивляться могучей воле. Глаз Марны Девы сконцентрировался прямо на нем, и губы Далана вновь зашевелились. Голос больше не звучал вслух, он лишь тихо-тихо шептал в сознании Гардана, прямо в глубине его груди, и от этого все тело насквозь прошивали золотые солнечные лучи.

— А ТЫ, ЧЕЛОВЕЧЕ, ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ НИ ОДИН ПИРАТСКИЙ КАПИТАН В БУХТЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ НЕ ПОКИНУЛ ПОРТА И НЕ ОТПЛЫЛ НА ДО НАСТУПЛЕНИЯ ПЕРВОГО ДНЯ СЕЗОНА ШТОРМОВ. ПОТОМУ ЧТО ИНАК ИНАК ВСЯКАЯ НАДЕЖДА БУДЕТ ПОТЕРЯНА.

В следующий миг грандиозная мощь, заполнившая весь мир, схлынула прочь, как отступающая после наводнения вода. Сердце Гардана успело ударить лишь три раза, и ничего уже не было, только звенящее ощущение где-то на границе сознания, будто неумолимый приказ вплавился прямо в его плоть и кровь, стал его частью, пережав каждую клетку изнутри.

Гардан захрипел, опрокидываясь на спину и дрожа, когда все сведенные судорогой мускулы распустились, как желе. Он больно ударился затылком об пол, и это слегка привело его в чувства, позволив восстановить координацию движений. Наемник завозился на полу, моргая полуослепшими глазами. В помещении стоял все тот же сумрак, все так же кружились пылинки в приглушенном оранжевом сиянии свечей, все так же смотрела со стен кроткая Кану Защитница, сложив ладони на груди и слегка улыбаясь, так понимающе, так нежно.

Наемник кое-как смог сесть и взглянул на распростершегося перед ним на полу мальчика. Тот лежал, мирный и тихий, и, судя по спокойному дыханию, крепко спал. Его измазанное кровью лицо тоже было расслабленным, а око во лбу закрылось до поры до времени, два вертикально расположенных века с кровавой полосой между ними.

— Светлые боги! — бормотал рядом жрец, кое-как поднимаясь с пола.

Гардан взглянул на него, ощущая, насколько потрясающе пуста его голова, словно отродясь в ней не было ничего, кроме гуляющего между ушами ветра. Жрец шарил дрожащими руками по полу, пытаясь опереться о него ладонями и то и дело наступая на собственную бороду, что и мешало ему подняться на ноги, и чего он совершенно не замечал. Его взгляд был прикован к спящему на полу мальчику, который был выбран Единоглазыми Марнами собственным голосом, а губы тихонько шевелились, шепча молитвы.

— Как зовут этого ребенка? — разобрал в болезненном дрожании его голоса Гардан несколько связных слов.

— Теперь этот ребенок принадлежит Марнам, — с трудом ворочая языком, проговорил он в ответ. — И он Провидец. Вряд ли его имя имеет значение.

Внутри у Гардана разливалось теплое море покоя, по которому пробегала мелкая рябь — приказ Марны идти на север и остановить пиратских капитанов от отплытия, впечатавшийся в его плоть и кровь. Это требование было единственным и неумолимым, хоть он и не понимал, почему оно так, да и не стремился понять это. Прости, Рада, я не уберег твоего сына, — рассеяно подумал Гардан, во все глаза глядя на мирно спящего мальчика. Его забрали себе Марны. Вряд ли я смог бы хоть что-то им противопоставить, ты же понимаешь это. Надеюсь, ты поймешь меня.

===== Глава 24. На подступах к Серой Топи =====

День ото дня становилось все холоднее. Дождь то прекращался, то снова начинал накрапывать, и осеннее небо было беспокойным, растревоженным, словно большой зверь, никак не желающий засыпать в своей берлоге и все бесцельно бродящий туда сюда. Облака тянулись низко над землей, и из них то и дело выглядывало точно такое же низкое солнце. И ветер, пронзительный ветер с востока все дул и дул, толкая между плеч, и Рада чувствовала себя так, словно он специально пытается поскорее выгнать ее из страны, словно ему не терпится, чтобы она покинула наконец Мелонию.

Ваэрнский лес кончился, и теперь дорога тянулась через просторные поля с убранный пшеницей. Вдоль нее как грибы выростали деревни и деревушки, в отдалении среди полей виднелись одинокие фермерские дома в окружении хозяйственных построек. Беспородные псы, мотая хвостами-баранками, иногда подбегали оттуда к дороге, завидев путников, и беззлобно брехали, зарабатывая себе на кость.

Пожалуй, в эти дни псы были единственными созданиями, которые вообще рисковали подходить к четверым путникам. Остальные встреченные на дороге старались держаться от них как можно дальше или вообще, только завидев их издалека, сворачивали с пути и

ожидали, пока ведомый Реноном отряд проедет мимо.

Раду всегда поражала скорость, с которой распространялись слухи. Казалось, что у них были крылья, и передвигались они буквально с порывами холодного ветра, потому что во всех селениях по дороге на Онер еще до их приезда знали, что именно на них охотится Свора с Пастырем, и именно они навлекли беду на тот постоянный двор в двух неделях пути к востоку. Это одновременно и облегчало им путь, и осложняло его.

Рада теперь ни при каких обстоятельствах не рискнула бы останавливаться на постоянных дворах или в других людских селениях, а потому спали они так же, как и в начале своего пути: на земле возле походных костров. В дождь это было не слишком-то приятное занятие, но после той ночи погода пошла на поправку, и даже если с неба и накрапывало, то недостаточно сильно, чтобы им помешать. А потому Алеор вел их со всей возможной скоростью, поднимая еще до света и разрешая привал на ночь уже тогда, когда Рада почти что замертво из седла валилась. И как бы ни было разбито усталостью Радино тело, как ни стонала бы Улыбашка, проклиная на чем свет стоит себя за то, что вообще связалась с Алеором, как бы ни перебрехивались все путники с вечно недовольным и едким эльфом, а скорость дала свои плоды, и к Онеру они приближались гораздо быстрее, чем изначально рассчитывал Алеор. Да и от погони вроде бы оторвались, во всяком случае, пока что ни намек на Свору или других слуг Сети'Агона им не встретилось. Да оно и немудрено, учитывая предосторожности, которые предпринял Алеор.

Благодаря Песне Земли, которую он использовал, чтобы сбить Свору со следа, ноги Рады больше не оставляли никаких следов на земле. Конские копыта отпечатывались в грязи у обочины дороги, а вот от ее собственных ног следов не оставалось вообще, будто она ничего и не весила вовсе. Рада заметила это случайно во время вечернего привала, и некоторое время внимательно разглядывала свои ноги, пытаясь понять, не померещилось ли ей. Даже потопталась в грязи в низинке возле дорожного полотна, чтобы точно убедиться. На размокшей земле не осталось ни следа, будто ее сапоги буквально втекали в грязь, сливаясь с ней и становясь ее частью.

Однако помимо следов, которые могли учуять Гончие, были еще и птицы, следящие за ними своими черными глазами-бусинками. Тут Алеор уже ничего не мог поделать и обратился за помощью к Лиаре. Рада понятия не имела, что она сделала, только теперь Алеор утверждал, что на них брошена какая-то сеть из света, которая отводит глаза тварям, рышущим для Птичника по окрестностям. Никаких особенных изменений в своем состоянии Рада не чувствовала, за исключением разве что мелкой щекотки, которой стянуло всю кожу. Ощущение было странным: словно она целиком обмазалась маслом. Рада просыпалась и засыпала только с этим чувством, гадая, как же Лиара провернула такую штуку, и главное, когда же наконец в этом уже не будет необходимости. На ее взгляд, они двигались достаточно быстро и ушли уже очень далеко от того места, где погоня пошла по ложному следу, чтобы немного расслабиться. Не совсем потерять бдительность и перестать оглядываться через плечо, — Рада прекрасно помнила, какой ценой это обошлось в прошлый раз, — но, во всяком случае, уже не гнать во весь опор, изнашивая и себя, и животных. С другой стороны, в одном Алеор был прав: Сети'Агон никогда не отпускал своих жертв с поводка. Если уж он хотел кого убить или поймать, то этот несчастный рано или поздно умирал, а это означало, что перспективы у них у всех не слишком радостные.

Рада нахмурилась, прокручивая в голове все, что услышала за это время от эльфа. И невольно ее взгляд уперся в спину искорки, что ехала вновь на своей гнедой кобыле справа

от Рады, стараясь держаться как можно ближе к ней. Плечи ее закрывал серенький плащ, купленный ими по дороге у первого же торговца, который не успел еще услышать новости о Своре и нападении на постоянный двор. Кудряшки большой пушистой шапочкой охватывали голову искорки, и Рада поймала себя на мысли, что вновь хочет запустить в них пальцы и ощутить эту странную мягкость, от которой внутри все пронзала звенящая нежность. Не могло быть так, чтобы эта девочка была Аватарой, это было бы слишком жестоко. Да и она клялась всеми Богами, что не имеет ничего общего с Источниками, что никогда не соединялась с ними, и что та огненная женщина, что пришла на помощь во время нападения Гончих, тоже с этим никак связана не была.

Если вы слышите меня, боги, сделайте так, чтобы так оно все и было. Пожалуйста, не дайте ей оказаться Аватарой, уберегите ее. Лиара почувствовала ее взгляд и обернулась, и в ее серых задумчивых штормовых глазах тоже был невысказанный вопрос и тревога.

Благодаря случайно брошенной фразе эльфа, подробности которой он комментировать отказался, Рада теперь вообще чувствовала себя так, словно весь мир ополчился на нее. И все дело было в Эвилид, тех самых, что, по словам Алеора, вновь вернулись в мир. Мозг буксовал и отказывался понимать, как они были заперты в Черном Источнике, и уж тем более, каким именно образом их оттуда все-таки вытащили, да это и не было так уж и важно. Важно было другое: сами Эвилид. В молодости она изучала историю Первой Войны, ее все изучали до дыр, покуда все эти даты, имена и названия намертво не впечатывались в память. Потом, правда, она выбросила большую часть этой информации из головы. Ну, каким образом родственные связи дома Стальвов, к которому принадлежал Ирантир, со всеми остальными эльфийскими домами могли помочь ей научиться фехтовать? Однако, кое-что в памяти осталось, и прежде всего, — Эвилид.

Сильнейшие ученики Крона, его надежные соратники, которые отреклись от всего мира для того, чтобы вместе со своим господином осуществить полный захват власти над Этланом. Среди них были и те, кто присягал Анкана, и выходцы из Истинных жрецов Церкви, Белой и Черной Рук, причем не какие-нибудь слабые ведуны, едва способные зажечь свечу, но одни из самых могущественных. И их имена и деяния тоже одно за другим всплывали в памяти, заставляя холодные мурашки бежать по коже. Инди'Агон, почти равный по силе Сети'Агону, в одиночку уничтоживший город эльфов Атаэль Давир вместе со всем его населением. Файиль, обезумевшая женщина-тарваг, которая однажды сожгла заживо десять тысяч сдавшихся в плен людей, перед этим пообещав, что помилует каждого, кто сложит оружие. Авелах, которого иногда называли еще и Праведником, бывший до войны одним из Первых Жрецов, который обманом и посулами заставил несколько полных Церковных приходов перейти на сторону Крона, а потом подчинил себе ведунов, полностью контролируя их мозги и заставляя сражаться против Ирантира. Говорили, что эти люди плакали и кричали от отчаяния, убивая собственных близких, сражавшихся на другой стороне, но не подчиниться влиянию Авелаха не могли. Радую передернуло. Если теперь все эти твари были вновь на свободе, значит, Сети'Агон планировал новое вторжение, еще одну войну, к которой мир ох как не был готов. А тут еще и Танец Хаоса примешивался...

Понятное дело, что все это могло быть связано друг с другом, что это и должно было быть связано. Сети'Агон мог решить воспользоваться наступлением Танца Хаоса и паники, которую он с собой нес, для того, чтобы нанести удар по народам Этлана и попытаться захватить власть. В таком случае, возникал вопрос: что будут делать Аватары Создателя? Их непосредственной задачей было остановить Аватара Хаоса и его полчища, не дать защитным

в черные мешки мертвякам перебить все население Этлана во имя планов Голоса Хозяина, как называл себя Аватар Хаоса. Остановить мертвяков было очень сложно: оружие их почти что и не брало, зато сами они убивали с легкостью и быстротой, и убитые ими люди на следующем рассвете поднимались, если их тела никто не сжигал. Обычно на то, чтобы завершить Танец Хаоса, Аватарам требовалось от одного до нескольких десятков лет, и за это время население Этлана стремительно сокращалось, государства замыкались в себе, закрывались друг от друга, подозрительность, недоверие и страх пропитывали все внешние контакты с миром.

И если именно в такой момент в спину Аватарам ударит еще и Сети'Агон со всеми своими полчищами, то они окажутся между молотом и наковальней. Станут ли они сражаться на два фронта? Развернут ли они армии Спутников, примкнувших к ним для борьбы с Аватаром Хаоса, против Сета, если это понадобится? Рада не знала этого. Она помнила только, как был разрушен Мелоньяр Тонал.

Последний король Мелоньяр Тонала, Хорезмир Проклятый, ослепленный гордыней и нашептываниями приближенных, отказался поддержать Танец Хаоса. Он объявил, что Аватары борются лишь за собственное господство, что хотят захватить все страны Срединного Материка и создать свою империю, а угроза со стороны Аватара Хаоса слишком незначительна, и Мелоньяр Тонал уж точно справится с ней самостоятельно. А вся буча поднялась только из-за того, что Аватара Энерион была рождена в семье правителя государства Руон, и потому наследовала трон. Свой приход к власти она начала с армией Руона за спиной, которую и повела по миру, используя солдат против мертвяков Аватара Хаоса. Чтобы никому не пришло в голову, что Аватары пытаются создать свою империю, Энерион объявила о прекращении существования государства Руон и передаче всех его земель в руки Церкви, а всех способных сражаться людей увела за собой. В этом-то Хорезмир и увидел попытку захвата власти в Мелоньяр Тонале, в происхождении Энерион, от которого она отказалась так же, как и от родового имени. И когда он попытался помешать войскам Аватар пройти на территорию Мелоньяр Тонала, где в чащобах Ваэрнского леса скрывалась большая группировка Голоса Хозяина, Аватара Эланор, известная своим гневливым и вспыльчивым нравом, приказала сравнять с землей Мелоньяр Тонал вместе со всеми, кто попытается встать между ней и Аватаром Хаоса. Войско Спутников вошло в кольцо гор, со всех сторон защищающих неприступное государство, и через несколько месяцев Мелоньяр Тонал прекратил свое существование.

Единственное, что в этой ситуации радовало, так это то, что выжившим остаткам мелоньярцев хватило мозгов присягнуть Аватарам и присоединиться к армии Спутников. И как только Танец Хаоса завершился, эти остатки вернулись на родину и провозгласили создание государства Мелония с королевской властью, которая больше не была наследственной. Сыновья Хорезмира были изгнаны из страны и постепенно перебиты, а власть в Мелонии разделили между королем и Лордом-Протектором, чтобы им нужно было долго и упорно договариваться друг с другом перед тем, как вступать в очередную войну или принимать решения государственной важности. И это, на взгляд Рады, было настоящим благом.

Однако, память о том, как Аватары за несколько месяцев сравняли с землей Мелоньяр Тонал за нежелание сражаться на их стороне против Аватара Хаоса, жила в народном сознании и по сей день. С одной стороны, это было хорошо: никто не рискнул бы повторить идиотский поступок Хорезмира в будущем и отказаться оказывать им поддержку. С другой

стороны, Раде даже думать не хотелось, что случится, если одна из Аватар или обе родятся на территории Мелонии. По старой традиции их могли насадить на вилы еще до того, как они успеют даже найти друг друга, и не посмотрев на то, что эти двое должны были защитить все остальное население Этлана от Аватара Хаоса. А Раде не хотелось думать о том, что будет, если Аватары Создателя просто не доживут до Танца Хаоса.

С каждым днем мысли Рады становились все мрачнее и мрачнее. Она отдавала себе отчет в том, что у Сети'Агона никогда не бывало слишком простых планов, и имелось в запасе все время мира, чтобы продумать свои действия вплоть до мельчайших деталей. А раз так, то он, скорее всего, подгадал самый верный момент, чтобы освободить Эвилид и Гротан Кравор, еще более темное зло из самой глубины веков, зло, ставшее причиной гибели Аллариэли и Налеана. И от осознания этого Раде становилось еще хуже, ведь сейчас Сети'Агон обратил свой взор и на нее в том числе. А это означало, что она так или иначе тоже связана с Аватарами, Танцем Хаоса и всей этой новой большой войной, которая неминуемо случится, как только Эвилид оправятся от своего семитысячелетнего заключения в Черном Источнике. И что Сет не отвяжется от нее до тех пор, пока не получит желаемого. И что же ему надо-то от меня, Грозар? Что же я такого сделала, что его внимание обращено ко мне?

Ну ладно, сейчас они путешествовали на запад, за Семь Преград, куда никто из темных созданий Сета просто не сунется: не пройдет теми тропами, раз уж никто больше не прошел. Алеор, правда, поминал трех ведунов-вельдов, которые смогли перебраться прямо в каверну и устроить там свалку, но когда Рада спросила его об их способе передвижения, только покачал головой. «Анкана показали им какой-то трюк, который никому, кроме них неизвестен. Мы не сможем пройти также, придется двигаться обычным способом», — вот и все, что ответил эльф на ее вопрос. А это означало, что им нужно перевалить через горы, пройти Железные Лес и Огненную Землю, Пустые Холмы Червей, Серую Гниль... Что там было дальше, Рада уже и не помнила, да и вообще сомневалась, чтобы хоть кто-то это знал. Ведь никто раньше не доходил до логова Неназываемого, а потому и никаких карт и известных путей, естественно, и в помине не было, так что придется пробиваться самим.

Но ведь придет день, когда им нужно будет вернуться назад, когда их миссия будет закончена, каверна запечатана, и все. Что делать тогда? Забудет ли Сет про нее, когда она подложит ему самую большую свинью за всю его жизнь, запечатав Источник? Сможет ли она вообще вернуться домой, или теперь ей придется прятаться вплоть до собственной смерти от руки какой-нибудь Сетовской твари? В крайнем случае, примешь предложение Алеора, уедешь в Лесной Дом, сменишь имя и будешь жить на землях, которые он тебе выбил у Илиона. И как-нибудь придумаешь, как перевезти туда детей. Перспектива жить всю свою жизнь в обществе одних только эльфов Раду не слишком-то обнадеживала, да и искорка вряд ли согласится поехать с ней в Лесной Дом, ведь она должна была найти свою мать у Речных эльфов... Подожди, а при чем здесь искорка? Рада нахмурилась, но мысль свою додумать не успела. Из мыслей ее вырвал голос Алеора, и его, как всегда, лаконичное объявление:

— Онер.

Рада встрепенулась и вскинула голову, поняв, что давно уже смотрит в гриву Злыдня и не следит за дорогой. Они вывернули из-за очередного холма, и впереди в отдалении замаячила высокая крепостная стена города колоколов.

Ей доводилось бывать в Онере около пятнадцати лет назад, когда сразу же после

окончания учебы и свадьбы она удрала с наемным отрядом сюда, на запад Мелонии. Онер считался вторым по красоте городом после Латра, хоть и строился изначально как крепость, закрывающая вход в страну со стороны Серых Топей. Также, он был священным для всех мелонцев городом, резиденцией Первого Жреца Мелонии, и внутри крепостных стен стояли сотни храмов Молодых Богов, чьи высокие шпили украшали тысячи колоколов от самых маленьких величиной с ладонь ребенка до огромных, выше человеческого роста. По праздникам или, наоборот, траурным дням над городом плыл неумолчный перезвон, от которого болели уши и звенело в голове, словно кто-то без конца колотил по черепу тяжелой поварешкой. Впрочем, Раде город, несмотря на всю свою красоту, не слишком понравился: в каждом фонтане, статуе, храме и дворце все равно было полным полно мелонской напыщенности, привычки выставлять напоказ свое богатство и кичиться им перед всем миром. И сейчас ее радовало только то, что они проедут Онер насквозь, даже не останавливаясь в нем.

— Ох, сейчас ведь опять начнется эта зубодробительная долбежка! — проворчала Улыбашка, хмуро сплевывая на землю. — Такое ощущение, что это не город, а громадная пустая кастрюля, набитая обезумевшими дятлами, которые только и делают, что долбят его, долбят, долбят!

— Это все потому, Улыбашка, что больше там долбить некого, — рассмеялся едущий впереди Алеор. — Бордели-то в городе запрещены. Потому что голые зады шлюх мешают ревностным служителям Церкви думать о возвышенном, или что-то в этом духе.

— Донельзя мерзкое место, — вновь буркнула гномиха. — Я здесь месяц просидела, разглядывая их благостные морды и слушая бесконечные псалмы с колоколами. И минуты лишней не проведу в его стенах.

Вид у гномихи был боевой, и то, как она хмурилась, глядя на крепостную стену города, слегка подняло Раде настроение.

Улыбашка больше не выглядела так безумно, как в самом начале их поездки, но стало не намного лучше. У проезжего купца гнома им удалось купить для нее приземистого рыжего валита с белой гривой, представителя единственной породы лошадей, которые вообще выдерживали немалый вес гномов. У него нашлись для нее и штаны с рубахой, и даже плащ, только вот все это было ярко-алого цвета, что привело Улыбашку на грань истерики. Гном божился, что больше никаких тряпок у него с собой нет, и он вообще отдает ей последнее. Улыбашка угрожающе намекнула, что сейчас снимет с него его собственную одежду, а сам он нарядится в красное, однако Алеор остановил кровожадный порыв гномихи. Судя по всему, он подозревал, что этот гном-торговец — единственный, кто еще не слышал о происшествии на постоялом дворе, и только у него они еще смогут что-то себе купить. В итоге так и получилось, и Улыбашка теперь ехала на своем валите красная, как детский праздничный фонарь, с которыми малышня гонялась в Ночь Зимы по улицам города.

Впрочем, всем им досталось по заслугам. У Рады на ногах были стоптанные сапоги, судя по бегающим глазкам гнома-торговца, снятые с какого-то мертвеца, текущие, вонючие, как падаль, да еще и на размер меньше ее собственных ног. Лиаре достались громадные гномьи башмаки, едва пролезающие в стремяна, которые то и дело сваливались с нее в грязь, и во время ходьбы с грохотом волочились за ней по дороге. Но это было гораздо лучше, чем ехать с голыми пятками все эти долгие две недели.

Единственным, кто выглядел, как всегда, был Алеор. Первые дни он откровенно потешался над забавным видом собственных спутниц, но позже замкнулся в себе и замолчал.

Свалка с Гончими осталась далеко позади, и на лице эльфа вновь начали проступать темно-синие жгуты жил, а взгляд стал затуманенным и голодным. Каждый вечер Лиара тихонько доставала арфу и принималась играть что-то умиротворяющее, красивое и спокойное, отчего эльф затихал, и цвет лица его становился хоть чуть-чуть лучше, а вены слегка уменьшались. Но этого было слишком мало, чтобы Тваугебир окончательно уснул, оставив его в покое, а потому Рада вновь начала подумывать о том, как им выходить из не слишком-то приятного положения. И о том, имеет ли смысл вообще въезжать в Онер. А что если прямо посреди городской площади Тваугебир и вырвется? Это было бы даже хуже, чем если бы на них набросились Гончие. Тех хотя бы могла сжечь Лиара, а с этой тварью что делать?

Город вырастал впереди из серой осенней мороси. Острые глаза Рады различили над тяжеловесной крепостной стеной тонкие золотые шпили церквей, на которых мокрыми тряпками обвисли полотнища Молодых Богов и черно-рыжий флаг Мелонии. За много лет своего существования город значительно разросся, однако, крепостная стена не могла вместить всех желающих поселиться здесь. Потому вокруг нее вырос Посад — большая деревня из разномастных каменных и деревянных домов с шумными рынками, кривыми улочками и невероятным количеством попрошаек, шлюх, бандитов, карманников и прочей швали, которой не было места в благочестивом граде колоколов. И самое забавное было в том, что под покровом ночи те самые церковники, что гоняли весь этот народ при свете солнца, накинув на головы плащи и воровато оглядываясь, спешили именно сюда, чтобы повидать очередную белозубую дерзкую продажную девку или обратиться за не совсем законными услугами к масляному ростовщику, готовому ссудить жизнь собственной бабки за звонкую монету. Вот за это я и не люблю мелонцев. Показное благочестие и чопорность, глазки к небу и молитвы солнцу. А как стемнеет, сразу же ну любиться как кролики да деньги делать на чужой беде. Мерзость!

Дорога еще немного покружила вокруг приземистых холмов, а потом втекла прямо в широкую улицу, насквозь пронзающую Посад и ведущую к широким воротам в крепостной стене. Несмотря на отвратительную погоду, народу вокруг было полно. Драли глотки уличные музыканты, в грязи играли дети и псы, торговцы зазывали в свои лавки, а бродячим юродивым, монахам и попрошайкам просто не было числа. На углу даже примостился глотатель огня: смуглый парень с кучерявыми черными волосами, сразу видно, — южанин, каким-то чудом попавший в эти северные неприятные края.

Впрочем, еще издали завидев Алеора, люди буквально стекали с дороги прочь, исчезая в переулках между разномастных зданий, возвращаясь в свои дома и захлопывая двери. Попрошайки отступали в тень лавочных навесов, юродивые жались в клубки, набрасывая капюшоны на головы и делая вид, что спят, взрослые в спешке хватали детей за руки и оттаскивали прочь, подальше от отряда Тваугебира. Тот не обращал на это никакого внимания и ехал вперед с жесткой улыбкой, рассекающей лицо пополам. И Рада видела, как вновь у него под глоткой передвигаются черные шарики, словно что-то живое ползает по его венам, пытаясь вырваться наружу.

Улица моментально опустела, и вокруг них остались лишь худющие бродячие собаки, облепленные грязью до такой степени, что невозможно было понять, какого цвета их шерсть. Они тоже замерли на месте, круглыми глазами наблюдая, как мимо проезжает Алеор, вздыбив загривки и скаля клыки, только вот зарычать из них так ни одна и не посмела.

В молчании и тишине они доехали до самых городских ворот. И Рада почти что

застонала, глядя, как под широкой каменной аркой выстраиваются два десятка стражников, перегораживая им путь. Вид у них был не слишком боевой: от сырости обвисли черно-рыжие плащи, каски на головах были мокрыми, а лица — перепуганными насмерть. Однако по приказу высокого широкоплечего мужчины с густой черной бородой они все равно выстроились стеной и подтянулись, держа алебарды перед собой, остриями навстречу эльфу.

Алеор остановился в десяти шагах от этой импровизированной стены, с усмешкой глядя на командира стражи. Он не сказал ни слова, просто смотрел, сжимая поводья своего коня, и жеребец под ним захрапел, почуяв настроение хозяина и принявшись рыть копытом грязь.

— Цареубийце Раде Киер, ранее принадлежавшей к дому Тан'Элиан, а также всем ее спутникам вход в город Онер запрещен, — в гулкой тишине объявил командир стражи. — Поворачивайте назад.

Алеор не проронил ни слова, лишь чуть склонил голову набок, и Рада заметила, как прорезались желваки на его щеках, а взгляд стал каким-то... бешеным. И это странное, живое и комковатое в его жилах вновь заиграло под подбородком, пытаясь подняться к лицу.

— Я сказал: поворачивайте назад! — чуть громче повторил командир стражи, и вид у него был решительным. — Иначе мы вынуждены будем открыть огонь!

После этих слов по всему периметру крепостной стены между высоких зубцов показались лучники. Как минимум три сотни стрел смотрело прямо на них, и Рада была совершенно уверена, что от такого количества Алеор точно отбиться уже не сможет. А эльф застыл, как изваяние, глядя на стражу безумными, полными жажды глазами и то и дело сглатывая подступающие к горлу комки.

— Алеор, поехали отсюда, — негромко проговорила она, обращаясь к нему. — Нам здесь явно не рады.

— Опять смотреть на этих пережавших себе самое дорогое святош? Нет уж, увольте, — Улыбашка демонстративно свесилась с седла и сплюнула под ноги командиру стражи. — Лучше уж в грязище утопать, чем сидеть в этой гулкой кастрюле.

Алеор молчал, не издавая ни звука и разглядывая стражника. Рада чувствовала, какое сильнейшее напряжение разлилось в воздухе, едва искры от эльфа во все стороны не летели. Командир стражи даже не моргал, словно кролик на удава глядя в ответ эльфу, вот только стоял он прямо и крепко, и Рада знала, что он отдаст приказ стрелять без единого промедления, стоило лишь эльфу сделать одно неверное движение.

— Поехали, Алеор, — только и сказала она, разворачивая Злыдня прочь от ворот и направляя его по узкому проулку Посада. — Бхара с ними.

Отвернуться и двигаться как ни в чем не бывало было очень тяжело, но Рада приказала себе сделать это. Алеор был как зверь: коли чуял слабость, моментально реагировал, и сейчас Раде нужно было проявить всю свою уверенность и силу. И, судя по всему, у нее получилось. Потому что за спиной послышался негромкий стук копыт и голос Улыбашки:

— Чтоб им провалиться, проклятым подсолнечникам! Не стоят они твоего внимания, Алеор, и руки тебе нечего марать. Все равно передохнут как мухи через пару десятилетий, так что и дело с концом.

Рада ощутила, как медленно спадает напряжение, но обернуться посмела только через несколько сот метров. Сразу же следом за ней ехала перепуганная Лиара с глазами-плошками, а за ее спиной бок о бок шагали почти что квадратный валит Улыбашки и чуть более изящный и вытянутый жеребец Алеора, а эльф с гномихой о чем-то негромко переговаривались, сдвинув друг к другу головы. Рада отвернулась и выдохнула, прикрывая

глаза и вознося хвалу Грозару. На этот раз обошлось, Алеор удержал тварь, и это было хорошо и плохо одновременно. Хорошо — потому что ничего больше не грозило невинным горожанам, плохо — потому что теперь их ждала та еще поездочка с возможностью в любой миг принять на себя удар вырвавшегося демона.

Посад тянулся и тянулся, большим кольцом огибая Онер. Весть об их появлении в городе облетела его мгновенно, и прямо перед ними двигалась волна шорохов убегающих ног, стука закрывающихся окон и дверей. Шумный, вечно кипящий Посад буквально вымирал на глазах, лишь холодный ветер волок по грязище мусор, да хлопало вывешенное на просушку белье прямо над дорогой. Гулкий звук конских копыт странно гулял по пустой улице, порождая эхо, а где-то в отдалении слышалась музыка и гудение обычной жизни. Посада, людские голоса и смех. Интересно, мне теперь всю жизнь вот так суждено прожить? В полной тишине и одиночестве в то время, когда в стороне от меня кипит жизнь? Словно зачумленная, — мрачновато подумала Рада. Ей всегда казалось, что люди сторонятся ее и отходят прочь, что они неоткровенны с ней и лгут в глаза, льстиво улыбаясь и при этом мечтая всадить ей нож между лопаток. Но они хотя бы говорили с ней, а не шарахались прочь, как сейчас, уводя от нее детей и запирая на засовы свои дома, когда она только проходила мимо. Вот так, должно быть, чувствует себя Алеор. И он живет с этим уже полторы тысячи лет. А коли и так, то и ты привыкнешь.

В тот день они почти и не разговаривали. На то, чтобы обогнуть Онер, ушло несколько часов, и все это время их сопровождала эта странная тишина посреди шума городской жизни. Настроение упало вконец, однако Рада гнала от себя прочь мрачные мысли. Зато никто не пострадал. Зато им не пришлось оставлять за собой гору трупов и вой потерявших своих близких. Это была та цена, которую она могла заплатить и не развалиться при этом. Привыкай. Если за тобой охотится Сети'Агон, так теперь будет всегда.

Разлившийся над полями туман был белым, словно лебяжье одеяло, и сквозь него проступали силуэты синих гор, едва-едва видимые на таком расстоянии. Горы подступали с севера и юга, образуя естественную преграду для атаки, а прямо в центре между ними и расположился Онер, ключ к западной границе Мелонии. Впереди, насколько хватало глаз, лежала равнина, и Рада часто моргала, задумчиво оглядываясь по сторонам. Впервые в жизни она покидала границы Мелонии. Северные Провинции в счет не шли, несмотря на всю свою независимость и попытки отделиться, они все равно были частью страны и управлялись из Латра, подчиняясь, так или иначе, власти короля Мелонии. А вот теперь дорога вела на запад, к пустошам, не принадлежавшим никому, где никто не смел селиться, и дальше на север вдоль самой кромки Серых Топей, туда, где в укрытой от всех штормов бухте лежал Алькаранк.

К ночи небо слегка расчистилось, и сквозь тяжелое марево туч проглянули звезды. Алеор остановился возле дороги на широком, расчищенном для ночевки караванов пятачке земли. Здесь уже никаких поселений и постоянных дворов не было: сказывалась близость Топей. В воздухе Раде чуялся запах: гнилостно-сладкая вонь испарений, стоящих над незамерзающими болотами круглый год. И взгляд ее невольно обращался на запад.

Когда-то, задолго до Первой Войны, эта местность выглядела совершенно иначе. С севера на юг тянулся Озерный Край — тысячи кристально чистых, небесного цвета озер, на которых обитал Озерный народ — одна из старых рас, разбуженных на заре мира эльфами. Озерники были приветливыми и мирными соседями, занимались рыбной ловлей и разведением съедобных водорослей, поддерживали союзнические отношения как с

Молодыми, так и со Старыми расами. Множество мостов проложили они от острова к острову на своих озерах, чтобы путники могли беспрепятственно пересекать страну, и торговые караваны без конца курсировали с запада на восток и обратно через их земли, принося им немалый доход.

Наибольшего расцвета Озерный Край достиг при владычестве Ирантира Стальва. Огромная империя Короля Солнце требовала разветвленной сети дорог, и торговля процветала, особенно для тех, кто мог быстро доставлять товары по водным артериям материка. Озерники построили целый флот и взяли под контроль всю речную сеть, доставляя товары на своих легких ладьях быстро и аккуратно в самые отдаленные уголки империи. Король Солнце позволил им стать единственными перевозчиками товаров в своей империи, взамен запросив лишь одно: немедленную транспортировку его войск в любое место, где они будут необходимы, по первому же его слову. Естественно, что Сети'Агона, планировавшего новое нападение на земли Этлана, это совершенно не устраивало. И во время Второго Восстания Сети'Агона в начале Второй Эпохи, ему удалось отравить скверной земли Озерного Края.

Война была опустошительной и тяжелой. Король Солнце уже давным-давно сгинул в Небесных Чертогах, а его наследники не были достаточно сильны, чтобы удержать в целости огромную империю. Одна за другой начали откалываться провинции и страны, рухнула первая Коалиция Молодых и Старых рас, а начавшийся Танец Хаоса довершил развал. И пока весь мир был занят своими собственными проблемами, скверна распространялась, и Озерный Край начал меняться.

Никто и не заметил, как именно это произошло, только в очередную весну, когда в начале сезона судоходства ладьи озерников должны были прибыть в порты для погрузки товаров, никто не приплыл. Их ждали неделю, ждали месяц, а потом посольства новорожденных стран потянулись в столицу Озерного Края, город Нитрим, чтобы узнать, почему озерники не приходят. И когда ни одно из этих посольств не вернулось назад, все и спохватились. Только было уже поздно. Озерного Края не стало, и прозрачные воды бескрайних озер сменили гнилые Топи с черной вязкой водой. А невысоких миролюбивых озерников — кровожадные, тупые твари, которых прозвали лотриями — «исковерканными».

На торговые пути никто уже не рисковал соваться после пропажи посольств. В Топи отправлялось несколько армий в расчете истребить лотрий и очистить скверну, только вернулись оттуда живыми лишь жалкие остатки. И все они бормотали об ужасе, что бродит по болотам, о Стражах Топей, что не выпустят никого из перепутанной сети полуразвалившихся дорог и останков когда-то красивейших городов на сваях. Сети'Агон добился своей цели: отныне речные пути были небезопасны, прямое сообщение между государствами прервалось, и лишь Асхалат, самая широкая и мощная водная артерия Срединного Материка, делящая его на северную и южную части, стала единственной дорогой, по которой осуществлялись речные перевозки и связь между государствами.

Рыжие отблески огня метались и стелились по земле на сильном ветру, а дрова дымили и чадили. Рада завернулась поглубже в свой плащ, задумчиво поглядывая на запад, где за темной пеленой ночи растянулась Топь. Много чего болтали о Стражах Болот, и каждый рассказ был страшнее предыдущего. Единственное, что радовало, — эти твари не могли выйти за границы Топей и тревожить путников на дороге. А это означало, что им ничего не угрожает.

Вдруг рядом послышался хриплый звук, и Рада резко вскинула голову. Они все сидели

кружком у костра на своих одеялах, пытаясь отогреться на пронзительном ветру, усталые и нахохленные, словно воробьи. И Алеор, сидящий прямо напротив нее, вдруг схватился за грудь, хрипя и приглушенно рыча, словно кто-то из всех сил сжимал его плотку, не давая дышать.

— Во имя Камня! — Улыбашка мигом очутилась на ногах, выхватывая из-за пояса топоры. — Тваугебир!

Лиара со вскриком бросилась в сторону и отбежала на несколько шагов прочь от костра, а Рада с присвистом втянула в себя воздух, глядя на эльфа. Было очень похоже на то, что Улыбашка была права, хоть Рада и не знала, как это должно выглядеть на самом деле. Алеор согнулся пополам, едва не утыкаясь лицом в костер, держась за грудь и хрипя. Тело его непроизвольно содрогалось в конвульсиях, плечи ходили ходуном. Рада видела в приглушенных отблесках костра кисти его рук, пережимающие ткань плаща. Кожа стала белой, как снег, и черные вены, набухшие и толстые, как у больного гангреной, расчерчивали ее на неровные пятна.

— Бхара! Да что же это такое?! — в сердцах закричала Улыбашка молчаливому небу над головой. — Какого беса меня понесло в эту поездку?! Теперь еще и это!

— Спокойно! — резко приказала Рада, вскидывая руку над головой и внимательно следя за Алеором. Он как-то затих, вздрагивая все меньше и едва слышно подвывая, словно избитое животное. Рада видела только его черные вены, в которых что-то медленно перетекало, толстыми бурунчиками проталкиваясь в пальцы и обратно. Страх сжал нутро, и она напряглась всем телом, готовая в любую секунду выхватить из ножен меч. — Спокойно! — повторила Рада. — Медленно отойдите назад, как можно дальше! И не делайте резких движений!

— Ты думаешь, что справишься с ним? — недоверчиво спросила Улыбашка, при этом все-таки начиная пятиться прочь от костра и держа перед собой вскинутые топоры. Лиара отходила молча, глядя на Раду огромными глазами, в которых плескался ужас.

— Не знаю, — проворчала в ответ Рада, концентрируя все свое внимание на Алеоре. Плечи его перестали дрожать, но она почти что всем телом чувствовала, как он напряжен. Словно туго сжатая пружина, в любой момент готовая выстрелить. — Друг, — тихонько позвала она, держа правую руку на рукояти меча и начиная очень медленно подниматься на ноги. — Ты слышишь меня, друг? Ты здесь, с нами?

Медленнее, чем все время мира, Алеор поднял голову, и Рада инстинктивно сглотнула. Лицо эльфа стало ослепительно белым, а все капилляры под кожей — черными, проступившими наружу и выпуклыми. Каждый из них пульсировал, проталкивая что-то густое, свернувшееся шариками, и Рада ощутила тошноту. Но только гораздо страшнее этого живого в венах эльфа были его глаза: вертикальные зрачки, радужка вокруг которых перестала быть круглой и застыла льдистыми копьями ослепительной голубизны, которая с невероятной скоростью разрасталась. Прямо на глазах у Рады морозные узоры цвета серебра заплетали глаза эльфа, и в них становилось все меньше и меньше человеческого, словно сознание его меркло, как затухающий фитиль свечи.

Почерневшие губы Тваугегира разжались, и он выдавил:

— Не... ходи... за... мной...

От звука его голоса Рада вновь вздрогнула. Он походил на угрожающее шипение большой кошки, и слова проталкивались сквозь зубы с таким трудом, словно Алеор забыл, как говорить.

Он медленно поднялся, и Рада приготовилась отразить любой его удар. Тело эльфа конвульсивно подергивалось, его кидало и качало из стороны в сторону. Он взглянул на нее еще раз, и свет сознания в его глазах померк совсем, сменившись серебристой изморосью. А потом эльф развернулся и побежал, неровно, скачками, пригибаясь к земле, словно животное, все быстрее и быстрее на запад, в сторону Топей.

Рада вновь сглотнула, когда очертания фигуры исчезли вдаль. На лбу почему-то выступил холодный пот, и она с трудом отерла его тыльной стороной руки. От этой твари веяло такой жутью, такой первозданной ненавистью и холодом, что у нее все поджилки тряслись. Даже от Гончих не исходило такого ощущения, как от Тваугебира, и Рада передернула плечами, сгоня прочь морок.

— Боги, как близко-то было! — Улыбашка шумно выдохнула, затыкая топоры в петли на поясе и недоверчиво глядя в темноту, поглотившую эльфа. — Еще бы чуть-чуть, и все, от нас бы даже на бульон ничего не осталось.

— Да, — Рада почувствовала, как от отступающего страха стучат зубы во рту, и отпустила рукоять меча. — Он додержал его до Болот. Теперь мы в безопасности.

— Если он не вернется, — веско заметила Улыбашка, хмуря свои темные брови.

Рада ничего не ответила, вглядываясь в темный горизонт. Туманы затягивали плоскую как блин равнину, наползая с Болот и неся с собой запах гнили и разложения. И откуда-то издали послышался резкий звук, пронзительный и высокий, словно закричала большая ночная птица. Они все трое вздрогнули, но не проронили ни звука, все так же глядя вслед вырвавшемуся Тваугебиру.

— Кану Защитница, убереги его, — тихонько прошептала Лиара за спиной Рады, и та поняла, что думает о том же самом.

Позволь ему и на этот раз выбраться, Кану Защитница. Он с честью несет свое проклятие, и ты-то уж точно знаешь, чего ему это стоит. За это он достоин хоть небольшой помощи, разве нет?

===== Глава 25. Рука помощи =====

Ветер с болот нес с собой запах гниения, сладковатого разложения и скверны. Эта скверна пропитывала все вокруг, черными липкими пятнами побуревшую к зиме траву, собираясь вязкими лужами на промокшей земле, висела в воздухе тонкой россыпью крохотных черных росинок. Вряд ли кто-то, кроме Лиары, видел ее, — ей это помогали делать ее эльфийские глаза, — но спутницы чувствовали угрозу, повисшую в воздухе, и им тоже было не по себе.

Улыбашка то и дело оглядывалась по сторонам, ворча себе под нос ругательства и не отпуская рукоять своего боевого топора даже во время отдыха у костра. Ее черные глаза обшаривали окрестности, словно она могла увидеть вокруг хоть что-нибудь, кроме гнилостных кочек до самого горизонта, над которыми висело толстое одеяло желтовато-зеленых испарений. Кочки эти местами поросли бурой травой, тоже покрытой язвами, словно обмороженная человеческая кожа, кое-где виднелись даже небольшие чахлые деревца, уже успевшие целиком сбросить свою редкую листву. В целом, для обычных человеческих глаз Серая Топь выглядела точно так же, как и любое другое болото, только вот здесь не хватало одного: птиц.

Участки с поросшими травой кочками перемежались большими пространствами открытой воды и заводями, в которых, словно море, шумел камыш. В таких местах обычно селилось множество птиц: и воды вокруг полно, и люди в трясину не пролезут, чтобы их

потревожить. Однако в этом болоте не видно было ни единого живого создания, и мертвая тишь стояла над топью, лишь изредка нарушаемая низким бульканьем и странным шипением, когда из глубины образовавшегося внизу торфа поднимался воздух. У Лиары от этих звуков мурашки по спине бежали, тем более ночью, когда чернота обволакивала это уютное место, и пронзительные ветра без усталости дышали в высокой болотной траве.

И еще что-то водилось в этом болоте. Лиара не видела, но чувствовала их: маленькие, дрожащие, черные огоньки когда-то сверкающе серебристых душ, крохотные болотные светлячки, что бродили по бескрайним просторам Топей, не решаясь подходить к самой окраине. Лотрии, жадные до крови, агрессивные и тупые, они чуяли запах живых, что подобрались к самому их логову, и теперь не находили себе покоя, влекомые этим запахом, но не имеющие возможности выйти из трясины.

Серую Топь держала древняя могучая сила. Лиара чувствовала, как пропитано ей здесь все: и земля, и воздух, и черная гладь воды. Когда она выворачивала глаза, то видела в воздухе серебристые просверки: кто-то могущественный когда-то затянул сетью все болота, не позволяя им разрастаться вширь и поглощать все больше пространства. Кончиками своих нервов она чувствовала энергии: Белый и Черный Источники, переплетающиеся друг с другом, примесь звездного света — эльфийскую силу. Только вот сеть эту наложили очень-очень давно, наверное, сразу же после исчезновения Озерного Края, и за прошедшие тысячелетия она истончилась, стала ветхой, пошла колеблющимися волнами. Медленно, но верно скверна подтачивала ячейки сети, пробиваясь наружу, и здесь, на самой границе болот, это чувствовалось особенно сильно.

Сколько еще продержится эта сеть? — сумрачно думала Лиара, перебирая пальцами в воздухе невидимые энергетические потоки и пытаясь разглядеть рисунок — ключ к тому, что было создано здесь древними ведунками. Когда эта сеть падет? И что случится, когда ее не станет?

— Во имя Загриена Каменоступого, ну чего ты там торчишь, женщина? — хриплый голос Улыбашки заставил Лиару рассеяно обернуться. Гномиха обращалась не к ней, а к Раде, что стояла в стороне от лагеря, неосознанно поглаживая рукоять меча и все вглядываясь в затянутый дымкой горизонт. — Тут вокруг вода! А этот паразит не настолько свят, чтобы ходить по ней, как посуху! Если он и вернется, то не с этой стороны!

Рада ничего не ответила, даже не обернулась, все также рассматривая болота. Лиара тяжело вздохнула, глядя на ее напряженные плечи. Прошло уже два дня с тех пор, как ушел Алеор, и с каждым часом Рада становилась все темнее и темнее. Брови ее тревожно сошлись к переносице, глаза отливали холодом зимнего утра, и ощущение от нее исходило странное: страх, смешанный с решимостью.

Лиара знала, что эта женщина хочет сделать, чувствовала это всей собой. Как бы они с Алеором ни переругивались целыми днями, будто кошка с собакой, что-то связывало их, что-то крепкое, словно стальные канаты. То ли много лет дружбы, то ли кровь Высоких эльфов в жилах, то ли эта странная, дрожащая тревожность, без конца заставляющая их идти вперед, за горизонт, все дальше и дальше, куда несут ноги. И сейчас, когда Алеор бродил где-то в этом отравленном краю, пусть даже и в образе Тваугебира, неуязвимого и страшного, даже сейчас Рада волновалась за него. И оставалось только ждать, когда ее нервы не выдержат, и она все-таки полезет в проклятое болото.

А ты? Что сделаешь ты? Ледяная ладонь тревоги сжала сердце, и Лиара тоже никак не могла найти себе места и решить что-то для себя. Одна мысль о том, чтобы войти в этот

изуродованный край, полный зла и скверны, заставляла все ее существо содрогаться. Но гораздо больший, почти животный ужас вызывала мысль о том, что Рада пойдет туда одна. Тваугебир — он на то и есть Тваугебир, чтобы справиться со всем, что его ждет, да Лиара и не верила, что такого, как он, ждет смерть в глуши Серой Топи от рук какой-нибудь лотрии, да даже самого Стража Болот. В устремленном вперед синем взгляде этого эльфа, в наклоне его головы ей чудилась судьба гораздо более великая, чем это, и испытания гораздо более страшные, к которым он настойчиво готовил себя сам, делая невозможное и нарушая все известные законы мира. Вот только вряд ли также думала и Рада, а если и думала, то ее сердце, накрепко привязанное к Алеору, плевало на то, что она думала, и гнало ее туда, куда хотело. А это означало, что рано или поздно она тоже шагнет за пределы охранной сети, и тогда ей нужен будет кто-нибудь, кто прикроет ей спину, когда солнце сядет за горизонт. Мне все равно идти туда, как бы ни сложилось. Кану Защитница, помоги и охрани нас на этих темных тропах.

— Лиара! — Улыбашка повернулась к ней и умоляюще взглянула на нее. — Ну хоть ты скажи этой дрыне стоеросовой! Вернется он! Нам нужно просто дождаться его здесь и все! А иначе мы рискуем всплыть пузом вверх в какой-нибудь заводи и пойти на корм местным обитателям. Не так я хотела умирать!

Лиаре нечего было ответить на это, и она лишь вновь взглянула на напряженные плечи Рады. Та не сдвинулась с места, все так же рассеяно поглаживая рукоять меча и оглядываясь по сторонам.

— Прости, Улыбашка, боюсь, ничего не выйдет, — тихонько проговорила Лиара, а потом направилась к Раде.

Из-за спины послышалось полное недовольства и причитаний ворчание, но Лиара не стала прислушиваться. Она уже двадцать раз успела прослушать все это и знала, что ни к чему это не приведет.

Рада, казалось, и не заметила ее приближения. Она обернулась только тогда, когда Лиара слегка тронула ее напряженную руку. При взгляде на нее стальные синие глаза смягчились, став похожими на весеннее небо.

— Что ты, искорка? Иди к костру, там теплее. Здесь дует.

Рада попыталась отвернуться, но Лиара удержала ее за рукав, останавливая и набираясь храбрости. Ей не хотелось в это болото, больше всего на свете не хотелось, но видеть Раду такой, не находящей себе места и тоскующей, будто зверь, она больше не могла. Вздохнув и набравшись решимости, она взглянула в глаза Рады:

— В нескольких километрах от нас к югу есть старая дорога через Топь, я чувствую ее — там очень сильные эльфийские чары. Если он и направился куда-то, так только туда. — Она вновь вздохнула, чувствуя себя так, будто подписывает собственный приговор. — Если ты хочешь, я покажу, где она начинается. Но мы пойдем вместе.

В глазах Рады промелькнуло удивление, сменившееся решительностью. Только на самом их дне было и еще что-то, что-то такое, отчего Лиара ощутила, как все ее внутренности переворачиваются вверх тормашками. Это поднялось изнутри ее глаз и расцвело улыбкой на ее губах, с которых совсем тихо слетело:

— Спасибо, искорка. Я никогда этого не забуду.

Лиара смотрела ей в глаза и чувствовала себя так, словно не было вокруг больше ни скверны, ни промозглого ветра, ни вони испарений. Великая нежность мягкими крыльями обняла их двоих и слегка подтолкнула навстречу друг другу, и Лиаре чудилось, что она вновь

почти что слышит, как бьется, уверенно и сильно, горячее сердце Рады. И глаза ее были совсем близко, а в них первыми весенними цветами распускалось что-то такое настоящее, такое дорогое и такое простое, что дыхание совсем перехватило. Лиара поняла, что сейчас или задохнется, или просто бросится ей в руки, забыв обо всем. Но только этого нельзя было делать, нельзя. Потому что вряд ли Рада оценит ее порыв, и тогда они потеряют друг друга навсегда.

С трудом оторвав взгляд от ее бездонных глаз, Лиара потупилась и отступила на шаг назад, неловко потирая предплечье левой руки.

— Не за что, Рада. Он же твой друг.

— Да, — твердо кивнула та. — Он мой друг.

Лиара стояла, потупившись, и ждала чего-то, сама даже не зная чего. Потому и вздрогнула, когда тяжелая и теплая ладонь Черного Ветра легла на плечо.

— Пойдем, надо собрать вещи.

Невпопад кивнув, она зашагала следом за Радой, чей шаг теперь был широким и уверенным. От нее больше не пахло страхом, только решимостью. А еще — бесконечной нежностью, словно мягкие перекаты облаков, в которых нежится рассветное солнце. Ты же чувствуешь, как она относится к тебе. Почему тогда так боишься? Просто доверься ей, не бойся ничего, и ничего плохого с вами не случится. Кану Защитница, пошли нам покоя и помощи нам! Лиара надеялась, что молится о предстоящем пути, а не о чем-то гораздо более сокровенном, что день ото дня все сильнее и сильнее тревожило ее.

— Я тебе сразу говорю: я никуда не пойду! — Улыбашка демонстративно сложила руки на груди и вскинула нос. Вид у нее был недовольный, а оскалившееся с одной стороны лицо придавало ей какой-то жутковатой уверенности. — Я гном, а не какая-нибудь болотная гадина, чтобы по кочкам скакать! И мне там делать нечего!

— Я тебя и не зову, Улыбашка, — спокойно ответила Рада. — Чем меньше народа будет, тем меньше внимания мы привлечем. Останешься у края болот, подождешь нас. Я попробую найти его как можно быстрее и сразу же вернусь.

— Ты совсем ума лишилась, женщина! — Улыбашка хмуро смотрела на нее, не сводя глаз и не желая сдвигаться с места или помогать при сборах. — Ты пойдешь в Серую Топь выручать из беды Тваугебира? Это то же самое, что лезть в берлогу к спящему медведю и пытаться обнять его, чтобы он спал крепче!

— Я не собираюсь обнимать его, Улыбашка! — ослабилась Рада, быстро проверяя свою суму с припасами. — Он этого не любит, да и мне его кости не сдались.

— Ты поняла, что я имею в виду, — настойчиво забрюзжала гномиха. — Это просто бхарски опасно! Там проклятущие стражи, лотрий напихано, словно сельдей в бочке, а сверху как вишенка на тортике — Тваугебир! Да вас разорвут на клочки в тот же миг, как вы только ступите на дорогу!

— Ну а тебе-то что с этого? — хмыкнула Рада, принимаясь навьючивать сумки на спину Злыдня. — Коли нас разорвут, ты сможешь спокойно вернуться домой, и никакие Гончие за тобой уже гоняться не будут.

— Думаешь, самое сладкое зрелище, которое я хотела бы увидеть с утра, это твои кишки, растянутые на кустах? — Улыбашка угрожающе приподнялась с земли. — Ты делаешь глупость, женщина! Очень большую глупость!

— Я знаю, — вновь усмехнулась Рада, обернулась и взглянула на Улыбашку, и в глазах ее снова плясали искорки такого знакомого Лиаре азарта, словно весь груз слетел с ее плеч

прочь вместе с порывами холодного ветра. — Но я сделаю это, Улыбашка. И ты это знаешь.

Несколько секунд они молча буравили друг друга взглядами, потом гномиха сумрачно шмыгнула носом и фыркнула, закатив глаза:

— Да делай что хочешь, древолюбка, мне-то что? Порхайте себе пташками над этой гнилотой, обнимайтесь с лотриями, хоть со Стражами хороводы водите! Я и с места не сдвинусь, чтобы вам помочь!

— Вот и славно, — взгляд Рады стал тяжелым. — И не думай даже ехать за нами, слышишь? Со мной будет Лиара, и вся благодать богов, отмеренная ей, а с тобой — только этот полудохлый ишак, которого сожрут первым. Так что просто сиди возле дороги и жди. Мы вернемся очень скоро.

— Сама ты ишак! — в сердцах сплюнула Улыбашка. — Этот конь стоит десятерых таких древолюбов, как ты! И мозгов у него побольше, чтобы в трясины не лезть! Все! Больше я и слова не скажу!

Впрочем, хватило Улыбашки ровно на пять минут, пока они сворачивали лагерь и затаптывали костер. По прошествии этого времени она вновь принялась нудеть о том, какие опасности их ждут впереди, и что им нечего делать на болотах. Рада стоически переносила все это, пока они ехали вдоль самой кромки трясины на юг, и конские копыта чавкали в мокрой, покрытой скверной земле.

Лиара тоже не обращала на слова гномихи особого внимания. Сердце у Улыбашки было доброе, несмотря на все ее извечное ворчание, и она искренне переживала за их судьбу. Однако решение было уже принято, и изменить ничего она не могла. А Лиара только ехала следом за высоким воронным Рады, смотрела ей в спину и думала о том, что происходит между ними. Это походило на невидимые золотые ниточки, которыми крохотный лесной паучок переплетал и переплетал их души, и с каждым днем этих ниточек становилось все больше. Кто я для тебя? Девчонка, которую ты подобрала на улице, бездомный котенок, как все они говорят? Еще одна эльфийка в государстве людей, которой пришлось так же несладко, как и тебе самой? Девочка чуть старше твоей дочери, о которой у тебя так и не было возможности позаботиться? Или что-то иное?

Только она знала, что никогда не найдет в себе сил спросить это, и от этого горечь подступала к горлу, отгоняя прочь и страх, и холод, и грядущую опасность. Мне бы только еще погреться в твоих золотых лучах, подышать твоим теплом, послушать твой голос. Мне бы только еще побыть рядом ровно столько, сколько пошлют нам боги. Великая Мать, сделай так, чтобы этого времени было побольше.

Болота сильно разрослись с тех пор, как старую дорогу забросили, и Лиара лишь благодаря своему чутью нашла то место, где она начиналась. Со стороны это и не выглядело вовсе, как дорога: все то же серое болото с кочками, поросшее высокой травой, разве что впереди не было видно открытых участков воды. А еще какие-то замшелые камни торчали прямо из трясины, прерывистой линией уходя на запад. Многие из них рассыпались в прах, другие опрокинулись, третьи еще держались, со стороны напоминая поросшие мхом кочки, только выше остальных. А возле самого края болот отыскались и остатки древней каменной кладки: одна единственная, вывернутая из-под земли весенним половодьем и торчащая под углом к небу изъеденная временем и ветрами плита.

— И это — ваша дорога? — Улыбашка скептически указала вперед.

— Да, — кивнула Лиара.

Для ее вывернутых глаз все выглядело иначе: серебристые потоки силы сплетались над

узким проходом между старыми камнями, образуя дрожащую арку тоннеля. Во многих местах в ней зияли дыры и провалы, кое-где ее совсем не было, но по большей части она все еще держалась, и оставалось верить, что это хоть как-то защитит их обеих от того, что ждало в глубине трясины.

Рада обернулась и ободряюще взглянула на Улыбашку.

— Жди нас здесь и не суйся в болота. Мы скоро вернемся. Если нас не будет в течение трех дней, можешь спокойно уезжать в Алькаранк.

— Это называется: скоро? — Улыбашка нахмурилась. — Считать вас, древолюбов, тоже не учат?

— До скорого, Улыбашка, — Рада отвернулась и каблуками подтолкнула Злыдня вперед. Конь захрапел, затоптался на месте, но все-таки пошел в болото, аккуратно ставя длинные ноги.

— Да хранит вас Кану, — устало отозвалась вслед гномиха и, возвысив голос, прокричала вслед: — Я буду прямо здесь! Надеюсь, вам хватит ума выехать там же, где вы и въехали!

Гнедая кобылка перепугано выкатывала глаза и наострила уши, то и дело дергая гнутой шеей. Впрочем, руке Лиары она повиновалась беспрекословно, а потому смиренно шла вперед следом за высоким вороным Рады. А сама Лиара выбросила из головы все свои глупые мысли: атмосфера на болотах была такой напряженной, что все это могло подождать.

Для вывернутых глаз мир выглядел ужасно. Серебристая арка тоннеля из силы дрожала над головой, и черный толстый слой скверны грозил в любой момент продавить ее и рухнуть вниз. В местах проломов скверна стекала прямо им под ноги, большими черными липками падая вниз. Рада не замечала всего этого и просто ехала вперед, и Лиара подавила вскрик, когда один из таких шмотков шмякнулся прямо ей на колено, сполз вниз по сапогу и растворился в воздухе, не долетев до земли. Когда мы выйдем отсюда, я почищу нас обеих. Она гадливо передернула плечами, понимая, что деваться-то им все равно некуда: черная взвесь стояла в воздухе, они дышали ей уже третий день подряд, и теперь эта дрянь была не только снаружи, но и внутри ее тела.

Лошади шли не слишком быстро, выбирая место, куда ступить. Гнилые кочки совсем скрыли дорожное полотно, но перед этим ветра и весенние разливы воды успели хорошо повыворачивать старые каменные плиты, и теперь они торчали под всевозможными углами из толстого слоя мха, грозя в любой миг переломать ноги лошадям. Серое небо висело прямо над их головами, и его край перемешивался со зловонной дымкой испарений на горизонте, и Лиара даже и не видела, где одно переходит в другое. Промозглый ветер как отрезало стеной: ничто не колебало тяжелого густого воздуха над этим краем, и вскоре Лиара поняла, что начинает кашлять. В груди было какое-то странное ощущение, словно собрался тяжелый комок, и от этого дышать было трудно.

— Какое мерзкое место, — пробормотала едущая чуть впереди Рада. Нахмурившись, она оглядывалась по сторонам, а ладонь ее твердо лежала на рукояти меча за поясом. — Я чувствую себя здесь... грязной изнутри.

— Вот видишь, — через силу улыбнулась Лиара. — Ты все-таки чувствуешь мир, что бы там Алеор ни говорил о тебе. Здесь действительно очень много скверны.

Рада бросила на нее короткий взгляд, пожалала плечами и сменила тему:

— Ты сможешь найти его следы? Нам нужна хоть какая-то зацепка, куда он мог деться.

— Я попробую, — кивнула Лиара. — Только вот деваться-то здесь некуда. Тропа —

одна, а вокруг только топь, да открытая вода. Улыбашка была права, вряд ли Тваугебир умеет плавать. А это значит, что он должен быть где-то впереди, на дороге.

— Дороги нужны для того, чтобы вести торговлю, а это значит, что рано или поздно они упираются в города. Так что где-то впереди должны быть остатки поселений. — Голос Рады звучал твердо, но Лиара чувствовала ее напряжение. — К тому же, Тваугебиру нужно убивать, а чтобы кого-нибудь убить, его надо сначала найти.

— Я посмотрю, Рада, — кивнула она и расслабилась.

Сливаться с этим местом было так же отвратительно, как нырять голышом в сточную канаву, но Лиара заставила себя это сделать. Ее буквально передергивало всем телом от омерзения: казалось, что ее обнаженная душа теперь покрыта толстым слоем жирного горелого масла. Однако, Рада была права. Чем быстрее они найдут поселение и Алеора, тем быстрее покинут это место. А потому Лиара отпустила прочь все мысли и растворила сознание.

Чувство было странным, как отражение того, что она обычно делала, в кривом зеркале. Сознание не растекалось вокруг нее, впитываясь, как губка, в объекты окружающего мира, нет. Оно ползло, словно слизень, двигалось в темноте, натываясь на предметы и больно ударяясь об них, но не сливаясь. Там и сливаться-то было нечему. Обычно, чтобы проникнуть в земную твердь, деревья или камни, Лиаре нужно было нашарить их душу: внутренние энергии, что давали им возможность сохранять форму, расти, меняться, что делали их живыми. Здесь же эти энергии заменили на что-то темное и искусственное, от которого тянуло разложением и гнильностью, и сливаться с ними она не имела никакого желания, да и вряд ли это у нее вообще получилось бы, даже если бы она захотела.

Однако, кое-что почувствовать Лиара все-таки смогла. С закрытыми глазами, напряженно сглатывая подступающую к горлу тошноту, она заговорила:

— Впереди, километра два, какое-то крупное открытое пространство без воды. Там что-то есть, какие-то развалины...

— Хорошо. Туда-то нам и надо, — удовлетворенно кивнула Рада.

Лиара продвигалась в крошечной темноте, с трудом, буквально проталкивалась сквозь толстые слои скверны, разгребая их руками, ослепшая и оглохшая от этой грязи. Объекты выглядели чересчур расплывчатыми и при этом такими жесткими, что она больно врезалась в них, почти физически чувствуя этот дискомфорт. И ей совершенно ничего не было видно, только вот ощущение от этих развалин шло какое-то плохое, неправильное, очень темное.

— В этих развалинах, по-моему, целая стая лотрий, — горло стиснул спазм тошноты, но Лиара сдержалась. — Точнее я сказать не могу, здесь такая грязь, что я ничего не вижу.

— Спасибо и за то, что ты уже узнала, — кивнула ей Рада, хмуря брови. — А что до лотрий... Я слышала, что они терпеть не могут дневной свет и вылезают только ночью. Так что нам просто не нужно заходить в дома, и мы будем в безопасности.

Лиара тоже много чего слышала из легенд и сказок, да только не склонна была доверять всей этой информации. За последнее время она успела повидать столько оживших менестрелевых баек, начиная от Своры и заканчивая Тваугебиром, что могла со всей уверенностью сказать: легенды не отражали и десятой части реального положения дел, а это означало, что впереди их могло ждать что угодно. Впрочем, сейчас ей было настолько физически плохо, что бояться сил уже просто не было, а потому она лишь подтолкнула кобылку коленями, чтобы та подстроилась под широкий шаг черного жеребца. Рядом с Радой было спокойнее, гораздо тише и не так тошно.

— Держись поближе ко мне, искорка, — словно услышав ее мысли, тихонько проговорила Рада. — Не отходи от меня ни на шаг, и все будет хорошо.

Дальше они поехали молча, оглядываясь по сторонам. Пейзаж вокруг никак не менялся: все те же бесконечные серые кочки, все та же хмарь. Лиара обернулась назад. Далеко-далеко за ними сквозь толстое полотно испарений едва виднелся красный плащ Улыбашки, да и то, разглядеть гномиху она смогла только благодаря своему эльфийскому зрению. А ведь отъехали они от края болот совсем недалеко, но испарения понижали видимость, а потому вдали, в желтоватом гнилостном мареве, могло прятаться что угодно.

День только-только начался, и до темноты у них оставалось еще достаточно времени. Лиара гадала, не собирается ли Рада ночевать здесь, если они не успеют сразу найти Тваугебира. В принципе, это было возможно: остаться под защитой тоннеля, внимательно наблюдать за дорогой и слушать ночь. Тогда, если древняя энергия, сдерживающая болота, еще достаточно сильна, они вполне смогут дотянуть до рассвета. Вот только Лиару такие перспективы не слишком-то радовали. От одной мысли, что ей придется так долго оставаться в этой гнилой могиле, все нутро сводило в болезненной судороге.

— А что это за камни? — негромко спросила Рада, вырывая ее из мыслей. Лиара рассеяно заморгала и взглянула на нее, разглядывающую торчащие из земли остатки колонн. — Они дорогу помечают или что-то вроде того?

— Я думаю, что раньше это были охранные столбы, — ответила Лиара. — После падения Озерного Края лонтронцы еще надеялись восстановить старую дорогу на Онер или хотя бы сохранить ее жалкие остатки. Я слышала, что Великий Жрец и Церковь Молодых Богов предпринимали попытки проложить здесь путь, который обезопасил бы торговцев от лотрий. Правда вот, затея не удалась: торговцы, что хоть раз проходили по этой дороге, соваться сюда больше не хотели и выбирали более дорогой способ перевоза товаров по воде, зато не на глазах этих тварей. Дорога постепенно приходила в упадок, и сейчас от созданного людьми и эльфами тоннеля силы мало что осталось. — Лиара вывернула глаза, еще раз осматривая дрожащий купол над их головами, сквозь который медленно протекала скверна. — А эти столбы были чем-то вроде крепежей для тоннеля, знаешь, как когда шатер растягивают, его на колышки прибивают.

— Если уж эти столбы в таком состоянии, то я просто не хочу думать, что с самим тоннелем, — проворчала Рада, оглядывая небо над своей головой, хоть и не могла видеть сверкающие энергетические своды. — Но он хотя бы есть. Хоть какая-то защита, и то хорошо.

Тут Лиара была с ней полностью согласна. Она представляла себе, каково внутри болота, если здесь, под защитой эльфийской силы, ей было так плохо. Надеюсь, мы туда не сунемся. Великая Мать, молю, сделай так, чтобы нам не пришлось туда идти!

Через некоторое время впереди из расплывчатого тумана испарений выплыли силуэты каких-то развалин. Желтовато-зеленая взвесь скрадывала очертания, и издали что-либо разглядеть было сложно. Рада слегка подогнала Злыдня вперед, и он недовольно зафыркал, но подчинился.

— Это то место, о котором ты говорила? — не поворачивая головы, спросила она.

— Да, — кивнула Лиара.

Больше ничего выговорить она была не в состоянии. От тошноты сводило горло, и казалось, что прямо в следующий миг ее вывернет наизнанку. Пока что Лиара крепилась изо всех сил, но чем ближе они подъезжали к развалинам, тем хуже ей становилось.

Справа от дороги поднималось что-то, что с огромным трудом можно было бы назвать остатками деревни. Обглоданные сыростью и гнилью торчали из болота к небу скособоченные, покривившиеся, обросшие зеленой плесенью сваи, бывшие когда-то опорами для домов. Кое-где на них еще держались ветхие деревянные постройки, сложенные из толстых просмоленных бревен. Только время и сырость не пощадили их. Провалились внутрь домов крыши, крытые тростником и соломой, сами дома просели, насадившись на сваи, что теперь протыкали их насквозь. Многие постройки просто развалились на бревна, и те валялись в иле вокруг, едва различимые под толстым слоем мха.

Голова кружилась так, что Лиара вынуждена была ухватиться за луку седла и низко нагнуться вперед. Тошнота крутила нутро, сжав его с двух сторон и выжимая, будто тряпку. От одного взгляда на поросшую плесенью и мхом деревню, ей становилось плохо, а Рада еще и коня остановила, а потом спешила.

— Подожди здесь, я все осматрю, — приказала она нетерпящим возражений тоном и направилась в сторону домов.

Лиара хотела еще крикнуть ей в спину, чтобы она не заходила в дома, но не смогла. Глотку скрутило, и она из последних сил сдержала подкативший к ней ком. Не хватало еще блевать у нее на глазах. Она и так думает, что я ни на что не способная неженка, которую нужно от всего защищать. И я не буду подтверждать этого мнения, ни за что. Сглотнув, Лиара сделала несколько судорожных вдохов, пытаясь прогнать тошноту, и взглянула в сторону бродившей по развалинам Рады.

Даже на таком небольшом расстоянии толстый слой испарений скрадывал силуэты и уменьшал видимость. Лиара видела лишь черную тень со светлой шапochкой волос, которая то исчезала между ветхих остовов домов, то вновь появлялась, карабкаясь по раскатившимся во все стороны бревнам. Развалины выглядели такими гнилыми, что казалось, достаточно было одного неверного движения, чтобы все это рассыпалось в труху. Лиара беспокойно выглядывала из высокого седла Раду, молясь, чтобы та ненароком ни за что не зацепилась, и выдохнула спокойно лишь тогда, когда Рада, гадливо отряхивая руки, направилась в ее сторону.

— Мерзость! — проворчала она, забираясь в седло и подбирая поводья своего коня. — Никаких следов Алеора, но зато там полно этих тварей. Сидят, прижавшись друг к другу в дальнем, темном углу, и трясутся, словно в лихорадке. — Раду передернуло от отвращения. — Я не поняла, то ли они спят, то ли просто парализованы из-за дневного света, но выглядит отвратительно.

Подробности у нее выпрашивать Лиара не стала. Ей просто не хотелось знать, как выглядят лотрии, к тому же, она подозревала, что еще успеет насмотреться на них за следующую ночь. Следов Алеора они пока что не встретили, а это означало, что он может быть где угодно, и что искать его им придется не один час.

Время шло, а пейзаж вокруг не менялся. Все так же тянулись в отдалении гнилые деревца среди мокрых кочек, все та же желтая хмарь висела в воздухе. Вот только с каждой минутой Лиаре становилось все хуже. Казалось, что этот край разлагается буквально на глазах. Растущие на кочках травы опадали под собственным весом, превращаясь в мерзкую жижу, стволы перекрученных, искривленных деревьев покрывали мокрые язвы, из которых сочился бурый сок, похожий на плохую кровь. Под копытами лошадей громко чавкало, и мох расползлся буквально на глазах, стоило только прикоснуться к нему. Этот край умирал, разлагался, едва родившись, и Лиара ощущала это болезненно-остро, каждой порой своего

тела, словно точно так же гнила заживо вместе с ним.

Когда Рада в очередной раз попросила проверить, не чувствует ли она чего плохого вокруг, Лиара наотрез отказалась. Даже закрыв свое сознание, свернув его внутри физического тела и сосредоточившись только на своих ногах и руках, она все равно чувствовала себя так, будто ее заживо выворачивали наизнанку и травили этой гнилостной вонью. Через час пути ее впервые вырвало, через два она перестала смущаться этого и ехала, едва живая, болтаясь в седле кулем. Теперь Рада вела ее кобылу за поводья, удерживать их у Лиары уже сил не было. Она могла только тяжело наваливаться на луку седла, моля о том, чтобы не упасть в эту грязь.

Перед глазами все кружилось, и в голове бродили странные мысли. На какой-то миг ей подумалось, что стоит лишь коснуться земли, как она тоже без сил рухнет на гнилые кочки и расползется на волокна, которые впитает в себя жижа болот, как и все здесь. Потом сознание вернулось, и Лиара поняла, что Рада поддерживает ее под плечи и шепчет что-то успокаивающее. Привалившись к ней, она закрыла глаза, тяжело дыша и вымаливая у Великой Матери защиты. В этом краю было плохо, совсем плохо, гораздо хуже, чем она могла предположить, и теперь Лиара просила лишь о том, чтобы они поскорее покинули это место.

В конце концов, им пришлось остановиться. Уже почти что в полубессознательном состоянии Лиара указала место на дороге, где тоннель был максимально крепким, без пробоев и дыр, и Рада скомандовала привал. Слезая с коня, Лиара думала о том, что сейчас просто умрет, как только ноги коснутся земли, но ей хватило сил даже на то, чтобы стащить свою скатку одеял, устроить ее на поваленном охранным столбе и рухнуть сверху.

На какой-то момент она почти полностью отключилась. Перед глазами мелькали только черные пятна, наползая на нее со всех сторон и грозя задушить. Лиара вяло отбивалась от них, но что-то мешало ее рукам. Издали, кажется, из другого мира, выплыл голос Рады:

— Ну что же ты, искорка? Что с тобой? Маленькая, потерпи! Подержись еще немного! Скоро все будет хорошо!

Лиара поняла, что это именно руки Рады мешают ей двигаться, потом почувствовала ее тепло, такое родное, такое нужное, и инстинктивно сжалась в комок в ее объятиях, прижимаясь лицом к ее рукаву. Темнота медленно уходила прочь вместе с тихим, успокаивающим голосом Черного Ветра, и она начала приходить в себя.

Вернулись мысли, ворочаясь в голове неохотно и тяжело. Лиара заморгала, видя перед глазами слабый свет дня, затянутого желтой пеленой испарений. Ей было так плохо, как никогда в жизни, словно весь свет мира отняли у нее, заменив этой гадостью. Кожу стянуло шершавой коркой, колющейся и болящей, поднялся жар, и Лиара ощутила, что горит. Она была уже не в состоянии бороться, а потому просто прижалась лицом к рукаву Рады и тихонько взмолилась про себя: Великая Мать, не оставь, помоги! Ты видишь, я больше не могу, и я прошу тебя! Пожалуйста! Отведи морок!

Медленно-медленно, буквально по ниточке, все плохое начало отступать прочь. Лиара тихонько лежала, вздрагивая в лихорадке в кольце рук Рады, и боялась поверить, продолжая просить и молиться и чувствуя, как давление и разложение бледнеют. Сначала в мокром воздухе ей почудилось легкое дуновение ветра, потом медленно спал жар, а саму ее перестало колотить. И в груди росло и росло что-то, все укрепляясь, набираясь мощи, какая-то странная дрожащая золотая нота. Так уже было один раз, когда я сожгла Гончих. Великая

Мать, ты отвечаешь мне? Золото разгоралось все сильнее, увереннее, согревая, отгоняя прочь мрак и вонь разложения, и, в конце концов, Лиара почувствовала себя лучше. Не так хорошо, чтобы вскочить и плясать на месте от радости, но достаточно, чтобы больше не терять сознание.

От всей души поблагодарив Великую Мать за защиту, она, наконец, выбралась из тяжелой пелены своих мыслей. А следом за этим до слуха дошел и тихий голос Рады, в котором слышалась тревога и нежность.

— ... потерпи, искорка! Сейчас тебе станет чуточку полегче, и мы поедem назад. Не надо мне было тащить тебя сюда, да я и не подумала даже о том, что тебе здесь может быть так плохо! Ты только потерпи! Сейчас еще пару минут полежишь, и поедem обратно.

— Нет, — с трудом разомкнув губы, прошептала Лиара.

— Ты очнулась! — почти вскрикнула Рада, еще крепче прижимая ее к себе. — Тебе лучше? Что же это такое навалилось на тебя?

— Это... скверна, — Лиара с трудом ворочала языком, но сознание прояснялось с каждой секундой. Она уже четко видела перед собой все тот же болотный пейзаж, чувствовала обнимающую ее Раду, и не смогла отказать себе в удовольствии прижаться еще раз ухом к ее груди и послушать, как мерно и уверенно бьется ее сердце. В твоих руках я в безопасности. В твоих и в руках Великой Матери. Ей очень хотелось сказать это вслух, и золото в груди так распирало ребра, что слова едва не сорвались с ее губ. Но вместо этого Лиара тихонько сообщила: — Здесь очень много скверны, Рада, здесь все ей пропитано. А я остро чувствую такие вещи.

— Ну, ничего, ты уже очнулась. Тебе хватит сил ехать верхом или мне взять тебя в свое седло? Скоро начнет темнеть, так что нам нужно поторопиться, чтобы вернуться до наступления ночи.

— Нет, Рада, — уже тверже проговорила Лиара, с неохотой выпуталась из ее объятий и взглянула в ее полные тревоги глаза. — Мы приехали сюда искать Алеора, а значит, мы его найдем. Мне уже лучше, и я справлюсь с дорогой. Великая Мать не оставит нас.

— Ты уверена, искорка? — рука Рады неожиданно коснулась ее щеки, нежно-нежно оглаживая скулы. Глаза Черного Ветра расширились, будто она и сама не ожидала, что сделает так, и ее ладонь дрогнула в нерешительности. А Лиара только тихонько накрыла ее ладонь своей, удерживая ее на собственной щеке, бережно и осторожно.

— Я уверена, Рада, — проговорила она, глядя прямо ей в глаза и не совсем понимая, к чему относятся эти слова.

Глаза Рады смотрели на нее открыто и чисто, и золото в груди полыхнуло так, что Лиара едва не охнула. Весь морок моментально спал прочь, тошнота отступила, ушло головокружение. Сейчас она чувствовала себя вполне приемлемо, как обычно чувствовала после целого дня в седле, но не хуже. И это все было уже совершенно неважно. Мягкое тепло ладони Черного Ветра отогревало ее кожу, и Лиара чувствовала себя в ее руке маленькой птичкой, укрытой от всех ветров и страхов, от бед и зим.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и эта золотая нежность текла вокруг, соединяя их все крепче и крепче. Лиаре так хотелось, буквально до боли хотелось притянуть к себе ее голову и целовать ее глаза, каждую ресничку, каждую бровку, чувствовать губами тепло ее кожи. И объятия Рады были такими теплыми, такими надежными и нежными, что сердце плавилось и золотой раскаленной слабостью заливало все тело.

Губы Рады приоткрылись, словно она собиралась что-то сказать, но никак не решалась.

Ее ладонь слегка огладила щеку Лиары, и та закрыла глаза, не выдерживая и приныкая к ней еще ближе, растворяясь в ней. На несколько секунд мир замер в этой бесконечной робкой нежности, а потом хриплый голос Рады произнес:

— Раз так, искорка, то пойдем. Времени у нас мало.

Лиару словно кольнуло болью, когда теплые руки, обнимающие ее, разжались. Сразу стало как-то холодно, одиноко, неприятно. Рада отвернулась, пряча глаза, и в ее ощущениях была боль. Я сохраню это как самое дорогое воспоминание на дне своего сердца, Рада. Каждую крупицу тепла, которую ты даришь мне, — тихонько пообещала себе Лиара и поднялась.

Удивительно, она думала, что ноги не будут ее держать, но смогла не только стоять прямо, но и самостоятельно взобраться в седло. Это тихое волшебство, которым на несколько мгновений одарили их с Радой, вселило сил, вернуло ее в себя и привело в порядок. Даже тошнота ушла прочь, без следа, и Лиара ощутила зверский голод, что уже было хорошим признаком.

Не говоря ни слова, Рада взобралась на спину Злыдня и ткнула его пятками в бока. Вдвоем они вновь поехали вперед по гнилому, разлагающемуся болоту, но теперь это уже не было для Лиары так плохо и тяжело, как раньше. На щеке осталось мягкое тепло от пальцев Черного Ветра, и она порой тихонько притрагивалась к этому месту, жалея лишь об одном, — что так и не решилась поцеловать ее ладонь.

В середине осени темнело рано, а укрывающие небо тучи и испарения над болотом сократили этот срок еще больше. Скоро на дорогу легли сумерки, и теперь уже вокруг не было видно ничего, лишь путевые столбы поднимались из грязной жижи между кочками, да спина Рады чуть впереди покачивалась в седле. С тех пор, как они двинулись дальше, Рада больше так ничего и не сказала. Она одеревенела, будто палка, и даже не оглядывалась на Лиару, а в чувствах ее было смятение. Наверное, было не самое место и время для того, чтобы раздумывать о ней, но Лиара все никак не могла выбросить из головы то прикосновение, и ее взгляд то и дело обращался к Раде.

Впрочем, скоро ее заставили сосредоточиться на болотах. Сумерки сгущались, становясь все чернее, и вместе с ними изменилась и атмосфера. Поминутно издали доносились шорохи и булькающие звуки, какие-то странные пощелкивания, постукивания. Во тьме мелькали крохотные точки отблесков, словно светлячки далеко-далеко, и Лиара очень аккуратно позволила своему сознанию вытечь за пределы дороги. Тошнота вновь скрутила желудок, но на этот раз она знала, что делать. А потому лишь очень аккуратно слушала окружающую ночь, пока не поняла, что ее тревожит.

Издали к дороге начали стекаться лотрии. Физическими глазами Лиара их в такой темноте не видела, однако чувствовала их присутствие: исковерканные, темные огоньки их душ, жажду до крови и страх. Ощущение страха в воздухе было таким плотным, словно его можно было потрогать. Лотрии шли к дороге и боялись путников, и ей оставалось только гадать: это потому, что им плохо от разлитой над дорогой эльфийской энергии или здесь недавно прошел Тваугебир, изрядно напугав их своим присутствием?

Лиара внимательно вглядывалась в ночную тьму, пытаясь различить в ней очертания лотрий. Она чувствовала, что они подошли близко, не больше трех сотен метров, и подбираются все ближе, хоть и медленно. Твари стекались к дороге со всех сторон, и их было много, сотни, может быть, даже тысячи. Невольная тревога опять сжала сердце. Удержит ли барьер всю эту массу? И что мне делать, если нет?

Передернув плечами от пробежавшего по ним холодка, Лиара вскинула голову, чтобы позвать Раду и сообщить ей о присутствии лотрий. Да вот только на дороге впереди нее не было ни единой живой души.

===== Глава 26. Тени будущего =====

Лиара застыла на месте, огромными глазами глядя вперед. Во рту моментально стало сухо, а на лбу выступили холодные капельки пота. Темнота сгустилась вокруг одеялом, но она не была крошечной для ее эльфийских глаз. Однако Лиара не видела вокруг ни единой живой души, лишь созданный с помощью энергии тоннель уводил вперед, и в нем, кроме нее, больше никого не было.

Тишина сразу же подступила ближе, горячими испарениями болот дыша ей в шею. Лиара ощутила липкий страх, которой начал медленно карабкаться по ее телу вверх, сжимая глотку холодными пальцами в надежде вырвать у нее крик. Сглотнув, она негромко позвала:

— Рада?

Ответа не последовало. Лишь стук и скрежет, странное бульканье по сторонам стало слышнее. Она инстинктивно огляделась. По обе стороны от дороги в темноте в отдалении виднелись бледные светлячки, что двигались резко, рывками, на какое-то время гасли, потом зажигались снова. Ей не нужно было объяснять, что это такое, она и так знала: лотрии подбирались все ближе, раздраженные запахом живой крови и звуком ее голоса.

Волоски на затылке зашевелились от страха, но Лиара приказала себе не паниковать и вновь позвала:

— Рада! Где ты?

На этот раз голос ее звучал громче и увереннее, но ответа все не было. Черный Ветер вместе со своим конем буквально как сквозь землю провалилась, и остались лишь лотрии, которые тоже слышали ее голос. Теперь горящие в темноте светлячки-глаза больше не скакали из стороны в сторону, теперь все они двинулись к дороге, приближаясь издали по прямой. Лиара слышала только все нарастающее шлепанье, с которым босую ногу отпускала размокшая глина или болотный ил.

Кану Защитница, да что же это? Что происходит? Сердце в груди молотилось, как бешеное, но Лиара приказала себе не паниковать. Если она сейчас сорвется в галоп, то запросто в темноте может провалиться в болото. Или уехать слишком далеко от того места, где пропала Рада, и уже не найти ее. Сосредоточься и выверни глаза. Давай так посмотрим, что происходит.

Дрожа всем телом и изо всех сил пытаясь игнорировать угрозу, Лиара несколько раз глубоко вздохнула и перевела зрение на внутреннее. В такой темнотище это было даже удобнее, только и напугало ее еще больше. Теперь она видела лотрий, приближающихся к ней, — лишенные цвета бледные тела с выпирающими через тонкую, почти рыбью кожу костями, горящие во тьме маленькие глаза, прижатые к голове уши и пасти, полные клыков. Они напоминали то ли слепых глубоководных рыб, то ли каких-то мерзких слизней, живущих под камнями. И несколько сотен этих тварей быстро шлепало к ней, переваливаясь из стороны в сторону и почти что доставая длинными когтистыми руками до земли.

Почувствовав опасность, гнедая кобыла под ней затанцевала и пошла в сторону, вскидывая голову и храпя. Лиара схватилась за поводья, кляня себя последними словами. Если сейчас лошадь выведет ее за черту безопасного тоннеля, или если вообще, не дай богиня, сбросит, то она точно пропала, и никто ее уже не спасет. А потому надо было успокоить животное и успокоиться самой. А потом уже решить, что делать дальше.

— Тихо! Тихо, девочка! — звук собственного голоса немного утешал. Лиара потянула поводья, аккуратно возвращая кобылу обратно на середину тропы. — Успокойся! Нам ничто не угрожает, все будет хорошо!

Кажется, это помогло, потому что кобылка застыла прямо по центру тропы, кося на подбирающихся с болот лотрий шальными глазами и дрожа шкурой. Лиара похлопала ее по шее, осторожно наблюдая за подступающими болотниками. Те останавливались у самой кромки тоннеля, глядя на нее пустыми, голодными глазами и не шевелясь. Никто из них не рисковал трогать сплетенную из энергии стену, но они смотрели, сотни и сотни тупых, голодных глаз следили за каждым ее движением, и Лиара вновь ощутила, как подкрадывается паника. Так! Все! Возьми себя в руки и ищи Раду! Пока еще ты в безопасности! Глубоко вздохнув, она взглянула вперед.

На первый взгляд, дорога выглядела точно так же, как и раньше. Энергетический свод сверху отсвечивал серебристым, по нему пробегали черно-белые волны энергии Источников. Вот только впереди нее было какое-то странное, рябящее в воздухе пятно. Словно и не воздух вовсе, а прозрачная поверхность воды, по которой бежали маленькие волны. Лиара нахмурилась, разглядывая пятно. Она еще никогда не встречалась с таким видом энергии, он не походил ни на что, виденное ей раньше. Осторожно подведя кобылу чуть ближе, она протянула руку. Кончики пальцев почти коснулись прозрачной ряби, и тогда по ее поверхности проплыла чернильная Тень.

Лиара отдернула руку, удивленно глядя вперед. Это совершенно точно была сущность из тех, что обитали за Гранью, соединяющей тонкий мир с миром объективной реальности. Сама она никогда не работала с силами за Гранью, однако знала, что некоторые ведуны могут призывать оттуда сущности и использовать их для выполнения каких-либо своих нужд. Кто-то когда-то говорил ей, что это — сила крови людей, что только люди могут работать с сущностями, в то время, как все остальные народы считали смертных абсолютно неспособными к чувствованию тонких миров. Кажется, именно таких ведунов и выискивала по всем деревням и весям Церковь, обвиняя их в ворожбе против богов и предавая суду. Но откуда здесь, посреди болота, да не просто болота, а Серой Топи, взялся человеческому ведуну?

Лотрий возле стенок тоннеля скапливалось все больше, и кое-кто из них, издавая странный клекот, поковылял вперед по пути движения Лиары прямо вдоль стены. Она нервно взглянула туда и заметила брешь в тоннеле метрах в двухстах к западу, достаточно большую, чтобы в нее целиком могла поместиться лотрия. Могли ли эти твари войти в энергетический тоннель через эту брешь? Наверное, да, уж больно уверенно они туда направлялись: сначала поодиночке, а вскоре и всей толпой твари сдвинулись с места, пошлепав на запад.

Лихорадочно соображая, что делать, Лиара вновь взглянула на рябящий воздух перед собой. Рада исчезла где-то здесь, и она запросто могла пропасть именно в этой западне, которую стерегла Тень. А это означало, что нужно вытаскивать ее оттуда любой ценой, да и довольный клекот лотрий, уже почти дошлепавших до пролома, подгонял Лиару. Глубоко вздохнув, она призвала на помощь Кану Защитницу и толкнула лошадь коленями. Звездочка послушно двинулась вперед, и пространство сместилось.

Чувство было странным, будто Лиару окатили холодной водой изнутри. В невидимом пузыре она медленно ползла вперед не дольше мига, ставшего вечностью. В следующий миг пузырек этот лопнул, и Звездочка, споткнувшись, громко заржала, пробегая по инерции

несколько шагов вперед. А Лиара только смотрела и не верила своим глазам.

Бескрайним бархатным полотном, вышитым звездами, растянулось над ее головой густо-синее, осеннее небо. Вверх взбирался холм, поросший мягкой пушистой травой, по которой прокатывались ветряные волны, приятно и мягко шурша. А на холме стоял большой деревянный дом, и его квадратные окошки, расчерченные крестом рам, светились рыжим теплом и уютом.

Лиара сморгнула, не понимая, что видит, протерла глаза и вновь посмотрела. Все тот же холм и небо, буквально падающее на него, маленький дом в отдалении, а чуть дальше него — шумливая березовая роща. Даже на таком расстоянии было слышно, как дышат под осенним ветром кудрявые березки. А еще — приглушенный стук копыт лошади, которая взбиралась по холму к уютному дому.

Она тряхнула головой, не понимая, что происходит, и вывернула глаза. Все осталось прежним: холм, небо, лес и дом, и никакого налета энергий или чужой силы вокруг не было. Словно все так и должно было быть, словно и не было никаких Топей, через которые они ехали так долго и тяжело, словно все это просто приснилось Лиаре в страшном сне. Но такого ведь не может быть!

Пока она соображала, конь уже взобрался вверх по холму, и силуэт всадника показался на фоне бархатного неба. Лиара сразу же узнала Раду, которая придержала поводья возле крыльца и громко окликнула:

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

— Рада! — изо всех сил закричала Лиара. — Рада! Я здесь!

Только вдруг прямо из воздуха перед ней выпрыгнула Тень, бросилась вперед и буквально поглотила звук ее голоса. Лиара инстинктивно отдернулась назад, когда черный пучок энергии мелькнул возле ее лица, принимая на себя звуковую волну и растворяясь в воздухе. И ни звука не донеслось до спрыгивающей с коня возле двери дома Рады.

— Да что ж это такое-то? — раздосадовано выдохнула Лиара. И на этот раз маленький комочек Тени мелькнул перед лицом, воругая ее голос.

Она ощутила начавшее подниматься внутри раздражение. Кто-то играл с ней, словно с какой-то несмышленной девчушкой, заставляя ее гоняться за Тенями и не пуская ее к Раде. А ведь ей могла грозить опасность! Решительно перехватив поводья, Лиара ткнула Звездочку каблуками в бока и двинулась вверх по холму к стоящему на его вершине дому.

Только вот ноги лошади перебирали так медленно, словно время застыло. И вроде бы она изо всех сил гнала гнедую, и та действительно взяла в галоп, только они обе двигались так нестерпимо медленно, словно кто-то заключил их в гигантскую каплю смолы, и теперь Лиара чувствовала себя в ней, как барахтающаяся муха, не имеющая возможности выбраться.

Дверь в домике на холме внезапно со скрипом отворилась, и Рада обернулась, придерживая в руке поводья коня. На пороге в теплом прямоугольнике света стояла женщина. Она была не высока, но стройна, и белое платье, простое и неподпоясанное, с длинными рукавами и подолом буквально стекало с ее тела, подчеркивая каждый изгиб, каждую линию фигуры. И Лиара должна была признать: тело у незнакомки было необыкновенно красивым: с большой грудью и тонкой талией, которую можно было буквально пальцами обхватить, с крутыми бедрами, по которым так соблазнительно сбегал вниз белоснежный шелк. Даже на таком расстоянии Лиара видела, что волосы у женщины — длинные рыжие кольца, мягкие и пушистые, свободной копной спадающие на плечи. У нее было миловидное лицо и большие зеленые глаза с кошачьим прищуром, а в руках она

держала золотую чашу, полную какого-то напитка.

— Доброго вечера тебе, соколица! Ты звала хозяев дома, и вот я, вышла к тебе.

Голос женщины лился медом, втекая в уши и доставляя невыразимое удовольствие. Лиара поняла, что зачарованно слушает, ожидая следующего ее слова, словно умирающий от жажды — глотка воды. И сразу же тряхнула головой, сгоняя наваждение. Она больше не сомневалась: перед ними ведьма, к тому же, не простая. Она была достаточно сильна для того, чтобы управлять Тенями высшего порядка: никто иной не сумел бы создать такую ловушку на дороге, вышвыривающую человека из болот буквально на другую сторону мира. Лиара еще раз взглянула на звезды, проверяя свою догадку. Созвездия, что сейчас горели на темном небе, были ей незнакомы, а это означало, что они находились очень далеко от болот.

Звук странно гулял в этом месте. Ни единого шороха не доносилось из-под копыт Звездочки, выворачивающих комья упругой земли, да и до домика ведьмы было как минимум метров триста вверх по склону. Однако, Лиара слышала каждое сказанное возле двери слово так, словно стояла рядом с Радой и слушала хозяйку, и тягучая власть растекалась в том, как эта женщина говорила, одурманивающая, сладкая, с ароматом сонных трав и неведомых ей зелий.

— Здравствуй, хозяйюшка! — голос Рады звучал вроде бы и как обычно, но одновременно с этим был каким-то медленным, заторможенным, словно она только что проснулась или очень устала. — Я заплутала, потеряла дорогу, а тут — твой дом. Дай, думаю, заеду, может быть, ты подскажешь, куда мне идти?

Рада говорила так рассеяно, словно и сама не верила в то, что произносит. Или не понимала, где находится. Ведьма подступила на шаг ближе к ней, оказавшись на голову ниже и протягивая ей чашу на вытянутых руках.

— Подскажу, соколица, подскажу. Да только куда тебе спешить на ночь глядя? Ты лучше вот, попробуй эту медовуху, сама делала. — Рада как-то медленно, заторможено потянулась к чаше, а голос ведьмы все оплетал и оплетал ее тугими волнами. — А мед этот с полей, что напитались солнцем за долгое лето, и мои пчелы собрали его в свои соты. Те соты сладкие я сама собрала и настояла нектар на ключевой воде да на травах с ягодами. Испей, красавица, не откажи, побалууй хозяйку! А потом заходи в мой дом, да садись у огня. Я и накормлю, и напою тебя, и спать уложу. А с утра пораньше дорогу укажу, что поведет тебя туда, куда ты так стремишься попасть. Коль захочешь, конечно, уехать так скоро.

Рада подняла чашу, и поверхность налитого в ней напитка мелькнула полированным золотом. И точно таким же золотом на миг загорелись глаза рыжеволосой ведьмы.

— Не пей! — отчаянно закричала Лиара, изо всех сил погоняя Звездочку. — Не пей, Рада! Не верь ей!

Вот только звук ее голоса поглотила тишина Теней, а кобыла ее продолжала двигаться все также медленно, словно время растянулось для нее в вязкий мед.

Рада осушила чашу в несколько глотков и опустила ее, глядя на хозяйку сверху вниз и не говоря ни слова. Рыжеволосая ведьма вытянула руку, пробежала белыми пальцами по пуговицам на ее куртке сверху вниз, ухватила за пряжку черного ремня и улыбнулась так хищно, что в темноте сверкнули ее острые белые клычки.

— Пойдем, соколица, в дом. Там теплее, светлее. И меда у меня порядком, и горячей еды достаточно, и мягкая перина для такой, как ты, всегда найдется. — Ведьма повернула голову и взглянула прямо в глаза Лиаре. В один миг ее взгляд полыхнул огнем, а рыжие волосы сами по себе зашевелились на голове, будто огненные змеи. — А ты, ведьма, пошла

прочь! Ищи себе другую и не ходи больше сюда!

Лиара охнула, увидев, как между зубов ведьмы хлестнул раздвоенный, будто у змеи язык, и та вновь потянула Раду за собой. Когда Черный Ветер закрывала за собой дверь в дом, под ресницами ее блеснуло такое же раскаленное золото, что было в чаше, из которой она только что пила.

В тот же миг Звездочка споткнулась, тонко заржав, а мир вокруг пошел рябью, волнами, и на плечи навалилось давление, словно Лиару выпихивали, выталкивали прочь из этого места. Это было уже слишком, уже совсем чересчур, и на этот раз спускать все на самотек она не стала.

Моментально собравшись, Лиара открылась миру и непроизвольно усмехнулась. Она не смогла бы сделать это, если бы все вокруг было простым мороком, а значит, ее догадка подтвердилась. Прикрыв глаза, она прислушивалась к этой силе, которой раньше никогда не знала: странной, густой и какой-то сладкой, действительно чем-то напоминающей мед. Только порочный мед.

Все вокруг нее дышало желанием. Им были пропитаны и ветер, и воздух, и земля, словно все это было голодно и требовало, требовало чего-то. Но самые сильные волны шли со стороны дома: желание, тягучее и пульсирующее, тяжелое, одурманивающее. Лиара только с удивлением ощупывала пространство. Так вот, как работали людские ведуны! Они тянули к себе Теней с той стороны Грани, но это не проходило бесследно. Тени эти питались ими, высасывали жизненную энергию, и тогда и самим ведунам нужно было чем-то питаться. Это объясняло, зачем ведьме понадобилась ловушка на дороге, и почему она с таким энтузиазмом встретила Раду. Сердце Лиары сжалось в груди от тревоги за нее. Что собиралась делать с ней ведьма? Убивать? Высушивать ее тело, поглощая из нее всю энергию?

Лиара расслабилась и выдохнула, готовясь дать бой. Прежде всего, нужно отогнать Теней: это лишит ведьму поддержки. Все остальные фокусы людских ведунов были ерундой, да и лимиты энергии у них всегда очень низкие, и, лишившись своих Теней, эта рыжая ничего противопоставить Первопришедшей просто не сможет.

Вывернув глаза, Лиара собрала все свое сознание в одну точку и принялась тянуть из звездного света энергию. Это было просто: этот мирный уголок, хоть и полный пятнающего прикосновения ведьмы, все равно лучился древней природной силой, а уж этими потоками Лиара владела лучше всего. Весь мир обернул к ней свои огромные задумчивые глаза, раскинул к ней руки, обнимая ее. Лиара зашагала ему навстречу, чувствуя, как в ее груди все ярче и ярче разгорается золотое солнце, ослепительное и непобедимое. И в его свете Тени начали меркнуть, бледнеть, слабеть.

В сущности, ей не нужно было даже применять какие-то разрушительные силы вроде ураганного ветра, землетрясения или молний с чистого неба. Ей достаточно было перехватить контроль над силой этого места, чтобы Тени его покинули. И Лиара расслабилась до конца, растекаясь маслом, водой впитываясь в землю и деревья, с ветром уносясь вверх, к звездным пыльникам, чтобы собрать с них колючую серебристую пыльцу.

Вокруг нее метались Тени. Странные, черные сгустки, обладающие некоторыми зачатками воли, стремления и желаний, некоторые поменьше, другие покрупнее. Говорили, что Теней отбрасывают сами люди: когда желали кому-то зла, когда думали о плохом, хотели дурного. В эти моменты все их мысли и побуждения собирались в сущность, формацию, наполняющуюся жизнью, и эта формация уходила в тонкий мир, обретая

самостоятельное существование и начиная паразитировать или за счет собственного создателя или за счет того, против которого была направлена, а зачастую — за счет них обоих. Вот только Лиаре не было дела до этих существей.

Тот мир, который знала она, был гораздо древнее, чем первый проблеск мысли, чем первое желание зла. Тот мир, в котором она купалась, которым она дышала, который тек по ее венам и колотился под ребрами, знал лишь первые ветра, молодые и полные силы, несущие с собой надежду и детскую горячую веру в лучшее, знал тишину рассветных роц в первый день мира, когда свежей зелени еще не успела ни разу коснуться пыль, когда пронизанные солнцем травы мягким ковром лежали у корней деревьев, нетронутые ничьим следом. Он знал кристально-чистые воды ручьев и видел самую первую каплю, из которой рождались могучие реки и целые океаны. Он, играя, вздымал горы к самым небесам, смеялся и жонглировал скалами, то выбрасывая их вверх, чтобы они протыкали облака, то в грохоте и реве низвергая их вниз, чтобы острыми гранями они проламывали плоть земли и образовывали ущелья, долины, укромные уголки, полные лишь света и прозрачного воздуха. Тот мир видел рождение первого шмеля и первой птицы, купающейся в небе, первого олененка с ореховыми глазами и первого ежа, копошащегося в колючей листве. В жилах этого мира бурлили могучие потоки талой воды, в его дыхании разливались над землей и облаками ветра, в его глазах пылала лава подземных глубин, а в сердце... В его сердце спало маленькое горное озеро, глубокое и прозрачное, с водой такой чистой, что в ней отражалась вечность. И из этого озера на Лиару вдруг взглянули глаза, странные, штормовые сероголубые глаза, которых она никогда в жизни не видела, но частью которых она была.

Тени исчезли в один миг так, будто их и не было, а сама Лиара рывком вернулась в свое обычное сознание, тяжело дыша и не понимая, что только что произошло. Кажется, она растворилась глубже, чем ходила обычно, слилась гораздо сильнее и увидела то, что, возможно, не предназначалось для нее вовсе. Чьи это были глаза? Задумчивые, сероголубые, опущенные длинными ресницами, такие знакомые и при этом такие далекие, глядящие и глядящие на нее с другой стороны вечности?

Звездочка всхрипнула и остановилась, и это привело Лиару в чувства. Видение отступало прочь, вместе с ним развеялись и Тени, и остался лишь маленький бревенчатый домик на вершине холма, до которого она уже почти что и доехала. Сначала я спасу Раду, а потом буду думать о том, что увидела. Это может и подождать.

Спрыгнув с коня, Лиара решительно направилась к дому, не таясь и не прячась. Внутри нее царил покой, подпитываемый золотым солнцем в груди, которое так мощно перекачивалось под ребрами, что Лиаре было тяжело дышать. А еще уверенность: железная уверенность в том, что сейчас она ворвется в этот дом, навешает ведьме по первое число за то, что та пыталась делать с ними, приведет в чувство Раду, и...

Лиара случайно мазнула взглядом по окну дома и замерла на месте, забыв, как дышать, и чувствуя, как алая краска румянца буквально покрывает все ее тело.

Через маленькое аккуратное окошко было видно комнату и широкий стол, освещенный несколькими свечами в простых деревянных подсвечниках. У этого стола на стуле сидела Рада, верхом на которую беспардонно влезла рыжеволосая ведьма, оплетая руками ее плечи и увлекая ее в долгий, тягучий поцелуй, который, казалось, вообще не кончался.

Лиара только моргала, глядя на то, как губы ведьмы скользят по ее подбородку, как она прихватывает нижнюю губу Рады и оттягивает ее, как облизывает ее кончиком языка, а ее руки уже расстегивают пуговицы на черной куртке Рады и скользят под ее полу. Рада

откинула голову назад, часто и горячо дыша и жмуря золотые глаза, светящиеся какой-то кошачьей жадой. Ее пальцы скользнули в густую копну волос ведьмы, потом медленно спустились по ее спине, огладив каждый изгиб, и чувствительно сжали ее бедра.

Лиара сглотнула, совершенно лишившись дара речи. Она думала обо всем, о чем угодно: что Раду режут, бьют, колют, мучают, но такое!! Такого она уж совершенно точно не ожидала, и теперь просто не знала, что делать ей самой. Да, Раду опоили, да, она была отравлена и под влиянием ведьмы, но при этом у нее было такое лицо, словно она находится на вершине блаженства. А в Лиаре боролись два чувства, и ни одно из них не могло взять верх: желание сделать с этой проклятой златоволосой женщиной то же самое и даже больше, чтобы ласки ведьмы показались ей детской игрой, и лютая ярость, заставляющая ее хотеть прямо сейчас сжечь этот проклятый дом дотла, а рыжую суку оттащить за волосы и хорошенько вывалить в грязи болот, а потом швырнуть лотриям, и... Успокойся! Мы сейчас с тобой успокоимся, и...

Тут ведьма резким движением разорвала на Раде ворот черной рубашки и приникла губами к ее шее. Лиара зарычала, чувствуя, как вздымаются над этим тихим уголком среди холмов ураганные ветра. Сознанием она взлетела к небесам, почти что под самые звезды, зачерпнула там полные пригоршни ветра и в ярости швырнула их вниз.

Первый поток воздуха рванул ее волосы, толкнул в спину, но она, сама не понимая, что и как делает, заставила ветер обогнуть ее тело и ударить в окна маленького домика. С ревом потоки рванули соломенную крышу, срывая настил прочь и волоча его в сторону леса, набросились на окна, и стекла со звоном вылетели, рассыпавшись по комнате грудой осколков. Ведьма резко развернулась к Лиаре, и на лице ее был написан настоящий испуг. От этого внутри разлилось удовлетворение, но ярость не спешила меркнуть.

Ураганный ветер ворвался в дом, круша все внутри, опрокидывая столы и стулья, сбивая с ног ведьму и Раду, срывая со стен полки со склянками, мешки с травами, туша яркое пламя печи. Лиара стала углями в этой печи, которые с ревом разгорелись, моментально прогревая камень, и печная труба лопнула изнутри, наполняя комнату жаром, ворохом осколков, едким дымом. Повсюду разлетелись алые головешки углей, и Лиара проникла в них, чтобы раздуть пламя, которое пожрет эту избу без остатка, стерев ее с лица земли.

— Остановись! — не своим голосом взвыла ведьма, перебивая рев ветра. В ее крике уже не было ничего кошачье-медового, только отчаянная мольба. — Пощади!

Ярость не желала меркнуть, и на миг Лиара ощутила себя так, словно балансирует на самом краю пропасти. Еще чуть-чуть, еще один крохотный шаг, и она рухнет вниз, во тьму и вечную ночь, из которой уже никогда не будет выхода. Чувство опасности вдруг стало таким острым, что мир под ногами буквально зашатался. Вспомни дорогу на Латр, вспомни человека, что погиб по твоей вине. Вспомни свои мольбы к Великой Матери. Эта сила — не для того, чтобы убивать, но для того, чтобы защищать.

И, несмотря на всю свою злость, Лиара удержала себя. Порывы ветра начали стихать, угли моментально остыли, а потом все прекратилось в один миг, будто ничего и не было. И чувство опасности ушло прочь, оставив после себя предостерегающий отпечаток, словно воспоминание где-то в глубине ее души.

Она выдохнула, успокаиваясь сама и успокаивая стихию, и ночь вновь стала тихой и теплой, и лишь приглушенный свет звезд заливал все вокруг серебром. Только ярость так и застыла в груди тугим горячим комком, не желая уходить до конца, но теперь уже Лиара хотя бы могла контролировать себя.

Глаза наши Раду. Та лежала на полу у стены, распластавшись по натертым до блеска доскам и раскинув руки, и спала. Лиара даже сморгнула от удивления: вокруг нее бушевала стихия, а эта невыносимая женщина просто дрыхла, используя для этого любую подвернувшуюся возможность. Взгляд Лиары вновь обратился к ведьме.

— Чем ты опоила ее? — проговорила она, и голос ее прозвучал так холодно и сильно, как она и сама не ожидала.

— Обычное зелье из тех, что разжигает желание, — ведьма опасно смотрела на Лиару, сидя у дальней стены своего дома, куда ее швырнули ураганные потоки ветра. Глаза ее потухли, волосы больше не шевелились, а вид был каким-то донельзя усталым. И все равно она смотрела, словно зверь, загнанный в угол, готовая сражаться до конца, если Лиара все-таки решит довершить начатое. — Не бойся, она отоспится, и к утру все выйдет само. Она даже и не вспомнит ничего из того, что только что здесь случилось.

— Хорошо, — кивнула Лиара.

Злость клокотала в груди и никак не желала уходить. Эта женщина своими проклятыми руками трогала Раду, да еще и как! Против ее воли, против желания... Так уж ли против воли? Ты видела, как горячо она отвечала ей? Видела, как светились ее глаза? Горькая боль сжала все внутри, Лиару жгло как огнем, впервые в жизни трясло от ревности, и она чувствовала невыразимую обиду на Раду и еще более сильно — собственную глупость из-за этой обиды. Она никогда не целовала так меня! Ни разу! А эту проклятую ведьму, эту кошку драную!..

— Ты отпустишь меня? — напряженно спросила ведьма, глядя на Лиару. — Дашь уйти?

— Отпущу, — через силу кивнула Лиара, давая в себе желание прямо на месте удавить ее. — Но перед этим ты мне ответишь на несколько вопросов.

— Хорошо, — кивнула та.

— Во-первых, где мы? И как мы сюда попали? — Перед глазами вновь встало искаженное наслаждением лицо Рады, но Лиара жестоко подавила свою боль, отбрасывая ее прочь. Довольствуйся тем, что ты имеешь. Никто никогда не относился к тебе так как она, а тебе и этого мало! Молчи и засунь поглубже свои дурацкие фантазии!

— Мы сейчас на Северном Материке, чуть южнее Тарна, — ведьма даже не моргала, следя за каждым движением Лиары. — Здесь мой дом. А что касается того, как вы попали сюда, так это Тени мне помогли. Я ведьма Пустошей, а ты, Дочь Звезд, наверное, и сама знаешь, как тяжело нам дается наше ремесло. Все эти люди, что приходят и просят помочь, думая, что обращаться с Тенями просто, — ведьма поморщилась, и глубокая морщина усталости пролегла между ее бровей. — Мне нужно есть, поэтому я вынуждена помогать людям, а те просят почти невозможного, и мне приходится звать Теней. Тени приходят, чтобы исцелять тех, кто просит моей помощи, но им тоже нужно есть, и они пьют мою силу и мою жизнь. Я должна хоть как-то восстанавливать энергию после этого, вот и ставлю на дорогах маленькие ловушки, ловлю в них путников, наедаюсь и отпускаю их домой. — Глаза ее вновь беспокойно блеснули. — Поверь, я отпустила бы твою женщину обратно завтра утром, и она забыла бы обо всем, что с ней здесь произошло.

В груди бушевал ураган. Она назвала Раду «моей женщиной». Неужели так видно со стороны, как я к ней отношусь? При этом от ревности вновь защипало в глазах. До рассвета эта рыжеволосая мочалка собиралась... Прекрати уже! Все кончилось!

— Серые Топи — не то место, где бывает много путников, — заметила она, сосредотачиваясь на разговоре. Сейчас нужно было вызнать у ведьмы все возможное перед

тем, как уходить отсюда обратно.

— Согласна, — кивнула ведьма. — Но порой качество важнее количества. Со стороны Серой Топи ко мне попадают обычно самые сильные, самые необычные люди, и их энергии мне хватает надолго. Но ты же понимаешь, что это не единственная моя ловушка?

— Как ты сделала их? — Лиара даже сквозь гнев ощутила, что ей по-настоящему любопытно. — Это ведь самые настоящие переходы сквозь пространство, ведь так? Как ты умудрилась это сделать?

— Тени способны на очень многое, — с кривой ухмылкой ответила ведьма. — Все зависит лишь от того, сколько ты готов им заплатить за это.

— Ты не ответила на мой вопрос, — пристально взглянула на нее Лиара. Помявшись, ведьма неохотно пояснила:

— Тени живут за Гранью, а расстояния там не имеют никакого значения. Некоторые из них соглашаются прогрызать дыры в пространстве и делать из своего тела что-то вроде моста, соединяющего две точки в реальном мире в одну. Я смогла договориться с несколькими из них, кто был согласен это сделать для меня.

— То есть, в эту твою ловушку попадают все, кто проходит дорогой через Болота? — прищурилась Лиара.

— Ну, не совсем все. Лотрии, естественно, сюда не суются, да и нечисть всякая не пройдет: Тени не пустят. Но людей и всех созданий, обладающих разумом и сознанием, проход выводит прямо сюда. — Ведьма тряхнула рыжими кудрями и хищно улыбнулась. — Это бывает крайне редко, но зато добыча всегда имеет изысканный вкус.

— Тогда, наверное, у тебя бывал и Тваугебир, — в голосе ее было больше утверждения, чем вопроса.

Губы ведьмы растянулись в широкую сладострастную улыбку, а лицо приняло совсем кошачье выражение.

— Бывал, куда ж ему деваться-то? — промурчала она в ответ. — И не один раз. У нас с ним... приятельские отношения.

— И давно ты его видела в последний раз? — уточнила Лиара.

— Дай подумать... — ведьма задумчиво постучала пальчиком по губам. — Лет семьдесят тому назад, наверное, или около того. А почему ты спрашиваешь? Ты не похожа на тех, кто мог бы искать Тваугебира.

— Мы путешествуем с ним, — осторожно ответила Лиара.

Лицо ведьмы моментально изменилось, и все кошачье мурчание исчезло без следа. Она быстро поднялась с пола, отряхивая подол своего белоснежного платья, и серьезно взглянула на Лиару:

— Так что же ты сразу этого не сказала? Тогда мы смогли бы избежать нашего маленького... недопонимания.

Она невзначай кивнула на разгромленный дом и громко храпящую Радугу на полу, и Лиара вдруг ощутила, что ей смешно. Однако, ведьме об этом знать было необязательно, потому она только пожала плечами, скрывая улыбку.

— Ты заткнула мне рот своими Тенями, и у меня не было возможности сообщить тебе это.

— Ну уж прости! — развела руками ведьма, улыбаясь в ответ как-то очень по-свойски. — Я, знаешь ли, очень редко получаю деликатесы с болот. А твоя женщина — редкий экземпляр. — Она взглянула на Радугу, и в глазах ее вновь на миг полыхнуло золото. —

Но не бойся, я больше ничего не сделаю. Алеор когда-то оказал мне услугу, и я этого не забуду. Его друзья — мои друзья. К тому же, ты дала мне понять, что эта соколица принадлежит тебе, и я усвоила урок. Так что без обид, договорились?

Лиара испытующе взглянула в ответ. Она совершенно не была уверена в том, что этой женщине можно было доверять, но сейчас никакой угрозы от нее не исходило, все ее зелья и настои погибли, а Теней Лиара разогнала. Так что вполне возможно, что ущерб, причиненный ее дому, был гораздо больше, чем тот, что ведьма причинила им с Радой. И возможно, что это именно Лиаре следовало извиниться за свою вспышку ярости. Нет уж! Перед этой паутихой я извиняться не буду! Но в следующий раз перед тем, как разносить все на мелкие кусочки, нужно будет сначала подумать. Это ведь не так уж и сложно, правда? Учитывая обстоятельства произошедшего, в этом Лиара тоже уверена не была.

Взглянув на ведьму, она только аккуратно проговорила:

— Ладно. Считай, что мы в расчете.

— Тогда, может быть, познакомимся? — вопросительно вздернула бровь рыжая ведьма. — Мое имя — Заина. А как зовут тебя, Дочь Звезд?

— Лиара Морин, — осторожно ответила она. — А это — Рада Черный Ветер.

— Я запомню ваши имена, — кивнула Заина, задумчиво разглядывая ее лицо. — Мне кажется, что со временем эти имена станут известны всем. Как правило, обычные люди ко мне не попадают. — Это было сказано не слишком громко, почти для себя, но задать вопрос Лиара не успела. Сложив руки на груди, отчего белоснежный шелк еще ярче обрисовал изгибы ее сочного тела, Заина прищурилась: — Итак, Лиара Морин, расскажи мне, что же вы забыли в Серой Топи вместе с князем Реноном? И почему ты ищешь его?

Эта женщина зналась с Тенями, и никакого доверия Лиара к ней не питала, а потому и помедлила перед тем, как что-либо сказать. Конечно же, она прекрасно знала, что Тени имеют к Сети' Агону ровно столько же отношения, как и оба Источника, — они были просто сосредоточением силы, доступной любым рукам, которые могли эту силу использовать, и предпочтений никому не отдавали. Однако, это еще не означало, что сама Заина не может работать на Сета и искать их. Или специально подстроить эту ловушку, чтобы перехватить их по пути. А еще — она могла врать, что Алеора видела в последний раз очень долгое время назад.

Стараясь действовать очень осторожно, чтобы ведьма ничего не заметила, Лиара вновь ощупала сознанием окружающее пространство. Только вот никаких следов эльфа здесь не чувствовалось, как и следов Тваугебира, впрочем. Это могло означать, что его здесь не было, но Заина и сама могла позаботиться о том, чтобы этих следов не осталось.

— Мы разделились несколько дней назад, когда Тваугебир вырвался, — скупно пояснила она, не вдаваясь в подробности. — Алеор направился сюда, в эти болота, чтобы перебить лотрий и сдержать тварь. А Рада решила следовать за ним, беспокоилась, что с ним может случиться что-то плохое.

— С Тваугебиром? — недоверчиво вздернула бровь Заина. — Что-то плохое? Скорее, это с вами может случиться множество не слишком приятных вещей, если вы продолжите искать Алеора, пока он в таком состоянии.

— Как можно прекратить его страдания? — поинтересовалась Лиара. Она не слишком-то много знала о Тваугебуре, а спрашивать у самого Алеора не решалась. — Как нам сделать так, чтобы он вернулся в себя?

— Он сам это сделает, Лиара Морин, когда напьется крови вдоволь, — сообщила

Заина. — Вам нужно только подождать его возвращения: Алеор всегда приходит назад, и только тогда, когда сам того хочет. — Глаза ее пристально изучали лицо Лиары, и той стало не по себе. Казалось, что эта женщина насквозь ее видела, хоть и не могла сливаться с окружающим миром и читать напрямую, как сама Лиара. — Ты не договариваешь мне, Дочь Звезд, но я чувствую, что происходит, — голос ведьмы наполнился какой-то густой усталостью. — Ты, эта женщина Рада, Алеор, — вы все связаны, сплетены очень тесно в одно целое, и впереди вас ждут долгие темные дороги, полные опасности.

Лиара заморгала, миг растеряв всю свою уверенность. Зеленые кошачьи глаза женщины сейчас смотрели иначе, сильно, требовательно, не потому, что она пыталась одурманить Лиару, но потому, что она видела что-то в ней. Этот взгляд приковывал, мешал двигаться, подчинял себе. И он выискивал что-то внутри Лиары, искал, требовательно и сильно. Ей стало физически тяжело, но она даже вздохнуть не могла.

Заина вдруг громко охнула, и глаза ее расширились в удивлении и испуге. Несколько секунд она неверяще смотрела на Лиару, словно видела ее впервые, а потом вдруг склонилась перед ней голову, почти поклонилась, больше не осмеливаясь поднимать глаз, и приглушенно проговорила:

— Я приношу извинения за свои действия, Дочь Звезд. И клянусь, что никогда не потревожу ни твоей дороги, ни дороги той, кого ты выбрала.

— Что это значит? — встревожено спросила Лиара. — Что ты увидела во мне? Что изменилось?

— Ты находишься под покровительством Великой Матери, Дочь Звезд. Мне достаточно этого, чтобы не лезть не в свое дело. И я помогу вам. — Заина не поднимала глаз, глядя в пол своего разгромленного дома, и лицо у нее полнилось каким-то странным благоговением, смешанным со светлой печалью. — Вы можете остаться здесь до рассвета, пока на болотах самое опасное время. И в любой момент, когда вам понадобится помощь, вы можете прийти ко мне. Я всегда спрячу вас, укрою, окажу любую поддержку.

— Да что происходит, Заина? — настойчиво подалась вперед Лиара. — Что ты видишь? Ты видишь будущее?

— Я не могу ответить тебе, Дочь Звезд, — тихо, но твердо проговорила ведьма. — Я предложила ровно столько, сколько в состоянии отдать.

Лиара в недоумении взглянула на нее. Все, что происходило сейчас, тревожило ее, особенно эта таинственность, которой окружила их разговор ведьма. И было еще что-то, что зацепило ее внимание.

— Ты знаешь про Великую Мать, — негромко проговорила она, и ведьма кивнула. — Но даже Алеор никогда не слышал о ней. Откуда ты это знаешь?

— Все, кто так или иначе работают с энергиями мира, знают о ней, Дочь Звезд. Просто мало кто называет ее этим именем, — Заина старательно отводила глаза. — Но если ты хочешь узнать о ней подробнее, то иди на запад, в Роур, в горы, где обитает племя крылатых женщин анай. Они ответят на твои вопросы лучше, чем я.

Отстраненно Лиара удивилась тому, как все складывалось. Вот опять всплыло это название: «анай», о котором она в жизни ничего не слышала, и Роур, в который они как раз и шли. Все это — части громадной мозаики, и я — одна из них. Куда положит меня твоя рука, Великая Мать? И какое место я займу во всем этом? Только спрашивать об этом было бесполезно. Она никогда не отвечала напрямую, лишь золото в груди Лиары разгоралось ярче, словно обнадеживая ее и напоминая, что она под защитой.

— В таком случае, я благодарю тебя за предложение и принимаю его. Мы останемся до утра. И я не буду расспрашивать тебя о том, чего ты сказать не можешь, — осторожно подбирая слова, проговорила Лиара. Заина кивнула, и это было гораздо больше похоже на поклон, чем на простое согласие. Лицо ее выражало полнейшее смирение, и внутри у Лиары кольнуло. Гнев вообще ушел прочь, осталось лишь горькое чувство вины. — Прости, что я разрушила твой дом, Заина, — неловко проговорила она, потирая предплечье левой руки и чувствуя себя не на своем месте. — Я не должна была этого делать.

— А я не должна была есть твою спутницу, Дочь Звезд, — Заина осторожно подняла взгляд, и в глазах ее разгоралась теплая, искренняя улыбка. — Но все происходит так, как угодно Ей, и не нам противиться этому. Так что давай-ка я найду что-нибудь поесть, ты, небось, голодная с дороги. А потом отдохнете. У вас впереди еще долгий путь.

Лиаре подумалось, что то, что она услышала, было вовсе не тем, что сказала Заина.

===== Глава 27. Страж Болот =====

Рада открыла глаза, морщась от гнилостного запаха болотных испарений, пропитавших все ее тело, и сразу же застонала. Голова болела так, словно ее били ногами гномы, или давеча она перебрала слишком много крепчайшего самогона.

— Ох, Грозар! — простонала она, хватаясь за голову, словно это могло ей хоть чем-то помочь. — Грозар Милосердный!

— Доброе утро, — прозвучал рядом ровный голос искорки, и Рада приоткрыла один глаз, с трудом фокусируя на ней взгляд.

Они сидели на дороге, прямо на трясине, на расстеленных на земле одеялах. Чуть в стороне, понунив головы, стояли кони, изредка прядая ушами и смаргивая длинными ресницами. Слабый свет утра пропитывал воздух, и болота были звеняще-тихими, лишь издали долетал звук падающих в воду капель.

А Лиара расположилась рядом на своем одеяле, сложив руки и как-то очень задумчиво глядя на нее. В глазах ее было какое-то странное выражение: то ли печаль, то ли решимость, Рада так и не поняла.

— Да какое к бхаре доброе, искорка! — проворчала она, держась за голову и с трудом усаживаясь на своем одеяле. Одежда отсырела за ночь и теперь неприятно липла к телу, холодная и мокрая. — Башка болит так, что в пору выть. Боги, я вообще не помню, что вчера было!

— Вчера мы остановились здесь на ночлег. Ты была очень усталой, поэтому почти сразу же уснула, так ничего и не поев, — спокойно сообщила ей Лиара, но взгляд у нее при этом был таким тоскливым, что Рада заморгала, непонимающе глядя на нее.

— Вот как? Ничего не помню! — она выдохнула, взлохматив золотую копну волос и чувствуя в глотке омерзительно-горький привкус. — Может, дрянью просто этой надышалась, поэтому так и плохо?

Лиара ничего не ответила, спрятав глаза в походную флягу с водой. Рада потерла лицо двумя ладонями, пытаясь хоть как-то прийти в себя, и проворчала:

— Кажется, мой желудок намертво прилип к костям. У нас есть что-нибудь пожевать?

— Есть, Рада, — Лиара протянула ей завернутый в тряпицу кусок хлеба и полоску вяленого мяса.

Подозрительно покосившись на искорку, Рада взяла предложенный кусок и впиалась в него зубами. Девочка вела себя как-то странно, словно чего-то не договаривала, да и глаза то и дело опускала к земле, не встречая прямо взгляд Рады. Может, я во сне орала чего и

перепугала ее этим? Она задумчиво нахмурилась, пытаясь припомнить хоть что-нибудь из своих снов. В голове было черным-черно, только смутно всплывал образ какой-то рыжеволосой потаскухи, которая почему-то лезла к Раде целоваться. Грозар, приснится же такое! Она только покачала головой, прогоняя прочь эту ерунду. Наверное, на меня просто отравы в воздухе действует, вот и лезет в голову не пойми что! Только рыжей потаскухи сейчас для полного счастья нам и не хватает!

Лиара рядом аккуратно вставила на место пробку фляги и отложила ее в сторону, поднялась со своих одеял, принявшись собирать вещи и приторачивать их к седлу Звездочки. Сегодня она казалась Раде какой-то странно молчаливой, но явно не выглядела готовой к расспросам. Может, чувствует себя плохо. Ты же помнишь, как ее вчера выкручивало.

— Тебе лучше сегодня, искорка? — осторожно спросила она, надеясь, что такой вопрос хоть немного расположит Лиару к разговору. — Я за тебя вчера знатно перепугалась.

— Лучше, — односложно ответила Лиара, не поворачивая головы. Рада подождала еще несколько секунд, ожидая продолжения, но его не последовало. Неуютно поведя плечами, она поскребла в затылке, неловко кашлянула в кулак и все-таки проговорила:

— Слушай, я ничего не помню, вот честно, из того, что было вчера вечером. Если я вдруг чего не так тебе сказала усталая, или не помогла лагерь разобрать, или еще чего, ты лучше сразу скажи, чтобы не висело между нами. Последнее, чего бы мне хотелось, это обидеть тебя.

Лиара вдруг тихонько рассмеялась, покачала головой и обернулась к Раде. В глазах у нее до сих пор стояла боль, но теперь там еще просверкивали маленькие золотые точки, которые Раде так нравились, теплые пылинки смеха.

— Все в порядке, Рада, не переживай! Просто ночь была долгой, и в этом месте мне неуютно. Так что ты доешь, и мы поедем дальше, чтобы поскорее найти Алеора.

— А, хорошо, — протянула Рада, дожевывая свой хлеб и подозрительно поглядывая на искорку. Все-таки, кажется, чего-то она не договаривала, но неподдельное тепло в ее тоне немного приободрило Раду.

Собрались они быстро: чего стоит одеяла скатать, да к седлу их приторочить? Скрепляя плащ на горле большой серебряной застежкой, Рада вдруг заметила, что ворот ее рубашки разодран: несколько мелких пуговиц вообще отсутствовало, другие едва держались на крепящих их нитках. Бросив взгляд на задумчивую и молчаливую Лиару, она решила просто ничего не спрашивать. Может, ударились вчера ночью обо что-то или еще чего, мало ли что могло случиться из-за дряни, которой насквозь провоняли болота?

Устроившись в седле, Рада причмкнула, погоняя Злыдня, и он неторопливо побрел вперед. Судя по всему, даже на это проклятое создание действовала здешняя атмосфера: конь выглядел тихим и не сопротивлялся Раде, как делал обычно.

Мимо потянулись серые кочки, поросшие невысокими деревцами. Кое-где в отдалении виднелись теперь круглые островки, на которых что-то темнело. Раде с такого расстояния трудно было рассмотреть, что это, а искорка не была уверена в своих глазах. Проклятое гнилостное марево толстым слоем окутывало болота, мешая дышать и снижая видимость, да и голова трещала, словно разошедшаяся дверь. Грозар, если ты не сможешь найти Алеора, боюсь, что долго я не продержусь здесь, — мрачновато подумала Рада.

И как назло, под ногами не было ни одного следа, что говорил бы, что эльф вообще здесь прошел. Гнилые кочки пружинили под копытами лошадей, почти сразу же распрямляясь и возвращаясь в обычное состояние, но след, хоть и слабый, можно было

прочитать. Рада нахмурилась, глядя под ноги. Коли Алеор прошел здесь, хоть один отпечаток должен был остаться на влажной земле, пусть и самый неважный.

Вдруг догадка сверкнула в мозгу, она громко выругалась, проклиная свою собственную глупость, и возвела очи долу.

— Вот ведь бхарство! — заворчала Рада. — Он ведь сделал так, чтобы следов на земле не оставалось! И что я об этом сразу не подумала? Бесы бы его драли, боги! И как нам его теперь искать?

— В любом случае, Рада, дорога тут одна, — ответила Лиара, ехавшая позади нее. — Мимо нас он не проходил и назад не возвращался. Значит, рано или поздно мы его найдем.

— Проклятье, — повторила Рада, тяжело вздыхая. Вечно все получалось шиворот-навыворот: это отсутствие следов спасло их от Своры, и из-за него же теперь они все глубже и глубже забирались в трясину.

Час за часом они двигались по старой размокшей дороге, а вокруг ничего не менялось. Правда вот, теперь развалины поселений озерников попадались чаще, примерно через каждые час-полтора пути. Покосившиеся дома на сваях стояли у самой дороги, часть из них была еще цела, другая рассыпалась на груды гнилых бревен. Рада приподнималась в стременах, заглядывая в черные провалы окон. Там, в самых темных углах, куда не доставал свет, жались друг к другу белесые, словно личинки, лотрии, мелко дрожа всем телом в полной тишине. Вид у них был омерзительный, и Раду каждый раз передергивало.

Она вновь поскребла в затылке, пытаясь припомнить хоть какие-нибудь подробности вчерашнего вечера. Уж наверное, твари должны были попытаться пробраться на дорогу под покровом темноты и напасть на них, только она ничего такого не помнила. Может, старая эльфийская ворожба все еще была достаточно крепкой, чтобы удержать тоннель над дорогой в целости? Рада скосила глаза на Лиару, но спрашивать не решилась, уж больно та выглядела тихой и погруженной глубоко в себя.

А потом, уже далеко после полудня, пейзаж изменился, и настроение Рады упало еще сильнее. Они выехали на большое открытое пространство, затянутое толстой подушкой испарений. Впереди виднелось громадное озеро с черной, густой, будто смола водой, от которого пахло еще хуже, чем от всего остального здесь. Прямо возле него дорога раздваивалась: одна ее часть убегала на запад, ограниченная разбитыми в прах валунами, другая сворачивала на север, извиваясь по самому берегу озера и теряясь в густой дымке. На развилке высился большой обросший мхом выщербленный камень, на котором сквозь толстый слой плесени проглядывали какие-то буквы.

Рада подъехала поближе, пытаясь рассмотреть, что там написано. Буквы были эльфийскими, плавными и перекатывающимися друг в друга, но эльфийского языка она не знала, а потому только тяжело вздохнула. Сколько бы учителя ни пытались вбить ей его в голову в детстве, ничего не помогало. А в Военных Академиях Мелонии из него учили разве что несколько устоявшихся выражений, чтобы можно было блеснуть своими знаниями на каком-нибудь королевском приеме, да и все. Проклятые Академии! Толку от них никакого, а шумихи хоть отбавляй! Как вообще от всех мелонцев!

— Искорка, — позвала Рада через плечо, — а ты, случайно, по-эльфийски читать не умеешь?

— Читать? — в голосе Лиары звучала неуверенность. Звездочка осторожно подошла к Злыдню и встала рядом, стараясь держаться от кусачей твари на достаточном расстоянии, а Лиара, прищурившись и часто моргая, взглянула на камень. — Ой! Умею!

— И ты об этом не помнила? — вздернула бровь Рада, скептически глядя на нее.

— Я же говорила тебе, что вообще ничего не помню из своего детства, — отозвалась Лиара, и в голосе ее послышалось едва заметное раздражение. Рада удивленно взглянула на нее: искорка впервые при ней выказывала хоть какие-то признаки недовольства, обычно она была мягкой и тихой, словно весенний вечер. Да что ж такого-то случилось вчера, что она в таком состоянии? Рада уже открыла рот, чтобы снова начать допытываться, но тут Лиара прочитала: — Эсхиль прямо, Нитрим направо. Там еще что-то написано, но очень мелко, и разобрать я не могу.

— Нитрим, — повторила Рада, глядя туда, где исчезала бегущая вдоль берега озера дорога. — Это же столица Озерного Края, так?

— Да, — кивнула Лиара. — А Эсхиль — административный центр северо-восточной Равнины Лонтрона. Видимо, раньше дорога соединяла напрямую Эсхиль и Онер.

— Наверное, — пробормотала Рада, оглядываясь по сторонам. — И что нам теперь делать?

Под ногами, как она и думала, не было ни единого следа, который бы дал понять, куда именно направился Алеор. В состоянии Тваугебира он вряд ли мог хорошо соображать, а потому в принципе мог податься в любую сторону. Вряд ли его сильно затормозило бы отсутствие ограждающего от лотрий тоннеля, ведь для того, чтобы резать лотрий, он сюда и полез. Значит, он запросто мог свернуть направо, в сторону столицы Озерного Края. Рада подозревала, что там и находится основное гнездо лотрий, набитое ими под завязку, и если Тваугебир и мог где-то утолить свою жажду, то только там.

— Охранный тоннель идет дальше на запад, — сообщила Лиара. Голос у нее был встревоженный. — А там, справа... Там что-то плохое, Рада.

— Я и не надеялась, что там будет поляна маргариток, — проворчала та в ответ, неосознанно поглаживая рукоять меча. Сердце подсказывало ей, что им направо, да вот только ехать туда совершенно не хотелось.

— Мы можем остаться здесь и подождать его, — неуверенно продолжила искорка. — Только я не уверена, что это будет лучшим вариантом. Я чувствую что-то очень скверное, и не знаю, что будет безопаснее: сидеть здесь на одном месте или ехать ему навстречу.

— Насколько скверное? — уточнила Рада, поворачиваясь к ней. — Достаточно скверное для Стража Болот, или так себе, помельче?

— Я не могу сказать точно, — искорка хмурилась и ощупывала воздух перед собой поднятой ладонью. Кончики ее пальцев шевелились, будто под ними действительно было что-то плотное. — Но там — очень плохо, — уверенно закончила она.

— Нда, — протянула Рада, снова глядя вправо. Делать-то им все равно было нечего. Можно было, конечно, вернуться, но... Что-то внутри тянуло и тянуло Раду, и тревога с каждой минутой становилась все сильнее. Вот только сказать, что это за тревога, она не могла. Боялась ли она за Алеора или, наоборот, за собственную жизнь? Вот такое состояние она не любила больше всего на свете, а потому только махнула рукой и слегка ткнула каблуками Злыдня. — Ладно, хватит гадать. Просто поехали туда.

Лиара ничего не ответила, только кивнула, не сводя напряженного взгляда с берега озера и продолжая шупать пальцами воздух.

На первый взгляд ничего не изменилось, но как только Злыдень пересек невидимую черту границы тоннеля, Рада почувствовала что-то. Словно воздух стал гуще и зловоннее, а еще — каким-то тугим. Он буквально обхватывал ее теперь со всех сторон, гигантской

ладонью сжимая в кулаке. Ощущение было не из приятных, как будто ее связали, и Рада специально подвигала руками и плечами, проверяя, в порядке ли тело. Ничто не стесняло ее движений, однако неприятное ощущение натянутости все равно никуда не делось. Интересно, я драться-то в полную силу смогу? Помрачнев, она обернулась к Лиаре:

— Ты как, искорка? Держишься?

— Да, — сдавленно ответила она. Вид у нее, правда, был такой, будто ее сейчас вывернет наизнанку, но брови упрямо сошлись к переносице, да и взгляд был твердым. — Я справлюсь. Просто здесь защита тоннеля уже не действует.

— Это я уже поняла, — проворчала Рада, отворачиваясь и глядя вперед.

Странное дело, но дорожное полотно здесь сохранилось гораздо лучше, чем под защитой эльфийских чар. Широкие каменные плиты проступали сквозь болотную траву, и копыта лошадей гулко стучали по ним, срывая толстый слой зеленой слизи. Дорога устремлялась к озеру, берега которого поросли осокой и болотными травами, недвижно застывшими в протухшем воздухе и гниющими заживо. Прямо на глазах Рады часть трав мягко разваливалась на волокна и с тихим плеском падала в воду, круги по которой почти что и не разбегались, такой густой и черной она была.

Взгляд скользил и скользил по глади озера, затянутой желтоватым туманом. Далеко видно не было, но Раде чулось, что озеро — огромно. Да оно и понятно, если где-то неподалеку располагалась столица Озерного Края. Наверное, когда-то здесь было красиво: солнечные блики играли на прозрачной воде, пели птицы, цвели болотные цветы, и теплый запах тек и тек над полным влажности краем, оседая прозрачными туманами и каплями росы на рассветных травах. Рада попыталась представить себе Серую Топь другой, полной жизни и силы, но не смогла. Будь ты проклят, Сет, за то, что сделал с этим миром!

Они ехали долго, а озеро все не кончалось. Дорога начала забирать слегка к северо-западу, а запах гнили стал таким сильным, что Рада вытащила из седельной сумы нашейный платок и обмотала им лицо, но только это не слишком-то помогло. Вонь все равно пробиралась в глотку через тонкую ткань, и во рту постоянно стоял сладковато-гнилостный привкус.

Болота молчали, и ни звука не доносилось со стороны топей. Рада то и дело напряженно оглядывалась, пытаясь уловить движение. Судя по тому, что она уже увидела, лотрии действительно не совались наружу из своих гнезд, покуда на небе стояло солнце, но близился вечер, до темноты оставалось всего несколько часов, а это означало, что скоро они появятся. И на этот раз тоннель уже не сможет уберечь путников. Хорошо еще, что дорога здесь попрочнее. В конце концов, поскачем галопом до тоннеля, вряд ли они бегают быстро на этих своих лапах, уж лошадей-то не догонят.

— Рада! — вдруг прозвучал за спиной предостерегающий голос искорки, и она инстинктивно вытащила меч из ножен примерно на ладонь. — Я чувствую впереди черноту. По-моему, мы приехали.

— Далеко еще? — напряглась она, моментально сосредоточившись и обшаривая взглядом густую подушку тумана.

— Не больше километра, — сдавленно отозвалась Лиара. — Но нужно быть очень осторожными. Это что-то... оно совсем плохое.

Совсем плохим здесь могло быть только одно: Страж Болот. Рада задышала ровнее и еще раз поворачивала руками, проверяя, хорошо ли слушается тело. Пока все было в порядке, но это еще ничего не значило.

Никто в точности не знал, что это за существо — Страж Болот. Сказки и легенды упорно твердили, что после встречи с ним никому не удастся уцелеть, однако кто-то ведь сочинял эти сказки, значит, хоть кто-то все-таки умудрился удрать. К тому же, Алеор как-то помянул, что завалил одного из трех созданных Сетом Стражей, и помянул мимоходом, что означало, что он вовсе не хвастается. Да и песни бардов однозначно твердили, что это было правдой, и Рада склонна была этому верить. А раз Алеор смог справиться со Стражем, то, теоретически, это мог сделать и кто-то другой. Рада не была уверена в том, что прекрасно походит на роль этого другого, но выхода у них не было. Они с искоркой уже влезли в это болото, уже сошли с безопасной тропы и поперли в трясину, и все, что случится с ними в ближайшее время, будет логичным следствием всех уже сделанных ими ошибок. Но, проклятье, я не могла бросить его одного! Тваугебир он там или нет, да кто угодно! Серая Топь — это не место, чтобы бродить по нему в одиночку! Кто-то должен прикрывать твою спину на всякий случай, а кроме меня здесь просто никого нет.

Злыдень занервничал, прядая ушами и вскидывая пасть, затанцевал, отказываясь идти дальше. Наверное, он тоже чувствовал, что из этой их затеи ничего хорошего не выйдет. Только вот его, как и Раду, в общем-то, никто в сущности и не спрашивал, поэтому она просто накрутила поводья на кулак и хорошенько угостила его пятками, и жеребец пошел вперед. В другой руке Рада держала меч, свесив его свободно вдоль тела, чтобы не бликовал издали. Ощущение опасности в воздухе было почти что звенящим, и никто не упрекнул бы сейчас ее в излишней предосторожности.

Когда до них долетел первый странный полувскрик-полурык, Рада вздрогнула, но только крепче сжала рукоять меча. Звук был высокий и надтреснутый, словно карканье большой хищной птицы или угрожающее тьяканье какого-нибудь равнинного хищника. Мог ли так кричать Тваугебир? Она слышала его голос лишь один раз, когда он удирал от них в первый вечер в сторону болот, но не могла бы поклясться в том, что этот звук издала та же самая глотка.

— Держись позади меня, — приглушенно скомандовала она Лиаре. — И если что-то пойдет не так, уходи отсюда, искорка.

— Все пойдет так, Рада, — голос эльфийки дрожал и был сипловат от страха, но в нем все равно проскальзывали уверенные нотки. — А даже если и нет, то я все равно никуда не уеду.

— Это может быть опасно, — Рада обернулась и выразительно взглянула на нее. — В конце концов, это я втянула тебя во все это, так что и расплачиваться должна одна я.

— Я никуда не уеду, Рада, — уже увереннее проговорила Лиара, глядя ей в глаза. — Я с тобой, я сама это выбрала, и я останусь с тобой до конца.

От ее слов внутри как-то болезненно-сладко сжалось, и Рада невольно улыбнулась. Эта девочка одним своим присутствием вселяла в нее такую уверенность, что буквально крылья за плечами вырастали. Я не подведу тебя, искорка. Со мной ты в безопасности, клянусь. Только почему-то протолкнуть эти простые слова сквозь сведенное судорогой горло было просто невозможно, потому Рада только кивнула ей и тихо повторила:

— Тогда просто держись позади меня. И не высовывайся.

Странный вскрик впереди вновь повторился, уже ближе, и Рада непроизвольно прищорила Злыдня. Конь захрапел, не желая подчиняться, но все-таки пошел вперед крупной рысью, благо и дорога это позволяла. Она больше не думала ни о чем, только о предстоящей схватке, целиком и полностью сосредоточившись на этом.

Видимость была совсем плохая, но впереди, в отдалении среди густых клубов болотных испарений, что-то двигалось. Рада шурилась, силясь рассмотреть, что же там происходило, но глаза пока что подводили ее, не давая возможности убедиться. И только когда Злыдень, храпя и вскидывая голову, пролетел еще сотню метров, она увидела.

На берегу озера стояло какое-то существо. Оно было большим, около трех метров в высоту, и слабо светилось болезненно-розовым сиянием, по цвету похожим на загнивающую рану. У существа были две большие ластообразные ноги и верхние лапы, длинные, достигающие почти что до самой земли, заканчивающиеся острыми когтями. Скрюченная спина заставляла его пригибаться к земле, и широкая голова входила в тело почти что без шеи, расположенная, как у животных. По бокам его головы расходилось две цепочки маленьких глазок, выпуклых наружу, словно у жабы, но их там было как минимум по шесть штук с каждой стороны. А дальше начиналась пасть. Хотя, можно было сказать, что у него была только пасть, потому что когда тварь раскрыла рот, угрожающе шипя, у Рады создалось впечатление, что голова его буквально разделилась на две половины, только вот странное дело: зубов в ней видно не было. Судя по всему, это и был Страж, во всяком случае, на лотрию тварь совершенно не походила, а ни про каких иных обитателей Топи Рада и слыхом не слыхивала.

Страж стоял спиной к озеру и то и дело взмахивал быстрыми, словно крылья стрекозы, здоровенными ручищами. А вокруг него металась тень, металась так быстро, что взгляд просто не мог уследить за ней. Стоило Раде моргнуть, как тень моментально исчезала из виду, перемещаясь в сторону, высоко выпрыгивая вверх или подныривая под длинные лапы Стража, пытаясь достать его снизу. Человек так двигаться не мог, и Рада инстинктивно сглотнула, глядя на то, как Тваугебир набрасывается на тварь. Судя по всему, пока никто из них верх в схватке взять не мог.

Страж вдруг припал на землю на все четыре лапы и открыл пасть. Воздух разрезал звук, низкий, тяжелый гул, густой, буквально протрясший все тело Рады с головы до ног. Злыдень заржал и вскинулся на дыбы, и она не смогла удержать равновесие. Земля больно ударила в правый бок, но Рада была оглушена и ослеплена ревом твари, а потому почти что и не обратила на это внимания.

Перед глазами почернело, их жгло, словно кто-то плеснул в лицо кислоты. Рада захрипела, барахтаясь в своем плаще и пытаясь подняться с земли. Ни один звук не проходил сквозь уши кроме дикого рева Стража, и голова гудела, в любой миг готовая лопнуть, как перезревшая дыня.

Потом звук кончился, и все вокруг слегка прояснилось. Рада кое-как подхватила на ноги, пытаясь проморгаться и глядя на то, что происходило перед ней. Страж все также сидел на земле, широко открыв свою беззубую пасть. Его нижняя и верхняя челюсти образовали прямую линию, словно челюстных костей у него просто не было, и тонкий розовый щуп высунулся из его глотки, связывая его тело и дрожащего перед ним в воздухе Тваугебира.

Это было похоже на то, как бабочка выпивает нектар из цветка, только гораздо гаже. Длинный щуп впился прямо в лицо Тваугебира, скрыв его целиком, и по нему к Стражу двигались какие-то густые круглые комки, словно нанизанные на цепку бусины. Тварь глотала эти комки один за другим, содрогаясь всей шкурой, и ее маленькие тупые глазки часто моргали, разглядывая Раду. С каждым глотком розоватое свечение вокруг Стража разгоралось все ярче, и воздух ощутимо пошел горячими волнами, похожими на дыхание

летнего зноя.

Она не думала ни о чем, разбегаясь и прыгая вперед. И закричала, когда розовое свечение коснулось кожи, оказавшись жгучим, будто крапива. Только добраться до головы твари Рада так и не успела: когтистая тяжелая лапа с размаха ударила в бок, и она отлетела прочь, кубарем скатываясь по гнилым кочкам к самому краю черной воды.

Сапоги заскребли по влажной чавкающей земле, и Раде чудом удалось остановить падение. В следующий миг она шарахнулась в сторону, и прямо в то место, где она только что была, ударил второй розовый щуп, вырвавшийся из пасти твари. Ей пришлось прыгнуть еще раз, и еще. Голова Стража поворачивалась кругом, словно мельничное колесо, и из беззубого жерла бил розовый щуп, метя в нее. При этом Страж не переставал высасывать Алеора, утробно глотая его энергию.

Рада не могла подойти к нему, не могла подобраться. Она вообще не могла атаковать, вынужденная лишь отпрыгивать прочь за секунду до того, как в ее тело вонзался розовый щуп. Сердце грохотало в ушах, оглушая ее своими ударами, и Рада знала, всем телом чувствовала, что этот бой ей не выиграть. Страж был слишком быстр, гораздо быстрее, чем даже Тваугебир, и не ей было тягаться с этой мощью.

Со стороны послышался вскрик, и Рада успела краем глаза заметить, как бросается вперед Лиара. Что-то сверкнуло в небе, и на миг Страж дернулся, застыв на месте, когда с далеких небес сорвалась молния и наотмашь ударила его, пронзая его покрытое черной слизью тело. Вот только застыл он лишь на миг, а потом розовый щуп энергии ударил, будто хлыст, впиваясь в лицо Лиаре, и она тоже повисла в воздухе, раскинув руки и конвульсивно содрогаясь всем телом.

— Нет! — Рада услышала свой крик, прорвавшийся сквозь забитые ватой уши.

Она и сама не поняла как, но прыгнула вперед, летя прямо на Стража и вздымая меч над головой обеими руками острием вниз. Только в тот же миг прямо ей в грудь вонзилось раскаленное копьё щупа, и она повисла, будто тряпка, насадившись на него и болтаясь прямо над раскрытой пастью твари.

Боль. Пальцы разжались, и меч со звоном выпал из них на землю. Щуп шевелился в груди, крутился жирной толстой пиявкой, и это было большее всего, что она когда-либо чувствовала в жизни. Отстраненно Рада понимала, что тело ее не ранено: щуп не был физическим органом твари. Однако сквозь эту гадость Страж высасывал из нее всю жизненную силу, всю волю, все стремление, что у нее только было.

Холод моментально сковал все тело, руки и ноги онемели, она поняла, что не может двигаться. Воздуха не хватало, и Рада хрипела, словно выброшенная на берег рыба, огромными глазами глядя в пустой, беззубый зев Стража. Там была чернота чернее самой лютой зимней ночи. Там была сама смерть.

Нет! Она не желала, она не хотела, она не собиралась умирать. Не на этих проклятых болотах, не став кормом для Сетовой твари, не в этой грязи. Всю свою жизнь она только и делала, что зря прожигала дни, посвящая их тому, что от нее хотели, а не тому, что хотелось ей самой. В этой жизни она уже потеряла все, что у нее было, кроме одного — желания жить дальше.

Великая Мать! В голове было пусто, как в кастрюле. Рада барахталась в воздухе, задыхаясь и борясь за каждый следующий вдох, а силы вытекали из нее с такой стремительностью, что нельзя было терять ни мгновения. Великая Мать! Помоги!

Щуп вошел еще глубже, трогая то золотое, то нежное, что только-только начало

разгораться в ее груди с приходом в ее жизнь искорки. Рада не знала, что это такое, откуда оно, почему и как оно в ней зародилось, да вот только это было самое дорогое и самое чистое, что она когда-либо испытывала. Это раскаленное золото, ярче тысячи солнц, горячее расплавленного металла, мягче облаков. Это единственное, правильное, искреннее, то, в чем не было ни лжи, ни расчета, ни страха, ни глупости. И она вцепилась в это всей собой, не желая отдавать это тупой грязной твари, выбравшейся из вонючего ила.

Страж вдруг содрогнулся всем телом, и Рада ощутила, что высасывать ее он перестал. Это был лишь миг, короче удара сердца, но его хватило. Щуп, которым он ее пил, не был физическим, но Рада все равно ухватила за него руками, точно так же крепко, как сейчас цеплялась за искру в своей груди. Вот почему я зову ее искоркой. Она мой путеводный свет и моя единственная надежда. Мысль была странной, пришедшей из ниоткуда и так не к месту, однако, она была правильной.

Пальцы изо всех сил сжали щуп Стража. На ощупь он походил на желе или холодный шербет, что подавали при королевском дворце, однако жегся, будто уголь. Рада изо всех сил сжала его, глядя прямо в черный зев Твари. Я не отдам тебе ее! Никогда!

Спину вдруг обожгло так сильно, словно кто-то тыкал в нее горячей головней. А следом за этим пришла сила. Рада еще никогда не чувствовала ничего подобного: мощнейшие потоки энергии, невероятной силы, хлынувшие в нее с такой интенсивностью, что каждый оголенный нерв задрожал от невыносимого напряжения, готовый лопнуть в следующий миг в мельчайшую пыль. Чьи-то огненные ладони легли на щуп поверх ее рук, и Рада знала, кто это рядом с ней. Ей не нужно было поворачивать голову, смотреть своими глазами, она все равно видела Огненную Женщину с глазами пламенниками, которая стискивала своими громадными ручищами щуп в груди Рады вместе с ней и выдирала его наружу.

Страж задрожал, и уши Рады разрезал тонкий визг выше человеческого слуха. Голова моментально полыхнула болью, но сила шла через нее, чистая, раскаленная нить света, пронзающая пространства солнечная игла, врезающаяся прямо в открытый черный зев Твари. И огненные руки изо всех сил вместе с ее руками в последний раз дернули щуп вперед и в сторону. А потом он оторвался, выданный из глотки Стража, и погас в воздухе, выгорев, будто сухая соломинка в раскаленном очаге.

Рада знала, что падает прямо в его глотку, но ей не было страшно. Сотрясающая каждую клетку тела мощь золотым пламенем охватила всю ее. Размахнувшись, она и Огненная Женщина, падающая вместе с ней, одновременно вбили кулаки света в чернильный зев Стража, и ослепительная вспышка почти что выжгла Раде глаза.

Потом был удар в грудь, невыразимо долгое падение и еще один удар, уже спиной о твердую землю. Рада выдохнула весь воздух, выгнувшись дугой вверх и не понимая, то ли у нее сломан позвоночник, то ли там, между лопаток, застыла раскаленная головня. Полыхнули перед ее взором огненные глаза, и все исчезло. Сила ушла так же резко, как и пришла, и опустошенное тело Рады упало в болотную грязь иссушенной тряпкой.

Воздух показался удивительно свежим, и Рада поняла, что глотает его всем ртом, никак не может надыхаться. Сердце колотилось в груди как бешеное, почти что разрываясь от напряжения, и ей жгло буквально каждую частичку тела. Лиара!

Кувыркаясь неумело, словно она забыла, как шевелиться, Рада смогла кое-как перевернуться на живот. Спина горела огнем, и ей казалось, что кожи там больше нет, только угли, которых насыпали под кожу. Руки и ноги дрожали, словно желе, отказываясь ей повиноваться, но она все равно поползла по грязи, оскальзываясь на мокрых кочках, падая и

снова поднимаясь, поползла так быстро, как только могла, в ту сторону, где на землю, раскинув руки, упала Лиара.

Весь мир исчез, больше ничего не было важно, кроме искорки, отброшенной ударом неистовой силы прочь от Стража. Она дышала, и когда Рада добралась-таки до нее, уже начала приходить в себя. Застонав, искорка подняла руку к лицу, протирая глаза, и в следующий миг неслушающиеся руки Рады подхватили ее и прижали к себе.

— Ты цела? — это было важнее всего на свете сейчас. Рада лихорадочно осматривала всю ее в поисках ран. Но их, хвала Богам, не было. Разве что цвет лица у искорки был мертвенно-бледным, словно она устала до изнеможения. — Он тебе ничего не сделал? Все в порядке?

Два серых, будто штормовое небо глаза, открылись и заглянули ей в душу, и Рада поняла, что глупо улыбается в ответ. Огромное облегчение пропитало все тело, и она осела в грязь, все еще держа искорку на руках.

— Да, Рада, все в порядке, — приглушенно ответила та, и ее руки обвили шею Черного Ветра. — Все хорошо.

Рада прижала ее к себе, с удивлением осознав, какая она маленькая. Словно крохотный птенчик, свернувшийся в ковше ее ладоней, худенький и совсем ничего не весящий. Золотая нежность вновь омыла тело, неся с собой свежесть и отдых, и Рада поняла, что теперь чувствует себя гораздо лучше, чем раньше.

— Что случилось? — куда-то ей в плечо, не размыкая рук на ее шее, пробормотала Лиара. — Где эта тварь?

— Кажется, Страж погиб. — Рада вскинула голову и поверх затылка Лиары взглянула в ту сторону, где должен был быть Страж. Лишь обожженная грудка черных останков лежала у самого края воды, и над ней вился тонкий усик дыма. — Он погиб, — повторила Рада, бережно баюкая искорку в руках. — Ко мне пришла та Огненная Женщина и помогла мне.

— Что? — руки Лиары разжались, и она отстранилась, ищуще заглядывая Раде в глаза. — Та самая, что тогда защитила от Гончих?

— Да, — кивнула Рада, невольно перебирая пальцами ее кудряшки и понимая, что просто не может остановиться. Почему-то сейчас это было самое главное на свете — держать ее в руках, чувствовать кончиками пальцев тепло ее тела и знать, что она жива. Словно если бы Рада на миг выпустила ее, искорка бы исчезла. — Когда Страж схватил меня, я позвала на помощь Великую Мать, а потом пришла она и помогла мне сжечь его.

— Как сжечь? — от удивления зрачки Лиары расширились. — Ты же не владеешь никакой силой! Даже эльфийской!

— Ну вроде того, — смущенно кивнула Рада, глядя на нее. — Только в тот момент меня накрыло волной такой силы, такой мощи, что она прошла через меня и сожгла Стража.

— Но это же невозможно! — выдохнула Лиара, настойчиво глядя ей в лицо. — Это просто невозможно! Тот, у кого нет связи с тонкими мирами, не может такое делать!

— Ну... — Рада только неловко пожала плечами, так ничего и не договорив. На самом деле ей сейчас было совершенно все равно, что и как она сделала. Искорка осталась жива, она уцелела, как и Алеор, а Страж был повержен. Разве здесь стоило еще что-то обдумывать и решать?

— Это милость, — тихо проговорила искорка, глядя на нее так, будто впервые увидела. — Великая Мать пришла к тебе по твоему зову, чтобы укрыть от беды. Это великая милость.

— Самое главное, что ты жива, — это сорвалось с губ Рады, и горло сразу же свело судорогой. Она почему-то так испугалась, выговорив это, до глубины души испугалась, словно невольно брошенное слово могло сломать что-то между ними. А что между вами? — мелькнуло в голове. Рада не знала, она ничегошеньки не знала. И наверное, это было только к лучшему.

Лиара заморгала, глядя на нее огромными глазами и будто бы ожидая чего-то. Рада не знала, что делать, говорить или не говорить, а потому просто притянула к себе ее голову и легонько поцеловала прямо между тонких бровей. И великая нежность пришла к ним, накрыв их золотым одеялом.

Несколько мгновений они просто сидели так вдвоем, дыша друг другом и наслаждаясь теплом. Рада все-таки пошевелилась первой, с неохотой отпуская мягкую кудрявую голову искорки.

— Надо посмотреть, что там с Алеором. Ему досталось сильнее, чем нам.

— Конечно, Рада, — как-то сипло пробормотала Лиара.

Вдвоем, поддерживая друг друга, чтобы не упасть, они кое-как поднялись на ноги и поковыляли к тому месту, куда отбросило взрывом эльфа. Он лежал навзничь, распластавшись по кочкам, и откинув голову, и Рада даже не сразу узнала его. Все тело эльфа было покрыто кровью, словно он буквально выкупался в ней, причем кровь была явно не его собственной. Ни одной раны на его теле видно не было, однако кровь впиталась даже в волосы, и теперь они отливали стальным блеском.

— Грозар, я даже не хочу знать, что он делал эти два дня, — Раду передернуло, но она заставила себя нагнуться и коснуться пальцами жилы на шее эльфа.

Пульс был слабым, но прощупывался, и Рада вздохнула с облегчением.

— Живой! Давай-ка, искорка, помоги мне. Он здоровый, как дверь, я одна вряд ли подниму.

Шатаясь под тяжестью эльфа, они с Лиарой кое-как подняли его с земли, закинув его руки себе на плечи, а потом медленно-медленно побрели в обратную сторону, туда, где за толстым одеялом испарений лежала под защитой эльфийских чар дорога.

===== Глава 28. Новая весна =====

Эльф был тяжелый, как конь, несмотря на всю свою изящность, и тащить его было бхарски сложно. Может, дело было в том, что все силы из нее выпил Страж, может, в гнилых и скользких плитах дороги под ногами, да только Рада сыпала проклятьями сквозь стиснутые зубы, спотыкалась на каждом шагу, оскальзывалась, обливалась потом, но перла его вместе с Лиарой обратно, в сторону безопасной дороги. Голова Алеора безвольно болталась у них между плеч, черные окровавленные волосы упали вниз, скрыв лицо, ноги волочились по земле. Да еще и глупые лошади, перепугавшись Стража, удрали в неизвестном направлении вместе со всеми их вещами, и Рада поподчевала их вслед еще парой десятков самых приятных слов, какие только знала.

Страшно жгло спину, и боль эта была какой-то странной, такой, как она в жизни никогда не чувствовала. Вроде бы и не кожа болела, и не кости, и не мышцы, а что-то внутри нее, будто в спине была сквозная рана, в которую воткнули горящий острый прут. Да и вообще самочувствие было отвратительное: все мышцы выкручивало узлами, и они тоже горели в огне. Интересно, это из-за новой силы, что пришла с этой Огненной Женщиной? Или из-за Стража? — рассеяно подумала она, и тут эльф резко вскинул голову.

Рада запнулась на одном месте и остановилась, Лиара охнула, едва не упав. Лицо

Алеора было абсолютно чистым от крови, и Рада только открыла рот от удивления, разглядывая его полные веселья синие глаза. Вот только несколько секунд назад он был весь залит чужой кровью так, что и черты лица едва разглядеть можно было, а теперь выглядел так свежо, будто только что хорошенько напарился в бане. Даже волосы его были чистыми и гладкими и лежали на плечах мягкой волной.

— Дамы! — очаровательно улыбнулся эльф, продолжая болтаться на их плечах мертвым грузом и оглядывая обеих. — Как приятно видеть вас этим чудесным осенним!..

— Бхара! — вскрикнула Рада, от неожиданности отпуская его руку.

Эльф охнул и свалился на землю, в последний момент успев упереться руками в дорожные плиты и не удариться лицом о плесень. Лиара тоже отскочила на шаг в сторону, круглыми глазами глядя на него.

— Рада, бхару твою за ногу! — заворчал эльф, поднимаясь на ноги и гадливо отирая руки о заляпанный кровью лотрий плащ. — Нельзя было как-то помягче это сделать?

— Да гори ты пламенем, Алеор! — раздраженно проворчала она в ответ. — Надо же было так перепугать!

Эльф усмехнулся и выпрямился, довольно оглядываясь по сторонам. Вид у него был цветущий.

— Итак. Где мы с вами находимся? И что происходит?

— Мы в Топи, — отозвалась Рада, недовольно глядя на него. — Прямо посреди проклятого болота. А ты что, ничего не помнишь?

— Конечно же, нет, — Алеор с великим терпением на лице по-отечески взглянул на нее. — Если ты припомнишь, то некоторое время назад на свободу вырвался Тваугебир, а когда он приходит, меня уже нет.

— Нда, — поджала губы Рада. — В общем, сейчас мы в Топи. Только что мы дрались со Стражем, и он едва не сожрал тебя, но мне удалось его утихомирить. Лошади наши удрали, а до безопасной тропы еще как минимум час пешком. Так что если ты уже оклемался, то надо бы поторопиться. Скоро солнце сядет.

— Одну минутку, Радушка. Я правильно понял, что под термином «утихомирить» ты подразумевала убийство? — глаза Алеора загорелись настоящей гордостью, и Рада неловко затопталась на месте, чувствуя себя как-то странно.

— Ну да, так вышло, — пожала она плечом.

— Аааа! — довольно протянул Алеор. — Ты ж моя девочка! Вот видишь? Стоило мне на пару деньков вас покинуть, и все, ты уже сама со всем справляешься! Даже Стража убила! — Рада поморщилась от его тона, но эльф не унимался: — Надеюсь, ты понимаешь, что таким образом цена на твои услуги как наемницы сейчас возросла как минимум раз в двадцать, если не меньше? И что любое наемническое сообщество от Алькаранка до Мереса будет зубами друг друга рвать, лишь бы заполучить тебя в свои ряды?

— Вряд ли, — она хмуро взглянула на эльфа. — Пока за нами гоняются Гончие, они мне еще и приплатят, причем немало, лишь бы я к ним и близко не подходила.

— Это ерунда! — махнул рукой Алеор. — Поверь моему слову. Сегодня Гончие за тобой гоняются, завтра появляются какие-то более опасные люди, и Гончие перестают за тобой гоняться. А учитывая, что скоро начнется Танец Хаоса, ты можешь вообще не переживать, потому как они в любом случае переключатся на Аватар.

Рада некоторое время с сомнением смотрела на него, даже не зная, что на это все сказать. Зато с другой стороны от эльфа заговорила Лиара, отошедшая от удивления,

вызванного его внезапным приходом в себя.

— С тобой все в порядке, Алеор? — негромко спросила она, осторожно глядя на эльфа.

— Лучше не бывает, — эльф сладко вздохнул и потянулся.

— Скажи... Ты был весь облит кровью лотрий, а теперь на коже ни следа. — Она не договорила, видимо, не зная, как закончить.

— Солнышко, ну не зря же говорят, что Тваугебир любит купаться в крови? — снисходительно сообщил ей Алеор, и Лиара побледнела, как полотно. — Перед тем, как уйти, он впитывает эту кровь сквозь мое тело, и ему хватает этого на достаточно долгое время, чтобы не вылезать вновь.

Челюсти Лиары сжались, словно ее затошнило, а Рада поняла, что больше просто не в состоянии терпеть. Раньше разузнавать о Тваугебуре как-то совсем не хотелось, да и не к месту было, а сейчас они были уже в безопасности, да и случай удобный представился, так что она не выдержала:

— Слушай, Алеор, а что это вообще за тварь? В смысле, откуда она у тебе взялась? Я слышала, что это проклятье рода Ирантира, но как она вообще проявляется-то?

— Тут в двух словах рассказать будет достаточно проблематично, — заметил эльф, потом вздернул брови, показывая на юг: — Нам сюда? — Рада нетерпеливо кивнула, и он продолжил, шагая по дороге между ними, причем шагая так легко, будто отдохнул и хорошенько выпался. — Это действительно проклятье в крови Ирантира, и представляет оно собой кусок серебра, застывший под моим сердцем. Когда Тваугебир начинает шевелиться, это серебро согревается, плавится и течет по венам. Думаю, ты видела в последние дни, как у меня выпирали жилы? — Рада кивнула, непроизвольно поежившись. Звучало это омерзительно и пугающе одновременно. Алеор продолжил: — Ну вот. Чем больше этого серебра скапливается в моей крови, тем больше там Тваугебира. И наступает момент, когда серебро тает целиком, заменяя собой кровь, и тогда я сам словно засыпаю, и появляется он. Ему нужна живая кровь, чтобы вволю напиться ей. Как только крови врагов, которую он впитывает через мою кожу, становится достаточно, чтобы мои вены снова функционировали, Тваугебир исчезает, а я вновь возвращаюсь в сознание.

— Так это сейчас, значит, по твоим венам течет кровь лотрий? — вытаращилась на него Рада.

— Нда! — довольно кивнул Алеор. — И скажу тебе, она ничем не хуже любой другой крови. Со временем, выработается моя собственная кровь, которая заменит то, что сейчас есть, и в ней вновь начнет расти Тваугебир.

— А то, что у тебя половина сердца, на это как-то повлияло? — взглянула на эльфа искорка. Вид у нее был задумчивый.

— Повлияло, — кивнул эльф. — И даже в положительную сторону. Теперь Тваугебир вырывается реже: гномья кровь густая, вязкая, ему сложнее перехватывать над ней контроль.

— Как ты это все-таки сделал, Алеор? — Рада недоуменно смотрела на него. — Я просто не понимаю, как вообще можно отрезать половину своего сердца и при этом остаться живым.

— Ох, Радушка, это было оооочень больно! — плотоядно оскалился Алеор, глядя на нее. — Но когда ты живешь полторы тысячи лет в окружении полнейших ничтожеств и идиотов, в какой-то момент тебе становится очень скучно. И вот когда этот момент наступает, все, что люди называют невозможным, превращается в твой единственный способ избавиться от скуки.

Рада задумалась, глядя на эльфа. Наверное, она еще очень много не знала о нем. И прежде всего: каково это быть Алеором Реноном Тваугебиром? И чего ему это стоило. У тебя впереди тоже бесконечная жизнь, если, конечно, какая-нибудь зараза не воткнет тебе в кишки железо. Так что у тебя будет шанс понять его. Рада попыталась представить себя через полторы тысячи лет и просто не смогла. Эта толща времени казалась ей невозможно, невообразимо долгой. Она раньше даже как-то и не задумывалась о том, что эльф был свидетелем всех событий Четвертой Эпохи, что успел, так или иначе, поучаствовать в них, что знал всех королей, которые правили Мелонией еще задолго до ее рождения. И ведь ее тоже ждала такая же судьба: жить год за годом, не меняясь, наблюдая за тем, как уходят времена и люди, как сменяются государства, как те, кого она звала друзьями, умирают, и даже пепла не остается от их имени и дел — все перемалывают Жернова Времени.

Боже мой, как же это должно быть скучно! Как однообразно! Она удивленно взглянула на эльфа, невозмутимо шагающего рядом. И как же при этом обесценивается сама жизнь! Ведь тебя постоянно окружают потери, ты привыкаешь к ним, сживаешься с ними, относишься к ним философски. И жизнь теряет весь свой вкус и смысл. Это понимание, вдруг развернувшееся перед ней, стало таким странно-острым, что Рада ощутила настоящую тоску. Но зачем тогда все это, великие боги? Зачем вы дали эльфам бессмертие, а остальным расам — смерть? Ведь и то и другое одинаково убого: смертные завидуют нам, потому что мы живем вечно, однако то, как мы живем, — ужасно однообразно и попросту глупо, потому что весь остальной мир вокруг нас умирает, постоянно обновляется, и лишь мы не меняемся в нем никак. В чем же тогда смысл? Зачем вообще эльфам нужна вечная жизнь?

— А это проклятье было у всех наследников Ирантира? — спросила Лиара, и Алеор повернулся к ней. Этот вопрос привлек внимание Рады, и она прислушалась. Возможно, до этого они говорили и еще о чем-то, но Рада была слишком глубоко в себе, чтобы услышать.

— Да, — энергично ответил искорке эльф. — Проклятье в нашем роду передается по женской линии, но проявляется только у мужчин. Никто особенно об этом не говорит, потому что это вроде бы как не принято, неприлично и чересчур попахивает кровищей, однако, так обожаемый всеми Король Ирантир Солнце сам носил под сердцем серебро, и у него тоже случались маленькие личностные кризисы, когда его армии в страхе разбежались, бросая оружие, пока он утолял жажду. — Алеор злорадно усмехнулся. — Потрясающее людское качество: вымарывать из собственной истории все моменты, которые хотя бы чуточку порочат чувство их собственного достоинства! А потом выставлять напоказ свои заслуги, тыкая ими в лицо всем остальным так назойливо, что это становится просто смешно. И даже не осознавать при этом, какими полнейшими идиотами они выглядят в глазах своих потомков. — Алеор шумно втянул носом воздух и довольно крякнул. — Обожаю это в человеческой расе! Работает всегда!

— Так ведь Ирантир был Высоким эльфом, а не человеком, — непонимающе заморгала Рада.

— А это вдвойне веселит меня! — сообщил ей эльф. — Смотри, как хорошо получается: он захватил все государства материка и создал империю, подчинив себе, в том числе и людей. Таким образом, они унизили себя дважды. В первый раз, когда присягнули Ирантиру, потому что он был сильнее их, и у них не достало отваги и упертости, чтобы бороться против его владычества. И во второй раз, когда им стало стыдно за это, и тогда они сделали из него настоящего героя, почти что бога во плоти, воспевая его подвиги и делая вид, что они самые ревностные его вассалы! И конечно же, изо всех сил пытаюсь скрыть его недостатки, ведь он

же бог! Не мог же их захватить просто кровавый садист, упивающейся чужой смертью только потому, что сам он никогда не умрет! Нет, они за идею пошли к нему под руку, а не из страха и зависти к его бессмертию и силе! За идею, и за нее одну, никак иначе! — Жесткая улыбка тронула губы эльфа. — Правда вот, сколько бы я ни пытался обсуждать эту тему со смертными, никто из них почему-то никогда не разделял моего веселья. И почему бы это? — Он деланно задумчиво покачал головой. — Никак в толк не возьму.

А Рада-то надеялась, что как только Тваугебир перестанет рваться из груди Алеора, характер у него станет лучше, да только все было напрасно. Как был у эльфа язык, что ржавый напильник, так и остался. Разве что хорошего настроения прибавилось, а это означало, что дальнейший путь будет в точности таким же невыносимым, как и вся предыдущая поездка до болот.

Обратный путь занял меньше времени, чем путь навстречу Стражу, и Рада даже удивилась, когда еще издали разглядела камень-указатель на развилке двух дорог. И еще больше, когда возле него мелькнуло ярко-алое пятно.

— Вот ведь бхара упертая! Все-таки поехала за нами! — с невольным восхищением проговорила она, качая головой.

— Улыбашка-то? — взглянул на нее Алеор. — О, ты даже не представляешь, насколько упрямой она может быть. Это практически уму непостижимо.

И правда, когда они подошли ближе, Рада смогла рассмотреть хмурую гномиху, сидящую на поваленном камне возле развилки и курящую трубку. Сейчас она походила на мухомор в своем красном плаще, с крайне скверным выражением лица, и Рада хмыкнула. А возле гномихи спокойно стояли все четыре лошади, в том числе и Злыдень со Звездочкой. Видимо, они были достаточно умны для того, чтобы поскакать обратно к дороге, а не ринуться сломя голову в трясину и достаться на ужин лотриям. И то хорошо.

— Бестолковые древолюбы! Чтоб от вас белки до конца жизни носы воротили! — еще издали заворчала Улыбашка. Голос ее звучал невнятно из-за чубука трубки, который она сжимала в зубах, угрожающе глядя на приближающуюся троицу. — Я так смотрю, вам захотелось попорхать над кочками, поиграть в мотыльков? Или что? Какой бхары вас понесло в эту трясину?!

— Девочки просто решили подышать свежим воздухом, полным скверны и вони лотрий! — доверительно сообщил ей Алеор, улыбаясь во все лицо. — А заодно прирезать Стража Болот. Это же так приятно делать после легкого обеда из вяленой конины и перекисшей плесневой воды, не так ли, Рада?

— Это была конина? — Рада вздернула бровь, удивленно глядя на эльфа. — То-то я смотрю, вкус такой странный. А почему ты купил именно конину?

— Потому что мы едем в Лонтронский порт, к лошадиникам. И мне очень нравится смотреть на их лица, когда я сообщаю им, что этим утром сжевал кусочек плоти их дорогого четвероногого друга! — Алеор выразительно взглянул на Раду. — Ты же знаешь, как они относятся к своим лошадям. Там женщина столько не стоит, сколько эта безмозглая скотина.

— Вы убили Стража? — Улыбашка смотрела на них, открыв рот, переводя взгляд с одного на другого. — Стража? Стража Болот?

— Да, Улыбашка, — кивнул Алеор, положив руку на плечо Раде. — Наша девочка выросла. Ты чувствуешь всю важность этого момента?

— Ой, да иди ты к бхаре! — зарычала Рада, сбрасывая его руку с плеча и раздраженно подбирая поводья Злыдня. — Лучше бы ты так и остался в этом болоте! Кажется, теперь ты

стал еще невыносимее!

— Все для тебя, Эталах! Никаких компромиссов! — эльф приложил руку к сердцу, заглядывая ей в глаза.

— Вы что, на полном серьезе, убили Стража Болот?! — допытывалась Улыбашка, но Раде уже было плевать на все. Настроение окончательно испортилось, и она влезла в седло, устраиваясь поудобнее и пристраивая меч так, чтобы он не мешал ей. Не дождавшись от нее ответа, гномиха повернулась к искорке. — Лиара, это правда?

— Правда, Улыбашка, — кивнула та, оглаживая шею перепуганной Звездочки. На миг глаза ее обратились к Раде, и в них засветилась такая гордость, что Рада ощутила, как ее щеки алеют, будто свекла. — Рада убила его, призвав на помощь Огненную Женщину.

— Опять вы скромничаете, переключая свои заслуги на чужие плечи, — покачал головой Алеор, тоже запрыгивая на спину своему жеребцу, но Рада успела заметить его острый взгляд, брошенный на нее.

— Но это правда! — настойчиво проговорила Лиара. — Она помогает нам!

— Искорка, да бхара с ним, не слушай его, — Рада недовольно взглянула на эльфа.

— Драная задница Богона! — выдохнула Улыбашка, качая головой и глядя на Раду. — Ну ты даешь! Если честно, когда мы встретились, я думала, что ты способна только на то, чтобы крушить таверны или бревном размахивать, но Страж!..

Алеор вновь принялся ерничать, и Рада ощутила тоскливое желание пришпорить коня и удрать отсюда, подальше от этих двоих. Сама она не чувствовала ничего особенного в связи с тем, что уничтожила ту тварь. Для нее Страж оказался не настолько страшным, как говорили все легенды и сказки. Мерзким — да, очень быстрым и сильным, но не стоило же теперь делать из его смерти событие! В конце концов, это была заслуга не Рады, а той, с глазами пламенниками, чья сила лилась сквозь ее руки. Кто же ты, Огненная Женщина? И почему ты помогаешь нам с искоркой? Чем мы заслужили твое внимание?

Тем временем, Алеор устроился в седле, подобрал поводья и энергично сообщил:

— Раз уж мы почти что в самом центре болот, поворачивать назад бессмысленно. Здесь столько скверны, что наших следов Птичник просто не почует, и погоня собьется со следа, даже если они на него и вышли. Никто в здравом уме не пойдет сквозь Серую Топь, так что теперь у нас преимущество. Просто проедем Болота до конца, а потом по старой дороге свернем на север, в Алькаранк. Все равно нам туда нужно.

— А что там, в Алькаранке? — Улыбашка вытащила изо рта трубку и выдохнула большое облачко дыма.

— Там нас ждет мой приятель, ильтонский ведун. Он — следующий участник нашей маленькой экспедиции, которого мы должны забрать с собой, — сообщил Алеор, подгоняя пятками жеребца. Мышастый послушно пошел вперед, помахивая густым черным хвостом.

Раде всего несколько раз в жизни приходилось видеть ильтонцев, да и то, только со стороны. Известнейшие на весь мир каменщики не стремились работать вдали от своего государства, тем более, на мелонских заказчиков, которых, благодаря их вечной надменности, не слишком-то любили. К тому же, их услуги стоили баснословно дорого, и только самые богатые и знатные мелонцы могли позволить себе ими воспользоваться. Зато и камень пел в руках ильтонцев, даже самый неподатливый гранит и базальт превращались в мягкую глину, и каменнорукие вытачивали из них необыкновенные вещи, прозрачные, будто лесная паутинка, легкие, как облака. В Латре было всего несколько зданий, которые отделявали ильтонцы, и они разительно отличались ото всех остальных построек города,

походя больше на застывшую под ветром рощу или скованные льдом волны бушующего моря, чем на обычную декоративную лепнину.

Что же касается самих каменноруких, то они всегда вызывали у Рады любопытство. Ильтонцы были последней из пробужденных в Этлане рас, последней из тех, над созданием которых трудились Первопришедшие вместе с Молодыми Богами. Их создавали для Первой Войны с Кроном как оружие, бесстрашных, не чувствительных к боли воинов, выносливых и сильных, которые могли бы противостоять элитным его войскам. По легенде тысячи ильтонских фигур вырубали из скал эльфийские мастера, однако, работу свою закончить не успели: не отшлифовали им руки, оставив лишь каменные блоки, скрепленные друг с другом и малоподвижные. А война была в самом разгаре, и Союз Молодых и Старых рас нес огромные потери, отступал все дальше и дальше на запад, сдавая свои территории под руки Крону. И ждать больше было нельзя, потому с помощью Фаишаля Ирантир Солнце и пробудил из камня ильтонцев в том виде, в котором они к тому моменту и пребывали. Так и остались они каменнорукими: все дети, что рождались в ильтонских семьях, наследовали внешность своих родителей, хоть эльфийские мастера, вырезающие их, и уверяли, что со временем этот дефект пройдет.

Да и характер у ильтонцев был явно не воинственным. В своей теплой стране, расположившейся между берегом Моря Штормов и Латайскими горами, они выращивали виноград и пшеницу, пасли овец, пряли шерсть и ткали ковры, считающиеся самыми красивыми и дорогими по всему Этлану. Рада и сама видела эти ковры: тонкое шерстяное кружево со сложными разноцветными узорами, и все никак не могла взять в толк, как толстые, малоподвижные, грубосработанные каменные клешни ильтонцев могли сделать такую красоту.

И вот теперь от мыслей о встрече с ильтонским колдуном внутри заворчалось любопытство. Каким образом Алеору удалось уговорить одного из них выйти за пределы Ильтонии, ей оставалось только гадать. И что он пообещал этому каменнорукому за помощь?

Впрочем, вскоре весь ее энтузиазм поутих, сменившись тупой усталостью. Из головы прочь вылетели мысли и об ильтонцах, и о грядущем пути, и о Огненноглазой Женщине. Осталось лишь измождение: видимо, Страж все-таки смог высосать из нее слишком много жизненной силы, и Раду нестерпимо клонило в сон. Она навалилась на переднюю луку седла, придремывая и позволяя Злыдню идти вперед самому, а потому даже и не заметила, как стемнело.

В конце концов, когда Рада уже почти что сползала с седла, Алеор объявил привал. Сонно подняв голову, она огляделась по сторонам. В кромешной тьме болот тонули очертания полуразрушенных столбов вдоль дороги, и даже звезд над головой видно не было из-за затянувшей все хмари.

Сухой древесины на костер вокруг не нашлось, а потому путники просто расстелили прямо на дороге свои одеяла, поужинали солониной, запивая ее холодной водой. Что-то тревожило сонную Раду, и она поняла, что это, только когда Злыдень рядом громко всхрапнул, и звук этот далеко разнесся над стоящей над болотами тишиной.

— А почему так тихо? — пробормотала она, оглядываясь по сторонам.

Хоть Рада и не помнила ничего из событий вчерашней ночи, но была уверена в том, что уже на закате слышала с болот отдаленное шелканье, крики и какое-то шепуршание, когда лотрии, еще издали почуяв их с Лиарой, подбирались к дороге. Теперь же вокруг стояла

абсолютная тишина, не прерываемая ничем, кроме громкого сопения лошадей и чавканья Улыбашки, жующей кусок мяса.

— Ты про лотрий? — вскинул на нее глаза Алеор. — Думаю, они еще не скоро появятся. Эти твари связаны со Стражем Болот, и после его смерти попрячутся в трясины, чтобы не нарваться на тех, кто его убил. Так что спокойная дорога нам обеспечена.

— Хвала Загриену Каменоступому! — устало выдохнула Улыбашка. — Хотя это хорошо! Я уж думала, что всю ночь придется кому-нибудь в лупастую харю топором тыкать, а так хоть посплю.

И на этот раз Рада была с ней согласна.

Кое-как дожевав конину, Рада растянулась во весь рост на своем одеяле. Сырость и холод с болот продирали до костей, а жесткие кочки и камни дорожного полотна под спиной все никак не давали устроиться поудобнее. Она ерзала и ерзала, все пытаясь отыскать себе уютное местечко, но так и не смогла устроиться. Да и от этой сырости весь сон как рукой сняло, осталась лишь тяжелая усталость во всем теле и жжение под правой лопаткой, там, куда вошла сила Огненноглазой Женщины.

В конце концов, Рада села и кое-как натянула на плечи плащ. Тишина стояла над их маленьким лагерем. Спали не расседланные кони, понутив головы и тихонько пофыркивая во сне, похрапывала, будто ржавая пила, Улыбашка, тихо лежал в стороне Алеор, открытыми глазами глядя в небо. Недалеко от Рады сжавшись в комочек и подложив ладони под голову, лежала Лиара. Глаза ее тоже были открыты и смотрели прямо в пространство без всякого выражения.

Сипло кашлянув от забившей глотку сырости, Рада полезла за пазуху и выудила оттуда трубку. Табак отсырел, но это все равно было лучше, чем ничего, да и весь процесс раскуривания хорошо коротал время. Повозившись с огнивом и трутом, она, в конце концов, смогла высечь искру и упорно раздувала ее до тех пор, пока табак не занялся, и кисловатый запах поплыл над дорогой, закручиваясь тяжелыми кольцами в воздухе.

Под лопаткой нестерпимо жгло, и Рада то и дело передергивала плечами, морщась. Боль была такой странной, интенсивной и при этом сгущенной, словно патока. И пульсировала, будто что-то прогрызало себе дорогу прямо сквозь ее спину, стремясь добраться до сердца. Раде это не слишком-то нравилось, но и никакого страха перед этим она не испытывала, лишь странную неуверенность.

Она затянулась поглубже, расслабилась и сконцентрировала все свое внимание на том, что ощущалось как рана в спине. Такой прием порой срабатывал на обычных ранах или ушибах: стоило немного поглубже погрузиться сознанием в больное место, как становилось странно легче. То ли боль переставала восприниматься как боль, то ли просто приходило оупение, Раде это было неважно. Во всяком случае, в такие моменты она чувствовала себя лучше, а потому и сейчас ничто не мешало ей попробовать.

Жжение в спине было странным, сильным, настойчивым, и чем глубже она сосредотачивалась на нем, тем глубже оно отвечало. Что-то огненное шевелилось прямо между лопаток, будто живое. Рада нахмурилась, силясь понять. Словно два крыла раскрывались на спине, прожигая дыры в ее коже, во всяком случае, боль чувствовалась именно так.

Она просидела долго, до тех пор, как трубка полностью не затухла. Сил совсем не было, Рада чувствовала себя вялой и слабой. В конце концов, она улеглась обратно на свое одеяло и закрыла глаза, пытаясь расслабиться.

Темнота медленно наползала со всех сторон, а тело коченело. Сознание почему-то было вязким, словно кисель, концентрировалось на горячей точке в спине. Постепенно что-то начало отвечать и спереди, в груди, словно маленькое горячее солнышко, пульсирующее в такт с болью под лопаткой. В какой-то момент они двинулись навстречу друг другу, и Рада отстраненно поняла, что ей становится все тяжелее и больнее. Стало трудно дышать, на грудь навалилась тяжесть, судороги побежали по телу. Только при этом она чувствовала какую-то странную правильность всего происходящего и полное отсутствие страха.

А потом огонек слился с ожогом, разросся, уплотнился. Рада уже не понимала, где она, кто она, лишь чувствовала себя гораздо больше собственного тела. Ее буквально распирало на части, словно сухая неподатливая оболочка из костей, мяса и кожи должна была вот-вот лопнуть, будто мыльный пузырь. Тело согрелось, и тихая сладость побежала по венам, а сердце застучало как-то иначе, ровнее, спокойнее.

И она увидела.

В немыслимой дали разгорался алый закат на бирюзово-зеленом небе. Медленно текла широкая могучая река, неся свои воды вдаль, перекатывая и перекатывая буруны волн. По зеленым берегам росли высокие деревья, огромные, похожие на дубы, только в десятки раз больше. В камышах вдоль берегов шептал свои сказки ветер, и мохнатые былки шевелились под ветром, едва слышно постукивая друг о друга. И свет лился отовсюду, не только от алого неба на закате, но буквально отовсюду, словно светилась каждая крохотная травинка на зеленом, мягком, вышитом цветами ковре под ногами.

Рада взглянула вдаль, туда, где над спокойными водами великой реки вскидывало к небесам свою крону дерево. Его ствол был широким, словно дом, его ветви свободно разошлись в стороны, обнимая почти что все небо. И зеленая шапка листьев на его голове дышала ветрами и весной. А на вывернутых из земли широких корнях сидела женщина.

Она была молодой... Или нет. Точно Рада сказать бы не могла. На ней были легкие одежды дымчатого тумана, окутывающие ее тело, словно рассветные облака. У нее были серебристые глаза, почти что две звезды, горящие из немыслимой дали, и золотые кудри, легкие и вьющиеся, словно солнечная кудель. Рада видела ее ноги в тонких золотых сандалиях на высокой шнуровке, и ее руки, длинные пальцы, которые вязали и вязали тоненькую веревочку из целой груды пушистой пряжи, что лежала рядом с ней в древесных корнях, похожая то ли на туман, то ли на облака. И там же стояли два тонких клинка, прислоненные к стволу дерева, две полосы из неведомого ей металла, светящегося, будто солнце.

Женщина подняла голову и взглянула на Раду, улыбаясь так задорно, так легко, так солнечно. Казалось, что весь свет мира сейчас собрался в уголках ее глаз и губ, растянувшихся в улыбку, вся нежность, вся сила молодых ветров, только-только народившихся в далеких горах, целовала мягкие кудри ее золотых волос, перебирая их и отбрасывая с лица. Она была невыносимо прекрасна, словно теплое детство в рыжих закатных соснах, словно сверкающее солнце в летящей сквозь вечность капле первой весенней капли, словно маленький голубой цветочек незабудки, заплутавший в сухом кружеве тонкой летней травы в дышащий жаром раскаленный полдень.

— А, ЭТО ТЫ! — улыбнулась Женщина. Губы ее не пошевелились, все так же растянутые в улыбку, и ее голос звучал прямо внутри Рады, наполняя неопишным блаженством каждую ее частичку. — ПОДОЙДИ БЛИЖЕ. Я ХОЧУ ПОСМОТРЕТЬ И ТЕБЯ.

Рада робко шагнула вперед, чувствуя себя рядом с ней маленькой, словно котенок. И правда, эта Среброглазая Женщина казалась огромной, как и дерево, под которым она сидела. Теперь Рада была едва ли не меньше подошвы ее сандалий, и серебристые глаз-звезды смотрели на нее из затянутого золотой дымкой неба, в котором купались бесчисленные разводы всех цветов, перемешиваясь, переливаясь.

— Кто ты? — тихо спросила Рада, и Женщина засмеялась в ответ, звонко и радостно, словно шумел ветер в роще молодых лиственниц.

— ИДЕТ НОВОЕ ВРЕМЯ. — Это были не слова, это было ощущение, и Рада впитывала его всем своим существом. — НАСТАЕТ НОВАЯ ВЕСНА.

Полный первой весенней сырости и запаха мокрой земли ветер кружил над ее головой тонкие золотые перья облаков. И маленький ландыш, покрытый крохотными капельками росы, качался на тонких нитях воздуха, обласканный робкими лучами рассветного солнца. Рада смотрела и смотрела на него во все глаза, и почему-то ей казалось, что сейчас на свете нет ничего более важного, ничего более настоящего.

Затем она увидела Лиару, раскинувшую руки и лежащую на спине в мягкой весенней траве. Искорка морщила нос и улыбалась, и по ее лицу скользила тень резных дубовых листьев, играли в пятнашки солнечные лучи. Маленький ландыш качался прямо над ее щекой, щекоча кожу легким прикосновением соцветий, и она смеялась.

И под самыми небесами, кучерявой головой разгоняя облака, громко смеялась в унисон с ней Среброглазая Женщина, и руки ее превращались в крылья, а потом она взлетала все выше и выше, закручивая узоры из белоснежных туч, взбивая их будто свою перину, купаясь в них, словно в теплых морских волнах.

— НАСТАЕТ НОВАЯ ВЕСНА.

Видение померкло, оставив после себя лишь неясные образы и расплывчатое воспоминание о великой нежности и обещании. Рада поняла, что просыпается.

Тело задубело от долгого лежания на холодной земле, болели руки и ноги, зато в груди больше не жгло. Теперь там было нежно и трепетно, так звонко, так тонко, так сладко. Рада открыла глаза, глядя над собой в темное затянутое маревом небо и глубоко дыша, хватая ртом воздух. Слово все вокруг... изменилось. Осталось тем же и невыразимо, невероятно изменилось, превратившись во что-то иное. Она моргала, пытаясь понять, пытаясь объяснить... и не могла. И лишь золотая нежность в груди пульсировала, словно билось сердце маленького теплого птенца.

Над дорогой текла тихая-тихая мелодия. Мягкая, переливчатая, легкая песня арфы. Сначала Раде показалось, что это все еще часть ее сна, или не сна, а видения, неважно, чем оно было на самом деле. Потом к этой мелодии приплелся тихий голос искорки, и это золотое в груди Рады сжалось, запульсировав быстрее и нежнее.

Белым мороком снежных взоров,

Талой влагой вышиты листья.

Дремлют в сером тумане горы,

Их касаются нежно кисти

Облаков, что в небесной тиши

Разливаются белые шири.

Мокрой грудью земля дышит,

Просыпаясь в дремотном мире.

И в белесых валах тумана,

Укрывающих спящие рощи,
Убаюканный океаном
И лишенный небесной мощи
У корней вековых деревьев
На подстилке сухой осоки,
На подушке из листьев-перьев
Дремлет ветер весны до срока.
Ему снится могучая сила
Прорывающих землю всходов,
Запах талого снега, ила,
Солнца яркий кушак восходов,
Первый гром, перезвон капли,
Птичий гомон в густых дубравах,
И последние слезы метели,
Оседающие в первых травах.
А пока только тишь, ни вздоха,
В этой утренней дымке ранней.
И на веточке чертополоха
В первой почке — великая тайна.

Песня кончилась, и Рада впервые за это время выдохнула, ощутив, что умеет это делать. Искорка замолчала, продолжая тихонько перебирать пальцами золотые струны. Потом и этот звук затих, и лишь тишина легла на ночное болото.

Рада приподнялась на локте, во все глаза глядя на Лиару. Она не могла думать, она ничего не понимала и не знала, словно только-только народившийся щенок. Сейчас ей казалось, что это — самый первый миг ее жизни в этом новом мире, мире, который был точно таким же, но при этом — совершенно другим, мире, в котором изменилось все.

Лиара почувствовала ее взгляд и неуверенно улыбнулась, опуская глаза и рассеяно поглаживая бок своей арфы.

— Что это? — тихо спросила ее Рада, не узнавая собственного голоса. — Что это за песня?

— Не знаю, — ответила ей искорка, и такая искренность была в ее глазах, в ее улыбке, в том, как она клонила голову набок, в том, как собирались лучики морщинок в углах ее глаз, что Раде захотелось взять ее ладонь и прижать к губам, склонив голову перед ней и благословляя небеса за то, что она есть на этом свете. — Я грезила... А потом проснулась, и пришло это. — Она пожала плечами, нежно поглаживая резную арфу. А Рада не могла и слова вымолвить, глядя на нее и безмолвно любуясь каждым ее движением. — На самом деле, оно давно уже хотело прийти. Началось еще, когда ты только-только взяла меня на работу, еще в Латре. Но тогда совсем не ко времени было, а вот теперь — сложилось.

— Мне кажется, я видела тебя, — невпопад ответила Рада, все так же глядя на искорку. Казалось, что сейчас грудь ее раскрыли нараспашку, и только ее сердце билось и билось навстречу ей, огромное и полное такой сводящей с ума нежности, что ноги подкашивались, а руки опускались. И в этой нежности была сила, способная смести весь мир. — Кажется, мне сейчас снилось что-то, и там была ты.

Лиара только удивленно заморгала, а Рада поняла, что воспоминание о сне ускользает от нее, уходит прочь. Осталось лишь ощущение чего-то тонкого, чего-то очень красивого.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и Рада дышала искоркой, вдыхала ее всей грудью, не думая ни о чем, лишь чувствуя, как по каждой клеточке ее тела струится эта мягкость и ласка.

— Это необыкновенная песня, искорка, — наконец, смогла проговорить она, и слова показались совершенно пустыми по сравнению с тем, что горело и пело в ее груди. — Это самое красивое, что я когда-либо слышала.

— Спасибо, Рада, — тихо ответила Лиара, неотрывно глядя на нее.

В ее задумчивых штормовых глазах Раде на миг привиделись другие глаза — Серебристые, словно звезды, и Улыбка, Хохочущая молодая дерзость, раскинувшее руки небу детское счастье.

Больше они не сказали друг другу ничего, просто потому, что говорить ничего и не нужно было. И когда Рада вновь улеглась на свое одеяло и закрыла глаза, сон пришел сразу же, тихий, спокойный и крепкий.

===== Глава 29. Торговец секретами =====

В воздухе отчетливо пахло солью, и бесконечный ветер с севера все дул и дул в лицо, не ослабевая ни на миг, заставляя морщиться и зябнуть, пробираясь холодными пальцами за воротник куртки и в рукава. Гардан уже успел забыть это ощущение, пока шлялся по пыльным дорогам внутренней Мелонии, и нельзя было сказать, чтобы он всей душой вновь радовался продирающему до костей ветродую. Но это всяко было лучше, чем пылища и духота Латра, и дышалось здесь гораздо легче, чем там, где глотку пережимали тысячи законов, правил, обычаев и дурацкого придворного политеса. В Северных Провинциях законы если и соблюдались, то только потому, что того хотели те, кто это делал, а не потому, что кто-то мог заставить их эти законы соблюдать.

Разбитая дорога совсем раскисла от бесконечной мокрой ряби, которая сыпалась здесь с неба почти что круглый год за исключением пары солнечных месяцев летом. Над головой стыло перекатывалось серое небо, однообразное и угрюмое, протяжно кричали издали чайки. Гардан привстал в седле, щуря глаза, чтобы лучше видеть. Горизонт на севере был совсем размыт, земля будто обрывалась рваным краем прямо в небо, а это означало, что он достиг берега Северного Моря.

Копыто чалого громко плюхнулось в глубокую яму, и конь пошатнулся, от неожиданности тряхнув головой. Гардан нагнулся в седле и устало похлопал его по гнutoй шее, пробормотав под нос:

— Ничего, приятель, уже приехали. Потерпи.

С того самого утра, как Далана забрали себе Марны, Гардан гнал и гнал без остановки и отдыха на север. Он не мог сказать, что же подстегивало его больше: зловещие слова Марны, объявленный ей Танец Хаоса или прямой приказ, что сжал все его тело невидимыми тисками. За эти недели, что прошли с того дня, ощущение это лишь усилилось: казалось, будто на него накинули мелкую рыболовную сеть и стягивают ее, все сильнее и сильнее. Спать было невыносимо — Гардану казалось, что он задыхается, и он то и дело просыпался. В течение трех недель пути до Мериадора и еще четырех дней по дороге до побережья он нормально не проспал ни одной ночи, хоть и не жалел монеты, останавливаясь лишь на постоянных дворах, чтобы дать отдых измученному телу. Есть он тоже не мог: пища потеряла вкус и едва лезла в глотку, словно одноглазый взгляд Марны так и буравил ему затылок, без конца шепча: «Тебе нужно выполнить приказ. А ты вместо этого сидишь и жрешь, тратишь впустую драгоценные секунды. Разве не помнишь, что я сказала тебе?» И тогда Гардан в

спешке дожевывал последний кусок и вновь влезал в седло, чтобы и дальше натирать зад, отмеряя милю за милей.

Измаялся и чалый. Он сильно похудел, и ребра выпирали из-под покрытой разномастными пятнами шкуры, все больше спал во время даже самых коротких привалов, да и прихрамывал на заднюю ногу. Гардан осмотрел его вчера вечером: подкова с левого заднего копыта почти что отодралась и держалась на одних гвоздях. Возможно, чалый уже успел потерять ее: проверять у Гардана сил не было, как и времени, чтобы подковать его на придорожной кузне.

Так что теперь, когда на горизонте маячила серая полоса неба, сливающегося с морем, у Гардана слегка отлегло от сердца. Где-то впереди, за поросшим прошлогодней спутанной травой холмом, должна была лежать Лебяжья Гавань, прозванная так рыбаками за нестерпимую вонь. Там Гардан сможет наконец-то связаться с нужными людьми и передать послание по всему побережью.

Сначала он подумывал о том, чтобы пойти к Лорду Северных Провинций, какому-то очередному дурачку, согласившемуся рискнуть собственной шеей за не такую уж и большую плату и делать вид, что он здесь хоть чем-то управляет, но потом отбросил эту мысль. Лорда никто не станет слушать, ни одна живая душа, просто потому, что он представлял здесь центральную власть, до которой местным не было никакого дела. А вот связаться напрямую с пиратами — людьми крайне суеверными и опасливыми, которые не понаслышке знали, что такое гнев Марн, — это было уже гораздо более удачной идеей, и, взвесив все за и против, Гардан все-таки решил поступить именно так. Да, пираты были сумасбродны и вольнолюбивы, да, им все было нипочем и никто не указ, но они должны были устрашиться гнева Марны. В конце концов, лишь самые удачливые из них доживали до того, чтобы качать на коленях своих внуков, остальных забирало ревнивое море. А даже волны плескали по воле Марн, и по их же воле рождались попутные ветра и вскипали шторма. Так что пираты должны были согласиться. Во всяком случае, Гардан верил в это всей душой.

То, что случилось три с половиной недели назад в деревушке на подступах к Ронтису, до сих пор не шло у него из головы. Перед глазами как живое стояло лицо Провидца и громадный глаз, с интенсивным стремлением и подчиняющей волей разглядывающий насквозь существо самого Гардана. Никто в той деревне не усомнился в словах мальчика, никто не посмел и рта раскрыть, оспорить хоть что-то, из переданного им послания. И полетели по всем дорогам Мелонии во все стороны слухи, один другого страшнее. О Марнах, что предрекли Танец Хаоса, о Конце Мира и новой войне. О том, что Мелония падет, о том, что Боги прогневались на Мелонию, потому и уничтожили короля, а Рада была карающей рукой Марн. Нет, это Сети'Агон переманил ее на свою сторону, и именно по его воле она убила короля и Лорда-Протектора, чтобы приблизить Конец Мира. Нет, она была Аватарой, и не была ей. Что только не наслушался Гардан за последнее время в тавернах от трактирщиков и торговцев, и от всех этих слухов волосы на голове шевелились. Одно только было странно: несмотря на то, что никто не знал имени Провидца, его рода и происхождения, однако все настойчиво увязывали его пророчество с Радой, и Гардану оставалось только хмуриться. Было ли это совпадением? Или и на этот раз Марны передавали свою волю, только уже другими устами и в другой форме?

Естественно, что после того, как Провидец изрек свое первое пророчество, церковь Кану буквально атаковали со всех сторон деревенские, кинувшиеся к нему за исцелением, благословением или чем-то подобным. Мальчик находился без сознания в первые часы, и

старому жрецу удалось вытолкать всех любопытных прочь, не позволив им взглянуть на него. А в полночь он забрал с заднего двора тощую лошаденку, нагрузил на нее нехитрых пожиток и заявил, что поедет вместе с Гарданом и Провидцем на север. План его состоял в том, чтобы отвезти мальчика в Дер, в тамошний известный на всю Мелонию монастырь, но прежде всего — под надежную защиту каменных стен самого города, в котором Провидца не потревожат бестолковые паломники и фанатичные верующие. Гардан был донельзя удивлен здравостью хода мысли жреца — до этого ему попадались лишь зажавшиеся толстосумы, которые из всего пытались извлечь выгоду, прикрывая свой зад знаменем Молодых Богов. А этот старикашка по имени Илан чистосердечно стремился лишь защитить мальчика и говорящих через него Марн, не требуя ничего взамен. Поколебавшись, Гардан все-таки согласился взять его с собой, и следующие две недели они ехали вместе.

Провидец пришел в себя спустя сутки после того, как через него заговорили Марны. Только теперь это был уже совершенно не тот улыбчивый и скромный мальчик, так странно похожий на Черного Ветра и не имеющий ничего общего со своим отцом. Да, глаза Провидца вернули себе привычный чистый голубой цвет, а око во лбу закрылось до поры, став похожим на большую шишку, но теперь взгляд его был все время затуманен, мальчик казался погруженным в себя, почти не разговаривал и смотрел в пространство перед собой, словно видел что-то, не видимое больше никому. На расспросы он отвечать отказался, смиренно проговорив, что отныне принадлежит Марне Деве, и своих собственных мыслей в его голове больше нет, а тревожить ее и звать из-за какой-то мелочи он не будет. Во всем остальном он выглядел так же, как и раньше: ел, спал, трясся в седле рядом с ними, только все больше молчал. Насчет того, чтобы укрыться в Дере, Провидец лишь кивнул, стерпел, когда Гардан с Жрецом перевязали ему голову шерстяным шарфом, чтобы скрыть око во лбу и избежать толп паломников, бредущих за ними по дороге. Вот только Гардан все равно чувствовал себя рядом с ним уже совершенно иначе, и его не отпускало ощущение, словно даже сквозь закрытое веко, сквозь толстый шарф Марна Дева все равно наблюдает за ними из головы мальчишки.

С тех самых пор он чувствовал себя словно бы вывернутым наизнанку. Как будто в тот миг, когда пророческие слова сорвались с губ Провидца, все его прошлое обрушилось карточным домиком, рассыпалось в труху, и ветра перемен унесли ее прочь, развеяв над полями. Никогда еще за всю историю Этлана не случалось, чтобы Марны напрямую вмешивались в жизнь людей, и Гардан и не чаял, что это случится на его глазах. И сейчас он чувствовал себя флюгером, который отчаянно мотает из стороны в сторону ветер, с этой стиснутой волей Марны кожей и приказом, что был ему дан. Возможно, я тоже теперь не принадлежу самому себе, как и Провидец. Возможно, теперь я тоже лишь фигурка в руках Марн, которую они двигают по собственному желанию. Гардану было не по себе от этого.

По большому счету, в людских государствах вообще-то и не верили в Марн. Все знали, что они существуют, когда нужно было помянуть злой случай или оправдаться за собственную глупость, дураки сразу же начинали клясть Марн и говорить, что это они неправильно сплели их нить. Кому-то было утешением, что Единоглазые Пряхи решили его судьбу за него и послали беды, а вовсе не сам он все себе испоганил своей глупостью, кому-то — счастьем, что они щедро одарили его удачей и богатством. Но одно дело: благодарить великие силы мира, зная, что они есть, но никогда тебя не коснутся, и совсем другое — напрямую контактировать с их дробящей камни волей, противиться которой невозможно. И теперь Гардан то и дело думал о том, что все эти сказки, которые он слушал в детстве, что

вся легендарная история мира, Фаишаль, Король Солнце, Аватары Создателя и Молодые Боги — что все они были правдой. И что они никуда не делись, не исчезли, не закрылись от мира, как отовсюду вечно говорилось, что они были совершенно равнозначными обитателями той реальности, которую Гардан называл привычной, и лишь людская ограниченность и неспособность смотреть трезвым взглядом на вещи, а может, и эгоизм, желание стать властителями мира, единственными и неповторимыми, не давало человечеству увидеть своих соседей и ужиться с ними в одном мире. Как многого мы не знаем, как многого не видим буквально перед своим носом. И когда оно обрушивается на нас в один прекрасный день, то становится настоящим чудом. А на самом-то деле это не более, чем реальность.

Теперь ему казалось, что весь мир качается под ногами, что все меняется. Даже в запахе соли, которую нес с собой северный ветер, Гардан ощущал что-то новое. Что-то пробуждалось, начиналось, разворачивалось, и те чудеса, которые уже успели произойти, походили на первые толчки ребенка в утробе, когда он только-только пробовал силу своего тела, еще даже не осознавая того, что уже жив. Моя жизнь уже никогда не будет прежней. Будет ли вообще хоть что-то как раньше? И почему именно мне выпала честь увидеть это первому?

Дер остался далеко позади, а в нем, в каменной крепости за толстыми стенами из гранитных блоков — маленький мальчик, первый вестник нового мира. Гардан оставил его на попечение жреца Илана, торопясь дальше на север, и уже вечером того же дня услышал в трактире первую сплетню о том, что Провидец предсказал великое будущее Мелонии, ее возвышение и особую судьбу, а также избрал своей резиденцией Дер и приглашает паломников, чтобы ответить на их вопросы. Скорее всего, это была очередная чушь, неправильно переданная из уст в уста или услышанная кем-то и исковерканная в меру собственной глупости, однако одно в ней было верно: теперь мальчик был в безопасности. А это означало, что свою клятву Черному Ветру Гардан выполнил и долг отдал. И теперь его держала другая клятва, гораздо более серьезная и тяжелая, чем предыдущая.

Чалый, устало спотыкаясь, вывернул из-за холма, и Гардан невольно вздохнул. Впереди, не более чем в километре к западу, по берегам широкой бухты раскинулась Лебязья Гавань. Он наконец-то добрался.

Никакой крепостной стены у города не было: если на него кто и нападал, то только с моря, да и вообще рыбаки всегда держали одну единственную сторону во всех конфликтах — свою собственную. Если они считали верным примкнуть к мятежникам, то открывали для них порт, если к правительственным войскам (что бывало крайне редко), — то для них, а так по большей части только ловили рыбу да торговали с пиратами. Своего флота у Мелонии не было, потому все, кто приплывал к ее берегам торговать и причаливал не в Алькаранке — официальном порту для сбора налогов, — считались пиратами, хоть их товарами с большим удовольствием пользовалась даже мелонская корона. И сейчас у берега на приколе стояло несколько десятков больших крутобоких кораблей — морских парусников, отчаянные капитаны которых рисковали оплыть все побережье Этлана Срединного с севера, запада и юга, везя сюда пряности, редкости, поделочную кость, масло, специи и прочие южные диковинки. Между громадными боками морских кораблей виднелись более узкие суденышки поменьше: вертлявые речные корабли, ходящие в основном по рекам материка, но порой рискующие выходить и в открытое море, держась у самой береговой линии. По всей водной глади Северного Моря были разбросаны маленькие и большие лодки местных

рыбаков, чей труд был тяжел и горек. И сейчас, до наступления сезона Штормов, до которого оставался еще месяц, они напрягались изо всех сил, чтобы вытянуть как можно больше рыбы и отработать себе на зиму, пока еще море не вздулось, полное зимней ярости и ледяных брызг, а рыба не ушла прочь, в более спокойные места.

Что же касается самой Лебязьей Гавани, то городок кольцом огибал бухту и состоял из невысоких каменных домишек, лепившихся друг к другу как можно плотнее, словно это хоть немного согревало их от вечных промозглых морских ветров. Над однотипными крышами из темной черепицы стелился черный дым, и Гардан издали разглядел подводы с дровами, что неторопливо тянулись к городу по проселочной дороге с юга. На городском рынке дрова и рыба считались самыми ходовыми товарами, все остальное было местным или не по карману, или без надобности. Здесь жили просто: лишь бы что было в кастрюле, да горело в печи, значит, дом уже и полон. И такая жизнь нравилась Гардану, во всяком случае, она была гораздо честнее даже самой маленькой золотой рюшечки на самом захудалом дворце Латра.

В воздухе стояла такая привычная и знакомая вонь: соль и рыба, гниющие у берега водоросли и горький запах дыма. Надрывными голосами вопили висящие в воздухе над волнами чайки, и Гардан вдруг улыбнулся, поняв, что все-таки соскучился по всему этому. Чем ближе он подъезжал к городу, тем крепче становился запах. Теперь к нему примешалась вонь дегтя и смолы, запах пеньковых веревок, краски и сырой доски, аромат свежих лепешек из дрянной муки, которые выпекали местные, и еще — тонкий-тонкий запах парусов, напивавшихся морем, ветрами и влагой, такой неповторимый, манящий дальними странствиями и всеми теми приключениями, о которых так любили заливать матросы. И самое приятное было в том, что здесь, в отличие от Латра, совершенно не пахло дерьмом или отбросами, и это заставило Гардана вновь довольно ухмыльнуться.

Улицы города были вымощены круглой крупной галькой, которой по берегам можно было найти в избытке. Грязи здесь не было, и конские копыта громко цокали по мостовой. Несколько худющих псов приветливо помахали Гардану хвостами, пробегая мимо, но котов здесь было гораздо больше: они сворачивались клубками на подоконниках и крылечках домов, лазили на мягких лапах по крышам, заглядывали в дождевые бочки. Да оно и неудивительно: где еще жить котам, как не в городе рыбы? Да и народ здесь был под стать четвероногим обитателям: такие же худющие, жилистые, с просоленными и морщинистыми от вечных ветров лицами, дочерна загорелые,двигающиеся слегка вразвалочку из-за вечной корабельной качки. Мужчины носили простые коричневые куртки и штаны, завернутые в высокие, выше колена, сапоги, женщины — темные платья под горло, чтобы ветер не мог добраться до их кожи. Горожане спешили по своим делам, но вид у них был какой-то расслабленный, не такой напряженный, как в столице, да и лица гораздо более спокойные, и какие-то теплые, словно в любой миг готовые широко улыбнуться.

Навстречу попадались и гости из дальних стран, которыми всегда были набиты все порты мира. Мимо неторопливо едущего вперед Гардана прошли двое лонтронцев — черноволосых и усатых, с заплетенными в косу на затылке волосами. Следом вприпрыжку, явно куда-то торопясь, пробежал бернардинец — русоволосый парень с гладко выбритыми щеками, одетый в долгополый кафтан, плотно облегающий тело, почти такой, как таскали эльфы. Гардан едва шею не вывернул, разглядывая южную пиратку: смуглую женщину с кудрявыми черными волосами и проколотым в нескольких местах носом, завернутую во множество ярких отрезков тканей, которая двигалась, слегка переваливаясь с боку на бок,

словно по земле ей было ходить сложнее, чем по палубе. Впрочем, за ее широким кушаком виднелся искривленный заточенный с одной стороны тесак, да и черные глаза зорко стреляли по сторонам, давая понять, что она не какая-нибудь потаскуха из местных борделей, и на предложение пройтись до ближайшей таверны запросто может выпустить тебе кишки. Гардан подумал, что, наверное, рискнул бы угостить ее крепким местным пойлом, которое мелонцы почему-то упорно называли ромом, хоть и делалось оно из пшеницы. Женщины у него не было почитай что с самого Латра, а он никогда не страдал особой тягой к воздержанию. Однако сейчас тиски, которыми перехватила всего его Марна, стягивали так, что он просто не мог позволить себе расслабиться или отвлечься. Ему нужно было выполнить дело, которое поручила ему Единоглазая Пряха, и только после этого он мог спокойно гулять по борделям и тавернам.

Потому Гардан свернул в первый же переулок сразу после большой кисло воняющей дубильни и остановил чалого перед ничем не примечательным домом с кривым забором, на жердины которого были одеты две оббитые по краю глиняные кружки и большой рыбий череп с лупастыми глазами.

Здесь жил Лавай, его старый знакомый, с которым Гардана связывала парочка совместных убийств и долгие годы сотрудничества. Когда он приехал в Лебяжью Гавань, не помнил уже никто, даже старожилы только чесали в затылках да пожимали плечами. Вряд ли имя его тоже было настоящим: несмотря на испещренное морщинами, просоленное лицо и смуглую кожу, Лавай не слишком-то походил на большеглазых крикливых южан, да и акцент его был вовсе не таким, как у жителей теплых морей. Не говоря уже о том, что Лебяжья Гавань явно не подходила по масштабам для такого дельца, как Лавай. Ему уж скорее уютнее было бы в просторном Ламелле или даже в Дере.

Лавай торговал самым тонким и дорогим товаром, какой можно было найти по всем дорогам и городам Мелонии — секретами, и за информацией к нему не раз приплывали корабли с других берегов, приезжали закутанные в темное, переодетые дворяне и даже особы королевской крови. Иногда Гардану думалось, что Лавай знает все на свете буквально о каждом человеке, что может прочесть секреты любого по одному взгляду или движению бровей. О нем говорили, что за свою долгую жизнь он успел сместить пять королей и развязать как минимум три локальных войны, но Гардан подозревал, что на самом деле это были лишь крупницы правды. Скорее всего, Лавай сам позволил просочиться слухам об этом, чтобы набить себе цену. А каковы на самом деле были масштабы его вмешательства в мировую политику, оставалось только гадать.

Привязывая чалого к забору, Гардан еще раз взвесил все за и против, убеждая себя в правоте своего решения, хоть внутри и скреблись кошки. Он не любил приходить к Лаваю, несмотря на то, что относился к нему přátельски, не любил просить его о помощи и одолжениях, потому что это всегда имело свою цену. Не говоря уже о том, что мутные глаза этого человека видели Гардана насквозь, и когда они разговаривали о чем угодно, хоть о ценах на лошадей, Гардану приходилось следить за каждым своим словом, буквально за каждой интонацией, чтобы, не дай боги, ничем не привлечь внимание Лавая к себе. И если бы не приказ Марны, он бы и близко не подошел к этому дому. Однако нужно было признать: пронзительный взгляд Девы был страшнее, чем мутные бегающие глазки торговца секретами.

Краем глаза Гардан заметил, как отдернулась занавеска на грязноватом окне дома. Скорее всего, жена Лавая — когда-то донельзя красивая черноокая женщина, ныне

высушенная временем, словно старая костяная статуэтка. Она была нема, как рыба, и Лавай утверждал, что это у нее от рождения, хоть Гардан и очень сильно в этом сомневался, особенно, учитывая профессию ее мужа, но держал свои мысли при себе. А еще она всегда очень внимательно слушала все, что говорилось в доме мужа, пристально разглядывая гостей, едва ли не так же внимательно, как сам Лавай. Впрочем, здесь всегда царила особая атмосфера вечных тайн и шепотков, а потому он не удивлялся ничему.

Как и всегда скрипнуло под ногой старое рассохшееся крыльцо. Стукнув несколько раз кулаком в дверной косяк, Гардан выждал пару секунд и толкнул дверь. Как и всегда она оказалась открытой, и он ступил в полутемное помещение сеней, где стоял густой и сладковатый аромат южных масел и благовоний. У второй двери ему пришлось немного подождать, а потом она без стука открылась, и на пороге застыла та самая черноглазая южанка, которую Лавай называл просто — Жена.

Когда-то эта женщина, должно быть, была писаной красавицей, но время высушило ее, забрав округлость груди и бедер и оставив лишь сухожилия, толстыми жгутами облепившие кости. Ее толстую переброшенную через плечо косу выбелила седина, как и сильные дуги бровей, и только глаза все еще были ястребино-черными, а взгляд пронзительным и острым. Ее лицо никогда не меняло своего выражения, оставаясь фарфоровым и спокойным, без единой эмоции, и Гардан ни разу не слышал от нее ни звука, ни смеха, даже улыбки не видел. Как и всегда на ней было намотано несколько слоев яркой ткани, полностью скрывающей тело. Открытыми оставались лишь перевитые синими венами сухие запястья, на которых громыхали многочисленные золотые и костяные браслеты, а на длинных пальцах посверкивали драгоценными камнями перстни. Руки у нее были гораздо выразительнее лица: подвижные, плавные, мягкие движения пальцев завораживали Гардана, когда женщина говорила с Лаваем на языке жестов. Он слышал, что это — особый язык, выдуманный ими с Лаваем для них двоих, что он сильно отличался от того, на котором общались обыкновенные немые, и что понять его смысла не мог никто.

— Я хотел бы видеть Лавая. — Он взглянул в глаза Жены, хоть это и было сложно. Вряд ли кто-то подолгу мог выдерживать этот взгляд. Та только кивнула и отступила в сторону, позволяя ему пройти.

Гардан шагнул во внутренние покои и быстро окинул взглядом помещение. Он был здесь в последний раз около трех лет назад, но за это время, казалось, не изменилось вообще ничего. Стены и окна скрывали разноцветные отрезки тяжелых южных тканей, собирающие пыль, мебели никакой не было, лишь толстые ковры, наваленные друг на друга в несколько слоев, да разбросанные по ним мягкие подушки. Единственным предметом мебелировки был низкий стол, украшенный перламутровыми узорами, на котором лежала стопка белой бумаги и стояла золотая чернильница с воткнутым в нее пером. Больше не было ничего, только лампы с ароматным южным маслом на полках вдоль стен, несколько пузатых масляных светильников на витых тяжелых ножках и сам Лавай, развалившийся на подушках в дальнем конце помещения и покуривающий трубку с длинным тонким чубуком.

Он тоже нисколечко не изменился с момента их последней встречи, даже лежал на боку, вроде бы, в той же самой позе, подложив под локоть подушки и вытянув ноги в алых шароварах, подпоясанных широким расписным кушаком. На его плечах была просторная синяя рубаха без рукавов, и Гардану виднелись его руки: все еще крепкие, со стальными мускулами, испещренные тонкими шрамами от железа и огня. Запястья его перехватывали широкие золотые браслеты, а сильные толстые пальцы, которые бы пришлось в пору

рудокопу, были унижены перстнями и кольцами. Потом взгляд Гардана наткнулся на его лицо, и он едва не вздрогнул, встретившись взглядом с Лаваем и в который раз подумав о том, что южанином тот быть никак не мог.

У Лава были тонкие и острые черты лица, словно длинный стилет, каким убивали под покровом ночи. Хищно изогнутый нос с слегка выпирающими ноздрями упирался в тонкие губы, вечно растянутые в довольной улыбке, и намек на которую не было в холодных бледно-зеленых глазах этого человека, больше всего похожих на змеиные. Лицо его было гладко выбрито, как и левая сторона головы, а на правую спускалась длинная седая коса, хлещущая его по плечу. На щеках и лбу Лава пролегли глубокие борозды морщин, словно много лет ему приходилось ходить под парусом в открытом море, щурясь на ослепительно яркое солнце. Кожа его была смуглой, но не настолько, как у его Жены, скорее, как после долгого загара. А еще Гардан не смог бы сказать, сколько Лава лет: этот странный человек, казалось, нисколько не изменился с момента их первой встречи долгие два десятка лет назад.

Какие ветра принесли тебя сюда, в Лебяжью Гавань? И откуда ты прибыл, что ты делал, кто ты? Если бы Гардан не знал, чем занимается этот человек, то принял бы его за пирата, моряка или работорговца, но никак не за того, кто способен разбираться в самых тонких хитросплетениях интриг и жонглировать секретами тысяч людей, словно разноцветными шариками.

— Гардан! — Лавай широко улыбнулся, вытащив позолоченный чубук трубки изо рта и приветственно вскидывая руку. — Как давно ты не заходил ко мне, дорогой мой!

— Я был занят, Лавай, — скупно отозвался Гардан, нагибаясь и развязывая шнуровку сапог. Молчаливая Жена не позволяла гостям топтать дорогие привозные ковры и всю обувь выставляла в сени.

— Я знаю, — пожал плечами торговец секретами и вновь затянулся трубкой. — Однако я рад, что ты наконец-то смог выделить немного времени, чтобы увидеться со старым другом.

В облаке дыма, который он выдохнул, была горечь, и Гардан узнал запах дурманящих южных трав, которые там курили вместо табака. Говорили, что от долгого употребления этих трав люди становились медлительными тугодумами, но вряд ли это можно было сказать о Лавае.

Зеленые глаза, почти что не мигая, следили за Гарданом, пока он разувался и проходил по комнате к хозяину, пока садился на пол, кое-как подтягивая под себя ноги. После нескольких недель в седле это было не слишком-то приятным делом, но стульев Лавай не признавал, а садиться на расписную подушку с бахромой Гардан считал ниже своего достоинства.

— Жена, подай нам оофиль, — Лавай взглянул на немую женщину, и та молча ушла за тяжелую цветную драпировку.

Это тоже было частью ритуала, потому Гардан сидел и спокойно ожидал, когда она вернется. Лавай никогда не говорил ни слова о делах, пока его жена отсутствовала в помещении, и не начинал разговора, пока гость не угощался вместе с ним оофиль — тягучим, горьковатым пойлом откуда-то из очень дальних краев, от которого кружилась голова и плыло перед глазами. Однако напиток этот замечательно бодрил и на утро не оставлял после себя никакого похмелья. Да и язык он развязывал не больше рома, потому Гардан всегда с удовольствием принимал предложение хозяина.

Сухая женщина вернулась и осторожно опустила на ковер между ними серебряный поднос, на котором стояли две маленьких фарфоровые чашки. В каждой из них было что-то коричневое и густое с сильным сладким запахом, и Гардан слегка поклонился, принимая свою чашку и отпивая из нее глоток. Вязкий горячий напиток обволок горло, и в голове на миг помутилось.

— Замечательно! — промурлыкал Лавай, отпивая глоток и ставя чашку назад. Его глаза вонзились в Гардана. — А теперь рассказывай, мой дорогой, чем я могу тебе помочь?

Гардан потянул время, опуская чашку на поднос и в последний раз обдумывая все свои слова. Он потратил неделю на то, чтобы мысленно простроить весь разговор с Лаваем так, чтобы не сболтнуть ничего лишнего, и теперь нужно было собраться с мыслями, чтобы не попасться ни в одну его западню.

— Недалеко от Ронтиса во время откровения Провидца Марна обратилась напрямую ко мне, — аккуратно подбирая слова, заговорил он. У Гардана не было ни единого сомнения в том, что Лавай прекрасно знает о том, что именно Гардан привез Провидца в Дер, как и в том, кем именно был Провидец. Поэтому начинать издали смысла не имело. — Дева приказала мне сделать так, чтобы ни один пиратский корабль не покинул северное побережье до наступления сезона Штормов.

— Вот как, — лицо и взгляд Лавая не изменились, но в голосе проскочила легкая нотка удивления. Судя по всему, Гардану удалось его заинтересовать, а это уже многое решало в его пользу в этом щекотливом деле. — Она сказала, почему ты должен это сделать?

— Она сказала, что в противном случае «всякая надежда будет потеряна», — повторил Гардан, надеясь, что запомнил слова четко. — Больше не добавила ничего.

— И ты пришел с этим ко мне, — Лавай глубоко затянулся и выпустил облачко густого горького дыма.

— Ты можешь договориться с пиратами, — спокойно пожал плечами Гардан.

— Зачем мне это делать? — глаза Лавая изучающее рассматривали Гардана. С интересом, и это было уже хорошо, но без энтузиазма. — Знаешь ли, я привык договариваться с людьми, а не выполнять приказы Марн, — улыбка слегка скривила краешек его губ.

— Предсказание Провидца было связано с Танцем Хаоса. — Гардан сохранял полное спокойствие, прямо глядя в лицо Лавая. Он знал, что стоит ему лишь чуть-чуть показать свои чувства, как этот невыносимый человек вытрясет из него всю душу, чтобы добиться своего. — Предполагаю, что если приказ Марны Девы не будет выполнен, Танец Хаоса может окончиться, еще не начавшись.

— Многие бы только об этом и мечтали, не так ли? — рассмеялся Лавай, глубоко затягиваясь и выпуская струи дыма через нос. — Многие, но не ты.

— Марна была настойчива, — позволил себе скупую улыбку Гардан.

— Я представляю, — кивнул Лавай. Некоторое время он разглядывал тлеющую траву внутри маленькой чашечки своей трубки, потом поднял глаза на Гардана. — Я могу уведомить пиратских капитанов о том, что Марна хочет, чтобы они остались в портах. И надеюсь, что им хватит мозгов на то, чтобы прислушаться к этому. Однако за всех я ручаться не могу. Тут есть два крайне сложных капитана, которым даже морские бесы не указ, и договариваться с ними мне будет проблематично. К ним поедешь сам. — Гардан кивнул, принимая условия Лавая. Торговаться с ним не имело никакого смысла: он прекрасно знал, сколько стоят его услуги, и всегда был честен в том, до какой степени имел возможность их

выполнить. К тому же, если кто-то начинал ерничать, Лавай зверел, и слишком жадный до знаний клиент уходил от него выжатым досуха, не оставляя за пазухой даже того, где именно хранит свои золотые зубы его престарелая бабуля. — В ответ я поспрашиваю тебя немного, если ты не против. — Взгляд Лавая стал острым, будто нож. — Поболтаем о том, о сем. А потом получишь все нужные имена и места. Пойдет?

— Пойдет, — кивнул Гардан.

— Замечательно! — Лавай вновь потянулся к своей недопитой чашке с оофиль и негромко приказал: — Жена, заполни бумаги. Наш гость — человек серьезный, и он должен получить все расписки, которые необходимы в таком случае.

В следующие два часа Гардан потел так, словно вновь пахал неподатливую тяжелую землю, вместо лошади впрягшись в плуг, как делал много лет назад в доме своего отца. Вся его заготовленная речь рассыпалась в прах под колким взглядом Лавая, все мысли повывлетали из головы, и ему пришлось прилагать невероятные усилия для того, чтобы следить за своей речью. Мутно-зеленые глаза гипнотизировали, подчиняли своей воле, да еще и черноглазый взгляд его Жены буравил спину с другой стороны. Она всегда садилась за спиной гостя, так, чтобы он оказывался прямо посередине между ней и Лаваем, а потом они принимались рассматривать его насквозь, словно только что отлитое зеркало, проверяя, нет ли где слабых мест или брака.

Лавай знал про заговор в Латре и участие в нем Рады, знал про то, что именно Тваугебир вывозит ее из страны, знал про смерть ее мужа и про то, что Провидец был ее сыном. Гардан предполагал изначально, что так оно и будет, однако, надеялся, что у него останется хоть какой-то козырь. Золото не значило для Лавая ничего, его основным доходом была информация, и он предоставлял свои услуги только тем, кто был в состоянии заплатить достаточно ценными знаниями. А теперь выходило, что все козыри, что были в рукавах Гардана, оказались уже известными Лавая, и платить-то за помощь с пиратами ему было нечем. Тревога становилась все сильнее, и Гардан уже видел, как холодеют, теряя интерес, глаза Лавая, когда внезапно на какое-то сказанное им слово торговец секретами встрепенулся.

— Еще раз: кто путешествует с Радой?

— Какая-то безродная Первопришедшая из забытой богами дыры в Карамоне, — проговорил Гардан, изо всех сил сосредотачиваясь на том, что помнил о Лиаре. Он и думать не думал, что эта информация может заинтересовать Лавая, а выходило, что она стала единственным, чем он мог расплатиться.

— Расскажи мне о ней все, — торговец глубоко затянулся дымом, пристально рассматривая Гардана.

— Зовут — Лиара Морин, возраст — лет восемнадцать-двадцать, не больше. Говорит, что ее мать оставила ее в приюте, когда ей было восемь, и что она не помнит ничего раньше этого возраста. Играет на арфе, чудесно поет, выглядит достаточно толковой, — начал перечислять он, но Лавай нетерпеливо махнул рукой:

— Как они познакомились с Радой?

— В таверне на Раду было покушение, то самое, что организовал Гелат для отвлечения ее внимания. Ее пырнули ядовитым ножом, а эта девочка выволокла ее оттуда и смогла дотащить до имения, где ей оказали своевременную помощь. За это Рада взяла ее к себе на службу.

— Вот как, — Лавай прищурился, разглядывая, как танцуют перед ним в воздухе кольца

густого дыма. — Хорошо. А куда они едут?

Гардан слегка помедлил, выдерживая паузу. Это был его самый ценный козырь, самая дорогая информация, за которую Лавай должен был заплатить самую высокую цену. Он спокойно проговорил:

— На Запад, за Семь Преград, к Неназываемому.

Только вместо того, чтобы удивиться или начать расспрашивать, Лавай только резко кивнул и сменил тему:

— Расскажи мне о Раде все, что ты знаешь о ней. Меня интересует ее детство и происхождение.

— Происхождение Рады? — заморгал Гардан, не совсем понимая, зачем это могло сдаться торговцу секретами. Этот человек всегда удивлял его, он всегда был на шаг впереди, он всегда знал гораздо больше, чем думал Гардан, и от этого у него было ощущение, будто Лавай — громадный хищный сытый кот, который играет с ним, словно с мышью. — Я знаю лишь то, что знают все. Родители ее погибли, когда она была совсем маленькой, и растил ее брат в родовом имени, в Рамасане. Когда ей было около восьми, брат пропал и больше не возвращался.

— С тех пор она никогда не видела его? — уточнил Лавай.

— Никогда, — кивнул Гардан.

— А когда они познакомились с князем Реноном? — густой дым вился перед лицом Лавая, отражаясь в его зеленых радужках.

— Рада говорила, что сразу же после окончания Военных Академий, так что, думаю, лет пятнадцать тому назад, может, немного поменьше, — прикинул в уме Гардан, недоумевая, зачем эта информация может сдаться Лавая. Тот только кивнул, попыхивая трубкой.

— Как часто они виделись за эти годы, ты знаешь?

Гардан нахмурился, припоминая.

— Я служу у Рады шестой год. За это время несколько раз Ренон бывал в Северных Провинциях, и они встречались. Может, раз пять-шесть, не больше.

— Я понял тебя, мой дорогой, — Лавай прикрыл глаза, и Гардан ощутил себя так, словно каким-то чудом избежал падения в медвежью яму, утыканную острыми кольями. — Мы поговорили, цена меня вполне устраивает, поэтому слушай внимательно. — Гардан подался вперед, сосредотачиваясь на торговце секретами. Дважды одно и то же он не повторял, поэтому сейчас нужно было запомнить все до мельчайших деталей. — Пойдешь в трактир «Обломанная мачта» и найдешь там рыжеволосую девку по имени Равенна. Она молодая, до ужаса едкая, но вполне толковая, договориться с ней можно. Равенна служит у капитана «Морской гадюки», Ашьяма Зубоскала, одного из тех двоих, кого я убедить не смогу. Поговоришь с ним сам. Дальше тебе нужно будет плыть в Кандор и искать там Давьялу Чаячье Перо. Она — вторая, кто может отказаться сотрудничать. Всех остальных я оповещу в ближайшее время, так что не беспокойся ни о чем.

— Благодарю тебя, Лавай, — кивнул Гардан, чувствуя, как напряжение медленно отпускает его, и тело звенит от облегчения, словно перетянутая струна.

— И я благодарю тебя, дорогой мой, — широко улыбнулся торговец секретами, холодно глядя на него. — И я всегда к твоим услугам, если тебе нужна будет моя помощь.

Этой фразой обычно заканчивался разговор, и после нее торговец уже не произносил ни слова. Гардан кивнул ему, поднялся, направился к столу и под молчаливым взглядом Жены подписал документ, удостоверяющий, что они с Лаваем обменялись информацией.

Сухощавая женщина аккуратно оторвала от него нижний край, капнула воска и припечатала его большим перстнем-печаткой, который носила на правой руке, а потом вручила Гардану. Эта бумажка означала, что договор заключен, а также служила своеобразной защитой: все знали печать Лава, и к дуракам, рискнувшим воспользоваться его услугами, предпочитали не цепляться ни морские пираты, ни немногочисленная стража Лорда Северных Провинций.

Кое-как натянув сапоги, Гардан вышел из дома торговца секретами и с наслаждением вздохнул свежий морской ветер. После затхлой сладости благовоний и дурманящего дыма это было по-настоящему хорошо. Как и всегда, он совершенно не понял, что именно продал Лава, однако точно знал, что купил.

Запихнув за пазуху листок с печатью, Гардан спустился по скрипучему крыльцу и отвязал чалого, а потом повел его в поводу в город. Нужно было как можно скорее найти эту Равенну, чтобы приказ Марн прекратил уже стягивать его тело стальными прутьями.

===== Глава 30. Поиграть в свинку =====

«Обломанная мачта» представляла собой самый что ни на есть типичный трактир, каких так много было в портовых городах по всему северному побережью. Здесь стоял гомон и гвалт, из-за табачного дыма, скопившегося под потолком, было тяжело дышать, а силуэты посетителей сливались в одну шумную шевелящуюся массу. То и дело тут и там вспыхивали ссоры, и горячие матросы хватались за ножи, впрочем, также быстро и остывая. Гремели по выщербленным столам кости под дружный рев тех, кто был не прочь потерять свои последние медяки или «сорвать поцелуй Марны» — как здесь называли хороший барыш, пришедший из ниоткуда. Из глубины трактира доносилась веселая плясовая мелодия, но музыканты играли из рук вон плохо, и узнать ее Гардан так и не смог. Впрочем, никому до этого и дела не было: здесь собрались пройдохи, искатели приключений, шлюхи и простые работяги-рыбаки, которые не отличались ни хорошим слухом, ни музыкальным вкусом.

Потолки в трактире были низкими и закопченными, а полы посыпаны песком, чтобы проще было прятать пятна крови или грязь. В центре помещения был водружен высокий узкий помост, на который к вечеру, как только опустится темнота, а веселье достигнет своего апогея, вылезут размалеванные шлюхи в разноцветных тряпках и будут плясать, задирая оборочные подолы и позволяя морякам с хохотом засовывать серебряные монетки им в корсеты. Ревели два больших камина, хорошо прогревая помещение, а чтобы жар зря не пропадал, в их зевах пекли на здоровенных вертелах две поросычьи туши. Запах жарящейся свинины вместе с вонью немых тел, перекишим вином, дымом и снедью создавал тот неповторимый аромат севера, который всегда заставлял губы Гардана расплываться в улыбке.

Я дома, — подумал он, когда невысокая, крикливо намазанная румянами шлюха, кокетливо подмигнула ему и ощутимо ущипнула за бедро, проходя мимо. В любой другой момент, Гардан бы неминуемо направился следом за ней, но сейчас чувство гигантской ладони, обхватившей все его тело и сжимающей хватку, было чересчур требовательным, чтобы отвлекаться на удовольствие. С сожалением проводив упругий зад девки взглядом, Гардан отвернулся от нее и принялся проталкиваться сквозь плотно набитое помещение к барной стойке, осмотрительно придерживая поясной кошелек, чтобы какому-нибудь пройдохе не пришлось этим вечером пить за его счет.

Заправлял здесь лысоватый трактирщик, лицо которого пересекал глубокий косой шрам. Гардану даже не нужно было смотреть на его широкие, покрытые грубой татуировкой ладони, чтобы признать бывшего пирата: никто другой не рискнул бы открыть заведение в

таком месте. Трактирщик громко гоготал щербатым ртом, скалзубя с сидящими возле стойки и пьющими пиратами, при этом протирал кружки, цедил вино, отпускал сдачу, но глаза его внимательно подмечали каждое движение, каждый жест напивающихся гостей. К тому же, Гардан заметил увесистую дубинку, лежащую за спиной трактирщика на высоком барном стуле, а еще — двух дюжих молодцов с руками такими же толстыми, как его ноги, которые примостились в уголке, привалившись к косяку и позевывая. Если имеешь дело с пиратами и бандитами, будь готов ко всему, иначе вмиг останешься без гроша. Или даже без головы.

Протолкавшись к стойке, Гардан положил руки на столешницу, и цепкий взгляд трактирщика сразу же обратился на него. Глаза у него были темные, а под многолетним уже не сходящим загаром прятались правильные черты лица и твердый подбородок. Мелонец, решил Гардан, скорее всего, местный.

— Что будешь пить? — не церемонясь, поинтересовался трактирщик. Голос у него был хриплый, к тому же, ему приходилось напрягать связки, чтобы перекричать грохот в общей зале.

— Ром, — отозвался Гардан, выкладывая на столешницу серебро. — Бутылку Лонтронского и два стакана.

— А не многовато ли за ром? — покосился на него трактирщик.

— Остальное за помощь, — Гардан кивнул трактирщику, и тот подался поближе, не переставая при этом протирать кружку. — Я ищу Равенну, пиратку.

Взгляд трактирщика стал цепким, еще раз пробежался по лицу Гардана и его одежде.

— А чего тебе сдалась Равенна? — не слишком дружелюбно спросил он.

— Меня послал Лавай, — Гардан понизил голос, произнеся имя почти что одними губами, — громче говорить было бы настоящей глупостью. Однако, этого трактирщику вполне хватило, хоть он и бросил короткий взгляд на край бумажки с сургучной печатью, которую выдала Гардану Жена. Никто в здравом уме не стал бы врать, что работает на Лавая, если это было не так. Однако еще меньше было тех, кто вообще это делал по собственному желанию.

— На лонтронца ты не похож, так что ладно, — трактирщик кивнул головой в дальний конец зала, тонущий в дыму и пьяных выкриках. — Молодая, рыжая, кудрявая. Должна быть там.

— Понял, — кивнул Гардан.

Еще раз оценивающе взглянув на него, трактирщик забрал монету, выдал ему нераспечатанную бутылку из темного стекла и два стакана. Гадая, в чем там было дело у Равенны с лонтронцами, Гардан прихватил купленное и направился в указанную трактирщиком сторону.

Равенну Гардан узнал со спины, хоть и несколько удивился тому, что увидел. Она была достаточно высока для женщины, хоть и ниже его почти что на полголовы, и обладала очень даже аппетитными формами, которые облевали черные бриджи, заправленные в высокие, почти что до середины бедра сапоги. Белая рубаха с рукавами-буфами, в которых обычно щеголяли пиратские капитаны, на ее плечах слегка болталась, но это нисколько не смущало женщину. Талия ее была перетянута широким синим кушаком, концы которого спадали вдоль правой ноги, а длинная бахрома почти что волочилась по полу. Рыжий ворох кудрей горел на ее голове, спускаясь до середины спины, перехваченный черным, завязанным на затылке платком. Ко всему прочему, стояла она, слегка навалившись на стол и обнимая

молодую развязного вида деваху, которая льнула к ней затянутой в корсет грудью и что-то жарко шептала на ухо, то и дело бархатисто смеясь. Гардан крикнул. Он, конечно, был в курсе, что такое бывает, но не ожидал, что Равенна тоже окажется из тех, кто предпочитал женское общество мужскому.

Остановившись у нее за спиной, Гардан замялся, глядя на то, как скользят губы шлюхи по длинной загорелой шее Равенны. Пиратка что-то негромко проговорила той, и деваху со звонким смехом отстранилась, а потом в притворном гневе шлепнула ее ладошкой по щеке. Надо будет найти себе женщину как можно скорее. Надеюсь, Марна когда-нибудь отпустит меня, потому что это становится невыносимо.

— Равенна? — негромко проговорил Гардан, изо всех сил стараясь игнорировать вываливающуюся из корсета деваху.

Пиратка полуобернулась через плечо, и на него с подозрением взглянул зеленый глаз с кошачьим разрезом. Гардан непроизвольно сглотнул: Равенна была до невозможности хороша собой, ее не портил даже длинный упрямый подбородок, а хищный зеленый блеск на дне темного зрачка только придавал очарования.

— Кто спрашивает? — голос у нее тоже был под стать внешности: низкий, с хрипотцой, почти кошачий.

— Меня зовут Гардан, и у меня к тебе дело, — он выразительно приподнял бутылку рома и стаканы.

— Я занята, Гардан, — Равенна окинула его насмешливым взглядом и сильнее перехватила шлюху, привлекая ее к себе. — Так что дело свое придержи при себе до завтрашнего утра. Тогда и поговорим.

— Не получится, Равенна, — покачал головой Гардан. — Боюсь, придется поговорить сейчас.

Зеленый глаз вмиг заледенел, когда рука Гардана поползла за пазуху, и он почти физически ощутил, как напряглась всем телом пиратка. Шлюха тоже одеревенела рядом с ней, явно не зная, что ей делать. Глядя прямо в глаза Равенне и стараясь не делать резких движений, Гардан аккуратно достал из-за пазухи лист с печатью Лавая и показал ей самый край. Подозрение в глазах Равенны моментально потухло, сменившись усталым недовольством. Она угрюмо вздохнула, по-хозяйски шлепнула шлюху пониже спины и проговорила:

— Иди пока погуляй, милая. Я попозже зайду к тебе.

— Если успеешь, Равенна. Тут желающих помимо тебя прилично наберется, — игриво оскалилась шлюха, отходя от нее на шаг.

— Вряд ли тебе будет интересно с ними, милая, так что лучше уж подожди меня, — в голосе Равенны послышались рычащие властные нотки, и шлюха в ответ послала ей воздушный поцелуй, набрасывая на обнаженные плечи цветастую шаль с бахромой и удаляясь прочь. Равенна обернулась к Гардану, и взгляд ее моментально стал собранным и деловым. — Ну, что ты там хотел?

Пиратка стояла, опираясь на узкую столешницу, прибитую прямо к стене, и достаточно близко к ней не было никого, кто бы мог подслушать их разговор. Однако Гардан все равно огляделся поверх ее головы и только после этого встал рядом и водрузил на столешницу купленный ром и стаканы.

— Мне нужно попасть к Ашьяму Зубоскалу и поговорить с ним о том, о сем. Лавай сказал, что для этого я должен обратиться к тебе.

— Ты можешь поговорить о своем «том-сем» и со мной, — Равенна выпрямилась, внимательно изучая его лицо. — Ашьям все больше пьет, как скотина, и до корабля ему особого дела нет. Так что считай, что «Гадюку» вожу я.

— Ты? — недоверчиво вздернул бровь Гардан. Пиратка выглядела вполне боевой, особенно с кривым кинжалом в ножнах, заткнутым за широкий кушак, однако на вид ей было не больше восемнадцати-двадцати лет, и Гардан не мог представить себе, как она умудряется справляться с неотесанной, диковатой и вечно полупьяной толпой матросов.

— А чем я тебе не сдалась? — ошетибилась Равенна, исподлобья глядя на него. — Или думаешь, что коли между ног у меня ничего лишнего не болтается, то я и кораблем управлять не могу?

— Не кипятись, — поморщился Гардан, решив просто не связываться. — С тобой — так с тобой. Просто если мы уговоримся, мне бы не хотелось потом, чтобы Ашьям проспался и отменил твое решение, посчитав, что ты слишком много на себя берешь.

— Я беру на себя достаточно, в отличие от Ашьяма. Можешь поспрашивать местных шлюх, коли не веришь, — оскалилась Равенна, но глаза ее до сих пор были холодными. — Так что договариваться тебе придется со мной, щербатый. А теперь или говори, что тебе надо, или катись отсюда и не мешай мне отдыхать.

С пиратами всегда было сложно, а с пиратками — вдвойне сложнее, но Гардан считал себя человеком достаточно опытным и умным, чтобы найти общий язык с кем угодно. И если эта девка так храбрилась, то вполне возможно, говорила правду. Ну а если нет, то у него будет повод укоротить ей язычок, что также может помочь ему подружиться с Ашьямом. Потому Гардан кивнул и сорвал пробку с бутылочного горлышка, а потом плеснул рома Равенне и себе.

— Слышала про Провидца? — приглушенно спросил он, еще раз проверив, нет ли кого рядом.

— Допустим, — кивнула Равенна, забирая свой стакан и одним глотком осушая его наполовину.

— Это я привез его в Дер.

— С какой стати? — хмыкнула она, недоверчиво глядя на него.

Гардану не слишком-то хотелось рассказывать о таких вещах какой-то пиратке, и он только поморщился. Равенна криво ухмыльнулась, глотком осушила стакан и многозначительно повращала его в пальцах, ожидая, пока Гардан нальет еще.

— Видишь ли, приятель, коли ты хочешь что-то от меня получить, то и предложить должен достаточно. Иначе мы с тобой не договоримся.

— Мы уже договорились с Лаваем, — напомнил ей Гардан.

— А я здесь причем? — фыркнула Равенна. — Я, конечно, кое за что очень ему обязана, но раз не он сам меня просит, а ты, то мне-то какое дело? Мы с ним в свое время рассчитаемся, а тебя я знать не знаю. Так что давай начистоту или проваливай восвояси.

Гардан раздраженно сжал зубы, чувствуя, что больше всего на свете ему хочется выплеснуть ром в ее смеющиеся кошачьи глаза и уйти прочь. Однако кожу внезапно перехватило так, словно Марна душила его его же собственной нитью, и Гардан, сипло кашлянув, потер глотку.

— Ладно, женщина, твоя взяла. Но если обманешь меня, под парусом тебе уже не ходить. Я ясно выражаюсь? — Гардан хмуро взглянул на нее, а та только выгнула дугой бровь, скептически ухмыляясь в ответ.

— Ты только угрожать горазд? Или мое время попусту тратить? Говори, давай.

— Провидец — сын Рады Черного Ветра. Знаешь такую? — Гардан понизил голос настолько, насколько мог. Глаза Равенны расширились, и вся веселость моментально слетела с ее лица. — А я служу ей уже шестой год. Она просила спрятать ее сына от убийц, которые преследовали ее, и пока я вез его в Ронтис, мальчишку забрала себе Марна. А заодно она сделала предсказание — то, которое все сейчас обсуждают, про Танец Хаоса и прочее, и еще одно — только для меня.

— И что надо Единоглазой Плетельщице от такого, как ты? — в голосе Равенны зазвучали заинтересованные нотки. Она смотрела с недоверием, но на дне зеленых глаз плескалось любопытство, и у Гардана слегка отлегло от сердца.

— Ей нужно, чтобы до наступления сезона Штормов ни один пиратский корабль не покинул северное побережье, — отозвался Гардан.

— Зачем? — удивленно заморгала пиратка.

— А я почему знаю? — проворчал Гардан. — Но это был приказ, так что я пошел к Лавая и рассказал ему об этом. Он согласился своей властью остановить большую часть пиратов, но сказал, что Зубоскал и еще одна женщина, Давьяла Чайачье Перо, вряд ли согласятся на это.

— Да уж, — кивнула Равенна. — Ашьям вознамерился отплывать завтра с утра, потому как по пьяни ему привиделось, что если он этого не сделает, то корабль потопит спрут, — она закатила глаза и отхлебнула из своего стакана. — Что касается Давьялы, то она вообще плевала на все правила и обычаи, на Лавая и всех остальных пиратских капитанов вместе взятых. Я слыхала, что сейчас она собирается в Тарн, повезет партию рабов, — губы Равенны презрительно скривились, а пальцы сжались вокруг стакана, да так, что костяшки побелели. Впрочем, она почти сразу же пришла в себя и, как ни в чем ни бывало, взглянула на Гардана. — Так что если с Зубоскалом мы еще и успеем договориться, то Давьялу ты все равно упустишь. Отсюда до Кандора плыть десять дней, если будут хорошие ветра, и ее к тому моменту уже след простынет.

Гардан нахмурился, лихорадочно соображая. Марна четко дала понять, что все корабли должны остаться в портах до сезона Штормов, все до одного, и Гардан даже думать не хотел о том, что будет, если ее воля не исполнится. И никаких доказательств ему не нужно было: тиски, что крепко держали его тело и давили глотку, были самым лучшим примером из всех.

— «Гадюка» — быстрый корабль? — спросил он Равенну.

— Достаточно, — она окинула его цепким взглядом, потом вновь отхлебнула рома. — Мы давно стоим в порту, ребята отдохнули, так что если ветер будет не слишком хорошим, то на веслах они смогут держать нужную скорость.

— Довезешь за неделю? — Гардан мысленно прикинул, сколько у него денег. Золота Рада отсыпала ему достаточно, чтобы не бедствовать как минимум еще полгода, но сколько запросят пираты за спешку, он не знал. Эти пройдохи были охочими до золота, да и матросам придется напрягаться, если не будет ветров, так что вопрос оставался открытым.

— Может, и доведу, — Равенна прищурилась, поглядывая на него из-под густых ресниц. — Только ты мне вот что скажи: коли Давьяла уже ушла из Кандора, что ты будешь делать?

— Ну, выбор-то у меня не велик! — горько усмехнулся Гардан. — Придется догонять ее и разворачивать назад. Если согласишься сделать это для меня, то буду очень благодарен. Вот только денег у меня не так много, и, боюсь, что расплатиться в полной мере я не смогу.

— Давьяла не согласится разворачиваться. — Равенна почти не моргала, и лицо у нее стало жестким, а в глазах загорелся опасный огонек. — Тебе придется зарезать ее.

— Значит, зарезу, — пожал плечами Гардан.

— А как же эта хваленая мелонская ахиня про то, что женщин убивать нельзя? — презрительно скривилась Равенна. — Не побоишься руки-то марать?

— Мне плевать, кого убивать. Смерть отвратительна независимо оттого, кого она забирает: мужчину или женщину. К тому же, Марна приказала остановить корабли, и ее приказ для меня важнее, чем жизнь одной пиратки.

Несколько секунд Равенна испытующе смотрела на него, не отводя взгляда, потом заговорила, медленно и тихо:

— Трюмы «Гадюки» забиты примерно наполовину, значит, мы теряем в скорости. Ашьям собирался докупить вина в Лонтроне и только потом уже идти на юг, так что выгружать не так уж и много. Он пьян в стельку уже шестой день подряд, и не заметит, если мы оставим его вместе с грузом здесь под охраной, а сами быстро сгоняем до Кандора и обратно. Но если ты хочешь, чтобы я это сделала, тебе придется кое-что мне пообещать.

— Что? — спросил Гардан. Глаза Равенны сузились.

— Мы не будем вести с Давьялой никаких переговоров. Мы спалим ее судно к бхаре собачьей, а рабов вернем обратно на берег и выпустим. Никакой перепродажи, никаких сделок, никаких отговорок, только так.

Несколько секунд Гардан молча смотрел на нее. Нападение на пиратский корабль грозило ему очень крупными неприятностями едва ли не со всеми пиратскими шайками побережья. Здесь существовал особый кодекс: серьезные люди не мешали друг другу работать, соблюдая неписаное правило о ненападении в водах побережья, и нарушение этого правила могло стоить смельчаку всех дальнейших контрактов с заказчиками по всему Северу. Да и Равенне не светило ничего хорошего за то, что она без спроса заберет корабль Зубоскала и будет гонять на нем по Северному Морю. Ко всему этому прибавлялся еще и тот факт, что работорговля приносила хорошие барыши не только пиратам, соглашавшимся перевозить рабов, но и охотникам, что отлавливали, и ростовщикам, что перепродавали таких бедолаг, а это означало, что они оба наживут себе врагов даже еще более могущественных, чем пиратские капитаны. Гардан заколебался.

— А матросы согласятся идти с тобой, оставив капитана на берегу? — недоверчиво поинтересовался он, оттягивая время для решения.

— Согласятся, — кивнула Равенна. — Все они за меня, так что с этим проблем не будет.

Кожу стянуло тугой сетью, и Гардан глухо кашлянул, чувствуя, как пережимает горло. Марна давила на него, и вряд ли у него был какой-то особый выбор, но он все равно задал еще один вопрос, последний, чтобы убедиться:

— Тебе-то зачем это сдалось? Не только же из-за предсказания ты будешь рисковать всем.

Равенна ничего не ответила, только молча закатала рукав и показала Гардану запястье, кожа на котором была сморщенной и темной. Круговой шрам браслетом охватывал его, рваный и еще совсем свежий. Такие шрамы оставались только у тех, кто много лет провел в цепях работорговцев.

— Хорошо, — кивнул Гардан, сдаваясь, и хватка Марны на теле сразу же стала гораздо мягче. — Мы догоняем Давьялу, жжем ее корабль и освобождаем рабов. Клянусь тебе в этом.

— А чтобы никаких вопросов, зачем оно надо, не возникло у моих ребят, ты расскажешь

им про слова Марны и покажешь печать Лавая, — добавила Равенна, требовательно глядя на него.

— Хорошо, — вновь согласился Гардан и протянул ей ладонь. — Мы договорились, Равенна, капитан «Морской гадюки», именем Марн и Грозара Громовержца.

— Именем Асафира Штормодержателя и Единоглазых Плетельщиц, наемник Гардан, — энергично кивнула та, крепко пожимая его протянутую ладонь. Кожа у нее была не поженски твердой и покрытой мозолями. — А теперь иди и купи у трактирщика три ящика рома. А еще отсыпь ему золота поверх, монет пять, и скажи, что Равенна просит «поиграть в свинку».

— Что? — заморгал сбитый с толку Гардан.

— Просто скажи и все, он поймет, — поморщилась пиратка, отпуская его руку. Развернувшись, она засунула в рот два пальца и громогласно свистнула, отчего у Гардана едва уши не заложило. Половина зала моментально повернулась в их сторону, и Равенна махнула им рукой в сторону двери. А потом взглянула на Гардана, криво ухмыляясь. — Мы ждем тебя на улице, щербатый. Скоро отлив, так что не теряй времени.

Она первой вразвалочку направилась к двери на улицу, и за ней, извиняясь перед собеседниками, поднимаясь от столов с костями, отпуская объемистые формы шлях, потянулись хмуроватого вида моряки. Гардан проводил ее пристальным взглядом. Женщины всегда оставались женщинами, даже если и зарабатывали на хлеб неженским делом. Мало того, что втравила его в сомнительное мероприятие, так еще и делать всю грязную работу тоже теперь приходилось ему. Ты бы выбрал остаться здесь и навлечь на весь мир и собственную шею гнев Марны? Гардана передернуло, он приказал себе собраться и зашагал к трактирщику.

Лысоватый старый пират, протирая пустой пивной стакан, подозрительно наблюдал за покидающими таверну матросами, и когда Гардан подошел к стойке, перевел свой тяжелый взгляд на него.

— Равенна попросила передать, что пришло время «поиграть в свинку», — с вопросом в голосе проговорил он. Трактирщик вдруг грязно выругался, плюнул на пол под ногами и в сердцах отшвырнул прочь тряпку, которой натирал стекло:

— Вот ведь шальма шелудивая! Все ей не сидится! Третий раз за месяц уже! А я говорил, говорил ей уже и не раз, что больше в этом участвовать не буду!

— Ты на меня-то не рычи, друг, — примиряющее поднял ладони Гардан. — Я продал за то, за что купил.

— Перед этим нужно было узнать, готов ли я покупать то, что ты мне предлагаешь! — огрызнулся трактирщик.

— Да я вообще не знаю, что происходит, и что все это значит. И честно говоря, не слишком-то хочу в этом участвовать, — проворчал Гардан, залезая в свой поясной кошель и принимаясь отсчитывать золото. Он выкладывал на столешницу один золотой за другим, и с каждым следующим глаза трактирщика становились все спокойнее. Остановившись на десятой монете, Гардан аккуратно завязал тесемки кошель и проговорил: — Мне нужно три ящика рома и проклятая свинка. Этого будет достаточно?

— Будет, — кивнул трактирщик, сгребая монеты широкой мозолистой ладонью. Угрюмо шмыгнув носом, он кивнул двум крепким парням, охраняющим помещение, и повернулся к Гардану. — Пойдем. Поможешь мне.

Сам Гардан считал, что десять золотых — достаточная цена за то, чтобы лично он не

марал руки в грязи, тем более, в свином дерьме. Однако, хозяин не выглядел так, словно собирался спорить, а потому наемник лишь кивнул и нехотя поплелся следом за ним по рассохшейся лестнице в дальнем конце помещения на второй этаж.

Навстречу им попала грудастая деваха, которая как раз спускалась вниз, устало обмахиваясь простым белым платочком. Одета она была в алое платье с громадным вырезом, из которого едва не выпадала целиком, а подол юбки спереди был подрезан гораздо выше колен, волочась сзади длинным шлейфом.

— Ты бы не торопилась, Ирга, — сообщил трактирщик, проходя мимо нее. — Возьми Хельду и на следующие... — замолчав, он повернулся к Гардану: — На сколько дней вы уходите?

— Как минимум двадцать, — отозвался наемник.

Лицо трактирщика скривилось от отвращения, он смачно выругался и сообщил:

— Когда эта вертлявая потаскуха вернется, я сам ее на мачте вздерну. А с тебя еще пять золотых и никаких разговоров. — Обернувшись к шлюхе, он сообщил ей: — Бери Хельду и еще Далу, и следующие двадцать дней вы работаете только с Зубоскалом.

— Да ты совсем охренел, пень старый! — шлюха приняла угрожающую позу, уперевшись кулаками в бока и выпрямляясь, отчего ее впечатляющая грудь заняла буквально весь лестничный пролет, и хозяину пришлось спуститься на шаг, чтобы не ткнуться в нее лысиной. — Я сколько раз тебе говорила: прекращай эту ерунду с вашими «свинками», гарпун тебе в ребро! Зубоскал — это не тот человек, которого просто так можно водить за нос неделями! Он мель еще издали чует, и как бы пьян ни был, а все весла вам пообламает еще загодя! И я в этом участвовать не собираюсь!

— Ты будешь в этом участвовать, Ирга! — в голосе трактирщика зазвучала усталость, но смотрел он на шлюху твердо. — Ровно столько, сколько я скажу!

— Тебе что тут, Лонтрон, что ли? — черные глаза Ирги метали молнии. — Я — свободная женщина, не твоя рабыня, и не твоя кобыла, чтобы ты меня всем подряд продавал! И ноги я буду раздвигать только тогда, когда я хочу, и только перед теми, перед кем хочу! Или уйду и найду кого-нибудь более успешного, чем ты, а вместе со мной, уж поверь, уйдет и половина девочек! И тогда тебе самому придется подставлять Зубоскалу свой волосатый зад и притворяться невинной розовощекой девственницей!

— Бхара тебя раздери, Ирга! — зарычал трактирщик, упрямо наклоня вперед голову. Гардану было прекрасно видно, как от ярости побагровела его шея. — Я сколько раз тебе говорил: хочешь идти — иди! Здесь до беса девок, которым нужна работа, и в любой момент я могу набрать себе еще десяток таких же, как и ты, а то и посвежее! Мне тоже не слишком радостно, что приходится это делать, но мы это сделаем! Да и от золота ты вряд ли будешь нос воротить, не так ли? И я никогда в жизни не поверю, что тебе есть дело до того, перед кем раздвигать ноги! Ты же шлюха, а не жрица Кану, простите меня Боги!

— Да ты просто влюбился, старый хрен, влюбился в эту кошку драную с югов! И все надеешься, что она тебе хоть что-то за это покажет или потрогать даст! — Ирга угрожающе нависла над трактирщиком, и Гардану подумалось, что она вполне способна на то, чтобы победить его в открытой схватке. Хоть кожа у нее и была белой, а тело выглядело мягким, но даже в полутемном помещении он прекрасно видел, как перекачиваются у нее на руках стальные мышцы, да и стояла она так, словно привычнее ее ногам была бесконечная морская качка. Вполне возможно, что так оно и было: многие женщины из тех, что по каким-то причинам уже не могли ходить под парусом, шли торговать собой в притоны. В Северных

Провинциях это не считалось ни чем-то постыдным, ни уж тем более редкостью. — Так вот я тебе скажу, трактирщик: ничего ты от Равенны не получишь, кроме хохота! Оборжет она и тебя, и твою дряблую мачту, и все твое бахвальство! Этой девке только гладкие бабские зады подавай, а ты ей без толку, старый хрыч!

— Дура ты, Ирга! — в сердцах сплюнул трактирщик. — Ей боги, дура!

— Да ты и сам-то не умнее, тюлень плешивый! — огрызнулась шлюха.

Гардан ощутил, как у него дернулся правый глаз. Вся ситуация была слишком типичной для этих краев: иногда и непонятно было, кто именно правит трактирами — их хозяева или шлюхи, которые на них работали. И сейчас вся правота и сила явно была на стороне Ирги, вместе с ее объемистым бюстом, горящими глазами и праведным гневом, которому вряд ли смогли бы противостоять и те два крепыша, что ухмылялись, пока хозяин не видит, за спиной Гардана. И все, включая самого трактирщика, прекрасно знали, что он проиграет этот бой, так что дальнейшее сопротивление было просто напросто бессмысленным.

Судя по всему, и он сам понял, что пришло время отступить, а потому только тяжело вздохнул и недовольно проворчал:

— Сет с тобой, Ирга! Отбери тех девочек, кого считаешь подходящими, и пошли их. Но мне нужно, чтобы возле Зубоскала постоянно кто-то крутился и не давал ему продрать глаза. Я внятно выражаюсь?

— Ты действительно веришь в то, что он не сможет ничего понять за двадцать дней? — шлюха взглянула на трактирщика, как на идиота. — Он пропойца, но он не идиот, это уж точно!

— Тогда, мать твою за ногу, постарайся, чтобы он этого не понял! — рывкнул трактирщик. — Ты же женщина, Ирга, да к тому же, еще и шлюха! Уж ты-то сможешь ему мозги запудрить точно так же, как пудришь их и мне! Так что вперед, родная! Подбирай для этого дела тех, кого считаешь нужным, и вперед! И уйди уже с дороги, у тебя корма такая, что и не обойдешь!

— Ты просто завидуешь, — фыркнула Ирга, закатывая глаза, но голос у нее звучал довольно, да и сама она посторонилась, позволяя им пройти. — Но я тебя в последний раз предупреждаю, Кедвин, что рано или поздно твои сельские игрища выдут тебе гарпуном в глотку! И тогда уже никто, даже мои девки, отмахать тебя от твоих клиентов не смогут!

Трактирщик хмуро зыркнул на нее, пробурчал что-то под нос, но быстро юркнул вперед по узкой лестнице, спеша поскорее оказаться на верхнем этаже гостиницы и оставить разбушевавшуюся даму за спиной. Гардан только хмыкнул, проходя мимо Ирги и демонстративно заглянув ей в вырез, а та ответила ему довольной улыбкой и воздушным поцелуем.

В коридоре на втором этаже было темновато. Под потолком болтались всего две масляных лампы с закопченными стеклами, дающие слишком мало света, чтобы осветить все помещение. Старые рассохшиеся доски под ногами скрипели, а из-за грубо сколоченных дверей слышались людские голоса и женские стоны. Гардан вновь ощутил, как нутро сводит от голода, но приказал себе успокоиться. Сначала Марны — потом все остальное.

— Так что же это все-таки за игра в свинку? — негромко спросил он, догоняя разъяренного Кедвина. Трактирщик только поморщился и проворчал в ответ:

— Сейчас узнаешь.

Он распахнул ближайшую к себе дверь и просунул внутрь голову, а через несколько мгновений высунулся и кивнул своим ребятам:

— Спит, давайте, выносите!

Гардан посторонился, пропуская двух дюжих молодцев и заглядывая через открывшуюся дверь в комнату. Отсюда ему был виден только край кровати, на которой разметался по сбитой постели пьяный в стельку человек с взлохмаченными волосами. Вышибалы подхватили этого человека за руки и за ноги, вынесли из комнаты и принялись аккуратно спускаться с ним по лестнице, стараясь не мотать его слишком сильно, чтобы он не проснулся от толчка.

— А мне что делать? — Гардан вопросительно взглянул на трактирщика.

— Поможешь собрать его вещи, — Кедвин первым вошел в комнату и принялся подбирать разбросанную по полу одежду. — Зубоскал хоть и пропойца, каких свет не видывал, только очень щепетилен к своим вещам. Не дай боги, кто тронет его сапоги или сабли, все, почитай, что пропало.

Следующие полчаса Гардан ощущал себя полным идиотом и все спрашивал Марн, за что же они послали ему такие испытания. Оказалось, что «игрой в свинку» Равенна и Кедвин называли следующее. Так как Зубоскал больше пил, чем плавал, то и дохода у «Морской гадюки» почти что и не было, а потому и матросам платить было нечем. Чтобы те не взбунтовались, Равенна периодически напайвала капитана до потери сознания, а сама быстренько обдeldывала дельца возле самых берегов, перевозя на небольшие расстояния ценные грузы, доставляя людей или помогая спрятать очередных беглецов от правительственных войск. А чтобы капитан не пронюхал о ее деятельности, они с Кедвином уговорились на это время запираить его в подвале в обществе шлюх и рома, что Зубоскала вполне устраивало. Таская вместе с трактирщиком тяжеленные сундуки с барахлом Зубоскала, Гардан подумал о том, что на месте Равенны выбросил бы Ашьяма за борт, а корабль забрал себе, да и дело с концом. Судя по всему, смекалка и сила воли у этой молодухи были достаточные для того, чтобы в скором времени она могла стать одной из самых известных капитанов Северного побережья.

В конце концов, работа была закончена, Гардан выложил в широкую ладонь Кедвина еще пять золотых, вышел на улицу и с наслаждением глотнул ледяного морского бриза, который налетал с севера, выбрасывая на берег шипящие серые волны. Уже стемнело, и в небе над водой повисла почти полная луна, протянув по рябчатой морской глади длинную прерывистую дорожку.

Здесь же ждала его и Равенна, покуривающая трубку и наблюдающая за тем, как ее люди перетаскивали из трюма «Морской гадюки» в сарай «Обломанной мачты» тюки с грузом, чтобы налегке корабль мог двигаться быстрее. Заметив Гардана она кивнула ему головой, и наемник подошел к ней, тоже выжывая из-за пазухи свою трубку.

— Ну что, разобрались со свинкой? — ухмыльнулась Равенна, весело поглядывая на него кошачьим зеленым глазом.

— Разобрались, — отозвался он, неторопливо забивая трубку. — Правда, Кедвину это не слишком-то понравилось.

— Готова поспорить, что гораздо больше это не понравилось Ирге! — проказливо хохотнула Равенна. — А все потому, что ей не нравлюсь я.

— Из-за того, что ты не работаешь на нее, а плаваешь под парусами? — предположил Гардан.

— Из-за того, что ее девки отказываются брать с меня деньги за ночь и отвергают остальных клиентов, когда я приплываю сюда, — довольно оскалилась она. — Но так она

сама виновата. В Мелонских портах у шлюх свободы едва ли не больше, чем у короля, потому и мамки с ними ничего поделывать не могут. Не то, что на юге.

Гардан понял, что эта женщина интригует его. Не настолько, чтобы начать добиваться ее внимания, но достаточно, чтобы как-нибудь пригласить выпить и почесать языками. К тому же, было в ней что-то очень знакомое, смутно напоминающее ему... Раду. Гардан удивленно моргнул, глядя в свою трубку. И почему именно такое сравнение пришло на ум?

— А ты сама-то откуда? — спросил он, аккуратно уминая табак пальцем в чашечке трубки. Говор у Равенны был южным, но по алым волосам и зеленым глазам невозможно было сказать, где она родилась. Может, там, в одном из портовых городов, а может, и еще где-то. Большая часть южан отличалась темной кожей и мягкими чертами лица, а эта женщина скорее походила на бернардинку или гостью из далекого Тарна.

— Отовсюду, — пожала плечами Равенна. — А если захочешь подробностей, то может и расскажу побольше, но только за чашей рома.

— Знаю я ваши побасенки, — беззлобно хмыкнул в ответ Гардан. — Куча прибауток и ни слова правды.

— Кому нужна правда, наемник? — рассмеялась Равенна, совсем по-кошачьи склонив голову набок. — Правда — что каша из репы: ни вкуса, ни запаха, одно название, да только выбросить вроде как нельзя, а других угощать стыдно. Да нам с тобой плыть долго, почти три недели. Послушаешь меня, да сам решишь, что тебе больше нравится: правда или байки.

Гардан только кивнул, глубоко затягиваясь густым терпким дымом. Впрочем, мысли его были сейчас далеко. Три недели — как раз то время, которого впритык хватит на то, чтобы исполнить предсказание Марны. И даже чуть-чуть останется, если повезет. И тогда вы наконец-то отпустите меня, Единоглазые. Правда, вот, что делать дальше, Гардан понятия не имел. Если вот-вот должен был начаться Танец Хаоса, то это «дальше» просто не имело никакого смысла. Ох, Рада, во что же я влез-то из-за тебя? И когда все это кончится?

===== Глава 31. Дорога на Алькаранк =====

Раскисшая старая дорога тянулась на север вдоль самого края Серой Топи. Дорогой этой давно уже не пользовались, и каменное полотно поглотила земля, позволив плитам мощения лишь изредка проглядывать сквозь толстый слой грязи и травы. То, что раньше здесь проезжали торговые караваны и путники, отмечали лишь поросшие кустами и травой старые развалины постоялых дворов с прохудившимися, обвалившимися внутрь крышами, пустыми зевами окон и ветром, что насвистывал свои песни в остатках дымовых труб. Иногда путники останавливались на ночь в самых крепких из таких строений, укрываясь от дождя под остатками крыш, и тогда Раде выпадала столь редкая в эти дни возможность поспать не в луже. Впрочем, теперь уже это было не столь важно, после ночевок в болоте, чья вонь и сырость пропитали ее, казалось, до самых костей.

Равнины Лонтрона тянулись без конца за горизонт, насколько глаз хватало, и прямо на них лежало громадное осеннее небо. Ветер гнал по нему рваные тучи, сквозь которые изредка проглядывало низкое солнце. По ночам морозец прихватывал высокие потемневшие травы, и степь одевалась в прозрачный инеистый убор, так красиво сверкающий под лучами рассветного солнца. Уже к полудню не успевшее остыть солнце топило ледок, и дорога вновь раскисала в застарелую грязь, в которой глубоко увязали копыта лошадей, отчего отряд продвигался на север медленнее, чем рассчитывал Алеор.

Грязь покрывала их с ног до головы, и Рада уже даже перестала скрывать, что периодически почесывается. Пятна грязи темнели на конской шерсти вплоть до самой груди,

и сколько бы по вечерам они с Лиарой ни терли их скребницами, вся работа шла насмарку уже через час после рассвета. То же самое можно было сказать и о них самих: штаны на Раде стояли колом, куртка липла к телу, а плащ превратился в черный комок-дерюгу с острыми краями от налипшей на них засохшей грязи. Примерно в том же состоянии были и остальные путники. Особенно колоритно выглядела алая Улыбашка, все больше и больше напоминая Раде веселого поросенка, что только что выбрался из огромной лужи и не собиравшись отряхиваться, подставляя довольно жмурящийся пяточок солнцу. Если, конечно, вообще можно было сравнить обезображенное лицо Улыбашки с чем-то, напоминающим радость и доброту.

Но, несмотря на все это, настроение в отряде царило приподнятое. Алеор совершенно оправился после инцидента на болотах, настроение у него было прекрасное, и даже шутки стали менее жестокими, что немного снизило напряженность между путниками. Он тщательно прислушивался к ветрам и окружающей обстановке, подолгу глядел на восток, где стояло гниlostное марево болота, однако присутствия погони не чуял. Даже птицы больше не отслеживали их следы, и это означало, что встречи со Сворой в ближайшее время можно не ожидать.

Расцвела и Лиара, вернувшись к своему обычному теплому и задумчивому состоянию. Теперь она почти что не выпускала из рук арфы, даже в седле, и все время тихонько перебирала струны, прислушиваясь к получающейся мелодии. Губы у нее порой беззвучно шевелились, когда она пробовала на вкус какие-то слова, подбирая их к музыке, а глаза напоминали зимнее море, задумчивое и тихое, погруженное в самое себя.

И еще что-то новое появилось в ней, в том, как она держала себя, в том, как смотрела на мир. Рада не могла объяснить, что это такое, но чувствовала какую-то затаенную нежность и пронзительно звенящую мягкость, окутывающую эту маленькую девочку, словно прозрачное облако. Было что-то волшебное в том, как ветер тихонько перебирал невидимыми пальцами ее отливающие на солнце золотом кудряшки, в том, как дрожал свет на кончиках ее длинных, пушистых, слегка закрученных ресниц. Рада не могла отвести взгляда, наблюдая за тем, как ее тонкие красивые пальцы движутся по туго натянутым струнам арфы, то убыстряя свой бег, то замедляясь и двигаясь как-то неуверенно осторожно. И арфа пела в ответ ее рукам, рождая звенящие радостью быстрые плясовые, так похожие на первую смеющуюся весну с капельками молодого солнца, или задумчивые, глубокие, грустные переливы, подходящие медленно наступающей с севера осени. Музыка, что рождалась в сердце искорки, была живой, настоящей и глубокой, и в груди Рады в ответ на нее что-то сладко сжималось, мешая дышать и не давая сосредоточиться ни на чем, кроме этой тихой песни.

То ли от этой музыки, то ли от всего произошедшего на болотах с Огненноглазой Женщиной, теперь у Рады постоянно были неладья с сердцем. Ритм его менялся с той же скоростью, что скачет по степям удирающая от волков газель, и из-за этого она постоянно чувствовала себя так, словно задыхается. В один миг оно колотилось как бешеное, готовое выпрыгнуть наружу прямо сквозь ее плотку, в следующий — замирало, сжимаясь больно и сладко, дрожа на одной единственной нежной ноте, от которой кружилась голова, а тело становилось каким-то странно мягким и горячим. И не переставая, жгло спину, причем пульсирующая боль не желала уходить, что бы Рада ни пыталась с ней сделать. Она уже и остатками припрятанного на черный день виски заливала эту боль, и заворачивалась в шерстяной шарф, чтобы прогреть спину, и спала так, чтобы позвоночник всегда был в ровном положении, да только внутри все равно жгло и болело. И ко всему этому

прибавлялось звенящее от восторга и нежности сердце, отчего Раду то мутило, то колотило, то подрывало буквально сорваться в галоп, нещадно колотя Злыдня пятками и удирая от них ото всех, куда глаза глядят.

Бхара его разберет, что со мной. Приедем в Алькаранк, сразу же пойду к знахарю, пусть посмотрит, что оно такое, и как это лечить. Она уже подумывала о том, что можно было бы обратиться и к жрецам в каком-нибудь храме по дороге, да только никаких храмов вокруг не было, как никакого жилья и вообще следа пребывания человека, кроме старых развалин. Лишь ветер привольно гонял пыль над бескрайней равниной, да травы стелились по земле, шурша сухими стеблями друг о друга.

Осенняя погода навевала размышления и тишину, потому никто из путников не разговаривал друг с другом. И если в первые дни обсуждения событий на болотах еще велись, то со временем все замолчали, замкнулись в себе и теперь ехали, окруженные тишиной. И, на взгляд Рады, это было не так уж и плохо. Особенно учитывая тот факт пребывания на болотах, о котором она забыла. Или, вернее, о котором ее заставили забыть.

Уже почти что на самом выезде с тропы сквозь Серую Топь Алеор начал часто оборачиваться, приподниматься в стремених и оглядываться по сторонам, словно что-то искал. Памятуя о том, что лотрий рядом быть не должно, Рада спросила его, что происходит, и кого он так рьяно высматривает.

— Да тут недалеко должна обитать одна моя знакомая ведьма, — задумчиво хмурясь, отозвался эльф. — Я надеялся, что мы заглянем к ней по дороге, пополним запасы воды и еды, отдохнем. Заодно и преследователи сойдут со следа, если они за нами все еще идут.

— Она живет здесь? — вздернула бровь Улыбашка, скептически глядя на эльфа. — Посреди Серой Топи? И ты при этом уверен, что у нее мы будем в безопасности?

— Да нет же, — поморщился он. — Здесь просто расставлен один из проходов сквозь пространство, который ведет к ее дому. Росянка не слишком-то любит человеческое общество, однако, гостей принимает с удовольствием.

— Росянка? — любопытно взглянула на эльфа Рада. — Это ее настоящее имя?

— Нет, ее зовут Заина. Росянкой зову ее только я, учитывая специфику ее пристрастий, — осклабился Алеор, а Рада вдруг вздрогнула всем телом, и какое-то очень странное чувство стиснуло ее нутро, не давая дышать. — Она любит расставлять капканы на дорогах и заманивать в свой дом путников. Один из них стоит где-то на этой тропе. — Алеор вновь обернулся, хмуря брови. — Не пойму, перенесла она его что ли? Мы же совершенно точно не проехали бы мимо.

— И что она там с этими путниками делает? — подозрительно уточнила Улыбашка.

— Ничего такого, о чем потом можно было бы сожалеть. — Больше Алеор не добавил ни слова, но его многозначительная усмешка, словно у обожравшегося сметаной кота, договорила все остальное.

А Рада вдруг ощутила, как на щеках расцветают алые пятна румянца. Сдерживающий память барьер словно прорвало, и все воспоминания вернулись, хоть и туманные, обрушившись на голову ледяным душем. Рыжие волосы и зеленые глаза, что заглядывали прямо в ее душу, горячие губы, руки, что гладили ее тело. И имя — Заина. Спина одеревенела, а на лбу выступили пятна холодного пота, когда Рада вспомнила лицо Лиары, вытянувшееся от боли и ярости, которое от нее отделяло маленькое плотно запертое окошко. Что было дальше, она знать не знала, помнила только, что в какой-то момент ее сильно ударило, а потом уже воспоминаний не было совсем, только темнота. Становилось понятно

и то, почему Лиара была такой напряженной в тот день, когда они наткнулись на Стража, почему так скованно с ней говорила, почему наврала, что они просто ночевали на дороге. Рада вновь сглотнула, чувствуя, как вмиг пересохло горло, и скосила глаза на искорку, которая ехала неподалеку от нее, глядя перед собой и в разговоре не участвуя. Лицо у нее было каменным, а на щеках четко прорезались желваки, словно она сжимала зубы. Божечки, так это был не сон! Что же я наделала?! Она теперь ненавидит меня!

С тех самых пор эти мысли не оставляли Раду, нещадно изводя ее день и ночь. На ведьму и то, что та пыталась с ней сделать, Раде было глубоко плевать. Физическая сторона близости между людьми никогда ее особенно не интересовала, да и в ее жизни этого не было, не считая первых месяцев брака с Ленаром, которые оказались скорее утомительными и мешающими, чем приятными. Гораздо больше ее волновало то, что подумала о ней Лиара. Вряд ли в своей крохотной деревушке, где она выросла, искорка слышала что-либо о женщинах, что интересовались другими женщинами, и Рада знать не знала, как она относится к таким вещам. К тому же, ей и самой было крайне удивительно, что рыжая ведьма полезла именно на нее, и что Рада вообще позволила ей это сделать, учитывая тот факт, что никогда до этого она женщинами не увлекалась, хоть и была в курсе, что такие вещи порой случались между знатными дамами при королевском дворе. И что обо всем этом думала Лиара? Она презирала Раду? Ненавидела ее? Внешне никаких проявлений отторжения по отношению к Раде с ее стороны не проявлялось, но Рада же помнила ее пристальный взгляд тем утром. Может быть, теперь искорка в глубине души относилась к ней с отвращением, но тщательно скрывала это? От таких мыслей сердце еще больше сжималось, болезненно пульсируя и без конца изводя Раду тревогой. Но думать о том, чтобы поговорить с искоркой на чистоту и все у нее спросить самой, Рада просто не могла. Это было слишком стыдно, слишком тяжело и слишком страшно, хоть она до конца и не могла объяснить себе причину этого. Вот ведь бесовская поездочка! Свора, Птичник, Страж, рыжая шляха с болот! Что еще со мной случится в ближайшее время, о чем я раньше и не подозревала?

— А вот и основная дорога! — проговорил Алеор, и Рада вскинула голову, вырываясь из своих мыслей. — Радуйтесь, сегодня будем ночевать в нормальной гостинице.

— Наконец-то! — проворчала Улыбашка. — У меня такое чувство, что меня в грязь уже по уши засосало.

Рада прищурилась, всматриваясь вперед. На горизонте виднелись какие-то темные точки, и, присмотревшись, она различила несколько повозок, медленно тянувшихся на северо-восток. Алеор говорил, что где-то неподалеку старый тракт вдоль болот сливается с новой дорогой, по которой из Алькаранка вглубь равнин везут свои товары купцы. Правда, по его расчетам выбраться на нее они должны были днем раньше, но грязь значительно задержала их в пути.

— Было бы неплохо помыться, — пробормотала Рада, рассеяно почесывая спину. В последние несколько дней она только и мечтала о том, чтобы переодеться в чистое.

— Желаю тебе, чтобы в этот раз Гончих с тобой в одной купальне не было, — очаровательно улыбнулся ей Алеор.

— Уймись уже, — проворчала она в ответ.

Вскоре лошади уже вскарабкались на широкие плиты дорожного полотна и пошли вперед резвее, громко цокая копытами. Рада облегченно вздохнула, разглядывая, как изгибается на юго-запад новая дорога, по которой неторопливо двигаются прочь от них

торговые караваны. Она уже успела соскучиться по людскому обществу, обычным разговорам, горячей еде и теплой постели. Дни, проведенные в глуши наедине с эльфом и вечно хандрящей Улыбашкой, не слишком-то пошли ей на пользу.

К тому же, в Лонтроне Рада никогда не была, и ей было любопытно. За свою жизнь она наслушалась рассказов про государство лошадников, как их презрительно называли мелонцы, и всегда хотела хотя бы одним глазком взглянуть на него. Естественно, что в порты Северных Провинций приплывало много лонтронских пиратов, да и самих хмурых усачей она не раз встречала и на улицах Латра, и в других городах. Но одно дело видеть иностранных гостей в своей стране, и совсем другое — оказаться у них на родине.

Лонтрон был одним из сильнейших и крупнейших государств Этлана Срединного наравне с Мелонией и Бреготтом. Административно он делился на четыре провинции, каждой из которых заправлял наместник, а во главе всего государства стоял король, сосредоточивший в своих руках военную и административную ветви власти. И если в Мелонии королю приходилось делить власть с Лордом-Протектором, то тут, на первый взгляд, все было достаточно просто: Лонтрон считался светским государством, и вся полнота власти лежала в руках его правителя. Однако на деле у королевского дома лошадников всегда был сильный и коварный противник — Церковь Молодых Богов и лично Великий Жрец, возглавляющий ее.

Именно здесь, на бескрайних травяных просторах степей, давным-давно, когда эльфы и люди только-только высадились на берегах Этлана Срединного, был заложен самый первый храм, посвященный сразу всем Молодым Богам. Постепенно вокруг него вырос целый город, после Первой Войны получивший название Васхиль, ставший резиденцией Великого Жреца всего Этлана Срединного. Однако, почетной должности самого главного деда во всем мире этому старикашке не хватило, и тогда он начал пытаться прибрать к рукам не только духовную, но и светскую власть над человеческими государствами.

После распада империи Короля Солнце на юге Этлана почти что у самых Латайских гор, за которыми жили ильтонцы, возникло множество небольших рыхлых человеческих государств. Со временем более мелкие были уничтожены или поглощены соседями, и к началу Танца Хаоса уцелело лишь два из них. Жители этого края занимались сельским хозяйством, обрабатывали землю и снабжали хлебом все северные области, постепенно полностью перешедшие на поставки с юга. Первое государство, Ишмаил, было послабее, и уже в самом начале Второй Эпохи Великому Жрецу удалось захватить над ним контроль и объявить его протекторатом церкви. Естественно, что это был не просто красивый титул. Местная княжеская верхушка Ишмаила была оттеснена от власти, и на трон государства сел ставленник Великого Жреца, полностью подчинивший всю внутреннюю политику интересам церкви. В Васхиль рекой потекло золото от продажи пшеницы на север, и город начал жиреть, обретая все большую и большую независимость от верховной Лонтронской власти.

В конце Второй Эпохи сосед Ишмаила, Руон, тоже оказался в собственности у церкви, но на этот раз не путем захвата и шантажа, а вследствие неслыханного прецедента: единственная наследница трона Руона родилась Аватарой Создателя и передала все свои земли Великому Жрецу в обмен на его поддержку в Танце Хаоса. Государство сменило название, превратившись в Андозабар, и на его троне тоже очень уютно устроился жрец, а доходы Васхили удвоились.

Тогда-то Великий Жрец и объявил о создании двух наемнических сообществ, таких

воинских орденов, подчиняющихся исключительно церкви и продвигающих ее интересы в мире — Карателей и Усмирителей. И если Усмирители были еще более-менее вменяемыми людьми, с которыми возможно было договориться, то в Каратели шли самые отъявленные фанатики и жадные до крови безумцы, находящие удовольствие в том, чтобы развезжать по деревушкам и отдаленным селам и отлавливать местных знахарей. Согласно их разумению, лишь жрецы имели право использовать силу Источников Молодых Богов, потому все отловленные ведьмы и ведуны подвергались жестокому наказанию, а в некоторых случаях, даже казни. Особенно Раду забавил тот факт, что бесчинствовали Каратели в основном на юге, на территории Ишмаила, а вовсе не в Лонтроне, где и располагалась основная резиденция церкви, которую они так защищали.

Таким образом, Великий Жрец в Васхиле полностью освободился от налоговой и военной зависимости от Лонтронского королевского двора, развязал себе руки и теперь мог спокойно навязывать свои интересы не только лонтронцам, но и кое-кому из соседей. У него была собственная вооруженная армия и деньги на ее содержание, ему принадлежали тысячи церквей и церквушек по всему миру, усердно трудящихся для того, чтобы нести слово Божие неграмотным и ничтожным мирянам, а заодно и отбирать у них последние медяки и за это не сжигать их сараюшки по обвинению в ереси. А сами лонтронцы ходили вечно раздутые, как петухи, еще более напыщенные, чем мелонцы, постоянно повторяя, что лишь их край осияла милость богов, и именно поэтому у них и расположена резиденция Великого Жреца.

Раде не слишком часто приходилось иметь дело с лошадиниками, но она находила тех из них, что приезжали в Мелонию, слишком зажатыми, хмурыми и неприветливыми людьми. Выше благочестия лонтронцы ставили лишь духовную чистоту, а потому она вообще понятия не имела, откуда в этой стране брались дети. К тому же, женщины в Лонтроне находились в достаточно угнетенном положении, во всяком случае, во всем мире так было принято считать. Им не разрешалось носить волосы непокрытыми, входить в храмы без сопровождения мужчин, вступать в армию, подавать на развод, владеть имуществом в случае смерти мужа и наличия прямого наследника мужского пола, и еще тысячи вещей, от которых Раду передергивало. И по большому счету, Алеор был прав: своих лошадей лонтронцы ценили гораздо больше, чем женщин, потому что лошади приносили их стране прямой доход, а женщины, их же стараниями, только разоряли казну. Если бы им дали право распоряжаться имуществом по собственной воле, то и казна бы наполнилась. Только эти проклятушие лошадиники слишком тупы, чтобы это понять.

Однако несмотря на всю неприязнь, которую Рада привыкла испытывать к этому государству, ей все равно было интересно, как они живут на самом деле. По большому счету, мелонцы рассказывали устрашающие истории про дикость и нецивилизованность всех без исключения народов, кроме них самих, поэтому лонтронцы вполне могли просто попасть под раздачу, потому что жили иначе. А Рада привыкла делать выводы только в том случае, если собственными глазами видела вещи, о которых собиралась судить.

И шанс на то, чтобы это сделать, представился ей буквально через полчаса после того, как они выехали на дорогу.

Алеор заметил их еще издали: большую группу всадников, приближающихся быстрой рысью с севера к четверым заляпанным грязью путникам. Все они были одеты в черное, а первый всадник в группе вез на длинном шесте какое-то знамя, которое с такого расстояния Рада разглядеть не могла. Обернувшись к спутницам, Алеор очаровательно улыбнулся и картинно указал рукой на приближающийся отряд:

— Дамы, спешу представить вам бравый орден Церкви Молодых Богов — господ Усмирителей. И рекомендую прикрыть волосы до того, как мы с ними поравняемся, иначе вони здесь будет столько, что вам захочется обратно в болото.

— Это легко можно устроить, — злорадно ухмыльнулась Улыбашка. — А что касается моих волос, то как-нибудь переживут. Я не смертная и никакого ответа перед церковью Молодых Богов не несу, так что плевать.

— Ну а ты, Радушка? — Алеор с довольным видом повернулся к ней. — Тоже будешь саботировать или-таки накроешь свои патлы?

— Я мелонка, — пожалала плечами она. — К тому же, эльф, цареубийца, и еще боги знают кто, учитывая вечную любовь людей к сплетням. Так что мне терять нечего.

— А я Первопришедшая, — сообщила Лиара, неуверенно оглядываясь по сторонам и явно ища поддержки у спутников. — Мне же тоже можно не закрывать волосы?

— Тебе лучше не открывать рот, солнышко, — осклабилась Улыбашка. — Первопришедших в Лонтроне любят еще меньше, чем женщин, так что лучше уж говори им, что ты из Мелонии, и дело с концом.

— Значит, саботируем? — эльф дождался ответных кивков и встряхнулся, будто кот перед дракой. На лице его расцвела широкая улыбка предвкушения. — Просто замечательно, девочки! Я горжусь всеми вами!

— Идиот, — тихо буркнула Улыбашка.

Рада не слишком-то разделяла радости эльфа по поводу предстоящего конфликта, однако и идти на поводу у дурацких законов, установленных в этой стране, не собиралась. Мелонцы ведь не просили лошадников сбривать усы, когда те приставали к их берегам, да и она просто понять не могла, каким образом ее непокрытые волосы могли разгневать Молодых Богов. Если правду говорили, что Грозар слышит все мысли людей, то он ее уже тысячи раз мог испепелить на ровном месте за всю ту ересь, что постоянно крутилась у нее в голове. А раз этого не случилось, то и не каким-то там лошадникам указывать ей, как выглядеть и что делать.

Вскоре отряд лонтронцев приблизился достаточно, чтобы можно было разглядеть его в подробностях. Все Усмирители были одеты в черные куртки и штаны, на плечах их позвякивали длинные черные кольчуги. Из оружия у них с собой были скрещенные за плечами сабли и луки, укрепленные в чехлах у седел. На черной одежде резко выделялись алые повязки, которыми Усмирители перетягивали правые предплечья. Символ с повязок повторялся и на большом знамени, которое, отдуваясь, тащил первый из них на высоком шесте, — белый кулак в латной перчатке, сжимающий белоснежный меч, на ярко-алом поле. Раде вдруг стало смешно: кататься по полупустой дороге посреди беспросветной грязищи с флагом над головой было еще глупее, чем требовать от женщин закрывать свои волосы перед молитвой.

Лонтронцы подъехали ближе, и Рада смогла разглядеть их лица. Все они носили длинные густые усы, загнутые по обеим сторонам рта, словно перевернутые бычьи рога, а волосы заплетали в тугую косу на затылке, перебивая ее бело-красными лентами. На головах у них были конические шлемы с длинной носовой стрелкой, а седла их лошадей выглядели глубже и массивнее, чем те, которые предпочитали мелонцы.

Предводитель Усмирителей поднял руку, приказывая отряду остановиться, и лошади пошли медленнее, а потом и вовсе замерли шагах в пяти от Алеора и его спутниц. Рада с интересом разглядывала узкие черноглазые лица лонтронцев, которые смотрели на нее в

ответ с плохо скрытой неприязнью.

— Светлого дня пред очами Грозара! — проговорил Усмиритель, и вместе со своими воинами поклонился на восток.

Алеор обернулся к Раде и, пока Усмирители смотрели в другую сторону, радостно прищурился, прошептав одними губами:

— Обожаю, когда они так делают! Так часами можно развлекаться! — вновь повернувшись к Усмирителям, он громко проговорил в ответ: — И вам доброго дня пред очами Грозара!

Усмирители вновь как один поклонились на восток, Улыбашка громко прыснула, а Рада заморгала, чувствуя, как внутри начинает щекотать смех. Она слышала что-то такое, вроде того, что все церковные наемники при каждом упоминании имени богов кланяются на восток, но всегда думала, что это просто глупые байки из тех, что сочиняют от нечего делать бродячие скоморохи. Теперь же слухи оказались правдой, и она поняла весь энтузиазм Алеора перед встречей с Усмирителями. Губы сами собой начали растягиваться в улыбку, и Раде стоило больших трудов не рассмеяться. Вряд ли лонтронцы оценят, если их начнут открыто провоцировать. Ярые служители церкви всегда казались Раде людьми без мозгов, не умеющими рассчитывать ни силу, ни свои возможности, а начинать путешествие по Лонтронку с кровавого месива ей не очень-то хотелось. Достаточно и того, что я по Мелонии известна как цареубийца и мятежница.

Капитан Усмирителей недобро нахмурился, рассматривая лица путников. Глаза у него были черными и острыми, словно у хищной птицы, а сам он казался Раде напряженным до предела, словно в любой миг ждал нападения.

— Милорд Ренон, я полагаю? — он отвернулся от женщин и теперь смотрел только в лицо Алеору.

— Он самый, клянусь Богоном, — эльф с выражением искреннего почтения склонил голову, и все Усмирители вновь поклонились на восток. Раде потребовались вся ее сила воли, чтобы заставить лицо оставаться спокойным.

— Мое имя — Урго Верже, я капитан ордена Усмирителей при церкви Молодых Богов, — холодно проговорил лонтронец. — Полагаю, что вы не в первый раз путешествуете по землям государства Лонтрон и знаете, что женщинам, которых в этой поездке сопровождают мужчины, надлежит прикрывать свои волосы и не носить их распущенными. Таков закон страны, в которой вы сейчас находитесь.

— О, капитан, — Алеор сделал большие глаза и приложил ладонь к груди, — именем Кану Защитницы, я полностью разделяю ваши взгляды на необходимость держать женские волосы под строгим контролем. — Усмирители поклонились на восток, а Улыбашка издала горлом какой-то сдавленный звук, больше напоминающий карканье. Взгляд Верже дернулся к ней, но сразу же обратился вновь на эльфа. — Однако эти женщины совершенно отбились от рук, и я никак не могу их контролировать. — Алеор горестно вздохнул, подался вперед и громким заговорщическим шепотом добавил: — Особенно гномиха. Она просто неистова.

— Прошу вас не паясничать, милорд Ренон, — в голосе Усмирителя заворочалась угроза. — Вы находитесь в юрисдикции церкви Молодых Богов, а они не терпят хамства и насмешек.

— Но, капитан, я говорю абсолютно серьезно. Грозар тому свидетель!

Усмирители поклонились на восток, и Рада резко опустила голову, изо всех сил пытаясь удержать растягивающиеся в улыбке губы. Улыбашка рядом хрипела и хрюкала изо всех сил,

почти что закрыв лицо руками, и ее жуткие шрамы при этом кривились так, что выглядела она то ли донельзя комично, то ли просто устрашающе. Лиара окаменела в седле, выпрямив спину и держась абсолютно ровно, но по ее стеклянному взгляду и сжатым челюстям Рада поняла, что и она готова расхохотаться в любой миг.

Верже еще раз пристально осмотрел их всех, подолгу задерживаясь взглядом на каждой и словно что-то выискивая на их лицах. Потом проговорил:

— Женщины должны закрыть волосы. Особенно та, что коротко острижена. В Лонтроне преступниц бреют на лысо, и ее внешний вид может смутить горожан. — Поджав губы, Усмиритель с явной неохотой обратился прямо к ней: — Ваше имя, сударыня?

Алеор обернулся, хитрющими, полными хохота глазами глядя на Раду, и она едва заметно моргнула ему в ответ.

— А я не сударыня, — пожалала Рада плечами, смело глядя в лицо Усмирителя. — Я очень молодой эльф, у которого просто нежные щечки.

Улыбашка рядом почти что заскупила, а Рада, глядя в лицо Верже, громко похлопала себя ладонями по щекам. Глаз Усмирителя ощутимо сильно дернулся, и Раде послышался еще один сдавленный писк — на этот раз со стороны Лиары.

— Ваше имя... сударь, — выдержав угрожающую паузу, потребовал Усмиритель.

— Радаэль Ренон, — не моргнув глазом, соврала Рада. — Я — младший брат князя Алеора. А это — моя нареченная, Лиара.

Эти слова сорвались с губ так быстро, что Рада даже не успела ни о чем подумать. Спину моментально проморозило, и как удар сапога в лицо она ощутила резкий взгляд Лиары, брошенный на нее. Следом за этим зацвели маковым цветом щеки, а сердце замолотилось, словно обезумевшая птичка в клетке. Божечка, да что же со мной творится?! Веду себя, как полная идиотка! Немедленно к знахарю, сразу же, как только мы приедем в Алькаранк!

— Потрудитесь проследить, чтобы ваша нареченная закрыла волосы, — проскрежетал Усмиритель и отвернулся к Алеору. — А кто отвечает за гномиху?

— Гномиха отвечает сама за себя, — прокаркала Улыбашка, давясь хохотом. Лицо у нее свело судорогой, Раде было видно, какие жесточайшие усилия она прилагает к тому, чтобы не расхохотаться. От этого гримаса ее стала по-настоящему устрашающей, и в груди вновь заклокотал смех. — Так что если вы хотите о чем-то меня спросить, то и спрашивайте меня, а не этого древолюба патлатого.

— Я же говорил: неистовая, — закивал Алеор, многозначительно глядя на Верже.

Казалось, что Усмирителя сейчас буквально разорвет от ярости. У него даже лицо побелело, будто полотно, однако, он собрал все свое терпение и заставил себя взглянуть на Улыбашку.

— По законам Лонтрона вы должны прикрыть волосы. Иначе мы будем вынуждены арестовать вас.

— Вот теперь, когда вы ко мне обратились напрямую, дражайший, я с превеликим удовольствием сделаю то, о чем вы меня просите, — почти что проворковала Улыбашка, и Усмиритель пораженно заморгал, явно ожидая не такой реакции.

Гномиха демонстративно полезла в седельную суму, выудила оттуда ярко-алые панталоны с рюшечками по краю, и водрузила их себе на голову. Холодный ветер степей сразу же принялся играть с ними, развивая за спиной Улыбашки две округлые штанины, а саму ее сделав похожей на очень страшного зайчика. Рядом тихо заплакал Алеор, закрыв

лицо руками и содрогаясь всем телом. А Рада принялась мерно дышать, чтобы хоть как-то остановить дерущий глотку хохот.

— Что это такое?! — зарычал Усмиритель. — Что вы себе позволяете?!

— Вы сказали: закрыть волосы, дражайший, я так и сделала, — развела руками Улыбашка. — У меня есть только панталоны, ни платочка, ни кусочка ткани, ничего, а я не дай боги не хочу прогневать Грозара Громовержца. — Усмирители поклонились на восток, и Улыбашка вместе с ними, а Лиара уткнулась головой в гриву своего коня, приныкая к ней так близко, как только могла и дрожа всем телом.

Разогнувшись, Верже в ярости взглянул на них всех.

— Я могу арестовать вас немедленно за неуважение к Молодым Богам, церкви и Лонтрону! И дальше хохотать вы будете уже в тюрьме!

— Ну что же вы говорите, капитан, — примиряюще вступила Рада. — Мы уважаем всех богов: и Грозара, и Богона, и Загриена, и Кану...

Усмирители начали сгибаться в седлах от каждого имени, и вот тут-то Алеор не выдержал. Откинув голову назад, он широко раскрыл рот и заржал так громко, что этот рев слышали, наверное, даже в Алькаранке. Усмирители моментально выпрямились, схватившись за мечи и принявшись ругаться сквозь зубы. Но Раде было уже все равно. Эльф гоготал так заразительно и громко, что удержаться было невозможно. Да к его смеху прибавилось еще и хрюканье Улыбашки, звонкий голос Лиары, и Рада поняла, что и сама хохочет, сгибаясь пополам и держась за живот, едва не выпадая из седла.

Верже не стал командовать атаковать их сразу же. Он только сидел в седле и ждал, пока они отсмеются, и взгляд его становился все холоднее и холоднее, а пальцы, сжимающие поводья, побелели. Он дождался, когда Алеор начал утирать повлажневшие от хохота глаза, и открыл было рот, чтобы что-то скомандовать, но эльф опередил его, вскинув открытую ладонь вверх:

— По праву моего происхождения, опираясь на главу восьмую договора о сотрудничестве между Церковью Молодых Богов и Троном Лесного Дома от трехсот двадцать девятого года Четвертой Эпохи, подписанную Великим Жрецом Анто и Владыкой Илионом, я, Алеор Ренон Тваугебир, имею право проходить через территорию Лонтрона абсолютно беспрепятственно со стороны местных властей и проводить с собой любое количество спутников обоих полов, которые находятся под моей юрисдикцией и личной ответственностью в качестве дипломатических представителей Лесного Дома. Что, собственно, я сейчас и делаю. — Он взглянул на капитана Усмирителей, и на этот раз никакого смеха в его глазах не было, только острая обнаженная сталь угрозы. — Если вы или ваши люди не знакомы с этим договором, вы можете справиться о нем в любом крупном городе, где есть казармы Усмирителей, у любого офицера капитанского ранга и выше. Также, вы можете обратиться и к особому пожалованию от восьмьсот третьего года Третьей Эпохи, приуроченному к разрушению Гортенберга и подписанному королем Ржевиллом Вадом, по которому я имею полную дипломатическую неприкосновенность в границах Лонтрона и государствах-протекторатах церкви. А если и даже после этого вы собираетесь попробовать нас задержать, то добавлю вот что: мы только что прошли насквозь Серую Топь со стороны Онера и убили второго из Стражей Болот. Если хотите, можете проехать по старой дороге и проверить: лотрий не будет еще около двух недель на всем ее протяжении отсюда и до Онера. Мы спешим в Алькаранк, капитан, наше дело не терпит отлагательств. И вы обязаны не только не чинить нам никаких препятствий, но и оказать содействие во всем,

что нам потребуется в пути.

По лицу Верже прошла судорога, и Раде показалось, что он все-таки атакует Алеора, несмотря ни на что из вышперечисленного. Однако, грандиозным усилием воли Усмиритель удержал норов в руках и сухо кивнул:

— Можете проезжать.

— Спасибо, капитан. Именем Грозара, я вам очень благодарен! — жесткая усмешка искривила губы эльфа, когда Верже поклонился на восток с таким трудом, словно вместо позвоночника у него был чугунный прут. Усмиритель был абсолютно белым от бешенства, его зрачки сжались в точку, а немигающий взгляд не отрывался от Алеора. — Доброго вам пути и удачи на дорогах!

Несколько секунд Верже молча смотрел на него, но потом с трудом проскрежетал:

— И вам доброго пути, милорд. Лонтрон и Церковь никогда не забудут того, что вы сделали для их благополучия.

Сипло буркнув что-то своим людям, Верже первым отвел коня в сторону, а следом за ним потянулись и остальные Усмирители, освобождая эльфу дорогу. Ренон с жесткой усмешкой поехал вперед, не одарив ни одним взглядом окружающих его дрожащих от ненависти людей, которые при этом ничего не могли с ним поделать.словно громадный волк, окруженный стаей оскалившихся шавок, трясущихся от страха и ярости.

Когда отряд Усмирителей остался далеко позади, Улыбашка восхищенно присвистнула и стянула с головы панталоны:

— Ну что ж, думаю, что наше путешествие задалось с самого начала! И эта встреча с лихвой искупила все мучения на болотах и твой скверный нрав, дорогой мой князюшка.

— Ты панталочки-то зря сняла, Улыбашка, — дружески подмигнул ей Алеор. — Эти ребята будут попадаться нам теперь на всем протяжении дороги отсюда и до Алькаранка. Вряд ли Верже забудет, как мы унизили его.

— Да и бхара с ним, — фыркнула Улыбашка. — Раз у тебя есть дипломатическая неприкосновенность, то мне и дела больше до всех этих лошадиников нет. И, между прочим, можно было предупредить об этом до того, как мы с ними встретились.

— Так было бы гораздо скучнее, — поморщился Алеор. — Лонтронцы вечно выглядят так, будто напялили слишком узкое исподнее и теперь не знают, как бы им поправиться, чтобы другие не заметили. Бесить их — одно удовольствие, именно поэтому я и люблю приезжать сюда.

— Алеор, а что это за договор между церковью Молодых Богов и Илионом, о котором ты упомянул? — с любопытством спросила его Лиара. — С Гортенбергом-то все понятно, это связано с разрушением крепости. А вот первый договор в чем именно состоял?

Лицо эльфа помрачнело, а взгляд стал тяжелым. Судя по всему, рассказывать ему об этом не слишком-то хотелось, поэтому он ограничился кратким замечанием:

— По этому договору я отказался от прав на лепестки Фаишаля, хранящиеся при дворах Этлана. Теперь они больше не принадлежат роду Стальвов.

Вот об этом Рада никогда не слышала и даже не предполагала, что Алеор мог сделать что-то подобное. Оставалось только гадать, на что пришлось пойти Илиону, чтобы принудить его к подписанию подобного соглашения. Рада подозревала, что Алеор имел некоторые виды на Фаишаль, являясь единственным живым наследником Ирантира, а уж его непомерные амбиции и еще более огромная скука могли подтолкнуть его к провозглашению себя Чадом Солнца и началом воссоздания империи Ирантира в ее изначальных границах.

Естественно, что это грозило дестабилизацией политической ситуации в мире, и если правители государств не согласились бы пойти на это, то простой люд, скорее всего, потянулся бы под знамя Алеора в том случае, если бы тот провозгласил последний карательный поход против Сети'Агона. Возможно, Илион пытался подстраховаться, лишив его права наследования, чтобы эльф не выкинул каких-либо глупостей. Но опять-таки, оставался вопрос: почему Алеор согласился на это? Впрочем, вид у эльфа был таким, что спрашивать его Рада не рискнула. Потемневший как туча Алеор моментально растерял всю свою веселость, подогнал коня и вырвался вперед, решив дальше ехать в одиночестве.

Как только солнце закатилось за край травяного моря на западе, они остановились на ночлег в придорожной гостинице. На постоялом дворе как раз распрягали лошадей два больших торговых каравана, а в общей зале царил суета от набившихся туда голодных и усталых людей. Алеору, даже несмотря на всю его славу, стоило огромных усилий уломать хозяина предоставить им на четверых одну крохотную комнатку под крышей, куда в лучшие времена поселили бы одного не слишком состоятельного путника. Пришлось ждать и горячего ужина, и купания в отдельном помещении, в котором было так душно и влажно после всех вымывшихся в этот вечер путников, что Рада, содрав с себя всю грязь, почти что пробкой вылетела оттуда в общий зал, глотая спертый полный дыма воздух, словно свежий морской бриз.

В помещение плотно набились усталые лонтронцы, не слишком-то обращающие внимание на что-либо кроме своих тарелок. Однако Рада поймала на себе, Лиаре и Улыбашке недовольные сумрачные взгляды из-за отсутствия прикрывающих волосы платков. Такие платки были у всех подавальщиц, что, опустив глаза, сновали по залу, поднося гостям еду и напитки, протирая грязные столы и принимая заказы. Рада заметила, что кое у кого из женщин волосы были завязаны во множество тонких черных косичек, в то время, как другие носили тугие косы, уложенные в кольцо на затылке.

Музыкантов в общей зале не было, хоть здесь и не было шумно. Лонтронцы говорили приглушенными голосами, смеялись редко, и уж точно не любили пьяных драк, отчего на Раду моментально напало уныние. Улыбашка с Реноном, впрочем, никаких проблем не испытывали, поглощая свой ужин и жарко споря на тему преимуществ мечей эльфийской или гномьей работы. А вот Лиара, наоборот, сидела тихо, уткнувшись в свою чашку и изредка бросая по сторонам быстрые взгляды.

— Не беспокойся, искорка, — негромко проговорила Рада, нагибаясь поближе к ней и стараясь поддержать ее. — Мы с Алеором. Здесь нет ни одного сумасшедшего, который попытался бы потревожить его, ты же знаешь.

— Знаю, — кивнула та в ответ. — Но мне все равно неуютно здесь. Я, пожалуй, пойду наверх.

Она поднялась, отодвигая стул и кутаясь в свой плащ, будто он был ее единственной защитой, и Рада встала следом, чтобы проводить ее.

— погоди, белобрысая! — окликнула ее уже изрядно набравшаяся Улыбашка, на щеках которой от хмеля цвели красные пятна. — Я вот хотела тебя спросить про твой меч.

— Меч? — удивленно вскинула брови Рада.

— Да, — кивнула гномиха. — Разрешишь посмотреть на него? Он довольно любопытный.

Рада заколебалась, обернувшись в сторону лестницы. Лиара, накинув на голову капюшон, быстро поднималась по ступеням, но за ней следом никто не шел. Не обидят,

подумалось Раде, и она вновь уселась к столу, отстегивая от пояса ножны с клинком, которым разжила в поместье Гелата.

Улыбашка приняла из ее рук ножны и осторожно извлекла из них клинок, поворачивая его так, чтобы свет от укрепленной под потолком масляной лампы падал прямо на сталь. Лезвие хищно блеснуло в ответ острым краем, вдоль которого плыли красивые закалочные узоры с проступающей игрой структур. В полутемном помещении меч казался темнее, чем был на самом деле.

— Говорю тебе: он эльфийский, — Алеор с видом знатока засунул в рот чубук трубки и откинулся на спинку стула, из-под полуприщуренных век покровительственно разглядывая Улыбашку. — Посмотри на форму лезвия, на то, как выполнена спинка. Это техника, характерная для мастеров южной школы, той, что ближе к Ильтонии.

— Да ни бхары подобной! — широко улыбнулась гномиха. Аккуратно вытянув скрепляющие шпильки, она позволила деревянной рукояти, обмотанной кожаным шнуром, соскочить прочь с хвостовика и присвистнула: — Ну ничего себе! Вот это да! — и сунула его под нос Ренону. — А теперь смотри и плачь, любитель белок. Вот марка мастера Рудного Стяга из Нижних Пещер. Это меч гномьей работы, сделанный под эльфийские клинки.

Алеор нахмурился, подаваясь вперед и разглядывая длинный хвостовик. Раде тоже было любопытно, и она склонилась над потемневшей, проржавевшей от старости сталью. На ней четко виднелись узоры насечки, накладывающейся друг на друга, а снизу — крохотное изображение двух молотов, между которыми расположился маленький круглый глаз.

— Вполне возможно, ты и права, — недовольно проворчал эльф.

— Я совершенно точно права, — удовлетворенно кивнула Улыбашка. — И я даже скажу больше. Это не просто меч, Рада, — она с настоящей нежностью провела широкой шершавой ладонью вдоль всего клинка. — Это — очень редкая вещь, выполненная на заказ, и возможно даже, зачарованная. Мне нужно будет еще некоторое время, чтобы осмотреть его и окончательно убедиться, но уже сейчас я думаю, что у этого меча есть определенная сила, и она не только в том, что он будет дольше держать заточку и не потребует дополнительной полировки.

— Сила какого рода? — с интересом прищурилась Рада. Она и думать не думала, что случайно прихваченная ей в поместье Гелата вещь может оказаться настолько редкой. Обычно, изделия гномьих мастеров крайне редко выходили в наземный мир и стоили баснословных денег, выполняясь только под заказ конкретного человека.

— Не знаю, — Улыбашка внимательно вглядывалась в структуры стали, будто видела там что-то, невидимое для всех остальных. — Мне нужно будет посмотреть его хорошенько, и потом я скажу тебе.

— Ладно, — кивнула Рада, поднимаясь от стола. — В таком случае, я оставлю его тебе на время. А сейчас извините уж, но сил у меня нет, пойду посплю.

— Давай, — кивнул Алеор. — Мы скоро придем.

Улыбашка даже ничего не ответила, уткнувшись носом в сталь и не обращая внимания ни на что больше. Казалось, что теперь на всем свете для нее существовал только этот меч.

Поднимаясь по рассохшимся ступеням лестницы, Рада зевала до хруста в челюстях. Она слишком давно уже не ела нормально, а от горячей воды и теплого воздуха в общей зале тело расслабилось окончательно, и ее потянуло в сон. Кое-как отыскав дверь в выделенную им комнатку, она постучалась и вошла, когда тихий голос искорки с той стороны ответил «войдите!».

В комнате была всего одна узкая кровать у стены и крохотный деревянный столик под окном, на котором горел утопающий в лужице воска фитилек свечи. На кровати, прислонившись спиной к стене и скрестив под собой ноги, сидела Лиара и расчесывала свои кучеряшки маленьким гребнем. Свет свечи так мягко лег на ее теплую кожу, что на миг сердце в груди вновь перехватило, и ноги под Радой предательски дрогнули. Проклятье, Рада! Знахарь! Иначе ты вообще развалишься!

— Спать хочу, сейчас умру, — сообщила Рада, вновь зевая и прикрывая рот рукой.

Тяжело опустившись на край кровати, она с наслаждением стянула с себя сапоги и штаны, которые каким-то чудом умудрился достать у хозяина гостиницы Алеор. Почему-то было очень сложно оборачиваться, и Раде казалось, что она почти что физически чувствует взгляд Лиары, что скользит по ее спине, закрытой простой белой рубахой. Предательски запутавшись в длинных штанинах и кое-как забравшись под одеяло, она отвернулась спиной от подвинувшейся, чтобы не мешать ей, Лиары и буркнула:

— Добрых снов тебе, искорка! Отдохни хорошо.

— И тебе, Рада, — тихо отозвалась девушка.

Рада честно закрыла глаза, но теперь сон почему-то не шел. Тело стало каким-то слишком чувствительным, и она почти что порами кожи ощущала всего в нескольких сантиметрах от себя колено Лиары. А еще стало очень горячо, почти так же, как в смутном воспоминании о зеленоглазой болотной ведьме. Что ж эта тварь-то сделала со мной, что я теперь все время так реагирую на всех? Ладно, положим, не на всех, только на искорку, но это дела не меняет. Может, все-таки лучше будет пойти к жрецу, а не к знахарю?

— Рада? — от тихого голоса за спиной она вздрогнула всем телом и выругала себя за это последними словами. Горло сжалось от горячих волн жара, поднимающихся снизу вверх по телу, но она постаралась ответить как можно более спокойно:

— Что?

— А это твое настоящее имя? Радаэль?

Стало еще жарче, потому что на память пришли сорвавшиеся с губ слова про нареченную. Грозар, что же со мной творится? И когда эта стыдобища закончится?

— Да, искорка, — тщательно следя за голосом, сообщила она.

— Очень красивое, — тихо прошептала Лиара.

Теперь я точно не засну, мрачно подумала Рада, чувствуя, как с силой молотит в ребра сердце, а в спине вновь загорается странный жар, появившийся после битвы со Стражем Болот. Прикрыв глаза, она сосредоточилась на собственном дыхании, что всегда помогало засыпать даже в самых тяжелых походных условиях. Однако, вместо него она слышала лишь тихое шуршание гребня по пружинистым куделькам, мягким, будто пряжа, в которые до безумия хотелось запустить пальцы.

===== Глава 32. Ветер степей =====

Осень разливалась над бескрайней степью, словно щедрые боги из громадного небесного ковша плеснули в мир разноцветных красок. И хоть она была совсем непривычной для Лиары, сердце все равно постоянно щемило от окружающей ее задумчивой тишины и тихой грусти засыпающей земли.

Ранние утра несли с собой легкий морозец и чистый-чистый воздух, такой прозрачный, что, казалось, и само ее тело сейчас растворится в нем без остатка. Порой она украдкой даже поднимала ладонь и смотрела сквозь нее на солнце, отчего кожа окрашивалась в нежно-розовый, персиковый цвет, а сама рука словно расплывалась, топилась в последних лучах

осеннего светила, какого-то отдаленного, стилого, засыпающего за далеким краем степей. Замерли в молчании сухие травы, прислушиваясь к тихой колыбельной мира, чутко и умиротворенно щекоча пушистыми былками брюхо высокого прозрачного неба. Земля смерзалась в комочки сухой пыли, которые крошились под подошвами сапог и конскими копытами с тихим шуршанием. В воздухе пахло севером, холодом и еще чем-то пронзительно тревожным, и Лиара то и дело прикрывала глаза, вдыхая всем телом такой знакомый и при этом такой странно чужой запах осени.

Здесь не было разноцветных макушек кленов, не было тающих в голубой дымке прозрачных кучеряшек берез, не было высоких, по осени особенно резко пушистых сосен. Как и поросших мхом лесных прогалин, где так густо и сильно пахнет грибами, сыростью, прелыми листьями. Не шумел ветер, не играл последней золотой листвой, закручивая ее в танцующие водовороты и гоня по-над землей куда-то, куда ему одному, чудачку, того хотелось. Здесь были лишь бескрайние травы и еще более бесконечное небо, растянутое над ними из конца в конец, перечеркнутое высокими белыми росчерками облаков, похожих на длинные тонкие перья, или рваными тревожными тучами, что так быстро скользили на запад, скрывая колючие глазки звезд, то и дело проглядывающих между ними. И Лиара чувствовала себя одинокой и легкой посреди этой полной ветра пустоты, маленькой фигуркой на огромной ладони Бога, которую он поднимал к бесконечным звездным тропам и тихому мерцающему свету его же собственных глаз.

Она закрывала глаза, отдаваясь этому чувству, растворяясь в нем целиком, и пальцы сами скользили по струнам арфы, словно кто-то мягко брал ее ладошки в свои и водил ими без конца над инструментом, прислушиваясь к мелодии, что жила в его сердце. Ей так хотелось заплести в тихий перезвон арфы утренний холодок и первый колкий ледок на схватившихся с ночи лужах, весь покрытый маленькими белыми пузырьками застывшей воды, шуршание высохших трав, молчаливо тоскующих по разноцветной пляске бабочек, шмелей и пчел, по их песне и гудению. Ей так хотелось, чтобы сквозь золотую мелодию проплывали на юг длинные косяки диких птиц, чтобы рыжие закаты косыми лучами ложились на струны, и чтобы в этой музыке дышал ветер.

Здесь он был властелином и хозяином, здесь начинались его просторы. Могучими потоками он привольно взмывал к небу, надувал его огромную грудь и дыханием падал вниз, заполняя собой все: густую гриву коня Алеора, алый плащ Улыбашки, пахнущие летом соломенные волосы Рады и саму Лиару, всю ее, до самого донышка. И в этом ветре был запах, незнакомый ей: тонкий-тонкий горьковато-солончатый вкус, от которого становилось сладко-тянуще, и сердце рвалось и рвалось вперед, на север, к бескрайним холодным волнам, вздувшимся в преддверии сезона Штормов.

Лиара никогда не видела моря, но всегда мечтала о нем. И не о том, тепло-лазоревом, плавленом будто золото от тихой нежности купающегося в нем солнца, а о другом, сером, стальном и холодном, мощном, как само время, грозном, как песня войны, вечном. Море, над которым плакали чайки, о зубастые скалы которого бились в исступленной ярости волны, море камня и соли с запахом водорослей и трав, с покрытыми лишайниками островами разбившихся кораблей, с обточенной вечностью галькой. Море, которым пахло сейчас в воздухе, хоть Лиара никогда и не слышала раньше этого запаха и не могла знать, какой он.

Это — самая красивая, самая настоящая и волшебная осень из всех, что были в моей жизни. Лиара вдохнула ее всей грудью, чувствуя, как растекается ветер по каждой клеточке

ее тела, и прохладное прикосновение будущих холодов стягивает кожу. Этой осенью она нашла то, чего никогда прежде не знала, но искала так чисто, так искренне, так тревожно, искала, не зная, что же она хотела найти. Она нашла степь, над которой плясали ветра, море, пахнущее солью, небо, которому не было края, песню, от которой сжималось сердце. И Раду. Боги милостивые, она наконец-то нашла ее!

Все глупости, что наполняли ее пустую голову, щедрой рукой выгреб осенний ветер и со звонким смехом разметал над засыпающей равнодушной степью. И осталось лишь одно: любовь. Любовь распустилась цветком невиданной красоты, с лепестками, на которых дрожали прозрачные, напоенные солнцем капли росы, цвета первого рассвета, запаха ее волос. Любовь изменила все, буквально весь мир преобразился, когда она пришла, поступью могучей Женщины с глазами-пламенниками. И Лиара встретила ее напуганная, чистая и совершенно искренняя, раскинув руки ей навстречу, распахнув ей свою грудь и позволив наполнить ее всю одним единственным именем: Рада.

Любовь обнимала ее за плечи с величайшей бережностью поворачивала ее голову туда, где была Рада. И Лиара украдкой смотрела на нее, замерев в абсолютной тишине, широко открытыми глазами пытаюсь охватить ее всю и спрятать на дне своих зрачков, пытаюсь напиться ей, надышаться, наглядеться. И все никак не могла.

Рада была как северный ветер: бесстрашная, бесшабашная, смеющаяся и резкая, но при этом надежная, как скала. Она была холодная, как полное ледяных брызг море, с просоленными волосами и запахом бесконечного неба. Она была теплой, как лучи первого рассветного солнца после долгой страшной ночи, как пылающие рыжим огнем закатные облака, как песня жаворонка высоко-высоко, в бескрайнем холодном небе. Рада была живой, словно ртуть, вечно изменчивой, вечно иной, и древней, как эта степь. И Лиара задыхалась, не в силах произнести ни звука, когда смотрела в ее бездонные синие глаза, в которых отражалось небо.

Вот и сейчас она ехала чуть впереди, придерживая поводья Злыдня и то и дело отбрасывая кивком головы со лба непослушные соломенные волосы, уже успевшие отрасти так, чтобы лезть в глаза. И Лиара любовалась тем, как солнечные лучи играли в догонялки на ее теплых золотых прядях, как ветер гладил невидимыми ладонями ее лицо, заставляя щуриться. И тогда теплые сеточки морщинок разбегались в уголках ее глаз, и Лиаре хотелось целовать каждую из них, прижимаясь губами к теплой коже и шепча ее имя, самое красивое, самое дорогое имя на свете.

Теперь она смотрела на нее иначе, и Лиаре не нужно было никаких слов, чтобы видеть это. Взгляд Рады задерживался на ней все дольше, и в нем первым яблоневым цветом цвела нежность, а со дна ночных колодцев ее зрачков, в которых тонули звезды, вверх поднималось золото, и Лиаре казалось, что все ее лицо излучает свет, будто прямо сквозь нее на мир смотрела, улыбаясь, та Огненноглазая Женщина. И когда они молча смотрели друг на друга, ни говоря ни слова, что-то рождалось между ними, тонкое, будто первое дыхание весны, нежное, как вкус спелой земляники.

Великая Мать, что сплела наши дороги, я никогда не перестану благодарить тебя за то, что ты подарила мне. И неважно, что будет дальше, неважно, что случится, это не имеет значения. Ты дала мне самое истинное, самое искреннее, самое настоящее из всего, что когда-либо знал этот мир, и это бесценное сокровище я сберегу на дне своей души и не дам ни ветрам, ни злу, ни печали этого коснуться. А ты, Великая Мать, забирай меня всю, потому что дар твой бесценен, и за него — я в полной твоей власти. И мне не нужно ничего

для себя, ибо ты дала мне гораздо больше, одарила полной долей, и за этот дар я могу лишь преклониться у твоих стоп и предложить все, что у меня есть, — меня.

Лиара твердила это днем и ночью, вдыхая ветер степей и глядя на Раду, и что-то начинало меняться. словно весь привычный мир вокруг нее очищался, становился иным, искренним, свежим, будто раннее утро, полным настоящей силы, настоящей жизни. А на плечи легли чьи-то мягкие ладони, и словно кто-то без конца улыбался прямо за ее плечом, такой надежный, такой долгожданный, такой молодой. Порой Лиара даже оборачивалась через плечо, ожидая увидеть эту улыбку и взгляд почему-то казавшихся ей обязательно серебристыми глаз. Но там не было никого, лишь бесконечная нежность, мягкая забота, теплый покой в больших мозолистых ладонях, в которых она сворачивалась маленьким птенчиком, не заботящимся больше ни о чем. И почему-то каждый раз эти ладони напоминали ей одно — Раду.

Лиара тихо улыбнулась, ощущая, как плавится и течет в груди золото. Она сама даже не заметила как, но в груди, прямо между ребер, чуть правее сердца, образовался маленький золотой клубочек, словно свернувшийся колечком пушистый мурчащий котенок. Клубочек был мягким и теплым, он грел ее в темные ночи, он заставлял ее задыхаться от нежности и силы, сводящей с ума мощи и тихой слабости полного отречения, он звенел и звенел без конца, словно второе сердце, под взглядом Рады отогреваясь и расцветая, как первая проклюнувшаяся почка. Иногда Лиаре казалось, что если она закроет глаза и полностью отдастся этому, то прямо из ее груди вырастет тысячелистый белоснежный цветок, распустившись навстречу солнцу, и тогда больше не будет ее, только эта бесконечная нежная красота, дрожащая на самом краешке прозрачных теплых лепестков.

Пальцы сами перебирали струны арфы, а золото в груди поднималось волной, мешая дышать. В какой-то момент это стало невыносимо тяжело, и в груди словно что-то лопнуло, полилось рекой наружу, все сильнее, сильнее...

Сплетаются нити в великом узоре
Кому-то на счастье, кому-то на горе.
Отняв и вернув десятикратно взамен,
Бушуют над миром ветра перемен.

Это был ее голос, и не ее при этом. Золото текло сквозь нее рекой, и Лиара закрыла глаза, позволяя ему полностью забрать ее себе. Слова катились сквозь голову, как капает капель с длинной прозрачной сосульки, как с шуршанием опадают зеленые иголки с пушистых летних сосен под ветром, как тихонько шумит себе по широким листьям кленов дождь. Слова лились с ее губ, вплетаясь в музыку, срастаясь с ней, становясь одним живым, густым, объемным целым.

Над пиками гор, над бескрайней равниной,
Над пеной морской и рычащей стремниной,
В лучах победившего полночь утра
Несутся победною песней ветра.

Она пела и видела, как спутники одни за другим поворачиваются к ней, придерживая своих лошадей. Лицо Алеора вытянулось, а глаза стали тревожными, ищущими, пристальными. Улыбашка просто открыла рот, без единой мысли глядя на нее. А Рада...

Рада смотрела иначе, не на нее, а в нее, и Лиаре казалось, что она видит, как в ее груди распускается этот цветок. И это было правильно, это было верно, чисто, искренне, по-настоящему. Взгляд Рады проникал прямо в ее грудь, сквозь ткань, мясо и кости, сквозь

пылающее сердце, прямо в ослепительный золотой комочек, пульсирующий одним единственным словом: Любовь. И Лиара улыбнулась ей, чувствуя себя так, словно сама стала этой Любовью, этими руками, распахнутыми ей навстречу.

В их реве звучит непреложная воля,
Извечный закон человеческой доли:
Поднять к равнодушному небу глаза
И встретить судьбу, что пошлют небеса.
И тем, кто согласен стоять до конца,
Кто прочь от борьбы не воротит лица,
Кто взвалит на плечи груз горя и бед
Однажды ветра принесут свой ответ.
Он будет победною пляской знамен,
Сверкающей искрой из толщи времен,
Великой Загадкой, укрытой меж звезд,
Ответ на которую сказочно прост:
С бескрайних просторов межзвездных пустынь,
Пронзая небес молчаливую синь,
Ломая извечные цепи оков,
На мир изможденный прольется Любовь.

Лиара замолчала, чувствуя опустошение. Огромную слабость, великое счастье, почти что льющее слезами по щекам из глаз и спокойное согласие. Что-то иное сейчас пришло к ней, то, чего никогда еще не было. И песня эта была не ее: кто-то другой тихо спел ей прямо в раскрытое нараспашку сердце, а она лишь повторила за ним ровно настолько хорошо, насколько могла. И ей казалось, что за этими словами, запеленутое в них, словно младенец, лежало что-то важное, маленькая золотая семечка в тугом коконе из белоснежных лепестков, зернышко истины, готовое вот-вот прорасти. Оно было таким простым, таким правильным, таким легким, что Лиаре хотелось смеяться. Как будто все вопросы, которые она задавала в жизни, получили свой ответ, и этот ответ был известен всему ее телу, всей ее душе, но она никогда не смогла бы сказать, каков он был, и на какой вопрос был дан.

Ей стало смешно, и она тихонько засмеялась, когда арфа в последний раз звякнула, роняя последнюю золотую ноту в бесконечность. А потом открыла глаза, совершенно не стесняясь того, что ресницы у нее пушились от застывших на них слез.

Друзья смотрели на нее, все трое, и молчали, но сильнее всех — Рада. Ее лицо светилось такой силой, словно кто-то зажег громадное раскаленное солнце прямо на дне ее глаз, и в его лучах Лиаре было уютно и хорошо.

— Что это было? — тихо спросил Алеор, и в голосе его звучало благоговение. Лиара взглянула на него, улыбаясь и не заботясь о том, что слезы начали хрустальными капельками падать с ресниц на щеки. Она легко пожала плечами:

— Я не знаю. Я просила об этом, и оно пришло мне, сразу же, вот такое, одним целым. Так что я не знаю, что это.

— Ты просила у этой своей Великой Матери? — слегка нахмурился эльф. Однако, лицо его тоже при этом было светлым, словно зимнее утреннее небо, укрытое морозной дымкой.

— Да, — кивнула Лиара, смеясь от радости и смущенно утирая слезы. Плакать ей не хотелось, но влага на глазах выступила сама, словно ее вытопило это огромное солнце в груди.

— Клянусь Камнем, это было самое красивое, что мне вообще приходилось слышать в жизни, девочка! — выдохнула Улыбашка. Выглядела она так, словно готова была то ли сгрести Лиару в объятиях, то ли на колени перед ней упасть. — У тебя дар, девочка! Настоящий дар!

— Но это же не я! — снова засмеялась Лиара, чувствуя, что этот кто-то улыбочивый за ее плечом смеется вместе с ней. — Это просто пришло ко мне так, но я здесь совершенно ни при чем!

— Говори, что хочешь, — решительно покачала головой Улыбашка. — Кто бы там тебе что ни диктовал, но спела это ты, а не какой-нибудь блохастый ишак, так что и пряники тоже все получать тебе.

— Это очень похоже на предсказание, — задумчиво проговорил Алеор, потирая подбородок. Взгляд его не отрывался от Лиары, и в нем было глубочайшее потрясение и задумчивость. — Только вот в толк не возьму, что оно означает.

— Не знаю, — честно ответила Лиара, осторожно поглаживая кончиками пальцев самый краешек арфы. Сейчас инструмент казался особенно живым, и Лиаре хотелось со всей нежностью отблагодарить его за подаренную сказку и верную службу. — Чувство было очень сильное, очень звонкое, но что оно значит, я не знаю.

— Светлая ты зоренька, — вдруг сказала Улыбашка, глядя на нее как-то странно. А потом только махнула рукой и сморщилась, хмуро ворча и утирая запястьем глаза: — Проклятые древолюбы! Вот вечно вы глотку свою дерете так, что сил нет, вся душа навыворот просто! Взяла вот и разбередила все своими воплями! Проклятье!

— Ты плачешь что ли, Улыбашка? — пораженно воззрился на нее Алеор. — Ты?! Я думал, что даже если тебе Гончая в зад вцепится, ты и слезинки не проронишь!

— Пошел ты, беличий угодник! — заворчала Улыбашка, но голос у нее предательски дрожал, а глаза были повлажневшими. — Эта девочка — Светозарная, и все тут. Теперь я буду звать ее так, даже если она в жизни больше ни строчки не напишет. А ты, — Улыбашка повернулась к Лиаре и угрожающе ткнула ей в грудь пальцем: — только попробуй прекратить заниматься всем этим делом, творчеством твоим! Если я узнаю, что когда-нибудь, хоть когда-нибудь в своей жизни, ты попробуешь отложить в сторону арфу и заняться какой-нибудь ерундой, вроде выращивания репы или прядения разноцветных рубашечек для голодранцев, я найду тебя хоть на другой стороне мира и буду орать на тебя до тех пор, пока ты снова не заиграешь! Понятно тебе?

Голос ее сорвался на фальцет, Улыбашка резко закрыла лицо ладонями, продолжая зло ругаться и размазывая пятерней слезы по лицу.

— Э-ка, тебя пробило-то, — удивленно пробормотал эльф, неловко похлопывая ее по плечу.

Улыбашка в ответ принялась безбожно ругаться, костеря его почем зря и хрипло всхлипывая. А Лиара всем телом ощутила взгляд Рады и повернулась к ней. Та смотрела на нее всей собой, до самой последней капельки, и этот взгляд был лучшей наградой из всех, какие только можно было найти в мире. И в нем был ответ.

Надеюсь, ты услышала и поняла меня. Потому что сказать иначе я просто не смогу, не знаю, как. Поэтому прошу тебя, Рада, просто пойми меня. Мне больше не нужно ничего.

— Светозарная, — одними губами прошептала Рада, не сводя с нее открытого взгляда, и от этого Лиаре стало тепло, будто летний ветер зашекотал своим дыханием затылок.

Ей потребовалось еще несколько часов для того, чтобы переживание медленно

отступило прочь, свернувшись внутри нее все тот же бутон и уснув до времени. Слова песни и музыка, которую наигрывали пальцы, впились прямо в нее, в самое ее сердце, и Лиаре даже не нужно было записывать все это: она знала, что сможет сыграть «Ветер перемен» тогда, когда захочет. И слова придут, и музыка вспомнится, потому что иначе и быть не могло. Среброглазая улыбка за ее плечом тихонько грела шею, и Лиара знала, что ее никогда не оставят одну.

Постепенно интенсивность присутствия спала, и она вновь ощутила себя как обычно: спокойной, расслабленной, задумчивой. Ветра все так же танцевали вокруг, закручивая пыль в водовороты над старым разбитым дорожным полотном, и все так же тянулись степи, над которыми разноцветные простыни облаков выплетали свой узор. Только Лиары больше не было в каждой пылинке и каждом солнечном луче, и от этого внутри образовалась холодная пустота, донимающая постоянным стремлением к тому, чтобы вновь наполниться светом. С каждым днем она ощущала это стремление все острее, и без него существование казалось серым и безрадостным.

Путников на дороге становилось все больше. Мимо один за другим грохотали на юг караваны, влекомые тяжелыми крепконогими валитами, которых погоняли закутанные в темные плащи лонтронцы. Таких привычных вдоль дороги деревень, как в Мелонии, здесь не было. На обочине пылились лишь постоянные дворы, да оно было и понятно: в Лонтроне разводили лошадей, а не пахали землю, а потому и все города и селища располагались в глубине равнин, там, где травы стелились сплошным ковром, и было достаточно воды, чтобы пить лошадям и людям. В такой близости от Серой Топи с ее зловонным дыханием и вечным ощущением угрозы лонтронцам и их стадам делать было нечего.

Когда они остановились на обеденный привал в середине дня, просто съехав с обочины и позволив лошадям попасть на скудную, но все еще съедобной старой траве, Алеор, жуящий кусок вяленого мяса, нахмурившись, проговорил:

— Меня беспокоит кое-что.

— Что? — возрилась на него Улыбашка. К ней уже вернулось ее вечное скептическое настроение и брюзжание, однако, каждый раз, когда ее глаза обращались к Лиаре, в них вспыхивала какая-то странная, почти материнская нежность, так не вяжущаяся с ее грубым, обезображенным лицом. — Соскучился по белочкам? Или блоха в штанину пробралась?

— Я свои штаны на голову не надеваю, поэтому и паразиты в них не заводятся, — наставительно сообщил ей Алеор, отчего Улыбашка моментально потемнела, как туча. Не обратив на это внимания, он посерьезнел: — А беспокоит меня Свора. Вернее, ее отсутствие.

— Тебе же вроде бы полегчало? — недоверчиво глянула на него Рада. — И больше не нужно драться, чтобы держать Тваугебира. Так зачем тебе тогда Свора?

— Зайчик заскучал? — оскалилась Улыбашка. — Можешь снова сцепиться с Усмирителями, авось, поднимет настроение.

Алеор картинно закатил глаза, оглядел обеих с величайшим терпением и почти что по слогам произнес:

— А вам не кажется странным, что и Свора, и Птичник отвязались от нас? Просто взяли и больше не преследуют при том, с каким маниакальным упорством они делали это раньше? Уверяю вас, протащить Свору так далеко в Мелонию — большой риск, а Сети'Агон не стал бы попусту рисковать. Чего же тогда он не довел до конца свое намерение?

— Но ты же сам говорил, что он потерял наши следы после болот, — Рада нахмурилась,

настороженно поглядывая на него. — Вполне возможно, мы совсем от него отвязались и никогда больше не увидим.

— Не будь наивной, — криво усмехнулся эльф. — Если ты однажды привлек его внимание, ты уже от него никогда не избавишься. Это раз. Что же до остального, то в Лонтроне уже известно, что мы здесь. Усмирители, уж поверьте, передали эту весть по всем своим казармам, не говоря уже о торговцах, которых мы встречаем в пути. Лонтронцы только с виду молчаливые и необщительные, а точнее, только с приезжими и чужаками. Между собой они чешут языками еще почище каких-нибудь поварих или гостиничных служанок. Я больше чем уверен, что даже наместник Эсхилия уже знает, что я здесь.

— Но при чем здесь Сет? Не будут же они... — начала Рада, и Алеор прервал ее, всплеснув руками:

— А почему нет, Рада? У Сети'Агона тоже есть золото, и он тоже умеет покупать на него нужные сведения.

Лиара удивленно взглянула на эльфа. Вещи, которые он говорил, просто не укладывались в ее голове. Как и в Радиной, судя по ее сбитому с толку виду.

— Разве есть хоть один человек, который по собственной воле стал бы сотрудничать с Сети'Агоном, продавая ему сведения? — не веря в то, что говорит, спросила Лиара.

— Ну конечно есть, и даже не один, Светозарная! — усмехнулся Алеор, глядя на нее. В его устах это обращение звучало скорее насмешкой, чем чем-то нежным, как у Улыбашки. — Как, ты думаешь, он всегда в курсе всего, что происходит в Этлане? Как он составляет свои планы атак, как находит самый удобный момент, чтобы ударить? Золото не пахнет, на него всегда можно купить женщину, набить брюхо и даже построить дом. И охотники до того, чтобы легко сорвать куш, найдутся всегда и везде.

— Но ведь это же... — Лиара даже задохнулась от возмущения. — Это же Сети'Агон. Это Враг, с которым все народы Этлана сражаются уже семь тысяч лет! Как можно продавать ему хоть какие-то сведения?! Да я бы и под пыткой молчала, что бы они со мной не делали!

— Ты просто никогда не была под пыткой, девочка, — Алеор взглянул на нее. Глаза у него были тяжелые, но тон он постарался смягчить настолько, насколько мог. — К тому же, не все же они, высунув язык, старательно пишут письма в Остол Горгот! Да и тот, кто будет тебя расспрашивать о делах в мире, не всегда переодетый человеком дермак. Просто трактирщики всегда любят поболтать, как и шлюхи, как и торговцы. Всем нравится чесать языками, и всегда есть уши, которые особенно внимательно прислушиваются ко всему сказанному. И люди, которые потом собирают эти данные и передают туда, куда нужно. — Видимо, что-то отразилось на лице Лиары, потому что Алеор вскинул руку, прерывая готовый сорваться с ее языка поток слов и поясняя: — Я не говорю, что так делает каждый. Но ты — девочка не маленькая, и должна знать, что осведомители есть в каждой стране у каждого правителя, у церкви, у многих дворян познатнее, у торговцев, одним словом, у всех, чье благосостояние так или иначе зависит от состояния дел в мире. И кто из этих осведомителей работает на богача, а кто — на Сета, одним богам известно. А в нашем случае достаточно просто посмотреть на меня, даже слухов собирать не нужно. И все сразу становится понятно.

— Ты не таишься, потому что хочешь снова нарваться на драку? — в голосе Рады появилась горечь. — Чтобы невинные люди вновь платили за то, что мы ночуем с ними под одной крышей?

— Невинных людей не бывает, Рада, — взглянул на нее Алеор. — Как и виноватых. Они просто люди и все, со всеми слабостями и силами, присущими этой расе. Как и любые другие представители любых рас. А что касается того, почему я не таюсь, так какой в этом смысл? Уже полторы тысячи лет я езжу по дорогам этого мира и бьюсь с Сети'Агоном любыми средствами, которые только есть в моем распоряжении. За это время он успел изучить меня и мои повадки достаточно, чтобы почувствовать, когда я только подъезжаю к тому или иному городу. Мне нечего таиться, потому что я всегда готов принять бой, неважно где, когда и как. И тебе стоило бы делать то же самое, а не пытаться улизнуть из-под его взгляда. У тебя все равно этого уже никогда не получится, так что просто прими это и найди в этом силу.

Рада прищурилась и заморгала, словно собиралась резко ответить эльфу, но потом сдержалась и отвела глаза. А Лиара подумала о том, что в большинстве ситуаций Алеор действительно говорил правду, чистую и неприкрытую правду, и именно поэтому он так и не нравился людям. Он не юлил, не врал и ничего не боялся, и это-то и отталкивало от него всех остальных. Другое дело, что даже эта его правда — лишь один из возможных способов смотреть на вещи. Пусть и более искренний и смелый из всех, но лишь один.

Мысль эта была странной, но додумывать ее сейчас у Лиары не было времени. Она не чувствовала страха, тревоги или напряжения, которые сигнализировали бы о том, что Свора близко, однако теперь стало как-то душнее, словно воздух вокруг нее сгустился, перехватив горло, стянув кожу невидимой сетью. Если любой мог следить за ними и передавать данные Сету, то тогда они действительно больше не были в безопасности нигде и никогда. Наверное, так всегда случается, когда ты начинаешь бороться. Как если однажды ты берешь в руки оружие, все остальные сразу же начинают видеть в тебе угрозу, даже если ты и не умеешь им пользоваться. Так и здесь. Мы воспротивились Сету один раз, и теперь уже никогда не избавимся от него.

Словно вторя ее мыслям, Алеор заключил:

— Таким образом, раз здесь нет Своры, за нами следят. Так что будьте осторожны в Алькаранке, поменьше болтайте, держитесь поближе ко мне и подмечайте любые странности, что происходят вокруг вас. Потому что каждая из них может означать нападение.

— Проклятье, тут еще вопрос, где безопаснее: с тобой или вдали от тебя, — невесело усмехнулась Улыбашка. — Пока я с вами не связалась, Сет за мной не следил.

— А теперь следит, — отрезал эльф. — Так что не делай глупостей. Я надеюсь, что мы быстро закончим со всеми этими делами, заберем Кая, и уже послезавтра отплывем на запад. Возможно, этого времени будет достаточно, чтобы проскочить Алькаранк без столкновений.

— Послезавтра? — удивленно вскинула брови Рада. — Но мы же даже не вошли в город!

— Скоро войдем, — спокойно отозвался Алеор. — Думаю, мы будем там к вечеру.

Так и случилось. Количество людей на дороге все увеличивалось, а вскоре и вовсе образовалась настоящая вереница из повозок и караванов, которые медленно тянулись в обе стороны по неширокой дороге. Алеор приказал съехать с нее прочь и поехал прямо по замерзшей степи, выигрывая время, пока они объезжали затор. И тогда-то на горизонте и показался Алькаранк.

Лиара много читала об этом городе и всегда мечтала его увидеть, хоть и не думала, что

сделать это получится у нее так скоро. Алькаранк был одним из самых первых городов, заложенных на землях Срединного Этлана, когда эльфы и потомки Первых Людей Северного Материка начали переселяться сюда, где и климат был мягче, и природа богаче. Говорили, что он стоит в этой бухте уже десятки тысячелетий, и если внимательно смотреть, то среди разномастных городских строений можно найти дома, видевшие самого Ирантира.

Располагался город в большой полукруглой бухте, глубоко вдающейся в береговую линию, где волны смиряли прибрежные скалы, не давая им свирепствовать так же, как у северного побережья Мелонии. Буквально в каком-то километре к северу проходило теплое течение, не дающее бухте смерзаться даже зимой, и именно поэтому судоходство здесь не прерывалось круглый год. Дальше течение сворачивало на север, далеко обходя Северные Провинции, которые уже через несколько недель после наступления сезона Штормов сковывали льды. Благодаря этому, Алькаранк был единственной незамерзающей точкой северного побережья Этлана Срединного, а потому и вызывал бесконечные раздоры между человеческими государствами, желающими обладать всеми его богатствами и контролировать торговлю.

История уже и не помнила, сколько раз он переходил из рук в руки, и во времена империи Короля Солнце, когда контроль над ним попеременно захватывали удельные правители, и позже, когда империя распалась, а незамерзающий порт стал камнем преткновения интересов Лонтрона и Мелонии. С одной стороны, были мелонцы, не имеющие собственного флота из-за промерзающего побережья и вечно мятежных Северных провинций, однако Алькаранк располагался именно с восточной стороны Серой Топи, и потому они претендовали на него по территориальному праву. С другой стороны, были лонтронцы, которые занимались, в основном, разведением лошадей, и морская торговля, на первый взгляд, и вовсе не должна была их интересовать, однако у них была возможность в случае нападения подтянуть войска к Алькаранку гораздо быстрее, чем у той же Мелонии.

В конце концов, после череды кровопролитных столкновений и бесконечного вихляния из стороны в сторону, жители Алькаранка провозгласили независимость, опираясь на морской флот, и попытались освободиться от вечных претензий двух крупных государств-соседей. Однако толку горожанам от флота было немного: войска просто не могли сражаться, когда все сторонники независимости вскарабкались на корабли, размахивая оружием с их бортов, а захватчики даже не могли вступить с ними в открытое столкновение, потому что флота не имели. Закончилось все тем, что Мелония с Лонтроном договорились о разделении всего города на три сферы влияния: одна доставалась Лонтрону, вторая Мелонии, а третья — горожанам Алькаранка, и только последние имели право на беспощинную покупку товаров у приплывающих торговцев с последующей перепродажей их мелонским и лонтронским купцам. Такое хрупкое положение дел сохранялось последние несколько столетий, хоть попеременно то одна, то другая сторона пыталась саботировать соглашения и перетянуть одеяло на свою сторону. Тогда две другие объединялись и рвали на себя до тех пор, пока тоже не переругивались вдрызг. В итоге, Алькаранк постоянно кипел, напоминая больше змеиное гнездо, чем город, а жители его именовали себя поморами, но никак не иначе, намекая на полную свою независимость от могучих соседей.

Чем ближе путники подъезжали к городу, тем любопытнее становилось Лиаре. Алькаранк был окружен приземистой широкой крепостной стеной, укрепленной по всему периметру высокими квадратными башнями, над которыми полоскались знамена: рыже-черное Мелонии, зелено-желтое с серебристым конем в центре — Лонтрона, и ярко-голубое

с ослепительно-белыми звездами — самого города Алькаранка. Отсюда пока еще этого видно не было, но она знала, что город расположился на громадной скале у самого берега, медленно сползая вниз по ее склону к песчаной полукруглой бухте, в которой и стояли корабли. С востока и запада от него поднимались два огромных маяка, два шпиля, буквально прорывающие насквозь облака, которых называли Очами, и в темное время суток и непогоду они направляли суда прямо в безопасную бухту. Сейчас Очи не горели, но их высота поражала: каждый из них был как минимум раз в десять выше крепостной стены, а если учитывать высоту фьорда, на котором стоял город, то с моря эти маяки должны были казаться едва ли не звездами или еще двумя лунами, повисшими под самыми облаками. Говорили, что Очи построили эльфы, первыми ступившие на этот берег, еще за три тысячи лет до начала Первой Войны с Кроном. В таком случае, им должно было быть как минимум десять тысяч лет, и если это было правдой, то Лиаре оставалось только гадать, почему они до сих пор не развалились в труху от бесконечных ветров, что точили даже камень.

При въезде в город им пришлось трудновато: таких хитрых, как Алеор, кто хотел пробраться в город без очереди в обход караванов, оказалось достаточно много, и все они торчали прямо под крепостной стеной, толкаясь, переругиваясь и шумя. Широкие дубовые ворота города были распахнуты настежь, а въездная решетка поднята, и несколько солдат в синей, расшитой белыми звездами форме изо всех сил надрывались, пытаясь переорать толпу и хоть как-то регулировать движение. Махнув спутницам, Алеор почти что силой втиснулся в узкий проход под стеной, и Лиара юркнула следом за ним, пристроившись прямо за черным хвостом его мышастого жеребца. Звездочка занервничала под темной сырой аркой прохода, вскидывая голову и кося глазом, да и было отчего. Гомон и шум здесь стояли просто невыносимые, и его лишь усиливало отскакивающее от каменных стен эхо.

Она вздохнула свободно лишь тогда, когда выехала на другой стороне стены, где было уже не так шумно. Но в лицо сразу же ударила вонь большого густонаселенного города, и от спертости воздуха пережало грудь. Впрочем, теперь уже Лиара не так боялась больших городов, как раньше.

Выбравшись из толчеи на площади перед воротами, Алеор отвел коня в сторону и дождался остальных путников. Позади них осталась крикливая толпа, отчаянно сражающаяся за возможность преодолеть крепостную стену: ревущие животные, кричащие погонщики, отчаянно переругивающиеся торговцы и солдаты.

— Едем по центральной улице, никуда не сворачивая, — приказал Алеор, оглядывая их всех. — Нам нужна гостиница «Звезда севера», так что как только увидите вывеску, сразу же сворачивайте туда. Там мы отдохнем и встретим Кая. Если кто-то из вас в толпе потеряется, запомните это название и спросите, как добраться туда. Вам все объяснят.

— Ты же сказал, что мы поедem по центральной улице? — нахмурилась Рада. — Как мы тогда можем потеряться?

— Сейчас поймешь, — сумрачно кивнул эльф и развернул коня, направляясь в город.

Стараясь держаться как можно ближе к Раде, Лиара изо всех сил вертела головой по сторонам. Алькаранк не был похож ни на один город, который она видела в жизни, и теперь она понимала, почему так много лет он оставался независимым и вольным, а все захватчики ничего не могли поделать с его крепостной стеной и бурным характером.

То, что Алеор назвал центральной улицей, никоим образом на нее не походило. Город-порт застраивался все эти годы хаотично и очень бурно, ровно так, как взбредало в голову его жителям, без какого-либо видимого плана или логики. Дома лепились друг к другу почти

что под невозможными углами, надстраивались вверх до тех пор, пока только было возможно, а на их плоских крышах разбивались зеленые огородики, где жители выращивали для себя овощи. Многие постройки были широкими и просторными, в то время, как буквально в щели между ними втискивались узкие и тонкие дома, в которых с виду и жить-то было невозможно из-за ширины в полтора метра. Одни дома казались очень старыми, были сложены из громадных гранитных блоков, поросших плесенью и истертых ветрами, стыки между которыми промазывались укрепляющим раствором столько раз, что дома превратились в монолитные комки, больше похожие на глинобитные мазанки. Другие были новостроем, сложенным из кирпича или камня, или даже из досок и бревен, смотрящихся так, словно представляли собой на самом деле остатки разбившихся кораблей, которые море выбросило на берег, а люди подобрали и кое-как собрали из них стены.

Узкие улицы пересекались под всевозможными углами, и некоторые были такими крохотными, что пройти в них можно было только боком, едва не застревая между лепящимися друг к другу домами. Прямо над головами прохожих висели веревки, на которых сушилось белье, какие-то тряпки, бумажные фонарики и даже запутавшиеся детские ветряные змеи, которых никто не потрудился снять и выбросить. А под ногами кишело грязное месиво из отбросов, которые горожане выплескивали прямо из окон, и кто-то то и дело принимался отчаянно орать, ругаться и грозить вверх кулаками, когда за миг до этого на его голову обрушивалось ведро с помоями. Наверное, именно поэтому горожане были одеты странно и непривычно для Лиары: в высокие сапоги, достигающие почти что до бедра, и широкополые шляпы, изукрашенные всевозможными перьями, сушеными цветами, веточками и прочей разномастной ерундой. Плащей ни на ком не было, в отличие от той же Мелонии, только куртки с воротниками-стойкой под самое горло и узкими рукавами.

Здесь царил шум, гам, крик, вонь, хохот и музыка, и у Лиары моментально закружилась голова. Толпа казалась одним единым организмом, который прямо на ходу отчаянно торговался друг с другом, танцевал, обворовывал и переругивался. Босоногие грязные попрошайки липли к Звездочке Лиары, хватая ее за края плаща и протягивая грязные ладошки. Их отталкивали прочь торговцы с полными пирожков фанерными ящиками, которые они носили на длинных лентах подвешенными к груди. Откуда-то справа показался язык пламени, и Лиара резко обернулась туда. Полуголый мужчина в одних штанах с выкрашенным черной краской лицом тушил об язык раскаленные головни и выдыхал наружу изо рта клубы пламени.

Ее едва не окатили из окна какой-то вонючей жижей, и она еле-еле успела отвести прочь коня. Какой-то босяк с бегающими глазами попытался срезать ее седельную суму, и ей пришлось рявкнуть на него, пока он не убрался прочь. Вонь, грохот и яркие краски почти забили ей уши, нос и глаза, и Лиара растерялась, чувствуя себя совсем ни на что не годной и до смерти перепуганной.

— Иди-ка сюда, искорка, — теплая рука Рады, подъехавшей вплотную, перехватила поводья ее лошади, и Лиара смиренно отпустила их, принимая помощь. — Я поведу тебя, чтобы не потерять в толпе.

Лиара только сжалась в седле, перепугано оглядываясь по сторонам и не понимая, как можно жить в городе, который вот так кипит день за днем, все время без перерыва. Он совершенно не походил на Латр или Онер, или даже на любой другой город мира. Это был настоящий разворошенный улей с запахом помоев и дорогих специй, смешивающихся в одно целое.

Она поняла только, что дорога, постоянно петляя и закручиваясь, спускается вниз по прорубленному в утесе склону. Дома вокруг стояли совсем странно, как будто под углом, тоже спускаясь по горе, и от этого у нее кружилась голова, и создавалось ощущение нереальности происходящего. А еще в воздухе остро пахло морем, и Лиара далеко вытягивала шею, ловя крепкий запах соли и рыбы, такой незнакомый и непривычный.

— Все, — наконец выдохнула рядом Рада. — Приехали, искорка. Все хорошо.

Совершенно очумевшая Лиара повернула голову на голос и увидела перед глазами вывеску, на которой большими буквами было намалевано: «Звезда севера».

===== Глава 33. Правда =====

«Звезда севера» кардинально отличалась от всех заведений, в которых доводилось бывать Раде, и поняла она это сразу же, едва переступив порог. Позади за закрывшейся дверью остался шумный Алькаранк, пестрящий цветами, запахами, гудящий от звуков, набитый людьми словно бочка сельдью. Рада лучшие годы своей жизни провела в Северных Провинциях, где постоянно шумели и дрались пираты, шлюхи и наемники, но даже для нее город показался чересчур громким. Что уж говорить об искорке, которая вся сжалась в комочек и льнула к ней, держась за рукав ее куртки и перепуганно поглядывая по сторонам огромными как у олененка глазами. И теперь, как только они шагнули внутрь «Звезды севера», весь гам и шум буквально исчез, как и не было.

В заведении царил тишина, нарушаемая лишь негромким тиканьем настенных часов и приглушенными разговорами немногочисленных посетителей. Через окна, забранные решетчатыми ставнями, внутрь поступал свет, но его явно не хватало, а потому под потолком горели большие подвешенные на цепях приплюснутые масляные лампы. Выложенные ровными лакированными досками полы были чисто выметены, а столики отделены друг от друга деревянными решетчатыми перегородками. К тому же, по всей общей зале стояли горшки с цветами и плющами, и Раду встретила не привычная вонь перекисшего вина и грязи, а тонкий запах дыма, благовоний и зелени, приятный и спокойный.

Посетители одарили вошедших невыразительными взглядами и вернулись к своим разговорам. Занято было всего четыре столика, и за ними сидели аккуратно и дорого одетые люди, явно неместные. А сам хозяин гостиницы, подтянутый мужчина средних лет, одетый в коричневый костюм, с приятной улыбкой двинулся навстречу вошедшим путникам. Лицо у него было спокойным и каким-то искусственно-довольным, а улыбка приклеенной. Раде подумалось, что, наверное, он тренировался перед зеркалом, чтобы удерживать губы в таком состоянии по много часов к ряду. Его черные волосы были прилизаны и туго стянуты в пучок на затылке, а щеки гладко выбриты, но длинный подбородок и заостренные скулы выдавали в нем лонтронца.

Заведение было явно дорогим. В таких ей раньше бывать не приходилось, и Рада ощутила неловкость. Она привыкла к тому, что дома знати утопают в золоте, и вести себя в них необходимо сдержанно и спокойно, а таверны — в вине и пьяных воплях, и в них можно драться и буянить, сколько душе угодно. И что делать здесь, где и того, и другого было поровну, она просто не могла понять.

Хозяин гостиницы остановился перед ними, спокойно улыбнулся и склонил голову:

— Доброго дня пред очами Грозара, милорд Ренон, дамы. Добро пожаловать в «Звезду севера». Мое имя — Еже Нахард, и я в полном вашем распоряжении.

Голос у него тоже был полон невыразительной доброжелательности, и Рада с

подозрением оглядела его еще раз. На ее взгляд, именно такие люди и могли продавать данные Сети' Агону: с фальшивыми улыбками, сдержанные, и не поймешь, что в голове и за душой. Впрочем, Алеор только кивнул в ответ хозяину, не выказав ни единого признака тревожности или напряжения.

— Меня должен ждать друг.

— Так и есть, милорд Ренон, — вновь склонил голову Нахард. — Господин Вард ожидает вас в отдельном кабинете, и я немедленно провожу вас туда. Угодно ли будет еще чего-то вам и вашим спутникам?

— Да, — кивнул Алеор. — Нам нужны комнаты на одну ночь, возможность воспользоваться купальней, еда и вино. Меня интересует северная Латайя, белое, сбора не позднее тысяча шестисотого года.

— Я все подготовлю, милорд. Следуйте за мной.

Хозяин гостиницы кивнул двум молодым подтянутым парням, стоящим в дальнем углу помещения со сложенными за спиной руками. Они направились к гостям и с поклоном приняли у Рады седельные сумки, скатки одеял и даже плащ. При этом она почувствовала себя донельзя неловко, словно извалявшийся в грязи поросенок, вломившийся на белоснежную кухню. Стараясь чесаться так, чтобы это не слишком бросалось в глаза, она аккуратно подтолкнула совсем стушевавшуюся Лиару вперед, следом за Нахардом. Гости заведения проводили их аккуратными взглядами из-под ресниц.

Рада подивилась на настенные часы над выполненной из дуба стойкой, — не во всех мелонских особняках были такие, — на ряды бутылок, выстроившиеся в ячейках бара, которые выглядели едва ли не старше ее самой, на пастельных цветов акварели с морскими пейзажами, висящие на стенах. Грозар, это же таверна! Таверна! Здесь должна быть грязь, кости, куча пьяных тел и продажные девки! Так где они, ради всего святого?!

— Как на кухне у евнуха, — проворчала за ее спиной Улыбашка, оглядываясь с таким лицом, что непонятно было: то ли ей страшно дотрагиваться до чего-либо, то ли противно. — Хоть с пола жри, он все одно чище, чем твои собственные руки.

И в этом Рада была с ней полностью согласна.

Справа от стойки бара начинался небольшой коридор с плотно закрытыми дверями. Нахард прошел его до конца, с поклоном открыл одну из дверей и негромко проговорил:

— Господин Вард, прибыли друзья, которых вы ожидали. — Развернувшись к Алеору, мужчина добавил: — Отдыхайте, милорд, дамы. Вино и обед будут немедленно, а купальня — чуть позже.

— Благодарю, — холодно кивнул эльф, шагнув в комнату. Раде подумалось, что сейчас он тоже выглядел иначе: ровно на столько, сколько стоил его титул наследника трона Лесного Дома.

Положив ладонь на плечо искорки, которая оглядывалась по сторонам так перепугано, словно ее сейчас должны были обвинить в воровстве пирожков с кухни, Рада вошла в помещение отдельного кабинета для гостей, где их ожидали. И ее взгляд сразу же наткнулся на ильтонца, что сидел в мягком кресле у маленького круглого столика с книгой и дымящейся трубкой в руках.

Он был большим, крупнее человека и выше, метров двух с половиной ростом, но при этом очень... аккуратным что ли. То, как он поднялся из кресла, то, как спокойно отложил в сторону книгу, то как шагнул навстречу Алеору, протягивая руку, несло в себе особую грацию, совершенно неожиданную для такого большого существа. Лицо ильтонца было

светлым и открытым, щеки гладкими без единого следа щетины, а глаза — прозрачно-зелеными, словно пронзенная солнечными лучами вода старого озера. Его каштановые волосы мягкими кольцами спускались до плеч, слишком широких для его тела, чересчур, непропорционально широких. А дальше были руки.

Раде уже приходилось видеть ильтонцев, но каждый раз она не могла надивиться. Пять круглых каменных блоков с едва заметными сочленениями, последним из которых была кисть, тоже круглая, похожая на рукавицу, в каких работали сталевары. Два блока выше локтевого сгиба, два ниже, причем каждый из них тоже мог сгибаться, таким образом, руки ильтонца вращались назад так же легко, как и вперед, могли складываться в кольцо вокруг его тела или даже образовывать зигзаги. И пальцы: крохотные каменные кругляши, каждый в четыре сферы, тоже подвижные, но кажущиеся со стороны такими громоздкими, такими нечувствительными. И эти пальцы с превеликой осторожностью держали маленькую вырезанную из дерева трубку. Взгляд Рады скользнул на книгу, которую отложил ильтонец, и она поймала себя на мысли, что не может представить, как этими огромными неуклюжими пальцами он может переворачивать тонкие страницы. К тому же, руки ильтонца были в тон его глазам: из настоящего нефрита, бледно-зеленого, перевитого желтоватыми прожилками. У нее возникло желание коснуться его плеча: ей было интересно, холоден ли на ощупь камень.

Одет ильтонец был в песочного цвета меховую безрукавку ворсом внутрь, плотно прилегающую к телу, с затянутой на боках шнуровкой. Она доходила ему до середины бедра, а дальше виднелись черные штаны, заправленные в точно такие же мягкого песочного цвета сапожки на высокой шнуровке. Талию ильтонца перехватывал широкий пояс с пряжкой, в середину которой был вправлен большой кусок нефрита, искусно изрезанный какими-то узорами. Все тело каменнорукого казалось очень изящным и даже тонким, ладно скроенным, за исключением чересчур широких плеч, заканчивающихся глыбами нефрита.

— Алеор! — ильтонец тепло улыбнулся, и настоящая радость заплясала золотыми зайчиками в его прозрачных глазах. Он шагнул навстречу эльфу и пожал ему руку, а потом даже обнял его. Мягко изогнулись каменные сферы блоков на руках, охватывая спину Алеора так, чтобы не причинить боли. На фоне громадного ильтонца высокий эльф казался совсем маленьким и хрупким как тростинка. — Как я рад тебя видеть! Осмелюсь заметить, что я ждал тебя чуть позже.

Голос у ильтонца тоже был странный: раскатистый, басовитый, но очень приятный, словно гудение большого шмеля. Рада как-то даже заробела, глядя на него снизу вверх. Это было непривычно, большинство мелонцев, даже мужчин, были ее роста или ниже, а этот каменнорукий возвышался на две головы над ней, почти что касаясь затылком выбеленного потолка.

— Мы слегка изменили маршрут нашего движения из-за некоторых сложностей, — ответил Алеор. На лице его тоже была широкая улыбка, словно перед ним стоял его старый друг. — Я очень рад тебе, Кай! Надеюсь, ты добрался сюда быстро и легко.

— Добрался-то быстро, но сам знаешь, что «легко» — это не совсем подходящее слово! — рассмеялся Кай. Улыбка у него была широкая, от нее на щеках прорезались две длинные горизонтальные полосы, подчеркивая красивый подбородок. — Алькаранк — слишком шумное для меня место, и люди бывают чрезмерно назойливы. Но здесь, у Нахарда, всегда тише, и я могу спокойно читать. — Взглянув поверх головы Алеора на Раду и остальных, ильтонец представился: — Меня зовут Каярди Вард, дитя Пробудившего

Асалана. Я жрец Черной Руки из селения Легож.

— Рада Киер, — опустив все титулы, Рада протянула ему руку. Нефритовая ладонь, казавшаяся такой неуклюжей, с поразительной мягкостью обхватила ее пальцы, и на ощупь она была теплой и странно мягкой, словно обтянутый тканью бульжник. Зеленые глаза с интересом взглянули ей в лицо, и Кай осторожно пожал ее ладонь.

— Алеор говорил мне о тебе, Черный Ветер, да и по городу ходит множество слухов. Я с удовольствием послушаю твои истории, если ты захочешь рассказать мне что-то о себе.

Слова мягко перекатывались в его горле, рычащие и слегка тянущие гласные. Говор у ильтонца был странным, неторопливым и спокойным, и в нем была уверенная сила гуляющих меж горными пиками ветров. Рада улыбнулась в ответ Каю:

— Рада познакомиться. Думаю, у нас будет время вволю наговориться по дороге на запад, путь-то неблизкий.

— Я в этом уверен, — кивнул тот, перевел взгляд на Лиару, и на лице его отразилось удивление. — О! Первопришедшая! Не ожидал увидеть с тобой Первопришедшую, Алеор!

— Ее никто не ожидал, — пожал плечами тот, отходя к столу и по-хозяйски усаживаясь в кресло.

Лиара совершенно без страха улыбнулась ильтонцу, и ее крохотная ладошка, утонувшая в огромной каменной клешне, показалась Раде похожей на маленькую певчую птичку.

— Меня зовут Лиара Морин, отче, — проговорила она, и Кай с осторожностью пожал ее руку.

— А еще ее зовут Светозарной, я настаиваю на этом, — проворчала стоящая рядом Улыбашка, непроизвольно выпрямляясь и задирая голову, чтобы иметь возможность смотреть огромному каменнорукому в лицо. Со стороны они смотрелись презабавно: голова гномихи находилась чуть выше колен Кая. — Эта девочка поет, как соловей, и у тебя еще будет возможность убедиться в этом, Брат Камня.

— Вот как? — Кай обернулся к Лиаре. — Я буду рад услышать все твои песни, Светозарная. Можешь называть меня просто по имени, обращение «отче» есть лишь у смертных, нам оно ни к чему. — Лиара кивнула, и ильтонец разжал каменные пальцы, отпуская ее ладонь. Рада непроизвольно выдохнула: головой она понимала, что Кай не раздавит Лиаре руку, но что-то внутри все равно упорно продолжало бояться сокрушительной мощи подвижных нефритовых блоков. Взглянув на Улыбашку, ильтонец слегка поклонился: — А как твое имя, Дочь Камня?

— Вирра из рода Кабут, но ты можешь звать меня Улыбашкой, — отозвалась та. — И ты уж прости, руку жать не буду, сам знаешь, не допрыгну.

— Хорошо, Дочь Камня, — кивнул Кай, плавно повел рукой, сгибающейся так странно и непривычно для глаз, на кресла, расставленные вокруг круглого столика. — Присаживайтесь, друзья. Вам нужно подкрепиться и отдохнуть. К тому же, есть вещи, которые мы должны обсудить перед тем, как отправимся в дорогу. Многое изменилось.

— Что именно? — прищурился Алеор, уже успевший набить трубку и теперь раскуривающий ее от стоящей на столе свечи.

Рада взглянула на Лиару, которая смотрела на ильтонца широко раскрытыми, полными восхищения и любопытства глазами. Внутри что-то больно сжалось, и она поморщилась, усаживаясь в кресло. В конце концов, это же был всего лишь ильтонец, ничего интересного. Просто еще один ильтонец, и совсем никакого особого интереса в нем не было, а такими глазами можно было бы и не смотреть.

Настроение моментально испортилось, и она сумрачно окинула взглядом кабинет, на обстановку которого поначалу не обратила внимания, целиком занятая разглядыванием ильтонца, который этого не так уж и заслуживал. Помещение было небольшим, и по его периметру стояли книжные шкафы, заполненные томами в аккуратно надписанных переплетах. Здесь же виднелся и столик, на котором были разложены игры: мешочки с камнями, коробка для игры в литцу, так любимой эльфами, несколько стопок игральных карт. Кожаный стаканчик с костями был небрежно засунут в самый дальний угол.

Под потолком на красивых литых цепях висела люстра со множеством свечей, компенсирующих отсутствие в комнате окон. Еще один подсвечник высился на столе, и возле него лежала книга, которую читал ильтонец. Рада только удивленно вскинула брови, скользнув взглядом по выведенному на обложке названию: «Сокол и горлица», сборник стихов Фаэра Галота. Обычно эти приторно-милющие стихи читали придворные дуры, вздыхая от нечего делать и плотоядно косясь на какого-нибудь богатого и симпатичного молодого дворянина. И она уж совершенно точно не думала, что такая поэзия могла заинтересовать Жреца Черной Руки, да к тому же еще и ильтонца.

Кай подождал, пока они все рассядутся, опустился в кресло сам и негромко ответил Алеору:

— Сегодня утром пришли вести с Северного Побережья. Вы слышали об этом?

— Сегодня мы обедали в дороге, так что не в курсе, — отрицательно качнул головой Алеор. — Что-то интересное?

— Любопытное, я бы сказал, — задумчиво ответил Кай, затягиваясь табаком. — В Мелонии провозгласили приход Танца Хаоса.

— Уже?! — вылипла глаза Улыбашка, подавшись вперед из кресла.

Рада оцепенела, и одновременно с этим ощутила облегчение, словно гора с плеч свалилась, метнув взгляд на Лиару. Не она! — сверкнуло ослепительной вспышкой в голове, и сердце пропустило удар, но тут же вновь сжалось, когда Кай покачал головой:

— Нет, он еще не начался, если ты об этом, Дочь Камня. Однако, земля слухами полнится. — Затянувшись, ильтонец неторопливо продолжил, казалось, и вовсе не замечая, как напряглись все четверо его собеседников. — Говорят, что это произошло недалеко от Ронтиса. Якобы Марна Дева вошла в тело мальчика и его голосом сделала предсказание о том, что вскоре начнется Танец Хаоса. Это если вкратце и опуская подробности.

На этот раз уже абсолютно все вылетело прочь из головы, и Рада вцепилась в слова «Ронтис» и «мальчик», как срывающийся со скалы человек в хиленький кустик травы на самом ее краю. Могла ли речь идти о Далане? Могло ли такое случиться? Мой сын, Боги!

Теперь уже Лиара тревожно взглянула на нее, нахмурившись и слушая Кая. А тот продолжил:

— Имя мальчика неизвестно, но он называет себя Провидцем. Сейчас его перевезли в Дер, где он находится на попечении Жрецов церкви Молодых Богов. Говорят, что из Онера туда спешно отбыл Первый Жрец Мелонии, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним. Но гораздо больше говорят о Танце Хаоса, который он предсказал.

— Сколько у нас времени? — кратко спросил Алеор, и в голосе его звенело напряжение.

— Не могу сказать точно, — покачал головой Кай. — Марны сказали: скоро, но насколько разнятся взгляды людей и Первосущностей на этот вопрос? Я просто не знаю.

— Что-то еще? — эльф нахмурился, пыхтя трубкой. Клубы дыма почти что полностью

скрывали его лицо.

— Ты знаешь, Алеор, я пробыл здесь недостаточно долго, чтобы судить. Да и информаторов здесь не так уж и много, так что... — Кай неловко дернул громадным плечом, отчего кресло угрожающе закрипело. — Все, что я смог услышать, это обрывки, слухи, полуправда. Но есть и кое-что интересное. Пираты, отплывающие в Северные Провинции, обратно не возвращаются. Скоро сезон штормов, и они должны бы уже потянуться в обратную сторону, да только за последние две недели в Алькаранке не пришвартовалось ни одного корабля с востока. Мне удалось кое-что разузнать, и это тоже странным образом связано с Провидцем. — Рада превратилась в слух, ловя каждое слово, срывающееся с губ ильтона. — Говорят, Марна Дева запретила всем пиратским кораблям покидать северное побережье до первого дня сезона Штормов.

— Через Провидца? — уточнил Алеор.

— Да, — кивнул Кай. — Но приказ привез другой человек. Говорят, во все это вмешался Теневой Царь, и именно он передал приказ не покидать северное побережье.

Сердце сжалось еще сильнее. Теневым Царем называли Лавая, собирателя слухов и торговца информацией, который по одному ему известным причинам обосновался в местечке под названием Лебязья Гавань недалеко от Мериадора. И только настоящий болван стал бы связываться с ним и просить его вмешательства для переговоров с пиратами. Все знали, что однажды испросив услуги у Лавая, человек уже никогда не мог освободиться от его опеки и становился его осведомителем. Это давало свои плюсы: людей Лавая не решались трогать, однако, Теневого Царя звали еще и Королем Рабов, хоть работоторговлей он никогда и не занимался, и вовсе не потому, что вел с работоторговцами дела. А Гардан был хоть и осторожным человеком, но умел рисковать, делая ставку на собственную жизнь. Могло ли быть так, что это именно он привез приказ Марны Девы и для его исполнения пошел к Лавая? Грозар Громовержец, молю тебя, пусть это будет не так!

— Известно имя человека, который привез приказ от Марны Лавая? — напряженно спросила Рада, чувствуя себя так, словно от этого ответа зависела ее жизнь.

— Да, — ильтонец взглянул на нее со смесью интереса и тревоги во взгляде. — Его зовут Гардан. Лавай потребовал, чтобы пиратские капитаны не чинили ему препятствий на севере и помогли во всем, чего бы он ни попросил.

Имя прозвучало, и внутри у Рады что-то оборвалось. Она больше не сомневалась ни в чем, и от этого чьи-то липкие холодные пальцы сжали сердце в груди мертвой хваткой. Ей не было страшно, нет, внутри была пустота. И еще эта стянутость, как у рыбы, насаженной на крюк.

Ее спутники моментально обернулись к ней, даже Кай, который смотрел вопросительно и непонимающе. И Раде захотелось уйти отсюда, уйти как можно скорее, пока этот крюк, воткнувшийся прямо в сердце, не изодрал ее на клочки.

— Прощу простить меня, — пробормотала она, поднимаясь из кресла и быстро направляясь к выходу. Краем глаза она еще заметила, как Лиара двинулась, чтобы сорваться за ней следом, но Алеор удержал ее, что-то негромко сказав.

Дверь за спиной закрылась, и Рада тяжело привалилась к стене, прикрыв глаза и пытаясь восстановить дыхание. Почему-то очень сильно дрожали руки. Она поднесла их к глазам, отстраненно глядя, как ходят ходуном пальцы. И ведь даже боли не было внутри, не было тревоги, не было ровным счетом никаких чувств, но ее всю бил озноб, даже зубы во рту застучали.

Ее сына, ее мальчика забрала себе Марна. Возможно, на самом деле оно было иначе, она пыталась убедить себя в этом и не могла. Сердце шептало, что таких совпадений не случалось, их просто не бывало и все, и она сглотнула, пустыми глазами глядя перед собой. Далан, улыбочивый, теплый как лето, застенчивый мальчик с ее глазами, так тянувшийся к ней, так желающий быть с ней рядом. Ее сынок, который теперь принадлежал Единоглазой Плетельщице Деве. Это не укладывалось в голове, это было чересчур для нее, слишком сильно.

Не совсем соображая, что делает, Рада оттолкнулась от стены и побрела по коридору в сторону общей залы. Оттуда доносились приглушенные голоса и тиканье часов, пахло едой, но ей уже не было до этого никакого дела. Она была пуста, как старый пыльный чулан с паутиной по углам, в который давным-давно уже никто не заглядывал.

Навстречу попался молодой прилизанный паренек из тех, что забрали их вещи, и Рада машинально схватила его за рукав, не давая пробежать мимо нее:

— Отведи меня в мою комнату.

Он взглянул ей в лицо, но осекся и не стал ничего говорить, лишь боязливо кивнул и едва слышно пробормотал:

— Прошу за мной, миледи.

Рада кое-как вскарабкалась по лестнице, едва замечая красный ковер под ногами, золотые подсвечники в стенах, резные дубовые перила, отполированные до блеска, по которым скользила ее ладонь. На комнату, дверь в которую распахнул перед ней слуга, она тоже взглянула лишь мельком, увидев то, что ее сейчас интересовало больше всего: маленький столик у окна с придвинутыми к нему двумя стульями, а еще пепельницу и горящий подсвечник на столешнице.

— Миледи желает что-нибудь выпить? — тихо спросил слуга. Казалось, что он специально понижал голос: то ли боялся ее, то ли не был уверен в том, следует ли сейчас задавать ей вопросы.

— Принеси ром, — разомкнула губы она и тяжело навалилась на столешницу, часто моргая и глядя на тонкую белую плетеную салфетку, которой она была закрыта. Детали почему-то резко бросались в глаза, будто важнее их сейчас ничего и не было.

Дверь за ее спиной с тихим щелчком закрылась, и Рада опустилась на стул, положив ладони на скатерть. Странная пустота внутри никуда не девалась, и в ней было не то, чтобы спокойнее, но уж точно тише, чем раньше. Ты оставила своего сына одного, надеясь на то, что его обойдет опасность. Оба раза, когда тебя изгоняли из города за преступление, которого ты не совершала. И вот, чем это закончилось: теперь он принадлежит Марне.

Она не знала, что это значит, как это выглядит, но раз мальчик потерял свое имя и стал Провидцем, то вряд ли теперь у него был шанс на возврат к нормальной жизни. Так и получалось, что дважды она бросала его, пусть и не по своей воле, и теперь его подобрали Боги. Теперь он принадлежал Марнам. Это не укладывалось в ее голове.

Тихо щелкнул замок, и дверь в комнату открылась. Раде даже не нужно было головы поворачивать, чтобы понять: это Лиара. То ли ее запах разлился в воздухе, то ли еще что-то, но Рада совершенно точно знала, что это она. И даже не удивилась, когда теплые руки обняли ее плечи, и мягкая тяжесть тела искорки коснулась спины.

Она не делала ничего, она просто обняла Раду сзади и прижалась к ней, обхватив ее так крепко, словно это могло помочь. И как бы это ни казалось абсурдно, но это действительно помогло. Тепло ее тела согревало, а маленькая ладошка, что тихонько гладила ее плечо, была

полна робкой нежности и заботы, которую никогда никто к Раде не проявлял. Ни о чем не думая, Рада просто взяла эту ладошку в свои руки и приложила к губам, а потом прижала к собственному лбу, словно можно было заслониться ей от всего мира, спрятаться за этими тонкими маленькими пальцами и забыть обо всем.

Слуга вошел и внес ром, но Лиара даже не дернулась, ни на миг не отходя от нее. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком, и вновь пала тишина.

Звуки стали странно громкими. Сквозь открытое окно задувал морской ветер, тихонько покачивая белую занавеску. Там уже темнело, и небо над морем наполнилось тревогой. Издали слышались людские голоса и смех, выкрики, обрывки музыки. Но гораздо громче них было едва слышное дыхание искорки и стук ее сердца, который почти что оглушал Раду.

— Ты ни в чем не виновата, — тихо сказала искорка. Ее ладонь на лбу Рады чуть шевельнулась, поползла назад и начала медленно-медленно гладить ее волосы. Рада закрыла глаза, не думая ни о чем и чувствуя лишь эту странную пустоту. А голос искорки зазвучал над ухом, надтреснутый от горя и при этом полный горячей уверенности и мягкой нежности: — Ты сделала все правильно. Далан не мог отправиться с нами, Свора и Болота для него были бы гораздо более страшным испытанием, чем для нас. Теперь он в Дере, под защитой стен и самой Марны Девы, и ему больше ничего не угрожает.

— Так ли это? — хрипло спросила Рада, чувствуя, как все-таки перехватывает горло, и глазам становится горячо.

— А где может быть еще безопаснее, чем под защитой Марны? — в голосе искорки прозвучал тихий смех. — Твоего сына приняли к себе Боги, Рада. Ему доверена великая честь быть их голосом. Неужели же ты думаешь, что теперь с ним может что-то случиться?

— Я не знаю, — ответила она.

— Просто поверь. — Рада закрыла глаза, чувствуя, как теплая ладонь гладит ее волосы, а по щекам медленно сбегает раскаленные капельки. — Просто поверь. Другого выхода-то у тебя нет. Далан погиб бы, если бы мы взяли его с собой в Топь, но он жив. Он потерял своего отца, потерял тебя, но он обрел вечность в объятиях Девы. Для него больше не будет боли и тоски, только тишина ее рук. А это — лучшая награда за все, что он уже пережил.

Спорить с ней у Рады сил не было, как и соглашаться. Она вообще не чувствовала ничего, кроме стянувшей сердце холодной ладони, которая начала совсем медленно отпускать ее, отступать прочь. Лиара была права: Далан погиб бы, если бы пошел с ними в Болото. Касательно всего остального она уверена не была, но теперь он был в безопасности, и в этом Лиара тоже права. Что ты хотела бы для него, Рада? Жизнь в качестве Лорда Страны? Жену и ребятишек? Славу, власть, титулы и регалии, что? Но и на этот вопрос ответа не было. Она никогда не задумывалась так далеко, да и Ленар ей особенно не давал этого делать. Он забрал мальчика себе и растил его наследником, а из Рады вышла отвратительная мать, едва ли не худшая среди всех возможных.

К рому она так и не притронулась, тихо сидя в руках Лиары и стараясь ни о чем не думать. И сама не заметила, как задремала, упав тяжелой головой на сложенные на столе руки. То ли сказались усталость после долгой дороги, то ли шок от только что услышанного, но глаза закрылись, и все мысли растворились в спокойной теплой тишине, в которой отстраненно воспринималась лишь ладонь искорки, все так же неторопливо продолжающая гладить ее волосы.

Проснулась она как-то рывком, вздрогнув и выпрямившись. Руки занемели, голова была тяжелой, словно камень. Рада заморгала в темноте упавшего на город вечера, не совсем

понимая, где она находится и что происходит. На плечах чувствовалось мягкое прикосновение ткани — плед, которым укрыла ее Лиара. Самой искорки в комнате не было, но был Алеор.

Он сидел в темноте напротив Рады на краю кровати, свесив голову и задумчиво глядя в пол перед собой. От ее движения эльф пошевелился и вскинул глаза. Во взгляде его было что-то тяжелое, тянущее, будто камень на шее, уносящий на самое дно, где лишь ил и тьма.

— Что-то еще случилось, Алеор? — сиплым со сна голосом спросила Рада, протирая глаза. В груди до сих пор была странная пустота, но страха не было, словно она и не чувствовала ничего вовсе. Как странно ничего не чувствовать. Что же я, и не живая совсем? Только думать об этом не хотелось, потому она только поправила плед на озябших плечах и взглянула на эльфа: — Вы говорили еще о чем-то, о чем мне не очень приятно было бы узнать?

— Нет, Рада, — покачал головой эльф. — Тут дело не в тебе.

— А что тогда?

Алеор замолчал, отводя взгляд. Вид у него был странным. Даже в слабом свете свечи Рада видела, как играют желваки на его щеках, как рыщет взгляд по ковру на полу, словно пытаясь найти что-то. Да и сам эльф выглядел напряженным и при этом отчаянно мечущимся в поисках выхода, будто загнанное в угол животное.

Несколько секунд он молчал, потом со вздохом взъерошил волосы, встал и подошел к столу. Рывком раскупорив бутылку с ромом, эльф щедро плеснул в два хрустальных кубка, стоящие тут же на серебряном подносе, и тяжело уселся напротив нее.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, Рада. О себе.

В глаза он ей не смотрел, но желваки продолжали ходить ходуном на его щеках, а голос был хриплым, словно из него слова клещами тянули. Рада ждала продолжения, тревожно глядя на друга. Никогда еще он не выглядел таким потерянным. Разъяренным — да, насмехающимся — тоже, спокойным и задумчивым, но никогда она не видела его таким неуверенным, почти что испуганным.

Покатав хрустальный бокал в пальцах, он отхлебнул из него большой глоток, поморщился и заговорил:

— Думаю, ты помнишь, что я — единственный живой наследник Ирантира в Этлане, единственный оставшийся в живых Стальв. Так говорят все, об этом знают все, но на самом деле это неправда.

Он замолчал, и Рада удивленно моргнула, глядя на него. Она ждала, что эльф скажет ей что угодно, но что такое — даже не предполагала. Еще раз вздохнув, эльф устался в свой ром и заговорил, иногда хмуря брови и примаргивая, словно вспоминать об этом ему совершенно не хотелось.

— Я родился в семье Варадана Ренона и Итиэль Стальв. Мой отец был двоюродным братом Илиона, Владыки Лесного Дома, который, как ты знаешь, бездетен, а потому мой отец считался его единственным прямым законным наследником. На него в Лесном Доме возлагали большие надежды, но гораздо большие — на его старшего сына Сагаира, моего родного брата. Говорили, что он, носящий в своих жилах кровь Ирантира Солнце, однажды станет величайшим владыкой, какого только знал эльфийский мир, что ему достанет сил на то, чтобы собрать Лепестки Фаишаля, разбросанные по всему миру, соединить их в оружие его пращура и повести за собой народы в последнюю схватку с Сети'Агоном, предсказанную, как Конец Мира. И он действительно подавал надежды на то, что так оно и

будет. Сагаир был сильным, умным, уверенным в себе парнем, и я помню, что моим глазам он казался едва ли не самим Богом, снизошедшим в мир ради великой цели. — Алеор криво усмехнулся и полез за пазуху за трубкой. — Я тогда был совсем маленьким, даже по людским меркам, но я помню, как смотрели на нас с братом эльфы при дворе Илиона. И все шептали два слова, которые я тогда не понимал: «Дети Солнца». Мать даже называла так иногда меня, смеясь, то ли в шутку, то ли правда в это верила. — Он пожал плечами с деланным безразличием. Но Рада видела, как тяжело было ему говорить, и совершенно не понимала, почему все это он рассказывает ей именно сейчас. — Одним словом, на нас с Сагаиром возлагали очень большие надежды. Я много чего не понимаю, да и не помню, ведь прошло уже полторы тысячи лет. Только когда мне было не больше десяти лет, случилась беда. Сагаир пропал на какое-то время. Он сказал родителям, что едет в Бреготт, к молодому королю Араду Эрахиру, чтобы вместе с ним инспектировать восточные крепости, точнее, то, что от них осталось после Второго Восстания Сети'Агона. А потом из Бреготта пришла весть, что разведывательный отряд попал в западню, и король вместе с моим братом были захвачены дермаками.

Алеор замолчал, прикуривая от свечи, а Рада ждала продолжения с этой странной пустотой внутри. Ей казалось, что сейчас происходит что-то особенное, что-то очень важное, чего в ее жизни раньше никогда не случалось. Чувство это было смутным, но оно не отступало прочь, назойливо стягивая кожу на спине холодными мурашками.

Раскурив трубку, эльф продолжил:

— Мать была убита горем, безутешна, все никак не могла найти себе покоя. Ситуация осложнялась тем, что она как раз ждала ребенка, а ты знаешь, как редко у эльфов рождается много детей. Нас должно было стать четверо: знахари говорили, что у нее будет двойня, мальчик и девочка. Естественно, что новости о старшем сыне просто подкосили ее, и как бы отец ни пытался ее утешать и увещевать, она настояла на том, что его помощь ей не нужна, и что он немедленно должен ехать в Бреготт, а оттуда — в Страну Мрака, чтобы найти Сагаира. В конце концов, отец согласился, даже несмотря на то, что до родов ей оставалось буквально несколько недель. Собрав отряд, он направился со всей возможной спешкой прямо сквозь Лес Шепота на восток, и там-то, в кишачих Сетовыми тварями чащобах того, что раньше называлось Рощей Паломников, и нашел свою смерть. — Алеор вновь нахмурился и плотнул еще рома. — А буквально через неделю после его отъезда вернулся Сагаир, израненный, покрытый пылью и грязью, заявивший, что ему удалось бежать из плена дермаков. И следом за ним пришла весть о гибели отца. Все эти переживания подкосили мать, и у нее начались преждевременные роды. — Взгляд Алеора остекленел, и колечки дыма закручивали спирали перед его лицом, поднимаясь к потолку. Рада никогда еще не видела такой всепожирающей боли в его синих глазах. Казалось, что даже спустя полторы тысячи лет, Алеор переживал это так, будто это случилось вчера. — Сагаир прогнал всех прочь от матери, заявив, что сам будет с ней во время родов. В детстве у него были кое-какие способности в целительстве, которые он со временем развил, да и мать не могла видеть никого, кроме него, сразу же срываясь на крик. Поэтому знахари согласились и доверили ее ему. Роды продолжались всю ночь, а на утро Сагаир вышел из комнаты матери с двумя мертвыми младенцами в руках и сказал, что она не пережила этой ночи.

Рада тяжело сглотнула, чувствуя бесконечную тоску эльфа. Она не знала, чем помочь ему, не знала, как утешить. Поймав ее взгляд, Алеор лишь криво усмехнулся и кивнул ей на бутылку с ромом. Он дождался, пока она налила ему и себе, сделал глоток и хрипло

продолжил, с трудом протакливая слова через сведенную судорогой глотку.

— Сагаир сам похоронил мать и брата с сестрой в саду. А через несколько дней исчез. Я не понимал, что происходит, но я был слишком мал, чтобы самостоятельно отправиться на его поиски. Тогда я пошел к Илиону и потребовал, чтобы за братом послали кого-нибудь, кто вернул бы его домой. И тот действительно отправил людей, которые еще пять лет обшаривали весь Этлан в поисках моего брата, но так и не смогли его отыскать, вернувшись ни с чем. И никто ничего не говорил мне, ни единый человек не мог мне объяснить, где он, и что произошло. Тогда я сам взял отцовские брони, его оружие и, оставив записку слугам, уехал искать Сагаира.

— Где ты его нашел? — спросила Рада, чувствуя, как что-то тяжелое, неумолимое и страшное ложится на плечи. Алеор поднял на нее глаза, в которых была смерть, и тихо ответил:

— В Остол Горготе, служащим Сети'Агону и убившем ради него мать, отца и брата с сестрой, чтобы доказать свою верность. — Рада поняла, что забыла, как дышать, а Алеор отвернулся, глядя в темное окно на затянутое осенними тучами ночное небо. — Я пытался убедить его вернуться, раскаяться, я пытался убить его. Но тогда я был только глупым мальчишкой, и я думал, что он — единственный близкий мне человек во всем мире, которого у меня отняли злые чары и чужая ненависть. Да только это было не так. Сагаир родился таким, с червоточиной под сердцем, с точно тем же серебром, что течет и в моих венах, вот только он поддался этому серебру, позволив его проклятью извратить свою душу. А я, дурак, думал, что его заставили, вынудили, запугали. — Он поморщился и вновь отхлебнул рома. — И я не поверил ему, не решился ему верить, когда тот сказал мне, что пошел на это по собственному желанию. И я оказался недостаточно силен, чтобы убить его на месте. А он по какой-то странной прихоти, которой я до сих пор не понимаю, позволил мне уйти живым. Но зато я поклялся, что рано или поздно я убью Сети'Агона, и тогда пелена с глаз Сагаира падет, и он вернется домой. Наивный дурачок.

— Ты был молод и одинок, — тихо сказала Рада.

— Я был глуп! — Алеор вскинул на нее горящие глаза, в которых плескалась звериная ярость, смешенная с болью. — Я был наивным глупым дураком, вбившим себе в голову, что мой брат — хороший человек, которого обманули злые люди. И я вернулся домой только затем, чтобы сказать Илиону, что собираюсь странствовать, собираюсь стать наемником, самым сильным воином Этлана и однажды бросить вызов Сету. Илион не стал мне препятствовать, хоть ему это и не понравилось. Но это свойственно Илиону, — Алеор горько усмехнулся. — Его разум — бесчувственный холодный механизм, просчитывающий ходы на столетия вперед. Ему было нужно, чтобы я стал непобедимым, живой легендой, сильнейшим в Этлане и самым известным. Потому что те, кто взбираются на самый гребень славы, на самый высокий хребет мира, сразу же вызывают ненависть и зависть у всех остальных, и тогда их начинают щедро поливать грязью до тех пор, пока эта грязь не поднимается до самого этого хребта, до которого, казалось бы, так высоко, и не топит их с головой. Так и случилось. — Он вновь затянулся, прищурившись. — Что бы я ни делал, как бы ни помогал, я все равно был окрещен чудовищем с проклятой кровью, Тваугебиром, исчадием бездны мхира, непобедимым и страшным. И в один прекрасный день я понял, что в мире нет ни добра, ни зла, ни хорошего, ни плохого. Только сила в руках, сила, которую можно использовать. — Он взглянул на свою широкую ладонь, лежащую на столешнице, и сомкнул ее, тронув подушечкой большого пальца все остальные. — Любой твой поступок будет

извращен, любое твоё слово вывернут наизнанку, любое доброе дело смешают с грязью. В этом мире правит Ложь, ей пропитано каждое слово, каждый взгляд, все, абсолютно все вокруг. У этой Лжи много имен, добро и зло — одни из них, ничем не лучше и не хуже других. Тогда-то я и понял, чего хотел от меня Илион. — Алеор вновь усмехнулся и взглянул в глаза Раде. — Он хотел, чтобы я отказался от Фаишалья, вот и все. Ему нужно было, чтобы я разочаровался в мире и не захотел создавать империю во имя спасения всего Этлана против Сета. Потому что Илион считает, что это невозможно сделать, что невозможно раз и навсегда уничтожить Остол Горгот и все, что с ним связано. А Лесной Дом будет процветать во что бы то ни стало во всех веках этого мира до самого его последнего вздоха.

Алеор говорил, а Рада смотрела на него и не верила в то, что действительно может существовать такая глупость. Она не была ребенком, она видела войны, она вела людей на смерть и сама была на ее пороге не один раз, но она просто не понимала, как можно не верить в окончательную победу. Ведь Ирантир предсказал, что настанет самый страшный час Этлана, в который придут Дети Солнца и укроют мир от Сета, одержав над ним окончательную победу. И как можно было отказаться от этого, самого святого, что было в памяти эльфов, ради интересов одного единственного государства? Он прав. Миром правит ложь.

— И когда я вдоволь нахлебался грязи, которой щедро подчевали меня те, кого я стремился защитить, я вернулся к нему, к единственному более-менее близкому мне по крови человеку. Он предложил мне сведения о моем брате взамен на мой окончательный отказ от Фаишалья. Эти сведения он скрывал от меня много лет, держал в тайне, дожидаясь нужного часа. Знал и молчал. — Зубы эльфа сжались, а рука, которой он держал трубку, ощутимо задрожала. — Я собирался зарезать его сразу же, в тот же миг, но понял, что тогда мне придется сесть на трон Лесного Дома вместо него, а у меня не было на это времени, мне нужно было разобраться с Сагаиром. И я отказался от прав на Фаишаль в пользу Церкви, отказался раз и навсегда, после чего получил то, ради чего все и затевалось. Впрочем, Илион не поспешил, тут душой не покривишь. Мне досталось все: имена, списки людей, работающих на Сагаира, перепись его собственности по всему миру. А также неопровержимые доказательства того, что он по своей собственной воле перешел на сторону Сети'Агона, что тот его ни к чему не принуждал. И тогда я начал охоту. И я потрудился лишить его всего: всех земель, всех людей, всех ниточек, протянутых от него к миру, во всяком случае, я надеюсь, что мне удалось перерезать их все. Но самого Сагаира заловить я так и не смог. Этот гадюк спрятался, скрываясь от меня и зная, что я ищу его, и не показывается уже очень долгие годы. Но я знаю, что он жив, и что он затаился где-то. И перед тем, как сгинуть в огне Танца Хаоса, я найду эту тварь и удавлю ее. — Несколько мгновений Алеор молчал, часто моргая и глядя в окно, и что-то страшное было в его лице в этот момент. Потом он встряхнулся и повернулся к Раде, и в глазах его вновь была та странная усмешка, которую она так привыкла видеть все эти годы. Только теперь Рада смогла разглядеть и затаенную, глубоко упрятанную, замаскированную этой усмешкой боль, которая так никуда и не делась. — А это я все для чего говорю, Радужка, — уголком губ ухмыльнулся он, — так потому, что ты должна понять одну очень простую вещь. Твой сын сейчас в безопасности, в гораздо большей безопасности, чем ты сама. Сет хоть и силен, но с Марной ему никогда не тягаться, так что вряд ли мальчику в этой жизни может грозить хоть что-то. Однако, то, что произошло, не твоя вина, — а Сета. Я вижу его руку во всем, что случилось в Мелонии при дворе, в убийстве Лорда-Протектора и короля, в том, что сделали с

тобой, хоть и не могу пока понять, зачем ему это надо. Но он сделал это с тобой, именно он, и это не твоя ошибка, а его злая воля. Так что найди в себе силы встать и дать сдачи. Послезавтра мы отплывем на Запад и сделаем так, чтобы это ничтожество никогда больше не смогло воспользоваться энергией Черного Источника и сломать жизнь еще кому-то. Думай об этом, как о своей главной цели, и не растрчивай себя ни на что другое.

Несколько минут Рада молча смотрела ему в глаза, не отворачиваясь ни на миг. Возможно, сейчас Алеор преподнес ей самый суровый и мрачный урок из всех, коими ее побаловала жизнь, но она ощутила, как внутри что-то расслабилось, как пустота заполнилась странной горькой решимостью, а ледяная рука, пережавшая сердце, разжалась совсем и исчезла. Рада готова была поспорить, что никогда в жизни он не рассказывал о своем брате ни одной живой душе. И в этом тоже была настоящая сила.

Не думая и не говоря ни слова, повинувшись поднявшемуся в груди стремлению, она одним плавным движением вытащила из ножен свой эльфийский клинок и вспорола ладонь. В глазах Алеора промелькнуло понимание, и он тоже вынул черный кинжал из-за пояса и вспорол свою. Когда их ладони сошлись над столешницей, вжимаясь друг в друга так сильно, как только было можно, когда мешалась их кровь и их боль, становясь единой, Рада вдруг ощутила невероятную легкость, ворвавшуюся в открытое окно вместе с морским ветром с севера. И улыбнулась, а в ответ ей улыбнулся Алеор, и на миг ей почудился маленький синеглазый мальчик-вороненок из залитого солнцем вековечного леса, который еще не знал и не видел ничего, играя у корней подпирающих небо деревьев и улыбаясь солнечным лучам.

— Отдохни, сестра, — кратко проговорил он, отнимая из ее хватки ладонь и поднимаясь от стола. — Завтра нам предстоит много сделать. Доброй ночи.

— Доброй ночи, брат, — тихо ответила Рада, и дверь за эльфом закрылась.

Пусть этот мир и состоит из лжи, мой кровный брат, пусть ты и прав, и все пронизано ею снизу доверху. Но я знаю совершенно точно, что буду бороться до самого конца, до самого последнего вздоха даже за один единственный лучик правды, который, словно солнце, однажды пробьется через пелену дождливых туч. Это и есть правда, ради которой можно свернуть горы и сделать невозможное. Я наконец-то поняла тебя.

===== Глава 34. То, что не лечится =====

Рада медленно потянулась, просыпаясь от первого луча солнца, упавшего из окна на щеку и разбудившего ее. В голове было шаром покати, а тело приятно размякло на белых чистых простынях, куда она почти что упала как подкошенная вчера вечером. После долгих и тяжелых недель в грязи, после разбитых вздувшихся матрасов и комковатых тюфяков придорожных гостиниц хорошая ровная кровать с теплым одеялом казались истинным удовольствием. Еще пару месяцев таких поездок, и я или вконец размякну, окончательно осев где-нибудь в тепле и разожравшись как свиноматка, или научусь по-настоящему ценить каждую минуту своей жизни. Грозар, милый, сделай так, чтобы все пошло по второму сценарию, ладно?

Она с трудом продрала глаза и повернулась, чтобы оглядеться. И сразу же нос к носу столкнулась с Лиарой, которая грезила рядом с ней, под тем же одеялом, свернувшись в клубок и медленно дыша.

Тело прошиб разряд молнии, и Рада ощутила, как мурашками моментально стянуло всю кожу. Лиара была рядом, такая хрупкая, такая нежная и теплая. Кудряшки рассыпались по подушке, одна из них соскользнула ей на щеку, золотясь в квадрате солнечного света, падающего из окна. Губы девушки были чуть приоткрыты, а ресницы едва заметно

поддрагивали. Одеядло сползло с нее, обнажив мягкое плечо с кожей нежнее яблоневого цвета, и Рада ощутила, как внутри забушевало огненное море, грозя прямо сейчас испепелить ее дотла.

Все! Достаточно! Немедленно к знахарю! И никаких отговорок!

С силой отвернувшись от искорки, она уселась на край кровати и немного подышала, чтобы прийти в себя. Из-за всю ночь открытого окна в комнате было зябко, и лакированные полы холодили босые ступни. Только сейчас, в рассеянных лучах утреннего осеннего солнца, Рада смогла наконец хорошенько рассмотреть комнату. Она была просторной, уставленной изящной старинной мебелью из резного дуба, с двумя широкими кроватями, на одной из которых расположились они с Лиарой, а на другой — Улыбашка, свернувшаяся в клубок и по самый нос натянувшая на себя одеядло, отчего она походила на какую-то не слишком опрятную кучу тряпья.

Рада не двигалась до тех пор, пока тело не занемело от холода и почти что потеряло чувствительность. И только после этого встала и принялась одеваться, морщась от боли в разрезанной ладони. Решив никого вчера не тревожить своими проблемами, она сама перевязала раненую руку и поскорее улеглась, чтобы уже спать, когда вернутся спутницы. А потому избегала ненужных вопросов и разбирательств, что случилось с ее ладонью. Их обмен кровью был лишь их с Алеором делом, это было что-то очень важное, очень личное, и Рада не готова была делиться этим с кем-то другим, пусть даже и с теми, кто стал ей хорошими друзьями за эти сложные недели пути.

Стараясь не шуметь, что было сложновато, учитывая травмированную ладонь, она кое-как натянула штаны и сапоги, чистую рубашку, которую слуги уже успели выстирать и высушить, перепоясалась мечом.

Сзади послышалось шуршание и мягкий вздох Лиары, от которого у Рады волоски на затылке поднялись дыбом, словно по шее кто-то пальцем провел.

— Ты куда? — промурчала искорка, медленно выходя из грез и потягиваясь под одеялами.

Перед внутренним взором ментально возникло ее обнаженное тело, нежащееся на мягких простынях, и в глотке пересохло. Рада прокашлялась и сухо сообщила:

— Я пойду прогуляюсь. Скоро вернусь.

Вроде бы, искорка и еще что-то проговорила ей вслед, но Рада уже вылетела за дверь и громко затопала сапогами по коридору. Сердце в груди колотилось как бешеное, грозя проломить ребра, а от пылающего жаром тела едва глаза на лоб не вылезали. Все, сейчас я посоветуюсь со знахарем, выпью лекарство, и все придет в норму. И можно будет уже нормально общаться с людьми. По-любому, ведьма чем-то опоила меня, и от этого теперь вся эта гадость творится. Надо просто подлечиться и все пройдет.

Она энергично сбежала по ступеням лестницы, на ходу застегивая на груди пуговицы черной куртки. Час был ранний, и в общей зале еще никого не было, только Нахард стоял у барной стойки, перебирая какие-то листы бумаги и внимательно вглядываясь в текст. Вид у него был таким свежим, словно он замечательно выспался, хоть Рада и слышала его голос вчера вечером, незадолго до того, как уснула сама, а это было уже очень поздно. Что это он там читает? — подозрительно подумала она, бросив взгляд на листочки. Наверное, донесения от своих слухачей, чтобы потом передать все это Сети' Агону.

— Доброе утро, миледи Киер! — Нахард поднял мягкий взгляд от бумаг и приятно улыбнулся Раде. В глазах его тоже была доброжелательность, но она все равно не верила ему

ни на миг. — Хорошо ли прошла ночь?

— Хорошо, — буркнула она в ответ, задерживаясь у стойки.

— Желаете ли что-нибудь на завтрак?

— Нет, я поем в городе, — отрицательно мотнула головой Рада. Нахард вежливо смотрел на нее без тени агрессии или излишнего любопытства, и она, поколебавшись, спросила: — Не посоветуете ли мне хорошего знахаря где-нибудь поблизости? Не шарлатана какого-нибудь, а приличного специалиста?

— Дайте подумать, — Нахард нахмурился, часто заморгал, медленно кивнул головой. — Да, буквально в квартале отсюда живет Арман Делат, ваш соотечественник. Он очень неплохо разбирается в травах и считается одним из лучших знахарей в этой части города.

— Как его найти? — уточнила Рада, чувствуя облегчение. Сейчас я поговорю с этим травноухом, и все у меня будет хорошо.

Нахард объяснил ей все достаточно коротко и понятно, и Рада укорила себя за подозрительное отношение к трактирщику. В конце концов, Кай остановился именно здесь, а он не выглядел тем, кто склонен к необдуманным поступкам. Никакой агрессии или недоверия не выразил к Нахарду и Алеор, наоборот, вид у него был такой, словно ему нравится эта гостиница, и останавливался он здесь ни один раз. Возможно, что искусственная улыбка трактирщика была продиктована вовсе не его тайными делишками с Сетом, а уровнем заведения. Насколько Рада смогла понять, здесь останавливались только знатные и богатые люди, которые предпочитали тишину, уединенность и хорошее обслуживание. А ее это раздражало только потому, что сама она не была достаточно воспитана, чтобы смотреться к месту в таком обществе. Журавлю — небо, свинье — грязь. Старые пословицы всегда самые лучшие.

Распахнув дверь на улицу, Рада вздохнула полной грудью такой привычный и любимый запах моря, по которому уже успела по-настоящему истосковаться. Город еще только-только просыпался, открывая дремотные глаза после длинной осенней ночи, и народу на улицах было не слишком много. Однако сплошной поток горожан, повозок, всадников и пеших уже двигался по узкой улице в обе стороны, и в нем, словно маленькие проворные бычки среди карасей, скользили оборвыши-карманники. Возле домов попрошайничали мнимые инвалиды, прятаявшие «отсутствующие» конечности в складках одежды, выступали бродячие музыканты, до хрипоты распевая песни и до красна раздувая щеки, пока выуживали звуки из своих вдрызг расстроенных старых инструментов. Лоточники скользили в толпе, предлагая наперебой пирожки, ленты, гребни, ножницы и прочую ерунду, а шляхи в ярких кричащих платьях с огромными вырезами вывешивались из окон, посылая воздушные поцелуи прохожим и приторно улыбаясь в ответ на скабрзные реплики кое-кого из мужчин.

— Ну что ж, посмотрим, какой ты, Алькаранк! — тихонько пробормотала под нос Рада, посмеиваясь и спускаясь с высоких ступеней крыльца «Звезды севера».

У каждого города, да и вообще любого места, где селились люди, всегда был свой неповторимый цвет, вкус, запах, которым он отличался ото всех остальных. Но у него было и еще что-то большее, лежащее под пыльной теснотой улиц, укрывшееся между стыков камней, из которых были сложены фасады домов, прячущееся в тени каналов, в укромных уголках маленьких зеленых парков и солнечными бликами танцующее на брызгах фонтанов городских площадей. У каждого города была своя душа, и Рада всегда остро чувствовала ее, сразу же для себя решая, ее этот город или нет. И гораздо чаще ее привлекала разбитная, развеселая, полупьяная и терпко-горькая душа портовых городов, а не чопорно-золотая и

надутая, будто индюк, надменность больших столиц.

Алькаранк был живым, по-настоящему живым, шумным и разбитным из тех, что так подходили самой Раде. Он был гораздо крупнее всех виденных ею портов и при этом — гораздо компактнее и душнее, однако в этой духоте не было тяжело или напряженно, нет. В ней хотелось хохотать от души, драться лавками и лазать по крышам, швырять кости, тискать девок... Что?! Какие девки?! Немедленно к знахарю! В нем было хорошо, и Рада глубоко вдыхала его полной грудью вместе со всей его вонью, пылью, шумом и яркими красками.

Улицы были совсем узкими и такими изломанными, что она плутала добрых полчаса, пока не вышла к нужному ей дому. Наверное, именно из-за этой узости они и казались настолько забытыми людьми, ведь на широких прямых проспектах Латра даже десятки торговых караванов терялись на фоне помпезности и пространства. А ведь Алькаранк был никак не меньше столицы Мелонии. Город сползал с фьорда по прорубленным в скале плато, по огромному количеству пандусов и спусков, и дома лепились к скале под всевозможными углами. В некоторых, особенно крутых местах, тот или иной дом вообще был срезан едва ли не по диагонали: окна первого этажа с нижней стороны дома соответствовали окнам третьего с верхней. И при этом на плоских крышах зеленели сады, и плющи, успевшие побагроветь от первого прикосновения зимы, ползли по стенам, создавая неповторимое ощущение уюта.

Именно перед таким домом и остановилась Рада, разглядывая большую вывеску с намалеванными на ней пузырьками микстур и надписью: «Арман Делат. Знахарь». Вывеска, поскрипывая, раскачивалась на ветру над дорогой дубовой дверью с полированной медной ручкой в форме львиной головы. Наверное, раз он может позволить себе такую дверь, то и денежка у него водится. А это значит, что ему хорошо платят за услуги, следовательно, — он хороший лекарь. Рада почему-то засомневалась, разглядывая медную ручку. Ей приходилось ни один раз пользоваться услугами тех или иных травников, обращаясь к ним по всевозможным поводам: от штопанья ран до гнойных инфекций. И разница в ценовой категории в этом случае не имела большого значения: случалось, что и дорогой лекарь лечил из рук вон плохо, а какая-нибудь беззубая бабка-замухрышка из забытой богами глуши — лучше придворных жрецов. Однако сейчас ситуация достигла критического предела, и с ней нужно было что-то делать, а искать в этом городе еще какого-нибудь лекаря с нормальной репутацией у Рады просто не было времени. Иди уже. Потом разберемся.

Она шагнула вперед, дернув на себя тяжелую дубовую дверь, и из полутемного прохода в лицо сразу же пахнуло запахом трав, припарок и мазей, а где-то в глубине дома прозвенел колокольчик. Рада поморщилась: она терпеть не могла вонь всей этой медицинской бурды, особенно, когда речь шла о ее собственном теле, однако смиренно переступила порог и прикрыла за собой дверь.

Помещение было просторным, и по всему его периметру стояли стеллажи со всевозможными склянками, банками, пузырьками и пакетиками, к каждому из которых была привязана аккуратно надписанная бирка. Дальний угол помещения оставался свободным, и за ним виднелась застеленная белоснежной без единого следа замятости простыней койка, а перед ней на потолке была укреплена длинная занавеска, чтобы не смущать пациента, которого осматривал лекарь. Недалеко от нее у маленького окошка стоял стол с разложенными на нем письменными принадлежностями. А возле него — такой ненавистный Раде металлический тазик с длинными устрашающего вида металлическими инструментами для операций и бутыль полупрозрачного самогона, которым их протирали

перед использованием, заткнутая бумажной втулкой. Раду непроизвольно передернуло, и она постаралась упрятать свою перевязанную тряпицей ладонь куда-нибудь за спину, чтобы лекарь не заметил ее.

Хозяин этой камеры пыток вышел из неприметной двери во внутренней части помещения ей навстречу, на ходу запахивая полы белого одеяния, которое Рада ненавидела всей душой за четкие следы ее же собственной крови, обычно проступающие на нем. Он действительно оказался мелонцем: подтянутым, гладко выбритым человеком чуть старше среднего возраста со спокойным лицом и вдумчивыми глазами. Волосы его уже слегка тронула седина, а лицо — морщины, но взгляд оставался светлым и ясным. На любителя повтыкать в тебя иголки он не похож, так что, может быть, все произойдет не так худо, как ты предполагаешь, — подумалось Раде.

— Доброго утра пред очами Грозара, госпожа! — лекарь остановился перед ней и выпрямился, внимательно оглядывая ее. — Чем могу вам служить?

— У меня вопрос к вам, знающий, — проговорила Рада и осеклась, понимая, что даже не может толком сформировать то, что все крутилось и крутилось у нее в мозгу. Как вообще можно это рассказать? «Вы знаете, меня облапала ведьма, и я после этого не могу нормально смотреть на женщин. Предполагаю, что она меня отравила, подлечите меня». Ты это собираешься ему сказать? Внутри болезненно потянуло, и Рада моментально пожалела о том, что вообще решила сюда сунуться. Надо было просто зайти к жрецу и поговорить с ним. Или с Каем. Или...

— Что-то по женской части? — задал он наводящий вопрос. — Не волнуйтесь, я лекарь, и могу подсказать все, что вас интересует.

— Не совсем, — уклончиво отозвалась Рада, начиная пятиться к двери. — Думаю, мне уже полегчало, и я...

— Ваша рука? — лекарь вопросительно поднял брови, и Рада поняла, что он заметил ее перевязанную тряпицей окровавленную ладонь. — Разрешите посмотреть?

— Да это просто царапина, — поморщилась Рада.

— Да, и вы перевязали ее полотенцем, явно не свежим, — заметил лекарь, пряча улыбку в уголках глаз. — Позвольте все-таки посмотреть.

Давай так. Ты сейчас покажешь ему руку и посмотришь, нормальный он мужик или нет. Если нормальный, спросишь, если нет, просто уйдешь. И дело с концом. Вздохнув, Рада покорно шагнула ему навстречу и протянула ладонь.

— Давайте присядем к столу, — предложил лекарь. — Так будет удобнее. Меня зовут Арман Делат. А вас?

— Рада, — проямлила она, подозрительно косясь на металлический ящик с остро поблескивающими ножами.

Больше всего на свете Рада ненавидела, когда ее раны штопали другие люди. Они вечно втыкали иголку так, словно она и не живая вовсе, а просто разодравшийся в клочья мешок с картошкой. Уж лучше было латать себя самой, тем более, что рана на ладони, а не на спине, куда она не смогла бы дотянуться.

Лекарь кивнул и первым уселся возле стола, и Рада, с тяжелым вздохом присев на стул напротив него, протянула ему ладонь.

— Я порезалась, — проямлила она, чувствуя все большую и большую неуверенность с каждой секундой. Иногда ей казалось, что знахари — просто несложившиеся портные, которым пришлось заниматься нелюбимым делом, и они компенсируют это, стремясь

залатать любую прореху на теле своих клиентов, пусть даже и самую маленькую.

Однако, Делат не выглядел шарлатаном или охочим до крови любителем причинять боль. Он кивнул ей, осторожно развязал повязку и осмотрел рану. А потом, нахмурившись, потянулся в сторону злополучного ящика с ножами.

— Может, не будем это зашивать? — неуверенно пискнула Рада. — Это царапина, так, ерунда, я постоянно режусь и похуже этого.

— Мы и не будем, — пожал плечами лекарь, и от сердца у нее отлегло. — Просто я обработаю рану и хорошенько перевяжу ее, чтобы заживало быстрее. А вы пока расскажете мне, зачем на самом деле пришли.

Он бросил на Раду полный веселья взгляд темных глаз, и она вновь глубоко вздохнула, сдаваясь и позволяя ему начать обрабатывать самогоном израненную ладонь. В конце концов, она видела этого человека в первый и последний раз в жизни, и он был лекарем, к которому она пришла за помощью. Так что можно было и рассказать, что на самом деле не так.

— Ну... — Рада, запинаясь, заговорила. — Видите ли, тут такое дело. Мне повстречалась одна ведьма, которая, судя по всему, чем-то меня опоила. И еще были некоторые обстоятельства, уже после нее, когда мне пришлось сражаться, и... — Делат внимательно слушал ее, поглядывая из-под кустистых бровей, а Рада совсем стушевалась, не зная, как продолжить. — В общем, я не слишком хорошо себя чувствую, — проямлила она в конце концов.

— Что именно болит? — уточнил Делат. Самогон жег ладонь, но Рада терпела. Действовал он очень аккуратно, поэтому это было не так уж и сложно.

— У меня то и дело меняется сердечный ритм, — начала перечислять Рада, пока лекарь наносил мазь на рану и аккуратно перебинтовывал ее ладонь чистой белоснежной тканью. — Сердце бьется то как безумное, то совсем замирает, и в спине жжет. Иногда бросает в жар, и тогда тело становится, как ватное, ноги дрожат, и я задыхаюсь.

— Вот как, — серьезно кивнул лекарь. — А при каких обстоятельствах это происходит?

— Да непонятно, — пожалала она плечами. — Просто иногда происходит и все.

— Вы достаточно высыпаетесь? — уточнил он.

— Честно говоря, нет, — покачала головой Рада. — Мы путешествуем с моими друзьями, а потому за последний месяц спим урывками где придется.

— Сердце болит? — он нахмурился.

— Не то, чтобы болит, но так сжимается, знаете? — Рада с надеждой взглянула на него, пытаясь понять по глазам, может он помочь ей или нет. — Сжимается и ёкает, а потом сразу бросает в жар и... и я чувствую себя как-то не так, — закончила она, чувствуя, как краснеют щеки, и понимая, что не может сказать ему, что это подозрительно похоже на то чувство, которое вызвали горячие губы ведьмы на ее шее.

— Мне нужно будет вас осмотреть, — Делат аккуратно завязал полотно, чтобы оно не соскочило с ладони, и взглянул ей в глаза. — Послушать ваше сердце, дыхание. Вы не против?

Рада ненавидела все эти вещи, но знать она хотела больше, чем боялась лекарей. Потому только кивнула и смиренно принялась расстегивать куртку.

Впрочем, раздеваться целиком оказалось не нужно. Делат послушал ее сердце через вытянутую металлическую трубочку с раструбом на конце, заставил ее поприседать и попрыгать и снова послушал. Она поднимала руки и прыгала на месте, она кашляла и

задерживала дыхание, а он все слушал ее сердце, только хмуря брови. Потом он полез ей в глотку, и это было уже совсем погано. Пришлось высовывать язык и показывать ему зубы и терпеть, пока металлической палочкой лекарь щупал ее глотку изнутри. Он заглянул и в ее глаза, оттянув пальцами веки. После этого ей пришлось нагибаться и касаться пальцами носков ног, с закрытыми глазами трогать пальцем кончик собственного носа и так далее, так далее. В конце концов, через полчаса всех этих процедур, Делат удовлетворился осмотром и кивнул, присаживаясь за стол. Слегка обескураженная Рада опустилась на стул напротив него и осторожно осведомилась:

— Ну что, знающий, что со мной? Она меня отравила?

Несколько секунд Делат испытующе смотрел на нее, а потом вдруг спросил:

— Вы замужем?

— Была, но мой муж умер, — ответила Рада, не совсем понимая, куда он клонит.

— А мужчины у вас давно не было?

Вопрос поставил ее в тупик, и Рада заморгала, не понимая, к чему такие вопросы, и какое отношение они могут иметь к предмету их разговора.

— Ну... Я думаю, около девяти лет, — промямлила она, краснея.

— Не смущайтесь, — спокойно проговорил Делат. — Я лечу вас, и мне совершенно нет дела до вашей личной жизни. Меня интересует только ваше здоровье, понимаете?

— Да, — опасливо кивнула Рада, ожидая продолжение.

— Есть ли в вашем окружении человек, к которому вы испытываете глубокую эмоциональную привязанность? — продолжил он. В голове моментально сложился образ искорки, и Рада ощутила себя так, словно пол под ней начал шататься.

— Это вы к чему? — подозрительно нахмурилась она.

— Вы совершенно здоровы, Рада, — спокойно ответил он, отклоняясь назад и облокачиваясь на спинку стула. — Я провел все возможные в данной ситуации тесты и могу уверенно сказать: с вами все совершенно нормально. Однако симптомы, которые вы описываете, как болезнь, могут быть вызваны нереализованным подавленным желанием интимной близости с каким-то человеком, а учитывая сердечную недостаточность, — романтическими чувствами, которые вы к нему испытываете.

Рада захлопала глазами, глядя на него и совершенно не понимая, что он говорит.

— Что?

— Вы влюблены, Рада, вот и все, — улыбнулся лекарь. — Поэтому единственное лекарство, которое я могу вам прописать, это длительный постельный режим с вашим избранником.

Несколько секунд Рада смотрела на легкую улыбку на губах Делата, не понимая, шутит он, издевается над ней или говорит абсолютно серьезно. От возмущения из ноздрей едва дым не шел, а от ярости так перехватило дыхание, что ее затрясло.

— Влюблена?! — прорычала Рада, напрягаясь всем телом и нависая над столом.

— Насколько я могу судить, да, — весело кивнул лекарь, даже не подозревая, какая опасность сейчас нависла над его чересчур умной головушкой.

— Да ты знаешь, кто я такая, шаромыжник?! — взревела она, вскакивая на ноги. Лекарь шарахнулся назад, и улыбка на его лице моментально сменилась ужасом. — Меня зовут Рада Тан'Элиан, Черный Ветер! Это меня обвиняют в убийстве короля и Лорда-Протектора Мелонии! Это я восемь лет к ряду жгла Северные Провинции! Я прошла через распоганейшую Серую Топь насквозь, убила Стража Болот, была отравлена мерзотной

рыжей шлюхой-ведьмой, сражалась со Сворой! И ты мне говоришь, что я влюблена?! Тебе, твою мать, жить надоело?!

С каждым ее словом лицо лекаря бледнело все больше, и он отодвигался от нее все дальше вместе со своим стулом, пока буквально не уперся спиной в стенку. Глаза у него теперь были огромные как плоски, а дрожащие губы залепетали:

— Но вы же эльф, Рада! Я сразу это увидел! А эльфы — не болеют ничем, у них иммунитет ко всем людским болезням! У них не бывает никакой заразы, никаких проблем с внутренними органами за исключением мелких ран, нанесенных снаружи! У вас просто не может болеть сердце, потому что вы бессмертны!

— Шелудивый приبلудыш! — взревела Рада, перегибаясь через стол и сгребая его за шиворот. — Сколько денег ты собирался выбить из меня за этот прием?! Лечи меня, завшивыш! Нечего ерунду городить про влюбленность и прочее!

— Но вы же сами сказали! — почти что фальцетом взвыл Делат, болтаясь в ее руках перепуганной тряпкой. — Все симптомы! Задумайтесь! Вы не можете быть больны! Но есть в вашем окружении кто-то, при взгляде на кого учащается сердцебиение, вам становится жарко, волнительно, вы задыхаетесь, и также резко это проходит! Это не болезнь, Рада, это любовь!

Несколько секунд Рада разъяренно дышала ему в лицо, и плечи ее ходили ходуном от ярости. Проклятый знахаришка был напуган до смерти, и она это видела, но он все равно настаивал на своих словах, даже под угрозой быть как минимум побитым. А еще в голове с невероятной скоростью крутились все те случаи, когда она начинала испытывать проблемы с сердцем и дыханием, и все эти случаи были так или иначе связаны с искоркой: ее улыбкой, ее смехом, ее взглядами, ее голосом, ее кудряшками... Заткнись, бхара проклятушая!

— Но ведь эта проклятая ведьма могла просто меня отравить! — Рада с силой трянула Делата. — Могла подсыпать какую-то отраву, которая приворожила меня к Лиаре! Такое же может быть!

— Я лекарь, а не ведун! — на этот раз уже глаза мужчины сверкнули раздражением. — Однако, одно могу вам сказать точно: нет на вас никакого приворота! На эльфов все эти штуки не слишком-то действуют! Так что вместо того, чтобы орать на меня, лучше разберитесь со своей личной жизнью и не тратьте мое время!

Еще несколько секунд Рада продолжала стискивать в кулаках его воротник, забыв даже про свою больную ладонь, а потом отпустила его, слегка остывая. То, что он сказал ей, было настолько неожиданным, что она даже злиться не могла, чувствуя абсолютное бессилие.

— Сколько я вам должна за помощь? — проворчала Рада, кое-как приводя в порядок свою одежду.

— Просто уходите отсюда и потрудитесь сделать так, чтобы я вас больше не видел, — ледяным голосом проговорил лекарь.

Это вновь подхлестнуло ярость, и, покидая помещение, Рада не преминула хорошенько шваркнуть дверью напоследок, так что изнутри послышался раздраженный голос лекаря, и склянки на стенах дружно звякнули.

Отмеряя длинными ногами грязную мостовую, она неслась через весь город в сторону моря, не разбирая дороги. От ярости перед глазами темнело, и Рада отчетливо слышала скрежет собственных зубов. Проклятый шаромыжник! Наговорил ей всякой ерунды, лишь бы отвязаться! Сборище бездельников, получающих деньги ни за что!

Вот только внутри жгло и кусалось, и что-то подозрительно слабое тянуло и тянуло

сердце. Денег-то он с нее не взял ни медяка. И эльфы действительно не болели человеческими заболеваниями. И когда Рада думала о Лиаре, ей действительно становилось жарко. И если уж по чести, то это началось еще до рыжеволосой болотной потаскухи, теперь-то она поняла это, а точнее, призналась себе в этом. И это было гораздо хуже, чем если бы у нее началась гангрена или еще чего-нибудь.

Какая же ты скотина! Эта маленькая, добрая, светлая девочка тянется к тебе всей собой, всю душу тебе открывает, ухаживает за тобой, заботится! А вместо того, чтобы отблагодарить ее теплом, ты, получаешься, хочешь... Боги, Грозар! Ну что за кошмар! Животное проклятое! Ты же никогда такой не была, тебя эти вещи вообще не интересовали! И надо же было, чтобы заинтересовали именно тогда, когда ты встретила эту девочку, чистую и светлую, как горный родник! Да будь ты проклята, Рада, со всей той грязью, что у тебя внутри!

Вдруг на голову обрушилось ведро ледяной воды, и Рада громко вскрикнула от неожиданности, останавливаясь и хватая ртом воздух. Вода стекала по лицу, насквозь промочив волосы, которые моментально прилипли к носу и щекам, а люди шарахнулись от нее во все стороны, посмеиваясь и поддразнивая на разные голоса. К тому же, на пряди прямо перед ее носом болталась здоровенная деревянная щепка, а в луже, образовавшейся под ногами, плавала мыльная пена.

Рада молча задрала голову вверх и уставилась в лицо толстой женщины в чепчике и белом переднике, которая как раз стояла с ведром в руках у открытого окна. Рядом с ней на подоконнике лежала щетка для чистки окон и тряпка, которой полировалось стекло. И стекло как раз было в мыльных растворах, точно таких же, как сейчас стекали по Раде.

— Чего уставилась? — ворчливо прикрикнула на нее женщина. — По сторонам надо смотреть! Иди уже своей дорогой, куда шла!

Рада сдула со своей челки щепу и вдруг рассмеялась. Ледяная грязная вода с мылом промочила одежду насквозь, и холодный ветер моментально выстудил разгоряченное тело. Хорошо еще, что это просто грязная вода после помывки окон, а не ведро с дерьмом или отходами! Рада хмыкнула еще раз, пятерней отбрасывая прочь с глаз мокрые волосы. Что заработала, то и получила. Меньше надо орать на всех и беситься! Алеор был прав: есть вещи, которые надо просто принять. Так вот прими то, что ты любишь ее. А потом засунь это как можно глубже, чтобы она никогда об этом не узнала. Иначе ты сломаешь ей жизнь.

Эта мысль повисла в воздухе болезненной нотой, и Раде вновь стало холодно, только уже не снаружи, а внутри. Словно что-то оборвалось, и весь пестрый яркий город моментально потерял свой цвет и вкус, да и солнце стало лишь тусклым блином, зависшем в затянутом маревом небе.

— Рада? — послышался позади удивленный мужской голос. — Рада, это ты?

Боги, ну что еще сегодня со мной случится? — мрачно подумала она, оборачиваясь. И застыла на месте, как громом пораженная.

Перед ней стоял ее брат. Ее родной брат, которого она не видела больше двадцати лет, тот самый, что оставил ее одну в родовом поместье и сгинул, непонятно где, больше никак и никогда не проявляясь в ее жизни. Она узнала его сразу же, хоть и не видела так давно: то же самое лицо с вытянутым подбородком, синими глазами, соломенными волосами, которые сейчас были собраны в хвост на затылке, как носили в Мелонии.

Рада моргнула еще раз, пытаясь прийти в себя от потрясения, но брат от этого никуда не делся и не исчез.

— Вастан? — имя, которое она не произносила уже много лет, осталось странным вкусом на языке, давно забытым отзвуком далекого детства.

— Рада! — вскричал эльф, бросился к ней и сгреб ее в объятия, наплевав на ее мокрую одежду и волосы.

Она неуверенно нахмурилась, похлопывая его по плечу, совершенно сбитая с толку. Со вчерашнего вечера с ней произошло слишком много вещей сразу, и теперь она чувствовала себя опустошенной переживаниями и совершенно неспособной больше ни на что реагировать.

А Вастан с радостным смехом отпустил ее, отстранился и жадно вгляделся в ее лицо:

— Боги, Рада! Ты ли это? Как же ты выросла!

— Ну еще бы! — хмыкнула она. — Ты бы еще через тридцать лет объявился, может, и внуков бы моих уже увидел!

— У тебя есть дети? Как ты? Где ты? Что ты здесь делаешь? — Вастан восторженно смотрел на нее, и Рада не совсем понимала, откуда на его лице такая бурная радость.

Когда он только уехал, Рада очень по нему скучала, хоть брат никогда и не уделял ей много своего внимания. Она смутно помнила, что он вел какие-то торговые дела с Тарном, и доход их семьи складывался из поступающих оттуда денег. Вот только чем именно он там занимался, Рада не могла припомнить, а может, и вовсе этого никогда не знала. Впрочем, примерно через год после того, как он исчез, Рада и думать о нем забыла. Так ей было даже лучше: никто не следил за ней, не учил ее, не стоял над душой, кроме наставников, которые занимались ее воспитанием, а их можно было и не слушать. Так что Рада развлекалась в свое удовольствие, носясь по полям и лесам с детьми прислуги, строя шалаши и играя в осаду крепостей. А потом пошла учиться в Военные Академии, где у нее появились уже гораздо более серьезные трудности и сражения, и Вастан сам собой исчез из ее жизни окончательно без боли, обид и слез.

И вот теперь он стоял прямо перед ней, живой и здоровый, точно такой же, каким она помнила его по своему детству, только в несколько раз радостней, будто в его жизни в связи с их встречей приключилось что-то неопишимо прекрасное. Рада же не испытывала никаких эмоций, кроме глубочайшего удивления.

— Где ты был, Вастан? Куда ты запропастился-то из Мелонии? — спросила она, выгибая бровь и оглядывая его с головы до ног.

— Ох, Рада, это в двух словах не расскажешь, — покачал головой Вастан. — Давай лучше пойдем ко мне, пропустим по стаканчику, и я все тебе расскажу, обещаю. Ты ведь сейчас не занята?

— Да вроде нет, — пожала она плечами. Не то, чтобы ей хотелось разговаривать с этим человеком, к которому она не испытывала ровным счетом никаких чувств. Но и сказать ему «пошел прочь» тоже было как-то неудобно, брат все-таки, да еще и родной. И пусть они не виделись много лет, но, возможно, это была не вина Вастана. Ей самой пришлось покинуть страну и своих детей по вине обстоятельств, а не по собственному желанию. От одного разговора ты не развалишься. К тому же, и время есть: отплываете-то вы завтра. Вздохнув, она кивнула: — Где ты живешь?

— Недалеко, — Вастан махнул рукой ниже по улице. — Я остановился в гостинице неподалеку. Так что пойдем.

Отряхнувшись от холодной воды, Рада бросила еще один взгляд на моющую стекла женщину и зашагала следом за Вастаном, который то и дело оборачивался и широко

улыбался ей. И на лице его светилось искреннее чистосердечное счастье.

Самой Раде было не до смеха со всеми этими переживаниями за сына, за Лиару, за ее собственную судьбу. Сердце в груди тревожно тянуло, и она, нахмурившись, потеряла его кулаком, хоть помочь это и не могло. Больше всего на свете сейчас хотелось извиниться перед братом, развернуться и отправиться восвояси, в гостиницу, запереться там в комнате и никого не пускать до завтрашнего дня. Но там была Лиара, и ей нужно было как-то смотреть в глаза после всего этого, а Рада еще не готова была это делать. Пока что она ничего не понимала, ни в чем не разобралась, и ей нужно было еще какое-то время в одиночестве, прежде чем они увидятся, чтобы разложить по полочкам все свои собственные ощущения. Я люблю женщину, самую красивую и светлую женщину во всем мире, Светозарную. Именно ту женщину, которую мне уж совершенно точно не стоит любить. Голова от этого ходуном ходила, и Рада устало вздохнула, проведя рукой по волосам.

— Что ты делаешь здесь, Рада? — тем временем вновь обернулся к ней Вастан. — Я слышал, что ты всю воюешь в Северных Провинциях с наемными ротами, борешься с мятежниками! Даже твое прозвище слышал — Черный Ветер. — Он засмеялся, будто это было смешно. — Так что же тогда привело тебя сюда?

— Старые счеты, — сухо отозвалась Рада, решив не вдаваться в подробности. — Ты лучше про себя мне расскажи. Что там у тебя такого приключилось, что за двадцать лет ты не нашел времени даже весточку о себе отправить?

— Прости, Рада! — брат приложил ладонь к лицу, и глаза его потемнели. — Но тут нет моей вины, клянусь тебе. Я очень хотел с тобой связаться, но это непросто, когда ты в цепях.

— В цепях? — удивленно переспросила Рада.

— Да, — кивнул Вастан, широко шагая чуть впереди нее. — Ты же помнишь, я торговал шелком с одним Тарнским купцом, торговал весьма удачно. И как-то должен был поехать в Тарн, чтобы заключить с ним договор о долговременном сотрудничестве и войти в долю. Вот только до Тарна я так и не доплыл. По дороге корабль перехватили работорговцы. Всю команду и пассажиров, меня в том числе, заковали в цепи, и следующие двенадцать лет я провел на каменоломнях на юге Тарна, в забое, вытаскивая и вытаскивая из-под земли руду.

— Вот оно что, — нахмурилась Рада. Нападения работорговцев на корабли случались часто, да и ее воспитатели говорили, что такое было возможно. Но что-то внутри нее не верило во все это. То ли брат слишком спокойно говорил об этом, то ли она просто неспособна была уже воспринимать его слова, только внутренний голос настойчиво твердил ей, что он врет.

— Да, Рада, — кивнул Вастан, заворачивая за угол, в узкий переулок, змеящийся между лепившимися друг к другу зданиями. Народу здесь почти что и не было, только один нищий побирался возле самого угла здания, протягивая татуированные синим руки к Раде и бормоча беззубым ртом льстивые просьбы. Она поморщилась, отворачиваясь: стружья на его лице были так плохо нарисованы, что даже смотреть противно. А Вастан все не переставал говорить: — Я с трудом избежал смерти в том забое. Думал: все, конец мне, еще немного и надорвусь совсем. А все-таки в один прекрасный момент выбрался оттуда. — Он вдруг остановился перед неприметной дверью в стене здания, развернулся и улыбнулся ей. — Но это я еще успею рассказать тебе позже. А сейчас мы пришли.

— Это не похоже на гостиницу, — нахмурилась Рада, разглядывая обшарпанную дверь, когда-то выкрашенную белой краской, которая теперь сходила с нее сухими лоскутами. Над дверью болтался скрипучий масляный фонарь с пробитым стеклом.

— Ну конечно, непохоже, — чистосердечно улыбнулся ей Вастан, а в следующий миг на затылок Рады обрушился сильный удар, и она потеряла сознание.

===== Глава 35. Дыхание города =====

После того, как за Радой закрылась дверь, Лиара улеглась обратно на кровать и прикрыла глаза. Вот только грезы никак не желали возвращаться. Подушка под ее головой хранила тонкий-тонкий запах волос Рады, а примятая простынь рядом — тепло ее тела. Лиара украдкой положила на это место ладонь, едва касаясь ткани, и на миг ей показалось, что она чувствует это тепло, как чувствовала саму Раду, лежащую рядом и негромко сопящую во сне. Быть с ней в одной постели и не иметь возможности даже кончиками пальцев коснуться ее было невыносимо, но еще хуже было вдали от нее.

Лиаре не нужен был сон: грезы с лихвой заменяли его, прекрасно восстанавливая силы за гораздо более короткое время. В итоге она открывала глаза раньше спутниц, за исключением Алеора, и еще несколько часов просто лежала на кровати или одеяле, дожидаясь, пока Рада с Улыбашкой как следует отдохнут. И в это время ничто не мешало ей любоваться Радой: тем, как ходят ее мощные плечи во сне, гоняя туда-сюда дыхание, как слегка подрагивают мягкие ресницы, как иногда она что-то тихонько шепчет или улыбается, не просыпаясь, и тогда становится такой солнечной, такой светлой, что сердце в груди Лиары ощутимо щемило. А еще во сне она была совсем мирной и кроткой, и каждый раз Лиара с трудом давила в себе желание притулиться к ней, свернуться у нее под боком и водрузить на себя ее тяжелую руку, словно маленький котенок, укрывшийся между лап у большого мохнатого пса. Это желание становилось все сильнее с каждой следующей ночью, но Лиара все еще не решалась это сделать, а оттого дергалась добрую половину ночи, не имея возможности войти в необходимую для грез концентрацию и хорошенько отдохнуть. Поэтому с утра она не всегда чувствовала себя настолько отдохнувшей, насколько этого требовал тяжелый путь.

Вчера вечером она тоже легла очень поздно. Сначала Рада с Алеором допоздна разговаривали, запершись в комнате. Эльф выгнал их с Улыбашкой в коридор, недовольно буркнув, что при желании они могут уснуть в его комнате, а ему нужно переговорить с Радой. В итоге от нечего делать они засиделись в отдельном кабинете вместе с Каем, неторопливо беседуя. Впрочем, беседовали в основном ильтонец и гномиха, обсуждая различные способы обработки камня, и Лиаре тема их разговора была не слишком интересна, так что она только подпрыгивала в кресле как на иголках, ожидая, когда же Алеор и Рада разойдутся. Потом, когда она попала наконец в свою комнату, Рада уже спала, разметавшись по подушкам и тихонько похрапывая во сне, и еще добрый час Лиара пыталась игнорировать ее обнаженные плечи, с которых сбилось одеяло, и тепло, идущее от ее кожи. Грезы пришли только утром, постоянно прерываемые ворочающейся Радой или ее сонным бормотанием.

Но сегодня впервые за долгие недели пути выдался день, когда им никуда не нужно было спешить, и это чувствовалось приятно. Лиара скорее морально устала от крутого темпа передвижения, который взял эльф, и хотя бы один день провести не в дороге было хорошо.

Она уже только-только достаточно расслабилась, чтобы вновь попытаться войти в грезы, как рядом на соседней кровати заворчалась Улыбашка, откашливаясь со сна и ворча что-то под нос. Некоторое время Лиара пыталась игнорировать гномиху, но потом глаза сами собой раскрылись, а вся концентрация ушла прочь.

— И куда только эту кобылу белобрысую в такую рань понесло? — пробурчала

Улыбашка, отбрасывая одеяло и протирая ладонями заспанное лицо. — Натоптала тут как медведь, разбудила всех и еще дверью шваркнула. Боги, не эльфийка, а слезы одни.

Лиара ничего не ответила. Раз Раде нужно было куда-то сходить, то и дело с концом. Возможно, она просто устала от их общества и хотела побыть одна. Или отправилась посмотреть город. От этого на сердце стало грустно: Лиаре тоже хотелось посмотреть Алькаранк, а еще больше — сделать это вместе с Радой. Но той, наверное, уже и след простыл, а искать ее в толчее безумной жизни внутри городских стен Лиаре было боязно.

— Ладно, — Улыбашка подтянулась на руках и свесила с края кровати короткие ноги. — Пойдем, Светозарная, пожрем хоть чего-нибудь. Не удивлюсь, если на завтрак будут рябчики в меду! — она хмыкнула и покачала головой. — Здесь все такие чистенькие и прилизанные, что смотреть тошно!

Лиаре не слишком хотелось есть, но сидеть одной в комнате, в которую через открытое окно врывается осенний ветер, унося с собой запах Рады, было неудобно. Так что она поднялась и принялась одеваться, тихонько посмеиваясь под нос на проклятия и ворчание Улыбашки, с огромным трудом натягивающей на себя свои алые штаны.

Когда они спустились к завтраку, в общей зале было все так же мало народа, как и вчера. Заняты были лишь четыре столика, и хорошо одетые люди, завтракающие за ними, не обратили никакого внимания на вошедших гостей. Лишь один лонтронек с густыми черными усами презрительно скривил губы, глядя на Лиару, и отвернулся к своей тарелке. Она только опустила глаза, сказав себе, что расстраиваться не имеет никакого смысла. Улыбашка ведь упоминала, что лонтронцы терпеть не могут Первопришедших, хоть Лиара все никак не могла взять в толк, почему так.

Они с Улыбашкой уселись за маленький столик на двоих у окна, и гномиха проворчала:

— Боги, чистота-то какая! Даже плюнуть на пол неудобно! Нечего приличному человеку делать в таких местах.

Лиара тоже чувствовала себя неудобно за столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью, на которой перед ней стояли сверкающие тарелки из тонкого южного фарфора. Она и в глаза-то такой посуды не видела, пока не попала в дом Рады, и даже думать не хотела, сколько стоит одна такая тарелочка. Страшно было не то, что брать ее в руки — не дай боги, разобьешь, страшно было даже резать на ней что-то ножом: на фарфоре могли остаться царапины.

Откуда ни возьмись возле их стола возник Нахард, такой же свежий и подтянутый, как вчерашним вечером.

— Доброе утро, дамы! — он слегка поклонился, любезно оглядывая обеих. — На завтрак могу подать вам кашу с ягодами и фруктами, шпигованный чесноком бекон, сыры местного производства. Очень рекомендую ко всему этому Латайское красное, прошлогоднего урожая.

Улыбашка поморгала, словно не понимала ни слова из того, что он сейчас сказал, и буркнула:

— Мне хлеба и бекона. И скажите, милейший, где дре... милорд Ренон?

— Милорд ушел на рассвете, обещался быть к обеду, — Нахард взглянул на Лиару. — Чего желает миледи?

Лиара вздрогнула, словно ее кипятком окатили, и ощутила, как краснеют щеки. Она не привыкла, чтобы к ней обращались так, и уж тем более и в жизни не предполагала, что кто-нибудь когда-нибудь будет звать ее миледи. Потупившись и пробормотав, что будет кашу,

она вся сжалась, пока Нахард не ушел. Кашу хотя бы резать не было нужно, Лиара не знала, сколько у Алеора денег, и сколько ему придется заплатить за фарфор, если она все-таки случайно его поцарапает.

— Ну чего ты глаза-то прячешь, словно монашка в борделе? — хмыкнула Улыбашка, обвязывая свою толстую шею белоснежной салфеткой. — Коли все за счет древолюба, чего бы тогда не поиграть в знатных господ? Я получаю невысказанное наслаждение от того, как лебезит передо мной этот лонтронек. Вот и ты расслабься и насладись хоть раз в жизни. Не все же жрать с грязной коленки заплесневевшую конину.

Лиара не разделяла восторгов гномихи, но принесенная Нахардом каша оказалась очень вкусной, едва ли не самой вкусной, какую она только ела в жизни. Улыбашка довольно зачавкала мясом, громко прихлебывая из кубка, и завтрак прошел в молчании. Лишь из открытого окна доносились громкие звуки улицы: голоса людей, скрип телег, лай собак, обрывки музыки. Лиара поймала себя на том, что тоскливо смотрит через заросшую плющом решетку туда, где осеннее солнце перепрыгивало с одной водосточной трубы на другую, перекатывалось по пыльной улице, целовало старую кладку стен.

— Пойдем-ка погуляем, — негромко предложила ей Улыбашка, поднимаясь от стола и небрежно отбрасывая прочь изрядно заляпанную салфетку. — Чего в гостинице сидеть? Рады нет, Алеора тоже. Можно и ноги размять, и город я тебе покажу.

— Но ведь Алеор же велел ждать в гостинице, — неуверенно проговорила Лиара, хоть сердце от радости сжалось и застучало быстрее.

— Мало ли чего этот древолюб приказал? — пожала плечами Улыбашка. — Тем более, что Свора не может передвигаться при дневном свете. Так что нечего тухнуть здесь. Пошли.

День выдался погожим, и на высоком синем небе не было ни одного облачка. Но над городом его затягивала пыльная дымка, поднимавшаяся от шумного дыхания его громадных легких. Как только Лиара шагнула за порог гостиницы, это дыхание обрушилось на нее, закрутив в водоворот ярких красок, какофонии звуков, тысячи запахов, смешивающихся в одно огромное живое существо.

Улыбашка совершенно бесстрашно сошла со ступеней лестницы, ведущей к двери гостиницы, и нырнула в поток, текущий и текущий в обе стороны по узкой улице Алькаранка. Лиара еще слегка заколебалась на ступенях: этот город был совершенно не такой, как просторный и чинный Латр, но Улыбашка дернула ее за рукав поношенной куртки, которую она носила всю дорогу, и Лиара решилась.

Это было странно, волнующе, так непривычно — быть частью гигантского живого организма, состоящего из сотен тысяч глаз, кривых узких улиц, домов с завешенными тюлем зевами окон, цветущих садов на их крышах, фонтанов, фонарей, собак, кошек, попрошайек, музыки, смеха и слез, что Лиаре показалось, будто она растворяется во всем этом, перестает существовать. Улыбашка держала ее за рукав и увлекала куда-то вверх и в сторону, прочь от гостиницы, через толчею улиц и узенькие вонючие проулки, через людское море и завешенные тряпками проходы, и Лиара могла только крутить головой по сторонам, выхватывая отдельные обрывки из этой шумной незнакомой песни города.

Женщина, что перегнувшись далеко через подоконник, вывешивает белье на протянутые между домами веревки. Дети, отчаянно возящиеся с собаками в пыли дома и громко хохочущие. Солнечный свет на покрытой утренней росой водосточной трубе, дробящийся в капельках и бросающий разноцветные блики на стены. Торговец копченой рыбой, огромный мужчина с окладистой черной бородой и привешенной на груди на кожаных постромках

корзиной, в которой виднелись рыжие бока рыбок, отчаянно выкрикивающий сорванным горлом о том, что его товар лучший в городе. Лавки шелка, сквозь стеклянные окна которых виднелись сотни разных оттенков шелковых отрезков, развешанных вдоль стен. Попрошайка, стащивший яблоко из-под навеса торговца фруктами и ужом проворно пробирающийся сквозь толпу прочь, сам торговец, отчаянно ругающийся и грозящий ему вслед кулаком. Хмурые, затянутые в кожу наемники, грубо печатающие шаг по пыльной улице. И маленький голубой цветочек, каким-то чудом проросший в стыке между глыбами старой кладки, покачивающийся от легких порывов ветра и тянущий лепестки к солнцу.

Этот город совсем не походил на Латр, пропитанный запахом моря, криками чаек, ароматами тысяч специй и человеческого пота. И Лиара вдруг улыбнулась, искренне и светло, всей душой, улыбнулась его блошиным рынкам, побитым горшкам, лавке ножовщика и просоленному насквозь рыбаку, домам, что были так стары, что выросли в землю по самые глаза окон, фонтанам, что выбрасывали алмазы воды вверх к осеннему небу, и женщинам, что набирали из них воду в деревянные ведра, не переставая при этом до хрипоты обсуждать своих мужей и ребятню. Этот город нравился ей, и ей казалось — что она нравится ему в ответ.

Потом Улыбашка вытащила ее из толчеи улиц, от которой уже кружилась голова, на старые каменные ступени лестницы, и Лиара будто очнулась от наваждения, моргая и пытаясь понять, где они.

— Ну что, Светозарная, не шумно здесь для тебя? — хмыкнула Улыбашка. Она тоже сейчас была какая-то совсем другая: задорная и хохочущая, с искрящимися от удовольствия, теплыми глазами.

— Нет, — неожиданно для самой себя ответила Лиара. — Мне нравится здесь.

— Вот и славно! — довольно кивнула гномиха и пихнула ей в руки горячий крендель, который вытащила из маленького промасленного бумажного мешочка. Лиара даже и не заметила, когда она успела его купить. — А теперь-ка трескай крендель, и полезли. До обеда не так уж и много времени, а нам надо много чего посмотреть.

— Куда полезли? — не поняла Лиара, перебрасывая крендель из руки в руку: он был почти что раскаленным, и держать его было сложно.

— Как куда? Смотреть Око! — ухмыльнулась Улыбашка и показала куда-то вверх. — Будем с тобой, как бельмо на глазу! Если ты понимаешь, о чем я.

Только сейчас Лиара осознала, что они выбрались из толпы и стоят на широкой лестнице, змеящейся серпантинном по отвесному срезу скалы вверх над городом, туда, где в небеса взмывало Западное Око. Она задрала голову, следуя взглядом за высокой башней, и рот сам собой открылся от изумления. Отсюда, снизу, башня казалась еще больше, чем была на самом деле, ровная, как эльфийская стрела, выпущенная прямо в небо.

Улыбашка первой запрыгала по широким каменным ступеням лестницы с удивительным проворством, которого от ее маленького крепкого тела Лиара никак не ожидала. Ступени были широкие, а подъем достаточно плавным, но она все равно уже скоро запыхалась и была вынуждена опереться на широкое каменное ограждение, отделяющее лестницу от пропасти внизу. Только вот открывающийся глазам вид был таким захватывающим, что Лиара почти и не обращала внимания на то, как горит в груди и стонут ноги. Прямо перед ней разворачивалась панорама города: с его зелеными крышами, кривой сетью улочек, разноцветной толпой,двигающейся по ней, словно кровь по жилам. А далеко внизу лежало море, прозрачно-голубое под лучами осеннего солнца, покрытое рябью

чешуей золотых лучей, сливающееся с небом далеко на горизонте, так далеко, что Лиара и различить не могла.

Глаза искали и искали в этой бесконечности хоть что-нибудь, за что можно было зацепиться, и этого не было. Лишь ребристая гладь с маленькими черными точками лодочек, и чайки, купающиеся в небе над темной, усыпанной галькой береговой линией с редкими вкраплениями золотого песка, как пятна на разноцветной кошачьей спине. И чем выше они поднимались, тем сильнее крепчал ветер, пронзительный свободный ветер с запахом соли и гниющих водорослей, тонкой ноткой специй, смешанной с дыханием осени.

Великая Мать, может же быть на свете такая красота! И такой простор!

— Почти пришли уже! — отдуваясь, сообщила Улыбашка, и Лиара проследила взглядом вперед.

Лестница делала небольшой поворот и вскарабкивалась на широкое каменное плато у основания маяка. На нем ничего не росло, и лишь узкий каменный парапет отделял его от бескрайних просторов воздуха и моря. Здесь было всего несколько человек: парень обнимал девушку, глядящую на море, жмурясь и улыбаясь от ее длинных волос, щекочущих его лицо на таком ветру, да трое мальчишек, разбегаясь, швыряли через парапет мелкие камушки и громко спорили, чей улетел дальше. А внизу лежал город, кажущийся совсем крохотным с такой высоты, и солнце прыгало с крыши на крышу, мурлыкая себе ветрами под нос что-то, одному ему известное и радостное.

Не обращая ни на кого внимания, гномиха влезла на плато и встряхнулась. Ветер трепал ее волосы, дергал за одежду, но на ее лице сверкала широкая улыбка.

— Ну что, Светозарная? Как тебе вид?

— Это... — Лиара задохнулась, а потом смущенно улыбнулась. — У меня нет слов.

— То-то и оно, — с видом знатока кивнула Улыбашка и поманила ее за собой кивком головы. — Пойдем, тут есть и кое-что получше.

Гадая, что же это может быть, Лиара направилась следом за ней. Глаза любопытно обшаривали старую растрескавшуюся кладку маяка, поросшую дикорастущими плющами и травой. Основание гигантской башни было сложено из блоков выше роста Лиары, и ей только оставалось гадать, какие силы использовали первые строители города, чтобы уложить эти камни друг на друга и скрепить вместе. На высоте примерно двадцати метров над основанием башни виднелись окна, но самый ее шпиль терялся в ослепшем от солнца небе, и у Лиары закружилась голова. Она отвернулась от башни и поспешила следом за проворно топающей вперед гномихой.

Широкое плато вокруг маяка было по всему краю огорожено парапетом, чтобы никто не свалился вниз. На западной оконечности плато виднелись старые развалины какого-то другого здания, возможно, предназначенного для хозяйственных целей, густо заросшего плющом. За ним, метрах в пятидесяти впереди начиналась крепостная стена, на которой виднелись фигурки стражников, расхаживающих взад вперед между высоких зубцов.

Улыбашка приблизилась к развалинам здания, отодвинула плющ и нырнула куда-то внутрь него, моментально скрывшись от глаз Лиары. Та зашла следом, аккуратно отодвигая лозы, чтобы не повредить их, и охнула. От строения осталось лишь три стены, а четвертая заканчивалась обрывом в бесконечность, за которым было лишь море и пустота. Густое переплетение плющей создавало над головой импровизированную крышу, сквозь которую едва просачивались солнечные лучи, беспорядочно пятная пол. Возле самого края бездны лежали на земле несколько толстенных бревен, ранее, видимо, служившие потолочными

балками. И на одно из них и уселась Улыбашка, так близко к краю пропасти, что Лиаре стало не по себе.

— Иди сюда, Светозарная! — позвала ее гномиха, улыбаясь, словно начищенный таз, и похлопывая широкой ладонью по бревну рядом с собой. — Отсюда смотреть гораздо веселее!

И страшнее, добавила про себя Лиара, но вслух говорить этого не стала. Друзья и так считали ее маленькой и хрупкой, и ей не хотелось, чтобы ее обвинили еще и в трусости.

Все стены развалин были исписаны углем и мелом, изрисованы всеми теми, кто приходил в это укромное место любоваться морем. Уловив краем глаза крайне скабресный стишок, Лиара поморщилась и приказала себе не обращать внимания на эти надписи: ей не хотелось сейчас ничем портить того удивительного волнения, что стискивало грудь при взгляде на море.

Она осторожно приблизилась к краю пропасти, стараясь не смотреть вниз, отчего голова буквально кругами ходила, и уселась сбоку от Улыбашки на большую каменную глыбу, выглядящую гораздо устойчивее, чем бревно. И невольно вновь всмотрелась в осеннее небо и море, которых, словно масло на сковороде, топило низкое золотое солнце, перемешивая в одно целое.

Почему-то в голову сразу же полезли мысли о Раде. Вот бы ее привести в такое место! Лиара была уверена, что уж кому-кому, а ей здесь очень понравится, и до боли хотела увидеть ее широкую восторженную улыбку, от которой все ее лицо освещалось такой детской радостью, таким любопытством, делая ее похожей на маленького щенка, гонящегося за солнечными зайчиками. Лиара тихонько улыбнулась своим мыслям, не отрывая взгляда от простора.

— Скучаешь? — раздался рядом голос Улыбашки, и она вздрогнула от неожиданности, сразу же стирая улыбку с лица. Гномиха только хмыкнула, и глаза у нее были теплющие, как топленое молоко. — Да ладно тебе, Светозарная! Только слепой вроде Алеора не заметит, что между вами с Радой происходит.

— Что? — заморгала Лиара, растерявшись и совершенно не зная, как ей реагировать. А гномиха только покачала головой и отвернулась, щуря глаза от яркого солнца и позволяя ветру играть с ее жесткими темными волосами.

— Вас, дур, как магнитом друг к другу тянет, и вы обе при этом ходите с каменными рожами, будто папаша ваш на завтрак скалы грыз. Со стороны наблюдать очень забавно, скажу тебе! — Улыбашка подобрала из-под ног маленький камушек, размахнулась и далеко швырнула его прямо в растянутое от края до края небо. — Надеюсь, вы скоро уже договоритесь, а то от вашего напряжения у меня уже плащ подгорать начинает.

— Я... — Лиара замаялась, не зная, что сказать. Она вообще не думала о том, чтобы обсудить эту ситуацию хоть с одним живым существом на свете, но сейчас, почему-то, отчаянно захотелось рассказать Улыбашке обо всех своих страхах. Эта гномиха была удивительно теплой, и ее мягкий материнский взгляд, обращенный к Лиаре, заставлял хотеть довериться ей. Прочистив горло, она все-таки смогла тихонько пробормотать: — Рада мне очень дорога, но я не знаю, как она ко мне относится.

— Думаю, она просто пребывает в своем вечном бестолковом неведении касательно природы собственных чувств! — Улыбашка покачала головой. — Ни разу не видела такой незамутненной эльфийки! Да и не эльфийки тоже. — Она со смехом в глазах взглянула на Лиару. — Так что тебе, девочка, придется все делать самой. Вряд ли эта одаренная поймет,

что ты от нее хочешь до того, как ты зажмешь ее в каком-нибудь углу.

Лиара ощутила, как огнем полыхнуло лицо, и неловко заерзала на своем камне, больше всего на свете мечтая куда-нибудь спрятаться. Рада вызывала в ней море чувств и желаний, такое же бескрайнее, как открывающаяся перед ними панорама, но одна мысль о том, что однажды Лиара окажется в ее объятиях, парализовала все нутро и заставляла ее дрожать, словно лист на ветру. И уж точно ей не хотелось, чтобы это видела Улыбашка.

Глянув на нее смеющимся глазом, гномиха полезла за пазуху и выудила оттуда маленький серебряный медальон на толстой цепочке. Он был круглым и объемным, и обе его стороны покрывали тонкие узоры червленого серебра.

— Мой Вааз тоже долго не понимал, как я к нему отношусь. А когда понял, то никакой возможности сбежать или вывернуться у него не было. — Она тепло улыбнулась, осторожно нажала пальцем на маленький замочек на боку медальона, и он раскрылся на две полукруглые половинки. Гномиха заглянула внутрь, и в глазах ее плавилась мягкая как перышко нежность. — Так что он вынужден был жениться на мне и переехать в мой дом, когда родился первенец. Такой наш обычай: муж не живет под одной крышей с женой до тех пор, пока не появится первый ребенок, это считается дурным знаком. — Она подняла глаза на Лиару и протянула ей медальон, не снимая с шеи. — Вот они все: Вааз и трое наших ребятшек: Финн, Думут и крошка Ниити.

Лиара с любопытством поднялась со своего камня и подошла к Улыбашке, игнорируя тянущую ее снизу пропасть. В широкой мозолистой ладони с короткими пальцами медальон смотрелся совсем крохотным и воздушным. Внутри на одной из половинок виднелось миниатюрное изображение, выполненное тонкой-тонкой эмалью. Круглый улыбающийся гном с белоснежными волосами держал на руках двух совсем крохотных таких же круглых мальчишек, а кажущаяся почти что котенком беловолосая девчушка сидела у него на плече, держась за его голову, и улыбалась. Лиара почувствовала, как губы сами растягиваются в улыбку, и взглянула на гномиху. Ей подумалось, что прямо сейчас она держит в ладони настоящее, живое, нежное счастье.

— Они такие... милые! — от всей души сказала она Улыбашке. — Такие счастливые!

— Дааа! — довольно протянула та, забирая медальон и рассматривая портрет. В уголках ее глаз собрались мелкие теплые морщинки. — Правда, когда художник делал портрет, это выглядело несколько иначе. Думут все время пытался вlepить Финну в глаз кулаком, а тот орал и жаловался. А Ниити дергала отца за уши и волосы до тех пор, пока он не отшлепал ее с ревом. Так что на самом деле все было гораздо веселее, чем на картинке.

— Улыбашка, а почему у твоего мужа белые волосы? — с любопытством спросила Лиара и сразу же спохватилась. — Если мне, конечно, вообще можно об этом спрашивать.

— Отчего ж нельзя? — хмыкнула та, закрывая медальон и убирая его за ворот рубахи. — Вааз — альбинос с рождения, потому, наверное, и бегал от меня так долго. У нас считается, что альбиносы приносят несчастья, вот он и не хотел никому жизнь ломать, придурок благочестивый! — Она фыркнула и покачала головой. — К тому же, он пекарь, что делает его вдвойне забавным. Я постоянно его подкалываю на тему того, что во время готовки его не видно на фоне муки, или что по ночам от него все собаки разбегаются, принимая за нежить. Но он уже привык, так что не обижается.

— А как так получилось, что он — пекарь, а ты — наемница? — с удивлением заморгала Лиара. — Я вообще даже и не думала о том, что гномы едят хлеб.

— А что они, по-твоему, едят? Камни? Или бороды друг друга обсасывают? —

фыркнула Улыбашка. — Рудный Стяг закупает зерно у Бреготта, так что хлеба у нас вдоволь. А что касается профессии Вааза, то кто-то же должен этот хлеб печь. Ну а мне просто не сидится на месте, вот и все. Не люблю я стены, от них чесотка начинается. — Она недовольно повела плечами. — Но Вааз — мужик, что надо, он прекрасно понимает такие вещи. Так что у нас с ним уговор: я рожаю ему одного маленького и круглого гномыша, а потом могу мотаться, где мне вздумается, следующий год. Он просто детишек у меня очень любит, — голос Улыбашки вновь потеплел. — Да и я люблю. Просто когда они на тебя все вместе забираются и орут во всю глотку, хочется всех их запечь в Ваазовы караваи и кому-нибудь перепродать.

— Мне кажется, вы — очень счастливая семья, — тихонько проговорила Лиара, чувствуя волшебную нежность. То, с какой искренней любовью говорила о своих близких Улыбашка, совершенно не вязалось с ее устрашающей внешностью или крутым нравом. Со стороны она казалась Лиаре похожей на каштан: колючая на поверхности, твердая внутри и совсем-совсем мягкая в самой сердцевинке.

— Что-то вроде того, — Улыбашка смущенно потерла нос, бросила на Лиару короткий взгляд и неловко поднялась. — Ну что, пойдём обратно, что ли? А то харю морозить на таком ветру явно не имеет никакого смысла. У нас ещё дел куча.

— Каких? — с любопытством спросила Лиара. Она поймала себя на том, что больше не боится, даже капельки, и очень хочет вернуться в крикливую суету портового города. И ещё немножко побродить по его улочкам и проспектам, подышать его ярким и сочным дыханием.

— Шмотки купить, — деловито отозвалась гномиха, поднимаясь со своего бревна и отряхивая штаны. — Не могу же я такой алой ввалиться в логово Неназываемого, пусть он и не опасен, как говорит Алеор. Да и Черви в Пустых Холмах хоть и слепые, но уж меня-то издалека увидят. Так что пойдём, погуляем по лавкам как девчонки, — она подмигнула Лиаре. — Не все же топорами махать и угрожающие хари всем строить.

— С удовольствием! — кивнула Лиара. У нее с собой ещё был почти что не тронутый кошелек с золотом, который ей тогда выдал Ленар за спасение Рады. Она совершенно не знала, что делать со всей этой грудой монет, потому можно было воспользоваться случаем и немного потратить.

Спускаться по кривой лестнице вниз было гораздо страшнее, чем лезть вверх. Лиару почти что затягивало в бездну, голова кружилась, и крыши городских домов угрожающе кренились в сторону, когда ее покачивало на широких ступенях. Улыбашка заметила это и без слов крепко перехватила ее руку, чтобы поддержать. Ладонь у нее была теплой и очень надежной, и Лиара с благодарностью кивнула в ответ.

После тишины и простора наверху скалы город показался еще более шумным и ярким, но Лиаре нравилось. Придерживая поясной кошель по совету Улыбашки, чтобы его не срезали в толпе, она спешила за гномихой через водовороты улиц, путаницу переулков, разливы площадей и прохладную тень арок, улыбаясь тихонько и думая о том, что даже хорошо, что пошла не с Радой. Теперь она могла что-нибудь купить ей в этом многообразии лавок, какой-нибудь подарок, чтобы из рук в руки передать ей маленькую частичку себя и протянуть еще одну ниточку между ними. Раз уж Улыбашка была уверена, что Рада любит ее, но не понимает этого, то теперь у Лиары была надежда. В один прекрасный день Рада все поймет, и тогда... Что конкретно тогда произойдет, Лиара пока себе еще плохо представляла, но от одной мысли об этом сердце начинало учащенно биться и сладко

сжиматься, и бескрайняя как море нежность растекалась по всему ее существу.

Для начала они заглянули в лавку сапожника и выбрали себе подходящую обувь. Мастер работал под заказ, тачая сапоги и ботинки по индивидуальным меркам, но у него было и несколько готовых пар, которые более-менее подошли Лиаре с Улыбашкой. Лиаре достались невысокие сапожки на шнуровке из мягкой кожи, чуть-чуть свободные в носке, но всяко лучше тех будюх, которые она едва перетаскивала за собой все эти дни. Следующей была лавка портного, который с трудом, но подобрал и ей, и гномихе, простые куртки из плотной коричневой шерсти, теплые плащи на зиму, подбитые мехом телогрейки.

Потом пришло время для подарка, и Лиара задумалась. Расписной гребень Раде не подаришь: и волосы короткие, да и вряд ли она ему порадуется. Точно так же, как и разноцветные ленты, цепочки для волос, расшитые пояски. Внутри начало расти странное чувство тревоги, и Лиара решила, что это связано с трудностью в выборе подарка. Она просто не могла себе представить, что может порадовать Черного Ветра, кроме оружия, крепких напитков или нового коня.

А потом вдруг взгляд зацепился за что-то, блеснувшее через стекло лавки с ювелирными украшениями. Лиара остановилась и прищурилась, глядя сквозь запыленное окно на прилавок, на котором были разложены кольца и перстни, инкрустированные камнями.

В самом углу лежал большой широкий перстень из червленого серебра с плоским овальным камнем, утопленным в основу. И цвет у этого камня был таким, какой Лиара никогда в жизни не видела: бело-голубой, перетекающий, словно утреннее весеннее небо, проглядывающее сквозь кучерявые облака.

— Улыбашка, подожди! — окликнула она успевшую уйти вперед гномиху. — Я хочу кое-что купить.

Уверенно толкнув деревянную дверь, Лиара вошла в маленькое уютное помещение лавки. Стены здесь были покрыты деревянными панелями и увешаны полками, на которых в маленьких коробочках посверкивали россыпи драгоценных камней. Перед входом стоял прилавок с кольцами, подвесками, всевозможными браслетами и сережками из серебра, золота и металла. Возле самой двери на табуретке дремал здоровенный детина-охранник, скрестив на груди мощные руки. Завидев Лиару, он широко зевнул, но сразу же встрепенулся, когда следом за ней по ступеням влезла Улыбашка с большим тюком купленных вещей, и пристально взглянул на нее холодными глазами.

С другой стороны прилавка навстречу Лиаре поднялся старичок с испещренным морщинами лицом и седыми волосами. Он шурился и часто смаргивал из-за яркого солнца, пробивающегося сквозь окна, но взгляд его синих глаз был острым и чистым, словно топазы, поблескивающие на прилавке.

— Здравствуйте! — неуверенно обратилась к нему Лиара, и глаза старичка с интересом оглядели ее. — Я бы хотела купить кольцо. Вот то, с синим камнем. Сколько оно стоит?

— Это? — торговец указал на выбранный Лиарой перстень и аккуратно вынул его из бархатного крепления подложки, передавая Лиаре в руки. — Замечательный выбор, только несколько грубоват для дамы. Ильтонская работа, червленое серебро и облачный ларимар. В наших краях очень редкий, потому и стоит немало.

Его внимательный взгляд пробежался по запыленной одежде Лиары, которую она еще не успела сменить, неброскому тючку с покупками в ее руках. Только ей уже не было дела до того, что он о ней думает. Она нашла подарок для Рады, и это было самым главным.

— Я его беру, — уверенно кивнула она, разглядывая перстень. Серебро обвивалось

вокруг камня тонкой вязью лоз и листьев, и в причудливых узорах виделась долгая и кропотливая работа. Перстень был сделан с любовью, и Лиара тихонько улыбнулась, когда перед внутренним взором встали казавшиеся такими неуклюжими каменные клешни с превеликой аккуратностью заплетающие тонкое кружево из раскаленных серебряных нитей. Да, это кольцо подходило Раде: потемневшее серебро и укрытое кучерявыми облаками небо, нежность, оплетенная сталью. — Сколько?

Продавец назвал цену, и Лиара внутренне охнула, но стоически отсчитала в его ладонь почти все оставшееся у нее золото. Кольцо стоило почти что в два раза дороже их одежды и обуви вместе взятых, но это был подарок, и Лиара откуда-то знала, что лучше найти просто не сможет. Охранник ощутимо расслабился, когда она рассчитывалась, и вновь зевнул, прикрывая тяжелые веки и больше не обращая внимания на косящуюся на него в ответ с угрозой Улыбашку. А когда они вышли из лавки в прохладное осеннее утро, гномиха с улыбкой заметила:

— Ну, уж если после такого подарка эта дубина белобрысая так ничего и не поймет, то нам с Алеором придется запереть вас обеих в одной комнате на несколько дней и не выпускать, пока вы не договоритесь.

Вот только, несмотря на купленное кольцо, тревога так никуда и не делась, даже наоборот, стала сильнее. Что-то тянуло и тянуло золотой клубочек в ее груди, который появился совсем недавно, и Лиара задумчиво хмурилась, потирая его ладонью и пытаясь найти причину. Вроде и погуляли они хорошо, и купили все необходимое, да только тревога никак не желала проходить и все усиливалась, пока они возвращались в гостиницу.

А там их уже ждал Алеор, темный, как грозовая туча. Эльф сидел у ближайшего ко входу столика, положив ногу на ногу и затягиваясь дымящейся трубкой. Напротив него расположился Кай, задумчиво поглаживающий громоздкими нефритовыми пальцами подбородок. Между ними на столе лежала доска для игры в литцу, и несколько фигурок уже сошли с нее с обеих сторон, но кто именно выигрывает, Лиара не могла бы с уверенностью сказать. Только Алеор не выглядел так, будто был увлечен поединком.

Он все поглядывал на входную дверь, и когда они вошли в помещение, плечи его заметно расслабились. Лиара с удивлением отметила, что правую его ладонь стягивала белоснежная марлевая повязка.

— Где вы были? — хмуро осведомился эльф, переводя взгляд с одной на другую. — Я же предупреждал вас, чтобы вы не покидали гостиницу и соблюдали осторожность!

— Мы ходили за покупками, патлатый. — Улыбашка по-хозяйски отодвинула себе стул и взгромоздилась на него рядом с ильтонцем, небрежно бросив свой тюк на пол под стол. — Не могу же я в алых панталонах расхаживать по Семи Преградам.

— А Рада где? — взгляд хмурых глаз Алеора обратился к Лиаре. — Тоже себе рюшечки покупает, чтобы задом перед Червями крутить?

— А она еще не вернулась? — удивленно взглянула на него Лиара.

Лицо Алеора окаменело. Кай тревожно нахмурил брови, оглядывая собеседников, и опустил руки.

— Что-то не так? Рада Черный Ветер не показалась мне человеком, склонным к необдуманным решениям.

— Она вообще ни к каким решениям не склонна, потому что у нее мозги, как у крота, — проворчал Алеор, поднимаясь с места. — Я спрашивал Нахарда, тот сказал, что она ушла утром к знахарю. Когда я вернулся, а ее не было, я решил, что она с вами. Но раз ее нет до

сих пор, что-то могло случиться. Так что сидите здесь и не высовывайтесь, а я постараюсь найти ее как можно быстрее.

Тревога стала гораздо отчетливей, пережав Лиаре дыхание. В груди болезненно била крыльями маленькая птичка, а в голове вставали картины одна страшнее другой. Потому она даже не думала, шагнув навстречу Алеору.

— Я пойду с тобой и помогу ее найти. Не могу сидеть здесь и ждать.

— Ладно, Светозарная, — проворчал Алеор, выбивая из трубки пепел в большую тяжелую хрустальную пепельницу. — Пойдем.

— Я с вами, — сразу же бросила Улыбашка, спрыгивая со стула, а следом за ней кивнул Кай:

— Я тоже пойду. Здесь нечасто видят ильтонцев, и я заметил, что на мои вопросы люди отвечают охотнее, потому что у них есть возможность вдоволь меня порассматривать. Так что я могу вам пригодиться.

Алеор только тяжело вздохнул, разглядывая их всех, поморщился и кивнул:

— Ладно уж, пойдем толпой. Только не отставать, не жаловаться и не ввязываться в потасовки, — он выразительно посмотрел на Улыбашку. — До вечера мы должны найти ее. Я отыскал одного единственного капитана, который согласился взять нас на борт, и сегодня вечером мы отплываем на запад.

===== Глава 36. По следу =====

Лиара тяжело привалилась спиной к прохладной шершавой стене какого-то дома и устало выдохнула, прикрыв глаза. Закатное солнце протянуло по улицам свои рыжие кошачьи лапы, и люди спешили мимо нее по своим домам после долгого трудового дня. Тащились, ссутулив усталые плечи, просоленные морем рыбаки, пекари захлопывали навесы над своими лавками, торговцы запирали ставни на ночь, и лишь редкие лоточники охрипшими голосами еще продолжали расхваливать свой залежавшийся товар. День кончался, а Раду они так и не нашли.

Тревога в груди сжимала все ноющей болью, и Лиара в который раз уже потеряла грудь кулаком, прекрасно понимая, что боль это никак не уменьшит. Страх холодил своими пальцами все тело, мешал идти, рассеивал внимание. С другой стороны, из-за него она не замечала ни голода, ни жажды, ни усталости после целого дня беготни по городским улицам.

Искать они начали с лечебницы, куда этим утром направил Раду хозяин «Звезды севера». Алеор попытался открыть дверь в заведение рывком, но она оказалась запертой изнутри, и эльфу пришлось барабанить в нее кулаком до тех пор, пока из окон верхних этажей какая-то разгневанная хозяйка не попыталась облить его помоями за грохот. Впрочем, ей хватило одного взгляда на разношерстную компанию, чтобы передумать, и в итоге она только разразилась бранью, добавив свои вопли к грохоту едва не вылетающей из дверной коробки двери. Когда же лекарь, наконец, отпер дверь и выглянул наружу, Алеор моментально схватил его за грудки и потрянул так, что чуть дух из него не вытряс.

— Утром к вам приходила эльфийка, высокая, с золотыми волосами. Где она? — без обиняков спросил Алеор.

— Я сразу понял, что вы ее друзья! — проворчал лекарь, раздраженно оглядывая их всех. — Манеры у вас одинаковые, — он бросил выразительный взгляд на руки эльфа на собственном воротнике.

— Если бы ты сразу открыл мне дверь, я был бы вежлив, как монашка, — оскалился ему

в лицо эльфа и тряхнул его еще раз. — Где Рада?

— Понятия не имею, — огрызнулся лекарь. — Ушла в ту сторону, — он махнул рукой куда-то в направлении порта. — Там ее и ищите.

— А с чем она пришла к вам? — пискнула из-за плеча Алеора Лиара. Рада не говорила ни слова о том, что у нее что-то болит, и решение обратиться к лекарю могло быть связано с ее исчезновением. — Что вы должны были ей вылечить?

— Глупость! — фыркнул тот. — Только, боюсь, ее случай безнадежен! А теперь проваливайте из моего дома!

— Я тебе обещаю, — очень тихо проговорил Алеор, пристально глядя в лицо мужчины. — Если я ее не найду, я вернусь, и ты очень сильно об этом пожалеешь.

Лицо лекаря побелело от страха, но он справился с собой и проворчал сквозь стиснутые зубы:

— Больше всего на свете я жалею о том, что вообще ей дверь открыл.

С тех пор прошло добрых пять часов, и за это время они, казалось, обшарили каждый уголок этого города в поисках Рады, но ни следа, ни зацепки найти не смогли. Словно она вообще как сквозь землю провалилась. Несколько раз, правда, какие-то попрошайки, к которым обращался Алеор, клялись и божились, что видели ее, и что покажут, куда она ушла, только бы он отсыпал им серебра. В эти моменты сердце Лиары радостно замирало, и она едва сдерживалась от того, чтобы побежать в указанную сторону. Однако на поверку оказалось, что попрошайки просто нагло ввали, пытаясь обманом заставить эльфа заплатить. Он нутром чуял такую ложь, потому к намалеванным на попрошайках струпьям и липовым увечьям добавились настоящие: сломанные носы и вывернутые руки. Станным образом весть о том, что черноволосый эльф шутить не любит, моментально разнеслась по всему городу. И теперь попрошайки, к которым они подходили с расспросами, чистосердечно признавались, что никого не видели, никак помочь не могут и вообще надеются, что эльф их не тронет.

Мимо с радостным смехом пробежал какой-то карапуз, гоня перед собой набитый бобами высушенный бычий пузырь, которые беднота использовала для своих игр. Лиара проводила его измученным взглядом, чувствуя опустошение и тоску. Куда пропала Рада? Что могло с ней случиться за это время? Неужели же Сети'Агон все-таки добрался до нее?

Тяжело загребая ногами, к ней подтащилась Улыбашка. Вид у нее был хмурый, новая купленная одежда сверху донизу покрыта пылью, а изуродованное шрамом лицо угрюмо и неприветливо. В поводу она вела их лошадей: все равно для расспросов она не годилась, люди пугались ее шрамов и шарахались прочь. На фоне всех остальных лошадей гигантский рыжий валит ильтонца смотрелся едва ли не исполином, но нравом обладал спокойным и покладистым.

Остановившись возле Лиары, гномиха устало дернула за уздечку черного Злыдня, который все норовил вывернуться и укусить спокойного валита самой Улыбашки, и тяжело вздохнула:

— Ну как ты, Светозарная, держишься? — Лиара в ответ только кивнула, продолжая морщиться и потирать грудь, и гномиха хмуро сплюнула под ноги. — И куда только эта зараза запропастилась? Кажется, я сама готова хорошенько взгреть ее, как только найду.

— Только бы с ней все было хорошо! — едва слышно прошептала Лиара, все свои молитвы обращая к Великой Матери, чтобы та оберегла и укрыла Раду в своей ладони. Если ее захватили люди Сета, то только это могло сейчас помочь ей.

— Да не рви ты так сердце! — Улыбашка вымученно улыбнулась и похлопала ее по предплечью — выше просто дотянуться не могла. — Найдется твоя дылда, ничего с ней не случится.

— И что сегодня за день такой? — послышалось сверху раздраженное ворчание какой-то женщины. — Целый день всякая шваль бессмертная под окнами околачивается. Вам делать здесь больше нечего? Другого места для встреч найти не можете?

Лиару проморозило всем телом, и усталость моментально схлынула прочь. Оттолкнувшись от стены, она отошла вперед и вскинула голову. На втором этаже дома, возле которого они стояли, какая-то горожанка в кружевном чепце негромко ворчала себе под нос и вывешивала на веревке, протянутой от ее окна на другую сторону улицы, мокрое белье. Вид у нее был раздраженный, но Лиаре было плевать на это. Самое главное то, что она сказала.

— Извините! — Лиара постаралась сделать так, чтобы голос звучал как можно увереннее. Женщина бросила на нее недовольный взгляд, и Лиара поклонилась ей, низко опуская голову. — Доброго вечера вам пред очами Грозара!

— И вам, — поджав губы, бросила женщина, недовольно отворачиваясь от Лиары. То ли смутилась из-за вежливого обращения, то ли не любила эльфов, да только Лиара не собиралась отступать.

— Из ваших слов я поняла, что сегодня вы видели здесь еще одну эльфийку, — внутри все дрожало, словно желе, а от напряжения сводило глотку. Лиара с надеждой взглянула на женщину. — Она была высокая, с золотыми волосами, в черной одежде?

— Надо мне вас, бессмертных, рассматривать, — проворчала женщина.

— Пожалуйста, это очень важно! — взмолилась Лиара. — Мы ищем эту женщину уже несколько часов. Ей может грозить опасность. Если вы можете мне указать, в какую сторону она пошла...

Женщина недовольно нахмурилась, помялась, потом отозвалась:

— В сторону городских рынков. Вот только вряд ли ей грозит опасность. Ее увел один из ваших, бессмертных. Кувыркаются, небось, в борделе каком-нибудь.

— Бессмертный? — удивленно вскинула брови Лиара. Рядом тихо выругалась Улыбашка. — Не подскажите, как он выглядел?

— Такой же белобрысый, как и она, это все, что я видела. — Женщина стремглаз с подоконника пустой таз и неодобрительно взглянула на Лиару. — Нечего вам таскаться по людским государствам. Сидите в своей реке и не высовывайтесь, и не придется никого искать.

С этими словами она захлопнула окно.

Лиара развернулась на месте и почти что побежала в указанном женщиной направлении, расслышав проклятье Улыбашки, с трудом поволокшей лошадей следом за ней. Сердце в груди билось, как сумасшедшее, кровь стучала в висках, оглушая ее. Кто был этот эльф, что увел Радугу? Зачем и куда он увел ее? Ведь она вроде бы говорила, что у нее не слишком много знакомых эльфов, и какова вероятность встретить одного из них именно сейчас и именно здесь?

Впереди на полуопустевшей улице виднелся черный плащ Алеора, развивающийся на ветру. Эльф расспрашивал какого-то попрошайку, сжавшегося у его ног в комок, и люди ускоряли шаг, огибая его по большой дуге. На другой стороне дороги высилась широченная спина Кая и его громадные нефритовые руки. Он не спеша шел по самой обочине, изредка

останавливаясь, чтобы порасспросить таращившихся на него огромными глазами прохожих. Следом за ильтонцем на расстоянии десятка метров семенила толпа ребятишек, восторженно охая, ахая и разглядывая его с открытыми ртами.

— Алеор! — еще издали выкрикнула Лиара, махнув рукой над головой.

Горожане еще больше ускорили шаг, пытаясь как можно скорее покинуть улицу, на которой находился Ренон, а он сам вскинул голову и обернулся к Лиаре. И вместо того, чтобы пойти ей навстречу, махнул рукой, призывая подойти к нему.

Откуда взялись силы, Лиара не знала, но разделяющее их расстояние она пролетела за какие-то несколько мгновений.

— Что ты нашла? — глаза эльфа сейчас напоминали две северные льдины.

— Одна женщина видела, как Раду уводил с собой эльф в сторону городских рынков! Кто это, Алеор? Что это за эльф? — Лиара тревожно взглянула ему в глаза, но тот только нахмурился, сжал зубы и повернулся к сжавшемуся перед ним попрошайке.

— Ну? — угрожающе прогудел эльф.

— Господин, я сам не видел здесь никого, но слышал днем, что Шелудивый Саим видел двух эльфов в одном переулке, к северу отсюда... — зачастил попрошайка, и сердце Лиары ёкнуло.

— Где? — прорычал эльф.

— В трех кварталах отсюда, на углу магазина шелка. Он там обычно побирается, хоть и место не слишком проходное...

Не став дослушивать, Алеор бросил попрошайке серебряный, громко свистнул в два пальца и, махнув рукой обернувшегося Каю и Улыбашке, бегом сорвался с места.

На ногах словно крылья выросли, и Лиара устремилась за эльфом, не чувствуя ничего, кроме бешено колотящегося сердца. Возможно, если Рада пошла с этим эльфом сама, ей ничто не угрожало. Возможно, это был просто ее знакомый, и они решили выпить за встречу. Вот только тревога и боль в груди так никуда и не делись, и сердце шептало Лиаре, что если бы дело обстояло именно таким образом, Рада уже давным-давно вернулась бы в «Звезду севера». А Нахард обещал послать за ними слугу, если она возвратится, и было это целую тучу времени назад.

Жесткие мостовые больно били в ступни, гудели усталые ноги, но Лиаре не было до этого никакого дела. Впереди громадными прыжками неся Алеор, и она сосредотачивалась лишь на том, чтобы не отстать от него ни на миг. Люди отбегали прочь с их дороги, что-то рассерженно кричали им вслед, но все это не имело значения. Казалось, что все ее тело скрутили в одну туго натянутую напряженную струну.

Алеор влетел в узкий переулок возле лавки шелка и едва не затоптал полуголового, покрытого струпьями попрошайку, сидящего у самой стены. Тот вскрикнул и откинулся назад, прижавшись к стене и испуганно глядя на эльфа. Алеор дышал тяжело, плечи его ходили ходуном, но взгляд был таким тяжелым, что нищий застыл, даже не посмеяв шелохнуться с места, будто его придавило к земле горой.

— Говорят, ты видел сегодня днем двух эльфов. Это правда?

В голосе Алеора было такое напряжение, что попрошайка испуганно облизнул пересохшие губы и неистово закивал.

— Расскажи мне все! — потребовал он.

— Женщина, золотоволосая женщина в черной одежде, — залепетал нищий. — С ней был золотоволосый мужчина. Они зашли прямо сюда, за угол, разговаривали о чем-то. Он

подвел ее к той двери, — нищий указал на рассохшуюся, покрытую облесшей белой краской дверь. — Там был еще один человек, по виду матрос, с татуировками на руках. Он ударил ее по голове, а затем они вдвоем затащили ее в здание.

Лиара поняла, что забыла, как дышать. Лицо Алеора потемнело.

— Как они выходили, ты видел? — спросил он.

— Нет! — неистово замотал головой нищий, поднимая руки к лицу и прикрываясь от разгневанного эльфа. — Клянусь вам! Я больше ничего не видел!

Серебряник заскакал по плитам мостовой, а в следующий миг эльф одним ударом ноги выбил внутрь старую рассохшуюся дверь, выхватил из ножен меч и ворвался в помещение. Лиара последовала за ним, задержавшись лишь на миг, чтобы пролезть сквозь искореженную дверную коробку. И услышала почти что звериный рык Алеора:

— Проклятье! Бхара разорви эту бестолковую бабу!

— Ее здесь нет? — вскрикнула Лиара, чувствуя, как обрывается сердце.

— Не уйдут, твари, — тихо пообещал эльф и загремел чем-то в темноте.

Перестроить глаза на ночное зрение было легко, и Лиара огляделась. За дверью обнаружилось пыльное помещение кладовки, вдоль стен которой стояли деревянные ящики, коробки и бочки. На полу валялись пустые мешки и обрезок веревки. Ее связали? — мелькнула в голове мысль. В этот же миг Алеор выбил неприметную дверь в дальнем конце помещения и исчез в проходе.

Сзади послышались голоса друзей и цокот копыт, но Лиара уже сорвалась с места, пролетая сквозь пыльное помещение. Дальше был маленький коридор с двумя дверьми, уже открытыми, за которыми располагались коморки с какими-то столами, койками и шкафами. А Алеор стоял в конце коридора, локтем прижав за горло к стене какого-то человека и приставив острие меча под его подбородок.

— Помилуйте! Я ничего не сделал! Не трогайте меня! — почти что завизжал плотный мужчина средних лет с большой залысиной и оттопыренными ушами. Одет он был в простой коричневый костюм из тех, что носили в Алькаранке хозяева лавок.

— В твою каморку днем приволокли женщину. Где она? — Алеор смотрел на него, не отрываясь и не моргая, и голос у него был, как зимняя стужа.

— Здесь никого не было! Клянусь вам!

Лиара даже не заметила движения руки эльфа, но в следующий миг человек закричал, и кровь хлынула с его лица прямо на воротник. Через щеку у него шла глубокая кровавая рана.

— На кого ты работаешь? — тихо спросил эльф.

— Его зовут Ладаэн, он из Лесного Дома! — завизжал торговец, выкатывая глаза от страха и боли. — Сегодня он должен был забрать тюки с шелком, чтобы отвезти их на продажу в Дагмариен! Я дал ему ключ от подсобки, чтобы не отвлекаться от посетителей! Примерно через час пополудни он пришел вместе с работниками, они вынесли весь шелк в мешках через переднюю дверь и сгрузили его на телегу. Он вернул мне ключ от подсобки и все! Клянусь вам! Я больше ничего не знаю!

Время застыло, как смола. Лиара видела, как вымерзают глаза Алеора, чувствовала, как он принимает решение. Это было неуловимо, неопишимо, словно какая-то невидимая частичка головоломки встала на место. И за миг до того, как мышцы эльфа напряглись, чтобы нанести последний удар, она вскрикнула, выбрасывая вперед руку:

— Нет! Не убивай! — Алеор замер, словно зверь, в любой миг готовый к прыжку. — Не убивай! — взмолилась Лиара, чувствуя, как сердце в груди сжимается от боли и страха. —

Он не врет! Он ничего не знал!

Еще миг Алеор раздумывал, и Лиара чувствовала, как колеблется вокруг него пространство, словно нить жизни торговца шелком сейчас трепетала на самой грани под ржавыми ножницами Марны Старухи. Потом эльф медленно отвел меч в сторону, и напряжение спало, отошло прочь, оставив после себя лишь опустошение. Торговец расслабился в его руках, будто тюк с мукой, ноги у него подрагивали, явно не держа его.

— Если ты солгал, я вернусь и вырежу всю твою семью, — тихо предупредил Алеор, убрал руку, и мужчина со стоном обвалился на пол, зажимая руками располощенное лицо. Потеряв к нему интерес, Алеор развернулся к Лиаре и кивнул ей головой. — Пойдем.

— Куда? — захлопала она глазами.

— В порт. Искать этого Ладаэна.

Они пробежали обратно через пыльную кладовку, и Улыбашка, как раз пытавшаяся пробраться через выломанную дверь в помещение, почти что набросилась на Алеора:

— Что, бхара тебя раздери, происходит? Куда ты несешься?

— В порт, — на ходу бросил Алеор, почти что силой выталкивая ее из прохода и одним махом взлетая на своего мышастого, поводья которого сейчас держал в своей здоровенной ручище Кай. — Они увезли ее туда.

— Кто? — развернулась к нему Улыбашка. — Почему в порт?

— Некогда, — прорычал эльф. — Быстрее!

Он почти что вырвал поводья из рук Кая, ударил жеребца пятками в бока, и тот с места взял в галоп, заполнив грохотом копыт узкий переулок. Лиара бросилась к Каю, забрала у него поводья Злыдня и Звездочки и принялась карабкаться в седло, не так проворно, как эльф, но настолько быстро, насколько вообще могла.

— Бхарин древолюб! — выругалась ему вслед Улыбашка. — Лиара! Что происходит?!

— Какой-то эльф напал на Раду, скрутил ее и увез в порт! — крикнула она, перехватывая поводья и посылая Звездочку следом за Алеором. — Догоняйте!

— Да подождите вы! — донесся из-за спины отчаянный вопль Улыбашки. — У меня ноги слишком короткие, чтобы так быстро бегать!

Но ждать времени не было. Лиара прижалась к шее Звездочки, отчаянно погоняя ее и волоча за собой Злыдня. Копыта грохотали по каменным мостовым, и люди с криками разбегались прочь. Впереди виднелся развевающийся плащ эльфа и искры из-под подкованных копыт его жеребца. А Лиара не могла думать ни о чем, кроме одного: Раду действительно схватили, ее увезли в порт, и было ли у них еще время на то, чтобы перехватить корабль? Прошло как минимум шесть часов с момента ее захвата, и за это время можно было увести корабль так далеко, что даже самая быстроходная шхуна уже его не догонит. Великая Мать, молю тебя, пожалуйста! Позволь нам успеть!

Они пролетели насквозь вымерший рынок с закрывшимися лавками и свернутыми навесами, несколько складских кварталов с приземистыми зданиями, в каких хранили товар и зерно. Впереди уже виднелась гавань: высокие стрелки погрузочных лебедок горбились на фоне быстро темнеющего неба. Сильно запахло морем и солью, дегтем, пенькой.

Потом склады внезапно разошлись в стороны, и впереди открылась широкая деревянная пристань. Огромным полукольцом она охватывала побережье бухты, стиснутое с двух сторон высокими отвесными скалами. Над морем ложилась ночь, и первые звезды уже зажглись на бирюзовом небе, отражаясь в воде крохотным серебристыми льдинками. Две золотые дорожки рассекали водную гладь: это высоко-высоко над городом горели Очи маяков. И

холодный ветер ударил в лицо Лиаре, разметав ее волосы и остудив разгоряченный лоб.

Несмотря на вечернее время, в порту всюду кипела работа. Вдоль всей пристани выстроились корабли от громадных трехмачтовых морских гигантов со свернутыми парусами, до совсем маленьких лодчонок рыбаков, приткнувшихся к деревянным сваям. Сотни босоногих матросов шлепали по деревянным причалам, перетаскивая на плечах здоровенные узлы, мешки, коробки и свертки, крича друг другу во всю глотку ругательства и приказы, переругиваясь и хохоча. Здесь же стояли и лакированные кареты купцов, съехавшихся на торг с капитанами, множество огромных подвод, на которые грузили товар или, наоборот, сгружали его, чтобы нести на корабли. На ближайший к ним корабль грузили лошадей, и сгрудившиеся на пристани кони ржали и топтались на месте, испуганно косясь на людей и стрелки. Громоздкая лебедка со скрипом переносила здоровенного жеребца, перехваченного под брюхо брезентовой лентой, на борт корабля. Он отчаянно брыкался и ржал, мотая головой, лебедка раскачивалась, и матросы на борту корабля бранились и суеились, пытаясь хоть как-то помочь грузчикам. Рев над портом стоял такой, что услышать друг друга было просто невозможно, а от этой толчеи и суеты у Лиары голова закружилась.

Алеор остановил жеребца и застыл на самом краю настила, глядя вперед. Глаза его отчаянно шарили по толпе, а рот скривился, оскалив зубы. Лиара подъехала к нему, с надеждой вглядываясь ему в лицо. Только он сейчас мог найти Раду, сама она даже не представляла, что делать дальше.

— Куда теперь? — перекрикивая рев людей и лошадей, обратилась к нему Лиара.

— К начальнику порта! — решительно отозвался Алеор, резко развернул жеребца и пришпорил его.

Лиара последовала за ним, успев заметить, как из-за поворота выезжают Улыбашка и Кай верхом на своих валитах. Они представляли собой крайне забавное зрелище: крохотная гномиха на огромном жеребце и скалоподобный ильтонец, сидящий на еще большем валите, казавшемся под ним едва ли не пони. Улыбашка замахала над головой руками, что-то раздраженно крича, но Лиара не могла останавливаться и объяснять им хоть что-то. Прижавшись к шее Звездочки, она погнала ее следом за мышастым эльфом вдоль деревянной пристани.

Впереди на фоне плоских складских крыш выделялось одно двухэтажное здание, отделанное по фасаду лепниной в виде вставших на дыбы лошадей в окружении стилизованных якорей. Окна его ярко горели, дверь была открыта, и по высокому крыльцу вверх-вниз сновали люди в разношерстной одежде. Над крышей здания на сильном ветру полоскались три знамени: Лонтронское, Мелонское и знамя Алькаранка. Алеор даже не стал придерживать своего мышастого, спрыгнув с него на бегу и едва не стоптав двух каких-то людей, которые разразились отчаянной бранью ему вслед. Эльф проигнорировал их, перепрыгнув через две ступеньки и влетев внутрь здания.

Лиаре пришлось придерживать лошадей у крыльца, чтобы никого не задеть. Только привязывать их она не стала, спеша следом за эльфом. Она тоже поднялась на крыльцо и нырнула в дверь, умудрившись проскользнуть мимо приземистого гнома, ворчащего что-то о «бестолковых древолюбах». И сразу же замерла на пороге, испустив вздох отчаяния.

Внутреннее помещение было полностью забито людьми. Они почти что стеной стояли, горланя и переругиваясь, кое-как выстраиваясь в очереди перед четырьмя столами, за которыми из сил выбивались писцы, регистрирующие торговые сделки. Служащие тоже кричали на толпу, надрывая глотки, требуя, чтобы те вели себя потише и не лезли без

очереди, а в ответ им неслась отборная брань и проклятия.

Лиара только беспомощно стояла, даже не представляя, как в таком столпотворении можно найти Алеора. Голова закружилась, перед глазами все поплыло, и она поняла, что сейчас или упадет в обморок, или разрыдается от нехватки воздуха и напряжения.

— Пошли со мной! — прорычал ей в ухо знакомый голос, и железные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья.

Лиара только охнула, когда Алеор потащил ее сквозь толпу, не обращая никакого внимания на проклятия, тычки и раздраженные взгляды усталых людей, которых он толкал по дороге. Лиара изо всех сил старалась успевать за ним, сыпала извинениями и щурилась от боли в руке: пальцы эльфа пережали кожу словно стальные клещи. Внезапно они вынырнули из толпы на другой стороне помещения перед утопленной в стене лестницей, которую охраняли двое усталых стражников в кирасах, поверх которых были надеты синие, расшитые серебристыми звездами табарды. Один из них уже поднял руку и открыл рот, чтобы остановить Алеора, но эльф навис над ним и приказал:

— В сторону! Я Алеор Ренон, и у меня дело к начальнику порта.

Еще миг солдаты колебались, но все-таки отошли в стороны, пропуская эльфа с Лиарой. Та только пискнула, когда пальцы эльфа разжались на ее запястье, а сам он побежал наверх по широким мраморным ступеням, перепрыгивая своими длинными ногами сразу через две.

Едва замечая панели из резного дерева, которыми были отделаны стены, и бархатную ковровую дорожку под ногами, Лиара изо всех сил неслась следом за ним. Алеор стремительно преодолел лестничный пролет и направился прямо по коридору к двери, которую охраняли двое лонтронцев в черной форме. У Лиары едва не вырвался стон, когда она увидела алые повязки с белой рукой на их предплечьях и хмурые черные глаза, пристально впившиеся в лицо эльфа. Усмирители. Почему ты отвернулась от нас, Великая Мать?

— Мы хотим видеть начальника порта, — сообщил Алеор, остановившись напротив двух лонтронцев. Лиара подбежала следом за ним и встала за его плечом, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Однако острые черные взгляды моментально впились в ее непокрытые кудряшки, и глаза обоих Усмирителей сузились еще больше.

— Начальник порта принимает только по предварительному согласованию вашего визита с регистраторами на первом этаже, — процедил Усмиритель, ухмыляясь уголком губ и глядя на эльфа. — Потрудитесь спуститься вниз, выстоять очередь, как все остальные, а потом получить приглашение от начальника порта, чтобы...

— Я Алеор Ренон Тваугебир, — сипло проговорил эльф. Голос у него дрожал от напряжения, а спина одеревенела. Лиара видела, как его рука сделала едва уловимое движение к рукояти меча на поясе. Увидели это и Усмирители, вмиг напрягшись, словно готовы были наброситься на него с оружием. — Вы обязаны удовлетворить мою просьбу немедленно, иначе это будет расценено мной как дипломатический инцидент и попытка нарушения союзного договора между Церковью Молодых Богов и Лесным Домом.

Один из Усмирителей нахмурился, зубы другого громко скрипнули. Они наградили эльфа тяжелыми взглядами и отошли в сторону, пропуская его к двери. Алеор с силой распахнул ее на себя, и Лиара юркнула в открывшийся проход следом за ним, сжавшись еще больше от полных ненависти взглядов лонтронцев.

Кабинет начальника порта был большим: с открытыми окнами, выходящими на море,

дорогой мебелью из темного дерева и тремя золочеными подсвечниками на семь свечей каждый, расставленными вокруг его стола. Сам начальник порта тоже оказался Усмирителем: иссушенным, словно палка с болтающейся на ней кожей, человеком чуть старше средних лет, который сидел в глубоком обитом кожей кресле у стола и проглядывал какие-то бумаги.

Алеор остановился у его стола, а Лиара аккуратно прикрыла за собой дверь и встала чуть позади него, ожидая реакции Усмирителя. Тот неторопливо отложил в сторону пачку с бумагами и поднял глаза на вошедших.

Лицо его было морщинистым и сухим, словно вовсе лишенным жизненных соков, а глаза черными и цепкими, как у ворона. В его черной косе и густых усах, загнутых вокруг рта, пробивалась седина. Сложив пальцы в замок на столешнице, мужчина совершенно ничего не выражающим голосом спросил:

— Вам на сегодня назначена аудиенция у начальника порта, милорд Ренон?

— Нет, — отозвался эльф, тщательно сдерживая ярость за плотно сжатыми челюстями. — Однако, я бы очень хотел встретиться с ним. Это дело не терпит отлагательств.

— Вот как? — без интереса протянул лонтронец. — Видите ли, в этом месяце обязанности начальника порта возложены на Лонтронский Квартал города, и в данный момент их исполняю я, пред очами Грозара, — он склонился на восток, — командор Ордена Усмирителей Церкви Молодых Богов Оле Гвахар. Так что по всем вопросам вы можете обращаться ко мне.

Он говорил так медленно и неторопливо, словно специально растягивал слова, с деланным равнодушием, хоть Лиара и видела глубоко запрятанную на дно его глаз ненависть к Алеору и к ней самой. Тревога в груди свернулась пульсирующим клубком: Лиара почти что каждой клеточкой тела чувствовала, что этот человек им не поможет. И даже, возможно, сделает все, чтобы помешать.

Сесть он им не предложил, поэтому Алеор выпрямился, сложил руки на груди и со всем терпением, какое только мог наскрести в такой ситуации, проговорил:

— Меня интересует вся возможная информация о некоем Ладаэне из Лесного Дома, торговце шелком, направляющемся в Дагмариен. Полагаю, что он отбыл из порта сегодня вечером.

— Вы же понимаете, что все данные о торговых сделках не принято разглашать, не так ли, милорд Ренон? — склонил голову набок лонтронец. — Это может навредить нашим клиентам.

— Ладаэн — мой поданный, а это означает, что я имею полное право знать, где, с кем и как он торгует. Потому потрудитесь посмотреть свои записи, господин Гвахар, — ледяным голосом приказал эльф.

Несколько секунд они буравили друг друга взглядами, потом лонтронец кивнул и взял со стола увесистую кожаную папку, открыл ее и принялся листать. Делал он это настолько неторопливо, что Лиаре самой захотелось вырвать у него папку и взглянуть. Алеор рядом застыл, напряженный и злой, словно обнаженная сталь.

Прошло около десяти минут прежде, чем Гвахар поднял глаза от папки, и в них горело глубоко запрятанное торжество.

— К сожалению, милорд, за последний месяц нет никаких данных о торговце шелком Ладаэне из Лесного Дома. Такой человек не приплывал в порт и не отплывал из него, во

всяком случае, в мою смену.

В груди у Лиары что-то оборвалось, но она приказала себе держаться. Ничто не мешает Алеору найти Раду, а если он не сможет, то Лиара это сделает, хоть и понятия не имеет, каким образом. Что же касается эльфа, то он помолчал, справляясь с собой, и с трудом проговорил:

— Опросите своих людей. Эльфийские купцы достаточно редко заходят в Алькаранк. Кто-то должен был видеть его. Даже если это имя и не настоящее.

— Вы хотите, чтобы я приказал своим писцам покинуть их рабочее место, при том, что зал сейчас битком набит, привести их сюда и заставить вспоминать, не видели ли здесь эльфа? — почти что по слогам спросил Гвахар.

— Именно так, — кивнул Алеор, и губы его раздвинулись в полной ненависти усмешке. — Также, вы пошлете гонцов к тем писцам, которые работают в другие дни, и узнаете у них всю возможную информацию в том случае, если сегодняшние ничего не смогут сказать.

— Вы думаете, что я сделаю это, милорд Ренон? — слегка прищурился Гвахар.

— Сделаете, — спокойно кивнул в ответ эльф. — Потому что иначе вам придется иметь дело с Высшим Жрецом Васхия.

— Вы много на себя берете, — тихо проговорил лонтронек.

— Ровно столько, сколько могу вынести, — отозвался эльф.

Они смотрели друг другу в глаза несколько секунд, и Лиаре на миг почудилось, что Алеор сейчас бросится вперед и перережет глотку Усмирителю. Звенящая секунда растянулась в целую вечность, но потом лонтронек все-таки поднялся со своего места и проговорил:

— Я сейчас приведу писцов, и вы расспросите их сами.

Когда за ним закрылась дверь, Алеор так громко заскрежетал зубами, что Лиара вздрогнула. Глаза эльфа почти что кровью налились, а лицо окаменело так, что смотреть на него было страшно. Хорошо еще, что Тваугебир утомился на болотах. А то сейчас могло бы случиться непоправимое, — подумала она. Заговаривать с ним Лиара не решилась, а потому только отошла в сторонку и встала так, чтобы не мешать. Сердце в груди так тревожно ныло, словно прямо сейчас происходило что-то очень плохое. Великая Мать, молю тебя, дай нам шанс найти ее!

Дверь в помещение открылась, и внутрь вошел Гвахар. Вид у него был безмятежным. Следом за ним шагали четыре писца, усталые, хмурые, явно не расположенные к беседе. Встав возле них и заложив руки за спину, Гвахар перекатился с пятки на носок и благожелательно улыбнулся эльфу.

— Вот, милорд Ренон, мои служащие. Спрашивайте их.

Наградив его тяжелым взглядом, Алеор повернулся к писцам.

— Меня интересует эльф, торговец шелком. Сегодня он должен был отплыть из Алькаранка предположительно в западном направлении. Его зовут Ладаэн, он из Лесного Дома, но имя может быть вымышленным. Кто-нибудь из отплывающих сегодня капитанов судов подходит под это описание?

Писцы нахмурились, соображая, и трое из них покачали головой. Лишь один взглянул на Алеора и устало проговорил:

— Я слышал об одном эльфе, милорд Ренон, но он не капитан судна, а частное лицо, прибывшее в порт Алькаранка на корабле «Северный ветер» откуда-то с запада.

— Этот «Северный ветер» еще в порту? — спросил Алеор.

— Нет, отшвартовались часа в два пополудни, — покачал головой служащий.

— Куда направились?

— Понятия не имею, милорд. Но они грузили шелк, так что, предполагаю, что либо на восток, либо на север, в Гарн.

— Благодарю вас, — кивнул головой эльф.

— Я могу отпустить своих людей, милорд Ренон? — Гвахар с деланной любезностью склонил голову.

— Да, — буркнул эльф, отворачиваясь к окну.

Лиара поняла, что сердце в груди колотится так сильно, что от этого ее трясет уже целиком. Раду действительно увезли на корабле, и он опережал их на добрых пять часов. Сумеют ли они догнать этот «Северный ветер»? Даже на самом быстроходном корабле, какой только может быть, сумеют ли они найти его в огромном море?

Служащие вышли, недовольно ворча, а Усмиритель прикрыл за ними дверь, вернулся к столу и уселся поудобнее в своем кожаном кресле.

— Я могу еще чем-то помочь вам, милорд? — в голосе его звучала тщательно замаскированная под вежливость издевка.

— Мне нужен корабль, — эльф развернулся к нему. — Самый быстрый корабль, который отправляется на восток.

— Боюсь, милорд, сейчас никто из капитанов не держит путь на восток, — скорбно покачал головой Усмиритель. — Вы, наверное, слышали о пророчестве Марн. Капитаны не хотят уходить в Северное Море и торчат там до самого сезона штормов, когда судоходство становится опасным.

— Но ведь «Северный ветер» пошел в том направлении, — прищурился эльф, — значит, есть и другие корабли.

— Если и есть, то я о них не слышал.

— А корабли, принадлежащие Усмирителям? — глаза Алеора сверкнули. — Вы имеете право держать в порту до трех кораблей, и я видел, как минимум, один. Я могу зафрахтовать его.

— Не можете, — покачал головой Гвахар.

— Вы отказываетесь оказать мне помощь? — прищурился Алеор.

— Нет, милорд, ну как вы могли такое подумать? — чистосердечно развел руками Гвахар. — Просто эти корабли нужны Усмирителям. В ближайшее время наши гарнизоны должны отправиться на пересменок в Ивис, им же нужно на чем-то плыть.

У Алеора ощутимо дернулась щека.

— Благодарю за помощь, Усмиритель, — процедил он сквозь зубы, отворачиваясь от стола спиной и кивая Лиаре на дверь.

— На здоровье, милорд Ренон. — Гвахар широко усмехнулся. Лиаре впервые в жизни захотелось ударить человека, ударить сильно, чтобы эта паршивая улыбочка сползла с его губ. Своим решением он только усложнил задачу возвращения Рады, и это доставляло ему удовольствие. Но Лиара удержалась и отвернулась, следуя за Алеором к двери. Ты тоже потешалась над теми Усмирителями, помнишь? Смеялась над их верой. Считай, что получила ровно столько, сколько заработала. — И милорд Ренон, — окликнул их уже у самой двери Усмиритель, и эльф раздраженно повернулся на голос. Гвахар еще шире улыбнулся ему: — Порты Лонтрона всегда рады бессмертным, милорд Ренон. Надеюсь, что

вы еще не раз сможете по достоинству оценить наше гостеприимство.

Вот сейчас точно убьет. Лиара затаила дыхание, но эльф немислимим усилием воли оторвал одеревеневшую ладонь от рукояти меча и тихо-тихо оскалился в ответ:

— О, поверьте, я буду пользоваться этим гостеприимством годы и годы, столетия подряд. В конце концов, я же бессмертен, вы сами это сказали. И очень жаль, что вам на то, чтобы воспользоваться нашим гостеприимством, осталось всего лет двадцать от силы, Усмиритель. А дальше уже только Грозар, только он один.

На этот раз улыбка все-таки сползла с застывшего маской ярости лица лонтронца, и тот был вынужден поклониться Алеору вслед. Эльф с силой захлопнул за собой дверь и стремительно побежал по коридору в сторону выхода.

— Что нам делать, Алеор? — на бегу спросила Лиара, подстраиваясь под его скорость.

— Должен быть выход! — прорычал тот. — Если этот лошажник не хочет нам помогать, я найду того, кто захочет!

Протолкаться к выходу сквозь толчею внизу было уже гораздо проще, чем поначалу. Теперь Лиара чувствовала себя разбитой вдребезги, словно та самая фарфоровая тарелка из «Звезды севера», и почти что никаких сил у нее уже не осталось. Лонтронец отказался им помогать, и это было понятно после того, как они оскорбили Усмирителей в прошлый раз. И ни один корабль не собирался идти на восток из-за Марн, а ведь именно туда, скорее всего, и везли Раду. Все это навалилось на Лиару тяжким грузом, сгибая пополам и давя к земле. Как мне найти тебя? Как мне вернуть тебя, самое мое дорогое сокровище, солнце мое рассветное?

— Ну что? Что там? — еще издали окликнула их Улыбашка, нетерпеливо перетаптывающаяся на месте. Кай стоял рядом с ней, легко удерживая в огромном кулаке поводья всех лошадей. Лицо у него было задумчивым и вытянувшимся.

— Хреново, — бросил эльф и повернулся к ильтонцу. — На каком корабле ты прибыл?

— На «Златоглазой кошке», — отозвался тот. — И она все еще в порту, если тебе это необходимо.

— Ты говорил, что капитан — хороший человек, с которым можно договориться. Отведешь меня к нему? — Алеор настойчиво взглянул ему в лицо.

— Отведу, Алеор, пойдем, — кивнул Кай.

Они направились через забитую пристань куда-то на запад, а Улыбашка вцепилась в Лиару, принявшись тормозить ее и выспрашивать о том, что происходит. От волнения ее даже подташнивало, сердце вот-вот готово было разорваться от боли, так что Лиара смогла пересказать всю историю очень скудно, едва ворочая языком. И, как и ожидалось, рассказ ее не вызвал ничего, кроме целого потока брани, которым разразилась разъяренная Улыбашка, понося лонтронцев, Усмирителей, Раду и даже Марн, запретивших кораблям покидать волны Северного моря. А Лиара только морщилась и щурилась, все потирая грудь и не понимая, что происходит.

Зачем все это? — думалось ей. Разве всей руганью и ненавистью поможешь делу? Зачем выливать столько сил вовне, если каждую из них, до самой последней капли, нужно употребить на то, чтобы мы нашли Раду? Это — самое главное, важнее ничего нет.

Почему-то она даже и не удивилась, когда капитан «Златоглазой кошки» только развел руками и покачал головой, отказывая Алеору. Эльф принялся яростно торговаться с ним, обещая деньги, суля награды и почести, объясняя важность ситуации, но тот только покачал головой и отправил их к своему приятелю. Второй капитан тоже отказался, как и третий, и

четвертый. Алеор бесился, словно запертый в клетку зверь, Улыбашка орала и ругалась, как портовый грузчик, а Кай все старался успокоить и поддержать их мягкими словами, растеряно глядя на обоих и не понимая, чем помочь.

Только все это отступило прочь, отодвинулось от Лиары, оставило ее. Все это казалось неважным, лишним, глупой суетой, не играющей никакой роли. Странное ощущение, что они идут в совершенно противоположном, неправильном направлении не покидало ее, становясь только сильнее и сильнее с каждой секундой. Не понимая, что с ней происходит, Лиара отделилась от своих спутников, и ноги сами понесли к краю причала, а глаза скользнули по бесконечной морской глади. Ночь уже улеглась на нее, накрыла густым темно-синим одеялом с заплатками-звездами, и лишь две золотых полосы маяков убегали вдаль, выхватывая из темноты ребристые спины волн.

Где же ты, Рада? Где ты? Как мне найти тебя? Сердце мерно бухало в груди, отбивая ритм именем Рады, тянулось к ней, к этой золотоволосой женщине, яростной, сильной, такой неопишимо нежной, самой нужной женщине на свете. Лиара всю душу свою вложила в этот призыв и этот поиск, погрузилась в него целиком, с головой, став единым стремлением. А потом внезапно все кончилось, словно ноги принесли ее к краю обрыва, за которым больше не было ничего, лишь пустота и ветра, как там, на самом верху, у подножия Ока, куда еще этим утром водила ее Улыбашка. Сейчас ей казалось, что это было века назад.

Весь ее страх, вся тревога, все бесконечное желание найти Раду разом выгорели, как смолистый сосновый хворост, полыхнувший и погасший, не оставив после себя ни следа. Лиара вздохнула всей грудью холодный морской воздух, чувствуя опустошение. Все, Великая Мать. Я больше не могу. Я не знаю, что делать.

Она застыла над самым краем бездны, легкая, как перо, гулкая, как холодные ветра, готовая в любой миг рухнуть вниз головой. Так продолжалось целую вечность или одно мгновение, Лиара не могла бы с уверенностью сказать, а затем внезапно далеко-далеко, в немыслимой дали, ей почудился слабый ответ. Как легкий звук колокольчика, как прикосновение пуха одуванчика к щеке, как теплая материнская улыбка. И робко, неуверенно и измученно она улыбнулась в ответ. Ты пришла. Ты всегда здесь, когда я зову тебя. Слава тебе, Великая Мать!

— Ее увезли на восток, — тихо проговорила Лиара, не думая ровным счетом ни о чем. Кай, стоящий ближе всех к ней над отчаянно ссорившимися друг с другом Алеором и Улыбашкой, несмотря на их вопли, услышал ее и вскинул голову.

— Почему ты так думаешь, Светозарная? — недоуменно спросил он своим густым, раскатистым голосом.

— Я не думаю, я знаю. — Кто-то другой сейчас взял всю ее под свою защиту, и она с блаженным наслаждением свернулась в его ладонях, отдавая и доверяя себя. Этот кто-то не мог навредить, он не врал, и он был сильнее всех преград и всех невзгод этого мира. И Лиара даже не удивилась, когда глаза отыскали на морской глади черную точку корабля. Это показалось сейчас самым естественным из всего, что могло с ней случиться, отодвинув прочь иллюзорность всех бед, метаний, страхов и горя. А корабль, посланный невидимой рукой из-за горизонта, приближался к гавани откуда-то с северо-востока, и даже с такого расстояния Лиаре было видно, что у него обломана центральная мачта. Но даже это не имело значения. Лиара знала, она совершенно точно знала. И ей оставалось только открыть рот и огласить вслух пришедший изнутри ее собственной души приказ, непреложный и чистый приказ, который дала не она. — Мы поплывем на этом корабле. И на нем мы

догоним тех, кто увез Раду. Великая Мать поведет нас.

===== Глава 37. Участь =====

Рада застонала, приходя в себя. Голову стянули горячие обручи боли, и от этого даже глаза открыть было невыносимо сложно. Особенно резко колело в затылке, и она зашипела, все-таки заставляя себя проморгаться и оглядеться вокруг.

Сперва никаких воспоминаний не было вообще. Она только бездумно крутила головой и слепо моргала, совершенно не понимая, где находится. В помещении было темно, пахло сыростью и водой, а сама она лежала на жестком топчане, и что-то мешало рукам двигаться. Потом Рада ощутила легкое покачивание, словно топчан болтался в воздухе, или как будто... Корабль! — осенило ее. Но почему я на корабле? И следом за этой мыслью вернулись и воспоминания: лицо брата с теплой улыбкой на узких губах, обшарпанная неприметная дверь в стене, никак не похожая на вход в гостиницу, удар.

Но это же совершенно точно был ее брат, Вастан. Она хорошо помнила его лицо с самого детства и ошибиться не могла. И про торговлю в Тарне он тоже помянул в разговоре, значит, знал об этом, а, следовательно, никто не мог притвориться ее братом, чтобы обвести ее вокруг пальца. Да и как вообще можно было нацепить на себя лицо другого человека? В таком случае, раз это был Вастан, то какого беса ему понадобилось похищать ее да еще и увозить куда-то из Алькаранка на корабле? Почему он объявился именно сейчас, спустя много лет с их последней встречи, и именно таким образом? Да какая разница, почему? Надо ему проломить голову за такие штучки, да и дело с концом. А потом каким-нибудь образом вернуться в Алькаранк. Меня ждут Семь Преград, а вовсе не то место, куда он сейчас меня везет, где бы оно ни было.

Превозмогая боль в голове, Рада попыталась пошевелить руками и тихо выругалась сквозь зубы. Запястья действительно были связаны и связаны крепко: расшатать узлы вряд ли получится. Шипя от боли, барахтаясь, она кое-как оттолкнулась от топчана и села, спустив ноги на доски настила. Голова сразу же закружилась в противоположную качке сторону, и Раду сильно замутило. Давая себе передышку, она прислушалась, пытаясь определить, куда они плывут.

Скрипели снасти, плескала вода, облизывая борта. Корабль сильно танцевал, то уходя вверх, то опускаясь вниз и зарываясь носом глубоко в волны, а это означало, что они вышли в открытое море, прочь от береговой линии. Над головой слышались приглушенные шаги матросов и их голоса, но из-за шума ветра и толщины палубы Рада не могла разобрать ни слова. Зато гораздо больше ей сказал тембр голосов: низкое хриплое басовитое гудение, почти что рычание. Словно там, наверху, разговаривали не люди, а вставшие на две ноги дикие звери. Дермаки? Или что-то похуже? Мысли в голове лихорадочно заметались. И если да, то что с ними делает мой брат? Он продал меня Сету?

Над ее головой послышался громкий стук каблуков, направляющийся куда-то в сторону, и люк в потолке на дальнем конце помещения открылся. Яркий свет квадратом упал на пол, позволив ей оглядеться. Вокруг не было ровным счетом ничего: просто пыльный трюм с какими-то мешками вдоль стен, каморка три на три метра с койкой в углу. Чьи-то ноги в сапогах спустились вниз, и Рада внезапно похолодела, когда разглядела, кто это был.

Он походил на человека: высокий, широкоплечий и изящный, но на этом сходство заканчивалось. Лицо у него было узким, глаза слегка раскосые, словно у хищной птицы, а черная жесткая грива на голове больше напоминала шерсть, чем волосы. А когда вошедший выпрямился, Рада вообще едва не охнула: за плечами твари виднелись два сложенных

кожистых крыла как у летучей мыши.

Стах! Рада сглотнула, чувствуя, как страх липкими пальцами пробирается под одежду. Она слышала об этих тварях, единственной разумной расе, которая по собственной воле присоединилась к Крону еще во времена Первой Войны, и продолжала придерживаться своего соглашения и поныне. Только вот, за последние несколько тысяч лет никто в Этлане Срединном стахов не видел. Они обитали на островах, расположенных у юго-восточной оконечности Северного Материка, отгородившись от всего остального мира, периодически совершая налеты на побережье Тарна и мелкие города поморов, громя торговые суда. Что же тогда заставило этого стаха покинуть свои острова и направиться на юг, сюда? Не ради ее ли похищения Сети'Агон вытащил их оттуда?

Стах заморгал, привыкая к темноте, взгляд его упал на Раду, и узкие глаза сощурились еще больше. Отвернувшись от нее, он подцепил какой-то мешок, стоящий у стены, и застучал сапогами по лестнице, поднимаясь на палубу и таща его за собой. Рада округлившимися глазами наблюдала за тем, как слегка колышутся от движения сложенные за его спиной крылья.

— Она очнулась! — прозвучал его глухой грубый голос перед тем, как закрывшийся люк отрезал падающий вниз луч света, и помещение вновь погрузилось во тьму. Второй оклик долетел уже приглушенным и едва разборчивым: — Позовите капитана! Пускай посмотрит!

Рада принялась стремительно соображать, складывая в голове кусочки головоломки. Стах, корабль, капитан, Сети'Агон. Могло ли быть так, что ее везли на север, на острова? Или в другое место? И как ей удрать оттуда, чтобы эти мышцы-переростки не догнали ее на своих крыльях?

Сапоги над головой простучали во второй раз, и Рада приготовилась встречать этого их капитана. Можно было, конечно, подкрасться к двери, подождать там, хорошенько врезать ему, скрутить и приставить меч к его глотке. А потом приказать всем остальным стахам разворачивать корабль и везти ее в Алькаранк. Только вот голова у нее болела и кружилась так, что из глаз едва слезы не текли, и Рада очень сомневалась, что у нее хватит сил удержаться на ногах и нанести точный удар. Не говоря уже о том, чтобы потом не упасть в обморок и вновь не оказаться в путях, только еще более надежных. Ничего, подождем. Все равно, путь-то неблизкий, на север ли мы плывем или на восток. Отлежусь, наберусь сил и порешу здесь всех.

Люк снова откинулся, и на этот раз вниз спустился ее брат, держа в руках большую масляную лампу. Даже такое небольшое количество мягкого света ударило по глазам, и Рада зажмурилась, шипя от боли в голове и пытаясь разглядеть лицо этого поганца. Выходило теперь, что он их капитан, а не какой-нибудь хвост собачий. И от этого внутри начал собираться тугой алый комочек ярости.

— Сестренка! — заговорил Вастан, подходя к ней и поднимая масляную лампу повыше, чтобы лучше было ее видно. — Вот ты и очнулась! Уж прости, что пришлось пойти на такие меры, но вряд ли бы ты согласилась последовать за мной миром.

В свете масляной лампы даже сквозь затянувшие глаза слезы Рада смогла разглядеть, что лицо брата неуловимо изменилось. Он вроде бы был точно таким же, каким она помнила его и видела вчера, и при этом — иным. Теперь он казался гораздо старше, лицо его было осунувшимся и вытянутым, под глазами темнели круги, а левую щеку пересекал длинный тонкий шрам, какие оставались от царапин самым кончиком ножа или катаны. Только синие глаза остались теми же: холодными и колкими, как две северные звездочки.

— Зачем ты затеял все это, Вастан? — решив не затягивать, спросила она. — Ты продаешь меня Сету?

— Ну зачем же так сразу, Радушка? Зачем же эти «продаю», «затеял» и все остальное? — Вастан встал напротив нее, широко улыбаясь, но глаз его при этом улыбка не касалась. — Напротив, я надеюсь, что ты сама поймешь целесообразность поездки в Остол Горгот и не будешь против разделить этот путь со мной. Ты...

— И давно ты служишь ему? — прервала его Рада, не желая выслушивать больше ни слова. Она не чувствовала ни разочарования, ни боли, только ярость. И не потому, что он был ее братом, намеревающимся отвезти ее Сету, а потому, что она поверила ему, несмотря на то, что Алеор несколько раз предупреждал о возможной опасности. Вот ведь упертая дура! Надо было сидеть в гостинице и не соваться никуда! Рада поморщилась от собственной глупости и добавила: — И что же он тебе такого предложил, что ты на это согласился?

Несколько секунд Вастан молча смотрел на нее, обдумывая что-то, потом вздохнул, поставил масляную лампу на пол, подтянул к себе стоящий у стены мешок и уселся на него верхом напротив нее.

— Терпением ты никогда не отличалась, сестренка, да это и понятно, это у нас в роду. И раз уж ты сама хочешь опустить формальности, то и я церемониться не буду. — Жесткая улыбка тронула губы Вастана. — Я состою на службе у Сети'Агона последние полторы тысячи лет. А что касается его предложения, то я даже не понимаю, о чем здесь можно рассуждать. Как можно не служить ему, учитывая, какие возможности это открывает?

— Какие? — хмыкнула Рада, почти что давясь яростью. — Сидеть в черной башне под самым небом и нюхать дермачий смрад? Строить зловещие планы, чтобы покорить весь мир? Командовать армией тупоголовых тварей, которые даже и говорить-то не способны полноценно, потому что у них на это мозгов не хватает? Выбор просто чудесный, братец! Любой бы согласился!

Лицо Вастана не изменилось, как и выражение глаз, словно все, сказанное ей, прошло мимо него.

— Не совсем так, Рада. Армии — это лишь ерунда, так, большая колотушка, чтобы держать в страхе весь мир. Истинные цели моего господина гораздо тоньше и интереснее. Как и возможности. Впрочем, учитывая твоё воспитание среди людей, я и не ожидал, что ты сразу же оценишь все открывающиеся перед тобой перспективы. — Вастан полез за пазуху, извлек оттуда резную трубку из черного дерева, кiset и принялся неторопливо забивать ее, поглядывая на Раду и спокойно рассуждая. — Видишь ли, мир в том виде, в каком он существует, давным-давно уже исчерпал все возможности своего развития. Он находится в стадии стагнации, оттого и устраивает сам себе небольшие встряски, вроде Танца Хаоса, религиозной розни, вечных мелких войн, в которые так любят играть смертные. Коллективный разум окутан сетью самодовольства. Они считают, что знают каждый уголок мира, разведали и освоили его, настроив там своих сараюх и воткнув в землю табличку с названием, чтобы еще издали было видно, кому это принадлежит. Они бахвалятся тем, что разведали природу энергий Источников, и теперь могут творить с ней все, что им вздумается. Они пересчитали всех богов, навесили на них ярлыки с именами и расставили по полочкам своих пыльных церквей, взимая с каждого вошедшего плату за то, чтобы тот мог потрогать эту фигурку, потому что нигде в другом месте он этого сделать не сможет, ведь только жрецы могут напрямую обращаться к богам, чтобы не вызвать их гнев. А следом за тем утвердились своими жирными телесами на всей этой куче и самодовольно сидят, считая,

что теперь им ведомо все, что им принадлежит весь мир.

Вастан улыбнулся и покачал головой, зажал трубку в зубах, а потом поднял руку и приложил к ней палец. Прямо на глазах у Рады палец этот полыхнул язычком пламени, и брат преспокойно раскурил от него трубку. Рада впала в немое оцепенение, глядя на это: это была энергия, та сила, которую использовали жрецы, но ведь эльфы неспособны были касаться Источников! Неспособны, и все!

— Что он сделал с тобой? — Рада ощутила, что голос ее охрип.

— Мой господин? — вскинул брови Вастан. — Ровным счетом ничего. Но он показал мне, что никаких границ и пределов не существует, что все они есть лишь в той системе координат, в которой существует весь мир. И что все нации и государства отчаянно удерживают эту шелуху из лжи, изо всех сил впиваются когтями во власть, чтобы и дальше держать весь мир в невежестве и не позволять ему развиваться по его собственным законам. Я всего лишь следую истине моего существа, и она позволяет мне делать то, что вы, слепцы, узники своих же химер, считаете чудом. А для меня это лишь реальность и ничего больше.

Он выпустил клуб дыма, помахал в воздухе пальцем, и тот моментально погас. Взгляд Рады жадно впился в кожу на руке брата: она выглядела точно так же, как и раньше, ни следа ожога или копоти на ней не было.

— То есть ты сейчас пытаешься убедить меня в том, что Сети'Агон облагодетельствует весь мир своим присутствием? — справившись с первым удивлением, она пристально взглянула на брата. — Что армии дермаков — это посланники добра, несущие свет нам, непросвещенным? Что под его властью мы могли бы добиться чего-то большего, чем под властью Молодых Богов?

— Рада, нет никакого добра и зла. — Вастан подался к ней, заглядывая ей в глаза. — Как нет никакой власти Молодых Богов — вы сами ее придумали, сами в нее поверили и носитесь с ней, словно курица с яйцом. В этом мире есть только сила, заложенная в нас, которую мы можем открыть в себе и использовать. И разница только в том, есть у тебя эта возможность или ее нет.

— Так если дело обстоит так, зачем вообще быть под чьей-то властью? — заморгала она, глядя на него. — Зачем присягать Сету, если можно развиваться самому, как ты говоришь? Ну и развивался бы, кто ж тебе мешает-то?

— Система, в которой существуют государства этого мира. Система общества, веры, общности людей. Это душит и не дает идти вперед, — спокойно отозвался Вастан.

— Ага. То есть для развития тебе нужно влезть куда-то повыше, где не воняет людским дерьмом, и свежий ветерок щекочет волосы? — хмыкнула она, и лицо брата окаменело. — И для этой цели ты выбрал себе Остол Горгот? У меня только один вопрос, братец, это что, самая высокая точка известного мира? Неужто он настолько высок и близок к чистому воздуху, что нет ни одной горы в Латайе или Рудном Стяге, которая была бы выше его? Или тебя больше интересует цвет этой горы?

— Ты смеешься только потому, что не ведаешь, — холодно проговорил Вастан, глядя на нее с усталостью и равнодушием. — Но ты узнаешь. Еще узнаешь, насколько тебе повезло.

— То есть ты меня посадишь рядом с собой на ту же величественную вышину, и мы будем вдвоем любоваться тучками? — ярость внутри начала медленно отступать, и на смену ей пришел смех. Рада смотрела на своего брата, и почему-то сквозь его лицо прорастала ироническая усмешка Алеора. Этот-то тоже ненавидел весь мир, но никуда не бежал от этой ненависти, обращая ее против нее самой. Он сражался как одержимый против всего на свете

и самого себя и никого никогда не признавал своим господином. И уж точно не делал идиотских фокусов с горящими пальцами, чтобы привлечь внимание к своим словам, придать им значимости. Каким же глупым надо быть, чтобы сменить одну удавку на другую! Рада хмыкнула и продолжила: — Знаешь, я, в общем-то, тучки никогда не любила. Мне бы лучше в вонючую таверну, где ром течет рекой, пляшут шлюхи и гремят кости. А на твоих высотах я, боюсь, полы запачкаю своими грязными сапожищами.

Несколько секунд Вастан молча рассматривал ее, и в лице его был лютый зимний холод.

— Все это — следствие твоего воспитания. К сожалению, мой изначальный расчет не оправдался. Надо было оставлять тебя не в Мелонии, где все обволакивает иллюзия порядка и чинности, а где-нибудь в Ишмаиле, где нет ничего, кроме церковной плети и вечного стона. Тогда бы ты поняла все, что я сейчас говорю.

— Да нет, братец! — громко фыркнула Рада, чувствуя распирающий грудь смех. — Я все поняла, правда. И показуху их, и отсутствие истинного чувства, и ложь, окутывающую всю страну. Я все прекрасно поняла и на своей шкуре прочувствовала до самых костей, уж поверь. Вот только после этого я не впала в депрессию и не начала рассусоливать про то, как ужасна человеческая система. И не кинулась к первому же попавшемуся злобному дедуведуну, который пообещал мне навести на все морок и сжечь их всех без жалости и раскаяния!

— Это потому, что ты до сих пор надеешься все изменить, — кивнул Вастан с видом знатока, прерывая ее. — Так и я надеюсь, Рада. Я тоже хочу все изменить, и у меня есть такая возможность.

— Да, — кивнула она, понимаяюще глядя на него. — Нагнать сюда дермаков и перерезать всех к бхариной матери. И все, будет тихо, хорошо, и воздух свежий.

Вастан замолчал, глядя на нее и затягиваясь дымом. Он явно раздумывал, с какой стороны вновь начать убеждать, чтобы она ему поверила. Только теперь уже все это было ерундой для нее: каждое его слово было пропитано ложью еще большей, чем ложь мира, которую они оба видели одинаково. Ведь правда, все так и было, как Вастан описывал: государства, контролирующие мир, церковь, контролирующая мысли людей, и отчаянное желание ничего не менять, чтобы не дай боги, ни одна даже самая крохотная вещь в мире не поколебала того хрупкого равновесия, которое выстроилось между миром и населяющими его Молодыми и Старыми расами. Только вот в голове Вастана поверх этой лжи лежала и еще одна, гораздо более тонкая, почти полупрозрачная вуаль ненависти. Вывернутая наизнанку правда, замаскированная так, что и не отличишь. Она чувствовалась, как тонкая пленка прогорклого масла на поверхности воды, и Рада и вовсе не замечала ее, пока ей не стало смешно.

Смех стер без следа ярость и злобу, все то, чем окружил себя Вастан, оставив лишь что-то по-настоящему чистое, по-настоящему искреннее, которое не позволило себя обмануть. И теперь Вастан не мог ничего с ней сделать, просто не мог и все. Внутри родилось какое-то невероятное золотое чувство защищенности, будто кто-то заслонил ее плечом и смеялся в лицо этому полному злобы эльфу, смеялся так весело и задорно, что об этот смех разбивались самые черные бури, самые страшные ураганы этого мира.

А еще перед внутренним взором всплыло лицо искорки. Глаза цвета задумчивого зимнего моря, на дне которых горели солнца и рождались вселенные. И эта чистая нота, одна единственная нота, включающая в себя все звуки мира, прекрасная песня, оставляющая

ощущение раннего свежего утра с сияющей росой на листьях и песнями жаворонков в прозрачном небе. Я ведь действительно люблю ее, по-настоящему и всем сердцем. И я никогда не предаю ее, чтобы они все со мной не делали. Как и моего брата. Моего настоящего брата. Почему-то в этот миг то, что произошло между ними с Алеором на днях, стало невыносимо важным, правильным, звенящим. Это потому, что я сама выбрала его как брата. Не кто-то навязал мне его по праву крови, а я сама выбрала его. И ее тоже.

Внутри стало тихо-тихо, будто все звуки мира ушли в небытие, и она взглянула в глаза Вастана, который силился найти слова, чтобы убедить ее. И сейчас Рада знала, что все его слова — лишь пыль на ветру, сухая и мертвая, которую сдувает прочь, прошлогодний сор да сухие листья.

— Ты все равно не убедишь меня в своей правоте, Вастан. — Она спокойно смотрела ему в глаза, не чувствуя ровным счетом ничего. — Так что оставим это и поговорим о другом. Ты обмолвился, что специально оставил меня в Мелонии. И что тебе полторы тысячи лет. Мне было бы интересно знать, откуда я у тебя вообще взялась? Кто мои родители? Родной ли ты мне брат? Или ты просто подобрал меня где-то на дороге и притащил к себе домой, чтобы вырастить из меня то, что тебе было нужно?

— Хорошо, мы оставим этот разговор до поры, Рада, — Вастан легко кивнул, не подавая никаких признаков разочарованности или гнева. — И ты права, тебе лучше узнать свою историю перед тем, как принять окончательное решение. Так что я расскажу тебе. — Он затянулся, выпустил струю дыма в воздух и прищурился: — Помнишь, как ты назвалась Усмирителям? Радаэль Ренон?

— Ты даже о таких вещах знаешь! — рассмеялась Рада, покачав головой. Вид у брата был таким уверенным: ему казалось, что он знает все на свете и потому прав. Вот только бесконечная тишина вокруг нее обнимала ее двумя добрыми теплыми крыльями, о которые разбивалась вся ложь, которой Вастан оплетал ее, будто паук. И против этой тишины не было никакой силы, способной ее поколебать.

— Естественно! — пожал плечами эльф. — Думаешь, вы сами сумели избежать смерти от клыков Своры или по собственной воле пошли в Серую Топь? Я сделал все для того, чтобы лишить Тваугебира силы, чтобы он расплылся, сражаясь с лотриями. Сам он вызывать тварь не может, щенок, слишком слаб. Так что даже если он бросится сломя голову спасать тебя, толку от этого не будет никакого.

Рада смотрела на него и смутно осознавала, что еще несколько часов назад такие слова напугали бы ее до смерти, но сейчас в них не было ровным счетом никакого смысла. Тишина обнимала все, пропитывая мир насквозь, оставляя ее под защитой сияющего кокона силы, в котором она лежала, свернувшись в калачик, словно в теплой доброй ладони Бога.

— Однако, вернемся к теме нашего разговора, — проговорил Вастан. — Ты назвалась Радаэль Ренон, даже не предполагая, что это может быть твоим настоящим именем. И ты была совершенно права, Рада, так тебя и зовут. А мое имя — Сагаир Ренон. Думаю, наш маленький братец уже рассказал тебе свою слезливую историю?

Тишина была нерушимой, словно скалы, на которые с озверевшей яростью набрасывались бушующие волны холодного моря. Рада почти что и не думала, окруженная этой тишиной, пропитанная ей до самой последней клеточки, и слова брата гулко падали внутрь нее, словно камни в бездонный колодец. А еще внутри что-то распрямилось, неумолимо и медленно, словно какая-то скрученная в клубок струна встала на место, укрепив всю конструкцию ее существа. Она ведь знала это, знала, что Алеор ее брат, еще

задолго до того, как они обменялись кровью. Тогда, в самый первый день, когда они только познакомились, когда он вышел ей навстречу, смутно ощутила родство и знакомую простоту, которой не было больше ни в ком из встреченных ею в жизни людей. Тогда она объяснила это эльфийской кровью в их жилах, потому что он был первым встреченным ею эльфом, теперь же все вставало на свои места, и настоящее облегчение окутало все ее существо.

— Выходит, я одна из тех двух близнецов, которых все объявили погибшими? — спросила его Рада, не чувствуя даже любопытства, лишь спокойную тишь. — Тогда почему ты забрал только одного из них, а не обоих?

— По нескольким причинам. Во-первых, у мальчика были черные волосы, он был слишком приметным. Если бы в Этлане появился еще один черноволосый эльф, все сразу же поняли это, ведь только кровь Стальвов дает такой цвет. Тебе достались волосы отца, как и мне. Но и от матери ты взяла кое-что, что неизмеримо важнее цвета волос. Именно поэтому ты и была мне нужна. — Сагаир затянулся дымом, а Рада смотрела на него и видела неуловимое сходство в его чертах, которое не замечала раньше. Он был похож на Алеора. Это не бросалось в глаза из-за разного цвета волос и маски бессмертия, сглаживающей черты всех эльфов, делающей их похожими друг на друга в глазах человека, который не слишком часто их видел. Но теперь она разглядела и вновь улыбнулась, вспомнив странное чувство, которое испытала, впервые увидев Алеора: он напомнил внешне Вастана. — Как ты знаешь, Рада, — продолжил он, — проклятье Ирантира проявляется только у мужчин в роду Стальвов, но наследуют его и передают своим потомкам только женщины. Ты — чистокровная Стальв. Твои дети уже нет, потому что они растеряли всю свою силу, получив в вены жиденькую людскую кровь. Но ты — единственная женщина Стальв во всем мире, единственная хранительница серебра под сердцем, которое ты можешь передать своим чистокровным эльфийским потомкам. Не будет тебя, и род Тваугебиров прервется.

Рада, кажется, уже начала понимать, к чему он ведет, но это не имело большого значения. Ничто сейчас не имело значения. Какой-то частичке ее души это даже казалось странным: она должна была бояться Сагаира и того, что он собирался с ней сделать, но ни капли страха не было в ней, ни намек на него.

— Ты хочешь вырастить армию Тваугебиров? — спокойно спросила его Рада, наблюдая за реакцией Сагаира.

— Да, — удовлетворенно кивнул он. — Именно так.

— Зачем? Ведь эта тварь неуправляема. Ее невозможно контролировать, а это значит, что он нанесет гораздо больше вреда армии Сета, чем его врагам.

— Это тебе Алеор сказал? — хмыкнул Сагаир и покачал головой. — Глупый мальчишка! Полторы тысячи лет прошло, а он так ничему и не научился! — Он вновь поднял глаза на Раду. — Тваугебира можно контролировать, если позволить ему слиться с тобой. Если стать Тваугебиром под сердцем у этой твари. Видишь ли, здесь необходим баланс: ровно в тот момент, когда Тваугебир начинает рваться наружу, можно перехватить контроль над ним самим, погрузившись внутрь него. Это сложно, долго, но мой господин дал мне достаточно времени и поля для экспериментов, и я смог это сделать. И теперь мы едины — я и моя серебряная кровь.

Он вновь улыбнулся ей, и на миг его радужки обросли льдом, точно таким же, какой был и в глазах Алеора, когда тот из последних сил сдерживал тварь на подступах к болотам.

— Почему же тогда ты не взял с собой и моего близнеца тоже? Его можно было бы прятать, чтобы никто не видел цвета его волос, и растить как должно до тех пор, пока это не

будет необходимо. И у тебя было бы два Тваугебира, уже лучше, чем один.

Рада говорила абсолютно спокойно, не испытывая никаких эмоций, кроме интереса, и по лицу Сагаира прошла тень. Возможно, он думал, что его ошеломляющее известие заставит ее выкатить глаза, разинуть рот и начать восхищаться его способностями. Только сейчас Рада не могла бы этого сделать. Она вообще не могла ничего сделать, потому что ее самой больше и не было: лишь присутствие, опекающее и охраняющее ее.

— Для того, чтобы эльф мог всем собой принять свою кровь и свою судьбу, он должен расти в мире. Таково условие. Только когда личность полностью развита, когда она делает сознательный и оправданный выбор в пользу серебряной крови, достигается полный результат и становится возможным слияние с Тваугебиром. Если бы я растил вас обоих в Остол Горготе, вы, конечно же, приняли бы Сети'Агона, но не потому, что сами того захотели, а потому, что это была бы единственная судьба для вас. Но это не реализует потенциал личности, это лишь одна ее сторона, и не осознанный выбор стороны, а навязанная необходимость. Потому я вынужден был спрятать вас в мире, но черноволосый эльф рано или поздно все равно бы всплыл, так что ему пришлось умереть.

Сагаир говорил спокойно и уверенно, однако в его позе появилось какое-то опасение. Это было неуловимое ощущение: словно эльф, будто зверь, приподнял уши и приглядывался к ней, стараясь понять, что же с ней не так. И смотрел он как-то пристальнее, и лицо его стало более задумчивым. Гадает, что со мной? Почему я не реагирую на его слова?

— Ну хорошо, с этим ясно, — кивнула Рада. — Но как ты умудрился заставить меня не взростеть полторы тысячи лет?

— Здесь мне помог мой господин, — спокойно отозвался Сагаир. — Естественно, сам я не обладаю необходимой мощью, однако он способен на все. Он погрузил тебя в сон, подобный тому, каким спали эти долгие тысячелетия Эвилид. А потом я пробудил тебя в Мелонии, когда Алеор потерял бдительность и перестал с таким ожесточением искать меня. Дальше ты росла и развивалась, как и свойственно нормальному ребенку. В какой-то момент я уехал, чтобы лишить тебя опоры в этом мире, и ты могла самостоятельно понять то, что понял когда-то я. Но я всегда незримо присутствовал в твоей жизни, я наблюдал и следил за тобой. И все было хорошо ровно до того момента, как твой муженек уперся рогом и продавил-таки твое возвращение в столицу.

— Значит Ленар испортил твои планы? — несмотря на пустоту, внутри разлилась легкая будто перо благодарность. Сам не зная того, ее муж отдал жизнь за борьбу с этой скверной, с этой злобой, что туго спеленала мир, с порожденной Сетом ненавистью. И раз он хоть немного смог испортить планы Сета, значит, погиб он не зря.

— Скорее, скорректировал, — отозвался Сагаир. — Появилась возможность свалить вину за смерть короля и Лорда-Протектора на тебя. Тебя должны были бросить в темницу, из которой я бы тебя вытащил, и к тому моменту ты бы уже поняла, сколь ничтожны и лживы окружающие тебя люди. Однако ты решила вмешаться и убила Гелата с Аспаром, — он поджал губы. — Они были идиотами и даже не предполагали, что действуют в наших интересах, но дело в любом случае сделано.

— Я так понимаю, что теперь на трон Мелонии сядет угодный Сету человек?

— Конечно, — кивнул Сагаир. — Он уже сел, Рада, просто новости еще не успели достигнуть этих краев. Но это не имеет значения. Люди мрут, как мухи: сегодня один, завтра второй. Основной целью была ты, и теперь ты в наших руках.

— И что ты собираешься делать дальше? — осведомилась Рада.

— Я привезу тебя в Остол Горгот и сделаю тебе ребенка, — спокойно ответил Сагаир. — К деторождению ты способна, причем в большей степени, чем другие эльфийки. Это тоже передается в роду Стальвов по женской линии, и твоя связь с Ленаром подтвердила это. Ты будешь жить в крепости и рожать мне детей. Я понимаю, что кровосмешение может вызвать некоторые проблемы с развитием этих детей, но серебряная кровь должна их компенсировать.

— Так ты же вроде говорил, что детям нужно расти в мире, чтобы полностью суметь контролировать Тваугебира? — прищурилась Рада. — Получается, ты будешь подкидывать этих детей во внешний мир?

— Да, — кивнул Сагаир. — Думаю, что большая часть будет светловолосой, так как оба родителя светловолосые, и это не будет бросаться в глаза. У нас достаточно времени для того, чтобы наплодить необходимое количество детей и научить их всему необходимому перед тем, как мой господин будет готов выступить.

— Разве Сети'Агон не готовится ударить вместе с Танцем Хаоса? — поинтересовалась Рада. — Это было бы логично: начать вторжение с двух сторон.

— Это уже не твоего ума дело, сестренка, — покачал головой Сагаир. — О планах моего господина я ничего говорить не собираюсь.

— А если ты опять провалишься, как и в случае со мной? Что будет, если дети не захотят переходить на твою сторону?

— Ты еще и сама ничего не решила, а уже так уверено говоришь об этом? — улыбнулся Сагаир. — Если тебя это утешит, то на этот раз я буду проявлять больше внимания к этим детям и тщательнее следить за их судьбой. Игра стоит свеч.

— Ну хорошо, — пожала плечами Рада. — А почему ты так уверен, что я не попытаюсь умертвить этого ребенка в собственном чреве? Или что я могу убить себя, чтобы не плодить от тебя тварей?

Что-то похожее на торжество промелькнуло в глазах Сагаира, и он спросил:

— Ты слышала что-нибудь о Тоске?

— Не слишком много, — равнодушно ответила она.

— Тоска — единственное заболевание, которое способно убить эльфов. Оно присуще только этой расе, в меньшей степени нимфам, но для последних не смертельно. Если эльфа лишить доступа к солнечному и звездному свету, заточив глубоко под землей, он начинает болеть. Сначала всю кожу стягивает невидимая сеть, чесотка, зуд, сухость. Потом появляется жар, галлюцинации, фантомные боли в теле. Это очень неприятная штука, Рада, скажу я тебе. Именно так Учитель моего господина во время Первой Войны уничтожил так называемых эльфийских владык Аллариэль и Налеана, — губы Сагаира презрительно скривились. — Однако, есть способ избежать неминуемой смерти. Если Тоскующего эльфа выводить на солнечный или звездный свет, ненадолго, на пару часиков раз в определенный промежуток времени, состояние болезни можно поддерживать сколь угодно долго. Мы же, в конце-то концов, бессмертны, так что у нас вечность впереди! — он подмигнул ей. — К тому же, в тебе будет расти новая жизнь, маленькая, теплая жизнь, пронизанная светом. И ты подсознательно ухватишься за нее, как за единственный способ избавиться от Тоски. Не в твоей воле это изменить, Рада, это закон твоего существа, так заложено в природе эльфов. И сделать с собой или с ребенком ты тоже ничего не сможешь, тебе придется родить его, потому что это хоть чуть-чуть оттолкнет от тебя Тоску. Так что, сестренка, выхода-то у тебя и нет. Поэтому я и предлагаю тебе еще раз оценить все свои возможности, еще раз все

передумать и пересмотреть. Мы можем избежать темницы, Тоски и прочих неприятных вещей, если ты по своей воле перейдешь на сторону моего господина. Тогда все пройдет гораздо легче.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рада смотрела на него, смотрела без конца и словно бы не видела больше его лица. Только сухую мертвую кожу, которую сбросила змея. И под ней тьму, ненависть, пульсирующую силу, но в сущности, ничего. Эта сила не могла ничего сделать с ней и той защитой, что сейчас была над ней. Эта сила не могла затронуть того истинного в ее груди, до чего так зло и кусаче пыталась достучаться. Все слова Сагаира были ложью, ровно в той же степени, что и правдой. И это не имело ровным счетом никакого значения.

Ей нечего было сказать, ей не хотелось ничего говорить, будто огромная золотая ладонь запечатала ей уста и лежала на ее лице, теплая и надежная. Она вспомнила ладонь Лиары, вот точно так же совсем недавно лежащую на ее лбу, когда Рада узнала о судьбе своего сына, и внутренне улыбнулась. Тогда она тоже не испытала ничего: лишь невероятную пустоту, стоящую за мнимой болью и тоской. Пустоту, сравнимую с недвижимой толщей океана, по поверхности которого лишь чуть-чуть ребят волны, а внутри только вечность движения, столь быстрого, что оно кажется статичным. Только тогда эта пустота казалась ей странной, и она убеждала себя в том, что должна страдать, а не оставаться бесчувственной, как доска. Теперь же не было и этого, лишь тишь.

Кто-то защищает меня, укрывает в те мгновения, которые могут сломать меня, словно сухой прут. Кто-то всегда рядом, здесь, во мне, чтобы я не боялась, чтобы не страшилась и шла вперед, своей дорогой и своим путем. И этот кто-то никогда не оставит меня. Рада ощутила, как губы растягиваются в мягкую улыбку. Ты ли это, Великая Мать? Конечно ты. Чьи ладони в мире также добры, также нежны? Кто приходит к своим глупым испуганным детям тогда, когда у них не остается больше ничего? Кто любит их такими, какие они есть, без условностей, без масок, без ненужной лжи?

— Почему ты улыбаешься? — нахмурился Сагаир, пристально глядя на нее.

Рада посмотрела в ответ, чувствуя себя прозрачной, кристально чистой, как горный ручей. И сквозь нее сейчас текла немыслимая сила, невероятная правда, распрямляющая все вокруг, меняющая все вокруг, расставляющая вещи по своим местам, сметающая человеческую глупость, ложь, амбиции, неспособность. Было только это, существовало только это, и ничего не было за гранью сего.

А Сагаир вдруг весь сжался, съежился, будто загнанная в угол крыса, ощерившая загривок. Его верхняя губа непроизвольно дернулась, обнажая клыки, и он почти что прошипел:

— Кто защищает тебя, бхара?! Кого ты призвала к себе на помощь?!

Рада ничего не отвечала ему и лишь смотрела. Ее и самой не было в этот миг. Весь мир превратился в могучие волны, перекатывающиеся одна за другой, бесконечно могучие волны. Этой волной был и корабль, и Сагаир, и громадной море, и даже солнце, что сейчас садилось за край мира. Все было волнами невероятной мощи, и эти волны невозможно было ничем остановить, потому что все было заключено в них.

Сагаир грязно выругался, вскочил на ноги и занес руку. Рада видела, как эта рука взлетает, и одновременно с этим чувствовала, как поднимает эту руку, чувствовала себя этой рукой, которой дан приказ подняться. Она чувствовала все, она была всем, волной и мощью, великим присутствием, причиной и следствием, замыслом и творением.

И рука Сагаира опустилась в то же положение, в котором и была. Его льдистые глаза болезненно щурились, и он часто моргал, словно в лицо бросили песку. Отступив на шаг назад, Сагаир сжал свое лицо в искаженную маску ненависти и прокричал ей:

— Я все равно достану тебя, Рада! Никакая защита не поможет тебе! Она не спасла Аллариэль и Налеана, не спасет она и тебя!

Его ненависть походила на острое копьё, брошенное сквозь дрожащее рябью пространство. Это копьё просто прошло сквозь гигантскую волну, не причинив никакого вреда, а сам Сагаир резко развернулся и бросился прочь из трюма.

Рада еще долго смотрела ему вслед, чувствуя мощь, способную вращать миры, менять время, плести пространство, словно тесемку. А затем аккуратно легла на топчан, вытянувшись в полный рост и закрывая глаза. Все будет так, как ты решишь, Великая Мать. Я знаю, ты никогда не оставишь меня, и ничто не коснется меня, пока твои руки защищают и хранят. На все воля Твоя.

Из бескрайней тьмы мелькнули два огненных глаза, и похожий на отдаленные раскаты грома беспшашный хохот протряс весь мир до основания. А потом все ушло, и Рада впала в теплое забытие, излечивающее ее голову и возвращающее силы в усталое тело.

===== Глава 38. Морская гадюка =====

«Морская гадюка» была средних размеров кораблем, хоть Равенна ворчливо и настаивала на том, что это «бриг» и никак иначе. Гардану было плевать, как оно называется: хоть фрегатом, хоть бригом, хоть шхуной, хоть бочкой, лишь бы плыло, и плыло как можно скорее. И в этом кораблю никак нельзя было отказать.

Две высоченные мачты уходили прямо в небо, и на них раздувались полные ветра паруса. Еще выше них, почти что царапая подбрюшья облаков, полоскался флаг: большая, свернувшаяся кольцом золотая змея на черном поле. Когда порывы ветра дергали ткань, змея извивалась, и от этого у Гардана начинало чесаться между лопатками. Он терпеть не мог змей.

По дощатой палубе бегали, перекрикиваясь, босоногие матросы. Они напоминали Гардану котов: такие же поджарые, юркие, прекрасно удерживающие равновесие на шаткой палубе. Матросы карабкались по мачтам и болтались где-то под самыми парусами, постоянно перетягивая какие-то канаты, укрепляя веревки, затягивая узлы. Целыми днями они только и делали, что драили палубу, что-то чинили, вязали и сутились, и в этой суете Гардан чувствовалась себя странно одиноким и лишним здесь. Он не понимал ни одного слова из того, что все они орали друг другу, за исключением ругательств, таких заковыристых, что заслушаться можно было. Да и не хотел понимать: море никогда не звало его настолько, чтобы изучать всю эту муть и разбираться в том, чем отличаются друг от друга какие-нибудь бом-кливер и фор-брамсель.

Матросы здесь собрались буквально со всего света. Гардан видел смуглых кучерявых южан с округлыми, сглаженными чертами лица и широкими носами, видел узколицих, хищных северян Тарна с глазами точно такими же холодными, как и их бесконечные снега. Были здесь и привычные глазу мелонцы со своими упрямыми челюстями и темными копнами волос. В команде нашелся даже русский, как пшеница, бернардинец, смешливый, с веселым легким нравом, прекрасно играющий на здоровенной гармонии, который по вечерам садился прямо на палубу и развлекал матросов солеными морскими песнями. Но всех матросов объединяло одно едкое, хлесткое на язык, с характером что напильник рыжеволосое существо, зеленющими кошачьими глазами подмечающее каждую халтуру,

каждую ошибку, любую попытку украдкой отвертеться от работы, чтобы выкурить трубочку или лизнуть рома.

Равенна правила всеми этими грубыми, суровыми матросами, каждый из которых был как минимум на десять лет старше ее, и никто не смел пойти против ее воли. Целыми днями она только и делала, что драла глотку, расхаживая по палубе, и ее низкий с хрипотцой голос был слышен буквально отовсюду, куда бы ни ушел Гардан, чтобы побыть одному. Пиратка костерила матросов почему зря, пересыпая речь крепкими словцами, и каждый раз Гардан видел, как в их глазах загорается гордость и удовольствие, словно она их хвалила. Она лазала по мачтам, как маленькая тощая кошка, тягала узлы, стояла у штурвала, хлебала вместе со своими солдатами пойло, которое местный кок выдавал за еду, глотала ром и гоготала во всю глотку над песнями бернардинца. И ни один из матросов не пытался заигрывать с ней или оспаривать ее авторитет. Они любили и уважали ее, и вот это Гардану казалось самым странным из всего происходящего. Он даже аккуратно спросил об этом того самого бернардинца, и тот со смехом ответил: «Наверное, все оттого, что ты никогда раньше не выходил в море. Когда начинается шторм, твоя жизнь зависит от приказов капитана, и ты должен безоговорочно доверять ему. А даже если твой капитан — баба, то и что с того? Главное — чтобы у нее мозги были в голове, а что уж между ног, не так уж и важно. Не этим же она паруса ставит, так ведь?»

Сам Гардан еще не определился с отношением к Равенне. Он ее подчиненным не был и приказов от нее не принимал. И она все еще оставалась в его глазах женщиной, причем весьма симпатичной женщиной. Грация, с которой она карабкалась по парусам или ходила по палубе, этот мягкий перекаат движений, словно морские волны, завораживал Гардана, а ее зеленые глаза и хрипловатый смех мурашками пробегали по его позвоночнику, каждый раз напоминая о том, как давно уже у него не было женщины. Только при этом пиратка не выказывала к нему ровным счетом никакого интереса. Для нее он был просто мечом, который должен был зарезать Давьялу, и поводом, чтобы броситься за ней в погоню, но никак не предметом внимания. С тем же успехом Гардан мог бы быть креслом в капитанской каюте или штурвалом, которое с такой уверенностью держали мозолистые ладони Равенны. Впрочем, у кресла и штурвала даже было преимущество: Равенна до них дотрагивалась, они непосредственно входили в контакт с ее молодым, упругим, красивым телом. Гардан же должен был молча страдать в стороне.

Был и еще один отрицательный фактор во всем этом плавании: качка. Раньше он никогда не отплывал в открытое море; если ему и приходилось путешествовать на судах, то только в видимости береговой линии или на узких речных барках по вполне мирным рекам Мелонии. Здесь же все было совершенно иначе. Впервые в жизни Гардан оказался лицом к лицу со стихией, и она вдребезги разбила все его представления о морском путешествии.

Могучие волны накатывали и накатывали из зыбчатой дали, и корабль мчался по ним с полными ветра парусами. Его нос высоко взлетал вверх, а потом резко падал вниз, зарываясь в воду, и морские брызги щедро плескали на палубу, отчего одежда и волосы Гардана были сырыми постоянно. Равенна слегка меняла курс, следуя за ветрами, а оттого волны то били в нос или корму корабля, то с рычанием набрасывались на его борта, то совсем успокаивались и ложились под киль мягкой синевой, отражающей небо.

Только в те моменты, когда успокаивалось море, активную деятельность начинали люди. Каждый раз, как ветер замирал, и паруса угрюмо обвисали на мачтах, Равенна сажала матросов на весла, и те принимались выталкивать корабль вперед, загребая недвижимую

гладь. Тогда проклятый бриг двигался на запад резкими рывками под однообразный гул барабана, отбивающего ритм, чтобы матросам было легче грести. А для Гардана все это было одинаково ужасно: первые четыре дня он провисел тряпкой, перекинувшись через планширь и угощая водных обитателей Северного Моря помоями, которыми пичкал его кок «Гадюки». И это тоже не прибавляло ему привлекательности в глазах Равенны.

Впрочем, на пятый день тошнота отступила, и Гардан смог наконец нормально пообщаться с командой. В тот вечер он впервые присоединился к ужину и песням бернардинца, усевшись на палубу в кружку матросов и даже найдя в себе силы проглотить немного рома из пущенной по кругу бутылки. На следующий день осталась лишь слабость, которая к вечеру и вовсе ушла, сменившись обычным самочувствием, и Гардан вздохнул спокойно: Грозар помог, и к морю он привык.

Делать на корабле было совершенно нечего. Можно было или плевать через борт, или точить меч, или наблюдать за тем, как работают другие. Только вот первое быстро надоело, меч он тоже наточил до бритвенной остроты, а в глаза постоянно лезли обтянутые черными портками бедра Равенны, и от этого просто выть хотелось. Потому Гардан предпочитал уходить на корму, где не было никого, кроме рулевого, который занимался штурвалом и больше ни на кого внимания не обращал, раскуривать трубочку и подолгу глядеть на белую бурлящую полосу воды, что оставлял за собой корабль, которая медленно таяла вдали. На это он смотрел до тех пор, пока глаза не начинали слезиться и болеть, а затем уходил на нижнюю палубу, забирался в выделенный ему гамак и дремал там, стараясь не слушать гогот и перекличку моряков.

Вот и сейчас тоже перед глазами не было ничего, кроме бесконечной морской глади да убегающей вдаль дорожки белой пены. За спиной драла плотку Равенна, почему зря костеря матроса, плохо закрепившего какой-то канат, а Гардан хмуро пыхтел своей трубкой и раздумывал о том, зачем же Марне могло понадобиться, чтобы пиратские корабли не покидали Северное Море? В этом же должен был быть хоть какой-то смысл, но Гардан все никак не мог разглядеть его.

Первый вывод, который напрашивался, состоял в том, что Марна таким образом предупреждала капитанов кораблей от крушения. Может, с севера шел большой ураган, который должен был обрушиться на побережье? Могла ли Дева пытаться уберечь моряков от неминуемой смерти в бушующих волнах? Вот только в Северном Море постоянно бушевали шторма, особенно, ближе к зиме, однако, Марна еще ни разу не вступалась за людей, предоставляя им возможность погибать по собственному усмотрению. Да и нелогично было, что она задерживает корабли до самого опасного для плавания сезона. Так почему же тогда?..

— Чего закис, щербатый? Опять готовишься кормить морских гадов?

Гардан вздрогнул всем телом от прозвучавшего за спиной знакомого бархатистого голоса и выругал себя последними словами. Он так глубоко ушел в свои мысли, что и не заметил, как Равенна прекратила орать на матросов и подошла к нему. Повернув голову, он взглянул на то, как пиратка рядом облокотилась на планширь, с усмешкой на сочных губах рассматривая его. Сегодня она была в своих черных штанах и свободной рубаше, под которой, когда ветер прижимал ее к телу, четко обрисовывалась округлая высокая грудь. Гардан едва не застонал от тоски, но заставил себя смотреть только в ее смеющиеся глаза с кошачьим разрезом.

— Думаю, — буркнул он, отворачиваясь от нее и затягиваясь дымом. От курева горло

уже ощутимо резало болью, но это хоть как-то отвлекало его от молодой пиратки, которая совершенно точно была для него точно так же недоступна, как и королевский трон Мелонии. Упаси меня боги от такого счастья!

— О чем? — хмыкнула Равенна. — Не о том ли, на кого еще перевести ту божественную пищу, что готовит мой кок?

— О словах Марны, — нехотя проворчал он. — И о том, зачем ей сдалось останавливать корабли.

— Ты не о том думаешь, — покачала головой Равенна. Глаза ее стали острыми, как кинжал за ее кушаком. — Лучше вспоминай, как мечом махать. — Гардан вопросительно взглянул на нее, и Равенна пояснила: — Сегодня вечером мы причалим в Кандоре. Если угодно будет Грозару, то я сегодня же вскрыю плотку этой твари и вдоволь напьюсь ее крови. А ты наконец-то сможешь покувыркаться с кем-нибудь в борделе, и все будут довольны.

Гардан внутренне проклял эту женщину. Она была пронизательнее гнома-ростовщика, уже по походке способного определить, сможет человек отдать свои долги или их нужно будет вытребовать назад с помощью кулаков и стали. И такой же едкой, как попавшая в глаза морская соль. Впрочем, все это было не столь важно по сравнению с тем, что она только что сказала.

— Значит, сегодня, — повторил Гардан, чувствуя безмерную усталость. Наконец-то он избавится от проклятой качки и удушающего голода по женскому телу. А уж он на это и надеяться перестал за последнюю неделю.

— Седьмой день, как и договаривались, — ослепительно улыбнулась Равенна. Потом шлепнула ладонью по планширю и подмигнула ему, собираясь уходить. — Так что заканчивай блевать, а то шлюхи от твоего аромата носы отворотят.

— погоди, Равенна, — окликнул ее Гардан.

Он так и не успел даже толком поговорить с ней за эти дни: слишком сильно прижимала тошнота, а после и сил не было. Да и сама пиратка не горела желанием общаться, у нее своих дел было по горло. Так что сейчас выдался единственный шанс узнать о ней хоть что-то большее, кроме размера ее груди, от которого Гардана буквально на части разрывало.

Пиратка остановилась и вопросительно выгнула бровь, глядя на него, и Гардан продолжил:

— Чем тебе так насолила Давьяла? Это она тебя продала?

— Ты так хочешь это знать, щербатый? — хмыкнула Равенна, складывая руки на груди. Из-под белоснежной рубахи виднелись загорелые предплечья и высокая шея с красивой ямочкой у основания, а ветер играл с ее огненными волосами, словно раздувал костер. Гардан выругал себя и сосредоточился на ее глазах.

— Ну, я ж тебе рассказал, кто я и откуда. Так что, кажется, могу и спросить чего-то в ответ.

Несколько секунд Равенна оценивающе разглядывала его, потом вернулась к планширю и кивнула, опираясь на выглаженную бесчисленными прикосновениями рук до зеркального блеска поверхность:

— Ну что ж, честно. Ладно, я расскажу. — Она выудила кiset и трубку, укрытые в широких складках кушака, принялась неторопливо набивать ее, то и дело поглядывая через плечо на то, как работают матросы, и заговорила: — Родилась я далеко отсюда, в городе Мересе. Слышал про такой?

— Это порт на юге Ильтониин, — кивнул Гардан.

— Вот-вот, — согласилась та. — Мерес — город большой, через него идет торговля с Рудным Стягом, Бреготтом, Латайей... у вас ее называют Ильтонией. Я была подкидышем в местном приюте, который держали Жрецы Церкви Молодых Богов. Там, правда, все это выглядит несколько иначе, и законы гораздо более гибкие, чем здесь, — Равенна хмыкнула. — Так что приют этот — что-то вроде предприятия местной церкви. Детишек кормят, одевают, дают крышу над головой, а они за это побираются да подворовывают потихоньку, а вся прибыль в качестве «добровольных пожертвований» идет в церковь. Ничего не могу сказать: мне повезло, что я оказалась там, а не в борделе для заморских гостей, как большинство девчонок, оставшихся на улице Мереса. Это тоже долго продолжаться не могло и довольно быстро мне надоело. К тому же, жрец, курировавший нас, не удовлетворился только деньгами, которые мы ему приносили. Старый козел очень любил захаживать к нам в баню под предлогом, что благословит воду перед купанием, а когда ребяташки подросли, и просто по комнатам начал шастать, за руки хватать, поглаживать, всякое такое. Причем, по большей части, мальчиков, — губы Равенны скривились от презрения. — А там был паренек один, Масуд, с которым мы чаще всего вместе по карманам лазали, ну так он и не выдержал. И позвал меня.

Равенна вдруг оттолкнулась от планширя и отошла в сторону. Гардан вывернул голову, следя за ней и размышляя о том, что начинает понимать, почему моряки не тянули руки к пиратке. Держала она себя совершенно раскованно и спокойно, на равных, и внутри Гардана росло чувство того, что если он и попытается что-то ей предложить, то запросто может получить хорошую оплеуху или даже нож под ребро. Эта женщина, кажется, была начисто лишена страха, зато дури в ней было хоть отбавляй. Вот только не начинай сейчас еще и восхищаться ей. Сам прекрасно знаешь, что спать она с тобой не будет никогда, а коли так, то все твои тонкие чувства и переживания даром никому не нужны, и тем более, тебе самому.

Сняв кормовой фонарь со стойки, Равенна раскурила от него трубочку, повесила обратно и не спеша вернулась к Гардану.

— В общем, — продолжила она. — Ночью мы с Масудом залезли в окно дома этого жреца, привязали его к кровати и обрили наголо, целиком, каждый волосок на его поганой тушке срезали, — она хмыкнула. — Стал похож на новорожденную землеройку и верещал также громко. А бороденку его, какой жрецы так гордятся и щеголяют вечно, прямо ему вокруг хозяйства и обвязали и затащили покрепче, чтобы понял, где мирское, а где церковное. Ну, он и понял. И на утро, когда его слуги его отвязали, бедного, приказал немедленно найти виновников. Тихо, конечно, без огласки. А далеко ходить не надо было, хоть мы ему глаза и завязали, да только все прекрасно знали, что в том приюте мы с Масудом были самыми шибутными. Вот нас к нему и привели. — Равенна покачала головой, улыбаясь и вспоминая. — Сидел лысый, как яйцо, с дряблой шейкой, что черепаха старая, кулачками потрясал, грозился. А на следующий день, крысук канавный, продал нас потихому работорговцам, чтобы те потом перепродали в Лонтроне. Лошадники, знаешь ли, со всей своей вечной благочестивостью почему-то очень любят кувыркаться вовсе не с лошадьми, и стегать плетью тоже не их. Работорговцы люди далеко не утлые, а потому дорогу от Мереса до невольничьих рынков Лонтрона мы с Масудом провели на веслах в качестве гребцов.

— Хорошо еще, что не в Тарн, — буркнул Гардан, морщась. Торговля людьми была ему

отвратительна, особенно, учитывая тот факт, что ей так увлекались именно лонтронцы. Может, все дело было в их бесконечном бляении о Молодых Богах, может в том, что Гардан родился в Мелонии, где рабства никогда не было, а может, просто ненавидел лошадиников, но только история Равенны задела его за живое.

— Хорошо, что не в Тарн, — согласилась пиратка, попыхивая трубкой. — В Тарне были бы каменоломни, из которых не сбежать. А с судна удрать не так уж и сложно, если припрет по-настоящему. Вот Масуд и подговорил меня и еще нескольких ребят-рабов на бунт. Только ничего-то у нас не получилось. Масуда сразу зарезали, а меня заковали намертво и пообещали, что за порчу имущества я буду отрабатывать еще три года как минимум. И только после этого пойду служить в дом лонтронцам. Ну, я и отработала, — она, криво усмехаясь, помахала запястьями, на которых виднелись шрамы от цепей. Лицо ее потемнело. — А через три года меня выкупила знатная лонтронка, которая тоже промышляла пиратством, и годик мы с ней знатно куражились на побережье Северного Материка, покуда ей не пришло в голову стать благородной дамой, а меня сделать подстилкой для них с мужем. Но это уже другая история, и никакого отношения к работорговле она не имеет. — Равенна встряхнулась, сбрасывая с себя прочь тень прошлого, а потом, прищурившись, взглянула ему в глаза. — Вот такая вот у меня трагическая история, щербатый. Теперь мы в расчете?

— Я только одного не понял: как с этим Давьяла связана? — уточнил Гардан, стараясь придержать свои мысли при себе. Девке этой действительно в жизни досталось знатно, и оставалось лишь удивляться, почему она при этом не озлобилась, не замкнулась в себе и не начала крошить всех на мелкие кусочки без тени сожаления. Но Равенне о таких его размышлениях знать не нужно было.

— Ребята, которым нас продал жрец, работали на нее, — сухо отозвалась пиратка. — У нее вообще хозяйство было приличное: как минимум десять кораблей, постоянные поставки в Лонтрон и Тарн. А теперь остался только один корабль, последний, и он не уйдет.

В голосе ее прозвучала смерть, и Гардан мысленно кивнул. Врагов нужно было добивать до конца, без жалости или сожаления, потому что они имели волшебное свойство появляться в твоей жизни снова и снова, словно сорняки, которые поленился до конца выкорчевать из земли. Это навело его на другую мысль, и он спросил:

— А что со жрецом, который вас продал? Наверное, с ним легче было разобраться, чем с десятком кораблей.

— Легче, — губы Равенны расплылись в довольную улыбку. — К моему возвращению домой он только-только с превеликим трудом отрастил обратно свою бороденку. На этот раз я уже не сбривала ее, а сожгла, чтобы уж наверняка остался лысым, как яйцо. И кстати об этом, раз уж мы заговорили, то и остального он лишился, стал гладенький, ровненький, загляденье одно! — она хмыкнула. — А после этой очистительной процедуры, взял и сам повесился в ту же ночь прямо посреди городской площади. И даже письмо прощальное написал своей же кровью и на груди себе приколол: «Мол, простите меня, люди, что детишек ваших трогал и портил: не от злой души все, а бес попутал. И вот теперь раскаиваюсь».

Нет, парень, поторопился ты называть ее белой и пушистой. Может и не озлобилась, но опасная стала, как бешеная сука. Гардан с уважением взглянул на Равенну. Станным образом глаза теперь не так липли к ее груди, как раньше, хоть смотреть ей в лицо все равно было сложновато.

— Ну а ты, щербатый? — Равенна взглянула на него смеющимся глазом. — Чем ты можешь похвастаться?

— Да ничем, — пожал плечами Гардан. По сравнению с ее историей его занудное повествование про нежелание копать отцовские грядки смотрелось откровенно смешным. — Жил себе да жил, не плохо, не хорошо, а так.

— Ну, скромничать-то уже, — Равенна подтолкнула его локтем в бок. — Ты ж служил у Черного Ветра. Я много слышала о ней! — Взгляд ее стал пытливым и любопытным. — А это правда, что она может выпить в одну глотку сразу четыре литра рома?

— Ну, четыре — это уже слишком, — усмехнулся Гардан, с теплом вспоминая Раду. — Но два точно может, я сам видел.

— Говорят, ее отцом был сам Тваугебир, хотя, брешут, наверное, — дернула плечом Равенна, поглядывая на него. — А еще я слыхала, что она как-то задушила коня, сжав ему ребра ногами, когда пыталась остановить галоп.

— Боги, и кто только такой бред придумывает? — Гардан рассмеялся, чувствуя, как его отпускает тяжелое ощущение от рассказа Равенны. — Не было никакого коня. Брехня все это. Рада просто... — он замялся, подбирая слова. Как можно было описать ее? Только сейчас, наверное, глядя на Равенну, Гардан вдруг отчетливо понял, насколько сильно Рада отличалась от всех тех людей, к которым он привык, как сильно выделялась на фоне всего остального двора и Мелонии в целом. И вовсе не потому, что была эльфийкой. Что-то другое было в ней, что-то совершенно иное, чуждое всему этому миру дорогих шелков и породистых лошадей. Он не знал, как правильно объяснить это, а Равенна смотрела на него с ожиданием в зеленых глазах и не собиралась никуда уходить. Прочистив горло, Гардан попробовал снова: — У Рады очень сильная воля и покладистый характер. Со стороны она может выглядеть полной идиоткой, но вовсе не потому, что чего-то не понимает, а потому, что ей дела нет до того, чтобы разбираться в интригах, играх или еще чем-то. Она очень искренняя и в чем-то по-детски наивная, но опять-таки, только потому, что она не растрчивает себя на бессмысленную шелуху.

— Послушать тебя, так она получается прямо какой-то монашкой! — хохотнула Равенна.

— Нет, ни в коем случае, — покачал головой Гардан, улыбаясь себе под нос. — Она обожает пить и драться, и эти две вещи, наверное, интересуют ее в жизни больше всего. Амбициозность, хитрость, расчетливость ей просто не свойственны.

— Так, значит, неправду говорят, что она убила короля Мелонии и Лорда-Протектора? — прищурилась Равенна.

— Нет, — покачал головой Гардан. — Ее подставили очень крупно. Я там был, все видел. Только вот доказать-то это все равно невозможно: никто не поверит эльфийке и безродному наемнику, который еще и деньги от нее за службу получает.

— Расскажи? — не слишком настойчиво попросила Равенна.

Скрывать тут особенно было нечего, так что Гардан только пожал плечами и пересказал пиратке всю ситуацию, произошедшую в Латре. Та внимательно слушала, временами качая головой и задавая уточняющие вопросы. Как-то постепенно душащее желание, которое Гардан испытывал в присутствии Равенны, отступало прочь, и теперь он просто получал удовольствие от общения с человеком. Сам он разговаривать не слишком-то любил, но последние дни провел, перевешиваясь через борт, так что пообщаться сейчас было приятно.

Дослушав до конца, Равенна задумчиво взглянула на него и проговорила:

— Хороший ты парень, щербатый. Если бы еще не протирал так глазами мою задницу, был бы еще лучше. — Раздражение вновь взметнулось в Гардане с новой силой, но пиратка только хмыкнула, выбила о планширь пепел из своей трубки и хлопнула его по плечу. — А с Радой познакомишь меня как-нибудь, коли будет возможность. Я бы взглянула на нее одним глазком.

— Познакомлю, — согласился Гардан, и пиратка ушла.

Правда вот, он не был уверен, что Рада и Равенна найдут общий язык. Пиратка хоть и держала себя просто, а в этой простоте все равно был глубоко запрятанный крючок и кощачье желание выпустить когти при любом удобном случае. Раде такие вещи были абсолютно чужды и по большей части раздражали ее.

Хоть Равенна и пообещала, что к вечеру они достигнут Кандора, а только никаких изменений Гардан пока не замечал. Вокруг все также простиралась бесконечная морская гладь, все также проглядывало солнце сквозь рваные дырки в бесконечном одеяле туч. Разве что далеко-далеко на горизонте Гардан заметил несколько птиц, во всю плотку вопящих и камнем падающих в стальные волны в поисках рыбы. А когда спросил про то, через сколько они будут в Кандоре, рулевого, тот как раз на этих птиц и кивнул, проворчав сквозь зубы:

— Видишь чаек? Значит, скоро берег.

И южанин не соврал. Где-то через час на горизонте показалась тонкая-тонкая полоска суши, которую поначалу Гардан принял за еще одно облако, только темное, дождевое. Равенна начала во всю плотку орать, раздавая морякам приказы, и те забегали по палубе, корректируя паруса и лоя изменивший направление ветер.

Смотреть на то, как издали приближается полоска суши, было как-то спокойнее, надежнее, и Гардан перешел на нос корабля, устроившись там так, чтобы никому не мешать. Он уже до смерти истосковался хоть по какому-то изменению пейзажа: от рябщей под солнечными лучами воды болели глаза и кружилась голова. Только вот смотреть пока особо было не на что: полоска земли впереди постепенно увеличивалась, превращаясь в пустынный скалистый берег, каким было все побережье Северных Провинций. Разве что редко-редко пейзаж нарушали одинокие низенькие и чахлые деревца, но по большей части из конца в конец неба тянулись только серые скалы да мелкая галька, на которую с шумом набегали белые гребешки пены.

Равенна слегка развернула «Гадюку», и та заскользила по волнам метрах в пятистах вдоль берега. Сильный ветер свистел в снастях, холодил Гардану затылок и кусался за уши, а вокруг ничего не менялось. В конце концов, наемник не выдержал всего этого однообразия, слишком уж хотелось ему поскорее ступить на твердую землю, и спустился вниз, в трюм, где сейчас отсыпались после ночной смены рулевой и несколько матросов. Здесь было гораздо тише, пахло застарелым потом, немывтыми телами и пылью, но наверху все равно ничего интересного его не ожидало в ближайшее время, потому Гардан забрался в свой гамак, заложил руки за голову и попытался задремать.

Разбудили его громкие голоса, крики и беготня по палубе над головой. Резко подорвавшись с места, Гардан едва не вывалился из гамака на твердый пол, но в последний момент успел ухватиться за парусиновую ткань и удержаться на месте. В трюме кроме него сейчас никого не было, видимо, спавшие со смены матросы уже поднялись наверх. А еще что-то было не так, словно качка ощущалась по-другому. Корабль мелко подрагивал на волнах, а не глубоко взлетал на них вниз вверх, как раньше, а еще слышались какие-то оклики со стороны, а не сверху, словно кто-то упал за борт или... Кандор! — осенило

наемника, он почти что вывалился из гамака во второй раз и застучал каблуками по трапу на верхнюю палубу, спеша оказаться на берегу.

За то время, пока он спал, солнце закатилось за море, и серые сумерки быстро наливались густой ночной синью. По палубе бегали матросы, торопясь укрепить швартовые, проверяя узлы канатов, выкладывая для стоящей у самого борта Равенны трап на берег. Гардан едва не застонал от облегчения, когда его глазам открылась не бескрайняя серая морская хмарь, а шумный, дымный, набитый торговцами и рыбаками Кандор.

Вообще-то, сам город Кандор располагался к югу от побережья примерно на том же расстоянии, что и Мериадор от Лебяжьей Гавани. Он являлся административным центром Кандорского округа Северных Провинций, и именно через него шла настоящая хорошая дорога, по которой в Дер доставлялись товары с побережья, а оттуда и дальше, во внутреннюю Мелонию. В Кандоре располагались и основные склады, и рынок, и даже резиденция Лорда Севера на тот случай, если он все-таки решит заглянуть в эти места и проверить состояние дел. Только вот настоящим сердцем всего округа был именно этот прибрежный городок, который тоже называли Кандором, только морским. Да и связан он был с административным центром напрямую, потому местные считали его вроде бы как окраиной самого города или чем-то похожим на это.

Внешне он почти как две капли воды походил на Лебяжью Гавань: те же неприметные домишки, дым, стелящийся над черепичными крышами, те же вытянувшиеся ряды корабельных мачт со свернутыми парусами, та же вонь рыбы и гнилых водорослей. Только был, разве что, слегка побольше, да и располагался на холме, отчего домики, как грибы, взбирались прочь от берега все выше к гребню холма и просматривались со стороны моря.

Проверив привычным движением, хорошо ли выходит из ножен кинжал, Гардан быстро зашагал к опущенному трапу на берег. Он не ждал в городе неприятностей, но на северном побережье Мелонии неприятности имели свойство случаться в самые неподходящие моменты, а потому следовало быть начеку. Равенна, как раз повернувшаяся, чтобы поторопить матросов, заприметила его и махнула рукой:

— Давай сюда, щербатый! Пройдемся, подышим, послушаем, что люди говорят. Авось, она все еще здесь.

Гардан только кивнул в ответ и встал рядом с Равенной, глядя на то, как суетятся матросы, и ощущая смутную тревогу. В голове почему-то стало тихо-тихо, и он чувствовал все сильнее и крепче стягивающие ее обручи воли Марны. Странное отчуждение легло на его плечи, словно невидимая ладонь отделила его ото всех остальных людей на борту и пристани, отодвинула в сторону и сжала, лишив собственной воли, мыслей, чувств. Ну только не сейчас! — мысленно взмолился наемник. Я так ждал возможности сойти на берег! И вот именно теперь тебе, Дева, вздумалось вновь что-то сказать мне? Почему не утром, не вчера и не позавчера, когда я сходил с ума от скуки, пялясь на серые волны? Почему именно тогда, когда появилась возможность размять ноги, выпить и оглядеться, тебе понадобилось опять привлекать мое внимание?

Видимо, на лице у него что-то отразилось, потому что Равенна бросила на него испытующий взгляд и оскалила свои острые зубы:

— Чего такой кислый, щербатый? Не хочется расставаться с качкой? Или прикипел к своим рыбкам?

— Думаю, — пробурчал в ответ Гардан. Объяснять ей что-либо сейчас ему не хотелось, да он и сам не знал, что с ним происходит. Чувство нарастало, как набегающая на берег

волна, как усиливающиеся порывы ветра, и он с трудом сохранял хоть какое-то чувство реальности. Проклятые Боги! Все бы вам с людьми играть в свои игры! Я не ваша марионетка и не хочу ей быть! Оставьте меня в покое и дайте тихо прожить свои дни!

— Смотри не перетрудишься, щербатый! — ухмыльнулась в ответ Равенна. — Сдается мне, слишком много ты думаешь и вовсе не о том, о чем надо!

Гардан странно взглянул на нее, словно сказанные ей слова невольно ответили на его мысли, но тут сходили легли на борт, и матрос отступил в сторону, давая возможность Равенне сойти на берег. Она словно кошка ловко спустилась вниз, крикнув на ходу:

— Корабль не покидать! В любой момент мы можем отплыть отсюда, и ждать, пока вы накувыркаетесь с местными шлюхами, я не намерена!

Сжав зубы, Гардан зашагал следом за Равенной по трапу под завистливые взгляды матросов. Впрочем, сейчас ему было ни до чего, да и корабль он покидал вовсе не для того, чтобы развлекаться. Внутри бурлило и качалось штормовое море, и от этого тошнота поднималась к горлу, а голова стала тяжелой, как свинцовый котел.

Ко всему прочему добавилось еще и отсутствие качки на берегу. Гардан ступил на твердую землю, от которой за неделю уже знатно отвык, и зашатался, непривычно ступая вперед ватными ногами, которые так и стремились поймать волну, чтобы устойчивее удержаться на палубе. Только волн здесь не было, земля не качалась, и его замутило еще сильнее.

Не дожидаясь его, Равенна быстро зашагала по дощатому настилу палубы в сторону складов, отмахиваясь от двинувшихся ей навстречу купцов с льстивыми улыбками на лицах. Сейчас они не везли никакого товара, а потому и общаться с потенциальными покупателями и продавцами смысла не было. Кое-как Гардан двинулся следом за ней, часто сглатывая наполняющую рот слюну и мысленно проклиная Марну, ее приказания, пиратку, Провидца, Раду и всех вместе взятых. Ему было по-настоящему худо, и с каждой минутой становилось все хуже и хуже.

Дорогу он почти что и не запомнил. Кое-как бредя следом за ярким пятном рыжих волос Равенны, Гардан пару раз едва не врезался в темные углы зданий, тонушие в сумерках, поскользнулся в нескольких глубоких лужах, а один раз едва успел вывернуться из-под копыт коня, на котором спешил куда-то вдоль по набережной худенький парнишка гонец. В конце концов, хмуро вздохнув и закатив глаза, Равенна взяла его под руку, ворча под нос, насколько он бестолковый и проблемный, и потащила следом за собой, следя за тем, чтобы он не споткнулся.

— Ты морской воды наглотался что ли, щербатый? Или трубку свою перекурил? — ее глаза пристально изучали его лицо. — Выглядишь ты погано.

— Веди, — пробурчал Гардан, изо всех сил сдерживая рвотные позывы. Голова была настолько чужой, словно к его плечам прирастили бревно или наполненное водой ведро, в котором без усталости прыгали и купались маленькие золотые рыбки.

Они все-таки дошли до приземистого здания таверны, из открытых окон которой лился свет, доносились взрывы смеха, звуки музыки и голоса людей. От одной мысли, что ему придется туда идти, Гардана буквально согнуло пополам, и он с трудом упал на какую-то рассохшуюся старую бочку, стоящую возле двери, вцепившись пальцами в волосы.

— Я подожду тебя здесь, — проскрежетал он. Мысли в голове напоминали трухлявое полотно, расплзающееся под пальцами, которое он изо всех сил пытался удержать в целостности.

— Как знаешь, — прозвучал над головой голос Равенны, в котором прозвенела плохо скрытая тревога. — Ты только не уходи отсюда никуда, понял? Я вернусь и провожу тебя на корабль. Может, просто отвык от суши.

Сил, чтобы ответить, у Гардана не было, он только продолжал сжимать пальцами свои волосы, молясь, чтобы все это закончилось. Через миг дверь таверны открылась, выпустив наружу крики людей, песни, музыку и гомон, и захлопнулась за Равенной, оставив его наедине с холодной и стылой осенней ночью.

И в тот же миг словно плотину прорвало в его собственной голове. Гардан ослеп и оглох, все звуки мира отрезало от него, как лезвие отсекает кусок масла, а прямо перед лицом возник огромный круглый глаз. У него не было века, не было ресниц, только здоровенное белое глазное яблоко со сжавшимся в точку черным зрачком, глядящим прямо в самое сердце Гардана. Он попытался закрыться, попытался сжаться, прогнать образ, только это было невозможно. Взгляд походил на вертел, на каких жаривают над огнем поросей, и Гардан болтался на нем тряпкой, не в силах дернуться ни туда, ни сюда.

— ТРИ ДНЯ НА СЕВЕР, НЕ МЕНЯЯ НАПРАВЛЕНИЯ. — Мощные волны зв прокатились сквозь его тело, и Гардан затрепыхался, словно лист, попавший в водоворот реки, прыгая на волнах не в силах прекратить эту муку. — БЕГЛОМУ РАБУ ВЕРЫ НЕТ КОГДА ПРОТРУБИТ РОГ, ОБЕРНИСЬ НАЗАД. СЛОМАННАЯ МАЧТА УКАЖЕТ ПУТЬ.

Гардан почувствовал, что еще несколько секунд, и его собственные глаза просто вскипят под давлением чужого взгляда, беззвучно закричал изо всех сил, сжимая голову и пытаясь избавиться от чужой воли. А потом все разом кончилось.

В лицо дохнуло сырой осенней ночью. Гардан понял, что сгибается в три погибели на бочке, а пальцы, которыми он зарылся в собственные волосы, повлажнели от пота. Мокрым было все лицо, по которому буквально градины текли, отсырела спина, и одежда прилипла к телу. Тяжело сглотнув, он отнял руки от лица, глядя на то, как дрожат его пальцы. Все, что сказала Марна, казалось бессмысленным набором букв, но он впечатался в его голову намертво, словно прямо на внутренней стороне век были выжжены раскаленные слова приказа.

— Будь ты проклята, Единоглазая ведьма! — с трудом прошептал Гардан, кое-как рукавом утирая мокрое лицо, которое теперь охлаждал налетающий с моря ветер. — И что ты привязалась ко мне? Мне никогда не было дела ни до Аватар Создателя, ни до Богов, ни до их бесконечных игр! Так почему же именно меня ты выбрала, чтобы изводить без конца?

Холодный ночной ветер не ответил ему ни слова, лишь взметнул какие-то обрывки бумаги, подкатил их к самым носкам его сапог. Не думая, Гардан подхватил один листок и взглянул на него. Бумажка была рваной, измятой и потертой, ее явно намочили в воде, чернила поплыли, и текст почти не читался. Но одно слово Гардан сумел-таки разобрать, и это было слово «гадюка».

Его словно ледяной водой окатили, и вся тяжесть после касания Марны моментально ушла прочь. Гардан прищурился, вглядываясь в размытый текст и пытаясь прочитать хоть что-то, но больше ни слова понять не смог. Он подхватил с земли и остальные обрывки, но они были в таком же плачевном состоянии и при плохом вечернем освещении не читались. Могло ли это быть просто совпадением? Он заморгал, задумчиво глядя прямо перед собой и лихорадочно соображая. Как часто люди писали друг другу письма и упоминали в них гадюк? Тем более на севере Мелонии, где этих самых гадюк встретить было очень тяжело.

Дверь в таверну резко распахнулась за его спиной. Гардан по наитию сжал в кулаке

бумажки, пряча их от чужих взглядов, и обернулся. На пороге в ярком квадрате света стояла Равенна, а за ее спиной маячил какой-то худенький паренек с большими глазами, внимательно рассматривающий Гардана из-за ее плеча.

— Ну что, щербатый, полегчало? — пиратка подмигнула ему. — Вставай давай, пора плыть.

— Ее здесь нет? — спросил Гардан, подивившись тому, насколько у него сейчас был сиплый и низкий голос.

— Нет, — покачала головой пиратка. — Но отшвартовалась она всего-то пару часов назад. Мы быстро ее догоним.

— А это кто? — Гардан взглянул на паренька, который вышел из таверны следом за Равенной и остановился в тени, кутая худые плечи в дырявый плащ. В темноте было видно только его огромные черные глазищи, да широкий нос, что говорило о том, что перед Гарданом южанин.

— Его зовут Салам, и ему чудом удалось ускользнуть из ее цепей. Он пару лет плавал с ней и знает местные воды и все бухты, в которых эта тварь обычно ночует. Он проведет нас, — отозвалась Равенна, энергичной походкой направляясь в сторону порта.

Гардан подхватился с бочки и поспешил за ней, поглядывая на спешившего за ними паренька. Вид у того был какой-то перепуганный, да и глаза бегали по сторонам. Он бросал короткие взгляды на Гардана, но от ответного взгляда моментально отворачивался, словно наемник пугал его. В голове Гардана словно молотом по наковальне прогудело «БЕГЛОМУ РАБУ ВЕРЫ НЕТ», и неприятное предчувствие зачесалось между лопаток. Нагнав Равенну Гардан понизил голос и настойчиво проговорил:

— Послушай, зачем тебе сдался этот щенок? Да и какие бухты в открытом море? Оставим его здесь, так спокойнее.

— Он говорит, что Давьяла пошла на запад, к Лонтрону, а там берег рваный и резанный, и я не слишком хорошо знаю те воды, так что его помощь пригодится, — тряхнула головой Равенна.

Что-то внутри у Гардана екнуло, и он вновь обернулся через плечо на бредущего за ними паренька. Тот неотрывно смотрел им в спины и сразу же отвел глаза, как только Гардан взглянул на него.

— Равенна, этот парень брешет, — настойчиво зашептал ей Гардан, склоняясь к рыжей гриве кудрей. — Она не на запад пошла, а на север. И искать ее надо там.

— Почему ты знаешь? — недоверчиво взглянула на него пиратка. — Почему так уверен?

— Просто знаю, — отозвался наемник, стараясь говорить как можно увереннее и серьезнее. Про Марну рассказывать ему не хотелось, тем более в присутствии этого Салама, но что-то внутри подсказывало, что он должен убедить Равенну. — Она увезла рабов на север, а не на запад, точно тебе говорю. Просто послушай меня и прогони этого щенка.

Равенна прищурилась, глядя на Гардана, и в глазах ее загорелся опасный огонек.

— Мы, кажется, уже говорили с тобой кое о чем, щербатый, договаривались, нет? — в голосе ее зазвучала угроза. — Что если ты хочешь что-то мне сказать, то и говори открыто, иначе я с тобой никакого дела вести не буду. Ты меня...

Вдруг Равенна охнула, содрогнулась всем телом, конвульсивно выгибаясь назад и дергая руками. Гардан не думал, он просто развернулся и наотмашь ударил в лицо паренька, который как раз замахивался, чтобы нанести второй удар ножом ей в спину. Глаза щенка расширились, тяжелый кулак Гардана с хрустом проломил ему нос, и мальчишка рухнул, как

подкошенный, на темные плиты мощения под ногами. А Гардан едва успел подхватить начавшую оседать на землю Равенну, хватаящую ртом воздух, словно задыхающаяся на берегу рыба.

— Бхара тебя раздери, женщина! — прорычал он, чувствуя, как поддерживающую ее под спину руку заливают теплая липкая кровь. — Надо было слушать меня! Надо было просто послушать, что я тебе сказал!

Пиратка только застонала что-то в ответ, а Гардан подхватил ее на руки и побежал по мощеной улице города в сторону светящихся окон таверны. Там он сможет найти лекаря или кого-то, кто укажет ему дорогу к лекарю. Должен же в этой дыре быть лекарь! Проклятые бабы! Сначала Рада, потом Марна, теперь эта, рыжая! Покоя мне от вас не будет! Он бежал, и алые капельки крови пятнали плиты мостовой за его спиной.

===== Глава 39. Дорога выбрана =====

— Ну и дура же ты, рыжая! — в очередной раз от всей души покачал головой Гардан, сидя на табуретке в капитанской каюте возле койки, на которой, распластавшись, лежала Равенна. — Вот вроде и умная во всем, а дура душой!

— Ладно тебе уже брюзжать, щербатый! — поморщилась пиратка, вяло отмахиваясь от него. — Лучше дай мне рома.

— От этого пошла кровь начинает кипеть, как бешеная. У тебя рана откроется, — напомнил Гардан.

— Ой, вот только не надо этой гномьей бабули на моем корабле! Ворковать будешь над своим выводком, а мне просто дай проклятого рома! — недовольно заворчала Равенна.

— Как знаешь, — пожал плечами Гардан, с неохотой поднялся и отстегнул от пояса флягу.

Ему пришлось придержать ее под плечи, пока пиратка, кривясь и ругаясь, приподнималась над измятой постелью, чтобы сделать глоток. Больше никаких желаний у Гардана не было, когда он касался ее кожи, разгоряченной от выступившего из-за потери крови пота. Даже несмотря на вид ее рубашки, облепившей влажное тело и подчеркнувшей каждый его изгиб. И как так получается, что стоит только спасти проклятому идиоту его ничтожную жизнь, и он сразу становится тебе кем-то родным, едва ли не братом, к которому любая нежность уже просто невозможна? Гардан и сам не знал, почему так происходит, но был благодарен за это: дурацкая жажда по Равенне измотала его за последние дни вконец, и теперь он мог спокойно вздохнуть.

Равенна сделала несколько глотков, с наслаждением вздохнула и пробормотала, прикрыв глаза:

— Все, теперь положи меня. Кажется, мне легче.

— Да неужели, — проворчал Гардан, аккуратно опуская ее на простыни и тяжело присаживаясь на табуретку.

Он чувствовал себя выжатым досуха и таким легким, будто гусиное перо, которое поймал ветер и болтает в воздухе, перебрасывая из ладони в ладонь. Все напряжение схлынуло прочь морским отливом, и теперь осталась лишь мягкая ватная усталость. Он и сам хлебнул рома из той же фляги и прикрыл глаза, глубоко дыша и наслаждаясь тем, что просто сидит. Последние часы прошли в такой беготне, к которой после целой недели праздного безделья Гардан был совершенно не готов.

Ему даже вспоминать не хотелось о том, как он ворвался в таверну с истекающей кровью Равенной на руках и едва ли не пинками заставил трактирщика вести его к какому-то

местному знахарю, что умел заговаривать порезы. Они долго бежали по запутанным городским улицам, еще дальше колотили кулаками в накрепко запертую дверь и орали под ней, требуя, чтобы знахарь немедленно впустил их. И все это время Гардан буквально всем телом ощущал уходящие прочь секунды, вместе с каплями крови Равенны падающие на грязную мостовую под ногами. Из двери к ним выглянул заспанный неопрятный мужчина с клокастой бородой, растрепанными волосами и чадящей свечкой в руке. Гардан почти что силой впихнул ему в руки Равенну и угрозами вынудил лечить. Даже сейчас его передернуло при одном воспоминании о глубокой ране на ее боку, куда вошел широкий клинок проклятого щенка. К счастью, лекарь оказался достаточно умелым и ведающим в энергиях, потому под его шепотом и манипуляциями рана затянулась буквально на глазах, превратившись в бугристый алый шрам, горячий на ощупь, но уж точно взявшийся.

Потом Гардан вновь тащил потерявшую сознание от потери крови Равенну через весь город обратно в трактир и потратил еще час на то, чтобы вытрясти из трактирщика всю возможную информацию о том щенке Саламе. Правда, вытрясти удалось не так уж и много. Как сказал трактирщик, мальчишку этого он раньше в городе не видел, прибыл тот только два дня назад и остановился на постой в самой дешевой и худой комнатухе, оплатив больше обещаниями, чем медью. Гардан поспрашивал и остальных завсегдатаев заведения, и те лишь повторили слова перепуганного насмерть хозяина: кто этот щенок и откуда он взялся, не знал никто. Да это было и неудивительно. По северному побережью вечно шаталось огромное количество человеческого сброда, врущего о своем прошлом так знатно, что одного и того же человека могли знать в десяти разных городах под пятьюдесятью разными именами. Так что выяснить что-либо путное ему не удалось.

Разобравшись с трактирщиком, Гардан подхватил бездыханную Равенну и направился в тот переулок, где паренек пырнул ее ножом. Тот так и остался лежать на грязных плитах: во тьме ночи никто не решился близко подходить к нему или оказывать помощь. Щенок был мертв: Гардан ударил достаточно сильно и точно, чтобы проломить ему череп, а потому допрашивать было уже некого. Тщательно обыскав паренька, наемник нашел совсем немного: горстку меди, два спрятанных в складках плаща ножа, да обрывки бумаги, показавшиеся смутно знакомыми. При тусклом свете отдаленных огней сличать эти обрывки с теми, что он подобрал возле самой гостиницы, у Гардана возможности не было, потому он только засунул их в карман, не разбираясь.

Корабль вновь танцевал на волнах, взлетая высоко вверх и стремительно обрушиваясь вниз, и над головой Гардана слышался топот ног матросов, хоть привычных криков уже не было. Моряки притихли, когда Гардан втащил полубездыханную Равенну на борт, и та слабым голосом приказала немедленно отправляться на север, на этот раз не став спорить с Гарданом и препираться, за что он был бесконечно ей благодарен. Теперь все они старались орать друг на друга и перекрикиваться как можно тише, чтобы не потревожить ее покой, и от этого на корабле было странно неуютно. На палубе приглушенно хрипели низкие мужские голоса, похожие на осипших от воплей котов, и вкупе с завывающим в снастях ветром все это создавало довольно зловещую атмосферу.

Рука сама полезла в карман, и Гардан вытащил обрывки бумаги, которые нашел на берегу. Подвинувшись вместе со своей табуреткой поближе к масляной лампе, установленной на намертво прикрученном к стене столике капитанской каюты, Гардан выложил на столешницу добытые клочки и принялся их разглядывать. Сейчас он даже не мог отличить, какие из них нашел в кармане того бедолаги, а какие подобрал в луже возле

гостиницы: по виду бумага была одна и та же, да и синие расплывшиеся чернила тоже явно составляли одно целое.

— Ты чего там ковыряешься? — хрипло спросила Равенна. Она откинулась на подушках, водрузив руку на голову и прикрывая лицо то ли от яркого света, то ли чтобы Гардан не видел сковывающую его гримасу боли. Знахарь рану-то заговорил, но шрам от нее все равно остался, к тому же, не до конца заживший, и Гардан представлял себе, насколько сейчас несладко пиратке.

— Я кое-что нашел у гостиницы и в кармане того хлыща, что тебя пырнул, — сообщил он, разглядывая бумажки. По виду они представляли собой один большой лист, разодранный на части, и наемник, напрягая глаза, склонился еще ниже над обрывками, стараясь сложить из фрагментов изначальный текст. — Похоже на письмо, — добавил он.

— Боги мои, вот это новость! — слабо пробормотала Равенна. — Гномья бабуля, оказывается, умеет читать!

— Представь себе, — Гардан не обратил внимания на яд в ее голосе. Когда тебе в почку пихают кусок стали длиной с пол ладони, немудрено скалиться, как побитая псина. Это он знал по себе: не раз пробовал такие пилюли и очень долго от них отходил потом.

Сейчас его гораздо больше интересовало написанное в письме. Восстановить полный текст по фрагментам было невозможно: чернила расплылись так, что он не понимал ни слова. Зато можно было попробовать составить мозаику, опираясь на оборванные сгибы листов. Письмо явно рвали в спешке, и края оказались неровными, что облегчало задачу. Уже через несколько минут Гардан смог сложить лист, как и нужно было, и всмотрелся в каракули. Наверное, он порвал письмо и пытался в спешке засунуть клочки в карман, да и не заметил, как часть из них вылетела из ладони и просыпалась на землю.

Текст не читался, как бы он ни напрягал глаза, что бы ни делал. Наемник смог различить только отдельные слова: уже бросившееся в глаза слово «гадюка», слово «бриг» и «убрать», но этого и так было вполне достаточно в свете всего произошедшего. Внизу листа не было подписи, но он и не ждал ее увидеть. Кто в своем уме станет подписывать приказ убить человека? Гораздо больше его интересовала сама бумага, и Гардан тщательно осмотрел каждый обрывок со всех сторон, ища зацепки.

— Ну и что там? — вновь спросила лежащая рядом Равенна. — Любовное послание?

— Нет, приказ убить тебя, судя по всему, — отозвался он.

— Меня? — в слабом голосе пиратки проскользнуло удивление. — А меня-то зачем?

— Этот паренек пырнул ножом из нас двоих именно тебя, из этого я делаю вывод, что его наняли, чтобы зарезать тебя, — собрав все свое терпение, пояснил наемник. — Только одного не понимаю: почему он не попытался нейтрализовать меня? Ведь это не логично. Будь я на его месте, я бы вырубил сначала более сильного соперника.

— Ты слишком самоуверен, щербатый! — с трудом хмыкнула Равенна. — Я тебя на раз-два побью, и еще пощады будешь просить!

— Сначала встань с кровати, — отозвался он, чувствуя какое-то странное тепло. С Радой они тоже вечно так перебрехивались, без конца подтрунивая друг над другом, и Гардан даже не заметил, что ему стало не хватать этого. Сколько лет ты служил ей? За это время умудряешься прикипеть к человеку. Или к эльфу, если быть точнее. Нахмурившись, он отложил прочь листочки, выжать из которых еще что-либо было просто невозможно. — Давай-ка подумаем.

— Если тебе не будет трудно, — ехидно заметила пиратка, но Гардан проигнорировал

ее заявление.

— Итак. Какому-то щенку безбородому и худюшему до крайности, который явно не выглядит опытным убийцей, дают задание убить капитана корабля. Он видит свою жертву в трактире и выманивает ее на улицу, обещая проводить до нужного ей места. А на улице ее ждет приятель. И несмотря на это, он все равно пытается ее убить. О чем это говорит?

— О том, что он идиот, — фыркнула Равенна.

— Да, и об этом тоже, — согласился Гардан. — Но не только. Он не стал убегать, ударив тебя ножом и зная, что я развернусь и нападу на него. Может, потому что слишком изголодался и хотел заработать настолько, что потерял естественный страх за свою жизнь. А может, потому что его очень сильно припугнули, пояснив, что если жертву не уберут, ему придется хуже. Но есть и еще один вариант.

— Какой? — спросила Равенна.

— Фанатик, — задумчиво отозвался Гардан. — Я не знаю, до какой степени надо отчаяться, чтобы пойти на верную смерть. Да он и не выглядел настолько тупым. Скорее, странным, но далеко не тупым, слишком уж внимательно смотрел на нас. Возможно, он и должен был погибнуть в попытке убить тебя, в этом-то и было его задание.

— Это бред какой-то! — пробурчала Равенна. — Кажется, ты чересчур много думаешь.

— А мне кажется, что ты недооценила своего недобритого друга из Мереса. — Гардан поцокал языком о дырку на месте верхнего клыка, раздумывая. — Или у тебя есть еще один опасный враг, о котором ты не знаешь.

— Если ты о Церкви, то я никогда не делала ничего плохого ни одному из жрецов, а жрицам — только хорошее, — заметила Равенна.

— Может, о Церкви. А может, и о ком другом, — после паузы добавил Гардан.

— О ком? — Равенна сняла руку с лица и, щурясь, взглянула на него. — Ты на что сейчас намекаешь, щербатый?

— Да я сам не знаю, — он устало взъерошил волосы, заставляя себя сосредоточиться. — Посуди сама. В Мелонии — переворот, в результате которого умирают король и Лорд-Протектор, и это явно было кем-то запланировано. Потом появляется Провидец, предрекающий волю Марн и начало Танца Хаоса. Потом Марна настаивает на том, чтобы корабли не покидали северное побережье, а я по наводке Лавая встречаю тебя, и мы вместе должны остановить Давьялу от отплытия на север.

— Все это звучит, как распроклятушая героическая песня, — хмыкнула Равенна, и в глазах ее мелькнул золотистый огонек, а в голосе послышался голод. — Я уже вижу, как пересидевшие в своих утопленных в шелках кроватках молодые сочные дуры читают сказания об этом и вздыхают, мечтая о том, когда же, наконец, я ворвусь в их окно и уведу их в дальние моря любви и страсти с острым привкусом рока! — Равенна сладко вздохнула и покачала головой. — Жаль только, что нет тут никого, кто бы сложил об этом песню!

— Лучше думай о том, кому все это надо! — устало бросил Гардан. — У меня такое ощущение, что затевается большая игра, очень большая, и мы с тобой — только камешки, которые кто-то двигает по разлинованному полю. И этим камешком мне быть очень не нравится!

— А может, просто все складывается само собой, щербатый? Ты никогда об этом не думал? — беззаботно взглянула на него Равенна. — С чего ты так вбил себе в голову, что ты достоин внимания Марны? Может она по десять раз на дню раздает свои приказания смертным, просто те помалкивают об этом, да делают, а не носят со своей задачей с

героическим видом и флагом над головой?

Гардан остолбенел, хлопая глазами и глядя на нее. О таком варианте он даже и думать не думал, полностью сосредоточившись на том, что от него хотела Марна. И с одной стороны слова Равенны звучали полной глупостью, а с другой — заронили где-то глубоко внутри него маленькое зернышко сомнения, и это зернышко начало с ужасающей скоростью прорасти. И с чего ты взял, что ты такой особенный, а, наемник? Потому что в детстве в тайне мечтал оказаться Чадом Солнца? Грезил о славе, странствиях и песнях о тебе? И вот, когда по стечению обстоятельств оказался в том самом месте и в тот самый момент, сразу же уверовал в свою исключительность?

— Но ведь Марна сказала мне не верить рабу, и сразу же за этим он напал на тебя, — пробормотал он вслух, рассеяно потирая лоб. — Да и бумажки эти к ногам ветром прибило... Разве это может быть просто так?

— Что Марна сказала? — Равенна скривилась, но приподнялась на локтях, пристально глядя на него. — Она говорила тебе еще что-то?

— Вроде того, — промямлил Гардан, отводя глаза и понимая, что сболтнул лишнего.

Глаза пиратки угрожающе блеснули, а голос стал вкрадчивым, похожим на шипение разъяренной кошки.

— Мы же вроде бы с тобой договорились, мой милый, что ты от меня ничего не скрываешь, иначе я тебя куда не везу. А, выходит, ты там тихонько себе сидишь, слушаешь шепот богов, да делаешь что-то, не ставя меня в известность, а я из-за этого ножи в бочину получаю?

— Равенна, она сказала какую-то чушь и именно тогда, когда ты была в той таверне, — попытался оправдаться Гардан, чувствуя неизмеримую усталость. — А когда ты вышла с тем щенком, я не хотел при нем ничего говорить, потому что не слишком-то здорово, когда все вокруг знают, что ты говоришь с Марной.

— И из-за этого твоего смущения я получила нож в почку? — очень тихо спросила Равенна, и глаза ее сузились.

— Не совсем так... — начал Гардан, но она его прервала.

— Да или нет, наемник! Я тебе не портовая шляха, которой ты заговариваешь зубы, потому что денег у тебя нет, а дело ты уже сделал!

— Да, из-за этого! — Гардан вдруг рассердился, чувствуя бессилие и при этом алую злость. Он уже вдоволь нахлебался всего этого бреда, с него по горло хватило игр в героя, и терпеть еще и поведение Равенны при этом он не собирался. — Бхару твою за ногу, если бы ты не была такой душой и не потащила бы за собой первого встречного, обещавшего тебе достать Давьялу, то и не получила бы свой нож, а я бы успел тебе все сказать! Тебе просто крови хочется, вот ты и теряешь мозги сразу же, как только кто-то говорит тебе про Давьялу!

— То же самое ты делаешь, глядя на мою задницу! — зарычала Равенна, и рука ее конвульсивно сжала рукоять кинжала на поясе. — Если бы ты не дулся как индюк и не пытался изо всех сил казаться мне бхарски загадочным со своими игрищами с Марнами, только для того, чтобы затащить меня в койку, ничего бы этого не случилось! Заруби себе на носу, наемник: единственное, что я могу с тобой сделать, это отжарить тебя так, что ты лицо своей пробабки вспомнишь, и вовсе не так, как тебе бы это понравилось! Так что держи себя в руках самым непосредственным образом, может, это слегка остудит твои отказавшие мозги!

Гардан тоже ощутил, что рука до боли стискивает рукоять ножа, и укорил себя за это.

Равенна была ранена, он с таким трудом спас ей жизнь, а теперь собирался вновь отнять ее. И потерять последний шанс выполнить волю Марны. Ты просто идиот и получил ровно то, на что наработал. Вместо того, чтобы делом заниматься, таскался как кобель за сучкой в поре и только об этом и думал. А теперь разгребай.

Медленно выдохнув, Гардан разжал руку на рукояти кинжала и положил ее на стол ладонью вниз. Эта проклятущая баба была что рыба кость в горле, но он не мог сейчас развернуться и послать ее ко всем бесам, а потом уйти отсюда прочь. Во-первых, они были в открытом море, во-вторых, сам он находился в тугой хватке Марны, и вывернуться из нее никак уже не мог. За что же мне все это, Боги?

— Ладно, давай так, — хрипло проговорил он, с трудом проталкивая слова сквозь сжатую глотку. — Мы оба наглумили и наглумили прилично. Так что с этого момента мы оба засовываем себе поглубже свой идиотизм и вместе решаем, что делать дальше. Согласна?

Несколько секунд Равенна недоверчиво вглядывалась ему в глаза, затем отняла руку от кинжала и медленно кивнула.

— Согласна. Но все карты на стол.

— Марна говорила со мной в то время, пока ты была в таверне. Она сказала три дня плыть ровно на север, не верить беглому рабу, обернуться назад, когда протрубит рог, и что сломанная мачта укажет направление. Все. Как видишь, все это просто набор слов ровно до тех пор, пока что-то не случится. С рабом сбылось, значит, и остальное тоже сделать надо. Так что держим курс на север.

— А ты держишь меня в курсе всего, что говорит тебе Дева, — голос Равенны стал ледяным. — Иначе оставшуюся дорогу на север ты проведешь привязанным к мачте. Я понятно выражаюсь?

— Понятно, — проворчал Гардан, поднимаясь с табуретки и сгребая со стола обрывки письма. Вряд ли они могли пригодиться в будущем, но просто выбросить их у него руки не поднимались. Направившись к двери, он бросил через плечо: — Отдыхай. У тебя есть три дня, чтобы подготовиться к встрече с Давьялой.

— Я вот только одного не понимаю, — проговорила Равенна, и Гардан задержался в дверях, глядя на нее. Пиратка смотрела на него задумчиво и недоверчиво одновременно. — Какой бхары именно тебя выбрала Марна в качестве своего посредника? Рожей ты не вышел, характер у тебя мерзкий, да и от бога ты далек так же, как я от скромницы из благородной семьи. Чего ты ей сдался? — она только покачала головой.

— Не завидуй, Равенна, — ухмыльнулся Гардан в ответ. — Тебя она точно не выберет.

— Это еще почему? — обиженно нахохлилась пиратка.

— Потому что вместо того, чтобы слушать ее слова, ты бы раздулась как индюк со всей своей загадочностью только для того, чтобы затащить ее в койку. А меня она жарит так, что я не то, что лицо своей прабабки, я лицо Первого Человека в Этлане вспоминаю.

Равенна захохотала во всю глотку, и Гардан тоже ухмыльнулся в ответ, прикрывая за собой дверь в ее каюту. Кажется, на этот раз они действительно договорились, и в дальнейшем никаких проблем уже не предвиделось.

Вновь потянулись невыносимо долгие, полные безделья дни на корабле в открытом море, но теперь уже Гардан не отчаивался. Каждый порыв ветра, надувающий паруса, каждый мерный взмах весел, взметающих тучи брызг, приближал их к проклятой Давьяле и завершению миссии, которую ему дала Марна. Сама Дева, казалось, несколько

подуспокоилась, потому что хватка ее ладони ослабла, и теперь Гардан мог дышать полной грудью. Да и душашее желание Равенны тоже ушло прочь, оставив его, наконец, в покое. Одно горе от этих баб, будь они смертные или боги! Все равно выкрутят самое дорогое в кулаке и заставят делать то, что им надо, каким бы глупым оно ни было. Лучше уж вообще с ними не связываться, чем быть связанным ими.

Равенна быстро шла на поправку, хоть тяжелая рана самым непосредственным образом сказалась на ее характере, то есть, сделала его еще хуже. Уже на утро первого дня пути пиратка потребовала вынести ее на палубу и соорудить ей импровизированную лежанку на юте, чтобы оттуда она могла следить за тем, как работают матросы. Еще через два часа и достаточно большое количество залитого внутрь рома у Равенны прорезался голос, и она принялась орать на моряков, поначалу негромко, но с каждым часом голос все нарастал. Впрочем, тех это только взбодрило. Чем громче и яростней ругалась на них Равенна, тем шире были улыбки на их котячьих рожах, тем веселее и расторопнее они делали свою поденную работу. Гардан тоже ухмылялся, потирая подбородок и поглядывая на все это. Равенну на корабле по-настоящему любили, и ее постепенное выздоровление приободрило команду достаточно, чтобы в предстоящей битве с Давьялой одержать верх. Да и сам Гардан помог, будто бы невзначай заметив, что напавший на пиратку щенок вполне мог работать на Давьялу, отчего моряки посуровели и принялись точить оружие в свободные от работы минуты вместо того, чтобы глотать дым или бесцельно чесать языками.

С каждым днем ветра крепчали, и облака неслись по небу над их головами, как бешеные. Солнечные пятна падали на стальное от свинцовых туч море, золотя и зеленя его поверхность, клочки белой пены превращались в россыпи алмазов в золотых лучах, и буквально через несколько мгновений их вновь сменяла недовольная штормовая зыбь. Паруса неумолимо драл ветер, и корабль летел вперед, словно выпущенная из лука стрела. И Гардан крайне радовался этому до тех пор, пока в конце второго дня не увидел хмурое лицо рулевого, который шурился, поглядывал на облака и что-то негромко бормотал себе под нос.

— Будь милостив, Асафир, иначе мы все пропали, — расслышал Гардан обрывок фразы, и все-таки обратился к рулевому, средних лет мужчине с выдубленным ветрами лицом и разбитыми работой татуированными ладонями.

— Почему же пропали, Карид? Чем сильнее ветра, тем быстрее мы движемся, разве нет?

— Это для ваших сухопутных лошаденков работает, парень, — проворчал южанин, хмуро морщась и крепче перехватывая штурвал. — А здесь все иначе. И если мои кости не врут, то скоро будет шторм.

— Равенна говорит, что облака не штормовые, — нахмурился Гардан, оглядывая небо. Оно выглядело точно таким же, как и все эти дни: драная сеть из туч с голубыми окошками неба.

— Равенна — клыкастая морская сука, но пока еще слишком молодая, — отозвался Карид, и под грубостью его тона прозвучала странно мягкая и непривычная для уха Гардана нежность. — Еще пару лет, и она научится, а пока слушай меня. Будет шторм, говорю тебе, парень. И будет именно тогда, когда нам это нужно будет меньше всего. — Он криво усмехнулся и покачал головой. — Странно, что Асафира считают самым нелюдимым из всех богов. Я бы сказал, что чувство юмора у него крайне интересное, и шутить он любит поболее других, особенно с людьми, что осмеливаются пересекать его царство.

Гардан ничего не ответил, только взглянул на бескрайние стальные волны, набегающие

и набегающие, казалось, от самого края неба. Они выглядели точно такими же, как и все дни до этого, но к словам старого моряка стоило прислушаться. А не потопить ли с концами ты решила нас, Марна Дева? Тех двух капитанов, с которыми, единственными, могут быть проблемы? Это гораздо проще, чем налагать запрет на передвижения вдоль побережья. Кто-нибудь обязательно наберется дерзости и решит попробовать удрать, и если сразу же припугнуть их, потопив самых смелых, то остальных держать в подчинении станет гораздо проще. Ему самому от таких мыслей становилось только хуже, и Гардан приказал себе не думать об этом. Он и так только и делал, что думал, и ничего хорошего из-за этого с ним не случилось, беды одни.

Радовало одно: с каждым днем пиратка все больше набиралась сил. То ли ненависть к Давьяле жгла ее изнутри, заставляя выздоравливать быстрее, то ли ром действительно оказывал на нее исцеляющее действие, только утром второго дня пути она поднялась со своей лежанки и принялась бродить по кораблю, а к вечеру уже и на мачту полезла. Третий день она встретила на носу корабля, скрестив под собой ноги, затачивая свой кривой ятаган широким точильным камнем и бросая полные голода взгляды на стальную морскую гладь. Когда Гардан подошел к ней спросить о ее самочувствии, Равенна только хищно ухмыльнулась ему, сверкнув острым клыком, и проговорила:

— Что, щербатый, готов поразвлечься? Кажись, застоялись мы здесь, что кони в стойле. Давно уже пора потанцевать.

— Ты, кажется, уже потанцевала на днях, — Гардан выразительно взглянул на ее бок.

— Это меня потанцевали, наемник, — отозвалась та, и в голосе ее прозвучало плохо сдерживаемое предвкушение. — А теперь кое-кого потанцую я.

— Только голову не теряй, — посоветовал ей Гардан. — Ненависть хороша только тогда, когда она холодна, как нож. Во всех остальных случаях она пожирает тебя и лишает остатков мозгов.

— Это я знаю лучше всех, щербатый, — вновь ухмыльнулась Равенна, возвращаясь к своему ятагану. — Лучше всех, — тихо повторила она, скаля зубы лезвию, и Гардану стало неудобно. Он предпочел вернуться на корму за спину рулевому и заняться заточкой собственных ножей.

В битве на воде Гардан еще никогда не участвовал, но предполагал, что она не слишком-то сильно должна отличаться от обычной драки на земле. Разве что за борт падать не рекомендуется, потому что самому вылезать будет сложновато, а в разгаре боя вряд ли кто-то бросит ему веревку. Потому он тщательно проверил все свое оружие, в том числе запасные ножи, запрятанные во внутренние карманы сапог и за пазуху. Обычно Гардан предпочитал работать двумя длинными кинжалами, потому как и драться ему чаще всего приходилось в узких переулках или в толчее таверн. Но сейчас моряки вокруг него готовили дубины, палицы, короткие пехотные мечи, потому и Гардан предпочел достать свой широкий клинок и закрепить ножны на спине за плечом. Это и спину прикрывало от удара плашмя, и вытаскивать его было легко в том случае, если своих кинжалов он лишится. Драться с моряками ему приходилось и не раз, и Гардан прекрасно знал силу их рук, высушенных до предела тугими морскими канатами и тяжеленными парусами. И то, с какой легкостью они выбивают оружие из рук, тоже хорошо помнил.

Волнения никакого не было, лишь тугая ладонь Марны, незримо присутствующая возле него и не отпускающая ни на миг. Да и голова начала слегка покруживаться, не так сильно, как когда его прихватило в Кандоре, но достаточно, чтобы обратить внимание. Возможно,

Марна готовилась в очередной раз объявить ему свою проклятую волю, и теперь Гардан хотя бы знал, как это бывает и с чего начинается, а потому мог морально подготовиться к этому радостному событию.

Когда солнце закатилось за густую пелену туч, а ветер окреп настолько, что канаты толщиной с руку натянулись до предела, готовые вот-вот лопнуть, на палубе зажглись огни. Моряки в последний раз проверяли оружие и готовились к атаке, собранные, спокойные, серьезные. Никаких громких выкриков не слышалось, да и ром никто никому не передавал. Даже веселый бернардинец на этот раз не стал вытаскивать свою гармонь, а вместо этого прилаживал на грудь толстый стеганный нагрудник с пришитыми к нему металлическими бляхами. Гардан оценил предосторожность: такой из лука не прострелишь, да и ножом пробить будет слишком сложно, а если и свалишься за борт, вес брони будет не достаточным, чтобы утянуть тебя на дно.

Когда окончательно стемнело, Равенна, подхватив кормовой фонарь, взобралась на ют и, держась рукой за какой-то канат, оглядела своих моряков. Сейчас она особенно была похожа на разъяренную кошку, только хвоста не хватало, чтобы стегал по ногам. Алые отсветы огня подожгли ее рыжие кудри, сделав их подобными лесному пожару, а зеленые глаза светились яростным золотом охоты, которое дополняли острые оскаленные клыки:

— Ну что, псы шелудивые, готовы поразмять свои нежные девичьи телеса? — звонко крикнула она, и матросы отозвались довольным дружным ревом. — Сейчас мы догоним эту чайку бесхвостую и хорошенько потрепем ее, ровно так, как того заслужила! — Матросы заревели вновь, и Равенна оглядела их, повыше поднимая над головой фонарь. Гардан смотрел на это издали, стоя, привалившись к планширю, и не мог не любоваться тем, какое яростное пламя пылало в сердце этой женщины. — Каждому, кто здесь находится, Давьяла насолила хотя бы раз в жизни! У кого угнали близких в рабство, кому почистили карманы, кого поскребли ножами. Вот только все эти побитые, перепуганные шавки там, на берегу, так и не рискнули бросить ей вызов, ни один из них! Поджали хвосты и, скуля, расползлись по своим подворотням, позволяя этой хитрой твари бесчинствовать на свободе! Но время ее царствования закончилось! — Рев почти заглушил голос Равенны так же, как топот ног и грохот оружия, которым матросы колотили друг о друга. — Я пожгла почти что все ее корабли, потопила барки, порезала солдат. И теперь остался последний, самый распоследний крохотный бриг, на котором она продолжает торговать людьми и ломать их судьбы! И я клянусь вам, завтра утром мы сожжем этот бриг, а ее саму разорвем на части и скормим морским бесам, чтобы не повадно было больше пятнать своим гнилым брюхом наши волны!

Матросы заулюлюкали, засвистели, выкрикивая имя Равенны, посылая проклятия в адрес Давьялы, топая ногами по палубе, отчего корабль едва не зашатался на и без того высоких волнах. А Гардан стоял в стороне и смотрел на все это, раздумывая, что же будет с Равенной через десять, через двадцать лет, если уже сейчас все эти люди готовы были за борт выкинуться, лишь бы исполнить ее приказ. Вряд ли Ашьям Зубоскал увидит вновь свой корабль, да и поделом ему. Уводи «Гадюку» на юг, девочка, потому что тебе на роду написано быть капитаном. Море — твоя любовница, а волны — ее волосы, которые ты расчесываешь своим гребнем-килем. И нет тебе места больше нигде, кроме как здесь.

Яростные вопли и угрозы уже давно отзвучали, а Гардан все никак не мог уснуть в своем гамаке, ворочаясь в попытке найти себе место. Тесное пыльное помещение раздирал на части залиvistый храп дневной смены моряков, а от вони немых тел резало глаза, но

не поэтому Гардан крутился с боку на бок. Странное желание горело внутри: плюнуть на все, на всю свою прошлую жизнь, которую он так любил и ценил когда-то, снять с себя все свои ножи и взять в руки шершавый, напоенный солнцем и солью канат, перевязать волосы платком, чтобы не лезли в глаза от ветра, да и уплыть под командованием этой дикой кошки куда-нибудь на далекий юг, бороздить кучерявые волны, хватать за бока русалок, резаться в кости с морскими бесами... И ради этого ты даже готов учить всю эту муть с парусами и драить полы? Гардан слегка улыбнулся себе под нос. Удивительно, но, кажется, даже на это он собирался согласиться. Оно всяко было лучше того, что ждало его по возвращении обратно в Лебязью Гавань.

Серая галька, угрюмые люди, черный дым, стелющийся над крышами домов. Да, ароматный мягкий ром и сладкие поцелуи очередной шлюхи, но все равно приправленные вонью выгребных ям и бугристыми матрасами в захудалых тавернах. А потом, когда-нибудь, сталь под ребро и собачья смерть в канаве, от которой его уже однажды спасла Рада. Только вот Рада ушла своим путем, ушла далеко, совершать то, что однажды войдет в легенды и сказки, сражаться плечом к плечу с самим Тваугебиром, скакать на край мира и еще дальше по воле ветров, что понесут ее к ее великой судьбе. А что оставалось ему?

Зажрался ты, приятель, укорил себя Гардан, вновь переворачиваясь в гамаке и ерзая на грубом полотне. Раньше брал золото за свою работу, спускал его на девок и выпивку и не думал ни о чем. А как Марна взяла в кулак, так сразу же замечтал о великом деле, большой судьбе, песнях, как дите малое. Тебе ли не знать, что на самом деле ты из себя представляешь? Всего лишь меч, не самый плохой, но и не самый лучший, готовый наняться к кому угодно за звонкую монету, меч без прошлого и будущего, который однажды обязательно переломится. И не тебе мечтать о судьбе эльфийских воителей и легендарных князей.

Только вот получалось, что каким-то странным образом судьба постоянно сводила его с неугомонными бабами, которые нарушали все законы этого мира, плюя на них от души и делая то, что взбредет им в голову. Сначала Рада, бросившая вызов всей мелонской системе, теперь Равенна, удравшая от работорговцев и рискнувшая сцепиться с самой сильной среди них. Уж эти-то по сути должны были помалкивать, сидя у своих очагов, выпекая лепешки, стирая мужнины портянки и пеленки многочисленных отпрысков, постепенно отцветая, словно ромашки по осени, и теряя весь свой скудный блеск и аромат. А ведь нет же. Уперлись рогами, бхары бестолковые, да поперли в ту сторону, куда им надо было, ни на кого не оглядываясь и никого не спрашивая ни о чем. Ты специально посылаешь мне именно таких баб, да, Марна? Чтобы показать, что раз уж эти смогли, то и мне незазорно?

Гардан внезапно вновь усмехнулся в темноте, ухмыльнулся самому себе, вылез-таки из своего гамака и простучал сапогами по трапу на верхнюю палубу, не заботясь о том, что может кого-то разбудить. За день матросы уставали настолько, что спали без задних ног, урывая каждую минуту для такого долгожданного отдыха. И их, казалось, не разбудил бы даже сам Тваугебир, свалившийся невесть откуда прямо им на головы.

Ветер все крепчал, и его могучие порывы к ночи полностью расчистили небо, растянувшееся над головой так свободно и привольно, что и не было больше в мире ничего, кроме него. Гардан задрал голову, глядя на то, как полощется на ветру в темноте черный квадрат флага морской гадюки, и как равнодушно и тихо смотрят на него из глубины свода холодные звезды. Здесь они были как будто ближе, чем на берегу, и боги щедро рассыпали их по черному полю, будто сам Богон Эльфийский, покровитель растительности, шагал себе

и шагал из немыслимой дали с громадным ситом в руках и рассыпал вокруг себя серебристое жито далеких, незнакомых миров. И не было ему никакого дела до того, что кто-то считал это невозможным, что кто-то верил или не верил в него.

Гардан подошел к планширю и облокотился на него, глядя в черную морскую даль, в которой небо мешалось с морем, и отражения звезд скакали на перебегающих гребешках волн, словно крохотные горящие кораблики. Какое дело тебе до того, что ты можешь или не можешь делать? Какое дело тебе до того, что ждет тебя на берегу или там, за краем мира? И почему ты все время говоришь себе, что уж не для этого точно был создан? А для чего ты был создан, Гардан? Ты знаешь это? Что-то тронулось в груди, что-то странное, нежное и одновременно с этим сильное. Что-то звонко ёкнуло и натянулось, когда он взглянул на белесую полосу из мириадом созвездий, охватившую все небо алмазным кушаком. Для чего ты был создан? Не для этого ли?

Весь мир внезапно застыл на тонкой-тонкой грани, острее бритвенного лезвия, тоньше волоса, мягче перины. Гардан балансировал прямо на этой ниточке, протянутой откуда-то из тьмы его прошлого в еще более непроглядную тьму будущего, крохотный муравей на колышущемся на ветру листке, бестолковая букашка, пляшущая слабые пустые глаза в огромный мир, такой незнакомый, такой могущественный, такой бескрайний. На миг ему стало страшно, что вот сейчас он упадет с этой грани, рухнет с нее в бездну, и не будет у него уже никогда ни одного шанса выбраться оттуда, и никто никогда не подаст уже руки, чтобы вытянуть его. А в следующий миг он вновь ощутил ладонь Марны, что сомкнулась на его теле, на этот раз не суровую и принуждающую, но теплую, успокаивающую, надежную опору. Бес его знает, что со мной творится. Только вот слоняться по северному побережью в поисках работы я уже не согласен.

— Ты, Дева, хоть и стерва редкостная, однако, уже один раз вытащила меня с того света, — тихо проговорил Гардан, улыбаясь уголком рта бескрайним волнам и ночному небу, ставшему внезапно бесшумным и прислушивающимся, как ночная птица. — Послала мне Раду, которая подобрала меня и дала мне хлеб и кров. Теперь Рада ушла, но ты вновь со мной, и вновь даешь мне смысл и предлагаешь дорогу, по которой я могу идти. И вновь дорога моя вслед за бабой, еще более бесноватой, чем прошлая.

Ночь не отвечала, все так же пристально глядя ему в глаза серебристыми звездами и ожидая его ответа. Гардан повернул голову и взглянул вперед, туда, куда мчался, разрезая волны, двухмачтовый бриг «Морская гадюка». И увидел на носу его, как бы он там правильно ни назывался, Равенну. Она стояла на самом краю, держась рукой за мачту и глядя вперед, напряженная, как тетива, недвижимая, как скала, застывшее в одной капле смолы-вечности стремление вперед. Ветер полоскал ее рыжие кудри, отбрасывая их за плечи, дергал ее свободную рубаху, играл с длинным кушаком. Она была молода, как ветер, горяча, как солнце, солонна, как море, и совершенно неустрашима, как сама Марна Дева. И отчего-то Гардан знал, что завтра они сожгут бриг Давьялы до головешек, и ничто не остановит Равенну, ни сталь, ни шторма, ни сами боги.

— Бес с тобой, Дева, — тихо пробормотал Гардан, чувствуя, как внутри что-то распускается, словно туго натянутый морской узел, который можно развязать в одно касание. — Я согласен. Я пойду за ней, коли она согласится меня принять.

И это странное балансирование на самом ребре вечности внезапно закончилось. Монета упала, кость замерла на столешнице времен, и Гардан не знал, какой стороной она легла. Он знал лишь, что теперь его дорога выбрана, и где-то там, в межзвездной пустоте, Одноглазая

Дева, плетущая тысячи нитей разом, нежно улыбается ему, завивая своими тонкими пальцами мягкую пряжу его жизни.

А потом он широко зевнул, до хруста в челюстях, развернулся и побрел обратно в свой гамак. Завтра предстоял трудный и сложный день, и чтобы выдержать его, Гардану нужно было хорошенько выспаться.

===== Глава 40. Шторм =====

Гамак раскачивался слишком сильно, гораздо сильнее обычного, но Гардан упрямо держался за теплую дрему, окутавшую его со всех сторон. Некоторое время ему удавалось игнорировать качку, проваливаясь обратно в мягкий полусон, однако в конце концов, его потрянуло так, что наемник едва не вывалился из гамака и был вынужден открыть глаза.

Спросонья в первый миг Гардан даже не понял, где находится. Все вокруг него ходило ходуном, а гамак трясло так, словно кто-то специально дергал его с двух сторон за крепежи, пытаясь выбросить из него сонного наемника. И только через несколько мгновений он услышал рев, однотонный яростный рев, заполняющий все вокруг, сквозь который едва пробивались слабые человеческие голоса, кажущиеся такими тонкими и отчаянными в этом рычании. Карид был прав, шторм пришел.

С трудом выбравшись из парусины, Гардан сразу же едва не упал на пол, когда корабль немилосердно потрянуло, поднимая нос высоко вверх. С грохотом прокатился мимо него по дощатому полу его собственный меч в ножнах, который он укладывал перед сном прямо под собой. Видимо, это была его главная ошибка. Все, что было не прикреплено к полу, перекатывалось из конца вконец по нижней палубе, на которой было темно, как в плотно закупоренной бочке.

Оскальзываясь, спотыкаясь, почти падая и держась руками за пустые гамаки остальных моряков, Гардан скорее на ощупь нашарил грохочущий по полу меч и поковылял в сторону трапа вверх, пытаясь при этом удержать равновесие. Корабль швыряло из стороны в сторону, словно ореховую скорлупку в водовороте, и палуба меняла наклон буквально каждые несколько секунд, почти что сбрасывая его с ног.

Как только Гардан откинул закрытый люк на верхнюю палубу, в лицо ударил штормовой ветер и целое ведро брызг, отчего он задохнулся и охнул, моментально приходя в себя и хватая ртом воздух с непривычки. Вокруг бушевало что-то ужасающее, и наемник просто не мог поверить собственным глазам. Буквально пару часов назад он выходил на палубу, и небо над головой было чистым и прозрачным, а волны хоть и сильными, но вполне мирными. Теперь же все происходящее напоминало бездну мхира, и иначе это назвать язык не поворачивался.

Гигантские валы едва ли не выше, чем их корабль, бушевали вокруг, с ревом обрушиваясь вниз. Над головой кипело небо, то и дело разрываемое серебристыми вспышками молний, которые на миг высвечивали картину всего происходящего. Гардан даже не мог бы сказать: уже рассвело, или стояла темная ночь, настолько черными были над головой тучи. Мимо него по мокрой и скользкой палубе метались матросы, хватая какие-то канаты, карабкаясь вверх по мачтам и отчаянно ругаясь. Море с шипением набрасывалось на борта корабля, словно громадная кошка, когтистой лапой пытающаяся загрести мышь, и белая пена перекатывалась под ногами, вылизывая палубу и уходя прочь с недовольным урчанием и свистом.

Гардан повернулся вперед, туда, куда был обращен нос корабля, резко вздернувшись высоко вверх. Молодой юнга Мартан как раз в этот миг поскользнулся на мокрой палубе и

кубарем покатился вниз, прямо на Гардана. Тот инстинктивно сжался и выставил руки, ловя паренька, и в следующий миг тело встретило жесткий удар чужой костлявой спины. Юнга заорал, а Гардан, ругаясь последними словами, с трудом удержал его от падения еще дальше. А в следующий миг корабль дрогнул, выпрыгивая на самый гребень волны, и камнем ухнул вниз, занырявая носом почти вертикально.

На этот раз уже самому Гардану пришлось изо всей силы держаться за крышку от люка на нижнюю палубу. Вопящий, мокрый, перепуганный насмерть юнга вцепился в него как кот ногами и руками, и теперь Гардан удерживал от падения двойной вес. На миг в свете высверкнувшей молнии прямо внизу под ними мелькнуло бурлящее, будто котел над огнем море, и Гардан ощутил, как от ледяного ужаса замерло сердце, и следом за этим жуткое падение кончилось, нос корабля вновь пошел вверх, вскарабкиваясь на следующую волну.

Боги, это и есть шторм?!

В лицо ударило целое ведро холодной воды, и это отрезвило Гардана. Собравшись, он стряхнул с себя юнга, ухватил того покрепче за плечо и прокричал ему в лицо, пытаясь заглушить отчаянный рев разбушевавшегося моря:

— Где Равенна?!

— У штурвала! Она у штурвала! — крикнул в ответ юнга, обдирая горло и указывая рукой в сторону кормы. Кивнув, Гардан выпустил его, выбрался из трюма и побежал в указанном направлении.

Теперь ему стало понятно, почему в открытом море моряки предпочитали расхаживать по палубе босиком даже в особенно холодные дни. Палуба была скользкой, словно натертое маслом стекло, и каблуки сапог плясали на ней, ноги разъезжались в стороны, а сам Гардан все никак не мог поймать равновесие. К тому же, корабль вновь взбирался на волну, и нос все стремительнее пошел вверх, а палуба так сильно накренилась, что Гардан почти что поехал по ней, как по льду. Потом сильный удар прямо в днище корабля сотряс палубу, и она ушла из-под ног Гардана.

Он понял, что стремительно катится вперед, прямо на окованное стальными листами основание центральной мачты, и сжался в комок, готовясь к удару. Его приложило хорошо, но меньше, чем могло бы: корабль как раз влез на волну, застыл на ней на миг, пошел вниз, все стремительнее и стремительнее.

Грозар, убереги!

Руками и ногами вцепившись в какие-то канаты, обвивающие мачту, Гардан повис на ней, держась изо всех сил. Корабль падал в бездну медленно, словно секунды растянулись в один невероятно долгий миг, а затем его вновь резко бросило вверх. Под руками по толстой мачте, за которую он держался, прошла ощутимая дрожь, и даже сквозь разъяренный рев бури Гардан услышал стон и оглушительный свист. Он поднял голову, чтобы посмотреть, что случилось, и ощутил, как ледяной пот моментально проступает на теле прямо сквозь промокшую от морской воды одежду. Паруса, надутые ветром, трещали по швам, увлекая корабль вперед под бешеным натиском урагана и волн. Эта ненормальная не сняла паруса! Не сняла!

Гардан вывернул голову, пытаясь отыскать глазами Равенну, и разглядел ее в ослепительной вспышке молнии. Пиратка стояла у штурвала, широко расставив ноги и налегая на него изо всех сил, не давая кораблю сбиться с курса или попасть сбоку от волны.

Боги, это же верная смерть! Один порыв ветра посильнее, и нас опрокинет!

Он не знал, откуда взялись силы, но подхватился на ноги и бросился к мокрому и

скользкому трапу на корму. Волны ревели, словно крутящийся на месте разъяренный зверь, и корабль швыряло из стороны в сторону, а шипящая вода лилась, казалось, со всех сторон сразу. Разве что дождя почему-то не было, но Гардан уже был не в состоянии реагировать на странности.

Еще один невыносимо долгий подъем на волну, во время которого ему пришлось скорчиться на трапе, обхватив скользкие ступени и срывая ногти, чтобы не снесло за борт, потом рывок вперед, пока корабль стоял на гребне, всего лишь доли секунды до падения в бездну. Гардан почти успел: в последний миг ноги поехали, он распластался на мокрой палубе, успев ухватиться за основание штурвала и повиснуть прямо у ног Равенны, намертво вцепившейся в рулевое колесо.

Молнии выхватили из бушующей стихии ее лицо, и на миг Гардан остолбенел, глядя прямо в ее глаза, спокойные, сосредоточенные и холодные глаза, в которых не было ни тени сомнения. С таким взглядом она могла бы читать книгу или рассматривать горизонт, она могла бы точить меч или пробовать стряпню кока, но не стоять на палубе корабля с поднятыми парусами во время шторма, падая прямо в бездну с гребня гигантской волны. Я схожу с ума, Марна? Может, мне это мерещится?

Падение резко прекратилось, палубу швырнуло вверх, и Гардан, используя эти мгновения, вскочил на ноги и бросился к Равенне. Да так и застыл, не зная, что ему делать. Как управлять кораблем, он не знал, не был уверен, что если сейчас вместе с ней возьмется держать штурвал, не сделает что-то не то, и вся эта махина по его вине не опрокинется в кипящий океан. И в лице Равенны было столько силы, спокойной, уверенной мощи, которой он совершенно не ждал увидеть, что Гардан внезапно понял: ему просто нечего сказать.

— Сапогиними, щербатый! — прокричала пиратка, оскалившись навстречу буре. В ее зрачках отражались серебристые копыта молний, бьющие прямо в черные пенящиеся валы вокруг них. — Иначе пойдешь на корм рыбам раньше, чем мы догоним Давьялу!

— Надо снять паруса, Равенна! — заорал Гардан, перекрикивая шторм, когда ледяная вода плеснула в лицо, и он мгновенно пришел в себя. Чтобы не свалиться, ему пришлось вцепиться в кормовой планширь за спиной у Равенны, и прямо ему в затылок плевало разъяренной пеной ледяное море. — Мачта трещит как спичка! В любой миг мы можем перевернуться!

— Не перевернемся! — прорычала пиратка, налегая на штурвал всем телом. Гардан разглядел вздувшиеся мышцы ее плеч и спины, когда молния вновь вырвала у ночи одно слепяще-белое мгновение. — Привяжись к борту! Толку от тебя никакого!

— Что ты делаешь, женщина? — заорал Гардан, когда корабль резко пошел вверх, взбираясь на волну. При одном взгляде на мачту и паруса, надувшиеся так, что корабль кренило вперед, ему становилось дурно. — Ты вконец обезумела?! Если мы утонем здесь, не будет никакой Давьялы!

— Будет! — прорычала та, налегая на штурвал. — Смотри вперед, щербатый! Еще немного, и мы хорошенько так ткнемся ей в прямо зад!

«Гадюка» как раз со скрежетом и стоном взбиралась на очередную волну, и в котле бурлящих водяных валов Гардан увидел метрах в трехстах впереди другой корабль. Он был шире, больше и приземистее брига Равенны, и держался на волнах устойчивее, возможно потому, что его команда додумалась-таки снять паруса. Молния выхватила из темноты фигурки людей, мечущихся по палубе, карабкающихся по мачтам, суется у канатов и узлов вдоль бортов.

— Вон она, бхара! — торжествующе заорала Равенна, и Гардан тоже разглядел маленькую фигурку, стоящую у штурвала корабля. — Ну подожди! Осталось чуть-чуть!

— Что ты собираешься делать? — закричал ей Гардан, изо всех сил держась за борт, когда бриг ухнул вниз с волны, и гигантская стена воды впереди перекрыла обзор на вражеский корабль.

— Таранить эту тварь! — отозвалась пиратка, не отрывая глаз от горизонта.

— Как?! — почти что взвизгнул Гардан. — Как можно сражаться при такой качке?! «Гадюка» разобьется в щепки!

— Ну и бес с ней! Возьмем ее корабль! Все равно на нашем всех рабов не увезти!

Целый ледяной шквал окатил Гардана, и удар был таким сильным, что его едва не сбило с ног. Отчаянно цепляясь за планширь, он кое-как восстановил равновесие, глядя широко открытыми глазами на Равенну, которая уверенно держала штурвал, ведя бриг прямо на вражеский корабль. Ветра рвали паруса, снасти гудели так глухо и протяжно, что в любой миг готовы были лопнуть, палуба дрожала под ударами волн, из последних сил скрепя, и наемнику казалось, что в любой миг она может просто развалиться на куски. Но этой женщине было плевать на все. И на миг, глядя на ее напряженную мокрую спину, Гардан ощутил настоящий суеверный ужас. Не ты ли это, Марна Дева, вершащая свой же приказ? Разве человек может сделать то, что делает сейчас она?

Корабль вновь взлетел на волну, и впереди мелькнуло вражеское судно. Теперь оно было гораздо ближе, и Гардан прекрасно понимал, почему. Ветер бил им в корму и паруса с такой мощью, что они летели на пределе возможностей для любого судна, и их так и так ждало неминуемое крушение в пучине. Стоило лишь на миг измениться порывам ветра или дрогнуть руке Равенны, на одно единственное сердцебиение, и «Гадюка» переломится пополам, развалится на куски и утонет в этом жутком водовороте.

Гардан сглотнул, ощущая пришедшую откуда-то из глубины его существа решимость. Равенна прекрасно осознавала, что она делает, и что с поднятыми парусами они все равно что мертвецы. И теперь им нужно было только дотянуть до корабля Давьялы. Только дотянуть еще последние несколько десятков метров, а потом все, начнется бой. А это означало, что он должен был любой ценой помочь Равенне преодолеть эти проклятые метры так, чтобы их не опрокинуло и не разбило на куски раньше времени.

— Что мне делать? — крикнул Гардан, собирая всю свою решимость и приказывая себе успокоиться. Море бушевало вокруг, и хоть в первый миг он и убоился его, но, в конце-то концов, не все ли равно, где умирать? Он помнил, как сражался плечом к плечу с Радой, когда они брали Ламелле, и там тоже вокруг бушевало море: разъяренная человеческая пучина, ошестинившаяся каленым железом, охочая до крови, ревушая ему в лицо одним голодным, полным ненависти ртом. И тогда-то он нашел в себе силы противостоять этому, так почему не мог найти их сейчас?

— Иди на нос! — рывкнула Равенна. — Готовьтесь! Как только я протрублю атаку, на бордаж!

Корабль вновь пошел вверх, и Гардан, держась за планширь, как мог быстро поковылял в указанном Равенной направлении.

Холодная вода окатывала его, плеская через борта корабля и с шипением уходя прочь. Матросы вокруг довязывали последние узлы, крепя паруса и мачты, и тоже ползли на нос, вытаскивая заготовленные мечи, булавы и дубины. Они не выглядели такими перепуганными, как показались Гардану поначалу. На всех лицах была хмурая решимость,

разве что пара совсем молодых юнг, что работали чаще всего на нижней палубе и в трюме, огромными глазами пялились на волны и молнии, трясаясь и шепча молитвы. Возможно, они, как и Гардан, тоже впервые видели шторм. Только эти щенки как минимум в два раза младше тебя. Так что негоже тебе так же хвост поджимать! Это всего лишь море, просто вода и ветер, а Равенна прекрасно знает, что с ними делать. Сейчас-то он наконец-то понял, что имел в виду бернардинец, говоря, что не имеет значения, кто именно управляет кораблем в шторм. Этому кому-то нужно было просто доверять, и тогда все получится.

Очередная волна с ревом вскинула их вверх, и за спиной Гардана протяженно застонала мачта. Он стиснул зубы, приказывая себе не оборачиваться и смотреть только вперед, на вражеский корабль, до которого им осталось всего несколько десятков метров. Недаром Марна завела их так далеко, не только для того, чтобы просто потопить в ледяных водах. И коли Равенна была ей так мила, что Дева позволила ей это безумие с парусами, то она точно справится, и у них все получится.

На корабле Давьялы их тоже заметили. В блеснувшей вспышке молнии Гардан увидел собравшихся на корме матросов. Они шатались как пьяные из-за бешеной качки, но во всех руках поблескивало оружие, и вид у этих ребят был явно боевой.

«Гадюка» резко ушла вниз, а корабль Давьялы взлетел вверх на волне прямо перед ними. Еще одна волна! Гардан намертво вцепился рукой в канат у левого борта, другой рукой нашаривая на поясе кинжал. Рядом с ним собрались остальные матросы, тоже держась за что придется и сжимая оружие. Потом корабль Давьялы исчез из виду за гребнем, а «Гадюка» начала стремительно взбираться вверх по волне.

Нос корабля рвануло вперед, и Гардан вновь на миг затрясся от ужаса, когда носовая мачта зарылась в волну, протыкая ее насквозь будто копьё. Мелькнуло разъяренное, кипящее от туч и молний небо, бриг трянуло так, что Гардан едва не скатился за борт. Замерев на миг на самом гребне волны, «Гадюка» протяжно застонала и упала вниз.

Время застыло, и сквозь него Гардан широко открытыми глазами смотрел на то, с какой бешеной скоростью несется носовая мачта «Гадюки», направляясь прямо в корму скачущего на воде в каких-то метрах впереди корабля Давьялы. Мелькнули перекошенные лица вражеской команды, с шипением плеснула в лицо вода, а потом страшный удар сотряс все вокруг, и Гардана дернуло так, что рука, которой он держался за канат, едва не вырвалась из сустава.

Треск, грохот, рев, наполнил все. Во все стороны полетели щепки от переломавшейся о корму вражеского корабля носовой мачты. Ее обломок глубоко вошел в корпус корабля Давьялы и застрял в нем, словно ржавый гвоздь в деревяшке. «Гадюку» ощутимо дернуло, и Гардан упал наотмашь на палубу, продолжая изо всех сил сжимать в руке канат. «Гадюку» повело в бок, сначала медленно, потом все сильнее, сильнее. И вслед за этим ночь разрезал отдаленный сигнал боевого рога.

«КОГДА ПРОТРУБИТ РОГ, ОБЕРНИСЬ НАЗАД». Он скорее по наитию сделал это, и это сделали за него. Ощущение было странным, словно шея сама повернулась в чьих-то ладонях, и Гардан застыл, как пришпиленная к листу бумаги иголкой бьющая крылышками бабочка.

Громадная мачта «Гадюки» с оглушительным треском переломилась пополам и падала вперед. Паруса с нее сняты не были, а потому прямо на Гардана летела толстенная мачта, облепленная тяжелой мокрой холстиной. Он не думал, а просто дернулся в сторону, словно загнанное в угол животное в последней попытке уйти от смерти. Только борта рядом не

оказалось: от удара о корабль Давьялы носовая мачта переломилась вместе с планширем. Гардан просто перекатился через то место, где раньше был борт, и ухнул вниз.

На миг он завис над ревущей бездной штормового моря далеко внизу, и сердце пропустило удар. А потом пальцы стиснулись на канате, который все еще был в его руке, только теперь лопнувший и размотавшийся после столкновения. Отчаянно вцепившись в него, Гардан повис над водой, а потом сильно ударился лицом прямо об обшивку «Гадюки», когда канат под его весом спружинил в сторону.

От удара он едва не потерял сознание, но ледяные потоки воды, хлещущие со всех сторон, моментально вернули его обратно в себя. Вцепившись руками и ногами в мокрый канат, Гардан позволил себе одно мгновение, чтобы оглядеться. Он болтался на веревке над бездной, которая рычала, бурлила и поднималась, выбрасывая клочья пены. Буквально в нескольких метрах впереди был борт вражеского корабля, а над головой все укрывал громадный упавший парус «Гадюки», и что там происходит, понять было невозможно.

Волна властно подкинула их вверх, словно крохотный камушек на сильной ладони. Послышался треск, грохот такой силы, что уши наемника моментально оглохли. Гардана вместе с канатом швырнуло вбок, и он вновь ударился, теперь уже о борт корабля Давьялы. Какая сила подсказала это сделать, он не знал, только руки сами перехватились за какую-то веревку, перевесившуюся через борт, и Гардан повис на ней, болтаясь уже под брюхом чужого корабля, а не «Гадюки».

В рычании и яростном грохоте волна подбросила их вверх, и Гардан на миг ощутил себя в свободном полете. В следующий миг со страшным треском носовая мачта «Гадюки» окончательно обломилась вместе с куском борта, а сам корабль внезапно исчез из его поля зрения. То ли течением унесло в сторону, то ли волна захлестнула исковерканные борта, наемник не знал. Он изо всех сил вцепился в веревку, на которой висел, и принялся карабкаться вверх.

Ладони скользили по мокрому канату, зато на этот раз сапоги помогли. Он цеплялся за канат как мог и выталкивал себя вверх, а волны немилосердно швыряли корабль из стороны в сторону, едва не закручивая на месте, и Гардана поминутно било о твердый мокрый борт. От боли и страха перед глазами все перемешалось, и он даже сам не понял, когда костяшки пальцев ударились во что-то твердое, а следом за этим ладонь ухватилась за планширь. В этот момент корабль снова накренился, и Гардан последним рывком втянул себя наверх и перевалился через планширь.

Он покатился по мокрой и скользкой палубе, на которой мотались обрывки парусов «Гадюки», какие-то канаты, щепки, расколотое дерево, и сразу же ударился во что-то мягкое, но твердое. Это было искореженное тело какого-то моряка, которого задело при падении мачты. Не давая себе ни мига на раздумья, Гардан вскочил на ноги и выхватил меч из ножен, кое-как хватаясь рукой за планширь, чтобы не упасть, и оглядываясь по сторонам.

«Гадюки» уже не было: громадные волны поглотили ее или унесли в сторону, этого он не знал. Упавшая мачта произвела значительные разрушения в кормовой части корабля Давьялы: палуба была проломана в нескольких местах, и доски горбились во все стороны острыми расщепами. На кормовой мачте виднелась здоровенная проплешина, где падающими спицами стесало верхний слой дерева. Задней части планширя и вовсе не было, он сохранился лишь по левому и правому бортам, да рулевое колесо каким-то чудом уцелело, но подойти к нему из-за пролома в палубе возможности не было. Чье-то тело безвольно болталось на штурвале, проткнутое насквозь здоровенной деревянной щепой, и только из-за

этого мертвого груза колесо еще не могло беспорядочно крутиться, отнимая у них последнюю возможность выжить в этом шторме.

Посреди всего этого разгрома яростно дрались люди. Все они были мокрые насквозь и в темноте выглядели совершенно одинаково. В свете молний взгляд выхватывал лишь блестящую сталь, то и дело взлетающие окованные железом дубинки, да белые от ярости и страха глаза людей. Взгляд Гардана жадно впился в толпу и нашел то, что искал: посреди хаоса сражающихся тел ясно виднелась рыжая копна волос. Равенна уцелела.

Он слишком зазевался и едва успел уклониться от удара какого-то моряка, обрушившего шипастую киянку прямо на планширь возле его головы. Руки сами нашарили кинжал, и Гардан поднырнул под руку врага, пытаясь ткнуть его в живот. Только вот в этот момент корабль ощутимо пошел вниз, и Гардана резко отклонило назад, а нападавший на него моряк с криком опрокинулся и покатился по палубе в сторону носа.

Глаза Гардана сами метнулись к штурвалу, на котором продолжал висеть труп. Его трясло и трясло сильно, и мертвое тело потихоньку сползло с него, грозя соскользнуть в любой миг.

Я не умею управлять кораблем!

Если ты этого не сделаешь, мы погибнем!

Корабль тяжело ухнул под волну, и Гардан отцепился от планширя. Он почти упал, больно ударившись одним коленом о доски палубы, и то ли пополз, то ли побежал вперед, в ту сторону, где за расщепленной палубой торчал штурвал. Доски под ним протестующе закрипели, и наемник ощутил, как поддается надломанное, пошедшее трещинами дерево. Ему еще хватило сил на то, чтобы оттолкнуться и прыгнуть.

Огромный пролом в палубе, оцетинившийся острыми осколками разломанных досок, мелькнул прямо под ним, и наемник понял, что ему повезло, когда нос корабля поднялся и пошел вверх на волну, а штурвал с мертвым телом на нем двинулся ему навстречу. Сам он бы не достал, просто не был бы в состоянии это сделать, но на этот раз само море ринулось ему навстречу, и в следующий миг грудь больно ударилась о палубу у основания штурвала.

Гардан врезался лицом под колени трупу, ногами — в край разлома, и заорал, когда острые обломанные доски разорвали ткань штанов и мясо под ними. Он лихорадочно дернулся вперед и уцепился за основание штурвала, вися на самом краю пролома и чувствуя собственную горячую кровь, текущую вниз по ногам. У него было еще несколько мгновений до того, как корабль ухнет вниз, насадив его на расщепы досок, и наемник каким-то чудом умудрился воспользоваться ими и целиком выбраться из дыры в полу. В этот момент корабль с треском и стоном полетел вниз, а Гардана швырнуло вперед, прямо на штурвал и висящий на нем труп.

Солнечным сплетением он врезался в осколок мачты, торчащий из спины мертвеца, и перед глазами моментально потемнело. Удар был не такой силы, чтобы проткнуть и самого Гардана, но достаточным, чтобы на несколько секунд лишиться зрения. Хватая ртом воздух и силясь вздохнуть, он с трудом оттолкнулся от трупа, и попытался встать поустойчивее. Каблуки немилосердно скользили по палубе, а прямо за спиной поджидал пролом, ведущий в трюм, и Гардан в который раз за последние несколько минут уже проклял свои сапоги. Корабль, подняв тучу брызг, ухнул носом в волны и плавно пошел вверх, начав взбираться на следующую волну.

Он был изможден до предела, но все-таки смог стащить мертвеца с рулевого колеса и оттолкнуть его прочь. Руки легли на штурвал, и Гардан моментально ощутил рывок такой

мощи, что ему понадобилась вся сила, что только еще осталась в его избитом и выдохшемся теле, чтобы не дать штурвалу вырваться и завертеться по собственной воле. И как только Равенна его держала? Но для мыслей сейчас у него времени не было.

Сквозь мокрые рукоятки штурвала Гардан почти физически чувствовал рулевое весло, расположенное где-то глубоко под ним, в самом брюхе корабля, и сильные толчки волн, которые били в это весло с такой яростью, что оставалось только гадать, как оно до сих пор оставалось целым. Весь корабль трясло, мощнейшая вибрация сотрясала через штурвал и самого Гардана, которому пришлось навалиться на проклятую деревяшку всем телом, словно он сам был тем мертвецом, удерживающим эту махину. И чувство это было таким странным, таким непривычным. Громадный деревянный ящик, неповоротливый, тяжелый, управляющийся с помощью крохотной планочки, такой маленькой по сравнению с его размером. Ящик, несущийся вперед через стремнину, который неохотно, медленно, недовольно покорялся рукам Гардана. Грозар, молю тебя, помоги!

Он не знал, что ему делать, он понятия не имел, как правильно нужно править, как заходить на волну и уворачиваться от тех волн, что бьют в борта, и никто сейчас не мог ему объяснить этого. А корабль, будто свободолюбивый зверь, поворчал-поворчал, а потом отдался в его руки, и штурвал стал немного легче, словно громадный плавучий гроб смирился с Гарданом и отдавал управление по своей воле. Не лучше ли было вообще не трогать штурвал? Может, тогда у нас было бы больше шансов, чтобы выжить?

В следующий миг чья-то рука обхватила его плечо, резко рванув назад, и Гардан захрипел, поскальзываясь от неожиданности и боли. Штурвал моментально повело, а наемник, у которого перед глазами заплясали темные круги, закинул руку за голову, пытаясь понять, кто душит его. Пальцы хватанули только пустоту, а следом за ней пришел четкий и быстрый удар кулаком в почку, заставивший его окончательно выпустить штурвал и обмякнуть от жуткой боли. Гардан закричал, оскальзываясь и пытаясь нашарить кинжал на поясе, чтобы вслепую ткнуть им нападающего, но в это мгновение штурвал свободно закрутился в сторону, и нос корабля пошел вбок.

Потом был удар, сбивший с ног и Гардана, и напавшего на него моряка. Громадная волна, на которую они должны были вскарабкаться, теперь била им прямо в правый борт, и деревянная махина накренилась, издавая тяжелый, протяжный стон. Все, кто был на палубе, кубарем покатались к левому борту, а корабль все задирался, задирался вверх.

Гардан каким-то чудом умудрился зацепиться за самый край переломанной палубы. Одна из несущих балок надломилась и торчала под углом прямо вверх, и за нее-то он и удержался, сам не зная как. Прямо на его глазах вода с жадностью хлестнула через борт, вылизывая громадным языком палубные доски, а мачты накренились так сильно, что еще чуть-чуть и начали бы скрести по воде.

Рука сама потянулась к поясу, Гардан вытащил оставшийся у него кинжал и с трудом вбил его между досок палубы и подтянулся на рукояти. Корабль сотрясала дрожь, и волны одна за одной беспрестанно колотили ему в брюхо, как озверевшие волки, валящие лося. Пальцы скользили по мокрой палубе, зацепиться было не за что, и Гардан на миг почувствовал себя поднимающимся по мокрой крыше котом. Потом нога нашла-таки опору, он смог вытащить свой кинжал и вбить его еще выше, стремясь добраться до штурвала. До него и оставалось-то всего ничего, какой-то метр.

Последние силы ушли на то, чтобы ухватиться дрожащими пальцами за основание штурвала. Гардан кое-как взобрался на ноги, висая на рулевом колесе, как тряпка, уперся

носками сапог в доски и навалился на штурвал.

Тот был каменным и не собирался поворачиваться, будто там, внизу, под толщей воды, здоровенный спрут стиснул своими острыми челюстями дерево и намертво держал его. Гардан зарычал, давя и давя, наваливаясь так, что перед глазами потемнело, ощущая жесткую дрожь в крепком рулевом весле, пронзающем корабль насквозь до самого низа. Очень-очень медленно штурвал подался.

Сначала на волосок, потом еще чуть дальше. Гардан толкнул сильнее, и ручки сместились на расстояние в палец толщиной. Рыча, он давил и давил, ни на миг не ослабляя хватку, и крайне медленно, неохотно, едва-едва, руль начал проворачиваться. И внезапно штурвал резко и легко выровнялся.

Гардана швырнуло вправо вместе с кораблем, который пробкой вернулся в вертикальное положение. Через борта хлынула вода, и кое-как держащиеся за планширь моряки, свои и чужие, с дружным криком покатались обратно в центр палубы. А сам наемник на дрожащих ногах утвердился возле штурвала, держа его так крепко, как только мог. Корабль вновь шел носом вперед, медленно взбираясь на волны и опадая с них вниз, но по ощущениям, доходящим через штурвал, рулевое весло заняло правильное положение, и угрожающая тряска где-то под килем прекратилась.

Только вот когда корабль резко распрямлялся, средняя из трех мачт все-таки не выдержала напряжения и болтания туда-сюда. Видимо, не прошел даром и удар, полученный от «Гадюки», — зацепивший не только кормовую, но и центральную мачту корабля Давьялы. Прямо на глазах Гардана мачта зашаталась, послышался громкий треск, и вся эта махина медленно начала заваливаться вбок, повиснув на держащих ее канатах и грозя в любой момент переломить и остальные мачты.

— Скорее! — долетел откуда-то издали принесенный ветром рев Равенны. — Рубите канаты! Иначе нам конец!

Судя по всему, на этот раз все: и атакующие, и обороняющиеся поняли опасность ситуации. Прекратив кататься по палубе, словно свора голодных псов над одной костью, матросы проворно кинулись к мачтам. Засверкали топоры, ножи и короткие мечи, но на этот раз обрубая канаты, удерживающие мачту, и она с громким стоном обвалилась на борт.

Конец мачты воткнулся прямо в волну, и в тот же миг Гардан ощутил страшнейший рывок. Каким-то чудом ему удалось удержать штурвал ровно, когда разъяренная волна, не сумевшая потопить корабль, изо всей силы дернула за торчащую сбоку мачту. Та со скрипом обломалась у самого основания и со скрежетом заскользила по палубе, все набирая и набирая скорость. С хрустом на клочки разбился планширь, улетая куда-то в ночь, а следом за ним исчезла и мачта, и корабль сразу же лег в руки Гардана мягко и плавно, будто растекшийся как масло толстый кот.

Только сейчас наемник позволил себе выдохнуть и обернуться. Драка на корме за его спиной прекратилась. Там еще стонали раненые, зажимая порезы и потирая синяки, но гораздо больше виднелось бездыханных недвижимых тел: тем, кому не повезло попасть под падающую мачту или схватить сталь в живот. Остальные моряки перебрались в центр корабля к обломку мачты, но и там веселье, судя по всему, подходило к концу. Во всяком случае, моряки Равенны, которых уцелело больше, окружили моряков Давьялы со всех сторон, и те, поколебавшись, были вынуждены бросить оружие.

Сама Равенна уже направлялась в его сторону, сильно хромя на правую ногу и придерживаясь рукой за что придется, когда корабль кидало вверх-вниз на стальных волнах.

На лице ее сверкала ослепительная улыбка, которую не портили даже окровавленные десны. Судя по всему, кто-то ударил ее в лицо, потому что губы у нее были разбиты, а нос слегка свернут набок, но пиратке это не слишком-то мешало.

Гардан внезапно понял, что корабль ходит на волнах уже не так жутко, как раньше, да и сам он видит лучше. Поморгав, наемник только сейчас осознал, что молнии перестали бить одна за другой, срываясь с неба и пронзая морскую гладь, волны подуспокоились, а небо просветлело, медленно наливаясь серым цветом раннего утра. Неужто шторм отступает? Гардан чувствовал себя настолько оупевшим от усталости, что эта мысль даже не принесла ему никакой радости, только удивление.

Равенна вскарабкалась по остаткам разбитого трапа к нему на корму, аккуратно обошла по краю яму, балансируя на обломках досок, втиснувшись на тот единственный клочок свободного пространства, где сейчас стоял Гардан, и легонько подтолкнула его в сторону.

— Так, щербатый, отдай-ка ты штурвал мне. Ты уже свою работу сделал и сделал хорошо, так что иди, отдыхай.

— Где Давьяла? — язык едва ворочался во рту, но Гардан заставил себя спросить это.

Равенна в ответ только пожала плечами:

— Наверное, уже кормит морских бесов. Ее смыло за борт почти сразу же, как только «Гадюка» протаранила этот фрегат.

Гардан тупо кивнул, чувствуя себя усталым до крайней степени изнеможения, и уступил Равенне штурвал. Ноги под ним дрожали будто желе, а все тело было слабым, как у котенка. Ему еще достало сил, чтобы по самому краю обойти пролом в палубе и без сил рухнуть на верхнюю ступеньку трапа, изрядно поломанного, покрытого щепой и чужой кровью. Перед глазами все кружилось и ходило ходуном.

— Ты молодец, щербатый! — послышался из-за спины голос Равенны. — Если бы ты не удержал штурвал, мы бы сейчас разделили участь Давьялы.

В ответ Гардан только устало кивнул головой, чувствуя, что языком пошевелить и хоть что-то сказать он уже просто не может.

— Будешь у меня рулевым, — удовлетворенно сообщила Равенна за его спиной, и голос ее звучал деловито и энергично. — Карид хорош, но он больше брюзжит на погоду, чем держит колесо, к тому же, он слишком осторожен и не любит рисковать. А ты, судя по всему, вообще лишен каких-либо мозгов, даже намек на них, так что нам с тобой просто на роду написано работать в команде. Что скажешь?

Гардан и хотел бы рассмеяться, только даже на это у него уже сил не было. Он только тяжело кивнул, оближал разбитые губы и потянулся к фляге с ромом у себя на поясе, которая каким-то чудом уцелела во всем этом безумии. Вот и все, Марна. Кажется, я нашел себе новую работу.

Волны постепенно успокаивались, становясь все ниже и тяжелее, откатываясь вдаль утробный рев стихии, как тяжелая болезнь, отступающая прочь медленно и зло. На востоке сквозь разрывы в тучах показалось белесое свечение раннего утра, и Гардан только тяжело вздохнул, щуря глаза и глядя туда. Я сделал твою работу, Дева, выполнил твой проклятый приказ. Надеюсь, ты дашь мне хотя бы недельку отдохнуть перед тем, как вновь пинать меня, будто бестолкового мула? Марна не ответила ему, но первый луч солнца, пробившийся сквозь быстро расходящиеся в стороны тучи, упал прямо на отломанную мачту, что продолжала подскакивать на волнах недалеко от гадюки. И болталась эта мачта в юго-западном направлении. Я понял, Марна, еще не все. Но, может, хоть шторма не будет в

следующий раз?

===== Глава 41. Новая служба =====

Разрушения, причиненные кораблю Давьялы атакой Равенны, оказались весьма значительными, и оставалось только гадать, каким образом фрегат умудрился не затонуть во время шторма. Поглядев на сквозную дыру в корме, проломанный ют, раздробленную палубу и обломок центральной мачты, сиротливо торчащий в небо, Гардан только поежился и на всякий случай в очередной раз уже поблагодарил Марну за вмешательство. А вспоминать о том, как он налегал на штурвал, пытаясь не дать кораблю утонуть, ему вообще не хотелось. Прошло, да и Боги с ним, главное — живы остались.

После ночного происшествия он был так изможден, что уснул сразу же, как только доковылял до нижней палубы, на которой обычно селились матросы, вскарабкался в первый же попавшийся гамак и закрыл глаза. И проспал целый день, до самого вечера, успешно пропустив и освобождение из цепей заключенных в трюме рабов, и разборку с остатками вражеской команды.

Когда наемник все-таки смог продрать глаза и подняться на палубу, почесываясь под задубевшей от сырости и вставшей колом одеждой, кровавое солнце уже садилось в морскую гладь на горизонте, заливая ее золотисто-алым. И солнце это располагалось справа от них, отчего Гардан только облегченно вздохнул: Равенна послушала-таки его и повела корабль в ту сторону, куда указала сломанная мачта.

Сама пиратка стояла у штурвала, периодически оборачиваясь через плечо и покрикивая на матросов, которые за ее спиной латали пробитую палубу юта. Гардан только в затылке почесал, гадая, откуда же они взяли доски для ремонта бортов. Правда, одна догадка у него имелась: больно уж темными, отсыревшими и чересчур бугрившимися выглядели доски, да и толщина у них была что надо. Вполне возможно, матросы сняли внутренний настил палубы в трюмах или клетках, где обычно содержали рабов. Но лучше уж так, чем плыть с дырявым задом в ожидании или первой большой волны, или сильного порыва ветра, чтобы кто-нибудь обязательно ухнул туда и переломал себе шею.

В воздухе пахло солью и сыростью, и Гардан глубоко вздохнул. На палубе вовсю работали люди: кто драил вылизанные волнами в ночной шторм доски настила, кто аккуратно подпиливал обломок мачты, чтобы тот не торчал острым краем вверх. Прищурившись, Гардан разглядел и толстые канаты, которыми связали две оставшиеся на фрегате мачты друг с другом для пущей надежности. Паруса раздувались от ветра, и корабль летел вперед по спокойному морю, хоть и выглядел слегка странновато куцым из-за отсутствия центральной мачты.

Позевывая и прикрывая рот кулаком, Гардан зашагал на корму, к Равенне. Та еще издали заметила его и ухмыльнулась, кивая головой. На лице у нее красовался, медленно наливаясь сливовой синевой, здоровенный синяк, нос распух как минимум в два раза, но при этом стоял ровно, из чего Гардан сделал вывод, что его вправили. Пиратка выглядела усталой, но полной энтузиазма. Староват ты стал, Гардан. Вспомни себя в ее возрасте: тоже мог по три дня к ряду не спать и мечом махать при этом, кося всех вокруг. Теперь уже после свалки поспать тянет, да и от холодной воды кости ноют. А может, просто размяк и отожрался на службе у Рады, что оборванный кот, которого подобрали и пустили к неиссякаемому запасу сметаны. Ну да ничего, скоро похудеешь, сбросишь лишний жирок и снова станешь крепким.

— Хорошо отдохнул, щербатый? — негромко окликнула его Равенна. Голос у нее сейчас

был слегка гнусавый из-за опухшего носа, но приятная хрипотца из него так никуда и не исчезла. — Слаще ли спится на взятом с бою корабле?

— Отдохнул, — скупно отозвался Гардан, решив не вдаваться в подробности. Лезть наверх по трапу к Равенне он не стал: по нему то и дело вверх-вниз сновали матросы, подтаскивая новые доски и сбрасывая прочь разбитую рухлядь. Встав прямо под рулевым веслом, Гардан привалился спиной к стесанной при ударе мачте и взглянул на пиратку. — А ты, я смотрю, так и не спала.

— Да куда мне! — усмехнулась та. — Дел невпроворот. Это ты, пока что, гость здесь и можешь себе позволить дрыхнуть, пока другие работают. А за меня мое дело никто не сделает.

— А как же Карид? — вздернул бровь Гардан. — Уж мог бы штурвал подержать вместо тебя.

— Карид теперь пирует с Асафиром, — легко ответила пиратка. — Ему не до меня и уж точно не до штурвала. Так что коли мое вчерашнее предложение тебя все еще интересует, с завтрашнего утра мы начнем учиться, чтобы не терять времени. Его все равно нам потребуется много: хоть, как выяснилось, хватка у тебя хорошая, но на голову ты туговат, так что обучение обещает быть долгим.

Гардан пропустил мимо ушей ее яд, посчитав, что в чем-то она может быть и права. С другой стороны, ему льстило, что пиратка сама напомнила о том, что позвала его в команду. К тому же, Гардан все уже решил для себя еще вчера вечером, а переругиваться со своим капитаном в первый же день службы на корабле было не слишком хорошим началом карьеры. Он прекрасно знал, что всех новичков всегда используют на самых грязных работах, и получать сверхурочные часы наедине с трюмными крысами не планировал.

— Твое предложение я принимаю, — вслух проговорил наемник, и Равенна кивнула, словно никакого другого ответа на него и не ждала. — Но с оговоркой, — после паузы добавил он, и пиратка поморщилась.

— Только я уже начала верить в то, что ты не капризная портовая модница, примеривающая цапки, как ты вновь начинаешь дуть губки и выпендриваться, щербатый. — Гардан только улыбнулся в ответ, и Равенна с тяжелым вздохом спросила: — И какое условие?

— Я буду служить тебе и под твоим началом. Не Ашьяму Зубоскалу, не кому-нибудь еще, а тебе, — твердо сказал Гардан.

С минуту Равенна оценивающе разглядывала его, слегка прищурившись, потом склонила голову набок:

— То есть возвращаться в Лебязью Гавань и забирать капитана «Морской гадюки» мы не будем?

— «Морской гадюке» на дне моря капитан уже без надобности. А этот корабль — твой, так что не вижу проблемы, — пожал плечами Гардан.

— А если Зубоскал решит отомстить? — Взгляд у Равенны был острым и собранным. Гардан почти что видел, с какой скоростью она перебирает возможные варианты развития событий в голове, взвешивая свой следующий шаг. — Он хоть и пропойца, каких свет не видывал, однако моментально трезвеет, когда его пытаются поймать. И становится достаточно серьезным противником, чтобы с ним считаться.

— Настолько же серьезным, как Давьяла? — усмехнулся наемник. Несколько секунд Равенна смотрела на него, потом ухмыльнулась в ответ и дернула плечом:

— Нет, не настолько. Однако, учитывая, что инициативу проявил именно ты, то и разговаривать с ним, коли мы встретимся однажды, на эти темы будешь именно ты. А я скромно отойду в сторонку, опустив глаза, как и положено слабой и хрупкой женщине.

— Договорились, — с усмешкой кивнул Гардан, вспоминая Зубоскала. В том состоянии, в котором тот находился на момент их знакомства, он не показался наемнику слишком уж опасным человеком. Возможно, первое впечатление было обманчивым, да вот только Гардана это не пугало. За последнее время он насмотрелся такого, по сравнению с чем проблемы с Зубоскалом были детскими игрушками.

— С тобой — да, — согласилась Равенна. — А вот с командой — еще нет. — Вскинув голову, она громко крикнула: — Слушайте сюда, прилипалы придонные! — Матросы вокруг подняли головы, останавливая работу и глядя на Равенну. Та ткнула пальцем в Гардана и громко сообщила: — Этот щербатый наемник предлагает не возвращаться и не забирать из Лебяжьей Гавани Ашьяма Зубоскала. Дескать, толку от него никакого, морока одна. Что скажете? Будете ходить под моей командой?

Ответом ей был дружный рев собравшихся здесь моряков, Равенна довольно облизнулась, как наевшаяся сметаны кошка, и взглянула на Гардана:

— Кажись, теперь договорились, щербатый.

С той поры время для Гардана потекло с невероятной скоростью, а отношение к нему команды кардинально изменилось. Если раньше он был всего лишь человеком со стороны, заказчиком, пообещавшим золото за сделку, то теперь он стал одним из них, и при этом — другим.

Обычно в юнги шли еще совсем молодые и зеленые ребята, которые только-только вырвались из отцовского дома и пускались на поиски приключений. Естественно, что вовсе не мойку полов в трюме, отскребание плесени со стен, чистку грязных котлов на кухне и все остальные грязные работы они представляли себе в качестве дальнейшей судьбы. А потому уже через пару дней после начала службы все эти ребята становились угрюмыми, замкнутыми, вечно раздраженными и при этом донельзя перепуганными подтруниваем команды и возможностью за оскаленные в ответ на неуместную шутку клыки получить внеочередной наряд куда-нибудь в самое грязное место на корабле.

Гардану в этом плане повезло гораздо больше, чем другим. Иллюзий по поводу своего дальнейшего существования и героической судьбы он лишился много лет назад, в самом начале своего пути в качестве наемника, а потому и необходимость грязной работы выносил спокойно и стоически. По большому счету, ничего страшного в ней не было, и это было проще, чем научиться мастерски обращаться с мечом или стрелять из лука. К тому же, Гардан сам прекрасно знал, на что он шел и зачем он все это делал, и благожелательное отношение остальной команды было ему наградой.

Никто над ним не подтрунивал, никто не отваживался шутить, никто не загружал лишней работой, чтобы сгладить задиристость и наглость, свойственную молодым, которой в Гардане и не было вовсе. А если кто из старших матросов и позволял себе подначить наемника, то его скупые ироничные ответы не обеспечивали ему дополнительной работы, а, скорее наоборот, повышали к нему уважение команды.

Большая часть матросов здесь была его возраста, и лишь немногие — на пару лет младше. Некоторые из них подходили интересоваться, зачем вообще Гардану сдалось идти учиться на моряка в такие годы, когда всю свою жизнь он провел в качестве наемника. Тот отвечал просто: так распорядилась Марна, ничего не добавляя к этому, и такой ответ на

удивление устраивал моряков. К тому же, Равенна все-таки сболтнула лишнего про его возможность слушать приказы Девы, и эта весть разнеслась по кораблю быстрее лесного пожара. Так что приставать с расспросами к Гардану скоро перестали и просто молча приняли его в свои ряды, держась с ним если не на равных, учитывая его положение, то уж всяко лучше, чем с остальными юнгами. К тому же, вынужденная субординация из-за его обязанностей бесследно исчезала по вечерам во время совместных попоек и распевания песен оставшимся в живых бернадинцем по имени Белгар. Гармонь его, правда, утонула вместе с «Гадюкой», но на корабле Давьялы нашлась запыленная старенькая свирель, которой никто не пользовался уже много лет, и ее вполне хватило для создания необходимого настроения.

Впрочем, помимо рабов и старой свирели трюмы корабля хранили множество сокровищ, ставших приятным дополнением к большому новому кораблю, которым обзавелась Равенна. Под кроватью в капитанской каюте обнаружился прикрученный к полу увесистый сундучок, набитый золотом и камешками. Не скупясь, Равенна раздала золото матросам и рабам, а камешки припрятала получше, сославшись на то, что они понадобятся, когда придется ремонтировать «Блудницу» — так она окрестила свой фрегат. В тот же сундучок перекочевало и золото из поясного кошелья Гардана, который уцелел во время шторма, первое золото, заработанное Равенной в качестве капитана корабля.

— Не бойся, щербатый, эту денежку я потрачу с особенным чувством, — сверкнула улыбкой Равенна, запирая сундук на большой железный ключ, который теперь носила за пазухой. — Куплю себе двух потаскух и жбан рома и буду добрым словом вспоминать тебя всююю ноооочь, до самого утра.

Гардану-то в общем-то и дела до этого никакого не было. Немного золота у него еще осталось, но сейчас оно было ни к чему. Сейчас он работал на Равенну, и та пообещала ему даже небольшое жалование на период в качестве юнги, обмолвившись, что период этот будет достаточно коротким, если Гардан приложит все усилия к тому, чтобы обучиться работать с парусами. Так что вместо того, чтобы по вечерам валяться в гамаке и дрыхнуть, урывая спокойные минуты на сон, Гардан усердно сокращал время службы юнгой: задавал вопросы бывалым морякам, учил названия парусов, вязал узлы, лазил по мачтам. И время от времени замирал посреди всего этого, останавливаясь буквально на какие-то мгновения и глядя в зыбкую морскую даль, улыбающуюся ему отражениями звезд и подмигивающую солнечными бликами. Замирал и пытался понять, как же все это так получилось, как сложилась вся эта цепь событий, что он оказался здесь, именно на этом корабле и в этой команде, хоть и не предполагал всего-то месяц назад, что жизнь его так резко поменяется. А потом какой-нибудь матрос грубо окликал его, приказывая не глазеть по сторонам и делать свое дело, и Гардан карабкался дальше, тихонько улыбаясь себе под нос и глубоко внутри благодаря Марну за все, что она сделала для него. Как бы ни был труден сейчас для него этот путь, а что-то в нем было искренне правильное, и Гардан впервые в жизни учился, получая от этого глубокое как океан удовлетворение.

Жизнь на корабле медленно возвращалась на круги своя. Равенна все так же стояла за штурвалом, и фрегат уверенно рассекал волны длинным носом, под всеми парусами стремясь на юго-запад. Рабы, освобожденные в трюмах, поселились на отремонтированной на скорую руку корме. Здесь были в основном женщины и дети, голодные, истощенные, оборванные и пока что не способные работать. Они очень долго не могли поверить в то, что освободились от кандалов окончательно, и что Равенна не собирается перепродавать их на

невольничьих рынках Лонтрона. А когда поверили — выразили желание помогать на корабле, отчего работа пошла быстрее, и Гардан обнаружил, что мытье палубы уже не отнимает у него столько времени, как раньше, и эти минуты он тоже может посвятить обучению более важным вещам.

Еще через некоторое время, хорошенько отоспавшись, отъевшись и окрепнув на свежем воздухе вместо затхлой вони трюмов, бывшие рабы окончательно оживились и стали частью команды. Немногочисленные мужчины выразили желание служить у Равенны, и она приняла их без колебаний: слишком много моряков погибло во время атаки, а фрегат требовал команды большей по численности, чем бриг. Женщины предложили свою помощь коку, а также занялись стиркой и помывкой вещей и корабля, вызывая у матросов довольные улыбки, соленые шуточки и неподдельную благодарность. Да и вечером на палубе с их присутствием тоже стало гораздо веселее. Набравшись сил, женщины с удовольствием танцевали под залихвацкие мелодии бернардинца, и матросы дружно хлопали в ладоши и гремели пятками о палубу, поддерживая их пляску.

Детишки освоились быстрее всех, и теперь с заливистым смехом носились кубарем по кораблю из конца в конец, мешая другим работать и создавая чрезмерно много шума. Вот только взрослые смотрели на это сквозь пальцы: матросы помнили, какая бы ждала участь этих детишек, если бы корабль не перехватили, не говоря уже о том, что они собственными руками доставали исхудавшие и ослабевшие детские тельца из железных колодок и кандалов. Так что теперь палуба представляла из себя место крайне шумное, хаотичное и людное, но в этом тоже было что-то правильное, и Гардан только улыбался да негромко журил ребят, коли те начинали уж совсем на голове кататься у него под ногами, мешая работать.

Матросы Давьялы, поразмышляв в цепях над своей не слишком-то завидной участью, решили перейти под команду Равенны, хоть та и не доверяла им так же, как своим людям. В живых их осталось немного: всего-то семеро смурновато вида угрюмых мужчин, которые работали нехотя и спустя рукава и то и дело бросали на Равенну мрачные взгляды. Гардан не думал, что кто-нибудь из них попытается отомстить пиратке за нападение на фрегат, однако на всякий случай перебрался спать на верхнюю палубу, заворачиваясь в плащ недалеко от капитанской каюты и одним глазом всю ночь наблюдая за дверью Равенны. Другие матросы заметили это, как и Равенна, но никто не сказал Гардану ни одного слова, однако, он обратил внимание, что дневной работы ему теперь доставалось меньше, да и была она не самой грязной и тяжелой из того, что поручали остальным юнгам.

Взаимопонимания между матросами Равенны и матросами Давьялы не было никакого. Последние держались вместе, ели в стороне от рабов и остальной команды, и Равенна обмолвилась, что как только они причалят к берегу, распрощается с ними навсегда.

Выздоровливали и немногочисленные пережившие шторм и битву раненые, из которых скончался лишь один, престарелый боцман из команды Давьялы, которому переломило спину падающей мачтой. Все остальные быстро шли на поправку, и некоторые из них начали потихоньку вставать и помогать по кораблю, во всяком случае, с той частью работы, на которую у них были силы.

А Гардан только учился, скреб полы да порой посматривал вдаль, думая о том, где же они причалят. Корабль уверенно шел на юг-запад-запад, ровно в ту сторону, в какую указывала давешняя мачта, и по расчетам Гардана, вскоре они должны были покинуть северное побережье. Это слегка беспокоило его, ведь Марна запретила кораблям покидать

эти берега, однако, вместе с тем, сама же и указала им с Равенной именно это направление. Также думала и Равенна, к которой он как-то под вечер подошел с этим вопросом. Хлопнув его по плечу, пиратка отозвалась:

— Не дрейфь, мой шербатый престарелый юнга. Идем на Алькаранк. Нам в любом случае нужно чинить мачту и корму, нормально чинить, а не заплатки ставить. И технически, Алькаранк находится на самой западной оконечности северного побережья, так что мы не нарушаем никаких приказов Девы. Потом, стала бы она нас спасать, если бы собиралась вслед за этим сразу же утопить?

В конце концов, Гардан просто выбросил все свои сомнения и лишние размышления из головы. Он был наемником, а наемники подчинялись воле своего заказчика, как и юнги — воле своего капитана. Ты не был рожден для того, чтобы вести кого-то за собой, хотя бы потому, что никогда не имел собственной четкой цели, до которой хотел бы дойти. Так что смирись и просто позволь все решать ей. Это не слишком-то сильно отличается от того, что ты делал все предыдущие годы с Радой. Так что он продолжал работать, учиться, есть и дремать в один глаз напротив двери в каюту Равенны, но уже со спокойной душой, не думая ни о Марне, ни о ее приказах, ни о чем-либо другом. Да и хватка Девы сама собой исчезла, словно ее гигантская ладонь разомкнулась и отпустила его тело, и теперь Гардан вновь принадлежал самому себе, как и раньше.

Они плыли долго: все-таки сказывалось отсутствие мачты, да и море после шторма было тихим, а ветра хоть и поднимались, но не настолько сильные, чтобы нести их по волнам с той же скоростью, что и раньше. И только на одиннадцатый день путешествия, да и то, под самый вечер, дежуривший наверху фок-мачты моряк вдруг громко свистнул и закричал, привлекая внимание Равенны:

— Земля прямо по курсу!

Гардан, как раз помогавший двум морякам сворачивать и укладывать кольцами толстые канаты на носу корабля, вскинул голову от работы, слезящимися от усталости и ветра глазами глядя вперед.

Час стоял поздний, солнце село, и матросы заканчивали последние за вечер дела. Море к ночи успокоилось, лишь негромко вдыхая-выдыхая своими огромными, полными морской пены легкими, и корабль плавно скользил по волнам, едва покачиваясь на их гребнях. Над головой из темноты серебристо мерцали звезды сквозь разрывы туч, да луна ярко-золотым блином моталась где-то за кормой, заливая рябящую черноту мертвенно бледным светом. И Гардан не видел ровным счетом ничего дальше бортов корабля, только вот впереди, прямо по середине между небом и землей, висели в воздухе две большие светящиеся золотые точки, словно два кошачьих глаза, внимательно наблюдающие за ними.

— Это еще что? — обронил он вслух, выпрямляясь и, как замороженный, глядя на эти точки впереди, две маленькие золотые луны, словно два осколка той большой, что сейчас неполной болталась у него за плечами.

— Это Очи Алькаранка, — отозвался стоящий рядом южанин Даньяр, сплевывая через борт в дырку между зубами. — Сигнальные маяки, построенные бессмертными многие тысячи лет назад. Говорят, так они горят каждую ночь с тех самых пор и ни разу еще не гасли.

Гардан уже успел понять, что большая часть рассказней моряков представляла собой хвастливые байки, полные фантазий и имеющие лишь крохотное зернышко правды, разглядеть которое порой бывало очень сложно. Но в то, что эти огни никогда не гасили, он

почему-то верил. Так высоко они горели над морем, слишком высоко для обычного маяка, какие приходилось видеть Гардану в Северных Провинциях. С другой стороны и смотрел-то я с берега, может, на воде и выглядит все несколько иначе?

— Ну что, ребята, повезло вам сегодня! — гаркнула с кормы Равенна, и в голосе ее слышалось ликование. — Давайте-ка поднажмем, и сегодня же вечером я угощаю вас всех ромом в честь нашей победы над Давьялой!

Матросы радостно заулюлюкали, и даже Гардан присоединил свой голос к общему хору. Что-то было такое в том, чтобы драть глотку в ответ бесноватой капитанше, которая уверенно держала в своих мозолистых ладонях штурвал «Блудницы», что-то по-настоящему живое. Гардан никогда не любил быть частью сборища людей, объединенных одной идеей, но теперь это почему-то воспринималось иначе. Многие ты изменила во мне, Марна, многое подправила, поставила на место или просто выбросила прочь, как ненужный сор. И чем я сдался тебе так, чтобы столько внимания ты мне уделяла?

Вместо того, чтобы и дальше пялить глаза в темноту и гадать о том, на что ответа он никогда не получит, Гардан быстро и как мог ловко свернул голыми ногами оставшиеся канаты, а потом пошлепал на корму, куда сейчас корабельный кок Вакиита выволок за ручки здоровенную чугунную кастрюлю и большим половником неопрятно шваркал так называемое «рагу» по подставленным матросами площадкам. Поначалу привыкнуть ходить босяком по холодной палубе на ледяном ветру было сложно, но со временем Гардан смирился и с этим. Оставалось свыкнуться лишь с той дрянью, которой кормил их кок, и пока что это было для него непосильной задачей.

Настроение у Вакииты было не слишком хорошее, особенно в последние дни. Сам по себе заросший шерстью с ног до головы, словно неопрятный баран, и при этом сверкающий абсолютно лысым, без единого волоска черепом Вакиита не слишком-то любил женщин и еще меньше — когда они крутились у него в кубрике и помогали ему готовить его стряпню. Потому последние дни он постоянно ворчал, словно разбуженный загодя медведь, огрызался и костерил почему зря окружающих его бывших узниц Давьялы, которые только и делали, что сновали из кубрика наружу и обратно. И отказывался замечать, что кастрюли стали гораздо чище, посуда сверкала, с полов можно было есть, так их выскоблили помощницы, и даже овощи в рагу выглядели не жеванными коровами или рваными чьей-то голодной пастью, а аккуратно порезанными красивыми кубиками, по которым можно было определить, что это был за клубень. Правда, Гардан прекрасно отдавал себе отчет, что это ненадолго. Они сгрузят в Алькаранке всех женщин, отремонтируют корабль, и с наступлением сезона штормов отчалият на запад, держа курс на Мерес, который сейчас интересовал Равенну гораздо больше, чем что-либо еще. И вплоть до самого Южного моря Гардану придется жрать только то, что будет запихивать в свой огромный почерневший от копоти котел кок, и не жаловаться попусту. Впрочем, остальных членов экипажа стряпня Вакииты вполне устраивала, так что Гардан предполагал, что привыкнет со временем. Просто ты разожрался у Рады, обленился и привык к вкусному, свежему, дорогому. Ну, так пора вспоминать, откуда ты родом, наемник! Время пришло.

Наскоро перекусив, он направился помогать сворачивать паруса, крепить тали, вязать узлы, а сам все поглядывал на то, как вырастают из ночи золотые Очи маяков, поднимаясь все выше и выше в небо. И если сначала Гардан недоумевал, как они могут располагаться так высоко над уровнем моря, то вскоре уже сумел в темноте разглядеть огни города, взбирающегося по склону высоких фьордов вверх, и два тонких шпиля, на которых и горели

яркие Очи маяков.

Вскоре они уже швартовались, и Равенна расхаживала у него за спиной, покрикивая и приказывая шевелиться, и Гардан улыбался тихонько себе под нос, быстро крепя большой морской узел на кормовом швартовом. Впервые он сходил на сушу в качестве части команды, и это было приятно. И всю следующую ночь они будут пить и гудеть в какой-нибудь таверне, и ром будет литься рекой, и девки будут мурчать, прижимаясь к нему тугим корсетом и облизывая пухлые губы. И завтра ему не нужно будет просыпаться и вновь полуголодной шавкой мотаться вдоль всего северного побережья в поисках кого-нибудь, кто согласится его нанять. Завтра у него будет крыша над головой, хоть теперь это и называется — палуба, и команда, в которой никто не воткнет ему нож в ребро, пока он будет спать. Что ж, не такой уж и плохой выбор. Уж всяко лучше, чем все, что было до этого. За исключением, разве что, службы при Раде.

Матросы поднапряглись и под покрикивания Равенны подтянули корабль вплотную к берегу. Мешки с шерстью, переброшенные через борт, чтобы не разбить дерево, смягчили удар, и корабль мягко ткнулся боком в высокий деревянный настил. Пока Гардан крепил свой кормовой узел и проверял, достаточно ли прочно он держится, ему не было ни до чего дела, лишь бы работу завершить. Ему впервые самому доверили заниматься таким делом, и в грязь лицом он ударить не хотел. А вот когда он разогнулся и отряхнул ладони, чувствуя приятную тяжесть, растекающуюся по телу, вот тогда-то и замер, как громом пораженный.

В гавани свободного места было не слишком много: длинные ряды кораблей выстроились вдоль всего Алькаранка, глядя в небо спящими мачтами, на которых, будто коты, свернулись паруса. Равенна все-таки умудрилась отыскать свободный причал у самой восточной оконечности гавани. Длинный настил глубоко вдавался в море, и по нему бегали босоногие матросы, затягивая узлы швартовых и переговариваясь с командой Равенны. Вот только не они привлекли внимание Гардана. И даже не купцы, что выпятили объемистые животы и направились в сопровождении писцов и носильщиков к сходням, которые сейчас спускали на причал для Равенны. За всеми этими головами Гардан разглядел одну: черноволосую, как полночь, и узкое бледное лицо с холодными глазами, которые еще издали буравили его, словно две воткнутые ему в щеки льдышки. Ренон?! А он-то что тут делает?!

На то, чтобы сбежать вниз и натянуть ненужные ему во время плавания сапоги, у Гардана ушли считанные минуты. После десяти дней босяком втискивать ноги в жесткие сапоги было странно неудобно, а передвигаться в них по слегка покачивающейся на волнах палубе — еще сложнее, но Гардан выбрался обратно на верхнюю палубу и подбежал к Равенне еще до того, как она успела сойти на причал.

— Капитан, там в толпе стоит Тваугебир, — приглушенно проговорил он, склонившись к ее уху, и Равенна встрепенулась, сразу же поднимаясь на мыски, вытягивая шею и любопытно разглядывая собравшуюся на причале толпу.

— Где? Что, правда? Настоящий Тваугебир?

— Он самый, — кивнул Гардан, чувствуя тревогу.

Сжимающей пятерни Марны на его теле не было, впервые за много дней, но тревогу это нисколько не уменьшило. Гардан прекрасно знал, что если здесь появился Тваугебир, то их неприятности еще не закончены. Тем более, что златоволосой головы Рады рядом с ним он не видел, а она была достаточно высока, чтобы виднеться издали. Гардан прищурился, глядя туда, где стоял Ренон, спокойно рассматривающий его, и глаза у него чуть из орбит не полезли. Рядом с эльфом возвышался громадный ильтонец, выглядящий крупнее его ровно

настолько же, насколько сам Ренон был крупнее обычного человека, и масляные фонари, развешанные вдоль всей пристани, бросали яркие блики на нефритовые плечи каменнорукого, непропорционально широкие для его изящного тела. Раньше Гардану приходилось видеть ильтонцев лишь издали, мельком, и никогда — так близко. Он и его позвал с собой за Семь Преград? Ничего себе, компания там подобралась! Но где же тогда Рада?

— Который из них? — в голосе Равенны послышалось почти что детское любопытство. — Вот тот патлатый, худющий и бледный как смерть?

— Да, — вновь подтвердил Гардан, тревожно оглядываясь в поисках Черного Ветра. Что-то подсказывало ему, что не просто так ее сейчас не было видно на этом причале.

Равенна бросила на эльфа еще один внимательный взгляд, обернулась и негромко обратилась к Вилему, спокойному и совершенно непробиваемому мелонцу, который после гибели Кариды все чаще менял ее у штурвала.

— Я пойду, потолкую кое с кем о делах, а ты проследи, чтобы эти Давьялины выродки покинули борт моего корабля. И чтобы не прихватили чего лишнего, когда будут уходить. И бедолаг этих тоже выпусти, пусть домой идут или здесь счастья ищут, в городе всяко лучше, чем на дне морском. А потом бери ребят и веди в «Глаз бури». Сегодня там будем пить.

— Так точно, капитан! — отозвался Вилем, отворачиваясь от Равенны и принимаясь орать на матросов.

Гардан на миг замешкался, не зная, что ему делать: идти следом за Равенной или оставаться с командой. С одной стороны, он лично знал Ренона, и его раздирало от внезапно поднявшегося внутри чувства тревоги за Раду. С другой стороны, он больше не служил Раде, теперь он был частью команды Равенны, а она не слишком-то любила, когда ее приказов ослушивались. Одним словом, пока он думал, что ему делать, Равенна уже широкими шагами сошла на пристань, подняв ладонь и отмахиваясь от насевших на нее купцов. Завидев, как Тваугебир двинулся ей навстречу, проталкиваясь сквозь толпу купцов, Гардан не вытерпел и сбежал по сходням следом за пираткой.

Поняв, что торговать Равенна не намерена, купцы потянулись в обратную сторону, бросая неодобрительные взгляды на обломок мачты, торчащий из палубы и хорошо просматривающийся при лунном свете. Пиратке же дорогу преградил Тваугебир, и вот сейчас Гардан разглядел возле него самую что ни на есть разношерстную компанию: высокого ильтонца с нефритовыми руками, квадратную приземистую гномиху с обезображенным шрамом лицом, отчего правый угол ее рта высоко задирался вверх в вечной улыбке, и девчонку, ту самую бессмертную птичку, которую Рада подобрала перед самым своим отъездом из Латра. Правда вот, самой Рады с ними не было и в помине.

Равенна выпрямилась, останавливаясь и пристально рассматривая лицо шагнувшего ей навстречу эльфа. Он был выше нее почти что на две головы, гораздо шире в плечах, хоть и строен, словно хлесткий ивовый прут. Ледяные глаза скользнули по лицу остановившегося за ее плечом Гардана, вернулись к пиратке, будто Ренон и не заметил его. Зато заметила Лиара, тихонько охнув и широко раскрыв большие серые глаза, и Гардан слегка склонил голову в знак приветствия. Что-то неуловимо изменилось в лице девчонки, но сейчас он не мог понять, что, да и не особенно-то хотел. Его гораздо сильнее интересовало, что за совпадение свело их вместе именно здесь и именно сейчас. Опять твоя воля, Марна Дева? Ну куда уж без тебя-то в такой ситуации?

— Мое имя Алеор Ренон Тваугебир, — негромко проговорил эльф, и Гардан заметил,

как Равенна слегка дрогнула, словно гончая в предвкушении охоты. — И я хотел бы нанять этот фрегат, капитан.

— Нанять? — брови пиратки удивленно взлетели, но знакомая хищная хрипотца зазвенела в голосе, и Гардан знал, что она означает. Равенна загорелась принять участие в том же, в чем участвовал и Тваугебир, и она бы даже согласна была самому ему приплатить, лишь бы он согласился подняться на борт «Блудницы». Только вот хитрости этой лисице было не занимать, потому в тоне ее прозвучала лишь скука. — И куда же вы собираетесь плыть на нем, милорд Ренон? У нас, видите ли, мачты нет. Это, конечно, мелочь, недостойная внимания, однако, боюсь, качка будет чересчур сильной, и ваша прекрасная дама может почувствовать себя не в своей тарелке, — взгляд немигающих зеленых кошачьих глаз переместился на Лиару, и та вспыхнула, опуская глаза. Гардан с трудом удержался оттого, чтобы не закрыть лицо рукой. Вот только этого сейчас не хватало ему для полного счастья: Равенны, начавшей оплетать сетью сладкого мурчания птичку Рады.

— Нам нужно на восток, капитан, — голос Ренона был твердым, а синие глаза, не мигая, смотрели в лицо Равенны. — Я не только оплачу дорогу для нас и наших лошадей отсюда до Кор'Дина и обратно в двойном размере. Я еще и возьму на себя все расходы по ремонту вашего корабля. К утру мачта будет на месте, а фрегат как новенький. Такие условия вас устроят?

Равенна остолбенела, явно не ожидая такого развития событий, а сердце Гардана протяжно затянуло, словно там, прямо в груди, засела толстая ядовитая колючка. Ренон спешил на восток, его предложение было безумно само по себе: никто никогда не сумел бы установить здоровенную грот-мачту на корабль всего лишь за одну ночь. Однако Гардан слышал в его голосе плохо сдерживаемое напряжение, так не свойственное этому ледяному и всегда спокойному эльфу. А это могло означать только одно, и слова сорвались с губ до того, как Гардан успел придержать язык:

— Что с Радой, Ренон? Где она?

Плечи рыжей пиратки одеревенели, и в голове Гардана мелькнула мысль, что он очень дорого может заплатить за то, что не рассказал ей о том, куда и с кем отправилась Рада, когда они попрощались. Только сейчас Гардана гораздо больше занимал эльф.

Ледяной взгляд его синих глаз переместился с лица Равенны на него, и Ренон выразительно выгнул бровь. Больше в лице его не дрогнул ни один единый мускул.

— Рада — на востоке. И если мы поторопимся, наемник, то успеем перехватить ее до того, как с ней случится беда. — Взгляд его вновь вернулся к Равенне. — Мы очень спешим, капитан, и вряд ли здесь есть кто-то, кто сможет нам помочь лучше вас. К тому же, вы получите новый корабль и достаточную сумму денег, чтобы покрыть все расходы на нашу перевозку. Такие условия устроят вас?

— Ничего не имею против, милорд Ренон, — пожала плечами Равенна, и от сердца у Гардана отлегло. — Вот только никак не возьму в толк, каким образом вы собираетесь восстановить мне мачту за оставшееся до рассвета время.

— Положитесь на нас, — спокойно отозвался эльф. — Поверьте, от вас и ваших людей не потребуется практически ничего. Разве что было бы очень хорошо, если бы кто-то из них смог раздобыть подходящую древесину для мачты, доски для ремонта кормы и паруса, которые нужно будет укрепить на мачте, пока мы будем проводить ремонт. Мы не слишком хорошо разбираемся в морском деле, так что лучше будет, если это сделают профессионалы. Расходы на материалы я компенсирую, так же, как и стоимость работы

ваших людей.

— Лаадно, — протянула Равенна, и в голосе ее уже явственно прорезалось любопытство. — В таком случае, могу я хотя бы узнать, к чему такая спешка? И откуда вы знаете Гардана? А также, кого именно вы собираетесь перехватывать на востоке?

— Я отвечу на все ваши вопросы, капитан, — спокойно кивнул эльф. — Только не здесь. Можем мы уйти куда-нибудь, где потише и не так много лишних ушей?

— Моя каюта в вашем распоряжении, милорд, — кивнула Равенна, отступая в сторону и широким жестом приглашая Ренона подняться на борт. — Как и мои люди, которые немедленно отправятся на поиски парусов.

— Благодарю вас, капитан. — Ренон развернулся к своим спутникам и взглянул на ильтонца. — Ты тогда начинай, Кай, а я пока обо всем договорюсь. Управишься один?

— Управлюсь, Алеор, — прогудел в ответ ильтонец, словно громадный шмель внутри пустой, плотно закрытой стеклянной банки. По лицу его промелькнула тень досады. — С камнем было бы работать проще, но если мне предоставят необходимые материалы, то это не займет много времени.

Равенна развернулась и окликнула Вилема, стоящего как раз у самого трапа и руководящего начавшейся высадкой беженцев. Гардан не стал наблюдать, как медленно вытягивается вечно спокойное и холодное лицо мелонца, когда Равенна объявила, что попойка отменяется, и принялась перечислять, что именно они должны посреди ночи купить на давным-давно запертых складах и принести сюда.

Наемник не стал дожидаться, пока она договорит, и, пользуясь возможностью, повернулся к Лиаре. Тревога в груди ядовитой змеей кусала и кусала сердце. Он даже и не догадывался о том, как сильно, оказывается, привязался к Раде за эти годы.

— Может хоть ты, птичка, расскажешь мне о том, что здесь происходит? И кто угрожает Раде?

Лиара только нахмурилась, часто моргая и непроизвольно потирая грудную клетку, а затем покачала головой, глядя прямо сквозь него:

— Мы и сами толком ничего не поняли, Гардан. Какой-то эльф сегодня днем погрузил ее на корабль и отплыл на восток. И мы должны догнать ее как можно скорее, потому что иначе случится что-то непоправимое, — она нахмурилась еще сильнее. — Но, учитывая, что ты здесь, думаю, Великая Мать милостива к нам. Таких совпадений просто не бывает.

— Да уж! — невесело усмехнулся Гардан. Это он знал теперь лучше всех, прочувствовав в мельчайших подробностях на своей собственной шкуре.

— Эй, щербатый! — раздался за спиной хриплый голос Равенны, и Гардан обернулся к ней, напоминая себе о том, что он теперь — часть ее команды, а не телохранитель Рады. Равенна хмурилась, недовольно глядя на него и выгнув дугой ярко-рыжую бровь. — Чего встал? Давай-ка бегом к Вилему! Найдете мне мачту покрепче и хорошего дерева! Коли уж в кораблях ты смыслишь столько же, сколько монашка в веселых болезнях, поможешь доски таскать!

— Да, капитан! — отозвался Гардан, чувствуя на себе удивленные взгляды Тваугебира и Лиары, но при этом устремляясь туда, куда приказала Равенна.

Теперь он служил у нее, и забывать об этом не стоило. Как и о том, что чем скорее он принесет ильтонцу необходимую мачту, тем скорее корабль будет восстановлен, хоть Гардан и не представлял, как это вообще можно сделать за оставшиеся до рассвета часы. И тем скорее он выручит Раду, отдав ей последний долг за то, что не смог уберечь ее сына от воли

Марны. Что же с тобой опять случилось, Черный Ветер? И почему, стоит только на миг отвернуться, как ты сразу же влипаешь в неприятности?

А за его спиной замурчал, зазвенел ручейком по камушкам бархатистый голос Равенны:

— Прошу на борт «Блудницы», милорд Ренон, господа и дамы. К сожалению, не знаю вашего имени, миледи, однако прошу простить моего щербатого юнгу за ту грубость, которую он позволил себе в отношении вас. Он только-только обживается здесь и еще не слишком-то привык к хорошим манерам, но мы обучаем его, и скоро сделаем из него человека. Позвольте помочь вам: здесь ступени, да и борт высоковат, миледи, так что я поддержу...

Гардан ощутил, как губы сами собой растягиваются в широкую ухмылку. Равенна была плутовкой, и сладкие речи с ее губ могли обольстить кого угодно. И теперь ему было интересно посмотреть: сохранит ли птичка верность Черному Ветру, что подхватил ее под крылья и понес, играя, по всему свету, подарив свободу и бескрайнее небо над головой, или поддастся на медовые речи просоленной зеленоглазой кошки и попадет в острую клетку ее коготков? Ох, Марна, вот тут уж я точно не знаю, кто одержит верх. Но мне очень любопытно будет наблюдать за этим.

===== Глава 42. Черный жрец =====

Никогда еще в жизни Лиара не поднималась на палубу корабля, а потому все здесь было ново для нее. Корабль слегка плясал на небольшой приливной волне, и палуба покачивалась под ногами, заставляя ее часто переступать на месте, чтобы сохранить равновесие. Вокруг лежали свернутые канаты, были навязаны какие-то веревки и приспособления для парусов, насколько она могла судить, но для чего именно они предназначались, Лиара не знала. Толстые мачты уходили так высоко в небо, разбрасывая в стороны поперечины, на которых были укреплены скатанные паруса, что походили на старые высокие деревья с прямыми ветвями. Сходство усиливало и большое количество стоящих в ряд кораблей в гавани — точно лес по осени с облетевшей листвой.

Внутри корабля все было обустроено еще загадочнее. Она успела побывать только в капитанской каюте этой странной рыжеволосой женщины Равенны, где все предметы были намертво прикручены к полу и не сдвигались с места, и все было уложено ровно и аккуратно, чтобы при качке не свалилось на пол. Но и этого Лиаре хватило для первого впечатления: на корабле все было вроде бы так же, как и на берегу, только совсем иначе.

Это странное чувство не покидало ее, пока она стояла у дальнего борта корабля и разглядывала снующих мимо нее матросов, странные лесенки с одной палубы на другую, которые здесь называли трапами, множество веревок, образующих настоящую сеть над головой, по которой моряки карабкались так ловко, словно чудные диковинные зверьки. А еще здесь пахло совсем иначе: солью, морем, мокрыми парусами, деревом и пенькой и чем-то таким неуловимым, таким вкусным, манящим. Лиара не знала, что это за запах, а может, это и вовсе был не запах, а ощущение. Предвкушение приключения или чего-то в этом роде.

Впрочем, сейчас все эти вещи не так уж и сильно занимали ее. Глаза сами обращались на рябющую под светом луны морскую даль, плавно перетекающую в черное спокойное небо. Где-то там резал волны острым носом корабль, на котором увозили Раду, и все мысли Лиары были сейчас с ней. Не холодно ли тебе там? Все ли с тобой в порядке? Не бьют ли тебя? От последней мысли внутри что-то измученно сжалось, и Лиара приказала себе не думать об этом. Потерпи немного, еще совсем немного, и мы освободим тебя. И я снова буду смотреть, как ты смеешься, и глаза твои рассыпают золотые искры, словно трескучий сосновый костер.

Лиара рассеяно улыбнулась, глядя вдаль и чувствуя большие теплые ладони на своих плечах. Иногда ей казалось, что Рада и вовсе не покидает ее, а все стоит за спиной, уложив руки прямо ей на плечи, и тихонько дышит в затылок. Порой это ощущение было таким сильным, что Лиара оборачивалась через плечо, ожидая увидеть надежную и уверенную улыбку красивых губ и глаза, в которых было спокойно, словно в сотканной из облаков и солнечных лучей колыбельке. Она подняла взгляд к серебристым звездам над головой, расслабляясь и позволяя этому ощущению защищенности обнять ее целиком, завернуть в теплый кокон из чьих-то мозолистых добрых рук. Великая Мать, плохо ли это, что иногда я думаю, будто Рада и ты — одно и то же? Плохо ли, что осмеливаюсь сравнивать с тобой твоё творение? Да вот только моя любовь к ней такая же огромная, такая же светлая, как весь сотворенный тобой мир, и я не чувствую разницы между твоей улыбкой и ее. Разве плохо так любить? Через одного — весь мир, и весь мир в одном?

— Эй, Светозарная, — послышался сзади хрипловатый голос Улыбашки, и Лиара обернулась, выныривая из нежной дремоты своих мыслей. Гномиха стояла недалеко от нее, неуверенно почесываясь и озираясь вокруг так, словно находится ей здесь очень не нравилось. Проводив подозрительным взглядом проходящего мимо матроса, Улыбашка повернулась к ней и спросила каким-то напряженным тоном: — Что там Алеор? Что решили-то?

— Пока что он рассказал Равенне кто мы и куда плывем, — ответила Лиара. — А потом я ушла. Наверное, они еще о чем-то сейчас разговаривают, но я уже не знаю, о чем.

В капитанской каюте ей было неудобно. Странное чувство разливалось там в воздухе: сгущенная, напряженная, горячая атмосфера с запахом далеких южных пряностей и трав. И хозяйка этой каюты была ей под стать: зеленые кошачьи глаза, не мигая и не отрываясь, следили за Лиарой, подмечая каждое ее движение. Естественно, что Равенна обсуждала детали их путешествия с Алеором, участвовала в беседе, внимательно слушала его и задавала вопросы. Вот только у Лиары было такое чувство, что ее глаза не отрываются от нее, и взгляд почти физически касался ее кожи, обжигая и пуская по телу нервную дрожь. Этот взгляд ей был смутно знаком откуда-то, но пока что Лиара не понимала, откуда. Знала только, что в обществе молодой капитанши неудобно, и этого ей было достаточно, чтобы тихонько извиниться и покинуть помещение.

Алеор не препятствовал ее уходу, но проводил ее внимательным взглядом. Лиара поняла, что испытывает к нему искреннюю благодарность: эльф понял, что Рада для нее много значит, и позволил ей на равных участвовать в ее поиске и всех переговорах. И к начальнику порта ее взял, и в каюту к Равенне. В этом Лиаре чувствовалось ненавязчивое внимание и забота, которой она совершенно не ждала от вечно едкого, холодного, нелюдимого эльфа. Однако, сейчас он подумал о том, что для нее это важно, и позволил ей принять участие наравне с ним. Может быть, однажды мы с ним даже сможем нормально общаться? Нужно просто привыкнуть к нему, вот и все. Рада ведь души в нем не чаёт, да ты и сама видишь, что он неплохой человек. Просто сложный, осторожный, чуткий, сторонящийся всех, как дикий зверь, но неплохой.

Мимо них прошли двое матросов, таща скатки толстенных канатов, и Лиара поспешно опустила глаза. Она все еще не слишком-то привыкла к тому, что люди глазят на нее, и сейчас, когда ни Рады, ни Алеора рядом не было, чувствовала себя несколько незащищенной. Улыбашка же никакого внимания на матросов не обратила, рассеяно кивнула на слова Лиары, почесалась, как-то нервно оглядываясь по сторонам.

— Что, думаешь, установит Кай им эту мачту или нет? — напряженным голосом спросила она, и Лиара вдруг моргнула, присматриваясь к гномихе. Вид у той был до крайности странный: глаза бегали, голос стал каким-то высоким, да к тому же, она еще и раскачивалась с пятки на носок на одном месте, бросая быстрые взгляды на борта корабля.

— Конечно, установит, — нахмурилась Лиара, разглядывая гномиху. — Ты лучше скажи, что с тобой? Ты сейчас какая-то странная.

— Вот как? Кхм! — гномиха кашлянула в кулак, деревянно дернув плечами, и неохотно проямлила. — Может, оно и так. Почему бы и нет, в самом-то деле?

— Что происходит, Улыбашка? — Лиара с тревогой взглянула на нее, и на лице гномихи прорезалось отчаяние, а глаза стали круглыми, как две плоски.

— Я ненавижу корабли, Лиара! — гномиха взглянула на нее с такой искренней тоской, что Лиара с трудом подавила улыбку. — Ненавижу качку, ветра, поганую стрепню, матросов, что как обезьяны скачут над головой! Ты только подумай: на какой-то поганой доске посреди моря, и в любой момент может начаться шторм, и вообще...

— Улыбашка! — прервала ее Лиара, пряча смех в уголках глаз и стараясь говорить как можно серьезнее. Гномиха с опаской и недоверием взглянула на нее, и Лиара постаралась добавить в голос побольше уверенности. — Не беспокойся, все будет хорошо. Думаю, мы очень быстро догоним Раду: это же большой корабль, смотри какие паруса, — гномиха побледнела, поднимая глаза вверх, и Лиара поспешила сменить тему. — Мы догоним Раду, заберем ее и поплывем на запад, а там уж и рукой подать до Семи Преград. Так что потерпеть тебе придется совсем немного, вряд ли наше путешествие затянется!

— Да сколько бы оно ни продлилось, — скорбно пробурчала гномиха, утирая рукавом нос, и, словно решившись, подняла на Лиару огромные, полные грусти глаза. — Я блюю, Светозарная. Вот прямо как только якорь поднимают и ровно до того момента, как его опускают в гавани. Блюю без перерыва, днем и ночью, и ничто не способно остановить это. Так что вряд ли я смогу вам помочь вытаскивать Раду, прости уж меня! Я бы и хотела, да только, скорее всего, даже встать не смогу.

Лиара собрала все свое терпение, приказав себе не смеяться. Если она сейчас захочет прямо в лицо Улыбашке, обидчивая гномиха замкнется в себе и будет не только блевать, но и ворчать всю дорогу, а этого им уж точно не надо было. Не дрогнув ни единым мускулом лица, Лиара очень серьезно посмотрела на гномиху:

— Мы поговорим с Каем, Улыбашка. Он же жрец, он владеет энергиями, он тебе поможет. Так что не паникуй раньше времени, хорошо?

— Ладно, — гномиха отвела глаза, продолжая неуверенно топтаться на месте. — А ты не попросишь у него за меня? А то мне всегда сложно с ним разговаривать: такой высокий, что орать приходится, пока там, наверху, не ответят.

— Поговорю, Улыбашка, — пообещала Лиара, чувствуя, как смех распирает грудь, а на душе становится легче.

Тревога за Раду почти совсем покинула ее, свернувшись лишь где-то на самом доньшке ее существа и продолжая скулить побитым щенком. Но Лиара гнала от себя плохие мысли. Великая Мать не оставит их, она была с ними и будет всегда, иначе ведь и быть не могло. Это знание теперь жило вместе с Лиарой, билось в ее груди, дышало ее дыханием, и было для нее самой честной и самой чистой правдой из всего, что она знала. Потому что я чувствую это, не знаю — а чувствую всем своим существом.

Гномиха пробормотала что-то неразборчивое в ответ и отошла к борту, слишком

высокому для нее, чтобы даже просто перегнуться и заглянуть на ту сторону. А Лиара вдруг ощутила странную перемену в атмосфере, будто что-то в самом воздухе менялось, утончалось и при этом становилось более разреженным. Она нахмурилась, концентрируясь на ощущении, и ответ пришел с пристани, где стоял ильтонец.

Это было похоже на рябь, побежавшую по воде, на прохладное прикосновение чистой ключевой воды к разгоряченной коже, на первый утренний ветерок, что пробегает по самым краешкам листьев, заставляя их покачиваться и рябить в рассветных лучах. Лиара взглянула на ильтонца, и ее вывернутым глазам он предстал окруженным черными языками пламени. Они плясали на его коже, по всему его телу, залив белки глаз густой полночью, они танцевали над его руками, и вся его фигура будто бы рябила, вибрировала, когда мощь Черного Источника потекла в его тело. Лиара впервые в жизни видела, как призывают энергию, и это было поистине завораживающе.

Кай выглядел расслабленным и сосредоточенным одновременно, со спокойной силой глядя своими абсолютно черными глазами с нефритовой радужкой на разбитую корму корабля. И от языков пламени, окружающих его тело, отделились толстые черные жгуты энергий. Прямо на глазах Лиары они подхватили свежие доски, которые подтаскивали по причалу к кораблю от складов матросы Равенны, подняли эти доски в воздух, и те сами собой поплыли к здоровенной прорехе в корпусе кормы, наспех залатанной тем, что было у моряков в открытом море. А дальше начались настоящие чудеса.

Лиара поняла, что ноги сами несут ее к краю борта, и перегнулась через него, чтобы лучше видеть. То же сделали и остальные моряки, приглушенно переговариваясь и с благоговением глядя на ильтонца и доски, летающие в воздухе вокруг него. Старая рухлядь, которой заделали дыру, со скрипом и скрежетом выдираемых неведомой силой гвоздей отвалилась от кормы, а на ее место одна за другой плавно и бесшумно вплывали новые доски.

Кай сделал какое-то неуловимое движение, и доски сами начали ложиться, ровненько и гладко прислоняясь друг к другу, прямо на прореху в борту. Лиара видела, как стайка гвоздей из ящика под ногами ильтонца поднялась в воздух, словно крохотные стрекозы, и устремилась к корме. Гвозди замирали прямо напротив досок, резко вонзались в них по самую шапочку, одним точным ударом скрепляя дерево и восстанавливая поврежденные участки корпуса.

Лиара не сдержала восхищенного вздоха, переводя взгляд на спокойно наблюдающего за этим ильтонца. Энергии танцевали вокруг него: как минимум пять толстых жгутов, чтобы поднимать доски, и множество мелких, удерживающих гвозди и забивающих их прямо в свежее, хорошо высушенное, пружинистое дерево. Сам Кай при этом не шевелился и даже не моргал, просто стоял и смотрел на свою работу, не обращая ни на кого ровным счетом никакого внимания. Латать корму он закончил буквально за несколько минут, и она засияла свежими, некрашеными досками, как новенькая.

— Ну дает, каменнорукий! Асафир, вот бы тебе такого плотника! — услышала Лиара негромкий голос какого-то моряка рядом с собой. И она была полностью согласна с каждым его словом.

Закончив с кормой, Кай спокойно повернулся и взглянул на подтащенную моряками кучу досок на причале. Вся она медленно поднялась в воздух и зависла в метре над землей, а моряки с возгласами удивления и благоговения отступили на несколько шагов назад, словно эта сила могла им как-то повредить. Ильтонец не обратил на них никакого внимания и

спокойно зашагал вверх по сходням, а толстые доски поплыли вслед за ним. Столпившиеся у борта моряки поспешили отступить назад, позволяя ему пройти и пронести доски, гурьбой повалили следом за Каем, который направился на развороченную и кое-как заделанную корму.

Там чудо повторилось, разве что к возгласам моряков добавилась еще и звонкая ругань Равенны, чья каюта находилась как раз под проломанной у штурвала палубой, и в какие-то четверть часа корабль вновь стал целым, словно и не было на нем пробоин и прорех.

Равенна обмолвилась о том, что одиннадцать дней назад отбила этот фрегат у работорговки с юга, именно потому он и находился в таком плачевном состоянии. Она утверждала, что действовала по воле и прямому приказу Марны, который был передан ей от Провидца Гарданом, и после всего случившегося с ними за последнее время Лиара была готова в это поверить. Как иначе можно было объяснить тот факт, что наемник, служивший раньше Раде, теперь был юнгой на этом корабле у страстной рыжеволосой женщины, которая отважилась во время шторма таранить вражеский корабль? Это еще больше подкрепило уверенность в груди Лиары. Я знаю, Великая Мать, что ты устроила все именно так. И приказ Марны кораблям не покидать северное побережье тоже должен быть как-то связан с нами. Вот только как? Она все ломала и ломала себе голову над этим, глядя на то, как Кай заканчивает починку палубы, а ответа найти так и не могла.

Ильтонец закончил свою работу на корме и развернулся, чтобы шагнуть обратно на трап. Обступившие его со всех сторон моряки, не решающиеся подойти близко, шарахнулись назад, словно Кай угрожал им чем-то. Глаза у всех этих бывалых мужчин, видевших шторма и бури пострашнее самых жутких сказок, сейчас смотрели на ильтонца с первобытным ужасом. А Лиаре вдруг подумалось, как же это на самом деле странно. Все эти люди сталкивались с сокрушительной мощью природы и спокойно бросали ей вызов, преодолевая ее дурной нрав и жестокую волю. А вот увидев одно единственное живое существо, разумное и спокойное, которое было лишь проводником этой воли и ничем больше, разбегались в стороны, словно перепуганные котята. Казалось бы, безличное должно было пугать гораздо сильнее, чем то, что имеет лицо, как пугает людей темная ночь за красным кругом костра или лес, полный шорохов, звуков и незнакомой, дикой жизни. Так и гигантская волна, поднявшаяся до самого неба и разрушающая все на своем пути, уж точно была страшнее, чем один человек, владеющий силой, другим недоступной. Однако, на деле все обстояло иначе. Человек меряет мир лишь мерой своего эгоизма. И пугает его в чужой силе не сама она, а то, что можно сделать с ее помощью. Может быть, все дело в этом, — подумалось Лиаре, но тут ильтонец вскинул руки и негромко заговорил:

— Я не причиню вам вреда, люди. Меня зовут Каярди Вард, и я истинный жрец Церкви Молодых Богов. Вы можете не беспокоиться, вам ничто не угрожает.

— Но как... как вы это делаете? — отважился спросить какой-то худющий паренек с прыщавым носом, судя по всему, юнга, из числа окруживших ильтонца моряков. Кай взглянул на него, и паренек заробел и замолчал, а остальные матросы аккуратно отступили от него на шаг, словно своим вопросом он мог прогневать ильтонца.

— Боги дают силу для того, чтобы эта сила работала на благо людей, — спокойно отозвался Кай. — А я — лишь длань, с помощью которой они несут свою силу в мир.

Моряки только моргали в ответ абсолютно круглыми глазами, но уже не так шарахнулись прочь от ильтонца, когда он пошел вперед, направляясь к разломанной мачте.

Кай остановился посреди палубы и внимательно оглядел торчащий из нее обрубок.

Потом глаза его вновь полыхнули чернотой, и Лиара увидела, как жгуты энергий обвивают обломок, проникают внутрь него, охватывают со всех сторон.

— Это будет потяжелее, — рассеяно пробормотала она себе под нос, и стоящий моряк шарахнулся от нее прочь, заглянув ей в лицо.

Запоздало Лиара припомнила, что когда она выворачивала глаза, радужки начинали светиться серебром, а сейчас, в темноте, это было особенно заметно. Укорив себя, что не дело пугать людей, с которыми тебе еще много дней подряд предстоит находиться на одном корабле посреди открытого моря, Лиара вернула себе обычное зрение и продолжила наблюдать.

Некоторое время не происходило ровным счетом ничего. Кай стоял, глядя в пространство перед собой, и окружившие его матросы затаили дыхание, боясь издать даже звук и жадно пытаясь разглядеть, что же он делает. Зорким эльфийским глазам Лиары была видна испарина, появившаяся на лбу ильтонца. Да и немудрено: он работал одновременно с таким количеством потоков, с которыми не справился бы никакой человеческий жрец из числа истинных. Хоть своими глазами Лиара их никогда не видела, однако, много слышала о том, что они могут, и способности ильтонца явно превышали возможности даже самых сильных из них. Интересно, это из-за его расовой принадлежности? Или он просто очень сильный ведун?

А потом вдруг внизу, где-то в подбрюшье корабля, послышался легкий щелчок, и обрубок мачты легко заскользил вверх, двигаясь плавно и непрерывно. По рядам матросов прокатился дружный вздох, а головы их задирались вместе с поднимающимся вверх обломком. Она полностью вышла из пазы, приподнялась еще немного, зависла горизонтально в воздухе и заскользила в сторону причала. Моряки с восхищением смотрели на то, как толстенная мачта медленно опускается на пристань, и только Лиара видела, как окаменело лицо ильтонца, пока он все это делал. Естественно, у любой силы были лимиты. Она только надеялась на то, что у него останется достаточно сил, чтобы установить центральную мачту вместо сломанной. В конце концов, это-то был только обрубок, и даже на него Кай затратил очень много сил, а сколько весила целая мачта, Лиара и знать не знала.

Только волновалась она зря. С огромным трудом, но через несколько часов, когда на Алькаранк уже опустилась совсем густая и тихая ночь, Кай, наконец, справился с задачей. Поднять и перетащить громадную мачту на корабль, установить ее в паз и укрепить со всех сторон, навесить на нее поперечины и укрепить каждую из них — это было непосильной ношей для любого ведуна, а ильтонец только сжал зубы, молчал и работал. И хоть другим не было видно, как тяжело ему это давалось, а Лиара прекрасно могла различить в темноте, как конвульсивно подрагивают жилы на его шее, как напряглась широкая спина, застыв, словно Кая била судорога. Когда работа была кончена, он лишь тихо выдохнул сквозь стиснутые зубы, отпустил Источник и тяжело уселся на ступеньки трапа на корму, извлекая из кармана аккуратно свернутый носовой платок и промокая им выступившую на лбу испарину.

К этому времени на палубе собралась уже вся команда. Сейчас все матросы выстроились вдоль палубы и рассматривали новую мачту, тихонько перешептываясь друг с другом и качая головами, будто не верили в то, что только что произошло. Приличная толпа зрителей собралась и на причале, возле которого стояла «Блудница», и даже несмотря на поздний час, никто из них не расходился по домам, ожидая развязки.

На палубе был и Алеор, попыхивающий трубочкой, прислонившись к борту справа от Лиары, и Улыбашка, уже начавшая зеленеть, молчаливо сидящая в стороне на свернутых

канатах с болезненным видом. А впереди, недалеко от Кая, стояла Равенна, уперев кулаки в бедра и с широкой улыбкой на лице рассматривая только что установленную мачту. Когда ильтонец тяжело опустился на ступени, она покачала головой и резко развернулась к Алеору. В глазах ее горел неподдельный восторг:

— Я думала, вы изволите брехать, милорд, ан нет же! Стоит же мачта!

— Пусть это будет маленькой демонстрацией весомости моего слова, — холодно отозвался в ответ эльф. На Равенну он смотрел, почти что не мигая, и Лиара не могла понять по его взгляду, как он относится к рыжеволосой пиратке. Выдохнув облачко дыма, Алеор продолжил: — Теперь дело за вами.

— Мы управимся скоро! — Равенна повернулась к своим матросам и громко гаркнула: — А ну-ка, бакланы щипанные, живей, поднимайте свои телеса на мачту! Ставить паруса, крепить тали! Князь Ренон сдержал свое слово, и мы свое сдержим!

Лиара разглядела в числе моментально взявшихся за работу матросов и Гардана. Тот наверх мачты не спешил, но тоже подхватил скатку каната и направился следом за другими моряками к мачте. Он словно почувствовал ее взгляд и повернулся, внимательно посмотрев в ответ. Что же ты сделаешь здесь? — подумала Лиара, глядя, как он начинает разматывать свой канат по приказу высокого худого как палка мелонца, которого Равенна звала Вилемом. Пока еще у нее не представилось возможности порасспросить старого знакомого обо всем, что с ним произошло после того, как они распрощались в Латре. Но впереди их ждало еще несколько дней пути в море, и Лиара надеялась, что благоприятный момент представится.

Курящий рядом Алеор вновь выпустил облачко дыма и негромко позвал Равенну:

— Капитан? — она обернулась: хлестнули по плечам рыжие кудри, и первый мимолетный взгляд словно случайно скользнул по Лиаре. — Сколько времени займет установка парусов?

— Думаю, за пару часов уж точно управимся, милорд, — отозвалась Равенна, разворачиваясь и направляясь к ним. И опять у Лиары возникло ощущение, что смотрит она только на нее, а под тяжелым взглядом стало неудобно. Остановившись напротив эльфа и сложив руки на груди, Равенна добавила: — Так что, если вам будет угодно, мы сможем отплыть и до рассвета.

— Чем быстрее, тем лучше, — энергично кивнул Алеор, оттолкнулся от борта и позвал Лиару. — Пойдем-ка, потолкуем с Каем кое о чем.

Теперь Равенна уже действительно прямо посмотрела на нее, слегка раздвинув в улыбке красивые алые губы, и Лиара совсем ступсывалась, пряча глаза. Пиратка смотрела открыто, вызывающе, заглядывала прямо в ее душу, и ее кошачьи зрачки пытливо выискивали что-то внутри у Лиары. Этот взгляд чем-то походил на гадючий: он подчинял, заставляя повиноваться своей воле, не давая вырваться.

Не буду смотреть ей в глаза, решила Лиара, отворачиваясь от Равенны и спеша следом за широко шагающим в сторону ильтонца эльфом. Ей не нравилось, когда на нее так смотрели, совершенно точно не нравилось. Рада никогда не смотрела так. В глазах Рады была лишь теплая, легкая, как перышко, нежность, бережность, которой она окутывала Лиару со всех сторон, надежный покой, служивший опорой даже в самые тяжелые минуты. А не это сладко-острое, дурманящее чувство, похожее на стремление подчинить, лишить воли, опутать. Лиара вдруг вздрогнула, понимая, что что-то подобное видела совсем недавно в глазах болотной ведьмы Заины, вот точно так же глядящей на Раду. И инстинктивно погрузилась внутрь себя, прислушиваясь к энергиям: не была ли Равенна ведьмой? В ответ

ничто не шелохнулось, ночь была все так же спокойна, как и атмосфера вокруг них, дрожащая лишь возле усталого ильтона, да и то, только как остаточное после долгого использования энергии напряжение. Значит, здесь было что-то другое, и Лиара не была уверена в том, что хочет знать, что это.

— Аккуратнее с этой рыжей, — неожиданно едва слышно проговорил Алеор, обращаясь к ней, и Лиара вздрогнула, с удивлением взглянув на него. Эльф не смотрел на нее, но слова явно были адресованы именно ей. — Зазеваешься, и тебя разделают как сидрою козу. Так что держись поближе ко мне и Каю.

— Хорошо, — вконец растеряно пискнула Лиара, стараясь не отставать от его широких шагов.

Если уж даже эльф предупредил ее об опасности, то стоило прислушаться. Только вот Лиара все в толк взять не могла, почему именно к ней Равенна проявляет столь пристальное внимание. Разве я похожа на тех женщин, каких предпочитают такие, как она? Чем я вообще могла приглянуться ей? А зеленый взгляд все жег лопатки, и от этого хотелось спрятаться где-нибудь.

Ильтонец сидел на трапе, устало опершись локтями о колени и низко свесив голову. Лиара с удивлением заметила, что его нефритовые плечи слегка поблескивают, будто на них выступил пот, но такого же просто не могло быть, разве нет? При приближении Алеора Кай поднял голову и мотнул ей в сторону, сбрасывая с глаз длинные слегка вьющиеся каштановые пряди.

— Я знаю, что ты устал, друг, но я хочу попросить тебя еще кое о чем, — негромко проговорил Алеор, останавливаясь возле него и понижая голос так, чтобы никто из матросов, занятых работой, не смог расслышать его слова.

— Только в том случае, если это не связано с Источником, Алеор, — устало улыбнулся ильтонец. — Боюсь, сегодня мне уже даже свечку зажечь сил не хватит.

— Нет, это не связано с Источником, — покачал головой Алеор. Он взглянул и на Лиару тоже. — Я тут пораскинул мозгами, как бы нам остановить Сагаира...

— Кого? — нахмурилась Лиара, не узнав незнакомое имя. И Кай тоже заморгал, не понимая, что имел в виду эльф. Тот поморщился, еще раз оглянулся вокруг, проверяя, нет ли рядом лишних ушей, и уже совсем одними губами проговорил:

— Моего брата. Это он захватил Раду и тащит ее в Страну Мрака.

— Твоего... — ильтонец осекся, недоверчиво разглядывая Алеора, а Лиара все в толк не могла взять, о чем он говорит. Она никогда не слышала о том, что у Алеора был брат. Ни в одном сказании, ни в единой песне о нем об этом не упоминалось.

Сам же Алеор потемнел, и на щеках его заходили недовольные желваки.

— А откуда вам это знать? — ворчливо пробормотал он. — Я не говорил об этом ни одной живой душе, кроме Рады. И буквально на следующий же день после этого она и пропала. Так что просто поверьте моим словам.

— Но зачем твоему брату похищать Раду? — тихо спросила Лиара. Алеор засопел, словно раздраженный пес, и неохотно отозвался:

— Мой брат служит Сету. И он — единственный эльф, который когда-либо по своей воле присягал темному трону. Я много лет ищу его, чтобы убить, вот и он, похоже, точно так же ищет меня.

Лиара с тревогой взглянула на Алеора. Лицо у того было жестким, что холодный камень, а в глазах разливалась смерть. А еще в них дрожал какой-то лихорадочный блеск,

алчный и слегка бесноватый, чересчур похожий на то, как проявлялось проклятье крови Стальвов в его жилах. Проклятье...

— Кану Защитница! — выдохнула Лиара, внезапно чувствуя себя так, словно ее ледяной водой окатили. — Подожди! Так есть второй Тва...

— Да! — резко прервал ее Алеор, бросая на нее полные ярости взгляды и предостерегающе указывая глазами ей за спину. Лиара осеклась на полуслове, услышав только приглушенный вздох Кая, который тоже смотрел на эльфа широко раскрытыми глазами. — Да, — уже тише повторил Алеор, — есть второй, и он на службе у Сета. Именно поэтому я не слишком-то часто рассказываю о своей биографии и родственных узах всем подряд. И именно поэтому часть историй обо мне такая кровавая, а меня в тех местах даже и близко не было. Так что ведите себя потише и послушайте, что я вам скажу.

А Лиара все никак не могла оправиться от шока. Выходило, что не все песни о зверствах Тваугебира были посвящены именно Алеору. И что именно его брат делал все те ужасающие вещи, про которые она столько всего читала и слышала. И Алеор даже не мог отмыться от дурной славы и рассказать другим, что не он совершил все эти зверства, а тот, другой, его родной брат. Но почему? Лиара смотрела на эльфа, пытаясь понять его, но видела лишь упрямую складку бровей и яростный огонек на дне льдисто-синих глаз. Почему ты не расскажешь всем, что не ты все это делал? Что это твой брат — чудовище, а не ты сам? Ответ напрашивался сам собой, и Лиара вдруг ощутила глухую, щемящую тоску, сухую злость загнанного в угол зверя. А кто поверит-то ему? Тебе верили, когда ты говорила, что не крала? Обвинить гораздо легче, чем оправдать, и когда правит беззаконие, даже если ты оправдан — никто тебе не поверит впредь.

— Сагаир силен, он прекрасно знает это, а потому не будет особенно таиться, — быстро и тихо заговорил Алеор. — К тому же, он уже знает, что пиратские капитаны дали слово не покидать северное побережье, а потому поплывет спокойно, не ожидая нападения. Возможно, он будет ждать погони и меня, но он никогда не считал меня особенно серьезной угрозой, потому нагоним мы его достаточно быстро, с этим проблем не будет. Вот только вряд ли мы сможем с ним справиться.

— Он настолько силен? — удивленно вскинул брови Кай.

Лиаре тоже не верилось. Она своими глазами видела, что творил Тваугебир, да и ильтонец всего какие-то несколько минут назад наглядно продемонстрировал, на что он способен. Не говоря уже о силе Великой Матери, которую та щедро посылала Лиаре, помогая той в самые трудные и страшные моменты ее жизни. А сейчас был именно такой момент: Рада значила для нее гораздо больше, чем ее собственная жизнь, а значит, Великая Мать обязательно должна была заступиться. И все же, несмотря на все это, Алеор колебался, хмурия брови и то и дело бросая вороватые взгляды через плечо, на команду Равенны.

Наконец, он все-таки помялся и нехотя проговорил:

— Он достаточно силен, чтобы даже втроем у нас был риск упустить его. Особенно, учитывая тот факт, что Тваугебир вырвался недавно, и призвать его вновь я смогу лишь в крайне тяжелых условиях, до которых вряд ли дойду в ближайшие дни, да и во время битвы тоже. Но я слишком много лет искал эту гадину и не упущу ее на этот раз, — в глазах его загорелось упрямство. — Правда, у нас есть преимущество: пиратские капитаны. Если все они выйдут в море и растянутся цепью, встав на пути у Сагаира, он не сможет уйти. В таком случае — нет.

— Но как нам заставить пиратские корабли выйти в море и встать на пути у одного

единственного корабля? — тревожно взглянула на него Лиара, а Алеор вместо того, чтобы отвечать ей, посмотрел на Кая. Ильтонец вздохнул и тяжело кивнул:

— Я передам приказ, Алеор. По всем церквям и приходам северного побережья настолько быстро, насколько только могут летать птицы. Мне не слишком хотелось бы этого, но я это сделаю.

— Спасибо тебе, Кай, — в голосе Алеора прозвучала искренняя благодарность, и Лиару удивило это. Ведь ильтонец был истинным жрецом, да, сильным истинным жрецом, но не одним из иерархов Церкви, как же тогда он мог командовать другими жрецами? Что-то здесь было не так, слишком уж серьезно смотрел на него эльф. — И скажи еще им вытянуться цепью в видимости друг друга и плыть на запад, навстречу кораблю Сагаира. Мы возьмем его в клещи, и эта тварь больше не сбежит.

— Я понял тебя, Алеор, — прикрыл глаза ильтонец, оперся нефритовой рукой о доски палубы и тяжело поднялся на ноги. Лиаре пришлось задира́ть голову, чтобы смотреть в его лицо. Под глазами у ильтонца залегли темные круги, но вид был решительным. — Я пойду прямо сейчас, пока матросы ставят паруса. Сделаю все, что смогу.

— Спасибо, Кай, — еще раз повторил эльф.

Ильтонец только кивнул и направился в сторону сходней, тяжело ступая и расправляя плечи, словно шел на битву. Лиара взглянула на Алеора и осторожно спросила, не зная, ее это дело или нет:

— А почему он так не хочет обращаться за помощью Церкви? Ведь он жрец. Я понимаю, что это не мое дело, но...

— Кай не просто жрец, — отозвался Алеор, хмурясь и глядя вслед уходящему ильтонцу. — Кай — второй по силе истинный жрец Латайи, он возглавляет всех жрецов Черной Руки своей страны. А Церковь Латайи находится в напряженных отношениях с Великим Жрецом всей Церкви Молодых Богов. Видишь ли, ильтонцы не видят смысла в том, чтобы вылавливать по деревням людских ведунов и ведьм, что пользуют травами и призывают Теней. Они считают, что всякая сила идет от Богов, а потому и не людям запрещать ее и наказывать за ее использование. Из-за того, что путь в Ильтонию не близкий, Великий Жрец не в состоянии контролировать Церковь ильтонцев так же, как и побег человеческих ведунов, которые селятся на юге и могут спокойно жить там, не притесняемые никем. Так продолжается уже несколько веков, а потому и ведьм с ведунами на юге собралось порядочно, что знатно пугает Великого Жреца и создает угрозу его авторитету, — эльф усмехнулся. — А Кай, к тому же, на последнем Совете Земель, который периодически проводит Церковь, выступил с докладом и объявил, что Латайя становится регионом, где создается что-то вроде школы для тех человеческих ведунов, которые хотят учиться управлять Тенями, и безопасность этой организации и всех ее учеников будет обеспечивать Церковь Ильтонии. Естественно, что Великому Жрецу это очень сильно не понравилось. А самое поганое для него в том, что он даже не может отлучить Кая от Церкви, ведь тот сильнейший черный жрец Латайи и в своем подчинении имеет сотни ильтонских ведунов. С того Совета прошло уже пятнадцать лет, а отношения у них так и не наладились. И по хорошему, у Кая есть негласный запрет от Великого Жреца на посещение Лонтрона без достаточно весомой причины и тем более — на какую-либо деятельность в его пределах, так же, как и в других человеческих государствах. А учитывая, что наш поход за Семь Преград не является официальным предприятием Церкви, то и повод для пребывания Кая в Алькаранке считается весьма сомнительным. — Алеор вздохнул и покачал головой. — Короче говоря, у

него будут очень большие неприятности, как только он использует свой титул первого жреца Черной Руки Латайи, чтобы призвать пиратских капитанов перекрыть море. Это осложнит и без того поганые отношения между Церквями, а заодно скажется и лично на Кае. Я не хотел, чтобы так вышло, и никогда не попросил бы его о помощи, но ты сама понимаешь, что сейчас у нас выхода просто нет.

— Это не твоя вина, Алеор, — Лиара взглянула на эльфа, чувствуя, как тяжелая грусть ложится на сердце. — Не ты заварил всю эту кашу.

— Нет, — кивнул эльф и вдруг громко усмехнулся. — Всю эту кашу заварила наша дорогая Эталах! И как только я ее верну, мало ей не покажется, уж поверь! — он тяжело покачал головой, вновь становясь серьезным. — Что же такого в этой проклятущей золотоволосой бабе, что из-за нее поднялось столько шума? Все никак в толк не возьму, и чего она так сдалась Сагаиру? И уж тем более, Марне.

Лиара промолчала, чувствуя горькую тяжелую вину. Она так боялась, что окажется Аватарой, и что вся эта погоня, все эти неприятности преследуют друзей только из-за нее. И в тайне молилась, чтобы это было не так, чтобы Марны не сплели ей такой судьбы, и чтобы из-за нее не страдали ее друзья, обретенные с таким трудом после долгих лет одиночества. И вот домолилась. Все ли слова наши ты слышишь, Великая Мать? Все ли глупости наши исполняешь в назидание нам, чтобы мы не просили у тебя дурного и злого? И сколько еще раз мои близкие будут платить за мою собственную глупость, когда я обращаюсь к тебе и прошу убереечь меня от бед по трусости своей?

— Ладно, Светозарная, давай-ка, выше нос, — она вздрогнула, когда тяжелая рука Алеора легла ей на плечо. Это было так странно и неожиданно: раньше эльф никогда не говорил с ней таким тоном, в котором звучала почти отеческая забота. — Сейчас поможешь мне погрузить на борт лошадей: вряд ли, когда мы отобьем Раду, у нас будет время заходить в порты. Сразу же на запад и пойдём, а лошади там понадобятся. А заодно уберегу тебя с глаз нашей хищной кошечки капитана, пока она не загребла тебя к себе в каюту своей когтистой лапкой. Думаю, что ничего страшного от этого с тобой не случится, однако, зачем нам потом лишние проблемы с Радой, правда?

Он что, тоже понял?! Лиара бросила на эльфа дикий взгляд, и ответом ей были смеющиеся синие глаза. Только вот алый огонек ярости из них так никуда и не делся, и это каким-то образом приободрило ее. Даже против другого Тваугебира, даже зная, что тот сильнее, Алеор не собирался сдаваться. И они обязательно отобьют Раду, чего бы это ни стоило. Я не отдам тебя никому, мое обжигающее пламя. Только подожди еще немного, и мы освободим тебя! Только вот краска смущения все равно залила щеки, и Лиара, потупив глаза, побрела следом за Алеором вниз, на пристань, к их лошадям, гадая о том, знает он о них с Радой или все-таки нет.

===== Глава 43. Песнь над морем =====

Путешествие на корабле оказалось вовсе не таким, как представляла его себе Лиара. Казалось бы, чего проще? Сиди себе на палубе да жди, пока здоровенная посуда, гонимая ветрами, не достигнет необходимого тебе места назначения. Однако на деле все обстояло совсем не так просто.

Первой проблемой стала Улыбашка. Она сдержала свое слово и сразу же, как только корабль поднял якорь и отчалил от пристани, ушла на корму, влезла на скатку канатов, чтобы достать до борта, перегнулась через него и принялась изрыгать из себя все съеденное ей за последнее время. Делала это Улыбашка громко и от всей души, а изможденный

установкой мачты и ремонтом корабля Кай никак не мог ей помочь при помощи Источника, и потому уже очень скоро и сама Лиара начала ощущать подкатившую к горлу тошноту. В ее случае все, конечно, было не настолько плохо, как у Улыбашки, но находиться на верхней палубе она не могла, а потому спустилась в каюту моряков, надеясь притулиться где-нибудь в уголке и уйти в грезы. Только и здесь места ей не нашлось. Застарелая вонь человеческого пота и немых тел буквально въелась в доски, которыми изнутри были обшиты борта корабля, а к этому добавлялся и дружный храп тех матросов, что отсыпались после дневной смены работы, громкий, будто ржавая пила, вгрызающаяся в сырое дерево. Да и качка здесь ощущалась сильнее: наверху можно было хоть через борт на волны смотреть, отчего становилось легче, здесь же сквозь закопченные, заляпанные и тысячу лет немые круглые окошки в стенах не было видно ничего.

В итоге Лиара промучилась от тошноты всю ночь, сжавшись в комочек на носу корабля, дрожа от холодного пронзительного ветра под своим шерстяным плащом. Смежить глаза и раствориться в теплой черноте с золотыми искорками без звуков и движения у нее так и не получилось, а потому к утру голова разболелась, а в горле стало горячо и сухо. Хвала Богам, Кай за это время смог отоспаться и вернуть себе хотя бы часть сил, и сразу же, как проснулся, подлечил Улыбашку, и та прекратила перевешиваться за борт и замертво уснула на тех же канатах, где до этого кормила рыб. Так что на корабле стало чуть потише, а самой Лиаре — полегче.

Второй проблемой оказалась стряпня. То, чем подчевал матросов и пассажиров корабельный кок Вакита, назвать едой язык не поворачивался даже у Лиары и даже при том, что она всю жизнь прожила в приюте, довольствуясь не самой свежей и не самой вкусной пищей, которой кормили найденьшей. В итоге уже после обеда помощь Кая понадобилась ей, потому что живот начало немилосердно резать, а тошнота подкатила к горлу уже по-настоящему, не давая думать ни о чем другом.

Третьим препятствием была скорость. Словно сами небеса ополчились против них, не позволяя быстро догнать Раду. Восточные ветра, что раньше так радовали Лиару, воображающую, как они несут ее все дальше и дальше от дома навстречу приключениям и совершенно новой жизни, теперь били им прямо в нос, и матросам приходилось постоянно поворачивать паруса, ловя воздушные потоки, чтобы хоть как-то продвигаться вперед. Равенна выбивалась из сил, во всю глотку погоня моряков и то и дело сама влезая на мачты, но пока что побороть ветра и заставить их служить себе ей никак не удавалось.

Лиаре казалось, что корабль вообще не двигается, застряв на месте и качаясь на волнах, и от этого сердце болезненно сжималось. Они должны были как можно скорее догнать Раду, а не стоять на месте, едва отплыв от Алькаранка. Радовало только одно: скорее всего, у Сагаира были те же самые трудности, а, значит, он не выигрывал у них по времени больше тех часов, что уже успел присвоить, отплыв гораздо раньше них.

Ее мысли то и дело обращались к тому, что у Алеора, оказывается, был брат, и Лиара все думала, каково это: когда твой единокровный родственник оборачивается против тебя и всего мира в лютой ненависти, примыкая к твоему врагу. А еще о том, что Алеор назвал его достаточно сильным, чтобы составлять реальную угрозу. Глаза ее все шарили и шарили по зыбчатой морской дали, на которой не было видно ни единой черной точки, похожей на корабль второго Тваугебира. И Лиара тщательно перебирала все свои воспоминания, каждое сказанное Радой слово, стараясь понять, почему же именно на нее была нацелена вся ненависть Сета, такая яростная, что он послал за ней одного из лучших своих людей. И

никак не могла.

Но самой большой проблемой всего этого плавания стала молодая пиратка, благодаря которой они и отправились в путь. Казалось, проблем у нее было по горло, как и дел, которые нужно было сделать, и Равенна только и делала, что управляла кораблем, помогала матросам и работала с ними на равных, не жалея сил. Да вот только даже сидя на носу, как можно дальше от нее, завернувшись с головой в шерстяной плед и отвернувшись спиной от палубы, Лиара все равно чувствовала ее взгляд: голодный, тяжелый, горячий взгляд хищника, наметившего жертву. И этот взгляд не нравился ей.

Он походил не только на то жадное пламя, что плескалось в глазах Заины, когда она заманивала Раду в свой дом и опаивала ее своей так называемой брагой. Лиара вспомнила и другие случаи, когда на нее смотрели также. Даврам Натар из таверны «Домик у дороги», что позволял ей выступать в своем заведении, когда она еще жила в Деране. Заезжие купцы, чьи липкие взгляды подолгу задерживались на ней. Тот человек из каравана гномьего купца, что гнался за ней по лесу и погиб в результате из-за того, что она не сдержала свою силу и вынуждена была противостоять ему. Эти взгляды оставляли на ее памяти ожоги: горячие, саднящие, не до конца зажившие ожоги, заставляющие ее саму сжиматься в комочек и пытаться спрятаться от чужих глаз, укрыться где-нибудь, где никто не будет желать ее. И теперь также смотрела Равенна.

И почему только люди смотрят друг на друга именно так? Откуда этот голод, эта жажда, это подавляющее волю и парализующее тело желание в их глазах? Ведь оно превращает их в зверей, теряющих разум и начинающих делать ужасающие вещи! Лиара поежилась, плотнее укрывая свои плечи пледом. Слепое стремление обладать, желание сожрать, присвоить, подмять под себя и выпить целиком. Ей по глупости почему-то казалось, что женщины в этом плане безопаснее мужчин, и что в их обществе она может чувствовать себя защищенной. Вот только горячий взгляд пиратки скользил по ее спине, словно ладонь, ненужный, непрошенный, чужой, и Лиара чувствовала себя куском мяса, выставленным на прилавке, продажной девкой из дешевого борделя, но никак не желанной и нужной, как это было, когда смотрела Рада. В твоих глазах мне тихо, словно в колыбели. В твоих глазах мне надежно и тепло. Я знаю, что ты никогда не обидишь меня, что никогда не причинишь мне вреда, и вижу ту бережность, ту потрясающую мягкость твоих сильных, привычных к мечу рук, которой ты окружаешь меня и защищаешь от всего мира. И я не променяю это ни на что иное, что только есть во всем мире.

— Не желает ли миледи перейти в каюту? — послышался за ее спиной бархатистый мурлыкающий голос Равенны. Лиара вздрогнула всем телом от неожиданности и обернулась через плечо. Равенна стояла рядом, сложив на груди руки и выпрямившись, и в глазах ее бродила медовая улыбка. — В течение всего дня она пустует, и там есть хорошая кровать, гораздо лучше, чем все эти гамаки в трюме, на которой вы смогли бы хорошо отдохнуть.

Предложение было высказано самым спокойным и невинным тоном, но Лиару вновь обожгло, словно кто по лицу хлыстом хлестнул. И вроде и пиратка была хороша: красивая, опасная, молодая и горячая, как огонь, а только при одной мысли о ней все внутри Лиары болезненно сжималось.

— Благодарю вас, мне ничего не нужно, — пробормотала она, поспешно отворачиваясь и утыкаясь взглядом в свои ладони, конвульсивно стиснувшие края пледа, что укрывал ее, создавая хлипкую стену между ней и Равенной.

Лиара надеялась, что на этом их разговор и завершится, только пиратка, судя по всему,

и не собиралась уходить. Послышались негромкие шаги, Равенна привалилась спиной к борту справа от Лиары, опершись об него локтями и позволяя ветру свободно рассыпать ее густые алые кудри. Белая рубашка только подчеркивала ее дочерна загорелую кожу, длинную красивую шею, сильную линию скул. Ярко-синий кушак перетягивал ее талию, а черные штаны облегли ноги, выставляя напоказ молодое поджарое тело, в котором не было ни капли жира, лишь живая сила, упругая энергия дышащей жизни. Вот только она была так же чужда Лиаре, как и ярость, застывшая в глазах Алеора, или холодное презрение, с которыми обычно смотрели друг на друга люди. Может быть, дело во мне? — на миг задумалась она, глядя на спокойную морскую гладь, медленно перекатывающиеся стальные волны с белыми шапками пены. Может быть, мне просто не хочется всего того, что хочется другим? Может быть, это все — свойства моей эльфийской крови? Только вот внутри билось и пульсировало что-то живое, что-то мягкое и нежное, словно щенок начинающее улыбаться и скулить от счастья, подпрыгивая на месте, когда на Лиару обращались теплые синие глаза Рады. Глаза, в которых золотыми облаками переливалась нежность.

— Какую странную компанию вы выбрали для путешествия, миледи, — обратилась к ней Равенна, щуря глаза, будто пригревшаяся у камина кошка. Зрачки у нее были тоже совсем кошачьи: большие и темные, гипнотизирующие. — Ильтонский ведун, гномиханнаемница, Тваугебир. И Рада Черный Ветер, которую вы все собираетесь догнать. Это ваша судьба столь любопытна, или всем бессмертным Марны плетут особую Нить?

Вопрос был задан легким тоном, но за ним крылся подвох, и Лиара чувствовала его каждой клеточкой своего тела. Что бы она ни ответила, пиратка все равно вывернет это в свою пользу. Если не для того, чтобы получить саму Лиару, то для того, чтобы извлечь всю возможную выгоду из ее слов. Лиаре вспомнились слова Алеора о том, что они не должны доверять ни единой живой душе, и то, как украли Раду. Ведь она тоже, скорее всего, не ждала этого, раз по своей воле пошла вместе с эльфом, который потом пленил ее и увез на восток. Алеор уже сказал Равенне все, что ей нужно знать о нашем путешествии. А он уж точно лучше меня знает, кому можно доверять, а кому нет.

— Я не благородных кровей, а потому называть меня «миледи» смысла нет, — набравшись храбрости, она подняла голову и спокойно взглянула в лицо Равенны. Тень удивления промелькнула в глазах той, моментально сменившись все тем же обычным прищуром. — Что же касается моей судьбы, то она ничем не лучше и не хуже судеб всех остальных бессмертных, которые плетут Единоглазые Марны. Все происходит по их воле в этом мире, и не нам размышлять об этом.

Лиара постаралась, чтобы ее голос звучал никак: ни холодным, ни гневным, ни извиняющимся, вообще никаким. Обидь пиратку — наживешь врага, оттолкни — ей захочется еще больше, а будешь вежливой — не отвяжешься никогда. Лиара помнила глаза того человека, что гнался за ней через лесную чащу, помнила, почему так случилось.

... Пыльная дорога, караван, усталые люди верхом на лошадях. Пыль на платье и лице, глаза чешутся от нее, и Лиара то и дело проводит рукой по лицу, чтобы хоть как-то снять зуд. Ей не страшно: люди говорят с ней, они спокойны, и она отвечает им. Ощущение чужого взгляда, тяжелого, требовательного. Она не хочет оборачиваться, что-то внутри нее знает, что смотреть в ответ нельзя. А внутри начинает расти напряжение, и ей приходится, буквально через силу, вскинуть глаза и поймать чужой взгляд. И в этот миг захлопываются дверцы капкана.

Она много думала потом, как это получилось, сжавшись в комочек в корнях старого

дерева, обхватив себя руками и всхлипывая. Она не хотела никого убивать, не хотела никому зла, и знала, что если бы тогда не обернулась, не поймала тот взгляд, люди проехали бы мимо. Люди ничем не отличаются от стаи собак. Пока ты спокоен, стая пройдет стороной, и не заметив тебя, но стоит тебе испугаться, все они моментально набросятся. С тех пор Лиара приказала себе не реагировать ни на что, не смотреть никому в глаза, не пререкаться и не спорить, а просто уходить, избегая неприятностей. И сразу же нарушила все свои обещания, познакомившись с Радой и став ее спутницей. Внутри разлилось приятное тепло. Об этом-то как раз я и не жалею. Теперь все иначе, с тобой все иначе.

И сейчас тон Лиары подействовал. Пиратка моргнула, разглядывая ее и слегка поутихнув. Во всяком случае, бешеный натиск ее желаний, обрушивающийся на Лиару как водопад, стал меньше, легче, потерял интенсивность. Но так просто Равенна тоже сдаваться не собиралась. Быстро зацепившись за то, что ей и хотелось услышать в ответе Лиары, она спросила:

— Так как же тогда вас зовут? Нам же надо как-то разговаривать, пока мы с вами, сударыня, на одном корабле в открытом море.

Возможно, Лиара и купилась бы на это, да вот только маленькая первая победа уже была одержана ей, и огонь пиратки слегка поутих. Если ее способ работал, значит, имело смысл использовать его и в дальнейшем, чтобы однажды он стал ее защитой, гораздо более надежной защитой, чем молнии с неба или открытая ненависть.

— Меня зовут Лиара. Что же касается разговоров, то я предпочитаю тишину.

Она смотрела на пиратку просто и открыто, без ненависти, без агрессии, без попытки защититься или оттолкнуть. И та внезапно заморгала, слегка сбитая с толку, а глаза ее совсем потухли, и тяжесть спала с плеч Лиары, позволив наконец-то спокойно вздохнуть. Сама же Равенна отлепилась от парапета и кивнула:

— Что ж, в таком случае, не буду вам мешать, Лиара.

Пиратка ушла, еще раз обернувшись и пристально взглянув на нее через плечо. А в груди у Лиары растеклось теплое удовлетворение. Она не питала иллюзий: Равенна была не из тех, кто отступал легко, но, все же, начало было положено. Если она смогла дать отпор один раз, то и потом могло получиться. Да, с женщинами, скорее всего, было проще договориться, они не были столь настойчивы, как мужчины, но и с ними была своя трудность: изворотливость, которой мужчины были, по большей части, начисто лишены. А это означало, что Равенна попробует снова, уже с другой стороны.

Только теперь у Лиары была ее первая маленькая победа, свернувшаяся калачиком в груди и довольно мурчащая, будто крохотный теплый кот. Я буду учиться, — твердо пообещала она себе, улыбаясь огромному морю вокруг и медленно летящим по небу облакам. Я научусь защищать себя так, чтобы не причинить никому боли. В конце концов, они ведь не виноваты в том, что хотят заполучить меня, как и я не виновата в том, что являюсь предметом их желаний. Но мне бы очень хотелось знать, Великая Мать, как так происходит? Почему людей захлестывает эта отупляющая жажда, превращающая их в зверей и лишаящая всего самого светлого, что есть в них? В чем причина этой жажды, и как с ней бороться? А волны лишь молчали, тихо перекатываясь и перекатываясь, вылизывая солеными языками борта корабля, и ветер тихонько насвистывал в снастях, ведь ему не было никакого дела до глупостей, что крутились в головах у живых.

Первый день на корабле тянулся невыносимо долго. Поначалу Лиаре казалось, что они догонят Радую совсем скоро, буквально в течение нескольких часов, но ветер и волны, и

пустой горизонт, на котором не было ничего, кроме бескрайнего моря, очень скоро убедили ее в обратном. Тянувшее чувство тревоги сменилось тупой усталостью, и Лиару грело лишь легкое прикосновение чего-то невообразимо нежного в груди. Словно кто-то тихонько шептал на ухо: «Не бойся, я здесь, с тобой, я не оставлю тебя».

Весь день, до самого вечера, она провела одна на носу корабля. Иногда ей приходилось подвинуться или отойти, чтобы не мешать матросам работать, но в целом, за исключением утреннего визита Равенны, ее никто не трогал. Алеор с Каем не поднимались с нижней палубы, а Улыбашка сладко спала на корме, оглашая корабль громким храпом и никак не реагируя на матросов, которые то и дело сновали мимо нее, занимаясь привычной для них работой.

Несколько раз Лиара видела и Гардана, который драил палубу или помогал более опытным матросам с парусами, но поговорить с ним у нее так и не получилось. Да она и не рвалась это делать: в конце концов, они с наемником едва знали друг друга, и не ей было выспрашивать о его делах. Даже несмотря на то, что именно он вез оказавшегося Провидцем Далана в Дер, и именно через него передавала свои приказы Марна. Лиаре подумалось, что его и без того целыми днями одолевают вопросами на эту тему, а она сама прекрасно знала, как тяжело объяснить человеку, никогда не чувствовавшему этого и изначально не верящему в саму возможность контакта между человеком и обитателями тонких миров, как приходит откровение и сила. Потому решила, что если наемник захочет поговорить, то придет сам, а она его своим вниманием донимать не будет.

Ближе к вечеру, когда солнце опустилось им за спины и зависло над самым краем моря, то и дело подглядывая рыжим глазом через затянувшие небо тяжелые облака, Улыбашка наконец-то проснулась. Позевывая и почесываясь, она побродила по кораблю, хмуро оглядывая матросов, приковыляла к Лиаре и решительно опустилась рядом с ней на палубу, поджав под себя короткие ноги.

— Вроде, попустило меня, — сообщила гномиха, подозрительно оглядывая корабельные снасти, так, словно те могли причинить ей какой-то вред или вновь вызвать тошноту. — А ты как все это распрекрасное путешествие переносишь?

— Да просто жду, — пожалала плечами Лиара, не зная, что ответить на этот вопрос. Ей было зябко и неуютно, но обществу Улыбашки она была рада. Первое удивление у Равенны прошло, и Лиара вновь начала чувствовать ее взгляд лопатками, а это означало, что не за горами вторая попытка пиратки познакомиться поближе. Оставалось надеяться, что присутствие рядом с Лиарой Улыбашки слегка поумерит ее пыл.

Улыбашка бросила на нее внимательный взгляд и нахмурила свои кустистые брови, отчего вид у нее стал слегка угрожающим. Лиара внезапно поняла, что так привыкла к ее шраму через щеку, что даже не обращает на него никакого внимания, в отличие от матросов, которые то и дело с опаской косились на гномиху.

— Да не переживай ты, догоним мы ее, — квадратная ладошка с толстыми короткими пальцами похлопала ее по плечу, и в этом жесте было что-то умиротворяюще теплое. — Сама же знаешь, какая каша тут заварилась со всеми пиратскими кораблями и прочим. И наш древолюб не упустит возможности подраться, тем более, с сильным противником, да и Раду не позволит никому забрать. Так что просто подожди, и совсем скоро мы их нагоним.

— Я жду, Улыбашка, — кивнула Лиара, улыбаясь гномихе. Лицо той слегка расслабилось, и она кивнула в ответ, а потом доверительно наклонилась к Лиаре, шепча громким хриплым шепотом:

— Кажись, сейчас тебе лучше несколько о других вещах думать. Я хоть и болезная, да не слепая. Эта драная кошка Равенна глаз с тебя не сводит с самой первой минуты, как увидела. А потому держись поближе ко мне, Светозарная. А то, когда мы вернем Раду, лишится наша пиратка всех своих острых зубок и коготков, а нам ведь еще обратно с ними плыть на запад.

Лиара только благодарно кивнула Улыбашке. Ей было так трепетно дорого, что друзья защищают ее, как могут, от навязчивого внимания капитанши «Блудницы». Вот видишь, теперь ты называешь их не спутниками, а друзьями. И все это подарила тебе Рада, взяв тебя на службу. Глаза вновь тревожно вернулись к горизонту, и дальше они с Улыбашкой сидели уже в тишине, рассматривая бесконечную зыбь.

Кое-как проглотив мерзейшую стряпню кока, сероватое месиво из рыбы и овощей, которое все здесь называли ужином, Лиара заколебалась, не зная, возвращаться ей на нос корабля или нет. Солнце уже закатилось за горизонт, и над морем моментально почернело, словно весь свет убрали из мира, оставив лишь тусклое сияние звезд да глаз луны, далекий и холодный. Матросы тоже закончили большую часть дневной работы, а море успокоилось, и ветер над ним практически улегся, что означало, что сейчас большая часть команды отправится спать. А сама Лиара останется на носу корабля практически одна, и вряд ли Равенна упустит свой шанс вновь поговорить с ней, чего ей так не хотелось.

Только вместо того, чтобы расходиться, команда собралась на палубе и расселась прямо вокруг центральной мачты, а какой-то светловолосый мужчина со смеющимися синими глазами достал свирель. Равенна, что тоже сейчас была здесь, откашлялась и картинно провозгласила, оглядывая всех и задерживаясь своим кошачьим прищуром на Лиаре:

— А сейчас наш дорогой Белгар исполнит несколько песен для наших гостей! Будьте милостивы и не судите его талант слишком строго. В детстве он пережил сильную травму головы, к которой добавились кривые от рождения руки и отсутствие слуха, но он очень старается, и мы относимся с понимаем к его проблемам!

Матросы дружно захохотали, а вместе с ними хрипло закаркала Улыбашка, хлопая себя ладонями по коленям. Бернардинец вскинул обе руки и округлил глаза, в притворном гневе глядя на пиратку.

— Ну не всем же быть столь умными и талантливymi, как ты, капитан! Только вот, я ни разу не видел, чтобы ты играла хоть на одном музыкальном инструменте. Да и голос у тебя, что у кошки бродячей по весне!

— Мои таланты лежат в несколько иной области, мой мальчик, с музыкой никак не связанной! — отозвалась Равенна, и ее насмешливый тяжелый взгляд вновь обратился к Лиаре, только на этот раз он не был уже таким мучительным, как поначалу. Лиара просто приказала себе не замечать этого и намерено не смотрела на пиратку. Сейчас это было уже не так сложно, хоть все равно некоторый дискомфорт причиняло.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, капитан, но проверять на себе не намерен! — хмыкнул Белгар, поднес к губам флейту и заиграл легкую плясовую мелодию.

Играл он не так уж и плохо, во всяком случае, морякам нравилось. Они дружно хлопали в ладоши и хриплыми лужеными глотками орали на разные голоса слова, путая мотив и куплеты, однако это нисколько никому не мешало.

Лиара знала почти все песни, которые играл светловолосый бернардинец, и тоже негромко подпевала. Рядом с ней сидела Улыбашка, во тьме противоположного борта пристроился с трубкой Алеор, и его холодные глаза пристально следили за всем происходящим, а это означало, что ничего плохого Лиаре Равенна не сделает. Так что она

слегка приободрилась, приказав себе не раскисать. Все равно быстрее они пока что двигаться просто не могли, да и бесконечно терзаться в одиночестве тоже смысла не имело. Все равно я думаю только о тебе в каждый миг своей жизни, и я знаю, что с тобой все хорошо. Великая Мать уберезет тебя, мое самое дорогое сокровище, укроет от всех бед и невзгод.

Потом в перерыве между песнями бернардинец опустил свою флейту, картинно раскланиваясь на хлопки остальных матросов и похлопывания по плечу, и его смеющиеся глаза взглянули прямо в лицо Лиаре.

— Я обратил внимание, миледи, что у вас с собой есть чехол для арфы, — заговорил он, и моряки затихли, с интересом повернувшись к Лиаре. Теперь на нее смотрели все, и она вновь почувствовала себя неуютно. А Белгар продолжил: — Я слышал, что эльфам нет равных в мастерстве игры на музыкальных инструментах, и что арфы поют в ваших руках так, как никогда не поют в руках смертных. Не согласитесь ли вы сыграть нам что-нибудь? Думается мне, что парни уже озверели от моих неумелых завываний.

— Это уж точно! — громко хохотнул сидящий рядом с ним бородатый детина, подтолкнув бернардинца в плечо.

Лиара заробела, опуская глаза и не зная, что ответить, но тут сидящая рядом Улыбашка отняла от губ пущенную по кругу флягу с ромом, довольно причмокнула и авторитетно заявила:

— Уж поверь мне, бернардинец, тебе захочется на мачте себя вздернуть, когда она заиграет! Потому что эта девочка — не просто какой-нибудь поганый менестрель из захудалого болота, набитого томно вздыхающими, глядящими на звезды древолюбями. Она — Светозарная, и с ее песнями не сравнится ничто в твоей жизни.

Лиара ощутила, что сейчас просто сгорит со стыда и провалится сквозь палубу. Щеки моментально вспыхнули, а внутри все задрожало, как кисель. Она надеялась только, что в приглушенном свете масляной лампы этого румянца никто не заметит, и думала о том, что вот сейчас-то совершенно точно готова удавить Улыбашку собственными руками за ее вечную похвальбу.

А матросы, наоборот, оживились, начав негромко и слегка неловко гомонить, прося ее сыграть что-то, и взгляд Равенны стал еще тяжелее и еще более тянущим. Только в глазах бернардинца загорелся огонек соперничества, и как бы он ни скрывал это, а недоверие проскользнуло в его голос:

— Ну что ж, тогда я вдвойне буду рад послушать Светозарную. Не часто выдается такая возможность.

Лиара просто окаменела, совершенно не зная, что ей делать и куда деться отсюда, а Улыбашка только подтолкнула ее локтем и заговорщически шепнула:

— Давай, светозарная! Сыграй им «Ветер перемен», убей их всех!

Ее маленькие черные глазки влажно поблескивали от выпитого рома, и Лиара поняла, что лишилась своей последней защиты. Да только делать было нечего: матросы просили, с интересом и любопытством глядя на нее, и Лиара, вздохнув, открыла футляр с арфой.

Поначалу было тяжело. Она слишком устала и извелась за эти дни, чтобы сразу же поднастроить арфу правильно, услышав и почувствовав внутри себя ее голос. На все это накладывалась тревога за Раду, нежелание быть в центре внимания, неприятное ощущение взгляда Равенны. Только когда пальцы привычно подкрутили колки и сами легли на струны, принявшись тихонько перебирать их, все это медленно отошло прочь. А еще Лиара

почувствовала взгляд Алеора и вскинула голову, глядя в ответ. Эльф стоял в стороне от шумного круга людей, в тени, в одиночестве, и смотрел на нее. И в его глазах была просьба, такая странная и неожиданная для этого нелюдимого, чурающегося других бессмертного, что Лиара улыбнулась ему. Наверное, мы все-таки подружимся, Тваугебир. Кажется, я наконец-то поняла тебя и хоть немного, но узнала. Ты ведь тоже тревожишься за нее и рвешь сердце, хоть и не показываешь этого. И за одно это я сыграю тебе то, что ты хочешь.

И пальцы побежали по струнам, а все остальное ушло прочь. Лиара закрыла глаза, отделяя себя от толпы матросов, от шума голосов, от этого корабля и даже от этого моря. Она зашагала туда, где рождалась музыка, туда, где в бескрайних высотах, в вечной тишине изначального, где еще не было мысли, не было жизни, не было формы, но было лишь стремление, стремление воплотиться и стать, стремление породить что-то, создать и облечь в форму. Там жила музыка, одна единственная пронзительная нота, богатая и полная, и все остальные звуки мира от песни жаворонка в рассветном небе до шума горного обвала были заключены в эту ноту, составляли ее, наполняли ее жизнью. Эта музыка плыла, величественная, мощная, огромная, плыла над миром и в нем, растекалась в каждом живом существе, наполняла его и заставляла петь вместе с собой. Эта музыка была необыкновенно простой, такой понятной, такой легкой, такой непосредственной, как белые лепестки ромашки, покачивающиеся под порывами летнего ветра посреди тонущего в солнечных лучах луга. Эта музыка заключала в себе все: и саму Лиару, и корабль, и матросов, и бескрайнее море, и Улыбашку с ее пьяными глазками, и Раду. Лиара улыбнулась, потянулась к ней навстречу всем сердцем, открывая себя нараспашку, будто окна с белыми занавесками, распахнутые первым порывом весеннего ветра. И Рада зазвенела в ней, запела, зазвучала тысячами золотых искорок, шумливыми горными реками, тихими туманами в глуши низин.

Расскажу я о том, как в старь
Собирала у моря янтарь
Синеглазая дева ветров,
Дочь скалистых пустых берегов.
Поднимая с замшелого дна,
Подносила ей в горсти волна
Россыпь рыжей сосновой смолы,
И, шипя, отступали валы.
В белой пене тонули ступни,
Шепот волн коротал ее дни,
Соль морскую в косу заплетал
Долетающий ветер со скал.
И однажды у самой воды
Углядела чужие следы:
То Богиня вышла из вод
Любоваться на солнца восход.
Дева ветра укрылась у скал,
Взгляд саму незнакомку искал.
Глядь: сидит на песке она,
И у ног ее дышит волна.
На плечах ее платье из трав,
А глаза зеленее дубрав,

Повернулась и смотрит в ответ,
А над морем пылает рассвет.
«Что же, дева ветров, дрожишь?
Али жизнью своей дорожишь?
Воровала у моря янтарь?
Беспокоила серую хмарь?
Вот теперь я пришла за тобой,
Возвратить, что похитил прибой.
Будет жизнь твоя — вечный полон
За янтарь, что ворован у волн».
Взволновалась холодная зыбь,
Царство сумерек, тиши и рыб,
И хлестнула волна на песок,
Затирая следы двух пар ног.
И с тех пор ветер плачет о том,
Как нашла его дочь новый дом
В тусклом блеске морских янтарей
У хозяйки штормов и морей.

Песня отзвучала, отзвенела, вылилась из самого сердца, и Лиара ощутила, как медленно тухнет горячий фитилек стремления в груди, а вместе с ним уходит странное ощущение громадных волн, перетекающих сквозь нее и несущихся в себе весь мир. Пальцы еще несколько раз тронули струны, нанизывая на них последние цветные камешки мелодии, такие же яркие, что тот янтарь, о котором пелось, и замерли над арфой.

А потом она открыла глаза и огляделась, словно пришла в себя после глубокого сна. Матросы, что сидели вокруг, смотрели на нее огромными глазами, и было так тихо, что можно было расслышать, как скользит по самой поверхности парусов утомившийся к ночи ветер.

— И правда, — Светозарная, — хрипло сказал бернардинец, нарушая такую звонкую тишину и откладывая в сторону свирель, которую все время держал в руках. Взгляд его был полон едва ли не священного благоговения и не отрывался от лица Лиары. — Что мне тут сказать? Права была Дочь Камня. По сравнению с таким даром мои завывания что пыль на ветру.

Лиара потупила глаза, когда все остальные матросы один за другим тоже возвращали себе дар речи и начинали наперебой расхваливать ее голос. И Улыбашка взглянула на нее с такой счастливой гордостью, будто Лиара была ей едва ли не родной дочерью, которую она все эти годы воспитывала и растила, уча играть на арфе и петь. В глазах Равенны тоже больше не было того тяжелого пылкого огня, что так мучил Лиару, а взгляд подернулся задумчивой пеленой, туманной дымкой. Пиратка склонила голову, благодаря ее за песню, тихонько поднялась и ускользнула куда-то за грань светового круга от масляной лампы. И Лиаре подумалось, что, наверное, больше у нее с Равенной проблем не будет. Во всяком случае, на этот раз ее по-настоящему проняло, и пришедшая откуда-то из межзвездной дали песня остудила ее пыл лучше, чем безразличие самой Лиары. Может быть потому, что это — искреннее? Не желание присвоить, не мучительная потребность овладеть, а искреннее раскрытие, которого люди боятся, как огня, и бегут прочь от него, не зная как себя вести?

Но настоящей наградой для Лиары стал взгляд Алеора. Он только кивнул из тени,

глубоко затягиваясь своей трубкой, кивнул так уверенно, словно ничего другого от нее не ожидал, и впервые за все это время она улыбнулась ему в ответ широко и искренне. Теперь Лиара по-настоящему знала: такой человек, как он, никогда не причинит ей ничего дурного.

Потом матросы просили ее сыграть еще, и она вновь взялась за арфу, исполняя как свои собственные песни, так и те, что любили и знали во всех городах Мелонии. Моряки подхватывали известный мотив, и хоть слова в зависимости от происхождения того или иного матроса слегка отличались, пели они все вместе, пели до тех пор, пока Лиара не почувствовала себя по-настоящему усталой. Тогда, извинившись, она убрала арфу в футляр и засобиралась на нижнюю палубу, чтобы улечься в гамаке и попытаться отдохнуть в оставшееся до рассвета время. А Белгар напоследок еще раз поблагодарил ее за песню и негромко спросил:

— Вы поиграете нам еще, Светозарная? И позволите ли мне выучить ваши песни? Я хотел бы петь их во всех городах, куда только занесет меня судьба. Потому что люди должны слышать это, они должны знать, что бывает так.

— Ну конечно поиграю, — вновь смутилась Лиара. Никогда и нигде ее еще ни разу так хорошо не принимали, и это было ей в новинку.

И это тоже подарила мне ты, женщина с глазами-искрами, полная ветра и свободная, как это море. Потому что если бы не ты, я никогда не пела бы так.

В этот вечер грезы пришли к ней легко и мягко, обхватив все тело и унеся ее в свой покой. Ей не мешали ни голоса дежуривших ночью на палубе моряков, ни храп соседей по нижней палубе, ни хрипкое бормотание и проклятия Улыбашки, которая сначала никак не могла вскарабкаться в гамак, а затем принялась ворочаться в нем с боку на бок, почем зря ругая корабли, моряков и моря. Так и прошел ее первый день на корабле: странный, длинный день, полный столь многого.

А дальше потянулись однообразные дни морского путешествия, не слишком богатые на события, довольно однообразные и тревожные. Лиара так и сидела на самом носу корабля, глядя вдаль и моля Великую Мать уберечь Раду. Никто не трогал ее больше, никто не тревожил, даже Равенна лишь сдержанно улыбалась, если их взгляды встречались, но разговаривать с ней или пытаться понравиться больше не пыталась. Иногда компанию ей составляла Улыбашка, почти сразу же начавшая вновь брюзжать про качку и проклятые волны, сводящие ее с ума. Иногда подходил постоять рядом Алеор, дымя трубкой, но не произнося ни слова, просто поддерживая ее своим присутствием и не навязывая общение.

Первые три дня Кай лежал ничком в гамаке на нижней палубе, едва не вываливаясь из него, потому что гамак для его огромного роста был слегка маловат, восстанавливал силы после ремонта корабля и копил их, чтобы дать бой брату Алеора и вырвать из его лап Раду. Только на четвертый день пути ильтонец вышел на палубу, уселся на юте, свесив ноги вниз, и глаза его вновь превратились в ночь. Лиара ощутила странное изменение в воздухе: ветра на миг замерли, прислушиваясь к чему-то неведомому, и невидимая рябь побежала по воздуху, заставляя их изменить направление. В следующий миг ветер, что без конца бил в нос их корабля, вдруг с силой толкнул Лиару в спину, и она едва не охнула, подавшись вперед.

— Все, Кай оправился, — с удовлетворением в голосе произнес стоящий рядом с ней Алеор. — Сейчас он развернет для нас ветра, и мы догоним Сагаира. — В глазах его заплясало плохо сдерживаемое ожидание, когда он повернулся к Лиаре и взглянул на нее. — Готовься, Светозарная. Моли свою Великую Мать, чтобы она послала тебе сил. Бой будет

трудным.

Лиара только кивнула, чувствуя, как тревога в груди превращается во что-то острое, холодное и твердое. Глаза ее вновь обратились вперед, на волны, но на этот раз внутри больше не было страха, только уверенность и стремление. Мы уже идем, Рада. Мы идем.

===== Глава 44. Разрезанный воздух =====

Нижняя губа саднила и кровила, и Рада то и дело слизывала выступающую на ней кровь. Эту кровь, по крайней мере, она остановить могла, в отличие от сукровицы, что текла и текла из разбитого и распухшего носа, который все время ныл, мешая спать. Болело все тело, превратившееся в один сплошной отбитый синяк, и по скрученным за спиной рукам то и дело пробегали судороги из-за плохо поступающей в пальцы крови.

Она уже и не знала, какой день подряд валяется в этом полутемном, затхлом помещении. Дни сменялись ночами, но для нее никакой разницы не было: лишь плеск волн, рычание с верхней палубы, да стах, что раз в день приносил ей еду и воду. Кормили ее не ахти как, к тому же, со связанными за спиной руками не особенно-то и поешь, но еда хотя бы была не тухлой. Кусок хлеба, миску с водой и несколько полосок солонины стах просто клал на край ее кровати и уходил, закрывая за собой дверь люка. И ей приходилось изворачиваться, стоя на коленях на полу, чтобы просто поесть.

Судя по всему, кормили они ее мало специально: сила быстро уходила из ее тела, словно ручейком вытекала сквозь камни. Может, действовала и гнетущая атмосфера самого судна, может, осознание того, что ждет ее впереди. Вот только если в первые дни Рада еще вставала, чтобы размять ноги и пройтись по каюте, где ее держали, а заодно оглядеться в поисках чего-нибудь, чем можно перерезать веревки на руках, то вскоре не могла уже даже подняться с топчана. Немилосердно кружилась голова, на коже появился горячий сухой зуд, она чувствовалась натянутой до предела, так, что еще чуть-чуть и начнет трескаться. Словно старая змеиная шкура, слишком чувствительная, чтобы даже просто лежать, да и сидеть было не менее погано.

Проклятый урод был прав, и ко мне подходит Тоска? — мрачновато думала Рада, глядя в темноту перед собой и слушая, как шумит где-то совсем рядом море. Волны бились о борт, шуршали и плескались, будто пытались процарапать к ней и выпустить ее из этого жуткого заключения, но они не могли этого сделать точно так же, как не могла она освободить собственные руки.

Гардан когда-то учил Раду выкручиваться из веревок. Этот прохвост был гибким, словно кот, и умудрялся таким образом скручивать свои здоровенные кулаки, что они пролезали даже сквозь самые тугие путы. У Рады в те времена с грехом пополам получалось лишь немного расшатать узлы, и, в конце концов, она просто бросила учиться, решив, что уж ей-то в жизни это точно не пригодится. Кто будет связывать жену Лорда Страны? Кто вообще сможет заломать ей руки? Дура самонадеянная! Если ты умеешь махать мечом, это еще не значит, что ты делаешь это лучше всех в мире! Или что нет того, кто может подкрасться со спины и лишит тебя этого меча, как и случилось, в общем-то. И теперь науку наемника приходилось вспоминать.

Целыми днями Рада, сжав зубы и глотая хриплые стоны, вращала запястьями в путах, игнорируя боль от стирающейся в кровь кожи, хруст в суставах, негнущиеся кости. Раз проклятый наемник мог выбраться из этих пут, то и она могла. Она даже пыталась поднять руки и продеть их через голову, но для этого нужно было вырвать плечи из суставов, и на это Рада уже способна не была, как ни крути. К тому же, стахи были далеко не дураки и

прекрасно знали, кого повязали. Так что тот, что кормил ее, периодически грубо переворачивал ее на живот и проверял путы. И стоило Раде их чуть-чуть ослабить, как она получала увесистый удар по затылку, и пока перед глазами мелькали красные круги, а тело было ватным и мягким, как желе, стах быстро перетягивал веревки, да так туго, что они врезались в мясо. Вот только как-то надо же было выбираться, так что как только перед глазами чуть-чуть прояснилось, а чувствительность возвращалась в тело, Рада вновь начинала крутить запястья в путах, подбадривая себя тем, что от выступившей крови они становятся скользкими, и скоро она сможет вытащить руки. И раз за разом все повторялось.

Сагаир после того первого разговора, когда ей каким-то чудом удалось отвадить его, некоторое время не приходил. Рада помнила то странное состояние, овладевшее ей, могучую тишину и покой, что обожгли брата, словно огонь, и вынудили ретироваться. Только вернуть это состояние ей уже не удавалось: целыми днями она только и делала, что упрямо крутила веревки и так же упрямо звала Великую Мать, но та молчала, будто ее и не было вовсе. И вот зачем тогда было мне оказывать помощь, если сейчас тебя нигде нет? Что толку в этой силе, если она приходит не тогда, когда мне нужно, а тогда, когда нужно тебе? Внутри ворочался гнев, подпитанный болью, усталостью, жжением во всем теле, и с каждым днем он рос все больше и больше.

Иногда боль становилась такой сильной, что бороться уже сил не было. Тогда Рада просто лежала, прикрыв глаза и перебирая в памяти, словно четки, самые драгоценные моменты, что были в ее жизни. Она вспоминала глаза Лиары: яркие, как солнце, полные весеннего тепла и мягкой нежности, ее смех, растекающийся по телу перезвоном колокольчиков на ветру, ее руки, тонкие пальцы, что скользили по струнам арфы, и та пела под ними так пронзительно сладко и нежно. Эти воспоминания согревали и прогоняли боль, они хоть немного отвлекали ее от всего того, что творилось вокруг. В такие моменты в груди мягко ёкало, и теплая нежность, странная, волнующая, золотая, разливалась в груди, придавая сил. А следом за ней приходил стах, кормил ее или проверял узлы, и все улетучивалось в дым, словно его и не было.

Я не отдам тебя им. Не отдам эти воспоминания. Это единственное настоящее, что было в моей жизни, и я не позволю Тоске забрать их. Рада упрямо стискивала зубы и продолжала выкручиваться из узлов. И это хрупкое равновесие между приступами бессильной злобы и жесточенности и тихими моментами нежности держалось до тех пор, пока Сагаир не пришел во второй раз.

Теперь уже Великой Матери не было с ней, и весь тот яд, что он лил ей в уши, змеей протиснулся-таки сквозь ребра и ужалил сердце. Гнев взметнулся алым языком костра к черному зимнему небу, и Рада попыталась ударить Сагаира, собрав все силы, что только были в ее ослабевшем, голодном, иссушенном странном жаром теле. Только из этого, естественно, так ничего и не вышло. Сагаир, казалось, только этого и ждал, чтобы отомстить за тот их первый разговор, когда ему не удалось убедить ее в своей правоте. Бил он хлестко, сухо и жестко, попадая именно в те места, что причиняют самую сильную боль, но так, чтобы не повредить ее здоровье. Продолжалось это недолго, но когда он ушел, Раде понадобилось еще как минимум четверть часа, чтобы перестать корчиться и скулить на полу, кое-как вползти обратно на топчан.

Боль подпитывала ярость, а ярость питала боль. Этому заколдованному кругу не было конца, и порой Рада впадала в какое-то лихорадочное состояние горячки, что-то среднее, между сном и явью, в котором ей мерещилось громадное огненное кольцо, вращающееся и

вращающееся по кругу в абсолютной черноте. Иногда в центре этого кольца возникало лицо смеющегося Сагаира, которое ей так хотелось разбить в кровь, и она бросалась на него с бессловесным рычанием. Только достать не могла, и от этого все мышцы деревенели в бессильной ненависти.

Потом она приходила в себя, словно выныривала из кошмарного сна, и тогда наступали моменты полного изнеможения и отупения. Рада изо всех сил цеплялась за глаза Лиары, вытаскивающие ее с самого дна этой бездны мхира, отчаянно тянулась к ней всей собой, и это приносило неустойчивый, колеблющийся покой, позволяющей ей дремать какое-то время. Дальше она вновь просыпалась, и вновь была боль в теле, темнота, сухая кожа и плеск волн. А еще все чаще к ней подползали, сворачиваясь гадюками у ее ног и угрожающе шипя, все те мысли, о которых думать вовсе не надо было.

Бессмертная жизнь, та самая жизнь, что ужасала ее своим невероятным сроком и скукой там, на берегу, среди людей, солнца, под взглядом ясных глаз ее искорки. И бессмертная жизнь, что ждала ее впереди: в подвалах сырой черной крепости в качестве свиноматки, что раз в год рождает Сагаиру очередного исковерканного ребенка, судьбой которого будет гниение во имя Сета. И лютый ужас поднимался из глубин ее существа, где что-то живое, нежное, только-только родившееся, надрывая глотку, кричало одно единственное слово: «нет!». Этот ужас перетряхивал все ее тело до самого основания, Рада покрывалась холодным потом сквозь пересохшую горячую кожу и вновь принималась крутить руки в запястьях. А следом за этим все повторялось вновь и вновь.

Когда Сагаир пришел в третий раз, Рада попыталась оставаться спокойной и не реагировать ни на одно его слово. Только в груди яростно болело и жгло, как бы она ни отбрасывала прочь от себя его лживые слова и предложения. И под конец она все-таки не сдержалась, отчего на лице брата появилось выражение искреннего удовлетворения. Следом вновь были его жесткие руки и поминутно взрывающиеся на теле красные цветки боли.

Он меня все равно не сломает. Рада сжала зубы, сразу же поморщившись: щеки были ободраны изнутри, а челюсть ныла, и невольное движение вызвало еще один приступ боли. Подышав, Рада расслабилась, позволяя боли отступить. Она знала, что справится и будет терпеть столько, сколько нужно. Она знала, что Алеор не остановится, как и Лиара, что они обязательно что-нибудь придумают, что они найдут способ вызволить ее. Это знание застряло в груди занозой, но оно куда-то девалось, почти что испарялось, пока сухие руки Сагаира били ее, методично и спокойно, как животное, которое нужно чему-то научить, чему оно учиться совершенно не хочет. Из ее раненой груди вырывался почти что крик, почти что мольба: Если ты есть, Великая Мать, почему же тогда ты позволяешь ТАКОМУ происходить в мире? Почему не прекратишь это? На память отдаленно и расплывчато приходили две огненных руки, в которых была заключена вся мощь мира. Эти руки могли сделать все: они двигали горы, они искривляли время, они заставляли солнца плясать между пальцев, словно шарики умелого жонглера. Так почему же сейчас их не было у Рады? Если твоя воля так сильна, если ты действительно правишь всем, так почему ты не помогаешь мне сейчас? Почему ты ничего не делаешь, когда так нужна мне?

Потом она приходила в себя и укоряла себя за эти слова. Искорка говорила ей, что нужно жить, нужно чувствовать, нужно открываться. Стискивая зубы, Рада упрямо открывалась, игнорируя боль, отталкивая ее прочь. Она открывалась через боль, она вынуждала свое тело стать мягким и пористым, как учила ее искорка, только там не было ничего, и ничто не отвечало ей. Что же это за сила, если я могу получить ее только на

залитой звездным светом полянке посреди тихого леса? Что же за мощь, вращающая миры, что приходит только тогда, когда у меня ничего не болит, когда я выспалась и хорошо поела? Разве такая сила может быть истинной? Разве это не обман?

Ложь Сагаира мешалась с болью и ненавистью, с ядом, что был в груди Рады, вокруг нее, и с каждым днем силы, чтобы противиться ей, становилось все меньше, а моменты отдыха, когда из глубины души смотрели глаза искорки, бледнели и отступали. Теперь уже искорка смотрела иначе: не с нежностью и теплом, а с сожалением и обидой, и Рада кричала ей, звала ее, отчаянно тянулась к ней и горько плакала, когда та отворачивалась и уходила. И просыпалась от тяжелой дремоты в своих путах, жар на коже становился еще сильнее, а разбитое тело болело так, словно на нем больше не было ни одного живого места.

Он не сломает меня. Эти слова, в конце концов, стали ее собственным заклятием, скороговоркой, которую она повторяла и повторяла сквозь зубы, отрицая все остальные слова, звуки и образы, приходящие извне. Она твердила это без конца, цепляясь за это, как за свою последнюю надежду, как за глаза Лиары, твердила до тех пор, пока он не пришел последний раз, решив осуществить то, ради чего, собственно, и захватил ее в плен.

Каким образом ей удалось вывернуться и ударить его, откуда взялись силы, Рада и сама сказать бы не смогла. Внутри не осталось ничего, кроме всепоглощающего животного ужаса, который заставил тело конвульсивно дернуться, а ее колено врезалось в самое уязвимое место. После этого на нее обрушился град ударов, но гораздо сильнее жгла не физическая боль, а лютая ненависть Сагаира, проходящая сквозь ее тело алыми жаркими волнами. После этого он ушел, так и не сделав того, зачем явился, а Рада кое-как свернулась калачиком, баюкая отбитое тело, без единой мысли, окутанная со всех сторон липким ужасом.

Вот только через этот ужас проступало что-то, раньше неведомое ей. Как росток, что проклюнулся в груди и начал быстро-быстро тянуться к солнцу, распуская лепестки во все стороны, увеличиваясь, завладевая ей. Странное чувство невыносимой, острой как лезвие ножа жизни, такое мощное, такое всеохватывающее, что от него дрожала каждая клеточка ее тела, трепыхалась как листок на штормовом ветру, заполненная этой жизнью до предела и готовая моментально лопнуть. И Рада широко открытыми глазами смотрела в темноту, глотая воздух разбитым ртом, всем своим телом глотая жизнь, интенсивную, дрожащую, мощную жизнь.

Не было больше ни страха, ни надежды, ни мыслей. Не было ее прошлого, не было Алеора, что спасет ее, не было даже Лиары, ее искорки, ее света, всегда горящего внутри реберной клетки. Была лишь эта огромная жизнь, громадный глаз с черным как ночь зрачком, всасывающий ее целиком, глядящий на нее с такой силой, что этот взгляд заставлял тело рассыпаться пылью на солнечном ветру, и каждая пылинка остро ощущала одно: свое существование. Это чувство не походило ни на что, когда-либо испытанное ею в жизни, ему не было слова, ему не было названия, но оно пронизывало насквозь, и Рада теряла себя в нем, растворяясь до капли. Истинное существование, которого она никогда не знала, жизнь без налета чего бы то ни было, жизнь обнаженная и полная, по сравнению с которой все меркло, все казалось пустым, лишь сухой оболочкой, лишенной цвета, крови и дыхания.

Рада облизнула разбитые губы, чувствуя во рту привкус собственной крови, и он сейчас показался ей самым сильным вкусом из всего, что она когда-либо пробовала. Ее тело жило, дышало, оно было настоящим и искренним, разомкнутым до последней клеточки, распахнутым настежь, словно двери громадного амбара. Оно немилосердно болело, и при этом оно наслаждалось, впитывало каждое ощущение, и в груди пульсировало одно

единственное: жизнь.

Медленно-медленно, словно кто-то вытягивал нитку из густого желе, с самого дна этой полной пустоты пришли глаза.

Это были глаза цвета штормового моря, цвета туманов в серое утро, цвета зимнего ветра над набегающей на прибрежные скалы волной. Рада задохнулась, глядя в них и видя их совершенно иначе теперь, видя не своими глазами, а всем телом, каждой его клеточкой. И вслед за ними пришла Любовь, бездонная, громадная, как океан, любовь, ощущаемая как физическое прикосновение. Грандиозная нежность мягкими волнами, густыми, как патока, горячими, как смола, стекла в Раду, напитав ее тело, как поит иссушенную землю долгожданный дождь, и глаза ее раскрылись еще шире, распахнулись без слов от бесконечного удивления и древнего, глубокого узнавания. Она знала это всегда, она чувствовала это всегда, и теперь она узнала это впервые. Я поняла, Великая Мать. Теперь — поняла.

А следом за этим наверху, на палубе, послышался громкий хриплый крик. Рада бездумно перевела пустой взгляд вверх, словно могла увидеть что-то сквозь темноту своей каморки и толстые доски палубного настила. По ним загрохотали сапоги, забегали, засуетились стахи. Послышался резкий голос Сагаира, но слов она разобрать не могла. Только ей и не нужно было слышать этих слов.

Рада рассмеялась, громко и весело, как ребенок, чувствуя горячие слезы облегчения, побежавшие по щекам. Никто не оставлял ее, никто не забывал о ней, никто никуда не уходил. Лишь ее ненависть и ярость, ее боль, ее желание бороться встали стеной между ней и тем, что лилось неостановимым потоком с самого начала времен, лилось в иссушенную засухой землю, в очерстевшие от безысходности сердца, в изможденные тела, молящие о пощаде. Только теперь она наконец-то перешагнула через все то, что мешало ей увидеть любящие руки и теплые глаза, хранящие ее с первой пульсации ее собственного сердца. Теперь я знаю тебя, Великая Мать. И ты пришла за мной с ее глазами.

Нос «Блудницы» с шумом вспарывал волны, взлетая высоко вверх в пене белых брызг. Паруса надулись мощными порывами ветра до предела, мачты трещали, а снасти стонали на ветру, и матросы карабкались по ним, будто худые, иссушенные ветрами поджарые коты, следя за тем, чтобы все это не развалилось на части от напряжения.

А глаза Лиары не отрывались от горизонта, пальцы до боли стиснули край борта корабля, и море щедро плевалось ей в лицо шипящей белой пеной. Впереди, на самом горизонте, показался парус, и за одно биение сердца она уже знала, что это за корабль.

— Догоняем! — прорычал рядом Алеор, и в голосе его было столько силы, что Лиара не смогла не посмотреть на него.

Что-то бешеное было сейчас в лице эльфа: черты исказились, губы подрагивали, ощерившись и обнажив клыки, глаза горели двумя головнями в центре костра, полные жажды и невыносимого стремления. Даже когда он вот-вот должен был превратиться в Тваугебира, в его лице Лиара не видела такого напряжения. И сейчас эльф трепетал, как туго натянутая тетива, он ждал драки, которая и была единственным смыслом его жизни.

— Догоняем?! — надтреснутым голосом просипела Улыбашка. Она металась вдоль борта, словно щенок, то и дело подпрыгивая на месте и пытаясь заглянуть за край и увидеть хоть что-то впереди, но ее роста на это явно не хватало. — Далеко еще? Сколько нам осталось?

— При таком ветре максимум час, — сообщил Кай. Его голос был спокойным и

собранным, а глаза черны, будто ночь. Ильтонец тоже был здесь, на носу корабля, и невидимые для всех, кроме Лиары и Алеора, толстые жгуты черной энергии тянулись от него, как щупальца, к полным ветра парусам. — Я бы мог увеличить интенсивность потоков, но тогда мачты не выдержат.

Лиара вновь бросила взгляд на слегка стонущие и потрескивающие мачты. Сейчас они тоже выглядели напряженными, почти звенящими, готовыми в любой миг лопнуть, как сухие тростинки. Но Кай знал, что делает, и никогда не допустил бы хотя бы на волос большей нагрузки на древесину, чем необходимо.

— Улыбашка, — в голосе Алеора kloкотало плохо сдерживаемое рычание. — Иди, скажи Равенне, чтобы готовилась к бою. Он будет тяжелым.

— А почему я? — обиженно заворчала гномиха. — Сам бы взял, да и сходил, авось, ноги-то есть!

— Потому что ты все равно ничего не делаешь, — отозвался Алеор. — Да и не видно тебе ничего, так что и терять нечего.

— Будто ты что-то делаешь, древолуб проклятый! — недовольно буркнула гномиха, но все-таки заковыляла на корму, причем даже ее спина выражала раздражение и несогласие.

Взгляд Лиары скользнул дальше, на корму, где рулевое весло уверенно держала рыжеволосая пиратка. Она тоже смотрела вперед, щурясь от бьющего в лицо встречного ветра, и в ее позе не было ни грамма неуверенности. Все здесь готовы вызволить тебя, мое пламя. Лиара отвернулась от пиратки и вновь взглянула на горизонт, где черная точка корабля стала как будто больше.

Минуты тянулись невыносимо медленно, но уже не так бессмысленно, как все прошедшие дни. Теперь внутри холодным твердым клинком застыла решимость, и Лиара чувствовала себя ее острием, направленным прямо в сердце Сагаира. Забылись все проведенные в невероятном напряжении дни на борту, когда глаза ее искали и искали на горизонте хоть какое-то движение. Все ушло прочь, сменившись неумолимым стремлением вперед. Еще немного!

Корма вражеского корабля росла впереди, и вскоре зоркие эльфийские глаза уже смогли различить три высокие мачты, поднимающиеся к небу. А еще какие-то черные точки у парусов, похожие издали на крохотных мотыльков. Она сощурилась, не совсем понимая, что это такое, пытаясь разглядеть в деталях, но пока еще было слишком далеко.

— Где же корабли пиратов? — проворчал сквозь зубы Алеор. — Они уже должны быть здесь!

— Они будут, Алеор, — негромко проговорил Кай. В его голосе не было напряжения, лишь спокойная решимость. — Пираты — люди суеверные. Мне иногда кажется, что они — единственные во всем мире, кто еще продолжает по-настоящему чтить Молодых Богов только потому, что от их милости и воли зависят шторма и волны. Они не посмеют проигнорировать мою просьбу.

— Твою просьбу могли заблокировать жрецы Лонтрона и не передать ее на восток, — поморщился Алеор.

— Я же говорил тебе, что тот жрец отправил птиц прямо при мне, — мягко взглянул на него Кай. — Не беспокойся, они появятся.

Алеор на это не ответил ничего, только Лиаре послышался скрип его зубов. А еще она видела его пальцы, до белых костяшек сжавшие борт корабля. Он стремится вновь сразиться с братом гораздо сильнее, чем спасти Раду. Но это еще не значит, что ее он спасти не

хочет, — подумалось ей. Однако ее собственные мысли сейчас были слишком далеко, чтобы размышлять над мотивами эльфа.

Корма вражеского корабля еще немного приблизилась, а все те черные точки-мотыльки, что кружились у парусов, вдруг отделились от нее и полетели им навстречу. Лиара моргнула, не веря собственным глазам. Словно пчелиный рой или стая птиц эти черные точки приближались, быстро рассекая воздух крыльями над зыбкой морской водой, и она все никак не могла понять, что это такое. А потом ветер донес странный, совсем еще слабый, острый, как иглы запах-ощущение. Лиара втянула его всем носом, и тревога вдруг сжала сердце: так пахло в лисьей норе или логове хищника.

— Рухмани дарзан! — проворчал Алеор сквозь зубы, резко развернулся на каблуках и зашагал в сторону трапа на нижнюю палубу, на ходу громко крикнув морякам: — К нам приближаются стахи! Готовьтесь!

Моряки зашумели, переспрашивая друг друга, растеряно оглядываясь по сторонам и провожая взглядами эльфа. Кое-кто из них сразу же взялся за оружие, и большей частью это были люди старшего возраста, бывалые моряки, что уже много лет ходили под парусами.

А Лиара застыла, словно громом пораженная, широко раскрытыми глазами глядя вперед. Она знала, что будет тяжело, знала, что Раду будут стеречь, но ей даже и в голову не приходило, что это будут стахи. Существа из страшных сказок с кожистыми крыльями и черными душами, разумные существа, по собственной воле перешедшие на сторону Сети'Агона, сильные, хитрые, изворотливые, почти что неуязвимые.

— Главное, чтобы с ними не было ведуна, — пробормотал негромко стоящий рядом Кай. Его густые брови сошлись к переносице, а черные от Источника глаза сощурились, словно у хищной птицы, высматривающей жертву.

Словно в ответ на его слова Лиара ощутила что-то. Рябь, возмущение, как бывает, когда приближается шторм, и ураганный ветер начинает все выше и выше взметать стальные недовольные волны, не желающие подчиняться его сильным рукам. Только не на воде, а в воздухе. И эта рябь приближалась к ним, все быстрее и быстрее колебалось пространство навстречу им, и в следующий миг Кай выбросил вперед руки, выставляя их перед носом корабля.

Лиара видела, как черная стена из самой ночи возникает прямо напротив корабля, и в нее стремительно мчится со стороны стахов серебристо-белое лезвие, передвигающееся параллельно волнам с такой быстротой, что, казалось, от их корабля ничего не должно остаться. Она моргнула, и в следующий миг это лезвие с грохотом врезалось в черную стену, выставленную ильтонцем, рассыпавшись на тысячи крохотных ослепительных вспышек.

— Алеор! С ними Белый Жрец! — заревел ильтонец, перекрывая шум ветра, и выбросил руки вперед, посылая поверх созданного им щита ответную волну навстречу стахам.

Еще несколько мгновений, и эльф был рядом с ними на носу корабля, сжимая в руке длинный черный трезубец, который при Лиаре не использовал еще ни разу. И она оценила выбор оружия: стахи, скорее всего, будут атаковать с воздуха, с дальней дистанции, и чтобы достать их, нужно будет оружие на длинной рукояти. Следом за Алеором, грохоча по палубе своими тяжеленными ботинками, подбежала Улыбашка. В обеих ее руках виднелись обнаженные топоры, а талию перетягивал пояс с укрепленными на нем в ножнах тонкими метательными ножами.

Громко заревел с кормы боевой рог, и над палубой поплыл хриплый голос Равенны:

— А ну-ка, крысы трюмные, ножи в зубы и на паруса! Эти твари бьются в воздухе, и мы

будем там же! Пошли!

Сама пиратка легко прыгнула на нижнюю палубу, в два прыжка преодолела отделяющее ее от мачты расстояние и принялась карабкаться вверх по натянутой веревочной сетке бок о бок с другими матросами. На корме у штурвала вместо нее остался худющий мелонец Вилем, ставший временным старпомом «Блудницы».

Следующая волна энергии прокатилась со стороны нападающих, Кай едва успел поставить щит, и море прямо перед носом гадюки взорвалось водопадом брызг. Волна высоко вскинула нос корабля, и Лиара едва не покатилась по палубе, но железная рука Алеора удержала ее от падения.

— Давай, Светозарная! — голос эльфа дрожал от напряжения, а сам он не отрывал глаз от горизонта впереди. — Пришло время звать на помощь твою Великую Мать! Нам нужно догнать этот проклятый корабль, во что бы то ни стало!

Кай крикнул и резко махнул рукой. Лиара увидела лишь, как волнами растекается во все стороны воздух от пронзившей пространство черной молнии энергии, устремившейся вперед. Потом там, впереди, громко бухнуло, и в ответ что-то ослепительно сверкнуло прямо в небе над их головами.

— Осторожно! — крикнул Кай, и в следующий миг в центральную мачту ударила молния.

Лиара видела, что в последний момент ильтонец успел поставить щит, но слишком маленький и слабый, потому что основной ему приходилось держать перед носом корабля. Молния, сорвавшаяся прямо с чистого неба, ударила в этот щит, скользнула по его краю, слегка отклонившись, и вонзилась в палубу в нескольких метрах правее них.

От удара корабль моментально занырнул на правый борт, и Лиара изо всех сил вцепилась в бортовое ограждение, чувствуя, как наэлектризовались волоски на шее, едва не встав дыбом. Палуба сразу же занялась, и несколько матросов бросились к борту, чтобы набрать воды и залить черную пропадину с алым, зловеще поблескивающим угольями краем, пока первые, еще не слишком сильные языки огня, не заплясали по сухим доскам.

Следом за этим еще один взрыв перед кораблем бросил «Блудницу» вверх, и Кай сдавленно закричал:

— Алеор, ведунов двое! Я не удержу!

Цепляясь за борт и едва не вываливаясь через него в воду, Лиара звала и звала Великую Мать, но ответа все не было. Небеса молчали, а в груди, словно насмешка, зрело зернышко золотого покоя, посаженное в ней тогда, когда она встретила Раду, и начавшее вызревать и набираться сил. Только вот это зернышко не желало превращать время в желе, растягивать его, будто каплю смолы, и солнечной вспышкой выжигать все, что угрожало жизни Лиары. Сейчас оно просто было, тихое и спокойное, как гладь пруда. А Лиара билась об него, словно мотылек о стеклянную заслонку масляного фонаря, и лишь только тишина была ей ответом.

— Лиара! Сделай что-нибудь! — заорал Алеор, когда еще один удар прошел по корпусу корабля, и внизу под ними что-то затрещало, жалобно и утробно, как в брюхе у громадного зверя.

— Я не могу! — отчаянно выкрикнула она в ответ, срывая ногти о твердые края борта и едва удерживаясь на немилосердно скачущей из стороны в сторону палубе. — Не получается!

— Ты эльфийка! — почти что взвыл эльф. — Хотя бы молнией их шарахни! Кай не

выдержит двоих сразу!

Выругав себя последними словами за глупость, Лиара моментально провалилась внутрь своего сознания, став всем: содрогающимся от ударов энергии кораблем, молниями, что разгорались в небе, волнами, что рокотали внизу, досками палубы, уже начавшей заниматься. Мыслей не осталось совсем, лишь глухая, странная тоска где-то на самой грани ее сознания и непонимание, почему же Великая Мать не пришла на помощь именно тогда, когда была так нужна.

Следом за этим палуба моментально остыла, а моряки только удивленно замерли с ведрами воды над обгорелой пробойной в досках, которая только что пылала как печка. Лиара выдохнула, сосредотачиваясь и уходя еще глубже. Она никогда еще не делала так, но откуда-то знала, что именно это и нужно. Словно чья-то память жила в ней, отделенная пленкой тоньше волоса, и теперь эта пленка покрылась крохотными трещинками, пропуская по капле знание.

Она стала самым воздухом, рассыпалась на тысячи мельчайших воздушных потоков, влилась целиком в штормовой ветер над кораблем. Чувство это было странным, непривычно свежим, впервые испытанным и при этом смутно знакомым, словно виденным во сне. Она ощутила в своем теле черные точки, множество мелких черных точек, рвущихся вперед, им навстречу, две из которых странно рябили, моргали, словно дрожащее пламя свечи. Ведуны! Мысль была лишней, чужой, посторонней, такой странной в этом покое воздуха и ветра. Сбрав все свое громадное воздушное тело в кулак, Лиара ударила ураганным порывом прямо по двум рябящим точкам, сминая их, отбрасывая прочь.

В первый миг те не ожидали удара и покатались вниз, прямо по ее подставленным ладоням в воду. Но один из них все-таки успел среагировать и сделал что-то. Серебристое лезвие бритвы прошло, будто нож сквозь масло, прямо через ее распростертое вокруг тело, и Лиара резко отдернулась назад, в крошечное двуногое существо, замершее, прижавшись к борту подпрыгивающего на волнах корабля.

Она глотнула воздуха, хватаясь за сердце и пытаясь понять, что же произошло. В тело ее вернуло так резко, что с ног до головы перетряхнуло, а в груди туго и протестующее застонало сердце. Эльфийский дар не имел ничего общего со способностью ведунов использовать энергию Источников, это были совершенно две разные вещи: как черпать воду ведром и пить дождь, падающий с неба. Однако каким-то образом этот ведун смог не только отразить ее удар, но и выпихнуть ее саму из воздушных потоков. Каким? Может ли это быть стихией Воздуха? Могут ли они Воздухом отражать воздух? И откуда они знают, как это делать?

Воспользовавшись тем, что она сбила ведунов с устойчивых воздушных потоков, Кай, зарывав сквозь зубы, ударил. Уже своими глазами Лиара видела, как с его ладоней сорвались два черных копья, устремившиеся вперед над морской зыбью. Кай резко повернул ладони, и оба копья изменили направление, стремясь достать зависших над самой водой ведунов, но они выставили щиты, и черные зигзаги срикошетили от них, уносясь в горизонт.

Лиара вновь с головой нырнула в порывы ветра, сливаясь с ними так сильно, как только могла. И вновь собрала в кулак, чтобы еще раз, сильнее ударить ведунов, только в тот же миг ее во второй раз отбросило прочь, на этот раз гораздо сильнее. Словно камень ударил ее между глаз, и этот удар ощутило даже ее физическое тело. Возвращение в него было таким резким, что ее отбросило назад по палубе, и Лиара больно врезалась спиной в доски палубного настила, опрокинувшись навзничь. Только гораздо больше звенела каждая

клеточка ее тела: возвращение сознания было слишком грубым, и теперь казалось, будто сама ее душа избита, а не только тело.

Ведун, и правда, использовал Воздух и прекрасно умел отражать воздушные потоки. В голове Лиары мелькнула мысль, что, возможно, ему приходилось биться с Первопришедшими, но додумывать ее времени не было. Нужно было придумать любой способ, любой, чтобы остановить их. Кай рычал от натуги, вцепившись руками в борта корабля, и Лиара видела, что он долго не выдержит.

Думай! Думай! Что может остановить Воздух? Что?..

Ослепительной вспышкой мелькнула догадка, и Лиара не стала ждать ни мгновения. Она вновь вошла в воздух, слившись с ветрами, только на этот раз сделала кардинально противоположное всему, что только могла, даже не зная, получится у нее или нет. Собирая воздушные потоки в один кулак, она моментально выкачала весь воздух из того пространства, где болтались над водой двое ведунов. И результат не заставил себя ждать: оба они потеряли опору и камнями рухнули в воду.

В следующий миг Кай ударил еще раз, вновь двумя копьями из тьмы, и на этот раз удар достиг цели. Лиара отпустила воздушные потоки, нырнув в воду головой вниз, и растеклась вместе с ледяными солеными волнами, громадной толщей серой воды, которой, казалось, и конца-края не было. На ее поверхности болтались лишь изодранные в клочья черные фрагменты, раньше бывшие двумя ведунами. Вот теперь Кай попал.

Она осторожно возвратилась в тело, чувствуя, насколько зыбкой после двух ударов ведуна стала связь, дрожащая, мигающая, почти гаснущая. Возвращаться пришлось медленно, буквально по волоску вливая сознание обратно в кости и мясо, и, когда ее обычные глаза открылись, Лиара ощутила подкатившую к горлу тошноту и слабость во всем теле. Времени разлеживаться у нее не было, и она сразу же попыталась вскочить на ноги и сообщить друзьям, что ведуны больше не опасны, но тут стахи, обычные крылатые стахи, достигли корабля.

Лиара была так занята тем, чтобы сбить в море тех двух ведунов, что остальная масса врагов просто проскользнула мимо. Теперь все они кружили вокруг парусов, словно стая летучих мышей, ожесточенно набрасывающихся на свою жертву со всех сторон. Моряки, что кое-как держались на сетях и мачтах, более-менее сносно отражали удары длинных копий и кривых ятаганов, которыми были вооружены стахи, но явной пользы не приносили. Разве что Равенна, выпрямившаяся в вороньем гнезде, отчаянно ругаясь, что было слышно даже внизу, двумя тонкими саблями отбивалась от одного высоченного стаха, налетающего на нее сверху, будто коршун. Только и он прямо на глазах Лиары, так сильно ударил ее копьем, что ноги пиратки подломились, и она оступилась, падая на дно вороньего гнезда и кое-как прикрываясь своими саблями. Стах уже занес копьё двумя руками в добивающем ударе, но тут прямо посреди его груди расцвел огненный шар, брошенный Каем, и черная тварь заорала во всю глотку, опрокидываясь на спину и падая вниз.

Превозмогая боль, Лиара поднялась на ноги и вновь попыталась слиться с ветрами, но все тело пронзила такая резкая боль, что она закричала, моментально отдергиваясь от сознания стихии, как от открытого огня. В следующий миг несколько стахов прыгнули на палубу, складывая за спиной кожистые крылья и поднимая повыше ятаганы, и у нее появилась возможность рассмотреть их. Такие же высокие, как и Алеор, крепкие, поджарые, одеты они были в черное и отличались от человека резкими чертами лица и гривой спутанных черных волос на голове. При этом лица их были тонкими и осмысленными,

живыми, совсем как у людей, не то, что пергаментно иссушенные маски Псарей, которых Лиаре доводилось видеть.

Алеор вскинул свой трезубец и начал танец им навстречу, раскручивая вокруг себя здоровенный шест с тяжеленным наконечником на конце, будто тонкую тростиночку. Как замороженная Лиара наблюдала за тем, как он выплыл в середину прямо между ними и принялся методично наносить удары сразу же обоими концами трезубца. Стахи с рычанием сквозь острые клыки затанцевали вокруг него, пытаясь достать эльфа черными лезвиями ятаганов.

С ревом откуда ни возьмись под ноги одному из стахов вкатилась Улыбашка. Как несущийся с горы камень она врезалась твари под колени, и не ожидавший удара стах громко вскрикнул, опрокидываясь вперед. В один длинный прыжок Улыбашка приземлилась ему на спину, отчетливо громко прибав его к палубе. Сверкнули крест на крест два топора в ее руках, и стах содрогнулся всем телом, а ятаган выпал из его пальцев.

В следующий миг еще один стах упал камнем вниз, метя Улыбашке в спину копьем. Сквозь разрыв туч как раз выглянуло солнце, и она успела увидеть его тень, мелькнувшую на досках палубы поверх ее, а потому каким-то совершенно неожиданным для ее крепкого неповоротливого тела движением откатилась в сторону. Копье стаха вонзилось прямо в спину уже поверженной твари, и в следующий миг нога его подломилась, подкошенная топором Улыбашки, а сам стах заревел, припадая на правое колено. Гномиха попыталась добить его, но топоры с громким лязгом ударились о широкое лезвие выставленного ятагана, и она, громко охнув, пошатнулась от удара. Стах сгруппировался и ударил ее кулаком в грудь, пытаясь отбросить прочь, только не тут-то было. Гномиха лишь покачнулась и вместо того, чтобы упасть, вонзила прямо в его протянутую руку топор, хорошенько вывернула рукоятку. Стах закричал еще раз, и следующий удар Улыбашки пришелся прямо в его вытянутое лицо.

Лиара вовремя увидела черную тень и над собой. В первый миг страх парализовал тело, не давая ей двинуть даже мизинцем, но она справилась, нечеловеческим усилием воли заставив сведенные мышцы повиноваться. Она успела только уклониться в сторону от острого наконечника копья, вонзившегося в палубу буквально в каких-то миллиметрах от ее веска и сорвавшего прядь волос, и в следующее мгновение сильнейший удар в спину выбил из нее дух.

Охнув, Лиара врезалась лицом в доски палубы и почти ослепла от боли в разбитом носе. На спину навалилась тяжесть, и чья-то рука рванула ее за волосы, оттягивая голову далеко назад. Лиара завывала, забилаясь, осознавая, что вот прямо сейчас ей перережут плотку, и поймала взгляд стоящей напротив Улыбашки. Глаза гномихи расширились, а в следующий миг она швырнула прямо в лицо Лиаре тонкий метательный нож. Этого было уже чересчур для нее, и Лиара зажмурилась от ужаса, без единой мысли, ощутив лишь тяжелый удар сердца, как ей казалось, последний. А потом тяжесть на ее спине дрогнула, хватка на волосах разжалась, и Лиара заскреблась по палубе, лихорадочно выбираясь из-под начавшего медленно заваливаться набок стаха с пронзенным лицом.

От страха зубы во рту выбивали дробь, а все тело тряслось, будто желе на подносе у решившего потанцевать подавалы. С каким-то униженно тонким писком она отползла в сторону и прижалась спиной к самому борту корабля, будто тот мог дать ей хоть какую-то защиту. Прямо на ее глазах Алеор, раскрутив трезубец, пригвоздил ногу стаха к палубе, ребром ладони ударил его прямо в плотку, и тот, ухватившись руками за горло, упал на

колени.

Вдруг что-то полыхнуло, яркое, будто тысячи солнц в одной точке. Роговицу едва не сожгло, и Лиаре понадобилось еще несколько мгновений, чтобы восстановить зрение. Все цвета перемешались: черное стало белым, белое — черным, а на роговице остались обожженные фиолетовые полосы, как бывало всегда после удара молнии. Она еще успела заметить, как стахи, что еще несколько секунд назад кружили над кораблем, словно вихрь растревоженных ос, сложив крылья, головой вниз падают в воду. Вокруг корабля послышался громкий плеск от упавших тел, два или три мертвых тела рухнули на палубу, врезавшись в доски, причем выглядели они почерневшими и обуглившимися. А следом за ними на колени упал Кай, уперевшись нефритовыми ладонями в палубу и так низко нагнувшись над ней, будто сейчас растянется пластом.

Лиара только моргала, не в силах вымолвить ни слова. Матросы на парусах замерли на мгновение, а затем разразились громким ревом ликования, потрясая оружием над головой. Громче всех вопила Равенна из ласточкиного гнезда. Приложив рог к губам, она выдула из него несколько торжествующих нот.

К Лиаре подбежала Улыбашка, и та инстинктивно отдернулась от ее рук, покрытых темной кровью стахов.

— Ну что ты, девочка? — голос гномихи звучал успокаивающе, а в глазах медленно затухало бешенство боя. — Это не моя кровь, не бойся! Ты не ранена?

Широкие ладони тяжело легли ей на плечи, и Лиара поняла, что только часто-часто кивает в ответ, не в силах вымолвить ни слова и шумно дыша. Никогда еще она так не боялась. Даже там, в таверне на дороге на Онер, где на них набросилась Свора, даже на болотах, когда в нее вцепился Страж. Там с ней была Рада и Великая Мать, и даже на краю гибели она все равно чувствовала себя защищенной, чувствовала, что в беде ее не оставят. Теперь Рада была далеко, а Великая Мать, сколько Лиара ни звала ее, не отзывалась. И смерть в этот раз подошла к ней так близко, дыша ледяным дыханием прямо ей в лицо, что кровь едва не кипела в жилах, а по спине пробегала дрожь, то и дело перехватывая дыхание.

— Ну что ты? Успокойся! Все закончилось! — Улыбашка сильно тряхнула ее за плечи, пытаясь привести в себя.

— Ничего не закончилось! — послышался из-за ее спины разъяренный голос Алеора, подействовавший на Лиару гораздо более отрезвляюще. Эльф стоял над поверженным телом стаха, дикими глазами глядя вверх. — Эти твари порезали нам паруса!

Лиара вскинула голову вслед за его взглядом, и сердце вновь едва не остановилось. В пылу боя стахи действительно успели повредить паруса своими длинными копьями, и те теперь лоскутами болтались на мачтах, безвольно обвиснув, как старые драные тряпки. И корабль застыл на волнах, не двигаясь ни на метр вперед. Как же мы теперь догоним Раду?!

— Я... сейчас... — прохрипел Кай, поднимая голову так медленно, словно это стоило ему всех оставшихся сил.

Лиара видела, как дрожали его каменные руки, которыми он опирался об пол, словно готовы были переломиться и развалиться грудой обломков в любой миг. Пот покрывал все его лицо, капал с кончика подбородка крупными каплями на мокрые доски палубы. Ильтонец взглянул на паруса, и глаза его вновь стали черными, а по телу прошла дрожь. Черная энергия вихрем закрутилась над его кожей, жгуты молниеносно ударили вверх, сшивая паруса, сращивая их вместе, восстанавливая поврежденные фрагменты. Прошло всего несколько мгновений, и ткань вновь стала неповрежденной, а разбушевавшийся от действий

Лиары ветер моментально надул ее своим дыханием. Корабль ощутимо дернуло вперед, отчего Алеор пошатнулся, а Улыбашка едва не рухнула на Лиару. А ильтонец растянулся без чувств прямо на палубе, громко стукнув каменными руками о доски.

— Лиара! — рявкнул Алеор, поворачиваясь к ней. Взгляд у него был полон такого яростного огня, что она вздрогнула, как замороженная глядя в его превратившиеся в маковое зернышко зрачки. — Ветер! Немедленно!

Она бы и хотела сказать ему, что сил у нее нет, и что раствориться в воздухе она больше не может, вот только не могла этого сделать. Кай потерял сознание и истратил все свои силы, так что вряд ли теперь очнется в ближайшее время. А корабль Сагаира уходил на восток под полными парусами, и здесь больше не было никого, кто помог бы «Блуднице» догнать его.

Помогай, Великая Мать! На этот раз я без тебя не справлюсь! Лиара судорожно сжала кулаки и растворилась в воздухе, преодолевая невыносимую боль в каждой клеточке своего существа.

===== Глава 45. Пылающие волны =====

Шум на палубе над головой прекратился, а гортанные голоса стахов медленно затихали вдаль. Всего несколько пар ног топотали теперь по палубным доскам над ней, и холодный голос Сагаира то и дело отдавал резкие приказания.

Рада лежала на полу, почти что задыхаясь от бесконечной, бескрайней, бушующей силы, хлещущей ей прямо в грудь, словно кто-то вспорол клинком из света грудную клетку и щедро плескал в нее из бочки расплавленные солнечные лучи. Тело чувствовалось слабым, как у котенка, отбитое мясо немилосердно ныло, но отвратительное жжение, стискивающее кожу и делающее ее сухой и чересчур чувствительной, ушло, осыпавшись с нее, как бесполезный шлак. А вместе с ним ушел весь тот яд, что терзал и травил сердце, вся та ложь, черную сеть которой ткал и ткал вокруг нее Сагаир на протяжении последних дней. И теперь дышалось так легко, так звонко, как никогда.

Она будто вынырнула из густого вязкого болота, удерживающего все тело, сковывающего его ледящей донной жутью и илом. Все, что так мучило и глодало предыдущие дни, все ее страхи, недоверие, ярость, сейчас казались ей клубком шевелящихся глянцевых змей, разъяренно шипящих где-то далеко, когда морская волна смыла их прочь, позволяя высвободить душу из их ядовитых зубов и тугих колец. И Рада, прикрыв глаза, дышала, дышала полным ртом, всей собой, глотая затхлый спертый воздух своей камеры, который сейчас показался едва ли не самым сладким из всего, что она только чувствовала в жизни. А где-то за спиной, за плечом, вечно ускользающая, если пытаться ее поймать, обнимала ее мягкой силой Улыбка. И Рада улыбнулась в ответ, склоняя голову к самому полу и всем своим существом моля о прощении.

Ты всегда была со мной, Великая Мать, ты ни на миг не оставляла меня. Это я отвернулась от тебя, погрузившись в ненависть Сагаира, отвечая на нее, согласившись быть в ней. Он и тронуть меня не мог, пока я не позволила это сделать, пока я была в тебе. И стоило лишь на миг ослабить бдительность и позволить ему укрыть меня этой сетью из лжи, как я сразу же отвернулась от тебя и принялась обвинять. Я клянусь тебе, текущей в моих жилах, звенящей в моей груди, что больше никогда не отведу взгляда от твоих золотых глаз.

Словно в ответ где-то вдаль громко бухнуло, и звук медленно разнесся над морской водой. А чья-то теплая ладонь нежно-нежно подтолкнула ее в спину, и Рада начала подниматься с пола.

Это было сложно, сейчас особенно. Голова кружилась, в груди что-то противно булькало, и Рада гнала от себя мысль, что в легких есть внутренний разрыв. Ноги дрожали, а руки по-настоящему жгло, и она знала, что на этот раз уже не сможет повернуть запястья в путях. Из-за того, что ее постоянно перевязывали, а сама она только и делала, что вращала запястья в веревках, кожа не успевала заживать, началось заражение, и дергающая неприятно теплая боль терзала ладони, заставляя Раду постанывать от каждого движения. Но в груди бушевало море солнечного света, и она задыхалась от наслаждения и мощи, проносившейся сквозь тело, как ураган. И по сравнению с этим все остальное казалось мелким и чужим, ведь черной сети лжи на ней уже не было.

С трудом ей удалось подняться на колени, но сил на это ушло слишком много, и пришлось сделать передышку. Рада тяжело уперлась лбом в топчан, чувствуя переокисленную вонь слежавшегося старого матраса и пережидая раздирающие тело когти боли. Если бы у меня только сейчас был меч. Если бы только можно было...

Внезапно по руке что-то мазнуло, а за спиной послышался громкий звон и стук. Рада вздрогнула и резко обернулась. Ее глаза уже успели привыкнуть к темноте за эти долгие дни заключения, и она смогла разглядеть слабый-слабый контур своего меча на полу. Того самого меча, который она забрала в поместье Гелата, меча, который Улыбашка назвала гномьим.

В немом изумлении Рада взглянула на люк в потолке трюма. Тот был закрыт, и она готова была поклясться в том, что он не открывался. И в помещении с ней не было ни одной живой души. Взгляд переместился на меч, который лежал рядом с ней, и Рада заморгала, абсолютно ничего не понимая. Я что уже, схожу с ума? У меня галлюцинации? Прямо на ее глазах клинок слабо-слабо засветился кроваво-красным цветом, и на лезвии, будто выпариваясь из пор металла, показались крохотные рубиновые капельки. Все они собрались в одну большую каплю, которая с громким шипением выпарилась, крохотной струйкой пара потянувшись к потолку трюма. И меч моментально остыл, вновь став обычным клинком.

Несколько секунд Рада смотрела на него, отупело моргая, а затем выругала себя последними словами. Какая разница, что сейчас произошло, откуда взялся этот клинок? Она просила меч, меч у нее, так что же еще надо? Вознеся тихую молитву Великой Матери, Рада кое-как заковыляла на карачках по полу, спиной вперед, пытаясь пятками ухватить рукоять и зажать ее. Учитывая отбитое тело и неслушающиеся мышцы, это сделать было очень тяжело, но она давилась собственными стонами и упрямо шарилась по полу. Ей выпал шанс спастись, и упустить его Рада просто не могла.

Наконец пятки уцепили и сжали рукоять, и Рада начала медленно-медленно отклоняться назад, вслепую шаря руками в поисках лезвия. Сейчас нужно было быть очень аккуратной: клинок был отточен до бритвенной остроты, и любое неверное движение могло стоить ей пальца. Она ощутила, как веревки, перетягивающие запястья, коснулись чего-то твердого. Несколько движений, и руки были свободны.

Рада не сдержала стоны, когда затекшие за столько дней плечи наконец-то приняли обычное положение. Веревки упали с воспалившихся рук, и это тоже было больно, так больно, что горячие слезы выступили на глазах. Всхлипывая и глотая стоны, она наклонилась вперед и принялась медленно-медленно разминать руки в суставах. Это было так тяжело, что кричать хотелось, но Рада молчала и делала, чувствуя, как золотая мощь в груди все нарастает и нарастает. Ты дала мне шанс, Великая Мать, и я не упущу его.

Лиара почти что висела, навалившись грудью на борт и чувствуя, как ноги под ней

дрожат, словно две тростинки на ветру. Все тело болело, каждая его клеточка, и контакт с ветрами держался едва-едва. Она почти что и не погружалась в потоки, потому что просто не могла этого сделать, слишком тонка была связь между ней и стихией. Скользя по самому краю воздушных масс, она из последних сил призывала порывы ветра на помощь, направляя их в паруса, и «Блудница» неслась по волнам, стремительно сокращая расстояние, что отделяло их от корабля Сагаира.

— Кажется, я вижу корабль! — раздался рядом звонкий голос Улыбашки.

Гномиха не утерпела, отыскала на нижней палубе пустую бочку и приволокла ее наверх. Выставив ее у самого борта, Улыбашка с трудом вскарабкалась на нее и теперь, держась рукой за какие-то канаты, тоже смотрела вперед, на то, как они приближаются к кораблю Сагаира.

— Мы здесь все видим корабль, Улыбашка, — сухо сообщил ей эльф, глаза которого не отрывались от танцующего впереди на волнах судна. — Твое достижение крайне важно для нас всех, однако, ценность его чрезвычайно низка.

— Боги, ну до чего же ты тугой! — гадливо поморщилась Улыбашка, а потом буквально ткнула пальцем вперед. — Оторви хоть на миг глаза от этого фрегата и оглянись! Твои друзья пираты прибыли, как и обещали.

Лиара с трудом заморгала, пытаясь восстановить расплывающееся зрение. Видимо, тот стах ударил ее гораздо сильнее, чем она думала поначалу, а на то, чтобы контролировать ветра, уходили ее последние силы. Однако она все равно смогла разглядеть на самом горизонте цепь черных точек разного размера. Все они растянулись с севера на юг по морской глади, образуя сеть и перекрывая кораблю Сагаира путь вперед.

Внутри как будто что-то надорвалось, и Лиара выдохнула, безвольно обвисая на борту корабля. Теперь этот проклятый эльф не уйдет, теперь они точно его догонят. Она с самого начала верила в это, вот только тревога все равно скреблась где-то глубоко под сердцем, мешая сосредоточиться и подпитывая страх.

— Ну наконец-то! — выдохнул рядом Алеор, словно подтверждая ее мысли.

Оба корабля летели по волнам вперед, и вскоре цепь, которую встраивали пираты, стала виднее. Их корабли были разномастными, разного размера, держались они примерно на одинаковом друг от друга расстоянии и, заметив Сагаира, начали потихоньку сближаться. Правда, расстояние до них было еще слишком большим, чтобы можно было в деталях рассмотреть, что там происходит, но раз корабли изменили курс, значит, готовились взять в клещи вражеский корабль.

— Вот он! — голос Алеора хлестнул воздух, будто плеть.

Они значительно сократили расстояние до него, и теперь ей было отчетливо видно высокую фигуру, что стояла на корме недалеко от крылатого стаха рулевого. Алеора почти что затрясло рядом, и с его губ сорвалось приглушенное рычание:

— Бхарин ублюдок! Подожди еще немного! Теперь не уйдешь!

Словно услышав Алеора, Сагаир резко развернулся и направился куда-то по палубе в направлении носа корабля.

Ноги шатались, а руки едва слушались ее, но Рада упрямо волокла по полу мешок с чем-то тяжелым, что стоял прислоненным к стене. Он был не слишком велик, и в ее обычном состоянии она с легкостью управилась бы с ним в несколько мгновений, но сейчас от боли рябило в глазах, а саму ее мотало из стороны в сторону так, что она с трудом сохраняла равновесие. Все же, проклятый мешок был ей нужен. По длине он как раз сошел бы за ее

тело. Осталось лишь уложить его поверх топчана и прикрыть сверху дырявым одеялом, в которое в последние дни у нее даже сил замотаться не было. Авось, на несколько мгновений оно отвлечет внимание пришедшего за ней стаха, и этих мгновений ей должно хватить на то, чтобы зарезать его и выбраться из трюма.

Что она будет делать дальше, Рада не слишком хорошо себе представляла. Сил на то, чтобы плыть, у нее явно не было, но может, она будет в состоянии продержаться на поверхности волн достаточно долго, чтобы на корабле Алеора ее успели выловить? Оставался еще вопрос, как сделать это незаметно для команды Сагаира: а именно, выйти из трюма, пробежать через всю палубу и перемахнуть за борт, но это Рада решила оставить на потом. Стах мог спуститься за ней в любую минуту, и нужно было подстраховаться до его прихода, чтобы вновь не лишиться меча и не оказаться связанной.

С трудом втянув-таки мешок на топчан, Рада кое-как прикрыла его тряпками, и, запрещая себе даже минуту передышки, поковыляла к трапу, ведущему наверх. За ним в темной нише под ступенями можно было укрыться от взгляда сверху, да никто и не ожидал, что она освободится и сможет встать с топчана, так что преимущество неожиданности было сейчас на ее стороне. Покрепче сжав дрожащими руками рукоять меча, Рада уперла лезвие в пол, чтобы не держать его на весу и не тратить последние силы, и принялась ждать.

Наверху пока было тихо, лишь ветер завывал в парусах, да волны с шумом бились в борта. Рада прислушивалась, затаив дыхание, чтобы не пропустить тяжелую поступь того, кто придет за ней, и изредка двигала плечами, что вызывало резкую боль. И руки надо было разминать, потому что после стольких дней в путях они потеряли всю гибкость и почти что не повиновались ей, и сознание нельзя было терять, а боль в вывернутых суставах быстро приводила ее в чувство. Перед глазами крутились красные круги, а в груди булькало все сильнее, и Рада то и дело сипло кашляла, стараясь делать это как можно тише, чтобы не тревожить болящее тело и не привлекать внимание своих сторожей.

Мысли сами собой вновь вернулись к неожиданному появлению меча в ее руках. Почему так случилось? Вот это было поистине чудом, и Рада все ломала себе голову, пытаясь найти хоть какое-то объяснение происходящему. И если поначалу она списала появление оружия на волю Великой Матери, то с каждой минутой все меньше и меньше была уверена в этом. В конце концов, сила Великой Матери никогда не проявляла себя так. Она входила в тело Рады, она добавляла мощи ее рукам, позволяла ей самой творить вещи, которые в обычном состоянии та никогда бы проделать не смогла, но она воздействовала лишь непосредственно на Раду, а не на окружающие ее предметы. И если все произошедшее не было ее волей, то каким же образом меч оказался в трюме?

Приглушенные шаги где-то в отдалении привлекли внимание Рады, и все раздумья моментально вылетели у нее из головы. Она сгруппировалась, собирая свои последние силы и кое-как поднимая перед собой меч. Сейчас это было по-настоящему трудно: изможденным искалеченным рукам он казался неподъемно тяжелым.

— Канакта! — громко крикнул Сагаир, и Рада замерла, прислушиваясь. — Иди вниз, приведи пленницу!

— Слушаюсь, капитан! — прогудел в ответ низкий хриплый голос, и тяжелый стук сапог по палубе направился в сторону люка.

Сейчас! Рада выдохнула, собираясь и ожидая появления стаха. В следующий миг сапоги замерли у нее над головой, и крышка люка откинулась. По глазам моментально резанул яркий дневной свет, и Рада зажмурилась, не в силах выносить его. После долгих дней во

тьме глаза немилосердно заслезилась, отказываясь что-либо видеть. Впрочем, это было не так уж и важно. Она могла драться и в полной темноте, ориентируясь на звук. Правда, не в таком состоянии, как сейчас, но выбирать не приходилось.

Тяжелые сапоги застучали по ступеням трапа у нее над головой, взметая с них затанцевавшую в квадрате солнечного света пыль, и стах спустился в трюм. Он замер на самой нижней ступеньке, держась рукой за перила трапа и присматриваясь сквозь темноту к укрытому одеялом мешку на топчане, и Рада воспользовалась этим. Сил у нее было не слишком много, потому бить надо было наверняка. Острие меча снизу вверх вонзилось в открытую подмышечную впадину под правой рукой стаха, которой тот держался за перила, и Рада всем телом налегла на рукоять, проворачивая меч в ране.

Стах вскрикнул от боли, потерял равновесие и скатился вниз по ступеням. В один миг Рада была возле него, и лезвие меча ударило во второй раз, теперь уже пронзив незащищенную шею.

Сердце так грохотало в ушах, что она не слышала больше ничего. Кое-как ухватившись за перила, Рада крепче стиснула меч и полезла вверх по ступеням, вкладывая в это все свое стремление сбежать наконец-то из этого поганого душного трюма.

Ослепительно яркий свет ударил в лицо, а морской воздух был таким свежим, таким полным, густым и холодным, что Рада задохнулась, на миг совершенно растерявшись на верхней ступеньке трапа. Перед глазами вновь помутилось, ее качнуло назад, и она едва не рухнула обратно, прямо в открытый проход в полу. Сгруппировавшись, вслепую, сжимая в руке меч, она рванулась было вперед, не разбирая дороги, надеясь успеть перепрыгнуть через борт корабля до того, как хоть кто-нибудь спохватится. И в следующий миг сильный удар по ногам сбил ее на палубу.

Рада покатила кубарем по доскам, каким-то чудом умудрившись сохранить меч и не изрезаться об него. От каждого движения избитое тело протестующее ныло, но сейчас не было на это времени. Тяжело упав плашмя и обернувшись через плечо, она увидела размытую фигуру Сагаира, стоящего в центре палубы в нескольких шагах от нее. Больше ничего рассмотреть не удалось из-за выступивших от боли и яркого света слез.

— Ты сама решила выйти ко мне, сестренка, — в голосе Сагаира звучала жестокая насмешка. — Ну что ж, я рад тебе. — Он шагнул к ней, и Рада попыталась поднять меч, но тяжелый сапог брата надавил на больное запястье, и Рада закричала, конвульсивно выпуская рукоятку. — Не стоит играть с острыми игрушками, дорогая, ты можешь порезаться, — вновь проговорил Сагаир, носком сапога отпихивая ее меч прочь.

Зрение начало потихоньку возвращаться, но встать у нее уже сил не было. Рада успела увидеть высокую тень стаха, что склонилась над ней, крепкие руки подхватили ее под вывернутые плечи и резко поставили на ноги. Перед лицом возникла клыкастая ухмылка стаха, и он наотмашь ударил ее по лицу тыльной стороной руки.

На этот раз она едва не лишилась сознания и просто тряпкой обвисла в железной хватке твари. Больше уже сил на то, чтобы сопротивляться, не осталось. Рада могла лишь безвольно болтаться и моргать, пытаясь увидеть сквозь красные круги лицо стоящего возле нее Сагаира.

— Связать, капитан? — хрипло спросил стах, глядя на него.

— Нет, не надо, — покачал головой тот. — Вряд ли она еще попробует показать зубы, да и нести будет сложно. По моему сигналу возьмете ее вместе с Аракта и понесете к берегу. Там вас встретят. И разрежьте паруса. Мне нужно, чтобы корабль остановился, как можно

скорее.

— Понял, — кивнул стах.

Сквозь слезы Рада разглядела-таки лицо брата, который стоял всего в двух шагах от нее и улыбался.

— Ты видишь меня, сестренка? Хорошо. — Он развернулся, указывая ей рукой куда-то вперед. Перед глазами плыло, но Рада могла разглядеть длинный ряд кораблей, выстроившихся прямо перед ними, живой стеной загораживающих Сагаиру путь. — Видишь те корабли? Они все пришли сюда для того, чтобы не дать мне увезти тебя на восток. Наш маленький братик оказался сообразительнее, чем я думал, и воспользовался всей этой идиотской ситуацией с Марной, вывернув ее в свою пользу. Только Марна не властна ни над моим господином, ни надо мной, понимаешь, сестренка? — в голосе его звучало торжество. — Не может она дотянуться до нас из своей черной пещеры, руки слишком коротки, да и силенок маловато. К тому же, я поумнее буду, чем Марна и Алеор вместе взятые, и я все равно обойду этого глупого мальчика, не дам ему вернуть тебя. А корабли эти станут для него точно такой же западней, какую он готовил для меня. — На лице его показалась широкая, полная лихорадочной жажды улыбка, и он обратился к Раде тихо, почти шепотом, по-дружески наклонившись вперед и словно обещая ей настоящий сюрприз. — Смотри внимательнее, моя дорогая девочка. Надеюсь, эта маленькая демонстрация хоть немного изменит твое мнение обо мне, и ты наконец-то поймешь, что нет у тебя никакой надежды и никакого выхода. Лишь принять моего господина и никак иначе.

У Рады не было сил даже на то, чтобы ответить ему, да сейчас она и не могла этого сделать. Золото так хлестало в ее избитую грудь, что дыхание перехватило, и она буквально обвисла в руках стаха, не в силах больше держаться прямо.

А Сагаир развернулся навстречу пиратским кораблям и встряхнулся будто кот. Кораблей было много, как минимум сотня, разного размера, быстро приближающихся к ним и сокращающих расстояние друг между другом, чтобы не было лазейки, в которую на полном ходу мог бы втиснуться корабль Сагаира. Рада уже видела черные точки матросов, что карабкались по парусам и бегали по палубам, и разноцветные флаги на высоких мачтах, на каждой из которых полоскалось свое собственное изображение. Неужели все они здесь только для того, чтобы спасти меня? Как тебе это удалось, Алеор? Мысли в голове были вялыми, как желе.

А потом Сагаир вдруг прыгнул, прямо с места прыгнул в воздух, и Рада поняла, что не может оторвать глаз оттого, что происходило прямо перед ней.

— Вон она! — Лиара дернулась вперед всем телом, едва не перевалившись через борт.

Время для нее застыло, и она видела лишь крохотную фигурку, что отчаянно рванулась вперед к борту корабля. Только Сагаир был быстрее. Одним точным движением он подсек Раде ноги, и та покатила на палубу, а сердце в груди у Лиары сжалось в болезненный кровотокающий комок. Потом над Радой наклонился стах, скрутил ей руки и поднял ее на ноги.

— Вот ведь скот косоглазый! — зарычала рядом Улыбашка, потрясая топорами. — Давай, Рада, отделай его!

— Да куда ей сейчас, — с сомнением в голосе проговорил Алеор, и Лиара была с ним согласна.

Детали с такого расстояния видны не были, но Рада висела в руках стаха буквально тюком, едва не падая на палубные доски, а это означало, что сил сопротивляться у нее нет.

Ярость взметнулась в груди, лютая, алая ярость. Что ты сделал с ней, Сагаир?! Что ты сделал?!

Корабли пиратов подошли к Сагаиру уже примерно на то же самое расстояние, что и стремительно догоняющая «Блудница». Команды на парусах суетились, меняя курс и сближая борта кораблей, и те все быстрее и быстрее выстраивались в ровную стену, чтобы не позволить кораблю Сагаира пройти между ними, как вдруг...

— Где он?! — почти что вскричал Алеор.

Лиара не успела понять, что произошло, моргнув и не уловив движения, только секунду назад Сагаир стоял на палубе своего корабля, а теперь его уже там не было. И в следующий миг самый дальний к северу корабль в пиратской цепи содрогнулся.

Лиара поняла, что открыв рот от изумления, смотрит и не верит собственным глазам. Средняя мачта самого дальнего корабля начала медленно заваливаться набок. Удар сердца, и следующий по счету корабль ощутимо дрогнул, просев вниз. Еще мгновение, и на палубе расцвел огненный цветок, который с ревом устремился вверх и обхватил паруса. Удар сердца, и третий корабль дрогнул, а его мачты со стоном обломались, падая в южную сторону и почти что доставая концами борта соседнего корабля.

— Что происходит? — слабым голосом спросила Улыбашка, но ей никто не ответил.

Какая-то неведомая мощь словно чумовое поветрие неслась, перепрыгивая с одного корабля на другой и в мгновения ока круша его до такой степени, что продолжать плавание судно уже не могло. Одна за другой будто под топорами гигантского лесоруба падали мачты, вспыхивали палубы, люди с криками бросались в море. Как назло ветер был северо-восточным, а пиратские корабли сгрудились уже достаточно близко, чтобы по падающим мачтам пламя могло перекинуться на соседний борт. Один за другим паруса вспыхивали как спички, и черный дым пополз в небо густыми столбами, подкрашивая снизу подбрюшья туч в смолистую ночь.

— Кану Защитница!.. — пробормотала Лиара, разглядев, наконец, что же происходило на палубах.

Ни одно живое существо не могло двигаться так стремительно и смертоносно, ни одно, и все же, это был Сагаир. Он буквально серой стрелой несся сквозь плотный ряд кораблей, расшвыривая по сторонам какие-то темные предметы, которые взрывались и поджигали паруса. В руке его виднелась одна темно-серая полоса, даже не блещущая в отсветах огня, тонкое бритвенное лезвие, которым он с легкостью, будто это были тростинки, срубал толстые мачты кораблей. Достигая дальнего конца палубы, Сагаир группировался, резко и сильно, да так, что корабль припадал на один борт, зарываясь в волны, и выпрыгивал вверх. То ли хищной птицей, то ли камнем, то ли монстром из ночных кошмаров Сагаир обрушивался на борт соседнего корабля, и тот тоже кренился от удара, и даже с такого расстояния было слышно, как трещит палуба. Несколько мгновений на то, чтобы раскидать эти темные предметы, перерубить мачту и добежать до противоположного края, а потом прыгнуть, но за эти мгновения корабль уже пылал, буквально разваливаясь на куски.

— Боги, да что же это такое!.. — сипло прохрипела Улыбашка, стоящая на своей бочке, и ответил ей Алеор.

— Это Огонь Глубин. — Голос эльфа был мрачным, а глаза не отрывались от мечущейся по пиратским кораблям фигуры Сагаира.

— Но как? — Лиара обернулась к элфу, глядя на него широко открытыми глазами. — Ведь секрет Огня Глубин канул в могилу вместе с Кроном, и после окончания Первой Войны

больше никогда не применялся...

— Значит, Сет воссоздал его вновь, — мрачно отозвался эльф.

Лиара содрогнулась. Она помнила сказки об Огне, что невозможно было погасить, который в считанные мгновения пожирал все без разбора: дерево, камень, плоть, пожирал до основания, протраливая саму землю и делая ее бесплодной. Говорили, что именно Огонь Глубин уничтожил когда-то плодородные эльфийские сады, что теперь назывались Хмурыми Землями, бескрайней равниной бурой земли, на которой за эти долгие семь тысяч лет, прошедшие со времен падения Крона, не выросло ни единой травинки. После той войны изготовление вещества было строжайше запрещено, как и изучение найденных в обозах разбитых Кроновых армий остатков, которые увезли эльфы и выбросили в самую глубокую морскую бездну в Океане Штормов.

Только теперь огненное зарево пылающего пожара плясало в ее собственных зрачках, и она прекрасно видела, с какой скоростью это пламя распространяется по череде выстроившихся пиратских кораблей.

Нет!

Люди, сотни людей, что прыгали с палуб своих кораблей в море, пытаясь уйти от пламени, укрыться от него. Только огонь в считанные мгновения охватывающий судно, жадно разливался вниз с него, на поверхность моря, и волны тоже загорелись, словно были жесткой травой на иссушенной солнцем груди степей.

Нет! Нет!

Сердце в груди сжалось в одну крохотную болящую точку, когда прямо на глазах Лиары это пламя разрасталось и разрасталось, пожирая пытавшихся спастись вплавь людей. Часть капитанов, чьи корабли оказались на самой южной оконечности цепи, начали отводить корабли в сторону, цепь распадалась буквально на глазах, и суда на всех парусах мчались прочь, чтобы не угореть в этом буйстве огня. Вот только Сагаир неумолимо приближался к ним, все быстрее и быстрее, и пламя расцветало за его спиной.

Лиара знала, что его не остановит никакое расстояние, знала, что как только он закончит с теми судами, то доберется и до их корабля. И что-то огромное, настоящий первородный ужас охватил все ее существо могучей рукой.

Нет, Великая Мать, не допусти! Это же твои дети! Они гибнут!

Лиара поняла, что задыхается от собственного бессилия. Ветер в их парусе уже совсем стих: увидев ужасающую картину уничтожения почти что сотни кораблей, она растеряла всю свою концентрацию, и соединение, и без того слабое, ускользнуло прочь, оставив ее иссушенной и пустой, как старая рыба чешуя, которую прибывает волной к берегу. И она ничего не могла сделать, чтобы спасти всех этих людей. Ничего.

НЕТ. И это был уже не ее голос.

На миг все перестало существовать вокруг нее. Ушла прочь палуба под ее ногами, борт корабля под грудью, за который она так отчаянно цеплялась, бушующее небо, полное черного дыма, над головой, алое марево горящих кораблей и пылающего моря. Все это исчезло в один миг, и вместо него пришло иное.

Прямота, луч, ослепительно сверкающий луч, стремительно падающий, буквально рушащийся откуда-то сверху, луч без начала и конца, пронзительный, будто солнечное копьё. Этот луч ударил в нее из немыслимой дали, пропитав все ее тело, в мгновение ока обнажив каждый нерв, каждую фибру, каждую каплю крови и клетку плоти. Лиара ощутила, что вот прямо сейчас она взорвется, разорвется на куски, в мельчайшую солнечную пыль

такой концентрации, что от этого взрыва не уцелеет ничто вокруг.

А потом два ослепительных огненных глаза, похожих на раскаленные потрескивающие жаром топки, взглянули на нее из черной глубины времен.

Лиара закричала, и луч света вырвался из ее тела, прямо из сердца, словно прожег дыру в груди между ребер, ударил вперед неостановимой волной мощи. У этой волны не было света, цвета, звука, ничего. Но она понеслась с сокрушающей силой горного обвала, мощью падающего вниз водопада, угрожающим ревом ураганного ветра. Как тысячи штормов, собранные в одно единственное дуновение.

На миг все перед ними потемнело, волна мощи хлестнула корабли, и все исчезло в ней: в одном ударе, остановить который не смогло бы ничто на свете. Это длилось короче биения сердца и кончилось столь же резко, как и началось. А когда волна исчезла, не оставив после себя ни следа, точно так же молниеносно, как и пришла, никакого пламени уже не было нигде.

Пиратские корабли качались на волнах, обугленными мачтами и обвисшими парусами глядя в небо, их борта облизывали обычные соленые морские волны. И матросы, что только какие-то секунды назад в панике пытались уплыть от бегущего по воде огня, теперь только крутили головами посреди танцующих волн и пытались понять, что произошло.

Интенсивность присутствия отступила, отпустила Лиару, и силы разом покинули ее тело. Она почти что ничком упала на борт корабля, дыша так трудно, так тяжело, словно бежала несколько часов подряд. Сердце в груди колотилось в ребра как бешеное, и сладковато неприятная боль растекалась по груди. На миг Лиаре показалось, что оно сейчас просто разорвется, и вслед за этим стало чуточку легче, а удары перестали быть столь стремительными.

— Что это было? — прозвучал рядом напряженный голос Улыбашки. — Лиара, это ты сделала?

Ответить она не могла, у нее просто не было сейчас на это сил. Лиара лишь наваливалась на борт, из последних сил держась за его край, чтобы видеть, что происходит впереди.

— Он понял, кто его главный противник, — негромко проговорил Алеор, и в голосе его звучала смерть. — И сейчас он придет за нами.

Глаза Лиары отыскивали фигуру Сагаира. Он стоял на борту последнего из уже загоревшихся кораблей, который потушила пришедшая Лиаре сила, стоял и смотрел прямо на них. Команда корабля уже давно попрыгала за борт, и сейчас на этом судне Сагаир остался один. Лиаре показалось, что она почти что физически чувствует ненависть эльфа, глядящего прямо ей в глаза. А в следующий миг он присел, скручиваясь в пружину, словно готовый к прыжку кот, и корабль ощутимо накренился вперед. Сагаир выпрыгнул высоко вверх. Его фигура потерялась на фоне черных, полных еще не разогнанного ветрами дыма туч, лишь серая молния едва заметно сверкнула по направлению к кораблю, где на палубе в руках стаха скорчилась Рада. Палуба корабля ощутимо вздрогнула, и в ее центре возник Сагаир, осторожно выпрямляющийся после приземления. Словно ни в чем не бывало, он зашагал на корму навстречу кораблю Алеора.

В пылу этой странной битвы, Лиара и не заметила, что корабль Сагаира давно уже остановился и дрейфует на волнах, а паруса его располосованы в клочья и безвольно болтаются на мачтах. Судя по всему, стахов на борту почти что и не осталось, кроме того, что стоял у штурвала, и того, что держал Раду, а потому у них просто не было возможности

обычным способом убрать паруса, вот их и повредили, чтобы снизить скорость. И теперь «Блудница» была уже в каких-то нескольких десятках метров от их кормы, с каждой секундой сокращая оставшееся расстояние.

Теперь у нее выдался шанс получше разглядеть Сагаира. С виду он ничем не выделялся на фоне других эльфов: такой же высокий, как Алеор, златоволосый, как Рада, стройный и двигающийся с той мягкой, танцующей грацией, которая была присуща людям, хорошо владеющим оружием. Но было в нем и еще что-то такое жуткое, что Лиаре хотелось отвести взгляд от его лица, отвернуться, не смотреть. Больше всего он был похож на гадюку, скрутившуюся кольцами и готовящуюся ужалить, и взгляд его гипнотизировал, лишал сил, подавлял.

Алеор рядом напрягся всем телом, сжимая в руках оружие. Трезубец он уже отставил в сторону, и теперь в правой руке держал свой черный, слегка дымящийся тьмой меч, а в левой — длинный тонкий кинжал. Глаза его не отрывались от брата, даже не моргали, и в них застыла лютая ненависть, горячее, чем пылавший только что Огонь Глубин.

Сагаир вышел на корму корабля, с такой непринужденной легкостью, будто гулял по тенистому парку, выпрямился и крикнул через разделяющее два судна расстояние:

— Что, щенок, ты решил, что загнал меня в ловушку, да? Решил, что победил? Только потому, что набрал с собой натасканных эльфами шавок, и они устроили все это светопреставление? Только этого слишком мало, чтобы остановить меня!

— Иди сюда, Сагаир! — прорычал Алеор глухо и утробно, поднимая оружие. — Решим все раз и навсегда!

— О нет, мой дорогой, это ты иди сюда! Мне твой корабль еще понадобится, чтобы доплыть до берега! Очень мило с твоей стороны, что ты мне его подарил! — рассмеялся в ответ Сагаир.

В этот момент нос «Блудницы» поравнялся с бортом корабля Сагаира. Алеор сжался в комок, готовясь перепрыгнуть на другую палубу, но тут Сагаир сделал то, чего Лиара уж совсем не ожидала. Резко развернувшись всем телом и вложив в удар силу разжавшейся пружины, он грациозно махнул своим мечом, и кормовая мачта его корабля затрещала, застонала, начав заваливаться прямо на них.

С громкими щелчками лопались удерживающие ее канаты, словно тонкие ниточки, один за другим. Матросы в панике забегали по палубе «Блудницы», пытаясь укрыться от падающей мачты. А Сагаир все также стоял на корме своего корабля и улыбался, со сдержанным интересом рассматривая, как люди мечутся, пытаясь уйти от смерти.

Лиара сжалась у самого борта, всем телом прижимаясь к нему, чтобы ее не задело при падении. А ее замороженный взгляд все никак не отрывался от стоящего на корме Сагаира. Разве может живое существо быть так жестоко? Разве может это быть, Великая Мать?

Она еще услышала, как Сагаир обернулся и бросил стоящему у штурвала корабля стаху, который отступил на несколько шагов назад от рулевого колеса, дикими глазами глядя на то, как падает мачта:

— Поднимите Раду в воздух и держитесь в метрах пятидесяти к северу от корабля. Ждите приказов. Если драка затянется, в чем я сомневаюсь, несите ее к берегу.

С протяжным стоном подрубленная мачта рухнула вниз, и «Блудница» глубоко просела в холодные морские волны от чудовищного удара в корпус.

===== Глава 46. Обыкновенное чудо =====

От чудовищного удара упавшей мачты «Блудница» глубоко просела в воду. Со всех

сторон слышались крики, люди пытались выпутаться из обрывков разрезанных стахами парусов, веревок и канатов. Равенна что-то отчаянно кричала, призывая матросов крепить закачавшиеся мачты самой «Блудницы», но в такой панике ее просто никто не слушал.

Два корабля сцепились намертво, закружили на месте, когда ветер поволок «Блудницу» с поднятыми парусами вперед, а упавшая мачта корабля Сагаира застряла намертво между двумя мачтами фрегата Равенны. С натужным скрипом «Блудница» зашаталась на волнах, стремясь вырваться из хватки, накренилась, затрещала обломанная мачта корабля Сагаира, почти что отрываясь от основания.

Лиара поняла, что это ее последний шанс. Еще несколько мгновений, и мачта отвалится с концами, а два корабля разойдутся в стороны, и тогда она уже не успеет добраться до Рады. Из последних сил подхватившись с палубы, она бросилась вперед, к замершему между двумя бортами толстеному бревну.

Алеор опередил ее. Мягко, словно кот, он вскочил на хлипкий мостик, перебежал по нему на вражеский корабль и почти что взлетел по трапу на корму, к Сагаиру, который ждал его, расслабленный и спокойный. Сагаир шагнул к нему навстречу, плавно и неторопливо, словно собирался танцевать. И в следующий миг вокруг них двумя серебристыми вспышками завертелась сталь.

Ты бежишь на палубу корабля, где сражаются два Тваугебира! На миг Лиара ощутила себя по-настоящему сумасшедшей: ведь только безумец мог полезть туда, где дрались два этих монстра. И также молниеносно отбросила прочь мысли, а ноги сами вскочили на дрожащую, опасно кренящуюся мачту.

У нее не получилось так же ловко, как и у эльфа. Корабли шатало, крутило на месте, кренило из стороны в сторону, словно «Блудница» обладала собственной волей и отчаянно стремилась вырваться из хватки вражеского корабля. Мачта под ногами ходила ходуном, и Лиаре пришлось расставить руки в стороны и балансировать над бурлящей внизу, между двух кораблей, ледяной морской водой. Оскальзываясь, почти падая, она с трудом преодолела расстояние до противоположного борта, и в тот момент, когда пыталась спрыгнуть на палубу, что-то сильно ударило ее в спину.

Лиара охнула, взмахнув руками и покотившись вперед по твердым доскам настила. А сзади послышалось какое-то громкое сопение и полный гнева рык Улыбашки:

— Ты совсем страх потерял меня в спину толкать?! Я едва Светозарную за борт не вышвырнула!

— Если бы ты не поторопилась, за бортом сейчас были бы мы все, — ответил ей хриплый, смутно знакомый Лиаре голос.

Лиара обернулась через плечо и разглядела кое-как поднимающихся рядом на ноги Улыбашку и Гардана, а в следующий миг мачта с громким треском наконец оторвалась от основания до конца и тяжело поползла прочь с корабля. «Блудницу» швырнуло ветром вперед, верхушка обломанной мачты на ее палубе резко задралась в небо, когда толстое основание потянуло к низу, сползая с борта, и моряки вновь бросились врассыпную, чтобы не быть раздавленными падающей мачтой.

Сердце так бешено колотилось в груди, что дышать было больно, а живот словно набили льдышками страха, посылающими слабость в дрожащие руки и ноги.

В каких-нибудь десяти метрах от нее на корме отчаянно дрались Алеор с Сагаиром. Это не походило ни на что, виденное ей в жизни. Мечи мелькали так быстро, что окружили сражающихся двумя сверкающими колесами из стали, а сами они ни секунды не оставались

на месте, постоянно перемещаясь, кружась друг вокруг друга, танцуя, расходясь и набрасываясь вновь и вновь.

Прямо на ее глазах Сагаир неуловимым движением подсек ноги Алеора, и тот опрокинулся навзничь, но в полете успел извернуться как кот и пнуть брата ногой в живот. Сагаира отбросило к бортовому ограждению, и Алеор перекатился по полу, нанося удар снизу вверх, который Сагаир моментально отбил, смещаясь вправо и только наращивая темп атаки.

Это было похоже на ураган, перемещающийся вдоль кормы, и Лиара прекрасно понимала, что в любой миг этот ураган может достигнуть их самих. Нужно было убраться подальше, как можно дальше убраться от сражающихся эльфов, хоть это само по себе и звучало абсурдно, ведь они все вместе остались на предоставленном воле волн корабле посреди открытого моря, «Блудница» уже ушла далеко в сторону, а ее команде было пока что не до того, чтобы сворачивать паруса и разворачивать ее в обратную сторону.

Лиара обернулась к Раде и едва не застонала от отчаяния: два стаха, мощно взмахивая черными кожистыми крыльями, поднимались с палубы, а она безвольно болталась между ними, поддерживаемая под руки, словно мешок с мукой.

— Нет!

Лиара сорвалась с места, бросаясь в ее сторону, надеясь, что успеет хотя бы подпрыгнуть и за ноги стахов уцепиться, чтобы удержать их от взлета, но когда она пробежала разделяющее их расстояние и выпрыгнула так высоко, как только могла, руки лишь цапнули воздух. Больно ударившись грудью о борт при приземлении, Лиара замерла, чувствуя невыносимое, глубокое, как море отчаяние.

Ее взгляд встретился с глазами Рады. Лицо той было распухшим и почти неузнаваемым, превратившись в один лилово-зеленый синяк, но эти глаза, синие, как весеннее небо, полное солнечных лучей, Лиара узнала бы где угодно. И в них сейчас почему-то была только нежность, невероятная, буквально парализовавшая ее нежность, такая огромная, что запросто растопила бы все ледники мира.

За спиной послышался грохот тяжелых башмаков Улыбашки и ее рык:

— Не уйдешь!

Лиара с трудом оторвалась от глаз Рады и обернулась, успев заметить, как на бегу Улыбашка отводит руку и весь корпус назад, раскручивая в руке топор.

— Нет! — вновь крикнула Лиара, выбрасывая руку вперед и пытаясь остановить гномиху, но топор уже слетел с ее ладони, с глухим гулом проносясь прямо мимо лица Лиары.

На один миг сердце остановилось, когда Лиара представила, как этот топор вонзается прямо в тело Рады, если гномиха промахнулась. А потом серебристый сполох ударил одного из стахов в грудь, и он с рычанием откинулся назад, выпуская Раду и начиная медленно падать в море.

Оба стаха держали по одной руке Рады, а потому после падения одного из них, Раду резко рвануло вниз, и она хрипло вскрикнула, повиснув на одной руке. Стах, что еще держал ее, заметно просел в воздухе, часто забил крыльями, пытаясь справиться с весом. Он еще успел оскалиться и зарычать на Улыбашку сквозь длинные острые иглы-клыки, как второй ее топор ударил его в лицо, и стах выпустил Раду, опрокидываясь на спину.

Лиара охнула, когда Рада камнем рухнула в воду, а мимо нее самой метнулась чья-то тень. Это был Гардан, в один короткий прыжок преодолевший отделявшее его от борта

расстояние и перемахнувший через него в море.

— Веревку! — вскрикнула Лиара, бросаясь к каким-то обрывкам канатов возле борта, которые раньше держали мачту.

Ее руки схватились за тугие узлы, и Лиара принялась отчаянно дергать их, вот только узлы не поддавались.

— Отойди! — приказала Улыбашка, и Лиара отскочила прочь, а гномиха быстрым движением тонкого ножа перерезала веревку у самого узла и потянула ее к себе.

Лиара метнулась к борту, за которым в воде виднелись две головы: Радина, что поминутно скрывалась под высокими волнами, и Гардана, который отчаянно плыл к ней, мощно загребая морскую воду.

Улыбашка уже была рядом с ней. Вдвоем они быстро скинули вниз обрывок каната, и гномиха отчаянно замотала руками над головой, вопя:

— Парень! Давай сюда! Мы вас вытащим!

В этот момент Гардан доплыл до Рады и подхватил ее, и Лиара вздохнула, чувствуя такое невыносимое облегчение, что ноги подломились.

Теперь оставалось лишь дожидаться, когда наемник подтащит Радугу к борту корабля, и они с Улыбашкой вытянут их из воды. Лиара обернулась, ища глазами сражающихся братьев, и сердце ее вновь остановилось.

Алеор не успевал. Он двигался очень быстро, так быстро, как не смог бы ни один живой человек на его месте, и все же Сагаир опережал его. Как бы ни стремился Алеор, как бы ни атаковал, как бы ни набрасывался на брата то с одной, то с другой стороны, Сагаир все равно был на полвздоха быстрее, сильнее, ловчее. Его руки летали двумя стремительными стрекозами, их движение можно было разглядеть только с огромным трудом. Он перемещался с одной точки на другую, словно не касался ногами палубы, словно корабль не бросало на волнах из стороны в сторону, и на него не наваливался всей своей мощью Алеор. И при этом было видно, с какой легкостью даются ему эти движения, в то время, как Алеор начал уставать.

Ренон-младший тяжело задышал, и руки его теперь вздымались уже не с такой скоростью, как раньше. На каждое движение ему теперь нужно было еще дополнительных полвздоха, чтобы набраться сил, а Сагаир лениво пережидал эти мгновения, словно специально дразня его, играя с ним, позволяя ему вымотаться до предела. Атмосфера вокруг сражающихся эльфов стремительно менялась, и теперь это уже не выглядело битвой двух ураганов, теперь это была раздувшая капюшон кобра, покачивающаяся в воздухе и выжидающая мгновение, чтобы нанести последний, сокрушительный удар.

Лиаре захотелось крикнуть, хоть как-то предупредить Алеора, заставить его отступить или уйти прочь, но слова замерли в глотке, пережатые чьими-то сильными ледяными пальцами. Она прекрасно знала, что Алеор не остановится, как и Сагаир, что им обоим некуда было деваться с этого корабля, и что уйти отсюда мог только один Ренон. И она видела, с какой ленивой легкостью Сагаир идет к тому, чтобы остаться единственным Стальвом Этлана, почти что играя отбрасывая прочь своего младшего брата раз за разом.

Атмосфера накалилась добела, и воздух вокруг двух братьев задрожал. Лиара боялась вздохнуть, и ей даже показалось, что сердце в груди замерло на один невыносимо длинный миг. Сагаир сделал резкий выпад, и Алеор скрестил перед собой лезвия кинжала и меча, чтобы закрыть грудь. В последний момент вооруженная мечом рука Сагаира ушла в сторону, Алеор инстинктивно дернулся следом за ней, и вторая сжатая в сухой кулак ладонь врезалась

прямо в лицо Алеора. Он запрокинул голову, откинулся назад, от неожиданности ослабляя хватку на скрещенных мечах перед грудью, захрипел от боли, и Сагаиру оказалось достаточно этих мгновений, что были тоньше волоска. Серый меч в его руках ударил вперед, быстро, как гадючьи клыки, и пронзил плечо Алеора насквозь.

С криком младший Ренон упал на одно колено, а Лиара прижала к губам ладони в слепом ужасе. Сагаир по-хозяйски навис над братом и для надежности хорошенько рванул рукоять меча в сторону, вырывая у брата второй крик. Левая рука Алеора разжалась, и кинжал выпал из нее на палубу.

— Ты слаб, мальчик! — Сагаир неторопливо выпрямился, глядя сверху вниз на Алеора с жестокой улыбкой на тонких губах и холодным презрением на дне синих, как небо, глаз. — Ровно так же слаб, как был, когда мы последний раз встречались. Я надеялся, что хоть какой-то урок ты вынес из этой встречи, и хоть что-то сделал за прошедшие полторы тысячи лет. Да вот только все, что ты умеешь делать, это прятаться за спинами женщин и подначивать полоумных церковников на бунт!

— Алеор! — во всю глотку закричала Улыбашка рядом с Лиарой, словно только что вырвавшаяся из оцепенения. Глаза у нее были огромными и полными ужаса.

Сагаир не обратил на ее крик никакого внимания. Спокойно вытащив меч из тела брата одним плавным движением, он резко встряхнул клинком, и алые капли просыпались гранатовыми зернами на выскобленные до белизны доски палубы.

— А теперь умри, мальчик, — тихо проговорил Сагаир, занося меч над головой обеими руками.

— Спасибо, Сагаир! — с трудом проговорил Алеор, и руки старшего Ренона замерли.

— За что? — без особого интереса поинтересовался тот, глядя сверху вниз на брата.

— За то, что вылил часть моей крови, — хрипло отозвался Алеор, кивая на алые потоки, уже успевшие пропитать его черную куртку насквозь и начать капать на доски палубного настила.

Внезапно ледяной холод продрал Лиару по всему позвоночнику, когда Алеор вдруг хрипло-хрипло задышал, содрогаясь всем телом. Мокрые, свалывшиеся от пота волосы закрывали его лицо, и его не было видно, но Лиара чувствовала, что прямо сейчас что-то происходит. Эльф весь звенел, будто неподатливая сталь под кузнечным молотом, дрожал всем телом, рвался куда-то, и Лиара начала догадываться, что он делает.

Алеор говорил, что не может выпустить Тваугебира, пока концентрация серебра в его крови не достигнет нужного уровня. И раз она еще этого уровня не достигла, он просто принял единственно возможное в этой ситуации решение: позволил Сагаиру вылить из него часть лишней крови, чтобы Тваугебиру хватило сил вырваться. Этот эльф совершенно безумен, промелькнула в голове леденящая жилы мысль, и Лиара содрогнулась от пробежавшего по позвоночнику холодка.

Лицо Сагаира внезапно изменилось, и тень подозрения промелькнула в глазах. А в следующий миг Алеор вскочил, и из его глотки вырвался леденящий душу вопль, то ли взвизг, то ли рык, что-то пронзительно высокое и настолько неприятное, что руки Лиары инстинктивно потянулись к голове, чтобы заткнуть уши.

Головой вперед то, что раньше было Алеором, ударило Сагаира в грудь. Тот явно не ожидал атаки, и отступил назад, но меч в руках удержал. Немыслимой тяжестью Тваугебир повис на его руках, отжимая их вниз. Его левое плечо было пронзено насквозь, левая рука не двигалась, повиснув плетью, но он словно и не чувствовал боли, отжимая и отжимая обе

руки Сагаира вниз, давя на них всем телом.

По палубе под ногами Лиары побежала дрожь, застонали, затрещали доски под ногами двух застывших на корме эльфов. С ревом Алеор все-таки перемог брата, и они оба почти что упали на палубу, а меч Сагаира, звякнув, ударился о борт и вылетел за ограждение.

Корабль ощутимо качнуло, и Алеор откатился прочь от брата, сжавшись в тугой комок и стоя на палубе напротив него. Сейчас он выглядел поистине жутко: весь в крови, с недвигающей рукой и глазами, в которых серебристым льдом замерзла радужка. Из рта его вырывалось тяжелое дыхание, словно у бешеной собаки.

— Ну что ж, может, ты чему-то и научился, — спокойно признал стоящий напротив него Сагаир. Глаза его медленно обрастали инеем, который затягивал всю глазницу и расползлся дальше, прямо на щеки и брови, покрывая кожу тонкой корочкой серебристого льда. — Только этого недостаточно, чтобы остановить меня.

Еще миг они колебались на невыносимо тонкой бритвенной грани времени, приглядываясь друг другу, привыкая к друг другу, словно видели в первый раз. А затем невидимая пружина разжалась, два Тваугебира стремительно бросились друг на друга и закружились в черном вихре, в котором с трудом можно было различить контуры их тел. Как воронка смерча, разразившегося прямо посреди корабельной кормы, сражались два брата, сражались с немыслимой скоростью, отчего их движения казались размытыми, чересчур замедленными, и глаз был не в состоянии выхватить из этого безумия хоть один четкий удар. До Лиары доносилось разноголосое визгливое рычание, что-то среднее между рыком глотки хищника и протяжным воплем ночной птицы, леденящее кровь и лишаящее воли, и она с трудом подавила в себе порыв броситься через борт в море к Гардану и Раде, лишь бы оказаться подальше от этих двоих, как можно дальше.

— Твою мать! — тяжело сглотнула рядом Улыбашка и резко развернулась к борту, за которым Гардан уже подтаскивал Раду к болтающейся над самой водой веревке. — Надо немедленно вытаскивать их и смываться отсюда!

— Куда? — почти что в отчаянии вскричала Лиара. — «Блудница» ушла! Мы можем или в воду, или сюда!

— Грозар Громовержец, убереги нас! — зашептала Улыбашка, и руки ее, что держали веревку, которую снизу перехватил Гардан, задрожали.

Рассудив, что если им в открытом море будет еще ничего, то Раде уж совсем плохо, Лиара силой заставила себя отвернуться от сражающихся Тваугебиров и принялась вместе с Улыбашкой тянуть веревку. Откуда взялись силы, она уже и знать не знала, вот только наемник с Радой все равно были почти что неподъемные, и толку от ее потуг не было совсем. А вот Улыбашка пошире расставила свои короткие толстые ноги и налегла на веревку с такой силой, с какой не смогли бы и трое человеческих мужчин. И уже через несколько минут Лиара принимала из рук Гардана почти что бездыханное тело Рады и помогала перетаскивать его через борт.

Черный Ветер навзничь упала на доски, и рассыпавшиеся по палубе брызги с ее мокрых волос были розовыми, с отсветом крови. Она дышала, с трудом, но дышала, и Лиара вдруг ощутила себя такой беспомощной, такой робкой, глядя на нее. По всему телу Рады расцветали темные отметины от синяков с плохо зарубцевавшимися кровяными подтеками, а лицо едва узнавалось под огромной опухолью, залившей все синевой и деформировавшей ее черты.

Лиара только беспомощно тронула ее щеку, ту, что выглядела более здоровой, понимая,

что даже не в силах ничем помочь. Она не была целителем, она не владела энергией Источников, и она была иссушена до того предела, после которого уже не могла пропустить через себя ни единой крохотной капельки силы Великой Матери.

Рядом с руганью перебирался через борт Гардан, которого поддерживала Улыбашка, с другой стороны палубы с оглушительным визгом и рычанием дрались насмерть Тваугебиры, а Лиара склонялась над Радой, поливая горячими слезами ее разбитое лицо. И веки Радь дрогнули, поначалу слегка-слегка, затем глаза открылись, и в них вновь была нежность, неопишная, огромная нежность, заполняющая собой весь мир.

Золото в груди стало невыносимым, тугим, пульсирующим, будто прямо внутри нее колотилось огромное чужое сердце, стремясь разорвать ее плоть и вспыхнуть вновь рожденным солнцем в мириадах брызг солнечной пыли. Рада уже почти что и не соображала, что происходит вокруг нее, едва заметила собственное падение в соленую ледяную воду и руки Гардана, непонятно каким образом взявшегося тут и куда-то потащившего ее через волны. Перед глазами ее все качалось и мелькало, и свет то и дело совсем мерк, сменяясь чем-то иным: заполняющим все золотым сиянием.

Откуда-то издали наплывала громадными волнами, накрывала с головой, наполняла ее целиком, как пустой кувшин, музыка, которой Рада даже не могла дать названия. Звуковые волны, дышащие мощью ветров и тишиной предрассветных туманов в начале осени, громадные золотые переливы, заполняющие всю ее до самой последней клеточки трепетом крохотного мотылька, пойманного в стеклянную колбу и поднесенного к источнику света. Ей казалось, что ее сейчас разорвет, сомнет, растолчет в пыль этой немислимой мощью, и все-таки что-то еще оставалось, что-то способное держаться, когда уже никаких сил не было в этом иссушенном и изнуренном теле.

Тысячами вспышек расплылось перед глазами что-то ослепительно-золотое, и из его глубины на нее смотрели. Это был взгляд, который невозможно было описать, взгляд, который подчинял себе, который узнавал ее за один миг, узнавал всю ее, все о ней, о ее прошлом и будущем, о том, из чего она была сделана, на что годилась. Это был взгляд мастера, рассматривающего кусок руды и размышляющего, что бы слепить из него. Это был взгляд двух ослепительных пламенников, чьи зрачки напоминали то ли павлиньи перья, то ли лесной пожар, и Раде казалось, что она сейчас сторит, вспыхнет, будто сухая трава, и обратится в пепел, в рассыпчатую золу, а дальше и вовсе в ничто, так горячи и требовательны были эти глаза.

Только этого не случилось. Интенсивность отступила, и прямо из этих двух зрачков на нее посмотрели другие глаза, серые, словно штормовое море, полные теплых, горьких слез, и из вспышки потрескивающего жаркого света выплыло лицо Лиары в обрамлении серых, затягивающих небо облаков с голубыми разрывами туч.

Рада попыталась открыть рот и что-нибудь ей сказать, и вот тут-то все и началось.

Камнем на нее упала и придавила, буквально размазала ее по доскам палубного настила тишина. Базальтовая мощь, такая твердая, что и алмаз бы не прорезал, скала света рухнула сверху, протиснувшись сквозь ее тело, и это тело, жалкое, избитое, усталое, полное боли и страха, это тело внезапно ощутило такое наслаждение, что Рада хрипло вскрикнула, не в силах терпеть это.

Пела каждая клетка, пела, заливаясь тысячами соловьев на рассвете, рыже-розовым ореолом солнца на самой кромке густо-синих древесных крон, усыпанными крохотными серыми капельками тумана листьями, замершими в ожидании первого золотого луча. Нектар

слаще меда, ослепительно сияющая радость, медоточивая нежность устремилась в ее тело, наполнив его до предела, пронзая насквозь, напавшая после стольких лет мучений, стольких лет жажды и слепой полу-жизни на пыльном бездорожье среди тысяч путей, которыми несли Раду ее глупые ноги. И она застонала от наслаждения, от узнавания, от такого немислимого облегчения каждого кусочка собственной плоти, которого просто не могло существовать, просто не могло.

Этого не может быть! Это не со мной! Это мне снится!

Она увидела, будто со стороны, как все ее раны, все ее опухоли, порезы и синяки исчезли. То есть еще миг назад они были, а в следующий миг их уже не было. Было просто ее тело: здоровое, крепкое тело, буквально пылающее каждой клеткой, пронзенное тысячами солнечных лучей, что вырывались через каждую пору золотыми пучками.

Этого не может быть! Рада задыхалась в коконе ослепительного наслаждения, в собственном здоровом теле, в котором не было ни следа былых побоев и повреждений. Для исцеления всегда нужен посредник, сила не приходит прямо из Источника в тело! Это невозможно! Этого не может быть!

В тот же миг наслаждение обратилось в боль, и Рада закричала уже по-другому, когда кипящий яд хлынул в ее жилы, напитав тело, словно губку, насквозь обжигающей болью расплавленного текучего металла. В мгновение ока опухоль вновь исказила ее лицо, застонали отбитые кости, закровили и заныли внутренние органы, кожа покрылась синяками и ссадинами, и Рада задохнулась от боли и непонимания. С ней происходило что-то, что просто не укладывалось в ее голове. Что-то, чего не могло быть.

ЭТО — ЕСТЬ. ВЕРЬ. И БУДЕШЬ ЖИТЬ.

Это был не голос, это было чувство-ощущение, картинка со вкусом, запахом и цветом, развернувшаяся прямо в ее распахнутой груди, как распускается большой розовато-золотистый цветок навстречу солнечным лучам. И Рада отчаянно вцепилась в это ощущение, соглашаясь на все, принимая все, лишь бы вновь хотя бы на миг, на одно биение сердца ощутить то золото и блаженство, которое теперь казалось единственным возможным существованием из всех, что она когда-либо знала.

И блаженство хлынуло в нее, золотом, водопадом, срывающимся с теряющейся где-то в небесах скалы, с интенсивностью, способной дробить гранит, с мягкостью самого нежного объятия матери. Тело наполнилось им, напиталось им, тело вновь было здоровым, и на этот раз ей самой не было дела до того, как это получилось. Просто в одном состоянии сознания все это было всепоглощающей болью, а в другом — точно таким же ослепительным наслаждением. Но эта была одна и та же вещь, одна и та же, и одно и то же тело Рады переживало эту вещь, лежа на досках палубного настила и становясь то смертельно раненым, то абсолютно здоровым.

Что-то глубоко внутри нее, вечно досаждающий, шепчущий голосок внутри сознания тихонько бормотал, что прямо сейчас с ней происходило чудо, самое настоящее чудо из тех, о которых пели песни, сочиняли сказки и рассказывали байки. Только это вовсе не чувствовалось как чудо, это было что-то правильное, настолько правильное, истинное, кристально прямое и простое, что Рада знала: по-другому просто не могло быть, не бывало. «По-другому» — было ложью, сереньким блеклым отсветом сквозь заляпанное бугристое слюдяное окошко на фоне ослепительного сияния чистого солнца, бьющего прямо в лицо. И Рада дышала ему навстречу, дышала и не могла надышаться. И лишь ее распахнутые глаза смотрели прямо в серые глаза Лиары, смотрели сквозь нее и видели что-то в ней, отголосок

чего-то до боли знакомого, крохотный обломок солнечного каравая, что прятался за серыми тучами на дне ее штормовых зрачков.

Лиара не понимала, что происходит, но Рада перед ней с невероятной скоростью менялась. Еще несколько мгновений назад она была почти что без сознания, и ее тело изломанной изодранной куклой застыло в руках Лиары, такое тяжелое, словно вся сила оставила мышцы вместе с вытекающей на доски палубы ледяной морской водой, которой напиталась одежда Рады.

Потом что-то изменилось в воздухе, изменился сам воздух, атмосфера, пространство — у Лиары не было этому слова. Что-то интенсивно сгустилось вокруг тела Рады, и онс полыхнуло, почти что взорвалось вспышкой света, в которой все порезы, ушибы и травмы на миг исчезли. Лиара даже не успела моргнуть, как все вернулось вновь: раны, обессиленная Рада, вода, освещение, и лишь зрачки Рады сжались в маковую росинку, а глаза были так широко распахнуты, что дрожали ресницы, и в них звенело напряжение, оголенное напряжение до предела натянутых нервов.

— Что происходит? — хрипло воскликнула рядом Улыбашка, не сводя глаз с Рады.

— Я... — Лиара даже не знала, как продолжить, просто не знала, что сказать дальше.

Это было не похоже ни на что из виденного ею в жизни, и при этом было таким знакомым, таким родным, словно случалось с ней тысячи тысяч раз с каждым новым вздохом. Это было чудом.

Вдруг вновь что-то изменилось. Это случилось за одну тысячную сердечного вдоха или взмаха ресниц, только теперь на руках Лиары была уже не изможденная, израненная Рада. Теперь она выглядела точно так же, как и всегда, разве что мокрой насквозь, и на губах ее мягко расцвела нежная, как лепестки яблоневого цвета, улыбка.

— Что?.. — договорить Лиара не успела.

Из-за спины послышался хриплый надтреснутый вопль, словно визг тысяч искаженных в муке ртов. Он прошил ее тело насквозь, заставив вздрогнуть и обернуться через плечо. Там, на корме, скорчившись на палубе и прижимаясь к ней брюхом, словно жаба, отползал от них прочь Сагаир.

Лиара застыла, глядя в его искаженное черной ненавистью лицо. Оно до сих пор было покрыто тонкой пленкой измороси, а глаза выглядели как две серебристые рыбки, шевелящиеся под толстой коркой льда, намерзшего на проруби. Сагаир жался к палубе, двигаясь рвано и резко, почти как атакующая змея, и при этом глаза его не отрывались от Рады, следя за ней, будто замороженные.

Лиара вздрогнула, когда Рада аккуратно отстранилась от нее, поднимаясь на ноги. Она не сказала ни слова, лишь взглянула на Лиару, и в глазах ее был такой ослепительный, такой чистый свет, что весь страх и напряжение моментально схлынули, будто кто-то смыл их с плеч Лиары ледяной водой. Она успокоено осела на палубу, ощутив себя котенком, свернувшимся в чьей-то надежной ладони, знающим, что ему ничего не угрожает. В глазах Рады светились другие глаза, и внутри нее сейчас билось что-то иное, привычное и такое смутно знакомое. Не хватало лишь языков пламени над ее плечами и серебристого копья молнии в руке.

О чем я думаю? Что происходит?.. Мысли расплывались в голове Лиары, расплзались старым гнилым тряпьем, ненужные и лишние. Она ровным счетом ничего не понимала, да и не хотела понимать. Ощущение золотого надежного покоя окружило ее кольцом мягких рук, и она доверчиво приникла к чьему-то невидимому плечу, отстраненно разглядывая то, что

сейчас разворачивалось прямо перед ее глазами.

Рада выпрямилась, внезапно показавшись выше, чем была на самом деле. Лиара еще расслышала пораженный полувскрик Улыбашки и проклятие Гардана, когда самое настоящее пламя заплясало на ее коже, обхватив все ее тело и при этом странным образом не сжигая ни одежду, ни волосы. Лиара даже не удивилась этому, это казалось единственно возможным и естественным. Иначе быть не могло.

Рада шагнула в сторону Сагаира, и он сжался на палубе в оскаленный напряженный комок, рыча на нее сквозь длинные клыки. Что-то невидимое повисло в воздухе между ними, словно стена, которую они толкали друг на друга, стена из воли или ненависти, или лжи, Лиара не понимала. Только Рада сделала еще шаг вперед, и Сагаир зашипел громче, на брюхе пятясь от нее к кормовому ограждению корабля. Сейчас он походил на какого-то паука или мелкое черное насекомое, застигнутое врасплох поднесенным огнем. Словно замороженный он глядел на объявшее ее пламя и шипел, все более угрожающе, шипел до тех пор, пока между ними не осталось меньше десяти метров пространства.

Напряжение достигло предела, став ощутимым в воздухе, словно каждая его крохотная частичка потрескивала как от удара молнии. А потом, словно спугнутый кот, Сагаир вдруг вскочил с места и перевалился через борт, падая в воду. Мелькнули его черные сапоги, но всплеска внизу не послышалось, лишь напряжение внезапно спало с Лиары, и она только сейчас поняла, что была скована им по рукам и ногам, не имея даже возможности мизинцем шевельнуть.

— Боги пресветлые, она его прогнала!.. — выдохнула рядом Улыбашка, и это, судя по всему, было правдой.

Даже Лиаре сейчас было физически тяжело находиться рядом с Радой, и это при том, что она любила эту женщину всем сердцем и всей собой узнавала силу, что исходила от нее. Однако, концентрация этой силы была настолько мощной, что оставалось только удивляться, как еще в щепки не разваливается корабль, как не разлетаются доски крошечной мельчайшей древесной пыли. Казалось, что само небо сейчас превратилось в громадный кулак и через Раду давило на палубу искореженного корабля, словно стремясь утопить его целиком.

— Он упал в воду? — Улыбашка первой очнулась и сорвалась с места, бросаясь к борту. Ее роста не доставало для этого, и она только подпрыгивала у самого борта на месте, пытаясь переглянуть через край. Обернувшись, Улыбашка сдвинула брови и позвала Лиару: — Светозарная, да очнись же ты! Помоги мне! Посмотри, он совсем ушел или где-то прячется?

— Совсем, — сорвалось с губ Лиары, хоть она и не знала, откуда пришло это знание. Но это было так. ТАКОЙ мощи Сагаир просто не мог сопротивляться. Наверное, даже сам Сети'Агон не смог бы, — рассеяно подумала она.

— Но это еще не все, — послышался за ее плечом хриплый голос Гардана, и Лиара поняла, что он имеет в виду.

В странной статичной энергии этого поединка они совсем забыли про Алеора. Естественно, что первым делом следовало нейтрализовать Сагаира, но это не означало, что второй Тваугебир теперь стал безопасным и ласковым. Рада как раз повернулась в его сторону, и Лиара ощутила, как ёкнуло в груди сердце, сжимаясь от страха и жалости.

Алеор скрючился у борта, прижимая к себе свою пронзенную насквозь руку, сгорбившись и рыча. Каким образом у него еще сохранились силы стоять под

невыносимостью светлого взгляда чужих глаз, глядящих на мир из глазниц Рады, Лиара даже не представляла. Только когда Рада сделала шаг ему навстречу, вытягивая руку, Алеор приподнял верхнюю губу и зарычал, выставя напоказ окровавленные десны. И в следующий миг бросился вперед, будто выпущенный из пращи камень.

На один короткий удар сердца Лиара решила, что сейчас случится непоправимое. Только произошло вовсе не то, чего она ожидала. Рада дернулась Тваугебиру навстречу за миг до начала его движения и двигалась она гораздо быстрее его самого. У самого борта корабля они схватились, замерев на месте, застыв, словно погруженные в смолу, и Лиара видела, как дрожат от напряжения руки Рады, сжимающие окровавленные плечи Алеора, как тот всем телом рвется ей навстречу, стремясь дотянуться до ее горла острыми клыками, а единственной двигающейся рукой вцепился в ее живот и почти что проминает пальцами ее мясо, будто пытаясь выдрать внутренности. Потом было какое-то движение, которое Лиара даже не уловила, и в следующий миг на палубе уже никого не было, а за бортом послышался громкий всплеск.

Не помня себя, Лиара бросилась к борту и перегнулась через ограждение, глядя вниз. Там в высоких морских волнах боролись Рада и Тваугебир. С оглушительным шипением пламя, что танцевало на ее коже выпаривало морскую воду и при этом не гасло, и густые белые облака пара валили в стороны, почти что полностью укрыв фигуры сражающихся от глаз Лиары. Она могла разглядеть сквозь это марево лишь кипящую воду, из которой то и дело показывались ноги Алеора, отчаянно дергающиеся, дрожащие в конвульсиях.

— Боги, что она делает? — прохрипел рядом Гардан, и Лиара поняла, что даже не заметила, как он подбежал к борту следом за ней.

Порыв ветра налетел откуда-то издали, слегка разогнав прочь пар, и на этот раз Лиара смогла увидеть Раду, что наваливалась на плечи Алеора, заталкивая его под воду, его отчаянно мотающиеся руки и ноги, когда он барахтался в волнах, пытаясь выбраться из ее хватки.

— Она топит его?! — фальцетом взвизгнула Улыбашка.

Снизу из морских волн долетал рев, рычание, плеск и шум брызг, который перекрывало громкое шипение выпаривающейся воды. Постепенно шум сражения стихал, и вскоре шипение пара осталось единственным, что все еще слышала Лиара. Вскоре пропало и оно, и осталось лишь белое облако над поверхностью воды, в котором совсем негромко что-то плескало.

— Эй! — разрезал это густое белое марево хриплый усталый голос Рады. — Кто-нибудь, бросьте мне канат! Надо вытащить этого идиота и откачать его, пока сердце не остановилось!

— Он еще живой? — дрожащим голосом спросила гномиха, с опаской глядя сквозь медленно рассасывающееся под порывами ветра паровое облако.

— Живой, — уверенно отозвалась Рада. — Но он потерял много крови и прилично глотнул морской воды. Бросайте веревку!

— А Тваугебир? — уточнил Гардан.

— Его больше нет, — ответила Рада. — Это просто Алеор и никого больше.

Солнце проглянуло из-за туч и отразилось от ее золотой макушки, потемневших и облепивших ее голову шапочкой волос. Лиара разглядела ее лицо, на котором не было ни одной раны или царапинки, и вздохнула, понимая, что на этот раз действительно все. Все.

Напряжение спало, и холодный морской ветер уносил прочь клочья тумана,

стелющегося над водой. Не было больше никакого пламени на коже Рады, никакой бешеной силы, перемалывающей все ее нутро, интенсивного давления, едва не расплющивающего корабль в лепешку. Была лишь ее Рада, усталая, но здоровая, держащая в руках бездыханного окровавленного Алеора. И Сагаир пропал без следа, словно все это померещилось им, словно всего этого и не было на самом деле.

Лиара ощутила, как подламываются под ней ноги, и без сил опустилась на палубу. Вокруг нее еще что-то кричали Улыбашка с Гарданом, и Рада приглушенно отвечала им из-за борта корабля, но Лиара уже просто не была в состоянии слышать или видеть, что происходит. Силы окончательно оставили ее, силы, которых и так-то не было, а сама она будто бы все это время держалась на тонкой-тонкой стальной нити, протянутой из конца в конец ее тела, и позволяющей ей оставаться на ногах. И теперь, когда закончилось все это безумие, нить, наконец-то, лопнула.

На все воля твоя, Великая Мать. Лиара закрыла глаза и откинулась на доски палубы, позволяя себе провалиться в теплую черноту грез, сквозь которую осыпающимися лепестками вишни под ветром падали золотые пылинки.

===== Глава 47. Прогнать мысли =====

Облокотившись о планширь, Рада покуривала трубочку и, сощурившись, глядела вдаль. С востока налетал несильный ветерок, беспокоя серую рябь, и она в ответ вздыбливалась, словно шерсть на загривке недовольного пса. Море вздулось от тысяч мелких капелек мороси, что щедро поливала его уже который день, и облака на горизонте сливались с этой зыбью в одно единое колышущееся марево. Оно походило то ли на туман, то ли на северное сияние, о котором так много травили байки моряки, что отваживались плавать в Тарн, то ли просто на грязные тряпки на ветру. Но смотреть туда было удивительно приятно, и Рада тихонько ухмылялась под нос, прищуривая один глаз и любуясь морем. Вот таким она любила его. Не прозрачным и светлым, не лазоревым и теплым, а таким: беспокойно-холодным, ворчливым, вечно чего-то жаждущим и не получающим. И цвет у него был точь-в-точь, как у глаз Лиары.

На ветру посвистывали снасти, поскрипывали мачты, корабль тихонько пел что-то сам себе, разговаривал с людьми, что заботливо выдраивали его палубу, ухаживали за его мачтами, разворачивали паруса, чтобы толкающий в спину ветер не мешал ему вольготно плыть на запад. На запад, наконец-то! Рада вздохнула, прикрывая глаза. Весь этот ужас кончился, и теперь они плыли в Аластар, самый западный лонтронский порт, чтобы потом подняться вверх по течению Тонила в Речной Дом, где Лиара сможет найти ответы на свои вопросы. Затем двинуться прочь из Илледара на штурм Эрванского кряжа — Первой Преграды перед Бездной Мхира.

За спиной покрикивала Равенна, заложив руки за спину и расхаживая по палубному настилу. Она уже оправилась от полученных в сражении ран и полностью восстановила свои силы, чтобы вновь начать командовать кораблем. Рада не могла сказать, что ей нравилась эта женщина: больно много было в ней гонора и задиристого желания пободаться. В первый же день после окончания битвы, когда моряки «Блудницы» подобрали их с разбитого вдребезги корабля Сагаира, Равенна пришла к Раде знакомиться, и это знакомство не слишком-то пришлось ей по душе.

— Это тебя зовут Черным Ветром? — послышался за спиной звонкий голос, и Рада обернулась через плечо.

Сейчас ей уж точно было не до разговоров. Пришедшая из ниоткуда сила также в никуда

и ушла, оставив после себя легкий золотистый звон изможденного тела и лютую усталость. К тому же, они с Улыбашкой оказались единственными из отряда, кто пострадал меньше всех, а потому и забота об остальных раненых легла на их плечи

Лиару, впадшую в спокойное мягкое забытье, Рада сама отнесла на руках в трюм и уложила в гамак в то время, как Улыбашка, проклиная все на свете, пыталась привести в себя изможденного ильтонца. Кай все-таки очнулся, белый, как полотно, едва способный говорить, но, увидев, что стало с Алеором, сумел-таки взять себя в руки. Правда, сил ему хватило только на то, чтобы зарастить внутренний разрыв тканей эльфа, который мог угрожать его жизни, и слегка поумерить хлещущую из сквозной дыры в плече кровь. Потом ильтонец отключился уже с концами, и дозваться его было просто невозможно. Так что вдвоем с Улыбашкой они кое-как залатали нашедшимися в ее кармане нитками две громадные дыры в плече Алеора, при помощи матросов оттащили и его, и Кая в капитанскую каюту, уложив ильтонца на пол, а эльфа на кровать. Каюта Равенны была самым теплым и сухим помещением на корабле, так что раненым в ней было самое место, а все остальные могли подождать.

И когда Рада, наконец-то, обессилена опустилась на скатку каких-то канатов у самого борта корабля и приняла из рук Улыбашки трубку, чтобы хоть немного прийти в себя и покурить, Равенна и появилась со своими вопросами.

— Ну, меня, — буркнула Рада, разглядывая пиратку.

Та была красива, достаточно, чтобы вскружить голову любому мужчине. И опасна, судя по кривому клинку за ее кушаком и плавной, перекатывающейся походке. К тому же, на ее одежде зияли окровавленные прорехи, из чего Рада сделала вывод, что во время битвы в трюме она не отсиживалась.

Только вот роста в ней было не достаточно, да и держалась она как-то чересчур вольготно, развернув плечи и буквально бросая Раде вызов зеленым прищуром своих кошачьих глаз. Может, в нормальном состоянии Рада бы и не обратила на это никакого внимания: в конце концов, многие люди были о себе высокого мнения и пыжились этим, и уж точно пиратка, только что вышедшая живой из тяжелой схватки, имела на это право побольше, чем какой-нибудь разряженный в шелка лорденыш с масляными поросычьими щечками. Да только сама Рада сейчас была настолько выжата, что сил на пререкания и выяснения, кто здесь сильнее, у нее просто не было. Не говоря уже о том, что иная Воля, излечившая ее тело и придавшая сил для сражения с Тваугебирами, принесла с собой кристально-чистое ощущение правды, отголоски которого до сих пор еще трепетали в груди Рады, и на фоне этого все поведение пиратки казалось ей глупой детской игрой.

Потому она только окинула взглядом расправленные плечи Равенны и нагло вскинутый кверху нос и отвернулась, возвращаясь к своей трубке.

Некоторое время из-за спины не доносилось ни звука. Затем все-таки Равенна заговорила, только на этот раз спеси в ее тоне было поменьше.

— Я видела, как ты сражалась с тем эльфом, Сагаиром, кажется. И это было очень неплохо, знаешь ли. Только вот интересно мне, как ты проделала тот трюк с огнем?

— А это был не трюк, — пожалала плечами Рада, глубоко затягиваясь трубкой.

— Не трюк? — после паузы спросила Равенна. Теперь уже тон у нее был неуверенный и недоверчивый. — Так как же?..

Рада и сама хотела бы знать ответ на этот вопрос. То, что с ней произошло, не поддавалось никаким логическим объяснениям и уж точно не укладывалось у нее в голове.

Никогда и никто не исцелялся сам, для работы с Источниками всегда требовался проводник, человек, способный перенаправить и перераспределить мощь, заключенную в Купели. И это было логично: чтобы энергия, которую никто не мог пощупать и потрогать, дошла до тела, которое любой мог пощупать и потрогать, должен был быть кто-то, кто становился своеобразным мостом, который одинаково реально ощущал и энергию, и материю. Не могла энергия напрямую снизойти в тело и исцелить его, не могла и все. Однако же, ран на теле Рады больше не было, как будто их не было и вовсе, и она побаивалась думать, что это невозможно — помнила тот приказ, непреложный и твердый, обрушившийся, как кирпич на голову. И самое странное было в том, что живым доказательством этого чуда была она сама.

И по сравнению с этим исцелением ее кожа, обьятая языками пламени, была уже чем-то явно второстепенным, во всяком случае, это не удивляло ее так сильно, как сам факт исцеления. В конце-то концов, Рада все-таки была эльфом, хоть никто никогда не учил ее всем этим эльфийским премудростям, а эльфы могли делать кучу странных вещей, на которые были не способны все остальные расы. Может быть, все дело было в этом. А может, кулаки Сагаира, выбившие из нее все ее идиотское сопротивление и позволившие наконец принять Великую Мать, сделали свое дело, и она наконец-то перестала мешать Ее Воле проявляться сквозь себя. Хоть ей и непонятно было, почему именно ее выбрала Великая Мать, не только же из-за того, что она несла в себе кровь Стальвов.

Последнее подводило Раду слишком близко к мыслям о Детях Солнца, о которых теперь думать она не хотела. Наследники Ирантира, что однажды встанут против Сета, все время маячили перед ней, словно назойливая муха, все никак не желавшая улетать. Если этими наследниками были они с Алеором, то судьба их ждала крайне «интересная» и вовсе не такая героическая, как ей казалось в детстве. Судьба ничуть не легче, чем у Аватар Создателя. Кулаки Сагаира выбили и весь тот напыщенный бред, который она называла героической судьбой и особой участью, показав, как это выглядит на самом деле, и в глубине души Рада, несмотря на желание раздавить эту мразь по полу, осознавала, что должна была поблагодарить его за урок. И все равно думать об этом не хотелось ни в какую, а потому она просто предпочла выбросить из головы все мысли по поводу пламени, исцеления и вообще произошедшего. Мысли-то едва не свели ее с ума в том затхлом трюме со скрученными за спиной руками и отбитыми органами, и Рада теперь предпочитала не думать вообще.

Но не могла же она все это объяснить Равенне! Да и говорить ей не хотелось, если по чести, единственным желанием было одно: чтобы все оставили ее в покое.

Вздыхнув, Рада обернулась к пиратке и постаралась ответить как можно спокойнее, чтобы та не восприняла ее слова, как оскорбление:

— Просто так вышло, вот и все. С людьми много всего случается. Иногда их дома горят, иногда горят они сами. В конце концов, какая разница, что именно горит? По мне, так это особенного значения не имеет.

Равенна некоторое время остолбенело смотрела на нее, и Рада поняла, что, наверное, сказала что-то не то и не так все-таки, как бы ни пыталась смягчить тон. Потом пиратка медленно кивнула ей и напряженно проговорила:

— Пираты, что прибыли на призыв Черного Жреца Каярди и Марн, хотели бы обсудить все произошедшее. Ты собираешься принять в этом участие?

— Пусть Улыбашка идет, — отмахнулась Рада, кривясь от усталости. — Она уж точно побольше меня поняла. Я только болталась там как тряпка и не слишком-то много запомнила.

— Лаадно, — протянула Равенна, и, бросив последний долгий взгляд на Раду, ушла прочь.

С тех пор она не пыталась больше завести разговора и держалась в стороне, но иногда Рада чувствовала спиной ее колючий взгляд. Впрочем, когда она оборачивалась, пиратка была уже занята своими делами, и наладить контакт не получалось. Да Раде того и не надо было. Судя по всему, Равенна была из тех, кто больше всего на свете любил быть впереди и в центре, купаясь в лучах всеобщего уважения и внимания. Раде все это казалось чепухой и глупостью, и она сторонилась таких, как Равенна, предпочитая не затмевать им солнце и не наживать себе зубной боли от вечного мельтешения вокруг в попытках доказать свое превосходство.

Из пиратских кораблей после бойни, устроенной Сагаиром, уцелела примерно половина. Все они сбились в стороне от обгоревших, медленно разваливающихся на части и уходящих под воду остовов остальных кораблей, матросы подобрали из холодной воды выживших и устроили совет. Что именно там происходило, Раде было глубоко все равно, но через несколько часов к дрейфующей на волнах «Блуднице» прибыло посольство во главе с бородатым детиной с перевязанными черным платком патлами и здоровенными золотыми серьгами в обоих ушах. Пригласить посольство в свою каюту Равенна уже не могла, потому что ее заняли раненые эльф с ильтонцем, а потому пираты разместились прямо посреди палубы, рассевшись на досках и принявшись переругиваться о том, кто, что и кому должен за пострадавшие корабли.

Рада не вслушивалась в суть беседы, ей не было до нее ровным счетом никакого дела. Да и Улыбашка вполне сносно справлялась со своей задачей, несколько приукрасив все подробности произошедших событий и представив дело так, что пиратам выпала на долю богоугодная участь пострадать во имя спасения весьма важной, отмеченной богами личности и сойтись в бою едва ли не с правой рукой Сети'Агона. Пираты покивали, согласились с тем, что это очень важно и здорово, и попросили денег за разбитые корабли. Споры длились еще несколько часов, и по итогу за Алеора был подписан договор, по которому Лесной Дом обязывался выплатить капитанам, потерявшим свои корабли, денежное вознаграждение в размере суммы убытков. С помощью Равенны список этих капитанов был составлен, Улыбашка торжественно поставила внизу этого документа свою кривую закорючку, клятвенно пообещав, что сразу же по прибытии в Аластар Алеор займется этим вопросом. На том пираты и отбыли: все знали, что Ренон — человек серьезный, и если он дал слово, значит, его сдержит. Теперь оставалось только убедить Алеора в том, что у Улыбашки не было другого выхода.

— Надеюсь, он будет в хорошем настроении, когда очнется, — горько вздохнула гномиха, провожая взглядом уплывающее прочь посольство. — В конце концов, он же подрался с Сагаиром. Это должно его немного успокоить, правда?

Рада так не думала, особенно учитывая тот факт, что Сагаир сбежал. Как он это сделал, она и сама не поняла, но скользкий гад буквально сквозь воздух провалился, удирая от той силы, что шла через нее, и Рада была совершенно уверена в том, что он все еще жив. А это означало, что рано или поздно он вновь попытается захватить ее и осуществить свой план. И что мне делать тогда? Всю жизнь прятаться от него? И где прятаться, чтобы он не достал меня, на другой стороне мира, что ли? Эти мысли тоже не прибавляли хорошего настроения, и она точно так же гнала их прочь, как и все остальные.

От пиратов попало и Равенне. Рада не совсем поняла, в чем там была проблема, но, судя

по всему, Равенну вынудили вернуть корабль, на котором она сейчас плавала. Бородач очень долго орал на нее, называя воровкой и грозя какой-то гильдией, которая не потерпит самоуправства и нападения на других пиратских капитанов. Рада не слишком прислушивалась ко всему этому, но из тех обрывков, что долетели до ее ушей, поняла: кому-то серьезному Равенна умудрилась перейти дорогу, и теперь этот кто-то требовал взамен корабль. Так что в первые дни рыжая капитанша ходила мрачная, как туча, сквозь зубы рыча на своих матросов, а по вечерам уходила в одиночестве на ют и распивала там ром под звездами. Может, и поэтому она не слишком-то стремилась еще раз попробовать поговорить с Радой, и той от этого было только легче.

Однако Равенна обещала отвезти их обратно на запад, и вексель с кругленькой суммой, который выписал ей Алеор, лежал у нее за пазухой, непотерянный и неповрежденный во время битвы. Об этом она и сообщила бородачу, наотрез отказавшись сразу же следовать под его приглядом на северное побережье Мелонии и возвращать корабль какому-то Зубоскалу. И тут тоже пришлось вмешаться Улыбашке, пообещав, что она проследит, чтобы Равенна покинула корабль в Аластаре. Краем глаза Рада углядела сумму на векселе, которым Равенна размахивала перед носом бородача, предъявляя его как доказательство. На целый корабль этого, конечно же, не хватило бы, но две трети стоимости один единственный вексель с лихвой покрыл, так что пиратке оставалось дособирать уже совсем немного до того, чтобы купить себе новенькую шхуну в полную собственность. Так что, по мнению Рады, все здесь остались в выигрыше.

А вечером того же дня, когда солнце закатилось за густые серые тучи, и с неба начал моросить мелкий дождик, у нее состоялся разговор с Гарданом.

Кого-кого, а старого приятеля наемника Рада здесь совершенно не ожидала увидеть. Сколько Рада знала его, Гардан всегда воротил нос от кораблей, а на моряков поглядывал с недоверием и подозрительностью, стараясь держаться от них в стороне. Теперь же он, будто зеленый юнга, бегал по палубе, подгоняемый громкими приказами капитана, карабкался по канатам, драил палубу и постоянно мелькал по всему кораблю, спеша туда, где нужны были его руки. Рада долго недоверчиво наблюдала за этим, пытаясь понять перемену в поведении наемника, в конце концов, все-таки не выдержала и сама подошла к нему.

Гардан как раз довязывал последний узел на канате у носовой мачты и, казалось, был целиком погружен в работу. Но Рада видела, что краем глаза он наблюдает за ее приближением, наострившись, словно кот. Оставалось только гадать, почему он так вел себя. Она ведь помнила, что именно он вытащил ее из воды после того, как стахов сбила в воздухе топорами Улыбашка, и теперь вроде бы как была обязана ему жизнью. Вот только наемник при этом старательно обходил ее стороной: не так, чтобы это бросалось в глаза, а просто все время оказывался на противоположной от Рады стороне корабля.

Но теперь он был один на носу, и бежать ему было некуда. Встав рядом с ним и скрестив руки на груди, Рада взглянула на то, как ловко он сворачивал канат голыми ступнями, ровно накладывая одно кольцо на другое, и, хмыкнув, покачала головой:

— Глядишь, скоро ты ногами еще и писать научишься, и получше, чем руками!

Гардан обернулся к ней, оглядев осторожным взглядом темных глаз, и неопределенно повел плечом:

— Ну, руками у меня это не слишком-то хорошо получалось, так что может тут действительно подфартит.

Несмотря на спокойный ответ в шутливом тоне, выглядел он все равно таким

напряженным, словно готов был сорваться с места и сбежать в любой момент. Рада повнимательнее пригляделась к нему, пытаясь понять, что же у него на уме. Вот только у нее никогда не получалось читать по людским лицам, так что, решив не ходить вокруг да около, она спросила:

— Как тебя занесло-то в команду Равенны? Помнится мне, тебя от всех этих морских дел воротило, как от прокисшей каши.

— Воротило, — кивнул Гардан, бросив на нее осторожный взгляд, — ровно до тех пор, пока за меня не взялась Марна.

Тут он осекся и захлопнул рот, словно язык проглотил. С поразительной медлительностью в голове Рады провернулись шестеренки, и она наконец-то поняла, в чем там было дело. И сразу же тяжело вздохнула, закатывая глаза.

— Послушай, Гардан, если дело в моем сыне, то я на тебя никакого зла не держу, — наемник даже не двинулся с места, но вдруг весь как будто подобрался, прислушиваясь к каждому ее слову. — Кто может противиться воле Марны? Если ей захотелось выбрать моего сына, что ж, значит, так и должно быть, и я тебя ни в чем не виню.

На сердце от этого было тяжело. Тревога за Далана отступила на какое-то время, отошла на второй план, померкнув на фоне угроз, побоев и той судьбы, что готовил для нее самой Сагаир. А теперь, когда Рада снова была на воле и в безопасности, тревога вернулась. Правда, она уже не была такой острой, как поначалу. К тебе самой приходила Великая Мать, и ты знаешь, каково это. И если твой сын благословлен небом переживать это текущее через каждую пору золото в каждый миг своей жизни, то за это нужно лишь поблагодарить. Потому что это единственно истинное и единственно правильное, и ни одна вещь не сможет сравниться с этим. И с ним уж точно никогда ничего плохо не случится.

Плечи Гардана слегка расслабились, и он кивнул, накладывая последнюю петлю каната на получившуюся скатку и поворачиваясь к ней. Теперь уже в глазах его не было никакого запрятанного на самое дно опасения, и улыбнулся он ей искренне.

— Я тоже думал так, — кивнул наемник и неловко развел руками. — Только как такое скажешь матери? Вы, бабы, вечно трясетесь над своим выводком и любого заклевать готовы, коли с ваших птенчиков хотя бы перышко упадет. Я прекрасно помню свою матушку, вот и решил поостеречься.

— Согласись, что упавшее перышко и полный контроль Марны — это все-таки несколько разные вещи, — хмыкнула Рада, и Гардан вновь напрягся, так что ей пришлось похлопать его по костлявому плечу, чтобы успокоить. — Но я тебя ни в чем не виню, ты сделал для моего сына все, что мог, проследил за тем, чтобы он оказался в безопасности, развел всю эту бучу с пиратскими кораблями и в итоге спас мне жизнь. Спасибо тебе!

— Да чего уж там, — неловко отвел глаза наемник, и Рада поняла, что теперь он полностью и по-настоящему успокоился. — Я был должен тебе свою жизнь. Так что мы в расчете.

— В расчете, — согласно кивнула Рада. — Но я все равно хотела бы услышать историю о том, как ты здесь оказался и куда дальше собираешься. Если у тебя, конечно, есть время почесать языками часок по старой памяти.

Они засиделись допоздна в стороне от остальных матросов, потягивая припрятанный Гарданом ром и покуривая трубочки. История, которую рассказал Раде наемник, казалась такой же невероятной, как и все, что произошло с ней за последнее время, а потому Рада не слишком-то удивилась. Рассказ Гардана о пророчестве Марны относительно Танца Хаоса в

который раз подтолкнул ее к размышлениям о своей собственной судьбе, отчего настроение только еще больше испортилось. И в конце концов она просто запретила себе думать об этом, резонно рассудив, что раз в игру вмешались Марны и Великая Мать, то оставалось лишь положиться на их волю. Коль ты знала, что пиратские корабли должны были остановить Сагаира, и приказала им оставаться на севере, то и о моем сыне позаботишься, Марна Дева, и обо мне. Не знаю уж, чем я тебе так сдалась, что ради меня столько шуму было поднято, ну да так выбора у меня нет, не правда ли? Мой сын у тебя в руках, так что и я в любом случае в твоих руках, а коли так, то беспокоиться не о чем. Может, такие рассуждения и были беспечными на фоне грядущего Танца Хаоса, но и на это Раде тоже было по большому счету плевать.

— И что же ты дальше намерен делать? — спросила она Гардана, отхлебнув из фляги и передав ее обратно ему в руки. — Теперь, когда у Равенны не будет корабля, куда ты пойдешь?

— Я сказал, что пойду за ней, — пожал плечами Гардан. Вдруг он усмехнулся и покачал головой. — Видишь, как оно выходит, Рада. Вечно я по пятам за бабами таскаюсь! Равенна говорит, что собирается на юг, в Мерес, о котором я уже столько всего слышал за свою жизнь. Что будет плавать под чужими флагами до тех пор, пока не наберет команду. Что ж, значит, и мне туда дорога.

— Ты влюбился в нее что ли, Гардан? — Рада непонимающе взглянула на него, выгнув бровь. — Все, что ты мне тут только что нарасказывал, явно на тебя не похоже.

— Я влюбился в капитана корабля, а не в Равенну, — хмыкнул в ответ Гардан. — Потому что капитан из нее отменный, знаешь ли, и дури столько, что закачаешься. Что же касается ее самой, то ей до меня было бы дело, только если бы я был бабой, так что этот вопрос закрыт.

— Вот как, — Рада нахмурила брови, вскинув голову и вглядываясь туда, где в ночной темноте сидела в одиночестве на юте Равенна.

Она как-то и не думала о том, что Равенну могут интересовать женщины, и теперь ей стало неуютно от слов наемника. Выходило, что у них с Радой было что-то общее, чего не было у всех остальных людей на этом корабле, и Рада не была уверена в том, как к этому относиться. Во всяком случае, я не настолько напыщенна и самонадеянна, как она. Наверное...

— Я много лет следовал за тобой, Рада, — проговорил Гардан, и она очнулась от своих мыслей и взглянула на него. Вид у наемника был задумчивый, он смотрел вперед на темные волны за бортом корабля. — И как-то отвык работать один, знаешь ли. Да и Марна... умеет быть убедительной. Так что дорога моя — на юг, в Мерес, следом за Равенной. Не знаю уж, что меня там ждет.

— Надеюсь, мы еще встретимся с тобой, друг, — Рада тепло улыбнулась ему и подтолкнула его плечом. — Сам знаешь, дороги сплетаются так, как нам и не снилось. И коли уж ты нашел меня посреди открытого моря, то и я тебя когда-нибудь на юге тоже отыщу.

— Буду только рад, — отозвался Гардан, передавая ей ром. — С тобой всегда было весело и занимательно. И еще мне бы очень хотелось из первых уст услышать о том, что произойдет за Семью Преградами. И еще больше — то, зачем ты сдалась Марне.

Рада только удрученно кивнула. Самой ей этого знать совершенно не хотелось.

Корабль вспарывал узким носом серую морскую зыбь, стремясь на запад, и дни

тянулись медленно, словно сонные улитки. Большую их часть Рада проводила у планширя, опершись на него и глядя вдаль. В любом случае, больше ей делать здесь было просто нечего: друзья находились без сознания, и лишь одна только Улыбашка слонялась по кораблю из угла в угол, явно не зная, куда себя деть, а потом-таки прибилась к Раде. Так они и сидели вдвоем, изредка переговариваясь или покуривая трубки.

Несмотря на то, что Рада изо всех сил отказывалась обдумывать все произошедшее на корабле Сагаира, а только мысли все равно упрямо лезли в голову, ввинчиваясь прямо в ее нежелание думать об этом. И чем дольше Рада крутила все обстоятельства того боя в голове, тем яснее ей виделось одно единственное событие, выбивающееся из общего ряда и стоящее особняком от всего остального. И этим событием был ее собственный меч, явившийся к ней из ниоткуда.

Сейчас он вновь висел в ножнах у нее на боку, и его приятная тяжесть успокаивала. Задумчиво пощупав большим пальцем оплетенную шнуром рукоять, Рада негромко обратилась к стоящей рядом гномихе.

— Ты знаешь, Улыбашка, все-таки ты была права, и меч этот, похоже, действительно обладает какой-то силой.

— Нда? — с интересом вскинула брови гномиха, поворачиваясь к ней. — И какой же? Сколько бы я его ни крутила, а все равно ни бхары в голову не пришло.

— Когда я сидела в том трюме как раз в тот момент, когда вы догоняли Сагаира, я подумала о своем мече и очень сильно захотела, чтобы он оказался у меня в руках. До этого я тоже думала о нем, но состояние у меня было не ахти, так что ничего не выходило, — Рада едва не содрогнулась, припомнив ту черную ярость, навевшую ложью Сагаира, что глодала ее сердце долгие дни и ночи подряд. — И вот когда этот меч был мне очень нужен, он вдруг падает прямо мне в руки. Буквально из ниоткуда.

— Так, погоди, — нахмурилась Улыбашка, часто моргая и глядя в пространство перед собой, словно что-то вспоминала. — Ты позвала меч, и он пришел? Появился из воздуха прямо в твоих руках?

— Ну да, — кивнула Рада, с интересом поглядывая на гномиху. — Ты слышала что-то об этом?

— Вроде да, но точно не помню, — гномиха задумчиво почесала пальцем кончик носа. Потом лицо ее изменилось, и на нем промелькнуло искреннее изумление и догадка. — Так, а ты случайно до этого не поила клинок своей кровью? Может, тебя им ранили, ты об него порезалась, что угодно?

Она с ожиданием взглянула на Раду, а та заморгала, слегка сбитая с толку. Перебирая в памяти все случаи, в которых Рада пускала меч в ход, она все никак не могла вспомнить, был ли хоть раз, чтобы этот меч задел ее. Она не слишком долго владела им, потому драки вспомнились все, одна за другой, и вроде бы ничего подобного не случилось, за исключением...

— Мы с Алеором побратались! — осенило Раду. — Я резала руку этим мечом, и мы мешали кровь!

— Тогда это точно он! — с чувством глубокого удовлетворения кивнула Улыбашка и взглянула на меч едва ли не с материнской нежностью. — Не знаю уж, откуда ты его взяла, да только на свете был один единственный меч, который всегда возвращался к своему владельцу, когда тот его звал. Он был сделан по заказу, специально под эльфийскую ковку, и хозяйка этого меча заказала ему одно единственное свойство: чтобы клинок приходил к ней

по первому же зову, где бы она его ни оставила. Ты не представляешь даже, сколько у гномьих мастеров ушло времени и сил на то, чтобы добиться такого эффекта, но в конце концов, они справились. — Улыбашка подняла на Раду лучащиеся такой гордостью глаза, словно говорила о собственном ребенке, а не о скованном ее народом клинке. — Тебе говорит что-нибудь имя Тайгрена?

— Тайгрена? — Рада покатала имя на языке, пытаясь припомнить. Оно было смутно знакомым, словно давно забытым, и при этом совершенно точно мелонским. Спустя несколько секунд она вспомнила и недоверчиво взглянула на Улыбашку. — Подожди! Тайгрена, любовница Крева, последнего эльфийского Подгорного короля Мелонии? Того самого, которого убил Хорезмир Проклятый?

— Да, та самая Тайгрена Мелонская, — довольно кивнула в ответ Улыбашка.

— Вот это да! — присвистнула Рада, глядя на меч. Выходило, что этому клинку было по меньшей мере две тысячи лет. — В детстве я зачитывалась сказками о Тайгрена. Каких только подвигов ей не приписывали, чего она только не совершала! Я слышала даже версию о том, что это именно она зарезала Хорезмира Проклятого за то, что тот убил ее любовника Крева! И что потом она в одиночестве направилась в Хмурые Земли, чтобы перевалить через Темную Грядку и бросить вызов Сети'Агону. Говорят, она была первой, кто присягнул на верность Аватарам Создателя, и именно с нее началось объединение разрозненных армий Мелоньяр Тонала, из которых в итоге выросло государство Мелония.

— Ну, таких уж подробностей я не знаю, — поджала губы Улыбашка. — А что касается самой Тайгрена, то у нас ее звали Расстяпухой.

— Как?! — вытаращилась Рада.

— Тайгрена Расстяпуха, — безмятежно пожалла плечами гномиха. — Говорят, что она постоянно все теряла, забывала и оставляла невесть где. И именно поэтому заказала себе меч, что возвращался бы по первому ее зову.

— Боги, Улыбашка, ну это же ерунда какая-то! — фыркнула Рада, отмахиваясь от гномихи. — Какая, к бхаре, Расстяпуха? В Мелонии она почти что национальный герой!

— В Мелонии кто угодно становится национальным героем, стоит ему только выйти на площадь, выпятить грудь и объявить о том, что у него самый длинный... гм, нос. — Улыбашка бросила на Раду косой взгляд и продолжила: — Но это уже не настолько важно. Главное, что это ее меч, совершенно точно ее, и у него даже есть имя — Эктол.

Решив пропустить мимо ушей ворчание Улыбашки, Рада одними губами повторила имя клинка, положив руку на тяжелую рукоять. Гномы могли прозвать Тайгрена Расстяпухой вовсе не за ее забывчивость, о которой говорила Улыбашка. А за то, что Крева, ее любовник, в свое время умудрился вдрызг переругаться с гномами, которые раньше обитали в Мелонских горах, настроить против них мелонцев и спровоцировать такую резню, что практически все коротконогие обитатели пещер были истреблены, и лишь их малая часть покинула Мелонию, найдя себе приют в горах Рудного Стяга. Откуда, собственно, Улыбашка и была родом. И уж совершенно точно эти гномы не питали никакой любви ни к мелонцам, ни к эльфам Мелонских гор, а потому могли напридумывать про Тайгрена самых бессмысленных баек, которым им только вздумалось.

А само свойство меча — способность приходить по первому зову хозяина, — не имело ничего общего с рассеянностью и забывчивостью его хозяйки. Судя по всему, Тайгрена Мелонская была той еще хитрой лисицей, раз заказала оружие, с помощью которого можно было выбраться из любой западни. Да и в свете этого гораздо правдоподобнее теперь

оказывалась версия о смерти Хорезмира от ее рук: как она вообще могла зарезать короля, которого охраняло несколько сотен человек, да к тому же при том, что он прекрасно знал, что она любовница его врага, и на километр бы ее к себе с оружием не подпустил? А так подошел поближе безоружный, поклонился в ножки королю, вызвал себе клинок, да пырнул в живот, и дело с концом. Вот ведь хитрая баба! — с восхищением подумала Рада.

— И что мне нужно, чтобы он пришел ко мне по первому зову? — решила уточнить Рада, оставив свои размышления при себе. — Каждый раз поить его кровью?

— А я-то откуда знаю, Рада? — удивленно воззрилась на нее Улыбашка. — Я ж не кузнец! Я только слышала об этом мече, потому что нас заставляют запоминать все колдовское оружие, которое продают подсолнечникам наверх. Одно я тебе говорю точно: он будет возвращаться к тебе, а сколько уж крови в него надо залить для этого, тебе уже никто не скажет. Две тысячи лет прошло, в конце концов, все мастера, что помнили это, уж померли давно.

— Но на этом же клинке не только моя кровь бывает, — нахмурилась Рада, обдумывая все, сказанное гномихой. — На нем и очень много чужой крови, которую лично я с его помощью проливаю. Выходит, если я кого-то из них не добью, и ему приглянется мой меч, он сможет им таким же образом завладеть?

— В таком случае постарайся его добить, — буркнула гномиха, бросив на нее недовольный взгляд. Судя по всему, ей не слишком-то нравилось, что Раде в руки попал старинный гномий клинок, или скорее отношение самой Рады к этому факту.

В тот же вечер Рада, морщась, разрешила себе ладонь и тщательно обмазала лезвие своей кровью. Несколько секунд ровным счетом ничего не происходило, но вдруг клинок полыхнул малиновым светом и буквально всосал в себя ее кровь, моментально остыв. На темной стали не осталось ни следа, она была такой же чистой, как когда Рада только достала его из ножен. Ей оставалось только гадать, каким образом это оружие попало в руки семьи Гелата, и не являлся ли он прямым потомком той самой Тайгрэн. Было бы забавно, если бы вышло так! Особенно, учитывая тот факт, что Крев был ее любовником, а, значит, и дети у нее были от него, то бишь эльфины. И получается тогда, что Гелат, так ненавидящий эльфов, сам носил в себе частичку бессмертной крови. Вот ведь недоумок! Рада только фыркнула и аккуратно убрала меч в ножны, в очередной раз уже задумавшись о том, как странно плелась длинная и извилистая Нить ее судьбы в руках Марны. Ведь если бы Гелат не решил подставить ее, она никогда не оказалась бы в его доме и не украдала у него этот меч, который, возможно, спас ей жизнь на корабле Сагаира.

Первым из друзей очнулся Кай. Случилось это на вторую ночь плавания, как они ушли прочь с места битвы с Сагаиром. За время, проведенное без сознания, ильтонец ничего не ел, а до этого сражался на пределе своих возможностей, и теперь выглядел истощенным и изможденным до такого состояния, словно в его теле остались одни только кости. Лечить Алеора он был не способен, хоть и пытался призвать Источник и установить Соединение, как он это называл. По большому счету, он не способен был даже встать на ноги: чтобы помочь ему выйти из каюты, Раде пришлось практически волоком тащить неподъемного Кая на своих плечах. Но находиться в затхлом помещении ильтонец больше не мог, а потому ему постелили на корме, там, где он не мешался рулевому и матросам, и каменорукий растянулся прямо поперек палубы, прикрыв глаза и подставляя лицо прохладному ветру.

Улыбашка сразу же взяла на себя всю заботу о нем. Со скандалом выдворив из кубрика властвующего там корабельного кока Вакиту, она повязала на свое необъятное тело белый

фартук, туго натянувшийся на животе, и принялась стряпать для ильтонца еду, «которая гораздо больше подходит больному, чем те помои, которыми нас здесь кормят», как она заявила Ваките. Возмущенный кок попытался протестовать, но матросы не поддержали его, видимо и сами озверели от его коронного рагу. К тому же, в белом фартуке с огромным тесаком в руке и шрамом через все лицо Улыбашка выглядела достаточно угрожающе, чтобы Вакита осознал все свои перспективы и ретировался на нос корабля, подальше от нее и ее брани. И теперь Улыбашка то и дело бочком вываливалась из узкой двери в кубрик, волоча в закрытых толстыми рукавицами руках закопченные котелки с ароматным бульоном, которыми почти что с ложечки кормила ильтонца. Перепадало и слонявшейся вокруг Раде, и та должна была признать, что стряпня Улыбашки оказалась отменной: вдоволь пряной, островатой и очень сытной.

— Мой муж — пекарь, — ворчливо сообщила Улыбашка, отмахиваясь от похвалы и уходя обратно в кубрик, пока туда не проскользнул Вакита. — И у нас трое спиногрызов, которые жрут все, что только попадает им в руки. Естественно, что стряпаю понемногу.

Но по румянцу на ее круглых щечках Рада поняла, что комплимент не пропал даром.

С тех пор жизнь на корабле медленно пошла на лад. С каждым днем ильтонец выглядел все лучше, ел все меньше, и вскоре уже начал вставать и самостоятельно передвигаться по кораблю. Пока еще вылечить Алеора он был не в состоянии, но от него никто этого и не требовал: Кай и так сделал все, на что только был способен, чтобы выволить Раду из плена Сагаира, и она была глубоко признательна ему за это.

Что касается эльфа, то его состояние было стабильно плохим. Несколько раз в день Улыбашка с Радой меняли на нем бинты и проверяли рану. Та начала затягиваться, по крайней мере, свежей крови поверх бинтов не выступало, да и кожа вокруг нее стала не такой горячей, как поначалу. Но эльф не подавал никаких признаков жизни и в сознание не приходил, бледной мраморной куклой лежа поверх белых простыней кровати. А Рада все гадала, сможет ли он вообще вернуться в сознание, даже если Кай и вылечит его физическое тело. Она знать не знала, выпускал ли он когда-нибудь Тваугебира несколько раз подряд, да еще и с таким маленьким интервалом, и на сердце то и дело скреблась тревога, не натворила ли она еще худших дел, когда принялась топить его, пытаясь вернуть в обычное состояние.

Не просыпалась и Лиара, хоть она, в отличие от Кая и Алеора, выглядела свежей и здоровой, полной сил. На губах ее играла легкая загадочная улыбка, а румянец на щеках был обычного, здорового цвета. И Рада подолгу сидела возле ее гамака, вглядываясь в ее полуоткрытые застывшие глаза, погруженные в грезы, в мягкие черты ее лица, и раздумывала обо всем, что произошло с ней, с ними.

Может ли она полюбить меня? Может ли она когда-нибудь быть моей? От этих мыслей все в груди сжималось, и горячая тугая боль растекалась по телу, наполняя его нежностью и тоской одновременно. Только Лиара могла ответить ей на этот вопрос, и Рада знала, что сама она никогда не решится ей его задать.

Стальная морская гладь медленно тянулась в горизонт, и водяная морось пропитала волосы насквозь. Поминутно со слипшихся в иголочки прядок срывались холодные капли, падая на кончик ее носа и приятно щекоча кожу. Рада тихонько улыбалась, глядя вперед, туда, где танцевало над морем серое марево дождя. Я люблю тебя, девочка с глазами моря, а все остальное не имеет ровным счетом никакого значения. Есть лишь эта огромная любовь, всепоглощающая и такая тихая, что наполняет всю мою душу, до последнего закоулочка. И всей этой любовью я окружу тебя, сберегу тебя, моя маленькая горячая искорка, укрою ото

всех бед.

— Рада! — хрипловато позвал ее голос Улыбашки, и она обернулась через плечо, прищурившись и глядя в сторону кормы. Там в своем фартуке стояла гномиха. Махнув ей рукой, она прикрикнула: — Лиара очнулась! Она зовет тебя, иди!

Сердце сжалось, и пальцы, в которых Рада держала трубку, ощутимо задрожали. Это будет страшнее, чем драка с Тваугебиром. Потому что я не знаю, что делать: выигрывать или проигрывать. Выругав себя и прогнав все мысли прочь, Рада выбила трубку о планширь, засунула ее за пазуху и решительно зашагала в сторону трапа на нижнюю палубу.

===== Глава 48. Новое =====

На нижней палубе было темновато, тяжело пахло моряцким духом, сыростью и пылью. Рада спустилась по трапу и часто заморгала, пока глаза привыкали к темноте. В большом помещении впереди с потолка свисало множество гамаков, в которых обычно спали моряки. Сейчас из них было занято лишь с полдюжины у самого дальнего конца помещения, откуда доносился душераздирающий храп отсыпавшихся с ночной смены.

А в гамаке недалеко от трапа на верхнюю палубу, сбоку, чтобы ее не побеспокоили пробегающие мимо матросы, но при этом было достаточно свежего воздуха, лежала Лиара. Глаза ее были открыты, и она улыбалась Раде. Встречать ее взгляд после долгих дней, когда искорка пребывало глубоко в своих грезах, было так странно, так интенсивно и при этом так желанно, что Рада буквально вздрогнула всем телом, сбилась с шага, но направилась в ее сторону.

Боги, какая же ты красивая!..

Лиара лежала в своем гамаке, откинув голову на полотняную основу. Ее кучеряшки рассыпались вокруг головы, словно перепутанные листочки ярко-зеленого вьюнка, и двумя большими полуночными цветами горели глаза. Сейчас они были даже темнее обычного, почти черные, густые, как патока, и Раде показалось, что она видит в них крохотные серебристые вспышки, как будто звездочки, подмигивающие сквозь пелену туч, то появляясь, то вновь исчезая.

Ноги моментально стали каменными, а сердце заколотилось в груди, как бешеное, посылая по телу волны слабости и жара. И что-то обезумевшее билось и билось в ее груди, словно мотылек в стекло фонаря, билось наружу, прямо к Лиаре. А та смотрела и улыбалась в ответ, так мягко, так тихо, как розоватое свечение вечерней зари, затухающей над самым краешком неба.

— Как ты? — горло неожиданно охрипло, и Рада кашлянула, чтобы вернуть себе обычный голос. — Ты так долго спала, что мы уже начали переживать.

Она встала возле самого гамака, почти вплотную, и пальцы легли на край ткани, будто могли таким образом украсть хоть крохотную частичку ее тепла. Гамаки были подвешены высоко, специально на мужской рост и так, чтобы в случае необходимости быстро выбраться из трюма, под ними, пригнувшись, можно было пробежать. Так что теперь лицо Лиары было на уровне груди Рады, и ее глаза смотрели снизу вверх, такие доверчивые, такие открытые, мягкие, словно теплая летняя ночь. Боги, я сейчас просто с ума сойду!

— Хорошо, — тихонько ответила она, едва заметно кивая. Голос у нее был слабым, но глаза лучились счастьем, и на миг Рада задрожала, представив, какая теплая у нее сейчас со сна кожа, и как волосы ее пахнут чем-то сладковато терпким. — Как ты? Как твои раны?

— Видишь? Их уже нет, — Рада улыбнулась самой беззаботной из своих улыбок и пожалала плечами, изо всех сил пытаясь удержать рвущееся к горлу сердце, колотящееся уже

буквально во всем теле и мешающее говорить. — Я не совсем понимаю, что случилось там, на палубе, но Великая Мать пришла ко мне и залечила все мои раны.

— Это так хорошо, — глаза Лиары осветились такой нежностью, что Раде стало физически жарко стоять перед ней. — Так хорошо!..

Ее ладонь медленно-медленно приподнялась над тканью гамака и поползла навстречу рукам Рады. Позабыв обо всем на свете, движимая лишь плавающей все ее существо нежностью в груди, Рада аккуратно заключила ее ладошку в ковш своих ладоней, удерживая, будто едва родившегося птенчика, нагнулась и принялась покрывать ее невесомыми поцелуями, лишь едва касаясь губами.

Что же ты делаешь?! Что ты делаешь?! — истерически кричал какой-то голосок за самой гранью сознания, но на этот раз Рада не стала его слушать и просто отпихнула прочь, как назойливое насекомое. Ладонка Лиары была совсем маленькой и тонкой, она почти что ничего и не весила, особенно теперь, после стольких дней, проведенных искоркой в грезах. Косточки у нее были тонкие-тонкие, будто хрупкие веточки, и сквозь бледную теплую кожу проглядывала голубоватая сеточка вен. Рада прижалась губами к этим венам, закрывая глаза и без слов молясь, прося за нее, прося для нее всего того золотого, светлого, покойного, что хранилось в щедрых руках Великой Матери. Я бы никогда не узнала об этом без тебя. Я бы никогда не поверила, что так можно, что такое бывает на этой пыльной, изможденной, усталой земле. Я бы все так же спала еще тысячи лет, брела бы в темноте, не понимая ничего, не замечая ничего и тоскуя, бесконечно тоскуя по тебе каждый миг. И вот теперь ты здесь, и эта радость, эта невероятная любовь, этот свет — все это пульсирует и бьется под твоей кожей. И пусть так будет вечно, пусть этот свет никогда не меркнет, моя девочка! Я всегда буду рядом, чтобы сберечь его, сохранить, защитить от всего!..

— Рада? — голос прозвучал совсем тихо, едва слышно, и Рада вздрогнула всем телом вновь, когда вторая рука искорки мягко зарылась в ее волосы.

Ей так хотелось сказать это все вслух, но глотку словно пережали чужие руки, и слова не шли. И смотреть на Лиару Рада тоже не могла, лишь прикрыв глаза и чувствуя, как ее пальцы перебирают волосы на макушке, легко и так тепло касаются кожи.

Великая Мать, что же мне делать сейчас? Что делать?

— Рада, — вновь тихонько позвала искорка, и на этот раз в ее голосе было чуть больше силы.

Впервые в жизни дрожа всем телом от страха и неуверенности, будто осиновый лист на ветру, Рада очень медленно подняла голову. Лиара была совсем рядом, почти что в ее руках, тянись вперед, да обнимай, и все же Рада не могла этого сделать. Не потому, что не хотела, а просто не могла. Искорка была такая хрупкая сейчас, такая слабая, такая маленькая, словно все силы выпили из нее, и ничегошеньки не осталось. И Раде подумалось, что своими грубыми ручищами она сейчас может только навредить ей, но никак не помочь.

Глаза искорки пронзительно и зовуще смотрели ей в лицо. Она вглядывалась в глаза Рады, чуть шурясь, словно чего-то ждала, словно чего-то хотела. А Рада застыла, глядя в ответ и ничего не соображая.

Что будет, если я сейчас поцелую ее? Что будет?

Время застыло одной тягучей янтарной каплей меда, и в нем они смотрели друг другу в глаза, так тихо, так трепетно, так открыто. И что-то происходило между ними, что-то странное золотыми волнами сплетало их воедино, накатывало откуда-то из самой глубины существа, неся на пушистом гребне золотой покой. И в мире стало так тихо, как не было

никогда.

Поскрипывали половицы палубы над их головами под ногами матросов, насвистывал в снастях восточный ветер, едва слышно вода плескала в толстые борта корабля, отступая прочь с шипением и тихим смехом. И больше не было слышно ничего: ни одной мысли в голове Рады, ни единого отголоска эмоции. Только эти огромные, бездонные, доверчивые глаза, открытые ей, будто окна в прохладное раннее утро, в котором мелкими капельками опадает на ветви деревьев туман, и слышно, как где-то далеко глухо падают на землю спелые тяжелые яблоки, и ветвь дерева со вздохом облегчения распрямляется, подставляя усталые листья первым лучам солнца. И пахнет дождем и мокрой землей.

— Я... — Рада поняла, что просто не знает, как продолжить. Она не знала, что говорить, и все слова казались глупыми, пустыми, совершенно неважными, такими плоскими по сравнению с тем, что она чувствовала. — Лиара, я...

Серебристые звезды в ее глазах стали еще ярче. Они кружились там, будто хвостатые кометы, они танцевали, как ночные светляки над ониксово-темной водой. Разве бывает на свете такая красота, господи? Рада сглотнула, когда ладонь Лиары с ее затылка медленно сползла по ее щеке и мягко огладила ее кожу, плавно-плавно очертила линию ее скул и челюсти. Глаза Лиары настойчиво смотрели прямо в ее сердце, они просили, они требовали, они ждали чего-то.

— Я так соскучилась по тебе!.. — вдруг выдохнула Рада, не в силах больше сдерживать все это внутри себя, даже не думая, не подбирая слова, а просто то, что шептало ей сердце. — Я так соскучилась по твоим глазам, по твоей улыбке, по каждой крохотной кучеряшке на твоей голове! — глаза Лиары становились все глубже, и в них распускалось, расцветало что-то такое невыносимо теплое, такое нежное и мягкое, что в горле застрял горячий комок слез, и глаза защипало. — Тебя не было со мной так давно, боги, так давно! Целую вечность!..

— Я тоже!.. — ладонь искорки на щеке Рады чуть заметно задрожала. — Я только и думала, что о тебе, молилась за тебя, просила за тебя! — Голос ее тоже срывался, и Радю пронзило насквозь что-то чистое и горячее, когда Лиара едва слышно закончила: — Знаешь, как когда дети обнимают так искренне и крепко и шепчут: «сильно-сильно!»

Господи, боги пресветлые, да неужели же она говорит, что?!..

— Да! — хрипло выдохнула Рада, и руки сами потянулись к ее лицу, осторожно обхватили его в ладони, а пальцы зарылись в теплый шелк ее волос. — Да, так сильно!..

Лиара медленно открыла глаза, и Рада поняла, что голова кружится, буквально ходуном ходит, и ноги под ней подкашиваются. Все внутри нее раскрылось, обнажилось, и на вытянутых руках Рада сейчас подносила ей свою душу и свое сердце. Просто скажи ей! Скажи ей! Сейчас!..

— Лиара, я... — начала Рада, но тут по трапу на нижнюю палубу загрохотали чьи-то шаги, и это золотое, бесценное, такое чистое отступило прочь, сворачиваясь внутри нее до срока.

В глазах искорки отразилась почти что физическая боль, и громкий голос Улыбашки окликнул их:

— Ну что, вы наговорились? Давайте на свежий воздух! Ей подышать надо, а не сидеть в этом тухлом сарае!

Прямо сейчас Рада готова была попросту убить Улыбашку, буквально на месте ее расшибить в лепешку, но только сделала над собой усилие и, не оборачиваясь, прикрикнула

через плечо:

— Идем!

Со стороны лестницы раздалось сконфуженное покашливание, шаги загрохотали по трапу вверх, а Рада обернулась к Лиаре и вымученно улыбнулась ей:

— Улыбашка права, тебе нужно подышать! Давай я помогу тебе?

— Спасибо, — почти прошептала искорка. Раде почудилось, что она с трудом сдерживает слезы. — А то у меня совсем сил нет, я даже встать не смогу.

— Иди-ка сюда, — Рада аккуратно нагнулась и очень бережно подхватила ее на руки.

Теплые руки обхватили ее за плечи, а сама Лиара прижалась к ней, уткнувшись лицом куда-то в грудь. Рада не удержалась и прикрыла глаза, всей собой вдыхая теплый запах ее волос, пропитанных солью, ветром, солнцем. Казалось, она всегда пахла солнцем, словно его отколовшийся лучик, одному ему ведомым образом заблудившийся на земле в густом сплетении полевых трав.

Искорка была легонькая, будто перышко, и тонкая, как былка. Аккуратно прижимая ее к себе, Рада медленно поднялась по трапу на верхнюю палубу. Холодный ветер с моря сразу же ударил в лицо, взъерошил волосы, освежил разгоряченную голову. Небо все еще было затянуто однообразно серой пеленой туч, из которых моросил мелкий-мелкий дождь, но Раде все равно показалось, что вокруг стало как-то светлее.

Боги, я ведь почти сказала ей! Почти! Рада даже не знала, что чувствует от этого: разочарование, радость, гнев или облегчение. Чувств было так много, и так яростно они мешались в ней, что разобраться в этом пучке было просто невозможно. Но одно чувство было огромным и всеобъемлющим: нежность, невероятная, пронзающая все тело одним ослепительным лучом нежность, лишаящая сил и при этом делающая Раду непобедимой.

Я обещаю тебе, моя искорка, у нас еще будет время. Наше время. И я скажу тебе. Не здесь, не на забитом людьми корабле, не в вонючем затхлом трюме, а где-нибудь, где не будет никого больше, кроме нас с тобой, и этой невыразимой, невероятной нежности.

Но самое главное она для себя уже поняла, и ничего важнее этого не было. Они обе поняли, сплетенные, соединенные воедино, пропитанные друг другом в той золотой тишине и нежности. Искреннее этого просто ничего не могло быть, и Рада знала, что Лиара чувствует точно то же самое, знала так четко, словно они слились воедино и читали чувства друг друга в собственной груди. Разве возможно такое, Великая Мать? А впрочем, почему и нет? Ты столько уже чудес мне показала, что почему бы не чувствовать мне ее, как саму себя, почему бы не носить в себе это золотое эхо ее чувств?

Раде было так легко, что впору начинать танцевать на месте, кружиться, подбрасывая ее маленькую девочку, ее золотую искорку, к самому солнцу, туда, откуда она так дурашливо откололась, свалившись Раде на голову сплетенной из солнечной пыли. И теперь нужно было просто дождаться того времени, что будет только для них двоих, времени, когда они смогут поговорить. Только теперь Рада больше не боялась ничего.

Лиара подняла на нее глаза, шурясь от слишком яркого для нее света и свежего ветра. Рада подмигнула ей и поцеловала в самый кончик носа, заставив ту дрогнуть всем телом и удивленно распахнуть свои штормовые глазищи.

— Ты очнулась, Светозарная! — Кай с улыбкой приподнялся на локтях, глядя с возвышения на корме на них с Лиарой. Лицо его было все еще осунувшимся и слабым, но румянец уже вернулся на щеки. — Хвала Богам! Мне сказали, ты все силы отдала в борьбе с Сагаиrom, а я даже подлечить тебя не мог никак. Сам лежал пластом.

— Ничего, Кай, я просто была в грезах, — негромко отозвалась Лиара, улыбаясь ему. На Раду она бросила короткий неуверенный взгляд, но почти сразу же улыбнулась. Судя по всему, поцелуй в нос пришелся вполне к месту. — Ты же знаешь, для нас грезы — лучшее лекарство.

— Знаю, — улыбнулся ильтонец. — И все-таки я очень рад, что с тобой все в порядке.

— Ну куда ж ты ее так вынесла-то? — послышались за спиной причитания гномихи, и Рада повернулась, глядя на подбегающую к ним Улыбашку с толстым шерстяным пледом в руках. Вид у той был сконфуженный, в глаза Раде она не смотрела, будто поняла, какой именно момент прервала и испортила своим появлением. Неловко сунув ей в руки плед, Улыбашка искоса взглянула на нее и пробурчала: — На вот, укрой ее, а то продует. Не надо нам такого счастья.

— Спасибо, — замогильным голосом отозвалась Рада, и гномиха, бросив на нее еще один неуверенный взгляд, потеряла нос и ушла прочь, что-то бормоча едва слышно и качая головой.

— А где Алеор? — тихонько спросила Лиара. Ее ладошки на плечах Рады чувствовались до того уютно, что мурчать хотелось.

— Алеор еще не пришел в себя, — негромко отозвалась Рада. — Но и хуже ему не стало. Вот сейчас Кай наберется силенок и подлечит его. А пока лучше скажи, куда тебя отнести? Хочешь на нос?

— Хочу с тобой! — запальчиво выдохнула Лиара и резко спрятала лицо на груди у Рады. Еще одна золотая волна нежности буквально окутала все тело, и Рада тихонько улыбнулась, глядя на то, как выглядывает из-под густых кудряшек Лиары абсолютно красное ухо.

Как непривычно, правда, моя самая яркая на свете искорка? Вроде бы и ничего не сказали мы с тобой друг другу, и все уже сказано, да? Мы знаем, чувствуем, мы в этом, лишь вслух слова не прозвучали. И от этого так звонко внутри!

— Ну тогда пойдем, — улыбнулась Рада, направляясь в сторону носа корабля и следя за тем, чтобы ветер не сдул прочь плед, сейчас лежащий на животе у Лиары на ее руках.

Аккуратно присев на свернутый кольцом канат, Рада расправила плед и поплотнее закутала сидящую у нее на руках Лиару. Та была слабенькая, как котенок, и тяжело привалилась к ее груди, но это тоже было очень приятно.

— Здесь я сидела все это время, — едва слышно проговорила она, и Рада склонила голову, чтобы услышать ее слова. — Сидела и смотрела вперед, пытаюсь углядеть корабль Сагаира. — Голос ее стал глухим. — Кану Защитница, какое же счастье, что ты снова здесь, что мы успели забрать тебя оттуда!

— Все позади, искорка, — Рада обхватила ее крепче и уткнулась носом в теплый ворох ее кудрей, закрывая глаза и пытаясь раствориться в ней целиком, без остатка. — Ты спасла меня. И я обещаю, что больше никогда никуда не денусь.

Несколько секунд они обе молчали, от Лиары пришло болезненно-настороженное ощущение, кольнувшее Раду в самое сердце.

— Что... зачем он захватил тебя? Он сказал тебе?

На миг Раде вновь вспомнилась тупая боль во всем теле, вкус крови во рту и ощущение беспросветной тоски и черной ярости. Она тряхнула головой, сбрасывая это прочь и вновь вдыхая ее родной запах, самый чистый и нужный на свете.

— Я родная сестра Алеора, и в моих венах течет кровь Стальвов, — тихо проговорила она.

Поначалу вспоминать все это было тяжело, но Рада скупно пересказала, опустив все подробности плана Сагаира. Лиара в ее руках болезненно сжималась от каждого слова, и ее руки инстинктивно комкали края шерстяного пледа. Когда Рада закончила говорить, она немного помолчала и вскинула на нее горящие глаза.

— Я не дам ему забрать тебя, слышишь? Он тебя не получит!

Она смотрела так настойчиво, и в ее взгляде была такая сила, что Рада даже сморгнула. На миг она вспомнила тот невероятно сильный порыв ветра, безмолвный удар самого пространства, вмиг погасивший пылающее на пиратских кораблях пламя, которое зажег Сагаир. И вновь тепло улыбнулась искорке, аккуратно убирая с ее лба кучерявую прядку.

— Знаю, маленькая, — едва слышно прошептала она. — И с тобой мне ничего не страшно.

С минуту Лиара пристально вглядывалась в ее лицо, будто изучала, серьезно Рада говорит или нет, потом кивнула и поерзала у нее на коленях, устраиваясь поудобнее. Невероятная нежность все еще была с ними, накрывая их обеих двумя золотыми крыльями, и Рада легонько поцеловала Лиару в лоб, едва коснувшись губами.

— А еще знаешь что, искорка? Я, по-моему, поняла все, что ты говорила мне про то, как чувствовать мир и про Великую Мать. Не просто головой поняла, как в первый раз, а всем своим сердцем, понимаешь? Даже не поняла, это не то слово. Я прожила это. — Рада усмехнулась, качая головой. — Да, я до сих пор совершенно не понимаю, как вы делаете все эти эльфийские штуки, и уже вряд ли чему-то такому научусь. Но теперь у меня есть что-то гораздо большее, у меня есть эта сила, которую она дает мне. Я не знаю, почему она это делает, и, честно говоря, совершенно не хочу этого знать. Но это неопишное ощущение.

— И правда, неопишное, — улыбнулась рядом искорка. Она вдруг тихонько рассмеялась и проговорила: — Знаешь, Рада, мне кажется, это что-то новое, чего никогда-никогда раньше не было. Я не знаю, как тебе объяснить это, я не знаю, что это такое, но мне кажется, что случилось что-то чудесное.

— Что ты имеешь в виду? — уточнила Рада, не совсем понимая, к чему она клонит.

— Да все! — отозвалась Лиара. Помолчав, она продолжила: — Я много думала обо всем этом. О том, почему никто ничего не слышал о Великой Матери. О ней знает лишь Заина, та рыжая ведьма с болот, про которую говорил Алеор. — Рада ощутила, как каменеет, будто бревно, но Лиара сделала вид, что не заметила этого. — Она опоила тебя, и ты, скорее всего, ничего не помнишь. Но мы тогда поговорили с ней, и она сказала мне, что мне нужно идти в Роур, к тем крылатым женщинам анай, и что они расскажут мне о Великой Матери. — Рада все еще чувствовала себя словно камень, но Лиара вывернулась и взглянула ей в лицо, а глаза у нее были серьезные, без тени обиды или злости. Искорка сейчас смотрела очень пронзительно и туманно при этом, глаза ее искали что-то в лице Рады. — Когда мы закончим все наши дела в бездне мхира, ты пойдешь со мной в горы, к анай? Я должна узнать о Великой Матери, Рада, мне кажется, это самое важное, что только есть сейчас на свете!

— Пойду, конечно, искорка, мне и самой любопытно, что там за бабы такие, — пожала плечами Рада. — Но ты мне скажи, что ты имела в виду, говоря, что появилось что-то новое? Великая Мать — это что-то новое? Или что?

— Я не знаю, Рада, — вид у Лиары был сбитым с толку и при этом напряженным, словно она отчаянно искала ответ на свой вопрос и никак не могла его найти. — Теперь я вспоминаю, что ни в одной из людских легенд не сказано ни слова о Великой Матери, да и

Алеор ничего о ней не слышал, а уж он-то должен быть знаком со всеми известными в этом мире божествами, ведь он его из конца в конец исходил. Тогда откуда же я знаю про Великую Мать? И эта сила, что идет через меня. — Лиара покачала головой и вновь взглянула ей в глаза. — Ты же чувствовала это, Рада. Это ни на что не похоже, ни на что в мире. Такое ощущение, будто... будто...

— Что? — с замиранием сердца спросила та. Все, что говорила Лиара, волновало и ее, только Рада не знала настолько много, чтобы строить версии. Признаться, она ровным счетом ничего не знала об энергиях, богах, силе и всех этих вещах, в ее жизни их просто никогда не было. И она не знала, как это должно чувствоваться, выглядеть, в чем тут разница. Потому слова Лиары глотала с жадностью, впитывала как губка.

— Мне кажется... что энергия Великой Матери — это как два Источника, слитые воедино, — тихо проговорила искорка, испуганно облизнув губы.

Рада тоже ощутила, как дрогнуло что-то внутри. Это подходило очень близко к тому, что могли Аватары Создателя — Соединяться с обоими Источниками одновременно, а не с одним конкретным. Задать вопрос напрямую она в себе сил не нашла, а потому только осторожно спросила:

— Это имеет какое-то отношение к тому, что делают Анкана?

— Не знаю, — неуверенно протянула Лиара. После паузы, она добавила: — Кажется, нет. Я не вижу никаких серых потоков энергий вокруг нас, когда эта сила приходит к нам. Если бы это были оба Источника одновременно, энергия была бы серой. А эта — она просто лишена цвета, она скорее золотая, но никак не серая. Но это и не Белый Источник, тут я точно уверена.

— Тогда что же это? — заморгала Рада. — Если не оба одновременно, то...

— Мне кажется, что это более высокий уровень, — глаза Лиары таинственно замерцали, а голосе послышалась дрожь. — Мне кажется, что это гораздо выше. Там, где разделение на Белый и Черный Источники еще отсутствует.

— Я не понимаю, — честно призналась Рада.

— Да я и сама не понимаю, — с улыбкой пожала плечами Лиара. Лицо ее сразу же стало задумчивым. — Но ты сама посуди. Мы знаем, что Белый Источник — это энергия Сознания, а Черный Источник — энергия Творения. Они — отражения друг друга, они дополняют друг друга, именно из них черпалась сила для создания мира. Может ли быть так, что то, к чему прикоснулись мы, — то, что над Источниками?

— Над Источниками лишь тот, кто творил из них, разве нет? — спросила Рада и осеклась.

Новая вспышка дрожи прошла все ее тело, и она внезапно ощутила неуверенность и почти что страх. Такие мысли были слишком крамольными, слишком даже для нее, которая всю жизнь отрицала Церковь, насмехалась над ее Жрецами, а с богами общалась будто со старыми друзьями, не до конца веря, что они существуют. Они бы действительно испепелили меня на месте, если бы слышали мои речи, уж это совершенно точно, разве нет? Церковь утверждала, что Молодые Боги родились от Старого Бога Ниодера, из его плоти и крови при помощи Источников Энергии создав мир. Но кто-то ведь до них создал Источники Энергии, потому что у всего всегда было начало. И если Рада с Лиарой касались силы, что была над Источниками, силы, что их сотворила...

— Кто же такая Великая Мать? — она и не заметила, как прошептала это вслух.

— Вот и я хочу знать это, — твердо кивнула рядом Лиара. — Что-то дает нам силу,

силу, что превосходит даже Источники Энергии, с помощью которых был сотворен мир. Я хочу знать, что это, и почему. И еще больше: почему именно сейчас это происходит? Ведь раньше никто и ничего о таком не слышал, мы первые, кто удостоились этой силы. Это значит, что что-то в мире меняется, но что? И куда поведет это изменение? Для чего оно? — Лиара нахмурилась. — Обладая такой мощью, по незнанию или собственной глупости мы можем натворить бед гораздо больших, чем могли бы даже предположить. В этой части Этлана никто не может научить нас, что с этим делать, объяснить, как ей управлять или хотя бы как не повредить с ее помощью другим. И я хочу найти того, кто даст мне ответ на этот вопрос.

— Мы его найдем, искорка, — уверенно кивнула Рада. — Обязательно найдем. Сначала, как я и обещала, разыщем в Речном Доме твою мать, может быть, она тоже что-то знает и сможет помочь. Может, это знание у тебя от нее. А потом мы пойдем дальше, в эти горы Роура или еще дальше, хоть на край мира, но обязательно пойдем, что все это означает. Я тебе обещаю это.

Несколько секунд Лиара вглядывалась в ее лицо, и глаза ее светились чем-то, чему Рада в своих мыслях еще не решалась дать слова. Слишком сокровенным было это слово, слишком дорогим, слишком значимым.

— Я ни с кем бы не пошла, кроме тебя, — проговорила искорка, и эти слова буквально впечатались внутрь распахнутого настезь сердца Рады.

— И я, Лиара, — вмиг осипшим голосом отозвалась она. — И я.

Из-за спины послышался громкий стук половника о котел, и Рада вздрогнула. Обернувшись через плечо, она углядела Улыбашку, которая стояла у выхода из кубрика и громыхала половником, отчаянно пытаясь привлечь их внимание. Вид у нее был еще более неуверенный, чем раньше, и на Раду она поглядывала с явным испугом. Не говоря уже о том, что впервые за все время плавания она объявляла о готовой еде именно таким образом.

— Идите есть! Все горячее! — хрипло позвала Улыбашка и поспешно скрылась в кубрике, словно прячась от горящего взгляда Рады.

Во второй раз уже эта проклятая коротышка мне все обламывает! — подумала Рада. Но при этом губы сами собой растянулись в улыбку: уж больно забавно это было, и на душе так золотно звенело, что хотелось смеяться от счастья. Обернувшись к Лиаре, она покрепче обняла ее и спросила:

— Ну что? Хочешь кушать? Ты три дня не ела, должно быть, голодна как волк.

— Есть немного, — смущенно улыбнулась искорка.

— Ну тогда пошли, — кивнула Рада, поднимаясь на ноги и неся ее на руках в сторону кубрика. — Удивительно, но стряпает Улыбашка прекрасно. Тебе понравится.

С того самого дня что-то незримо поменялось как на самом корабле, так и в жизни Рады. Она чувствовала себя висящей в золотой пустоте: ни прошлого, ни будущего, лишь эти теплые серебристые искры на дне зовущих глаз Лиары, эта робкая нежность первых прикосновений, уже не таких, как раньше, наполненных сокровенным смыслом для них двоих, странная недоговоренность слов, которые, вроде бы, уже и были сказаны, но вслух их еще никто не произнес. Рада не могла думать: что-то иное переполняло ее, буквально распирало, насквозь пронизывало все ее тело, и она задыхалась собственным сердцем, а глаза то и дело находили ее искорку. И еще жгло, все время жгло спину, яростный огонь охватывал все ее тело, как тот, что был у нее после битвы со Стражем Болот. Только теперь и до него ей не было никакого дела.

Словно изнуренные долгой жаждой путники, которые наконец-то дошли до родника с ключевой водой и не верили в свое счастье, сидя на самом его краю, так и они с Лиарой смотрели друг на друга, смотрели друг в друга и не могли никак наглядеться. Какой-то невидимый барьер наконец рухнул между ними, позволив им дышать и чувствовать, и теперь они просто наслаждались этим, боясь прервать драгоценное золото этого молчания хоть каким-нибудь лишним словом. Они старались все время находиться как можно ближе друг к другу, спали в соседних гамаках, сидели рядышком на носу корабля, ели бок о бок в кругу рассеявшихся на палубе матросов. И молчание сплело их золотой нитью, молчание, наполненное смыслом для них двоих.

С каждым днем Лиара все больше шла на поправку, силы быстро возвращались к ней. По вечерам она доставала арфу, пела матросам как свои песни, так и те, что пелись по всему Этлану. А Рада просто молча смотрела на нее и впитывала каждое слово, каждый отзвук ее голоса, каждое ее движение, словно иссушенная земля долгожданный дождь. Сколько любви может поместиться в человеческом сердце, Великая Мать? Сколько нежности, ласки, заботы? Потому что каждый раз, когда я вижу, как она улыбается, мне кажется, что больше любить уже просто нельзя. А потом она смотрит на меня, и оказывается, что можно, в тысячи, десятки тысяч раз сильнее.

Друзья, судя по всему, заметили, что между ними что-то происходит, но старались деликатно не обращать на это внимания. Кай просто теперь обращался не к каждой из них по отдельности, а словно бы к ним обоим сразу, даже когда задавал вопросы, касающиеся кого-то одного из них. Улыбашка светилась, словно начищенный таз, расхаживая вокруг них и то и дело одобрительно крякая и качая головой. Да и кормить она стала обоих буквально до отвала, едва не силой впихивая половники раскаленного варева им в рты. Рада не могла разобраться, кем теперь считала их Улыбашка, но выглядело все так, будто они с Лиарой — ее собственные дети, в судьбе которых она принимала непосредственное участие, а теперь молчаливо благословляла их на долгую счастливую жизнь.

Все это было совсем непривычно для Рады, и она не знала, как себя вести в подобной ситуации. При мелонском дворе никому не было дела до ее счастья, только до личной жизни, которая воспринималась единственно как повод для сплетен. Их свадьба с Ленаром, которая теперь казалась чем-то таким далеким, ненастоящим, ненужным, сном сна, была чопорной, спокойной, строго протокольной. Никто по-настоящему не радовался за них и не поздравлял от души, может, потому, что они сами не испытывали особой радости, ощущая лишь удовлетворение от удачно заключенной сделки. Каждому из них брак давал шанс заняться собственной жизнью с развязанными руками и не оглядываться больше ни на кого, но никакого восторга ни у одного из них не вызвал. Теперь же все было иначе.

А вместе с воспоминаниями о браке в голову начала лезть и другая навязчивая мысль, все больше и больше тревожащая Раду день ото дня. И не только мысль. Каждый раз, когда Лиара улыбалась ей, каждый раз, когда словно невзначай касалась ее руки или вставала рядом так, что их бока соприкасались, через тело Рады буквально электрические разряды проходили. И поднималось что-то из глубин существа, что-то слепое, не имеющее голоса и имени, что-то, что почти что до боли хотело раствориться в ней, слиться с ней, стать одним целым. Не раз и не два Рада ловила себя на том, что представляет, как сладка и мягка кожа на тонкой шее Лиары, когда ветер отбрасывал прочь ее непослушные кудряшки. Пальцы помнили легкость ее тела и тонкую талию под ладонями, сердце — жар ее кожи, глаза, проклятые глаза, чтоб им, ее тело — обнаженное, покрытое капельками воды и пота,

которое Рада видела когда-то давно, еще в Латре, во время совместного мытья в бане. И теперь каждый раз, когда Лиара оказывалась чуть ближе, чем нужно, все существо Рады восставало, буквально рычало и рвалось изнутри, навстречу к ней. И приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не стиснуть ее в объятиях так сильно, как только можно, не прижать к сердцу, и...

Что было дальше за этим «и», Рада примерно себе представляла, но не настолько ясно, как ей хотелось бы. Физиология у мужчин и женщин была достаточно различной, а Ленар крайне холодным и собранным любовником, чтобы Рада могла быть уверенной в том, что Лиара будет довольна тем, что у них случится рано или поздно. И спросить-то здесь было не у кого: единственной на корабле, у кого имелся опыт в таких делах, помимо Рады, была Равенна, но одна мысль о том, чтобы идти к рыжей пиратке за советом, заставляла все существо Рады скалиться и недовольно ворчать. Нет уж, у нее точно она ни слова не спросит, ни за что и никогда в жизни.

Можно, конечно, было обратиться и к Улыбашке, но опыт гномихи все-таки несколько отличался от того, что Раду ждало впереди, да и ей совершенно не хотелось знать, чем занимается в своей спальне бочкоподобная Улыбашка, так любящая соленые шутки и швыряние в людей топорами. Оставался еще Гардан, вот только вряд ли Гардан понимал что-нибудь в том, что происходило между двумя женщинами. А если даже и понимал, то Раде почему-то казалось, что не совсем верно. В конце концов, в его жизни были лишь продажные женщины таверн и борделей, а к существованию настоящей искренней любви наемник относился весьма скептически, и Рада не раз слышала от него шуточки на эту тему. Так что помощи ждать было не откуда, а значит, оставалось выбираться самой.

Может, я успею в Аластаре купить себе шлюху и расспросить ее обо всем? — тоскливо думала Рада, поглядывая на Лиару. Только от такого варианта на душе сразу же начинали скрести кошки. Особенно, после того, как Лиара все-таки создалась, что знает о Заине. Наверное, ее это ранило, причинило ей боль. А раз так, то Рада не была уверена в том, что Лиара поверит ей, когда та объяснит свой визит в бордель безобидной тягой к исключительно теоретическим знаниям, а скрывать от нее сам факт такого визита было неумолимо неправильно, так неправильно, что Раду буквально воротило от одной такой мысли. Нет уж, лучше плохо, но честно. С ней я всегда буду честна.

Так что день ото дня пламя в груди и теле становилось все жарче, Лиара смотрела на нее все более и более долгим взглядом, тягучим и тяжелым, лишаящим сил и заставляющим сглатывать горячий комок в горле, а сама Рада тревожилась все сильнее и сильнее, прокручивая в голове все возможные варианты и пытаясь припомнить все рассказы, сплетни и байки, что доводилось слышать ей в жизни. Только вот, сколько бы она ни вспоминала, а нужной информации там были буквально крупинки. Удивительным образом вечно сплетничающие мелонские дворяне, какой только грязи ни рассказывающие друг про друга при дворе, никогда не снисходили до технических деталей, и теперь это терзало Раду, мешая спать, есть и думать.

Великая Мать, ну почему я такая дура, а? Почему, что бы я ни делала, все равно все происходит не так, как мне бы хотелось? И почему только я попадаю в такие глупые ситуации? А небо только молчало, и кто-то там, далеко-далеко, смеялся над ней, добро и тихо.

На седьмой день после битвы с Сагаиром Кай наконец-то набрался сил достаточно, чтобы взяться за исцеление Алеора. Вежливо попросив не беспокоить его без весомой

причины, ильтонец заперся в капитанской каюте на целый день. Оттуда недоносилось ни звука, но Лиара то и дело вздрагивала, непроизвольно глядя в ту сторону, где лечил эльфа ильтонец, и Рада предполагала, что она может ощущать энергетические потоки. Несколько раз она спросила искорку об этом, решив уточнить, не угрожает ли что-нибудь жизни эльфа. Лиара лишь рассеяно покачала головой и вновь прислушалась, глубоко уходя в себя и словно стараясь отследить то, как и что именно делал с Источником ильтонец. Раде же не было до этого ровным счетом никакого дела, лишь бы тот эльфа на ноги поднял, а все остальное не имело значения.

Под вечер дверь в капитанскую каюту распахнулась, и наружу, низко пригнувшись, шагнул усталый, но довольный ильтонец. Когда он выпрямлялся, его голова находилась едва ли не вровень с палубой на юте; Рада до сих пор еще не до конца привыкла к тому, насколько он высок.

— Ну что? — сразу же спросила Улыбашка, высунув голову из кубрика. Рада подозревала, что все это время она подслушивала под дверью, а вовсе не готовила им всем обед, как громогласно рассказывала.

— Все готово, — устало вздохнул Кай. — Сейчас он спит, но примерно через пару часов очнется здоровый и зверски голодный. Так что лучше быть готовыми к этому.

Рада выдохнула, расслабляясь и прикрывая глаза. Она не сомневалась в том, что эльф справится, но тревога все равно сидела где-то глубоко внутри, засев на самом доньшке сердца противной колючкой. И вот теперь-то уж точно все окончательно пришло в норму, раз даже он наконец-то приходил в себя. А еще она соскучилась, очень соскучилась, даже по его едким шуткам и вечному подначиванию. Ради того, чтобы вытащить меня, ты поднял на ноги все северное побережье. Естественно, что не только из-за меня, но и из-за Сагаира, но ведь цели-то ты своей добился. Ты спас меня, брат, спас от самой страшной участи, которую только можно придумать. И за это я потерплю все твои издевки.

Ноги сами понесли ее в капитанскую каюту, и друзья отнеслись к этому с пониманием. Никто не попытался задержать ее или остановить, они прекрасно понимали, что Раде с Алеором нужно поговорить по душам. Все уже знали, что с эльфом их объединяла общая кровь, один лишь Алеор пока еще пребывал в неведении об этом. Хоть в чем-то ты оказался последним, древолюб проклятый! — подумалось Раде, когда она шагнула в полутемное помещение каюты и тихонько прикрыла за собой дверь.

Здесь пахло кровью, несмотря на то, что бинтов на Алеоре уже не было, как и той жуткой раны, которую они с Улыбашкой кое-как заштопали. Эльф лежал все в той же позе, ровно на спине, положив бледные руки поверх одеяла, и на его левом плече виднелся безобразный рубец, оставшийся после кривых рук зашивавшей его Рады. Но теперь это был просто рубец, побледневший и не выпирающий на коже, да и сам Алеор не выглядел больше таким ужасающе бледным и изнуренным, как еще этим утром.

Невольно Рада улыбнулась, оглядев его широкие плечи, сухое, жилистое тело, в котором не было ни грамма жира, лишь живая, дремлющая под кожей сила. Алеор никогда не жалел себя, и тяжелые нагрузки дали свой результат. Наверное, многие женщины сочли бы его идеалом мужской красоты, — подумалось ей. Уж точно получше всех этих баюкающих свой жирок лорденышей. Внутри невольно поднялась теплая гордость, и Рада аккуратно присела на край узкой, прикрученной к стене койки, на которой лежал эльф.

Все-таки ее движение побеспокоило его, и он медленно заморгал, открывая глаза. Рада ждала, пока он придет в себя, пока поймет, где находится, и оглядится. В конце концов, он

был без сознания неделю, а до этого вел такую тяжелую и изматывающую битву, как никогда в жизни. Да и времени у них было полно: никто бы не стал сейчас тревожить их и отвлекать от беседы.

Алеор медленно повернул голову и взглянул на нее. Кожа на его лице была мертвенно бледной, бескровные губы все-таки растянулись в слабой улыбке:

— Приветствую, дражайшая! По твоей довольной роже и отсутствию веревок на руках я делаю вывод, что мы даже выжили и на свободе.

— Ты совершенно прав, друг мой, — в тон ему ответила Рада, запуская руку за пазуху и выуживая оттуда трубку. — Мы живы, мы на корабле Равенны, и мы плывем в Аластар.

— А Сагаир? — в голосе Алеора послышалось напряжение, а глаза вмиг стали ледяными.

— Сбежал, — отозвалась Рада, и эльф со стоном откинулся на кровать. Его кулак сжался и в бессильной ярости ударил по простыни. Рада скептически оглядела это, набивая трубочку. — Да не переживай ты так! Этот — как заноза в заднице, рано или поздно все равно нас найдет, и ты успеешь еще разок помять ему бока.

— Я ждал этого шанса полторы тысячи лет. И упустил его. — Голос Алеора звучал глухо, часто моргая, он смотрел в потолок.

— Упустил этот, не упустишь следующий, — постаралась подбодрить его Рада. — Поверь мне, этот гаденыш все равно вернется, ему теперь просто некуда деваться, как бежать за нами, как собака.

— Почему? — с невольным интересом взглянул на нее Алеор.

— Потому что мы смогли дать ему отпор. А еще потому, что теперь я знаю правду о себе. Он рассказал мне все, думая, что я в его руках и уж точно никуда не сбегу. Вот только придурак он редкостный, как выяснилось. — Рада хмыкнула. В глазах Алеора загорелся искренний интерес, а это означало, что на поправку он пойдет гораздо быстрее.

— Что за правда? — настороженно спросил эльф, пристально разглядывая ее.

— Правда в том, что я твоя сестра, — просто сказала она, посмеиваясь и глядя ему в глаза. — Что из близнецов, которых родила наша мать, погиб только один, а вторую — меня, — Сагаир украл и спрятал от тебя. А потом разбудил, когда ты уже не мог ничего заподозрить. Так что мы с тобой, Алеорушка, наследники Ирантира и Дети Солнца, в прямом смысле уж точно, а в переносном — покажет время. Вот так.

Некоторое время Алеор молча смотрел на нее, переваривая все сказанное, затем вдруг громко фыркнул и проговорил:

— У тебя есть выпить? И трубка бы не помешала. Я валяюсь здесь уже... сколько я здесь валяюсь?

— Неделю, — подсказала Рада.

— Неделю, — со вздохом повторил эльф. — Сколько времени потрачено даром! А ведь все это время я мог бы тянуть южное латайское и рисовать кровью Сагаира герб Лесного Дома на парусах «Блудницы».

— У меня есть только пойло из Северных Провинций, которое дал мне Гардан, — пожалала плечами Рада, протягивая ему флягу. — А что касается твоих художеств, то вряд ли бы их здесь хоть кто-нибудь оценил. Равенна трясется над своим кораблем, как жрица над кадиллом, даже несмотря на то, что скоро ей придется его отдавать.

— Ладно, давай сюда свое пойло. Сойдет.

Алеор поморщился, привставая, бросил взгляд на свое плечо и скривился:

— И кто это такой одаренный вышивал на мне крестиком?

— Как умела, так и вышила, — буркнула Рада.

— И что ты пыталась изобразить? — усмехнулся эльф, держа в руках открытую флягу с ромом и иронично глядя на нее. — Пейзаж с синицами?

— Пей давай, — помрачнела Рада, чувствуя, что, наверное, чересчур рано порадовалась его приходу в себя.

Мог бы и еще недельку полежать без чувств, а то и до самого Аластара. Никому уж точно от этого плохо бы не было. Проклятый древолюб!

===== Глава 49. Нехоженые тропы =====

Корабль разрезал своим широким носом волны, подчиняясь воле восточных ветров и двигаясь гораздо быстрее, чем они плыли сюда. Это казалось Лиаре очередной прихотью любящих шутить над смертными Марн, и она порой горько качала головой. Если бы так же быстро они плыли на восток, то и Радую выручили бы раньше. Впрочем, рассуждать о замыслах правящих в небесной выси Марн, что плели судьбы всего живого, было чревато бедами и напастями, а потому Лиара гнала прочь такие мысли. Теперь Рада была с ней, теперь все было хорошо, и остальное не имело значения.

Громадное облегчение от схлынувшего прочь напряжения теперь было ее постоянным спутником, медленно затухая день ото дня. Грезы смыли прочь всю ее тревогу, всю ее усталость и невыносимое стремление вслед за Радой, и Лиаре осталось лишь золотое сияние в каждой клетке ее тела, теплый покой, какой бывает, когда слишком долго бежишь на пределе сил, а потом останавливаешься и успокаиваешься с чувством выполненного долга. Все это время она была напряженно звенящей, натянутой до предела струной, и теперь наслаждалась буквально каждым миготом тишины, каждой секундой путешествия, сумев, наконец, оценить красоту раскинувшейся вокруг них и принявшей в себя стихии.

Погода стояла совсем осенняя. Низкие облака плыли почти что над самой водой, и стальные недовольные волны подпрыгивали снизу, словно звери, пытаясь ухватить их подбрюшья белоснежными лапами пены. Порой накрапывал мелкий серый дождь, и тогда воздух становился влажным, таким мокрым, что его почти что можно было выжимать, а горизонт расплывался, таял в сером мареве, и казалось, будто корабль плывет сквозь густой серый туман. Иногда резкие порывы восточного ветра разгоняли прочь мокрую морось, тучи недовольно поднимались повыше, теряя в весе и становясь чуть светлее, и тогда корабль мчался по волнам будто бешеный, взлетая вверх-вниз и разбрасывая во все стороны тучи брызг. В такие моменты становилось совсем холодно, и Лиара поплотнее заворачивалась в теплый шерстяной плед, что выдала ей Улыбашка, или уходила в трюм, где в своем гамаке дремала в непогоду Рада.

Все реже они собирались на палубе по вечерам возле никогда не гаснущего фонаря, чтобы разделить чарку рома и поделиться друг с другом песнями из дальних краев. Лиара берегла свою арфу от потоков дождя и сырости, а в холодную погоду пальцы сводило так, что перебирать тонкие струны было просто невозможно. Осень уверенно входила в свои права, выгоняя из воздуха последние остатки тепла, грозясь скорыми снегопадами, пробираясь за шиворот и рукава ледяными пальцами пронзительных ветров.

Только Лиаре не было холодно сейчас, и осень, что вздувала беспокойное море и швыряла его волны к таким же недовольным серым тучам, стала для нее самой желанной, самой драгоценной и волшебной порой за всю ее жизнь.

Между ними с Радой происходило что-то такое заветное, такое сокровенное, что Лиара

даже самой себе боялась вслух признаться в том, что это. Ничего не было сказано напрямую, ни одного слова не прозвучало, однако тонкие невидимые нити туго сплели их, связали, стянули, словно они стояли где-то в теплой полутьме, неотрывно глядя друг другу в глаза и ни на что больше в этом мире не обращая внимания. И не было больше никого, кроме них двоих.

С того самого первого разговора, который так грубо и неожиданно прервала Улыбашка, прошло уже больше недели, а это чудо не прекращалось, становясь лишь сильнее и чуднее день ото дня. В первые дни, готовясь отойти в грезы по вечерам, Лиара до смерти боялась, что с завтрашнего утра все это прекратится, и больше не будет для них двоих этой умопомрачительной мягкой нежности, в которой они купались с головой. И каждое утро, открывая глаза, она видела улыбку Рады и ее взгляд, пронзительный, родной, полный такой... любви, что хотелось то ли плакать, то ли смеяться, то ли все вместе. А в груди росло и росло что-то золотое, огромное, прорастая сквозь спину двумя крыльями, что, казалось, уже закрывали полнеба. Ушли прочь тревоги и боль, страх, отчаяние, все ушло прочь, оставив лишь густое теплое биение чего-то иного, чего Лиара никогда не знала. И весь мир изменился вокруг нее, оставшись точно таким же, как и был. Только теперь все было по-другому, и каждый раз, когда она широко распахивала глаза и глядела, глядела на него, пытаясь понять, что же изменилось, и не понимая этого, ей чудилась чья-то проказливая и при этом бесконечно добрая улыбка.

И волны остались теми же, и ветер надувал все те же паруса того же корабля, и люди вокруг нее все так же переругивались, громко смеялись или работали плечом к плечу, вот только все это теперь несло в себе что-то иное. Может, крохотное золотое семечко, посаженное прямо на дно их существования? Лиаре казалось, что она почти видит это семечко, видит, как оно медленно прорастает сквозь все эти бесконечные черные слои усталости, неведения, неверия, обыденности, пробиваясь к солнцу, на свет. В ком-то оно росло быстрее, в ком-то так медленно, что и вовсе было незаметно, и порой ей казалось, что этот процесс бесконечен и уходит своими корнями куда-то в глубочайшую темную толщу прошлого, укрытого пылью перемолотых жерновами времен.

Почему так происходит? Потому что я люблю и придумываю себе все это? Или потому, что я действительно вижу, вижу что-то иное в них? На этот вопрос она тоже ответить не могла. Великая Мать, что пришла к ней во время битвы с Сагаиром, любовь, что наконец-то взорвалась ослепительным цветом распустившегося весеннего сада в ее сердце, или что-то иное заставляло ее чувствовать мир иначе? Лиара не знала этого, лишь молча наблюдала широко раскрытыми глазами за миром, который теперь казался мягким, словно теплая лапка пушистого котенка с растопыренными пальчиками.

Она долго думала о том, чтобы поговорить об этом с кем-то, хоть даже и в слова не могла уложить все те странные вещи, что волнами перекатывались прямо через ее грудь. Наконец она все-таки решилась и, как-то под вечер, уведя Радугу на нос корабля, запинаясь и с трудом подбирая слова, постаралась объяснить ей все, что с ней происходило. Естественно, что про нее саму Лиара не упомянула ни слова: ничего еще не сказано было между ними, и обе они с превеликой осторожностью хранили этот золотой миг до того момента, когда рядом не будет никого чужого и лишнего. Лиара поняла это по глазам Рады и молча приняла ее выбор. Ей и самой не хотелось слышать самые заветные слова здесь, среди выдубленных ветрами и работой матросов, запаха пеньки и смолы. А потому она только припрятала поглубже за пазуху тот перстень, что купила для Рады, а вместе с ним на самое дно своего

сердца — все те золотые слова, что так хотела ей сказать. Но спросить про Великую Мать и то странное волнение в груди стоило, и Лиара все-таки смогла внятно объяснить Раде, что она ощущала.

— Знаешь, а у меня это немного по-другому, — нахмурила брови Рада, задумчиво глядя на нее и непроизвольно потирая кулаком грудь. — Я чувствую боль, резкую боль между лопаток в спине и постоянное жжение, как будто раскаленный штырь туда воткнули.

— О... — расстроено протянула Лиара. Ей так хотелось услышать, что Рада испытывает то же самое.

— Только это не все, — продолжила Рада, кажется, не заметив ее тона. — Я еще кое-что чувствую. — Она вдруг запустила руку в волосы, ероша их так, как делала всегда, когда испытывала смущение. — Я как будто... ну не знаю, как сказать... Я как будто чувствую твои эмоции. Ну, когда тебе грустно, или когда ты о чем-то думаешь, и вообще... — Она неопределенно пожала плечами, бросила на Лиару короткий взгляд. — Такое может быть? Такое бывает?

— Не знаю, Рада, — честно призналась Лиара. Все внутри нее ликовало, пело от счастья, и Лиара широко улыбнулась. — Но я тоже чувствую тебя, твои эмоции, всю тебя. И еще — это странное золото, эту тишину.

— Вот как!.. — Рада смущенно хмыкнула в кулак, но Лиара видела, что ей приятны эти слова. — Ну что ж, значит, мы не сошли с ума. Осталось только понять, отчего такое бывает.

А еще она признала, что мир вокруг них будто бы изменился, оставаясь тем же самым, и это тоже обнадеживало. Если это не было связано с их чувствами друг к другу, то это могло означать, что действительно произошло что-то волшебное во время той битвы на корабле, когда через них обеих напрямую лила невероятная мощь, посланная Великой Матерью. Что мир изменился, изменился по-настоящему, раз и навсегда.

Этот вопрос настолько растревожил душу Лиары, что в конце концов она решила спросить об этом и еще кого-нибудь кроме Рады. Кого-то, кто бы чувствовал энергии мира так же остро, кто мог бы подтвердить ее догадку, а в случае, если бы та не оправдалась, не стал бы высмеивать ее. Идеальным кандидатом на это виделся ей Кай; характер у ильтонца был ровным и спокойным, все время он держал себя дружелюбно и мягко по отношению к окружающим, и Лиара чувствовала, что доверяет ему, пусть даже они и не были близко знакомы.

После излечения Алеора Кай быстро пришел в норму и полностью восстановил свои силы. Свои дни он проводил на палубе вместе с эльфом, беседуя с ним или играя в литцу, древнюю эльфийскую стратегическую игру, шкатулку с которой прихватил с собой в путешествие. Выглядели при этом Алеор и Кай как старые друзья, знающие друг друга долгие годы и получающие искреннее удовольствие от общения. Впрочем, Кай вел себя ровно и открыто со всеми, кто хотел общаться с ним. Не раз Лиара видела его в компании отдыхающих от работы моряков, которые расспрашивали его про Латайю или про него самого. Ильтонец охотно шел на контакт, хоть и держался с таким спокойным достоинством, что никто из моряков не набивался ему в друзья и не приглашал на чуть более активные возлияния рома, чем разрешала на борту «Блудницы» Равенна.

Лиара выждала момент, когда Кай остался один, стоя у борта корабля, облокотившись об ограждение и разглядывая бесконечную серую зыбь, и подошла к нему. Рада, позевывая, удалилась подремать в трюм всего полчаса назад: качка и дождь всегда навевали на нее сон, а потому делать Лиаре одной на палубе было особенно нечего.

— Ты не будешь против моего общества, Кай? — негромко спросила она, подходя к нему и останавливаясь в паре шагов, чтобы не нарушить уединение ильтонца.

Он обернулся к ней, вырываясь из своих мыслей, и улыбнулся той спокойной теплой улыбкой, которая предназначалась всем окружающим. Нефритовые глаза при этом чуть сощурились, рассматривая Лиару. Кай явно был заинтригован тем, что впервые за все это время она выказала желание поговорить с ним наедине, но при этом старался не слишком явно выражать свой интерес.

— Я буду рад, Светозарная, — негромко ответил он, кивая, и Лиара подошла, встав справа от него и тоже облокотившись на бортовое ограждение. Теперь громадный ильтонец возвышался над ней почти что на метр, и чтобы посмотреть ему в лицо, ей приходилось выворачивать голову. — У нас с тобой как-то не выдавалось раньше возможности поговорить, но я был бы рад узнать о тебе чуть больше и из первых уст.

— Я тоже, Кай, — искренно улыбнулась в ответ Лиара. Рядом с его огромными каменными руками она чувствовала себя в полной теплой безопасности, словно котенок, свернувшийся в клубок в корнях векового дуба, пронзенного солнечными стрелами. Неожиданно для самой себя, она призналась: — Честно говоря, я никогда в жизни до встречи с тобой не видела ильтонца! Только слышала о них из сказок и легенд.

— Мы редко покидаем пределы Латайи, — отозвался Кай, глядя на серые волны. — К тому же, со смертными иметь дело достаточно сложно. Они очень быстро думают, легко раздражаются по любому поводу, все время стремятся обмануть и вывернуть любое слово и действие к своей выгоде. Так что в людских землях мы почти что и не бываем, а ты ведь из Мелонии, как я слышал? — в голосе его прозвучал невысказанный вопрос, и Лиара утвердительно кивнула головой.

— Да, с северо-запада Мелонии, из провинции Карамон.

— Я нахожу довольно странным то, что Первопришедшая называет своей родиной человеческие земли, но когда имеешь дело с Алеором и его друзьями, странности становятся обычным делом, — с тонкой улыбкой заметил Кай. Лиара ощутила, что почти что жмурится от удовольствия. Ильтонец говорил с ней так деликатно, словно берег ее, как тонкую вазу из южного фарфора, давая возможность отвечать, если захочется, или сохранять молчание, если нет. Не в пример большинству людей, которые сразу же задавали вопросы в лоб, заставляя отвечать на них, даже если говорить не хотелось.

— Моя мать оставила меня в приюте, когда мне было восемь лет, — сказала она, думая о том, насколько уютно ей говорить с Каем. Обычно она с трудом сама налаживала контакт с незнакомыми людьми. — Через десять лет мне пришлось покинуть приют, и я направилась в Латр на ее поиски, а нашла Раду.

— Это довольно странно, — задумчиво нахмурился Кай. — Первопришедшие очень дорожат своими детьми, особенно чистокровными, к которым ты, судя по всему, относишься. Предполагаю, что у нее должен был быть очень весомый повод, чтобы оставить тебя в том приюте.

— Думаю, что мы скоро выясним это, — пожала плечами Лиара. — Алеор обещал, что по дороге за Семь Преград, мы заедем в Иллидар. Там я постараюсь разыскать ее.

— Надеюсь, у тебя все получится, Светозарная! — серьезно взглянул на нее Кай. — Если уж ты отправилась в такой дальний путь ради этого и пережила столько испытаний, значит, они, скорее всего, окупятся сполна.

— Благодарю тебя, Кай! — улыбнулась она. — Правда, я отправилась не столько на

поиски матери, точнее, это была не основанная причина. Я просто познакомилась с Радой и поняла, что хотела бы следовать за ней.

— Эта женщина обладает очень сильной волей. Я понимаю тебя, — кивнул Кай. Вдруг он негромко усмехнулся, покачал головой и с теплой улыбкой взглянул на нее сверху вниз. — На самом деле, я понимаю тебя даже больше, чем ты думаешь, Светозарная! Когда-то много лет назад я точно так же познакомился с Алеором и понял, что просто не могу не принять его предложение о совместном походе. Может, здесь все дело в крови Стальвов? Или просто они — такие люди, горящие, словно костер в ночи, притягивающие к себе всех вокруг, словно мотыльков, летящих на свет?

— Не знаю, — задумчиво отозвалась Лиара. Сама она никогда не думала об этом, но мысли Кая показались ей интересными.

— У нас в стране таких называют Ахтайярок, Горящие Сердца, — продолжил ильтонец, вновь отворачиваясь и глядя на море. — Правда, обычно это слово употребляют по отношению к Пробудившим, но мне всегда казалось, что Алеору оно очень подходит. Отлично подходит, честно говоря, — вновь рассмеялся он, и глаза его потеплели, обрастая теплой сеточкой морщин.

— А как вы познакомились, Кай? — с интересом взглянула на него Лиара. — Насколько я сумела понять, Алеор не слишком-то много любви питает к Жрецам Церкви Молодых Богов.

— Алеор не питает любви ни к кому! — хмыкнул Кай. — Мне кажется, что он воспринимает только силу других людей, и, если находит эту силу достаточной, соглашается на какое-то время стать союзником ради общей цели. Возможно даже, он испытывает некоторый род эмоциональной привязанности к тому или иному человеку, как например, к Раде Киер, однако, я бы не назвал это словом «любовь» или даже «дружба».

— Кажется, что единственный человек, к которому он питает более сильные чувства, это Сагаир, — заметила Лиара, пытаясь понять, ушел ли ильтонец от вопроса или просто пустился в размышления.

— Действительно! — согласился Кай. — Никогда не видел его таким живым, как в тот момент, когда мы начали догонять корабль Сагаира. Впрочем, должен же он хоть когда-то испытывать чувства, не правда ли? Что же касается твоего вопроса, то это произошло очень много лет назад, Светозарная.

Кай сделал небольшую паузу, и Лиара с интересом прислушалась. Все-таки, он не стал уходить от ответа и решил рассказать.

— Я тогда был еще очень молод, только-только получил благословение от Скульптора Ваэнди. Видишь ли, на самом деле мы рождаемся не вот с такими руками, — ильтонец приподнял свои ладони, демонстрируя Лиаре светлый нефрит, на котором, словно в тусклом зеркале, едва-едва заметно отражались серые перекаты волн за бортом корабля. — Руки наших детей — из серого гранита, у всех одинаковые, как и глаза, кстати. Когда у ребенка начинает формироваться характер и личность, когда становится понятно, какая судьба его ждет и каким человеком он однажды станет, камень начинает очень медленно менять свою структуру. Обычно руки формируются окончательно годам к тридцати-тридцати пяти, когда ильтонцы достигают эмоциональной зрелости, хотя у некоторых это случается и раньше. Как только руки приобретают свой окончательный вид, Скульптор — Старейшина, наиболее искусный в Песне Камня, проводит ритуал над каждым из нас, воспевая наши руки, придавая им крепости и фиксируя их форму. С этого момента ильтонец считается полноправным

членом общины и имеет возможность участвовать в ее сакральной и политической жизни.

— Но я всегда думала... — заморгала Лиара, удивленно глядя на него, — что вы такие, какими вас высекли из камня эльфы для Первой Войны! Вас же всех вырубали из одной и той же породы!

— Это не совсем так, светозарная, — покачал головой Кай. — Пробудившие действительно вырезали нас из гранитной породы, исключительно с целью ведения войны, но жизнь всегда берет верх. Жизнь, Светозарная, — самый упорный, самый искусный и самый смешливый мастер из всех. Она накладывает свои ладони на каждое творение человеческих ли, эльфийских ли, божьих ли рук, и лепит из него то, что ей взбредет в голову. — Он улыбнулся, прищурившись и рассматривая собственные ладони. Они были широкие, с грубыми линиями сколов, но при этом удивительно подвижные. Лиара видела, как перекатываются маленькие глыбы, из которых состояли его пальцы, как перекручиваются сочленения, позволяя им изгибаться в любую сторону. — Эльфы создавали нас одинаковыми, для войны. Они вырубали десять тысяч бесполох одинаковых фигур, что должны были выйти в мир и биться с Кроном. Пробудившие пели нам, и самым сильным голосом был голос того, кого вы зовете Королем-Солнце, а в руках его рассыпал искры Каменный Цветок — тоже всего лишь осколок кристалла из самой глубокой бездны под корнями гор. Только в его руках — это был нежный цветок, тонкий и теплый, цветок о тысячи лепестков, и наши песни говорят, что пах он так незабываемо, что люди плакали, лишь уловив нотку его аромата в воздухе.

— Ты говоришь о Фаишале? — подалась вперед Лиара. Она никогда не слышала таких легенд в таком изложении, они кардинально отличались от всех песен, что ходили по людскому миру. Ильгонцы жили закрыто, об их культуре и истории за границей Латайи почти что никто ничего и не знал. — О Фаишале и Ирантире Стальве?

— Да, — ответил Кай. Лицо его как-то потеплело, и мягкие морщинки в углах глаз делали его взгляд похожим на первое весеннее солнце. — Он пробудил нас из камня вместе с величайшими эльфийскими мастерами-скульпторами, что вырубали нас. И мы должны были стать для него просто каменными големами, без страха, сомнения и боли отдающими свою жизнь во имя защиты всего остального мира. Только жизнь распорядилась иначе. Да, мы сильны, мы храбры, наше тело почти не ощущает физической боли, его очень сложно ранить из-за более прочной кожи, чем у людей. Этого не видно, но это так. Но у нас есть сердце, у нас есть душа, и это то — что подарила нам Жизнь, влившаяся в нас сквозь нежные лепестки Фаишаля, камня, ожившего в руках Короля-Солнце. — Он вновь взглянул вперед, на серое море, и оно отразилось в его нефритовых глазах, а взгляд затуманился от воспоминаний и задумчивой грусти. — Мы выиграли для эльфов ту войну и отбросили прочь Крона. В благодарность за это Ирантир не стал вновь погружать нас в камень, может, потому что просто не знал, как это сделать. И все же, жизнь была невыносима для нас, принужденных доживать свой век и видеть, как исчезают последние остатки нашего народа. Мы были созданы как оружие, но это оружие научилось чувствовать и любить, это оружие не хотело уходить в ту же сонную тишь каменной толщи гор, откуда и появилось. Тогда Ирантир отблагодарил нас за наше участие в войне и послал к нам Пробудивших. Они научили нас, что нужно делать, и мы сами вырезали из скал собственных женщин и пробудили их, положив начало нашему народу. — Ильтонец вновь улыбнулся, печально и при этом так светло. — Первые мастера старались на славу. Они подыскивали самые красивые породы, чтобы сделать женщинам руки, как нам, но только как можно красивее.

Они подбирали малахит и яшму, флюорит, бирюзу, аметисты и топазы. Они исходили все горы, излазали все ущелья и склоны и свезли со всей Латайи самые редкие породы камней, что только были. Десять лет трудились каменотесы, выглаживая, вырисовывая каждую черту, придавая каждой женщине свой неуловимо прекрасный облик, свой взгляд, свою душу. И потом мы пробудили их, и счастью не было предела. В песнях поют, что женщины эти были так прекрасны, что даже горы Латайи, до этого холодные и пустые, завидев их, расцвели тысячами цветов, распустились кудрявыми лесами и зелеными лугами с мягкой травой. Только знаешь что, Светозарная? — Кай взглянул на нее, смешливо улыбаясь.

— Что? — спросила Лиара, понимая, что затаив дыхание, слушает его слова.

— Дети, что родились у этих женщин от первых ильтонцев, все родились с серыми гранитными руками, все до единого. Жизнь брала верх, она не хотела играть по правилам, установленным для нее людьми. Дети были все одинаковые, с одинаково серыми глазами и серыми руками, одинаковые даже в лицо, словно близнецы. И у них не было пола.

— Как? — заморгала Лиара.

— Так, — улыбнулся Кай. — Ильтонские дети рождаются одинаково бесполоыми, одинаковыми на вид. Их просто невозможно отличить друг от друга, разве что родители, с трудом, но способны почувствовать собственное дитя, а оно отчаянно тянется только к ним. Различия в полах и характере проявляются у нас уже позже, в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, когда начинается период взросления. Тогда меняется и внешность. Черты лица постепенно принимают облик родителей, руки и глаза выцветают в камень, наиболее свойственный характеру, тело меняет свой облик, принимая тот или иной пол. Этот процесс длится до тех пор, пока тело полностью не примет свой вид, а затем Скульптор благословляет его и дает ребенку имя.

— Это имя как-то связано с внешностью и характером ребенка? — с любопытством спросила Лиара.

— Да, — кивнул Кай. — Мое имя — Каяр, — на эльфийском языке означает «нефрит». А фамилия восходит к имени первого пробудившегося из камня ильтонца, от которого я веду свой род.

— Я никогда не слышала ничего подобного! — выдохнула Лиара, широко открытыми глазами глядя на него. — Ни в одной из наших песен не поют об этом.

— Потому что обычно это не рассказывают чужакам. Люди слишком агрессивны, слишком непоседливы и завистливы. Они с трудом принимают то, что ильтонцы живут долго, порой даже до пяти столетий, ведь они были последней расой, причем рукотворной, созданной эльфами, а не Богами, в то время, как сами люди, были рождены раньше них, и в связи с этим, по их разумению, имеют право на более долгую жизнь, чем те несколько десятилетий, которые отмеряют им Марны. Потому мы не стремимся к контакту с людьми, но и не препятствуем ему. Латайя стоит в стороне от большой политики, не вмешивается в войны, если этого не требуют наши союзники эльфы. Мы были созданы для войны, но Жизнь распорядилась иначе, и в наших землях царит мир, который мы — оружие в руках других — ценим превыше всего.

— А как же людские ведуны, которые бегут к вам со всего Этлана? — удивленно воззрилась на него Лиара. — Алеор говорил, что ты сыграл немалую роль в том, чтобы сделать Латайю убежищем для тех, кого преследует Церковь Молодых Богов!

— Правильно, — улыбнулся Кай. — Вот тут мы и возвращаемся к тому, как мы познакомились с Алеором. — Он помолчал, а его каменные пальцы тихонько беззвучно

шевелились, и Лиара почти наяву видела, как он перебирает длинные четки воспоминаний, отсчитывая бусину за бусиной. Теперь ей казалось, что Каю уже очень много лет, теперь для ее глаз он выглядел древним, как само время. — Это случилось в тот год, когда я получил благословение и имя от Скульптора Ваэнди. Способности к управлению Черной Энергией в тому времени у меня уже были достаточно развиты, чтобы вступить в круг Жрецов Черной Руки в селении Легож, откуда я родом. Я подавал большие надежды, потому что у меня был большой потенциал, и Первый Жрец Черной Руки Агарди взялся лично учить меня всем премудростям обращения с Источником. Думаю, ты знаешь о том, что у нас тоже есть своя расовая особенность, как у эльфов — возможность слияния с миром и использование энергий звезд, у людей — способность касаться мира за Гранью и контактировать с тенями. Наша способность — Песня Камня, но она несколько отличается от того, что делают гномы. Те способны заклинять руду в процессековки, придавая ей особые свойства, способны заставлять землю ломаться, лопаться, взрываться, обваливаться, если им того надо. Мы же работаем напрямую с камнем и только с ним.

Лиара вся обратилась в слух. Кай рассказывал неторопливо, обстоятельно, ничего не упуская и так, чтобы ей было понятно. Лиаре подумалось, что вряд ли он говорил все эти вещи кому-то из команды, и что она заслужила весь этот рассказ только потому, что сражалась с ним бок о бок. Ильтонец спокойно и открыто шел на контакт, но не выглядел болтуном или человеком, готовым распахнуть душу перед первым встречным.

— Мы можем придавать камню форму, — начал перечислять он, а Лиара, как замороженная, следила за его руками. Кай жестикулировал, подкрепляя свои слова плавными движениями кистей, его руки были подвижны и двигались мягко, чутко реагируя на его слова. Лиаре подумалось, что они столь же мимичны, как и лицо ильтонца, и добавляют в его речь какую-то странную, неизвестную ей раньше гамму чувств, неуловимый язык жестов, так резко отличающий этого ильтонца от всех остальных людей. — Мы можем заставлять камень расходиться, образуя тоннели, мы можем петь ему, и под нашими руками и голосами он течет, будто масло, становится мягким, как глина, принимает ту форму, которую мы от него хотим. Так мы отыскиваем под горами месторождения редких пород, так прокладываем туннели, даже строим свои дома и города. Именно поэтому люди называют нас каменщиками и приглашают строить свои здания, наши каменные руки способны оживить камень, заставить его танцевать. — По пальцам Кая пробежала волна, они изгибались, повторяя движения серых гребешков за бортом корабля, или порывы ветра над их головами. — Те дети, которые рождаются со способностями касаться Источников, могут даже больше. Белые Жрецы однажды становятся Скульпторами и помогают детям обрести имя и окончательный вид их тела. Черные Жрецы растят из земли города, совмещая Песнь Камня со своими способностями. Моя сила была очень велика, и Первый Жрец Черной Руки Агарди взял меня под свое покровительство. В тот год народилось много детей, у Церкви были планы вырастить новый город в горах, для чего им нужно было много ведунов. Так что я состоял при нем и готовился отправиться на строительную площадку, когда в селении Легож появился Алеор.

Лицо ильтонца осветилось нежностью и теплом, а пальцы внезапно двинулись внутрь ладони, мягко и плавно, образуя то ли ковш для ключевой воды, то ли гнездышко для маленькой певчей птички. В этом жесте было столько хрупкой любви и неприкрытой заботы, что Лиара с удивлением взглянула на Кая. Этот холодный эльф был дорог ильтону, дорог до глубины души, возможно, так сильно, что даже сам того не ведал.

— Алеор искал кое-что, — заговорил после паузы Кай. — Он взял очередной заказ от Владыки Илиона: отыскать у корней гор некую вещь, доверенную нам на хранение эльфами сразу же после окончания Танца Хаоса. — Пальцы его на миг одеревенели, и Лиаре послышалась в этом движении настороженность слышавшей хищника лани. — Вещь та считалась достаточно опасной и важной, чтобы укрыть ее как можно надежнее, и даже шепотка не должно было проникнуть во внешний мир, что эта вещь у нас. Те, кому доверено было это сделать, упрятали ее очень надежно, почти что в самое сердце горы, и закрыли дороги к ней, чтобы никто не мог до нее добраться. Было то больше двух тысяч лет назад, естественно, что сами мастера давным-давно вернулись в руки Матери Гор, да и карт после себя они не оставили. Известно было лишь одно: имя горы, под которой лежали реликвии.

Пальцы ильтона сжались в кулаки, потом также медленно разжались, ложась на бортовое ограждение. Лиаре подумалось, что это означает «осторожность». Ей было просто до смерти интересно, какие именно реликвии Аватар хранили ильтоны? В том, что эти реликвии принадлежали Аватарам, она не сомневалась. Разве могло после окончания Танца Хаоса остаться что-то более ценное, чем это? Однако спрашивать об этом она не стала. Ильтонец говорил очень осторожно, он и так, судя по всему, оказывал ей огромное доверие, раскрыв эту информацию, а потому выпрашивать о подробностях было бы уже верхом бестактности. Но любопытство распирало, и Лиара пошарила в своей памяти, пытаясь понять, что же могло иметься в виду под реликвиями Аватар? Вот так с нахрапу ничего в голову не приходило. Подумаешь об этом позже, решила она и вновь с интересом взглянула на Кая.

— Задача по поиску конкретного места была сложна даже для лучших из нас, — Кай говорил медленно, аккуратно подбирая слова. Руки его лежали на бортовом ограждении и почти что не шевелились, напряженно замерев. — Первый Жрец Агарди бросил клич среди ведунов, но никто из них не вызвался искать вместе с Алеором место захоронения. Слишком велика была работа, слишком сложна, да и на постройку нового города требовались рабочие руки, и это казалось всем важнее сумасбродной идеи Владыки Лесного Дома Илиона. Возможно, Агарди просто не хотел вновь выносить эту реликвию на солнечный свет. — Кай помолчал, глядя вдаль. — Иногда кажется, что если не вспоминать о беде, она обойдет тебя стороной. Но я всегда считал такое мнение неправильным. И когда все официально отказали Алеору в помощи, он пришел ко мне. — Пальцы ильтона вновь мягко-мягко зашевелились, будто перебирали тончайшую пряжу или гладили шерстку на загривке крохотного котенка. — Уж не знаю, почему он выбрал меня, да вот только выбрал. Ввалился в мой дом посреди ночи, прямо через окно влез, посмотрел на меня своими холодными глазами и спросил, не хочу ли я стать частью самой героической песни мира, о которой никто никогда не узнает. Я тогда был настолько поражен, что сразу же согласился. И прямо посреди ночи мы удрали из Легожа на поиски реликвии.

Кай замолчал, погрузившись в воспоминания, а Лиара все смотрела на него и гадала, что же скрывалось за этой робкой, невыносимо хрупкой нежностью, которую ильтонец испытывал, говоря об Алеоре. Могло ли быть так, что эта нежность была чем-то большим, чем просто дружеское плечо? Она почти что видела золотые искры, что разгорались в глазах ильтона двумя таинственными ночными кострами, но он предпочел моргнуть и упрятать их глубоко-глубоко внутрь своего сердца.

Повернув голову, ильтонец взглянул на нее сверху вниз, и в лице его было лишь тепло.

— Вот так, Светозарная. Так мы с ним и познакомились, и это было самое странное

знакомство в моей жизни, и самое необыкновенное. Когда я вернулся из того путешествия, я кардинально изменил свои взгляды на то, каким должно быть будущее Латайи в сфере мировой политики. Мы не могли больше отсиживаться в стороне, не могли закрываться ото всех, не могли делать вид, что нас ничего не касается. Жизнь — это река, а река не всегда — тихая дремотная заводь, укрытая широкими листьями кувшинок и вьющимся танцем мотыльков. Иногда река превращается в стремнину, срывается с горных перевалов мощным водопадом. И как это ни удивительно, а в водопаде вода всегда чище, чем в заводи, хоть и берут они начало из одного и того же родника. — Он усмехнулся, и пальцы его энергично выбили дробь из широкого бортового ограждения, на которое он опирался. — Вместе с Алеором я предпринял первое путешествие по миру, ознакомившись с тем, как живут людские земли, осмотрев Церкви и приходы государств Срединного Материка. Везде я встретил примерно одно и то же: жесткую, словно доска, окаменевшую истину, сухую, будто старая змеиная кожа. И эту истину они насильно пихали в лица своим верующим, почти что разбивая им носы от усердия ее острыми краями. Мне очень не понравилось то, что люди стремились вычистить свои ряды от тех из них, кто отваживался пользоваться силой своей крови и общаться с Тенями за Гранью. Как ты знаешь, остальные расы не могут этого делать, лишь люди способны, и при этом они так ожесточенно ненавидят друг друга за эту способность. Но ведь Жизнь наделила людей этой способностью не просто так, а для какой-то определенной цели, пусть люди и сами не до конца понимают ее. Я не спорю, общение с Тенями может натворить множество бед, но и добра от него столько же. Если правильно обращаться с этим даром, он несет лишь свет и помощь. Но для этого необходимо учиться, а люди не хотят учиться, не хотят тратить время на обучение, ибо срок их жизни слишком короток, чтобы терять его на долгую и кропотливую работу. Логическое следствие из этого: наличие большого количества недоучек-колдунов, которые по незнанию делают больше зла, чем добра. За этим сразу тянется Церковь, со своим вечным «а мы вам говорили!», с раскаленным железом и щипцами, с виселицами и кострами. Так не должно быть. — Кай резко покачал головой, и пальцы его сами сжались в кулаки. — Потому я и привез обратно в Латайю инициативу по созданию первой школы для человеческих ведунов. Естественно, переубедить Жрецов не вмешиваться в дела людей было сложно, но не сложнее, чем искать одну крохотную незаметную вещицу в огромной толще горы. Алеор научил меня никогда не сдаваться и идти до конца, и я хорошо запомнил его урок. И вот, сейчас на территории Латайи уже восемь крупных школ, где учатся люди, способные контактировать с Тенями, и с каждым днем к нам прибывает все больше и больше учеников. И пусть Великому Жрецу в Васхиле это не нравится, для меня это не имеет равным счетом никакого значения. Я родился для того, чтобы сделать что-то, родился благодаря истинному Чуду, когда Жизнь оживила бесчувственный камень. А коли так, то ей я буду служить до самой своей смерти.

Лиара задумчиво взглянула на Кая. Он рассказал ей много, очень много, но при этом — многого и не сказал. Точно так же, как и во всем, ильтонец держался очень спокойно и ровно, открыто и дружелюбно, но при этом не упоминал о вещах, имевших для него очень большую значимость. Но и не требовал этого от других. Такой деликатности она еще никогда не встречала ни у кого. И так же много, как и ответов, было вопросов во всем, что он рассказал.

И при этом то доверие, что она испытывала к нему с самого начала, лишь укрепилось в сердце Лиары. Кай продемонстрировал ей свое умение хранить тайны и не разбрасываться ими по мелочам, но и дал понять, что основным приоритетом для него является развитие,

движение вперед. Кажется, теперь она была по-настоящему уверена в том, что хотела у него спросить. Это казалось правильным: откровенность в ответ на откровенность.

— Жизнь — это поистине чудо, Кай, — тихо заговорила она, и ильтонец с осторожным ожиданием взглянул на нее. — Ты все очень правильно сказал, и я чувствую все ровно так же, как и ты. Потому я и хочу спросить тебя кое о чем. Честно говоря, именно за этим я и пришла к тебе.

— Я так и понял, Светозарная, — негромко проговорил он, и в глазах его была теплая серьезность. — Спрашивай. Я отвечу на все твои вопросы.

— Я не знаю, слышали ли ильтонцы о Великой Матери, — начала Лиара, — но я откуда-то о ней знаю. Ты был без сознания к тому моменту, как мы догнали корабль Сагаира, и не видел, что там произошло, но я думаю, что моряки рассказывали тебе кое-что.

Кай утвердительно кивнул, продолжая с интересом разглядывать ее.

— Слышал. Но, как я понял, вам обоим с Радой не слишком хочется об этом распространяться, потому я не стал докучать вам своими расспросами.

— И за это я бесконечно тебе благодарна! — искренне взглянула на него Лиара. — Но, тем не менее, думаю, ты здесь единственный, кто хоть что-то может ответить мне на вопросы, которые я даже сама не могу сформулировать. — Она помолчала, собираясь с мыслями, и взглянула на него. — Видишь ли, в определенные моменты, когда все буквально колеблется на грани, к нам приходит помощь. Я не знаю, как правильно назвать это, как объяснить. Это золотая колонна света, обрушивающаяся с неба и горящая прямо в нашей груди. Это покой и тишина столь мощная, это движение столь быстрое, что оно кажется статичным. И это не имеет ничего общего ни с Энергией Источников, ни с эльфийскими способностями, однако, это — есть. Ты Жрец, Кай, ты должен многое знать об этом. Случалось ли когда-то подобное в мире? И знаешь ли ты хоть что-нибудь о Великой Матери?

Некоторое время Кай молчал, часто моргая и глядя на серые волны. Пальцы его бесшумно перебирали что-то в воздухе, словно нить, которую свивает пряха за своим колесом. Наконец он покачал головой и взглянул на Лиару:

— О Великой Матери я ничего не слышал, Светозарная. Во всяком случае, такое имя никогда не упоминали те, кто окружал меня, да и в книгах его не было. Впрочем, ильтонцы живут обособленно, возможно, мы не знаем всего, что происходит во внешнем мире. Мы чтим Молодых Богов и Мать Гор — душу, что дала нам жизнь, пробудив из камня. Кто такая Великая Мать, и что именно ты вкладываешь в это слово, я просто не знаю. Что же касается твоего второго вопроса, то тут я с уверенностью могу тебе сказать одно: ни о чем подобном я никогда не слышал. Я живу под этим солнцем уже больше двух сотен лет, и почти все это время занимаюсь изучением энергий. И говорю тебе абсолютно точно: исцеление, которое Рада получила напрямую от Источников, невозможно без помощи посредника. Такого не бывало никогда раньше. Это — новое.

Лиара кивнула, чувствуя где-то в груди ликование от того, что ее догадка подтвердилась, и одновременно — тревогу. Что означали эти перемены? К чему они их вели?

— Я не знаю, что за сила дарована вам с Радой, — продолжил Кай, — не знаю ее природы, возможностей, того, во что она разовьется. Но я бы очень хотел узнать об этом, Светозарная. — Он серьезно взглянул на нее. — Настает новое время, когда старые законы перестают действовать, когда старые ветры дуют иначе, и я чувствую, как что-то неуловимо меняется вокруг. Вы с Радой стоите в центре этих изменений, вы и есть начало чего-то, хоть

я и не понимаю, чего. То, как ты оказалась в Мелонии, происхождение Рады, вмешательство Марны в вашу судьбу, да само путешествие за Семь Преград, предпринятое именно сейчас. — Он покачал головой и вдруг усмехнулся легко и весело. — Я потому и согласился на эту безумную авантюру Алеора, я знал, где-то в глубине собственной груди чувал, что это станет началом. Но мы еще ничего не знаем, Светозарная. Мы стоим на самом пороге, и дверь лишь едва-едва приоткрылась перед нами, а за этой дверью — удивительный мир, совершенно неизученный, нехоженный, девственный лес с тысячью троп, которые только должны проложить наши ноги. И я счастлив, что могу хоть краешком глаза взглянуть на то, как эти тропы появятся среди бескрайнего леса.

— Разве тебе не страшно? — вдруг выдохнула Лиара, ощущая свою искренность сейчас особенно остро. Будто свое сердце она распахивала перед этим незнакомым ильтонцем, позволяя его теплым как первая трава под солнцем глазам заглянуть внутрь своих самых потаенных, упрятанных на самое дно души дверей. — Мы входим в это неизвестное, в это новое, совершенно ничего о нем не зная!

— Конечно, не зная, — улыбнулся ей Кай. — Это же — новое! — Его рука с превеликой осторожностью поднялась и легла ей на плечо. Ладонь была такой огромной, что накрыла его целиком, но при этом удивительно теплой и легкой, как пух. — Не страшись начала, Светозарная. Остановить ты его все равно уже не сможешь, ибо оно началось. Не страшись начала, потому что это — длинная дорога в золотую даль, на которой тебя ждет множество нового, волшебного, чудесного. Никто не может нам сказать, что ждет впереди, потому что никого до нас там еще не было. Так как же здорово то, что нам выпал шанс первыми оказаться там и взглянуть в лицо этого мира в самый первый его день!

Лиара не до конца поняла то, что сказал ей Кай, как и не до конца поняла сам вопрос, который она ему задала. Но что-то внутри нее совершенно точно получило ответ, и это что-то пело, заливаясь первыми весенними соловьями в наполненной яблоневым цветом ночи.

===== Глава 50. Странные просьбы =====

Аластар расположился глубоко в разветвленной дельте Тонила. Может быть, поэтому он и не стал главным портом Лонтрона на морском торговом пути с юга: причаливать здесь было сложнее, чем в Алькаранке. Да и торговля по реке шла лишь с южными государствами, которые могли предложить заморским купцам только зерно и сельскохозяйственные товары, и Речным Домом, эльфы которого слыли самыми прижимистыми скрягами среди всех обитателей Срединного Этлана и торговались до хрипоты за каждый медяк.

Тонил — вторая по величине водная артерия Этлана после могучего Асхалата, рассекающего материк буквально на две половины, разливался здесь широко, так широко, что Рада не сразу поняла, что они достигли его громадной дельты. Сначала однородный пустынный берег, кое-где поросший небольшими купами деревьев, сменился буровой равниной, заросшей жесткой прошлогодней травой. Потом и он скрылся из глаз, и вокруг потянулись бескрайние поля колышущейся под ветром и тревожно шумящей болотной травы высотой в рост человека. Ветер пробегал по ее зарослям, словно громадная ладонь по волосам, и трава клонилась к воде, шумя и обмакивая пожухлые стебли прямо в соленые морские волны.

Воздух изменился. Теперь пахло гниющими водорослями и болотом, с берега тянуло сыростью. Над бескрайними разливами воды кричали белые стаи чаек, то взлетая в воздух, то ныряя вниз и отыскивая среди густых зарослей прокорм. Никаких других птиц уже не было: подступала осень, и все они отправились в дальние края, на юг, туда, где теплее и есть

пища. Совсем скоро ветры с востока совсем разозлятся и будут резать острыми ножами, в ярости расшвыривать вокруг пригоршни снега и ледяной каши, и болотная трава поникнет, опуская свои стебли в воду и покорно принимая волю неба. Вслед за этим придут ледяные холода, и царица зима своим дыханием выстудит воду, и та зарастет толстой коркой льда, под которой уснет до весны шумная и бурливая речная дельта.

Но пока еще жизнь вовсю кипела среди тысяч протоков и заводей, которые образовывал здесь Тонил. То и дело среди густой травы мелькали лодчонки и лодочки рыбаков, расставляющих сети и вылавливающих последний осенний скудный улов. Порой мелькали суда покрупнее, направляющиеся куда-то на запад, петляющие сквозь узкие протоки, но старающиеся держаться как можно незаметнее среди густой травы: контрабандисты, пираты и те из торговцев, что не слишком-то стремились платить налоговые пошрины в казну Лонтрона или мухлевали с декларациями. Здесь таких всегда было гораздо больше, чем в Алькаранке, как и в Северных Провинциях, впрочем. Аластар отстоял слишком далеко от столиц административных округов Лонтрона, отрезанный от основной части страны бесконечными гнилыми торфяниками, а потому за свою независимость привык бороться сам. Нет, конечно же, законы лошадиников здесь действовали в полную силу, но далеко не полная часть налогов, собираемых с продаж, уходила в подконтрольный королю Лонтрона Остол Арран. И еще больше золота оседало в карманах бесчисленных таможенников, сборщиков налогов и податей, всевозможных дельцов разных уровней. О бюрократической волоките, свойственной лошадиникам, и их любви к наживе ходили легенды, которые с легкостью затыкали за пояс даже жажду власти и непомерную гордыню мелонских дворян и купцов.

По большому счету, все хорошо, один другого краше. И сидят еще, глядя друг другу через забор и постоянно проверяя, насколько плохи дела у соседа. Рада только усмехнулась и покачала головой. Политика всегда казалась ей громадной сточной канавой, в качестве маскировки прикрытой сверху тонким-тонким слоем одуванчиков: чтобы выглядело прилично. А то вроде бы как и нужное дело, и людям показать стыдно.

Равенна, похоже, знала здешние места, как свои пять пальцев. Как только они подошли к дельте, пиратка сама встала за штурвал и уверенно повела громадный морской корабль через сеть узких искривленных протоков, словно по чутью выбирая лишь те из них, где дно было достаточно глубоким для осадки судна. Рада подозревала, что плаванье в этих водах грозит большой опасностью. Стоя у борта, она не раз и не два замечала едва-едва торчащие из воды остовы древесных бревен, которые вынесла сюда во время половодья могучая река, и их обломанные сучья были достаточно крупными, чтобы если не пробить борт насквозь, то значительно повредить его и расшатать доски. Не говоря уже о мелях, которых здесь должно было быть невероятное количество. Вот только, Равенна, похоже, ничуть об этом не беспокоилась. Глаза ее смотрели только вперед, а руки уверенно лежали на штурвале, и «Блудница» ужом скользила через лабиринт из желтой травы, порой поднимающейся так высоко и подступающей так близко, что стоящая у самого борта Рада, протянув руку, могла дотронуться до длинных, гнущихся ветром листьев, а за бортом тихо шуршало, когда просмоленные доски терлись о густую стену камышей.

Их морское путешествие подходило к концу, и от этого что-то облегченно разворачивалось в груди Рады, отпуская сводившее плечи напряжение. Сагаир остался далеко за спиной страшной песней о боли и смерти, песней холодного северного моря с его бескрайним горизонтом и ничем не сдерживаемыми ветрами. Теперь со всех сторон Раду

окружали шершаво-желтые стены болотной травы, и это успокаивало, словно никто здесь больше не мог ее увидеть. Море — это, конечно, дело хорошее, но и его тоже не должно быть слишком много. Я уже чересчур наглоталась морской воды и соли, чтобы захотеть, наконец, размять ноги на твердом берегу.

Остальные члены команды тоже воспряли духом, но больше всего радовалась Улыбашка. Тошнота возвращалась к ней стабильно раз в неделю, и Каю приходилось подлечивать упорную гномиху, никак не желавшую выздоравливать окончательно. Чем ближе они подходили к Аластару, тем больше воодушевлялась гномиха, и тем вкуснее становилась ее стряпня, которую теперь уже дружно жевала вся команда, включая даже корабельного кока Вакиту, ворчливо вынужденного признать, что «коротышка свое дело знает». К тому же, те из матросов, что не были заняты работой по судну, которой здесь, в спокойных прибрежных водах стало меньше, засели рыбачить по правому борту судна, а к ним присоединился и Кай, в громадных руках которого толстая бамбуковая удочка казалась едва ли не тростинкой. Дельта Тонила буквально кишела рыбой, и их рацион разнообразили жирные острогребни, больше похожие по вкусу на мясо, мелкие крохотные колючки, которых Улыбашка варила целиком в густом сладком соусе, и наваристый суп из чего-то, что матросы называли дагарией. На вкус Рады, последняя рыба больше смахивала на змею или ящерицу, но вслух она этого говорить не стала, чтобы не пугать Лиару.

Теперь они ни на миг не отходили друг от друга, стоя рядом у борта и разглядывая густую травяную поросль, почти что касаясь локтями друг друга. Взгляд Лиары день ото дня становился все более задумчивым, более тянущим, более глубоким, и все дольше задерживался на Раде. Теперь она уже не спешила отвести глаза, как только их взгляды встречались, теперь она смотрела, подолгу, словно пила ее глазами, смотрела без конца куда-то в самую глубь Рады, и от этого одновременно было так хорошо и так щемило в груди, что Рада буквально задыхалась. И эти взгляды становились все более неприкрытыми, все более значимыми для них обеих, полными смысла. А вместе с этим росла и неуверенность в груди Рады, неуверенность и желание, сражающиеся насмерть прямо за ее ребрами.

Ей в любом случае нужен был совет, совет кого-нибудь опытного в таких делах, чтобы точно не сделать какой-нибудь глупости, которая отпугнет или причинит боль Лиаре. У той-то точно опыта в таких делах не было, а сама Рада не могла назвать то, что с ней происходило, чем-то достаточно значимым, чтобы вынести из него урок. А это означало, что ей все равно придется советоваться. Но с кем? Как?

В Аластаре они собирались пересесть на речной корабль, который повезет их вверх по реке, в сторону Речного Дома, где они и причалят, в единственном порту, доступном для людей. Что-то подсказывало Раде, что в порту бессмертных никаких шлюх она не найдет, а если попытается задать кому-нибудь вопрос о местонахождении борделя, ее запросто могут и прикопать в густых зарослях болотной травки. Это означало, что последний шанс узнать что-либо перед тем, как все может произойти, у нее был в Аластаре. Но в Аластаре они собирались задержаться всего на пару часов, пока Алеор договорится с капитаном речного судна, а их вещи перегрузят на другой борт. Да и вряд ли кто отпустит ее в одиночку бродить по городу в поисках борделя. В прошлый раз, когда она удрала одна, ее захватил Сагаир, а это означало, что Алеор даже слушать ничего не захочет, если она заикнется о том, что хочет погулять. И так было нехорошо, и так было плохо, и Раду раздирали сомнения, не давая ей нормально спать по ночам и заставляя вздрагивать каждый раз, как ее рук касались пальцы Лиары.

А пальцы касались. Оторваться от нее было невозможно, это было выше сил Рады. Когда они стояли рядом у борта, едва-едва касаясь друг друга плечами, когда они сидели и обедали вместе с командой, сидели так близко, что бедром Рада чувствовала тепло бедра Лиары, когда они вместе спускались на нижнюю палубу, и Рада подсаживала Лиару в ее чересчур высоко подвешенный для нее гамак, всегда было прикосновение, хотя бы одно, пусть даже и самое легкое и незаметное, но обжигающее, как огонь. Рада готова была отрубить себе руки, которые тянулись сами, сами, против ее собственной воли, но не могла этого сделать. Она просто физически была не в состоянии не дотрагиваться до Лиары, и с каждым днем этих касаний становилось все больше. Ладони всегда ложились на планширь так близко, почти вплотную друг к другу, рука сама тянулась поддержать искорку, когда та начинала спускаться по крутым ступеням трапа на нижнюю палубу. А иногда корабль качало на волнах, и тогда Рада сама двигалась к ней, приобнимала ее за талию, слегка-слегка, чтобы та не упала, и сразу же отдергивала руку, словно обжегшись. Проклятье, хоть себе не ври! Не сразу! И да, не сразу.

С каждым днем проклятая рука задерживалась на талии девушки на миг дольше, отчаянно, всей кожей, каждой порой впитывая ее тепло и ощущение ее тела под ладонью. Каждый день рука ложилась все ближе к ее ладошке, и Рада даже не заметила, как в один прекрасный день ее пальцы начали робкий мягкий танец на ладони Лиары. Они стояли у борта, напряженные, словно готовые сорваться прочь при любом звуке перепуганные до смерти лани, и пальцы Рады, едва касаясь, тихо-тихо гладили тыльную сторону запястья Лиары. Они не смотрели друг на друга, замерев в этом бесконечно напряженном миге и наслаждаясь. Они дышали золотом, став одним целым, став одной грудью, раздувающейся от каждого вдоха.

И это тоже была игра, мучительная, странная, игра, которой Рада раньше никогда не знала. После того первого касания что-то изменилось. Теперь уже Лиара вставала сама на дюйм ближе к ней, каждый раз, когда они оказывались рядом. Теперь она словно невзначай накрывала ее руку своей или поворачивалась так, чтобы спиной касаться груди Рады. И вслед за руками пришли объятия.

Это было невыносимо, и Рада горела, задыхаясь, забывая обо всем и понимая, что не может это остановить. Да даже если бы ее по рукам и ногам связали, даже если бы от этого зависела вся ее жизнь, она не смогла бы этого остановить. Неумолимая воля сильнее всех крохотных чаяний и надежд людей, неистовая сила толкала ее вперед, что-то, что рождалось глубоко внутри ее грудной клетки и раскрывалось наружу яростным вихрем, сметающим все. Рада хотела ее, хотела ее всю, без остатка, и не могла ни на миг оторваться от нее или хотя бы вспомнить, как это — думать.

Теперь уже они не просто касались друг друга. Теперь они стояли у борта вместе, и Рада обнимала Лиару со спины, окружив ее кольцом своих ладоней. Искорка жмурилась, откидывая голову назад и мягко поглаживая кончиками пальцев руки Рады, обвитые вокруг ее плеч. Они смотрели друг другу в глаза невыносимо долго, не мигая, они плавилась и тонули в горячем меде собственных сердец, и губы Лиары были так близко, были такими сладкими, такими манящими, а голова кружилась, и предательские ноги все время подкашивались, грозя свалить ее на палубу. Раде всегда казалось, что уж она-то достаточно велика, достаточно сильна, чтобы свалить ее с ног было невозможно. А эта девочка не делала ничего, она просто смотрела, и силы утекали прочь, сметенные немислимым вихрем огня, в котором вся ее душа выгорала до крохотной дрожащей золотой нити, и имя той нити

было — Лиара.

На окружающих их матросов им было плевать, хоть в первое время их понимающие ухмыляющиеся взгляды и жгли лопатки Рады. Только гораздо сильнее их жег раскаленный штырь, который все ворочали и ворочали в ране туда-сюда, не давая ни вздохнуть, ни двинуться. И чем больше его ворочали, тем сильнее становилось это могучее золото, этот лесной пожар во всем ее теле, и она плавилась как свеча у разверстого зева печи, растекалась в одно целое с Лиарой. Иногда ей казалось, что нет уже никакой разницы между их телами, казалось, что она почти чувствует собственные руки, обнимающие Лиару так, словно была ею самой. Иногда ей казалось, что сердце Лиары вязко и тяжело бухает в груди рядом с ее собственным сердцем, что они то сливаются в одно, то вновь разливаются прочь, то просто бьются рядом, отчего грудная клетка ходила ходуном. Рада не знала, где грань всего этого, и где все это кончится, и в какой момент градус напряжения станет таким сильным, что она не сможет больше держать себя в руках. Но только этот момент приближался, ровно с той же скоростью, с которой они плыли к Аластару.

В конце концов, она вообще перестала замечать дорогу, прекратив смотреть по сторонам и погружаясь в душу своей искорки, в то время, как ее руки мягко обнимали и прижимали к себе ее тело. И очнулась словно от толчка, когда Равенна с кормы громко гаркнула:

— Готовьтесь, псы шелудивые! Впереди Аластар!

Окрик пиратки был мрачным, а ее лицо — чернее ночи. Рада рассеяно взглянула на нее, из-за кружащейся головы не сразу понимая, чего она так злится. Потом с трудом мысли вернулись, и Рада вспомнила. В Аластаре Равенна должна была сойти с корабля и оставить его до времени, пока его не заберет предыдущий владелец. Естественно, чего уж тут радоваться-то?

— Пойдем собираться, Рада? — голос Лиары был хриплым и слегка дрожащим. Что-то такое сейчас прозвучало в нем, что все внутри Рады перевернулось вверх тормашками.

Рада ощутила капельки горячего пота, проступившего вмиг на лбу. Хвала богам, холодный ветер моментально выстудил кожу и стер их прочь. Выждав несколько секунд и сделав глубокий вздох, чтобы хоть немного собраться с силами, Рада открыла глаза и взглянула на нее.

Глаза Лиары были темными, как ночь, огромные зрачки, полуприкрытые длинными ресницами, такими длинными, что на них можно было удавиться, смотрели на Раду с тягучей, зовущей тоской. Ее губы слегка приоткрылись, и с них срывалось прерывистое дыхание, а легкий румянец накрыл щеки, и кожа казалась мягкой, словно наливные бочка напоенного солнцем персика. Ее ладони лежали на руках Рады, вжимаясь в них, напряженные и такие горячие, что Раду жгло даже сквозь толстую шерстяную куртку. Лиара слегка запрокинула голову на ее плече, мазнули по куртке непослушные мягкие кудри, осыпаясь вниз пушистой каштановой волной.

Твою мать! Я сейчас умру! Просто прямо здесь на месте умру! Или прожгу палубу!

— Пойдем, — прохрипела она, с трудом заставляя свои руки разжаться на ее талии.

Лиара также неохотно отступила прочь, жар ее тела ушел, и Раду сразу же обхватил холодными пальцами ледяной ветер. Это слегка отрезвило ее, заставив хоть чуть-чуть прийти в себя. Убедившись, что ноги дрожат не так сильно, чтобы она споткнулась, Рада обернулась, следя глазами за искоркой. Та уже шла по палубе к трапу на нижнюю палубу. Ветер играл с ее кудрями, и искорка обернулась к ней, не улыбаясь и глядя этим своим

глубоким, как самая темная бездна океана, взглядом. Рада ощутила, что тонет, все быстрее и быстрее камнем падает на это дно, и все-таки пошатнулась, когда корабль взлетел на волне. Но Лиара уже не заметила этого, отвернувшись.

Господи, боги пресветлые, да что же это такое?! Подышав, чтобы хоть как-то прийти в себя, она встряхнулась и решительно зашагала по палубе к корме. Только вот внутри кто-то отчаянно скулил и почти что по-собачьи визжал, кто-то, взвинченный до такого предела, что, казалось, дальше уже просто некуда было.

Решение пришло в голову молниеносно, само собой, и она не сомневалась. Распахнув дверь в кубрик, Рада почти что ворвалась туда, заставив стоящую спиной к двери Улыбашку подскочить на месте всем телом и резко обернуться.

— Улыбашка! — голос взвизгнул фальцетом, чего Рада уж точно от себя не ожидала. Гномиха в фартуке вздрогнула еще раз, схватившись за сердце и глядя на нее дикими глазами:

— Боги! Что случилось?!

— Пойдем со мной прогуляемся в Аластаре! — почти что прорычала Рада, захлопывая за собой дверь. — Мне нужно... кое-что узнать.

— Бхара дарзан! — Улыбашка выдохнула, отпустила сердце и с силой грохнула половник, который держала в другой руке, в пустую кастрюлю. Он загремел погребальным звоном, а гномиха с горящими от ярости глазами повернулась к ней. — Дубина ты бестолковая! Что же ты меня так пугаешь?! Я уж думала, за борт кто выпал или напал на нас кто! Бестолочь! Совсем мозги потеряла!

— Это да, — согласно кивнула Рада, с трудом вытирая тыльной стороной руки выступившую на лбу испарину. — Только ты все равно, пожалуйста, составь мне компанию в Аластаре. Потому что кроме тебя мне просто некому помочь.

— И куда ты собралась? — выгнула бровь Улыбашка, подозрительно оглядывая ее.

— В бордель, — честно призналась Рада, тяжело дыша, едва язык из пасти не вываливая, как пес, пробежавший по жаре много миль.

Лицо гномихи стало непроницаемым, она очень осторожно, явно подбирая слова, ответила:

— Рада, я тебя, конечно, очень люблю, но видишь ли, я немного не по этому делу. У меня муж есть, детишек трое...

— Тьфу, пропасть! — поморщилась Рада как от собственной глупости, так и от бестолковости Улыбашки. — Да ты-то мне на что сдалась? Мне нужно поговорить с кем-нибудь, а я просто не могу взять и сказать всем: «Извините, ребята, подождите меня часок, я в бордель загляну!» А одну меня Алеор не отпустит. Понимаешь, теперь?

— Поговорить с кем-нибудь? — Улыбашка подалась вперед, вопросительно вздернув брови. — В борделе? Поговорить?

— Да боже мой! — взревела Рада, воздевая руки к потолку. — Господи! Просто мне нужно поговорить с какой-нибудь шлюхой, понимаешь?! Потому что я ни бхары не знаю! И как только что-то случится... ну, что-нибудь... Короче, я не хочу выглядеть как идиотка, понимаешь? — она в отчаяние взглянула на гномиху, понимая, что более внятно все равно объяснить не сможет, и чувствуя себя настолько полной дурой, насколько вообще это было возможно.

Несколько секунд Улыбашка, прищурившись, смотрела на нее, а потом лицо у нее вытянулось, и в следующий миг на губах заиграла широкая заговорщическая улыбка. Шрам

от этого натянулся еще больше, и гномиха теперь выглядела до дрожи жутковато. Грозар, это похоже на беса из бездны мхира, который задумал недоброе! Рада передернула плечами от внезапно пробежавшего по спине холодка. И как только она собственного мужа не пугает?

— Вот оно как, — довольно закурлыкала гномиха. — Наша девочка наконец-то поумнела! А я все думала, когда же до тебя дойдет? Это твой рост так влияет на твои умственные способности?

— Иди ты к бхаре! — раздраженно поморщилась Рада. — Просто сходи со мной и все!

— Ладно, — милостиво кивнула гномиха, развязывая на спине передник и снимая его через голову. Вид у нее одновременно был донельзя довольный и заговорщический. — Наконец-то, вы, детишки, договорились. Ну что ж, я не могу отказать тебе в просьбе построить твое личное счастье, Рада.

— Спасибо! — Рада выдохнула, чувствуя, как у нее с плеч буквально гора сваливается.

— Да на здоровье, радость моя, на здоровье! — Улыбашка сняла передник и небрежно накинула его на спинку стоящего рядом с ней стула. — Тебе это явно не помешает. Может, мозги наконец-то на место встанут. А то девочка уже взрослая совсем, а ведешь себя, как бестолковый кобель во время случки.

— Давай вот без этого, ладно? — ошетибилась Рада. — Просто без комментариев?

— Ну куда ж без комментариев-то, Рада? — в глазах гномихи появился нехороший огонек. — Мы же с тобой учиться пойдем. Как же без них-то? Может, я тоже чего послушаю, узнаю чего нового. Ты, главное, расслабься и получай удовольствие, и все будет хорошо.

Рада только кивнула, опасливо косясь на этот хитрый огонек в глазах гномихи. Почему-то вся ее уверенность моментально улетучилась, будто ее холодным ветром из головы выдуло прочь. Такая ли хорошая идея была брать Улыбашку с собой? Или стоило пойти одной, никому ничего не сказав? Но тогда возникли бы вопросы, а врать в лицо искорке она просто не могла. Грозар, пожалуйста, сделай так, чтобы я поумнела! Я понимаю, это кажется непосильной задачей, но ты же все-таки верховный бог! И раз уж ты вообще умудрился создать весь этот мир, то и мозгов, наверное, сможешь мне прибавить, правда ведь?

Через час заросли травы расступились в стороны, и корабль выбрался из паутины узких протоков на большую широкую воду. К тому моменту Рада уже пыхтела своей третьей трубкой, притащив все свои вещи на верхнюю палубу и то и дело поглядывая на Лиару, которая стояла рядом с ней, чему-то тихонько улыбаясь и ни слова не говоря. В передней части палубы матросы откинули огромные крышки люка, ведущие в трюм, где раньше держали рабов. Специально по просьбе Алеора сейчас этот трюм переоборудовали в миниатюрную конюшню, где и везли их лошадей. Покрикивая и пересмеиваясь, матросы сбросили вниз широкие сходни, сбитые из крепких шершавых досок, принялись выводить наверх по одному упирающихся и нервничающих коней. Лошади вскидывали головы, трясли гривами, нервно ржали и пятились, привыкая к резкому дневному свету после темноты трюма. Алеор отправился за своим мышастым сам: боевой конь никому кроме него в руки не давался, никого к себе даже близко не подпускал.

Впереди река широко разливалась, и противоположные берега расступились далеко в стороны, превратившись в тонкую полоску болотной травы на самом горизонте. А слева по борту из травяного моря вырастал Аластар. Рада нехотя разглядывала его, выпуская колечки дыма и изо всех сил стараясь сосредоточиться на чем угодно, только не на глубоких, темных как ночь глазах Лиары. Ее уже даже начало подташнивать от неуверенности. Дело надо было

провернуть быстро и тихо, чтобы никто ничего не понял, а проклятая Улыбашка расхаживала по палубе с таким заговорщическим видом, так широко скалилась, поглядывая на них, и то и дело хихикала в кулак, качая головой, что даже Кай наградил ее удивленным взглядом, задумчиво сдвинув к носу мохнатые брови. Раде оставалось только надеяться, что всего этого представления не заметит Лиара. И еще что Алеор не начнет задавать свои идиотские вопросы или допытываться, что это они замыслили. Час от часу не легче! Может вообще не стоило всего этого затевать, а, Грозар? Только отступить было уже поздно, Рада прекрасно это знала, а потому только пыхтела трубкой у самого борта и разглядывала Аластар, пытаясь сосредоточиться хоть на чем-то, что могло отвлечь ее от Лиары и хитрящей гномихи.

Прямо из бескрайних разливов болотных трав поднимались высокие крепостные стены. Полукольцом они охватывали город, упираясь концами прямо в искусственную бухту, в которой располагался порт. Пристани и причалы выстроили из крепких дубовых бревен, и они глубоко вдавались в реку, давая возможность кораблям причаливать по несколько в ряд и спокойно маневрировать. Сейчас в порту было не так много судов, как могло быть: большая часть капитанов все еще решала свои проблемы на северном побережье Мелонии или уже набивала трюмы в Алькаранке, чтобы вести товары на далекий юг. Здесь у причалов виднелось всего пять крупных морских кораблей со спущенными парусами. Они спокойно покачивались на волнах, и матросов на их палубах Рада не смогла разглядеть. Зато гораздо больше было речных суденышек поменьше, узких и вытянутых, словно чайчи клювы. На их фоне мельтешило огромное количество крохотных лодчонок местных рыбаков, они же пятнали собой и всю поверхность речного разлива: часть двигалась в сторону камышовых зарослей, часть навстречу им, с уловом, к городским пристаням. Кое-кто держался на воде на месте, ставя сети прямо посреди широкой реки.

Сам Аластар издали не выглядел красивым. Дома из песчаника ровными рядами выстроились вдоль всей набережной, трехэтажные, с узкими окошками и черепичными крышами. Над ними кое-где виднелись разномастные башенки и шпили, несколько золотых луковиц храмов тускло поблескивали в сером дневном свете. В дальней части города виднелось какое-то большое здание сразу с четырьмя вытянутыми вверх узкими башнями, на каждой из которых на ветру полоскались знамена. Различить, что на них намалевано, с такого расстояния Рада не смогла, да это и не слишком ее волновало. Скорее всего, это было здание местной мэрии, или кто там правил Аластаром, а туда им вовсе и не нужно было. Ее глаза искали другие постройки: приземистые домишки, между рядами окон которых были под углом натянуты красные полотнища с намалеванными на них цветами. В Алькаранке в таких домах располагались бордели, но тогда Раде в голову даже не пришло туда соваться. А может, и следовало бы. Глядишь, не только от Сагаира бы упаслась, но и сразу же на месте все необходимое узнала. Вот только задним умом все были просто бхарски умны, а тогда она ведь даже и не предполагала, что наступит день, когда она захочет поцеловать Лиару. То есть, предполагала, конечно, ведь тогда тот благословенный и одновременно с этим проклятуший лекарь и поставил ей свой «диагноз», но тогда голова Рады была набита такой ерундой, что здравая мысль заглянуть за советом к шлюхам ее, к сожалению, не посетила.

Равенна покрикивала на матросов, и те засуетились по палубе. Корабль неторопливо повернул в направлении первой свободной пристани, и моряки начали готовить его к швартовке. Мимо Рады прошлепал голыми ногами Гардан, подмигнув ей. В руках он тащил два набитых шерстью мешка: их перекидывали на канатах через борт, чтобы не разбить

борта судна о причал при сильной качке. Его костлявая спина под полощущейся на ветру простой серой рубахой исчезла среди других моряков, суесящихся у левого борта, и Рада вдруг ощутила укол грусти. Теперь им пришло время проститься друг с другом по-настоящему. Гардан уплывал на далекий юг вместе с Равенной, Рада уходила за Семь Преград вместе с Алеором, и когда еще судьба сведет их на этой земле, и сведет ли вообще, она и знать не знала. Только последние семь лет они почти что бок о бок с Гарданом прожили, деля хлеб, ром и драки пополам, и прощание со старым приятелем стало удивительно горьким.

— Все готовы? — послышался из-за спины холодный голос Алеора, и Рада обернулась.

Он уже совсем оправился и теперь выглядел как обычно, целиком затянутый в черную шерсть, с плащом, что скрывал всю его фигуру под собой. Синие глаза эльфа обежали собравшихся вокруг небольшой кучки пожитков Раду с Лиарой, Улыбашку и Кая, и эльф кивнул им.

— Как только сойдем на берег, я отведу вас в гостиницу, где вы будете сидеть и ждать меня. Если вам все-таки припрет пройтись за покупками, то ходить только парами, чтобы кто-то прикрывал вам спину, и чтобы до темноты все были на месте, я ясно выражаюсь? — его пронзительный взгляд впился в Раду, и она кивнула в ответ, постаравшись сделать это как можно более непринужденно. — Хорошо. Я найду нам корабль и улажу кое-какие финансовые дела, — глаза его сверкнули, дернувшись к Улыбашке, и та, будто невзначай, потупилась, проверяя крепления своих ножей на поясе. Рада смекнула, что речь идет о денежной сумме, которую Улыбашка за Алеора пообещала капитанам северного побережья за их помощь в борьбе с Сагаиром. Алеор вновь оглядел всех и еще раз повторил: — До темноты все должны быть в гостинице. Надеюсь, сегодня же у нас получится отплыть в Рамаэль.

— А разве мы плывем не в Иллидар? — удивленно вскинула брови Лиара, глядя на него.

— В Иллидар, светозарная, пустят только тебя. Он сокрыт Мембраной, и никому, кроме Первопришедшего, не пройти внутрь. Чтобы торговать, речные эльфы построили рядом с Иллидаром открытый для смертных порт Рамаэль. Там мы и высадимся. — Он кивнул и приказал: — Запомните: никому ни слова о том, куда мы идем, кто мы такие, какая у нас цель. Говорить буду я. Ни в какие разговоры и перебранки ни с кем не вступать, лучше вообще не разговаривайте ни с кем, хоть немymi притворяйтесь. И если я услышу, что кто-нибудь из вас произнесет вслух название «Семь Преград», я его самолично утоплю в этом болоте.

— Какие мы храбрые-то стали! — недовольно заворчала ему в ответ Улыбашка. — Еще недавно с ложечки нас кормили, а теперь ишь ты, распетушились, перья растопырили и ну командовать!

— Улыбашка, в твоем случае, я даже услышу, когда ты подумаешь про «Семь Преград», — зловеще предупредил ее эльф, и гномиха захлопнула рот, насупив брови и раздраженно глядя на него.

Настроение у эльфа, судя по всему, было препаршивейшим, да оно и неудивительно, учитывая, какую сумму он должен был выплатить пиратским капитанам с легкой руки гномихи. Рада недоумевала только, откуда он возьмет столько денег. Судя по всему, Алеор собирался воспользоваться услугами банкиров, но даже в таком случае, вряд ли ему удастся быстро собрать необходимую сумму. Да и вопросов будет слишком много, и не столько у банкиров, сколько у Владыки Лесного Дома Илиона, которому от них придет расписка со

счетом. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Но на его месте я бы убила Улыбашку.

Корабль медленно подошел к пристани и начал швартоваться. Забегали по пристани внизу портовые рабочие, принимая от моряков швартовые, быстро обвязывая их вокруг огромных чугунных тумб и притягивая корабль ближе к причалу. Другим пришлось отойти от борта, чтобы освободить место для матросов, точно так же крепящих канаты на борту корабля. К ним неторопливо подошла Равенна. Вид у нее был мрачный, брови хмурились, но она все равно протянула Алеору руку и проговорила:

— Что ж, это была самое безумное плавание в моей жизни! И несмотря на досадные мелочи, мне, наверное, надо поблагодарить вас за все это!

— Я благодарю вас, капитан, — Алеор, тоже с мрачным видом, пожал ей руку. — Возможно, вы оказали миру услугу гораздо большую, чем все мы здесь думаем. И однажды придет день, когда она станет ключевым моментом всего происходящего.

— Вы, бессмертные, бхарски любите красивые фразы и вдохновляющие речи. Мне же, простому капитану, хватило бы одной маленькой песенки в качестве благодарности, чтобы рассказать о том, что мы здесь все пережили, — ее зеленый глаз хитро взглянул на Лиару.

— Я обязательно напишу об этом песню, капитан Равенна, — улыбнулась та, — обещаю вам! Как только все это закончится.

— Вы бесконечно добры, миледи, к такой жалкой пиратке, как я, — Равенна приняла ее руку, картинно поклонилась и легонько коснулась губами ее костяшек.

При этом Рада удостоилась хитрющей улыбки раздвинувшихся в оскале губ, и перед глазами на миг потемнело от ярости. Она услышала скрип собственных зубов, и слегка смутилась, надеясь, что никто этого не заметил. А Равенна уже отпустила руку Лиары и просталась с Каем и Улыбашкой. Напоследок она подошла и к Раде, протянув ей ладонь и глядя на нее снизу вверх с вызовом в кошачьих глазах и слегка вздернутой насмешливо бровью.

— А с тобой, Черный Ветер, я надеюсь, мы когда-нибудь еще встретимся.

— Взаимно, — проскрежетала Рада, сжав ее ладонь так, что Равенна поморщилась и отошла прочь.

Матросы начали сводить лошадей по сходням на пристань, следом за ними направились друзья, а Рада задержалась, чтобы попрощаться с Гарданом. Ухмыляясь дыркой вместо клыка, наемник сам направился к ней и протянул ей шершавую ладонь, уже покрытую мозолями от тяжелой работы с парусами.

— Спасибо тебе за все, Гардан, — тепло улыбнулась она, пожимая его руку. — Приведут боги, свидимся однажды!

— Это тебе спасибо, Рада! — он помолчал, потом фыркнул и рассмеялся. — Служить у тебя было очень забавно, скажу я тебе! Лучшее время в моей жизни!

Хлопнув его по плечу, Рада забросила на спину седельные сумы со своими вещами и зашагала по сходням вниз с легким сердцем. Их долгая дорога почти закончилась. Оставалось еще два проклятых порта, а дальше их ждали горы, и сказка, в которую всю жизнь она так мечтала попасть.

Алеор вывел их с пристани, не обращая внимания на людскую толчею, направившихся к кораблю купцов, попрошак, работников порта с тюками на головах, которые они таскали туда-сюда. Он не стал плутать и искать место для того, чтобы остановиться, и напрямик зашагал к высокому зданию напротив пристани, над которым на ветру раскачивалась деревянная табличка с надписью: «Полные ветра паруса».

Помещение гостиницы в середине дня было заполнено примерно наполовину. Люди обедали, пили, смеялись, кое-кто уже начал бросать кости и играть в карты. Рада заметила в углу двух купцов, которые чинно переговаривались, над разложенными на столе образцами тканей. В другом углу худющий паренек жонглировал пятью разноцветными шариками, впрочем, не слишком хорошо, и на него никто не обращал особенного внимания. Полы здесь были из толстых бревен, а в помещении стоял крепкий запах табака, вина, снеди и усталых людей. Рада с наслаждением втянула его всем носом и довольно оскалилась. Этот запах был ей по душе гораздо больше, чем то, что они нюхали в «Звезде Севера» в Алькаранке.

Переговорив с трактирщиком, Алеор зыркнул на них еще раз, дополнительно повторив, что именно они должны делать здесь до его возвращения, и ушел, громко стукнув дверь. Несколько завсегдатаев при виде него начали перешептываться, еще больше народу исподволь глазело на огромного Кая, который, игнорируя взгляды, уселся за стол у окна и принялся аккуратно сворачивать собственный плащ, чтобы тот не помялся.

Решив, что время пришло, Рада бросила свои вещи под стул недалеко от Кая и объявила: — Мы с Улыбашкой пойдем пройдемся, кое-чего прикупим. Вернемся через пару часов. Обещаю, со мной ничего не случится, — добавила она Лиаре, тревожно поднявшей на нее свои шгормовые глаза.

— Да уж! — фыркнула Улыбашка, подавившись смехом, и Рада почти что силой вытолкнула ее прочь из общей залы, чувствуя раздражение и ярость от того, что гномиха своим дурацким видом портила ей всю тайну.

Когда они оказались на улице, Рада сразу же потянула гномиху за собой направо, туда, где еще с борта корабля она заметила здание с красными отрезами тканей между окон.

— Ты смотри, как бежит, а? — заливалась рядом Улыбашка, хихикая и качая головой. — Со всех ног летит! Не споткнись, Радушка!

— Не споткнусь! — огрызнулась Рада, оглядываясь через плечо и проверяя, не вышла ли Лиара посмотреть, куда они пошли. На пороге гостиницы никого не было, и она вздохнула спокойно, а затем в раздражении повернулась к гномихе. — Проклятье, Улыбашка! Я тебя помочь просила, а не скалиться и ржать надо мной!

— Ну прости, Рада, но это выше моих сил! — давясь смехом, отозвалась гномиха, прикладывая обе руки к груди и глядя на нее абсолютно искренним взглядом.

Рада только зарычала и почти что бегом побежала к распахнутой настежь двери борделя.

В такой час здесь почти что и никого и не было, кроме работающих девок. Помещение тонуло в тягучем запахе ароматных масел, благовоний и цветов, которые в горшках были расставлены по всем углам и подоконникам. Приглушенно горели свечи, красновато светились лампы в бумажных алых абажурах, с потолка свисали отрезки шелка, длинные и тонкие, деля все помещение на сектора. Долетающий сквозь открытую дверь помещения холодный ветерок слегка колыхал их, разгоняя тяжелый дурманящий воздух.

Повсюду были расставлены мягкие низкие диваны с множеством подушек, на которых сидели или полулежали разодетые, размалеванные девки. Возле них на столиках в пузатых кувшинах темнело вино и курились маленькие ароматные палочки в позолоченных чашах. Судя по всему, заведение было из весьма зажиточных, и Рада прикинула, сколько у нее денег. На разговор уж точно должно было хватить, причем с лихвой, во всяком случае, она на это надеялась. Впрочем, сама она никогда не пользовалась услугами подобных заведений, а потому весьма туманно себе представляла порядок цен.

Когда они с Улыбашкой вошли в помещение, девки повернули головы в их сторону, удивленно моргая, и только потом расплываясь в искусственных широких улыбках. Некоторые из них, что сидели по двое, начали перешептываться, склонив друг к другу головы и кидая заинтересованные взгляды на Раду, опасливые — на Улыбашку. Рада вдруг ощутила, что ноги почти что к полу приросли, а горло высохло словно пустой кувшин. Внезапно идея спросить совета у шлюх показалась ей далеко не такой уж блестящей, как поначалу. Но отступать было поздно, да и хихикающая Улыбашка подталкивала ее в спину, приговаривая:

— Ну что же ты встала, как столб? Ты же так торопилась сюда, Радушка, так бежала! Давай теперь, покупай свой подарочек Лиаре!

Вместо того, чтобы огрызнуться, Рада только сплотнула комок в горле и заставила себя зашагать через всю залу прямо к стойке в ее конце, за которой стояла средних лет женщина. За ее спиной на полках темнели бутылки дорогого вина, по обе стороны от стойки расходились полуоткрытые двери, завешенные красным шелком. Из глубины помещения доносился негромкий женский смех, голоса, пульсирующая музыка барабанов.

Женщина спокойно улыбнулась Раде, с интересом, но без какого-либо предубеждения, оглядывая ее и Улыбашку. Лет ей было, наверное, около сорока, темные волосы завязаны в тугий узел на затылке, чтобы открыть взору высокую красивую шею, на которой покоилось золотое кольцо с алыми как кровь камнями. Одета она была в легкий, полупрозрачный алый шелк, что стекал с ее тела, ничего не скрывая, но и не выставляя напоказ. У нее были темные глаза и пухлые, чересчур на вкус Рады, губы, которые раздвинулись в приятной улыбке, когда они подошли к стойке. Улыбашка, кряхтя, взобралась на барный стул, стоящий неподалеку и уложила свои громадные, покрытые шрамами кулачищи прямо на столешницу.

— Добро пожаловать в «Бутон прелестницы», милые дамы, — заговорила женщина. — Мое имя Алнира, и я готова предложить вам только самых лучших и искусных в любовных делах девочек во всем Аластаре.

— Эээ, — промямлила Рада, не понимая, с чего ей начать. В глазах Алниры появился понимающий огонек, и она заговорила, словно таким образом могла помочь Раде раскрепоститься.

— К нам довольно редко заходят бессмертные и еще реже — гномы, но даже для вас мы можем подобрать что-то, что подойдет вам обоим. Что бы вы хотели, дамы? Черную, как статуэтка, южанку? Белокожую северянку? Может быть, предложить вам двух острых, как сталь, подружек из холодного Тарна, с телами горячими, как огонь?

Рада поняла, что покрывается липким потом под одеждой, а язык просто намертво прилип к небу. Ее выручила Улыбашка. Вздохнув и уложив свои ладони на полированную столешницу, она приветливо взглянула в глаза Алниры и проговорила:

— На самом деле, я здесь только за компанию, в качестве моральной поддержки. А вот эта вот госпожа, — ее тяжелая ладонь увесисто легла на плечо Рады, и та даже вздрогнула от неожиданности, — пришла спросить совета в любовных утехах. Но, так как она у нас девочка маленькая и неопытная, сама она задать свой вопрос не в состоянии.

— Вот как? — глаза Алниры загорелись любопытством, но она предпочла скрыть это под густой тенью длинных, покрашенных черным ресниц. — Что ж, госпожа, вы можете выбрать любую девочку, с которой захотите поговорить. Она снабдит вас всей интересующей вас информацией и чем-то большим, коли вы захотите. Рассчитываться тоже будете с ней. Стандартная цена за разговор и общение — три золотых, вознаграждение

девочке не обязательно, но приветствуется. А для вас, — Алнира обернулась к Улыбашке, — пока вы ждете, могу предложить прекрасный южный эль из самих Медных Копий. Думаю, вы не останетесь разочарованы.

— Замечательно! — довольно кивнула Улыбашка. — Несите самый лучший, все равно не мне платить.

Рада сглотнула ком в горле, глядя на Алниру и пытаясь заставить себя говорить, но язык словно собаки отхватили. Никогда еще она не была в таком ступоре, никогда.

Вдруг сзади к ней кто-то подошел, и чья-то ладонь мягко легла на бедро, чувствительно, но приятно ущипнув его при этом. Учитывая, насколько была взвинчена Рада, это было уже чересчур, и она почти что до потолка подскочила, едва не взвизгнув, будто девчонка.

— Такая высокая, — промурлыкал рядом голос, рука плавно поползла ей на талию и обняла, а слева от нее выступила молодая девка с темными, как ночь, глазами и ярко накрашенными алыми губами. Глаза ее с интересом изучали лицо Рады. — Да еще и бессмертная. У меня еще никогда не было бессмертных.

— Это Раиль, дочь далекого Тарна, — проговорила Алнира. — Думаю, вы понравились ей, госпожа.

— Замечательно! — выдохнула Рада, выкручиваясь из ее рук и отступая на шаг под ядовитое хихиканье Улыбашки. Взгляд шлюхи стал еще более заинтересованным, и она, выдохнув, проямлила: — В общем, есть одна девушка, которую я люблю... Только вот, я совершенно не знаю, как... как...

— О боже, как это мило! — вроде бы даже без притворства шлюха приложила руки к губам. Потянувшись, она погладила Раду по щеке, росту в ней было максимум Раде по грудь. Руки у нее пахли жасмином. — И ты пришла сюда, чтобы научиться, как ублажить любимую женщину! Если бы все мужики были такими как ты, мир был бы гораздо счастливее!

— Ага, а ты бы просто головы не поднимала от работы! — загоготала за спиной Рады Улыбашка, и на миг глаза шлюхи остро сверкнули над плечом Рады. Впрочем, она сразу же вновь стала приторно сладкой, как патока, и потянула Раду за пряжку пояса следом за собой.

— Пойдем, я покажу тебе все, милая. Включая то, о чем ты даже представления не имеешь.

— Подожди! — Рада застопорила обеими ногами на месте, и шлюху ощутимо дернуло назад. Глаза ее удивленно расширились, а брови недовольно выгнулись. Кашлянув в кулак, Рада призналась: — Мне не надо показывать, ты мне расскажи и все. Просто расскажи. Я слишком люблю ее, чтобы...

— Боги, да ты даже еще большая милашка, чем я думала! — шлюха вдруг совсем улыбашкиному захихикала, а потом кивнула ей головой. — Ладно, тогда пойдем на диван. Выпьешь вина, расслабишься. А мы с Марикой расскажем тебе все, что нужно делать. Поверь, твоей девушке будет очень хорошо.

Чувствуя себя полной идиоткой, Рада все же мужественно зашагала следом за шлюхой к диванчику, на котором сидела другая девка, рыжая, как огонь. За спиной отпускала язвительные шуточки Улыбашка, которой уже принесли ее эль, шлюхи вокруг с интересом разглядывали Раду так, будто пытались понять, что у нее под одеждой, а у нее при этом так истерически горели уши и лицо, что даже моргать было больно. Грозар, молю тебя, пожалуйста, сделай хоть что-нибудь! Пусть я поумнею, хотя бы на самую капельку!

Через час Рада пробкой вылетела из борделя под продолжающееся хихиканье Улыбашки, стораая со стыда и отказываясь говорить хотя бы с одним живым существом во

всем этом мире. Лицо и уши у нее горели до самого вечера, пока не вернулся Алеор и не объявил о том, что нашел корабль. Даже на то, чтобы сказать хоть слово непонимающе глядящей на нее Лиаре, у нее не было никаких сил. Кое о чем из рассказанного шлюхами она знала, еще о чем-то смутно догадывалась, а кое-что ее просто ужаснуло. Тем не менее, время было потрачено не зря, и теперь Рада хотя бы представляла, что ей делать. И от этого стало только хуже, потому что вот теперь точно даже смотреть на Лиару она просто не могла.

А ветер все дул и дул, неся с собой первое прикосновение холодов и надувая паруса речного корабля «Быстрый», которой в сгущающейся вечерней тьме отчалил от пристаней Аластара и направился на юг, увозя вверх по течению Тонила Раду с ее горящим лицом и ее друзей в негостеприимный и холодный к людям порт Рамаэль.

===== Глава 51. Город на реке =====

«Быстрый» оказался гораздо меньше и тесней «Блудницы», а его капитан Марон Вилней — совершенно не похожим на Равенну. Заросший густыми бакенбардами и пышными усами, коренастый мужчина с выдающимся брюшком не выпускал изо рта вечно дымящейся трубки и постоянно бродил по палубе, заложив руки за спину и подозрительным взглядом оглядывая трудящихся матросов. Походка у него была неровная: Вилней подпрыгивал на правой ноге, с которой у него, судя по всему, были большие проблемы, и она почти что и не сгибалась. Кай вежливо представился в качестве Черного Жреца Церкви и предложил капитану свою помощь, но тот только недовольно проворчал что-то под нос и отказался, неодобрительно покачивая головой и насуплено глядя на ильтона, словно тот собирался его ограбить.

В Аластар капитан прибыл для продажи последней партии зерна в этом году, и теперь возвращался на зимовку в порты Ишмаила. По большому счету ему еще очень повезло, что он умудрился на обратном пути взять попугачиков, щедро оплативших проезд золотом, но их присутствие на борту «Быстрого» его не слишком-то радовало. Грузовой трюм он гостям не выделил, заявив, что это место для грузов, а не для скота, а потому лошадей пришлось вести на палубе в специально огороженном для них веревками загоне. Из-за этого свободного пространства на корабле стало еще меньше, матросы вполголоса ругались, перебираясь с носа на корму и обратно по своим делам, вынужденные обходить импровизированный загон, а пятерым путникам почти что и не осталось места, чтобы коротать долгие дни путешествия. Только у левого борта еще можно было постоять, глядя на воду, все остальное пространство принадлежало работающим матросам.

На нижней палубе располагались всего две узкие и полутемные каюты на случай неожиданных пассажиров, да отсек, где жила команда. Каюты отдали пассажирам, и это было единственной приятной вещью за все путешествие. По крайней мере, теперь Лиара спала в кровати, а не в том ужасном гамаке, подвешенном едва ли не под самым потолком нижней палубы «Блудницы», куда каждый раз приходилось с трудом карабкаться. А еще, в каюте было всего две кровати, узких койки, прикрученных к стенам, и им втроем приходилось как-то уместиться на них. Улыбашка, решительно отказавшись делить койку с кем-либо, взгромоздилась на свои одеяла и заняла ее целиком, сладко ворча о том, как хорошо спать в кровати. А вторая койка досталась им с Радой.

Это было так волнительно, так непривычно, так странно. Теперь Лиаре не нужно было повода, чтобы коснуться ее, а ее так неумолимо тянуло это сделать. Теперь каждый вечер они молчаливо ложились вдвоем под одно одеяло, прижимаясь друг к другу разгоряченными телами. Кровать была очень узкой и дарила им повод обнимать друг друга всю ночь, чтобы

уместиться на ней. И эти ночи стали для Лиары самыми сладкими в ее жизни и при этом — самыми тяжелыми.

Тело Рады было таким сильным, гибким, плавным, так, что рука могла бы скользить и скользить по ее мягким линиям и нежной коже. Лиара поражалась этой его мягкости и одновременно с этим — твердости, упругим жгутам мышц, плоскому жесткому животу, стальным ногам и при этом — мягкой, горячей груди, и это сводило ее с ума. Каждый вечер она вынуждена была почти что язык прикусывать себе, чтобы остановить руки и не дать им начать оглаживать все ее тело, каждый его изгиб. Каждую ночь она подолгу не могла уйти в грезы, чувствуя затылком горячее дыхание Рады, а иногда — легкие прикосновения ее губ, когда во сне голова Черного Ветра склонялась вперед по подушке и утыкалась в ее волосы.

Больше того, Лиара чувствовала, что это точно так же мучительно и сладко и для Рады, не только дня нее одной. Ее тяжелая сильная рука, обнимающая Лиару, всегда была твердой как камень от напряжения, пока Рада не засыпала и не расслаблялась. От ее кожи буквально валил жар, охватывающий всю девушку, и Лиара, закусывая губы от невыносимого желания повернуться и поцеловать ее, чувствовала, как влажнеет от этого жара кожа на груди Рады, чувствовала спиной, даже через ткань ночных рубашек, в которых они спали. Она слышала сердце Рады, что колотилось, как безумное, едва не вырываясь из груди, когда окаменевшая Рада лежала за ее спиной, обнимая ее на ночь и уткнувшись лицом в ее кудри. А еще она чувствовала невыносимое желание, невероятное, горячее, требовательное, сводящее с ума желание, поднимающееся откуда-то снизу и захватывающее всю ее с головы до ног. И знала, что то же самое чувствует Рада.

Тело просило ее рук, ее губ, ее горячих поцелуев и дыхания, тело ныло, как безумное, не успокаиваясь ни на миг, покрываясь мурашками от каждого движения ладони Рады, покоящейся на ее талии, пока они отдыхали. Рваное дыхание заполняло легкие, безумный ритм сердца глухо забивал уши, и Лиара напрягалась, как туго натянутая тетива, изо всех сил держа себя в руках и моля богов только о том, чтобы Рада не услышала, как прерывается ее дыхание.

Только все это она слышала. На соседней кровати раздавался громогласный храп Улыбашки, похожий на звук вгрызающейся в сырое дерево ржавой тупой пилы, а они с Радой лежали в мертвенной тишине, боясь издать хотя бы звук, боясь даже мимолетным движением разжечь первую искру, готового вспыхнуть в любой миг пожара. Они обе знали, что с ними происходит, и обе боялись шелохнуться, чтобы все это наконец-то произошло.

Кану Защитница, твоя непутевая дочь — развратница! Лиара в отчаяние кусала губы почти до рассвета, когда измученная горящим между ними пламенем Рада уже давно спала. Лиара изо всех сил шептала себе о том, насколько все это нехорошо, неправильно, что ей нельзя так думать и так чувствовать, только все эти слова были пылью на ветру, а внутренний голос насмехался над ней. Тебе говорили, что в сказаниях прекрасные девицы ложатся в постель к молодцам только после свадьбы? Так она не молодец, и свадьбы никакой у вас не будет. Она женщина, как и ты, и ты хочешь ее, хоть это и противоречит всему тому, чему тебя учили. Но тебе плевать на это, не правда ли? Так может быть, просто обернуться к ней? Ты же знаешь, что она тоже хочет этого, ты видишь, ты чувствуешь. Просто обернись к ней. Вас никто не услышит: Улыбашка спит, как убитая и храпит так, что и полк солдат бы не разбудил ее, вопя над ее головой. Просто обернись.

Но одна мысль о том, чтобы все это случилось здесь, так, приводила Лиару в ужас. Она упрямо твердила себе, что она не скатится до уровня портовых потаскух, которым нет дела

до того, где и при ком их лапают, что она слишком любит Раду для этого. И это хоть немного помогало, во всяком случае, она была в состоянии дожидаться, пока Рада уснет, и потом уже лежать и широко открытыми глазами пялиться в темноту до тех пор, пока грезы, наконец, не спасали ее от иссушающего все тело жара. Но долго так продолжаться не могло, не могло и все. Всему был какой-то предел, и силы Лиары тоже постепенно кончались.

«Быстрый» хоть в чем-то оправдывал свое название: по речным водам он действительно двигался бодро, разрезая носом зелено-серые волны Тонила. Могучая река разливалась широко, течение было спокойным, однако матросы все равно каждый день, ближе к вечеру, садились за весла и гребли, выталкивая корабль вперед быстрее, чем надутые ветром паруса. Равномерный скрип весел в уключинах навевал дремоту, Рада то и дело широко зевала и уходила подремать в их каюту, и Лиара даже не знала радоваться ей или нет. Ей-то грез хватало, а вот Рада явно не высыпалась по ночам, не в силах заснуть, когда они были так близко друг к другу. Ей нужен был сон и отдых, вот только Лиара чувствовала себя такой одинокой, когда ее рядом не было, что просто выть хотелось.

Спутники сидели по своим каютам. Матросы поглядывали на них не слишком дружелюбно, ворча что-то под нос, наверное, из-за лошадей, которые перегородили половину палубы. Особенно, на Кая, хоть это и было странно. Княжество Ишмаил было одним из двух протекторатов Церкви на юге, правил им Первый Жрец Белой Руки, и Лиаре казалось, что это должно было расположить матросов к еще одному церковнику, плывшему на их борту. Однако, на деле все обстояло как раз наоборот. Да и не только на Кая косились. Алеор почти что и не выходил из своей каюты, по крайней мере, в светлое время суток, но Лиара видела, как вздрагивали матросы при его появлении, как хмурились их брови, а руки сами ползли к засунутым за кушаки ножам. Чуть менее враждебно смотрели на них с Радой и Улыбашку, может, оттого что они были женщинами, может, отчего-то другого, она не знала. Только вот все время на этом судне у нее было такое чувство, будто она что-то сделала не так, в чем-то провинилась, и Лиара все никак не могла понять, в чем же тут дело.

В конце концов, она решилась и тихонько спросила об этом Раду. Черный Ветер в эти дни тоже была осторожна, частенько аккуратно наблюдала за матросами, но стоять рядом с Лиарой у борта и обнимать ее за талию при этом не перестала. На вопрос Лиары, чем же так они не полюбились матросам, Рада только жестко усмехнулась.

— Мы бессмертные, искорка.

— Ну и что? — удивленно заморгала та. — Когда мы плыли на корабле Равенны, такого отношения к нам не было. Там все было по-другому, ты же сама помнишь.

— Пираты — перелетные птицы. Они только и делают, что без конца бороздят волны, видят сотни разных берегов, разных народов и разных обычаев. Они привыкли ко всему и понимают, что нет смысла ненавидеть чужаков, ведь они сами чужаки для всех, кто не живет в море. К тому же, большая часть из них — авантюристы, ищущие возможности поживиться, любители острых ощущений, от которых кипит кровь. Естественно, что общество бессмертных, не так уж и часто покидающих свои государства, для них любопытно. Тем более, если среди этих бессмертных есть Тваугебир. Здесь же, — Рада хмуро огляделась. Матросы вокруг них выполняли свою обычную работу, стараясь не замечать неожиданных попутчиков, но вид у них был кислым, а лица какими-то недовольными. — Понимаешь, искорка, Ишмаил терпеть не может чужаков. Первый Жрец крепко правит там, устанавливая церковный закон, как основной закон этой земли. А Старшие Расы чужды вере Молодых Богов.

— Но это же не так! — удивленно вскинула брови Лиара. — Гномы чтут Загриена, бога гор и глубин, Грозара, Кану. Кай не раз поминал Молодых Богов, которым он служит. Ты зываешь к Грозару, как и я. Молодые Боги точно так же важны и для Старших Рас!

— Искорка, ты это понимаешь, потому что росла в Мелонии, среди людей, — Рада немного понизила голос, чтобы их разговор невозможно было расслышать с расстояния ближе пары шагов. — Эльфы, например, не придерживаются веры в Церковь Молодых Богов. На протяжении всей истории они считали себя если не равными Молодым Богам по силе, то не более, чем одной ступенькой ниже них. Ты же знаешь, что они помогали Богам при создании Этлана, в конце концов, именно они разбудили из камня ильтонцев, последнюю из рас. Тебя никогда не удивлял тот факт, что ильтонцев тоже относят к Старшим Расам, хоть они и появились позже всех?

— Удивлял, — кивнула Лиара, стараясь разложить все это в своей голове по полочкам. Странность была в том, что головой-то она все это понимала, а вот сердцем — нет, никак. Это было так откровенно глупо, что просто невозможно было поверить в то, что люди действительно могли так заблуждаться.

— Старшие Расы отличаются от людей лишь тем, что живут дольше них. Это обстоятельство вызывает их зависть и ненависть такие сильные, что, имея они возможность, они бы вырезали нас всех, — мрачно проговорила Рада, разглядывая проплывающие мимо берега. — Да вот только нас многовато слишком для этого, к тому же, некоторые из нас чтут Молодых Богов, что не оставляет Церкви возможности провозгласить Священный поход против неверных. Ну, а к эльфам они не сунутся, потому что боятся их. Вот и остается им только кусать локти и ненавидеть издали. Так что не удивляйся тому приему, что будет ждать тебя в людских государствах. Мелония в этом плане — едва ли не лучший край для проживания эльфов, по крайней мере, отношение к ним лучше, чем в других странах.

Лиара даже содрогнулась, вспомнив все те взгляды, которые ловила на себе в детстве в провинции Карамон, отношение местных и пришлых к ней. Если это было лучшим из всего, что можно получить...

— А как же Бреготт? — буквально вцепилась она в последнюю надежду. — Сказания говорят, что Бреготт всегда был союзником бессмертных.

В последнее время, правда, большая часть того, что она слышала из сказаний, оказалась не соответствующей действительности, но Лиара упрямо верила в то, что хоть что-то должно было быть в них правдой. На этот раз Рада одобрительно кивнула, хоть во взгляде ее и было недоверие.

— Бреготт — совсем другое дело. Все эти долгие века они стоят одни против Хмурых Земель и Темной Страны, и другие людские государства не слишком-то стремятся им помогать. Пограничные заставы Мелонии — одно название, там дермаков не видели со времен Танца Хаоса, если не раньше. Зато Бреготту помогают гномы на юге, ильтонцы юго-запада, те же лесные эльфы, с которыми у них союз. Бреготт еще держится старых договоров, чтит данные обещания, но кроме них больше никого и нет. Остальные — под пятой Церкви, и влияние ее все больше разрастается, — Рада поморщилась. — Я верую в Грозара, но то, что творят его жрецы — отвратительно.

— Да, — тихо кивнула Лиара, придвигаясь к ней поближе, когда проходящий мимо матрос бросил на них тяжелый взгляд, пробурчал что-то себе под нос и отвернулся.

Тяжелая рука Рады слегка сжала ее бок и придвинула ее к себе чуть ближе, а тихий голос проговорил прямо куда-то ей в висок:

— Не бойся ничего, искорка. По одному — они лишь стая трусливых псов, а сбиться вместе и попытаться наброситься на нас им не позволит страх перед Алеором. Мы здесь в безопасности, и я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя. Так что не беспокойся об этом.

Но Лиара все равно беспокоилась. Все эти взгляды нервировали ее, и она совершенно не понимала, чем же вызвала к себе такое отношение. Знала, но не понимала. И на палубе этого корабля ей совсем не хотелось доставать из чехла арфу и петь хоть одну, даже самую простенькую человеческую песню.

Чем дальше они плыли на юг, тем сильнее становилась и тревога в ее груди. Все то время, что присутствие Рады не заставляло кипеть кровь в ее жилах, она думала о том, что ждет ее впереди, в Иллидаре. Городе речных эльфов, укрытом от смертных Мембраной, городе, куда не пускали никого, кроме Первопришедших, и городе, куда ей нужно будет идти совсем одной, потому что никто из спутников не сможет переступить через эту преграду. И это тоже казалось ей смутно неправильным.

Почему Первопришедшие так отгораживались от всего остального мира, не позволяя ему приближаться к себе? Ведь Высокие в Лесном Доме этого не делали, а там тоже была Мембрана, но проницаемая для смертных. Можно было списать все на ненависть людей к Первопришедшим, но ведь ненависть не рождалась на пустом месте, а взаимная подозрительность имела свойство лишь усиливаться со временем. Так неужели же такие мудрые бессмертные существа, как Первопришедшие, видевшие мир еще до прихода людей, участвовавшие в его создании и формировании, были не в состоянии договориться со смертными и решить с ними какие-то проблемные вопросы? Ведь это было не так сложно, и примером тому могла служить, например, многолетняя дружба Рады с Гарданом.

Чем дольше Лиара думала об этом, тем больше страшил ее Иллидар. В детстве, когда она старательно собирала каждую ниточку, каждый обрывок песни или сказки про великие государства эльфов, с чего и началась ее любовь к музыке, эти государства казались ей прекрасными и волшебными садами, где все цветет, а жители добры и приветливы, где ее обязательно ждут и бесконечно любят. Но чем больше она узнавала об эльфах, тем меньше ей хотелось иметь с ними дело. Алеор и Рада в счет не шли — они явно были чем-то вроде изгоев среди своего народа, которых соплеменники были вынуждены терпеть из-за их имен и происхождения. А вот остальные эльфы вызывали в ней поначалу настороженность, а теперь и некоторое желание держаться подальше от них. И что будет, если Лиара найдет там свою мать? Какой эта мать окажется? Такой же надменной, холодной и чопорной, как все остальные Первопришедшие, не желающей и слышать о мире за границей Мембраны? Воображение Лиары рисовало ее самые добрые руки, самые теплые глаза, самый уютный дом где-то на краю мира, и теперь ей стало по-настоящему страшно, что это все — могло быть лишь ее воображением и ничем больше. И с каждой милей, что отмерял корабль на пути на юг, этот страх становился все сильнее.

Даже Рада почувствовала его в ней, как-то раз нахмурившись и долго пристально разглядывая ее. В конце концов, она негромко спросила:

— Что-то происходит, искорка? День ото дня ты как будто темнеешь.

— Я просто... — говорить об этом было тяжело, но Рада была единственным человеком, кому Лиара могла бы сказать все, даже самое сокровенное. Потому она собралась с силами и едва слышно призналась: — Я просто боюсь не найти в Иллидаре своей матери. А еще больше боюсь найти ее.

— Почему? — нахмурились брови Рады.

В груди теснило. Все это было очень трудно объяснить, так сложно облечь в слова десятки этих совершенно разных чувств, тревог и страхов, но Лиара постаралась это сделать, почти что утыкаясь носом Раде в плечо и пряча лицо в ее теплой шерстяной куртке.

— А что, если моя мать окажется такой же надменной и холодной, как Алеор в те моменты, когда он говорит со смертными? Она ведь Первопришедшая, она же может быть такой.

Некоторое время Рада молчала, явно подбирая слова, а Лиара лишь наблюдала за тем, как тянутся мимо борта корабля длинные побуревшие берега, поросшие прошлогодней травой. Пустынные равнины Лонтрона под стальным тяжелым небом навевали уныние, но смотреть здесь просто было больше не на что.

— Послушай, искорка, эльфы — такие, какие они есть, и изменить их ты уж точно не сможешь, — зазвучал, наконец, голос Рады над ее головой. — И все же, рано гадать об этом, пока еще ничего не случилось, правда? Может, твоя мать и такая, а может, и нет. Я все думаю о том, почему она оставила тебя в Мелонии одну, в приюте, при том, что ты — чистокровная. Для этого у нее должна была быть очень веская причина, ведь обычно Первопришедшие до безумия дорожат своими детьми. Я думаю, это было сделано для твоей безопасности, и явно потому, что она любила тебя. Разве может быть другая достаточно веская причина для такого поступка? Тебе просто нужно пойти туда, найти ее и поговорить с ней. И не гадать о том, что тебя там ждет, ведь это не приносит тебе ничего, кроме тревоги. Так что не переживай ни о чем. Скоро мы причалим в Рамаэле, и ты пойдешь на ее поиски. И все выяснится. Не рви себе сердце раньше времени.

Ее тихий голос успокаивал, и Лиаре очень-очень хотелось верить ей, верить, что так оно и будет. Но сомнения все равно пробивались сорной травой со дна ее души, и ничего поделаться с ними она никак не могла.

Полторы недели день и ночь под полными ветра парусами и на веслах «Быстрый» упорно карабкался вверх по течению Тонила со всей возможной скоростью, на которую был способен. С присутствием на борту пассажиров эта спешка была связана ровно в той же степени, в которой капитан Вилней хотел поскорее избавиться от их общества. Но подгоняли его не только они. Подступала зима, и ветры с востока день ото дня становились все более злыми, недовольными, холодными. Облака все ниже и ниже нависали над равнинами вокруг, полные тяжелых дождевых капель, а, возможно, и первого снега. По ночам ветер становился таким пронзительным, что от воя снастей, похожего на голодный волчий плач, Лиару пробирала дрожь. Подмораживало, и на утро палуба была покрыта тонким слоем инея, который первым же делом принимались счищать матросы, всюю кляня погоду. Берега стояли замерзшие, унылые, покорные судьбе и ветрам, а река в них ворчала, недовольно плеская стальными волнами и плюясь белой пеной. Все выглядело так, будто вот-вот должны были уже ударить морозы, и Лиара начинала нервничать, успеют ли они добраться до Рамаэля, пока река не встанет, или нет? Впрочем, кроме нее никто об этом, похоже, не волновался. Разве что Улыбашка начала прикашливать и возить носом, то и дело ворча о сквозняках и «проклятушем бхарском ветродуе».

А еще Лиара все гадала: коли пришла зима, то каким образом Алеор собирался перевалить через горы? Ведь бездна мхира лежала там, за Эрванским кряжем, который отсюда еще даже и видно не было, и горы эти недаром называли Первой Преградой, недаром возле них никто не селился, и за все эти долгие тысячи лет после Первой Войны и заселения Срединного Материка дороги через них в Западный Этлан до сих пор проложено не было.

Говорили, что горы эти непроходимы даже летом, в теплую спокойную погоду, а теперь приближались первые морозы, и Лиара даже думать не хотела, что их ждет там, на заснеженных поднебесных перевалах. Или эльф хотел зимовать в Рамаэле?

Впрочем, спрашивать об этом у него самого она не рискнула. Алеор не часто высовывал нос из своей каюты, а если и выходил наверх, вид у него был крайне раздраженным, полным какого-то странного ожидания, почти собачьей тоски. То ли ему уже до смерти наскучило проводить дни на палубе корабля, то ли в печенках сидело отношение команды, то ли он тоже думал о грядущей перспективе зимовать в городе Первопришедших, но в любом случае не выглядел расположенным к разговору. Рада тоже ничего не знала, лишь пожав плечами на заданный Лиарой вопрос. Зато Улыбашка расплылась в широченной улыбке и подмигнула Лиаре в ответ.

— Зачем, ты думаешь, светозарная, он нас-то с Каем с собой взял? Не просто же на прогулку ножки размять. Горы — наша стихия, так что доверься нам, мы дорогу отыщем.

К этому она ничего не прибавила, так что Лиара так для себя и не поняла: пойдут ли они верхом через перевалы, или гномиха с ильтонцем поведут их другими, лишь им одним известными тропами в сердце горы.

Одиннадцатый день пути встретил их проливным дождем со снегом и таким промозглым ветром, что выходить на палубу они не решились. Завернувшись в пледы, Рада с Лиарой кое-как уместились на узкой койке возле крохотного круглого окошка, а Улыбашка сидела напротив них, скрестив толстые короткие ноги, разложив на койке перед собой свои ножи и тщательно затачивая их куском точильного камня. Между койками оставалось место лишь на узкий откидной столик, на котором сейчас были расставлены дымящиеся парком кружки с горячим чаем. Стряпня кока «Быстрого» была получше чем то, чем кормил своих людей Вакига на «Блуднице», а в такую мерзкую погоду запас кипятка у кока просто не иссякал.

Лиара задумчиво смотрела в окно, когда вдруг наверху послышались громкие крики, топот ног матросов, какая-то беготня. Прозвучал приглушенный толстой палубой и шумом дождя голос капитана, корабль начал медленно разворачиваться носом вправо.

— Чего это они там? — недовольно заворчала Улыбашка, хмуро поглядывая на потолок каюты, словно могла сквозь него увидеть то, что творилось на палубе. — Решили к берегу приставать что ли?

— Пойду посмотрю, — отозвалась Рада, накидывая на голову плед и поднимаясь с койки.

Дверь за ней закрылась, а Лиара выглянула в маленькое окошко, пытаясь разглядеть хоть что-то за вереницами капель, сбегаящими по нему вниз. Через мутное стекло с разводами воды было видно разве что стальные волны, сегодня особенно высокие из-за ветра, да правый берег Тонила, который теперь быстро приближался.

— Не дай Грозар, этот ишмаилец решил пристать к берегу и переждать дождь. У меня уже в печенках сидит его проклятый корабль! Ни минуты лишней на его борту проводить не хочу! — забурчала под нос Улыбашка.

В этом Лиара была с ней полностью согласна. Не то, чтобы она была против того, чтобы и дальше делить одну койку с Радой, но путешествие по воде явно затянулось. Чего стоили только долгие недели, проведенные на борту «Блудницы», а ведь там на обратном пути у нее была возможность быть рядом с Радой, да и места там было больше, и команда приятная. А здесь сидеть было уже просто невмоготу.

Из-за двери в каюту послышался громкий топот, и Рада нырнула обратно, плотно прикрывая за собой дверь от сквозняка. Плед на ее голове и плечах был мокрым, но при этом она широко и довольно улыбалась.

— Все! Приехали, считай! Сейчас обходим Иллидар: он прямо посреди реки расположился, но Мембрана не пропускает корабли. В трех километрах выше по течению — Рамаэль, капитан надеется причалить там уже после полудня.

— Слава тебе, Загриен Каменоступый! Наконец-то уже я слезу с этой проклятой плавучей доски! — Улыбашка вздохнула и принялась аккуратно прятать наточенные ножи в ножны на поясе и внутренние карманы одежды.

С каждой минутой ожидание становилось все более невыносимым. Они собрали свои нехитрые пожитки, подготовили теплые плащи, учитывая непогоду за окнами, и принялись ждать. Теперь, когда пристань была уже так близко, Лиара буквально не могла усидеть на одном месте, то и дело ерзая и поглядывая в мокрое окно. Только видно там ничего не было, и ей казалось, что корабль ползет медленно, будто улитка, словно Вилней специально решил напоследок еще помучить их ожиданием.

Да и тревога в груди стала еще сильнее. Буквально несколько часов, и она отправится в Иллидар, одна, на поиски своей матери. Лиаре даже не верилось, что это наконец-то случится. Столько лет она ждала, что мать заберет ее из забытого богами приюта в глуши Мелонии, столько молилась о том, чтобы хоть одним глазком увидеть ее. И вот теперь до нее оставалось буквально несколько часов и какие-то три километра пространства, и Лиара все гадала, какой она увидит ее? Расчетливой и холодной? Доброй и мягкой? Узнает ли ее собственная мать? Или ее уже давно нет в живых? Все эти вопросы теснились в груди, и неторопливое движение речного корабля лишь только подстрекало ее нетерпение.

В конце концов, когда наверху послышались крики матросов, а ход корабля замедлился, Лиара уже была не в состоянии терпеть.

— Я пойду на палубу, — негромко сообщила она, накидывая на голову глубокий капюшон купленного в Алькаранке шерстяного плаща.

— Я с тобой, — кивнула Рада, подхватывая вещи и пропуская Лиару мимо себя к двери.

— Да там же дождь проливной, куда вы поперлись-то? — удивленно вскинула брови Улыбашка. — Вы сейчас за три минуты промокните до нитки и будете еще час топтаться на борту, пока они сгрузят наших лошадей и скинут сходни.

— Я уже не могу тут сидеть! — поморщилась Рада. — Так что предпочитаю мокнуть.

— Ну смотри, белобрысая, твое дело, — беззлобно пожала плечами Улыбашка.

Гномиха оказалась права во всем, кроме дождя. Он стал поменьше, теперь накрапывая бесконечной чередой мелких ледяных капелек, которые все-таки через полчаса промочили насквозь теплый плащ Лиары, заставив ее обхватить себя руками, чтобы сберечь последние остатки тепла. Только все это с лихвой компенсировалось видом, открывшемся их глазам сразу по левому борту «Быстрого».

Странный город раскинулся вдоль по берегу Тонила, и Лиара все смотрела и смотрела на него, и никак не могла взять в толк: то ли город это, то ли просто длинная пристань. Берег реки был искусственно углублен внутрь, образуя глубокую чашу, по краю которой шла полукругом длинная деревянная пристань, сложенная из ровных бревен, аккуратно подогнанных друг к другу. Возле нее были пришвартованы странные ладьи, совершенно не похожие на людские корабли, к которым привыкла Лиара. Они были узкими, длинными и легкими, с крутыми бортами, больше похожими на борта морских кораблей, с треугольным

парусом на одной единственной мачте в центре, с небольшой постройкой для команды на корме. Виднелось здесь и несколько людских речных кораблей, выглядящих странно громоздкими и неповоротливыми на фоне изящных ладей.

Вдоль всей пристани шел ряд высоких шестов, на каждом из которых висел большой масляный фонарь. Они горели даже сейчас, несмотря на то, что время только шло к обеду, но с реки напоздало густое море воды, и издали пристань можно было рассмотреть лишь по этим фонарям.

За пристанью расположились здания, сложенные из белого камня с изящными высокими двускатными кровлями. В каждом из них было не больше двух этажей, каждый стоял на небольшом расстоянии от другого, чтобы не возникало ощущение давки и тесноты. Напротив центральной части пристани располагалось большое здание из все того же белого камня. В нескольких окошках на верхнем этаже даже днем теплился свет, а над высоким крыльцом с кованными ажурными перилами по бокам лестницы болталась какая-то табличка. Лиара напрягла глаза и прочитала надпись: «На околице». Судя по всему, это тоже была гостиница, а название говорило о характере ее содержателя даже больше, чем вид. Естественно, околицей здесь могли называть Рамаэль лишь по сравнению с Иллидаром, а значит, гостиницу содержал Первопришедший.

Лиара пригляделась, но никаких приземистых зданий складов или городских кварталов не разглядела. Лишь пристань, несколько одиноко стоящих двухэтажных домиков и здание гостиницы. Все это тонуло в тени длинных ветвей плакучих ив, которые были здесь такими огромными и старыми, что буквально прятали под своими лапами дома и город. На одну такую иву, растущую у левого конца пристани, Лиара загляделась, не в силах отвести глаза. Дерево было столь огромным, что под густым куполом его кроны запросто поместился бы весь «Быстрый»; длинные ветви, сейчас безлистые, полоскались в бурных водах поднявшейся осенней реки.

Больше всего этот город походил на деревню или на пограничную заставу, но никак не на порт целого государства, ведущего активную торговлю с соседями вверх и вниз по реке.

— Нда, — хмуро протянула стоящая рядом с Лиарой Рада. Глаза ее шарили по берегу в поисках чего-нибудь привычного и ассоциирующегося с понятием «порт», но ничего не находили. — Интересно, у них хоть выпивка-то в этой гостинице есть? — только уверенности в ее голосе было гораздо меньше, чем сомнений.

Пристань стояла вымершей, пока «Быстрый» медленно и аккуратно подходил к ней по волнующейся из-за дождя реке. Никакой беготни матросов, никаких портовых грузчиков, купцов или попрошаек. Только когда «Быстрый» уже почти что вплотную причалил к толстым бревнам, из крайнего к реке двухэтажного дома вышли двое высоких Первопришедших в темных плащах, полностью скрывающих их фигуры, и направились к пристани. Лиара с любопытством разглядывала их. Эльфы были худыми, стройными, с непроницаемыми чертами вытянутых тонких лиц, волосами цвета покрытой изморосью пшеницы, концы которых выбивались из-под глубоких капюшонов. У самого борта корабля они разделились: один пошел в сторону носа, другой к корме. Перехватив брошенные людьми канаты, бессмертные с видимой легкостью подтянули корабль к берегу и укрепили канаты вокруг двух тяжелых чугунных тумб.

С отгрузкой лошадей возникла заминка. Пристань была устроена достаточно низко, чтобы удобно было приставать легким эльфийским ладьям, лебедек нигде видно не было, а достаточно длинных сходней для лошадей у Вилнея на судне не имелось. В конце концов,

недовольно кривя тонкие губы, эльфы принесли откуда-то сходни, и путники смогли свести лошадей по ним на деревянный настил пристани. Не проронив на прощанье ни слова, капитан развернулся к ним спиной и велел отчаливать.

После долгого времени, проведенного на борту, сушу под Лиарой странно покачивало, словно ноги искали и не находили постоянного танца волн под бревнами. Улыбашка за ее спиной позеленела, но всеми силами пыталась скрыть это, натянув на лицо маску безразличия. Рада тоже хмурилась и крепко сжимала зубы. Видимо, мутило здесь не одну Лиару.

Эльфы, что помогали швартоваться, двинулись навстречу Алеору. Один молча заложил руки за спину, разглядывая путников, другой негромко представился:

— Мое имя — Даэнор Латаан. Добро пожаловать в порт Рамаэль, князь Ренон, господа. — Его ничего не выражающий взгляд обежал их всех, не останавливаясь ни на ком, но подмечая все детали и раскладывая их в уме по полочкам. Лиаре показалось, что на ней его взгляд задержался чуть дольше обычного, но, возможно, это было и не так. — Могу ли я узнать, надолго ли милорд собирается задержаться в Рамаэле? Нужны ли ему комнаты и припасы?

— Мне нужны комнаты, — кивнул Алеор. Держал он себя скованно и точно так же неэмоционально, как Латаан. — Как минимум, на пять дней. Что касается остального, то я дам распоряжения позже.

— Как угодно будет князю, — кивнул тот, разворачиваясь к гостинице. — Прошу вас следовать за мной.

Под непрекращающимся мелким дождем он повел путников по мокрым бревнам пристани к гостинице. Второй эльф, бросив на них долгий взгляд, направился куда-то в сторону эльфийских ладей, и Улыбашка, не спуская с него глаз, негромко проворчала:

— Смотри-ка, докладывать побежал, кто приехал.

— Естественно. Визит князя Ренона — достаточное событие, чтобы об этом немедленно было доложено Владыке Себану, — не поворачивая головы, сообщил идущий впереди Латаан.

Улыбашка удивленно округлила глаза, да и Лиара поежилась, разглядывая широкую спину эльфа. У нее-то самой слух был прекрасный, но Улыбашка говорила достаточно тихо, чтобы даже на расстоянии одного шага услышать ее можно было с трудом. Хорошо еще, хоть крепкого словца не прибавила, — подумалось ей. Алеор обернулся через плечо и бросил на гномиху выразительный взгляд, в ответ она тяжело вздохнула и насупилась.

В общей зале гостиницы было сухо и тепло. И тихо, так тихо, что слышно было, как тикают над камином большие настенные часы. Слегка пахло травами и цветами, которых здесь было превеликое множество: в горшках и ящиках с землей вдоль стен были расставлены самые разнообразные цветы и плющи, множества из которых Лиара ни разу в жизни и в глаза не видела. Плющи карабкались по стенам, обшитым панелями из светлого дерева, распускали разноцветные бутоны, источающие нежный аромат даже в такую погоду. Уютно потрескивало пламя в камине, на круглых столиках из светлого дерева стояли большие масляные лампы, с разноцветными стеклышками, преломляя исходящий оттуда свет и пятная столешницы мазками алого, синего, зеленого, желтого. Сейчас в общей зале сидел лишь один угрюмый мужчина, уткнувшийся в большую кружку и бросивший короткий взгляд на вошедших.

Лиаре вдруг подумалось, что в этом городе, должно быть, и жителей-то было всего

человек двадцать, не больше. Слишком уж тихим он выглядел, слишком крохотным для большего количества.

Латаан прошел напрямик через зал, отбрасывая с головы намокший от дождя капюшон. Ничего не произошло, он не издал ни звука, но Лиара ощутила что-то: словно бы невидимую волну в воздухе, дрожание самого пространства. Через несколько мгновений дверь в глубине помещения открылась, и оттуда вышел еще один эльф, одетый в мягкий серый бархатный камзол, спускающийся почти что до его колен двумя тонкими свободными клиньями. У этого эльфа были пепельные волосы и спокойные серые глаза. Зрачки его лишь на миг расширились, когда он взглянул на Алеора и его компанию, но больше никак своих чувств он не выдал, спокойно направляясь навстречу Латаану. Лиаре подумалось, что та странная рябь пространства была, скорее всего, чем-то вроде сигнала, что хозяина требуют в общей зале.

— Доброго дня, князь Ренон, господа и дамы, — хозяин гостиницы лишь едва заметно склонил голову в качестве приветствия. — Добро пожаловать в гостиницу «На околице». Мое имя Элавин Гиэлат, и я готов предоставить вам кров, горячую еду и лучшие вина по вашему выбору.

— Благодарю, — коротко бросил Алеор. Ни его голос, ни его лицо не выражало ни единой эмоции. — Мне нужно пять комнат для меня и моих спутников, горячая ванна и ужин. Мы планируем задержаться здесь как минимум на пять дней. О своих дальнейших планах я сообщу вам завтра утром.

— Князь посетил нас с дипломатическим визитом? — глаза Гиэлата на миг сверкнули, когда он буквально мазнул взглядом по Лиаре, но она почувствовала, что речь идет о ней. Каким образом она со всем этим связана, Лиара не поняла, однако речь совершенно точно шла о ней.

— Нет, я здесь как частное лицо, — сухо ответил Алеор.

— Что ж, тогда прошу за мной, князь, господа и дамы, я покажу вам ваши комнаты, — Гиэлат слегка отступил на шаг, указывая на витую деревянную лестницу в углу помещения, ведущую на второй этаж.

— Со своей стороны, князь, прошу вас известить меня, как только вы достаточно отдохнете, чтобы решить, когда и куда собираетесь поехать, — проговорил Латаан, и Лиара почти физически ощутила напряжение Алеора.

— Непременно, — процедил он сквозь зубы и первым зашагал следом за Гиэлатом к витой лестнице.

===== Глава 52. Цветы весны =====

Витая лестница привела их на второй этаж гостиницы. Здесь было непривычно тихо: резные двери из светлого дерева плотно закрыты, как и окна в противоположных концах жилого коридора, по которым медленно стекал дождь. Под потолком висел ряд зажженных масляных фонарей на красивых кованых цепях, и темно здесь не было.

Гиэлат отвел их в самый конец коридора и показал пять комнат, располагающихся рядом. Лиара почувствовала легкий укол грусти: ей так хотелось поселиться в одной комнате с Радой, но она сразу же укорила себя. Сейчас она отправится в Иллидар, искать свою мать, на то, чтобы побыть здесь с Радой времени у нее явно не будет.

К ее удивлению, когда Гиэлат отправился вниз по лестнице, к Лиаре шагнул Алеор и кивком головы указал ей на дверь ее комнаты.

— Пойдем, Светозарная, мне нужно перемолвиться с тобой парой слов.

Лиара еще успела поймать удивленный и при этом насупленный взгляд Рады, но Алеор

уже отпер дверь в комнату Лиары и пропустил ее вперед.

Комната была небольшой, но очень светлой. Высокие окна выходили на длинный резной балкон, сейчас плотно закрытый, белые прозрачные занавески мягко спадали на пол. В углу стояла широкая кровать из светлого дерева, маленький изящный столик на тонкой ножке с двумя плетеными креслами у окна, с другой стороны комнаты высокий платяной шкаф и умывальник, подвешенный к стене. Полы устлала мягкие циновки, наполняющие комнату сладковатым приятным ароматом. На столе стояла незажженная масляная лампа и кувшин с прозрачной водой. Лиаре с первого взгляда понравилась комната: изысканная, легкая и уютная, и даже грустно стало оттого, что пожить в ней какое-то время ей не удастся. Во всяком случае, сегодня. Но завтра я уже вернусь сюда и смогу хоть немного отдохнуть. После душевой каюты «Быстрого» это помещение казалось едва ли не дворцом.

Алеор плотно прикрыл за ней дверь, небрежно скинул свои пожитки на пол у стены и повернулся к Лиаре.

— Думаю, ты обратила внимание на этих сующих повсюду нос ищек, не так ли? — Лиара кивнула, только потом сообразив, что он имеет в виду Латаана и его приятеля. — Меня давно уже не было в этих краях, не говоря уже о том, что меня здесь не слишком-то любят и ждут. В связи с этим, я должен тебя предупредить. — Вид у Алеора был угрюмым, холодные глаза тяжело смотрели на Лиару. — Скорее всего, как только ты пройдешь за Мембрану, если не сразу же, как ты выйдешь из гостиницы, к тебе приставят соглядатая, который будет очень внимательно следить за каждым твоим движением и каждым оброненным словом. Поверь мне, в том, что ты будешь говорить и делать, они найдут тысячи скрытых смыслов и тайн, которых ты в это вовсе не вкладывала. Потому я должен предупредить тебя еще раз: ни слова о том, куда и зачем мы идем. Ни единого слова.

— Хорошо, Алеор, я ничего не скажу, — кивнула немного сбитая с толку Лиара. — Только я одного не понимаю: почему ты скрываешь это даже от речных эльфов? Ведь они могли бы оказать тебе помощь в твоём путешествии, в том, что ты задумал.

— Я сам выбираю, кто мне будет помогать, — поморщился Алеор. — Мне не нужны наблюдатели за плечом и бесконечные мудрые советы о том, что делать стоит, а чего нет. — Несколько мгновений он колебался, потом добавил: — Если бы я не знал, что ты действительно ничего не помнишь, что ты уж совершенно точно не являешься их шпионом, я бы и тебя не взял в этот поход. Пойми, Светозарная, Речной Дом и Лесной Дом находятся в крайне странных дипломатических отношениях. Это можно было бы назвать войной, если бы пролилась хотя бы капля крови, но это не так. Так что как только ты сделаешь шаг на землю Иллидара, тебя сразу же окружают те, кто хотел бы использовать тебя против меня.

— Никто не сможет меня использовать, — нахмурилась Лиара, чувствуя раздражение и усталость. С каждой секундой ей все меньше и меньше хотелось в столицу Речного Дома. Она посмотрела на Алеора, постаравшись вложить в свой взгляд как можно больше уверенности и искренности. — Алеор, я здесь не для того, чтобы вмешиваться в твои дела или в политику. Я просто ищу свою мать, и как только я получу от нее все ответы, я сразу же вернусь обратно.

— Ты можешь хотеть этого или не хотеть, а тебя все равно заставят играть по их правилам, — эльф криво усмехнулся. — Я верю тебе и в тебе не сомневаюсь, но обстоятельства могут сложиться самым неожиданным образом. Со своей стороны я обещаю вытащить тебя оттуда в случае непредвиденной ситуации, обещаю, что никуда мы без тебя не уйдем. Твоя помощь очень пригодится нам там, куда мы идем, хоть я и не ожидал твоего

присутствия, когда планировал поход. Но теперь все изменилось, и ты будешь нужна нам. Так что постарайся как можно скорее вернуться обратно в Рамаэль, как только закончишь свои дела.

— Алеор, да я мигом обернусь! — честно пообещала она. — Может, уже сегодня вечером вернусь обратно. Только найду мать и сразу же назад.

— Ты забываешь о том, что за Мембраной время течет иначе, — вздохнул эльф. — Если я правильно помню, в случае Речного Дома счет идет один к пяти. Сколько бы ты там ни пробыла, здесь пройдет в пять раз больше времени. Я очень надеюсь, что больше пяти дней мы тебя не прождем.

— В пять раз быстрее? — пораженно заморгала Лиара. Внутри разлилась тревога. Это что же, получается, они с Радой разлучатся так надолго? Но ведь она думала...

— Да, — кивнул Алеор. — Если повезет, и они не задержат тебя там, то мы выступим отсюда в течение недели. Если нет... Что ж, тогда я что-нибудь придумаю. Просто помни о том, что время здесь течет медленнее, помни, что задерживаться тебе не стоит.

— Хорошо, — растеряно кивнула Лиара, чувствуя все нарастающую тревогу. Все складывалось совсем не так, как она ожидала, совсем не так.

— И вот еще что. Ни слова про Сагаира, — Алеор тяжело взглянул на нее. — Я знаю, слухов уже не удержать. О битве в море они, скорее всего, уже знают, так что попытаются разузнать подробности. Ты можешь рассказать все, кроме того, кто такой Сагаир. Можешь даже сказать, что Рада действительно моя сестра, если будут спрашивать, но про Сагаира — ни слова. На стороне Сета дрался какой-то человек, он был очень силен, но больше тебе про него ничего не известно. Во время битвы ты потеряла сознание, и никаких подробностей не знаешь. А если им угодно что-то спросить, то пусть спрашивают меня. Договорились?

— Договорились, — кивнула Лиара, глядя на него и лихорадочно соображая.

По всему выходило, что ее визит в Иллидар превращался из возможного радостного воссоединения с давно потерянной семьей в крайне опасное предприятие, где никого из друзей не будет рядом, чтобы поддержать ее. Видимо, эти чувства отразились у нее на лице, потому что глаза Алеора смягчились, и он легонько сжал ее плечи:

— Ничего не бойся, Светозарная, ты не сделала ничего дурного и к политике никакого отношения не имеешь. Прикинься дурой, в конце концов, не понимающей что к чему, отсылай всех любопытствующих ко мне, тверди, что ты не в курсе событий, и они не станут долго тебя удерживать. Если же вдруг выяснится, что ты родом из знати, и кому-нибудь придет в голову светлая мысль тащить тебя знакомиться к Владыке Себану, держи под контролем свои мысли и будь очень внимательна, чтобы он не смог почувствовать твое сомнение и колебание. И все будет хорошо.

Последние слова эльфа должны были успокоить Лиару, но они вызвали совершенно обратный эффект, и когда за Алеором закрылась дверь, Лиара только глубоко вздохнула и приложила руку ко лбу. Последнее, чего бы она в жизни хотела, — лезть в политику, и сейчас именно это с ней и делали, насильно запихивая ее в распри между двумя Домами эльфов. Кану Защитница, помоги мне! Помоги не вызвать чужого внимания и поскорее вернуться к Раде! Ты же знаешь, это единственное, чего бы мне хотелось в жизни.

В дверь постучали, и она развернулась на звук, негромко проговорив:

— Войдите!

Резная дверь приоткрылась, и внутрь просунулась златоволосая голова Рады. Ее волосы уже отросли, мокрыми после дождя космами падая ей на лицо, и вид у нее был какой-то

неуверенно-перепуганный.

— Все в порядке, искорка? Я могу войти?

Даже несмотря на все переживания, обрушившиеся на нее за последние дни и щедро сдобренные предупреждениями Алеора, сердце в груди болезненно сладко сжалось. Она кивнула, всем телом чувствуя эту комнату, мягкие занавески, стекающий по стеклу дождь, и Раду, с которой они наконец-то были здесь совершенно одни.

Прикрыв за собой дверь, Рада неуверенно шагнула в комнату и затопталась на одном месте, бросив быстрый косой взгляд на кровать. Лиаре отчего-то вдруг стало очень жарко, при том, что комната не была протоплена загодя.

— Ты выглядишь расстроенной, — замешательство на лице Рады сменилось тревогой, и она сделала шаг вперед, неуверенно протянув руку к Лиаре. — Что-то случилось? Алеор сказал тебе что-то неприятное?

— Рада, я... — Лиара вдруг ощутила себя такой маленькой, такой беззащитной. Ноги сами понесли ее вперед, и она почти застонала от наслаждения, когда горячие руки Рады обняли ее и прижали к себе. От ее одежды пахло дождем, щекой Лиара уткнулась в ее отсыревшую куртку, да и с плаща несколько капелек воды холодными иголочками скатились прямо на лицо. Но наградой всему были теплые ладони Рады, обнявшие так крепко, так нежно, что сердце вмиг растаяло и горячей волной побежало по венам. — Он сказал, они попытаются впутать меня в политику и вызнать что-то о нем, — приглушенно призналась она Радиному плечу. — Сказал, что время за Мембраной течет в пять раз быстрее, а это значит, что тебе придется ждать меня так долго!

Над головой ей почудился теплый грустный смешок Рады, и ее голос успокаивающе произнес:

— Ничего страшного, искорка! Я буду ждать тебя хоть всю жизнь! — Лиара оцепенела от этих слов, зажмурившись и переживая их каждой клеточкой своей души, а Рада, словно смутившись, добавила: — И никто не сможет впутать тебя ни в какую политику. Просто скажи им, что ты ничего не знаешь, и возвращайся ко мне скорее.

— Я совсем не хочу никуда от тебя уходить, — тихо проговорила она. После стольких недель молчания говорить это вслух было тяжело, слова буквально обжигали ее горло. Но и хорошо, вместе с тем, так правильно. Она еще крепче прижалась к плечу Рады, закрывая глаза и наслаждаясь тем, как нежно скользит в ее кудрях теплая мозолистая ладонь. — Я знаю, что это глупо, и что я так долго ждала встречи с матерью, но сейчас я не хочу никуда. Я хочу остаться здесь, с тобой.

— Я знаю, маленькая, — срывающимся хриплым голосом ответила Рада.

На них обеих вновь пала эта золотая тишина, заглушившая все звуки, отгородившая от них все шепоты мира невидимой стеной. Едва слышно шуршал за окнами дождь на мокрых ветвях поникших к зиме деревьев, барабанил по подоконнику и стеклу. Где-то завывал ветер, где-то холодные волны реки вздувались под его порывами, недовольно перекатываясь и ворча. Но здесь они были одни, вдвоем, и никого больше в этой тишине, вязкой, будто патока, уютной, как долгожданное тепло потрескивающего камина.

— Лиара, — вдруг тихонько позвала Рада, и сердце в груди ёкнуло. Облизнув вмиг пересохшие губы и не думая ни о чем, Лиара медленно отстранилась и взглянула ей в глаза. Рада смотрела на нее, смотрела так глубоко в нее, что от этого все тело звенело и пело, готовое взорваться тысячами солнечных лучей. Губы Рады дрогнули, и она тихо-тихо проговорила: — Я так давно хотела сказать тебе это. — Весь мир на миг замер и перестал

дышать, и в этой тишине глухо прозвучали слова Рады, идущие из самой глубины ее сердца. — Я люблю тебя, моя маленькая певчая птичка, моя самая яркая искорка на всем небосводе. И я буду ждать тебя столько, сколько нужно, лишь бы вновь увидеть, как ты улыбаешься.

Лиара только выдохнула, чувствуя невыносимую, невероятную нежность, такую пронзительную и тихую, что слезы сами хлынули из глаз. А потом Рада наклонилась и поцеловала ее, и это было неопишимо, так нужно, так нежно, так дорого. Ее горячие губы сводили с ума, они были такими мягкими, такими сладкими, что Лиара почувствовала, что плачет, крепче обнимая ее за шею и изо всех сил жмурясь, словно боясь, что это счастье сейчас исчезнет.

— Ну что же ты, что же ты плачешь, родная? — шептали губы Рады, сцеловывая слезы с ее ресниц, щек, покрывая невесомой сетью поцелуев все ее лицо. — Не надо плакать, зоренька моя рассветная, самая золотая, самая нежная! Все же хорошо!

— И я люблю тебя! — выдохнула Лиара, чувствуя, как в этот миг вся земля вдруг накренилась под ее ногами. Что-то раскрылось внутри, развернулось, распустилось одним огромным золотым цветком, и ее губы сами принялись целовать лицо Рады без разбора, взахлеб, так, как бесконечно хотелось все эти невыносимо долгие дни в окружении чужих людей. — Люблю тебя! — твердила она, изо всех сил сжимая в ладонях ее мокрую косматую голову. — Люблю тебя! — шептала она, щекой прижимаясь к ее щеке, вжимаясь в нее так крепко, как только можно было. И золото внутри пело, танцевало, горело, в его сиянии таяли, бледнели и уходили прочь все ее тревоги и страхи, не оставив после себя даже слабой тени.

Этот сияющий миг длился долго, так долго, что пролетел, будто одна секунда. Они все так же стояли посреди комнаты, и руки Рады все так же надежно и тепло обнимали ее за спину, и глаза ее горели двумя загадочными звездами на темном небе, такими яркими, что в их свете Лиаре хотелось раскинуть руки и танцевать, танцевать без конца, так чтобы босые ноги и не касались росистой травы, так чтобы ветер летел вместе с ее волосами и тысячами крохотных цветочных лепестков, унося их куда-то далеко, к самому разгорающемуся первой зарей небу.

И также нежно этот миг кончился, затихнув между ними, улегшись где-то на глубине их сердец, как мягкий утренний туман.

Рада смотрела на нее и вдруг рассмеялась, совсем как девчонка, так светло, так звонко, и Лиара засмеялась вместе с ней, захлебываясь от этого бесконечного счастья.

— Мне давным-давно уже надо было сказать это тебе, — тихо проговорила Рада, глядя на нее. — Только сначала я, дура, ничего не понимала, потом был Сагаир, потом это плавание с кучей матросов, лишними людьми...

— Тише, — Лиара приложила ладошку к ее губам, и Рада, прикрыв глаза, с нежностью поцеловала самые кончики ее пальцев. — Не говори ничего, — попросила она, прижимаясь к ее груди и закрывая глаза, наслаждаясь ее теплом и стуком ее сердца, таким надежным, таким родным. — Просто побудь со мной еще вот так, поддержи меня в своих ладонях. Я хочу еще несколько минут этого, прежде чем уходить.

— Хорошо, маленькая, — тихо проговорила Рада, и ее ладонь вновь принялась поглаживать ее по затылку, успокаивающе и мягко. — Все будет, как ты захочешь.

Только теперь печаль от необходимости уезжать вернулась с новой силой, терзая сердце гораздо пуще прежнего. И это было так больно, так несправедливо, так тяжело! Лиара

украдкой сморгнула вновь выступившие на глазах слезы, надеясь, что Рада не заметит этого. Но плечи у нее дрогнули, выдав ее с головой, и Рада крепче обняла ее, прижимая к себе и тихонько зашептав на ухо:

— Не нужно плакать, искорка моя, самый яркий мой огонек! Ты уедешь совсем ненадолго, ты узнаешь все то, что так давно стремилась узнать. А потом, обещаю тебе, мы уже не разлучимся с тобой никогда. Мы пойдем за Семь Преград, и еще дальше, в те горы, о которых ты все время твердишь. Мы узнаем все на свете, все поймем, и ты будешь писать тысячи песен, самых красивых песен на свете, а я всегда буду рядом с тобой, чтобы никакая беда и тревога тебя не коснулась. Так и будет, маленькая моя, я обещаю тебе! Теперь все будет хорошо!

— Теперь все будет хорошо, — тихо повторила Лиара, всей собой вдыхая ее запах. — С тобой. Наконец-то с тобой.

Сейчас ей казалось, что тысячи дорог лежали где-то за порогом этой маленькой комнаты с мягкими белыми занавесками и шуршащим по стеклу дождем. Тысячи дорог, что она уже преодолела на пути в эти руки, самые нужные, самые надежные, самые родные и такие долгожданные руки, тысячи дорог, что только ждали ее впереди. Вот только эти пути уже не пугали ее. Теперь все переменилось, и Лиара знала, что никогда ни на одной из этих дорог, какой бы дальней, тяжелой, темной она ни была, она не будет одна. И что эти руки, с такой бережностью держащие ее в своем кольце, никогда не разожмутся и не отпустят ее, что нет никакой силы в мире, которая могла бы заставить их разжаться. Это знание жило в ней, оно наполняло все ее тело до самой последней кудряшки, оно наполняло всю ее душу, и от него хотелось то ли плакать, то ли смеяться.

— Самое простое чудо на свете, — тихонько прошептала Лиара, и Рада вновь едва слышно усмехнулась рядом.

— Да, моя искорка, самое простое и самое чудесное, — проговорила она, и в ее голосе Лиара слышала улыбку.

Они постояли так еще немного, совсем чуть-чуть, ставшие одной нежностью на двоих, одной любовью, связанные и слитые ею на этот короткий миг где-то посередине огромного мира, застывшего между двумя упавшими с неба теплыми капельками дождя. Затем Лиара слегка отстранилась, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони, и неуверенно улыбнулась Раде:

— Я вернусь так быстро, что ты не успеешь даже заметить, что меня не было, мое сердце! Обещаю тебе, я вернусь быстрее ветра!

— Хорошо, маленькая, — теплая шершавая ладонь легла ей на щеку, и Лиара прижалась к ней, прикрыв глаза и всем телом впитывая ее тепло. Рада улыбалась, и ее большой палец мягко-мягко гладил бровь Лиары, чуть ероша ее в неправильную сторону. — Я буду ждать тебя здесь, и ты совсем скоро вернешься. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — Лиара открыла глаза, глядя на нее и чувствуя пронзительное золотое копье, насквозь пробившее ее тело. — Я люблю тебя, Рада!

Потом они снова целовались, не в силах оторваться друг от друга даже на миг, и это было такое счастье, такое звенящее счастье, полное горечи расставания. В конце концов, Лиара все-таки приказала себе вырваться из ее рук, растирая по щекам мокрые дорожки слез, и серьезно кивнула сама себе:

— Я пойду. Чем быстрее это закончится, тем быстрее я снова буду с тобой.

— Как скажешь, искорка, — Рада отступила в сторону и подхватила с пола ее сумку с

самым необходимым, оставив седельные сумы с одеждой и остатками припасов лежать на полу у стенки. И это было правильно: Лиаре хотелось, чтобы часть ее вещей осталась здесь, в этой комнате, как доказательство того, что совсем скоро она сюда вернется.

Вдвоем они спустились по узкой винтовой лестнице вниз, в общую залу гостиницы. Почему-то Лиара совсем не удивилась, увидев, что на высоком барном стуле возле стойки сидит, потягивая подогретое вино из кружки, Латаан. То ли он не уходил и ждал ее здесь, то ли только что вернулся, Лиаре было все равно. Раз уж он знал, что ее нужно дожидаться, значит, Алеор был прав. В политику они все равно ее впускают, хочет она того или нет. Только теперь Лиара была готова к этому. Самые сокровенные слова, которых она так ждала, уже прозвучали, и она почти чувствовала, как эти слова окружили ее непроницаемым золотым щитом, отгородив от всего мира и сделав неуязвимой. Она со мной, Великая Мать, и ты со мной. Разве что-то может мне угрожать теперь? Разве что-то может меня остановить от возвращения к ней?

Лиара подошла к Латаану, не спускавшему с нее взгляда, и остановилась прямо перед ним.

— Я бы хотела попасть в Иллидар и как можно скорее, — уверенно проговорила она, отстраненно удивляясь тому, как спокойно звучит ее голос. — У меня есть дело в столице Речного Дома.

— Я перевезу вас, — кивнул эльф, сделал последний глоток из чашки с отваром и поднялся с места.

Он был гораздо выше Лиары, наверное, такой же высокий, как Алеор, но сейчас это нисколько не пугало ее. Не обращая внимания на пристальный взгляд, которым одарил ее полирующий полотенцем стаканы за стойкой Гиэлат, Лиара направила теплую ладонь Рады и сжала ее. Вдвоем они вышли из гостиницы в серую морось наползающей зимы.

Рада молча шла рядом, крепко держа ее ладонь и одним своим присутствием вселяя в нее уверенность. Латаан шагал впереди, не оборачиваясь и не говоря ни слова, будто все, что сейчас происходило, было для него самым обычным делом. Они дошли до пристани, отошли немного правее по скользкому бревенчатому настилу, и эльф легко прыгнул вниз с пристани прямо в привязанную к швартовочной тумбе ладью. Ладья была совсем маленькой, даже без кабинки на корме, чуть крупнее обычной лодки. В ней лежали весла и какие-то свертки, которые эльф принялся вытаскивать из-под простого деревянного сиденья на корме.

Лиара обернулась к Раде, чувствуя звенящее в груди печалью чувство потери.

— Иди, искорка, — тихонько проговорила та, улыбаясь и уверенно пожимая ее руку. — Иди, ты совсем скоро вернешься ко мне.

Эльф нарочито не смотрел на них, но даже если бы и смотрел, Лиаре было все равно. Привстав на мыски, она еще раз поцеловала Раду и тихо-тихо прошептала ей в самые губы:

— Я люблю тебя!

Рада только кивнула, улыбаясь. Вид у нее был слегка напряженный, может, из-за присутствия рядом Латаана, а может, из-за прощания. Она аккуратно поддержала Лиару, пока та спускалась в лодку, передала ей ее сумку с вещами.

— Я отвяжу, — Рада махнула рукой Латаану, севшему на весла, и быстро размотала канат, которым ладья крепилась к швартовочной тумбе.

Латаан оттолкнулся веслом от пристани и аккуратно вставил его в уключину, когда лодка закачалась на волнах. Лиара обернулась, глядя на стоящую на причале Раду. Капюшон

ее был откинут, и по золотым волосам на лицо стекали тонкие струйки воды. Лиара не смогла бы сказать, не прятались ли под этими струйками слезы.

Однако, как бы ни плакало ее собственное сердце, как ни рвалось обратно к Раде, а путь ее лежал на север, в Иллидар. Ты же сказала, что будешь учиться защищать себя самостоятельно, чтобы быть достойной стоять рядом с ней. И сейчас у тебя впервые появился шанс доказать это. Вот и доказывай, а не нюни распускай! Махнув еще раз на прощанье рукой, Лиара заставила себя отвернуться от Рады и сразу же поймала на себе холодный, словно прорубь, взгляд льдисто-синих глаз Латаана. Цвет у них был таким блеклым, что они казались почти белыми, и Лиара поежилась под плащом, чувствуя себя не на своем месте. Взгляд эльфа, казалось, буравил ее сердце, пытаясь выведать, вынюхать, вытянуть из нее все, что только можно было, о ней самой и ее спутниках.

— Если вы продрогли, можете накинуть плащ, — Латаан кивнул на сверток, который извлек из-под простой деревянной лавки, на которой сейчас сидела Лиара. — В нем никакой дождь не будет для вас проблемой.

— Благодарю, — отозвалась Лиара, порадовавшись, что ее жест эльф принял за признак того, что она замерзла.

Аккуратно размотав сверток, она достала из него серый плащ из мягкой, перетекающей ткани, почти что тающей в руках. Плащ был легким, словно листок березы, а ткани, из которой он был сшит, Лиара не знала, но когда она накинула его на плечи, моментально стало теплее. А капли дождя, что должны были сразу же промочить почти прозрачный плащ, лишь стекали по нему вниз, тихонько шурша.

— Как ваше имя? — спросил Латаан. Лиара подняла на него взгляд: эльф сидел напротив нее на точно такой же деревянной скамье и равномерно загребал двумя длинными тонкими веслами. Гребки были мощными, лодку сильно выталкивало вперед, однако в эльфе не было видно никакого напряжения. С тем же успехом он мог бы подносить ко рту чашку с горячим чаем. Его глаза вновь цепко пробежались по Лиаре. — Я бы не стал утверждать, что знаю всех Первопришедших Иллидара: все-таки кое-кто путешествует во внешнем мире, кто-то никогда его не покидал или даже не выходил из дворца, однако почти все его жители мне известны в лицо. Вас же я вижу в первый раз.

— Меня зовут Лиара Морин, — негромко ответила она, подбирая слова. Ничто не изменилось в лице эльфа, он и не слышал будто никогда такого имени. Лиара продолжила, следя за его реакцией: — Я воспитывалась в Мелонии, в сиротском приюте в городе Деран, провинции Карамон, в течение последних десяти лет. Когда я стала достаточно взрослой по людским меркам, чтобы его покинуть, то решила отправиться на поиски своей матери.

— В компании Светлейшего князя Лесного Дома Ренона? — голос эльфа был абсолютно ровным, но Лиаре буквально почудилась тень насмешки, скрывающаяся за бесстрастным взглядом Латаана.

— Да, именно так, — кивнула она, решив, что лодочнику этой информации вполне хватит. Если Алеор был прав, и ее действительно будут допрашивать какие-либо представители знати, тогда она расскажет и побольше. Но этому эльфу говорить больше необходимого она не собиралась.

— Странную компанию вы выбрали для себя, Лиара, — заметил Латаан. Глаза его скользнули ей за плечо, туда, где на причале стояла Рада. Лиара знала, спиной чувствовала, что та еще не ушла в гостиницу, провожая взглядом уплывающую лодку. — Князь Ренон не слишком часто навещается в Мелонию, что же касается Радаэль Киер... — Он помолчал,

обдумывая что-то, едва заметно поджал губы.

— Вы можете посоветовать мне, откуда начать поиски? — Лиара прямо взглянула ему в глаза, игнорируя вопрос. Эльф вновь поджал губы, на этот раз уже демонстративно, и только затем нехотя ответил:

— Ваше имя ничего мне не говорит, но ваша внешность кое-кого напоминает. Думаю, вам следует напрямик отправиться во дворец Владыки. Именно там обитает женщина, на которую вы несколько похожи. Ее имя Аваиль Элморен. — Помолчав, он добавил: — Вполне возможно, что это даже не совпадение, и вы действительно рассказали мне правду о себе, Лиара.

— Зачем я стала бы вам врать? — холодно вздернула она бровь, чувствуя раздражение, исходящее от Латаана и смешивающееся с ее собственным. Судя по всему, Первопришедшие были еще хуже людей: одно дело — ненавидеть чужих, и совершенно другое — своих собственных соплеменников.

— А зачем Первопришедшей путешествовать в компании Светлейшего князя Ренона? — губы эльфа скривились в неприятной улыбке.

Несколько секунд Лиара смотрела в его блеклые, почти белые глаза, чувствуя себя так, словно сейчас вскипит от ярости. Ей не нравился ни этот эльф, ни его манера общения, ни его подозрения. По правде говоря, он вел себя даже беспардоннее Равенны, всеми силами пытавшейся снискать ее расположение в первые дни на борту «Блудницы». И если уж пиратке Лиара этого не спустила, то и перед этим лодочником точно пасовать не собиралась. Я не сделала ничего плохого, в этом Алеор был совершенно прав. И я не позволю кому-то обращаться со мной, будто я яблоко на базаре стянула!

— Об этом вы сможете расспросить мою мать, когда я ее найду, — тихо проговорила Лиара, изо всех сил не отводя взгляда от эльфа, хоть ей и было физически больно и неприятно смотреть ему в глаза. — Думаю, этот вопрос станет особенно актуальным, если она действительно обитает во дворце Владыки.

Усмешка никуда не делась из холодных глаз Латаана, но на миг в них промелькнуло сомнение. Решив, что этот раунд остался за ней, Лиара завернулась в плащ, поплотнее запахивая его полы и из-под капюшона разглядывая окружающий вид на реку. Она уже достаточно наигралась в гляделки с проклятым пограничником, чтобы продолжать этот бессмысленный разговор, и теперь следовало бы осмотреться и понять, куда же он ее везет.

На первый взгляд, вокруг не было ничего, кроме холодной стальной воды. Недовольно вздыбливающиеся волны покрывала мелкая рябь от сыплющего на голову дождя. Река тянулась вокруг, очень широкая в этом месте, почти такая же широкая, как дельта Тонила у Аластара, где они распрощались с Равенной. Только впереди из воды поднималось толстое дубовое бревно, наверху которого тускло мерцал маленький масляный фонарик.

Лиара удивленно сощурилась. Бревно торчало из воды на высоту не больше полутора метров, и в шторм волны, скорее всего, захлестывали его с верхом. Да и сейчас река не была спокойной, и пенистые гребни разбивались об основание бревна, рассыпаясь брызгами, словно жадными когтистыми лапами пытаясь достать фонарь. Но тот горел, тускло и равномерно, будто и не масло было внутри. А что же тогда? — задумалась сбитая с толку Лиара.

Приглядевшись, она увидела и другие такие же бревна, поднимающиеся из воды ниже по течению справа и слева от первого. На каждом из бревен горел фонарь, а все вместе эти импровизированные речные маяки образовывали громадный клин, вдающийся в реку,

который все расширялся и расширялся по мере их приближения, в конце концов, оставляя лишь два узких рукава вдоль самого берега реки, где могли пройти суда.

Воспоминания заворочались в ее голове, и Лиара удовлетворенно кивнула сама себе, сообразив, что это такое. Вспомнилось, как «Быстрый» перед швартовкой, резко забирая вправо. Хотя для глаз смертных Иллидар и не был виден, надежно укрытый Мембраной, какое-то место в пространстве он занимал, а потому со всех сторон эльфы огородили свой город горящими маяками, чтобы какой-нибудь капитан сослепу не врезался носом прямо в Мембрану. Ей стало любопытно, что будет, если это произойдет? Расшибется ли корабль в лепешку прямо о невидимый барьер, или просто будет мягко отпихнут прочь? Взгляд пополз на лодку, в которой они плыли. Коли эта лодка пройдет сквозь Мембрану, то может сквозь нее пролететь и корабль? А вот матросов всех сошвырнет прочь с палубы, и они попадают в воду, ударившись о преграду, или нет? И что будет, если кто-то из них в момент столкновения окажется в трюме? Если корабль пройдет Мембрану, а человек в трюме ее пройти не может, то как же...

— Аккуратно, Лиара, приготовьтесь, — предупредил ее Латаан, и она, спохватившись, вывернула глаза, чтобы успеть посмотреть на то, как выглядит Мембрана со стороны. До столба с фонарем осталось не больше пяти метров пространства.

Для вывернутых глаз весь мир выглядел иначе, а прямо перед ними возникла громадная стена. Лиара едва не охнула, когда попыталась проследить ее взглядом вверх, до самого купола, который насквозь протыкал толстый слой серых облаков и уходил еще дальше, за них. Стена светилась, переливалась всеми цветами радуги, они пробегали по ее густой, вязкой, но при этом гладкой как стекло эфирной поверхности, смешиваясь, меняясь. Нос лодки преодолел торчащее из воды бревно, воткнутое прямо в трех метрах перед сверкающей стеной, и со следующим гребком Латаана, лодка прыгнула вперед и коснулась носом Мембраны.

Лиара затаила дыхание, когда Латаан сделал еще один гребок, и лодка вместе с ними обоими вошла в Мембрану. На один короткий удар сердца, растянувшийся в целую вечность, все ее тело обхватила прохлада, буквально напитав каждую клетку тела и выдавив из груди весь воздух, а в следующий миг пространство вздулось вокруг нее пузырем и выплюнуло ее на другую сторону Мембраны.

От неожиданности Лиара задохнулась и сразу же зажмурилась от яркого света. Тысячи запахов наполнили ноздри, тысячи красок расцвели вокруг, и это случилось так резко, что она не сдержала вздоха.

— Возможно, вы и правда не были здесь никогда, — тихо заметил Латаан, но Лиара уже не слушала его. Широко открытыми глазами она смотрела вперед, смотрела и не могла поверить в то, что видели ее глаза.

Ослепительно-яркое солнце зависло в лазоревом небе, по которому пробегали разноцветные всполохи всех цветов. Лиара моргнула, выворачивая глаза на место, чтобы Мембрана не мешала ей видеть. Теперь небо стало голубым, прозрачно-голубым, как бывает в самом начале весны, и солнце смотрело из самой его глубины, не скрытое ни единым облачком. Вода вокруг нее искрилась, отражая лучи солнца, мягкие волны бесшумно перекатывались, играя друг с другом белыми облачками пены. Цвет воды был прозрачно-синим, почти ультрамариновым, как талая вода в чистейших горных потоках на фоне еще не растаявшего льда. А посреди реки под мягким весенним солнцем раскинулся громадный город.

Он был построен на сваях, толстенных бревнах, глубоко вбитых в дно реки, и вода тихонько обтекала эти бревна, словно смиряя свой бег на подходе к городу. Лиаре вдруг подумалось, а что будет, если снаружи начнется шторм? Эти волны все равно будут тихими, будто молоко, по которому бежит едва заметная рябь от ветра? На толстых сваях покоился деревянный настил, ровный, светлый и чисто выметенный, и ряды домов тянули свои черепичные крыши вверх, к солнцу. Крыши эти были двускатными, со слегка приподнятыми вверх краями, их покрывала круглая черепица, похожая больше на драконий панцирь, чем на обыкновенную кровлю. В домах виднелись громадные окна, или двери, Лиара не поняла с такого расстояния. Стены казались сделанными из бумаги, многие были раздвинуты в стороны, впуская внутрь прохладных террас мягкие прикосновения весеннего ветра.

Еще безумнее были растения. На искусственных насыпях грунта между домов поднимались странные, искривленные деревья, чьи ветви изгибались буквально через каждые несколько сантиметров собственной длины. Их кроны состояли из одних лишь цветов: бесконечное количество оттенков от ослепительно белого до густо красного, и каждый порыв ветра срывал целые пригоршни лепестков, которые кружились над городом и падали в реку, превращая ее в диковинного пятнистого зверя, ласково шуршащего под древесным настилом под ногами.

Впереди, над рядами слегка закругленных крыш, возвышался дворец. Он был многоярусным, высоким, выстроенным из выбеленного дерева, и каждый ярус венчала все та же, слегка загнутая к краю крыша. Там Лиара тоже увидела эти огромные окна-двери. Каждый ярус дворца опоясывал легкий воздушный балкон с резной балюстрадой тончайшего древесного кружева, и широкие темные проемы внутри здания говорили о том, что и там тоже окна раздвинули, впуская внутрь весну.

Латаан направил лодку к изящной пристани: резным деревянным ступеням, спускающимся к самой воде. Возле нее уже были привязаны лодки, не больше десятка больших и маленьких ладей, но Лиара не слишком обратила на это внимание. Ее глаза не отрывались от поразительного города, поистине, самого красивого города из всех, что ей только доводилось видеть, и самого необычного.

По широким деревянным проспектам между домов бегали, смеясь, дети. Их было совсем немного, и со стороны они казались тоненькими, словно первоцветы, только-только вытянувшие венчики из-под толстого покрывала снега. Дети смеялись, кружась в мягком дожде из розово-белых лепестков, загребая с настила под ногами полные пригоршни цветочного кружева, подбрасывая их вверх, к солнцу. Откуда-то издали доносилась негромкая нежная музыка свирели, которой подпевали два чистых, словно ручей, голоса. Какая-то молодая женщина в легких одеждах, тянувшихся за ней прямо по ковру из лепестков, шла рука об руку с высоким молодым мужчиной вдоль набережной. Он что-то рассказывал ей, то и дело запуская пальцы в ее волосы и снимая с них лепестки цветов.

Великая Мать, как бы я хотела, чтобы Рада увидела все это! Как бы я хотела взять ее с собой, сюда! Лиара ощутила, как сквозь невероятную свежесть этого места в ее груди прорастает крохотное зернышко раздражения. Эльфы построили эту красоту и прятали ее ото всех, не позволяя никому наслаждаться ей. Она принадлежала лишь им и никому больше. С одной стороны, Лиара понимала, почему так: они сами создали этот город и имели полное право на то, чтобы не пускать сюда никого чужого. Но это все равно казалось ей неправильным, неверным. Любое, даже самое черствое сердце смягчилось бы, увидев танец этих бело-розовых лепестков на ветру. Возможно, если бы хотя бы один человек

побывал здесь и посмотрел на все это, отношения между Бессмертными и Смертными стали бы лучше.

Латаан подвел лодку к самым деревянным ступеням пристани, убрал весла, встал и легко перепрыгнул на широкие деревянные ступени, спускающиеся к самой воде. Ухватившись за носовой швартовый, он подтянул лодку к самому берегу и привязал ее к укрепленному здесь же толстому швартовочному бревну. Лиара лишь безмолвно качала головой: затейливой резьбой были покрыты даже ступени пристани, даже столб, на который вязали канаты.

Пограничник легко скинул с плеч плащ, небрежно перебросил его через руку, шагнул вниз и протянул Лиаре ладонь:

— Позвольте, я помогу вам подняться.

Нарочито не слишком торопясь, Лиара тоже сняла свой плащ, аккуратно свернула и уложила на скамейку, где только что сидела. И только потом уцепилась за протянутую руку эльфа. Ее ноги легко взлетели по изукрашенным резьбой ступеням пристани, и Лиара рассеяно поразились тому, что резьба несла не только декоративный характер. На искусно вырезанных узорах меньше скользили ноги.

Выбравшись на городской настил, она поспешно отпустила руку Латаана. Прикасаться к нему было так же неприятно, как и смотреть в его блеклые глаза. Словно прочитав ее эмоции по лицу, эльф хмыкнул и сообщил:

— Я провожу вас во дворец, Лиара, чтобы вы не заблудились по дороге.

Вряд ли, даже если бы она воспротивилась этому, он бы ушел прочь, так что Лиара лишь кивнула и зашагала за ним следом по усыпанному лепестками цветов деревянному настилу города Иллидара.

===== Глава 53. Поток памяти =====

Почти сразу же, как они вошли в Иллидар, Лиаре стало жарко. Здесь правила весна: теплая, щедрая, густая весна с медовым запахом цветущих деревьев, с теплым игривым ветром, чьи легкие прикосновения несли с собой обещание скорого лета. Под ногами тихо шуршали россыпи уже опавших разноцветных лепестков деревьев, в воздухе кружился ветер, разбрасывая вокруг себя полные пригоршни лепестков, и они путались в кудряшках Лиары, падали ей на плечи, спадали вниз по одежде. Уже совсем скоро она скинула и свой собственный теплый плащ, в котором путешествовала по реке, а следом расстегнула и куртку, купленную в Алькаранке.

Все здесь казалось таким странным, особенно на контрасте с царящей за границами Иллидара осенью. Буквально несколько минут назад холодные капли дождя насквозь пропитывали ее одежду, ветер бил в лицо, по небу ползли низкие тревожные облака. Деревья угрюмо клонили головы к воде, подставляя макушки под безжалостную барабанную дробь ледяных капель, и вот-вот уже должен был выпасть первый снег, белым одеялом накрывающий весь мир до весны. Здесь же все было настолько иначе, что Лиара буквально задыхалась и от удивления, и от жары, пропитывающей воздух.

Даже солнце стояло высоко-высоко над головой, при том, что за границей Мембраны оно едва ползло над самыми макушками деревьев, цепляя за них холодным тусклым краем. Лиара в замешательстве взглянула на небо, пытаясь понять, почему так. Она могла представить, что Мембрана определенным образом действует на погоду, что эльфы в состоянии растягивать по желанию время и продлевать сезоны на период дольше, чем им отвела природа, но разве могли они что-то сделать с солнцем, ползущим по небу изо дня в

день, солнцем, которому не было никакого дела до того, как живут под его лучами все живые существа?

Бросив аккуратный взгляд на Латаана, Лиара засомневалась, стоит ли спрашивать. Эльф шагал рядом, невозмутимый и спокойный, как зимний пруд. Он скорее походил на ее конвоира, чем на сопровождающего, и это было неприятно. Однако любопытство победило, и Лиара все-таки решилась.

— Скажите... — негромко начала она. Латаан взглянул на нее ничего не выражающим взглядом. — Как вы заставляете солнце стоять так высоко? Я понимаю, как можно управлять погодой, но солнце... — Лиара только неверяще покачала головой.

— Разве сам феномен солнечного света отличается чем-то от феномена бури, шторма или грозы? — усмехнулся эльф. — Или вы считаете, что до солнца труднее докричаться, чем до тех же облаков?

— Нет, но... — Лиара смешалась, сама не зная, что думать и как реагировать на его слова.

Эльф взглянул на нее и решил ответить, слегка смягчившись:

— Время здесь течет иначе, чем за границей Мембраны, и это открывает нам некоторые... возможности. В месте контакта Мембраны и привычной физической реальности все процессы физического мира несколько меняются. Это похоже на различие между Гранью и физическим миром. Вам что-то говорит название Грань?

— Да, — кивнула Лиара. Эльф усмехнулся и продолжил:

— Тогда, вы, наверное, знаете, что существа, живущие за Гранью, во всяком случае, самые могущественные из них, могут некоторым образом влиять на события физического мира. Грань — более тонкий слой луковицы, которой люди именуют привычную им реальность, но и более высокий слой. Все, что рано или поздно должно материализоваться в физическом мире, присутствует за Гранью в качестве потенциальности. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Достаточно, — голос Лиары был резче, чем ей бы хотелось, но этот эльф разговаривал с ней будто с несмышленным ребенком, и это раздражало. Впрочем, смысл его слов доходил до нее медленнее, чем на них была дана первая реакция. Судя по всему, Латаан имел в виду, что Грань каким-то образом предшествует физическому миру, но Лиара не совсем понимала, как так может быть, что вещи, уже существующие за Гранью, могут еще не существовать в обыкновенной реальности.

— Все дело в плотности миров, — словно не заметив ее тона и прочитав ее мысли, продолжил Латаан. — Грань — менее плотна, чем физическая реальность, а потому более проницаема. Для того, чтобы какие-то вещи реализовались там, нужно меньше времени, чем для того же процесса в физическом мире. На этом и построен эффект Мембраны. Фактически, Мембрана является местом искажения пространственно-временного потока, если можно так выразиться. А это дает нам, Первопришедшим эльфам, чье сознание достаточно сильно для непосредственного влияния на окружающий мир, гораздо больше возможностей для преобразования реальности. Мембрана — лишь катализатор наших способностей, некое место, в котором наша мощь возрастает, потому что истончаются непреложные законы физического бытия.

— Но вы же сами можете создать это место, разве нет? — Лиара нахмурила брови, непонимающе глядя на Латаана. — То есть катализатором вашей силы становится вещь, которую вы же сами и создали? Как такое может быть? В этом нет логики.

— Почему же? — спокойно улыбнулся Латаан. — Вспомните, например, Фаишаль. Он тоже был создан из камня, однако позже он стал катализатором невероятной силы, с помощью которого началось коренное преобразование мира, и пример тому — ильтонец, что путешествует вместе с вами. Почему же тогда причина и следствие в определенный промежуток времени не могут существовать одновременно? Или лучше сказать иначе: есть промежуток времени, в который они существуют одновременно, и этот промежуток — точка творения. Фактически, в точке творения, как в семени дерева, уже заложено все последующее движение и развитие феномена, только в свернутом виде. Я не вижу здесь противоречия, Лиара Морин.

Ей было очень любопытно его слушать: никто из встреченных ею за всю жизнь людей не рассуждал подобным образом. Но при этом Латаан говорил таким тоном, словно насмеялся над ней, отчего внутри поднималось жгучее раздражение, и все желание беседовать с ним и дальше пропадало. Лиара лишь кивнула, таким образом, показывая, что с нее объяснений достаточно, и Латаан замолчал. А в ее голове осталось гораздо больше вопросов, чем ответов, вопросов, казавшихся ей очень важными, тех, что требовалось обдумать позже.

Вот только все в этом городе было любопытно, настолько необычно и странно, что у нее буквально не было возможности задержаться на какой-то мысли, как сразу же возникали новые и новые вопросы. Они проходили по просторным широким улицам, по бревенчатому настилу под ногами, усыпанному цветами, и Лиара крутила головой по сторонам, рассматривая город.

Здания вокруг были не слишком высокими, не больше двух этажей, приземистыми и широкими. Их стены под стрехами украшала затейливая резьба с незнакомыми Лиаре символами, плавно изгибающимися, мягкими, будто множество перетекающих друг в друга капель. Стены домов, казалось, по большей части состояли из этих странных бумажных раздвижных панелей, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что несущей конструкции, укрепленной толстыми, гладко отполированными деревянными столбами, тоже достаточно. Эти окна-двери располагались довольно высоко над уровнем настила городских улиц, и часто дома опоясывали неширокие длинные балконы как раз на уровне окон.

Во многих домах окна были раздвинуты целиком или частично, и сквозь них просматривались внутренние помещения. Лиара с интересом заглянула туда, стараясь сделать это так, чтобы не было видно Латаану. Внутренние помещения были сильно приподняты над уровнем земли, видимо, так жители спасались от речной сырости и сквозняков. Полы устилали толстые циновки из ароматных трав, а в комнатах практически ничего не было: лишь невысокие столики, плетеная мебель, кое-где — разноцветные подушки. Облокотившись на эти подушки, отдыхали хозяева домов: высокие, стройные, равнодушные ко всему эльфы. Кто читал книгу, кто негромко наигрывал на музыкальных инструментах, кто пил чай или рисовал акварелью. Лиаре вдруг подумалось: если все жители этого города проводят весь день в праздности, то на что же живет Иллидар? Вряд ли Речному Дому было что продавать: он расположился посреди реки, отрезанный от всего остального мира Мембраной, и ничего на продажу, кроме рыбы в реке под ним у него просто физически быть не могло. За счет чего же тогда существовали его жители?

Но этот вопрос задавать Латаану она не стала. Во-первых, больше не хотела выслушивать его покровительственный тон, во-вторых, сам по себе вопрос запросто можно

было счесть грубостью, особенно от чужачки, которую пограничник явно подозревал в связях с наследником Лесного Дома. Потому свои вопросы она оставила при себе.

Навстречу им шли и другие жители города. По большей части все они выглядели так, будто просто гуляют, наслаждаясь цветением весенних деревьев. Во всяком случае, никто никуда не спешил, да и в руках у них не было таких привычных для людских городов узелков с вещами или сумок. Заложив руки за спину, одетые в легкие светлых цветов одежды Первопришедшие, прогуливались по тонущим в лепестках улицам, с таким видом, словно ничто кроме этих самых лепестков их больше не интересовало. Женщины носили странные платья-накидки, струящиеся с их тела множеством складок и тонких слоев ткани, которые длинными шлейфами волочились за ними по земле. Лиара вдруг тихонько охнула, приглядевшись: одежда на их плечах слегка меняла цвет сама по себе, словно световая рябь бежала по ткани.

На небольшом перекрестке, к которому они подошли, в самом его центре росло приземистое, все искривленное дерево. Его ветви почти непроницаемой для света плоской крышей оплели всю площадь, с них свисало множество длинных странных нитей бледно-лилового цвета, образующих почти что лабиринт вокруг толстого ствола дерева, едва просматривающегося из-за них. На свету все эти нити переливались фиолетово-розовыми сполохами, загадочно мерцали, и у Лиары дух захватило от такой красоты. Рядом с деревом стояла эльфийская женщина. Она была высокой и стройной, с длинными распущенными пепельными волосами и глазами точно в цвет фиолетовых нитей дерева. Женщина улыбалась и тянула к ним руки, медленно водя пальцами по нитям, словно лаская их. И ее одежда странным образом прямо на глазах Лиары изменила цвет, став сначала розовой, затем молочно-золотой, такой мягкой, что от нее буквально исходило сияние. Заслышав их шаги, женщина обернулась, и ее брови удивленно взлетели, а платье вдруг резко стало густо-зеленым, как травы в самой середине лета. Лиара только покачала головой: таких чудес от эльфов она уж точно не ждала. Если даже ткани они смогли придать индивидуальный характер...

Все обитатели Иллидара реагировали на Лиару подобным образом. Она представляла себе, насколько сильно бросается в глаза издали в своей простой коричневой куртке из шерсти и точно таких же штанах. Рядом с ней шагал Латаан в мягком сером камзоле, клиньями спускающемся до середины бедра. У камзола был ворот стоечкой, плавно переходящий в широкие отвороты бортов на груди, аккуратно скрепленные пуговицами. Штаны на нем были чуть темнее камзола, тоже серыми, узкими, а ноги эльфа до колен обтягивали тонкие сапоги из мягкой кожи на высокой шнуровке. Также были одеты и многие встреченные ими мужчины, разве что цвета камзолов варьировались от песочного до светло-зеленого. И ни у одного из них одежда не меняла цвет, как у женщин.

Первопришедшие смотрели на Лиару странно. В их глазах было удивление, смешанное с непониманием и замешательством, никакой агрессии, скорее интерес к диковинному зверю, которого они никогда раньше не видели. Этот взгляд было не так сложно выдерживать, как полные настороженности и внутренней готовности к атаке взгляды людей, однако она все равно ощущала себя очень неловко. Возможно, даже более неловко, чем когда смотрели люди. Потому что здесь она чувствовала себя именно редким животным, выставленным напоказ, а не живым существом. К тому же, никто из Первопришедших ничего не спрашивал у провожающего ее Латаана. Они просто замирали на месте и следили за ней, совершенно беспардонно, разглядывая ее с ног до головы. И хорошего настроения это уж точно никак не

прибавляло.

Потерпи. Еще немного, ты дойдешь до дворца, найдешь мать, узнаешь у нее все, что тебе так хотелось знать, и уйдешь отсюда к Раде. Станным образом все ее нетерпение и жгучее желание наконец-то увидеть родную мать, о которой она так тосковала все эти годы, просто улетучилось, сменившись стремлением поскорее покинуть Иллидар. Теперь Лиару гораздо больше интересовал один вопрос: кто такая Великая Мать, и как связано с этим то, что она была оставлена в мелонском приюте. Почему-то теперь все ее переживания и тяга к семье были перечеркнуты этим простым интересом, и ее собственная мать казалась совершенно чужой, незнакомой, просто женщиной, что подарила ей жизнь. Может быть, это было связано с отношением Первопришедших к ней, которого с сегодняшнего утра она уже насмотрелась достаточно. Может быть, благодаря Раде, Алеору, Улыбашке и Каю одиночество, что терзало ее долгие годы, наконец-то отпустило ее, и она обрела уют в кругу людей, которых считала своими друзьями. Может, дело было и в чем-то другом, но Лиаре не слишком-то хотелось думать об этом. Сейчас ее за пятки кусало время: каждая минута, проведенная здесь, равнялась пяти минутам за границей Мембраны. И где-то там, возле покрытого дождем окна, в сырой унылой осени при свете зажженной даже днем лампы ее ждала Рада. Рада, которая любила ее, которая целовала ее, которая наконец-то сказала ей об этом.

В груди опять стало жарко, и Лиара рассеяно улыбнулась, прекратив обращать внимание на взгляды встреченных эльфов. Все ее самые заветные мечты сбывались, сбывались рядом с этой необыкновенной, совершенно невозможной, неопишуемой женщиной, состоящей из одних противоречий, но при этом такой цельной и живой, каких она никогда не встречала и не видела. Весь мир лежал в чаше ее ладоней, и Рада подносила его ей со своей вечной чуть лукавой улыбкой и бесконечной нежностью на дне синих глаз. Она подарила мне все, и мне теперь ничто не страшно. У меня есть за что бороться, у меня есть ради чего жить. Ради ее улыбки и ее смеха, ради лучиков солнца в прохладных колодцах ее зрачков. Разве нужно человеку что-то еще?

Впереди над чуть закругленными коньками черепичных крыш вырос дворец. Солнце нестерпимо блестело на выбеленных стенах его четырех уровней, поднимающихся к самому небу. Он вовсе не походил на все те постройки, что называли дворцами в людских селениях. И в нем не было ничего, что напоминало бы крепость, что, на первый взгляд, было удивительно для нее. Лиара привыкла к тому, что дворцы знати всегда окружала толстая и высокая стена, что сами дворцы изобиловали узкими прорезями бойниц и густой сетью переходов, способных запутать любого осаждающего. Здесь же не было ничего подобного: лишь раздвижные окна-двери, легкие подвесные балконы с ажурной резьбой на колоннах, изящные линии изогнутых крыш. Война никогда не ступала в Иллидар, и ему не нужно было защищаться от всего остального мира. Может быть, поэтому Первопришедшие с такой бдительной тщательностью и берегли свой город от любого проникновения извне.

Наконец, они с Латааном вышли на небольшую площадь перед дворцом. Со всех сторон дворец окружали пушистые купы цветущих деревьев, и он словно вырос из мягкого основания их крон. Лиара во все глаза смотрела на стены, не веря тому, что видела. Все пространство древесного каркаса, выбеленного так, что глазам больно было смотреть, покрывала тончайшая резьба по дереву. При порывах ветра цветущие деревья слегка колыхались, и тень бежала по резьбе, создавая эффект объема и движения. Казалось, что листья, вырезанные на толстых бревнах стен, колеблются под ветром, а птички перелетают с

ветки на ветку.

Вход во дворец — большие ворота из небесно-голубого дерева, испещренные резьбой и сейчас закрытые, — охраняли двое высоких Первопришедших. Их грудь закрывали длинные легкие кольчуги из металла столь тонкого, что он казался прозрачным, на головах лежали обручи с широкой носовой стрелкой. В руках стражники держали нагинаты, почти что мечи с односторонней заточкой, насаженные на длинную рукоять, хотя здесь это оружие казалось излишним. Ничто не угрожало покою Иллидара, и Лиара подумала, что нагинаты — скорее, дань традиции, чем насущная необходимость.

Глаза обоих стражей моментально впились в Лиару, и на лицах их тоже промелькнуло удивление, сменившееся такой привычной маской холодной неэмоциональности. Однако она сразу же ощутила странную волну содрогающегося пространства, на миг окружившую стражей и опавшую. Видимо, они послали сигнал куда-то внутрь дворца, и ей оставалось лишь гадать, что это был за сигнал.

Площадь перед дворцом была достаточно широкой, пересекали они ее долго, а взгляды стражей буквально пронзали Лиару насквозь. Смотреть на них было неприятно, и она бросила еще один взгляд на стены, едва не споткнувшись на ходу. Пляска резьбы на каркасе дворца вовсе не была плодом ее воображения или эффектом от танцующей на стенах тени деревьев. Листья действительно легонько трепетали под задувающим с востока ветром, и птички действительно перепрыгивали с места на место. Большой камышовый кот с длинным хвостом приподнял уши, глядя на Лиару, вновь плавно двинулся по вырезанным на поверхности дерева лозам и скрылся за углом здания. Лиара даже помотала головой, пытаясь понять, не чудится ли ей все это. Такого не могло быть, резьба не могла оживать под порывами ветра. И все же — она жила.

Тем временем Латаан остановился напротив входа во дворец и слегка кивнул преграждающим его стражам:

— Я привел женщину, называющую себя Лиара Морин. Она утверждает, что ищет свою мать, имени которой не помнит. Возможно, на нее захочет взглянуть госпожа Элморен.

Глаза обоих стражей вновь впились в Лиару, и она почти что силой заставила себя стоять прямо и смотреть им в ответ. От этих тяжелых взглядов веяло зимней стужей и хотелось спрятаться, но деваться ей было некуда. К тому же, стражи выглядели так, как будто знают больше того, что рассказал Латаан. Конечно! На пристани был второй эльф, который сразу же направился в Иллидар, когда мы причалили. Наверное, он уже доложил о прибытии Алеора, а это значит, что они знают, что я путешествую с ним. На коже проступил едва заметный зуд: желание отмыться от всех этих домыслов и подозрений, в которые ее насильно втягивали Первопришедшие, и Лиара инстинктивно потерла руки. Ее движение не укрылось от глаз стражей, и взгляды их стали еще холоднее, хотя казалось, что такого уже просто не может быть.

Стражи молчали, словно ожидая чего-то еще. Молчал и Латаан, спокойно глядя на них. Лиара затопталась на месте, не понимая, что происходит, не нужно ли ей тоже что-то сказать. Взгляд сам собой то и дело сползал на живые стены дворца, по которым порхали бабочки, перепрыгивали птички, ползали какие-то маленькие ящерки. Это постоянное движение на краю зрения начало нервировать ее.

Потом из глубины дворца вновь пришла странная рябь, от которой бесшумно содрогнулось пространство, и один из стражей кивнул головой, отступая в сторону и распахивая левую створку дверей.

— Вы можете пройти. Вас ожидают.

Лиара поспешила следом за Латааном, стараясь не обращать внимания ни на взгляды стражи, ни на странное движение на стенах дворца.

Внутри дворец оказался еще более диковинным, чем снаружи. Большое помещение со всех сторон окружали раздвижные панели из полупрозрачной бумаги. Однако зал все равно оставался достаточно просторным, чтобы в нем одновременно разместилось до полусотни людей, не испытывая никакого дискомфорта. Здесь ровным счетом ничего не было: лишь несколько шелковых ширм были отодвинуты к прозрачным стенам. Лиара загляделась на эти ширмы: изображения на них представляли собой пейзажи, вытканые тончайшим шелком. На одной на фоне синеющих в отдалении горных склонов качался на ветру крохотный голубой цветочек горечавки, на другом — по напитанной солнцем воде заводи, казавшейся золотой, медленно плыли белые кувшинки.

Полы зала покрывала все та же мягкая циновка, полностью скрывающая шаги вошедших. Потолок же заплетали ползучие растения и цветы. Лиара заморгала, разглядывая большие разноцветные соцветия диковинных цветов, разбросавших во все стороны нежные бархатистые лепестки и источающих сладковатый аромат. В этом зале цветы были по большей части белыми и светло-розовыми, хоть встречались и бледно-лиловые оттенки. Таких цветов она никогда не видела и названия их тоже не знала.

Станным образом в зале было светло, несмотря на отсутствие светильников и перекрывающие обзор бумажные стены. Впрочем, стены эти буквально светились от солнца, и Лиара предположила, что скрытые за ними помещения хорошо освещаются, потому и здесь тоже не темно. Слева от Лиары по бумажным стенам скользнула высокая тень, потом из-за них вышел еще один эльф, безмолвно направившись им навстречу. Возраст по его лицу определить было невозможно, но при взгляде в его глубокие, бесстрастные глаза Лиаре вдруг подумалось, что он должен быть гораздо старше Латаана. Возможно, даже старше Алеора.

Эльф был одет в белоснежные одежды, очень похожие на женские, которые она уже сегодня видела, но цвета не меняющие. При этом на нем эти одежды смотрелись как-то более сдержано, чем на гуляющих по улицам Иллидара женщинах. Оглядев их своими прозрачно-зелеными глазами, эльф негромко проговорил:

— Госпожа Элморен ожидает вас в своих покоях. Следуйте за мной.

Лиара двинулась за уже развернувшимся и зашагавшим вперед провожатым, и только потом поняла, что Латаан направился в противоположную сторону. Он не сказал ей ни слова, не подал ни одного знака, даже не обернулся на прощание. Просто вышел через входную дверь и плотно прикрыл ее за собой.

Станным образом его уход одновременно принес Лиаре облегчение и новые тревоги. В его обществе она хотя бы не чувствовала себя настолько чужой здесь. Латаан встретил ее еще в Рамаэле, и он словно бы был тоненькой ниточкой обратно, в привычный ей мир людей, и теперь эта ниточка оборвалась захлопнувшейся за его спиной дверью. Но и хорошее в этом нашлось: больше никто не буравил ей спину своими холодными глазами, никто не говорил с ней так, будто она совершила что-то дурное.

Ее новый проводник не произнес ни единого слова. Он лишь шел впереди, не оборачиваясь, будто ему было совершенно безразлично, следует она за ним или нет. Но Лиара почему-то была абсолютно уверена: если она решит развернуться и дать деру, ее проводник отреагирует с быстротой гадюки, и ее сразу же схватят. И тогда уже разговор с

ней будет совершенно иным. Впрочем, особой охоты сбегать у нее не было, она мечтала лишь о том, как бы поскорее и без проблем покинуть этот странный край.

За одной из прозрачных стен оказался узкий коридор между точно такими же стенами. Проводник повел ее туда, потом свернул вправо. Лиара тихонько выдохнула, увидев, наконец, вполне обычную несущую стену с толстыми балками, обитую тонкими панелями из светлого дерева. До этого ей казалось, что внутренняя часть дворца держится вообще ни на чем, и никаких колонн или крепежей для нее она не увидит, только эти бумажные раздвижные стены. В дальнем конце коридора виднелась широкая изящная лестница, плавно изгибающаяся вверх. Судя по всему, лестница была винтовой. Лиара попыталась себе представить ее расположение, но сделать это было очень сложно из-за огромного количества бумажных перегородок, мешающих сориентироваться. По ее прикидкам, она должна была находиться в самом центре нижнего этажа, но это могло быть и не так.

Следом за проводником она поднялась по плавно изгибающимся ступеням, придерживаясь рукой за тонкие перила из темного дерева. Глядя в его спину, Лиара все гадала: мог ли проводник наврать и вести ее напрямик в ловушку? Слишком просто все складывалось, слишком легко она попала на аудиенцию к этой госпоже Элморен, которую Латаан посчитал возможной кандидатурой в матери Лиары. С другой стороны, не просто же так он это сделал? Значит, у него должны были быть причины так считать? И вряд ли к этим причинам можно было отнести лишь ее внешность.

Мысли лихорадочно метались в голове Лиары, словно пойманные в ловушку птицы. В этом дворце стояла полная тишина, лишь изредка прерываемая приглушенными голосами, которые доносились откуда-то издалека, но откуда именно, понять было невозможно из-за перегородывающих все бумажных стен, в которых звук мешался и путался. Если бы здесь играла музыка, если бы смеялись дети, если бы кряхтели усталые слуги или топали сапогами стражники, Лиаре было бы гораздо легче. Тут же не происходило ровным счетом ничего, и тишина нервировала ее, такая непривычная и странная.

Вскоре лестница вывела их на второй этаж. Изящные повороты бежали выше, но проводник шагнул сюда, и Лиара поспешила следом за ним. Здесь полы тоже устланы циновки, но бумажных стен было уже не так много. Теперь они стали элементом декора, изящно вписанные через равные промежутки в деревянные стены из светлого дерева. Со всех сторон лестницу окружало открытое пространство, и она уходила вверх, казалось, просто вися в воздухе. Со всех сторон виднелись коридоры, и в один из них проводник кивком головы позвал за собой Лиару.

Тревога еще больше усилилась, и она внутренне собралась в кулак. Здесь тоже стояла тишина, приглушенный свет проникал, казалось, отовсюду и ниоткуда сразу. Почему-то Лиаре пришло в голову сравнение с Гранью; во всяком случае, ей думалось, что мир за ней должен выглядеть также странно и непривычно. А потом проводник остановился перед одной из бумажных панелей и замер. Вновь пространство поколебала волна, сразу же с другой стороны ей пришла ответная. Аккуратно взявшись пальцами за край рамы, проводник беззвучно отодвинул ее в сторону и указал Лиаре войти внутрь. Глубоко вздохнув, она шагнула в помещение.

Здесь все было совсем иначе. Большая комната была ярко освещена весенним солнцем за окном, чьи лучи беспрепятственно лились внутрь сквозь балкон и распахнутые наружные двери. Вдоль стен стояли расписные ширмы, изукрашенные затейливыми мелкими узорами птичек и цветов, у окна виднелся приземистый гладко отполированный стол из темного

дерева, тоже застеленный циновками. Все стены были из дерева, и по ним кое-где взбирались тонкие гирлянды мелких белых цветочков, таких же как внизу, но совсем крохотных. А на странном приземистом кресле без ножек, почти как постаменте, у стола сидела женщина. Она вскинула глаза на Лиару и застыла, и время для них обеих остановилось.

Лиара едва слышала, как тихо за ее спиной задвинулась на место входная дверь. Звуки приглушенных голосов, долетающие снизу, с городских улиц, смех, шум ветра в деревьях, — все это ушло прочь. Женщина смотрела на нее и в нее, и в ее глазах было что-то такое, такое знакомое... Два штормовых моря, перетекающие под густой сенью ресниц, древних моря, в которых волнами была вечность, и солнечные ветра гнали и гнали эту вечность вдаль.

Что-то изменилось, что-то сместилось внутри самой Лиары, что-то накренилось так, что она пошатнулась, роняя на пол свои вещи. Сквозь толстый слой пыли, что лежал на всех ее воспоминаниях из детства, протиснулась первая густая капля расплавленного золота, обжигая ее изнутри. Серые глаза-море, улыбка теплых губ, две руки, что сажают ее в седло высокого-высокого коня... Лиара с трудом удержалась на ногах, приложив руку к лицу, словно это могло как-то помочь. Иллидар, залитый лучами закатного солнца. Повсюду глубокие сугробы, из которых прорастают тонкие серебристые цветы, словно звезды, мерцающие в темноте. Ночь Зимы, доченька...

Ноги подломились, и Лиара тяжело рухнула на мягкие циновки, не в силах стоять. Одна капля за другой все быстрее и быстрее протискивались через плотные барьеры ее сознания, похожие на грязный войлок. Ладьи под голубыми парусами, что разрезают усыпанные лепестками воды могучей реки... Хоровод золотых огней в небе — день рождения наследника трона — придворные Садовники устроили ему праздник... Белоснежные лебеди, которым обвивают венками из цветов тонкие шеи и отпускают их в небо в праздник первого дня осени... Мать, смеющаяся мать, обнимает ее за плечи и подает ей венок, руки Лиары не слушаются, они маленькие и толстенькие, с непослушными пальчиками и перетяжками на запястьях. Она хохочет и роняет венок в воду, а отец со смехом наклоняется со ступеней пристани и достает его оттуда...

— Что происходит? — язык едва ворочался во рту, а мысли расползались в стороны, как разбегающиеся муравьи, и Лиаре никак не удавалось собрать их. — Что со мной?..

— Так возвращается память, — прозвучал рядом такой знакомый голос, такой знакомый, что в этот момент плотину внутри Лиары прорвало, и все хлынуло водопадом, обрушилось на нее горным потоком, становясь на место и распускаясь перед внутренним взором, словно бутон цветка.

Она вспомнила все. Она сидела на полу комнаты своей матери, в той самой комнате, что когда-то так любила, в комнате, где так часто играла. Она помнила свое детство, отца, что всегда улыбался ей и целовал ее в маленький нос-конопушку, помнила мать, которая обнимала ее и читала ей сказки на этом балконе. Она помнила лицо Владыки Себана, который приходился ей дальним-дальним родственником, настолько дальним, что к наследованию трона она отношения не имела, однако должна была жить во дворце. Помнила она долгие зимние ночи, когда сквозь пушистый снег цвели цветы и плодоносили деревья, помнила весну, яркую и солнечную, как сейчас, свои игры с теми совсем немногочисленными детьми, что еще были в то время в Иллидаре.

А еще Лиара вспомнила свой отъезд. Сумрачное лицо отца, то, как он запахивал ее в свой плащ, чтобы стражи не заметили, как он выносит ее в ночь. Помнила, как он шагал

сквозь пространство, прижимая ее к груди, и все вокруг нее текло прочь, и сама она растекалась в ослепительном сиянии света. Помнила мать, что приняла ее из рук отца и посадила в седло высокого серого жеребца, как отец в последний раз поднял руку на прощание, и лицо его исказилось от тоски. Помнила, как отмеряли длинные ноги жеребца километры, и как леса неслись мимо, сливаясь в одно пятно. И как мать, рыдая, отдавала ее в руки подозрительно косящихся на нее женщин в забытом Богами городке Деран в самой глуши Мелонии.

— Зачем? — выдохнула Лиара, чувствуя, как слезы сами собой хлынули из глаз. Воспоминания вернулись резко, перетрясли ее всю с ног до головы, и теперь она с невероятным трудом формулировала даже такой простой вопрос. Казалось, что тело было измождено до предела, будто она не была в грезах как минимум несколько недель. Лиара вскинула на свою мать глаза, всем телом переживая и ее, и свою собственную тоску от того расставания, и вновь повторила, едва дыша: — Зачем?

Мать была точно такой же, какой Лиара помнила ее в детстве, и — немного иной. Годы печали и разлуки наложили на нее свой отпечаток: покрыли сеточкой тонких морщин уголки глаз, затемнили лицо, иссушили тело. Теперь она выглядела более худой, чем раньше: щеки глубоко ввалились, на лице острее прорезались скулы и подбородок. Но она все же была и точно такой же. Спадала на плечи густая грива длинных каштановых кудрей, таких редких среди эльфов, кудрей, в которые отец Лиары так любил вплетать первые весенние цветы. Глаза-море смотрели из-под тонких с легким изломом бровей, глаза, благодаря которым Лиаре так нравились морские волны, благодаря которым она так мечтала однажды увидеть северное море, и Рада подарила ей это. Мать улыбалась ей печально и так светло, и в глазах ее застыли крохотной россыпью росы слезы. На ее плечах был темно-серый наряд, не менявший своего цвета, — Лиара смутно помнила, что так одевали женщин, которые по законам Иллидара считались преступницами. Руки матери сжали самый край ее одежды, сжали до белизны костяшек, словно она из последних сил сдерживала себя.

— Прости меня, доченька! — с трудом выговорили губы матери, сломавшиеся от горя, и она вдруг согнулась пополам, спрятав лицо в ладонях и содрогаясь всем телом в рыданиях.

Координация движений после резко снятого с памяти блока еще не восстановилась до конца, и двигать руками и ногами было странно тяжело. Но Лиара все равно поползла по циновкам к матери, изо всех сил заставляя свое тело повиноваться. Воспоминание о мягких циновках под коленями было таким странно знакомым: словно случилось с ней буквально вчера. Вспоминала не Лиара, а само ее тело, впитывая ощущения, как губка. И при этом плотной стеной Лиару отделяло от этого времени прошлое.

Неслушающимися руками она неловко обняла мать, и та обняла ее в ответ. Так они и сидели вдвоем, прижавшись друг к другу как можно плотнее, обнимая друг друга как когда-то давно, много лет назад. Для нее же прошло всего два года, вдруг мелькнуло в голове у Лиары, и эта мысль отчего-то согрела ее. Даже за эти два года мать осунулась и не постарела — эльфы никогда не старели, — но выглядела изможденной и потерявшей все свои силы и надежду.

— Матушка, — негромко проговорила она, — где отец, матушка?

— Артаин за морем, дочка, — сквозь слезы с трудом проговорила мать. Лиаре пришло в голову, что она, наверное, очень долго сдерживала свои чувства, не давая им воли, и теперь все это прорвалось наружу неостановимым водопадом слез. — Из-за того, что мы сделали, Себан выслал его во внешний мир подумать на четыре десятилетия. Отправил его на север

Тарна. Письма оттуда почти не доходят...

— Из-за того, что вы сделали? — сморгнула Лиара. — То есть отца наказали за то, что вы вывезли меня из Мембраны?

— Да, и за то, что отказались говорить Себану о том, где именно мы укрыли тебя, почему мы это сделали, — мать кивнула, слегка приходя в себя и осторожно ладонями стирая слезы со своих щек. — Ты была слишком маленькой и не знала этого, но детям Первопришедших запрещено покидать Эллагаин. Во внешнем мире они растут гораздо быстрее, они забывают, кто они, перестают быть Первопришедшими в душе и образе мыслей.

— Чушь какая! — фыркнула Лиара.

Мать удивленно взглянула на нее, потом вдруг лицо ее осветилось. Две ладони, такие долгожданные, такие любимые ладони коснулись ее щек и аккуратно обняли ее лицо. Губы матери дрожали, а в глазах ее отражались яркие лучи весеннего солнца. Она не только постарела, с тревогой отметила Лиара. Одиночество подломило когда-то одну из самых красивых женщин Эллагаина Аваиль Элморен, и тень Тоски легла на ее прекрасные черты. Пока еще это была лишь едва заметная тень, но Лиара нахмурилась. Только самые сильные эльфы были в состоянии побороть Тоску совсем, а мать всегда была мягкой, спокойной, нерешительной, во всяком случае, Лиара помнила ее такой. Она во всем полагалась на отца, а сейчас отца услали за море, и она осталась совсем одна. Неужели Себан не видит, в каком она состоянии? И если видит, то почему ничего не делает? — нахмурилась Лиара.

Руки матери дрожали на ее щеках, сухие и чуть-чуть шершавые, а полные любви глаза все выискивали и выискивали что-то на ее лице.

— Как ты выросла, моя девочка! — тихонько заговорила мать, с дрожащей нежностью оглаживая кончиками пальцев ее лицо. — Какой красавицей ты стала! Всего два года назад я оставила в Мелонии маленькую девочку, худюшую, с огромными глазами и торчащими коленками, и вот ты вернулась ко мне красивой молодой женщиной. Я не смогла увидеть, как ты растешь, пропустила, как ты развиваешься, как учишься. Святая Владычица, сколько всего важного я пропустила в твоей жизни, сколько раз меня не было рядом, когда я была нужна тебе! — голос ее вновь сорвался, но на этот раз мать справилась с собой и вновь через силу улыбнулась ей, отчего лицо ее на миг осветилось. — Но, доченька моя, как же хорошо видеть тебя сейчас! Какой же красивой ты стала! Какой взрослой, сильной и мудрой! Как жаль, что отец не видит тебя!..

— Мама, но зачем все это нужно было? — Лиара подалась вперед, глядя ей в глаза настойчиво и требовательно. — Зачем вы прятали меня в Мелонии? Почему пошли на такой риск, ради чего?

Несколько секунд мать молчала, вглядываясь ей в лицо, потом тяжело вздохнула и покачала головой:

— Думаю, теперь уже не имеет никакого смысла молчать об этом, раз ты вернулась в обществе князя Ренона. — Лиара недоверчиво вздернула бровь, глядя на нее и не совсем понимая, что мать имеет в виду. — Ты помнишь Ильвадана, доченька?

Лиара покопалась во вновь обретенной памяти. Сейчас это уже было не так странно, как поначалу. Воспоминания отстоялись в ее голове, словно взбаламученная вода, почти все заняло свои места, хоть теперь старые воспоминания из ее детства здесь, в Эллагаине, казались ярче тех, что относились к мелонскому периоду. Но Лиара думала, что со временем и это придет в норму.

Буквально из глубины выплыл образ какого-то смешливого молодого эльфа, что часто поднимал ее на руках, подкармливал всякими сладостями, подолгу что-то ей рассказывал. Лиара не помнила, в чем там именно дело, но ей казалось, что остальные эльфы не слишком любили Ильвадана, только она никак не могла взять в толк почему. Взглянув на мать, Лиара негромко спросила:

— Я помню, что Ильвадан проводил со мной много времени, но я не помню, кто он.

— Ильвадан — троюродный брат твоего отца, но не это важно, — мать смотрела на нее настойчиво, просяще, словно от того, как Лиара воспримет ее слова, зависела ее жизнь. Тоска гораздо сильнее взяла ее, чем я думала вначале. Себан должен был вмешаться! Лиара решила, что с этим разберется позже. Сейчас важно было другое. — Самое важное в том, что у Ильвадана есть дар читать в нитях Марн. И он увидел кое-что о тебе. — Мать понизила голос, склоняясь к самому уху Лиары и едва слышно прошептала туда: — Он увидел, что если я не отвезу ребенка в Мелонию и не оставлю там, это приведет к катастрофическим разрушениям и непредсказуемым последствиям для всего мира. Мы думали, что ты Аватара, девочка моя, — Лиара вздрогнула всем телом: слова матери буквально повторяли ее собственные мысли. Мать отстранилась, и голос ее вновь стал громким и веселым: — Но это, очевидно, не так. И раз ты вернулась вместе с Алеором Реноном, значит, все сложилось именно так, как и должно было! Себан, правда, не слишком доволен сложившейся ситуацией, но против он не встанет, ведь ему это тоже выгодно. И я очень рада за тебя, моя девочка! — Мать искренне улыбнулась ничего не понимающей Лиаре. — Хотя его кровь не так чиста, как наша, но я думаю, что он хорош душой и телом и подойдет тебе! Наверное, в этом и был смысл пророчества Ильвадана — чтобы вы встретились и полюбили друг друга.

— Мы с Алеором?! — Лиара поняла, что голос сорвался на фальцет. Лицо матери вытянулось.

— Разве нет? Разве не как своего жениха ты привезла его в Эллагаин, доченька? Как же тогда ты вообще встретила его, как оказалась здесь?

Лиара смотрела на свою мать, лихорадочно соображая. Все происходило совершенно не так, как она планировала, как задумывала. Вот она удивится-то, когда узнает про Раду! Эта мысль вызвала у нее тихий нервный смешок, и Лиара ощутила себя еще более изможденной, чем раньше. Все происходило слишком быстро, все складывалось совершенно не так, как она ожидала, и теперь ей предстояло каким-то образом выпутаться из всего этого. Самое главное я теперь знаю точно. Меня отправили в Мелонию, чтобы я встретила Раду, и на этом настояли Марны, иначе быть просто не может. Но зачем им это нужно было от меня? Здесь оставалось слишком много вопросов, но теперь у Лиары была возможность узнать ответы на большую их часть. По крайней мере, она совершенно точно помнила, что Ильвадан никогда не покидал Иллидара, а это означало, что она легко отыщет его. Следовало также решить вопрос с отцом и матерью, поговорить с Себаном, узнать, кто такая Великая Мать... И убедить всех, что она не собирается замуж за Алеора Ренона.

Тяжело вздохнув, Лиара прикрыла глаза, давая себе возможность немного прийти в себя. В этот день случилось слишком много того, к чему она была совершенно не готова.

===== Глава 54. Глаза изо льда =====

Лиара собралась с мыслями, соображая, с чего бы начать свой рассказ. Вряд ли стоило сразу же говорить матери, что жизнь свою она связала с Радой, а вовсе не с Алеором. Оброненная матерью фраза про чистоту крови заставила ее несколько напрячься, даже несмотря на то, что мать не была против их так называемых «отношений» с Алеором. Судя

по всему, эти «отношения» здесь воспринимались даже с позитивной точки зрения, как возможность союза между двумя Домами эльфов, раз уж мать обмолвилась о том, что Себан не слишком доволен, но против не встанет. Но Алеор — наследник Лесного Дома — мог вполне вписываться в концепцию мирного договора между Первопришедшими и Высокими, тем более, что за него отдавали не самую знатную дочь Эллагаина, которая, к тому же, большую часть своей жизни провела вне государства и вряд ли считалась по праву одной из Речных эльфов. Вот только Рада — вовсе не Алеор, даже если они уже знают, что она его родная сестра. От союза Лиары с Радой Себану уж точно никакого толку не будет. Может, оно и к лучшему? — задумчиво прищурилась Лиара. Тогда они побыстрее отпустят меня отсюда, поняв, что использовать меня в качестве рычага давления на Алеора не получится.

По большому счету, ни мнение матери, ни мнение Себана по этому вопросу ее никоим образом не беспокоило. Память вернулась, и Лиара узнала свой родной дом и женщину, что была так дорога ей когда-то. Но прошли долгие десять лет, за которые с ней очень много чего произошло, за которые она научилась жить сама по себе и следовать зову своего сердца. А сейчас ее сердце было с Радой и лишь с ней, и никакие запреты матери или Владыки Речного Дома не смогли бы изменить это. Единственное, что ее тревожило, это первые признаки подступающей Тоски матери, и с этим следовало немедленно что-то делать. Во всяком случае, этот вопрос Лиара должна была решить, хотя бы в благодарность матери за то, что послушала Ильвадана и отвезла ее навстречу Раде. Что бы судьба ни готовила для нас с ней, мы все пройдем вместе. Но долг перед матерью я вернуть обязана.

Она глубоко вздохнула, чтобы начать рассказывать, но тут из-за двери прикатилась отчетливая энергетическая волна. Воспоминания вернулись, и теперь Лиара знала, что таким образом эльфы извещали друг друга о присутствии, испрашивая разрешения войти. На миг глаза матери остекленели, и к двери прокатилась ответная волна, когда она дала разрешение. Стена из прозрачной бумаги отодвинулась в сторону, и внутрь помещения заглянул давешний проводник, который и привел Лиару сюда.

— Аваиль, Владыка просит тебя зайти к нему вместе с твоей гостьей, — бесцветным голосом проговорил он. Лицо матери моментально приняло отстраненное и спокойное выражение, и она точно также ответила:

— Я покорна воле Владыки. Передай, что мы сейчас же будем, как только дочь сменит платье.

— Хорошо, — дверь плотно встала на место, и Лиара обернулась к матери, пристально рассматривая ее лицо. На нем не было видно ни одной эмоции, лишь спокойное достоинство.

— Не стоит заставлять Владыку ждать. Ты немного ниже меня, но все равно, думаю, одно из моих платьев легко подойдет тебе. Так что давай, доченька, переодевайся и пойдем.

Мать встала, шагнула к стене из светлого полированного дерева и легко отодвинула какую-то панель, за которой открылось углубление встроенного шкафа, где на полках аккуратно лежали свернутые рубашки и исподнее, а на вешалках висели длинные наряды из тех, что носили в городе. Большая часть из них была серой в знак того, что мать Лиары наказана за проступок перед Эллагаином, но виднелись и цветные платья, к одному из которых и потянулась рука матери.

— Матушка, я бы предпочла остаться в том, что сейчас на мне надето, — нехотя заметила Лиара, и Аваиль с искренним удивлением повернулась к ней:

— Зачем? Это лишь подчеркивает то, что пришла к нам из внешнего мира! Себан же

должен увидеть, что в тебе ничего не изменилось по сути, несмотря на то, что ты росла за пределами Эллагаина! Что ты все равно осталась дочерью Речного Дома, — в голосе ее звучала надтреснутая тревога. Лиара заставила себя глубоко вздохнуть и успокоиться. Мать Тосковала, ей можно было позволить некоторые эмоциональные всплески, ей можно было позволить заблуждаться и нервничать, потому что по человеческим меркам она была больна. А больных не судят.

— Матушка, я, конечно, осталась дочерью Речного Дома, его кровь течет в моих жилах, и этого не изменит ничто, — как можно мягче проговорила Лиара, глядя на мать. — Но я росла в Мелонии и считаю себя мелонкой. Я не вижу смысла этого скрывать.

— Глупости! — отмахнулась мать, отворачиваясь к шкафу. — Это то же самое, если бы кошка вдруг начала твердить, что она птица. Ты не можешь не быть тем, кем ты родилась. Так что выброси из головы эту ерунду и сделай так, как я говорю. Тогда наш разговор с Себаном пройдет быстро и легко, и он благословит твой брак с Алеором.

— Мама, я не выхожу замуж за Алеора, — отчетливо проговорила Лиара, глядя ей в спину. — Я просто путешествую с ним и его друзьями. И я не останусь здесь, с тобой, мама, прости меня, но нет. Мне нужно лишь поговорить с Владыкой и с тобой, и сразу же после этого я покину Эллагаин.

— Как? — мать обернулась к ней. Лицо ее вытянулось от удивления, слезы стояли в глазах. — Ты не побудешь со мной немного? Совсем немного? Неужели в вечности, что отмерена тебе, нет и нескольких дней для меня? — Плечи ее вновь задрожали, и Лиаре больше всего на свете захотелось взвыть, но вместо этого она поднялась на ноги и подошла к матери. Губы той дрожали, штормовые глаза подернулись густой пеленой слез. — Неужели же ты наказываешь меня за то, что я оставила тебя в Мелонии? Вот так наказываешь?

— Нет, мама, не говори так! — Лиара положила руки ей на плечи, изо всех сил заставляя себя говорить как можно спокойней и теплее. — Я ни за что тебя не наказываю, это вообще не имеет к тебе никакого отношения. Но у меня свой путь, и он лежит туда же, куда идет Рада.

— Рада? — брови матери непонимающе поднялись. — Кто такая Рада?

— Радаэль Киер, та, которую зовут Черным Ветром, — отозвалась Лиара. Дальше стоило действовать как можно аккуратнее. Они могли и не знать еще, что она сестра Алеора, и Лиара не собиралась им этого рассказывать. Но и скрывать свои отношения с ней смысла не было. Говорить это было странно, но внутри она чувствовала правильность того, что происходит. Так и должно было быть, именно так, после тех слов, что были сказаны ими с Радой друг другу. После всего того, что ей уже наговорила мать. Взглянув в глаза матери, она проговорила: — Рада — моя спутница, матушка. Именно поэтому я не выйду замуж ни за кого.

Несколько секунд мать смотрела на нее, словно вообще не расслышала того, что Лиара только что сказала. Потом она моргнула, мотнула головой, сбрасывая наваждение, и неуверенно улыбнулась:

— Доченька, но такого ведь не может быть, правда? Я бы поняла, почему тебе понравился Алеор Ренон — даже не смотря на свое происхождение, он — легенда, в его жилах течет кровь Ирантира, и он может быть Чадам Солнца, даже так. Но Радаэль... Она же из Мелонии! — в этой фразе звучало столько презрения, что Лиаре вдруг стало просто невмоготу находиться здесь. Не надо было мне сюда возвращаться. Не надо было.

— Я тоже из Мелонии, матушка, помнишь? Я росла в Деране, — в этих словах

прозвучало чуть больше раздражения, чем Лиаре хотелось бы, но сдержаться она не смогла. Глаза матери вновь наполнились слезами.

— Да, милая моя, да! Это все из-за меня! Это из-за меня! — слезы потекли по щекам матери, и на этот раз она не стала их вытирать. — Если бы ты воспитывалась здесь, все вышло бы совершенно иначе! Ты бы познакомилась с Первопришедшей девочкой, может, даже с твоей ровесницей. Я понимаю, ты уже третьего поколения, и Первопришедших детей у тебя не будет, так что тебе не обязательно сходиться с мужчиной. Но если бы ты жила здесь, у тебя было бы время узнать ее, обдумать, действительно ты хочешь связать с ней свою судьбу. В землях людей все иначе, их век слишком короток, чтобы все обдумывать, они действуют слишком стремительно, слишком поспешно! Если бы я не отвезла тебя туда...

— ... это грозило бы безопасности всего мира, матушка, ты сама мне это сказала, — твердо закончила Лиара, глядя на нее. Все оказалось гораздо хуже, чем она думала. Они просто говорили на разных языках, словно те самые птица и кошка, о которых мать только что рассуждала.

— Я знаю, милая, я знаю! — Аваиль горько покачала головой. — Но иногда я думаю: а что, если на этот раз Ильвадан ошибся? Ведь всем было бы гораздо спокойнее, если бы ты осталась здесь!

В глазах матери светилась искренность, она действительно сейчас говорила именно то, что думала, и от этого у Лиары по позвоночнику побежали холодные мурашки. Возможно, это была и Тоска, но она даже и не думала, что все зайдет настолько далеко. Что вы еще готовы сделать ради собственного комфорта? Когда вам говорят, что от ваших действий зависит судьба всего мира, а вы продолжаете жаловаться на собственное одиночество, — это даже не глупость. Это нечто гораздо худшее. Но разомкнуть губы и сказать это в глаза матери Лиара в себе сил не нашла. Я не буду тем, кто усилит ее Тоску. И я постараюсь сделать для нее все, что в моих силах.

— Так, матушка, пойдём-ка к Себану, — негромко, но твердо проговорила она. — Поговорим с ним, решим все вопросы. А потом уже и с тобой побеседуем, не так, второпях, одной ногой на пороге, а спокойно и серьезно, чтобы нам обоим хватило этого времени, чтобы возместить все то, что было потеряно.

— Ты права, доченька, — мать вытерла рукой глаза и повернулась к шкафу. — Но ты, пожалуйста, все-таки надень одно из моих платьев. Я понимаю, что ты пришла из дальних краев, где людское влияние разъедает душу и смущает ум, и тебе нужно некоторое время, чтобы оправиться. Но для тебя действительно будет лучше, если Себан увидит тебя в принятой в Эллагаине одежде. Во всяком случае, это не испортит его отношение к тебе еще сильнее.

На сердце скребли кошки, но Лиара подчинилась. Она искренне не понимала, каким образом наличие на ней эльфийских тряпок может изменить ее любовь к Раде, намерение уходить отсюда или перечеркнуть все годы, проведенные в приюте. Отчего-то внутри начало расти раздражение, пока еще тихое и совсем слабое, но его стебелек упорно карабкался вверх, разбрасывая в стороны крупные листья. Для матери прошло два года, да, пусть вдали от нее и отца, но два года в бессмертном краю вечного тепла и красоты. А Лиару унижали, поносили, считали воровкой, пытались изнасиловать и даже убить, и для нее прошло целых десять лет, причем слепых лет, в которые она словно щенок брела, не разбирая дороги, не зная ни кто она, ни откуда она, ни что ей делать. Да, эти годы окупались в первый же момент встречи с Радой, первой же ее улыбкой, смывшей с нее все лишнее, все неверное, все

лживое. И как бы ни тяжело было им двоим идти вперед, какие бы испытания ни встречали их на пути, Лиара бы не променяла эту дорогу ни на что иное. Но все это никоим образом не отменяло того, что было до встречи с ней, и шрамы, что остались на душе брошенного посреди чванливой, самолюбивой Мелонии эльфийского ребенка не зарастали за несколько секунд.

А теперь мать, словно игнорируя все это, усиленно делала вид, что то ли ничего не случилось, и Лиара просто слегка дурит, отказываясь признавать свою принадлежность к Речному Дому, то ли, наоборот, что случилась беда, и у нее наконец-то есть возможность это исправить. Только вряд ли это можно было исправить эльфийским платьем или даже тысячей таких платьев или тысячей лет, которые Лиара прожила бы здесь. Все изменилось для меня. Я выросла. Сейчас Лиара поняла это особенно остро, и глядя на свою мать, она просто не могла понять, почему та отказывается в это верить. Ведь, по сути, они действительно были чужими друг другу людьми. У Лиары была своя собственная жизнь, в которой она привыкла справляться сама. Марны плели их нити, сплетали по собственной воле, не спрашивая, чего бы хотелось каждому человеку, и Лиара понимала, что ее матери они сплели горе и Тоску. Но время нельзя было повернуть вспять, и Лиара не могла вновь стать той маленькой восьмилетней девочкой, которую той так хотелось видеть.

Неловко надевая на плечи странное платье из нескольких слоев почти прозрачной ткани, которое крепилось хитроумными крючочками, упрятанными в складках на боках, Лиара то и дело поглядывала на свою мать. Истерический румянец подкрадывающейся Тоски и лихорадочный блеск в ее глазах говорил, что мать больна. Вот только вряд ли идея о чистой крови Лиары и нечистой — всех остальных была продиктована именно Тоской. Кажется, ты нашла здесь именно то, чего так и боялась. Лиара сумрачно подтянула рукав платья, пристраивая его поровнее. Нужно как можно скорее покинуть это место. Здесь тебя не ждет ничего, кроме Тоски.

— Какая же ты красавица, доченька! — всплеснула руками Аваиль, разглядывая ее. На лице ее светился искренний восторг. — Самая красивая девочка Эллагаина! Любой эльф был бы счастлив положить свое сердце к твоим ногам!

— Пойдем, мама, Владыка и так слишком долго нас ждет, — Лиара отвела глаза, направляясь к двери.

Мать поспешила следом за ней, и они вдвоем вышли из небольших покоев. Лиара рассеяно взглянула на свой рукав: его цвет изменился, став тускло-серым, почти как у матери. Теперь она помнила, что платья женщин Эллагаина шились из ткани, что называлась шанти. Портные изготавливали ее не только при помощи рук, но и воздействуя на саму материю, из которой шилось платье. Оно обретало необычное свойство: отражать чувства той, на чьих плечах лежала одежда, передавать их в цветовой гамме. Для общества, в котором не принято было открыто демонстрировать свои чувства, такая одежда женщин добавляла им шарма: давая возможность намекнуть избраннику, что он небезразличен, или наоборот, вежливо избавиться от чьего-то докучливого внимания.

Воспоминания возвращались даже в мелочах. Лиара вспомнила, что традиционные одежды, которые носили женщины Эллагаина и знатные мужчины, назывались алит. Разница состояла лишь в том, что женский алит изготавливался из шанти, а мужской из обычной ткани. Откуда пошло именно такое разделение, она не помнила.

Сейчас же наличие платья на ее плечах заставило Лиару бросить острый взгляд в спину матери. Могло ли быть так, что та специально заставила ее надеть алит, чтобы Себан смог

моментально распознать по его цвету, лжет она, злится или боится? Впрочем, она сразу же укорила себя за такие мысли. Аваиль действительно выглядела больной, вряд ли ей, Тоскующей, было дело до политики. Скорее всего, она просто слишком соскучилась по Лиаре за все эти годы и таким странным образом пыталась наверстать упущенную заботу, продемонстрировать свою любовь. Правда вот, способ, на взгляд Лиары, был не самым лучшим.

В свете всех этих мыслей она задумалась и о другом. Так ли уж высоко в Эллагаине ценилась неэмоциональность? Так ли превозносилось право на то, чтобы быть свободным, равным, таким, какой ты есть, чему ее обучали с самого детства? И не являлся ли обычай ношения ткани, что моментально выдает все чувства ее владелицы, еще одним способом, чтобы следить за жителями города и знать, что у них на уме? Кажется, ты опять передергиваешь. Мужчины такую одежду не носят, значит, следят тут не за всеми. А женщины обычно далеки от политики и не вмешиваются в дела Владыки, так что вряд ли дело в этом. Впрочем, ее подозрений это несколько не умерило.

Они вернулись к винтовой лестнице, и мать, взявшись за перила, начала подниматься вверх. Лиара шла за ней, четко прислушиваясь к дворцу. Тишина, в которой откуда-то издали доносились приглушенные шепотки, теперь гораздо больше давила на нее. Здесь было чересчур тихо, и несмотря на спокойную атмосферу, эта тишина порождала ощущение напряженности. Казалось, единственное, что по-настоящему заботит жителей Иллидара, это то, чтобы никому не мешать, никому ничего не говорить и вообще ни с кем не встречаться, чтобы не нарушать его покой. Теперь Лиаре думалось, что город больше похож на склеп, чем на ожившую сказку менестреля. Теперь-то я наконец понимаю Раду. Даже в той таверне, где мы с ней встретились, в той самой, где началась драка и поножовщина, даже в ней мне было уютнее, чем здесь.

Аваиль что-то счастливо щебетала приглушенным голосом, и до Лиары доносились обрывки слов о том, какая она красивая, и как счастлив будет отец, что она вернулась. Видимо, мать отказывалась принимать мысль о том, что она уедет отсюда в самое ближайшее время, а это означало, что всеми способами ее постараются задержать. Да и Себан вряд ли порадует, как только услышит, что за Алеора она замуж не собирается. Лиара помрачнела. Но я не буду врать никому, не буду и все. Рада слишком дорога мне, и я не буду порочить ее ложью, пусть даже эта ложь и во благо. Если они не выпустят меня отсюда миром, я сама сбегу, найду способ. В конце концов, Мембрана совсем близко от города, так что даже если я и не смогу взять ладью, можно будет попробовать добраться вплавь. У меня получалось окружать себя теплыми потоками воздуха, значит, и с водой сработает.

Лестничный пролет вывел их на третий этаж, и Аваиль первой ступила на устеленные дорогими тончайшими коврами полы, оправляя свою одежду. На третьем этаже располагалась приемная Владыки для торжественных мероприятий, и все здесь было украшено изящно, дорого и очень высокопарно. Со всех сторон лестничный пролет окружали стены из светлого дерева, а прямо впереди виднелась резная дверь, так густо усыпанная резьбой, что казалась сплошным кружевом из тонко сплетенных веток.

Лиара смутно помнила, что четвертый этаж дворца занимали жилые помещения Владыки и двух наследников престола, но Себан большую часть времени проводил именно здесь, в своем кабинете, больше похожем на тронный зал. Она была в нем всего несколько раз совсем маленькой во время торжественных собраний знати по особенно значимым для

Эллагаина поводам, но помнила только огромное пространство и то, что ей в обществе Владыки было не слишком уютно.

Аваиль улыбнулась Лиаре и сжала ее руку.

— Ничего не бойся, доченька! Все будет хорошо! Теперь у всех у нас все будет хорошо!

Лиара очень сомневалась в этом, но все-таки выдавила в ответ некое подобие улыбки. Впрочем, ее платье моментально окрасилось в бурый цвет, и мать не могла не заметить этого. Аваиль бросила на ткань мимолетный взгляд, но решила не заострять на этом внимание. В следующий миг глаза ее остекленели, и воздух слегка дрогнул от энергетической волны. Ответ пришел через несколько мгновений, и мать первой шагнула вперед, бесшумно отодвигая в сторону испещренную резьбой дверь.

Яркий свет ударил по глазам, и Лиара сощурилась. Все окна в помещении были распахнуты настежь, и ветер легонько покачивал прозрачные, словно сотканые из росы, занавеси, которыми задернули проемы. Комната переходила в широкий балкон с резными перилами, из-за чего казалась еще больше, чем была. Впрочем, и без этого здесь места хватило бы и на целую толпу. Под кабинет Владыки была отдана большая часть третьего этажа, и комната казалась удивительно пустой и чересчур холодной, особенно по сравнению с уставленным перегородками первым этажом или жилыми помещениями знати на втором.

Пол покрывал мозаичный паркет, набранный из десятков пород различных деревьев. Рисунок был таким замысловатым, что Лиаре на миг показалось, будто под ветром он движется точно так же, как и резьба на внешних стенах дворца, но это оказалось всего лишь обманом зрения. Живые лозы цветов стелились по потолку, увивали стены, обшитые панелями из лиственницы — любимого дерева Себана, что она помнила хорошо. Вдоль стен стояли тонкие стеклянные шкафы, уставленные резными статуэтками из поделочной кости и редкими замысловатыми вещицами, которые так любил Владыка. Больше из мебели здесь не было почти ничего, лишь приземистый лакированный столик у самого балкона и несколько этих странных плетеных кресел без ножек, но с полукруглой спинкой, похожих больше на пуфы. На одном из них сейчас сидел Себан, держа в руках чашку из тончайшего фарфора и наслаждаясь курящимся над ней ароматом.

Он поднял глаза на вошедших, и Лиара моментально вспомнила все наставления Алеора о том, как нужно было держать себя с ним. От Владыки Речного Дома веяло древностью, седой старью и толщей времени, такой громадной, что воздух вокруг него почти ощутимо вибрировал. Лицо его не было ни старым, ни молодым, но вечным: будто вытесанные из мрамора правильные холодные черты, слишком правильные, словно веками кропотливый скульптор трудился над каждым изгибом, каждой впадиной. Ни капли тепла не было в светло-карих, почти желтых глазах Себана, лишь разум, острый, как бритва, ледяной, как дыхание зимы, пронзительный и опасный. Его взгляд гипнотизировал, лишал воли, подчинял. На миг Лиаре показалось, что из его глазных впадин на нее смотрит само время: неумолимый палач, мелящий в прах все надежды, все чаяния, все мечты людей, их самих и память о них, не оставляя ничего, за что можно было бы уцепиться, что можно было бы сохранить. Он даже не моргнул, поднося к тонким губам чашку с чаем, лишь прядь его каштановых волос слегка сползла с плеча. Эти волосы тоже казались ей не настоящими, но созданными руками талантливого скульптора. Длинные, почти до талии, мягко каштановые, гладкие, словно один монолит, эти волосы всегда лежали ровно, ни один локон не растрепывался, не выбивался среди других. Лиара помнила его точно таким же: застывшим изваянием изо льда и разума, с прямой спиной и расслабленными плечами, одетого в

белоснежный мужской алит, право на ношение которого было лишь у благородных Эллагаина.

Аваиль склонила голову перед Владыкой, опуская глаза. Он даже не взглянул на нее, будто ее здесь не было. Его взгляд медленной промерзшей с зимы змеей переполз на Лиару, и она вздрогнула, не в силах смотреть ему в глаза. Она тоже склонила голову, чувствуя себя так, будто все тело пронзил ослепительно белый луч. Это совсем не походило на то сияние, которое оставляло после себя прикосновение Великой Матери. Это было раскаленное сияние зимней стужи, просветившее ее насквозь, прочитавшее ее до последней клеточки, оценившее и взвесившее ее за те несколько мгновений, пока Себан не моргнул. Потом длинные ресницы прикрыли два ослепительных пульсара его глаз, и он отхлебнул чаю из тонкой чашки.

— Владыка Себан, по твоей воле я привела свою дочь Лиару, вернувшуюся в свой дом после долгих лет разлуки и скитаний на чужбине, — голос Аваиль звучал приглушенно, головы она так и не подняла. Лиара бросила косой взгляд на мать: на губах той играла рассеянная улыбка. Возможно, мать надеялась, что теперь-то Владыка простит ей ее поступок, и ссылка мужа закончится. Лиара очень в этом сомневалась.

Сама она с трудом выпрямилась и, стараясь сделать это незаметно, вздохнула, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя. Присутствие Себана буквально подавляло, вжимало ее в пол, и на его фоне она чувствовала себя крохотным пробившимся из земли листком рядом с необъятным стволом тысячелетнего дуба.

— Эльфийские одежды к лицу тебе, Лиара Элморен, гораздо больше, чем те обноски, в которых ты явилась сюда. — Голос Владыки можно было бы счесть приятным, если бы в нем была хотя бы малейшая тень интонации. Лиара моргнула: вовсе не такого начала разговора она ожидала. — Но ровно настолько к лицу, насколько они смотрелись бы на какой-нибудь Высокой из Края Лесов. По-настоящему их носить ты не можешь.

Взгляд Себана вновь поднялся над чашкой и впился в нее. Лиара потупила глаза, чувствуя, как с бешеной скоростью колотится в груди сердце и пересыхают губы. Взгляд Владыки напоминал удар молнии, только не мгновенный, а растянутый на тысячелетия и удесятенный по мощности, и под ним ее трясло, будто сухой лист на ветру. А еще она прекрасно знала, что имел в виду он вовсе не ее одежду. Рукава алита, что был на ней, сейчас переливались из ядовитого желтого цвета в светло-зеленый, и Лиара помнила, что значит этот цвет — страх. Никто из эльфов не выказывал такого чувства в Иллидаре, они просто не испытывали его здесь, в краю вечного покоя. Под пульсарами глаз Себана Лиара не смогла бы с уверенностью сказать, чья именно это мысль: ее или его.

Владыка вновь заговорил, и в голосе его зазвучало шепотом осенних листьев и шелестом дождя легкое сожаление:

— Я предполагал, что твое возвращение будет именно таким, если вообще когда-нибудь случится. Дети, растущие в Эллагаине, пьют солнце из колодца ладоней, дышат ветрами и украшают свои сердца цветом весенней вишни, а головы — мерцающими венками из звезд. В их теле дышат миры, и они чувствуют их острее и ярче, чем даже старейшие из нас. И если такие дети попадают во внешний мир, то их история кончена; они уязвимы для всей скверны, горя, страхов людей, что окружают их там. Я говорил твоей матери, что она причинила тебе величайшее зло, вывезя тебя из Эллагаина в раннем возрасте, когда процесс твоего формирования как равной нам души еще не завершился. Теперь же я вижу последствия ее необдуманного поступка, и я скорблю вместе с тобой, дочь ушедшего лета.

Лиара и хотела бы что-то ему ответить, но язык буквально присох к небу. В голосе Себана не было ни малейшей тени сомнения, он говорил так, как ощущал всем своим существом, состоящим из обнаженного разума и ничего кроме него. Атмосфера в комнате была буквально напитана электрическими разрядами его мыслей, она подчиняла, она подавляла все, что крутилось в голове Лиары, делая это мелким и незначительным. Ей казалось сейчас, что волны мыслей Себана плывут сквозь нее, мощными перекатами вымывая прочь ее саму и оставляя лишь то, что Владыка желал видеть в ней, лишь то, что ему было нужно.

— К сожалению, я вряд ли могу вылечить это увечье в тебе, Лиара, — продолжил он. В голосе его слышалась все та же грусть по невозвратимому. — Теперь, когда оно так глубоко пустило корни, когда оно проросло, ничто уже не сможет изменить твой взгляд, не сможет очистить его до конца, и зернышко людского яда навсегда останется в тебе. Но в моей власти — не дать ему прорасти. — Лиара краем глаза заметила, как болезненно пульсирует желтизной ее алит. Теперь его свечение напоминало отчаянно бьющуюся в тенетах паука муху. — Для того, чтобы нам обоим удалось осуществить это трудное дело, тебе придется потрудиться и помочь мне, дочь ушедшего лета.

Владыка замолчал, отхлебывая из чашки и глядя на нее. Под его взглядом она практически не могла соображать, мысли расплзались, тяжело было даже просто смотреть ему в лицо. Лиара с трудом дышала, не понимая, что с ней происходит. Мать рядом стояла спокойно, сложив руки на животе и не проявляя никаких признаков беспокойства. Ее сочувственный, полный надежды и поддержки взгляд был обращен к Лиаре, но от этого ей было только хуже. Пальцы сжались на краях рукавов, сжались так сильно, что коже стало больно. Я не больна, я не заражена ничем, что бы они мне оба ни говорили. Я знаю, кто я, что я делаю и зачем. Стало чуть-чуть легче, самую чуточку, и Лиара смогла судорожно втянуть в себя воздух.

— Я вижу и чувствую, как тебе тяжело, — заговорил Себан, словно читая ее мысли. — Жители Эллагаина привыкли к моему присутствию, моей силе, для них она — сама суть этого города и их собственных сердец. Но ты пришла со стороны, ты не готова чувствовать так, как мы, существовать так, как мы. Потому для тебя контакт может быть труден. Но дело поправимо. — Медленно, не сделав ни одного лишнего движения, Владыка поставил чашку на столешницу и чуть повернул, чтобы крохотная фарфоровая ручка была ближе к его пальцам. А потом вновь взглянул на нее. — Ты должна принять мою силу и открыться мне. Без любой попытки отстраниться, закрыться, убежать. Как только ты сделаешь это, мы сможем работать над твоим увечьем.

Лиара понимала, что он от нее хочет, но одна мысль об этом заставила ее содрогнуться. Сила, которой обладал Себан, была ей настолько же чужда, насколько и весь этот странный город, словно замурованный в одной медленно тянущейся медовой капле вечности и тишины, пустого существования, которое эти эльфы называли жизнью. Здесь было так мало детей, и новых никто не хотел. Здесь никто не разговаривал громко, чтобы не навязывать свои мысли. Здесь ценностью считалось выражение хоть каких-то эмоций, потому что большая часть эльфов на это способна не была. А Тоска становилась наказанием за самоуправство, и с этим никто ничего не делал.

Наплевав на то, что подумает о ней Себан, Лиара зажмурилась. Так ей было хоть чуть-чуть легче, хоть немного легче выдерживать его жуткий взгляд. Перед внутренним взором словно издали появилось лицо Рады, ее глаза, полные нежности и мягкого золота, что

смотрели прямо в ее душу. Это немного приободрило Лиару, и она вновь выдохнула, еще чуть-чуть набираясь сил.

Потом пришло смутное воспоминание о том, каково было чувствовать мощь Великой Матери, льющуюся через каждую клетку. Она была другой, не такой, как сила Себана — мощь ледяной зимы, способная остановить само время. Она была вечно-гибкой, подвижной, журчащей, как ручеек, золотой, как рассветное небо. Она была в звонком хохоте ребенка, в радуге, пойманной крылышком стрекозы. Она была в толстых шмелях, чьи мохнатые деловитые спинки покрывала желтая цветочная пыльца, в игривых бельчатах, что гонялись друг за другом по ветвям ярко-зеленого дуба, в песне жаворонка где-то далеко-далеко над головой, в бескрайнем небе. Эта была сила самой жизни, ее дыхание, ее биение, ее могучий, размеренный пульс, такой же мягкий, как руки матери, такой же древний, как ледяные шапки гор. И эта сила подходила Лиаре гораздо больше, чем то, что предлагал ей Себан.

Стоило лишь на миг вспомнить ощущение, как стало легче. Давление спало, перестав так сильно сжимать тело, внутри золотой каплей заныло крохотное рожденное солнце. Оно не исчезло, нет, но отступило куда-то вглубь под всеми переживаниями и волнениями, которые она испытала за это утро. А теперь разворачивалось, распахивало медоточивые лепестки и мягко перекатывалось внутри нее. Лиара вздохнула еще раз и нашла силы открыть глаза, чтобы взглянуть в лицо Владыке.

А он смотрел на нее, прищурившись, пронзительно, словно двумя острыми бурами вгрызаясь в ее душу. Только теперь это был уже не взгляд насквозь, теперь прямо в ее груди был маленький теплый уголок, куда этот взгляд проникнуть не мог, и Лиара спряталась в нем, свернулась в клубочек, закрываясь от всего остального. Откуда-то взялись и силы, и она с трудом, но разомкнула, казалось, накрепко сомкнутые челюсти.

— Я благодарю вас за вашу доброту и участие ко мне, Владыка, — ее голос звучал слабо вначале, но с каждым словом бывшая звонкость возвращалась к нему. Золото силы Великой Матери пульсировало в груди, его было совсем мало, но вполне достаточно для того, чтобы больше не быть раздавленной его волей. Лиара мысленно вознесла ей молитву за это и продолжила: — Но мое исцеление может и подождать. Гораздо важнее сейчас здоровье моей матери. Я не слишком понимаю во всем этом, но мне видятся первые признаки Тоски в ней. Я не хотела бы, чтобы ваши усилия, затраченные на помощь мне, лишили таким образом исцеления ее.

Взгляд матери стал вдруг каким-то удивленным и слегка сбитым столку. Она взглянула на Лиару, словно что-то собиралась ей сказать, но удержалась. А вот глаза Себана стали еще холоднее и морознее, чем были раньше.

— Недуг твоей матери будет исцелен тогда, когда истечет время ее наказания, — без выражения ответил он.

— Но я же здесь, Владыка, — Лиара вдруг заметила, что алит на ней вновь меняет цвет, становясь более желтым, чем зеленоватым. Цвет медленно вычищался, набирая силы и благородного сияния. Еще немного, и он станет золотым, отстраненно подумала Лиара.

— Твое присутствие здесь не имеет никакого отношения к делу и наказанию твоей матери, — Себан почти не моргал, следя за ней. — Она наказана не за прегрешения перед тобой, но за прегрешения перед своей страной, перед всем Эллагаином, который лишился счастья твоего детства. Тем, что увезла тебя за Мембрану, Аваиль нанесла вред, прежде всего, всему городу, потому что твой потенциал был в корне загублен, и он никогда уже не сможет принести пользы Эллагаину. А за бездарное растрачивание такой силы должна

последовать кара, так что твоя мать платит и будет платить ровно столько, сколько было ей отмерено.

Лиара откуда-то знала, что получит именно такой ответ, и ничему не удивилась. Она понимала, что это наказание, понимала, что, по мнению Себана, наказание было заслужено, но она не понимала, как можно подвергнуть Тоске своего подданного, за которых Себан, по его словам, так радел. Эльфы казались Лиаре такими же непонятными, как и люди. И самое забавное было в том, что обе расы обвиняли друг друга в одном и том же: подозрительности, жестокости, самовлюбленности, расчетливости. Наверное, мне никогда не понять ни тех, ни других. Но кто же тогда я, Великая Мать? Если я и не человек, и не эльф, то кто я? Ответом ей было лишь золото в груди и ощущение чье-то лукавой, нежной улыбки.

Это ощущение только придало сил. Лиара аккуратно выпрямилась, разглаживая пальцами ткань платья, которую до этого она комкала. Теперь по алите переливались золотистые, слегка светящиеся сполохи, которые подпитывало настроение Лиары. Но все равно, в обычной одежде, которую она носила всегда, ей было бы гораздо уютнее.

С каждой секундой присутствие Великой Матери становилось все ближе, и теперь сила Себана отодвигалась прочь, отступала. Лиара не боролась с ним, не сражалась, не давила, но сила, что шла к ней, имела другую суть и, что-то подсказывало ей, — гораздо большую мощь. Владыка смотрел все так же пронзительно, и глаза его были все теми же пульсарами, но теперь это уже не оказывало на нее такого влияния, как поначалу.

— Я вижу, что ты упорствуешь, — проговорил он, аккуратно поднимая чашку. Ни одного лишнего движения, словно ручка крохотной фарфоровой чашки сама легла в его пальцы. В голосе Себана тоже не слышалось ничего, он просто констатировал факт. — Впрочем, я и не ожидал, что ты сразу же примешь мое предложение. Мир за границей Мембраны представляет слишком большой соблазн, он наполнен силами и сущностями, что могут обещать великое могущество и обманывать тем самым разумы молодых эльфов.

Тень неуверенности пробежала в мыслях, но Лиара отпихнула ее прочь. Даже если бы Себан прямо сейчас заявил, что сила Великой Матери — обман и неправда, что Лиару обманули, окружили ложью и запутали, она бы не поверила ни единому слову. В ее груди билось сердце Рады, а через него — сердце всего мира. И другой правды ей не нужно было.

А еще в его взгляде Лиаре почудилось на миг что-то настороженное. Он смотрел на нее по-другому теперь: все так же холодно, но при этом оценивающе, задумчиво, будто проглядел что-то и никак не мог понять, что.

— К тому же, ты попала под очарование этой самонадеянной Радаэль Киер. В ней от эльфийки одно название, а все остальное — от самых презренных наемников с городских окраин. — Все его слова проходили мимо, не касаясь разума Лиары. Однако она отметила, что про Раду он уже знает. Наверное, Латаан доложил, что мы целовались на причале. — Я предполагаю, что слухи о том, что она — сестра князя Ренона, — правда? — Себан взглянул в лицо Лиары и медленно кивнул, хоть она изо всех сил и пыталась сделать так, чтобы ни одна эмоция на нем не отразилась. — Осталось только выяснить, каким образом это все получилось, но это мы оставим на потом. Сейчас гораздо важнее, чтобы ты поняла одну вещь, Лиара. — Себан сделал маленький глоток, опуская глаза на свою чашку, и принялся рассуждать вслух. — Я прекрасно понимаю, что ты не виновата в самоволии своей матери и ее ошибке. Я понимаю, что мои подданные не проявили должного рвения в твоих поисках и не смогли вернуть тебя раньше того срока, когда ты уже покинула Мелонию. И неудивительно, что ты прибилась к первым же эльфам, которых встретила на своем пути,

потому что инстинктивно тянулась к обществу себе подобных. И, скорее всего, молодой князь Ренон наговорил тебе множество нелицеприятных вещей об Эллагаине и обо мне лично. Вещей, к которым ты, скорее всего, прислушалась, потому что не слышала и не знала ничего другого. Но все это поправимо, дочь ушедшего лета. Я могу помочь тебе вспомнить, кто ты такая, осознать, для чего ты пришла в этот мир, понять свою суть. Но для этого мне нужно будет, чтобы ты открыла мне себя до самого последнего уголка. Как только это произойдет, ты станешь собой.

— Боюсь, Владыка, что я не стою ваших усилий, — Лиара постаралась говорить как можно спокойнее и увереннее, но ее платье неудержимо сверкало золотом, а в груди певчей птицей билось сердце. Власть Себана спала прочь с нее старой паутиной, растрескавшейся и облупившейся сухой коростой, и она больше не боялась. Что бы он ни говорил, она больше не боялась ничего, потому что он ровным счетом ничего о ней не знал и знать не мог. — Как вы сами сказали, время упущено, и вряд ли я смогу принести пользу своей стране, ведь я третьего поколения, и мои дети Первопришедшими уже не будут. Так что, с вашего позволения, я хотела бы навсегда покинуть пределы Эллагаина.

Рядом громко ахнула мать, хватаясь за сердце, но Лиара не пошевелилась, даже не посмотрела на нее. Сейчас уже не было никакой разницы, от нее самой ничего не зависело, ведь Себан не собирался снимать наказание с матери, даже несмотря на то, что Лиара вернулась домой. Не я мучаю тебя, мама, не я приношу тебе боль. И мне не за что чувствовать себя виноватой перед тобой. К тому же, внутри плескалось огромное золотое море, нарастая и нарастая с каждой секундой, и в этом море от самой Лиары оставалось все меньше и меньше.

Себан наблюдал за ней все пристальнее, и глаза его сузились, став двумя трещинами в вековечном льде.

— Я не отказываюсь от своих подданных так легко, Лиара Элморен, — медленно проговорил он. В голосе по прежнему не было никаких эмоций, но теперь он почудился Лиаре бритвенно-острым лезвием. — Несмотря на то, что ты не нашей души, но силой ты обладаешь, и я вижу это. И я не собираюсь отдавать эту силу в руки мальчишки, который прославился лишь тем, что отлично умеет ввязываться в неприятности людей. Или, тем более, его сестры, которая из себя ровным счетом ничего не представляет. Ты все еще остаешься дочерью Эллагаина, и раз это так, то ты останешься здесь ровно настолько, насколько я решу. И если даже после надлежащего обучения ты все равно будешь упорствовать и требовать вернуться во внешний мир, то такую возможность мы пресечем навсегда. — Лиаре показалось, что на миг воздух вокруг Себана зарыбил. — Мембрана продолжает оставаться гибкой и покладистой здесь, где лишь чистые сердца поддерживают ее своим пламенем. И я смогу в любой момент придать ей необходимые свойства, чтобы пресечь глупые идеи невежественных детей для их же собственного блага.

На этот раз это была уже открытая угроза, но отступить Лиара не собиралась. Он мог говорить ей что угодно, мог запугивать ее как угодно, теперь ей было уже все равно. Все, что требовалось понять о Владыке Речного Дома, Лиара уже поняла, и это оказалось гораздо хуже того, что думал о нем Алеор. Я лишь прошу твоего заступничества, Великая Мать! Дай мне силы удержаться, дай силы сопротивляться! Ничто и никто не удержит меня здесь, потому что я принадлежу тебе и Раде, и больше никому.

— Вы в своем праве, Владыка, — тихо проговорила она, равнодушно пожав плечами.

Внутри действительно не было ничего, кроме огромной силы и спокойствия, что

пропитывало всю ее насквозь. Лиара знала, что с ней просто физически ничего не может произойти, раз такая дорогая цена была уплачена, чтобы вывести ее отсюда в Мелонию навстречу судьбе много лет назад. Заметил это и Себан, не спускающий с нее своего тяжелого взгляда. Судя по всему, отпускать ее отсюда отдыхать без допроса он не собирался, а потому Лиара внутренне приготовилась. Сейчас он начнет ее допрашивать, а проклятое платье может выдать любую ее эмоцию. Желавшая сделать как лучше мать создала ей лишнюю трудность, но по большому счету все это было неважно. Теперь нужно было лишь расслабиться и не дать Владыке вытянуть из нее того, чего бы она не хотела говорить.

Себан поставил чашку на стол и откинулся на спинку своего кресла.

— Аваиль, оставь нас. Твоя дочь придет к тебе, когда мы закончим разговор. А ты, Лиара, — глаза его блеснули. — Для начала ты расскажешь мне, каким именно образом ты познакомилась с князем Реноном и молодой Киер. Можешь не торопиться, времени у нас предостаточно. И не думай что-либо утаить от меня, я все равно узнаю это.

Мать рядом низко поклонилась Владыке, бросила на Лиару полный отчаяния взгляд и направилась к двери. Но Лиаре до всего этого не было никакого дела. Внутри плескалось золото, алит сверкал почти что солнечным светом, таким ярким и живым на фоне белоснежного одеяния Владыки, и Великая Мать стояла за ее плечом, возложив руки ей на голову. Я все равно уйду отсюда тогда, когда захочу. И ничто меня не остановит. Жди меня, мое сердце!

===== Глава 55. В теплой дружеской обстановке =====

По окнам барабанил дождь, день за днем вымывая из мира последние оставшиеся краски. Земля от него разбухла и почернела, напитавшись влагой так, что даже на утопанной дороге в отпечатках сапог стояла вода. Травы побурели, склонив отяжелевшие головы к земле и уже не надеясь вновь подняться под ветром. Последнюю листву смыло с веток деревьев, унесло ветром, и теперь по разбухшей коре медленно стекали крохотные ледяные капли, словно слезы, последние слезы мира перед зимой. Повсюду капало, и неумолчный тихий перестук дождя по крышам, стеклам, стенам и лужам за окном стал докучливым и надоевшим соседом Рады.

Делать в проклятом Рамаэле было совсем нечего. То есть ровным счетом нечего. За те три дня, что прошли с ухода искорки домой, она успела уже двадцать раз обойти весь порт и наглядеться на него так, что хватило на всю жизнь. Здесь было ровно семнадцать домов, самым крупным из которых была гостиница «На околице», семнадцать домов и пристань. И все.

Жителей городок насчитывал максимум четыре десятка, и все они держались отстраненно и холодно, пристально рассматривая гостей порта своими ничего не выражающими взглядами. По их длинным рожам и вечно недовольно поджатым губам Рада сделала вывод, что все они — Первопришедшие, которым не повезло то ли чем-то вызвать гнев Владыки и быть отправленными жить здесь, то ли получить от него неудачную работу, которая предполагала службу за границей Мембраны. Лишь семеро из этих десятков были не Первопришедшими, а Высокими — детьми четвертого поколения, которые не могли пройти через Мембрану и вынуждены были топтаться здесь до скончания веков и времени, как грязные попрошайки, которых стыдно пускать на порог. Алеор обмолвился, что кое-кто из рожденных четвертого поколения Речного Дома уходят в Лесной Дом и получают там приют и возможность жить наравне с остальными гражданами страны, но таких было очень мало. Первопришедшие предпочитали вообще не плодиться, чем плодить Высоких, поэтому и

детей у них в городе почти что и не было.

Все эти эльфы держались здесь только для того, чтобы вести торговлю и надзирать за границей государства. Естественно, что никто не мог пройти сквозь Мембрану, кроме них, а потому и охранять границу смысла не было. Но они все равно ходили с таким видом, будто все вокруг только и пытались, что придумать способ пробраться в Иллидар, хоть он никому и даром не нужен был. Также, три здания из семнадцати представляли собой лавки, в которых были выставлены образцы того, чем торговал Иллидар. Именно ради этого причаливали сюда торговцы, и когда сделка заключалась, пограничники перевозили через Мембрану необходимое количество товара, чтобы отгрузить его на пристани Рамаэля на людские корабли.

Торговали эльфы вещицами очень редкими и дорогими. Рада и сама заглянула во все три лавки от нечего делать, а также задумав что-нибудь прикупить для Лиары, но цены заставили ее вытаращить глаза и ретироваться. На прилавках лежало вино, которое изготавливали эльфы из закупавшегося на юге винограда, одежда из закупавшихся на юге тканей, изделия из закупавшейся на юге кости. Одним словом, бессмертные ничего не изготавливали сами: они лишь покупали сырье, и этому сырью придавали определенные свойства. Правда, за такие свойства не жалко было отвалить никакие деньги.

Вино Речного Дома напоминало по вкусу едва ли не пищу богов, одежда, которую они изготавливали, не промокала, не рвалась и не портилась. Торговали здесь и оружием, которое не тупилось и не старело, изделиями из драгоценных камней и металлов, подобного которым по изяществу и красоте линий Рада никогда не видела, книгами, аккуратно переписанными от руки древними манускриптами, которые достать можно было только здесь. Все это стоило столько, что оставалось только качать головой, но людские торговцы покупали, жадно скупали то небольшое количество товаров, которое с неохотой перепродавали Первопришедшие. Все это прямоком шло во дворцы знати: только самые богатые представители рода людского могли позволить себе обладать такими вещами.

Впрочем, самые легендарные из своих изделий проклятые Первопришедшие продавать отказывались. Рада потратила битый день, околавываясь на пристани и разглядывая никогда не гаснущие фонари, когда обратила внимание на то, что их никто не тушит и не зажигает, а пламя при этом продолжает гореть одинаково ровно и днем, и ночью. Оказалось, что внутри было вовсе не масло, а эльфийский шнур — веревка, что никогда не гасла и не сгорала, стоило лишь ее поджечь. Когда она спросила, можно ли купить такую штуку в лавке, торговец оскорбился, поджав узкие губы и заявив, что Речной Дом не продает ценные вещи во внешний мир.

— У нас тоже есть такая веревка, и мы тоже ее не продаем, — ответил на ее вопрос Алеор, посмеиваясь в кубок с вином. — Ты не представляешь себе, сколько труда нужно угробить, чтобы сделать хотя бы несколько метров такого шнура. На изготовление куска длиной с ладонь уходит год, и это при том, что мастера трудятся день и ночь без перерыва. Но и результат хорош: ты навсегда избавлен от проблем с освещением. Так что вот это, Радушка, — он постучал костяшкой пальца по лампе, что горела на столе в общей зале, — стоит гораздо больше, чем все твое поместье в Мелонии. Можешь считать, что эта дыра, в которой мы застряли, украшена на гораздо большую сумму, чем весь Латр, только благодаря этим паршивым фонарям на пристани.

— А почему этот шнур никогда не гаснет, Алеор? — с интересом поинтересовалась она. — Что там за ворожба такая?

— А я почему знаю? — пожал он плечами. — Есть мастера, которые этим занимаются, но мне до них никакого дела нет.

— И он служит только для освещения? — Рада недоверчиво взглянула на лампу. — Год, проклятый год ради того, чтобы сделать один единственный светильник?

— Ох, Радушка, эльфы бы просто не выжили, если бы могли мыслить так же, как ты, — хмыкнул Алеор. — Нет, он нужен не только для освещения. Не знаю, слышала ли ты об этом, но вот точно таким же шнуром, точнее, тремя кольцами такого шнура окружен весь город Озерстраж.

— Зачем? — вытаращилась на него Рада. Она постаралась прикинуть в уме, сколько же надо было копать мастерам, чтобы сделать шнур длиной в десятки километров, если всего один кусочек с ладонь занимал у них год.

— Озерстраж — столица Бреготта, сердце Пограничья, что уже долгие тысячелетия сражается с Сетом и сдерживает наступление Хмурых Земель. Как ты знаешь, он расположен на острове посреди озера, чтобы в случае поражения дермакам было как можно сложнее взять столицу. А чтобы даже ночью эти твари не смогли подкрасться незамеченными, Лесной Дом преподнес в дар Бреготту эльфийский шнур. Если когда-нибудь дермаки попробуют высадиться на остров, бернардинцы сразу же подожгут шнур, и пройти тем будет уже гораздо сложнее.

Рада только покачала головой. Такой дар был поистине королевским, пожалуй, стоил он гораздо дороже всей Мелонии вместе взятой. Сдается мне, причин дружить с эльфами у людей больше, чем причин их ненавидеть. И бернардинцы — единственная умная нация, разглядевшая все перспективы от такого союза.

Людских торговцев в Рамаэле было совсем немного. В большой гостинице помимо Рады проживало всего два купца с юга, с Ишмаила, которые дожидались здесь доставки большого груза заказанных ими у эльфов товаров. Команда их не покидала корабли, отсиживаясь в трюме, чтобы не встречаться с Первопришедшими, а капитаны и носу не высывали из своих комнат в гостинице, спускаясь лишь поесть в общую залу и не поднимая глаз от своей тарелки, чтобы не было необходимости контактировать с бессмертными. Вид при этом у них был таким угрюмым, словно и не торговать они сюда приехали, а отбывать тюремный срок, и Рада прекрасно понимала, что они чувствуют. Утром второго дня одному из капитанов эльфы привезли две ладьи с заказанным грузом. Он моментально расплатился с ними, в течение часа погрузил товары на корабль и сразу же отплыл со всей возможной скоростью, наплевав даже на сильнейший встречный ветер и тугие струи дождя, почти что смывающие его команду за борт со скользкой палубы. Второй капитан только с тоской посмотрел, как тот отчаливает, и остался в гостинице, дожидаясь и своего срока.

Но все их проблемы были продиктованы лишь их собственной жадной наживы, так что Раде не было до этого особого дела. Она же застряла здесь совсем по иной причине, и эта самая причина все никак не возвращалась к ней из города, которого Рада даже разглядеть не могла.

Первый день она крепилась, говоря себе о том, что время за Мембраной течет иначе, что Лиара даже не успела еще толком оглядеться и найти мать. В любом случае, Иллидар, по слухам, был большим городом, а отыскать одного конкретного человека в большом городе довольно сложно, особенно, если не знаешь даже его имени. Так что она послонялась по пристани, посидела в общей зале, выпив кружечку вина с Алеором и Каем и улеглась спать в своей холодной и неудобной кровати, слушая, как шепчет за окнами дождь.

Он продолжал шептать и утром, когда она открыла глаза в сером сумраке рассвета, когда встала и сделала разминку, чтобы хоть немного привести в порядок задубевшие за ночь плечи. К завтраку Лиара не вернулась, как и к обеду, и ноги сами понесли Раду на пристань, будто это каким-то образом могло приблизить ее к искорке. Там ее внимание на какое-то время заняли фонари, но даже это не могло заинтересовать ее по настоящему. Сердце ныло, оно просило, оно звало, и Рада всем своим существом ощущала, как медленно тянутся секунды, одна за другой, неповоротливые, нерасторопные, словно улитки.

— Она не вернется так быстро, — сочувственно проговорила Улыбашка за ужином, поглядывая на нее. — Ты же знаешь, здесь разное время.

— Знаю, — поморщилась Рада, уныло катая в своей тарелке картошку из угла в угол. Аппетита совсем не было.

— Потерпи, — в голосе гномихи прозвучала мягкая забота. — Ничего с ней там не случится. Как только они с матерью решат все свои дела, как только она договорится с Себаном обо всем, она придет обратно. Обязательно.

На это Рада только сумрачно кивнула. Она ни секунды не сомневалась, что Лиара вернется. Эта уверенность раздувала ее легкие, словно кузнечные мехи, она грела сердце, она наполняла все тело Рады золотистой, мягкой силой, подобной которой она никогда не чувствовала. Но время разлуки тянулось невыносимо медленно, так медленно, что выть хотелось.

А еще всю ее насквозь пропитывало странное чувство, будто все, что с ней происходило, происходило не с ней. Рада замерла в каком-то длинном тягучем мгновении, глядя широко открытыми глазами на мир вокруг нее. Он жил по своим законам, такой же, как и всегда, но при этом совершенно незнакомый ей. Мир, которого она раньше никогда не замечала, мир, что казался ей данностью, действительностью и реальностью, но которого она никогда по-настоящему не знала.

Капал дождь. Большие круглые капли медленно ползли по запотевшим стеклам, и сквозь них Рада видела размытый мир. Прямо за Рамаэлем начинались огромные, раскинувшиеся до самого горизонта холмы, кое-где поросшие невысокими кучами деревьев. Небо лежало над ними, усталое, угрюмое, тяжелое, проливаясь и проливаясь слезами, будто мучительно ждало чего-то, готовилось к чему-то, и никак не могло получить облегчения. Где-то там, за облаками, ползло по небу низкое осеннее солнце, где-то воздух был напитан его лучами, наполнился его последним слабым теплом, но для мокрого мира вокруг Рады всего этого не существовало. Я как этот мир, думала она, глядя на голые ветви за окном. Мое солнце есть, я знаю о нем, но оно скрыто от меня облаками. Лишь один вопрос: я ли создаю эти облака, или они есть сами по себе?

Она помнила, как мешали ей тоска и страх в темном трюме корабля Сагаира, мешали погрузиться в силу Великой Матери и найти в ней покой. Может быть, и сейчас грусть по Лиаре мешала ей найти красоту, счастье и тишину в этом насквозь промокшем холодном порту? Может быть, если бы она перестала грустить, Лиара вернулась бы к ней скорее, и это тоскливое время не тянулось бы так бесконечно медленно?

Удивительно, но при этом Рада чувствовала себя гармонично всему окружающему, как никогда ощущала себя частью всего мира. Теперь он не был так далек, как раньше — просто среда обитания, в которой она дышала, ходила, которую она видела. Теперь все будто приблизилось к ней на один крохотный шаг, несмелый, неуверенный, теперь мир смотрел ей в глаза, пристально ища там что-то, одному ему известное. И внутри то и дело

поднимался странный вопрос, который Рада даже не могла сформулировать. Она лишь смотрела и смотрела на всю эту серость, эту воду, эту умирающую осень, и пыталась что-то понять, что-то очень важное, но что — не знала.

И при этом все застыло в напряжении: мир, спутники, она сама. Тихий шелест дождя сливался в странную тишину, затишье перед бурей, когда все на миг замирает в жаркой, душной, влажной истоме, ожидая первой прохладной капли, первого громогласного удара серебристой молнии, соединяющей небо и землю. Так и Рада застыла звенящей тетивой, вглядываясь огромными глазами в мир и все никак не понимая, чего же она ждет. Чего?

В похожем состоянии были и спутники. Алеор темной тучей сидел в своей комнате, хмурия черные брови и разглядывая закупленные еще загодя карты, которыми были забиты его переметные сумы. Кай все больше дремал или читал, растянувшись на кровати, что для него все же была явно коротковата. Несколько книг он привез с собой из Алькаранка, да и в гостинице обнаружилась достаточно приличная библиотека, заинтересовавшая ильтона. Улыбашка то и дело косилась на окружающих ее Первопришедших и ворчала себе под нос о древолюбях и подсолнечниках, вид у нее был такой, словно ей хотелось как можно дальше удрать отсюда при первой же возможности. Напряженное ожидание накрыло их всех своим холодным тяжелым крылом, ожидание, что никак не могло разрешиться.

Утром третьего дня впервые пришли новости. Они завтракали в общей зале внизу, когда входная дверь гостиницы отворилась, и внутрь шагнул Латаан, откидывая с головы капюшон плаща, усыпанный мелкими капельками дождя. Прямо от двери он направился к их столу, и Алеор выпрямился, откладывая в сторону свою вилку и холодно глядя на эльфа.

— Доброго утра, князь Ренон, дамы и господа, — Латаан едва заметно кивнул, что можно было счесть за весьма отдаленное подобие поклона. Сесть ему Алеор не предложил. — Приношу извинения, что потревожил ваш завтрак. Достаточно ли удобно вы расположились в Рамаэле?

— Достаточно, — коротко отозвался Алеор, не добавив больше ничего. Латаан сделал вид, что не обратил внимания на его тон, и продолжил:

— Владыка Себан передает вам свое приветствие и выказывает надежду, что время, проведенное в Рамаэле, станет для вас приятным. — Алеор не пошевелился, ожидая дальнейших слов, и Латаан слегка скривил губы, самую чуточку. — Я уже упоминал, князь, что был бы очень признателен, если бы вы сообщили нам о своих дальнейших планах.

— Я нахожусь здесь как частное лицо, — спокойно отозвался Алеор, — это не дипломатический визит, он не санкционирован Владыкой Илионом или кем-либо еще. Я просто путешествую вместе со своими друзьями и задержался здесь только потому, что у одной из моих спутниц есть дело в Иллидаре.

— В таком случае, сообщаю вам, что вы можете отправляться в любой момент, и ждать вашу спутницу вам необязательно. — При этих словах сердце Рады ёкнуло и почти что разорвалось, когда Латаан продолжил. — Лиара Элморен вернулась в свой дом после многолетнего отсутствия, и Владыка Себан находит необходимым задержать ее на некоторое время, чтобы убедиться в том, что пребывание во внешнем мире не оказало на нее отрицательное воздействие.

— Что? — выдохнула Рада, не веря собственным ушам. — Отрицательное воздействие?! Какое еще воздействие?

Алеор бросил на Раду короткий предупреждающий взгляд, но ее буквально подбрасывало от негодования, и она проигнорировала это. Латаан терпеливо взглянул на нее

и проговорил:

— Пребывание молодых Первопришедших за границей Мембраны самым негативным образом сказывается на их здоровье и может нанести непоправимый вред их душам, еще не сформированным, а потому уязвимым. Мы должны убедиться в том, что Лиара Элморен избежала подобной участи, а в противном случае — в том, что ее здоровью и самочувствию в дальнейшем ничто не будет угрожать.

— Но она абсолютно здорова! — Рада смотрела на Латаана, как на сумасшедшего. — С ней все настолько хорошо, насколько вообще может быть! Это видно любому дураку!

— Не все можно разглядеть обычными глазами, госпожа Киер, — в голосе Латаана остро кольнул лед. — Есть недуги столько тонкие, столь хитро упрятанные под маской правильности и истины, что лишь пристальный, кристально чистый взгляд способен распознать их.

Рада громко фыркнула, почти зарычала, ощущая невероятное желание схватить этого проклятого эльфа за его патлы и ткнуть рожей прямо в миску с горячей кашей, что сейчас стояла на столе перед ней. Алеор очень тяжело посмотрел на нее через стол, а под столом здоровенный ботинок Улыбашки врезался прямо ей в голень. Рада бросила на гномиху испепеляющий взгляд, и Алеор воспользовался этим, чтобы сказать:

— В таком случае, мы подождем здесь до тех пор, пока Владыка не убедится в том, что Лиара полностью здорова и может продолжить путешествие.

— Но это может занять достаточно долгое время, — осторожно заметил Латаан.

— Мы никуда не спешим, — пожал плечами Алеор.

— Я полагаю, что вам прекрасно известно о разнице во времени между Эллагаином и миром за его пределами...

— Я очень хорошо осведомлен об этом, господин Латаан, — в голосе Алеора прозвучала издевка. — Если вы помните, я князь Лесного Дома, и у нас тоже есть Мембрана.

Несколько секунд Латаан без выражения смотрел на него, а Раду трясло от желания вскочить и прекратить весь этот балаган, врезав ему прямо между его холодных змеиных глаз. Но она изо всех сил сдерживала себя, зная, что это не приведет ни к чему, кроме дипломатического скандала. А может, даже и к худшему. В такой ситуации Себан уж точно не выпустит Лиару из Иллидара.

— Позволю себе заметить, князь, — наконец заговорил Латаан. — В людских землях наступает зима. В том случае, если вы собираетесь продолжить ваше путешествие, вам нужно делать это поскорее, потому что скоро река будет закрыта для судоходства.

— Я еще раз повторяю вам: я совершенно никуда не спешу, господин Латаан, — Алеор улыбнулся ему самой приятной улыбкой из всех, что были у него в запасе. — И я настроен на то, чтобы продолжать мое путешествие в обществе Лиары Элморен.

— Полагаю, что ваша миссия, князь, достаточно серьезна, раз вам необходимо присутствие Первопришедшей в ваших рядах, — заметил Латаан. — Я мог бы переговорить с Владыкой Себаном о выделении вам для нее кого-нибудь более опытного и умелого, чем госпожа Элморен.

— У меня нет никакой миссии, господин Латаан, — спокойно ответил Алеор. — Я всего-навсего путешествую вместе с моими друзьями, наслаждаюсь осенними красотами берегов Тонила. И именно поэтому меня интересует общество госпожи Элморен, так как она, к вашему сведению, прекрасно играет на арфе и складывает стихи о природе, которые я так люблю. Боюсь, что никто не сможет заменить ее в нашей маленькой совместной

прогулке. Так что я подожду.

— Но государственные дела могут потребовать вашего присутствия в Кевире.

— Ничего страшного. Я пока еще лишь наследник престола, а Владыка Илион не намерен в ближайшие тысячелетия уходить на покой. Так что, думаю, он справится и без меня. А коли нет, то гостиница в Рамаэле очень уютная, и я с легкостью могу вести свои дела отсюда. Комнат у вас свободных предостаточно, а зимой никаких торговцев не предвидится, так как, по вашему правильному замечанию, река будет закрыта для судоходства на весь зимний период. Так что вряд ли вы будете против получить небольшую прибыль от моего присутствия и присутствия части двора Лесного Дома в зимний период, когда такой прибыли у вас никак не могло быть.

— С превеликим удовольствием, князь Ренон, — сквозь зубы выдавил Латаан, хоть лицо его и не выражало ни единой эмоции. — В таком случае, я вынужден откланяться. Как только у меня будет какая-либо информация о госпоже Элморен, я сразу же поставлю вас в известность.

— Благодарю вас, господин Латаан, — кивнул Алеор.

Рада едва дождалась, когда за Первопришедшим закрылась входная дверь в гостиницу, а потом подалась к Алеору и зашипела на него, трясась от ярости:

— Что ты, твою бхару, вытворяешь?! Почему ты позволяешь им удерживать у себя Лиару?! Ведь все, что он только что сказал, — бред собачий! И все прекрасно знают, что она не больна!

— Не ори ты так! — поморщилась рядом Улыбашка, хмуро глядя на Раду. — У этих проклятых древолюбов, кажется, уши даже на заднице есть!

— Да плевать я хотела на то, услышат они меня или нет! — раздраженно буркнула в ответ Рада, но голос при этом понизила. Улыбашка была права, и злить Первопришедших никакой нужды не было.

— А вот это ты зря, моя дорогая, — Алеор спокойно взялся за вилку и нож, но что-то в его взгляде, брошенном на Раду, говорило, что его буквально трясет от ярости. — Если ты закатаешь скандал, они Лиару оттуда никогда не выпустят. И тогда сидеть тебе здесь, на околице, до скончания веков, ожидая хоть какой-то возможности увидеть ее.

— Но почему они ее там удерживают? — Рада и сама прекрасно знала, что он прав, и это бесило ее еще больше.

— У Себана на то много причин, — эльф слегка нахмурился, но от еды не отрывался. — Вызвать обо мне все, что он сможет, не отдать мне Лиару, чтобы в мои руки не попала ее сила. Возможно, она и сама ему зачем-то нужна, не знаю.

— Но мы же должны что-то делать! — Рада едва не рычала, чувствуя, как все внутри кипит. Больше всего на свете хотелось сейчас броситься на пристань и отплыть к Мембране, хотя бы попытаться пройти сквозь нее, хоть она прекрасно знала, что ничего-то у нее не выйдет. — Мы же не можем сидеть просто так и ждать!

Улыбашка бросила на нее полный сочувствия взгляд, даже Кай мягко положил обе ладони на столешницу, искоса поглядывая на нее. Ему явно было неловко, и он не знал, как ее поддержать. А Раде от их сочувствия становилось только хуже. Я веду себя как капризная девчонка, у которой отняли игрушку! Нужно просто подождать, Алеор же сказал, что разберется со всем! Но сердце бунтовало, желая немедленных действий, и пока что успокоить его она была не в состоянии.

— Как раз это — единственное, что мы можем. — Эльф вздохнул и серьезно взглянул

на Раду. В глазах его было все терпение мира. — Пойми, Рада, я им тут ни одной бхары не сдался. Думаешь, им так радостно, что я здесь сижу? Да они были бы просто счастливы, если бы я сегодня же убрался отсюда как можно дальше и никогда бы не возвращался назад. А раз так — я сделаю противоположное и буду сидеть здесь до тех пор, пока у Себана от ярости дым из ушей не пойдет. И он вынужден будет вернуть нам Лиару.

— А если нет? — нахмурилась Рада, глядя на него. — Что если он тоже пойдет на принцип? Что если он не захочет ее отпускать?

— Лиара взрослая и умная девочка, Рада, гораздо смекалистее тебя, между прочим. Я уверен, что она изыщет способ удрать оттуда, даже если Себан и не захочет ее выпустить.

В голосе Алеора на этот раз была одна единственная капелька тепла, маленькая, едва различимая, но была. И сквозь всю ярость Рады самым неожиданным образом пророс стыд. В конце концов, Алеор не обязан был сидеть здесь и бороться за то, чтобы Лиару отдали назад, но он боролся за это. Он мог вообще не завозить ее в Речной Дом, но он разрешил ей войти в Иллидар, потому что обещал ей это. Он мог просто бросить ее и уйти за Семь Преград, как и планировалось изначально, но он не делал этого, и не только из-за того, что Лиара могла пригодиться там, у Неназываемого. И вместо того, чтобы сказать спасибо, Рада набросилась на него в бессильной ярости, в то время, как врагом был вовсе не он. Какая же ты все-таки дура, горестно резюмировал внутренний голос. Рада тяжело вздохнула и подняла глаза на брата.

— Ты прав, Алеор, — тихо проговорила она, кивая, и эльф даже удивленно вздернул брови в ответ. — Не стоило мне все это орать. И я очень благодарна за все, что ты делаешь для Лиары и меня.

— Боги, какие разговоры пошли! — Улыбашка недоверчиво покачала головой, а Кай только улыбнулся.

— Радужка, ты, часом, не простудилась? — с подозрением взглянул на нее Алеор, но в глазах его искрился смех. — Может, ночью голову из окна продуло? Если что, я могу найти коновала, чтобы он тебя подлечил.

Улыбашка загоготала, запихивая в рот кусок бекона, а Рада только хмуро зыркнула на эльфа из-под бровей.

— Сам к коновалу сходи. Он по тебе уже обрыдался за все эти годы.

Но каким-то странным образом после этого разговора стало легче, словно часть напряжения спала. Не все, конечно, лишь часть, но теперь Рада чувствовала себя уже увереннее. Алеор не собирался сдаваться, а с его упрямством можно было рассчитывать на успех. Да и остальные спутники не проявляли никакого нетерпения в том, чтобы поскорее покинуть Рамаэль, хоть он и не нравился им буквально до зубного скрежета. Все они были на стороне Рады, и та все никак не могла к этому привыкнуть. За свою жизнь она успела понять, что из любой беды выкарабкиваться нужно самостоятельно, не рассчитывая ни на чью помощь, от которой было больше бед, чем толку. И вот теперь впервые за все время за нее вступились, и это вмешательство помогало ей. Чудеса да и только! И главное, кто вступился-то? Сам проклятуший Тваугебир, еще и оказавшийся моим родным братом!

Потянулись длинные, ничем не отличающиеся друг от друга дни. Они завтракали, обедали и ужинали вчетвером, иногда по вечерам играли в литцу, разбившись на пары, или в карты, замусоленная колода которых оказалась у Улыбашки. Больше здесь делать было просто нечего, но теперь уже Рада не настолько страдала от этого, как в первые дни после отъезда Лиары. Мало того, она начала находить особое удовольствие в том, как с каждым

днем все более каменели лица Первопришедших, наблюдающих за тем, как она разминается или гуляет на пристани, с каким остервенением держатель гостиницы Гиэлат натирает бокалы и то и дело бегаёт за вином, подтаскивая Алеору и компании бутылку за бутылкой, с какой терпеливой вежливостью, все более напряженной с каждым разом, Латаан объясняет князю Ренону, что дожидаться Лиары в Рамаэле смысла не имеет.

Алеор, судя по всему, пошел на принцип. Теперь он демонстративно каждое утро спускался в общую залу, садился за стол и проводил весь день там, развлекая себя беседами с Каем или настольными играми. Он постоянно требовал от хозяина то вина, то табака, то редких книг и цокал языком, когда тот вынужденно извинялся и объяснял, что того или иного сорта вина у них в баре нет, как и необходимых эльфу авторов в библиотеке. Каждый раз, слушая отказ Гиэлата, Алеор только разочарованно качал головой и невзначай замечал: «Ах, как жаль! У нас в библиотеке Кевира я видел эту книгу. Как только вернусь домой, сразу же пришлю вам экземпляр. А то вроде бы такой крупный порт, да и автор известен, мало ли кто попросит его почитать. Не дело это — не иметь такой книги». То же самое он говорил и про вино, и про приправы, и про редкие сорта табака, и раз от раза лицо Гиэлата становилось все более напряженным, а маска вежливости с каждым днем давала все новые и новые трещины.

Когда дождь почти что перестал лить сверху целыми днями, и слегка подморозило, Алеор придумал себе новое развлечение. Каждое утро он седлал своего мышастого и уезжал покататься в сторону от берега Тонила. Причем, он выбирал именно южное направление. Иногда на такие прогулки отправлялась с ним и Рада, иногда Улыбашка, и неизменно с каждым днем поездки становились все более длительными и дальними. С собой каждый раз Алеору требовался определенный набор продуктов и вин для «отдыха на природе», как он утверждал, и Гиэлат вынужден был вновь повторять ему, что, к сожалению, на обед и ужин запланированы другие блюда, а Алеор — цокать языком и рассказывать, что в Кевире все эти вещи достать легко и просто буквально по щелчку пальцев.

На одной из прогулок Рада поинтересовалась у него, зачем он все время ездит на юг, с каждым разом все дальше, не просто же от нечего делать, и Алеор нехорошо усмехнулся в ответ.

— Видишь ли, к югу по берегу реки расположена крепость Ивис, слышала такое название? — Рада кивнула, и улыбка у эльфа стала еще шире. — Эту крепость построили эльфы еще во времена Первой Войны, но после разорения, вызванного войнами с Кроном, они вынуждены были покинуть крепость, и она пару веков пустовала и потихоньку разваливалась. Ровно до тех пор, пока ее не забрали себе лонтронцы, хорошенько отремонтировали и сделали своим форпостом на реке, в том числе и для сдерживания Речного Дома. А эльфам это очень не понравилось, ну просто очень, интересно, почему так? — Алеор сделал большие глаза. — Они попытались отбить крепость обратно, и лонтронцы погнало их оттуда в шею. Тогда Первопришедшие пошли на принцип, решив во что бы то ни стало заполучить свою крепость любой ценой. Вот только Высший Жрец Васхия быстренько пригнал туда своих самых сильных Жрецов Черной и Белой Рук, и вот тогда-то это стало для эльфов настоящей проблемой. Одним словом, последние четыре тысячи лет они пытаются вернуть Ивис в свое владение, а лонтронцы внимательно стерегут все подходы к нему. И эльфам запрещено приближаться к крепости ближе, чем на сотню километров во все стороны, иначе это будет расценено как дипломатический инцидент и повод для начала очередной войны.

— И ты, бхара хитрющая, предполагаешь такой инцидент создать? — Рада вдруг ощутила, как грудь распирает со смеху.

— Вот на этот раз ты проявила недюжинную смекалку, Радушка, умничка моя! — плотоядно оскалился Алеор. — Ребятам из Ивиса глубоко плевать, какой именно эльф въезжает в их земли — Первопришедший или Высокий. А вот Себану проблемы не нужны ох как не нужны. Особенно сейчас, при наступлении зимы, когда судоходство прекращается, и Речной Дом не в состоянии закупать зерно у торговцев с юга и севера. Если сейчас лонтронцы перекроют им подвоз продуктов до весны, кое-кому придется хорошенько ужаться.

— Ты гораздо умнее, чем я думала, братец! — ухмыльнулась Рада, глядя на него. Эта игра с каждым днем нравилась ей все больше и больше.

— Это потому, что ты не умеешь думать, сестренка. Не переживай, понадобится время, но мы это исправим. — Алеор по-отечески похлопал ее по плечу, игнорируя ее кислый вид. — И вот еще что: ешь побольше в этой их гостинице. Заказывай все, что сможешь проглотить, и то, что не портится, прячь. Боюсь, что уходить отсюда придется в спешке, и необходимые продукты закупить мы уже не сможем. К тому же, чем больше мы съедим, тем сложнее им будет в случае неприятностей с Лонтроном. Зимой-то здесь никто не швартуется, поэтому на нашу кормежку идут запасы Эллагаина. Так что сейчас нам нужно хорошенько поднапрячься и съесть все, что мы будем в состоянии проглотить.

Теперь уже тоска и печаль первых дней отступила, и Рада поняла, что наслаждается всем происходящим. Гораздо приятнее было бы, если бы Лиара была с ней, но это никоим образом не умеряло ее радости по поводу возможности побесить Первопришедших. Алеор уперся и превратился в мерзкую, скользкую змеюку, которая всеми возможностями портила жизнь Владыке Речного Дома, капризничала, высказывала свое мнение, изворачивалась и поистине стала занозой под ногтем у всех и каждого Первопришедшего Рамаэля. И Рада вынуждена была признаться, что наблюдает за его действиями с истинным наслаждением.

Дальние прогулки Алеора на юг не прошли незамеченными для Латаана. Тот явился через два дня, как Алеор начал кататься по округе, и вежливо поинтересовался, почему князь избрал для своих путешествий именно такое направление. Сделав огромные глаза, Алеор пустился в объяснения того, как сильно он любит красоты берегов Тонила, и как сердце его замирает от вида жухлых деревьев, проливных дождей и непролазной грязи, и побелевший от злости Латаан вынужден был удалиться, так и не проронив ни слова о том, что князю не стоит ездить на юг.

Дни тянулись за днями, и зима семимильными шагами наступала с северо-востока. Дождь прекратился, и на несколько дней установилась ледяная сушь. Грязь смерзлась комками под ногами, застыли оцепенелые деревья, в полном безветрии протягивая черные руки к серому небу. Недовольная река поднялась высоко, плеская стальными волнами на пристань, и вдоль самого берега отмель покрылась первой корочкой льда. Потом с неба посыпалась первая, еще совсем мелкая, снежная труха, тут же стаявшая и вновь превратившаяся в грязь. Следом за ней ветра принесли тяжелые, полные снега тучи, и они щедро просыпались вниз, укрыв белым ковром раскисшую грязь вокруг Рамаэля.

Рада все гадала, что же случилось с Лиарой, что же произошло там, в Иллидаре, что Себан никак не отпускал ее назад. Она не сомневалась, что это была именно инициатива Себана, что именно из-за него Лиара никак не могла покинуть пределы Мембраны. То, как искорка рвется к ней, Рада странным образом чувствовала в собственной груди. Это

походило на биение, дрожание крыльев бабочки прямо под ее ребрами, которое с каждым днем становилось все сильнее и сильнее. Иногда ей казалось, что она почти что слышит голос искорки, почти что видит ее глаза, полные ожидания и горячего желания поскорее вернуться. Иногда во сне Рада чувствовала ее объятия и даже поцелуи, от которых просыпалась в поту, со сбитым дыханием и бешено колотящимся сердцем, и еще долго вынуждена была просто лежать, чтобы прийти в себя. Связь, что установилась между ними, эта волшебная золотая ниточка, протянутая с одного конца вселенной на другой, росла и крепла, наливалась силой, питала их обеих и связывала все крепче день ото дня. И даже на расстоянии Рада готова была поклясться, что почти чувствует биение сердца Лиары у себя под кожей, чуть выше своего собственного сердца, как слабое эхо или нежный отклик, вечно присутствующий с ней.

Каждое утро Латаан приходил во время их завтрака и рассказывал о том, что Владыка пока еще не принял решение касательно Лиары, интересовался планами Алеора и тем, зачем именно он ездит на юг. Каждое утро Алеор вежливо отвечал ему, что ровным счетом ничего не планирует, готов ждать столько, сколько будет угодно Себану, и что очень любит прогулки верхом на свежем воздухе, причем особенно сильно его поражают красоты южного Лонтрона. После этого Латаан уходил, скрежеща зубами, а Алеор просил себе очень плотный завтрак, съедал все подчистую, выпивал все вино, что было у Гиэлата в запасе, и уезжал кататься.

Но это было еще не все.

— Твари привыкают, — философски заявил он с нехорошим блеском в глазах, — приспособляются к неприятным условиям, как тараканы на кухне. А ведь у них есть такая редкая возможность потренировать свое терпение и каменные лица! Они бы мне спасибо должны говорить за мою неоценимую помощь! И так уж и быть, я буду настолько благороден и мил, что поучу их еще немного жестче, чтобы уж точно ни у кого не возникло сомнений в моих добрых намерениях.

В тот же день Алеор попросил Гиэлата привести ему хорошую швею. Некоторое время хозяин гостиницы пытался вывернуться ужом и не делать этого, но Алеор все-таки был наследником трона Лесного Дома, и просто отказать ему здесь никто бы не рискнул. Гиэлат вынужден был съездить в Иллидар и самолично привести Алеору портного, высокого спокойного эльфа с пепельными волосами и ледяными зелеными глазами. На нем Ренон оторвался по полной программе, продержав его целый день в общей зале гостиницы и заставив обмерить с ног до головы себя самого и своих спутников как минимум по три раза. Потом он потребовал принести ему образцы тканей и пустился в долгую и неторопливую беседу с портным о том, какие именно ткани лучше всего подойдут ему по статусу и его спутникам, раз уж они здесь задерживаются на какое-то время. Ведь скоро зима, придут холода, а носить им, к сожалению, нечего. Портной, поначалу каменно спокойный, ушел из гостиницы далеко за полночь с абсолютно белым от гнева лицом и заказом на десяток теплых плащей, штанов, курток, нижнего белья и рубашек достаточно качественных, чтобы Алеору и его друзьям не стыдно было в них встречать гостей. На вопрос, каких именно гостей Алеор имеет в виду, тот расширил глаза и удивленно развел руками:

— Ну как же? Буквально через три недели Ночь Зимы, праздник нового года! Раз наша дорогая Лиара болеет, и Владыке нужно время на ее исцеление, мы конечно же подождем ее здесь. Но согласитесь, Ночь Зимы — большой праздник, который просто нельзя пропустить. И я не могу праздновать его в одиночестве, это противоречит моей нежной душе. Поэтому я

возьму на себя смелость пригласить нескольких своих друзей, с которыми мы его и отпразднуем.

— Друзей, князь Ренон? — предельно вежливо спросил Гиэлат. — Прошу вас, сообщите мне, сколько их будет, и какие комнаты мне для них выделить?

— Я предполагаю, что не больше пяти десятков, — охотно отозвался Алеор, и лицо Гиэлата вытянулось. Задумчиво постучав пальцем по губам, Алеор добавил: — Так как погода не слишком располагает к путешествиям, да и приглашения я буду рассылать довольно поздно, думается мне, что смогут приехать только наемники из Джен Итур Вануэль, Общества Наемников Запада, резиденция которых располагается в Васхиле. А так как большая часть из них будет лонтронцами, думаю, вам стоит придумать, где вы разместите их лошадей. Сами-то они не слишком брезгливы, и обычные комнаты им вполне сгодятся.

— Как прикажите, князь Ренон, — деревянно поклонился Гиэлат.

— Ты что, серьезно собрался нагнать сюда кучу лонтронцев? — сразу же, как только ушел Первопришедший, подалась вперед через стол Улыбашка, глядя на него. В глазах ее восхищение и восторг мешались с недоверием. — Сюда? В Рамаэль? Проклятущую кучу лошадачников?

— А почему нет? — пожал плечами эльф, улыбаясь во все лицо. — Я — почетный член сообщества, живая легенда, и я никогда еще не устраивал вечеринки по случаю нового года для людей, с которыми много лет работаю и примером для которых являюсь. Поверь мне, Улыбашка, стоит мне только позвать сюда пятьдесят Наемников Запада, как за ними притащится еще сотня, которая просто хочет поглазеть на меня, и в Рамаэле станет чуточку душновато.

— А что будет, если к тому времени мы уже уйдем отсюда? — вздернул брови Кай. Он смотрел на эльфа с теплой улыбкой, будто на кота, который планировал стянуть со стола кусок колбасы, думая, что этого никто не заметит. На любимого кота. — Ведь Лиара может вернуться в любой момент, пока твои друзья будут в пути, и нам нужно будет как можно скорее покидать Рамаэль.

— Ничего страшного не будет, мой дорогой друг, — улыбнулся ему Алеор. — Я оставлю здесь достаточно золота, чтобы оплатить им самый шикарный из всех вечеров празднования Ночи Зимы, какие только были в их жизни. И Первопришедшим придется провести этот праздник, никуда не денутся. Они слишком носятся со своей честью, чтобы не выполнить личной просьбы наследника Лесного Дома.

— Ты так в этом уверен? — Улыбашка вздернула одну бровь, глядя на него. — Они же с Лонтроном на грани войны! К тому же, они запросто могут сослаться на то, что у них нет продуктов, нет места, нет чего угодно, и они не имеют возможности принять гостей.

— Формально, Джен Итур Вануэль не являются наемным сообществом Лонтрона, в конце концов, это Общество Наемников Запада, — Алеор выделил это слово особенно, ухмыляясь во все лицо. — Просто так получилось, что большая часть из них из Лонтрона, потому что основная штаб-квартира расположена в Васхиле. А порт Рамаэль открыт для всех, в том числе и для наемников. Так что не пустить их из-за того, что они все лонтронцы, эльфы просто не могут. А даже если и не пустят — невелика потеря. В конце концов, я бы и сам весь этот сброд на порог не пустил, чего ж тогда других винить?

— Я даже никогда не предполагал, что ты такой ядовитый гадюк, Алеор, — Кай с искренним восхищением покачал головой. Глаза его были теплыми.

— Я не так уж и жесток, — с невинным видом дернул плечом Алеор. — Во-первых, они сами по своей воле удерживают у себя Лиару и не хотят отпускать ее, хотя и могли бы сделать это, чтобы избавиться от моего общества. Во-вторых, я еще не разослал приглашения, и у них есть время до утра. Если Себану так надоело мое общество, то с рассветом Лиара будет уже здесь.

Впрочем, расчет Алеора не оправдался, и утром Лиара не вернулась. Это одновременно причинило боль Раде, которая все-таки так надеялась, хоть и знала, что не стоило этого делать, и одновременно ужасно насмешило ее. Потому что вместо Лиары вновь пришел Латаан и сообщил, что, к сожалению, Эллагин не располагает возможностью принять и прокормить пятьдесят Алеоровых друзей, потому что дополнительных запасов еды для гостиницы на зиму сделано не было из-за того, что зимой в порт Рамаэль не заходят суда. Алеор с горестным видом поцокал языком, не забыв помянуть, что в Дагмариене, например, порту Лесного Дома на реке Асхалат, всегда были дополнительные запасы еды и питья на случай неожиданных зимних гостей. И добавил, что это ничего страшного, и его друзья с радостью привезут всю необходимую им провизию с собой, о чем он немедленно им напишет. Наврять, что в Рамаэле нет почтовых голубей, у Латаана язык не повернулся, а потому уже через час Алеор закончил рассылать птиц и удовлетворенно отложил в сторону чернильницу и лист бумаги.

Время шло. В конце третьей недели их пребывания в Рамаэле явился портной и принес первую партию одежды: мягкие, подбитые волчьим мехом дубленки, теплые штаны и меховые шапки. Часть работы Алеор принял, щедро заплатив за нее золотом, вторую часть раскритиковал, сообщив, что ему не нравится расположение карманов и чересчур толстые швы. Забрав шапки и теплые штаны, портной, скрежеща зубами, удалился переделывать.

За окнами все больше холодало, а снег, что в первые дни шел совсем слабо, теперь повалил все гуще и гуще. Река вздулась еще больше, почти что выходя из берегов, недовольная и ледяная, а белое пушистое покрывало вокруг стало совсем толстым. Задули с севера ледяные пронзительные ветра, вырывая из Рады последнее тепло, но она продолжала упрямо сопровождать Алеора в его конных поездках на юг. И старалась не думать о том, что будет, если им действительно придется зимовать в Рамаэле. Этот недогород уже застрял у нее в печенках, но покидать его без Лиары она не собиралась.

Потом прилетела птица с ответом из Васхилия. Глава Джен Итур Вануэль, некий Иж Вахард по прозвищу Бычий Цепень, в цветистых выражениях с огромным количеством ошибок извещал Алеора, что он и его ребята будут просто счастливы присоединиться к нему на праздновании Ночи Зимы, что ладья уже выходит из Васхилия, а те, кому в ней места не хватило, выехали верхами на север, и что какой бы ни была погода и обстоятельства, праздник в обществе самого Тваугебира будет для них всех настоящей честью. А еду и питье они тоже с собой прихватили, хоть залейся.

— Вот видишь, Радушка, все идет ровно так, как мы и планировали! — Алеор с довольным видом похлопал ее по плечу. — Раз в ладье не хватило места, думаю, сюда притащится как минимум человек сто, и мы будем абсолютно плевать на Первопришедших и их невозможность разместить всех в Рамаэле. Так что даже если Лиара не вернется до нового года, Ночь Зимы у нас все равно получится душевная, и проведем мы ее в теплой дружеской обстановке.

А Рада только смотрела на него во все глаза и не могла понять, какая бездна изрыгнула из себя этого проклятущего эльфа, способного стать самой жуткой мигренью для любого,

кто не соглашался делать так, как ему хотелось. Грозар Громовержец, благослови ту бездну на все времена вперед!

===== Глава 56. Сила жизни =====

Иллидар тонул в мягкой дремотной истоме теплой весны. Дождь из лепестков шел над городом, кружился в водоворотах из бело-розового, сиреневого и красного, и сладкий запах заполнял все, пропитывал насквозь каждое строение, улицы, жителей. Бесшумно покачивались под нежным ветерком прозрачные занавески, и солнце щедро дарило ласковые лучи, заливая ими тихие, покоящиеся в сладкой дреме улицы, прохладные жилища, в которых царил мир, пушистые волосы тринадцати последних оставшихся в Эллагаине детей и восьми с небольшим тысяч взрослых. Город застыл в одной единственной капле вечности, тянущейся бесконечно, и Лиаре казалось, что время здесь вообще не движется, запечатанное, укутанное, застывшее тягучей каплей смолы.

Каждая минута, проведенная здесь, казалась ей ядом. Этот яд кипел под ее кожей, нагретый, словно в кузнечной печи, ледяным взглядом Владыки Себана, пронзающим насквозь. Каждая минута здесь была сражением, тяжелейшим боем не на жизнь, а на смерть, и Лиара сражалась впервые в жизни так отчаянно, так неистово, так искренно. Потому что у нее пытались отобрать самое дорогое, что у нее было — ее любовь к жизни и Раде, ее саму.

Нигде нельзя было спрятаться от пронзительных мыслей Владыки. Они плыли сквозь томно-сладкий воздух, пропитывая пространство всего города, и куда бы она ни бежала, куда бы ни пыталась спрятаться, она все равно чувствовала его так, словно он смотрел ей в глаза, вновь и вновь вгрызаясь ледяными бурами в ее душу.

Поначалу ей казалось, что все жители города, все Первопришедшие, что обитали здесь, были одурманены этим взглядом, что мощь воли Себана подчиняла их, заставляла их думать одинаково, смотреть в одну сторону, молчать и плести бесконечную нить времен. Потом она поняла, как сильно она ошибалась. Себан несомненно воздействовал на весь город, он создавал Мембрану и держал ее в одиночку, он был разумом, объединяющим всех, силой, что защищала это место от внешнего мира, он сам был Эллагаином целиком. Но и жители этого города точно также стремились к своему Владыке, по собственной воле они принимали его концепцию, его идею, его взгляд на мир, и его мир, которым он окружал их. Иллидар походил на огромный муравейник с единственной маткой в центре, на коллективный разум из тысяч крохотных разумов, каждый из которых не мыслил себя без всех остальных. Первопришедшие были одним лицом в тысяче лиц, тысячью лиц в пульсарах глаз Себана. И этот выбор они делали сами, сохраняя свою индивидуальность, жарко желая лишь одного: идти в ту же сторону и делать то, что угодно было всему Эллагаину и его Владыке.

И вот это-то и было самым ужасным для нее. Еще какое-то время назад Лиара сочла бы такую верность, такое непоколебимое стремление всех в одном величайшем благом и прекраснейшей сказкой из всех, что может существовать на земле. Сочла бы, если бы не знала иного. Сила Себана была поистине велика и могущественна, и он действительно употреблял ее лишь во благо своего народа. Он не грабил, он не устанавливал законов, за нарушение которых можно было бы попасть в темницу. Кажется, в этом городе даже нужды не было в страже, потому что никому в голову не приходило нарушить закон и плавное течение вечности в пронизанных солнцем водах Тонила. Но какой ценой все это было куплено?

Себан остановил жизнь. Немыслимой силой собственного разума он затормозил громадные жернова времен, и они перестали молотить здесь, в этом краю вечной молодости и

бессмертия. Но жизнь в ее неистовом танце, словно девчонка с рыжими кудрями, что босиком кружится по росистым лугам на рассвете и хохочет, подставляя усыпанное веснушками лицо и венок из ромашек и васильков на непослушных кучеряшках брызнувшим из-за края неба солнечным лучам, эта жизнь не знала, что такое остановка, она не знала, что значит прерваться, замереть. И если что-то отнимали у нее, если ее танец пытались ограничить, то и она сама была в ответ, не со злобы, не с ненависти, а потому, что таков был ее великий танец.

На весь город Эллагаин, на всех его жителей было всего лишь тринадцать детей. И это были последние дети Эллагаина, что родились здесь: других не ожидалось, потому что им неоткуда было взяться. И эти дети несли в своих жилах конец этого прекрасного края: все они были уже третьего поколения Первопришедших, и их дети уже никогда не увидят, как переливается солнце Мембраной, как цветут вишни, как гонит ветер по лазоревым волнам нежные лепестки. Не увидят потому, что все здесь было подчинено одной единственной идее: чистой крови Первопришедших, которую они смертельно боялись разбавить хоть чем-то.

Это, наверное, пугало Лиару больше всего. Этот город был окутан ложью столь тонкой и искусной, которую мог породить только острый, как бритва, разум Себана. Владыка мнил себя равным Молодым Богам, если не сильнее их самих, мнил себя способным остановить время для своего края и сделать из него вечный цветущий сад, и в этом была смерть для всей этой красоты. Смерть, эта лживая омерзительная старуха в рванье и обносках, с диким хохотом бродила по прекрасным улицам вечного города, приняв облик вечно-юный и мягкий. Она пила кристально чистую воду источников и блики солнца из глаз детей, надежды взрослых и любовь тех, кого уже можно было назвать стариками. Она срывала своими костлявыми скрюченными пальцами сочные плоды дерева вечности и жадно глотала сладкий сок бессмертия, хохоча в лицо Себана, когда он считал ее своей госпожой и той, кто подарит ему все время мира. И никто, никто в этом городе не видел ее скрюченного тела и полных голода глаз, никто не хотел слышать ее шаркающей поступи, замечать ее ядовитый смех. Лишь Лиаре в глаза она шипела, будто змея, плюясь ядом и с каждым днем все сильнее и сильнее давя на то самое, нежное, живое, золотое, что билось в ее груди, прорастая зеленым ростком сквозь ребра.

Никогда еще ей не было так плохо, никогда никто не пытался сломать ее так, как ломало и крутило ее это место. Но Лиара держалась изо всех сил, держалась и не поддавалась той искусной лжи, так тщательно замаскированной под правду, что даже те, кто исторгал ее из себя, даже самые сильные и могущественные, не были в состоянии разглядеть это.

Каждый день Себан вызывал ее к себе, каждый день он убеждал ее, угрожал, настаивал на том, чтобы она прекратила упорствовать и сдалась, позволив ему проникнуть внутрь ее души и навести там порядок. Его глаза впивались в нее острыми колючками, царапали нежное внутри, безжалостно давили, пытаясь добраться до самой ее сердцевины, но она держалась, она не позволяла, она боролась на пределе своих сил, не давая ему никакого шанса проковырять хотя бы крохотную трещинку в ее броне.

О, этот эльф был поистине страшен, гораздо страшнее даже Сагаира, даже самого Сети'Агона, потому что он руководствовался благими принципами. Он хотел ей добра, о чем беспрестанно повторял, и Лиара чувствовала, что он верит в свои собственные слова, что он искренен в них. Да, у него были и свои резоны: вызнать информацию об Алеоре и Раде, о

целях их миссии, о роли Лиары в ней. Но эти резоны не отменяли того, что на самом деле Владыка считал, что обязан вытащить свою блудную дочь из тенет людского мира, и прикладывал все свои силы к достижению цели.

Лиара не сказала ему ничего. Одна Великая Мать знала, чего ей это стоило, и лишь Великая Мать сейчас защищала ее, встав перед ней щитом таким крепким, таким прочным, что Себан был не в состоянии его пробить. Еще в самом начале Лиара поняла, что стоит ей соврать лишь раз, лишь один маленький раз по какой-нибудь мелочи, как Себан сразу же почувствует ее ложь, услышит ее в ее душе, и тогда она пропала. Лиара знала, что не должна врать ему, но и говорить правду она не могла. Потому под взглядом его ледяных глаз она отвечала расплывчато, аккуратно, спокойно, всеми силами не говоря того, что он хотел от нее услышать. Да, она путешествовала с Алеором и Радой на запад, потому что ей хотелось писать о них песни. Этот ее дар был единственным, что она умела делать, и потому заинтересовал Раду с Алеором. На корабле в море она была так напугана, что все смешалось перед ее глазами, и рассказать в точности, что там произошло, она не могла. Человек, что напал на Алеора и Раду, хотел им обоим зла, он работал на Сети'Агона, он был очень опасен. И она не поняла, каким образом получилось так, что Рада сестра Алеора, это просто не укладывалось в ее голове.

В этом всем не было лжи, ни одного слова лжи, но не было в этом и правды, и Себан чувствовал это. Именно поэтому каждый день он вызывал ее к себе и подолгу расспрашивал, буря глазами. А она отвечала одно и то же, изо всех сил цепляясь за Великую Мать и прося, чтобы это закончилось.

Себан был умен, так умен, что, казалось, у него просто не было слабых мест. Лиара вспомнила, как ходить сквозь пространство: эта память пришла вместе с остальными воспоминаниями из детства. Но вспомнила она и то, что другие эльфы могли почувствовать, как перемещается кто-то из них, и она знала, что стоит ей только войти в пространство и слиться с ним, чтобы покинуть Эллагаин, как Себан сразу же заблокирует для нее Мембрану.

Чтобы она не удрала на лодке, Владыка сделал официальное заявление, оповестив жителей Иллидара о том, что потерянная дочь Аваиль и Артаина Элморен вернулась домой. Теперь ее узнавали на улицах, когда бы она ни пошла прогуляться, подходили к ней, выражали сочувствие из-за того, что она так долго пробыла во внешнем мире, подбадривали, говоря, что скоро она поправится и придет в себя. Незаметно пробраться к ладьям и уплыть она теперь не могла, как и незаметно покинуть дворец.

Стоял первый месяц эльфийской весны, Ларати, Месяц Цветущих Вишен. В честь этого события жилые помещения в домах перегораживали множеством бумажных стен, которые она и видела на первом этаже дворца. Этот месяц был самым благоприятным для ухаживания и начала отношений, как считали Первопришедшие, а какие отношения без тайны? В этот месяц каждый мог зайти в дом к тому, кто ему приглянулся, и никто не имел права остановить его или воспрепятствовать его присутствию. И чтобы не мешать, не стеснять, не поставить в неловкое положение, и нужны были эти перегородки. Они давали возможность молодым видеть силуэты друг друга, переговариваться, общаться, но так, чтобы это не беспокоило покой обоих. В домах стабильных пар перегородки не выставляли, показывая, что началом романтической игры не интересуются, но во дворце они традиционно были.

Первое время Лиара надеялась, что сможет тихонько удрать, спрятавшись за ними, выскользнуть из дворца наружу и добраться до реки, чтобы вплавь покинуть Эллагаин.

Только днем каждый раз, когда она спускалась вниз, чтобы улизнуть прочь, за перегородками обязательно бродили чьи-то силуэты, раздавались чьи-то тихие голоса и смех, музыка, пение. И хотя бы за одним поворотом она натыкалась на кого-нибудь из благородных эльфов, что улыбались ей и предлагали свое общество во время прогулки. Все они были очень молоды и симпатичны, юноши и девушки, будто нарочно ищущие ее общества. Лиара подозревала, что тут тоже не обошлось без Себана: он надеялся познакомить ее с кем-нибудь, чтобы она забыла Раду.

Ночью выйти тоже было невозможно. Как только солнце медленно опускалось за горизонт, по всему городу зажигались маленькие разноцветные фонарики, и он превращался в громадный цветок, усыпанный то ли сверкающими под звездным светом каплями росы, то ли кружащимися над его лепестками светлячками. Повсюду играла нежная музыка, на фоне прозрачных перегородок мелькали фигуры, и Лиара, побродив по дворцу и столкнувшись с несколькими молодыми эльфами, в отчаянье возвращалась в отведенные ей покои.

Эти комнаты примыкали к комнатам матери, и таким образом Себан тоже неумолимо не оставлял ее в покое. Мать то плакала, то смеялась, то тихонько шепталась сама с собой, и ее голос был слишком хорошо слышен тонкому эльфийскому слуху Лиары. Мать была больна, она Тосковала, и Владыка действительно соболезновал ей всем собой, но свое наказание не отменял. Причем не раз и не два он давал Лиаре понять, что как только она согласится принять его силу и его покровительство над собственной душой и мыслями, он помилует мать, но Лиара просто не могла на это пойти. Не могла, потому что это означало предательство всего, за что она так отчаянно боролась.

И самым ужасным во всем этом было то, что в Эллагаине Лиара оказалась совершенно напрасно. На вопрос о Великой Матери Аваиль лишь удивленно покачала головой.

— Никогда не слышала о ней. Понятия не имею, о чем идет речь. А почему ты спрашиваешь, доченька?

Лиара отделалась туманным объяснением о том, что однажды слышала это имя от одной ведьмы из людских земель, и перевела тему, чтобы мать поскорее забыла об упомянутом. Аваиль горячо поддерживала Себана и его стремление сделать Лиару одной из них, потому она могла неумышленно помянуть при Владыке о Великой Матери, а Лиара отчего-то знала: ему нельзя говорить об этом. Если Себан услышит что-либо на эту тему, ей уже никогда не выбраться из Эллагаина. Он и так приглядывался к ней очень внимательно, следил за каждым ее взглядом. Он чувствовал, что что-то в Лиаре не дает его силе наполнить ее разум и душу, не раз спрашивал о том, что это, но Лиара ничего не отвечала.

А раз так, то вопрос оставался открытым. Откуда тогда она знала о Великой Матери, если не от Аваиль? Откуда в ней было это знание? Ее собственные вернувшиеся воспоминания не давали ответа. Они медленно тускнели, занимая тот пробел, что был в ее памяти, и, в конце концов, улеглись на своем месте, слившись с остальными воспоминаниями в одно целое. И вычленив оттуда информацию Лиара просто не могла.

Невыносимо долгие дни тянулись в обществе матери и Владыки, в прогулках по городу и случайных встречах с Первопришедшими, которые проявляли к ней дружелюбие и сочувствие. И с каждым днем это становилось для нее все тяжелее, все сложнее. Лиара ломала и ломала голову над тем, как бы ей выбраться отсюда, как вернуться к Раде и друзьям. Ее буквально жгло осознание того, что один день здесь равнялся пяти дням там, за Мембраной. Там наступала зима, там было холодно, и Рада тосковала по ней, звала ее. Там было дело, ради которого все они покинули свои дома, дело очень важное, которое

обязательно нужно было завершить. А дальше были Данарские горы, то самое место, где ей должны были ответить на все ее вопросы, и Лиару неудержимо тянуло туда, буквально тащило так, что она то и дело ловила себя на том, как поглядывает на запад сквозь голубое небо Мембраны.

Отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, что дало бы ей намек, откуда она знает о Великой Матери, Лиара не нашла ничего, кроме Ильвадана. Он оставался ее последней надеждой, ведь именно он нянчил ее в детстве, он подсказал Аваиль увезти ее из Иллидара, с него-то все и началось. Но узнавать о том, в какой именно части дворца он обитает, нужно было очень осторожно: Себан не должен был догадаться, что Лиара планировала с ним встречу. Она предполагала, что Владыка знает о видении Ильвадана, и, аккуратно расспрашивая мать о жизни в Иллидаре, поняла с ее слов, что Ильвадан даже не был наказан за то, что в итоге Лиара оказалась за границей Мембраны. Он вообще занимал особое место при дворе Себана, и отношение к нему здесь было двойным.

Ильвадан был, что называется, бунтарем. Он приходился дальним родственником Себану, а потому имел право проживать во дворце, был причислен к знати и пользовался всеми привилегиями, которые ему полагались. Однако при этом Ильвадан был у всех буквально костью поперек горла.

Вместо того, чтобы посвятить свою жизнь размышлениям, музыке и искусствам, как делали все остальные знатные Первопришедшие, Ильвадан занялся изучением истории. Особенно его интересовала крепость Ивис и все, что было связано с конфликтами между Лонтроном и Эллагаином за последние семь тысяч лет, прошедшие с Первой Войны. Кажется, за свою долгую жизнь Ильвадан перекопал все имевшиеся в Иллидаре архивы и пришел к выводу, что посягательства Первопришедших на Ивис незаконны, и что крепость действительно была передана лонтронцам и принадлежит им по праву. Естественно, что такие мысли даром ему не прошли, и Владыка остался крайне разочарован его научными изысканиями. Ильвадан даже написал несколько толстенных томов, посвященных изучению этого вопроса, однако дальше его комнаты эти тома не вышли. При дворе господствовала точка зрения Себана, и согласно ей Ивис был незаконно отторгнут лонтронцами, а последующая череда войн лишь служила доказательством правоты Себана. И Ильвадан бы заработал своей позицией себе очень большие неприятности, если бы не второе обстоятельство, сделавшее его проблемой для Себана.

Ильвадан имел дар видеть узоры Нитей Марн и читать их. Это приходило к нему иногда, не по его собственной воле, и он не мог сам вызвать видение или узнать что-то, что было ему интересно. Но периодически при взгляде на того или иного обитателя Иллидара, Ильвадана захлестывало переживание, и он вынужден был рассказывать о том, что видел. Так случилось и с Лиарой. Так случилось и со многими другими Первопришедшими, части из которых Ильвадан помог, других же горько разочаровал тем, что видел. Себан был вынужден признать, что в политике дар Ильвадана мог очень пригодиться, потому его и не услали куда-нибудь во внешний мир за его вольные взгляды. Поэтому он жил во дворце, писал свои научные труды, изучал то, что ему нравилось, и никто не трогал его, считая чудачком со странностями, вызванными, возможно, даже и его даром.

Твердо решив, что это ее последний шанс, Лиара начала прогуливаться по второму этажу дворца, словно невзначай, надеясь встретить его, когда он выйдет из своих покоев. Их встреча должна была произойти как можно более случайным образом, чтобы Себану даже и в голову не пришло, что она может выискивать пророка. Естественно, это причиняло

некоторые неудобства. Если бы она просто торчала в коридорах второго этажа без дела, это рано или поздно вызвало бы вопросы. Потому Лиара бродила по открытым балконам, любуясь городом, или садилась тихонько перебирать струны арфы, которую ей подарила мать в честь ее возвращения, сквозь ресницы разглядывая всех входящих и выходящих благородных эльфов. Лицо Ильвадана она помнила достаточно ясно, чтобы узнать его, как только он появится.

Словно в насмешку над всеми ее чаяниями и надеждами, Ильвадан все никак не появлялся. То ли он выходил из покоев только утром, в то время, пока она была у Себана, то ли вообще не выходил из них, предпочитая одиночество, но сколько бы она ни сидела на балконе, перебирая тонкие золотые струны, а толку от этого не было никакого. Многие эльфы, заведев ее, останавливались и подходили послушать, как она играет, задавали вопросы, беседовали с ней, делали комплименты ее игре и таланту, но Ильвадана среди них не было.

А время бежало, проходил день за днем. За границей Мембраны уже должен был выпасть снег, и где-то там ждала ее Рада со своими солнечными глазами. День ото дня Владыка становился все более нетерпеливым и раздражительным. Сначала Лиара не понимала, в чем там дело, думая, что его хмурость связана с ее упорством. Но потом она случайно расслышала разговор двух эльфов, обсуждавших поведение князя Ренона в Рамаэле и ту беспардонную наглость, с которой он отказывался покидать порт и вел себя некорректно по отношению к окружающим его Первопришедшим. Лиара изо всех сил сдерживала смех, заслышав о наемниках, которые вот-вот должны были прибыть в Рамаэль, чтобы праздновать там Ночь Зимы, об одежде и редких винах, которые заказывал себе Алеор. Сообщение о том, что он провоцирует лонтронцев, охраняющих Ивис, слегка встревожило ее: последнее, чего бы ей хотелось, это становиться причиной новой войны. Но одновременно с этим в душе поселилась и искренняя радость и надежда: друзья ждали ее, они не собирались никуда без нее уходить, и Алеор стал самым омерзительным постояльцем из всех, что только знал Рамаэль, лишь для того, чтобы вытащить ее отсюда.

Правда, в то, что у него это получится, Лиара не слишком-то верила. Себан ненавидел наследника Лесного Дома всей душой, презирал его, это было видно в каждом его жесте, слышно в каждом слетевшем с губ слове. Но при этом Себан был упрям, точно так же упрям, как и Алеор, и он не собирался сдаваться и отпускать отсюда Лиару, что бы там, в Рамаэле, ни вытворял князь Ренон.

К тому же, его собственные наследники были ничем не лучше Алеора. Лиара успела увидеть во дворце их обоих: неразговорчивого, надменного, холодного как лютая зима Эдавара и его сестру Ахель, женщину такую же безжизненную, как бесконечная стужа. Оба они смотрели почти так же пронзительно, как и Себан, почти не разговаривали и редко покидали свои покои, предпочитая проводить время за книгами и обучением.

Эдавар производил впечатление существа еще более жесткого, чем Себан. Его серые глаза были пусты, как старая зола в костре, в них не было даже крохи тепла или осознания того, что Эллагаин — его муравейник, в котором он однажды займет место Себана и будет хранить его вечность от бед и сумрака извне. Ахель была чуть более мягкой, ее взгляд был чуть менее равнодушным, но и она смотрела на окружающих ее эльфов как на разложенные на верстаке инструменты, которые можно использовать в необходимых целях, а если они сломаются, выбросить за ненадобностью.

Великая Мать, что же это за край, который покинуло твое тепло? Что же за ложная

весна, в которой цветут несуществующие деревья? Что же за дети, которым с рождения предначертано стать смертью своего народа? Внутри болезненно сжималось сердце, и Лиара очень остро чувствовала всю неправильность того, что окружало ее.

День проходил за днем, ничего не менялось, Ильвадана она встретить все никак не могла. Каждый час тянулся все медленнее и медленнее, словно ее защемило между шестеренками гигантских часов, и с каждым новым движением эти шестеренки все сильнее сдавливали ее, почти что размазывая о свои безжалостные зубцы. Лиаре казалось, что она сходит с ума, безвыходно и безнадежно бродя среди теней, мнящих себя живыми, среди солнечного света и мерцающих звезд, которые были здесь искусственными и лишенными цвета. Каждый вечер перед тем, как уйти в грезы, она подолгу молилась лишь об одном: чтобы все это закончилось. И в один прекрасный вечер Великая Мать все-таки услышала ее молитвы.

За окном тихо мерцали из темного неба, казавшегося здесь чересчур низким и давящим на голову, серебристые звезды, отражаясь мягкими мазками на рябящей поверхности реки. Противоположные берега терялись вдаль, их было видно лишь тонкой полоской земли, тянущейся в никуда, и Лиара знала, что на самом деле там ничего не было. Даже если бы на берегах стояли людские города, даже если бы там кипела жизнь, и тысячи кораблей взрывали бы острыми носами волны, все равно с этой стороны Мембраны берега выглядели бы безжизненными и пустыми.

Она сидела на устеленном циновками полу, привалившись спиной к стене, и при свете лампы с горящим внутри эльфийским шнуром читала книгу. Но глаза лишь скользили по страницам, а смысл фраз ускользал от нее прочь. Мысли ее были далеко, там, внизу, за тонкой перемышкой проклятой Мембраны, в теплых объятиях Рады.

Тишину вечера разрезал негромкий стук в дверь. Лиара машинально бросила:

— Войдите!

И только потом поняла, что произошло. Вздрогнув, она выпрямилась и уронила книгу, огромными глазами глядя на дверь. Здесь никто не стучался, посылая энергетическую волну, если требовалось дать знать о своем присутствии. На миг сердце ёкнуло, и в голове мелькнула безумная мысль, что это Рада пришла за ней. Затем дверная створка отъехала в сторону, и в комнату бесшумно вошел мужчина, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Лиара узнала его сразу же, и внутри разжалось что-то до предела сжатое, послав по телу нервную волну дрожи. Вот и опять ты пришла мне на помощь, Великая Мать, именно тогда, когда я уже и надеяться перестала. Мысль запоздало скользнула по громадному озеру облегчения, разлившемуся внутри; Лиара даже и не отдавала себе отчета в том, как была напряжена все это время.

Ильвадан был не слишком высоким для эльфа и от этого казался кряжистым, почти квадратным. Плечи у него были широкими, а руки сильными, — все эльфы умели прекрасно обращаться с оружием, посвящая тренировкам достаточно времени, чтобы находиться в хорошей физической форме. Темные волосы Ильвадана были острижены по плечи, гораздо короче, чем носили в Иллидаре, а карие глаза, хоть и тихие, как два илистых озера, все равно несли в себе отпечаток чего-то живого, чего-то искреннего и все еще стремящегося вперед. По крайней мере на фоне всех остальных обитателей Эллагаина он выглядел гораздо более эмоциональным и настоящим.

Лиара застыла, глядя на него и моргая. Все вопросы, которые она хотела ему задать, ментально вылетели из головы, и сейчас в ней было только искреннее удивление от того,

что он пришел к ней сам. Такого она уж точно не ожидала. А следом за этим удивлением внутри поднялся страх: если Ильвадан понял, что она ищет его, мог это понять и Себан.

Приложив палец к губам, эльф аккуратно подошел к ней. Запоздало Лиара заметила, что он даже одет был не так, как все благородные. На плечах Ильвадана был обыкновенный для всех городских жителей серый камзол с широким воротником, а не белоснежный алит, принятый во дворце.

Бесшумно Ильвадан опустился возле нее на колени, склонился прямо к ее уху и зашептал:

— Лиада сейчас дежурит в коридоре на случай, если кто-то пойдет мимо. Она даст сигнал, и я успею уйти через балкон, чтобы нас не видели, если что. Собирай свои вещи, мы выведем тебя из дворца.

— Кану Защитница! — выдохнула Лиара, чувствуя, как зашлось в бешеном ритме сердце. Поддавшись порыву, она резко обняла Ильвадана, и тот тихо охнул, когда его горло врезалось ей в плечо.

— Не задуши меня! — усмехнувшись, предупредил он. — Иначе ты отсюда никогда не выберешься. А теперь давай, времени мало.

Лиара подскочила на ноги и бросилась к встроенному и укрытому одной из стенных панелей шкафу. Там на полке лежала ее походная сумка с кое-каким бельем и личными вещами. Ее одежду, в которой она пришла в Эллагаин, забрали, чтобы постирать и починить, но обратно не вернули, и Лиара предполагала, что ее давным-давно уже сожгли, чтобы не нести сюда заразу из людских земель. Впрочем, одежда была ее самой меньшей проблемой. Сейчас главное было выбраться отсюда, а потом уже они разберутся со всем. Великая Мать, помоги! Помоги мне добраться к ней! Сердце едва из груди не вырывалось.

Она сгребла свои вещи с полки, быстро зачихнула их в сумку и обернулась к Ильвадану. Только сейчас до нее начал доходить весь смысл происходящего, и слова сами сорвались с губ:

— Почему ты помогаешь мне?

— По той же причине, что и два года назад, — почти бесшумно ответил Ильвадан. Лиара скорее по губам читала его слова, чем слышала шелест его голоса, не громче, чем слабый утренний ветер. — Тогда, правда, было легче, потому что я знатно припугнул твою мать. Сейчас же она слишком обезумела от горя, чтобы внятно соображать. — Он поморщился.

От этих слов сердце больно сжалось, и Лиара на миг замерла посреди комнаты, прижимая узелок к груди и непроизвольно глядя на стену, что отделяла ее покои от покоев матери. Что будет с ней, когда она узнает, что Лиара сбежала? Не разорвется ли ее сердце от Тоски на клочки, которые уже даже сам Себан не сможет собрать воедино?

— Даже не думай! — Ильвадан серьезно взглянул на нее. — Себан исцелит ее рано или поздно, от Тоски ей умереть здесь никто не даст. Будет даже лучше, если ты уйдешь. Сейчас-то он использует ее в качестве рычага давления на тебя и не исцеляет именно поэтому. А когда тебя здесь не будет, у него не будет повода больше наказывать ее.

— А ты? — Лиара повернулась к нему, с тревогой глядя ему в глаза. — Что будет с тобой?

— Если повезет, никто и не узнает, что именно я вывел тебя из дворца. Если не повезет... Что ж, я всегда хотел посмотреть на мир за Мембраной. Он гораздо интереснее того, что есть здесь, да и Лиада против не будет. — В голосе Ильвадана послышались

проказливые нотки. — Впрочем, я слишком нужен Себану, чтобы изгонять меня. Вряд ли он захочет лишиться такого козыря.

— Можно мне хотя бы записку ей оставить? — Лиара разрывалась от желания сразу же броситься бежать со всех ног туда, куда укажет ей Ильвадан, и невозможностью уйти без единого слова. Мать так ждала ее, так переживала за нее. И просто разворачиваться и уходить было нечестно.

— Только быстро, — поморщился Ильвадан. — И спрячь ее в шкаф, чтобы раньше времени не нашли.

Руки тряслись, когда она отыскивала клочок бумаги, лихорадочно царапая на нем первое, что приходило в голову. Времени совсем не было, а сказать хотелось так много. И при этом все слова разбежались от нее прочь, будто муравьи из пальцев. Они слишком мало времени провели друг с другом, чтобы по-настоящему познакомиться, и слишком много — чтобы проститься навсегда.

Ильвадан терпеливо ждал, пока она закончит, и, когда Лиара бесшумно задвинула перегородку стенового шкафа, пряча записку, кивком головы подозвал ее к двери. Гасить лампу они не стали. Если кто-то следил снаружи за ее окнами, свет в них мог еще некоторое время держать его в заблуждении о местонахождении Лиары.

Эльф аккуратно приложил ухо к двери, прислушиваясь к чему-то, и Лиара, едва шевеля губами, спросила его:

— Как ты узнал, что я ищу тебя? Мне казалось, я была осторожна.

— Ты была очень осторожна, Лиара, это правда, — кивнул тот, все еще чего-то пережидая возле перегородки. — Но ты думала обо мне, и я чувствовал течение твоих мыслей. До всего остального додуматься было очень просто. Себан же всем рассказал, что ты здесь, а также то, почему ты здесь. Несложно было догадаться, что больше всего на свете тебе хочется удрать отсюда. Я бы и сам удрал, да не могу, — он тяжело вздохнул.

— Почему, Ильвадан? — Мысли лихорадочно неслись в ее голове. Да, втроем уйти незаметно будет сложнее, но так даже лучше. Если она приведет Алеору еще одного эльфа, способного оказать помощь у бездны мхира, худого не будет. — Пойдем с нами! — она настойчиво взглянула ему в лицо. — Если ты хочешь уйти, то зачем тебе оставаться здесь?

— Все не так просто, Лиара, — покачал он головой.

— Все очень просто! — с жаром зашептала она, вглядываясь ему в лицо. — Все гораздо проще, чем кажется! Этот край мертв, Ильвадан! Я вижу твои глаза и знаю, что ты тоже чувствуешь это. Здесь правит смерть, здесь нет ничего, кроме нее, даже несмотря на то, что все в Эллагине бессмертно. Себан убежден, что он спасает свой народ, но это ложь! Ты же знаешь это!..

— Знаю, — Ильвадан взглянул на нее, и в глазах его серыми туманами лежала печаль. — Я прекрасно знаю все, Лиара. Но я не могу уйти. Я уже много раз пытался, но что-то держит меня здесь. То же, что заставило твою мать отвезти тебя в Мелонию, я думаю, и оно держит меня очень крепко. Как только это прекратится, как только случится то, зачем все это нужно, я уйду.

— Великая Мать? — выдохнула Лиара. Он был ее последней надеждой узнать, и ей так нестерпимо хотелось, чтобы Ильвадан кивнул.

— Великая Мать, — кивнул он, и Лиара судорожно втянула носом воздух. — А теперь пойдем, пока еще есть время.

Лиара не успела и слова сказать, как он аккуратно отодвинул в сторону перегородку

двери и выскользнул наружу. Лиара бесшумно выступила следом за ним, и Ильвадан прикрыл дверь за ней. Она подалась вперед, надеясь задать еще вопрос, но он лишь приложил палец к губам и кивнул ей следовать за ним.

Фонарики с эльфийским шнуром внутри висели под потолком коридоров, и их ровное сияние просвечивало насквозь нежные лепестки белых цветов, овивающих стены. Лиара теперь помнила, что называются эти цветы — орхидеи, и что сейчас их время. Традиционно в Эллагаине белые орхидеи ассоциировались с весной, и в месяц Ларати они цвели повсюду вместе с вишнями на городских улицах.

Ильвадан первым прокрался по коридору вперед, и Лиара заметила, как от дальней стены отделилась какая-то тень. Она смутно помнила эту женщину, спутницу Ильвадана. Лиада, не в пример своему мужу, была тихой, задумчивой, глубоко погруженной в себя. И лишь когда ее взгляд останавливался на нем, в ее темных зрачках расцветало то самое золотое тепло нежности, которого в этом странном крае не было больше ни у кого. А еще Лиара вспомнила, почему именно Ильвадан так много времени проводил вместе с ней самой в детстве. Он был третьего поколения, как и Лиада, и чистокровных детей у них быть не могло. А Ильвадан очень хотел детей, оттого и вся его любовь и забота достались Лиаре, оттого и увидел он в ней то, чего никто больше не разглядел.

Они спешили по коридорам дворца к его противоположному концу. Дверь в одну из комнат была приоткрыта. Ильвадан пропустил ее вперед и вошел следом, прикрыв за собой раздвижную панель. Помещение было небольшим, и в нем ровным счетом ничего не было. Лиара чувствовала пустоты в стенах и догадалась, что это — кладовка, в которой слуги хранили инвентарь для уборки дворца. Здесь же стояла и Лиада, стройная, почти хрупкая женщина на ладонь ниже Ильвадана, одетая в белые одежды, которые сейчас переливались дымчато-лиловым цветом. Глаза ее были бледно-зелеными, задумчивыми, спокойными, как заросшая ряской вода, а улыбка, обращенная к Лиаре, такой странно теплой в этом краю вечного льда, что Лиара в ответ едва не засмеялась. Видеть искреннее тепло было так хорошо, так славно. Она, кажется, уже и забыла, как это чувствуется.

— Поспешите, — Ильвадан легонько подтолкнул Лиару в спину. — Сейчас мы спустимся вниз и выведем тебя из дворца. Но времени мало. В любой момент тебя могут хватить.

— Расскажи мне про Великую Мать, Ильвадан! — Лиара настойчиво взглянула на него, но эльф уже пробежал мимо нее и принялся спускаться по маленькой винтовой лесенке в дальнем конце помещения, ведущей вниз. Лиара поспешила следом за ним, громким шепотом настаивая: — Я только ради этого и вернулась в Эллагайн! Я должна знать, кто она!

— Тише! — шикнул эльф. — Я все скажу, как только мы окажемся в безопасности.

На плечо легла теплая ладонь, и Лиара обернулась. Лиада ободряюще улыбнулась ей и кивнула:

— Идем, Лиара! Он обязательно все расскажет тебе. Но для начала надо покинуть дворец.

Подчинившись, она принялась спускаться по крутым ступеням узкой лестницы, держась рукой за гладкие перила. Сердце в груди колотилось как бешеное, ее трясло. Все происходило слишком быстро, причем на фоне недвижимо времени всех предыдущих дней, Лиаре казалось, что она попала в сердце урагана, который неудержимо тащит ее куда-то. Великая Мать, я в твоих руках! Делай со мной, что хочешь, только позволь мне выбраться отсюда!

Лестница вывела их в какую-то каморку на первом этаже, маленькую и такую же пустую, как и та, что была наверху. Со всех сторон доносились голоса, смех, звуки музыки, и Ильвадан застыл возле двери наружу, прислушиваясь и поджидая, когда можно будет беспрепятственно пройти. Лиара стояла прямо за его спиной, напряженная, как струна, готовая сорваться в бег в любой миг. Ей даже думать не хотелось о том, что будет, если их сейчас обнаружат. Себан угрожал, что может закрыть для нее Мембрану навсегда. Вряд ли бы он стал говорить это, если бы не мог, а это означало, что если сейчас ничего не получится, она больше никогда не увидит Раду.

— Пошли, — прошептал Ильвадан, отодвинул в сторону дверь и выскользнул наружу.

Лиара сглотнула подступивший к горлу ком и последовала за ним. Они вышли в какой-то пустой коридор в самом низу дворца. Со всех сторон его окружали стены из бумаги, и по ним двигались силуэты эльфов, расхаживающих с другой стороны. Они скользили по бумаге так близко, что Лиара боялась вздохнуть. Если кто-нибудь из них услышит их, хотя бы один...

Ильвадан отодвинул какую-то панель в стене, которой она раньше и не замечала, и за ней была ночь. Пахнуло холодным воздухом, запахом реки и сладких вишен. Почти со стоном Лиара вырвалась туда, окунувшись в прохладу весенней ночи, в задумчивое кружение лепестков под разноцветными мазками эльфийских фонарей. Они стояли возле внешней резной стены дворца, и за ее спиной по резьбе прыгали птички, чистили перья, поглядывали на Лиару своими крохотными глазками. Она могла только молча благодарить Великую Мать за то, что петь эти птички не умели.

Ильвадан еще одной ночной тенью скользнул прочь от стены, и Лиара поспешила за ним. Соседнее здание было совсем рядом, и тьма под его двускатной крышей, куда не доставало освещение дворца, укрыла их, спрятав от лишних взглядов. За спиной Лиары быстро шла Лиада, подобрав юбки, чтобы они не шелестели по земле. Ильвадан застыл впереди у угла здания, вглядываясь в перекресток, потом махнул рукой, и они втроем быстро пересекли открытое место и нырнули в узкий проулок между двумя зданиями.

Все сейчас казалось Лиаре таинственным и странным. Ночью город преображался, становясь мягким в отсветах цветных фонарей, загадочным, сказочным. И без того тихие улицы окончательно пустели, из полуоткрытых окон то и дело доносилась едва слышная музыка или негромкое пение. Луна своей обломанной краюшкой мягко перекатывалась на небесных волнах-облаках, заливая бледным светом медленно опадающие с деревьев лепестки. И сейчас Лиара даже не могла сказать, в какой части города они находятся, хоть и успела обойти дворец и прилегающие к нему территории вдоль и поперек при дневном свете.

За проулком открылся маленький закрытый со всех сторон дворик с круглой чашей колодца в середине. Здания квадратом окружали его, выходя открытыми галереями внутрь, и днем здесь сидели эльфы, смеясь, общаясь или просто созерцая, как падают с веток деревьев лепестки. Пушистые вишни склонили свои головы прямо над круглой чашей колодца, лепестки медленно падали туда, и их тут же стремительно относило прочь течением. Отверстие колодца было узким, едва пролез бы взрослый мужчина, но Лиара смотрела на него с такой надеждой, что не сразу услышала, как с ней заговорил Ильвадан.

— Лиара! — тихо позвал он, и она, вздрогнув, обернулась. Мужчина стоял у самого угла здания, в тени, чтобы не бросаться в глаза со стороны, а Лиада, будто невзначай, остановилась в узком проулке, разглядывая улицу снаружи и следя за тем, не идет ли кто за

ними. Быстро подойдя к нему, Лиара открыла было рот, но Ильвадан прервал ее: — Слушай внимательно. Как только нырнешь, выворачивай глаза и плыви спиной от дворца, поняла? Спиной от дворца, прямо, держи это направление, несмотря ни на что. Плыть долго, и вода там ледяная, а что творится за границей Мембраны, я даже знать не хочу. Но это твой единственный шанс уйти. И на той стороне даже не думай перемещаться сквозь пространство. Они почувствуют.

— Я все поняла, Ильвадан! — кивнула Лиара. Сердце в груди колотилось так, что она буквально задыхалась. И до сих пор не могла поверить в то, что возможность сбежать отсюда — так близко, буквально рукой подать. Но еще оставались вопросы, и они слетели с ее языка быстрее, чем она успела обдумать их. — Кто такая Великая Мать?

— У нас очень мало времени, — Ильвадан тревожно обернулся через плечо, снова повернулся к ней. — Я расскажу в двух словах. Эльфы верят в то, что мир создали Молодые Боги, это ты знаешь. Но и Молодых Богов тоже когда-то создали. На самом деле они всего лишь обитатели тонких миров наверху той луковицы, что называют миром. Понятно? — она кивнула. Ильвадан говорил быстро-быстро, почти скороговоркой, постоянно оглядываясь через плечо на стоящий за их спинами дом. Там горели окна, и чьи-то голоса приглушенно звучали из глубины здания. — Над ними есть сила, объединяющая все, разум, который и дал им жизнь. Его называют Создателем. Но Создатель — это просто разум, просто бестелесная идея, бесплотная и легкая. Чтобы творить, ему нужна Сила, и эта сила — Великая Мать. Они взаимодополняют друг друга, они перетекают друг в друга, они есть одно, и это одно — мир.

— Это я знаю, — кивнула Лиара. Смутное воспоминание пришло откуда-то из глубин памяти, и она добавила: — Кажется, ты говорил мне это много-много лет назад.

— Да, ты была еще очень маленькой, — резко кивнул он. — Из них и произошло все, их физической ипостасью в мире являются Источники. Эта правда открылась мне в моих переживаниях, но когда я пытался донести ее до Себана, тот лишь отмахнулся. Эльфы отказываются признать, что есть сила большая, чем они сами, чем даже сами Молодые Боги, — Ильвадан поморщился, потом вновь зачастил. — Эта сила была спокойна и статична, она была растворена в мире, мир и был ей, и ничто не менялось долгие тысячелетия. Но некоторое время назад кое-что случилось. Это было уже после того, как мать увезла тебя в Мелонию, я почувствовал... что-то. Это было на западе, по людским меркам, думаю, лет семь-восемь тому назад. — Брови Ильвадана сошлись к переносице, а взгляд остекленел. — Невероятное возмущение силы, такое... странное. Будто ее прорвало, будто этот резервуар с энергией, что создавал миры, дал течь в одной крохотной точке, и через эту точку мощь хлынула напрямую в мир. Ты понимаешь, что это значит? — он настойчиво взгляделся в глаза Лиары.

— Нет, — честно покачала она головой.

— Это значит, что Великая Мать приняла решение вмешаться в созданный ею мир. Это не укладывается в моей голове. Как сама энергия творения может войти в мир, и главное — для чего? Чтобы изменить его навсегда? Чтобы произошло что-то, чего раньше не было? — Ильвадан глубоко вздохнул и покачал головой. — Она была здесь, она и есть здесь, она — все, что есть под солнцем и само солнце, но она была скрыта внутри себя самой, как скрыто в семени целое дерево. А теперь она низошла напрямую. Я видел это как сияющую стрелу, что падала с небес вниз, к другой стреле, столь же сияющей, взлетающей с земли к небесам. — Голос его стал глухим. — Кто-то призвал Великую Мать в свое тело, кто-то прорвал оболочку, отделяющую ее, спящую во всем мире, от нее самой.

— Великая Мать — это жизнь? Это сила самой жизни в нас? — осенило Лиару. Она ощутила, как внутри что-то ёкает и замирает.

— Да, — энергично кивнул Ильвадан. — Она — это жизнь в нашей груди, это биение наших сердец, наша душа, завуалированная и спрятанная в нас. И кто-то там, на западе, открыл в себе ее истинную сущность, прорвал оболочку, пусть даже на миг, но прорвал.

— Мы тоже делали такое! — зашептала Лиара, вглядываясь в его глаза, и лицо Ильвадана вытянулось. — Мы с Радой! Мы тоже соединялись с Великой Матерью!

— Пресветлая Владычица!.. — несколько секунд Ильвадан смотрел на нее во все глаза, потом с трудом проговорил. — Наверное, именно это я и увидел много лет назад, когда мне пришлось откровение, что ты должна жить в Мелонии, в самой глуши, чтобы другие эльфы тебя не нашли. — Лиара заморгала, открыла рот, чтобы спросить, но он энергично подтолкнул ее вперед: — Вот поэтому тебе и нужно уходить отсюда. Иди на запад, Лиара, ищи того, кто сделал это, кто первым дотянулся до Великой Матери напрямую. Ты должна понять, зачем это было нужно.

— Это — новое, Ильвадан? Такого ведь раньше никогда не было, правильно? — от волнения дыхание сбивалось, но она должна была это спросить. — Мы ведь не Аватары? — высказать это было сложнее всего, и голос Лиары в этот миг дрогнул.

— Нет, вы не Аватары, — уверенно покачал головой Ильвадан. — Но это — новое, и это очень важно. Возможно, это самое важное, что случилось за последние семь тысяч лет, а может, и большее время. И ты должна понять, что это значит. — Он оглянулся, еще раз осмотрелся и подтолкнул ее в сторону колодца. — А теперь иди, пока есть время. Беги отсюда во все лопатки со всей скоростью, с какой только сможешь. Узнай, что изменилось, Лиара. От этого ответа может зависеть все.

— Спасибо тебе! — поддавшись порыву, Лиара подалась вперед и обняла его.

Тело помнило ощущение этих широких плеч и свежий, травяной запах его волос. Маленькая девочка в ней помнила Ильвадана, едва ли не лучше, чем собственного отца, сказочника и менестреля, что учил ее легендам и песням, что рассказывал ей самые красивые стихи и самые волшебные истории. Того самого, который научил ее играть на арфе. Почему я вспоминаю это именно сейчас?

— Иди! — он вновь подтолкнул ее к колодцу. — И пусть Великая Мать откроет тебе свою тайну. Ты была рождена для этого, Лиара. Теперь я это знаю.

Лиара быстро забросила сумку на спину, пропустив ремень через грудь, чтобы не мешал плыть, села на край колодца и опустила ноги вниз. Там, примерно в полуметре под ее стопами, несся стремительный поток холодного Тонила. Несколько секунд еще она смотрела на эту воду, думая о том, как сейчас все тело скует холод, и что любой ценой она не должна закричать от этого, чтобы не привлекать внимание. Сделав глубокий вдох, Лиара оттолкнулась руками от края колодца и ухнула в ледяную речную воду.

===== Глава 57. Платить по счетам =====

Это было по-настоящему больно, так больно, что Лиара с трудом сдержала вопль. Холодная вода стиснула ее со всех сторон, выжимая все тепло, весь воздух из тела, сковав его ледяной хваткой, будто чья-то громадная костлявая пятерня. И вокруг была чернота, вязкая, словно лицом она окунулась прямо в таз с чернилами. Лиара забарахталась, задергалась в воде и вынырнула, почти тотчас же уйдя под воду вновь. Мощное течение Тонила тащило и волокно ее прямо под толстым слоем настила городских улиц, и между высоко поднявшейся рекой и настилем сверху была лишь полоска пространства шириной с

ладонь. Если запрокинуть голову, она могла глотнуть воздуха и не задохнуться, но течение крутило и вращало ее, мешая это делать. А потом вдруг Лиара врезалась во что-то со всей силой и не сдержала тихого вскрика.

Движение остановилось. Река вжимала ее во что-то твердое и склизкое, руки скользили по нему, никак не могли найти опору. Лиара ухнула лицом в воду, с трудом вынырнула, пытаясь глотнуть воздуха, перетерпеть боль в отбитых ребрах, удержаться на невидимой преграде. Ледяная вода была повсюду, она жгла тело, словно Лиару швырнули в разогретую добела топку кузнеца.

Для того, чтобы прийти в себя, ей понадобилось около минуты. И только после этого она вспомнила напутствия Ильвадана и вывернула глаза. Тьма сразу же отодвинулась, и мир предстал ей в расплывчатом серебристом свете, идущем отовсюду и ниоткуда. Лиара завертела головой, отчаянно цепляясь за толстую сваю, подпирающую настил улиц, которым оказалось то, обо что она ударилась, пытаясь понять, куда ей дальше двигаться. Даже с вывернутыми глазами видно было не слишком хорошо, но впереди был просвет, и она буквально рванулась туда, с силой оттолкнувшись от скользкой, поросшей илом опоры.

Сваи были вбиты в дно так часто, что проще было перебираться от одной к другой, цепляясь за них руками, чем пытаться плыть между ними. Течение было сильным, ее сносило в сторону, больно швыряло прямо на сваи, и с каждым новым ударом на теле прибавлялось синяков и ссадин. Сцепив зубы, Лиара поднимала голову как можно выше, чтобы хоть как-то дышать, и запоздало припомнила, что может делать и кое-что иное. Погрузившись в воды реки сознанием совсем чуть-чуть, чтобы никто не смог почувствовать ее касания, она собрала вокруг себя все потоки, которые можно было назвать условно теплыми. Вода в реке была обжигающе холодной, и Лиара готова была поспорить, что снаружи Эллагаина реку уже начал стягивать лед, но редкие теплые потоки еще встречались здесь, и она сделала так, чтобы именно они сейчас омывали ее тело.

Стало чуть легче, и она смогла хотя бы нормально вздохнуть. А потом, собравшись с силами, начала двигаться в сторону просвета среди толстого леса вбитых в дно реки свай.

Чтобы ледяная вода не свела ноги, нужно было двигаться, нужно было думать о чем-то, сосредотачиваться на чем-то. Толстенные сваи, гораздо больше трех обхватов в поперечнике, давали ей возможность хоть немного отвлечься от холода, пронзая тело болью, когда течение пихало ее прямо на них. Проклятая сумка мешалась, болтаясь за спиной, а ткань платья отяжелела в воде, как мешок, но времени на то, чтобы стягивать ее, у Лиары не было. В любой миг Себан или мать или кто-то еще могли хватиться ее, и тогда Мембрану закроют. Тогда ей уже не выбраться.

До края настила она добиралась целую вечность, или ей так показалось из-за ледяной воды и боли в отбитом теле. Но, наконец, Лиара догребла до самой крайней подпорки и уцепилась за нее, стуча зубами и прислушиваясь. Здесь, внизу, было тихо, лишь река шуршала и плескала о сваи, но откуда-то издали и сверху приглушенно звучала музыка и голоса. Река перед ней была абсолютно пуста, укрыта ночными тенями, и противоположный берег виднелся очень далеко. Примерно на расстоянии нескольких десятков метров от его края переливалась всеми цветами радуги Мембрана. Лиара сглотнула, чувствуя, как горячо колотится в глотке сердце. Она умела плавать, неплохо умела плавать, но до берега было далеко, а вода ледяная... Замолчи немедленно! Ты доплывешь! Доплывешь во что бы то ни стало, иначе навсегда останешься здесь, в этой тягучей смерти, вдали от Рады, и никогда не узнаешь, почему именно тебя выбрала Великая Мать, и что за волю она хочет передать тебе.

Глубоко вздохнув и взмолившись, чтобы никого не было на набережной над ее головой, Лиара отпустила опору моста и погребла.

То ли час был уже поздний, то ли Великая Мать слышала все ее молитвы, но только на набережной не было ни души. Течением ее сильно снесло на север, в сторону от дворца. Здесь располагались по большей части мастерские, а жилые дома стояли редко и на большом расстоянии друг от друга. Лиара обернулась, оглядываясь на город. Набережная была пуста, и лишь в одном единственном домике вдалеке светились стены из бумаги. Проглотив нервный смех, она развернулась и поплыла прочь от Иллидара, наперерез сильному течению Тонила прямо к восточному берегу.

Плыть было очень тяжело. Платье мокрой тряпкой путалось вокруг тела, сумка сползла на живот и болталась под ней, оттягивая ее ко дну. Некоторое время Лиара еще боролась с волнами, а потом вынуждена была отстегнуть ляжку и отдать сумку жадной ледяной реке. Там ровным счетом ничего не было, лишь кое-какие личные вещи, гребень, всякая мелочь, что может пригодиться в пути. Самое дорогое — кольцо с голубым ларимаром, которое она купила для Рады, — висело на цепочке у нее на груди, а все остальные вещи лежали в седельных выюках в гостинице Рамаэля. Как-нибудь проживет она без гребня и иголок, главное, доплыть до берега. Она бы и платье отдала реке, да только проклятые крючки застегивались на боках и очень хитро, а изворачиваться в недовольных волнах и пытаться их расстегнуть было чересчур рискованно. Лиара была не настолько хорошим пловцом, чтобы рисковать попусту.

Волны набрасывались на нее, ничем не сдерживаемые здесь, на приволье, гонимые ветром, кусачие. Лиара загребала изо всех сил, равномерно работая руками и ногами. Задубевшее поначалу тело начало медленно согреваться. Кровь быстрее побежала по венам, потом вскипела, обжигая ее изнутри. Каждый удар рук причинял боль, каждое движение ног все крепче и крепче стягивало узлы мышц в ее икрах. Лиара молилась только об одном: чтобы не началась судорога. С судорогой она точно не доплывет до берега, и все будет напрасно.

Вдруг что-то изменилось. На миг все тело сковал странный, проникший в самые кости и мясо холод, Лиара потеряла способность двигаться, словно муха, попавшая в каплю воды. В следующее мгновение она вырвалась из этого, и вновь закричала, на этот раз от гораздо более лютого холода, схватившего все тело.

Руки и ноги буквально парализовало, перед глазами все изменилось так резко, что на миг ей подумалось, что она сошла с ума. Теперь Лиара барахталась в ледовой каше, колючей, острой, болезненной, а впереди вместо обычного голого берега виднелась белая шапка снега, укрывшего землю и деревья. От боли из глаз хлынули слезы, но она услышала, что смеется. Все, она прошла Мембрану, и никто не задержал ее!

Эта мысль прибавила сил лишь на несколько мгновений, а затем холод вновь вцепился в тело. Загребать ледяную кашу было еще сложнее, чем воду, но она справилась. Уже порядком нахлебавшаяся воды, едва живая, хрипящая, будто загнанное животное, из последних сил молотя руками по воде, Лиара вдруг ощутила, как что-то коснулось колена. На следующий гребок колено больно врезалось в камень, она вскрикнула и потеряла опору в воде, хлебнула полный рот ледяного месива и без сил упала на мелководье.

У самого берега ледок уже успел схватиться, и теперь его острый край больно впивался в кожу, почти что разрезая ее до крови, но Лиаре было уже плевать на это. По чести, она готова была целовать это лед, ведь он означал, что теперь она свободна. Она доплыла,

добралась, никто уже не сможет навсегда закрыть ей дорогу назад, упрятав ее в западне из вечности и обреченной на смерть юности.

Зубы выстукивали дробь, и ледяной ветер вцепился в тело с такой яростью, что она вновь охнула, кое-как поднявшись на ноги. Мокрое платье никак не защищало от порывов зимы, напитанных крохотными, секущими кожу снежинками, и Лиара, с трудом владея задубевшими от холода руками, с громким треском оторвала подол посередине, чтобы ничто не мешало ей бежать. Хвала богам, на ногах были мягкие сапожки, единственное, что у нее не забрали в Иллидаре, и пусть в них хлюпала вода, но уж лучше так лезть через сугробы, чем босиком.

А сугробы вокруг были, хоть и невысокие, но уже доходящие ей до середины щиколотки. Сотрясаясь всем телом от холода, Лиара сжала зубы и развернулась лицом к югу. Там должен был быть Рамаэль, там была Рада и ее друзья, нужно было лишь добраться туда никем не замеченной. Рассудив, что на таком-то расстоянии вряд ли уже кто-то сможет почувствовать, что она делает, Лиара обернула себя толстым слоем сгущенного воздуха, чтобы хоть как-то избавиться от жгущих кожу порывов ветра, и со всей возможной скоростью поковыляла через сугробы на юг.

Первые гости Алеора прибыли еще за неделю до Ночи Зимы, причалив к полукруглой пристани Рамаэля на последнем в этом году крутобоком людском корабле. Возглавлял их лично Иже Вахард по прозвищу Бычий Цепень, здоровенный лонтронек с небритыми щеками, длинными густыми усами и широким оскалом изрядно прореженных в драках белоснежных зубов. Его Алеор встретил лично, поздоровавшись с ним за руку на пристани. Лонтронек ухмылялся во все лицо, глядя на Алеора, будто восхищенный мальчишка, перетаптываясь с ноги на ногу и комкая в руках меховую шапку.

— Спасибо вам за приглашение еще раз, милорд Ренон! Мы даже и не надеялись, что однажды вы удостоите нас такой честью: делить с вами праздник. Это великая честь для всех Наемников Запада, жаль только, что не все смогли добраться сюда, — восторженно бормотал Иже, то и дело порываясь поклониться Алеору почти что в пояс.

— Действительно, весьма жаль, — поджал губы Алеор, и тень неудовольствия пролетела по его лицу. — А сколько вас сейчас?

— Со мной на корабле сорок три человека, все, что влезли. Вы же еще приказали привезти продуктов и выпивки, так что трюмы у нас забиты под завязку, и это все, кто поместился на палубу, — Иже развел руками, будто оправдывался. — Но из Васхилия верхами выехало еще около восьмидесяти человек. Надеюсь, они успеют прибыть вовремя, хотя сами понимаете, дороги занесло снегом, и неизвестно, пройдут ли лошади.

Губы Алеора растянулись в ничего доброго не предвещающей улыбке, и он положил руку на плечо Иже, одобрительно встряхнув его:

— Что ж, мой дорогой друг, значит, будем молиться все вместе, чтобы они поспели! Как же нам встречать праздник в такой маленькой компании?

Худой и высокий эльф казался буквально жердиной на фоне крепкого квадратного лонтронца, на лице которого гуляла счастливая, ничего не понимающая улыбка, словно у ребенка, которому вместо наказания перепало сладостей. Улыбашка закрыла лицо рукой, покачивая головой и бормоча что-то под нос, Рада только ухмыльнулась, глядя на все это. Вид у Алеора был хищным, словно у камышового кота, подкрадывающегося к найденному в траве гнезду с ничего не подозревающими утками. Лонтронек же видимо не совсем

понимал, за что ему перепало такое счастье, но с горячим энтузиазмом был готов делать все, что угодно, лишь бы такую удачу у него не отняли.

Вместе с Алеором они пошли к кораблю, с которого посыпали другие лонтронцы. Один за другим они спускались по переброшенному на пристань трапу и, влюбленными глазами глядя на Алеора, застенчиво жали его протянутую ладонь.

— Кажется, на корабле лонтронцев напихано, как селедок в бочку, — проворчала стоящая рядом с Радой Улыбашка, сплевывая на землю. Они вдвоем устроились у края пристани, опершись на ограждение и покуривая трубочки, разглядывая прибывших гостей. — Не удивлюсь, если всю дорогу они проехали стоя спина к спине, потому что их там столько, что и лечь, наверное, негде было. Как это корыто вообще не потонуло? — в голосе гномихи слышалось искреннее недоумение.

Рада задавалась примерно теми же самыми вопросами, разглядывая корабль, на котором причалили наемники. Джен Итур Вануэль было самым многочисленным и прославленным наемным сообществом Этлана, его филиалы существовали во всех государствах, и их руководители раз в год собирались на общее собрание, чтобы выработать и обсудить политику сообщества на грядущий год. По численности все наемники Запада могли бы составить конкуренцию даже регулярной армии Ишмаила, не самого крупного, но все же государства. И само сообщество могло похвастаться наличием в своих рядах таких имен, как Эрдар Коготь из Бреготта, Хитрый Лис Салатей из Ишмаила, и даже сам Алеор Ренон Тваугебир, в представлениях не нуждающийся.

Но не все филиалы сообщества были одинаково богаты, и не ко всем страны, на территории которых они располагались, были милостивы и терпимы. Примерно то же было и с филиалом Васхия: Высший Жрец не терпел конкуренции, и последние несколько десятков лет Каратели и Усмирители исподволь пытались выпихнуть Наемников Запада с подконтрольных им территорий на юго-западе Лонтрона. Оттого суденышко, на котором приплыл Вахард с ребятами, выглядело больше похожим на прохудившееся корыто с десятком течей, которое вот-вот развалится на куски. Да и сам Вахард не блистал ни дорогими доспехами, в каких чаще всего ходили главы сообществ, ни старинным оружием, ни приличной одеждой. На груди у него была старенькая кольчужная рубаха со множеством тщательно залатанных прорех, из-под которой виднелась кожаная куртка явно не по погоде, да и плащ на плечах был перестиран столько раз, что Рада затруднилась бы ответить на вопрос о его первоначальном цвете. Примерно в том же состоянии были и люди Вахарда, радостно разглядывающие Алеора, но в одном им отказать было нельзя. Когда на пристань Рамаэля начали сносить бочонки с вином и виски, мешки с едой, здоровенные туши копченого мяса и коробки с неизвестным содержимым, Улыбашка только присвистнула.

— Судя по всему, они здесь надолго.

Тот же безрадостный вывод был написан и на каменном лице Гиэлата, вышедшего навстречу дорогим гостям и показывающего, куда им сгружать привезенные с собой припасы. Следовало отдать должное Алеору, за прошедшие недели он достаточно поколебал терпение эльфа, и теперь его лицо выражало все-таки больше эмоций, чем раньше. Сейчас, например, на нем было написано смирение и покорность судьбе. Впрочем, когда разгрузка закончилась, и какой-то из наемников отошел помочиться на угол его гостиницы, это выражение моментально сменилось полыхнувшей яростью.

Комнаты в гостинице, теперь пустовавшей после отплытия последнего торговца с юга, были предоставлены всем наемникам, которые могли там поместиться. В каждой комнате,

рассчитанной на одного человека, Гиэлат поселил троих, а в более крупных — всех, кто остался. Теперь тихая «На околице» больше напоминала казарму в день полкового праздника. По полам постоянно стучали грязные сапоги, общая зала дрожала от дружного смеха начавших сразу же по приезду праздновать лонтронцев, по столам покатались кости, зашуршали карты, а кто-то из молодых вытащил из-за пазухи свирель и даже маленькую лютню. Теперь день и ночь из окон гостиницы лился свет, гремели голоса, за которыми едва слышалась музыка, а вылизанные до почти что зеркального блеска полы превратились в грязное месиво, которое исправно натаскивали снаружи на своих сапогах наемники.

Алеор был в центре всего этого. Рада только головой качала от восхищения, разглядывая, как он бродит между столов, перекидывается словами то с тем, то с этим, подливает вина особенно разбушевавшимся, провоцирует тех, кто был не прочь подражаться, подначивает музыкантов и певцов орать во все горло, потому что туговат на ухо и не слышит их прекрасные песни. Гиэлат теперь не сводил с него глаз, глядя в упор с побелевшими от ярости губами, а Алеор то и дело дружески подмигивал ему и улыбался, когда кто-нибудь из пьяных лонтронцев перепрыгивал через стол, начиная наотмашь бить соперника по карточной игре, или вываливался в окно, пробивая своим пьяным телом искусную вязь разноцветных витражей. Латаан вообще перестал уходить из гостиницы, постоянно сидя где-нибудь в углу и кривясь от омерзения, но Алеору все было ни по чем.

Этим бессмертным ребятам пришлось вызвать из Иллидара в помощь еще с десятков молодых подавал. Те с ног сбивались, следя за серебряными ложками, которые исчезали в карманах наемников, и извлекая их обратно, вытирая полы от грязных луж, нанесенных с улицы сапогами, отлавливая тех, кто собирался справить нужду прямо на стену, пока никто не видел. Они только и делали, что сгребали пустую тару, подносили одно блюдо за другим на столы, чистили и мыли заплеванные полы, отбирали у лонтронцев лампы с эльфийским шнуром, который те пытались выковырять и незаметно унести с собой. Одним словом, гостиница превратилась в Бездну Мхира, а посреди нее беззвучно хохотал Алеор, насмехаясь над всеми Первопришедшими Иллидара и постоянно напоминая им о том, что он уедет отсюда вместе со своими друзьями в ту же минуту, когда ему вернут Лиару.

Но пока еще Гиэлат с Латааном держались. Или Владыка Себан держал их в своем кулаке, приказав не поддаваться на провокации. В сущности, это было не так уж и важно. Лиару им пока что не выдали, и от этого вся радость от постоянного праздника, принесенного наемниками, меркла для Рады, теряя всю свою остроту и краски.

Через пять дней после прибытия корабля из заснеженных степей выехала целая вереница лошадей, которые почти что превратились в сугробы вместе со своими всадниками. Только их было здесь вовсе не восемь десятков, как говорил Вахард. По дороге наемники Запада щедро делились со всеми желающими сенсационной информацией о том, что князь Ренон пожелал устроить для них всех празднование Ночи Зимы, именно для них, а не для кого-то другого, именно князь Ренон, что был живой легендой для всех наемников Этлана. Потому следом за теми самыми восемью десятками, что выехали из Васхилия, потянулась еще как минимум сотня тех, кто присоединился уже по дороге. И теперь все они разместились лагерем на задках Рамаэля, расставили палатки, разожгли походные печки, изрубив все сухое дерево, что было в округе, за исключением тех ив, которые посадили Первопришедшие для украшения своего порта, а потом потянулись пить все в ту же «На околице». И маленький тихий порт превратился в хаос.

Не то, чтобы Рада испытывала какую-то неприязнь к наемникам, вовсе нет. Много лет

ей приходилось иметь с ними дело в Северных Провинциях, и она привыкла к их манере поведения и тому, как именно они предпочитали отдыхать. Все они были, по большей части, людьми перекасти-поле: без имени, дома, крова, бродягами, авантюристами и искателями острых ощущений или золота, одним словом, самыми обычными грубоватыми ребятами, с которыми всегда можно было душевно выпить, повспоминать былые походы, подраться, если возникало желание. Просто сейчас концентрация таких людей на территории крохотного эльфийского порта стала буквально взрывоопасной, и с каждым днем их прибывало все больше: подтягивались те, кто слишком поздно услышал о празднике и не успел сразу же присоединиться к основной колонне.

— Ты не боишься, Алеор? — как-то вечером спросил Кай, когда они ужинали, как и всегда, вчетвером за отдельным столиком в полном дыма, гула и хохота помещении, под завязку набитом наемниками. Глаза ильгонца смеялись, и в них горело любопытство, смешанное с чем-то еще, чем-то таким, чего Рада пока никак не могла понять.

— Чего мне бояться? — хмыкнул в ответ эльф, поглядывая на Кая.

— Что эти ребята разнесут гостиницу как-нибудь вечером, хорошенько надравшись? Или что кто-нибудь из них подпалит ее? Или же, что кто-то может начать задираться к Первопришедшим? — Кай с интересом изучал лицо Алеора. — Ведь тогда, вполне возможно, ты спровоцируешь новую войну между Лонтроном и Речным Домом, и все смерти будут на твоей совести.

— Мой дорогой друг, — Алеор бросил на него странный взгляд, полный ироничного, жестокого веселья, — они все, все до единого, должны мне столько жизней, что и сосчитать невозможно. Если ты помнишь, когда-то я разнес в клочки Гортенберг, камня на камне там не оставив, и избавил их от этой проблемы на долгие столетия вперед. Что же касается нынешней ситуации, то я им жизнь спасаю. — Алеор аккуратно огляделся, подался вперед и очень тихо произнес. — Пока Себан упрямится и играет со мной в кошки-мышки, Эвилид уже вполне могут захватывать контроль над Черным Источником. И как только это случится, Этлан обречен. И виноват в этом буду совсем не я. Так что этот длинномордый мокроголовый придурок, играя со мной в свои игры, ставит под удар не только существование всего зримого мира, но и существование своего горячо любимого Речного Дома. — В голосе его прозвучала тщательно сдерживаемая ярость. — Со мной такие шутки шутить не надо, особенно, когда я занят делом. Мне казалось, что он уже успел уяснить это за те полторы тысячи лет, что мы с ним знакомы. А коли нет, так ему и платить за это.

— Алеор, но ни лонтронцы, ни эльфы в этом не виноваты, — Улыбашка говорила осторожно, глядя на Ренона то ли удивленно, то ли испуганно, будто впервые видела его. — Эта дрязга — между тобой и Себаном, а пострадают-то невинные!

— Не бывает невинных, Улыбашка, — тяжело проговорил Алеор, бросив на нее короткий взгляд и вновь занявшись своей тарелкой. — Одни терпят самодурство своего Владыки, считая себя лучше всех, а его волю — единственной, достойной претворения в жизнь, отчего ставят свой народ под удар войны. Другие — слишком тупы, чтобы понимать, какая участь ждет их в результате их собственного свинства и неуважения к обычаям других. Я лишь столкнул их в одном месте, чтобы они внимательно посмотрели друг другу в глаза и, может быть, что-нибудь поняли. Если они извлекут из этого урок, значит, я даже принес им пользу.

— Имеешь ли ты на это право, Алеор? — Рада нахмурилась, глядя на него. — Ты ведь не бог, чтобы играть их судьбами.

— Я просто сделал так, чтобы вернуть Лиару. — Взгляд эльфа, брошенный на Раду, был холоднее горных снегов. — Все остальное они сделают или не сделают сами. Не мне отвечать за их поступки, не мне платить за их глупость. У меня есть цель, и к этой цели я пойду так, как считаю нужным. В отличие от всего этого сброда, я в состоянии сам расплатиться по счету, когда он мне придет, и не визжать при этом, что со мной поступили несправедливо, или, что мной управляли.

На этом разговор сам собой увял. Только сейчас Рада наконец-то поняла, в какой жесткой ярости находился эльф все это время, и с каким трудом он сдерживал эту ярость, не выпуская ее на волю. Возможно, Первопришедшим действительно очень повезло, что здесь оказались лонтронцы. С ними-то войны они еще могут избежать, а вот с Алеором — вряд ли смогли бы, подумалось ей.

Настал канун Ночи Зимы. Ради этого события наемники даже просохли, сплавали на другой берег реки и умудрились отыскать молоденькую разлапистую сосну, которую и привезли с собой на ладье и установили прямо посреди площади перед гостиницей. Украсить ее особенно было нечем, потому дерево просто обвили нашедшимися у кого-то кусками разноцветной ткани, сладостями и обрывками бумажек. За гостиницей на расчищенном от снега пятачке запалили три громадных костра, подвесив над ними свиные туши, и запах жарящегося мяса поплыл в морозном воздухе под тяжелыми серыми облаками, которыми было затянуто все небо. А праздник разошелся с новой силой.

Почему-то в этот день тоска взяла Раду особенно остро, пережав все ее нутро в одной когтистой лапе. Ночь Зимы была одним из самых любимых праздников в Мелонии и по всему людскому миру, этот день нужно было проводить в кругу семьи и друзей, веселиться и петь. Только вот дети Рады были очень далеко от нее, почти что на другой стороне известного мира, и она совсем не была уверена, что отважится однажды вновь увидеть их. Раз уж она так сдалась Сету, что он не пожалел усилий и послал за ней едва ли не лучшего из своих людей, то и возвращаться к детям было опасно: она могла навести на них беду. И Лиары не было с ней в этот день, единственной женщины, единственного человека, который заставил все ее сердце мучительно раскрыться в одном невыносимом стремлении, а весь мир — вспыхнуть распутившейся весной и счастьем, о котором она никогда даже и не мечтала.

За дверью ее комнаты слышались голоса, смех, топот, музыка, но Раде не хотелось выходить. Она тихонько сидела у стола, сложив руки в замок и глядя прямо перед собой, а перед внутренним взором проходил весь этот год, такой бурный, такой сложный, такой невыносимо красивый. Вся ее жизнь изменилась в одночасье, все стало иным, словно по щелчку чьих-то пальцев, все повернулось так, как она и сама не могла бы ожидать.

— Я молю только об одном, Великая Мать! Позволь мне еще хотя бы раз увидеть ее! Позволь мне посмотреть в ее глаза, потому что мне трудно без нее, очень трудно. — Рада поняла, что шепчет это вслух, но это показалось ей очень правильным. Уткнувшись головой в столешницу, она тихо пробормотала. — Все было не просто так, каждый шаг, каждое слово, каждый жест. Я знаю, что ты приведешь ее ко мне, я знаю, что ты не оставишь нас, потому что мы слишком далеко ушли, чтобы остановиться сейчас.

В ее спине вновь начало жечь, сильно и яростно, словно тот раскаленный прут кто-то качал из стороны в сторону. Рада поморщилась, повела плечами, чтобы размять их, хоть и прекрасно знала, что это никак не поможет. Что-то это жжение означало, но что — она пока понять не могла, как бы ни крутила в голове, как бы ни поворачивала так и эдак. Что-то происходило с ней, и это явно было связано с Великой Матерью, а коли так, то и думать об

этом лишний раз не стоило. На все воля твоя. Я лишь полностью отдаю себя тебе и следую туда, куда ты меня поведешь.

Зимой темнело рано, и сумерки опустились на укрытые снегом равнины уже через несколько часов после обеда. Во тьме костры горели еще ярче, выбрасывая в воздух целые снопы искр. Шипел на углях капающий с туш жир, в воздухе стоял запах мяса и хлеба, запах людей, перебродившего вина, застарелого перегара и дыма. Рада тоже присоединилась к попойке, надеясь хоть как-то расслабиться, отвлечься, но все было не то, все было чужим. Виски не лезло в глотку, пьяные небритые рожи лонтроцев опостытели. Она поискала друзей, но и в их обществе тоже было не слишком весело. Алеор ухмылялся этой своей жестокой улыбкой, то и дело недобро косясь на Гиэлата, глядящего в ответ, между ними висело такое осязаемое напряжение, словно вот-вот они должны были броситься друг на друга с ножами. Кай извинился перед всеми, сказав, что не слишком любит шумное веселье, и ушел в свою комнату читать. А Улыбашка просто мрачно напивалась, ожидая развязки напряженного конфликта между Алеором Реноном и Владыкой Себаном.

— По-любому сегодня что-то будет, — угрюмо сообщила она Раде, высунув из бокала покрасневшее лицо и не слишком внятно выговаривая слога. — Вот попомни мои слова, белобрысая, сегодня что-то будет. И к тому времени я хочу быть уже в стельку пьяной, чтобы не участвовать во все этом.

Напиваться с ней или тем более с Алеором у Рады никакого желания не было, а потому она только потуже застегнула теплую дубленку из числа заказанных для них Алеором в Речном Доме, нахлобучила на голову меховую шапку и вышла из гостиницы в морозную ночь.

Ноги сами понесли ее на север вдоль берега реки, а жжение в спине буквально гнало вперед, словно кто-то тыкал между лопаток раскаленным острием копья. Ночь выдалась морозной и ветреной, небо было темным, и порывы ветра взметали из под ног снежную порошу, которая преобильно секла лицо. Вскоре пьяные вопли и смех остались далеко позади, и теперь Рада слышала лишь тихий плеск реки слева от себя да свист ветра в обледеневших ветвях деревьев.

И зачем я только вышла морозиться в такой час? Тоскливо выдохнув, она подняла голову к небу. Сквозь разрывы туч ей подмигивали крохотные острые осколки звезд, выглядывал желтым глазом обломок месяца, подсвечивая края облаков хищно-желтым ледяным сиянием. Из рта вырывались клубы пара, а ногам в сапогах стало зябко. Поискав глазами, Рада заметила торчащий из земли ствол упавшей ивы и направилась к нему. Разгрести насыпанный снег было несложно, он еще не успел намертво вмерзнуть в ствол и покрыть его толстой коркой. А потому она уселась на холодное бревно и полезла за пазуху за трубкой, только потом запоздало осознав, что на таком ветру вряд ли справится с огнивом.

— Ну что за мерзачий день, а? — в сердцах спросила она у темного ночного неба. — Самый растреклято мерзачий день за всю мою жизнь!

Впрочем, делать-то все равно было нечего, а идти обратно не хотелось. Нахохлившись и спрятав руки в карманы дубленки, Рада мрачно уставилась в ночь перед собой. Рядом с ней тихо перешептывались волны, и пригоршни снега засыпались ей за шиворот, только одна мысль о возвращении заставляла ее вздрагивать всем телом и ворчать сквозь зубы. Улыбашка была совершенно права: Алеор, похоже, созрел, словно гнойник, и теперь по всем законам его должно было прорвать прямо посреди празднования Ночи Зимы. Оставалось надеяться только, что он еще недостаточно созрел, чтобы выпустить Тваугебира и перерезать к бхаре

всех жителей Рамаэля вместе с его незадачливыми гостями. Но в любом случае, ей уже все настолько опостылело, что даже если бы он это сделал, она бы и с места не поднялась.

Вдалеке, в той стороне, откуда тянулась по сугробам неровная цепочка ее следов, на фоне темного неба виднелось светлое пятно костров лонтронцев. Изредка ветер доносил отдельные приглушенные расстоянием выкрики и пьяный смех. Раде подумалось, что они действительно все вели себя как свиньи, ввалившись в дом к Первопришедшим с таким видом, будто те им что-то должны. Чего стоил только тот парень, которого сегодня с утра вывернуло прямо на барную стойку перед лицом позеленевшего от ярости Гиэлата. Рада сумрачно сплюнула в снег.

Я же вроде никогда не была ханжой, так что же теперь?

Может, просто умнеешь? — ответил внутренний голос. Она невесело ухмыльнулась.

Должно же это когда-то было случиться! Вот ведь Алеор обрадуется-то!

Вдруг слух уловил странный звук, идущий откуда-то со спины, и Рада обернулась. Ей показалось, или она слышала всхлип? Ветер как раз дул в противоположную сторону, и вряд ли этот звук пришел со стороны костров, если только...

— Лиара! — закричала она не своим голосом, вскакивая с бревна и сломя голову бросаясь сквозь сугробы навстречу маленькой, дрожащей фигурке, что ковыляла по снегу, изо всех сил обхватывая себя руками.

Спина горела огнем, ноги заплетались, Рада почти падала в сугробах, цепляясь за укрытый снегом и невидимый для глаз сор, вынесенный на берег осенним половодьем, но все это было неважным. Она не верила даже тогда, когда дрожащая, посиневшая от холода искорка оказалась прямо в ее объятиях, судорожно цепляясь за нее мокрыми руками.

— Грозар Громовержец! Что с тобой случилось?! Откуда ты?!

Рада отпустила ее и, не тратя времени, принялась раздеваться. Лиара только стучала зубами, глядя на нее огромными глазами и не в силах вымолвить ни слова. Всю ее тряс озноб, одежда на ней была мокрой и рваной, кудряшки обвисли, заиндевели, став седыми от холода.

— Надевай скорее! — Рада, едва не выронив дубленку от спешки, принялась заворачивать в нее Лиару. Ветер моментально вцепился в ее тело, злой и кусачий, выстудив обжигающее прикосновение стального прута прямо в середине ее спины. Но все это было неважно, все это было так не нужно, так малозначимо! — Искорка ты моя! Зоренька ты моя ясная! Сейчас, потерпи немного, я отнесу тебя в тепло! — лихорадочно бормотала Рада, подхватывая ее на руки и прижимая к себе так крепко, как только могла.

Сейчас Лиара показалась ей совсем маленькой, буквально крохотной и невесомой. Она все еще ничего не могла сказать, конвульсивно дрожа в руках Рады и цепляясь за нее посиневшими, скрюченными от холода пальцами. Выдохнув, Рада побежала сквозь сугробы обратно по собственным неровным следам, побежала так быстро, как только могла.

Мысли метались в голове, как бешеные. Нужно было немедленно отнести ее в тепло, натаскать горячей воды и согреть ее. Можно было еще напоить чем-нибудь крепким, чтобы прогреть изнутри, обложить ее грелками с горячей водой. Эльфы ведь не болеют, правильно? Значит, она не может схватить какую-нибудь лихорадку от переохлаждения! Великая Мать, как хорошо! Слава тебе!..

— Р-ра-д-да... — зубы Лиары стучали так сильно, что Рада не сразу поняла, что она говорит.

— Потерпи, моя родная! — зашептала она, задыхаясь от бега. Ноги горели огнем, грудь

жгло, но Рада упрямо ломилась вперед через сугробы, чтобы как можно скорее доставить ее в тепло. — Сейчас! Осталось совсем чуть-чуть, и я согрею тебя!

— Нет!.. — голос Лиары стал сильнее и настойчивее, она завозилась на руках Рады, и та была вынуждена притормозить бег, чтобы не уронить ее в снег. — Нет! П-постой!

— Что? — Рада застыла, глядя в ее изможденное лицо с синими губами. Только глаза и горели на нем, обжигающие глаза, словно два солнца. Невыносимая нежность затопила все существо Рады. Как давно она не видела этих глаз!

— М-меня будут искать, — губы Лиары дрожали, голос срывался, но она изо всех сил пыталась говорить. — Я с-сбежала. Меня не д-должны ви... видеть! Мы должны уехать... как можно с-скорее!

— Кто будет искать? Себан? — Рада ощутила такую лютую ненависть, когда Лиара кивнула, что перед глазами потемнело. — Да я его голыми руками разорву за то, через что тебе пришлось пройти!

— Н-нет! — почти простонала Лиара, изо всех сил сжимая пальцами ее рубашку. — П-пожалуйста! Меня не должны видеть! Как можно скорее, уйдем отсюда!

— Хорошо, зоренька, как скажешь! — Рада вновь поковыляла вперед, прижимая ее, чтобы той было хоть чуть-чуть теплее. — Значит, мы сейчас же уйдем отсюда! Никто тебя не увидит! Никто больше не заберет тебя у меня!

После этих слов хватка Лиары на ее рубашке ослабела, да и сама она как-то расслабилась, успокоилась, хоть ее и продолжало колотить от холода. Рада быстро прикинула в уме, как незаметно пронести ее внутрь гостиницы. Ведь повсюду были эльфы подавалы, и они сразу же углядят, кто у Рады на руках, и все поймут. Оставался черный ход, через который на задний двор, где горели костры, входили и выходили Усмирители. Но все равно нужно было как-то укрыться в толпе, чтобы ее не заметили.

Когда до ближайшего костра оставалось не больше двадцати метров, но его лучи еще не осветили Раду из темноты, она остановилась, чтобы перевести дыхание, мучительно соображая, что делать дальше. Нужно было отвлечь, как-то отвлечь эльфов. Любым способом.

Мимо Рады по снегу ковылял какой-то парень, нетвердой походкой возвращаясь из кустов в сторону костра. Рада приняла решение мгновенно и окликнула его:

— Эй, друг! — наемник притормозил, покачиваясь и щурясь на пьяные глаза в попытке рассмотреть ее. — Да ты! Послушай! — Ты же понимаешь, что ты сейчас делаешь, да? — вкрадчиво спросил внутренний голос, но Рада послала его ко всем бесам бездны мхира. Вмиг пересохшими губами она проговорила: — Я только что слышала, как Гиэлат, содержатель гостиницы, шептался со своим приятелем, что они собираются отравить Алеора за то, что тот привел вас сюда. Мне кажется, с этим нужно что-то сделать. Ты бы сказал ребятам...

— Бхара! — взревел пьяный лонтронец, срываясь с места и ковыляя в сторону гостиницы. — Ах ты бхара проклятая! Мужики! Эти бессмертные гады собрались отравить Алеора!

Его крик слышали не сразу, но слышали. Чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, Рада отступила на несколько шагов назад, в густую тень, до которой не дотягивались языки костра. Один за другим пьяные вусмерть наемники подрывались от костров, вытаскивая оружие и нетвердой походкой направляясь в гостиницу. Пьяный смех и пение сменились дружным ревом, недовольным гулом, который становился все громче, громче.

Первые наемники уже ворвались внутрь гостиницы, оттуда послышался резкий вскрик, что-то затрещало, ломаясь.

Прижав к себе Лиару, Рада бросилась в обход здания гостиницы, молясь про себя, чтобы друзья поняли, что происходит, и успели выйти наружу. Лиара на ее руках все еще мелко вздрагивала, но уже не так сильно, как раньше. Ее нужно было вывезти отсюда любой ценой. В чем-то Алеор был прав: Первопришедшие сами навлекли на свою голову несчастья, и Рада сейчас, видя состояние искорки, больше не сомневалась ни в чем.

Второй крик послышался из глубины здания, там глухо грохнуло, словно что-то взорвалось, задрожали стекла. Рада едва успела отскочить, когда что-то круглое с грохотом проломилось в крошечные осколки через разноцветное стекло на втором этаже и с приглушенным криком рухнуло в снег прямо перед ней. Это что-то сразу же вскочило на ноги и оказалось Улыбашкой, как праздничное дерево увешанной тюками.

Глаза у гномихи были огромные, как две плоскости, похоже, она моментально протрезвела после того, как поднялся шум. На плечах она держала столько узлов, что любой другой человек на ее месте и разогнуться бы не смог. Судя по всему, это были все их вещи.

— Это что, Лиара? Хвала Богам! Бежим! — не своим голосом взвыла гномиха, бросаясь в сторону пристани. — Эти бхары подпалили кухню! А Первопришедшие бьют тревогу! Сейчас сюда сбежится весь Речной Дом!

— Поделом им! — прорычала Рада, прижимая к себе Лиару и устремляясь следом за гномихой, с удивительной прытью на своих коротких ножках рванувшей к пристани.

Внутри здания вновь что-то грохнуло, со звоном вылетели окна, и Рада едва успела закрыть собой Лиару, когда осколки брызнули на них. Кожу обожгло болью, она не сдержала вскрика и припустила еще быстрее. Осколки она выковырять успеет и на другой стороне реки, сейчас нужно было уходить, и уходить как можно быстрее.

Вокруг них метались пьяные лонтронцы, сыпля проклятиями, вытаскивая мечи. Они выскочили из-за угла дома как раз в тот момент, когда стена за их спинами взорвалась на куски, и несколько человеческих тел вывалилось сквозь брешь на снег. Рада неслась со всей скоростью, на которую только были способны ее длинные ноги. Впереди у самой пристани виднелась высоченная фигура Кая: он согнулся над причальной тумбой и быстро отвязывал веревку одной из ладей.

Прогромыхав ботинками по причалу, они с Улыбашкой спрыгнули в лодку, пока ильтонец еще даже не успел отвязать веревку. Ладья опасно качнулась, заплясала на волнах, затрещала под весом гномихи, но выдержала. Рада едва не уронила Лиару прямо на дно лодки, с трудом удержавшись на ногах и удержав ее, а потом обернулась к Каю.

— Где Алеор? — крикнула она.

— Сейчас придет, — отозвался ильтонец, держа в одной своей громадной руке веревку и оборачиваясь назад. Вся его поза означала напряжение, словно в любой миг Кай мог сорваться с места и броситься на вырубку эльфу.

Раздался оглушительный взрыв, и из всех окон гостиницы вырвалось пламя. На фоне осветившейся рыжим ночи метались какие-то тени. Рада глазам своим не поверила, когда увидела фигуры, что буквально материализовывались из воздуха, высокие фигуры, облаченные в долгополые кольчуги и поблескивающие алым обручи на длинных волосах, фигуры, держащие нагинаты и тонкие лезвия катан. Их было немного, но наемники с криком бежали от них прочь, а Первопришедшие двигались с кошачьей грацией, буквально перетекая с места на место, не делая ни одного лишнего движения, но каждый раз, когда меч

поднимался в воздух, и на стали поблескивали языки огня, на снег бездыханным падал еще один наемник.

Рада опустила Лиару на дно ладьи, мысленно сосредотачиваясь на своем мече. Если сейчас хотя бы один из Первопришедших обернется и взглянет на реку, им придется сражаться за свою жизнь. Меч остался в ее комнате наверху, но ей было достаточно лишь один раз мысленно позвать его, сосредоточившись на этом, и рукоять моментально оттянула руку вниз, а по лезвию сверкнули отблески зарева.

— Боги! — Улыбашка, стоящая рядом с ней, отшатнулась в сторону и почти что упала на дно лодки. Вид у нее был перепуганный. — Предупреждай, бхара! Ты могла мне руку отрубить!

Рада ничего не ответила, напряженно вглядываясь вперед. Теперь все зависело от того, где Алеор. Если он не успеет, если он был вынужден вступить в бой...

По пристани к ним метнулась какая-то тень, и в следующий миг Алеор прыгнул в лодку, сжавшись в тугий комок. Кай отпустил веревку, спрыгнул следом за ним и подхватил весло, принявшись отталкивать ладью от пристани. Рада, обессилев, упала на скамью, чувствуя себя так, словно с ее плеч кто-то ногой спихнул гору. Быстрое течение Тонила подхватило лодку и повлекло ее на стремнину.

Алеор преспокойно разгладил свой плащ и уселся на скамью недалеко от Рады.

— Я смотрю, мы снова в сборе, — в его голосе звучало удовлетворение, но во взгляде, обращенном к Раде, была насмешка. — Ну что, Радушка, кажется, теперь у нас с тобой равный счет. Будет забавно, если и рассчитывать нам придется вместе.

Рада ничего не сказала, чувствуя себя опустошенной. Лишь людские крики и рев пламени со стороны быстро удаляющейся пристани были ему ответом.

===== Глава 58. Последний спутник =====

Ветер улегся только к концу следующего дня, и начался медленный пушистый снегопад. Он продолжался четыре дня к ряду, без остановки, и мир полностью преобразился под касаниями его мягких пальцев. Весь мир затих, успокоился, словно усталый пес, уснул с припорошенным снегом носом до весны. Как будто все то мучительное ожидание осени, мольба мокрой земли и отсыревших деревьев, плач понуривших свои головы жухлых трав был услышан, и небеса смилостивились, щедро рассыпав по миру белоснежные горсти теплого пуха, укутавшего их, обнявшего и позволившего наконец уснуть.

Тысячи толстых белых мух, медленно кружась в воздухе, опускались вниз. Они ложились тяжелыми шапками на ветви деревьев и пни, поваленные стволы, они прятали под теплой шубой крохотные елочки, чтобы трескучие морозы не смогли добраться до их нежных веток и мягких, совсем тоненьких иголочек. Снежинки сыпали и сыпали, ложась на следы путников, затирая их за ними, чтобы никто не смог выследить их и догнать. Они усыпали волосы Рады и плечи ее толстой дубленки, но она не спешила счищать их. Такой красивый снегопад случался нечасто, и стоило наглядеться вдоволь, пока всю эту красоту не стряхнуло с веток ветром, не прибило морозами.

В ее душе царила та же самая тишина, что и вокруг. Не было больше ни сомнений, ни боли, ни тревог. Что-то страшное осталось за их спинами, на той стороне реки, отделенное от них водой, и теперь медленно падающий снег затирав последние остатки этого, вычищал, белил мир, чтобы не осталось даже и воспоминания о плохом.

Начался новый год, началась новая дорога, и по этой дороге они шли вместе. Первым шагал Алеор, и сугробы его никоим образом не сдерживали. Он шел прямо по ним, по

поверхности снега, благодаря своим способностям, сделав тело легким, будто пушинка. За ним оставались лишь едва заметные следы на верхушке наста, которые тут же исчезали под опадающим снегом. За его плечом был укреплен длинный трезубец, с другой стороны висел меч в ножнах, пояс уравнивали короткие катаны и несколько кинжалов. Помимо всего этого арсенала, Алеор тащил еще и сумку с припасами, и все это — с такой легкостью, будто весило эта груда вещей не больше одуванчика. Эльф внимательно приглядывался к окружающему лесу, будто что-то искал и никак не мог найти.

Следом за ним топал Кай, проделывая глубокую борозду в снегу. Он нес несколько своих вьюков, в карманах которых отчетливо виднелись очертания книг. Почему-то ильтонец не захотел их бросать, когда они покидали гостиницу, и предварительно собрал все, будто чувствуя, как быстро им придется убежать. Рада подозревала, что книги эти могут быть как-то связаны с их предстоящим походом, иначе зачем ильтонцу было вообще тащить на себе лишний вес? На плечах его сейчас была толстая телогрейка мехом внутрь, оставляющая открытыми нефритовые руки, которые морозов не боялись.

Тяжелее всех ковыляла Улыбашка. Она переваливалась напрямик за Каем, который специально протапывал для нее сугробы, чтобы гномиха могла пройти, и бесконечно ворчала о проклятом снеге, морозе, зиме, спешке, отсутствии лошади, своих потерянных еще в битве с Сагаиром топорах, и еще тысяче вещей, которую ее в данный момент не устраивали. Хотя половину из них запросто можно было проигнорировать: дорогу для гномихи топтал ильтонец, Алеор туманно пообещал, что скоро у нее будет новое оружие, а теплая дубленка и меховая шапка на ее голове дополняли картину, не позволяя холоду касаться ее. Но Улыбашка, как и всегда, оставалась Улыбашкой, а потому на нее нужно было просто не обращать внимания.

Раде же было глубоко плевать на все, потому что сейчас она была счастлива. Даже если бы ей пришлось голой идти по снегу и еще и на плечах тащить свою лошадь, она бы, наверное, все равно хохотала во всю глотку от счастья. Потому что рядом с ней, доверчиво уложив свою маленькую теплую ладошку прямо ей в руку, по поверхности снега шагала Лиара, живая и здоровая, наконец-то вернувшаяся к ней. Щеки ее покраснелись от мороза, она то и дело застенчиво улыбалась Раде, поддериывая на плечах дубленку, немного великоватую ей. Когда Алеор капризничал и заказывал себе в Рамаэле одежду, Лиары там не было, и снять с нее мерки портной не смог, а потому сейчас она была одета в дубленку Рады, которую Улыбашка предусмотрительно захватила с собой из гостиницы. Иногда Рада просто поражалась этой гномихе. Даже при том, что гостиница уже горела, запасливая маленькая наемница не забыла подсобрать все их вещи, почти что до последнего лоскута, и вытащить все это на улицу.

Погони за ними не было. Видимо, Первопришедшим по горло хватило Алеора с его выходками, и они удовлетворились тем, что разгромили приехавших на Ночь Зимы наемников. Это было единственным, что омрачало сейчас счастье Рады. Ее взгляд то и дело обращался к Алеору, и она вспоминала его слова, сказанные перед самым отплытием из Рамаэля. Если бы она не закричала тогда, что Алеора отравили, все эти люди не погибли бы там. Но, возможно, погибла бы Лиара. Или ты бы потеряла ее навсегда. И еще неизвестно, что нас ждет за Семью Преградами. Возможно, ее присутствие окажется решающим фактором в том, чтобы мы смогли добраться туда, и тогда все жертвы будут ненеприятными. Но слова Алеора и его жесткая улыбка никак не желали уходить из памяти, и сердце то и дело болезненно сжималось при воспоминании о том, что она оставила позади.

Но это, впрочем, не настолько сильно тревожило ее, а может, просто зима помогала, старательно вычищая ее память и тревоги, чтобы и следа от них не осталось. Теперь их ждал другой путь, путь на Запад, за Семь Преград, они наконец-то добрались до самого начала этой тропы, и от предвкушения у Рады внутри то и дело замирало сердце.

А еще ей было над чем подумать. Лиара рассказала ей все, что узнала в Иллидаре, и Рада, по чести, не слишком поняла ее слова. На ее взгляд, они все это и так прекрасно знали еще до того, как Лиара ушла к эльфам, и Рада не совсем понимала в таком случае, зачем той вообще нужно было туда возвращаться. Помявшись, она так и сказала ей, отчего искорка только глубоко вздохнула и мягко сжала ее ладонь:

— Я должна была узнать, кто я такая, Рада. Я должна была посмотреть на них всех, чтобы понять, что это не то место, где мне хотелось бы прожить свою жизнь, понимаешь? — взгляд ее штормовых глаз был внимательным и очень терпеливым, и Раде стало стыдно за свои слова и мысли. В конце концов, искорка имела право посмотреть в глаза своей матери, перед тем, как уходить в опаснейшее путешествие в своей жизни, на дорогу, которая приведет ее неизвестно куда. Правда вот, об этом-то Рада как раз думала меньше всего, как-то совершенно запамятовав на фоне информации о Великой Матери, которую искорка должна была добыть в Иллидаре. Словно в ответ на ее мысли, Лиара добавила: — К тому же мы узнали очень много нового, Рада, гораздо больше, чем я ожидала.

— Может быть, так и есть, только я все никак в толк не возьму, что оно все означает, — честно призналась Рада, почесав в затылке. Она чувствовала что-то важное за словами Лиары, но что именно — даже самой себе объяснить не могла.

— Во-первых, мы с тобой совершенно точно не Аватары, ни мы обе, ни каждая из нас в отдельности, — начала объяснять Лиара, и Рада кивнула. Почему-то когда искорка объясняла ей непонятные вещи, это было совершенно иначе, чем когда их объяснял Алеор. И спрашивать было не стыдно, потому что никто не гнобил ее за ее незнание, и понималось сразу же и до конца. — Во-вторых, Великая Мать — это действительно что-то новое, а не вернувшееся старое, как я и думала. И это просто волшебство.

— Лиара, вот богами клянусь, я ничего нового тут не вижу, — Рада страдальчески взглянула на нее. — Объясни мне все еще раз, пожалуйста! Потому что иначе я просто изведусь!

Лиара нежно улыбнулась ей и приложила свою крохотную ладошку к груди Рады. Ее руки всегда были теплыми, даже в самые холодные ночи, словно весь мир окружал ее искорку и заботливо грел ее, сберегал от беды. И сейчас Рада даже сквозь толстую дубленку чувствовала тепло ее руки.

— Вот здесь ты чувствуешь Великую Мать, здесь она идет через тебя, правильно? — Рада кивнула, и Лиара продолжила. — И это так, потому что Великая Мать и есть жизнь. Она — ты, она — природа вокруг тебя, она — весь мир, все небо и звезды, все, что ты видишь, что окружает тебя. Но раньше ты этого не чувствовала, так?

— Так, — кивнула Рада. Внутри зашевелилось что-то очень-очень тонкое, совсем близкое к пониманию, но она никак не могла это поймать.

— Ты этого не чувствовала в себе, хоть и была этим. А потом что-то случилось с тобой, и ты вдруг ощутила это золото внутри себя.

— Ты со мной случилась, зоренька, — не удержавшись, Рада аккуратно взяла ее ладошку в свои и поднесла к губам тонкие пальцы.

— Просто послушай, — в глазах Лиары загорелся лукавый и одновременно с этим

застенчивый огонек, а ладошка ее, словно маленькая птичка, поудобнее устроилась в руке Рады. — Важен сам факт: с тобой что-то произошло, и тогда все внутри тебя распустилось. Великая Мать всегда была в тебе, но в какой-то удар сердца она вдруг вышла вперед, понимаешь? Семя может лежать в земле годами до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия, чтобы оно проросло. А потом оно вдруг взрывается зелеными лепестками и тянется к солнцу.

— Это я понимаю, — кивнула Рада.

— Вот и здесь то же самое. Великая Мать спит, Рада, во всем мире, в каждом живом существе, в каждом растении и камне, в каждой крохотной частичке воздуха. Она спала всю эту бескрайнюю толщу тысячелетий и лишь сейчас она вдруг проснулась, чтобы реализовать себя. Не через медленную смену времен и эпох, не через изменение окружающей среды, постепенное, плавное, без сдвигов. Нет, она пробудилась ото сна рывком и узнала себя, развернула себя в нас впервые за все времена. — Лиара прищурилась, глядя вдаль. Глаза ее вглядывались так пристально, словно изо всех сил стремились отыскать что-то невидимое. — К чему это приведет? Что случится из-за этого? Что это все значит? Ведь это же очень важно, это самое важное, что случилось в мире, это истинное чудо!

— Мы узнаем, что это значит, в Данарских горах? — Рада взглянула на Лиару. От слов искорки шло что-то такое мощное, такое живое, такое настоящее.

— Да, Рада, — уверенно кивнула та. — По крайней мере, я очень надеюсь, что они смогут дать нам ответ. Ильвадан сказал, что это впервые случилось там, что именно там впервые кто-то коснулся чистой мощи Великой Матери, кто-то соединил с ней свое тело, как сейчас делаем мы. И я все думаю, не потому ли, что там это уже случилось один раз, мы теперь тоже можем делать это? И если мы можем, то кто еще? Возможно, где-то в мире есть еще люди, в сердцах которых она раскрыла себя? И если да, то что это означает?

Вид у Лиары была задумчивым, а вопросы, которые она задавала, не получали ответа. На миг Раде вдруг так остро, так сильно показалось, что она знает ответ, что она чувствует его всей собой, что он буквально развернулся внутри нее. Но облечь это странное ощущение в слова она просто не смогла.

А еще через какое-то время она заметила, что все внутри нее изменилось. Будто слова искорки порвали последнюю, самую тоненькую оболочку, что еще отделяла их обеих от того странного присутствия в груди. И что-то стало иным.

Поначалу Рада думала, что волнуется. Странное дрожание появилось в груди, а как, когда — она даже и не заметила. И чувство, тянущее, но при этом легкое, как перышко, слабое, но при этом такое мощное, что было сложно дышать. Боль в спине исчезла совсем, без следа, словно тот раскаленный штырь просто вытащили из нее и отбросили в сторону, а вместо него пришло это золотистое упоение, это биение крохотных крылышек бабочки, пойманной в ковш ладоней. И еще оно горело, словно яростное пламя, словно огонь, оно тянуло ее без конца, постоянно напоминая о себе, не давая возможности думать о чем-то другом. Отчего-то Рада знала — это и есть то, о чем ей говорила Лиара, это и была Великая Мать, развернувшаяся в ее груди. И это было так неожиданно, и при этом так долгожданно и просто, что она лишь удивленно моргала, то и дело потирая грудь, и все никак не могла взять в толк, что же делать с этим дальше.

Они все шли и шли прочь от реки, и снегопад тоже остался далеко позади, а небо расчистилось. Подморозило, отчего белое полотно снега нестерпимо заискрилось тысячами рассыпанных по нему алмазов-снежинок. Деревья стояли укутанные в снежные шапки,

сонные, но при этом какие-то довольные. Морозный воздух замер в тишине долгого сна, ничто не нарушало этой тишины, лишь редко-редко издали долетал перестук дятла, такой громкий в улегшейся среди деревьев дремоте.

Цепочки следов пересекали белые сугробы. Чьи-то крохотные лапки оставили и другие метки на деревьях. Здесь кора была сорвана и тонкими чешуйками темнела прямо на вершине сугроба, здесь из снега торчала обгрызенная расшелушенная шишка, здесь цепочка следов прерывалась темным зевом норы под каким-нибудь корнем, где глубоко под землей на постилке из сухих листьев кто-то зимовал, закусывая последними найденными с осени семечками. Были и следы покрупнее. Рада не раз и не два замечала здоровенные глубокие впадины в снегу, расположенные далеко друг от друга. Такие обычно оставляли длинноногие лоси, медленно перебирающиеся через замерзший лес в поисках нежной коры молодого подлеска. Еще кое-где снег представлял собой кашу, изрытую, перекопанную так, словно в ней кто-то от души валялся. Значит, здесь прошли кабаны, раскапывая острыми копытцами глубокие сугробы и вынюхивая вкусные желуди. Им попадались и рваные зигзаги заячьих следов, и аккуратные, деловитые тропки, протоптанные лисами. Лес жил своей тайной и холодной жизнью, пусть даже заметить его обитателей днем было невозможно.

С каждым днем они уходили все дальше на запад. Вокруг тянулись дикие земли, никем не заселенные, никому не нужные, без единого следа человеческого жилья. Большие лесные массивы сменялись поросшими бурьяном лугами, где высокая сухая трава шелестела и клонила под ветром или застывала, украшенная крохотными белоснежными шапочками, посверкивающими на солнце. Они перебирались через замерзшие ручьи, обходили лесные озера, покрывшиеся мутной темной пленкой льда. Они карабкались через выворотни и поваленные бревна, останавливаясь на ночлег у подножий старых дубов, чьи разлапистые ветви и мощные стволы закрывали их от ветра, если он поднимался к ночи. Каждый вечер Кай призывал энергию Источника и с ее помощью наметал из снега большое круглое жилище с отверстием в потолке, чтобы выгнать дым. Перед самым сном он замуровывал пригоршнями снега вход туда, и до самого утра путники спали вокруг костерка, который хорошо прогревал ледяной дом изнутри и не позволял им замерзнуть.

Потом на горизонте появились горы. Рада вглядывалась в них, щуря глаза от яркого, отражающегося от снежной поверхности солнца, и не понимала, что она чувствует. Эрванский кряж, тянущийся с севера на юг на тысячи километров, всегда считался непроходимым, и теперь она понимала, почему. Вершины гор терялись в облаках, и белые шапки низко сползали по их телам, почти что до самого основания. Там, наверху, всегда бурлили тучи, там вечно шел снег, устилая и устилая ледяные склоны, там не было троп, лишь острые зубы скал и коварные, укрытые снегом пропасти. Под горами, у самых их корней, не селились даже гномы, а ведь в свое время они заняли каждый горный массив Этлана, где только были пещеры, а коли пещер не было, они их вырубали сами. Что ждало там, у корней гор, пятерых спутников? Как Улыбашка с Каем планировали провести их на другую сторону, ко второй преграде?

Впрочем, спутники не выглядели слишком расположенными к беседе. Улыбашка совсем замкнулась в себе, тяжело сопя и переваливаясь через сугробы, Кай то и дело сверялся с картой и о чем-то беседовал с Алеором, который в ответ только хмурил брови и мотал головой, никак не соглашаясь с ильтонцем. И Рада с Лиарой были предоставлены друг другу, бок о бок следуя за остальными и вслушиваясь в собственные сердца, которые теперь бились совершенно иначе.

День за днем они шли, и Рада начала замечать, что горы не слишком-то приближаются. Какими бы высокими и непроходимыми они ни были, а все же путники должны были бы уже подойти достаточно близко к ним, чтобы они хоть немного увеличились в размере. Тогда-то Рада и начала замечать, что они идут не совсем на запад, а то и дело отклоняются немного к югу, потом немного к северу, потом опять к югу. Получалось, что Алеор вел их зигзагом, наматывая большие петли, накладывая их друг на друга, и Рада все в толк не могла взять, зачем он так делает. К разговору расположенным эльф не выглядел, упрямо топя вперед через сугробы, да и по вечерам только хмурил брови и все вглядывался в танцующее пламя костра. На тот же вопрос, заданный Улыбашке, гномиха тоже развела руками, а Кай еще и добавил:

— Я уже третий день пытаюсь узнать у него, что мы ищем, но он пока молчит.

— Ищем? — удивленно вздернула брови Рада.

— Ну не просто же так он нас кругами гоняет, — рассудил ильтонец. — Да и вид у него слишком... напряженный. Мы совершенно точно ищем что-то, и я уверен, что пока мы это что-то не найдем, он не успокоится и ни в какие горы не полезет.

После этих слов Кая Рада начала внимательно приглядываться к Алеору. День ото дня нетерпение все больше прорывалось через маску самообладания, но говорить что-либо пока еще Алеор отказывался. Днем он теперь изредка покидал отряд, отходя в сторону от основного направления движения и вглядываясь в одному ему видимые пометки на деревьях, по которым, судя по всему, и шел. Рада была абсолютно уверена, что эти пометки там есть, хоть сама никак не могла разглядеть их, но Алеор изучал только определенные деревья и каждый раз двигался к ним очень уверенно, словно на них яркой краской его имя намалевано было.

Раз он отказывался говорить с ней о том, что искал, можно было спросить его о том, что их ждало впереди. Что, собственно, Рада и сделала, сидя как-то вечером в теплом жилище из снега, у самого костра, и покуривая трубочку. Дым тонкой струйкой вился вверх и утекал в звездное небо вместе с дымом от костра, отблески языков пламени плясали по порыжевшим от них стенам снежного дома, слегка подтаявшим от тепла. Алеор протянул к пламени свои длинные ноги в сапогах и задумчиво вглядывался в угли, словно видел там что-то важное. В стороне от него дремал Кай, растянувшись на тщательно вычищенной от снега и прогретой земле и укрывшись своим плащом. С другой стороны Улыбашка штопала свои шерстяные носки, то и дело шипя, когда попадала острой иглой в палец. Лиара тоже была рядом с Радой, она привалилась к ее плечу и закрыла глаза, теплая и маленькая, как котенок, и Рада, не стесняясь друзей, обнимала ее за плечи, придерживая, чтобы той было удобнее.

— Алеор, — негромко позвала она, не вынимая трубки изо рта. Эльф медленно поднял на нее глаза, ожидая продолжения. — А я ведь так и не спросила тебя, что из себя представляют Семь Преград. Пойти-то за них согласилась, а вот что это за преграды — я и знать не знаю.

— Ты что же, Радушка, не слушала сказки, которые тебе в детстве пели? — в голосе Алеора было издевки и удивления примерно поровну. — Да любой ребенок перечислит тебе все пять известных преград, даже если ты его посреди ночи перебудешь.

— Эрванский Кряж и Железный Лес, — проворчала Улыбашка, не поднимая глаз от своего шитья.

— Огненная Земля и Пустые Холмы, — сонно добавила Лиара из-под руки Рады.

— Серая Гниль и Летающие Острова, — негромко закончил Алеор.

— Летящие Острова? — Рада почувствовала, как пошевелилась рядом Лиара. Глаза ее распахнулись и удивленно смотрели на эльфа. — Никогда не слышала об этом!

— Естественно, — фыркнул эльф. — Потому что это шестая преграда.

После долгого дня борьбы с сугробами по колено Рада соображала не слишком быстро, а потому дошло до нее только через несколько секунд.

— погоди! Но ты же сам сказал, что известных пять, — заворчала она, недовольно глядя на эльфа.

— Ну да, — кивнул тот. — А про шестую знаю только я.

— То есть как это? — заморгала Улыбашка, с подозрением глядя на эльфа.

— Потому что кроме меня там больше никого не было, — ответил ей Алеор так, будто это было чем-то самым собой разумеющимся.

На несколько мгновений в снежном доме повисла абсолютная тишина. Улыбашка, забыв о своем шитье, с открытым ртом смотрела на эльфа, Кай приподнялся на своем одеяле и тоже смотрел на него, хмурия брови. Рада поняла, что никак не может закрыть распахнувшийся буквально пополам рот и вернуть челюсть на место.

— Ты там был?! — голос искорки сорвался на фальцет.

— Ну, а как ты думаешь? — Алеор взглянул на нее из-под недовольных бровей, потом взял прутик и поворошил угли в костре. Пламя с новой силой взвилось вверх над почти прогоревшими ветками. — Стал бы я тащиться за эти Семь Преград самостоятельно, да еще и команду набирать из вас, недоумков, если бы до этого уже не разведал путь с кем-нибудь посерьезнее?

— Выходит, песня о Пяти Героях и Семи Преградах... — Лиара не договорила.

— Фактически, героев было шесть, — пожал плечами Алеор и вдруг усмехнулся. — Меня всегда поражала людская глупость, от всей души поражала. Итак, у вас есть песня о Пяти Героях и Семи Преградах. Согласно песне все Пять Героев умерли там, пока проходили преграды. Так откуда же, бхару вашу за ногу, вы знаете о том, что там случилось, если никто из них не вернулся? Я специально не стал рассказывать, что являлся шестым членом той экспедиции, чтобы посмотреть, когда же до кого-нибудь дойдет задуматься над этим вопросом. Семь сотен лет прошло, и так никто ничего и не понял. — Алеор только головой покачал.

— Может, все дело в том, что это просто считалось сказкой? — буркнула Улыбашка, исподлобья глядя на него. — Семь Преград — сказка, никому и в голову не приходило, что они реально есть.

— Именно поэтому вы все так долго трусили, кочевряжились и ломались перед тем, как согласились идти туда вместе со мной? Боялись в сказку попасть? — осклабился эльф. Улыбашка одеревенела, хмуро глядя на него. — Что же касается того, почему это никому не приходило в голову, Улыбашка, тут ответ один: никто просто не думал на эту тему, вот и все. Иногда мне кажется, что я живу в мире, состоящем из одних идиотов. Каким образом эти идиоты умудряются выживать и даже контактировать друг с другом, для меня остается загадкой.

— Ладно, — буркнула Рада, в который раз уже уговаривая саму себя не реагировать на оскорбления Алеора. От того, что она будет злиться и дуться, никакого толку не будет, и уж тем более Алеор тоже из-за этого не расстроится. — Хорошо, значит, ты был за Семью Преградами. Но что тебя туда понесло?

— В прошлый раз это была инициатива Дамиана. Вы его знаете, как Дамиана

Эльфийского, — поморщился Алеор. Вид у него был кислым. — Ему взбрело в голову бросить вызов Неназываемому, и он созвал клич: мол, все, кто хочет помочь ему поучаствовать в таком благом деле, могут присоединиться. Ну я и пошел. Тогда все равно никакой более интересной работы у меня не было. Дамиан считал себя очень умным и еще более сильным, он даже не стал утруждать себя подготовкой или сбором команды с учетом того, что их ждет впереди. В итоге они все как мухи перемерли, не дойдя до шестой преграды. А я дошел.

Глаза Алеора остекленели, он уставился в пламя, и Рада поняла, что даже дыхание задержала, когда он продолжил. Слушать не героическую песню, не сказание о подвигах, рассказанное менестрелем, а то, как на самом деле все это было... Это было очень странное чувство.

— На призыв Дамиана откликнулись Урго Однорукий из Наемников Запада, Амарион Данхир Лучница из Бреготта, Весельчак Ледар до'Вадин, Фрон из Детей Камня и я. Я присоединился в самый последний момент, когда они уже двинулись в сторону Эрванского кряжа, так что мало кто знал, что я тоже участвовал в этой компании. Дамиан не сильно-то хотел брать с собой еще одного эльфа, чтобы его славу никто не отнял, но он сам изначально заявлял, что любой может присоединиться, и ему не хватило силенок на то, чтобы отказать наследнику Лесного Дома, — Алеор вновь хмыкнул. — К тому же, он был полным идиотом и не взял с собой ни одного Жреца, рассчитывая на то, что его «невероятных» эльфийских способностей будет достаточно, чтобы справиться. Надо отдать ему должное, погиб он самым последним, но он все равно погиб, так что никакой чести в этом нет.

— Расскажи все, Алеор! — Рада услышала в собственном голосе запал, но сейчас ей было плевать, что о ней подумает эльф. В конце концов, она так до сих пор и не представляла, что ждет их впереди, и рассказ Алеора мог пролить свет на подробности грядущего путешествия.

— Все рассказывать было бы слишком долго, Радужка, к тому же, ты сама все скоро увидишь, — взглянул на нее эльф, ухмыляясь под нос, и она поняла, что вновь возвращается к мысли, не следует ли собственными руками его удавить. — Да и песню эту дурацкую ты слышала, так что, считай, все почти так и случилось. Так что в двух словах. Гном Фрон провел нас под горами, но как только мы вышли к Железному Лесу, бегом кинулся к деревьям с воплями о том, что наконец-то он видит легендарное железное дерево. Он попытался отрубить ветку, хоть мы и предупреждали его это не делать: листья железных деревьев острые, будто иглы, и при любом касании отрываются от веток. Да и ветра там дуют без перерыва... Одним словом, этого дурака зарезало за несколько секунд, и мы не успели его вытащить.

— По легенде он закрывал вас своей грудью от летящих на вас острых листьев, и был истыкан ими так густо, что погиб, пожертвовав собой... — негромко проговорила Лиара. Вид у нее был растерянный.

— Ну, можно сказать и так, — хмыкнул эльф. — Мы сняли с него кольчугу из драконовой чешуи, разрезали ее на куски и укрыли головы, чтобы не повторить его судьбу. Хватило как раз на пятерых. Так-то мы лес и прошли, но это было сложно. Потом была Огненная Земля. — Алеор вновь задумчиво уставился в пламя. — Там кольчуга уже не помогла.

— И что вы сделали? — подалась вперед Улыбашка. Рада вдруг подумала о том, что все они знают ответ из песен, но при этом это словно бы была совершенно другая история,

которую она слушала как в первый раз.

— Огненная Земля — край гейзеров. Почва очень горячая, стоять на месте практически невозможно, из щелей в земле бьет раскаленный пар, иногда — струи кипятка вперемешку с камнями и прочим шлаком. Мы привязали к подошвам сапог оставшиеся куски драконьей чешуи и побежали. Так и бежали до самого конца, пока не прошли эту дрянь насквозь.

— А Весельчак Ледар? — слова сами сорвались с губ, и Рада не успела себя остановить. Она помнила песню. Согласно ей, герои уперлись в разлом в земле, такой длинный, что конца края не было, такой широкий, что не перепрыгнешь. И тогда Ледар до'Вадин пожертвовал собой, сделав из себя живой мост: ногами он уперся в один край ямы, руками — в другой, и по его спине...

— Он упал в гейзер, — хмуро пожал плечами Алеор.

— И все? — не веря, Рада уставилась на него. — А вы хоть пытались его вытащить?

— Рада, там в этих гейзерах крутой кипяток, бьет во все стороны фонтанами. Этот придурок споткнулся и ухнул туда головой вперед. Поверь мне, он сварился еще до того, как упал. — Алеор вытащил из-за пазухи трубку и тоже принялся набивать ее, поглядывая в пламя. Лицо его было спокойным и ничего не выражающим. — В Пустых Холмах мы потеряли Однорукого. Ему пришла в голову светлая идея оседлать Червя, но из-за своей проклятой культи он не смог справиться с поводьями.

— Культи? — переспросил Кай. — Я думал, его звали Одноруким, потому что он всегда сражался только мечом, а на другой руке носил щит...

— Носил, — кивнул Алеор. — У него не было руки, и он заказал у гномов железную насадку вместо нее с намертво прикрученным к ней щитом. Очень действенно в свалке: штука была тяжелой, он ей множество голов проломил. Он и Червя хорошенько так между глаз заехал, когда эта тварь вылезла к нам из-под земли в Пустых Холмах. Здоровый был мужик, наверное, чуть пониже тебя, Кай, а силища невероятная, — Алеор покачал головой. — Только вся его сила в мышцы и ушла, а в голове не осталось ничего. Мы все влезли Червя на спину, но проклятый Однорукий разорался, что раз он Червя заарканил, то он его и поведет вперед, и переспорить его было просто невозможно. В конечном счете, Червь вывернулся и сожрал его.

— А как же вы справились? — Лиара нахмурила брови. — В сказании говорится, что Однорукий пал только когда вы покинули Пустые Холмы.

— Дамиан вбил катану в позвоночник этой твари, прямо в шейный позвонок вонзил, и правил ей, как конем, — ответил эльф. — Надо было сразу так сделать, и мы говорили об этом Однорукому, но он же был лонтронцем, естественно, сразу же начал орать, что как лошади, он и сам прекрасно знает, что ему делать с Червем. Ну вот и дознался.

— А Амарион Лучница? — Улыбашка совсем отложила свое шитье и теперь во все глаза смотрела на Алеора. — Если я правильно помню, у нее с собой был какой-то эликсир, который помог вам пройти через Серую Гниль, но его было мало, и она наврала вам, что ей хватило этого эликсира, а сама пожертвовала собой, чтобы вы прошли...

— Эликсир! — фыркнул эльф, закатив глаза. — Самое забавное, что я двум менестрелям рассказывал одну и ту же историю с одними и теми же подробностями, а в итоге оба они переврали все и вывернули так, чтобы выглядело по-героичнее. Амарион очень любила выпить, и с собой у нее был не эликсир, а ром. — Рада хмыкнула, и Алеор улыбнулся ей. — Она считала, что ром — лучшее средство от всего, в том числе и от ядовитых испарений Серой Гнили. Надравшись, она просто оступилась и ухнула в болото, а

мы были слишком далеко, чтобы вытащить ее. И когда подросли, она уже захлебнулась. Что же касается этих испарений, то они действительно ядовиты. Дамиан наглотался больше, чем я, и когда мы вышли из Гнили, он просто упал замертво и все. И я остался один.

— Так как же ты выбрался оттуда? — Рада во все глаза смотрела на эльфа. — Ладно туда, но обратно-то ты как добрался?

— А вот на этот вопрос я тебе отвечу после того, как мы найдем нашего последнего спутника, — улыбнулся эльф. Выглядел он очень довольным.

— Спутника? — переспросила Рада.

— Помнится, я упоминал, что с нами будет еще один спутник, и что мы подберем его в этих местах. Я все думал, вспомнит об этом кто-нибудь или нет, но вы только спрашивали меня, куда мы идем, а просто отвечать на такой вопрос — скучно, — пожал плечами Алеор. — Так что раз вы не догадались сами, то обо всем узнаете позже.

Рада ощутила, как кулаки сжимаются сами собой. Внутри поднялось лютое желание надавать Алеору по ушам. Развлекался он, значит, веселился!

— Так что же это за Летающие Острова, Алеор? — спросила Лиара, разглядывая эльфа. Раде тоже было любопытно, потому она слегка поостыла. — Что они собой представляют?

— О, это очень интересное место, — охотно отозвался тот. — В подробностях я ничего разглядеть не успел: мне было слишком плохо от испарений Серой Гнили, но кое-что понял. Кажется, там несколько иначе действуют законы природы... Во всяком случае, я видел перед собой громадную пропасть, в которой медленно дрейфовали вверх-вниз и в стороны обломки скал. Они висели в воздухе и двигались в разные стороны, словно чайники, танцующие в воде.

— И как ты предполагаешь перебраться через них? — с сомнением в голосе поинтересовался Кай. — Ты уже придумал?

— Есть кое-какие идеи, — уклончиво ответил Алеор. — Но, думаю, окончательно решать мы все будем на месте. Что же лежит дальше за Летающими Островами, я просто не знаю. Так что последняя преграда станет сюрпризом для всех нас.

— Просто замечательно, — угрюмо проворчала Улыбашка, качая головой и берясь за свое шитье. — Лучше не придумаешь.

— А что тебя не устраивает, Улыбашка? — удивленно вздернул брови Алеор, раскуривая трубку от горящей веточки. — Еще пять минут назад ты вообще не знала, что тебя там ждет, или знала это очень смутно. Больше того, тебя это несколько не беспокоило.

— Да меня это и сейчас несколько не беспокоит, Алеор, — пожала плечами гномиха. — Я же, в конце концов, согласилась на эту твою авантюру. И ты, оказывается, уже один раз там был, так что представляешь, с чем нам придется иметь дело. И я абсолютно ни на что не жалуясь. — Только вид у нее все равно был кислый.

— Алеор, а кто наш последний спутник? — прищурилась Рада, разглядывая эльфа. — И что он делает здесь? Тут же вообще никто не живет?

— О, это очень интересная личность, — улыбнулся Алеор, и в глазах его отразились языки огня. — Я бы даже сказал: легендарная, если бы о ней было широко известно. На самом деле, не слишком-то многие, кроме глав государств, конечно, знают его имя. О нем никогда не писали песен, не сочиняли мифов. Он объявлен в розыск во всех государствах Этлана Срединного: за мародерство и военные преступления, за кражу казны Бреготта около трехсот лет назад, за личное оскорбление Великого Жреца и даже за роман с женой одного из королей Мелонии, который после этого обзавелся еще одним, не слишком похожим на

него самого наследником.

— Кто это? — в голосе Кая слышался смех. Ильтонец приподнялся на локтях на своем одеяле и теперь с улыбкой разглядывал эльфа. — Не томи, Алеор, просто скажи.

— Какая разница? Его имя вам все равно ничего не скажет, да и его самого вы очень скоро увидите, — Алеор улыбнулся ему в ответ, и сейчас в лице его было что-то очень проказливое.

— Тогда хотя бы скажи, как ты с ним познакомился? — настойчиво заговорила Улыбашка. — Если никто его не знает, то откуда его знаешь ты?

— Мы встречались с ним несколько раз. Один раз из-за него я чуть не погиб, во второй раз он спас мою жизнь. Я и сам не знаю, кто он. На эльфа он не похож, а потому жить вечно не может, но впервые я встретил его семьсот лет назад, во второй раз — лет двести тому. Но сейчас он должен быть где-то здесь, здесь одно из его убежищ, в которых он обычно пережидает зиму. Так что нам осталось только найти его.

В рассказе эльфа было чересчур много всего неизвестного, гораздо больше вопросов, чем ответов. Рада только в затылке чесала. Не эльф, живущий больше семисот лет? Как такое вообще возможно? На память ей пришли все бессмертные расы, и она принялась перебирать их в голове, гадая, к какой может относиться этот их загадочный будущий спутник. Нимфы были бессмертны, но они вымерли две тысячи лет назад. Говорили, что Аватара Эллонор была последней нимфой Этлана. Были еще Орлы, но стал бы кто-то из них с крыльями за спиной прятаться среди заснеженного леса? Да и слишком приметны они были, чтобы слухи о таком мародере не пошли по всему Этлану. Говорили, что на Северном Материке, где-то в районе Тарна, жили тарваги — люди огня, но их никто никогда и в глаза не видел здесь. Остальные расы, которые считались Старыми, жили гораздо дольше людей, но никто из них не брал барьер в пять сотен лет, даже гномы, слывущие долгожителями. Так кем же был этот странный приятель Алеора?

Все следующие дни они шли сквозь заснеженный лес, и эльф искал следы последнего компаньона. Теперь уже и Рада внимательно приглядывалась к окружающим деревьям, пытаясь обнаружить хоть какие-то следы человеческого пребывания. Только вокруг на сотни километров не было ни души, и ничто не указывало на то, что здесь вообще где-то может находиться жильё.

Холода подступали все ближе. С каждым днем ветер становился холоднее и злее, с неба то и дело сыпались полные пригоршни колючих снежинок. Морозная зима заползала своими пальцами под теплую дубленку, и Рада ежилась на ветру, гадая, когда же они наконец обнаружат этого спутника и окажутся в тепле. Улыбашка с Лиарой целыми днями строили предположения, кем мог оказаться этот странный мародер, а Алеор только посмеивался в ответ и ничего не говорил.

А потом, когда она уже вообще перестала на что-либо надеяться, и думала лишь о том, как бы побыстрее оказаться в устроенном Каем жилище из снега возле теплого костра, Алеор нашел то, что искал.

Это было под вечер. Изодранные облака частично скрывали звезды, сквозь которые подглядывал за путниками тонкий огарок месяца. Кай уже начал подыскивать подходящую для ночлега полянку, а ноги гудели так, что Рада то и дело морщилась и нагибалась, чтобы растереть заледеневшие икры, не желающие продираться вперед через сугробы. Идущий впереди цепочки Алеор вдруг издал радостное восклицание и уверенно направился к ничем не примечательному выворотню, полностью укрытому толстой снежной шапкой.

— Ты нашел? — встрепенулась Улыбашка, лишь голова которой торчала над высокими снежными заносами, где траншею для нее протапывал Кай. — Я умоляю тебя, просто скажи, что это то, что мы искали! Потому что мои силы уже на исходе, скоро я задубею здесь, и вести тебя через горы будет некому!

— Нашел! — торжествующе отозвался эльф и принялся разгребать снег возле самого выворотня.

Забыв о гудящих ногах, Рада в два прыжка оказалась рядом с ним и тоже принялась помогать разгребать снег. Под сугробом обнаружилась промерзшая земля, усыпанная сухими прошлогодними листьями, из которой торчало громадное железное кольцо.

— А это еще что? — удивленно вскинул брови стоящий рядом с ними Кай.

— Схрон, — довольно отозвался эльф. — И в нем мы найдем Редлога.

Это имя ровным счетом ничего не говорило Раде, как и предполагал Алеор. Остальные спутники тоже недоуменно переглянулись, а эльф в этот момент уцепился за кольцо и рывком откинул прячущийся под снегом люк. Вниз в землю вели неровные, вырубленные ступени, оттуда пахло теплом, острым запахом, как из логова хищника, смешанного с ароматами сена и стряпни.

— Пошли. Только не пугайтесь и видите себя тихо. Его приятель очень нервный, — сообщил Алеор, едва сдерживая смех.

— Приятель? — нахмурилась Рада. — Какой приятель?

Но Алеор уже застучал сапогами по ступеням, пригибая голову, чтобы не врезаться лбом в потолок землянки, и Рада решительно направилась следом за ним.

Ступени вели неглубоко, и здесь стояла полная темнота и тишина. Квадрат слабого лунного света падал на пол, все остальное терялось в густой черноте подвала. Рада втянула носом воздух, чувствуя сладкий запах сена, с которым смешивалась вонь отбросов. Алеор стоял впереди нее, напряженный, словно готовый сорваться с места при первом же резком звуке.

— Что происходит? — шепотом спросила его она, но эльф лишь приложил палец к губам и молча указал вперед.

Глаза Рады из орбит полезли, когда она увидела в темноте не далее чем в десяти метрах впереди два круглых светящихся глаза. Они ловили скудный свет, падающий сквозь отверстие люка наверх, и отсвечивали желто-зеленым, маленькие, очень испуганные глаза со сжавшимся в росинку зрачком, расположенные на высоте человеческого роста.

— Не бойся, — тихо обратился Алеор к прятавшемуся в тених незнакомцу. — Мы не причиним вреда ни тебе, ни твоему хозяину. Мы просто хотим видеть его. Так что будь хорошим мальчиком, позови его.

— Что это, Алеор? — вновь зашипела Рада, и он нетерпеливым жестом приказал ей замолчать.

Глаза мигнули, их взгляд перетек им за спины. Рада обернулась, видя, как по ступеням спускается Лиара с Улыбашкой, а замыкал шествие Кай. Ильтонец высоко поднял руку, призвал Источник, и в его ладони загорелась сфера бледного света.

Рада обернулась. Свет залил все помещение, усыпанное какими-то мешками, тюками, разломанными коробками и прочей рухлядью. В конце помещения виднелся узкий черный лаз во тьму, возле него была навалена громадная куча сена, а над ней стоял на задних лапах бурый медведь, прижимая к груди бутылку с чем-то мутным внутри нее и в ужасе глядя на вошедших.

— Твою ж!.. — выдохнула за спиной Алеора Улыбашка.

— Не бойся! — Алеор вновь вытянул руку по направлению к медведю и успокаивающе проговорил: — Мы просто хотим...

В этот момент медведь издал оглушительный визг, прижал к груди бутылку и в ужасе бросился прочь на задних лапах, переваливаясь на ходу с боку на бок и вопя так, словно ему подпалили шкуру. Не прошло и мгновения, как он исчез в узком лазе, будто его и не было.

— Вы все-таки его напугали, — со вздохом проговорил Алеор, роняя руку. — Ну что ж, значит, по-хорошему не получится. Пошли.

===== Эпилог =====

Ледяные порывы ветра завывали где-то за окнами высокой башни, в которой отвели келью для Провидца. Зима бесновалась, рыча и пытаясь когтями проскрестись в щели в старых рассохшихся рамах. Она металась вверх и вниз по крутым лестницам твердыни Первого Жреца Мелонии вместе со сквозняками, гоня клубы пыли, тени далекого прошлого, сны обитателей башни, мечты, которым никогда не суждено было сбыться, страхи, что поджидали в укутанных темнотой углах. Зима набрасывалась на крытую черепицей крышу башни, стремительно крутила флюгер, остервенело швыряя в него пригоршни колкого снега, и тот душераздирающе скрипел, беспорядочно дрожа на основании и не указывая уже никакого конкретного направления. Тысячи ветров кружились над тонкой башней, торчащей в небо из седловины меж гор, на которой расположился Дер. Тысячи ветров с рычанием бросались грудью на башню, где в своей кровати тихо сидел Провидец, словно надеялись обрушить ее вместе с ним.

Постель была мягка, свет не горел. За окном слышался голос вьюги, и белые снежинки бились в стекло обезумевшими мухами. По полу, укрытому толстым шерстяным ковром, слегка тянуло сквозняком из-под толстой двери, запертой изнутри, чтобы никто не мешал ему. Обстановка комнаты была скромной: стул и стол, уставленный письменными принадлежностями, платяной шкаф для того нехитрого гардероба, что ему выдали для ношения, еще один большой книжный стеллаж, который Провидец попросил для себя сам. В сущности, ему не требовалось читать, потому что он больше не думал, но иногда это было приятно, а иногда — необходимо. Порой Марна скрывала себя в его сознании, сворачивала контакт, словно тугий бутон, и тогда Провидец оставался почти один, вечно ощущая ее присутствие, словно щекотку на грани сознания. Тогда обрывки ее видений или, может, ее снов, ее мыслей, текли через него не так ярко, как обычно, и чтобы понять их смысл, ему приходилось отыскивать ответы в книгах. Впрочем, человеческий язык был слишком скудным, слишком плоским, лишенным красок, цвета, запаха, не способным передать истинное знание, которое Провидец получал от Марны, так что и ответов в книгах он почти что и не находил.

Но сейчас он был так глубоко с ней, что никакие книги больше не интересовали его. Это всегда происходило одинаково: Марна Дева оборачивала к нему свой лик, и интенсивность ее присутствия становилась такой, что Провидец боялся пошевелиться под обжигающим лучом ее глаза. Все его существо замирало, на пределе своих сил пойманное в остекленевший янтарь, и он боялся вздохнуть, боялся пошевелиться, пристально вглядываясь ей в лицо, а потом открывая ей свое тело, чтобы мысли текли через него, не встречая препятствия.

Это было невероятно, ни на что в жизни не похоже, так хорошо, что он мог бы вечность просидеть, пропуская через себя ее видение. Его сознание становилось прозрачным, будто

вода, спокойная, кристально чистая вода в горной купели, которую не тревожила не единая черточка ряби. И в этой воде, словно солнце, проникающее до самого дна, отражался взгляд Марны. Он прогревал воду до дна, точно так же, как и солнечные лучи, напаивающие своим теплом каплю дождя. И капля нежилась в его пронзительном золоте, так нежился и Провидец, открываясь Марне целиком.

Сознание утекало из тела, его глаза стекленели, он переставал видеть, как раньше. В такие моменты он видел иначе, будто вся вечность скручивалась в тугую спираль в самом центре его зрачка, будто все его существо расширилось так, чтобы вместить в себя все время и пространство, все видимое и невидимое, то, что было, есть, будет, то, что только может быть, и даже то, что никогда не случится. Он становился огромен, больше мира всего, миром всем, самым собой в этом мире. Он становился Марной Девой, чьи тонкие пальцы тянули и тянули из золотистой кудели душ и веков Нити Судеб.

Провидец видел низ. Неподатливую черную землю, безразличную, тупую, тихую, полную камней и молчания, землю, что с таким трудом, с таким надрывом и нежностью матери, так долго ожидающей свое дитя, так молящей о нем, обнимала крохотное семя, вскармливая его в ковше своих ладоней. И это семя, безрассудное и сильное, с нахальным упорством безответственной юности прорывало ее саднящую грудь, стремясь к небу. Оно набиралось соков, напитывалось солнечными лучами, оно росло и матерело, высасывая все силы, всю жизнь из иссохшей груди своей матери только затем, чтобы однажды сила его матери передалась дальше, чтобы точно так же быть съеденным и выработанным до самой последней капли.

На тонких ногах, грациозная и легкая, вскидывая тонкую шею, подходила к нему лань. И ее теплые мягкие губы объедали до самого основания то, что было рождено с таким трудом, то, что так тянулось к небу, так стремилось. Потом лань срывалась с места, высоко выталкивая тело длинными ногами. Она неслась вперед по бескрайним лугам, топча длинными тонкими копытцами прорастающие из земли травы, и в самой верхней точке ее длинного прыжка в небо лань сбивала стрела. И охотник свеживал тушу ножом, а потом нес мясо своей жене, и это мясо хранило ту самую искру, ту первую нежность, которой мать-земля окружала съеденное ланью семя.

Жена охотника варила в большом чане суп из того мяса, разливая его ковшом всем своим детям, и Провидец видел, как они ели все вместе у одного большого стола, разговаривали и смеялись, как они делились теплом, беззаботные и счастливые, не подозревая о том, что искра в их груди пылала так ярко только из-за первого семени, вскормленного землей. И от них самих вверх тянулись их Нити. Они тянулись вверх через размытый, расплывчатый мир за Гранью, на которой сплетается душа и тело, через мир голодных, прожорливых черных теней, вечно открытых зевов жадности, которые так любят пить золотой нектар людских душ, к миру теней более светлых, сияющих, теней, что были уже не тенями, а чем-то большим. Нити тянулись еще выше, утончаясь и становясь легче, прозрачнее, будто паутинка, усыпанная крохотными каплями росы, тянулись туда, где сам воздух был тонок и наполнен благоуханием, где этот воздух был самым сиянием света, где росли прекрасные сады, и в них бродили существа в белых одеждах с незамутненным взором, вечно радостные, вечно спокойные, вечно живущие и ни к чему не питающие интереса, совершенные в своей власти. Нити тянулись еще выше, становясь совсем тонкими, едва видимыми, сквозь голубой небосвод, полный золотого солнца, растворяясь где-то там, откуда из золотой облачной кудели вытаскивали пряжу тонкие пальцы Марны Девы.

Марна смотрела иначе, и Провидец смотрел вместе с ней. Он видел, как велика разница, как страшна пропасть. Там, внизу, в этой темной материи, с таким трудом помогающей семени прорасти, в этой мучительной жизни, вечно пожирающей саму себя, чтобы жить, там внизу был зов, надрывный плач, бесконечный крик, направленный к прозрачному небу. Там, где все умирало, чтобы вновь возродиться, чтобы бесконечно шагать и шагать вперед через одни и те же дороги, дыша одним и тем же воздухом, поедая одно и то же семя и после смерти становясь им, там рождалась искра, одна жгучая капля пламени, ослепительная, будто собранные воедино миллиарды звезд. И эта искра кричала, она кричала до хрипоты, до сорванного горла, кричала всей своей душой, моля небеса об избавлении. И на этот крик слетались лишь голодные прожорливые тени, жадно приныкая к ней мокрыми ртами и продолжая высасывать это чистое, это искреннее.

Но крик не глух, он не мог заглухнуть, ибо он был громче, чем поступь эпох, громче всех фанфар всех королей, которых безжалостно перемалывало своими громадными шестеренками время. Крик прорывался дальше, вверх, к чудесным садам, к ушам тех, кто сотворил всю эту грязь, или думал так, тех, кто был поставлен править над ней, или думал так. Но они не слышали этой боли или не желали слышать ее, они отвечали на нее по одному только порыву своей капризной воли или не отвечали. И ответ, который они давали, никогда не был тем ответом, что был нужен. Или тот, кто его слышал, был не в состоянии разобрать слова. Или тот, кто его давал, не понимал, что от него хотели. И все это составляло одно единственное колесо, кровавое, тяжелое, скрипящее, колесо огня, что медленно крутилось и крутилось без начала и конца, перемалывая своими оборотами все, обращая в пыль все, даже само время.

Но крик не исчез в этой пустоте, в этой толще кровавой пыли, что толклась и толклась бесконечно. Он пробился сквозь все, сквозь голодную ярость алчных сил, сквозь равнодушие богов, сквозь тишину безразличия голубой шири, из которой все родилось. Он пробился еще выше, еще дальше, золотой стрелой вонзаясь в вечность, требовательный, как закон, непреложный, как воля. Потому что так должно было быть, потому что так было предопределено. Потому что ничто не рождается для того, чтобы умереть, потому что ничто никогда не кончается, но лишь поднимается выше бесконечно, чтобы однажды взглянуть самому себе в глаза и увидеть в них бесконечное возвращение и высоты еще более дальние, еще более прекрасные. Так цветет на земле первое семя.

И тогда на крик был получен Ответ. Провидец видел его, видел, как тонкие пальцы Марн сплетают нить за нитью, прядут беду и боль, несчастье, смерть, страх и отчаянье, прядут силки, которые удавят настолько, паутину, что свяжет так крепко, что не останется выхода. И красота первого вздоха хлынет вниз ослепительным дождем, и мир напьется им, словно медом, и вспыхнет россыпями алмазных капелек дождя на омытых листьях под лучами рассветного солнца.

Провидец видел, что стало Ответом. Из бескрайней шири, столь ослепительно белой, что больно было смотреть, столь густо синей, что хотелось плакать, вниз сорвалась одна золотая капля. Она падала все быстрее и быстрее, в полете разделившись на две крохотных капельки, которые закружились друг вокруг друга спиралью, разгоняясь все больше, превращаясь в огненную комету, в раскаленный шар первородного пламени, летящего вниз, чтобы ухнуть в черную неподатливую тьму материи, чтобы всколыхнуть все и разбить на куски кровавое колесо...

В бездвижных черных зрачках Провидца, в третьем зрачке, открытом прямо посреди его

Лба, в полной темноте густой зимней ночи сверху вниз мелькнула ослепительная золотая стрела, падающей звездой прочертив их пополам.

— Скоро, — едва слышно прошептали губы Марны Девы. — Скоро.

Больше книг на сайте - Knigolub.net